Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. VII [XXII] nr. 1

2013

MUZEUL NAŢIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. VII [XXII] nr. 1

Chişinău
2013

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacţie
Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacţie: dr. Aurel Zanoci
Redactori: Vlad Pohilă, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iaşi); dr. Ana Boldureanu (Chişinău); dr. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. Maria Danilov (Chişinău); dr. hab. Ion Eremia (Chişinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. Elke Kaiser (Berlin); dr. Maia Kašuba (Chişinău); dr. Igor Manzura (Chişinău); dr. Eugen Nicolae (Bucureşti); dr. hab. Ion Niculiţă (Chişinău); dr. Virgil Nițulescu (Bucureşti); dr. hab. Elena Ploşniţă (Chişinău); dr. Elena Postică (Chişinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chişinău); dr. Ion Tentiuc (Chişinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chişinău); dr. Victor Trifonov (Sankt Petersburg); dr. Lilia Zabolotnaia.

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialişti în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărţile şi revistele pentru schimb, precum şi orice corespondenţă se vor trimite pe adresa Colegiului de redacţie al „Tyragetiei”: *Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Tyragetia”: *Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

© Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen inponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Elena Izbitser
The Royal Cemetery at Ur and Early Wheels (Necropola regală de la Ur şi construcţia roţilor antice) ... 9

Любовь Клочко
Типы декоративных элементов в оформлении головных уборов скифянок (Types of decorative elements in headwear of the Scythian women) 19

Vasile Iarmulschi
Unele consideraţii privind cronologia şi periodizarea culturii Poieneşti-Lucaşeuca (Einige Überlegungen bezüglich der Chronologie und Periodisierung der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur) 29

II. Materiale şi cercetări (Papers and surveys)

Николай Анисюткин, Сергей Коваленко, Алиса Ларионова, Александр Очередной, Ксения Степанова, Андрей Чепалыга
Предварительные итоги междисциплинарных исследований многослойной стоянки раннего палеолита Байраки в Приднестровье в 2011-2012 годах (Preliminary results of interdisciplinary research of the Early Paleolithic multilayered site of Bairaki in Transnistria in 2011-2012) 53

Mădălin-Cornel Văleanu, Luminiţa Bejenaru, Serghei Covalenco, Ion Tentiuc, Vitalie Burlacu, Codrin Lacătuşu
Date preliminare asupra mormântului de copil descoperit în staţiunea paleolitică de la Cosăuţi (Republica Moldova) (Preliminary data on a child's grave discovered in the Paleolithic site of Cosăuţi (Republic of Moldova) 69

Mihaela-Maria Barbu
Industria litică cioplită din aşezarea eneolitică de la Şoimuş 2 – *Lângă sat* (L'industrie lithique taillée d'habitat énéolithique de Şoimuş 2 - *Lângă sat*) 75

Михаил Видейко, Джон Чапмен, Биссерка Гейдарская, Наталья Бурдо, Эдуард Овчинников, Галина Пашкевич, Наталья Шевченко
Исследования мегаструктуры на поселении трипольской культуры у с. Небелевка в 2012 году (Investigations of a mega-structure at the Trypillian culture settlement near Nebelivka in 2012) 97

Mariana Vasilache
Aşezări cucuteniene în spaţiul pruto-nistrean (etapa Cucuteni A - Tripolie BI). Aspecte din istoricul cercetărilor (Établissements cucuteniens dans l'espace d'entre Prut et Dniestre (étape Cucuteni A- Tripolie BI). Aspects de l'histoire de la recherche) 125

Наталия Бурдо
Следы ритуальной практики на крупном трипольском поселении Майданецкое (Traces of the ritual practice at a large Trypillian culture settlement near Maydanetske) 133

Eugen Mistreanu
O nouă aşezare a culturii Gumelniţa de la Chioselia Mare, raionul Cahul, Republica Moldova (A new settlement of the Gumelniţa culture from Chioselia Mare village, Cahul District) 145

Николай Руссев, Михаил Фокеев, Игорь Манзура
Курган энеолита-бронзы у с. Суворово Одесской области (Barrow of the Copper and Bronze Ages near the Village of Suvorovo, Odessa County) 157

Mariana Sîrbu
Piese litice descoperite în aşezările culturilor Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean (Stone objects found in the settlements of Noua-Sabatinovka cultures in the Prut-Dniester area)..... 163

Станислав Черна, Денис Топал
Два новых клада и единичные находки металлических изделий эпохи бронзы - раннего гальштатта с территории Республики Молдова (Two new hoards and several solitary finds of metal items of the Bronze Age - Early Hallstatt periods in the territory of Republic of Moldova) 189

Mariana Sîrbu
Depozitul din perioada tardivă a epocii bronzului descoperit în împrejurimile comunei Antoneşti, raionul Cantemir, Republica Moldova (The hoard of the late Bronze Age from the village of Antoneşti (the Cantemir District, Republic of Moldova) 205

Ion Niculiţă, Aurel Zanoci, Mihail Băţ, Sergiu Matveev
Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2012) (II) (Archaeological research on the site of Saharna Mare (2009-2012) (II) 219

Natalia Mateevici
Amforă de Chios de la Dubăsari (o nouă achiziţie a MNIM) (Amphora from Chios found in Dubăsari (new object in the collections of NMHM)..... 293

Николай Тельнов, Виталий Синика
Гетское погребение на левобережье Днестра и некоторые проблемы фракийского погребального обряда (The Getae burial on the left bank of the Dniester and some problems of the Thracian burial practice) 297

Octavian Munteanu
Etapele de edificare ale fortificaţiei de la Horodca Mică (Les etapes d'édification de la fortification de Horodca Mică)..... 311

Alexandru Levinschi, Ivan Vlasenco
Înmormântarea getică prin incineraţie din aşezarea medievală Poiana I (The Getae burial with cremation at the medieval settlement of Poiana I)..... 329

Elena Fialko, Yurii Boltryk
Textiles from Scythian burial complexes (Pânza din complexele funerare scitice)..... 335

Игорь Сапожников
Новые картографические материалы по древним валам Буджака (New cartographic materials on the ancient ramparts of Budzhak)..... 345

Кирилл Мызгин
Римские монеты на территории днепровского лесостепного левобережья: общая характеристика, особенности распространения и основные проблемы изучения (Roman coins in the forest-steppe on left bank of the Dnieper: general characteristics, distribution and major problems in the study) 355

Aydogdy Kurbanov
The hephthalite numismatics (Materiale numismatice referitoare la eftaliţi) 369

Владимир Ситник, Валентин Лебедев
Неизданные и редкие пулы золотой орды с городища Нижний Джулат (Северный Кавказ) (Unpublished and rare coins of the Golden Horde from the site of Nizhny Dzhulat (North Caucasus)..... 381

Alexandru Levinschi, Eugen Sava
The military camp of Charles XII at Varniţa near the Bender Fortress (Tabăra militară a lui Carol al XII-lea în satul Varniţa de lângă cetatea Bender) 389

Ana Boldureanu
Cronica descoperirilor monetare (VII) (Chronicle of monetary findings (VII) 397

III. Discuţii (Discussions)

Pavel Kosintsev, Pavel Kuznetsov
Comment on "The Earliest Horse Harnessing and Milking" (Comentarii la articolul „Folosirea străveche a calului şi mulsul") 405

Natalia Mateevici
Reflecţii asupra unor afirmaţii privind răspândirea amforelor greceşti în mediul getic (About some assertions on the spread of Greek amphorae in the Getae world) 409

IV. Recenzii şi prezentări de carte (Paper and book review)

Tudor Soroceanu, Die Kupfer- und Bronzedepots der frühen und mittleren Bronzezeit in Rumänien/ Depozitele de obiecte din cupru şi bronz din România. Epoca timpurie şi mijlocie a bronzului, 5 Archaeologia Romanica (Hrsg. R. Harhoiu, S. Hansen, C. Gaiu), (Cluj-Napoca-Bistriţa: Ed. Accent), 2012, 292 pagini, 72 planşe, ISBN 978-606-561-064-4 (*Andrei Nicic*) 421

Liviu Marta, The late Bronze Age Settlements of Petea - Csengersima, Satu Mare: Editura Muzeului Sătmărean, 2009, 239 pagini, 29 figuri, 8 planşe tipologice, 66 planşe, ISBN 978-973-1843-31-5 (*Livia Sîrbu*) 423

Lista abrevierilor (List of abbreviation) 429

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia" 432

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal 433

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 434

THE ROYAL CEMETERY AT UR AND EARLY WHEELS[1]

Elena Izbitser

The Ur excavations led by C. Leonard Woolley revealed several types of remarkable evidence on the existence of wheeled transport in the 3rd millennium BC: an image of a two-wheeled wagon[2] on a stone plaque (fig. 1), representations of four-wheeled wagons on the "War" side of the mosaic "Standard" (fig. 2), and the remains of actual four-wheeled wagons in two graves (fig. 3). Besides being spectacular, these finds became one of the main sources on construction of early wheeled vehicles, and wheels in particular. While a question whether "actual wagons were of exactly the same type as that documented on representations" has been raised (Littauer, Crouwel 1979, 16), there is no doubt that the wheels of actual wagons found at Ur were constructed in the same way as depicted: tripartite, with the central plank being lentoid in shape and two flanking crescents, where all parts were held together with external bonding slats (Smolian 1964, 4; Littauer, Crouwel 1979, 18). Indeed, this type of construction is shown on the stone plaque and, with some variations, on the wheels of several wagons of the "Standard".

Fig. 1. Fragment of a stone plaque. Ur (after Woolley 1934, plate 181b).

The misconception that actual wheels were constructed in the way they are represented on the objects arose from Woolley's assurances that he discovered such wheels in two graves. But did he observed such a construction in the impressions in the soil? According to Woolley, the wheels in PG 789 "were of solid wood, apparently made up of three pieces" (Woolley 1934, 64); in PG 1232, the wheel "was made of three pieces of wood – distinguishable by the grain – and there were faint but unmistakable marks of the binding which had held them together, three close-set vertical marks on each side of the axle" (Woolley 1934, 108).

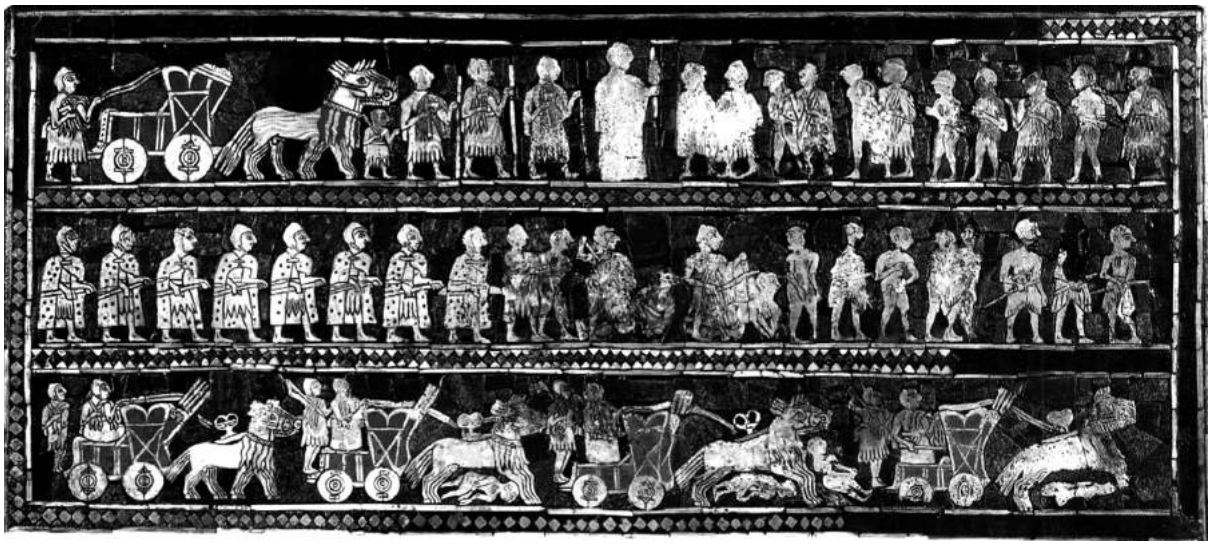


Fig. 2. The "War" panel of the "Standard". Ur (after Woolley 1934, plate 92).

[1] I want to thank Igor N. Anfimov, Dr. Pascal Butterlin, Dr. Ivan I. Marchenko and Dr. Natalia Yu. Limberis for their kind permission to use their materials in this publication.

[2] The general term "wagon" is used here regardless of a vehicle's function.

a *b* *c*

Fig. 3. Wheels in PG 789 (a-b) and PG 1232 (c) (after Woolley 1934, plates 33, 62a).

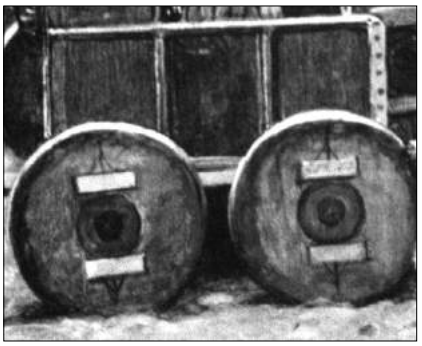


Fig. 4. Wagon in the "Reconstruction of the Scene in the Death-Pit" (after Woolley 1934, plate 30).

Fig. 5. Wagon in the top register of the "Standard".

a *b*

Fig. 6. Wagons in the lower register of the "Standard" (first and second from the left).

Unfortunately, Woolley did not provide a more detailed description of the construction or its scheme which would clarify the shape of these three pieces. It is not known if he saw the imprints of the three parts or, due to the fact that in PG 1232 a wooden nave (or "felloe" as he described it) during the cleaning works "fell off before the photograph was taken" (Woolley 1934, 109) regarded it as one separate part and assumed that two others would flank it. Judging by the illustration "A Reconstruction of the Scene in the Death-Pit" by A. Forestier included Woolley in his publication of the Ur excavations, Woolley believed that actual wheels had a construction identical to the one represented in the "Standard" (Woolley 1934, plate 30) (fig. 4). But such multi-part construction is not possible in actual wheels, besides, the wagons of the "Standard" display three variants of the central part of the wheel construction. The first variant is where the wheels have a round nave, external bonding slats divided in two with a line beneath and over the nave, and triangles terminating the pattern that are also divided in two with a line. Such a construction is seen in the wagon of the top register, the utmost-left wagon of the lower register, and, possibly, the badly preserved utmost-right wagon of the lower register (fig. 5, 6/a). The second

Fig. 7. Wagon in the lower register of the "Standard" (third from the left).

variant – the wheels of the third wagon from the left where the terminating triangles do not have the dividing line (fig. 7). The third variant is visible on the wagon of the lower register, second from the left, where the figure is lacking the triangles over/beneath the bonding slats (fig. 6/b). The fact that Woolley chose one of these variants (the first one) raises doubts that the imprints in soil left by the wheels in Ur graves reflected their construction, or they were correctly interpreted. The contemporary tripartite wheels from Susa had the straight-sided central plank (fig. 8), as did the more earlier wheels from Mari (fig. 9).

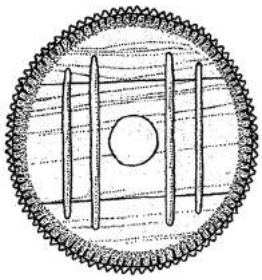


Fig. 8. Wheel, Susa (after Littauer, Crouwel 1979, fig. 5).

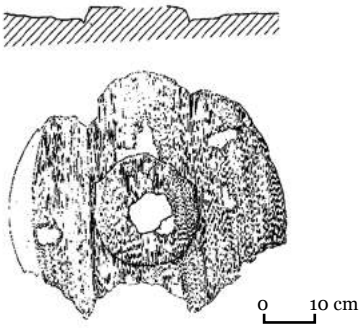


Fig. 9. Wheel, Mari (after Butterlin, Margueron 2006, fig. 3).

This gives us reason to believe that the wheels of the wagons from PG 789 and PG 1232 were of the same construction.

On the whole, the representations of the wheels on the "Standard" repeat the wheel construction shown on the stone plaque but in a misshapen way: the lentoid center clearly outlined on the plaque is changed on the "Standard"; a pair of external slats, on each side of the nave, though divided with a line, became one. Such differences could be explained by the inlay technique but the same picture also offers representations of wheels cut on shell inlays from Mari, where there are images of wheels with the lentoid figure in the centre and variants of its imitation (fig. 10/a-f).

The stone plaque from Ur is dated to the Early Dynastic II period (ca. 2650-2550) (Art 2003); the graves of the Royal Cemetery at Ur contain-

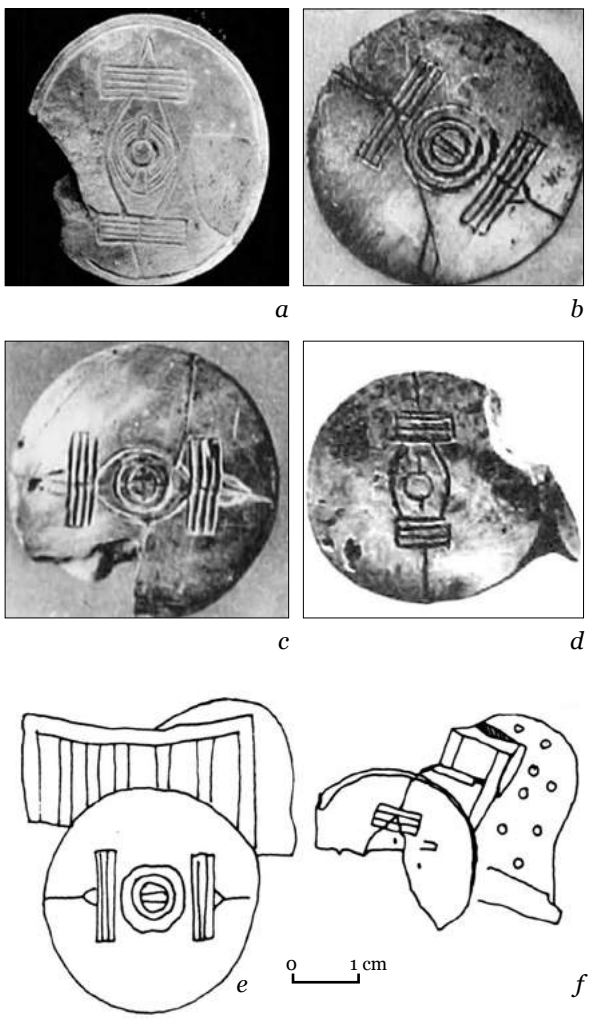


Fig. 10. Wheel images (shell inlays), Mari (*a* - after Parrot 1971, fig. 10), *(b-f* - after Parrot 1967, pl. LXV/2462-2464; fig. 262/2465, 2598; 2466).

Fig. 11. Fragment of a stone plaque. Khafajeh (after Boese 1971, Taf. VIII).

ing the "Standard" and wagons – to the Early Dynastic IIIa period (ca. 2550-2400) (Zettler 1998, 22); inlays from Mari – ca. 2550-2250 (Margueron 2003). The actual tripartite disk wheels are dated: from Mari – to the Early Dynastic I period (ca. 2900-2800 B.C.) (Butterlin, Margueron 2006, 317), and from Susa – to the Early Dynastic IIIa period (ca. 2550-2400 B.C.) (Piggott 1968, 270). The discrepancy in the representation of wheel construction with the lentoid central piece, while the contemporary and even earlier actual wheels had a straight-sided central plank, indicates that the artisans making the mosaic panels in Ur and Mari did not see any wheels with the lentoid construction – by the time the panels were made such wheels were not being used anymore.

The lentoid shape of the central part of the wheel, however, continued to be depicted occasionally on various objects throughout the 3rd millennium B.C. They include stone plaques of the Early Dynastic II (fig.1, 11); model wheels of the Akkadian (fig. 12/a-c), the end of the Ur III (fig.12/d), and even the Isin-Larsa periods (Neufang, Pruss 1994, 169, Fund-Nr. 85Q619); and seals. According to the classification of wagon scenes in the Early Dynastic glyptic made by G. Jans and J. Bretschnider, wagons with such wheels (though not mentioned as a criterion but clearly indicated in schematic drawings) included in types (type 1a, four-wheeled; type 5, two-wheeled) that are depicted in a military context, though connected to ceremonial and mythological scenes (Jans, Bretschnider 1998, 160-162, 184, fig. 10). The images of wheels having a lentoid figure in the center seen on an Akkadian seal also belong to a wagon included alongside mythological figures (fig. 13). The representations of wagons are not rare in glyptic (Mattews 1997; Jans, Bretschnider 2011, 77-82, pl. 27) but out of a series of contemporary seals with wagon scenes from various sites, few exemplars bear the images of wheels with a lentoid central piece when craftsmen imitated them

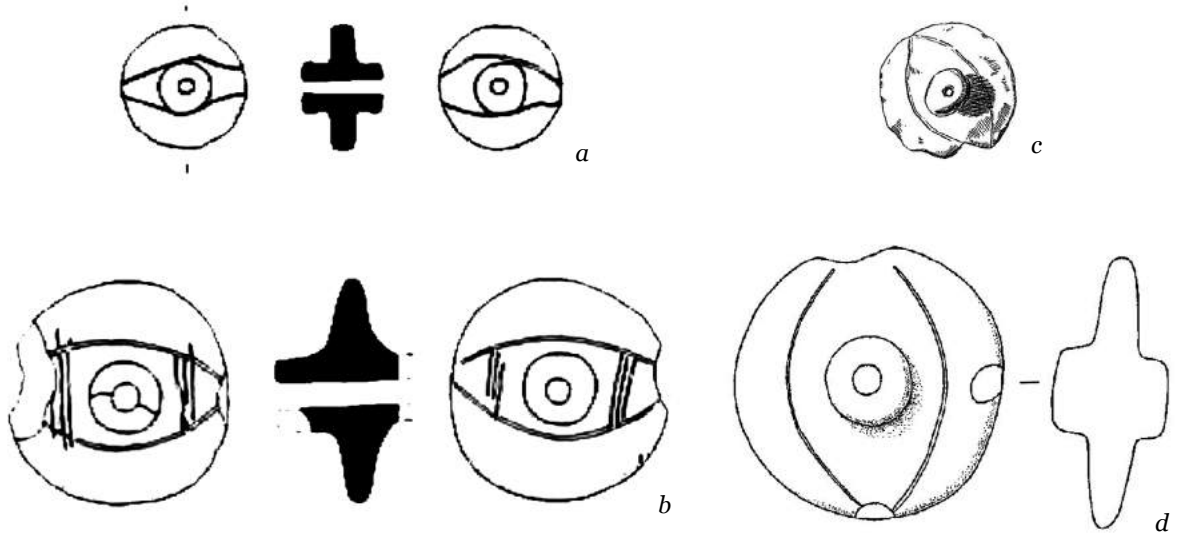


Fig. 12. Clay model wheels. *a-b* - Tell Brak (after Oates et al. 2001 488/36, 39), *c* - Chagar Bazar (after Mallowan 1936, fig. 6/8); *d* - Tell Halawa A (after Neufang, Pruß 1994, Abb. 52/114); *a* - d=4 cm; *b* - d=7,1 cm; *c* - d=3,5 cm; *d* - d=10,5 cm.

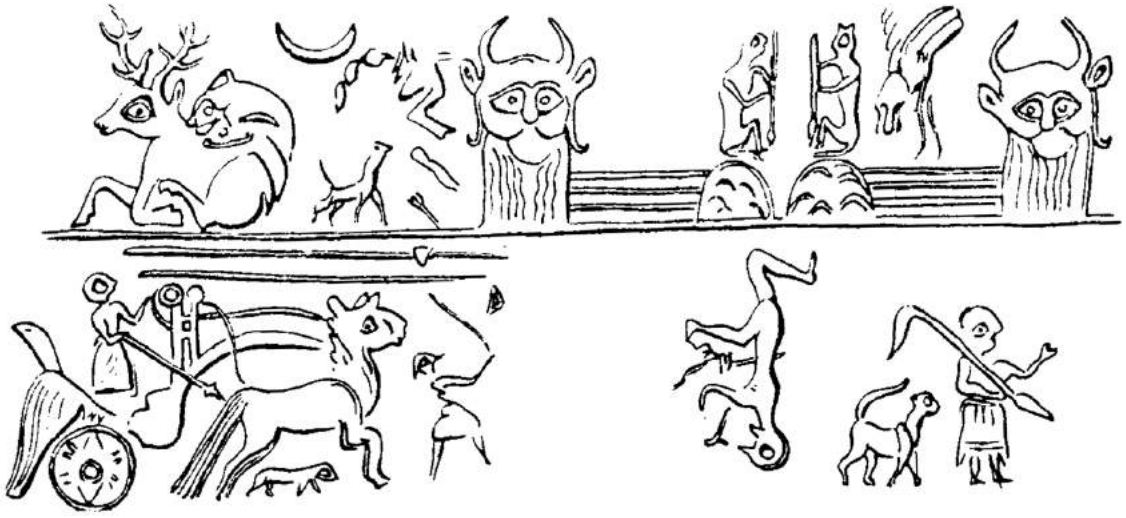


Fig. 13. Cylinder seal impression. Ur (after Amiet 1980, pl. 96/1260).

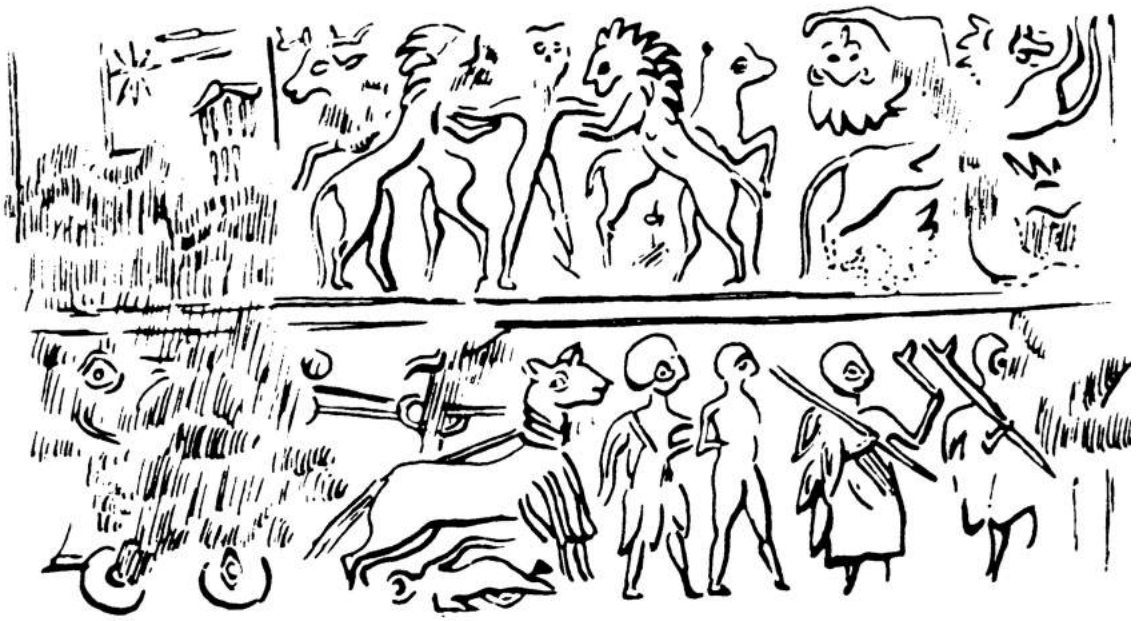


Fig. 14. Cylinder seal impression. Ur (after Amiet 1980, pl. 92/1216).

from the more ancient objects during the Jemdet Nasr (fig.16), the Early Dynastic III (fig. 14, 15), and the Akkadian periods.

The tripartite wheels with the lentoid central plank represent a more ancient construction than the archaeologically proven tripartite wheels with a straight-sided central plank[3]. The kurgan graves

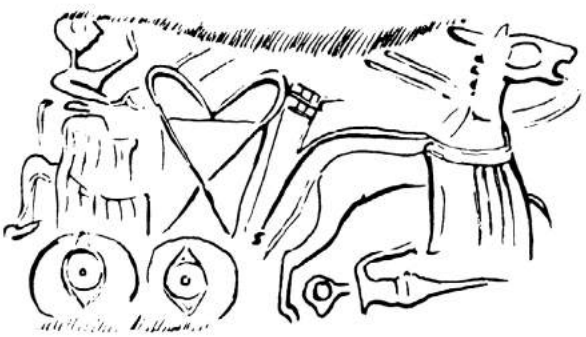


Fig. 15. Cylinder seal impression. Mesopotamia (after Amiet 1980, pl. 92/1215).

[3] S. Piggott noted that all actual wheels had the straight edges and only certain representations show wheels with the lentoid central part. Referencing A. Salonen's work on terminology regarding wheeled transport, Piggott seemed to accept the lentoid-shaped central piece as a variant of construction (Piggott 1968, 270). But terms given by A. Salonen are out of context (Salonen 1954, 116-117) that is crucial for our subject.

Fig. 16. Cylinder seal impression (detail). Mesopotamia (after Littauer, Crouwel 1979, fig. 13).

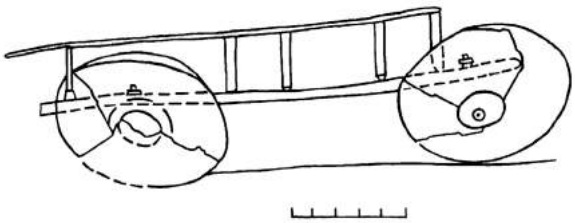


Fig. 17. Drawing of a plaster cast of a wagon. The Novotitarovskaya culture, the Kuban River region (after Анфимов 1986).

Fig. 18. Remains of a wooden wagon. The Novotitarovksaya culture, the Kuban River region (courtesy of I.I. Marchenko and N.Yu. Limberis).

accompanied by actual wagons in the North Caucasus are dated to the turn of the 4th-3rd millennium BC, and the tripartite wheels of the wagons were already made with the straight-sided central plank; their planks were now held together by internal dowelling, while external binding were continued to be applied in the Near East[4]. The appearance of wheeled vehicles on the steppe territory is connected to the bearers of the Maikop culture, whose contacts with the Near Eastern regions have been traced from the first half of the 4th millennium BC (Trifonov 2004, 170-173). The earliest European evidence indicating the existence of wheeled vehicles there in the second half of the 4th millennium BC – the vessel from Bronocice with wagon images (Bakker et al. 1999) and groves in the Flintbek burial interpreted as traces left by a hypothetical wagon (Mischka 2011) – cannot be treated as the ones that preceded the Near Eastern evidence.

Wheel construction was one of the main arguments in the chronological scheme on the origin and diffusion of the wheeled vehicles from Mesopotamia offered by Gordon Childe in the 1950s. Though the chronology has changed for some of the evidence included in his scheme, and new data has become available, the wheel construction constitutes the bases for the solution of the old problem on time and place of the invention of the wheel. And presently, only the territory of the Near East provides evidence on its development.

The diffusion/spread of the wheel in the Old World were not probably as rapid as it might follow from the dates of the European evidence, a view that many scholars share. Taking into account that tripartite wheels with the straight-sided central piece had been already in use by the end of the 4th millennium B.C.; that a certain period of time was needed for the development of the wheel construction – the tripartite disk "is not the simplest or most obvious way of making a wheel," as Gordon Childe noted (Childe 1954, 2); and that, as M. Littauer and J. Crouwel assumed, first wheels supposedly were made out of single plank, with the successive tripartite-disk construction (Littauer, Crouwel 1979, 18), the invention of the wheel should be dated back no later than to the beginning of the 4th millennium BC.

[4] The data from the North Caucasus graves offers an answer to the issue whether the Ur wheels had the separate nave or it was cut from the central plank (Piggott 1968, 270; Crouwel 2004, 70). Judging on the description of wheels in the "Standard" given by Woolley, "solid wheels built up of two semicircles of wood fastened together by cross tenons with projecting hubs through which comes the axle-end" (Woolley 1934, 269), he might assume the inserted nave. The holes left at the places of naves could support this suggestion. However, the field examples from the North Caucasus, where wheels had the naves cut together with the central plank, indicate that holes equaled to the diameter of the base of the nave were a result of the millennia-long pressure from the soil and wood preservation (fig. 17, 18).

Bibliography

Amiet 1980: P. Amiet, La glyptique mésopotamienne archaïque (Paris 1980).

Art 2003: Art of the First Cities. The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus. (Ed. Joan Aruz, Ronald Wallenfels) (New York-New Haven-London 2003).

Bakker et al. 1999: J.A. Kruk, A.E. Lanting, S. Milisauskas, The earliest evidence of wheeled vehicles in Europe and the Near East. Antiquity 73, 1999, 778-790.

Boese 1971: J. Boese, Altmesopotamische Weihplaten. Eine sumerische Denkmalsgattung des 3. Jahrtausends v. Chr. (Berlin-New York 1971).

Butterlin, Margueron 2006: P. Butterlin, J-C. Margueron. Deux rou Margueron es à Mari et le problème de l'invention de la roué en Mésopotamie. In: (Dir. Pétrequin et al.) Premiers chariots, premiers araires, la diffusion de la traction animale en Europe pendant les IVe et IIIe millénaires avant notre ère, CRA, 29 (Paris 2006), 317-328.

Childe 1954: V.G. Childe, The diffusion of wheeled vehicles. Ethnographisch-Archäologische Forschungen 2, 1954, 1-17.

Crouwel 2004: J.H. Crouwel, Der Alte Orient und seine Rolle in der Entwicklung von Fahrzeugen. In: (Ed. M. Fansa, S. Burmeister) Rad and Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa (Mainz 2004), 69-86.

Jans, Bretschneider 1998: G. Jans, J. Bretschneider, with a contribution of W. Sallaberger, Wagon representations in the Early Dynastic glyptic: "They came to Tell Beydar with wagon and equid". Subartu IV/2, 1998, 155-194.

Jans, Bretschneider 2011: G. Jans, J. Bretschneider, The Seals and Sealings of Tell Beydar/Nabada (seasons 1995-2001): a progress report. Beydar monographs 1, Subartu XXVII, 2011.

Littauer, Crouwel 1979: M.A. Littauer and J.H. Crouwel, Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East (Leiden 1979).

Mallowan 1936: M.E.L. Mallowan, The Excavations at Tell Chagar Bazar, and archaeological survey of the Habur Region, 1934-1935. Iraq 3, 1936, 1-59, 61-85.

Matthews 1997: D. M. Matthews, The Early Glyptic of Tell Brak: Cylinder Seals of Third Millennium. Syria Orbis Biblicus et Orientalis. Series Archaeologica 15 (Fribour - Gottingen 1997).

Mischka 2011: D. Mischka, The Neolithic burial sequence at Flintbek LA 3, north Germany, and its cart tracks: a precise chronology. Antiquity 85, 2011, 742-758.

Margueron 2003: J.-C. Margueron, Mari and the Syro-Mesopotamian world. In: Ed. J. Aruz, R. Wallenfels) Art of the First Cities. The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus. ((New York-New Haven-London 2003), 135-138.

Neufang, Pruβ 1994: B. Neufang und A. Pruβ, Wagenmodelle. In: J.-W. Meyer, A. Pruβ, Die Kleinfunde von Tell Halawa A. Ausgrabungen in Halawa 2. Schriften zur vorderasiatischen Archäologie 6 (Saarbrücken 1994), 156-180.

Oates et al. 2001: D. Oates, J. Oates, H. McDonald, The Excavations at Tell Brak 2: Nagar in the Third Millennium BC. (London 2001).

Parrot 1967: A. Parrot, Les temples d'Ishtarat et de Ninni-zaza. Mission archéologique de Mari, t. 3 (Paris 1967).

Parrot 1971: A. Parrot, Les fouilles de Mari. Dix-neuvième campagne (printemps 1971). Syria. Tome 48, fascicule 3-4, 1971, 253-270.

Piggott 1968: S. Piggott, The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence. Proceedings of the Prehistoric Society, 34, 1968, 266-318.

Salonen 1951: A. Salonen, Die Landfahrzeuge des Alten Mesopotamien nach sumerisch-akkadischen Quellen. Suomalaisen Tiedeakatemian toimituksia. Sarja B; nide 72,3. (Helsinki 1951).

Smolian 1964: J. Smolean, Studien zur Enstehung und Ausbreigung des Wagens. Ethnographisch-archäologische Zeitschrift 5, 1964, 1-38.

Trifonov 2004: V.A. Trifonov, Die Majkop-Kulture und die ersten Wagen in der südrussischen Steppe. In: (Ed. M. Fansa, S. Burmeister) Rad and Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa (Mainz 2004), 167-176.

Woolley 1934: C.L. Woolley, The Royal cemetery. A Report on the Predynastic and Sargonid Graves Excavated between 1926 and 1931. Ur Excavation Reports, 2 (London and Philadelphia 1934).

Zettler 1998: R.L. Zettler, The Royal Cemetery of Ur. In: (Eds. R.L. Zettler, L. Richard, Lee Horne) Treasures from the Royal Tombs of Ur (Philadelphia 1998), 21-31.

Анфимов 1986: И.Н. Анфимов, Отчет о раскопках курганов на землях колхоза им. М. Калинина в Красноармейском районе Краснодарского края в 1986 г. НА ИА РАН, Р-1 12478.

Necropola regală de la Ur şi construcţia roţilor antice

Rezumat

În baza analizei construcţiei roţilor din necropola regală de la Ur – fragmentul unei plăci din piatră, „Stindardul" mozaic, roţile de la car din înmormântări –, precum şi a descoperirilor atestate la alte monumente arheologice, autoarea ajunge la concluzia că, în Orientul Antic, roţile tripartite cu partea centrală în formă de lentilă nu mai erau utilizate către cumpăna mileniilor IV-III a. Chr. În perioada când erau folosite deja roţile tripartite cu centrul rectangular, cele cu nucleul în formă de lentilă continuau să fie redate pe ştampile şi plăci votive, copiind, astfel, exemplarele mai vechi.

Roţile de car de la cumpăna mileniilor IV-III a. Chr., descoperite în mormintele tumulare din stepele ponto-caspice aveau centrul de formă rectangulară, deci fiind din următoarea etapă de evoluţie. Având în vedere faptul că primele roţi de car constau dintr-un disc masiv de lemn, iar pentru trecerea la modele mai evoluate a fost necesară o perioadă îndelungată de timp, autoarea presupune că apariţia roţii în Orientul Antic trebuie datată cu o perioadă de timp mai timpurie, nu mai târziu de începutul mileniului IV a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Fragment de lespede de piatră. Ur (după Woolley 1934, plate 181b).

Fig. 2. Panelul „Războiul" din „Stindardul" mozaic de la Ur (după Woolley 1934, plate 92).

Fig. 3. Amprente ale roţilor de care din înmormântările PG 789 (a-b) şi PG 1232 (c). Ur (după Woolley 1934, plate 33, 62a).

Fig. 4. Imagine a carului pe „Reconstituirea scenei funerare din mormântul PG 789" (după Woolley 1934, plate 30).

Fig. 5. Imagine a carului pe registrul de sus al „Stindardului".

Fig. 6. Imagini ale carelor pe registrul de jos al „Stindardului" (prima şi a doua din stânga).

Fig. 7. Imagine a carului pe de jos al „Stindardului" (a treia din stânga).

Fig. 8. Roată, Susa (după Littauer, Crouwel 1979, fig. 5).

Fig. 9. Roată, Mari (după Butterlin, Margueron 2006, fig. 3).

Fig. 10. Imagini ale roţilor (fragment de mozaic), Mari (a - după Parrot 1971, fig. 10), (b-f - după Parrot 1967, pl. LXV/2462-2464; fig. 262/2465, 2598, 2466).

Fig. 11. Fragment de placă din piatră. Khafajeh (după Boese 1971, Taf. VIII).

Fig. 12. Modele din lut ale unei roţi. a-b - Tell Brak (după Oates et al. 2001 488/36, 39), c - Chagar Bazar (după Mallowan 1936, fig. 6/8); d - Tell Halawa A (după Neufang, Pruβ 1994, Abb. 52/114).

a - d=4 cm; b - d=7,1 cm; c - d=3,5 cm; d - d=10,5 cm.

Fig. 13. Amprentă de ştampilă cilindrică. Ur (după Amiet 1980, pl. 96/1260).

Fig. 14. Amprentă de ştampilă cilindrică. Ur (după Amiet 1980, pl. 92/1216).

Fig. 15. Amprentă de ştampilă cilindrică. Mesopotamia (după Amiet 1980, pl. 92/1215).

Fig. 16. Amprentă de ştampilă cilindrică (detaliu). Mesopotamia, perioada Akkadiană (după Littauer, Crouwel 1979, fig. 13).

Fig. 17. Schiţă a unui car dintr-o înmormântare a culturii Novotitarovsk, regiunea Kuban (după Анфимов 1986).

Fig. 18. Vestigiile carului dintr-o înmormântare a culturii Novotitarovsk, regiunea Kuban (din arhiva personală a I.I. Marchenko şi N.Yu. Limberis).

Царский некрополь Ура и конструкция древних колес

Резюме

На основе анализа данных о конструкции колес из Царского некрополя Ура – фрагменте каменной плитке, мозаичном «Штандарте» и колес повозок из погребений, а также привлечения находок, открытых на других памятниках, автор приходит к выводу, что на Древнем Востоке колеса трехчастной конструкции с серединой линзовидной формы вышли из употребления уже до рубежа IV-III тыс. до н.э. Когда у реальных повозок использовались уже трехчастные колеса, у которых средняя часть имела прямые параллельные стороны, колеса с линзовидной серединой продолжали изображать на печатях и посвятительных плитках, копируя их с более древних образцов.

Колеса реальных повозок рубежа IV-III тыс. до н.э., открытые в подкурганных погребениях Понто-Каспийской степи, имели среднюю часть с прямолинейными сторонами, т.е. конструкцию следующего этапа развития конструкции колеса. Поскольку, предположительно, первые колеса были сплошные одночастные и требовалось время на развитие трехчастной конструкции с серединой линзовидной, а затем и прямолинейной формы, появление колеса на Древнем Востоке должно датироваться значительно более ранним временем, чем это принято считать – не позднее начала IV тыс. до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Фрагмент каменной плитки. Ур (по Woolley 1934, plate 181b).

Рис. 2. Панель «Война» мозаичного «Штандарта». Ур (по Woolley 1934, plate 92).

Рис. 3. Отпечатки колес повозок в погребениях PG 789 (a-b) и PG 1232 (c), Ур (по Woolley 1934, plate 33, 62a).

Рис. 4. Изображение повозки в «Реконструкции погребальной сцены в PG 789» (по Woolley 1934, plate 30).

Рис. 5. Изображение повозки в верхнем регистре «Штандарта».

Рис. 6. Изображения повозок в нижнем регистре «Штандарта» (первая и вторая слева)

Рис. 7. Изображение повозки в нижнем регистре «Штандарта» (третья слева)

Рис. 8. Колесо, Сузы (по Littauer, Crouwel 1979, fig. 5).

Рис. 9. Колесо, Мари (по Butterlin, Margueron 2006, fig. 3).

Рис. 10. Изображения колес (фрагменты мозаики), Мари (a - по Parrot 1971, fig. 10), (b-f - по Parrot 1967, pl. LXV/2462-2464; fig. 262/2465, 2598; 2466).

Рис. 11. Фрагмент каменной плитки. Хафадже (по Boese 1971, Taf. VIII).

Рис. 12. Глиняные модели колес: a-b - Телль Брак (по Oates et al. 2001, fig. 488/36, 39), c -

Чагар Базар (по Mallowan 1936, fig. 6/8); d - Телль Халава A (по Neufang, Pruβ 1994, Abb. 52/114).

a - д=4 cm; b - д=7,1 cm; c - д=3,5 cm; d - д=10,5 cm

Рис. 13. Оттиск цилиндрической печати. Ур (по Amiet 1980, pl. 96/1260).

Рис. 14. Оттиск цилиндрической печати. Ур (по Amiet 1980, pl. 92/1216).

Рис. 15. Оттиск цилиндрической печати. Месопотамия (по Amiet 1980, pl. 92/1215).

Рис. 16. Оттиск цилиндрической печати (деталь). Месопотамия (по Littauer, Crouwel 1979, fig. 13).

Рис. 17. Чертеж отливки повозки из погребения новотитаровской культуры, Прикубанье (по Анфимов 1986).

Рис. 18. Остатки повозки в погребении новотитаровской культуры. Прикубанье (из архива И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис).

12.08.2013

Dr. Elena Izbitser, Independent Scholar, 1920 77th Street, Brooklyn, NY 11214, USA, e-mail: eizbitser@gmail.com

ТИПЫ ДЕКОРАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ОФОРМЛЕНИИ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ СКИФЯНОК

Любовь Клочко

История изучения скифского костюма насчитывает более 100 лет. Исследование этой категории культуры отражено во многих публикациях. Больше всего работ посвящено женским головным уборам, так как они относятся к наиболее важным знаковым элементам облачения. В повседневной жизни на первом месте были их практические характеристики, а в праздничном костюме, как правило, именно уборы обладали функцией демонстрации этнических, социальных, статусных, возрастных эмблем.

Исследования историков костюма и этнологов, а также наблюдения этнографов, позволяют разделить все объекты, которые относятся к категории «головные уборы», на такие виды: платовые, ленточные и шапки. Вызывает интерес мнение Г. Масловой о том, что в отдельный вид следует выделить короны и типологически близкие к ним уборы (например, стефаны) (Маслова 1984, 189). Главное различие между шапкой и короной в том, что последняя не имеет «донышка», то есть, макушка убора не закрыта.

Археологические материалы (декоративные элементы и изобразительные памятники) свидетельствуют, что скифянки сочетали, как правило, в парадных костюмах все виды головных уборов. Такие комплекты, очевидно, были подчинены идее демонстрации социальных и этнолокальных характеристик костюма.

Женский репрезентативный костюм чаще всего акцентировали шапки. Они составляют две группы: твердые (жесткие) и мягкие уборы. Их существенные характеристики «закодированы» в формах, которые признаны устойчивыми типологическими признаками. Праздничные шапки – «жесткие» или «твердые уборы» цилиндрического, конусовидного или полусферического абриса. Для их изготовления использовали специальный крой, каркасы из гибких веток, а также плотные материалы – войлок, кожу.

Еще в начале XX столетия известный ученый М.И. Ростовцев предложил новый подход к изучению изделий, предназначенных для оформления головных уборов. Для их украшения, по мнению исследователя, использовали наборы элементов: длинные ленты, ободки с подвесками, «подвески на стойках», маленькие пластинки разной формы. По этим археологическим материалам М.И. Ростовцев и П.К. Степанов впервые реконструировали головной убор, проанализировав комплект золотых деталей декора, найденных в погребении скифянки в кургане Чертомлык. Авторы сделали такие выводы относительно формы: убор был довольно высоким, спереди выглядел как конус, а сбоку – как цилиндр. Таким образом, ученые соединили фронтальный и профильный ракурсы передачи женских образов на памятниках торевтики: на пластине из кургана Карагодеуашх показана женщина в конусовидном уборе, а на миниатюрах со сценой адорации – скифянка в цилиндрическом уборе с дуговидно изогнутой налобной частью (Ростовцев, Степанов 1917, 69, 100).

Значительный вклад в разработку методики реконструкции головных уборов по археологическим находкам сделал Г.Н. Боровка. Он представил формы конкретных уборов украшениями из кургана Чертомлык. Согласно выводам Г.Н. Боровки, в составе парадных костюмов скифянок были и конусовидные, и цилиндрические уборы. Последние, то есть цилиндрические, Г.Н. Боровка назвал «скифский калаф» (Боровка 1921, 169). Оба типа уборов дополняли покрывалами. Важность работы ученого в том, что он предложил систематизацию украшений, выделил признаки, присущие наборам декоративных средств, предназначенных для оформления уборов разных видов. Его выводы подтверждены на-

Рис. 1. Золотая накладка на цилиндрический головной убор с изображением богини в парадном головном уборе (полосе).

Рис. 2. Сцена адорации на золотой миниатюре из Мелитопольского кургана.

блюдениями многих искусствоведов: узоры подчеркивают пропорции предмета, очерчивают основные линии, по которым можно представить его контуры.

Со времени названных исследований значительно возросло количество археологических находок для реконструкции скифских головных уборов. К наиболее информативным источникам относятся категории предметов, которые специалисты рассматривали и раньше – металлические декоративные изделия. Некоторые из них были предназначены для уборов цилиндрической формы. Украшения стали объектами исследований ученых разных специальностей – археологов, историков костюма, искусствоведов. Результаты работы – реконструкции уборов, которые получили название: полос, «скифский» и «греческий» калаф, а также – «тиара» (Клочко, Васіна 2011, 97-113; Мирошина 1980, 46-69; Фиалко 2002, 79-81).

Определение «цилиндрический» не совсем точное, так как в действительности очертания шапок сложнее и не всегда отвечают строгим рамкам геометрической фигуры, то есть цилиндру. Но этот термин позволяет найти закономерности в создании уборов, понять принципы их модификации. Памятники торевтики из курганов Скифии представляют информацию об уборах из этой группы. Так, на голове богини – центральном персонаже в многофигурной композиции на пластине из кургана у с. Сахновка (Черкасская обл.) – мы видим **полос** – высокую цилиндрическую шапку с плоской макушкой. Характерная черта убора – небольшая разница между нижним и верхним диаметрами (рис. 1).

Еще одна разновидность цилиндрических уборов – шапочка с дуговидным изгибом надо лбом, суженная в затылочной части. Ее изображение мы видим на миниатюрах-аппликациях со сценой адорации (богиня с зеркалом и предстоящий скиф) – находках из курганов Чертомлык, Мелитопольский и др. (сейчас известно уже 9 реплик) (рис. 2). Дуговидный контур фронтальной части подчеркнут в уборе, который венчает голову богини, представленной на пластинках – деталях сережек (находки в кургане № 10 возле с. Великая Знамянка (Запорожская обл.) (рис. 3).

Рис. 3. Изображение богини на серьгах из кургана №10 у с. Большая Знаменка (Запорожская обл.).

Фигурное оформление передней части убора, возможно, свидетельствует о том, что в наряде скифянок были **стефаны**. Они изображены на памятниках эллинского искусства, найденных в Северном Причерноморье. Например, голову богини Геры на золотой подвеске из кургана у с.Великая Белозерка (Запорожская обл.) венчает стефана, украшенная тонкими узорами в технике зерни и скани (рис. 4). Пышные стефаны – главный акцент в трактовке образов Афродиты, Сирены, Сфинкса, представленных на фигурных лекифах из Фанагории. Известный ученый Б. Фармаковский предполагал, что головные уборы названных персонажей символизировали идею бессмертия и вечного света (Фармаковский 1921, 45).

Греческие стефаны, вероятно, были архетипами для скифских головных уборов. Об этом свидетельствуют некоторые категории украшений – дуговидные пластины. Эти изделия, возможно, предназначались для уборов, которые принадлежат к виду «короны»: дуговидные аппликации «рисовали» абрис стефаны, которую соединяли с полосом. Очевидно, такой комплект уборов, дополненный покрывалом, мы видим на голове богини, образ которой представлен в сцене «адорации» (уже упомянутые миниатюры из кургана Чертомлык, Мелитопольского и т.д.) (рис. 2).

В костюмах преставительниц скифской элиты были головные уборы с фигурной фронтальной частью. Украшения, которые свидетельствуют об этом, зафиксированы в курганах Чертомлык, Большая Рыжановка №9 возле с. Малая Лепетиха (Большой курган Н.И. Веселовского), №22 возле с. Вольная Украина, Толстая Могила. Однородные декоративные элементы во всех наборах – дуговидные пластины, которые обрамляли верхний край. Кроме того, характерные детали – «ободки с подвесками» и «подвески на стойках». Последние, кроме Чертомлыка, найдены в курганах Большая Рыжановка, Деев, Куль-Оба, Бабина Могила (Клочко, Васіна 2011, 104-105).

Вернемся к цилиндрическим уборам. В литературе недостаточно четко разработана терминология. Кроме названия **полос,** – о его характеристиках было сказано выше, – специалисты, описывая головные уборы, которые носили женщины в Северном Причерномо-

Рис. 4. Подвеска с изображением богини Геры (с. Белозерка, Запорожская обл.).

рье, употребляют термин **калаф**. Речь идет об уборах, которые напоминают усеченный конус, перевернутый широкой основой вверх. В словаре «Lexikon der Antike» читаем определение калафа (kalathos): бокаловидная корзинка для плодов, цветов, шерсти, сыра, корона Гекаты, Артемиды, Сараписа, символ плодородия (Lexikon 1979, 266). Памятники искусства дают возможность представить, как выглядели уборы, напоминающие корзинку с узким дном. Например, образы богинь на произведениях торевтики: серебряном блюде из Чертомлыка – божество в позе оранты, конском налобнике из к. Цимблка, подвесках из к. Большая Близница (нереиды на гиппокампах), пластинках из к. Большая Близница – фигурка танцовщицы, изображение крылатой богини с завитками аканфа вместо ног (Артамонов 1966, таб. 179, 296, 300, 267, 308). Исследователи Д. Огден и Д Уильямс, описывая скульптурное изображение Ники на золотых серьгах из Павловского кургана, называют элементы костюма: полос, хитон, туфельки (Огден, Уильямс 1994, 170). Но по всем признакам голову богини на миниатюрных скульптурках увенчивает именно калаф: его вид отвечает параметрам, определенным в «Lexikon der Antike». Возможно, полос – общее название для всех уборов, форма которых

происходит от цилиндра и включает другие типы (модели в виде опрокинутого усеченного конуса, чаши).

Что касается археологических находок, то украшения для оформления «классического» калафа найдены только в погребении женщины в кургане Старший брат группы Трехбратних курганов (с. Огоньки, Крым) (Клочко, Березова 1998, 151-158).

Следует обратить внимание на декоративные фрагменты головного убора, который был зафиксирован в одном из погребений в кургане Большая Близница (возле с. Стеблиевка на Таманском полуострове). Большинство ученых предполагают, что богатый и сакрально значимый сопровождающий инвентарь, найденный в могиле, отражает жреческий статус владелицы. И один из главных признаков особой роли женщины – ее головной убор, который в литературе получил название калаф (Артамонов 1966, таб. 284-285). Его форму – усеченный конус – четко отражают золотые аппликации (30 экземпляров). Размер нижнего основания убора – 62 см, а окружность верхнего – 82 см. Украшения – пластинки с антропоморфными и мифическими образами – были прикреплены на боковой поверхности убора (то есть, на так называемой тулье высотой 10 см). Изображения составляют целостную композицию, которую трактуют как «битва амазонок с грифонами» (Фиалко 2010, 32-33).

Силуэт убора из Большой Близницы напоминает калафы, о которых шла речь выше, то есть представленные на художественных произведениях Северного Причерноморья («бокаловидные корзинки» с маленьким основанием). Но отчетливо видны и различия: основание убора из Большой Близницы приблизительно соответствует окружности головы. Может быть, к таким уборам больше подходит название **модий.** Этот термин не получил распространения, так как нет четкого его определения. Слово модий имеет несколько значений: древние греки так называли меру объёма жидкостей и сыпучих тел, а, кроме того, цилиндрический жертвенный сосуд. Вероятно, его форму повторяли, создавая сакральные уборы. И.И. Саверкина, рассматривая рельефы II в., которые происходят из Пальмиры, описывает особенности облачения персонажей. Исследователь указывает, что на некоторых юношах надеты жреческие уборы – модии. Это высокие шапки почти цилиндрической формы: нижнее основание равно окружности головы, а кверху убор немного расширен (Саверкина 1965, 170).

Но чаще всего цилиндрические уборы называют калафами – скифскими или греческими (Фиалко 2002, 79-81).

По украшениям, найденным в погребениях скифянок, реконструированы шапочки, которым, на первый взгляд, присущи характеристики калафа – невысокие, расширяющиеся кверху, с вогнутыми стенками. Но они отличаются от «классического» убора пропорциями – основание равно окружности головы, и выпуклым «донышком». Реконструкции таких уборов сделаны благодаря точной фиксации золотых пластин разной формы, которые составляли драгоценный комплект. Например, привлекают внимание наборы декоративных элементов из курганов Татьянина Могила (Днепропетровской обл.), №22 возле с. Каменка (Николаевской обл.) (Клочко, Мурзін, Ролле 1991, 48-52; Клочко, Гребенников 1982, 35-45). Остатки уборов хорошо сохранили не только их очертания, но и место каждой пластинки – аппликации (рис. 5).

Рис. 5. Реконструкция головного убора по материалам исследований кургана №22 у с. Каменка (Николаевская обл.).

Рис. 6. Схема размещения украшений на головном уборе (курган №22, у с. Вольная Украина Херсонской обл.).

На основании этого опыта по украшениям можно реконструировать головной убор скифянки, захоронение которой исследовано в кургане №22 возле с. Вольная Украина (Херсонской обл). Исследователь кургана А.М. Лесков тщательно зафиксировал все украшения женщины. На черепе и выше были разбросаны золотые пластинки. Среди них выделяется метопида (34,5×3,0 см) – ее украшают два фриза: на верхнем оттиснут растительный узор, а снизу – необычно широкая полоса из ов (Лєсков 1974, 87-88). Но сейчас сосредоточим внимание на 12 аппликациях, которые, очевидно, были декором шапочки. Среди них – 4 дуговидные пластины с изображением грифона и сфинкса в геральдической позиции (15,8×2,3; 13,3×2,5; 15,9×2,2; 12,6×2,2 см), узкие ажурные прямоугольные пластины с таким же сюжетом (13,6×2,6; 13,3×2,2; 5,7×2,4; 6,2×2,2), 4 ажурные полоски шириной 3 см, разной длины (17,1; 18,3; 4,4; 5 см), с растительным орнаментом. На двух больших лентах в рамке из тонких рельефных линий помещена композиция: все пространство занято волнистым побегом с листьями и цветами, в центре орнаментального поля – схематичное изображение дерева, на ветвях которого сидят птицы.

Прямоугольные пластины, полоски соответствуют цилиндрической поверхности. А.М. Лесков отметил относительно формы головного убора: «наличие не только прямоугольных, но и дуговидно изогнутых пластинок позволяет, на основании опыта прежних реконструкций, предположить, что он выглядел как кокошник» (Лєсков 1974, 87). Но для оформления верхнего края убора, который напоминает стефану, использовали аппликации другого абриса. Пластины, о которых идет речь, выделяются размерами, характером изгиба – каждая из них составляет часть окруж-

ности. Применив метод макетирования, можно предположить контуры фигуры, созданой соединенными между собой пластинками. Как видим, это дуга, между концами которой большой промежуток. Очевидно, аппликации были прикреплены на макушке шапки, форма которой напоминает усеченный конус или корзинку. Размеры верхней основы – 78 см (расчитано при макетировании), а нижней – 56-60 см (средний размер головы) (рис. 6). Стенки убора спереди и по бокам украшали золотые полоски. Верхний ряд – ажурные пластины с растительным узором (длина 44,8 см), а ниже – накладки с изображением грифона и сфинкса (длина фриза – 38,8 см). Высота убора – 7-10 см. По параметрам он близок к калафу из Великой Близницы, а также к уборам, о реконструкции которых написано выше: Татьянина Могила, курган №22 возле с. Каменка.

Комплект уборов женщины, погребение которой исследовали в кургане №22 возле с. Вольная Украина включал, кроме налобной ленты и шапки, покрывало. Оно закрывало неукрашенную часть. Декоративные элементы покрывала – прямоугольные пластинки с изображением грифона (рис. 7). Их нашивали

Рис. 7. Реконструкция головного убора по декоративным элементам из кургана №22, у с. Вольная Украина (Херсонская обл.).

по краям отреза ткани. В ансамбль головных уборов органично входят серьги. Они производят впечатление изысканного ювелирного изделия, хотя и принадлежат к типу кольцевидных (то есть, наиболее простых). Этот эффект достигнут благодаря тому, что мастер присоединил к каждому кольцу по 10 миниатюрных круглых пластинок (Лєсков 1974, 79).

Описанная группа уборов, как уже сказано, по очертаниям напоминает калаф. Возможно, именно для шапочек, которые напоминают корзинку, следует применять название **«скифский калаф»**. Все другие цилиндрические уборы – **полосы**, а их вариативные особенности будут зафиксированы по «имени» кургана.

Вернемся к декоративным изделиям, которые украшали скифские калафы. В их оформлении большую роль играют ажурные аппликации. На уборе из кургана Татьянина Могила (возле г. Орджоникидзе Днепропетровской обл.) были дуговидные пластины и отрезки неизогнутых лент. На тех и других помещен орнамент из завитков аканфа и цветов арацеи. Узоры тщательно вырезаны. Для прикрепления пластин на поверхности пробиты маленькие отверстия. «Кружевные» аппликации подчеркиваот форму убора и создают особенный эффект в сочетании с яркой подкладкой – поверхностью убора (Клочко, Васіна 2011, 105, рис. 1).

«Скифский» калаф из костюма скифянки, погребение которой исследовано в кургане №22 у с. Каменка (Николаевская обл.), украшен прямоугольными пластинами с вырезанными изображениями пальметки и мифических образов – грифона и сфинкса. Исполнение узоров не такое тщательное, чем описанные выше, но в целом убор выглядит празднично благодаря не только другим деталям оформления – ободкам с подвесками и круглым пластинкам на «макушке», но и, вероятно, яркому фону, на котором прикреплены прорезные аппликации (рис. 8/а, б).

Накладки, выполненные для калафа, реконструированного по материалам из кургана №22 (п. 1) возле с. Вольная Украина, изучены во время их реставрации. Как сказано выше, часть элементов из декоративного набора – дуговидные пластины – неажурные, выпол-

a *b*

Рис. 8. Ажурные аппликации для оформления головного убора из кургана №22 у с. Каменка (Николаевская обл.): *a* - изображение пальметки; *b* - образы сфинкса и грифона в геральдической композиции.

a

b

Рис. 9. Ажурные пластинки из декоративного набора для оформления головного убора из кургана №22, у с. Вольная Украина (Херсонская обл.): *a* - пластинка с изображением сфинкса и грифона в геральдической композиции; *b* - ажурная лента с изображением дерева с птицами.

нены в технике штампа. Оригинал – штамп в виде полоски длиной 6 см и шириной 2,5 см был вырезан, вероятно, из твердой породы дерева или отлит из бронзы в технике восковой модели. Ажурные пластины сделаны в технике просечного штампа – тонкий металл вырезан при помощи специальных инструментов. Изделия с зооморфным сюжетом имеют более «плотный» орнамент, то есть между образами мифических существ вырезаны небольшие промежутки (рис. 9/а). Ленты с растительными узорами производят впечатление золотого кружева: тонкими линиями «нарисованы» все элементы композиции (рис. 9/б). Наблюдения показали, что работа выполнена тщательно и, вероятно, требовала определенной квалификации мастеров.

Ажурные украшения делали не только для скифских калафов, но и для других типов цилиндрических уборов. Например, в кургане Чертомлык зафиксированы фрагменты одного из полосов: ленты с прорезным орнаментом. Его мотив – сфинкс с двойным туловищем. Еще один комплект аппликаций (находки в кургане №22 возле с. Вольная Украина) содержал ажурную ленту и дуговидные пластины с растительным узором – листья аканфа переплетаются с цветами лотоса и арацеи (рис. 10). Эти накладки, очевидно, были предназначены для стефаны, которая допол-

Рис. 10. Реконструкция головного убора по украшениям из кургана №22, у с. Вольная Украина (Херсонская обл.).

няла полос (Клочко, Васіна 2011, 109, рис. 5). Наверное, ажурные украшения не только подчеркивают цветовую символику убора, но и отражают определенный эстетический идеал, присущий скифским племенам. Оформление уборов прорезными золотыми пластинками напоминает кожаные аппликации на костюмах алтайских скифов. Находки в Пазырыкских, Катандинских, Ак-Алахских курганах свидетельствуют о значительном распространении ажурных аппликаций на женских и мужских одеждах. Тонкие узоры покрывали иногда золотой фольгой (Полосьмак, Баркова 2004, 72, рис. 2/43; 2/45; 2/46).

С другой стороны, некоторые уборы украшены золотыми изделиями, которые без просветов прикрепляли на поверхность убора. Очевидно, семантика репрезентативных костюмов иногда акцентировалась сплошным золотым покрытием убора (например, полос скифянки, погребенной в кургане Толстая Могила) (Мозолевський 1979, 201, рис. 113). Но отметим общие закономерности: уборы представительниц аристократических слоев, различаясь деталями оформления, всегда были украшены символами божеств плодородия. Декоративные элементы уборов создавали ансамбль, в котором гармонично соединены символичность и красота.

Библиография

Артамонов 1966: М.И. Артамонов, Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа (Ленинград-Прага 1966).

Боровка 1921: Г.Н. Боровка, Женские головне уборы Чертомлыцкого кургана. В: Известия Российской академии истории материальной культуры, т. 1 (Петербург-Ленинград 1921).

Клочко, Березова 1998: Л.С. Клочко, С.А. Березова, Прикраси костюма з поховання жінки поблизу с. Огоньки (Крим). В: Музейні читання: Мат. Міжнарод. конф., присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О.І. Тереножкіна, Київ, Музей історичних коштовностей України, 3 лютого 1998 р. (Київ 1998), 151-158.

Клочко, Васіна 2011: Л.С. Клочко, З.О. Васіна, Реконструкція головних уборів за декоративними елементами із поховань скіф'янок (версії загальтної класифікації). В: Музейні читання: Матеріали наукової конференц. Музею історичних коштовностей України «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки», Київ, 15-17 листопада 2010 р. (Київ 2011), 32-43.

Клочко, Гребенников 1982: Л.С. Клочко, Ю.С. Гребенников, Скифский калаф IV в. до н.э. В сб.: Материалы по хронологии археологических памятников Украины (Киев 1982), 35-45.

Клочко, Мурзін, Ролле 1991: Л.С. Клочко, В.Ю. Мурзін, Р. Ролле, Головний убір з кургану Тетянина Могила. Археологія 3, 1991, 48-52.

Лєсков 1974: О. Лєсков, Скарби курганів Херсонщини (Київ 1974).

Маслова 1984: Г.С. Маслова, Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - начала XX века (Москва 1984).

Мирошина 1980: Т.В. Мирошина, Скифские калафы. СА 1, 1980, 30-45.

Мозолевський 1979: Б.М. Мозолевський, Товста Могила (Київ 1979).

Огден, Уильямс 1994: Д. Огден, Д. Уильямс, Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V-IV вв. до н.э. (Лондон 1994).

Полосьмак, Баркова 2005: Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова, Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв.до н.э.) (Новосибирск 2005).

Ростовцев, Степанов 1917: М.И. Ростовцев, П.К. Степанов, Эллино-скифский головной убор. В: Известия императорской Археологической комиссии, Вып. 63 (Санкт Петербург 1917).

Саверкина 1965: И.И. Саверкина, Портретная скульптура Пальмиры II-III вв. СА 1, 1965, 168-173.

Фармаковский 1921: Б.В. Фармаковский, Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. В: Записки Российской академии истории материальной культуры (Санкт Петербург 1921).

Фиалко 2002: Е.Е. Фиалко, Греческие калафы из скифских могил. В сб.: Ювелирное искусство и материальная культура (Санкт Петербург 2002), 79-83.

Фиалко 2010: Е.Е. Фиалко, Тема амазономахии и грифономахии в произведениях античных торевтов. В*:* Музейні читання: Матеріали наукової конференц. Музею історичних коштовностей України «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки», Київ, 9-11 листопада 2009 р. (Київ 2010), 32-43.

Lexikon 1979: Lexikon der Antike (Leipzig 1979).

Tipuri de elemente decorative pentru înfrumuseţarea acoperămintelor de cap ale femeilor scite

Rezumat

Studiul este dedicat analizei acoperământului de cap, purtat de femeile scite, având ca bază descoperirile din tumulii scitici cu înmormântări feminine. În funcţie de elementele decorative au fost identificate câteva tipuri de acoperământ pentru cap. Acestea, de regulă, erau purtate de reprezentantele păturilor aristocratice şi evidenţiau statutul lor social. În pofida diversităţii elementelor decorative, poate fi atestat un element comun pentru toate acoperămintele pentru cap – prezenţa pe ele a imaginii zeiţei fertilităţii.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Aplică de aur cu imaginea zeiţei de pe un acoperământ de cap de formă cilindrică.

Fig. 2. Scenă de adoraţie de pe o miniatură de aur din tumulul de la Melitopol.

Fig. 3. Reprezentare de zeitate pe cerceii din tumulul nr. 10 de lângă s. Bol'šaja Znamenka (reg. Zaporož'e).

Fig. 4. Pandantiv cu imaginea zeiţei Hera (s. Belozerka, reg. Zaporož'e).

Fig. 5. Reconstituirea acoperământului de cap după descoperirile din tumulul nr. 22 de lângă s. Kamenka (reg. Nikolaev).

Fig. 6. Schema amplasării podoabelor pe acoperământul de cap (tumulul nr. 22, de lângă s. Vol'naja Ukraina, reg. Herson).

Fig. 7. Reconstituirea acoperământului de cap după elementele decorative din tumulul nr. 22 de lângă s. Vol'naja Ukraina (reg. Herson).

Fig. 8. Aplice pentru decorarea acoperământului de cap din tumulul nr. 22 de lângă s. Kamenka (reg. Nikolaev): a - imaginea unei palmete; b - imagini de sfinx şi grifon într-o compoziţie heraldică.

Fig. 9. Plăcuţe decorative de la acoperământul de cap din tumulul nr. 22 de lângă s. Vol'naja Ukraina (reg. Herson): a - imagini de sfinx şi grifon într-o compoziţie heraldică; b - panglică cu imagini de arbore şi păsări.

Fig. 10. Reconstituirea acoperământului de cap după elementele decorative din tumulul nr. 22 de lângă s. Vol'naja Ukraina (reg. Herson).

Types of decorative elements in headwear of the Scythian women

Abstract

The study analyzes the Scythian women's headwear based on the discoveries in Scythian barrows with female burials. By decorative elements there were identified several types of headwear. As a rule, they were worn by representatives of aristocratic layers of society and highlighted their social status. Despite the diversity of decorative elements it can be noted a common element for all the head-dresses – the representation of the fertility goddess.

List of illustrations:

Fig. 1. Golden appliqué on a cylindrical head-dress depicting a goddess wearing a crown (*polos*).

Fig. 2. Scene of adoration on a gold miniature from the Melitopol mound.

Fig. 3. Image of the goddess on earrings from the mound No. 10 near the village of Bol'shaya Znamenka (Zaporizhia Oblast).

Fig. 4. Pendant with the image of the goddess Hera (the village of Belozerka, Zaporizhia Oblast).

Fig. 5. Reconstruction of a head-dress based on investigation of materials from the mound No. 22 near the village of Kamenka (Mykolaiv Oblast).

Fig. 6. The layout of decorations on a head-dress (mound No. 22, near the village of Vil'na Ukraina, Kherson Oblast).

Fig. 7. Reconstruction of head-dress by decorative elements from the mound No. 22, near the village of Vil'na Ukraina (Kherson Oblast).

Fig. 8. Openwork appliqués for the decoration of a head-dress from the mound No. 22 near the village of Kamenka (Mykolaiv Oblast): a - palmette; b - images of a sphinx and a griffin in a heraldic composition.

Fig. 9. Openwork plates from the set for the decoration of a head-dress from the mound No. 22, near the village of Vil'na Ukraina (Kherson Oblast): a – plate with a representation of a sphinx and a griffin in a heraldic composition; b – openwork ribbon with the representation of a tree with birds.

Fig. 10. Reconstruction of a head-dress by the ornaments from the mound No. 22, near the village of Vil'na Ukraina (Kherson Oblast).

30.05.2013

Др. Любовь Клочко, Музей исторических драгоценностей Украины, ул. Лаврская, 9, Киев, Украина

UNELE CONSIDERAŢII PRIVIND CRONOLOGIA ŞI PERIODIZAREA CULTURII POIENEŞTI-LUCAŞEUCA

Vasile Iarmulschi

După cum se cunoaşte, la sfârşitul sec. III a. Chr., ca urmare a pătrunderii triburilor bastarne, în regiunile centrale şi de nord ale Moldovei, s-a constituit cultura Poieneşti-Lucaşeuca (în continuare P-L) (fig. 1).

Cercetările sistematice întreprinse pe parcursul ultimelor cinci decenii în mai multe aşezări şi necropole, printre care se remarcă cele de la Poieneşti (Vulpe 1953; Babeş 1993, 208-214), Boroseşti (Babeş 1993, 183-192), Botoşana (Teodor 1980), Dolineni (Смирнова 1981; Smirnova, Megei 1995), Lucaşeuca II (Федоров 1960, 240-246; Романовская 1962), Lunca Ciurei (Teodor 1987) şi Orheiul Vechi (Ткачук 1991; Postică, Munteanu 1999), au furnizat informaţii deosebit de importante pentru cunoaşterea mai aprofundată a conţinutului acestei culturi.

Cu toate că a trecut mai bine de jumătate de secol de la descoperirea primelor vestigii atribuite aceste culturi, consemnăm că problemele esenţiale pe care le ridică antichităţile de tip P-L, precum originea, apartenenţa etno-culturală şi cronologia, nu au fost încă pe deplin clarificate, din care cauză în literatura de specialitate se poartă încă discuţii în contradictoriu.

În studiul de faţă ne-am propus drept scop să analizăm cronologia şi periodizarea culturii P-L.

Istoriografia problemei

Fiind cunoscută de mai mult timp cultura P-L are deja o tradiţie în stabilirea cadrului cronologic. Astfel, într-o faza iniţială de cercetări, R. Vulpe, autorul descoperirilor de la Poieneşti, a încadrat vestigiile respective în LT II – trecerea spre LT III, ceea ce în date absolute corespunde sec. II-I a. Chr. (Vulpe 1953, 490-494; Vulpe 1955, 107). La rândul său, R. Hachmann a opinat că cimitirul eponim de la Poieneşti a funcţionat între sfârşitul sec. II şi mijlocul sec. I a. Chr. (Hachmann 1960, 120-123).

G.B. Fedorov, cercetătorul aşezării şi necropolei de la Lucaşeuca, a datat respectivele situri arheologice în sec. II-I a. Chr. (Федоров 1960, 25), iar K. Tackenberg a presupus că cimitirul de la Lucaşeuca a funcţionat pe parcursul celei de a doua jumătăţi a sec. I a. Chr. (Tackenberg 1962-63, 423).

Arheologul sovietic D.A. Mačinskij a fost primul care a intuit mai multe faze în evoluţia culturii. În baza celor 55 de morminte de la Poieneşti, cunoscute în perioada respectivă, a reuşit să evidenţieze două grupuri de înmormântări cu datare diferită, rezultatul fiind obţinut pe baza analizei oferite de stratigrafia orizontală (Мачинский 1966, 83-87). Conform părerii sale cultura P-L trebuie datată între sfârşitul sec. II - mijlocul sec. I a. Chr. (Мачинский 1966, 94).

La rândul său, reputatul cercetător român M. Babeş, în urma analizei asocierii pieselor de inventar (fibule, paftale, mărgele, ceramică) din cadrul a trei cimitire – Poieneşti, Boroseşti şi Dolineni – a delimitat trei faze de evoluţie a culturii. Raportate la cronologia epocii Latène, respectivele etape au fost sincronizate cu LT C2, LT D1 şi LT D2 (Babeş 1985, 201-205, fig. 15; Babeş 1993, 130-146, 148-149), începutul culturii fiind fixat spre jumătatea sec II a. Chr. (Babeş 1985, 205). Analiza ştampilelor de pe amforele elenistice din mediul culturii P-L, precum şi descoperirea ceramicii bastarne în nivelul IV din cetatea getică de la Satu Nou-*Valea lui Voicu*, l-a determinat pe N. Conovici să dateze începutul culturii în ultimele două decenii ale sec. III a. Chr. (Conovici 1992, 3-12; Conovici 1996, 369-372). Ulterior asupra datării sale iniţiale a revenit şi M. Babeş, care a optat pentru intervalul cuprins între 200-175 a. Chr. (Babeş 1993, 153) sau în jurul anului 200 a. Chr. (Babeş 2001, 522).

Tot în acest context al încercărilor de sistematizare cronologică a culturii P-L, trebuie amintită

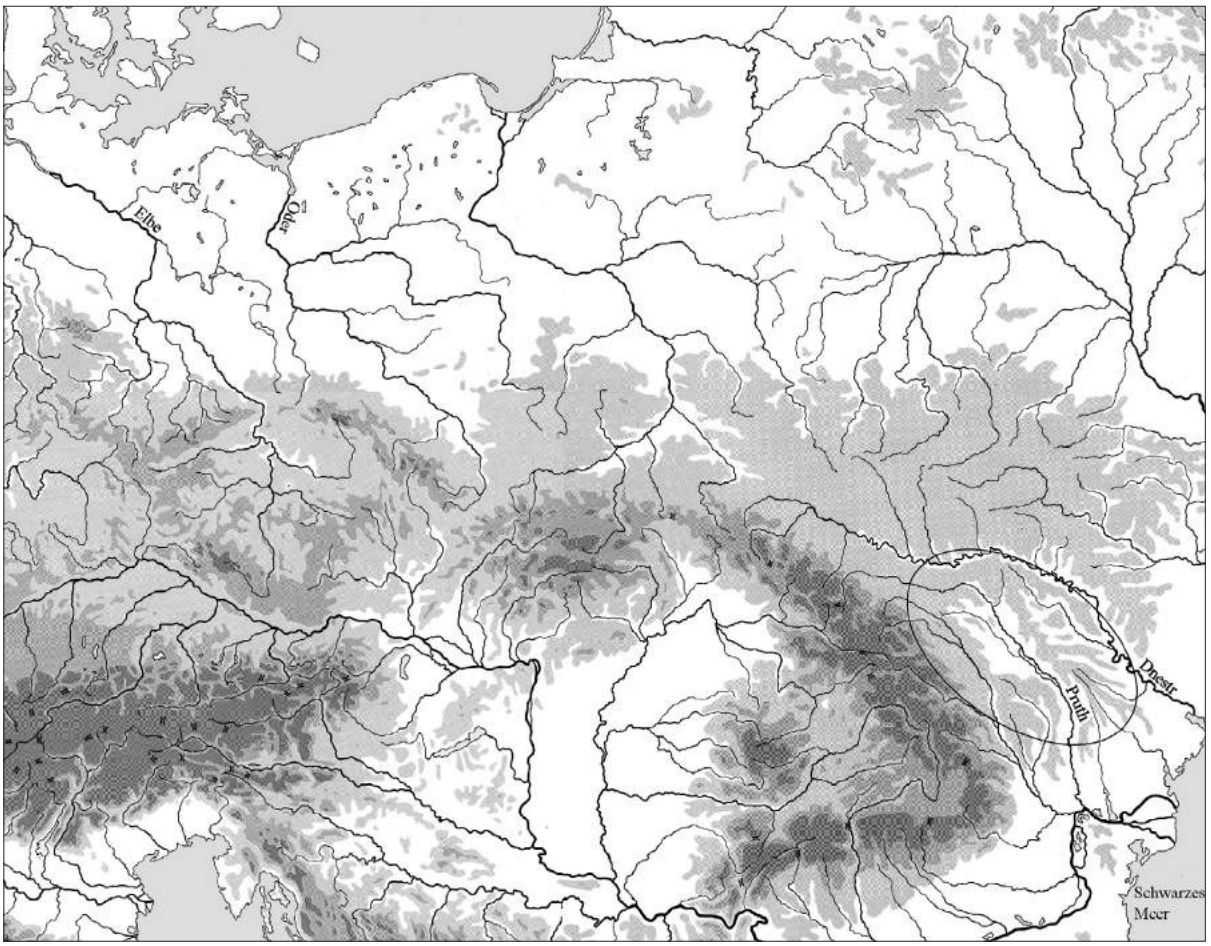


Fig. 1. Arealul culturii Poieneşti-Lucaşeuca.

ideea exprimată de O. Munteanu. Potrivit opiniei sale, limita inferioară a culturii trebuie fixată la răscrucea sec. III-II a. Chr., iar dată finală – în ultimul sfert al sec. I a. Chr. (Munteanu 1995, 24-25).

O contribuţie deosebită la încadrarea cronologică a vestigiilor de tip P-L a adus-o cercetătorul rus V.E. Eremenko. În baza asocierii pieselor de inventar din trei cimitire (Poieneşti, Lucaşeuca şi Dolineni), el a evidenţiat cinci faze de evoluţie a culturii, sincronizându-le cu LT C1b, LT C2, LT D1 şi LT D2 (Еременко 1997, 105-116).

***

În vederea obţinerii unui tablou cât mai clar privind cronologia şi periodizarea culturii P-L, am considerat necesar, la început, să abordăm separat cele două tipuri de situri arheologice – necropole şi aşezări, ca ulterior să coroborăm rezultatele obţinute pentru ambele categorii de descoperiri.

Descoperirile funerare

Cronologia relativă a culturii P-L se întemeiază, în principal, pe analiza combinatorie a descoperirilor funerare (Babeş 1985, 201). Pentru elaborarea unei scheme cronologice generale a cimitirelor am hotărât, mai întâi de toate, să realizăm periodizări ale celor mai expresive necropole (Poieneşti, Boroseşti şi Dolineni), iar în diagrama finală a combinaţiilor pieselor de inventar din complexele funerare, am considerat necesar să includem atât morminte din necropolele de mai mici dimensiuni cât şi unele mormintele izolate[1].

Necropola eponimă de la Poieneşti cu 275 de morminte[2], cercetată de către R. Vulpe (Vulpe 1953) şi de M. Babeş (Babeş 1993, cat. 71, 211-213; Babeş,

[1] Pentru elaborarea diagramelor cu incidenţa seriilor tipologice de obiecte din morminte am utilizat programul WinBasp.
[2] La momentul actual sunt publicate doar 115 morminte (Vulpe 1953; Babeş 1993, cat. nr. 71, 211-213).

Mirițoiu 2011, 105) rămâne principalul punct de reper cronologic al începutului culturii P-L.

Pentru a beneficia de imaginea de ansamblu a unei cronologii relative a cimitirului, am procedat la analiza combinatorie a pieselor de inventar (fig. 2). În înseriere au fost incluse 28 de morminte, ceea ce reprezintă 24,34% din numărul complexelor funerare publicate.

În funcţie de asocierile existente am reuşit să separăm două grupuri de înmormântări care, potrivit opiniei noastre, reprezintă două etape cronologice. La rândul său, faza veche de înmormântări am putea-o deviza în două subfaze (fig. 3).

Subfaza I.a este definită de asocierea fibulelor de tip II.2 cu paftale de tip III.3 şi ulcioare de tip V (fig. 2/1, 8, 19; 3). Fibulele cu sfere de bronz pe

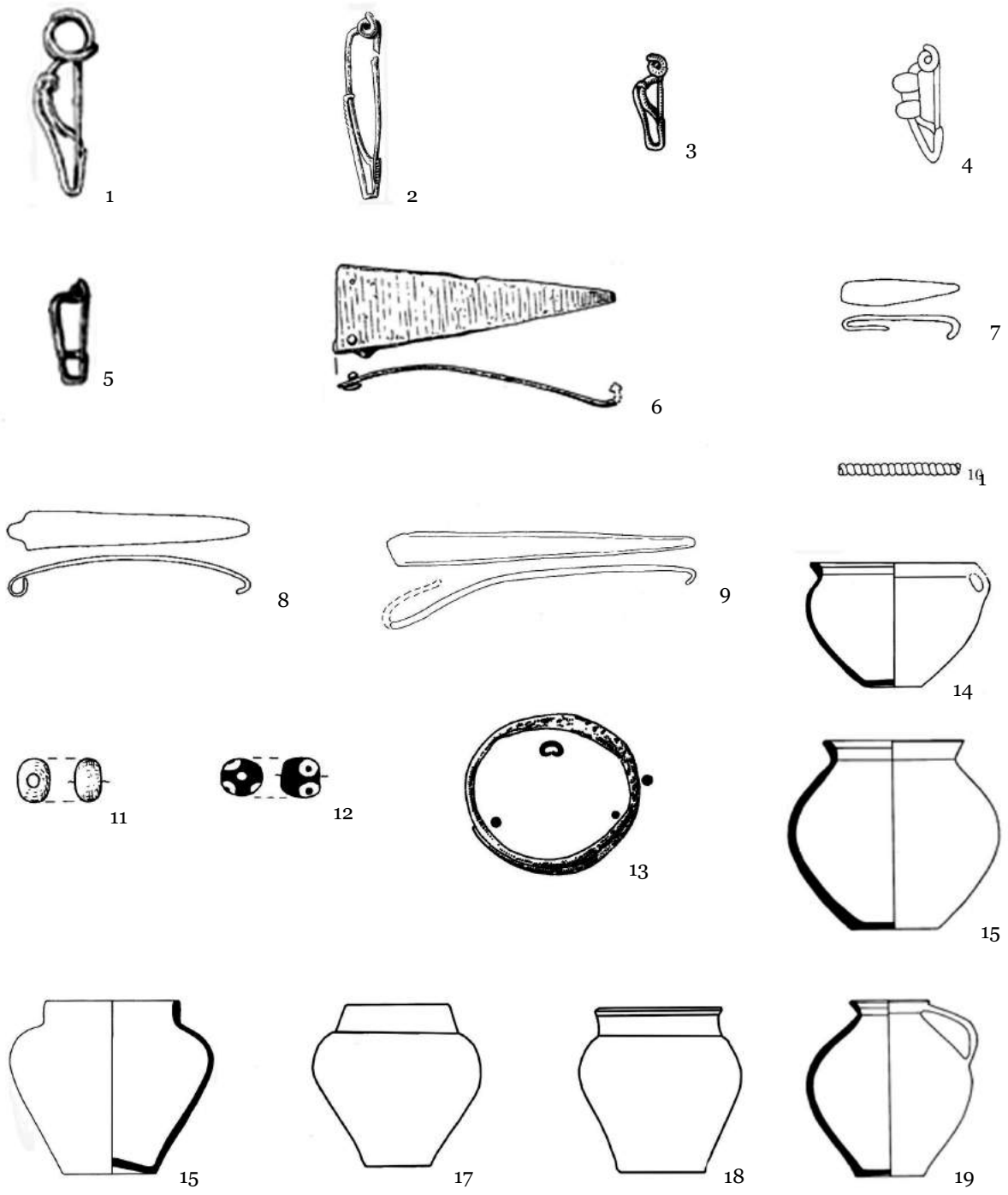


Fig. 2. Poieneşti. Tipuri de inventar selectate la înseriere.

arc, saltaleonele şi piesele de centură de tip I.4 (fig. 2/4, 6, 10) se întâlnesc echilibrat în subfazele I.a şi I.b (fig. 3).

Tipul director al subfazei I.b este fibula de tip III.1 şi oala cu corpul aproximativ piriform, umăr curbat, buza uşor trasă în exterior, nefaţetată şi fundul concav (tip III.E) (fig. 2/5, 18; 3). În această perioadă încep a fi folosite paftalele de tip III.1 şi oalele de tip III.A, continuând să fie utilizate ulcioarele, oalele de tip III.D şi fibulele de tip II.5 (fig. 2/7, 15, 17; 3).

Piesele caracteristice etapei finale de înmormântări sunt fibulele de tip II.3b şi II.4b, mărgelele de tip II.3-5, brăţările de tip 1, castroanele de tip 1 şi oalele de tip III.C (fig. 2/2, 3, 12-14, 16; 3).

În vederea propunerii unei cronologii absolute a grupelor rezultate (fig. 3, 4) şi evidenţierii totodată a faptului că ele reprezintă faze distincte de evoluţie a necropolei, putem utiliza atât indiciile cronologice oferite de unele tipuri de obiecte ce şi-au găsit locul în diagrama combinatorie a pieselor de inventar, cât şi obiectele cu relevanţă cronologică deosebită din inventarul mormintelor de la Poieneşti care, din cauza frecvenţei reduse, nu au putut fi utilizate la înseriere.

Fibula cu resortul bilateral format din patru spire cu diametrul mare şi coardă exterioară, corpul scund şi puternic arcuit, piciorul repliat pe arc şi prins de el, lângă resort (tipul II.2) (fig. 2/1), reprezintă cel mai timpuriu element de datare pentru subfaza I.a.

În necropola celtică de la Male-Kosihy asemenea agrafe sunt datate larg în sec. III-II a.Chr. (Bujna 1995, pl. 3316; Măndescu 2010, 179). La Zimnicea, o astfel de fibulă a fost recuperată din mormântul C10M108 (Alexandrescu 1980, 30; Măndescu 2010, 179, pl. 357/10). Acest complex a fost situat în orizontul IV al sitului (230/225-100 a. Chr.), mai exact într-o fază iniţială a acestei etape (Măndescu 2010, 179, fig. 24).

Prin urmare, considerăm că subfaza I.a a necropolei de la Poieneşti corespunde, în date absolute, ultimului sfert al sec. III - primele decenii ale sec. II a.Chr.

Relevante pentru cronologia absolută a subfazei I.b sunt fibulele de tip II.5 şi paftalele de tip III.3 (fig. 2/4, 8). Fibulele cu sfere de bronz pe arc (tip II.5) (fig. 2/4) se întâlnesc frecvent în Peninsula Iutlanda, unde ele se datează în etapa IIA a epocii preromane a fierului după Martens (Martens 1996, 234, Abb. 12). Analogii pentru exemplarele de la Poieneşti cunoaştem şi pe insulele Bornholm, Gotland, Fühnen şi Rügen (Bieger 2003, 37-46; Keiling 2007, 120, Abb. 3/2). Acolo ele fixează începutul epocii preromane recente a fierului, ceea ce în date absolute corespunde ultimelor decenii ale sec. III a. Chr. (Bieger 2003, 86-87, 90; Brandt 2001, 85-87).

Către sfârşitul sec. III - prima jumătate sec II a. Chr. conduce încadrarea cronologică a paftalelor de tip III.3. De notat, că în mediul culturii Jastorf, mai exact în regiunea Elbei Mijlocii, astfel de paftale sunt datate, de regulă, în LT C1b-C2 (Müller 1985, 84, Abb. 13), iar în Pomerania – în faza II.a după Reinecke (Reinecke 1988, Taf. 4).

Având în vedere datarea fibulelor de tip II.5 şi a pieselor de centură de tip III.3 (fig. 2/4.8), credem că subfaza I.b, în cronologia absolută, corespunde, cel mai probabil, primei jumătăţi a sec. II a. Chr. Pentru stabilirea cronologiei absolute a fazei a II-a, putem utiliza în primul rând fibulele de tip II.3 şi II.4 (fig. 2/2-3).

Piesele aparţinând primului tip sunt apropiate de agrafele *Kostrzewski B*. Aşa cum demonstrează descoperirile arheologice, această formă de fibulă se întâlneşte cel mai frecvent în complexele culturii P-L (Babeş 1993, 92), fiind răspândite şi în alte medii culturale ale *barbaricum*-ului european (Dąbrowska 1988, fig. 2/e; Rustoiu 1997, 35, fig. 19/5,8; Brandt 2001, 79; Bârcă 2006, 122, fig. 63/2).

Este interesant de notat următorul aspect: T. Dąbrowska consideră că piesele de dimensiuni mari sunt definitorii pentru faza A1 a culturii Przeworsk, iar cele mici sunt tipice pentru faza A2 (Dąbrowska 1988, 305). Aceeaşi datare o propune J. Brandt pentru piesele descoperite în arealul culturii Jastorf (Brandt 2001, 79). În mediul culturii Zarubinec astfel de agrafe sunt datate între sfârşitul sec. III şi prima jumătate a sec. I a. Chr. (Пачкова 2006, 108), iar în cel locuit de către geto-daci în a doua jumătate a sec. II - prima jumătate a sec. I a. Chr. (Rustoiu 1997, 35).

Cât priveşte fibulele de tip II.4 (*Kostrzewski H*), menţionăm că astfel de piese sunt descoperite destul de frecvent în mediul culturilor „germanice" din nordul şi centrul Europei, unde ele sunt datate cu precădere în LT D1 (Brandt 2001, 83; Bockius, Łuczkiewicz 2004, 27). Aceeaşi datare

este propusă pentru accesoriile vestimentare similare descoperite în mediul culturii dacice (Rustoiu 1997, 35).

Prin urmare, luând în consideraţie încadrarea cronologică a pieselor în discuţie, plasăm cea de a doua fază de funcţionare a sitului de la Poieneşti între mijlocul sec. II şi primul sfert al sec. I a. Chr.

În concluzie, putem afirma că necropola eponimă de la Poieneşti a funcţionat între sfârşitul sec. III şi primele decenii ale sec. I a. Chr. Ţinem să menţionăm că crononologia şi periodizarea propusă de noi, este foarte aproape de concluziile la care a ajuns şi M. Babeş. Amintim că reputatul arheolog, în cadrul necropolei de la Poieneşti, a reuşit să separe două etape succinte de evoluţie, prima fază, notată convenţional prin litera *X*, fiind divizată în două subfaze (Babeş 1993, 131-134, Abb. 32-33). Potrivit aceluiaşi autor acest sit a funcţionat între începutul sec. II şi prima jumătate a sec. I a. Chr. (Babeş 1993, 153).

Fazei timpurii a culturii P-L îi corespunde, cel mai probabil, mormântul de la Satu Nou, care avea în inventarul său o fibulă cu resortul bilateral format din cca 12 spire şi coardă exterioară, arcul simplu, îngroşat şi îndoit în unghi drept la cap (tip III.1) (Babeş 1993, 96; Taf. 45/10). La Poieneşti astfel

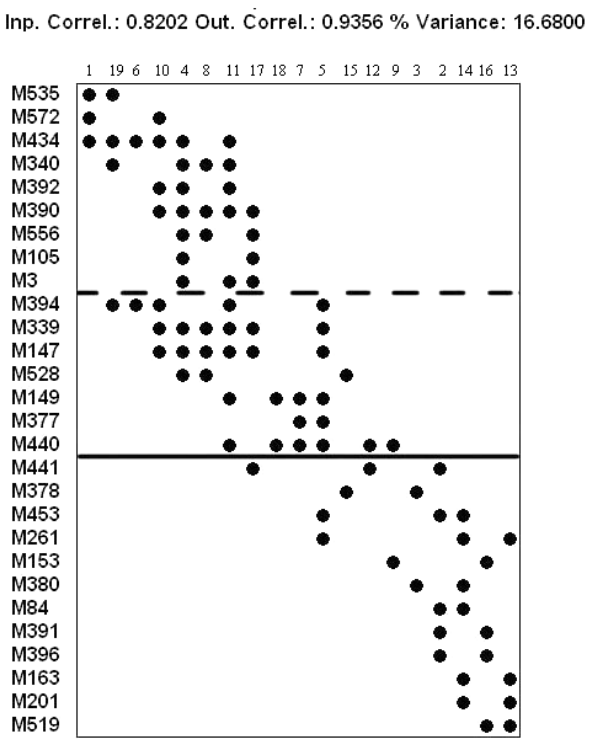


Fig. 3. Poieneşti. Înserierea mormintelor ce conţin tipurile de inventar.

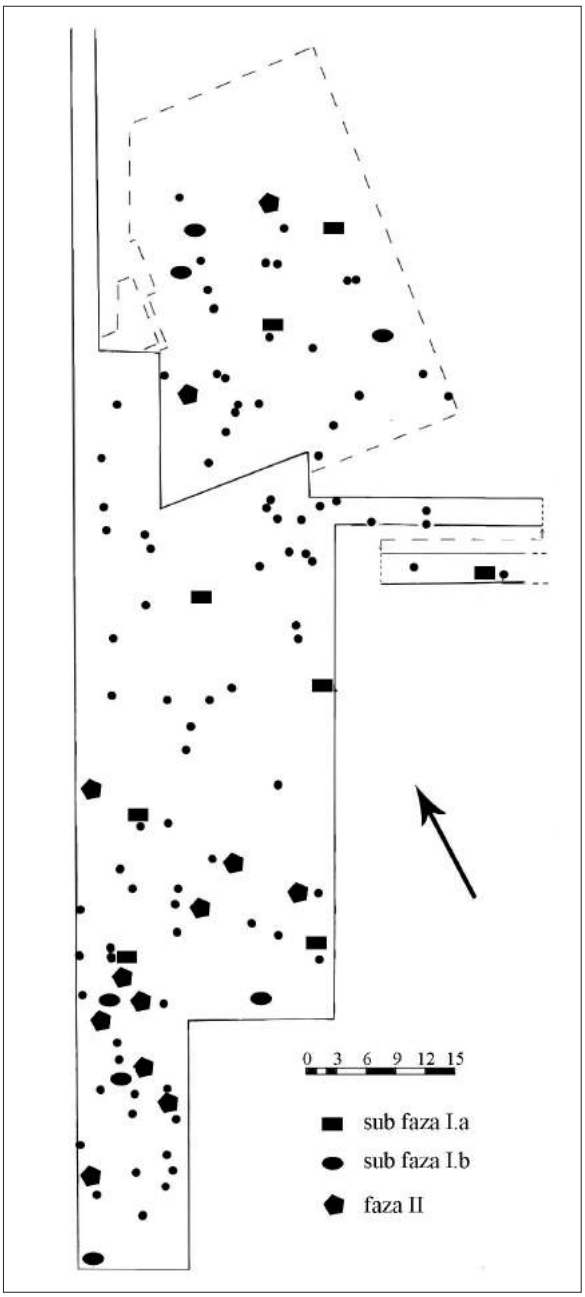


Fig. 4. Poieneşti. Cartarea fazelor necropolei.

de exemplare au apărut cu precădere în subfaza I.b de funcţionare a cimitirului (fig. 3).

Un cimitir cu o valoare deosebită pentru încadrarea cronologică şi periodizarea culturii P-L o reprezintă necropola de la Boroseşti. Situl, cercetat exhaustiv de către M. Babeş (1993, cat. 8, 184-192) cuprinde 150 de morminte. Deşi numărul de morminte este destul de mare, el nu oferă foarte mari posibilităţi pentru elaborarea unei periodizări a sitului. Aceasta se datorează faptului că 64 de complexe funerare, ceea ce reprezintă 42,67%

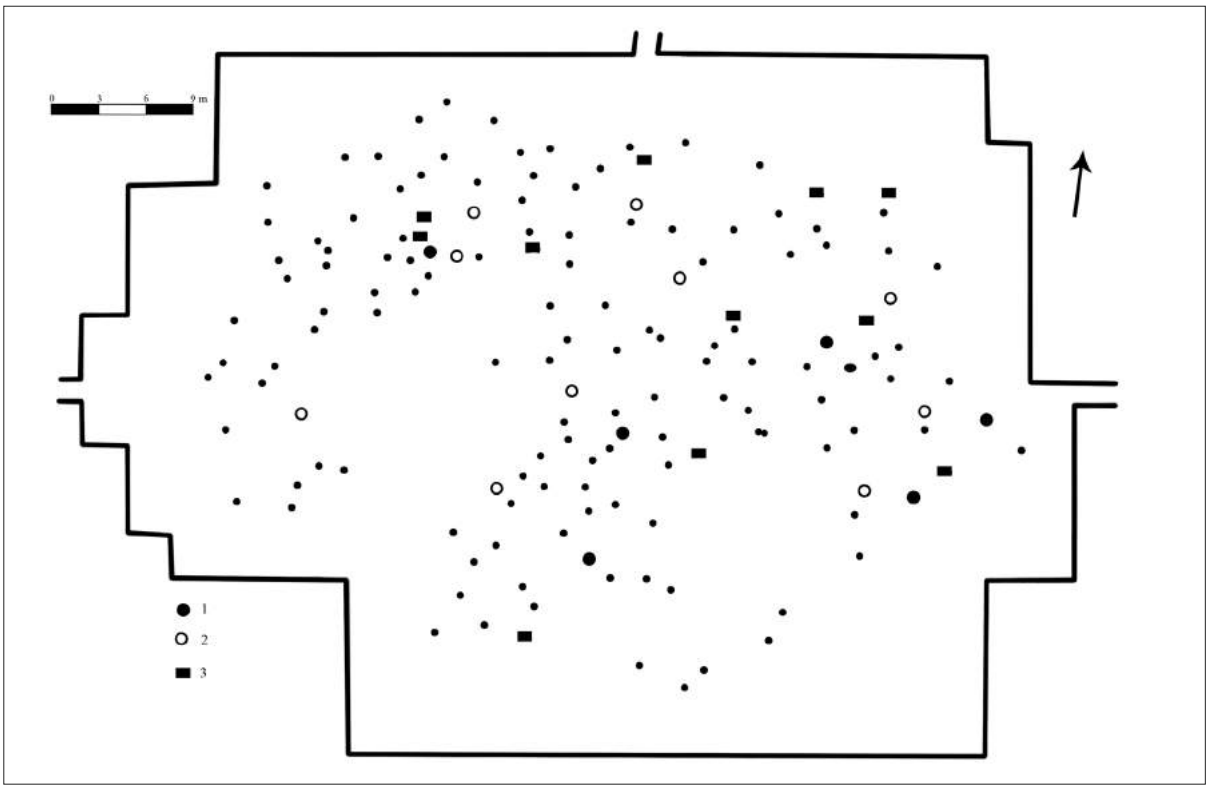


Fig. 5. Boroseşti. Cartarea fazelor necropolei.

din numărul total de morminte, nu conţin inventar funerar (Babeş 1993, 185).

Totuşi, în urma înserierii, am distins două grupe principale de morminte, care, potrivit opiniei noastre reprezintă faze succesive de evoluţie a necropolei. La rândul său, cea de a doua fază am divizat-o în două subfaze (fig. 5; 7).

Pentru prima grupă, care cuprinde mormintele dintr-o fază mai veche (I), sunt caracteristice paftalele de tip II.1.a (fig. 6/8). În mormintele din această etapă se întâlnesc majoritatea fibulelor de tip III.1 (fig. 6/6). De asemenea, în faza respectivă încep să fie utilizate cuţitele cu muchia şi tăişul curbe (tip II.3), fibulele de tip II.3b, ulcioarele de tip V.B şi V.A, precum şi oalele de tip III.A (fig. 6/3, 16, 19-21; 7).

Grupei a doua de morminte (subfaza II.a) îi sunt specifice paftalele de tip II.4 şi mărgelele de tip II.1, continuând să fie utilizate oalele de tip III.A şi ulcioarele de tip V.A (fig. 6/4, 14, 19, 20; 7).

Subfaza II.b este definită prin prezenţa sau asocierea unor piese precum fibulele de tip II.1 şi II.4b, paftalele de tip II.2-II.3, dar şi castroanele din pastă fină de tip I.A (fig. 6/1, 5, 9, 10; 7). Mărgelele din pastă policromă cu „ochi” (tip II.5), paftalele de tip I.2, II.5 şi oalele de tip III.C se găsesc echilibrat în complexele din ambele subfaze (fig. 6/7, 12, 15, 18; 7).

Referitor la raportul cronologic dintre cele două grupe de morminte, notăm că situaţia înfăţişată în diagramă este întărită şi de datele oferite de „stratigrafia verticală”. Astfel, M. 19, care în baza fibulei de tip II.4b (fig. 6/5) poate fi datat în subfaza II.b, suprapunea parţial mormântul de incineraţie în urnă nr. 41 (fig. 5), neinclus în diagramă, dar care trebuie atribuit fazelor I-II.a, întrucât cuprindea, printre altele, în inventarul său, o perlă biconică de aur (Babeş 1993, Taf. 15/16), piesă care în necropolele elenistice de la Tomis a apărut în morminte datate la sfârşitul sec III - începutul sec. II a. Chr. (Bucovală 1967, 51; Babeş 1993, 111).

Despre încercarea de a fixa aceste două etape mari ale necropolei de la Boroseşti în domeniul cronologiei absolute, trebuie să spunem că ea este destul de dificil de realizat. Totuşi, luând în consideraţie datarea unor categorii de piese în mediul culturilor înrudite din nord-centrul Europei (Jastorf, Przeworsk, Oksyw) cât şi în lumea celti-

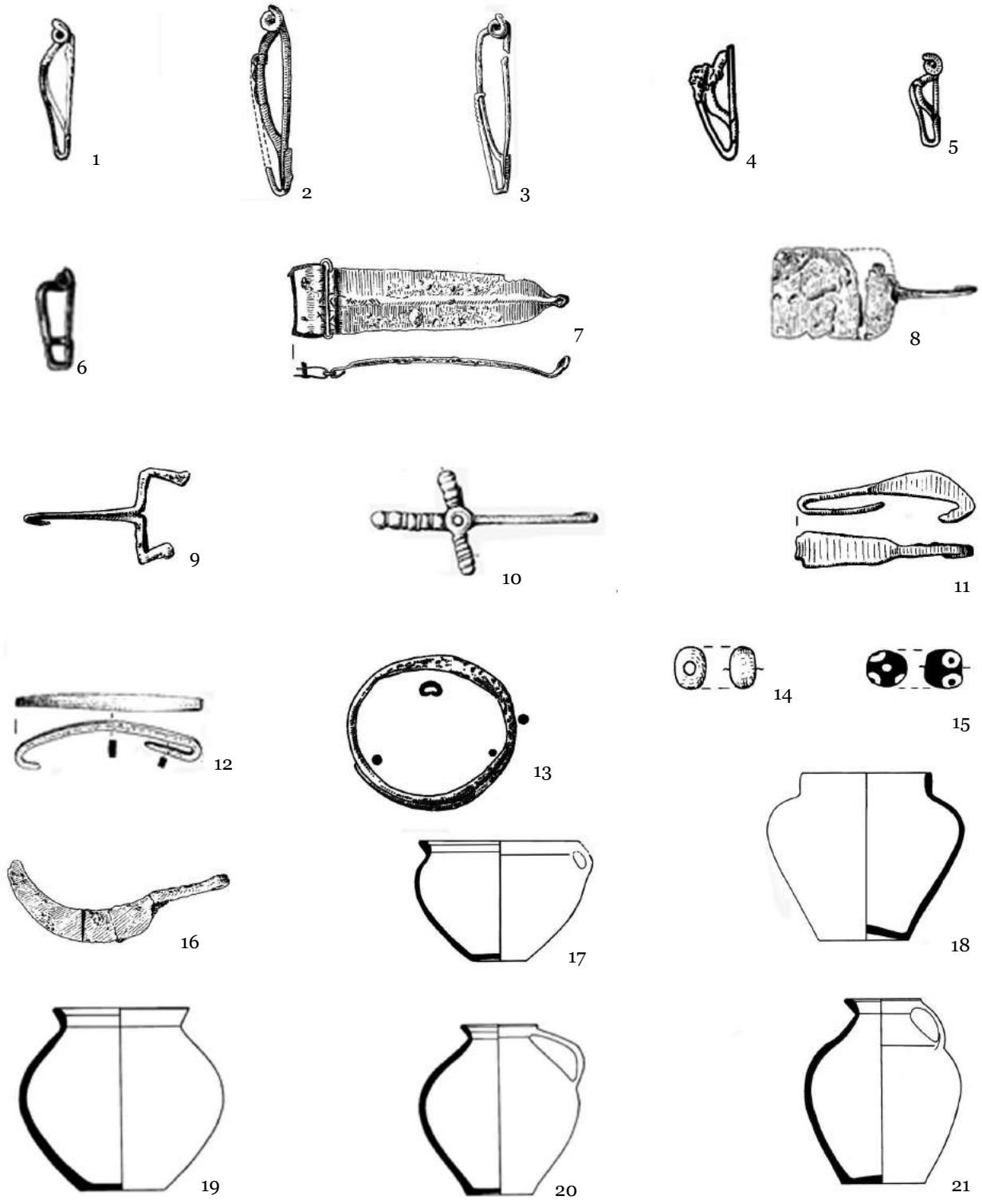


Fig. 6. Boroseşti. Tipuri de inventar selectate la înseriere.

că central-europeană, am putea paraleliza fazele de evoluţie a sitului de la Boroseşti în cronologia absolută.

Pentru faza veche a cimitirului (I), paftalele cu cârlig în formă de cioc şi cu placă rectangulară sau dreptunghiular-alungită care se fixau la curea (fig. 6/8) reprezintă tipul definitoriu.

În mediul culturii Jastorf, mai exact în regiunea Brandenburg, aceste exemplare marchează începutul epocii preromane recente a fierului (Seyer

1982, 18), ceea ce în date absolute corespunde sfârşitului sec. III - începutului sec. II a. Chr.

Totodată, având în vedere sincronismul între aşezarea[3] şi necropola de la Boroseşti, care se află la o distanţă de cca 150 m una de cealaltă, credem că nu greşim dacă datăm prima fază a respectivului cimitir între anii 175-125 a. Chr.

Tipul director al subfazei II.a este fibula de tip II.3b (fig. 6/3) (*Kostrzewski B*), despre care menţionam că în mediul culturilor Jastorf şi Przeworsk este datată, cu precădere, în sec. II a.Chr. (Brandt 2001, 79; Dąbrowska 1988, 305), dar se întâlneşte şi în prima jumătate a secolului următor (Brandt 2001, 79). În arealul culturii Zarubinec astfel de agrafe sunt încadrate între sfârşitul sec. III şi prima jumătate a sec. I a. Chr. (Пачкова 2006, 108). Prin urmare, fixăm subfaza II.a în ultimul sfert al sec. II - primele decenii al sec. I a. Chr.

Pentru stabilirea cronologiei absolute a subfazei II.b, avem în vedere, în primul rând, piesele de centură de tip II.2 (fig. 6/9).

Ţinem să menţionăm că în mediul culturilor „germanice" din epoca preromană recentă a fierului cunoaştem multe analogii pentru piesele de centură în formă de pinten (tip II.2) (Müller 1985, Taf. 20/9,10; Fenske 1986, Taf. 54/73; Brandt 2005, 63, Abb 7/5; Keiling 2008, 104). Reţinem că în mediul culturii Jastorf majoritatea paftalelor de acest tip sunt mult mai vechi decât cele de la Boroseşti (Müller 1985, 86-87, Abb. 13). Totuşi, în Pomerania, mai exact în M. 4 din cimitirul de la Schönfeld, o pafta în formă de pinten (Keiling 1992, 64, Abb. 14/d) se asocia cu o fibulă de tip II.4 (*Kostrzewski H*) (Keiling 1992, 58, Abb. 14/b), accesoriu definitoriu pentru LT D1 sau faza II.b a culturii Jastorf din Pomerania (Keiling 1979, Abb. 9). Această datare este confirmată şi de descoperirile de la Gemarkung Kölln (Brandt 2005, 63, Abb 7/5) şi Fenske (Cosa 1986, 18). În acest sens presupunem că în date absolute subfaza II.b a cimitirului de la Boroseşti trebuie fixată în prima jumătate a sec. I a. Chr.

Astfel, limitele cronologice ale necropolei de la Boroseşti le plasăm la începutul celui de al doilea sfert al sec. II şi mijlocul sec. I a. Chr.

Cronologia propusă de noi coincide sau, în cel mai bun caz, nu vine în contradicţie cu datarea propusă de M. Babeş, care spunea că necropola, de altfel ca şi aşezarea, de la Boroseşti a funcţionat între primul sfert al sec. II şi mijlocul sec. I a. Chr. (Babeş 1993, 153). Această propunere este oarecum susţinută şi de V.E. Eremenko, care opina că cimitirul respectiv a început să fie utilizat la începutul sec. II a. Chr. (Еременко 1997, 116).

Un alt cimitir ce datează cu siguranţă încă din prima jumătate a sec. II a. Chr. este cel de la Lucaşeuca (Федоров 1957). Cu regret, necropola eponimă nu a fost cercetată integral (fig. 8), fiind dezvelite doar 21 de morminte (Федоров 1957; Федоров 1960, 23). Deşi inventarul mormintelor de la Lucaşeuca este foarte sărăcăcios (din care cauză nu am putut întocmi o diagramă cu asocierea pieselor de inventar), credem că şi aici, ca în cazul celorlalte necropole discutate, avem de a face cu două etape cronologice.

Astfel, mormântul 15 ar reprezenta faza veche de înmormântări. Piesa ce încadrează acest complex în orizontul I al necropolei de la Lucaşeuca o reprezintă paftaua de tip II.1 (Федоров 1960, таб. 7/25). Cum menţionam anterior, astfel de exemplare marchează începutul epocii preromane recente a fierului în regiunea Brandenburg (Seyer 1982, 18). Aserţiunea noastră este confirmată şi de descoperirile de la Boroseşti, unde astfel de piese au apărut doar în faza I (fig. 7).

Cât priveşte orizontul târziu al necropolei de la Lucaşeuca, acesta, foarte probabil, este reprezentat de mormintele 9 şi 10. Menţionăm că în mormântul 9 s-a descoperit un castron de tip 1 şi o fibulă de tip II.3a (Федоров 1960, таб. 7/6). În cimitirul de la Boroseşti castroanele cu gura largă, buza îngroşată, faţetată şi evazată, umărul profilat, partea inferioară tronconică (tip I) sunt caracteristice fazei finale de evoluţie a necropolei (fig. 7). La fel este şi în cazul fibulelor de tip II.3a, care la Boroseşti se datează, cu precădere, în subfaza II.b (fig. 7).

Piesa ce încadrează mormântul 10 în etapa finală de evoluţie a sitului de la Lucaşeuca o reprezintă paftaua de tip I.2 (Федоров 1960, таб. 7/9). În mediul culturii Jastorf, astfel de exemplare se datează, de regulă, în perioada IIb - începutul fa-

[3] Amintim că din aşezarea de la Boroseşti, mai exact din complexul A/SI şi locuinţa(?) J/SIII, provin două toarte de amfore ştampilate, care poartă numele eponimului Aristeidas II (Babeş 1970, 225, fig. 1/18; Babeş 1993, 73, Taf. 16/6; 17/2; Iarmulschi 2012a, 199, fig. 3/1-2). Pe baza asocierilor cunoscute în depozitul de la Pergam, activitatea respectivului eponim este datată între 168/166 a. Chr. (Finkielszteijn 2001, tab. 19; Jöhrens 2005, Abb. 6/2).

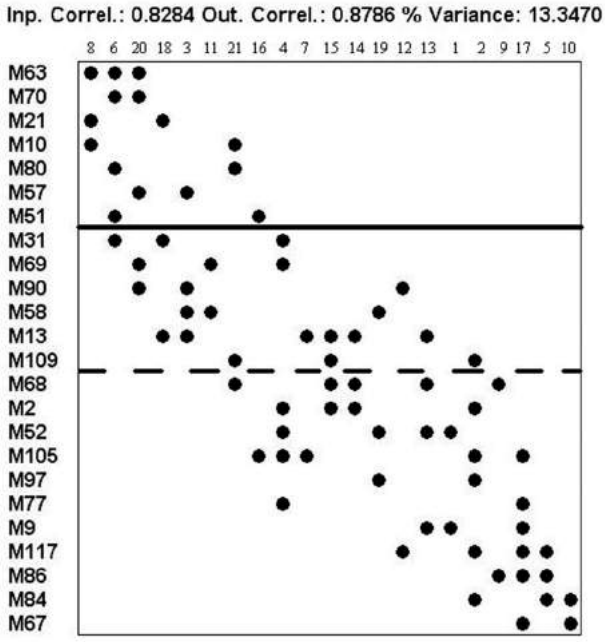


Fig. 7. Boroseşti. Înserierea mormintelor ce conţin tipuri de inventar.

zei IIc a epocii preromane recente a fierului din regiunea Holstein (Hingst 1962, 83; Brandt 2001, 118-119). Asemenea piese se cunosc şi pe teritoriul locuit de geto-daci (Babeş 1983, 200-202, fig. 3; Rustoiu 1997, 120-121) şi se încadrează în LT D1 (Babeş 1983, 211; Babeş 1993, 101; Rustoiu 1997, 120-121).

Exemplare oarecum similare erau purtate şi de scordisci, unde ele se datează, de regulă, în prima jumătate a sec. I a. Chr. (Todorovič 1968, 62; Babeş 1983, 207-209; Babeş 1993, 101; Guštin 2011, 242, 251).

În concluzie putem afirma că necropola de la Lucaşeuca, cel mai probabil, a cunoscut două faze de evoluţie. În cronologia absolută respectivul sit poate fi datat între mijlocul sec. II – prima jumătate a sec. I a. Chr.

Necropola de la Buhăieşti, cercetată doar parţial (Teodor 1957; Babeş 1993, 194), îşi are începutul, foarte probabil, în ultimul sfert al sec. II a. Chr. (Babeş 1993, 142). Avem în vedere aici în primul rând mormântul 1, din inventarul căruia face parte o fibulă de tip II.1 şi un castron cu gura largă, buza îngroşată, faţetată şi evazată, umărul profilat, partea inferioară tronconică (tip I) (Teodor 1957). Amintim că în necropola de la Boroseşti fibulele de tip II.1 (*Kostrzewski A*) şi castroanele de tip I sunt caracteristice fazei a doua (cca 125-60 a. Chr.) de evoluţie a sitului (fig. 7).

Puţin mai târziu datăm mormântul 2, în care a apărut un ac, o piatră pentru lustruirea ceramicii şi o fusaiolă lucrată din perete de amforă (Babeş 1993, 142, 194). Este important de menţionat că în necropola de la Boroseşti mormintele, ce aveau în inventar asemenea ustensile (M.2 şi 9), au fost încadrate în subfaza II.b de evoluţie a sitului (fig. 7).

Astfel, având în vedere o anumită doză de probabilitate (întrucât doar o mică parte din sit a fost cercetată), presupunem că necropola de la Buhăieşti a funcţionat în LT D1, ceea ce în date absolute înseamnă sfârşitul sec. II - prima jumătate a sec. I a. Chr.

Din aceeaşi perioadă datează mica necropolă de la Şipoteni, descoperită de G.P. Sergeev (Сергеев 1956, 135-139). Amintim că aici au fost găsite două morminte cu situle de bronz şi o fibulă de tip II.3b (Сергеев 1956, 135-139).

Recipientele din bronz descoperite la Şipoteni sunt asemănătoare unor exemplare, denumite în literatura de specialitate *Profelierte Eimer mit eisernem Reifen* (Wielowiejski 1985, 157) sau *Situle con cerchiatura in ferro* (Bolla, Boube, Guillaumet 1991, 12-13).

Datarea acestui tip de situle este destul de dificilă. Astfel, din câte se pare, cel mai vechi exemplar provine din mormântul 8 de la Montefortino, datat între prima treime a sec. III şi începutul sec. II a. Chr (Bolla, Boube, Guillaumet 1991, 12; Bârcă 2006, 105; Симоненко 2011, 48). Mai târzie este considerată situla de la Villanueva de Córdoba,

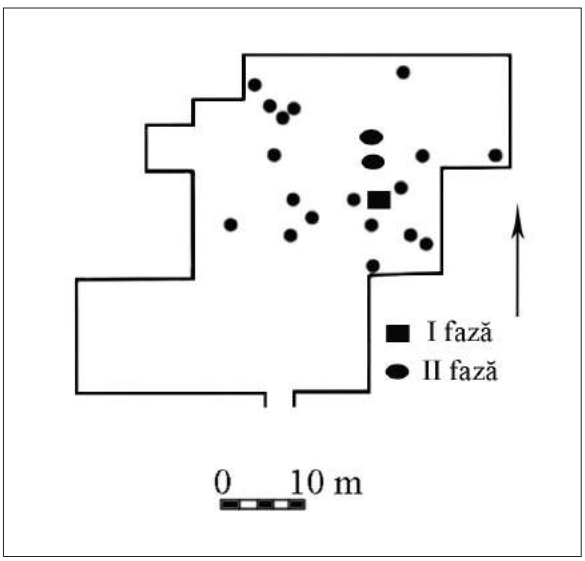


Fig. 8. Lucaşeuca. Cartarea fazelor cimitirului.

în care a apărut un tezaur monetar format din 130 de denari romani, datat între sfârşitul sec. II - începutul sec. I a. Chr. (Wielowiejski 1985, 157; Bolla, Boube, Guillaumet 1991, 12). Fazei A2 a culturii Przeworsk este atribuită situla din mormântul de la Zubowice (Dąbrowska 1988, 71, Abb. 12/a; Sadowski 2007, 140, Fot. 1). De notat că din inventarul mormântului respectiv făcea parte şi o fibulă de tip *Kostrzewski K* (Dąbrowska 1988, Abb. 12/n), asemenea agrafe fiind definitorii pentru LT D1-D2a (Meyer 2001, 172). În prima jumătate a sec. I a. Chr. sunt datate vasele de la Bădeni şi Bădragii Noi (Babeş 1993, 88, nota 200; Bârcă 2006, 104; Симоненко 2011, 49). O serie de fragmente de situle descoperite în *oppidum*-urile celtice din Europa centrală au fost încadrate cronologic în sec. I a. Chr. (Wielowiejski 1985, 157).

Având în vedere datele menţionate, considerăm că mormintele de la Şipoteni trebuie datate între sfârşitul sec. II - prima jumătate a sec. I a. Chr. Această încadrare cronologică este confirmată şi de fibula de tip II.3b descoperită aici (Сергеев 1956, 135-139). Amintim că asemenea piese la Poieneşti au apărut doar în faza finală de funcţionare a necropolei (fig. 3).

În aceeaşi perioadă cronologică includem mormântul de la Orheiul Vechi, care cuprindea în inventarul său un castron de tip 1 şi o fibulă de tip II.3b (Ткачук 1991, 50-51, рис. 4/2-3).

La Cârligi, castronul de tip 1 se asociază cu o fibulă de tip II.1 (*Kostrzewski A*) (Mitrea 1980, 433-434, fig. 2-3). Astfel de exemplare marchează faza finală a necropolei de la Boroseşti (fig. 3). Prin urmare, acest mormânt îl datăm în aceleaşi limite cronologice (sf. sec. II - prima jumătate a sec. I a. Chr.).

Necropola de la Dolineni este situl reprezentativ al limitei superioare a culturii P-L (Babeş 1993, 142; Iarmulschi 2012b). Amintim că în urma a cinci campanii de săpături (1977-1978, 1985, 1987-1988), conduse de G. Smirnova şi V. Megej, au fost descoperite 58 de morminte (Смирнова 1981, 193-207; Smirnova, Megei 1995, 133-160).

Pentru stabilirea cronologiei interne a necropolei am întocmit o diagramă a incidenţelor dintre seriile tipologice de obiecte descoperite în complexe funerare (fig. 10). Luând în consideraţie asocierea pieselor de inventar, am separat două grupuri principale de morminte, pe care le considerăm faze distincte de evoluţie a sitului (fig. 11) (Iarmulschi 2012b, 86).

Pentru prima grupă, care cuprinde morminte dintr-o fază mai veche (I), tipul director este fibula de tip II.3[4] (fig. 10/1). În mormintele din această fază se întâlnesc şi marea majoritate a brăţărilor de tip 1 (fig. 10/6). La fel, în această etapă încep a fi utilizate fibulele de tip II.4, paftalele de tip I.2 şi brăţările de tip 2 (fig. 10/2, 4, 7; 11) (Iarmulschi 2012b, 86).

Pentru faza târzie de morminte tipul director este fibula de tip III.3 (fig. 10/3). Ca piese specifice se numără şi cuţitele de tip I.1 (fig. 10/8). În aceeaşi etapă continuă să fie utilizate fibulele de tip II.4 şi brăţările de tip 2 (fig. 10/2, 7; 11) (Iarmulschi 2012b, 86)

Urmărind dispunerea celor două grupe de morminte în planul necropolei, observăm că ele sunt plasate în zone distincte. Astfel, mormintele din grupa I ocupă un sector din partea de nord-vest a sitului. Aici au fost descoperite patru din cele şase morminte din grupa timpurie, ce pot fi incluse în diagramă. Celelalte două complexe funerare sunt amplasate în zonele central-vestică şi, respectiv, central-estică a cimitirului (fig. 9).

Mormintele din faza târzie se întâlnesc frecvent în partea de sud-est a necropolei. Aici au fost identificate trei din cele şapte complexe funerare datate în etapa finală. Restul, patru înmormântări, ocupă un sector din centrul cimitirului (fig. 9) (Iarmulschi 2012b, 87).

Având în vedere aceste date, presupunem că necropola de la Dolineni, din punctul de vedere al evoluţiei spaţiale s-a dezvoltat/extins dinspre nord-vest spre sud-est. De asemenea, credem că situl a cunoscut două faze de înmormântări. Situaţia dată confirmă unele opinii cu privire la cronologia şi periodizarea acestei necropole (Babeş 1993, 142, Abb. 41-42; Каспарова 1993, 90-93, табл. 30).

Raportată la cronologia absolută, datarea primei faze a respectivului cimitir o plasăm între anii 125-60 a. Chr. Spre această încadrare ne conduc, în primul rând, fibulele de tip II.3, care în mediul culturii P-L se datează, de regulă, între mijlocul

[4] Amintim că într-un caz, mai exact în M. 28 de la Dolineni, fibula de tip II.3 se asociază cu o agrafă de tip III.3 (Smirnova, Megei 1995, 139, fig. 4/28a-b). De notat, că asemenea piese sunt tipice pentru a doua jumătate a sec. I a. Chr. (Babeş 1993, 96; Brandt 2001, 82; Völling 2005, 126-128).

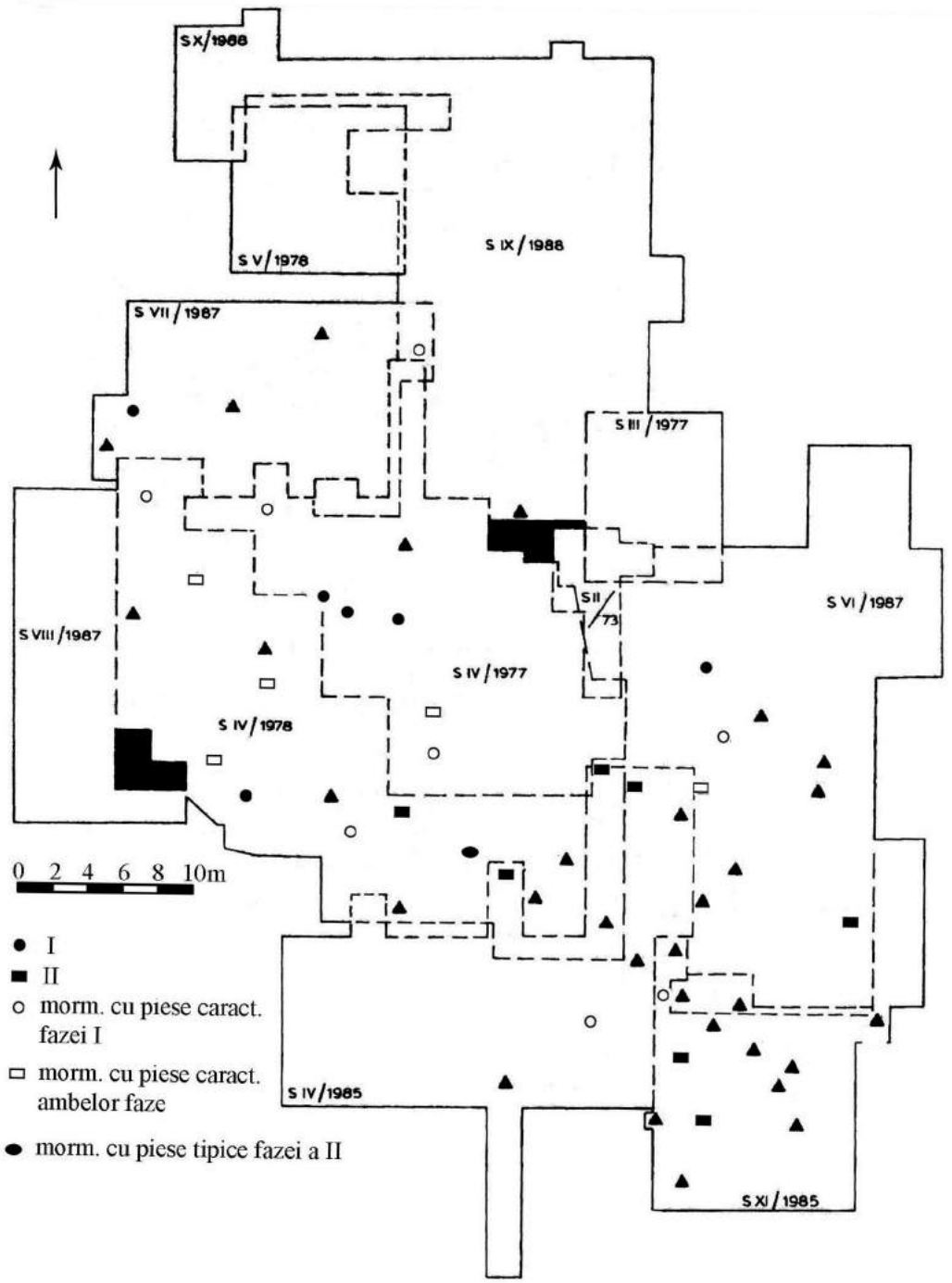


Fig. 9. Dolineni. Cartarea fazelor necropolei.

sec. II - prima jumătate a sec. I a. Chr. (Babeş 1993, 93). Cea de a doua fază o fixăm între anii 60-20 ai sec. I a.Chr. Tipul definitoriu al acestei etape este reprezentat de fibula de tip III.3 (*Kostrzewski N*). De notat că asemenea piese sunt tipice pentru LT D2 (Brandt 2001, 91; Völling 2005, 124-129).

Prin urmare, considerăm că situl de la Dolineni a funcţionat între a doua jumătate a sec. II - ultimul sfert al sec. I a. Chr.

Cum menţionam anterior, pentru a elabora un tablou cât mai clar privind cronologia şi periodizarea descoperirilor funerare de tip Poieneşti-Lucaşeuca, vom elabora o diagrama finală a combinaţiilor pieselor de inventar din cadrul celor mai importante necropole cât şi din unele morminte izolate.

Astfel, din tabloul general oferit de înserierea a 76 de morminte şi în funcţie de asocierile dintre 31

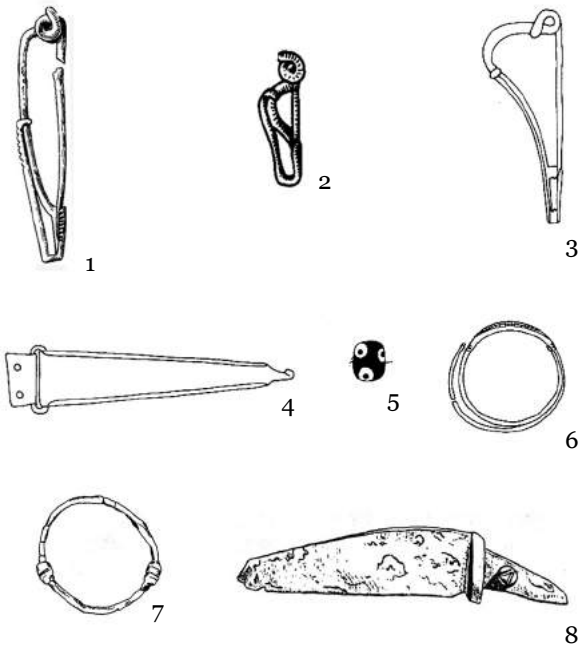


Fig. 10. Dolineni. Tipuri de inventar selectate la înseriere.

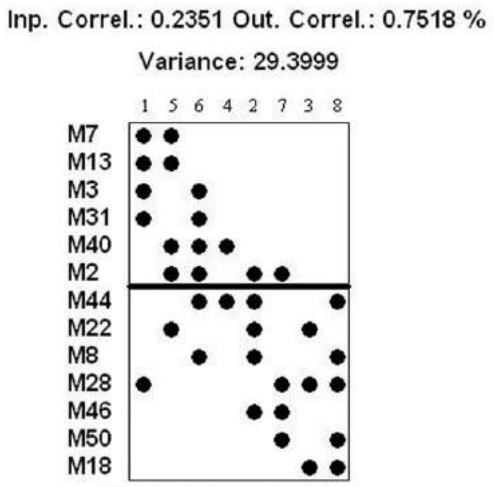


Fig. 11. Dolineni. Înserierea mormintelor ce conţin tipuri de inventar.

de tipuri de inventar selectate în acest sens (fig. 12), am desprins patru grupe de înmormântări (fig. 13; 14).

Prin intermediul pieselor cu o cronologie sigură (avem în vedere, în primul rând, accesoriile de port de origine Latène şi nord-central europeană), aceste grupări pot fi fixate într-un sistem de datări absolute:

1. Pentru prima grupă sunt caracteristice fibulele de fier cu sfere de bronz prinse pe arc (tip II.5) şi paftalele de tip III.3. La fel, în această etapă se întâlnesc majoritatea saltaleonilor, fibulelor de tip II.2 şi oalelor globulare, cu umăr curbat, gât tronconic îngustat şi buza retezată drept (fig. 15). Cronologic această grupă se manifestă pe parcursul fazei LT C1b, deci, în ultimele decenii ale sec. III - primul sfert al sec. II a. Chr. Acestei etape îi corespund mormintele 536, 105, 390, 339, 3, 147, 572, 340, 528, 434, 392, 535 şi 394 din necropola de la Poieneşti (fig. 13; 14).
2. A doua grupă este definită de prezenţa sau asocierea unor piese precum mărgele din pastă de sticlă cu folie de aur în interior (tip I.1), fibule de tip III.1, paftale cu placa triunghiulară şi cârligul în formă de cioc (tip II.1) şi paftale în formă de bandă (tip III.1), oale cu corpul aproximativ piriform, umăr curbat, buza uşor trasă în exterior, nefaţetată şi cu fundul concav (tip III.E) (fig. 15). Orizontul dat, în diagrama cu incidenţa pieselor de inventar, este reprezentat de mormintele 80, 10, 33, 21, 31, 68, 63, 70, 143 şi 51 din necropola de la Boroseşti; complexele funerare nr. 441, 440, 149 şi 337 din cimitirul de la Poieneşti; şi mormintele 35 şi 40 din necropola de la Dolineni (fig. 13; 14). Această grupă de morminte o sincronizăm cu LT C2, ceea ce, în date absolute, corespunde sferturilor doi şi trei ale sec. II a. Chr.
3. Orizontul trei este cel mai bine reprezentat, fiind definit prin prezenţa sau asocierea de piese precum cuţite cu muchia şi tăişul curb, iar pedunculul pentru fixarea mânerului lung şi oblic (tip II.3), fibule de tip II.1, II.3 şi II.4 (*Kostrzewski A, B şi H*), paftale cu placa de formă triunghiulară închisă şi cârlig cu buton (tip I.2), oale cu corpul aproximativ sferoidal şi buza dreaptă (tip III.C) şi castroane cu gura largă, buza îngroşată, faţetată şi evazată, umărul profilat, partea inferioară tronconică (tip I) (fig. 15). Această grupă cuprinde 41 de morminte din cadrul necropolelor de la Poieneşti, Boroseşti, Lucaşeuca, Dolineni, Buhăieşti, precum şi înmormântările izolate de la Cârligi şi Orheiul Vechi (fig. 13; 14) Orizontul respectiv corespunde perioadei LT D1 (sf. sec. II - prima jumătate a sec. I a. Chr.)
4. Ultimul orizont cuprinde doar şase morminte, toate de la Dolineni (fig. 13; 14). Piese caracteristice acestei grupe de înmormântări sunt fi-

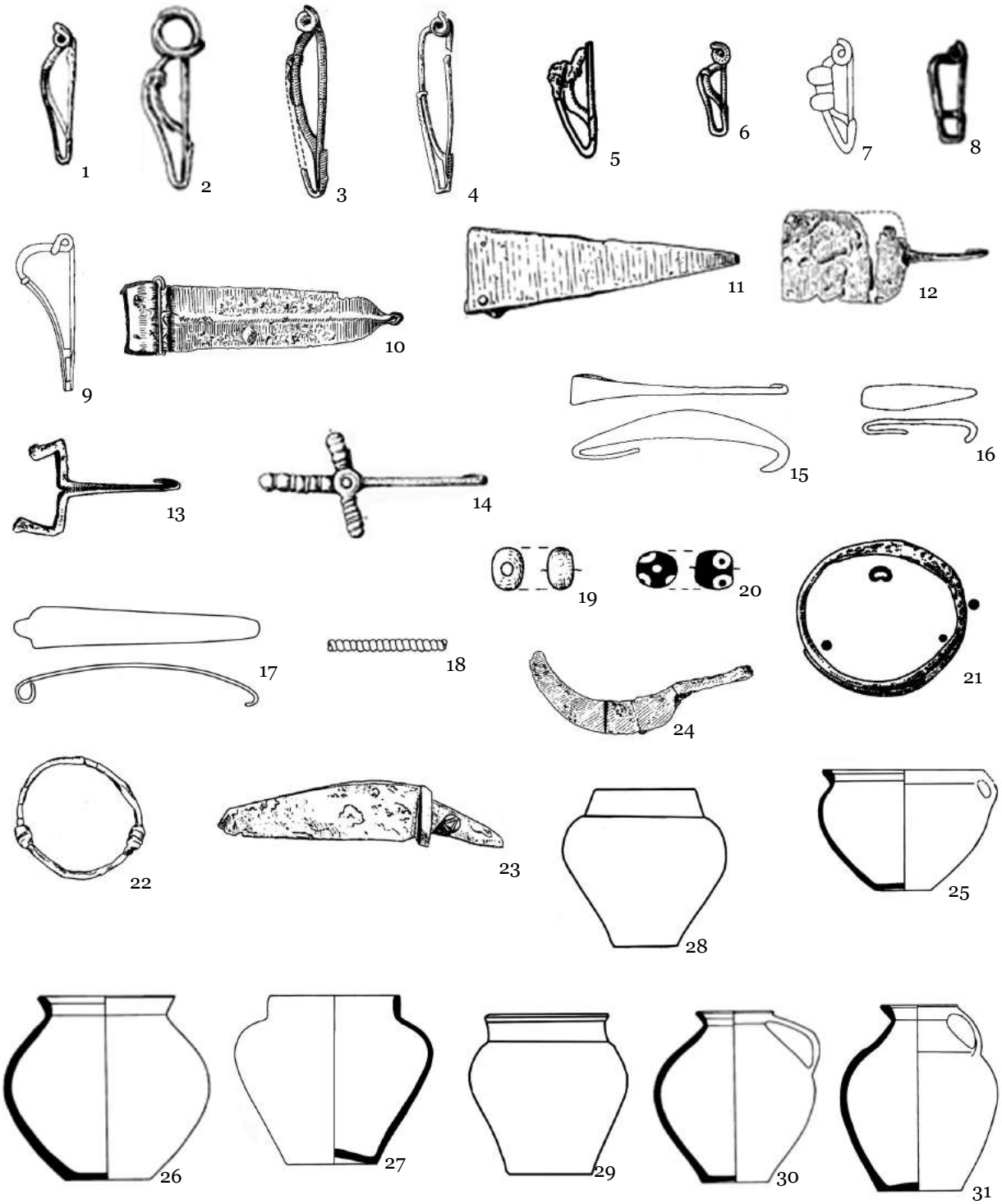


Fig. 12. Tipuri de inventar arheologice din morminte/necropole de tip Poieneşti-Lucaşeuca.

bulele de tip III.2, III.3 (*Kostrzewski M* şi *N*) şi brăţările cu secţiunea circulară, formând o spiră şi jumătate, şi cu capetele înfăşurate (fig. 15). Acest ultim orizont debutează, cel mai probabil, la mijlocul sec. I a. Chr., continuând până în anii ‘20 ai aceluiaşi secol.

Prin urmare, având în vedere cronologia şi periodizarea descoperirilor funerare, putem evidenţia patru faze de evoluţie a culturii Poieneşti-Lucaşeuca, care ocupă o perioadă de cca două secole, de la sfârşitul sec. III până la ultimul sfert al sec. I a. Chr.

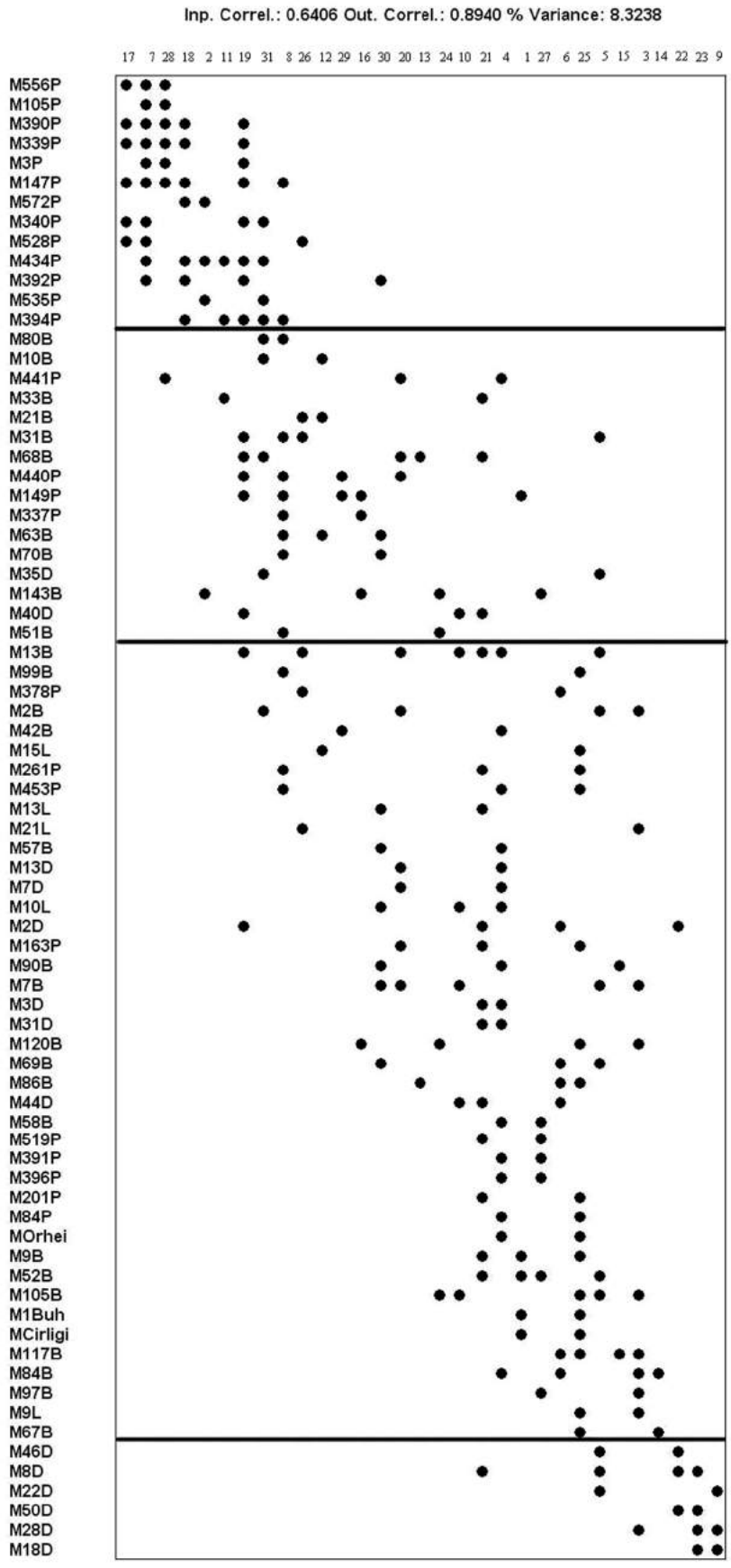


Fig. 13. Înserierea pieselor cu relevanţă cronologică din mormintele de tip Poieneşti-Lucaşeuca.

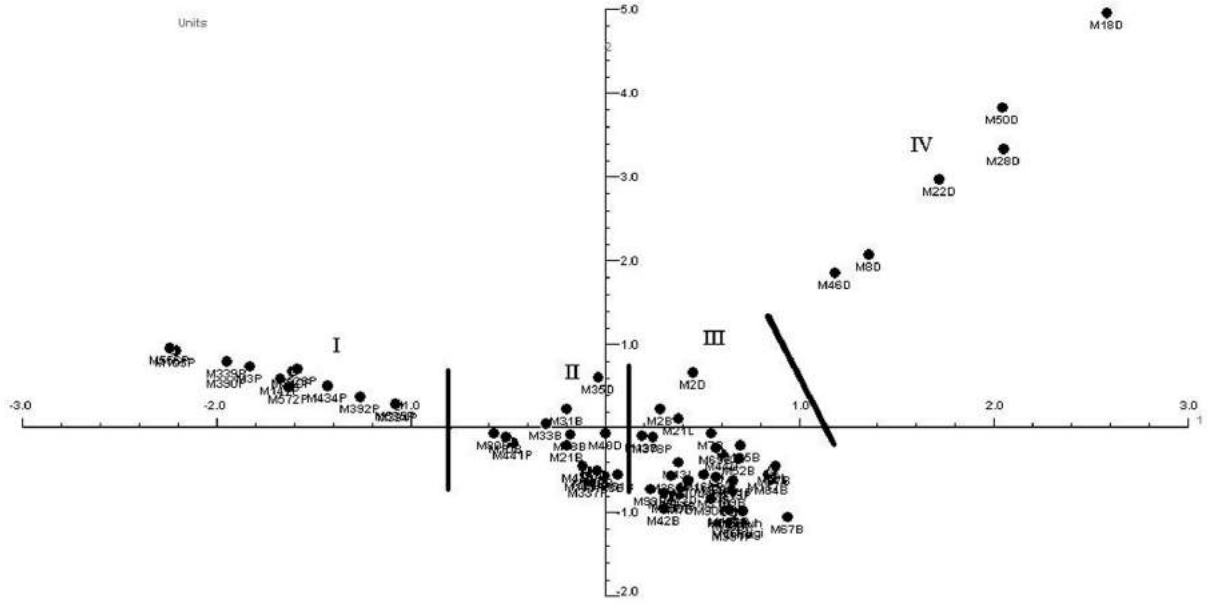


Fig. 14. Periodizarea descoperirilor funerare.

Aşezările

În ceea ce priveşte aşezările, trebuie să notăm că acestea, de regulă, nu conţin materiale databile. Astfel, încadrarea cronologică a siturilor de habitat este dificilă. Totuşi, în cadrul unor staţiuni s-a semnalat prezenţa amforelor elenistice, vestigii arheologice ale căror relevanţă cronologică este incontestabilă. În majoritatea cazurilor este vorba de fragmente de amfore, care au apărut în 35 de aşezări (Iarmulschi 2012a, 195, fig. 1). Bazându-ne pe informaţia de care dispunem la momentul actual, putem să enumerăm următoarele centre de producţie: Rhodos, Sinope, Cos, Chersones, Bospor şi Olbia, (Babeş 1985, 193; Conovici 1992, 10; Babeş 1993, 72-75; Munteanu 2004, 148; Iarmulschi 2012a, 195). Important este faptul că pe unele fragmente de toarte s-au păstrat ştampile cu numele magistratului sau al producătorului, ambele fiind relevante pentru datarea acestor situri prin analogii cu lumea grecească.

Astfel, limita inferioară de datare a amforelor elenistice este determinată de fragmentul ce poartă numele magistratului Xenophantos I, descoperit la Lunca Ciurei[5] (Petrescu-Dîmboviţa et al. 1955, fig. 14). Pe baza asocierilor cunoscute, activitatea acestui magistrat a fost încadrată în perioada IIb (219-210 a. Chr.) după Finkielszteijn (Finkielszteijn 2001, tab. 18).

Limita superioară pentru datarea importurilor rhodiene este indicată de una din amforele ştampilate recuperate din aceeaşi staţiune[6] (Tudor 1967, 53), al cărei producător a activat între anii 145-108 a. Chr. (Finkielsztejn 2001, tab. 11). Majoritatea ştampilelor, ce poartă numele unor eponimi rhodieni, pot fi datate destul de restrâns, între 172-161 a. Chr., conform cronologiei lui Finkielszteijn (Iarmulschi 2012a, 201).

În baza datării amforelor elenistice, M. Babeş a separat două grupe de aşezări diferite din punct de vedere cronologic: prima – în care s-a semnalat ceramică de producţie rhodiană (datată între cca 210-146 a. Chr.), iar a doua – cele lipsite de astfel de materiale (Babeş 1985, 203; Babeş 1993, 146). Astfel, autorul citat remarca că în staţiunile ce conţin amfore rhodiene s-au descoperit piese care par să se încadreze în aceleaşi limite cronologice pe care le indică ceramica grecească, în timp ce în aşezările celui de-a doua grup s-au găsit obiecte de provenienţă mai târzie, precum şi unele forme de ceramică mai evoluată (Babeş 1985, 203).

Ţinând cont de datarea amforelor rhodiene, M. Babeş opina că începutul locuirii în aşezările mai

[5] Nu excludem posibilitatea ca acest fragment de amforă să aparţină nivelului getic, ce a fost semnalat în aşezarea respectivă (Babeş 1970, 227, nota 37; Măndescu 2010, 104)

[6] În stratul de cultură al aşezării a fost găsit fragmentul unei toarte de amforă rhodiană ce poartă numele producătorului Damophilos (Tudor 1967, 53 cat. 11; Babeş 1993, 75.205, cat. 11). G. Finkielszteijn analizează asocierea acestuia cu eponimul Klenostratos şi Leontidas, datând-o în perioada a V (145-108 a. Chr.) (Finkielszteijn 2001, tab. 11).

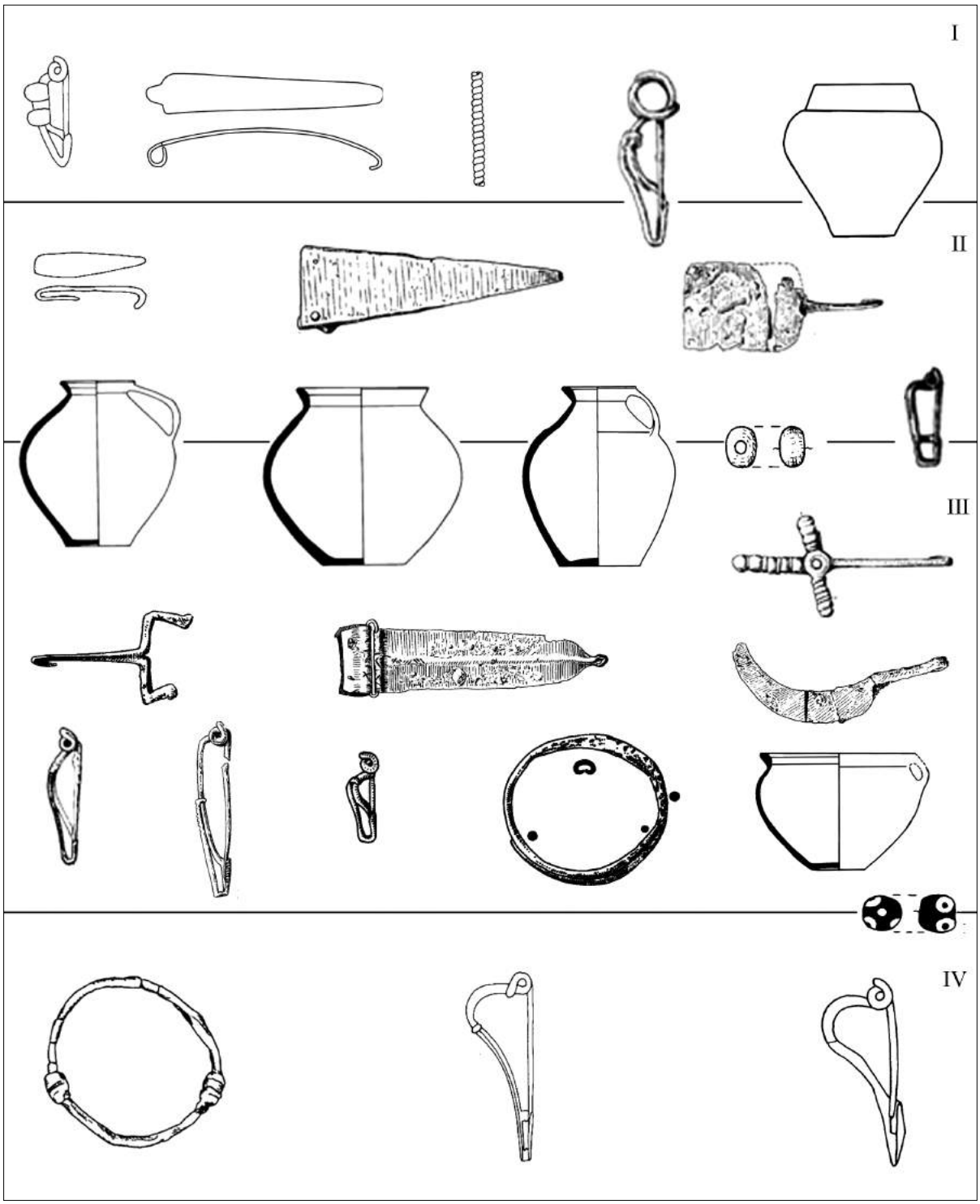


Fig. 15. Repartizarea cronologică a elementelor de datare din cadrul mormintelor/necropolelor de tip Poieneşti-Lucaşeuca.

vechi trebuie plasat la începutul sec. II a. Chr. (Babeş 1993, 153) sau în jurul anului 200 a. Chr. (Babeş 2001, 522). Credem că ar fi posibilă o mai mare precizie în datarea funcţionării unor aşezări, pornind de la contextul altor descoperiri de tip Poieneşti-Lucaşeuca.

Astfel, o datare certă a semnalării primelor triburi bastarne aşezate în spaţiul carpato-nistrean este înregistrată în staţiunea de la Gorošovo (Пачкова 1983) prin intermediul brăţărilor de sapropelit descoperite în locuinţele nr. 3 şi 8 (Пачкова 1983, 17, 29, 30, рис. 12/7-9). Este necesar de

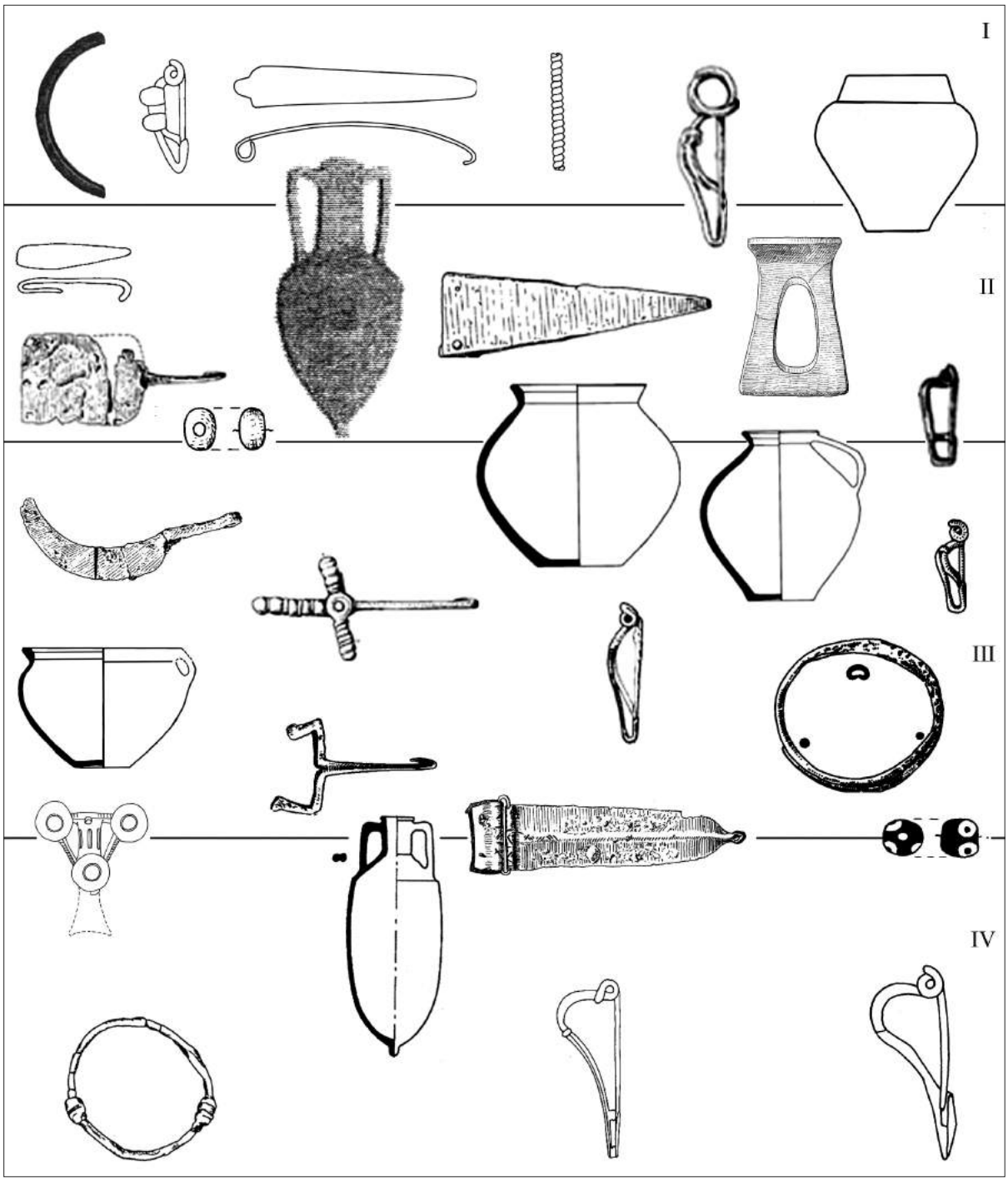


Fig. 16. Repartizarea cronologică a elementelor de datare din cadrul descoperirilor funerare şi aşezărilor de tip Poieneşti-Lucaşeuca.

menţionat că aceste podoabe în lumea celtică central-europeană sunt caracteristice LT B2b-C1 (Bujna 1982, 331). Prin urmare, considerăm că staţiunea respectivă a fost înfiinţată în perioada când asemenea piese încă nu ieşiseră din modă, respectiv în LT C1b, ceea ce în date absolute corespunde ultimelor decenii ale sec. III - primului sfert al sec. II a. Chr.

Aceleiaşi etape a pătrunderii primelor triburi bastarne în regiunile centrale şi de nord ale Moldovei îi corespunde, probabil, aşezarea de la Borniş (Popovici 1981-1982), după cum o demonstrează fibula de tip III.1[7] şi fragmentul de amforă rhodiană descoperite acolo (Popovici 1981-1982, 155,

[7] Autorul descoperirii a atribuit greşit piesa perioadei romano-bizantine (VI-VII p. Chr.) (Popovici 1988, 250).

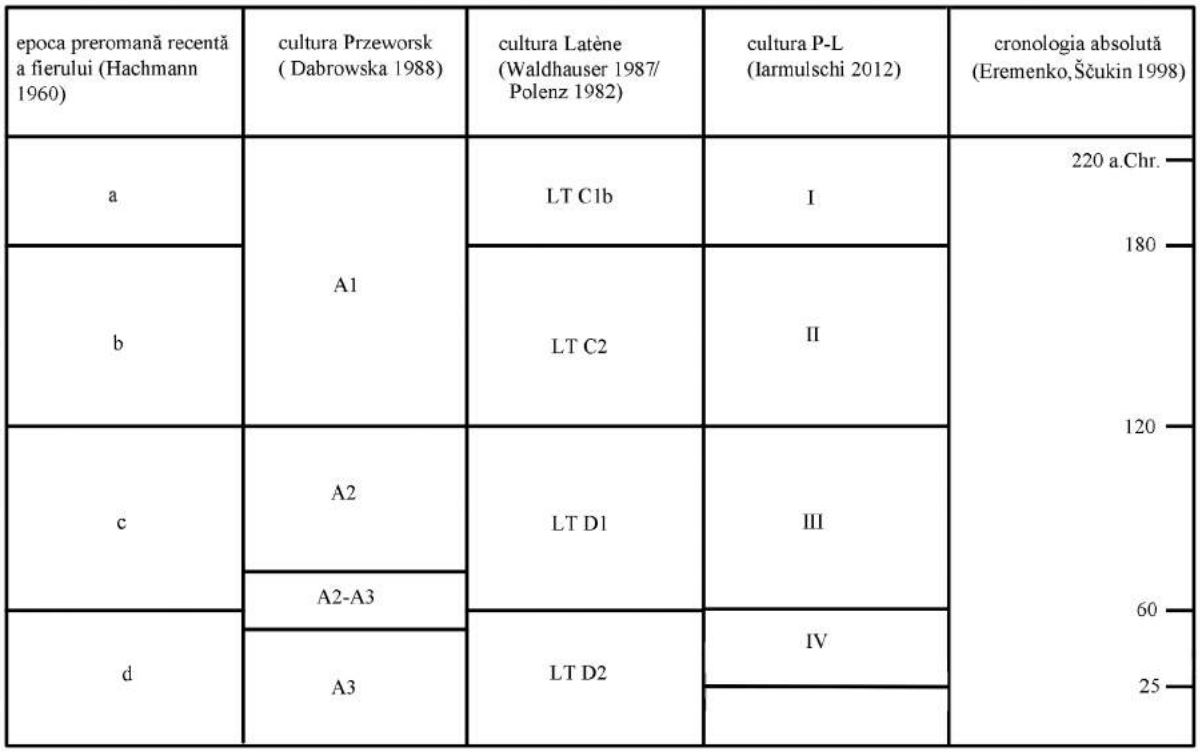


Fig. 17. Tabelul cronologic comparativ al epocii preromane recente a fierului în Europa Nord-Centrală şi de Sud-Est.

fig. 2; Popovici 1988, 250, fig. 1/1). Amintim că fragmentul amforistic purta numele eponimului Xenophanes (Popovici 1981-1982, 155, fig. 2). Pe baza asocierilor cunoscute activitatea lui a fost plasată în 203 a.Chr (Lungu 1990, tab. I), între 202-201 a. Chr. (Grace, Savvatianou-Pétropulakou 1970, 294; Conovici 1992, 10; Munteanu 2004, 148), 199 a. Chr. (Jöhrens 2001, 397, cat. 93-94) sau 189 a. Chr. (Finkielszteijn 2001, tab. 19; Mateevici 2009, 268).

La Kruglik (Тимощук, Винокур 1962, 73-76; Babeş 1993, 222) avem de a face cu o locuire ce a durat, foarte probabil, de la sfârşitul sec. III până spre mijlocul sec. I a. Chr. (LT C1b-LT D1). Dintre piesele cu relevanţă cronologică descoperite aici, amintim fragmentul de toartă de amforă de Chersones, datată la sfârşitul sec. III a.Chr. (Тимощук, Винокур 1962, 74; Babeş 1993, 75), fibula de tip III.1, care este caracteristică LT C1b-LT C2 (Babeş 1993, 143), şi secerile de fier a căror datare urcă până în prima jumătate a sec. I a. Chr. (Babeş 1993, 81-82).

Printre cele mai timpurii aşezări de tip P-L poate fi considerată şi staţiunea de la Lunca Ciurei (Teodor 1987; Babeş 1993, 204-206). Drept piese ce îndreptăţesc această opinie menţionăm, în primul rând, fragmentele de amfore rhodiene care se datează între 219/210-145/108 a. Chr. (Mateevici 2009, 268; Iarmulschi 2012a, 197). Cât priveşte pintenul de fier descoperit în locuinţa nr. 4 (Teodor 1987, 79, 25/5), menţionăm că exemplare asemănătoare în mediul culturii Przeworsk au fost atribuite fazei A2 (Łuczkiewicz 2006, 147-148), iar în *oppidum*-ul celtic de la Manching – LT-ului D1 (Sievers 2010, 39). Piese similare se cunosc şi în spaţiul locuit de geto-daci, acolo ele se datează, de regulă, în sec. I a. Chr. (Ursachi 1995, 145-146).

Ansamblul tuturor elementelor cu valoare cronologică ne conduc spre o datare a nivelului P-L de la Lunca Ciurei între sfârşitul sec. III - prima jumătate a sec. I a. Chr.

O extrem de interesantă succesiune stratigrafică a putut fi observată în aşezarea la Orheiul Vechi (Ткачук 1991, 44-53; Postică, Munteanu 1999, 457-494), aici fiind semnalate două niveluri arheologice (Postică, Munteanu 1999, 464). Primul orizont este reprezentat de locuinţa adâncită nr. 4 şi gropile 7-9 (Postică, Munteanu 1999, 464). Notăm că locuinţa nr. 4 era parţial suprapusă de

locuinţa de suprafaţă nr. 2, iar gropile 7 şi 8 au fost întretăiate de locuinţa adâncită nr. 1 (Postică, Munteanu 1999, 459, 461).

Celui de al doilea nivel îi corespund locuinţele nr. 1 şi 2 (Postică, Munteanu 1999, 464). Luând în consideraţie observaţiile stratigrafice cât şi faptul că în locuinţa nr. 2 s-a descoperit o psalie în forma literei *C*, lucrată dintr-o bară de fier (Postică, Munteanu 1999, 459, fig. 20/5), care în mediul culturii P-L este caracteristică LT D1 (Babeş 1993, 119), sincronizăm prima fază cu LT C2, iar cea de a doua cu LT D1.

Aceleiaşi etape cronologice îi aparţin, foarte probabil, aşezările de la Boroseşti (Babeş 1993, 130.183-184), Lucaşeuca II (Федоров 1960, 240-246; Романовская 1962), Potârca (Arnăut 2003, 251), Ulmu (Romanovskaja 1987) etc., în care s-au descoperit fragmente de amfore rhodiene, fibule, piese de podoabă, căţei de vatră ce permit datarea acestor situri în intervalul cuprins între prima jumătate a sec. II - anii ‘60 ai sec. I a. Chr. (Babeş 1993, 130).

Într-o fază mai târzie a culturii P-L datăm aşezările de la Ghelăieşti, Sokol, Rudi şi, probabil, un şir de situri din nordul spaţiului carpato-nistrean, a căror atribuire etno-culturală rămâne a fi discutată (P-L sau Zarubinec?) (Babeş 1993, 130). Acestor aşezări le sunt caracteristice forme mai evoluate de vase (cele cu profilul în formă de *S*), fibule pomeraniene, amfore de pseudo-Cos. În date absolute fixăm perioada de funcţionare a respectivelor situri în primele trei sferturi ale sec. I a. Chr.

Reunind într-un tabel unitar rezultatele analizei anterioare, am evidenţiat patru faze de evoluţie a culturii P-L (fig. 16), fiecare dintre acestea caracterizate de asocieri definitorii de piese cu relevanţă cronologică deosebită.

Prima fază este definită de prezenţa brăţărilor de sapropelit; fibulelor cu sfere de bronz pe arc, agrafelor cu resortul bilateral format din patru spire cu diametrul mare şi coardă exterioară, corpul scund şi puternic arcuit, piciorul repliat pe arc şi prins de el, lângă resort; paftalelor de bandă îngustă; saltaleonilor; oalelor globulare, cu umăr curbat, gât tronconic îngustat, buza retezată drept (fig. 16). Datarea absolută: sfârşitul sec. III - primul sfert al sec. II a. Chr.

Al doilea orizont include amfore de Rhodos; mărgele cu folie de aur în interior, paftale cu cârlig în formă de cioc şi placa rectangulară; piese de centură cu placa triunghiulară fixate la curea direct prin două nituri şi cârlig cu buton; fibule de tip II.3b; brăţări cu mijlocul îngroşat tubular; căţei de vatră în formă de trunchi de piramidă, terminat în partea superioară printr-o platformă cu două laturi arcuite (fig. 16). Datare absolută: 175-125/120 a. Chr.

Orizontului trei îi sunt specifice fibulele de tip II.1 şi II.4, mărgelele din pastă de sticlă (tipurile II.2-5); paftalele cu cârlig îngust (tip I.3); paftalele cu piesă mobilă de fixare, în forma literei *H*; oalele cu corpul aproximativ sferoidal şi cu buza dreaptă; castroanele cu gura largă, buza îngroşată, faţetată şi evazată, umărul profilat, partea inferioară tronconică (fig. 16). Datare absolută: ultimul sfert al sec. II - prima jumătate a sec. I a. Chr.

Ultima fază se caracterizează în special prin fibule apropiate tipului *Kostrzewski M* şi *N*; brăţări cu secţiunea rotundă, formând o spiră şi jumătate (mai rar două), având capetele înfăşurate (tip 2); amfore de pseudo-Cos (fig. 16). Datare absolută: cca 60-25/20 a. Chr.

Luând în consideraţie aceste date, considerăm că limitele culturii P-L trebuie fixate între ultimele decenii ale sec. III şi ultimul sfert al sec. I a. Chr. În sprijinul părerii noastre pot fi aduse şi unele izvoare scrise, care îi menţionează pe bastarni prezenţi la Dunărea de Jos în ultimul sfert al sec. III a. Chr. (Pseudo-Skymnos, v. 797) (Conovici 1992, 11-12; Munteanu, Iarmulschi 2005, 19). În legătură cu aceeaşi dată poate fi pus şi *Decretul în cinstea lui Protogenes* de la Olbia, dacă e să acceptăm totuşi să vedem în acei „galaţi” în alianţă cu scirii (de origine germanică) pe bastarnii din operele autorilor antici. Mai mult ca atât, opinăm că populaţia barbară de la nord de Dunăre, care a lăsat vestigiile culturii P-L şi a fost chemată mai întâi de Filip al V-lea (Titus Livius, XL, 57,2) iar mai târziu de către Perseu (Plutarh 12), să contribuie la rezolvarea unor probleme externe ale regatului macedonean, era în acel timp bine instalată în teritoriile nord-dunărene şi, posibil, a dat motive să se răspândească zvonurile despre forţa sa (Conovici 1996, 371; Munteanu, Iarmulschi 2005, 18).

Este important de notat că, foarte probabil, odată ajunşi în spaţiul est-carpatic, bastarnii au avut de luptat cu populaţia autohtonă. Atât urmele arheologice (distrugerea fortificaţiilor getice, a căror

funcţionalitate se întrerupe, după toate probabilităţile, la sfârşitul sec. III a. Chr., unul din motivele abandonării lor fiind incursiunea triburilor bastarne) (Florescu, Melinte 1968, 132-133; Zanoci 1998, 111; Arnăut 2003, 166; Haheu 2008, 55; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 169), cât şi informaţiile autorilor antici – confruntările cu Oroles (Trogus Pompeius, XXXII, 3, 16) – ne sugerează acest lucru.

Data finală a culturii o plasăm în a doua jumătate a sec. I a. Chr., mai exact în anii 20 ai acestui secol. Drept piese ce urcă această datare menţionăm, în primul rând, fibulele apropiate tipului *Kostrzewski M* şi *N* caracteristice LT D2 (Brandt 2001, 91). Dispariţia culturii ar putea fi pusă, în aceste condiţii, pe încercarea nereuşită a bastarnilor de a trecere la sud de Dunăre în anii 29-28 a. Chr. (Dio Cassius, LI, 23-25) (Babeş 1985, 210).

Din cele expuse am putut vedea că, în termenii cronologiei relative, grupul cultural P-L suprapune stratigrafic cultura getică şi se extinde în timp în patru faze (fig. 13; 14). Aceste etape pot fi sincronizate cu LT C1b, LT C2, LT D1 şi o parte din LT D2 a culturii celtice central-europene, fazele a-d ale epocii preromane recente a fierului după Hachmann sau cu etapele A1, A2 şi, parţial, A3 ale culturii Przeworsk (fig. 17).

Luând în consideraţie datele de care dispunem până în prezent, reiese că limitele cronologice ale culturii P-L sunt cuprinse între ultimele decenii ale sec. III - anii ‘20 ai sec. I a. Chr.

Bibliografie

Alexandrescu 1980: A.D. Alexandrescu, La nécropole gète de Zimnicea. Dacia N.S. XXIV, 1980, 19-126.

Arnăut 2003: T Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Babeş 1985: M. Babeş, Date arheologice şi istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole î.e.n. SCIVA 36/3, 1985, 183-214.

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur kulturgeschichte in Raum ostlich der Karpaten in der letzen Jarhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Babeş 2001: M. Babeş, Spaţiul carpato-dunărean în secolele III-II a. Chr. In: (coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe) Istoria românilor, vol. I (Bucureşti 2001), 501-531.

Babeş, Miriţoiu 2011: M. Babeş, N. Miriţoiu, Practici funerare prelungite în spaţiul carpato-dunărean în secolele V-III a. Chr. ArhMold XXXIV, 2011, 103-149.

Bârcă 2006: V. Bârcă, Nomazi ai stepelor. Sarmaţii timpurii în spaţiul nord-pontic (sec. II-I a. Chr.) (Cluj-Napoca 2006).

Bieger 2003: A. Bieger, Kugelnfibeln. Eine typologisch-chronologische Untersuchung zu den Varianten F, N und O von Beltz (Bonn 2003).

Bockius, Łuczkiewiecz 2004: R. Bockius, P. Łuczkiewicz, Kelten und Germanen im 2-1 Jahrhundert vor Christus (Mainz 2004).

Boula, Boube, Guillaumet 1991: M. Bolla, C. Boube, J.-P. Guillaumet, Les situles. In: (ed. M. Feugère, C. Rolley) La vaisselle tardo-républicaine en bronze (Dijon 1991), 7-22.

Brandt 2001: J. Brandt, Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrrömischen Eisenzeit (Rahden/Westfalen 2001).

Brandt 2005: J. Brandt, Eine Siedlungen der vorrömischen Eisenzeit in der Gemarkung Kölln, Lkr. Demmin. JahrbBodeden 53, 2005, 47-74.

Bucuvolă 1967: M. Bucovală. Necropolele elenistice de la Tomis (Constanţa 1967).

Bujna 1982: J. Bujna, Speigelung der Sozialstruktur auf latènezeitlichen Gräberfeldern im Karpatenbecken. Památky Arch. LXXIII, 1982, 312-431.

Bujna 1995: M. Bujna, Male Kosihy – Latènezeitliches Graberfeld. Katalog (Nitra 1995).

Conovici 1992: N. Conovici. Noi date arheologice privind începuturile culturii Poieneşti-Lukaševka şi prezenţa bastarnilor în Dobrogea. SCIVA 43/1, 1992, 3-14.

Conovici 1996: N. Conovici, Pe marginea unei recenzii. SCIVA 47/4, 1996, 369-373.

Dąbrowska 1988: T. Dąbrowska, Wczesne fazy kultury Przeworskiej (Kraków 1988).

Fenske 1986: R. Fenske, Cosa. Ein Gräberfeld der vorrömischen Eisenzeit im Kreis Neubranderburg (Berlin 1986).

Finkielsztejn 2001: G. Finkielsztejn, Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. Premier bilan. BAR 990, Intern. ser. (Oxford 2001).

Florescu, Melinte 1968: A. Florescu, Gh. Melinte, Cetatea traco-getică din a doua jumătate a mileniului I î. e. n. de la Moşna. SCIV 19/1, 1968, 129-134.

Grace, Savvatianou-Pétropoulakou 1970: V. Grace, M. Savvatianou-Pétropoulakou, La timbres amphoriques grecs. In: (red. Ph. Burneau) L'îlot de la maison des comédiens. Exploration archéologique de Délos, XXVII (Paris 1970), 277-381.

Guštin 2011: M. Guštin, Eastern Imports from the end of Latene Iron Age at Novo mesto/Slovenia. In: (ed. D. Măgureanu, D. Măndescu, S. Matei) Archaeology: making of and practice. Studio in honor of M. Babeş of this 70-th anniversary (Piteşti 2011), 239-254.

Hachmann 1960: R. Hachmann, Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung in nördlich Mitteleuropa und in Skandinavien, BerRGK, nr. 41, 1960, 1-276.

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice de la est de Carpaţi (Chişinău 2008).

Hingst 1962: H. Hingst, Zur Typologie und Verbreitung der Holsteiner Gürtel. Offa 19, 1962, 69-90.

Iarmulschi 2012a: V. Iarmulschi, Amfore greceşti descoperite în mediul culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Tyragetia s.n. 1, vol. VI (XXI), 2012, 195-206.

Iarmulschi 2012b: V. Iarmulschi, Contribuţii la poziţia cronologică a necropolei de tip Poieneşti-Lucaşeuca de la Dolinjany. Revista Arheologică s.n. 1-2, vol. IX, 2012, 84-92.

Jöhrens 2001: G. Jöhrens, Amphorenstempel hellenistischer Zeit aus Tanais, EA 7, 2001, 367-479.

Jöhrens 2005: G. Jöhrens, Der Pergamon-Komplex, die rhodische Stempelchronologie und das Gründungsdatum von Tanais, EA 11, 2005, 87-101.

Keiling 1979: H. Keiling, Glövzin. Ein Urnenfriedhof der vorrömischen Eisenzeit im Kreis Perleberg (Berlin 1979).

Keiling 1992: H. Keiling, Eine latènezeitlicher Besttatungplatz von Schönfeld, Kreis Demmin, JahrbBodenden, nr. 40, 1992, 49-93.

Keiling 2007: H. Keiling, Urnengräber von germanischen Bestattungplätzen der vorrömischen Eisenzeit auf der Insel Rügen, Freie Lauenburgische Akademie für Wissenschaft und Kultur. Beiträge für Wissenschaft und Kultur, nr. 8, 2007, 99-144.

Keiling 2008: H. Keiling, Bemerkungen zu den eisernen v-formigen Gurtelhaken der Jastorf-Kultur. In: (Hrsg. F. Bierman und Th. Terberger) „Die Dinge beobachten...". Fetschrift für Günter Mangelsdorf (Rahden/Westfalen 2008), 93-105.

Łuckiewicz 2006: P. Łuckiewicz, Uzbrojenie ludnosci ziem Polski w mlodszym okresie przedrzymskim (Lublin 2006).

Lungu 1990: V. Lungu, Nouvelles données concentrant la chronologie des amphores rhodiennes de la fin du IIIe siècle au début du Iie siècle av. J.C. Dacia N.S. XXXIV, 1990, 209-217.

Martens 1996: J. Martens, Die vorrömischen Eisenzeit in Südskandinavien. Probleme und Perspektiven. PZ 71(2), 1996, 217-243.

Mateevici 2009: N. Mateevici, Unele modificări privind datarea ştampilelor amforistice ale Rhodosului descoperite în mediul barbar al spaţiului nord-vest pontic. Tyragetia s.n. 1, vol. III (XVIII), 2009, 267-276.

Măndescu 2010: D. Măndescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a.Chr.) între Carpaţi, Nistru şi Balcani (Brăila 2010).

Meyer 2001: M. Meyer, Regionale Ausprägungen der Fibel Var. K nach Kostrzewski. In: (Hrsg. M. Meyer) „... Trans Albim Fluvium" Forschungen zur vorrömischen, kaiserzeitlcihe und mittelalterlichen Archäologie. Festschrift für Achim Leube (Rahden/Westf. 2001), 161-176.

Mitrea 1980: I. Mitrea, Şantierul arheologic de la Izvoare-Bahna. MCA XIV, 1980, 432-449.

Müller 1985: R. Müller, Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unter Saale und Mittelelbe (Berlin 1985).

Munteanu 1995: O. Munteanu, Autohtonii în spaţiul pruto-nistrean în secolele II a. Chr. - I p. Chr. Autoref. tezei de dr. şt. istorice (Cluj-Napoca 1995).

Munteanu 2004: O. Munteanu, Lanţul slăbiciunilor sau unde au dispărut geţii. In: (red. T. Arnăut) Studio in Honorem Gh. Postică (Chişinău 2004), 141-153.

Munteanu, Iarmulschi 2005: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Cultura Poieneşti-Lucaşeuca: repere cronologice. AANTIM 6, 2005, 16-20.

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Petrescu-Dîmboviţa et al. 1955: M. Petrescu-Dâmboviţa ş.a., Şantierul arheologic de la Truseşti, SCIV 6/1-2, 1955, 165-194.

Polenz 1982: H. Polenz, Münzen in latènezeitlichen Gräbern Mitteleuropas aus der Zeit zwischen 300 und 50 vor Christi Geburt. BayerVbl 47, 1982, 27-222.

Popovici 1981-1982: R. Popovici, Descoperiri din sec. III-II î.e.n. la Borniş-Neamţ. CI XII-XIII, 1981-1982, 153-158.

Popovici 1988: R. Popovici, Două piese vestimentare din secolele VI-VII descoperite la Borniş-Neamţ. ArhMold XII, 1988, 249-252.

Postică, Munteanu 1999: G. Postică, O. Munteanu, Aşezarea de tip Poieneşti-Lucaşeuca de la Orheiul Vechi. In: CAANT, vol. III (Bucureşti 1999), 457-494.

Reinecke 1988: A. Reinecke, Studien zur vorrömischen Eisenzeit im Umland der südlichen Ostsee. Forschungsstand-Chronologie-Kulturhistorische Beziehungen (ungedruckt. Doktoratsarbeit) (Berlin 1988).

Romanovskaja 1987: M.A. Romanovskaja, Aşezarea de la Ulmu. ArhMold XI, 1987, 207-226.

Rustoiu 1997: A. Rustoiu, Fibulele din Dacia preromană (Bucureşti 1997).

Sadowski 2007: S. Sadowski, Na progu historii. Germańscy barbarzyńcy w południowo-wschodniej Lubelszczyźnie. In: (ed. E. Banasiewicz-Szykuła) Pradzieje południowo-wschodniej Lubelszczyzny (Lublin 2007), 133-172.

Seyer 1982: H. Seyer, Siedlung und archäologische Kultur der Germanen im Havel-Spree-Gebiet in den Jahrhunderten vor Beginn u. Z. Schriften zur Ur- und Frügeschihte 34 (Berlin 1982).

Sievers 2010: S. Sievers, Die Waffen aus dem Oppidum von Manching (Wiesbaden 2010).

Smirnova, Megei 1995: G.I. Smirnova, V.F. Megei, Necropola plană de tip Poieneşti-Lukaševka de la Dolinjany. SCIVA 46/2, 1995, 133-159.

Tackenberg 1962-1963: K. Tackenberg, Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kishenew Moldau-Republik. Alt-Thüringen 6, 1962-1963, 403-427.

Teodor 1957: D.G. Teodor, O necropolă Latène de la Buhăieşti. Studii şi Cercetări Ştiinţifice 8, 1957, 339-342.

Teodor 1980: S. Teodor, Aşezarea din epoca Latène de la Botoşana. SCIVA 31/ 2, 1980, 181-227.

Teodor 1987: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Ciurea. ArhMold XI, 1987, 65-102.

Todorović 1968: J. Todorović, Kelti u jugovostočnoi Evropi (Beograd 1968).

Tudor 1967: D. Tudor, Răspândirea amforelor greceşti ştampilate în Moldova, Muntenia şi Oltenia. ArhMold V, 1967, 37-80.

Ursachi 1995: V. Ursachi, Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (Bucureşti 1995).

Völling 2005: Th. Völling, Germaniein an der Zeitwende. Studien zum Kulturwandel beim Übergang von der vorrömischen Eisenzeit zur älteren römischen Kaiserzeit in der Germania Magna. BAR, Intern. ser. 1360 (Oxford 2005).

Vulpe 1953: R. Vulpe, Săpaturile de la Poieneşti din 1949. MCA I, 1953, 213-506.

Vulpe 1955: R. Vulpe, Le problème des Bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. Nouvelles éttudes d'histoire I, 1955, 103-119.

Waldhauser 1987: J. Waldhauser, Keltische Gräberfelder in Böhmen. Dobra Voda und Letky sowie Radovesice, Stránce und Tuchomysl. BerRGK 68, 1987, 25-179.

Wielowiejski 1985: J. Wielowiejski, Die spätkeltischen und römischen Bronzengefäße in Polen. BerRGK 66, 1985, 123-320.

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Еременко 1997: В.Е. Еременко, «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура (Санкт Петербург 1997).

Еременко, Щукин 1998: В.Е. Еременко, М.Б. Щукин, К вопросу о хронологии латена и позднего предримского времени. АСГЭ 33, 1998, 61-89.

Каспарова 1993: К.В. Каспарова, Культура Поенешть-Лукашевка. Периодизация и хронология. В сб.: (ред. Б.А. Рыбаков) Славяне и их соседи в I тыс. до н.э. - I тыс. н. э. (Москва 1993), 30-33.

Мачинский 1966: Д.А. Мачинский, К вопросу о датировке и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка. В сб.: (ред. Н.Я. Мерперт) Археология старого и нового света (Ленинград 1966), 82-96.

Пачкова 1983: С.П. Пачкова, Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области. В сб.: (ред. А.Т. Смиленко) Археологические памятники Среднего Поднестровья (Киев 1983), 4-55.

Пачкова 2006: С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).

Романовская 1962: М.А. Романовская, Селище Лукашевка II. СА 3, 1962, 293-298.

Сергеев 1956: Г.П. Сергеев, Находка медных сосудов в Молдавии. Известия МФ АН СССР 4 (31), 1956, 135-139.

Симоненко 2011: А.В. Симоненко, Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья (Санкт Петербург 2011).

Смирнова 1981: Г.И. Смирнова, Могильник типа Поянешты-Лукашевка у села Долиняны на Буковине. СА 3, 1981, 193-207.

Тимощук, Винокур 1962: Б.А. Тимощук, И.С. Винокур, Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА 90, 1981, 73-76.

Ткачук 1991: М.Е. Ткачук, Новые данные к исследованию памятников типа Поянешть-Лукашевка по материалам Старого Орхея. В сб.: (ред. П.П. Бырня, Н.П. Тельнов) Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинев 1991), 44-53.

Федоров 1957: Г.Б. Федоров, Лукашевский могильник. КСИИМК 68, 1957, 51-63.

Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Население Пруто-Дневстровского междуречья в I т. н.э. В: МИА, №89 (Москва 1960).

Einige Überlegungen bezüglich der Chronologie und Periodisierung der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur

Zusammenfassung

In diesem Beitrag wurden die Chronologie und Periodisierung der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur analisiert. Vier Phasen der Entwicklung der Bestattungen aufgrund der Kombinationen der Gegenstände vom Grabinventar von isolierten Gräberfeldern / Gräber aufgebaut wurden. Trotzdem trifft man höchst selten in den Siedlungen des Poieneşti-Lucaşeuca-Typs auf das chronologish erheblich Material, konnte ich die Chronologie für einigen Lebensräume zu gründen. Ich habe vier chronologische Phasen abgeteilt durch eine Analyse der Chronologie der Bestattungen und Siedlungen des Poieneşti-Lucaşeuca-Typs die in einer einheitlichen Tabelle vereignigt wurden. Man kann diese Etappen mit den Phasen *LT C1b*, *LT C2*, *LT D1* und *LT D2* der mitteleuropäischen keltichen Kultur synchronisieren oder mit den Etappen *a*, *b*, *c* und *d* der jüngeren vorrömischen Eisenzeit nach Hachmann, die in absoluten Daten entsprechen dem Ende 3en Jh. - letzten Viertel des 1es Jh. v. Chr.

Abbildungsliste:

Abb. 1. das Verbreitungsgebiet der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur.

Abb. 2. Poieneşti. Typen der Grabbeigaben die für die Vergesellschaftung ausgewählt waren.

Abb. 3. Poieneşti. Die Vergesellschaftung der Gräber die Typen der Grabbeigaben enthälten.

Abb. 4. Poieneşti. Die Kartierung der Phasen des Gräberfelds.

Abb. 5. Boroseşti. Die Kartierung der Phasen des Gräberfelds.

Abb. 6. Boroseşti. Typen der Grabbeigaben die für die Vergesellschaftung ausgewählt waren.

Abb. 7. Boroseşti. Die Vergesellschaftung der Gräber die Typen der Grabbeigaben enthälten.

Abb. 8. Lucaşeuca. Die Kartierung der Phasen des Gräberfelds.

Abb. 9. Dolineni. Die Kartierung der Phasen des Gräberfelds.

Abb. 10. Dolineni. Typen der Grabbeigaben die für die Vergesellschaftung ausgewählt waren.

Abb. 11. Dolineni. Die Vergesellschaftung der Gräber die Typen der Grabbeigaben enthälten.

Abb. 12. Typen der Grabbeigaben in Gräber/Gräberfelder vom Poieneşti-Lucaşeuca-Typ.

Abb. 13. Die Vergesellschaftung der Gegenstände die in Gräber vom Typ Poieneşti-Lucaşeuca chronologisch relevant sind.

Abb. 14. Die Periodisierung der Bestattungen.

Abb. 15. Die chronologische Rahmung der Datierungselemente von Gräber/ Gräberfeldern vom Typ Poieneşti-Lucaşeuca.

Abb. 16. Die chronologische Rahmung der Datierungselemente von Bestattungen und Siedlungen vom Typ Poieneşti-Lucaşeuca.

Abb. 17. Die vergleichende chronologische Tabelle der jüngeren vorrömischen Eisenzeit in Nord-und Mitteleuropa und in südöstliche Europa.

К вопросу о хронологии и периодизации культуры Поенешть-Лукашеука

Резюме

В работе рассматривается хронология и периодизация культуры Поенешть-Лукашеука. Имея в виду корреляцию типов вещей, найденных в могильниках и одиночных погребениях, нами были выявлены четыре фазы эволюции могильников. Несмотря на то, что на поселениях артефакты-хроноиндикаторы были найдены в небольшом количестве, нами была разработана хронология некоторых поселений.

Сравнение хронологии могильников и поселений позволило выделить четыре этапа развития культуры. Эти фазы синхронизируются с *ЛТ C1b*, *ЛТ C2*, *ЛТ D1*, *ЛТ D2* кельтской культуры Средней Европы или с этапами *a*, *b*, *c* и *d* позднего предримского времени по Хахманну, то что в абсолютной хронологии означает/ датируется концом III - последней четвертью I в. до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Ареал культуры Поенешть-Лукашеука.

Рис. 2. Поенешть. Хронологические индикаторы могильника.

Рис. 3. Поенешть. Хронология могильника.

Рис. 4. Поенешть. Горизонтальная стратиграфия могильника.

Рис. 5. Боросешть. Горизонтальная стратиграфия могильника.

Рис. 6. Боросешть. Хронологические индикаторы могильника.

Рис. 7. Боросешть. Хронология могильника.

Рис. 8. Лукашеука. Горизонтальная стратиграфия могильника.

Рис. 9. Долинень. Горизонтальная стратиграфия могильника.

Рис. 10. Долинень. Хронологические индикаторы могильника.

Рис. 11. Долинень. Хронология могильника.

Рис. 12. Хронологические индикаторы могильников типа Поенешть-Лукашеука.

Рис. 13. Хронология могильников типа Поенешть-Лукашеука.

Рис. 14. Периодизация погребальных комплексов.

Рис. 15. Хронологическое распределение хроноиндикаторов из погребальных комплексов типа Поенешть-Лукашеука.

Рис. 16. Хронологическое распределение хроноиндикаторов из погребальных комплексов и поселений типа Поенешть-Лукашеука.

Рис. 17. Сравнительная таблица позднего предримского времени в северо-центральной и юго-восточной Европы.

25.04.2013

Vasile Iarmulschi, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare, nr. 1, MD-2001 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: vasile_iarmulschi@yahoo.com

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА БАЙРАКИ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ в 2011-2012 годах

Николай Анисюткин, Сергей Коваленко, Алиса Ларионова, Александр Очередной, Ксения Степанова, Андрей Чепалыга

Введение

В течение двух полевых сезонов 2011 и 2012 годов продолжались комплексные археологические и естественно-научные исследования на новой раннепалеолитической стоянке Байраки, открытой в 2010 году на окраине города Дубоссары (Анисюткин и др. 2011; Анисюткин и др. 2012а; Анисюткин и др. 2012б). Работы проводил коллектив специалистов, включая археологов (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург и Институт культурного наследия АН РМ), геологов и палеогеографов (Институты географии и геологии РАН, Москва). Эти исследования позволили установить многослойность памятника и предварительно определить геохронологическое положение каменных индустрий, обнаруженных в разных литологических слоях. Необходимо специально подчеркнуть, что многослойная стоянка Байраки является первым стратифицированным памятником раннего палеолита, обнаруженном в заведомо древних отложениях высокой VII террасы Днестра (Анисюткин и др. 2012а; Анисюткин и др. 2012б). Особое значение имеет открытие в нижнем слое каменной индустрии олдованского типа – первой на территории Восточно-Европейской равнины, датируемой эоплейстоценовым временем. По совокупности различных технико-морфологических показателей олдован Приднестровья вполне сопоставим с олдованскими индустриями Тамани и Дагестана (Амирханов 2007; Щелинский, Кулаков 2007).

Очень важное значение имеет открытие в 2012 году второго столь же древнего памятника Крецешты, расположенного также на окраине города Дубоссары, всего примерно в 4 км северо-западнее стоянки Байраки. Выразительные каменные изделия, включая чоппер, происходят из аналогичных отложений высокой VII надпойменной террасы реки Днестра и имеют эоплейстоценовый возраст.

Геоморфология, стратиграфия и характер залегания находок

Стоянка обнаружена в ныне не действующем карьере, на восточной окраине города Дубоссары, в предместье «Большой Фонтан» (координаты: 47°16’27” с.ш., 29°11’10” в.д.), в верховьях левого борта древней балки «Байраки», рассекающей высокую VII надпойменную террасу Днестра (рис. 1). На основе стратиграфических и археологических данных выделено два разновременных комплекса – поздний и ранний. Находки первого были обнаружены в раннеплейстоценовых ископаемых почвах, а второго – в отложениях руслового аллювия. Причем, поздний комплекс был подразделен на три горизонта, связанных с разнотипными отложениями. Находки происходят из 8-метровой толщи отложений.

Общая стратиграфия может быть представлена в виде трех блоков, включая 1) голоценовые, 2) неоплейстоценовые, представленные тремя ископаемыми почвам, и 3) аллювиальные. На месте раскопа прослеживается такая последовательность слоев (рис. 2, 3): 1) голоценовые отложения мощностью до 2-х м, 2) лессовидный суглинок желтовато-серого цвета – 20-40 см, 3) древний почвенный комплекс, представленный тремя ископаемыми почвами, наложенными друг на друга, из которых верхняя имеет коричневую (бурую) окраску, средняя – красновато-коричневую, нижняя представлена гидроморфной почвой типа глеезема буровато-зеленоватого цвета. Нижняя ископаемая почва сформирована непосредственно на пойменном аллювии террасы общей мощностью до 3-х м. Лежащие ниже

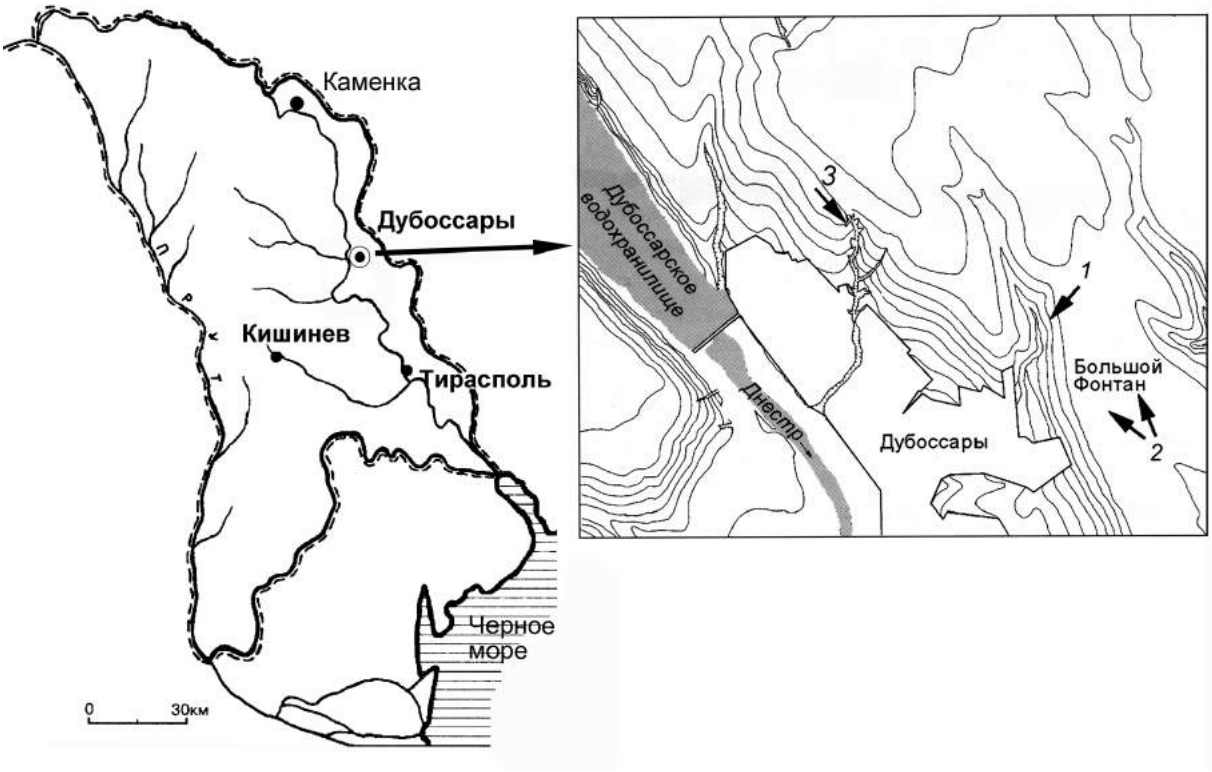


Рис. 1. Карта-схема расположения стоянок и местонахождений на территории Нижнего Приднестровья в окрестностях г. Дубоссары: 1 - Байраки; 2 - Большой Фонтан; 3 - Крецешты.

аллювиальные отложения представлены 4) пойменной фацией – до 4,5 м, 5) старичной – до 1 м и 6) русловой – мощностью более 2-х м, вскрытый до кровли конгломерата.

В раскопе 2010 года удалось обнаружить незначительную линзовидную прослойку делювиального суглинка палевого цвета мощностью менее 15 см, лежащего между бурой и красноцветной ископаемыми почвами, в которой было обнаружено несколько покрытых белой патиной кремневых изделий, в их числе превосходное скребло с ретушью типа кина (Quina). В дальнейшем эта прослойка была выявлена лишь в геологической расчистке 2012 года, где она залегала в древнем овражке (палеоврезе) между верхней и средней ископаемой почвами. Данная расчистка позволила выявить более полную стратиграфическую колонку отложений, перекрывающих пойменный аллювий террасы.

Верхний горизонт с покрытыми патиной кремневыми изделиями связан с делювиальным суглинком буровато-палевого цвета. Наличие на изделиях белой патины и следов морозобойных повреждений указывает на то, что слой претерпел определенные нарушения, а кремневые изделия относительно долго находились на поверхности. В этом плане показательным является скребло из менее твердого чем кремень косоуцкого песчаника, найденного в этой же прослойке, у которого фасетки ретушированного рабочего края были заметно оглажены, косвенно демонстрируя определенную деформацию культурного слоя. На заметное разрушение слоя указывают находки двух окатанных кремневых изделий – скребла и отщепа, найденных примерно в 10-15 м ниже раскопа, в геологической расчистке 2012 года. Несомненно, находки кремневых изделий из этого горизонта залегают в нарушенном положении, но, учитывая весьма удовлетворительную сохранность краев большинства предметов, нельзя говорить об их полной переотложенности.

Средний горизонт с удовлетворительно сохранившимися кремневыми изделиями без патины происходит из красноцветной ископаемой почвы. Здесь встречены единичные обломки костей животных фауны, включая зуб лошади, которые, как и кремневые изделия, лежат единым уровнем, указывая на удовлетворительную сохранность слоя. Правда, наличие

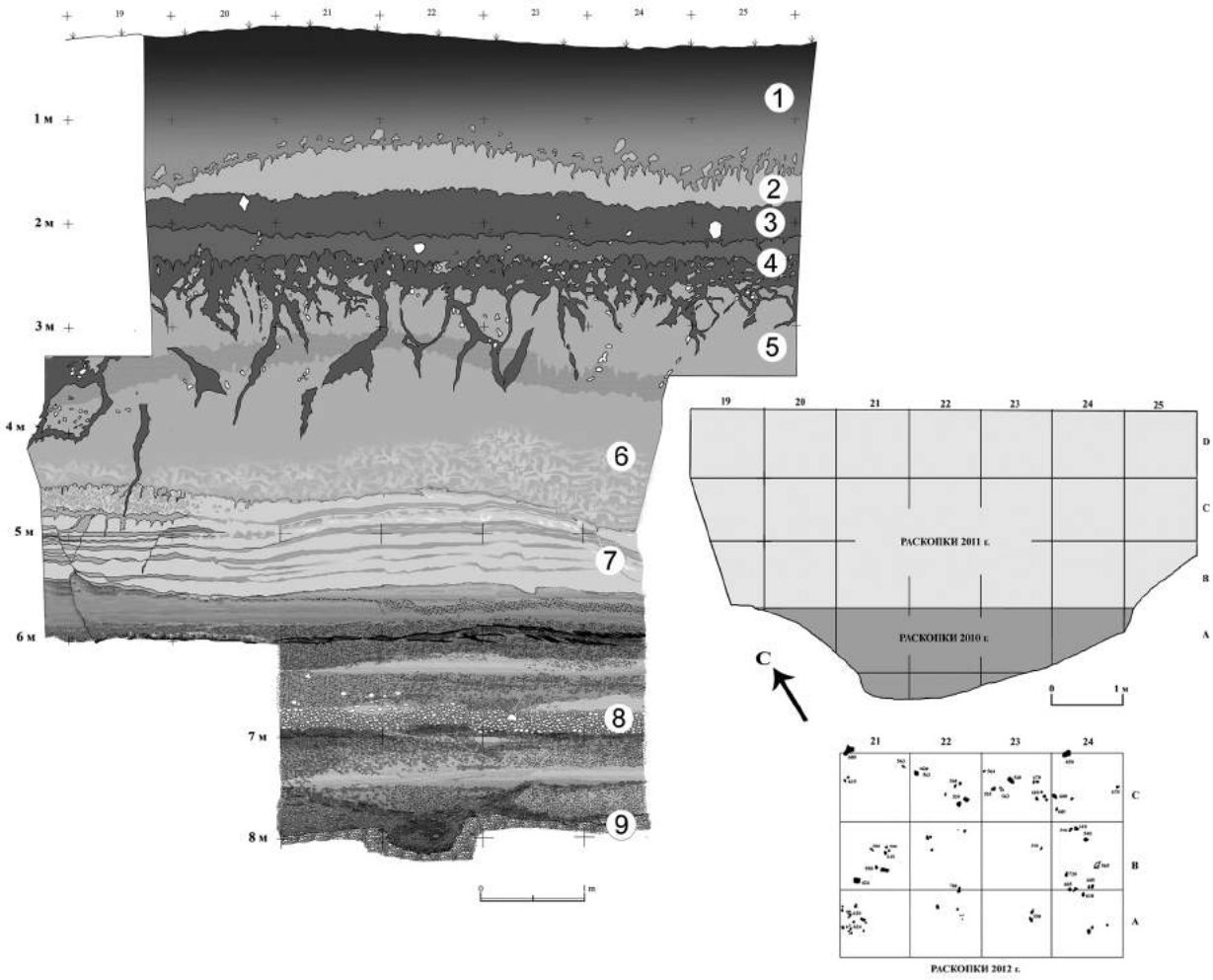


Рис. 2. Разрез и планы раскопов стоянки Байраки. Разрез северо-восточной стенки раскопа. Условные обозначения: 1 - голоценовые слои; 2 - лессовидный суглинок желтовато-коричневого цвета; 3 - ископаемая почва бурого цвета; 4 - красноцветная ископаемая почва; 5 - гидроморфная ископаемая почва; 6 - пойменный аллювий; 7 - старичные отложения; 8 - отложения руслового аллювия; 9 - конгломерат. Планы раскопов 2010, 2011 и 2012 годов. План нижнего слоя (раскоп 2012 г.).

на ряде предметов заметных следов заполированности не дает основания говорить о хорошо сохранившимся культурном слое.

Нижний горизонт с единичными находками частично окатанных кремневых изделий приурочен к тонкой прослойке окатанного щебня и гравия, лежащего на поверхности гидроморфной ископаемой почвы. Этот слой следует считать бесспорно разрушенным и частично переотложенным.

В ниже лежащих пойменных и старичных отложениях найдено только два предмета – обломок неопределимой трубчатой кости и небольшой кремневый отщеп. Последний обнаружен в основании старичных отложений и возможно переотложен из кровли лежащего ниже слоя с каменными изделиями раннего комплекса.

Наиболее многочисленные находки кремневых изделий и отдельных обломков костей ископаемых животных происходят из отложений руслового аллювия, представленного прибрежной фацией. Раскопки этого слоя были проведены в 2012 году на площади 12 кв. м. (кв. А, В, С – 21-24). Глубина залегания данной толщи, судя по восточной стенке кв. С – 21, составляет более 5,5 метров. Нижняя граница была установлена условно по уровню расположения сцементированного песчано-гравийного конгломерата, ниже которого русловый аллювий продолжается еще не менее чем на 0,5 м. Предложим детальное описание отложений нижнего слоя.

Слой 8а. Береговые отложения состоят из двух прослоев, общей мощностью до 40 см, с четкими линейными границами, светло-коричневого цвета. Верхний прослой сложен косослоистыми крупнозернистыми песками и включает четко выраженный горизонт залегания сильно окатанных кремневых артефактов. В подстилающем его прослое, насыщенном мелкой галькой, встречаются редкие кремневые находки. Глубина залегания – 550-585 см;

Слой 8б. Кровля русловых отложений темного окраса из-за марганцевых включений на коричневом мелко-галечном субстрате. Содержит много артефактов из кремня, реже песчаника, приуроченных к линзам слабо-спрессованной породы, а также единичные обломки костей. Глубина залегания – 585-625 см;

Слой 8в. Прослой светло-серого песка с включениями мелкой гальки, к северному краю разреза близкого к выклиниванию, с крайне редкими кремневыми находками. Глубина залегания – 625-640 см;

Слой 8г. Прослой мелкого галечника в отложениях крупнозернистого песка и измельченных раковин сарматских моллюсков, с отдельными артефактами. На глубине -650 см найден крупный чоппер из косоуцкого песчаника. Глубина залегания – 640-670 см;

Слой 8д. Мелко гравийно-щебнисто-галечный конгломерат, слоистый, с различной плотностью. На основном протяжении он представлен тремя прослоями. В нижнем прослое отмечены находки кремневых изделий, песчаниковых галек и единичных галечных орудий, включая кремневый пиковидный прото-бифас (-680). Общая мощность слоя – 60 см, глубина залегания – 670-730 см;

Слой 8е. Песчаный прослой серого цвета, однородный по составу, с редкими включениями мелкой гальки. Глубина залегания – 730-740 см;

Слой 8ж. Песчано-гравийный прослой, перенасыщенный разнородной и разно-форматной галькой. Содержит некоторое количество кремневых артефактов, часто сильно окатанных. Глубина залегания – 740-780 см.

Слой 9. Песчаниковые плиты и глыбы до одного метра в поперечнике, образующие единый ярус с локальными углублениями до 25 см. Верхняя часть этих отложений, в виде спрессованной карбонатами песчаной массы с включением пудинговых галек и редких кремневых сколов, была сформирована явно в гидроморфных условиях. Мощность (видимая) слоя – до 30 см.

Археологический материал был выявлен почти по всей толще аллювиальных отложений, но наиболее четко можно говорить о трех группировках каменных изделий и единичных обломков костей ископаемых животных. В самом верхнем песчаном горизонте (слой 8а) найдено всего несколько сильно окатанных предметов, в их числе три относительно крупных кремневых гальки, включая два вероятных отбойника, чоппер и пиковидное орудие на крупной гальке косоуцкого песчаника, а также два мелких отщепа. Верхняя группировка, судя по глубинным отметкам, имела мощность около 0,25 м, перекрывая черный горизонт, окрашенный солями марганца. Она представляла два горизонта крупнозернистого песка, разделенного прослойкой мелкого гравия. Средняя группировка имела значительную мощность, достигая почти 0,8 м, отличаясь более сложным строением. В ней прослежено два песчаных горизонта с несколькими прослойками и линзами из мелкого гравия и более редкой гальки. В основании данной толщи прослеживается относительно мощный горизонт из мелкой гальки (до 0,25 м), на поверхности которого найден весьма крупный предмет – прото-бифас пиковидной формы (рис. 8/8). Нижнее скопление каменных изделий связано с довольно мощной толщей из песчано-гравийных прослоек и линз, в которых малочисленный археологический материал, представленный только кремневыми изделиями, рассеян по всем горизонтам практически равномерно. В основании аллювиальных отложений выявлен плотный слой конгломерата, на котором и были остановлены раскопки.

Исключительный интерес представляет наличие в данном комплексе многочисленных мелких и мельчайших чешуек кремня, которые обычно не сохраняются в обводненных отложениях, где они как правило рассеиваются водными потоками на большие расстояния. Так, к примеру, среди кремневых изделий мустьерской стоянки Кетросы, происходящих

1

2

Рис. 3. 1 - Общий вид на овраг и стоянку Байраки с юга; 2 - общий вид на раскоп с противоположного (с западного) склона балки.

из отложений пойменного аллювия, чешуек вообще нет (Анисюткин, 2001). Скорее всего кратковременные стоянки, следы которых выявляются в отложениях руслового аллювия стоянки Байраки, располагались на берегу залива со слабым течением, а поэтому кремневые изделия не были заметно перемещены. Наблюдаемый характерный блеск поверхностей артефактов, напоминающий окатанность, но без заметных следов соударений, скорее всего связан, учитывая расположение стоянки на пляже, с волновой абразией. Показательно, что наиболее интенсивно «окатанными» были чаще всего мелкие предметы длиной не более 40 мм. Подобное явление можно наблюдать и сегодня на пляже Дубоссарского водохранилища во время сильных ветров с противоположного (правого) берега реки. Здесь мелкие обломки камней выносятся высокими волнами на линию прибоя, образуя отчетливые скопления и гряды. Напротив, почти все камни крупнее 50 мм оставались на месте. В данном случае необходимо отметить, что все крупные изделия, исключая галечные формы из песчанистого слоя, расположенного в кровле аллювия, не имеют следов интенсивной «окатанности».

Описание археологического материала

Для коллекций как позднего, так и раннего комплексов характерно использование однотипного сырья, представленного исключительно местным сеноманским кремнем черного, серого и желтого цветов, единично — кварцитом (кварцем) и яшмой. Кремень в виде угловатых и окатанных обломков преимущественно небольших размеров, чаще всего отличался трещиноватостью и посредственным качеством, сохраняя многочисленные каверны. Он постоянно встречается здесь же в аллювии. Для изготовления крупных галечных форм преимущественно применялось местное некремневое сырье – песчаник косоуцкий и девонский, который также собирался в русле реки. Исключением является выемчатое орудие из раннего комплекса, которое было изготовлено из темно-серого кварца (кварцита?) неизвестного в палеолите Молдавии. Лишь однажды изделие из аналогичного материала было обнаружено в нижней ископаемой почве при геологической расчистке разреза у села Грушево в 1986 году (Анисюткин 2009). Изделие было извлечено Н.К. Анисюткиным непосредственно из стенки основания нижней (крыжановской) ископаемой почвы эоплейстоценового возраста (Адаменко и др. 1993), связанной с отложениями 150-метровой Хаджимусской VIII (по А.Л. Чепалыге) или IX (по О.М. Адаменко) террасы. В этом случае орудие со стоянки Байраки, также скорее всего происходящее из близких по времени отложений, является синхронным отмеченной клювовидной форме из разреза у с. Грушево.

Представим весь обобщенный материал в таблице, не подразделяя поздний комплекс на горизонты.

Сразу же отметим, что под понятием «галечные орудия» понимаются различные изделия из обработанных галек. В их число не включены два предполагаемых отбойника из относительно крупных кремневых галек, найденных в аллювиальных отложениях.

Таблица 1

Каменные изделия стоянки Байраки (2010-2012 гг.)

изделия – комплексы – коллекции:	поздний комплекс			ранний комплекс		
	2010	2011	2012	2010	2011	2012
галечные орудия:	-	1	3	3	4	5
нуклеусы и нуклевидные орудия:	2	2	3	1	2	10
отщепы и чешуйки:	6	8	2	2	12	72
скребла, выемчатые и зубчатые орудия:	3	1	2	-	4	15
скребки, резцы, проколки, ножи с обушками:	-	-	-	1	2	9
клювовидные орудия:	-	-		-	2	7
прочие формы, в их числе отбойники:	2	1	1	-	1	12
Общее количество находок:	**13**	**13**	**11**	**7**	**27**	**130**

Поздний комплекс подразделен на основе ряда признаков на три горизонта. К верхнему горизонту можно отнести 3 скребла, 2 нуклеуса, 3 отщепа и 3 чешуйки. Непосредственно же из слоя происходит всего 6 предметов – 2 скребла, 1 нуклеус-скребло, 1 отщеп и 2 чешуйки. Остальные найдены в кровле красноцветной ископаемой почвы, а отщеп – на поверхности. Все они имели патину белого цвета, что явилось основанием для включения их в коллекцию верхнего горизонта. Наиболее выразительными являются скребло с ретушью кина (рис. 4/4), плоский остаточный нуклеус и скребло на нуклеусе (рис. 4/2; 5/5).

К среднему горизонту относятся 1 чоппер на относительно крупной кремневой гальке (рис. 4/1), 1 микрочоппер на песчаниковой галечке, 2 нуклеуса, 2 скребла, 1 отщеп с ретушью (рис. 5/2), 1 песчаниковая галька со следами обработки, 2 неретушированных отщепа и 7 чешуек, а также 3 неопределимых обломка костей животных и хорошо сохранившийся зуб ископаемой лошади. Этот зуб является третьим моляром M3, который по определению молдавского палеозоолога Романа Кройтора (Центр археологии Института культурного наследия АН республики Молдова) принадлежал весьма древней форме – Equus suessenbornensis, существовавшей как в конце таманского фаунистического комплекса, так и в первой половине тираспольского (Четвертичная система 1982, 320). Все предметы, отнесенные к данному комплексу, происходят из слоя и лишь 3 чешуйки и микрочоппер найдены в отвалах. Отсутствие патины и хорошая сохранность краев позволила включить их в коллекцию именно этого горизонта. Дополнительно, используя выше названные признаки, к коллекции этого горизонта можно отнести еще два орудия – чопперовидное и выемчатое, обнаруженных на поверхности, в осыпи, непосредственно под разрезом на месте зачистки.

В нижнем горизонте найдено только 7 предметов, включая 3 галечных орудия, в их числе массивное галечное орудие – пиковидное острие (рис. 5/4) и чоппер на мелкой галечке из яшмы (рис. 4/5), 1 нуклеус из косоуцкого песчаника, 1 атипичный нуклеус и 2 отщепа. Изделия имеют заметную окатанность краев.

Ранний комплекс дал наиболее многочисленные находки, включая четыре обломка неопределимых костей и небольшой фрагмент рога. В коллекции имеется 164 каменных изделия, в их числе 12 галечных орудий, 13 нуклеусов, 2 отбойнака[1], около 40 орудий, а также отщепы и чешуйки, некоторые из которых имели по краям нерегулярную ретушь. Достаточно высокий процент орудий — обычен для индустрий этого времени (Щелинский 2010, 62).

Ранний комплекс Байраки относится к тому типу олдованских индустрий, который характеризуется относительной малочисленностью галечных орудий и обилием мелких орудий на отщепах. Подобные комплексы достаточно распространены. Например, к коллекции одной из древнейших африканских индустрий (около 2,5 млн. лет) Gona, расположенной в Эфиопии, на долю галечных форм, включая

[1] К числу отбойников можно отнести и две окатанных яшмовых гальки средних размеров, которые оставлены на раскопе по причине отсутствия отчетливых следов использования.

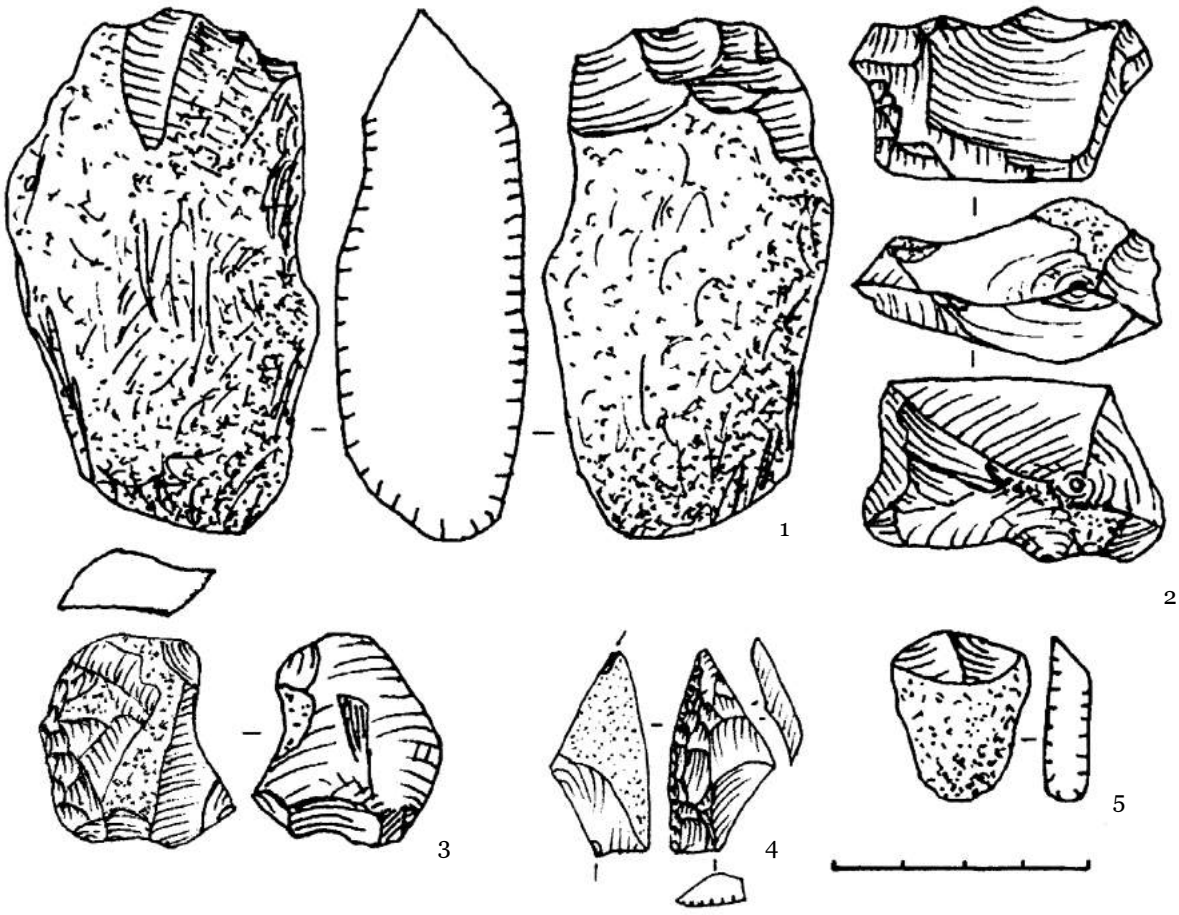


Рис. 4. Каменные изделия позднего комплекса: 1 - чоппер на кремневой гальке (средний горизонт); 2 - нуклеус с морозобойными повреждениями (верхний горизонт); 3 - скребло слабо-окатанное (верхний горизонт); 4 - скребло на обломке кремневой гальки с ретушью типа кина (верхний горизонт); 5 - чоппер на яшмовой гальке (нижний горизонт).

ядрища, приходится всего около 2%, а доля отщепов, их обломков и чешуек составляет 98% (Semaw 2006, 56). В целом, показатель количества галечных форм является вариабельным.

В коллекции этого слоя можно выделить 7 чопперов, изготовленных из галек прочного песчаника. Они подразделяются на три односторонних с выемчатыми рабочими краями (рис. 6/4), два концевых с чередующейся оббивкой лезвия (рис. 6/2), из которых один изготовлен из гальки девонского песчаника красноватого цвета (рис. 6/3). Сильно окатанное галечное орудие из песчаника имеет остроконечную (пиковидную) форму (рис. 6/1). Заготовкой еще одного чоппера с крутым рабочим краем, напоминающих скребковидную форму, была разбитая кремневая галька. К двусторонним чопперам или чоппигам, изготовленным на гальках и окатанных обломках кремня, можно отнести еще два предмета, которые почти не отличаются от одноплощадочных нуклеусов.

Большинство нуклеусов имеют небольшие размеры и могут быть отнесены к атипичным (рис. 7/13-16). Наиболее выразительным является крупный многоплощадочный нуклеус с ортогональным скалыванием, который с полным правом может быть отнесен к полиэдрам, постоянно выделяемых в олдованских индустриях (Schick, Toth 2006, 6-8). Второй аналогичный, но более мелкий предмет, имеет дополнительный скребковый край на одном из выступов (рис. 7/13). В целом, нуклеусы отличаются грубостью и нестандартностью форм, отсутствием подготовки и малой сработанностью. Тем не менее, они вполне сопоставимы с нуклеусами таманского олдована, отличаясь лишь более низкокачественным сырьем (Щелинский 2010, 63).

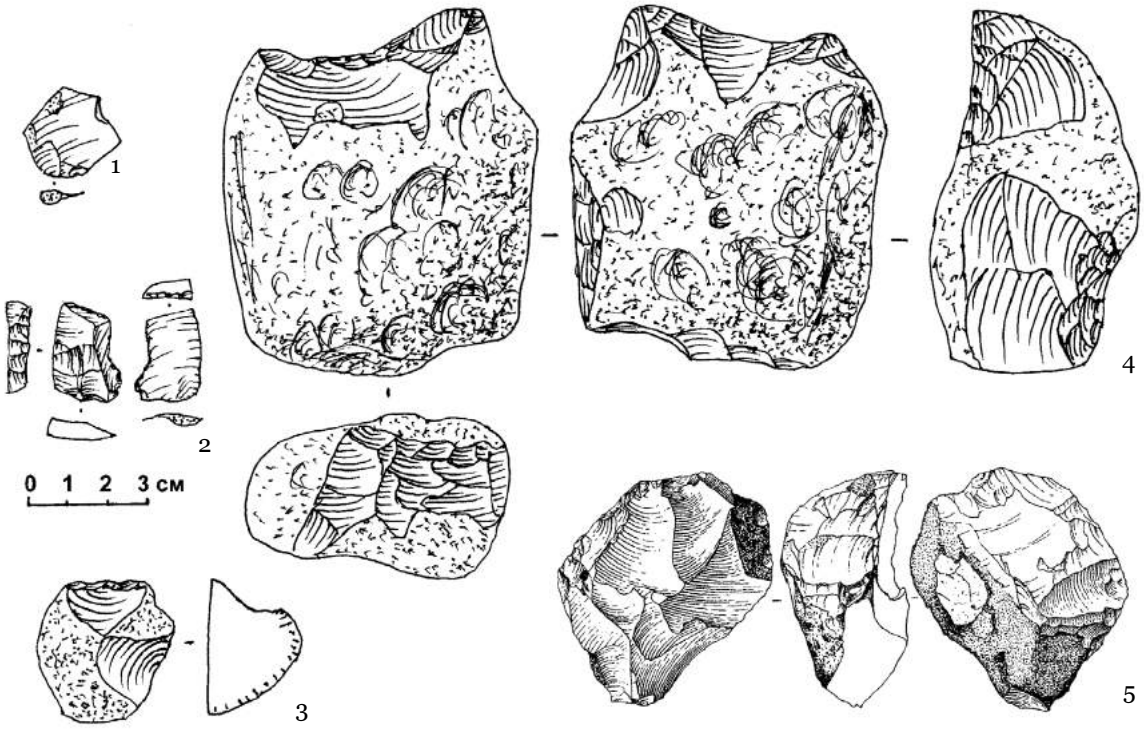


Рис. 5. Каменные изделия позднего комплекса: 1 - отщеп кремневый (средний горизонт); 2 - отщеп кремневый с ретушью (средний горизонт); 3 - скребло на нуклевидном осколке (средний горизонт); 4 - галечное орудие пиковидной формы (нижний горизонт); 5 - нуклеус со скребловидным рабочим краем (верхний горизонт).

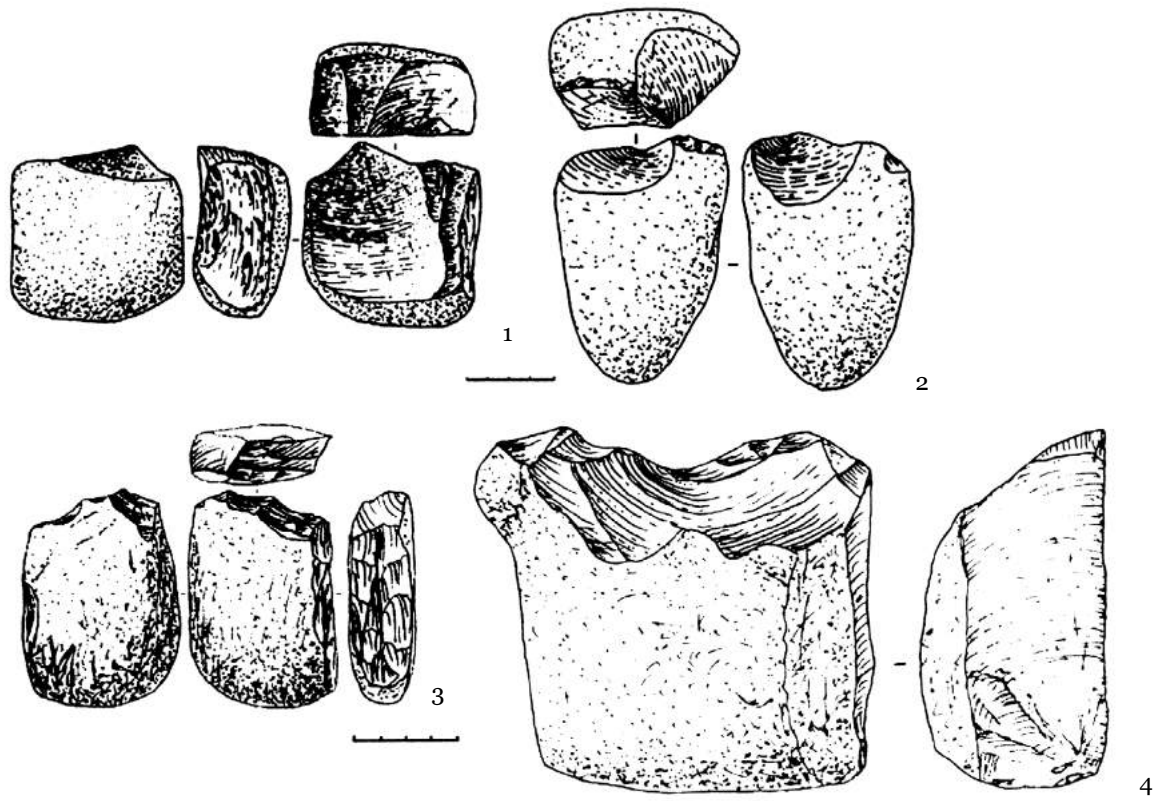


Рис. 6. Каменные изделия раннего (олдованского) комплекса: 1 - окатанное пиковидное орудие на гальке косоуцкого песчаника; 2 - чоппер из косоуцкого песчаника с чередующейся обработкой рабочего края; 3 - чоппер из девонского песчаника с чередующейся обработкой рабочего края; 4 - чоппер из косоуцкого песчаника с выемчатым рабочим краем.

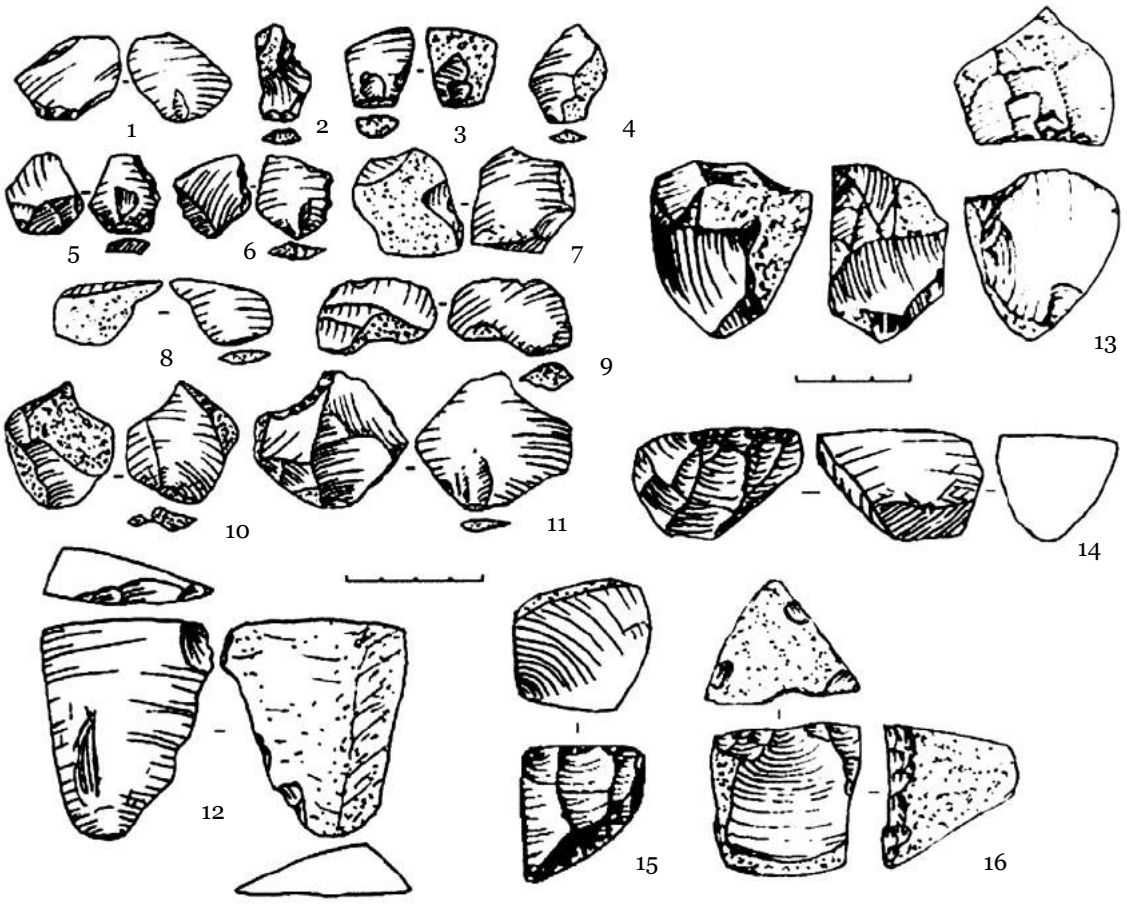


Рис. 7. Каменные изделия раннего (олдованского) комплекса: 1-11 - кремневые отщепы, 12 - отщеп из кварцитовидного песчаника; 13-16 - нуклеусы и нуклевидные формы (13 - со скребковым краем).

Отщепы наиболее распространенная категория находок (рис. 7/1-12). Они почти не отличаются от чешуек, которые, как мы знаем по позднему и среднему палеолиту, характеризуются не только мелкими размерами, но и очень тонкими поперечными сечениями. В нашей коллекции подлинных чешуек немного, к ним были отнесены все отщепы менее 10 мм. Их выделено 31 экз. Собственно отщепов в коллекции, если принимать во внимание и орудия, всего 80. Пластин нет[2]. Отщепы по размерам подразделяются следующим образом: очень мелкие (до 20 мм) – 14, мелкие (до 50 мм) – 62, средние (более 50 мм) – 4. Подавляющее количество отщепов сохраняют корочное покрытие на дорсальных поверхностях, среди них много первичных и полу-первичных, которых в коллекции было около половины (48%). Сколы без корки малочисленны. Более 72% отщепов относились к числу супер-массивных с коэффициентом массивности значительно выше 30. На примитивность техники первичного раскалывания кремня указывает также преобладание в коллекции отщепов с покрытыми коркой ударными площадками, составивших более половины всех всех сколов с сохранившимися площадками. Фасетированных нет, а двугранных всего 2. Все эти признаки характерны для олдованских индустрий.

В коллекции выделено около 40 орудий на отщепах и реже на естественных обломках соответствующих форм и размеров. Среди них много комбинированных. Весьма выразительны разнообразные скребла, среди которых нет стандартных форм (рис. 8/11-12). Интересны два скребла с выделенными остриями (рис. 8/11). Неожиданно хорошо выраженными и

[2] В этом плане два удлиненных скола, соответствующих по своим параметрам пластинам, представляют из себя половину отщепов, разбитых в процессе расщепления. Выразительный удлиненный резцовый скол, найденный в слое, пластинкой не является.

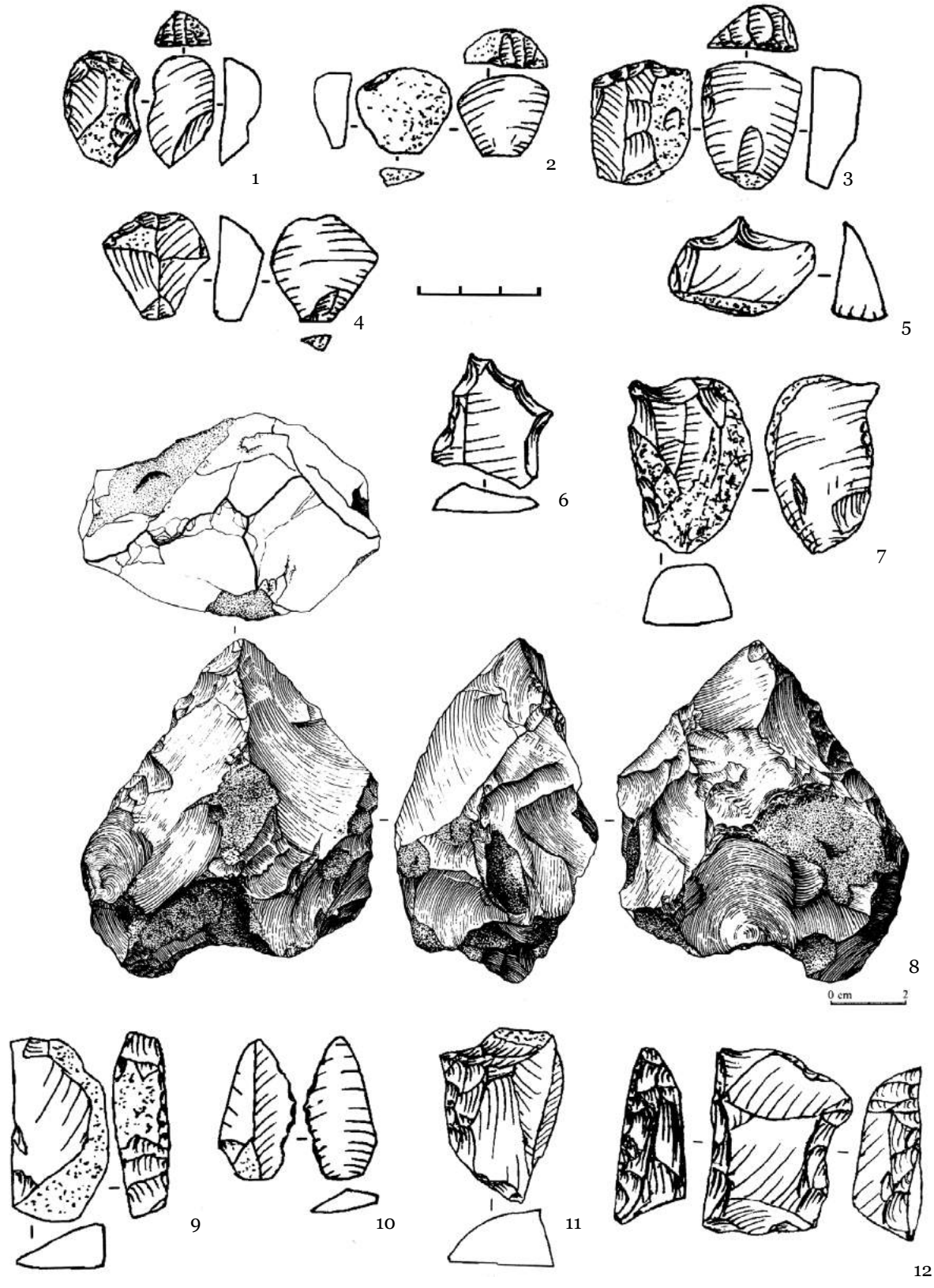


Рис. 8. Каменные изделия раннего (олдованского) комплекса: 1-4 - скребки на отщепах; 5-7 - проколки на отщепах; 8 - массивный прото-бифас пиковидной формы; 9, 10 - ножи с обушками (9 - с частично ретушированным, 10 - естественный); 11, 12 - скребла (11 - с острием).

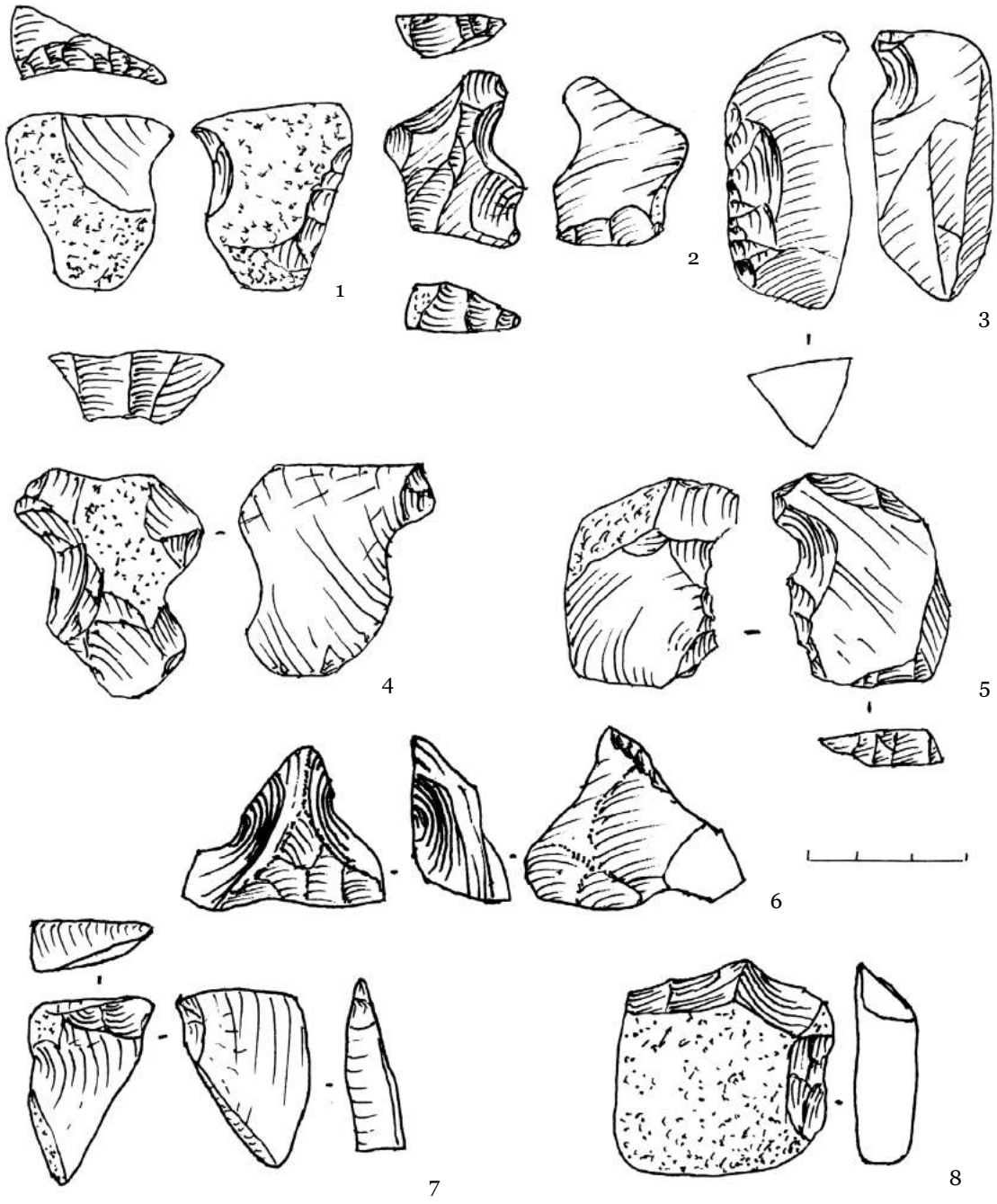


Рис. 9. Каменные изделия раннего (олдованского) комплекса: 1-5 - клювовидные резаки-bill-hooks (3 - комбинирован со скреблом); 6 - окатанное и сильно обожженное кремневое острие клювовидной формы; 7 - скребло подпрямоугольной формы на плитке кремня; 8 - клювовидное острие на гальке косоуцкого песчаника.

типичными оказались скребки на мелких и массивных отщепах, представленных серией из четырех предметов (рис. 8/1-4). Также выразительны четыре проколки, изготовленных на отщепах (рис. 8/5-7). Достаточно типичными являются ножи с естественными или частично ретушированными обушками (3 экз.), изготовленными на удлиненных отщепах (рис. 8/9-10). Серией стандартных форм характеризуется группа клювовидных резаков, которые выделяются в раннем палеолите Англии под наименованием bill-hook (рис. 9/1-5). Эти формы орудий обычно специально не выделяются в олдованских индустриях, хотя аналогичные изделия можно найти в публикациях с качественно выполненными иллюстрациями. Например, можно указать на аналогичные орудия, описанных как клюво-

видные, которые приведены в коллекциях олдованской индустрии Богатыри (Синяя балка) на Тамани (Щелинский, Кулаков 2007; рис. 5/11), а также в раннепалеолитическом комплексе стоянки Карама на Алтае (Деревянко и др. 2005, рис. 31/2). Похожее орудие возможно имеется в коллекции Дманиси, где оно определено как ядрище (Kerne) (Jöris 2008, Taf. 22/1). Эти орудия использовались, как показали трасологические исследования коллекции нижнего слоя среднепалеолитической стоянки Стинка 1 (Анисюткин 2001, 50), в качестве ножей для раскройки шкур.

Особый интерес представляет относительно крупное и массивное кремневое орудие с выделенным острием и частично двусторонней обработкой краев (рис. 8/8). Эта форма может рассматриваться как своеобразный пиковидный прото-бифас.

Прочие орудия представлены различными выемчатыми, зубчатыми, клювовидными (рис. 9/6, 8) и нуклевидными орудиями, включая скребковидные формы (рис. 7/13-14).

Присутствие в коллекции серии типичных скребков на отщепах, проколок и ножей с обушками позволяет сделать предположение об умении приднестровских архантропов изготовлять простейшую одежду. Это предположение хорошо согласуется с находкой сильно обожженного (прокаленного) клювовидного острия (рис. 9/6), косвенно указывающее на использование огня. Подобные факты могут свидетельствовать о том, что древнейшие люди, заселивших в эоплейстоцене Приднестровье, были достаточно адаптированы к природным условиям этой части Восточной Европы.

Наличие в коллекции разнообразных и хорошо выраженных орудий на отщепах позволяет, согласно классификации Анри де Люмлея (Lumley, Barsky, Cauche 2009, 40-41), отнести каменную индустрию раннего комплекса Байраки к развитому или классическому олдовану.

Датировка

Для установления относительного возраста археологического материала первостепенное значение имеет геолого-геоморфологическое расположение стоянки Байраки, обнаруженной на высокой VII надпойменной террасе Днестра. Место стоянки в геоморфологическом смысле приурочено к северной части Дубоссарского амфитеатра, который с востока дугой ограничивает более низкие террасы Днестра от относительно плоской высокой террасы, которая определена как Кицканская. Абсолютные отметки аллювия в районе стоянки Байраки равны -90-95 метров. Данный аллювий однозначно относится к эоплейстоценовому времени, в пределах от 0,8 до 1,2 млн. лет. Лежащие в ископаемых почвах верхние слои (средний и нижний горизонты) датируются на основе ряда показателей в пределах 600-800 тыс. лет (Чепалыга, Анисюткин, Садчикова 2011, 82-83). Наиболее поздний возраст имеет, естественно, верхний горизонт, лежащий под верхней, коричневой (бурой) почвой, которая не может быть моложе завадовской или лихвинской (миндель-рисской) ископаемой почвы. На это указывает, кроме особенностей морфологии почвы, наличие в спорово-пыльцевом комплексе, полученном для верхней ископаемой почвы, образцов пыльцы третичных реликтов, включая хмелеграб (Ostrya). Последний, в частности, как установлено палинологами Молдавии, исчез в конце этого межледниковья (Адаменко и др. 1996, 180). Отсюда можно сделать вывод, что возраст верхнего горизонта должен соответствовать предшествующему – миндельскому оледенению (450-500 тыс. лет).

В настоящее время это первые и самые ранние находки палеолитического времени, обнаруженные на территории Восточно-Европейской равнины (Чепалыга и др. 2013).

Заключение

Палеолитическая стоянка Байраки является первым многослойным памятником раннего палеолита, обнаруженным в заведомо древних отложениях высокой VII надпойменной террасе Днестра. Очень важно, что самый нижний слой, связанный с русловым аллювием, имеет бесспорно эоплейстоценовый возраст. Каменная индустрия данного слоя по всей совокупности технико-морфологических показателей соответствует развитому олдовану, впервые обнаруженному на данной территории Восточной Европы, свидетельствуя о весьма раннем заселении региона. Наличие

на небольшой территории двух памятников – Байраки и Крецешты – с синхронными олдованскими индустриями указывает, наряду с прочими показателями, на освоение данной территории Восточной Европы ископаемыми людьми уже в эоплейстоцене. На возможность же еще более раннего времени появления здесь архантропов косвенным образом указывает единичная находка каменного орудия из разреза у с. Грушево, где артефакт был обнаружен в 1986 году в основании крыжановской ископаемой почвы на VIII террассе правобережного Днестра (Анисюткин 2010).

В настоящее время имеются солидные основания для предположения о заселении юга Восточной Европы с территории Кавказа, соответствуя 3-му этапу (1,2-1 млн. лет) (Чепалыга и др. 2013, 669). Западное и юго-западные направления (Балканы) не дают достаточных оснований. Так по заключению известной болгарской исследовательницы палеолита Стефанки Ивановой, которая знакомилась с нашими материалами, каменная индустрия стоянки Байраки отличается от олдована пещеры Козарника, что подтверждается данными предварительной публикации (Иванова 2009). Здесь важно обратить внимание на то, что популяции архантропов, проникших в Северное Причерноморье с юга, были уже достаточно адаптированы к природным условиям региона. Они, как показывают материалы стоянки Байраки, умели использовать огонь и могли скорее всего изготовлять простейшую одежду. Показательно, к примеру, что в комплексе каменных изделий известного местонахождения Дманиси (Грузия), имеющего возраст около 2 млн. лет, нет ни проколок, ни скребков, ни следов использования огня (Joris 2008; Ниорадзе, Ниорадзе 2010). Это же типично и для большинства олдованских памятников Африки. Убедительные следы использования огня обнаружены в олдованских комплексах Дагестана и Тамани. Отдельные обожженные артефакты найдены и в более ранних индустриях Африки, хотя систематическое и постоянное использование огня установлено только около 400 000 лет назад (Lumley 2006).

Библиография

Адаменко и др. 1993: О.М. Адаменко, А.В. Гольберт, В.А. Осиюк, Ж.Н. Матвиишина, С.И. Медяник, В.Е. Моток, Н.А. Сиренко, А.В. Чернюк, Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра (Киев: «Феникс» 1993).

Амирханов 2007: Х.А. Амирханов, Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики. В сб.: Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света (Санкт-Петербург 2007), 21-34.

Анисюткин 2001: Н.К. Анисюткин, Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины (Санкт-Петербург 2001).

Анисюткин 2009: Н.К. Анисюткин, О первоначальном заселении юго-запада Восточной Европы. В сб.: (Отв. ред. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков) Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия) (Новосибирск 2009), 50-62.

Анисюткин и др. 2011: Н.К. Анисюткин, С.И. Коваленко, В.А. Бурлаку, Новые данные о раннем палеолите Приднестровья. Rivista Arheologica s.n. VII/1-2, 2011, 108-128.

Анисюткин и др. 2012а: Н.К. Анисюткин, С.И. Коваленко, В.А. Бурлаку, А.К. Очередной, А.Л. Чепалыга, Байраки – новая стоянка раннего палеолита на Нижнем Днестре. В: Археология, этнография и антропология Евразии, 1 (49) (Новосибирск 2012), 2-10.

Анисюткин и др. 2012б: Н.К. Анисюткин, А.Л. Чепалыга, С.И. Коваленко, А.К. Очередной, Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки в 2011 году. В: Археология, этнография и антропология Евразии, 4 (52) (Новосибирск 2012), 19-27.

Деревянко и др. 2005: А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чирикин, Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае (Новосибирск 2005).

Иванова 2009: С. Иванова, Раннопалеолитни ансамбли от пещерата Козарника. В сб.: Saxa loquuntur. Сборник в чест на 65-годишнината на Николай Сираков (София: «Авалон» 2009), 29-58.

Ниорадзе, Ниорадзе 2010: М. Ниорадзе, Г. Ниорадзе, Ранний палеолит Грузии (Дманиси). В сб.: Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. Труды ИИМК РАН, том XXXV (Санкт-Петербург 2010), 84-91.

Чепалыга, Анисюткин, Садчикова 2011: А.Л. Чепалыга, Н.К. Анисюткин, Т.А. Садчикова, Древнейшая в Восточной Европе палеолитическая стоянка Байраки на Днестре: возраст, палеоландшафты, археология. В: Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, №71 (Москва: Наука 2012), 123-140.

Чепалыга и др. 2013: А.Л. Чепалыга, Н.К. Анисюткин, В.М. Трубихин, Т.А. Садчивова, А.Н. Пирогов, Геоархеология раннего палеолита (олдован) Северного Кавказа и долины Днестра: возможные пути миграций древнейших архантропов в Европу. В сб.: VII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (Ростов-на-Дону 2013), 668-671.

Четвертичная система 1982: Четвертичная система. Стратиграфия СССР. Полутом 1 (Москва: «Недра» 1982).

Щелинский 2010: В.Е. Щелинский, Памятники раннего палеолита Приазовья. В сб.: Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009) (Москва: «Наследие» 2010), 57-77.

Щелинский, Кулаков 2007: В.Е. Щелинский, С.А. Кулаков, Богатыри (Синяя балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове. РА 3, 2007, 7-18.

Jöris 2008: O. Jöris, Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 74 (Mainz 2008).

Lumley 2006: H. de Lumley, Il y a 400 000 ans: la domestication du feu, un formidable monteur d'homminisation. C.R. Paleovol 5, 2006, 149-154.

Lumley, Barsky, Cauche 2009: H. de Lumley, D. Barsky, D. Cauche, Les premieres etapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivee de l'Homme sur les rives de la Mediterranee. L'Anthropologie (Paris) 113, 2009, 1-46.

Schick, Toth 2006: K. Schick, N. Toth, An Overview of the Oldowan Industrial Complex: The Sites and the Nature of their Evidence. In: (Eds. N. Toth, K. Schick) The Oldovan: Case Studies Into the Earliest Stone Age (Gosport 2006), 3-42.

Semaw 2006: S. Semaw, The Oldest Stone Artifacts from Gona (2.6-2.5 Ma), Afar, Ethiopia: Implications for Understanding the Earliest Stages of Stone Knapping. In: (Eds. N. Toth, K. Schick) The Oldovan: Case Studies Into the Earliest Stone Age (Gosport 2006), 43-75.

Rezultatele preliminare ale cercetărilor interdisciplinare la staţiunea pruristratificată din perioada paleoliticului inferior Bairaki în anii 2011-2012

Rezumat

Articolul este consacrat rezultatelor preliminare ale cercetărilor complexe efectuate la staţiunea din perioada paleoliticului inferior de la Bairaki, descoperită în anul 2010 şi cercetată în anii 2011-2012. Investigaţiile au fost realizate de un colectiv de cercetători din Rusia şi din Republica Moldova, care a inclus arheologi (Institutul istoriei culturii materiale al AŞR, Sankt Petersburg; Institutul Patrimoniului Cultural, AŞM), geologi şi paleogeografi (Institutul de geografie şi geologie al AŞR, Moscova).

La staţiune, în depunerile vechi de pe terasa a VII-a a Nistrului, au fost descoperite câteva straturi ce conţineau artefacte arheologice şi paleontologice. În conformitate cu stratigrafia sitului au fost identificate două complexe: timpuriu şi târziu. Primul e legat de depunerile aluviale, iar al doilea – de solurile fosile. Descoperirile din complexul târziu sunt reduse la număr şi sunt analogice cu piesele din piatră a aşa-numitei „industrii de Dubăsari", o variantă regională a acheulianului (500-700 mii ani). Mai numeroase sunt descoperirile din complexul timpuriu, încadrate în eopleistocenul târziu (0,8-1,2 mil. ani), care coincide cu Oldowanul dezvoltat (clasic) din Africa şi Eurasia.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Localizarea siturilor paleolitice din preajma or. Dubăsari, regiunea Nistrului Inferior: 1 - Bairaki; 2 - Bolshoy Fontan; 3 - Creţeşti.

Fig. 2. Bairaki. Planurile şi profilurile secţiunilor: 1 - sedimentele holocene; 2 - loess; 3 - sol fosil de culoare maro; 4 - sol fosil de culoare roşiatică; 5 - sol fosil hidromorfic; 6 - sedimentele râurilor de luncă; 7 - sedimentele râurilor de bayou; 8 - sedimentele di albia râului; 9 - conglomerat.

Fig. 3. Bairaki. 1 - vedere generală a văii şi staţiunii Bairaki dinspre sud; 2 - vedere generală a săpăturilor dinspre partea opusă (vest) a văii.

Fig. 4. Piese de piatră din complexul târziu: 1, 5 - chopper; 2 - nucleu; 3, 4 - racloare.

Fig. 5. Piese de piatră din complexul târziu: 1 - aşchie; 2 - aşchie cu retuşe; 3 - racloar; 4 - unealtă din prund; 5 - nucleu-racloar.

Fig. 6. Piese de piatră din complexul timpuriu: 1 - unealtă din prund de tip „pic"; 2-4 - chopper.

Fig. 7. Piese de piatră din complexul timpuriu: 1-12 - aşchii; 13-16 - nuclee.

Fig. 8. Piese de piatră din complexul timpuriu: 1-4 - gratoare; 5-7 - străpungătoare; 8 - protobifacială; 9, 10 - cuţite de tip „à dos"; 11, 12 - racloare.

Fig. 9. Piese de piatră din complexul timpuriu: 1-5 - bill-hooks; 6, 8 - vârfuri; 7 - racloar.

Preliminary results of interdisciplinary research of the Early Paleolithic multilayered site of Bairaki in Transnistria in 2011-2012

Abstract

The article is devoted to preliminary results of comprehensive research of the Early Paleolithic site of Bairaki, which was discovered in 2010 and investigated in 2011-2012. The work was conducted by a team of specialists from Russia and Republic of Moldova, including archaeologists (IHMC RAS, St. Petersburg; Institute of Cultural Heritage, ASM), geologists and paleogeographers (Institute of Geography and Geology RAS, Moscow). In the site there were found several layers of archaeological and paleontological finds associated with ancient deposits of the high 7th terrace above the flood plain of the Dniester.

According to the stratigraphy, there were two complexes – the early and the late. The first is associated with alluvial deposits, and the second – with the overlying ancient fossil soils. A few finds of the late complex are comparable to the stone artifacts of the "Dubăsari industry", the variety of regional Acheulian (500-700 thousands years old). More numerous finds of the early complex date back to the Late Eopleistocene (0.8-1.2 million years old), corresponding to the developed or classic Oldowan of Africa and Eurasia.

List of illustrations:

Fig. 1. A schematic map of the location of sites in the Lower Transnistria in the vicinity of Dubăsari: 1 - Bairaki; 2 - Bolshoy Fontan; 3 - Kretseshty.

Fig. 2. Section and plans of excavations in the Bairaki site. The section of the northeastern wall of the excavation. Legend: 1 - Holocene layers; 2 - yellowish-brown loess loam; 3 - brown fossil soil; 4 - red-colored fossil soil; 5 - hydromorphic fossil soil; 6 - floodplain alluvium; 7 - oxbow deposits; 8 - deposits of channel alluvium; 9 - conglomerate. Plans of excavations in 2010, 2011 and 2012. The plan of the lower layer (excavation in 2012).

Fig. 3. 1 - General view of the ravine and site of Bairaki from the south; 2 - general view of the excavation from the opposite (western) slope of the gorge.

Fig. 4. Stone products of the late complex: 1 - flint pebble chopper (middle horizon); 2 - core with frost damage (upper horizon); 3 - slightly rounded scraper (upper horizon); 4 - Quina type retouched scraper on a fragment of flint (upper horizon); 5 - jasper pebble chopper (lower horizon).

Fig. 5. Stone products of the late complex: 1 - flint flake (middle horizon); 2 - retouched flint flake (middle horizon); 3 - core-like fragment scraper (middle horizon); 4 - lanceolate worked pebble (lower horizon); 5 - core with scraper working edge (upper horizon).

Fig. 6. Stone products of the early (Oldowan) complex: 1 - Cosăuţi sandstone rounded lanceolate worked pebble; 2 - Cosăuţi sandstone chopper with alternating treatment of the working edge; 3 - Devonian sandstone chopper with alternating treatment of the working edge; 4 - Cosăuţi sandstone chopper with notched working edge.

Fig. 7. Stone products of the early (Oldowan) complex: 1-11 - flint flakes; 12 - a flake of quartz sandstone; 13-16 - nuclei and nucleoid forms (13 - with a scraping edge).

Fig. 8. Stone products of the early (Oldowan) complex: 1-4 - flake scrapers; 5-7 - flake borers; 8 - massive lanceolate proto-biface; 9, 10 - backed knives (9 - partially retouched, 10 - natural); 11, 12 - scrapers (11 - pointed).

Fig. 9. Stone products of the early (Oldowan) complex: 1-5 - beaked burins (3 - combined with scraper); 6 - rounded and heavily crazed flint beaked point; 7 - almost rectangular scraper on a flint blade; 8 - beaked point on a Cosăuţi sandstone pebble.

19.07.2013

Др. хаб. Николай Анисюткин, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Дворцовая наб. 18, 191186 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com

Др. Сергей Коваленко, Центр археологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы, бд. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: covalenco@bk.ru

Алиса Ларионова, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Дворцовая наб. 18, 191186 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alisa_89@bk.ru

Др. Александр Очередной, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Дворцовая наб. 18, 191186 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mr_next@rambler.ru

Ксения Степанова, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Дворцовая наб. 18, 191186 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mr_next@rambler.ru

Др. Андрей Чепалыга, Институт географии Российской академии наук, Старомонетный пер. дом 22, 119017 Москва, Россия, e-mail: tchepalyga@mail.ru

DATE PRELIMINARE ASUPRA MORMÂNTULUI DE COPIL DESCOPERIT ÎN STAȚIUNEA PALEOLITICĂ DE LA COSĂUȚI (REPUBLICA MOLDOVA)

Mădălin-Cornel Văleanu, Luminița Bejenaru, Serghei Covalenco, Ion Tentiuc, Vitalie Burlacu, Codrin Lacătuşu

Situl paleolitic de la Cosăuți, aflat la cca 500 m nord-vest de satul cu acelaşi nume de pe malul Nistrului, în zona de nord-est a Republicii Moldova (fig. 1), şi-a câştigat un loc meritoriu în studiul preistoriei spaţiului european şi în arheologia internaţională datorită eforturilor neobosite depuse de regretatul coleg Ilie Borziac (1948-2010). Descoperit în anul 1978, situl arheologic a fost cercetat sistematic în perioada 1981-1997, oferind descoperiri arheologice remarcabile, reflectate în artefacte de o valoare deosebită, atât din punct de vedere artistic, cât şi din punctul de vedere al încărcăturii simbolice şi spirituale.

Alături de staţiunea de la Mitoc-Malul Galben, cea de la Cosăuţi se poate enumera printre puţinele situri paleolitice din arealul est-european care s-au bucurat de cercetări arheologice interdisciplinare, complexe şi sistematice. Rezultatele obţinute aici au contribuit la înţelegerea evoluţiei comunităţilor umane şi a habitatului la sfârşitul Paleoliticului superior.

Din păcate, moartea prematură a lui Ilie Borziac a făcut ca rezultatele cercetărilor arheologice să nu fie publicate în cadrul unui volum monografic, multe dintre descoperirile făcute aici rămânând nevalorificate ştiinţific corespunzător. Printre acestea se numără şi identificarea, în anul 1987, a unui mormânt de copil, o descoperire unică în acest areal geografic.

În raportul de săpătură din acel an, depus de Ilie Borziac (Борзияк 1988a, 24-25), se menţionează că mormântul a fost identificat în caroul K1, partea superioară a craniului aflându-se la adâncimea de 872 cm faţă de nivelul zero al sitului.

În acelaşi raport, Ilie Borziac mai nota că mormântul este legat de Stratul 2B (strat datat şi prin metoda C14), mai exact de aglomerarea circulară, în formă de pată, cu urmele unei vetre în centru, interpretată ca un complex de locuire (locuinţă). Mormântul se găsea în partea de nord a acestui complex, la o adâncime de 7-10 cm mai mică decât cea a Stratului 2B, dar fără a se putea identifica clar urme ale unei gropi. Resturile culturale ale Stratului 2B (mici oase de animale, obiecte de silex, cărbuni) acopereau complet suprafaţa deasupra scheletului. În partea sudică a caroului K1, în locul corespunzător aflării ipotetice a oaselor bazinului şi picioarelor, stratul de cultură era puţin colorat în roşu, prin intermediul unor particule infime de ocru, ceea ce a determinat pe autorul descoperirii să afirme că asupra mormântului ar fi fost presărat ocru.

Scheletul a fost cercetat parţial, fiind dezvelit la partea superioară, în zona craniului, la oasele ambelor mâini şi la nivelul toracelui. Autorul raportului mai nota că în procesul de dezvelire au fost deplasate falangele degetelor mâinii drepte şi că este posibil ca genunchii să fi fost parţial atinşi la săparea stratului de cultură, deoarece erau amplasaţi mai sus. Oasele bazinului şi ale picioarelor nu au fost dezvelite, mormântul fiind prelevat *in situ*, pentru o cercetare ulterioară.

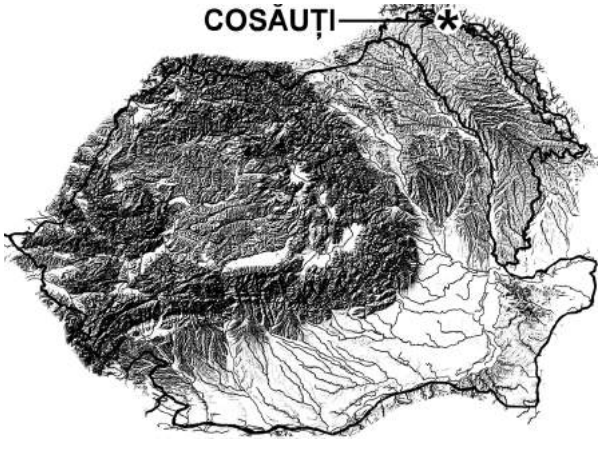


Fig. 1. Hartă cu localizarea staţiunii de la Cosăuţi.

Despre poziţia corpului, în raport se menţionează expres faptul că acesta era orientat cu craniul spre nord-vest şi că, iniţial, s-a crezut că ar avea o poziţie chircită, culcat pe dreapta, însă, curăţarea ulterioară a evidenţiat faptul că scheletul era culcat pe spate, cu o mică răsturnare spre stânga, iar faţa era îndreptată spre torace. Oasele mâinii drepte erau întinse de-a lungul scheletului, iar mâna stângă era puţin îndoită de la cot.

Autorul raportului menţiona că este un mormânt al unui copil, probabil *infans I*, menţionând faptul că descoperirea a fost desenată şi fotografiată, făcând trimitere la ilustraţia anexată raportului (desenele 22-24 şi fotografiile 26-28 din raport) (fig. 2-6).

Descoperirea a fost anunţată de către Ilie Borziac comunităţii ştiinţifice în cadrul conferinţei organizate la Taşkent în 1988, dedicată celebrării a 50 ani de la descoperirea mormântului din peştera Teşik Taş. În scurta notă publicată în volumul cu comunicări de la conferinţă[1], autorul reia o parte din cele semnalate în cadrul raportului arheologic, făcând însă şi câteva precizări asupra datării statelor culturale.

Ulterior, în cadrul studiului intitulat *Quelques données préalables sur l'habitat tardipaléolithique pluristratifié de Cosseoutsy*, publicat în anul 1991, în volumul editat de V. Chirica şi D. Monah – *Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en context européen*, Ilie Borziac indica aproximativ aceleaşi elemente ca şi cele cuprinse în raportul iniţial asupra descoperirii, cu diferenţa că se indica cert prezenţa ocrului roşu şi cu menţiunea că lipsesc elemente de inventar.

În amplul volum publicat în anul 2009, despre această descoperire Pierre Noiret menţiona la pag. 252-253 că ar fi un mormânt *al unui copil de sex masculin, descoperit la 17 cm sub nivelul Stratului 2B*, reluând corect restul informaţiilor precizate mai sus, privitoare la orientare, poziţia corpului sau la intenţia pentru o cercetare detaliată prin prelevarea acelui *in situ*.

[1] În volumul *Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии*: докл. конф., посвящ. 50-летию открытия погребения в гроте Тешик-Таш, Ташкент, 1988, nota este publicată la paginile 14-16 şi are titlul *Детское погребение на многослойной позднепалеолитической стоянке Косэуць на среднем Днестре*. În volumul din anul 1991, I. Borziac indică un alt titlul pentru această notă, cu trimiterea la pag. 18. În lista bibliografică a acestuia din volumul omagial publicat în 2008 regăsim un alt titlu pentru această lucrare, cu trimitere la pag. 34-40.

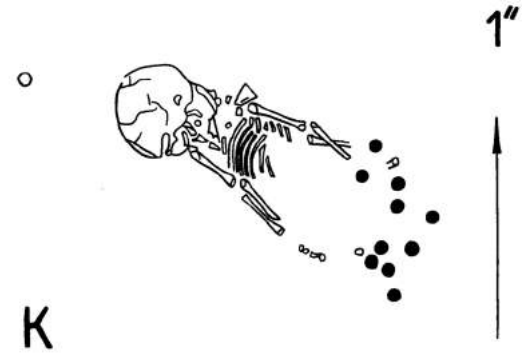


Fig. 2. Mormântul de copil de la Cosăuţi. Desen din *Raportul arheologic* depus de I. Borziac (1987).

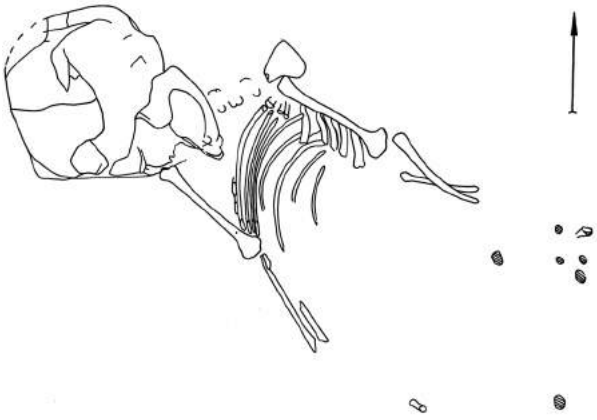


Fig. 3. Mormântul de copil de la Cosăuţi. Desen din *Raportul arheologic* depus de I. Borziac (1987).

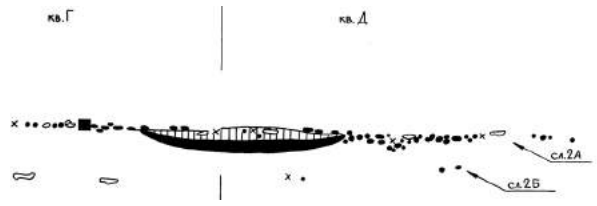


Fig. 4. Mormântul de copil de la Cosăuţi. Desen secţiune stratigrafică din *Raportul arheologic* depus de I. Borziac (1987).

O altă notă despre acest mormânt este cea dată de Serghei Colavenco în 2010 cuprinsă în amplu volum *Istoria Moldovei*, la pagina 155. Acesta, participant la săpăturile de la Cosăuţi din anul 1987, menţiona faptul că poziţia scheletului era chircită pe partea dreaptă, deasupra acestuia fiind presărat ocru roşu, avansând ipoteza că amplasarea sa la marginea locuinţei era datorată faptului că, probabil, iarna solul îngheţat nu permitea săparea la adâncime. Şi S. Covalenco adăuga faptul că această descoperire nu a fost cercetată satisfăcător până atunci.

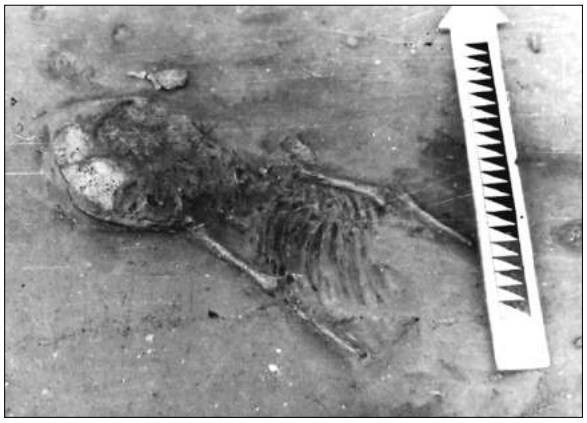


Fig. 5. Fotografie a mormântului de copil de la Cosăuţi din *Raportul arheologic* depus de I. Borziac (1987).

Fig. 6 Fotografie a mormântului de copil de la Cosăuţi din *Raportul arheologic* depus de I. Borziac (1987).

Aşa cum nota şi Ilie Borziac în raportul său din anul 1987, dar şi în studiul din 1991, mormântul a fost extras sub forma unui bloc-monolit (*in situ*) pentru o cercetare ulterioară. După descoperire, mormântul a fost expus o perioada în cadrul expoziţiei permanente a Muzeului de Arheologie şi Etnografie a Academiei de Ştiinţe de la Chişinău, fiind apoi retras şi depozitat temporar într-unul din birourile de lucru ale cercetătorilor. Ulterior, acesta a fost transportat la subsolul clădirii principale a instituţiei, într-o încăpere destinată prelucrării materialului arheologic.

Paradoxal, timp de aproape 25 ani această importantă descoperire arheologică nu a atras atenţia cercetătorilor din domeniu, rămânând practic necunoscută, deşi potenţialul ştiinţific al acesteia este unul imens, fiind o descoperire unică în arealul geografic est-european. În raport cu anul descoperirii, dezvoltarea metodelor de investigare ştiinţifică permit acum o investigare complexă a acesteia. Trebuie luat în consideraţie faptul că lunga perioada de timp scursă de la descoperire, cât şi condiţiile de păstrare în care s-a aflat, ar putea să fi condus la o deteriorare ireversibilă a acesteia.

Asupra potenţialului acestei descoperiri s-au făcut referiri în recentul studiu privitor la descoperirile antropologice paleolitice de pe teritoriul României şi al Republicii Moldova (Văleanu 2012, 25), în raport cu un alt subiect de interes pentru dezbaterea ştiinţifică, şi anume problema trecerii de la paleolitic la neolitic în arealul carpato-nistrean. Această descoperire poate constitui o verigă importantă de legătură între mediul paleolitic şi comunităţile umane din acest areal şi cele legate de locuirea neolitică ulterioară a regiunii. Cu această ocazie, autorul studiului menţiona expres situaţiile „delicate" legate de acest important patrimoniu ştiinţific.

Având în vedere legăturile şi colaborarea anterioară avută între cercetătorii din România şi cei din Republica Moldova, s-au încercat a se găsi soluţii pentru constituirea unei echipe interdisciplinare de studiu a acestei importante descoperiri.

Eforturile susţinute au fost concretizate prin încheierea unui protocol de colaborare între Muzeul Naţional de Istorie şi Arheologie a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural din cadrul Academiei de Ştiinţe a Republicii Moldova, Universitatea „Al.I. Cuza" Iaşi şi Complexul Muzeal Naţional Moldova Iaşi, fiind constituit un colectiv de specialişti, format din M. C. Văleanu, L. Bejenaru, V. Burlacu, S. Covalenco, C. Lacătuşu, I. Tentiuc. Trebuie să menţionăm aici sprijinul deosebit care ne-a fost acordat de către dr. hab. Eugen Sava, director al Muzeul Naţional de Istorie şi Arheologie a Moldovei, şi de către colegul dr. Aurel Zanoci.

Obiectivul prioritar propus de noi a fost asigurarea celor mai bune condiţii de conservare a descoperirii. În această direcţie, trebuie de menţionat faptul că s-a realizat o curăţare minuţioasă a mormântului, fiind îndepărtat praful şi alte materiale care s-au acumulat în timp (fig. 7). Loessul în care este încorporat scheletul, ca urmare a condiţiilor de mediu care au condus la evaporarea apei, a căpătat o duritate deosebită. De asemenea, au fost prelevate fragmentele de os care erau detaşabile faţă de stratul geologic şi au fost depuse în pungi speciale (fig. 8-9). Mormântul a fost acoperit cu material textil, peste care s-a realizat o carcasă de lemn pentru protecţie.

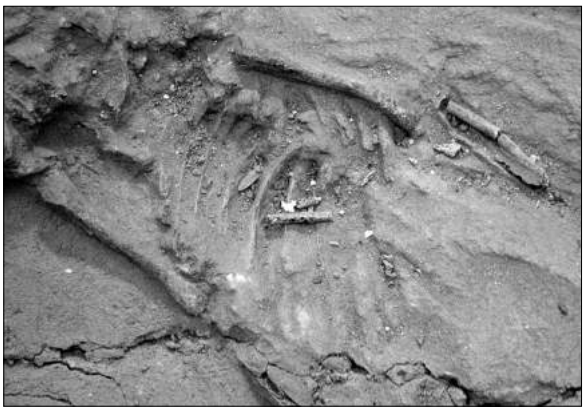


Fig. 7. Detaliu al mormântului de copil de la Cosăuţi cu praful şi alte materiale care s-au acumulat în timp (mai 2012).

Privitor la starea de conservare a scheletului, putem afirma că prezervarea scheletului în nivelul arheologic a fost bună până în momentul descoperirii sale, având în vedere pe de o parte vechimea depunerii şi pe de alta vârsta foarte mică a copilului şi deci gradul sporit de imaturitate a oaselor. După extragerea scheletului din nivelul arheologic, deşi acesta a rămas în poziţia iniţială a descoperirii într-o cantitate apreciabilă de sediment, oasele s-au fragilizat considerabil în cursul celor 25 de ani de păstrare, ca urmare a condiţiilor de expunere la diferenţe mari de umiditate şi temperatură. De asemenea, comparând fotografiile realizate în momentul descoperirii cu situaţia prezentă, am constatat faptul că unele fragmente osoase nu se mai păstrează.

Scheletul a fost analizat din punct de vedere antropologic doar preliminar, *in situ*, fără ca oasele să fie prelevate din sediment, curăţate şi restaurate (fig. 6, 9). Scheletul *in situ* apare în poziţie de semidecubit lateral dreapta, unele oase din componenţa sa fiind încă acoperite de sediment şi prin urmare inaccesibile. În stadiul actual al cercetării nu s-a putut realiza inventarul complet al elementelor scheletice, măsurătorile corespunzătoare şi nici nu au fost identificate semne distincte de ordin tafonomic sau paleopatologic.

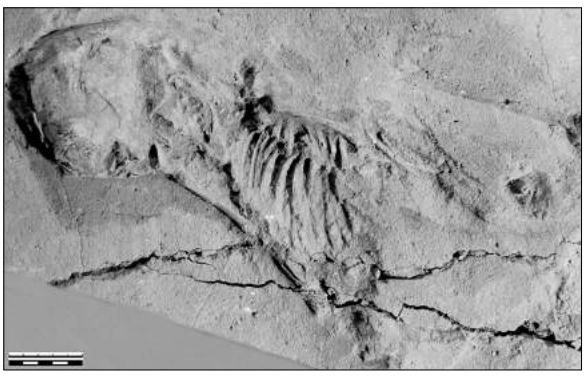


Fig. 8. Mormântul de copil după curăţire (mai 2012).

Din scheletul cranian lipseşte mandibula, fiind mai bine prezervată doar calota craniană al cărei diametru longitudinal (glabela-opistocranion) măsoară *in situ* circa 105 mm (fig. 9). Din coloana vertebrală sunt vizibile vertebre toracice şi doar amprente de vertebre cervicale. Apar, de asemenea, câteva coaste de pe partea dreaptă a scheletului. Dispunem, de asemenea, doar de câteva elemente din scheletul membrelor superioare: omoplatul drept, cele două humerusuri, aşchii şi amprente de radius şi cubitus de la ambele membre.

Vârsta la momentul morţii, apreciată pe baza lungimii maxime a humerusului (dreapta şi stânga – în medie de circa 69 mm), este de nou născut – 6 luni (Stloukal, Hanakova 1978). Statura, apreciată pe baza lungimii maxime a aceluiaşi element anatomic, este de circa 607 mm (Visser 1998). Nu se pot face precizări asupra sexului individului.

Privitor la datarea Stratului 2B, în raportul din anul 1987, Ilie Borziac menţiona expres faptul că acesta a fost datat prin metoda C14. În nota publicată în anul 1988, acesta indica două date, 18.200 ± (GIN – 4148) şi 19.020 ± 925 (SOAN 2462). În studiul din 1991 este indicat doar 19.020 ± 925 (SOAN 2462), obţinută de V.A. Panytchev.

În studiul publicat în 2003, se indica 16.620 ± 210 BP pentru Stratul 2C, şi 17.230 ± 140 BP pentru Stratul 2A, date obţinute la laboratorul din Groningen (Haessart et al. 2003, fig. 6-7).

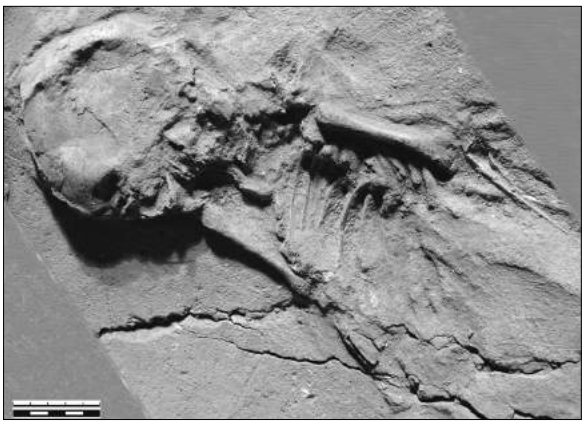


Fig. 9. Mormântul de copil după curăţire (mai 2012) – detaliu.

Descoperirea mormântului de copil de la Cosăuţi vine să susţină descoperirile similare întâlnite în Paleoliticul superior european. În primul rând menţionăm cele trei morminte de copii de la Krems-Wachtberg (Austria) (Einwögerer et al. 2008, 15; Händel, Einwögerer, Simon 2008, 187), dar paralelisme pot fi invocate şi cu alte descoperiri similare, cum sunt cele de la Kostenki, Sungir sau Lagar Velho şi nu în ultimul rând, Grotte des Enfant (Formicola 2007, 448).

Mormântul de la Cosăuţi denotă clar caracterul depunerii voluntare şi al existenţei unor manifestări cu caracter religios legate de acest act, prin prezenţa ocrului roşu. Alături de aceste manifestări, mormintele de adulţi din Gravettianul european care denotă evidente încărcături legate de structurări sociale, vor constitui, în fapt, fondul pentru următoarea revoluţie socială majoră şi anume neolitizarea (Bar-Yosef 2002, 379). Din acest motiv, mormântul de copil de la Cosăuţi trebuie analizat şi în contextul prefigurării comportamentelor etapei următoare, şi anume cea a Neoliticului.

Or, în acest context descoperirea de la Cosăuţi îşi arată adevăratul potenţial ştiinţific, deoarece reprezintă oportunitatea investigării suportului efectiv al transmiterilor culturale, care este omul.

Totuşi, sarcina colectivului constituit pentru cercetarea mormântului de copil descoperit la Cosăuţi este una dificilă, de a identifica cele mai adecvate metode de investigare ştiinţifică a acesteia, ţinându-se cont de situaţia lui actuală şi posibila deteriorare a acestuia în cei 25 de ani de la descoperire. Dat fiind faptul că în acest moment descoperirii i s-au asigurat cele mai bune condiţii de conservare pasivă, luarea unor decizii coerente asupra modului de investigare va trebui să facă obiectul unor riguroase analize.

Bibliografie

Bar-Yosef 2002: O. Bar-Yosef, The Upper Paleolithic Revolution. Annual Review of Anthropology 31, 2002, 363-393.

Borziac 1991: I. Borziac, Quelques donnés préalables sur l'habitat tardipaléolithique pluristratifie de Cosseoutsy sur le Dniestrr Moyen. In: (Eds. V. Chirica, D. Monah) Le Paleolithique et le Neolithique de la Roumanie en context europeen (Iaşi 1991), 56-71.

Colavenco 2010: S. Colavenco, Primele manifestări culturale. Paleoliticul şi Mezoliticul. Orânduirea comunei primitive. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V) (Chişinău 2010), 99-176.

Einwögerer et al. 2008: Th. Einwögerer, M. Händel, C. Neugebauer-Maresch, U. Simon, M. Teschler-Nicola, The Gravettian Infant Burials from Krems-Wachtberg, Austria. In: (Ed. K. Bacvarov) Babies Reborn: Infant/ Child Burials in Pre- and Protohistory, BAR 1832 (Oxford 2008), 15-19.

Formicola 2007: V. Formicola, From the Sunghir children to the Romito dwarf: aspects of the Upper Paleolithic funerary landscape. Current Anthropology 48(3), 2007, 446-453.

Haessart et al. 2003: P. Haesaerts, I. Borziak, V. Chirica, F. Damblon, L. Koulakovska, J. Van der Plicht, The east Carpathian loess record: a reference for the middle and late pleniglacial stratigraphy in central Europe [La séquence loessique du domaine est-carpatique: une référence pour le Pléniglaciaire moyen et supérieur d'Europe centrale.]. Quaternaire 3, vol. 14, 2003, 163-188.

Händel, Einwögerer, Simon 2008: M. Händel, Th. Einwögerer, U. Simon, Krems-Wachtberg – A Gravettian Settlement Site in the Middle Danube Region. Wiss. Mitt. Niederösterr. Landesmuseum 19, 2008, 91-108.

Noiret 2009: P.Noirret, Le Paléolithique superior de Moldavie. Essai de synthese d'une evolution multi-culturelle (Liege 2009), Eraul 121.

Stloukal, Hanakova 1978: M. Stloukal, M. Hanakova, Die Lange der Langsknichen altslavischer Bevolkerungen unter besonderer Berucksi chtigung von Waschstumsfragen. Homo 26, 1978, 53-69.

Văleanu 2012: M.C. Văleanu, Considerations Regarding the Paleolithic Anthropological Discoveries in Romania and the Republic of Moldova. In: (Eds. R. Kogalniceanu, R.G. Curcă, M. Gligor, S. Stratton) Homines, Funera, Astra. Proceedings of the International Symposium on Funerary Anthropology 5-8 June 2011, 1 Decembrie 1918' University (Alba Iulia, Romania), BAR 2410, 2012, 21-30.

Visser 1998: E.P. Visser, Little waifs: estimating child body size from historic skeletal material. International Journal of Osteoarchaeology 8, 1998, 413-423.

Борзияк 1988: И.А. Борзияк, Детское погребение на многослойной позднепалеолитичеокой стоянке Косэуць на среднем Днестре. В сб.: Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии: докл. конф., посвящ 50-летию открытия погребения в гроте Тешик-Таш (Ташкент 1988), 14-16.

Борзияк 1988а: И.А. Борзияк, Отчет Днестровской экспедиции о полевых исследованиях в 1987 году (Кишинев 1988). Архив НМИМ, №265.

Preliminary data on a child's grave discovered in the Paleolithic site of Cosăuţi (Republic of Moldova)

Abstract

This paper presents the preliminary results of a comprehensive study of the burial discovered during the investigations of the Upper Paleolithic site at Cosăuţi by the expedition led by Ilie Borziac. Due to various circumstances, the burial remained virtually unexplored until present. The article presents the main results of a preliminary study of skeletal remains that was carried out by an international, Moldavian-Romanian, group of researchers.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the Cosăuţi site.

Fig. 2. Child's burial at Cosăuţi. Drawing from the excavation report submitted by Ilie Borziac (1987).

Fig. 3. Child's burial at Cosăuţi. Drawing from the excavation report submitted by Ilie Borziac (1987).

Fig. 4. Child's burial at Cosăuţi. Stratigraphic section. Drawing from the excavation report submitted by Ilie Borziac (1987).

Fig. 5. Photo of child's burial at Cosăuţi from the excavation report submitted by Ilie Borziac (1987).

Fig. 6. Photo of child's burial at Cosăuţi from the excavation report submitted by Ilie Borziac (1987).

Fig. 7. Child's burial at Cosăuţi before cleaning (May 2012).

Fig. 8. Child's burial at Cosăuţi after cleaning (May 2012).

Fig. 9. Child's burial at Cosăuţi after cleaning (May 2012) - detail.

Предварительные данные относительно детского захоронения, обнаруженного на палеолитической стоянке в Косэуць (Республика Молдова)

Резюме

В работе представлены предварительные результаты комплексного изучения погребения, обнаруженного экспедицией под руководством И.А. Борзияка в процессе исследования верхнепалеолитической стоянки Косэуць. До настоящего времени по различным объективным обстоятельствам погребение оставалось практически не изученным. В статье изложены основные результаты предварительного изучения скелетных остатков, осуществленного международной, молдавско-румынской, группой исследователей.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Местоположение стоянки Косэуць.

Рис. 2. Детское погребение в Косэуць. Рисунок из археологического отчета И.А. Борзияка (1987).

Рис. 3. Детское погребение в Косэуць. Рисунок из археологического отчета И.А. Борзияка (1987).

Рис. 4. Детское погребение в Косэуць. Стратиграфическое расположение. Рисунок из археологического отчета И.А. Борзияка (1987).

Рис. 5. Фотография детского погребения в Косэуць из археологического отчета И.А. Борзияка (1987).

Рис. 6. Фотография детского погребения в Косэуць из археологического отчета И.А. Борзияка (1987).

Рис. 7. Вид детского погребения в Косэуць до зачистки (май 2012).

Рис. 8. Детское погребение после зачистки (май 2012).

Рис. 9. Детское погребение после зачистки (май 2012) - детально.

11.03.2013

Dr. Mădălin-Cornel Văleanu, Complexul Muzeal Naţional Moldova, Piaţa Ştefan cel Mare şi Sfânt, nr. 1, RO-700028 Iaşi, România, e-mail: madalinvaleanu@yahoo.com

Dr. Luminiţa Bejenaru, Universitatea „Al.I. Cuza", Iaşi, b-dul Carol I, nr. 22, RO-700505 Iaşi, România

Dr. Serghei Covalenco, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bl. Ştefan cel Mare 1, MD-2001 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: covalenco@bk.ru

Dr. Ion Tentiuc, Muzeul Naţional de Istoria Moldovei, str. 31 august 1989, 121a, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Vitalie Burlacu, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bl. Ştefan cel Mare 1, MD-2001 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: vitalie83burlacu@yahoo.com

Codrin Lăcătuşu, Complexul Muzeal Naţional Moldova, Piaţa Ştefan cel Mare şi Sfânt, nr. 1, RO-700028 Iaşi, România

INDUSTRIA LITICĂ CIOPLITĂ DIN AŞEZAREA ENEOLITICĂ DE LA ŞOIMUŞ 2 - *LÂNGĂ SAT*

Mihaela-Maria Barbu

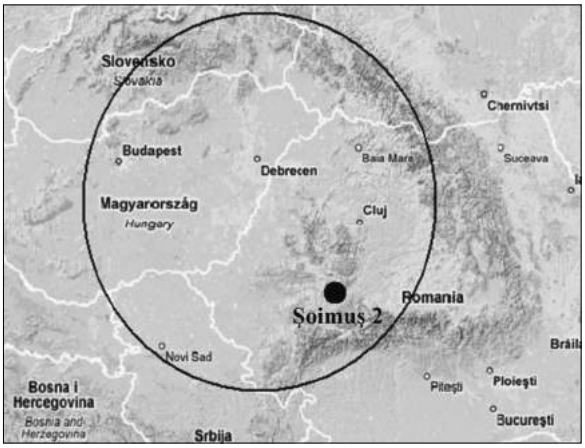
I. Date arheologice

Epoca eneolitică desemnează acea perioadă preistorică în care populaţiile de oameni caută zăcăminte de cupru, se stabilesc în zonele bogate în astfel de resurse şi prelucrează intens acest metal, folosindu-l ca materie primă pentru unelte şi podoabe, pe lângă piatră, lut ars şi materii dure de origine animală.

În partea de vest a României începutul eneoliticului este caracterizat de cultura Tiszapolgár, a cărei denumire provine de la staţiunea eponimă situată în nord-vestul Ungariei, fiind cunoscută drept Tisa II, Tisa III, Tisa târzie şi Româneşti. Totuşi s-a generalizat folosirea termenului de **Tiszapolgár**, întrucât acesta cuprinde întreaga problematică a culturii şi acoperă un spaţiu geografic mult mai întins, întrebuinţarea unor alte denumiri, după staţiunile arheologice din ţara noastră, putând cel mult să reflecte specificul local al unor grupe bine conturate deja, din cadrul culturii (Iercoşan 2002, 10).

Arealul acestei culturi cuprinde estul Ungariei, Slovacia de est, Serbia de nord şi România. În România cuprinde Banatul, Crişana, Sălajul, Sătmarul, sud-vestul Maramureşului şi o mare parte din Transilvania (Iercoşan 2002, 9, 10) (fig. 1/1).

În Transilvania, mai exact în judeţul Hunedoara, în anul 2011 s-au demarat săpături arheologice preventive pentru obiectivul: „Construcţia variantei de ocolire Deva - Orăştie la standard de autostradă". Astfel între km 31+850 – 32+300 a fost dezvelit un sit arheologic care cuprinde complexe aparţinând mai multor epoci: eneolitică, cultura Coţofeni, epoca bronzului, prima şi a doua epocă a fierului, epoca migraţiilor şi epoca medievală[1] (fig. 1/1).



1

2

Fig. 1. 1 - Răspândirea culturii Tiszapolgár şi localizarea aşezării eneolitice în discuţie; 2 - Şoimuş 2 - *Lângă sat*.

Situl se află situat pe terasa înaltă nordică a râului Mureş, pe teritoriul satului Şoimuş din comuna cu acelaşi nume, punctul *Lângă sat*, aproape de oraşul Deva, din judeţul Hunedoara (fig. 1/2).

Aproape de capătul vestic al sitului am dezvelit şi săpat exhaustiv o aşezare eneolitică[2], aparţinând

[1] Din colectivul de cercetare au mai făcut parte: Ţuţuianu Costin Daniel, Barbu Ioana, Barbu Marius, Bodó Cristina şi Codrea Ionuţ.

[2] Această lucrare nu îşi propune să publice exhaustiv aşezarea eneolitică, ci doar o mică parte componentă: materialul litic cioplit.

culturii Tiszapolgár[3]. Este vorba despre o aşezare de terasă, compactă, cu un strat de cultură consistent. Aceasta prezintă un sistem defensiv complex, care conferă aşezării forma literei „D", fiind mărginită la sud de râul Mureş.

Pe lângă numeroasele obiecte ceramice, de os şi corn, pe care le-a furnizat cultura materială a acestei aşezări eneolitice, se remarcă şi o bogată industrie litică cioplită, bazată pe unelte, arme şi resturi de prelucrare.

II. Materialul litic cioplit

Materialul litic cioplit însumează 196 de exemplare, care reprezintă totalul pieselor din piatră cioplită descoperite în aşezarea eneolitică de la Şoimuş 2 - *Lângă sat*. Acestea au fost găsite în complexe de mai multe tipuri, de la gropi simple, gropi menajere, gropi de provizii, gropi de ars ceramica, până la locuinţe adâncite, şanţuri de fundaţie ale unor locuinţe de suprafaţă şi în şanţurile realizate pentru sistemul de fortificaţie. Aceasta denotă faptul că locuitorii acestei aşezări făcuseră din cioplitul pietrei o ocupaţie importantă, care le satisfăcea nevoile de unelte şi arme. Numărul mare de utilaje litice cioplite (99) şi puţinele piese din metal (cupru) arată că această comunitate era specializată în a prelucra rocile locale sau importate.

Complexele care abundă în unelte şi resturi ale prelucrării pietrei ne fac să presupunem că erau, dacă nu chiar ateliere de lucru, cel puţin anexe unde se exercita *in situ* o meserie specializată şi standardizată. Un astfel de complex este groapa Cx 179, care a relevat 32 de exemplare litice cioplite, dintre care 12 piese sunt reprezentate de unelte, celelalte 20 fiind resturi rezultate în urma confecţionării de utilaje. Dintre aceste unelte remarcăm piese cu urme de folosire – lustru vegetal şi tocire, piese tăioase şi un *racloir*.

Alte complexe ne arată celelalte tipuri de ocupaţii ale comunităţii de pe prima terasă înaltă a Mureşului şi anume practicarea agriculturii. Cx 274 şi Cx 467 au scos la iveală două seceri. În primul dintre cele două complexe am descoperit 4 lame cu lustru vegetal, aşezate în rând, toate cu marginile cu urme de folosire în sus (fig. 4, 6, 7). Am considerat că acestea au fost prinse într-un suport, care nu s-a mai păstrat (posibil lemn), alcătuind o seceră (fig. 2).

[3] Determinarea culturală s-a realizat în primul rând pe analiza materialului ceramic, specific culturii Tiszapolgár.

Fig. 2. Reconstituire seceră cu componentele prinse oblic (după Stordeur 1987, 15, fig. 2/4).

Al doilea complex a furnizat şi el 4 lame cu lustru vegetal, descoperite însă grupate, care ar putea să reprezinte elementele unei seceri.

Un alt complex, Cx 537, a scos la lumină o piesă interesantă, este vorba despre un cuţit dublu, reprezentat de o lamă mare, care prezintă pe cele două margini retuşe directe abrupte şi urme de folosire: tocire accentuată. Această urmă de uzură a apărut din cauza întrebuinţării îndelungate în treburile casnice. Probabil că piesa a fost prinsă într-un suport, pentru o mai bună utilizare, având în vedere partea sa distală, care este subţire şi a cărei formă se pretează uşor înmănuşării.

În ceea ce priveşte abundenţa materialelor litice cioplite în diferitele tipuri de complexe arheologice din aşezarea eneolitică de la Şoimuş 2 - *Lângă sat*, aceasta se poate urmării în Tabelul 1, de mai jos.

Din tabelul de mai sus reiese că cele mai multe piese litice cioplite s-au descoperit în gropile de provizii, care sunt şi cele mai multe complexe cu material litic, dar complexul cu numărul cel mai mare de obiecte litice cioplite este şanţul de fundaţie pentru o locuinţă de suprafaţă, fiind şi singurul de acest gen care ne-a furnizat unelte şi resturi din piatră. Observăm că acestea din urmă sunt numeroase, ceea ce ne arată că această ocupaţie se realiza în aşezare. Numărul mare de utilaje ne sugerează că aceşti oameni din epoca eneolitică îşi confecţionau uneltele speciale pentru fiecare activitate, făcând din asta o meserie, accesibilă doar celor pricepuţi. Despre cele două posibile arme din tabel vom discuta mai jos.

II.1. Materia primă

În ceea ce priveşte materia primă din care au fost confecţionate aceste piese, aceasta cuprinde mai multe tipuri de roci: silexul, cu varietăţile sale locale şi/sau importate, care reprezintă 57,65% din totalul pieselor litice cioplite, jaspul local de culori variate, aflat într-un procent de 31,63%, menilitul, având un procent de 3,06%, cuarţitul

Tabelul 1

Tipuri de complexe cu material litic cioplit	Numărul de complexe cu material litic cioplit	Piese litice	Unelte	Arme	Resturi de prelucrare
Gropi	7	39	18	-	21
Gropi menajere	7	37	19	-	18
Gropi de provizii	20	71	40	1?	30
Gropi de ars ceramica	1	2	2	-	-
Locuinţe adâncite	2	8	6	-	2
Şanţuri de fundaţie pentru locuinţele de suprafaţă	1	25	5	-	20
Şanţuri pentru sistemul de fortificaţie	2	14	9	1?	4

cu 2,55%, urmat de cuarţ cu 1,53%, iar argilitul, calcarul silicios, gresia silicioasă, obsidianul şi *chaille*-ul au fiecare un procentaj de 0,51%.

Silexul cuprinde mai multe varietăţi locale, cum ar fi silexul bănăţean[4], silexul cenuşiu şi maroniu, translucid, asemănător tipurilor de roci de pe Valea Roatei (Nandru) (Barbu 2007-2008, 49-50), silexul gri sau gălbui, translucid, ce aminteşte de silexul abundent pe dealurile limitrofe Văii Roatei (Barbu 2007-2008, 51), silexul de Herepeia (Barbu 2007-2008, 52): cenuşiu deschis cu pete albe, mat sau galben şi gălbui-albicios cu pete albe, opac. Alte puncte din apropierea aşezării de la Şoimuş 2 unde se amintesc surse de silex sunt la Chergheş-Cârjiţi (Barbu, 2007-2008, 52) şi Căprioara (Cârciumaru et al. 2007, 20) la sud de râul Mureş şi Tămăşeşti-Godineşti şi împrejurimile localităţilor Băiţa-Crăciuneşti (Cârciumaru et al. 2007, 20) la nord de Mureş.

În ceea ce priveşte silexul aşa-zis, de import, o singură piesă pare a fi din silex balcanic (Gurova, Nachev 2008, 29; Dimitrovska 2012, 19, fig. 5), de bună calitate, de culoarea mierii, cu pete albe, dar seamănă foarte bine şi cu unele varietăţi ale silexului de Herepeia, despre care am amintit mai sus, galben şi gălbui-albicios cu pete albe (cx 400-1). Faptul că este vorba despre o singură piesă face ca în acest moment, mai ales în lipsa unor analize exacte, să nu ne putem pronunţa definitiv, în ceea ce priveşte această unealtă şi materia primă din care a fost realizată. Rămâne ca pe viitor să concluzionăm dacă această comunitate eneolitică de la Şoimuş 2 a folosit sau nu silex balcanic.

Jaspul local asemănător cu cel întâlnit în aceeaşi zonă Valea Roatei, dealurile limitrofe acesteia, Herepeia şi Chergheş-Cârjiţi cuprinde mai multe varietăţi: "jaspul cu aspect pestriţ, datorat celor două culori gri şi maroniu, care se intercalează" (Barbu 2007-2008, 50) sau jaspul gri sau galben, mat (Barbu 2007-2008, 51-52), jaspul brun şi jaspul verzui întâlnit în zona Căprioara (Cârciumaru et al. 2007, 35) sau jaspul divers colorat de pe versantul Dealului Măgura pe Valea Bradului (Cârciumaru et al. 2007, 36).

Se pare că menilitul ar fi o rocă de import, având în vedere că nu se cunosc încă astfel de surse de materie primă în această zonă a Văii Mureşului (Cârciumaru et al. 2007, fig. 27), deşi Marius Barbu (2007-2008, 54) aminteşte de un galet de menilit de bună calitate pe care l-a găsit pe malul sudic al Mureşului (zonă a satului Veţel, din judeţul Hunedoara), dar care a ajuns acolo probabil datorită râului.

Cuarţitul, cuarţul şi argilitul sunt şi au fost întotdeauna roci la îndemâna oricui, ele găsindu-se peste tot, pe malurile râurilor, în râuri, pe versanţii dealurilor şi colinelor, fiind accesibile oricând materia primă de calitate lipseşte din zonă.

Calcarul silicios şi gresia silicioasă se întâlnesc de asemenea în sursa de materie primă unitară – Valea Roatei – dealurile sale limitrofe – Herepeia-Chergheş-Cârjiţi – „ce apare ca o linie îngustă, orientată nord-sud, între Valea Mureşului şi Valea Nandrului" (Barbu 2007-2008, 53).

În ceea ce priveşte obsidianul, această rocă de foarte bună calitate ne-a parvenit printr-o singură piesă. Cât despre originea acestuia, se cunosc deja provenienţele sale nord-vestice (Biagi, Gratuze, Boucetta 2009; Culicov, Frontasyeva, Daraban 2012, 609).

[4] Eugen Comşa descrie silexul „*bănăţean*" ca fiind de culoare cafenie, opac, cu linioare şi pete negre, care a fost utilizat pe tot întinsul Banatului şi în S-V Transilvaniei şi ale cărui zăcăminte se găsesc în munţii Poiana Ruscă (Comşa 1987, 89).

Ultimul tip de rocă reprezentat tot printr-o singură piesă este *chaille*-ul, (cx 260-13) despre care avem informaţii că se găseşte aproximativ în apropierea aşezării de la Şoimuş 2 - *Lângă sat*, în zona Pui, dealurile Arsului, Valea Luncanilor, dealul Piatra Roşie, Ţiflea (Cârciumaru et al. 2007, 38), din judeţul Hunedoara.

II.2. Tehnici de debitaj

„Utilizarea uneltelor de piatră cioplită nu a luat sfârşit odată cu încheierea Epocii Pietrei Cioplite, în Mezolitic, dar mai cu seamă în Neolitic şi Eneolitic, tehnicile de cioplire şi retuşare ale pietrei se dezvoltă şi mai mult, sedentarizarea comunităţilor umane permiţând indivizilor să acorde mai mult timp perfecţionării uneltelor, iar abordarea unor noi stiluri de viaţă cerând automat crearea unor noi tipuri de utilaje" (Barbu 2007-2008, 48).

Astfel tehnica de debitaj abordată în aşezarea de la Şoimuş 2 - *Lângă sat* este tehnica laminară, reprezentată de cele 68 de lame, fragmente de lame şi aşchii laminare, care reprezintă 68,68% din totalul uneltelor descoperite. Această metodă de prelucrare a rocilor „a apărut probabil din necesitatea oamenilor de a obţine multe piese litice cât mai lungi, cât mai subţiri şi cât mai înguste necesare confecţionării uneltelor tot mai elaborate de care aveau nevoie" (Barbu 2007-2008, 59). Având în vedere că majoritatea pieselor litice cioplite prezintă bulbul şi undele de şoc bine marcate, se constată folosirea percuţiei directe dure în cadrul acestei tehnici de debitaj laminar.

II.3. Uneltele

Printre piesele litice cioplite reprezentate de unelte se constată mai multe tipuri:

– piese cu urme de folosite – lustru vegetal şi tocire reprezentate de lame, fragmente de lame, aşchii laminare şi aşchii pentru seceri, un cuţit, un *gratoir* şi o aşchie,
– piese retuşate reprezentate de lame, fragmente de lame şi o piesă cu *encoche*,
– piese neretuşate reprezentate de lame, o lamelă şi aşchii,
– *gratoir*-e,
– *racloir*-e,
– un *perçoir*.

II.3.1. Piese cu urme de folosire

Am împărţit aceste piese în trei categorii: piese cu urme de lustru vegetal, piese cu urme de lustru vegetal şi tocire şi piese cu urme de tocire.

Piesele cu urme de lustru vegetal sunt cele mai numeroase, majoritatea fiind reprezentate de lame proximale, dar şi de lame, aşchii laminare şi aşchii.

Există complexe în care s-au descoperit mai multe astfel de unelte. Un prim complex de acest gen este Cx 179, unde am găsit două lame proximale din silex alb cu pete vişinii, translucid, cu lustru vegetal depus pe marginea dreaptă, oblic pe cele două suprafeţe, la partea proximală (fig. 3/1a, 1b, 7) şi pe marginea stângă, oblic pe cele două suprafeţe, spre partea distală, care lipseşte (fig. 3/2a, 2b).

De asemenea încă două lame proximale şi o lamă prezintă lustru vegetal pe marginea dreaptă, depus oblic pe cele două suprafeţe, spre partea proximală (fig. 3/3a, 3b, 8), pe marginea stângă, depus oblic pe ambele suprafeţe, spre partea distală, care lipseşte (fig. 3/4a, 4b) şi tot pe marginea stângă, depus oblic pe cele două suprafeţe, la partea distală (fig. 3/5a, 5b, 9, 10). Toate aceste piese par să fi fost înmănuşate în suport(uri) de lemn, oblic pe planul suportului, având în vedere părţile pieselor afectate de lustru vegetal. O altă piesă interesantă este o aşchie din silex alb cu pete negre mici, semi-translucid, care prezintă lustru vegetal pe toată lungimea marginii drepte, depus însă relativ drept pe ambele suprafeţe, afectând mai mult suprafaţa superioară (fig. 3/6a, 6b, 11). Dacă a fost înmănuşată, această unealtă a fost prinsă direct perpendicular pe planul suportului.

Un alt complex, despre care am vorbit şi mai sus, este groapa de provizii Cx 274 unde am descoperit acele trei lame proximale şi o lamă, toate cu lustru vegetal, aşezate în rând, cu marginile cu urme de folosire în sus. Prima este o lamă proximală din silex gri-verzui, mat, cu lustru vegetal depus tot pe marginea stângă, oblic pe ambele suprafeţe, spre partea distală, care lipseşte (fig. 4/1, 2); a doua este tot o lamă proximală din jasp gri închis, cu lustru vegetal depus de asemenea pe marginea stângă, oblic pe ambele suprafeţe, spre partea distală, care lipseşte (fig. 4/1, 3); a treia este o lamă din silex maroniu, translucid, cu lustru vegetal depus pe marginea stângă, relativ oblic pe cele

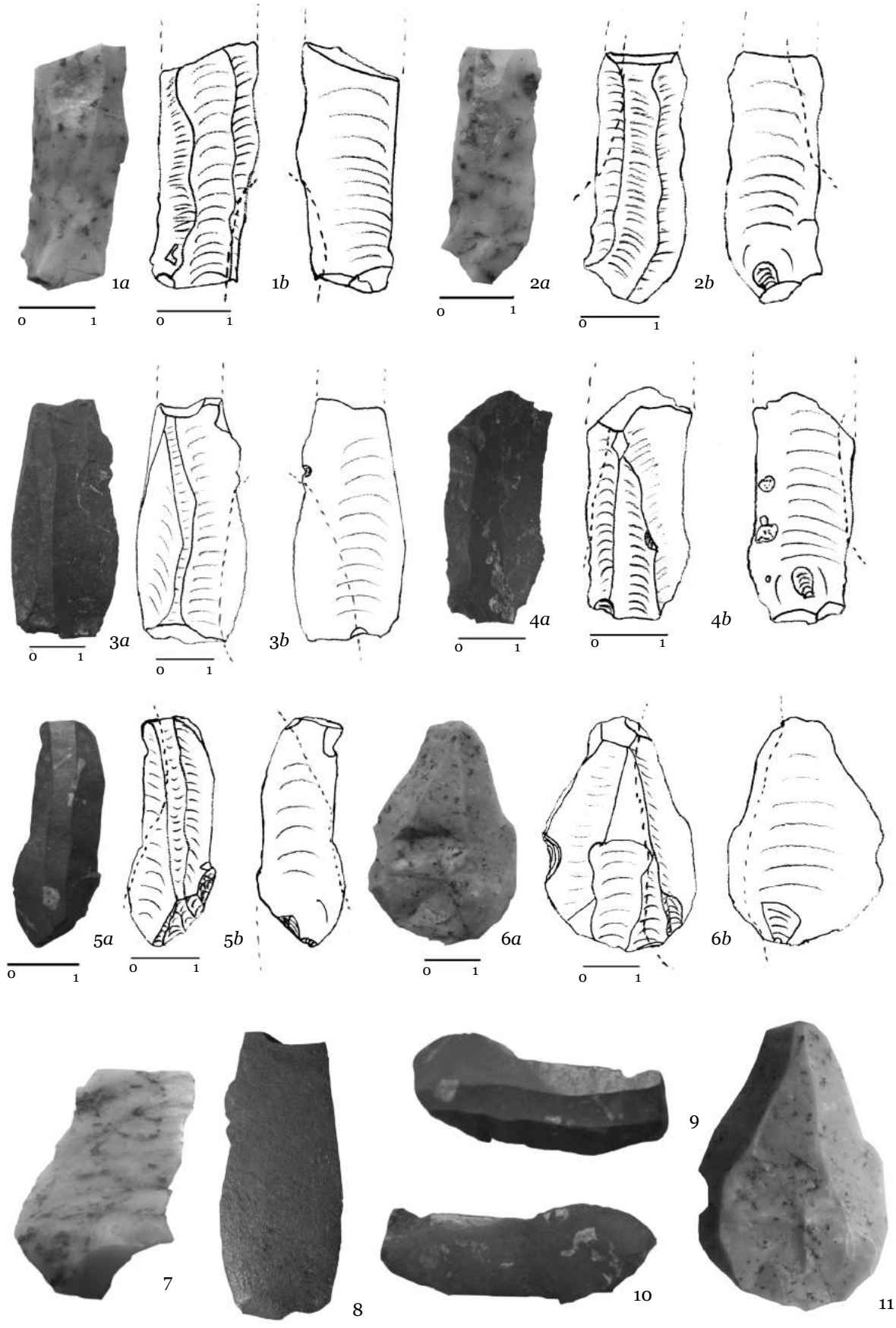


Fig. 3. 1-6 - Unelte cu urme de lustru vegetal; 7-11 - detalii.

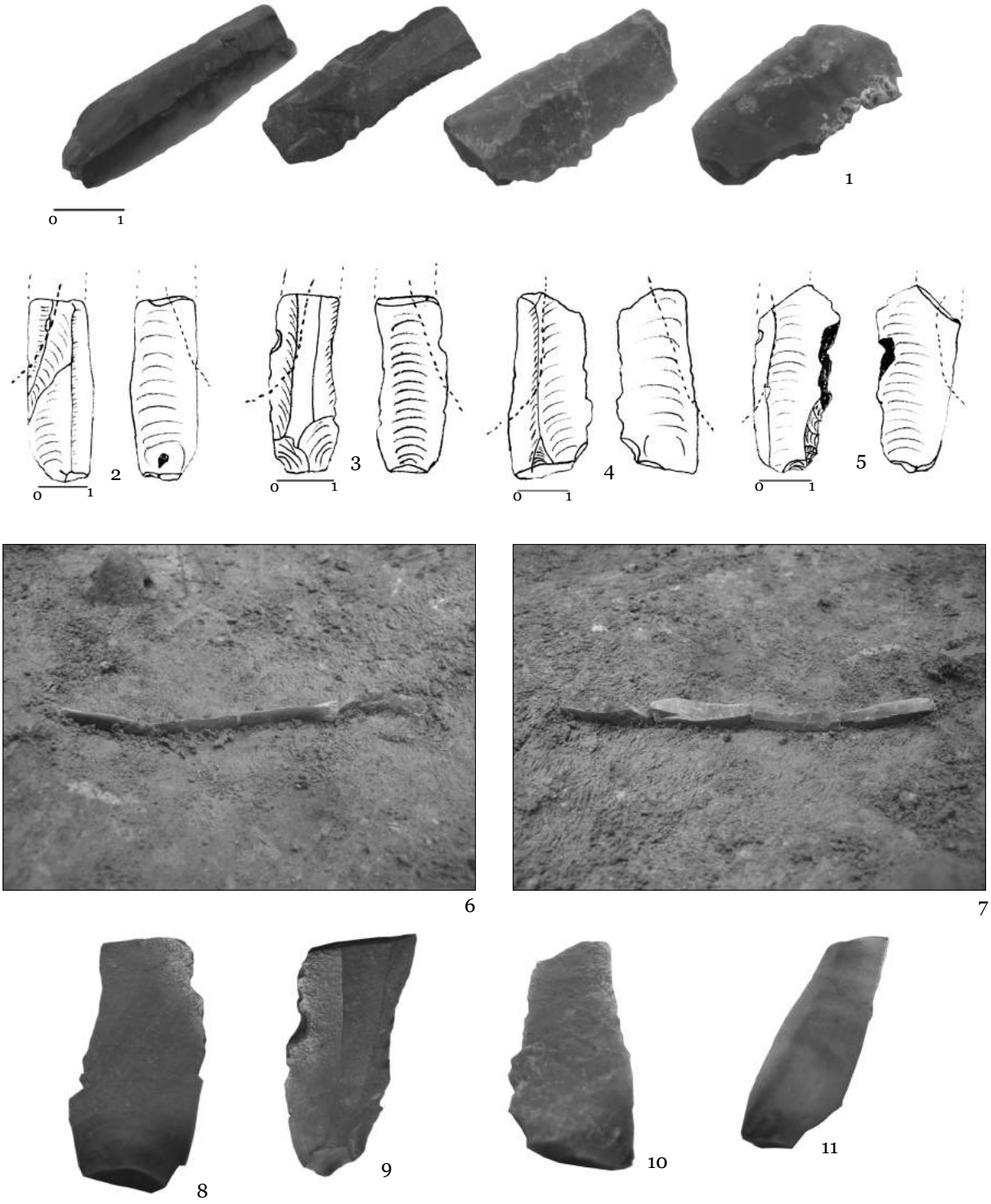


Fig. 4. 1-5 - Componente de seceră cu urme de lustru vegetal din Cx 274; 6, 7 - imagini *in situ*; 8-11 - detalii.

două suprafeţe, prezentând şi câteva retuşe directe abrupte pe marginea dreaptă, la partea proximală, realizate probabil pentru a subţia piesa, în vederea înmănuşării (fig. 4/1, 4). Ultima piesă din ansamblu este o lamă proximală din silex maroniu, translucid, cu lustru vegetal depus tot pe marginea stângă, oblic pe ambele suprafeţe, la partea distală (fig. 4/1, 5).

Alături de acest ansamblu de patru lame, stau alte piese cu lustru vegetal, descoperite separat. Este vorba despre: o aşchie din silex gri-verzui, mat, cu lustru vegetal depus pe toată lungimea margi-

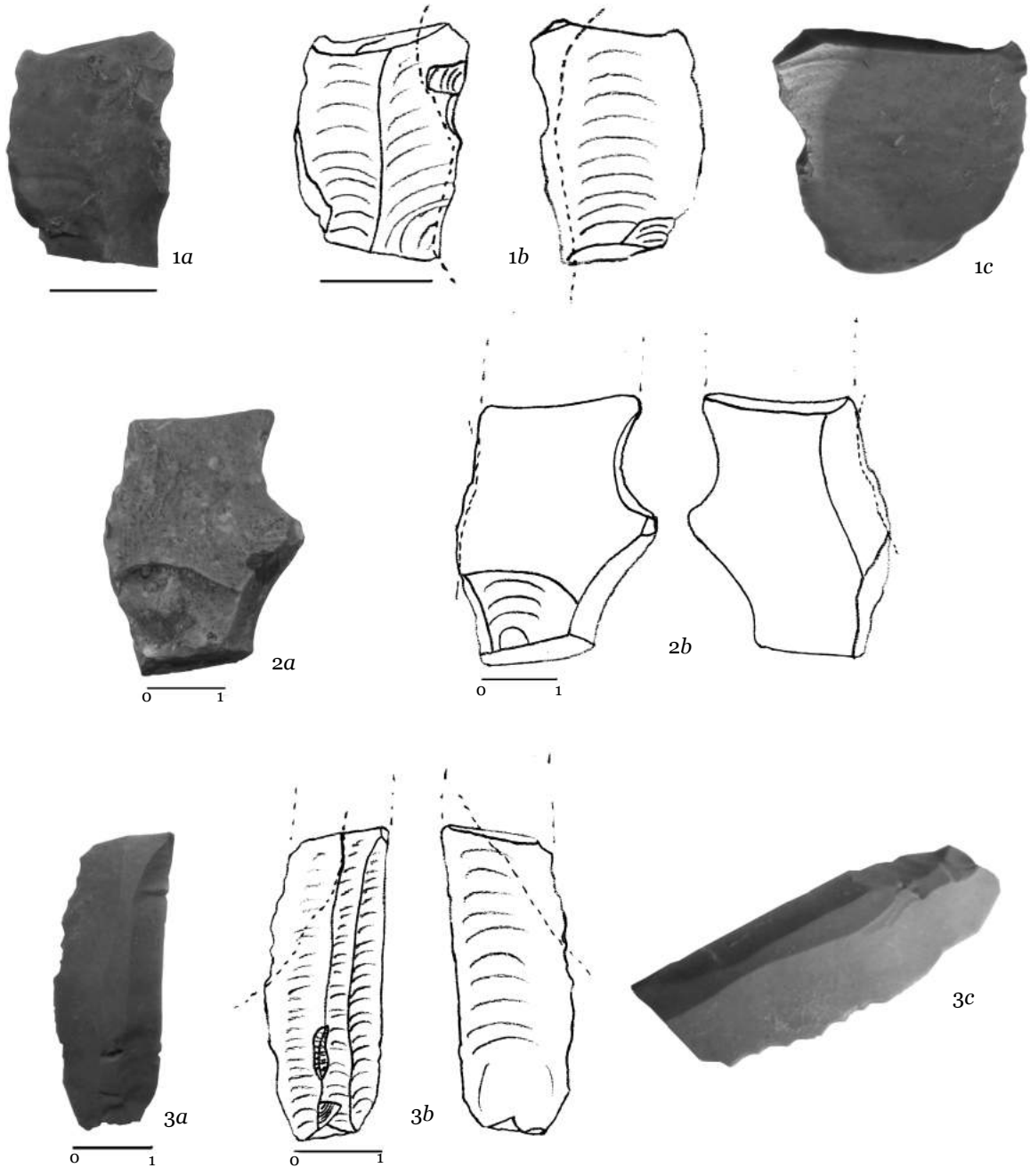


Fig. 5. Unelte cu urme de lustru vegetal din Cx 274.

nii drepte, afectând ambele suprafeţe, care scoate din discuţie o înmănuşare oblică (fig. 5/1a, 1b, 1c); o aşchie laminară din calcar silicios gălbui, mat, cu lustru vegetal depus doar pe tăişul marginii stângi, afectând foarte puţin cele două suprafeţe (fig. 5/2a, 2b) şi o lamă proximală din silex maroniu, mat, cu lustru vegetal depus pe marginea stângă, oblic pe ambele suprafeţe, spre partea distală, care lipseşte (fig. 5/3a, 3b, 3c).

Groapa de provizii Cx 467 este un alt complex despre care, de asemenea, am amintit şi mai sus, în care am descoperit cele 4 lame grupate, care par să fi făcut parte din acelaşi ansamblu. Este vorba despre o lamă din silex bănăţean, cu lustru vegetal depus aproximativ pe toată marginea dreaptă, oblic pe ambele suprafeţe, la partea proximală (fig. 6/1, 2, 6); o altă lamă din silex bănăţean, cu lustru vegetal depus pe toată marginea

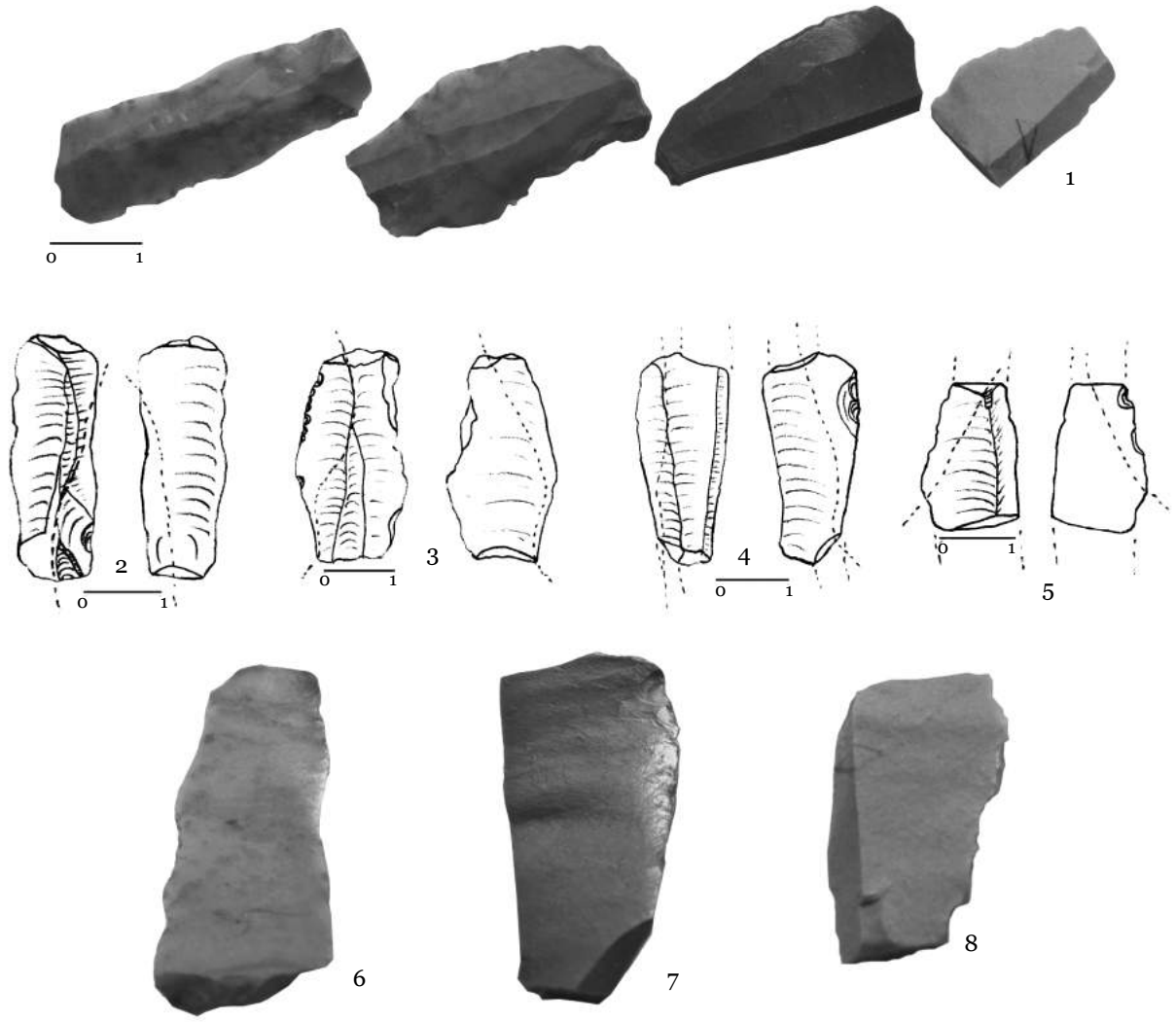


Fig. 6. 1-5 - Componente de seceră cu urme de lustru vegetal din Cx 467; 6-8 - detalii.

stângă, oblic pe ambele suprafeţe, la partea distală (fig. 6/1, 3); o lamă proximală din silex cenuşiu închis, cu lustru vegetal depus de asemenea pe toată marginea stângă, oblic pe ambele suprafeţe, la partea distală, care lipseşte (fig. 6/1, 4, 7) şi o lamă mezială din jasp gri, cu lustru vegetal depus pe marginea stângă, oblic pe ambele suprafeţe (fig. 6/1, 5, 8). Lustrul vegetal de pe aceste piese este foarte accentuat, lucru ce arată

O ultimă piesă cu o astfel de depunere din acest complex este o aşchie din jasp galben, cu lustru vegetal depus de-a lungul tăişului marginii drepte (fig. 7). Un complex care ne-a furnizat două piese cu lustru vegetal este groapa menajeră Cx 251, unde am găsit o lamă proximală din jasp gălbui, cu lustru vegetal depus pe marginea stângă, oblic şi afectând părţi mari ale celor două suprafeţe, la partea distală, care lipseşte (fig. 8/1a, 1b, 1c) şi tot o lamă proximală din silex cenuşiu închis, cu pete albe, mat, cu lustru vegetal care afectează doar o mică parte a marginii stângi (fig. 8/2a, 2b).

Alte piese afectate de această depunere, descoperite fiecare în alt complex, sunt reprezentate de o

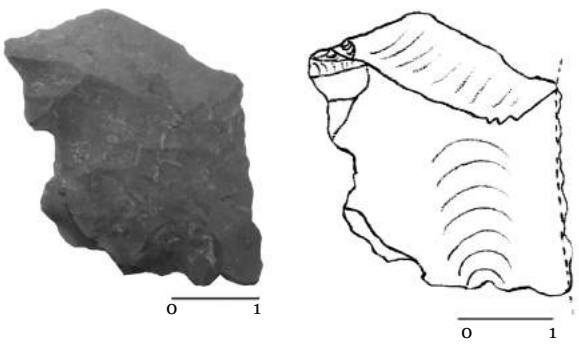


Fig. 7. Unealtă cu urme de lustru vegetal din Cx 467.

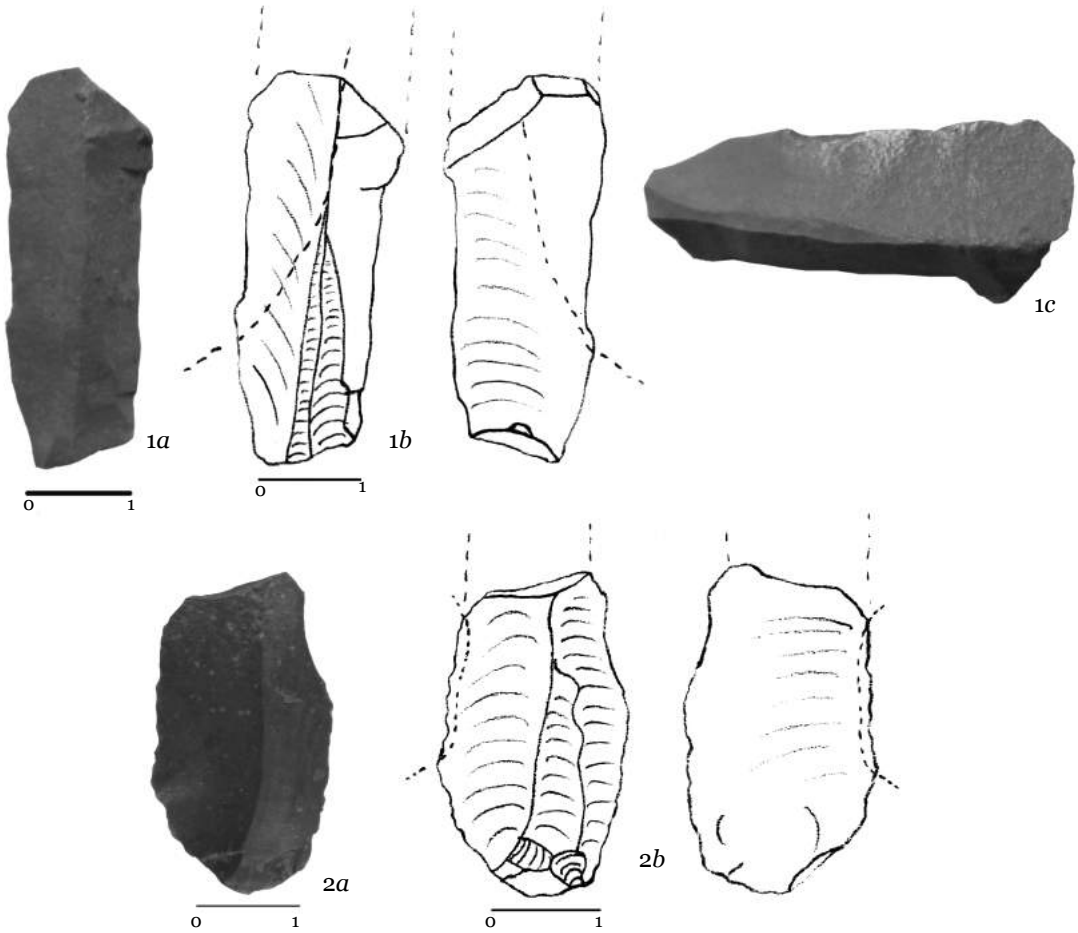


Fig. 8. Unelte cu urme de lustru vegetal din Cx 251.

lamă distală din jasp maroniu, cu lustru vegetal depus pe toată lungimea marginii drepte, oblic pe ambele suprafeţe, spre partea proximală, care lipseşte (fig. 9/1a, 1b, 1c); o lamă proximală din jasp gri, cu lustru vegetal depus pe aproape toată lungimea marginii drepte, aproximativ drept pe ambele suprafeţe, spre partea proximală (fig. 9/2a, 2b, 2c, 2d); o aşchie laminară din silex de Herepeia (Barbu 2007-2008, 51-52), cu lustru vegetal depus pe marginea stângă, relativ drept pe ambele suprafeţe, spre partea proximală, care prezintă o ruptură (fig. 9/3a, 3b) şi un *gratoir* pe lamă din silex maroniu, mat, cu lustru vegetal la partea distală a lamei, pe ambele suprafeţe, pe marginea stângă şi pe partea activă a *gratoir*-ului (fig. 9/4a, 4b, 4c, 4d). În acest ultim caz, lustrul a survenit în urma răzuirii probabil a fibrelor vegetale, poate a îndepărtării învelişului unor tije de lemn. În cazul celorlalte piese lustrul a apărut datorită întrebuinţării în agricultură, la tăiat de fibre vegetale şi probabil la recoltat.

În ceea ce priveşte a doua categorie de piese cu urme de folosire – cu lustru vegetal şi tocire – aceasta este reprezentată de două exemplare: o aşchie din jasp gri-închis, care prezintă de-a lungul marginii drepte lustru vegetal depus oblic pe ambele suprafeţe, retuşe inverse marginale şi urme de tocire (fig. 10/1a, 1b) şi o lamă proximală din jasp ars, a cărei margine stângă prezintă lustru vegetal depus drept pe ambele suprafeţe şi urme de tocire, care afectează tăişul acestei margini (fig. 10/2a, 2b). Aceste piese au fost utilizate probabil la tăierea unor plante mai groase, lemnoase, care au tocit în timp părţile active ale acestora.

În cea de-a treia categorie de piese cu urme de folosire – tocire – intră nouă exemplare, reprezentate de o aşchie laminară din jasp cărămiziu, cu urme de tocire care afectează tăişul marginii stângi şi partea distală (fig. 11/1), o altă aşchie laminară din jasp gri-închis, cu urme de tocire care afectează tăişul marginii stângi (fig. 11/2,

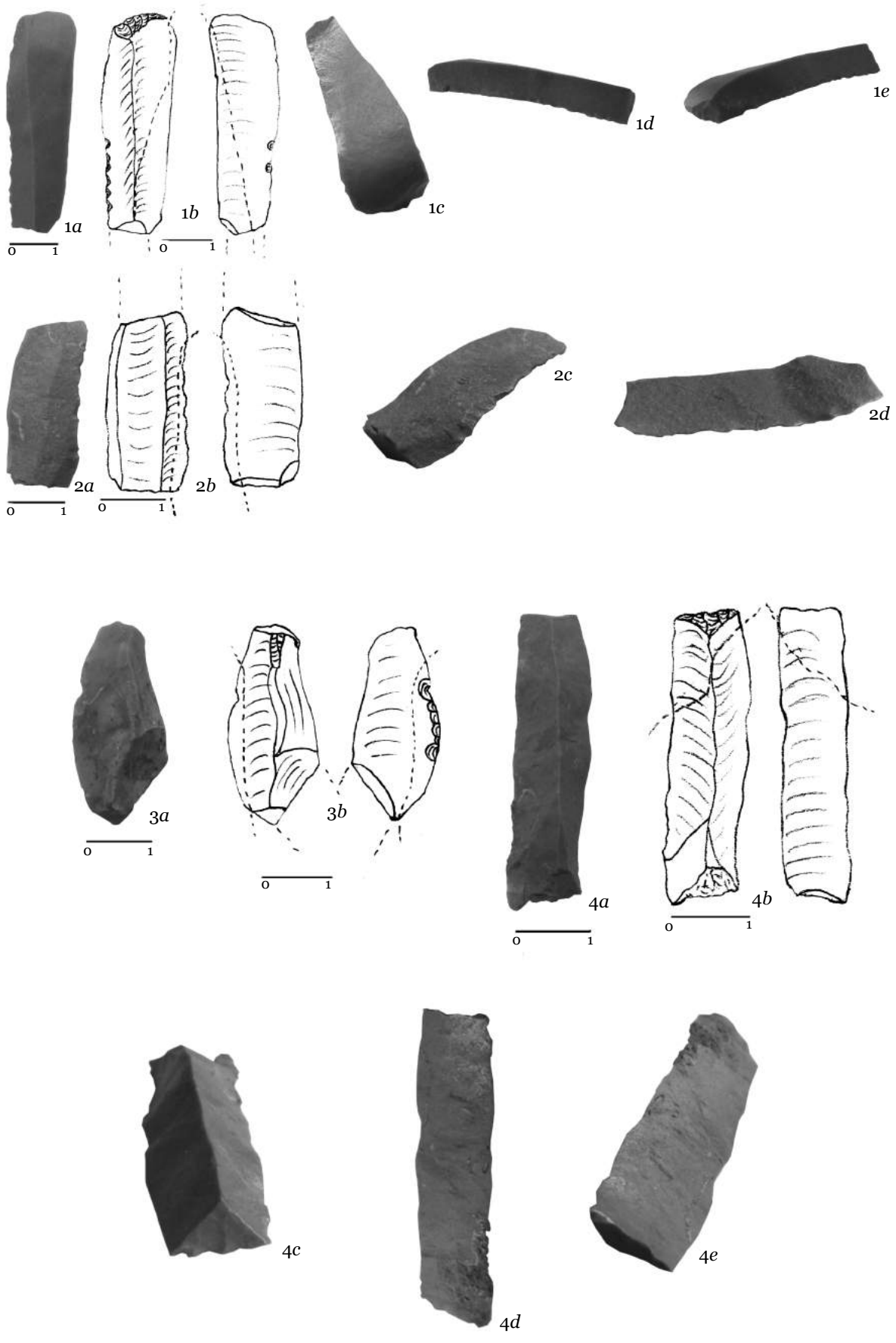


Fig. 9. Unelte cu urme de lustru vegetal.

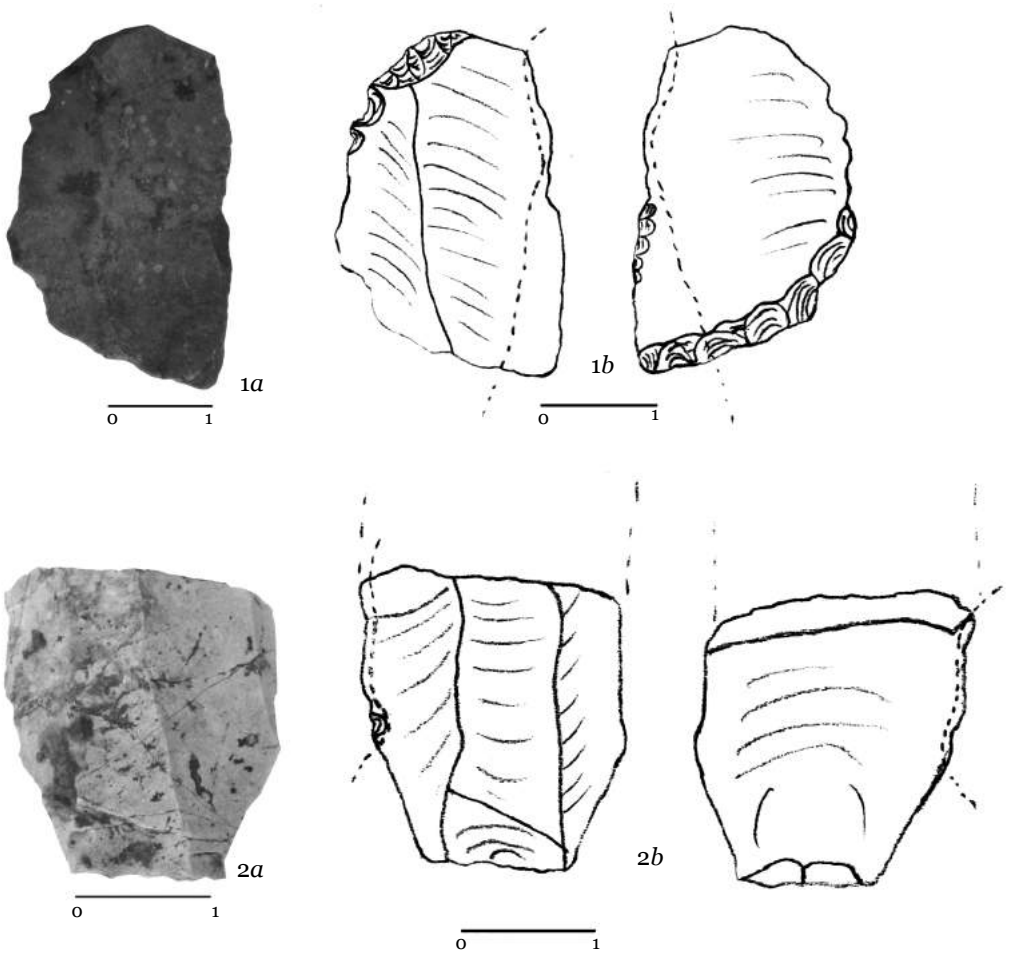


Fig. 10. Unelte cu urme de lustru vegetal şi tocire.

3), tot o aşchie laminară din silex bănăţean, cu tăişurile ambelor margini tocite (fig. 11/4), un galet spart din jasp maroniu, care prezintă la un capăt urme de tocire (fig. 11/5, 6), o aşchie din silex de Herepeia (Barbu 2007-2008, 51-52) care prezintă urme de tocire pe marginea stângă (fig. 11/7), o lamă cu *gratoir* în bot din silex vişiniu, semi-translucid, ale cărei margini sunt afectate de urme de tocire (fig. 11/8), o aşchie din silex gri cu pete cenuşii şi albe, semi-translucid, care prezintă urme de tocire pe ambele tăişuri ale ambelor margini (fig. 11/9), o aşchie din jasp galben-maroniu, care prezintă pe marginea dreaptă două retuşe alterne şi urme de tocire (fig. 11/10) şi un cuţit dublu reprezentat de o lamă mare, cu retuşe directe abrupte de-a lungul ambelor margini, care de asemenea are cele două tăişuri afectate de o tocire accentuată (fig. 11/11). Observăm că şase aşchii şi aşchii laminare au marginile tocite (în cazul uneia si partea distală), care au survenit cel mai probabil de la folosirea în tăierea materiilor mai dure, poate a materiilor dure animale (oase, coarne) sau a lemnului. Aceste unelte tocite au fost la început tăioase şi chiar dacă este vorba despre nişte simple aşchii nepreparate pentru un anumit scop (neretuşate), nu înseamnă că erau mai puţin practice şi utilizabile, dovadă stând urmele de uzură care au apărut în timp. Notăm şi cuţitul dublu pe lamă mare, care sugerează o folosire îndelungată. Remarcăm şi un galet spart cu un capăt tocit, care ne poate releva o altă activitate casnică a locuitorilor eneolitici de la Şoimuş 2 - *Lângă sat*: zdrobitul cerealelor în vederea preparării hranei. Mai observăm şi o lamă cu *gratoir* în bot, cu ambele margini tocite, care ne sugerează că această piesă a avut dublă întrebuinţate: aceea de răzuitor şi aceea de cuţitaş.

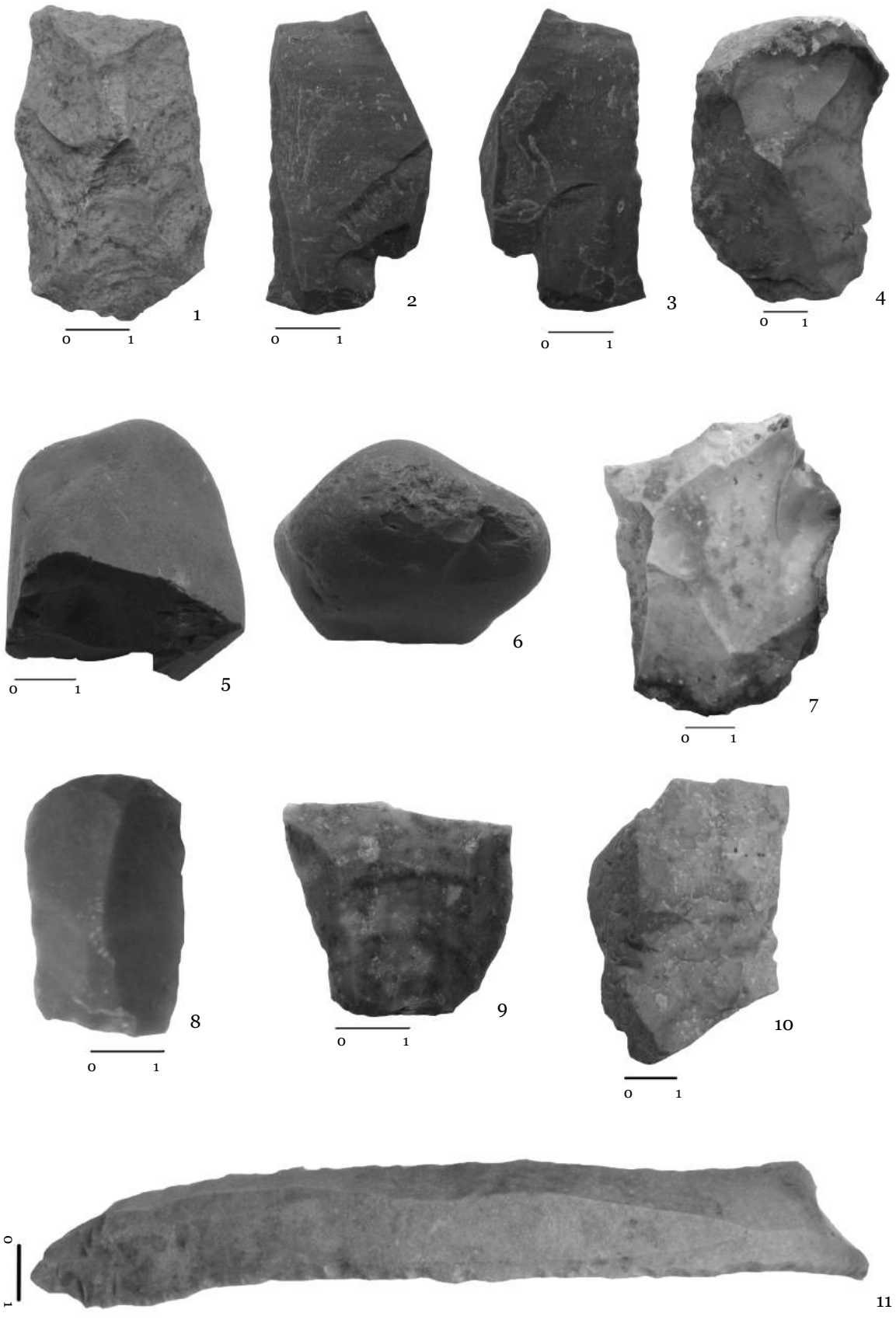


Fig. 11. Unelte cu urme de tocire.

II.3.2. Piesele retuşate

În cazul pieselor retuşate, acestea sunt în număr de nouă, dintre care opt lame şi o piesă cu *encoche*. Lamele se împart în trei categorii: lame retuşate, lame proximale retuşate şi lame cu *gratoir* în bot retuşate. Din prima categorie fac parte o lamă din silex galben, mat, cu marginea dreaptă retuşată direct şi marginal (fig. 12/1) şi o lamă despre care am mai discutat, este vorba despre cuţitul pe lamă mare din silex de Herepeia, care prezintă de-a lungul ambelor margini retuşe directe, abrupte (fig. 12/2a, 2b, 2c, 2d). În a doua categorie intră fragmentele de lame – lamele proximale: din silex maroniu, mat, cu marginea stângă retuşată direct şi marginal (fig. 12/3), din silex gri-verzui, mat, cu retuşe directe marginale şi inverse abrupte care afectează marginea stângă şi retuşe directe marginale pe marginea dreaptă (fig. 12/4a, 4b) şi din silex maroniu, translucid, cu marginea stângă cu retuşe directe marginale, care se întind şi pe ruptura părţii distale şi retuşe inverse, marginea dreaptă fiind retuşată doar invers (fig. 12/5a, 5b). Aceste piese au fost preparate cu un anumit scop, fiind retuşate în vederea creării unui/unor tăişuri zimţate pe una sau ambele margini, necesare anumitor activităţi cotidiene. În ultima categorie avem: o lamă cu *gratoir* în

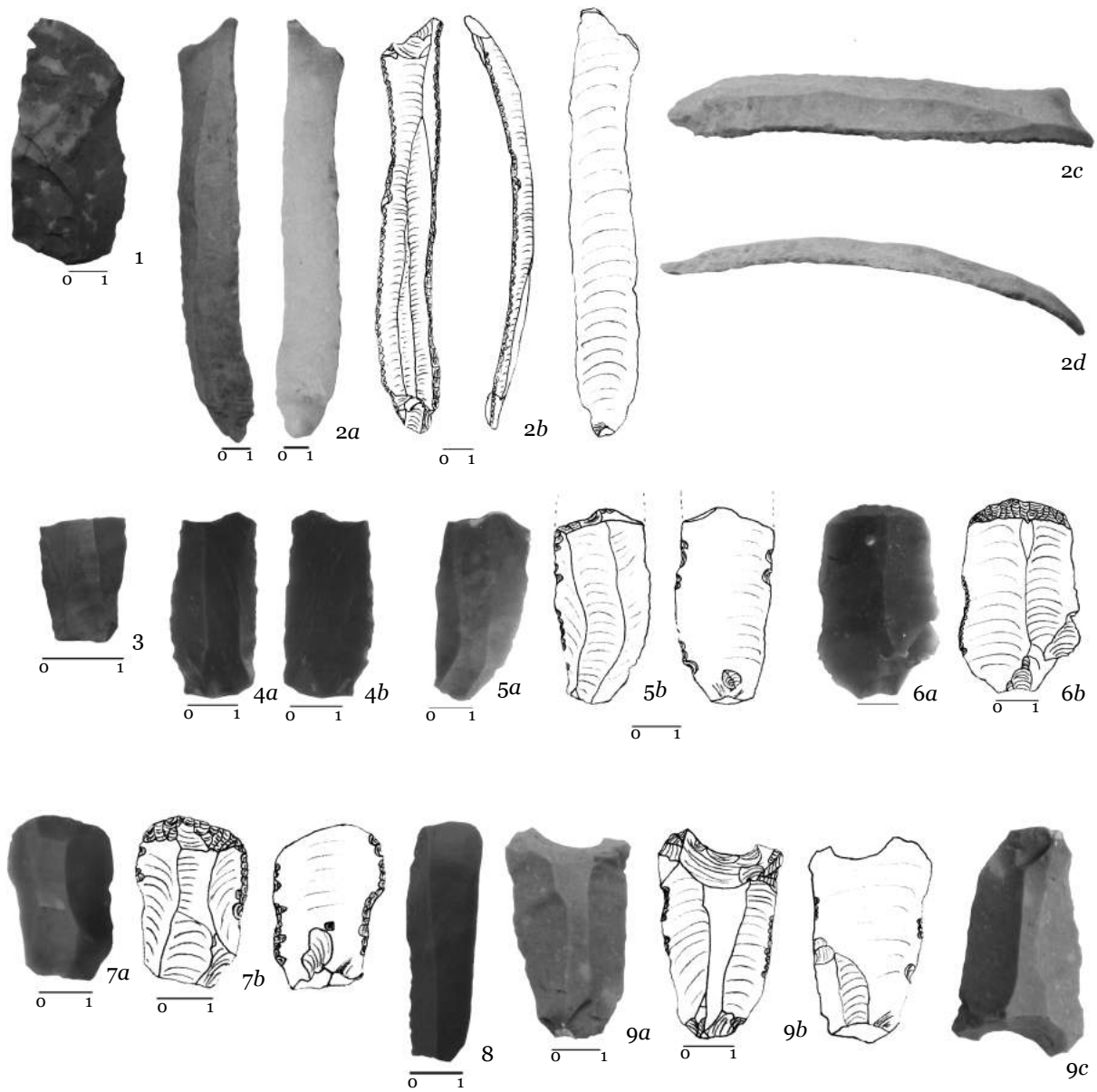


Fig. 12. Unelte retuşate.

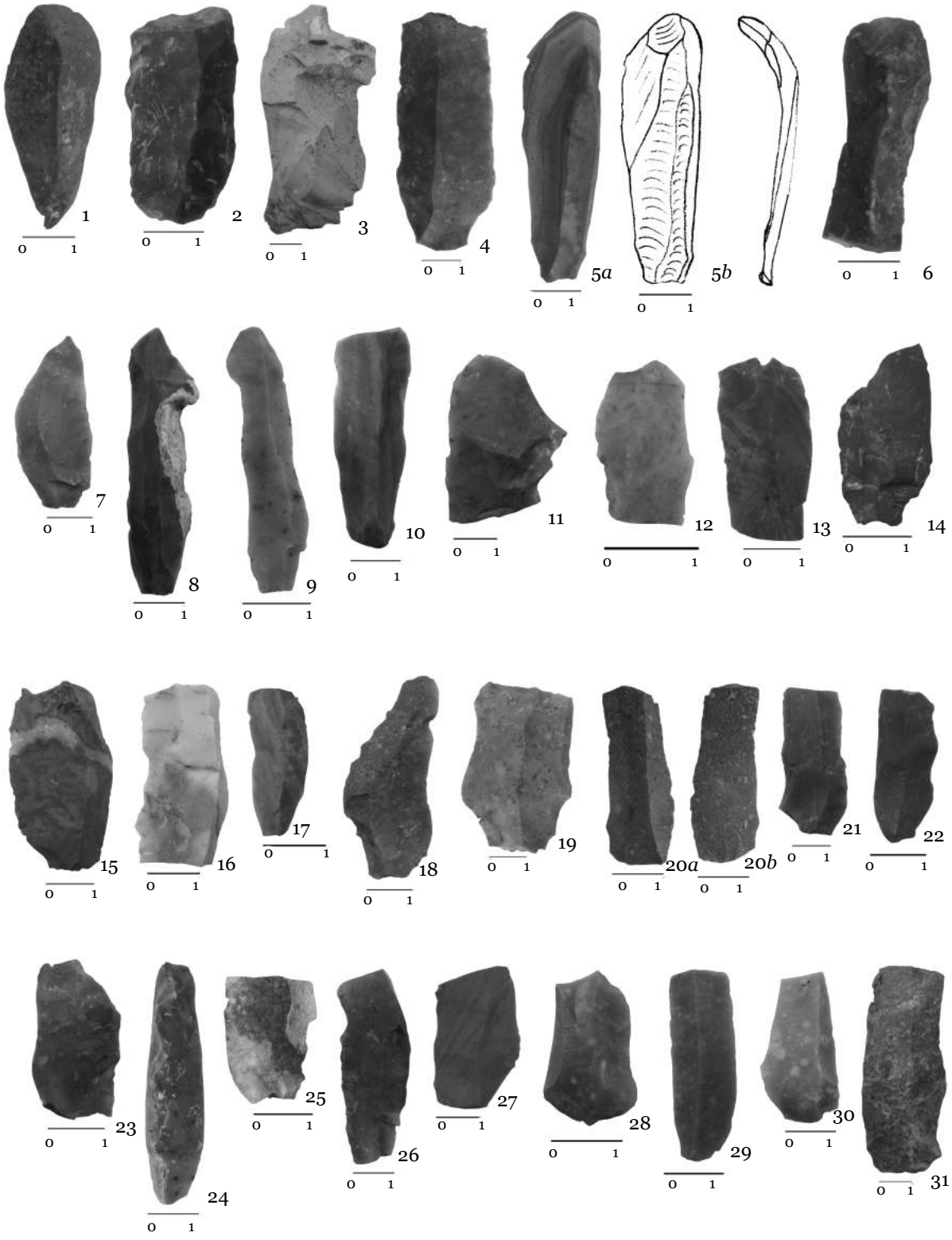


Fig. 13. Unelte reprezentate de lame şi fragmente de lame neretuşate.

bot din silex gri cu pete albe, translucid, cu retuşe directe marginale care afectează marginea stângă (fig. 12/6a, 6b), o lamă cu *gratoir* în bot din silex gri cu pete albe, semi-translucid, cu retuşe inverse abrupte şi directe marginale pe marginea stângă şi cu retuşe inverse abrupte şi directe abrupte, afectând marginea dreaptă (fig. 12/7a, 7b) şi o lamă distală cu *gratoir* în bot, despre care am mai amintit, din jasp maroniu, care prezintă câteva retuşe directe şi alterne pe marginea stângă (fig. 12/8). Aceste piese ne relevă o dublă folosire a lor, aceea de răzuitoare şi aceea de cuţitaşe. Ultima unealtă retuşată este o piesă cu *encoche* reprezentată de o lamă din silex de Herepeia, cu ambele margini retuşate direct şi invers marginal (fig. 12/9a, 9b, 9c). *Encoche*-ul (scobitura) a fost realizat la partea distală a piesei, prin mai multe desprinderi directe, cu scopul de a subţia această parte şi de a-i da o formă care să se preteze înmănuşării, prinderea într-un suport facilitând folosirea acesteia.

II.3.3. Piesele neretuşate

În cazul pieselor neretuşate, chiar dacă acestea nu au fost preparate într-un scop anume, nu înseamnă că nu au fost folosite, pentru că ele prezintă margini tăioase, care puteau servi foarte bine la tăierea diverselor materii organice. Piesele neretuşate au fost confecţionate din diverse materii prime, cum ar fi silexul, silexul balcanic, jaspul, menilitul, cuarţul, *chaille* şi gresie silicioasă. Acestea sunt reprezentate de lame (fig. 13/1-10), fragmente de lame – lame distale (fig. 13/11-13), fragmente de lame – lame proximale (fig. 13/14-31).

Alte unelte neretuşate sunt aşchiile laminare (fig. 14/1), aşchiile laminare corticale (fig. 14/2) şi aşchiile simple (fig. 14/3-11).

Am catalogat printre unelte şi aceste aşchii simple pentru că marginilor lor tăioase fac din acestea reale unelte. „Există o anumită tendinţă de a nu cataloga aşchiile drept utilaje, doar pentru simplul fapt că ele nu sunt amenajate pentru a fi folosite ca unelte. Dar se uită că nu de puţine ori, o simplă aşchie a fost întrebuinţată în mod eficient pentru tăierea cărnii, fără ca ea să fie clasată printre utilaje" (Cârciumaru 2000, 73).

II.3.4. Gratoir-ele

Gratoir-ele, aceste piese care funcţionau ca răzuitoare, sunt de mai multe tipuri: *gratoir*-e pe lame – amenajate la partea distală direct (fig. 15/1-5), *gratoir*-e pe aşchii – amenajate la partea distală direct (fig. 15/6-10), un *gratoir* pe aşchie – amenajat la partea proximală invers (fig. 15/11) şi un *gratoir* dublu pe aşchie – amenajat la ambele părţi distală şi proximală ale piesei (fig. 15/12a, 12b, 12c).

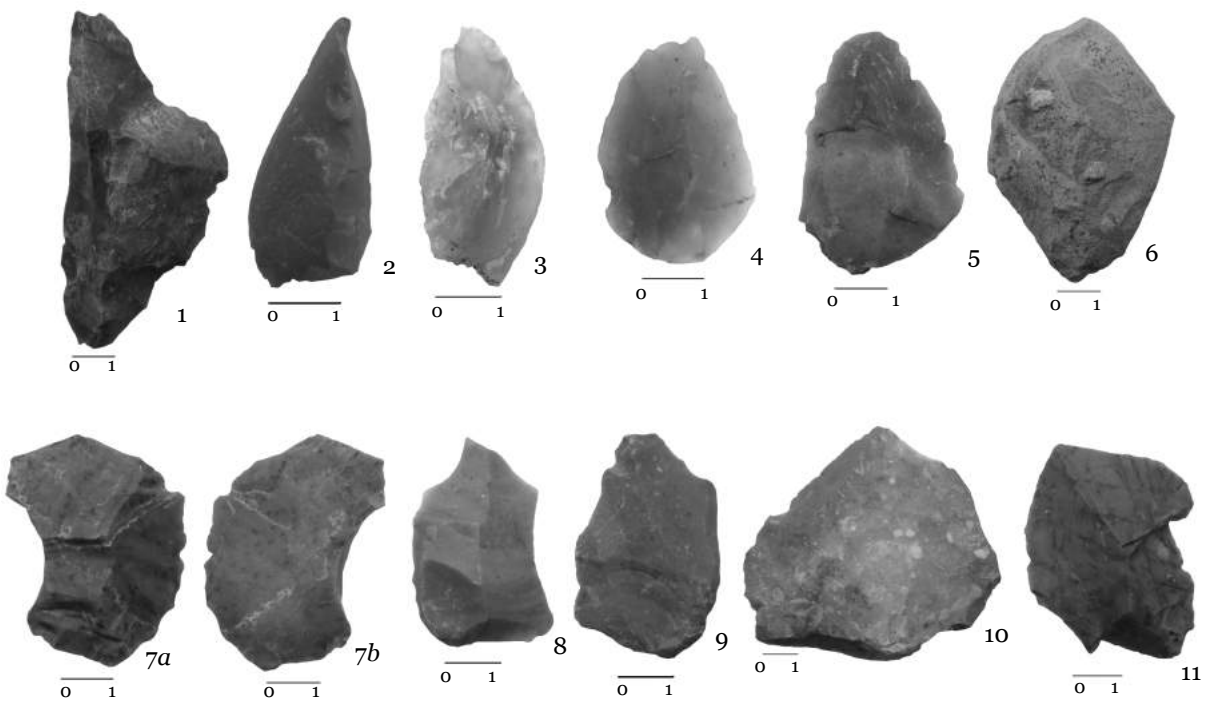


Fig. 14. Unelte reprezentate de aşchii neretuşate.

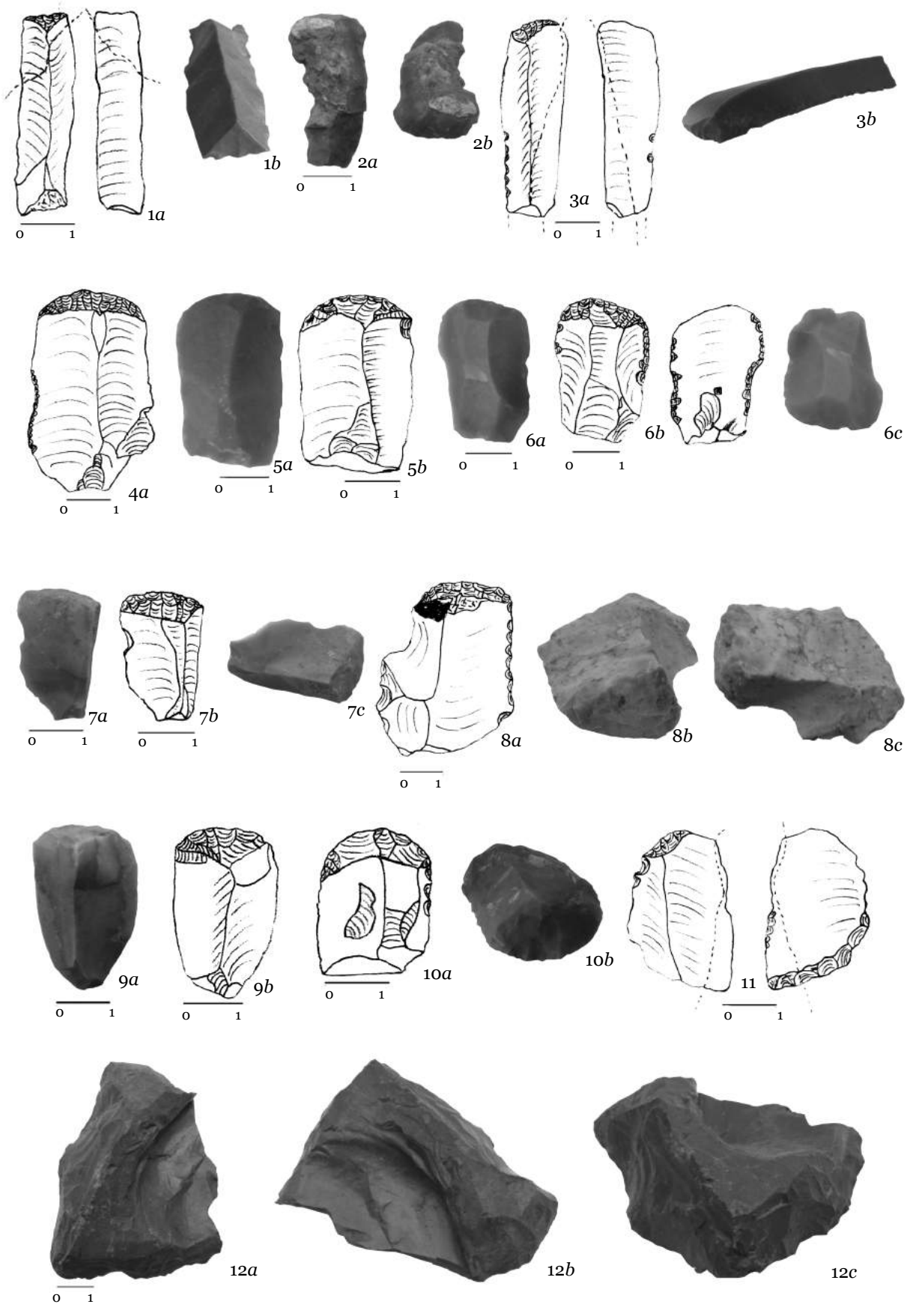


Fig. 15. Gratoir-e.

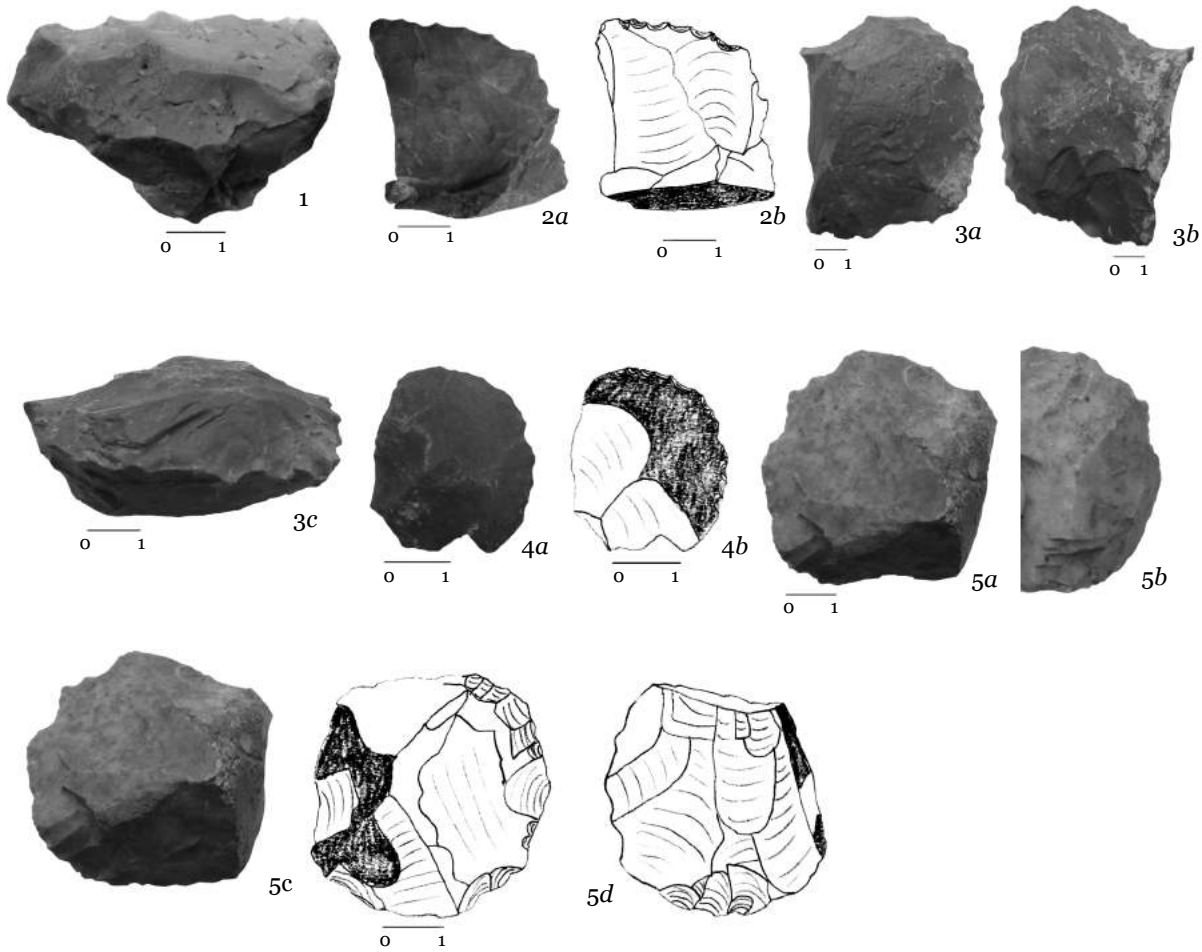


Fig. 16. Racloir-e.

II.3.5. Racloir-ele

Racloir-ele sunt piese cu tăişuri zimţate destinate tăierii anumitor materii vegetale sau animale. În aşezarea eneolitică de la Şoimuş 2 - *Lângă sat* avem mai multe tipuri de astfel de unelte: un *racloir* drept pe aşchie groasă, din jasp de culoare gri, amenajat la partea distală a piesei, prin retuşe directe abrupte (fig. 16/1), tot un *racloir* drept pe aşchie, din silex gri, mat, amenajat la partea distală a piesei, prin retuşe directe largi (fig. 16/2a, 2b), un *racloir* convex pe nucleu epuizat, din jasp gri-maroniu, amenajat pe una dintre muchiile piesei, prin retuşe alterne (fig. 16/3a, 3b, 3c), un *racloir* convex pe aşchie corticală mică, din jasp brun, amenajat la partea distală şi pe marginea dreaptă ale piesei, prin retuşe directe marginale (fig. 16/4a, 4b) şi un *racloir* convex pe nucleu epuizat, din silex bănăţean, amenajat pe una dintre muchiile piesei, prin retuşe directe şi alterne (fig. 16/5a, 5b, 5c, 5d).

II.3.6. Perçoir

Printre unelte se numără şi un *perçoir* (unealtă pentru împuns, străpuns, găurit) pe aşchie groasă din jasp maroniu, amenajat la partea distală a piesei, prin retuşe directe largi (fig. 17).

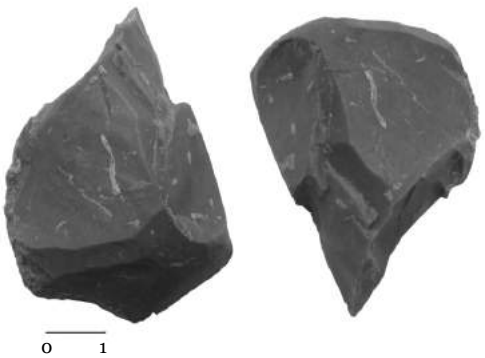


Fig. 17. Perçoir.

II.4. Armele

Avem două posibile arme sau elemente de arme reprezentate de două vârfuri de săgeţi, unul pe aşchie din jasp gălbui-maroniu, ascuţită la partea distală şi subţire la partea proximală (fig. 18/1) şi altul pe aşchie din silex bănăţean, cu vârful rupt amenajat la partea distală pe marginea dreaptă a piesei (fig. 18/2a, 2b, 2c).

Aceste vârfuri pot sugera o ocupaţie importantă a comunităţii preistorice de la Şoimul 2, aceea de vânătoare, dar şi ocupaţii războinice, în această epocă fiind dificil de a deosebi armele de vânătoare de cele de luptă.

II.5. Resturi ale debitajului

Acestea sunt în număr de 95 şi sunt reprezentate de aşchii simple, aşchii corticale şi nuclee epuizate sau nu. (fig. 19, 20). Ele sugerează două lucruri: aducerea materiei prime în aşezare şi prelucrarea rocilor *in situ*.

III. Concluzii

Cercetarea arheologică preventivă realizată în anul 2011 pe teritoriul satului Şoimuş din judeţul Hunedoara a dus la descoperirea unei locuiri eneolitice, reprezentată de o aşezare de terasă a culturii Tiszapolgár.

Săpăturile arheologice au scos la iveală complexe de mai multe tipuri, în care s-au descoperit, pe lângă alte elemente de cultură materială, 196 de piese litice cioplite, reprezentate de unelte, două elemente de arme şi resturi de prelucrare.

Am observat că există complexe cu mult material litic, reprezentat de unelte şi în acelaşi timp de resturi ale debitajului, care par a fi anexe specializate în a prelucra piatra.

Alte complexe ne sugerează prin conţinutul lor că această „meserie” de a ciopli rocile, în vederea obţinerii unor unelte speciale, venea în ajutorul altor ocupaţii, cum ar fi practicarea agriculturii şi activităţile pe care le presupune aceasta.

O unealtă reprezentată de un cuţit dublu pe lamă mare ne indică importanţa acestor utilaje din piatră cioplită în viaţa cotidiană a acestei comunităţi de pe terasa înaltă a Mureşului, având urme de tocire accentuată, survenită în urma întrebuinţării îndelungate.

Avem piese care sugerează funcţionalităţi duble, fiind cuţitaşe şi răzuitoare în acelaşi timp, sau fiind răzuitoare la un moment dat şi elemente componente de seceri după aceea, dovedind un comportament pragmatic, pentru că un cioplitor cu experienţă nu o va lua de la capăt cu producerea unei alte unelte, dacă cea pe care o are deja se pretează şi altei întrebuinţări.

Elementele componente de seceri cu lustru vegetal foarte accentuat arată o aceeaşi folosire îndelungată. Un *gratoir* mic pe lamă, cu lustru vegetal depus pe partea lui activă, indică utilizarea acestuia probabil la răzuirea fibrelor vegetale sau la îndepărtarea învelişului unor tije de lemn. Piesele cu lustru vegetal şi urme de tocire pe aceleaşi părţi active sugerează folosirea lor la tăierea unor plante mai groase, lemnoase. Un galet spart cu un capăt tocit relevă o altă activitate casnică: aceea de a zdrobi cerealele, în scop alimentar.

Printre unelte se numără şi *gratoir*-ele, care serveau în principal la răzuirea pieilor de animale, *racloir*-ele – piese cu tăişuri zimţate, destinate tăierii anumitor materii vegetale sau animale şi un *perçoir*, care era folosit la împuns, străpuns sau găurit.

Alte două piese ar putea releva o ocupaţie de bază, în ceea ce priveşte alimentaţia comunităţii eneolitice de la Şoimuş 2 - *Lângă sat*, vânătoarea, dar şi activităţi războinice. Este vorba despre două vârfuri de săgeţi.

Fig. 18. Vârfuri de săgeţi.

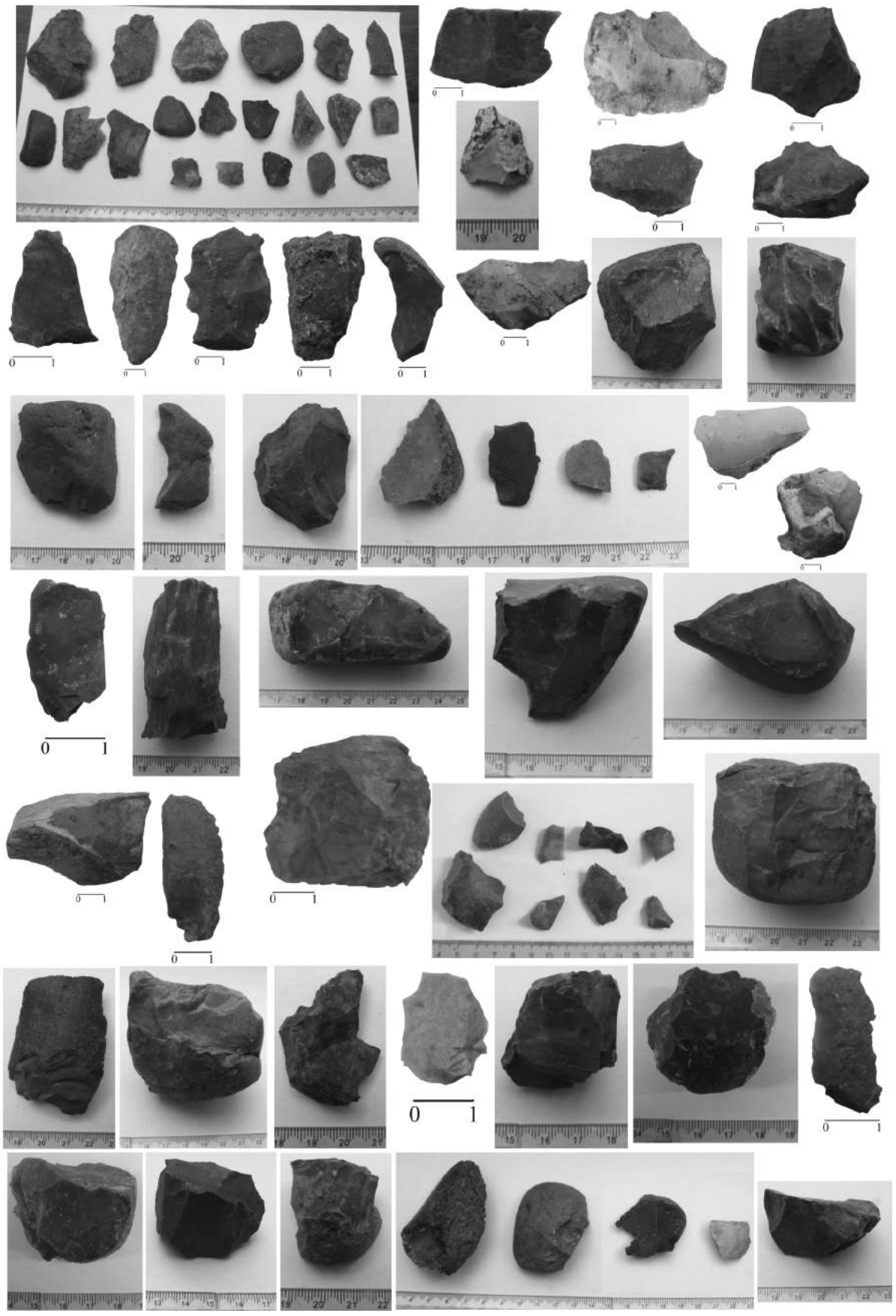


Fig. 19. Resturi ale prelucrării.

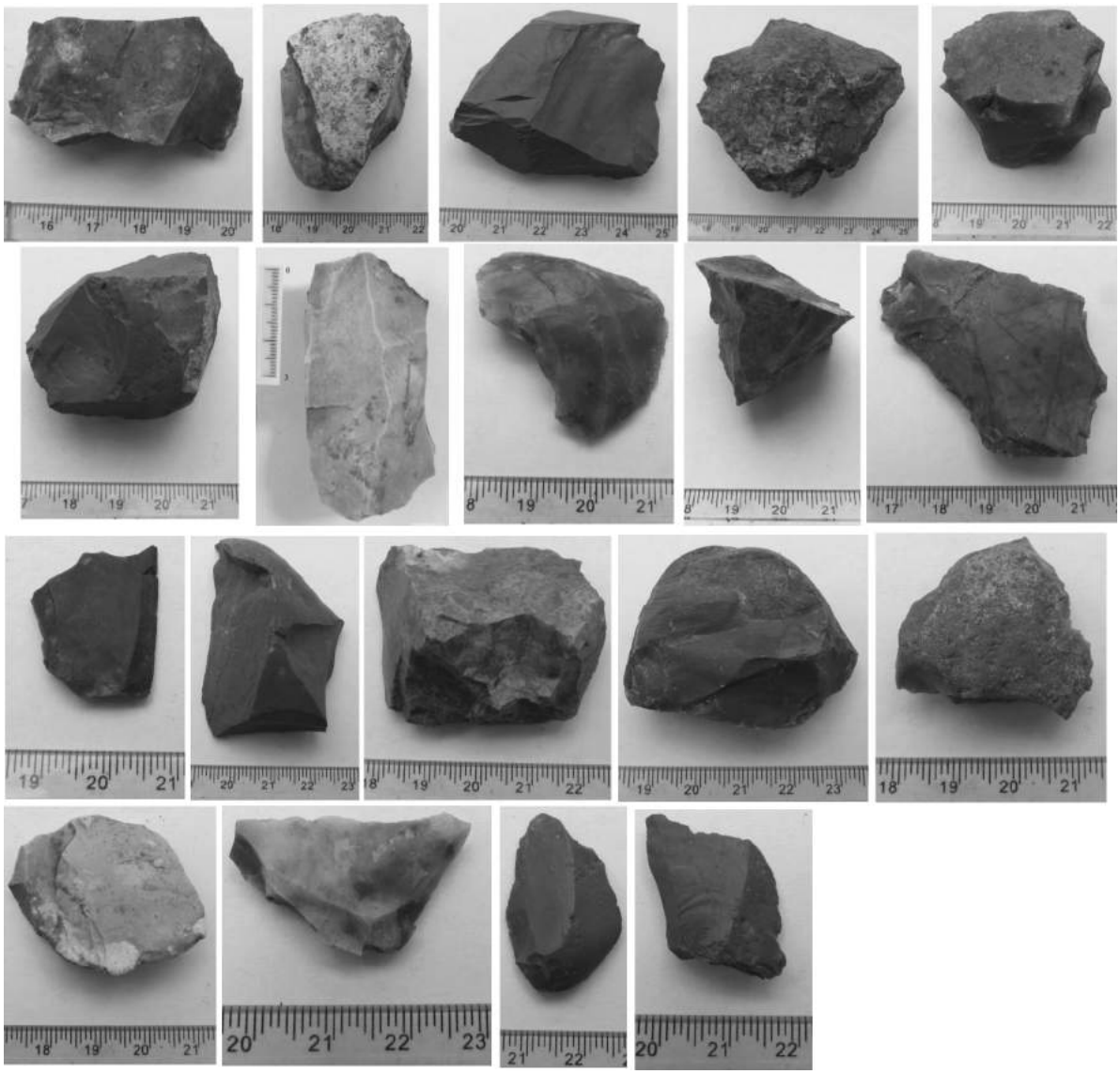


Fig. 20. Resturi ale prelucrării.

Resturile rezultate în urma prelucrării pietrei şi reprezentate prin aşchii simple, aşchii corticale şi nuclee, ne arată că această ocupaţie se realiza în aşezare, după ce, în prealabil, se colectaseră materiile prime.

Acestea din urmă sunt reprezentate de roci de bună calitate, care se pretează cioplirii şi utilizării în confecţionarea de unelte speciale: silexul, jaspul, menilitul, cuarţitul, cuarţul, argilitul, calcarul silicios, gresia silicioasă, obsidianul şi *chaille*-ul. Majoritatea acestora sunt locale, din surse de materii prime din apropierea aşezării, ca: Valea Roatei (Nandru) şi dealurile sale limitrofe, Herepeia, Chergheş-Cârjiţi, Căprioara, Tămăşeşeti-Godineşti, Băiţa-Crăciuneşti, Dealul Măgura, zona Pui, Valea Luncanilor, toate în judeţul Hunedoara, la sud şi la nord de râul Mureş. Materia primă de import este reprezentată (cu siguranţă) de obsidian.

În ceea ce priveşte tehnica de debitaj, am concluzionat că s-a folosit percuţia directă dură, în cadrul tehnicii de debitaj laminare.

O ultimă concluzie, care înglobează cele spuse mai sus, este că cioplitul pietrei era o activitate importantă, atingând nivelul de ocupaţie de bază în cadrul vieţii de zi cu zi a comunităţii eneolitice de la Şoimuş 2 - *Lângă sat*, care satisfăcea nevoile de unelte şi arme, folosite pentru celelalte ocupaţii cotidiene.

Bibliografie

Barbu 2007-2008: M. Barbu, Arheologie experimentală. Confecţionarea uneltelor preistorice din piatră cioplită. Sargeţia, Acta Musei Devensis XXXV-XXXVI, 2007-2008, 47-98.

Biagi, Gratuze, Boucetta 2009: P. Biagi, B. Gratuze, Sophie Boucetta, New data on the archaeological obsidians from the Banat and Transylvania (Romania). In: (Eds. M. Spataro, P. Biagi) A short walk through the Balkans: the first famers of the Carpathian Basin and Adjacent Regions, Società Preistoria Protostoria Friuli – V. G., Trieste. Quaderno 12, 2009, 129-148.

Cârciumaru 2000: M. Cârciumaru, Evoluţia omului în cuaternar. Tehnologie şi tipologie preistorică (Târgovişte 2000).

Cârciumaru et al. 2007: M. Cârciumaru, M. Anghelinu, E-C. Nițu, G. Murătoreanu, Geo-Archéologie du Paléolithique Moyen, Paléolithique Supérieur, Epipaléolithique et Mésolithique en Roumanie (Târgovişte 2007).

Comşa 1987: E. Comşa, Neoliticul pe teritoriul României – consideraţii (Bucureşti 1987).

Culicov, Frontasyeva, Daraban 2012: O.A. Culicov, M.V. Frontasyeva, L. Daraban, Characterization of obsidian found in Romania by neutron activation method, Presented at the National Symposium of Achaeometry, 28-29 October 2010, Bucharest, Romania, Romanian Reports in Physics, vol. 64, no. 2, 2012, 609-618.

Dimitrovska 2012: V. Dimitrovska, Local supply for chipped stone tools from site of Rug Bair, 11-28 http://haemus.mk/wp-content/uploads/2013/02/04-Dimitrovska-2012.pdf.

Gurova, Nachev 2008: M. Gurova, C. Nachev, Formal early neolithic flint toolkits: archaeological and sedimentological aspetcs. In: (Eds. R. I. Kostov, B. Gaydarska, M. Gurova) Geoarchaeology and archaeomineralogy, Proccedings of the International Conference, 29-30 october 2008 (Sofia: Publishing House „St. Ivan Rilski" 2008), 29-35.

Iercoşan 2002: N. Iercoşan, Cultura Tiszapolgár în vestul României (Cluj-Napoca 2002).

Stordeur 1987: D. Stordeur, Manches et emmanchements préhistoriques: quelques propositions préliminaires. In: La main et l'outil. Manches et emmanchements préhistoriques, Table Ronde C.N.R.S. tenue à Lyon du 26 au 29 novembre 1984 sous la direction de D. Stordeur, Diffusion de Boccard, 1987, 11-34.

L'industrie lithique taillée d'habitat énéolithique de Şoimuş 2 - *Lângă sat*

Résumé

Cet article vise à discuter en détail un composant important, mais rarement pris en compte, de l'économie de toutes les communautés préhistoriques, à savoir l'industrie lithique taillée.

Des outils en pierre taillée étaient l'apanage des populations humaines depuis leur apparition. Les gens ont fait des roches diverses les outils et les armes dont ils avaient besoin pour suivre.

Les communautés préhistoriques n'abandonnent pas la pierre comme matière première pas même en énéolithique, quand se développe la métallurgie du cuivre. Une preuve c'est le matériel lithique découvert en l'habitat énéolithique Tiszapolgár de Şoimuş 2 – *Lângă sat*. Il comprend un certain nombre d'outils: des éléments composants pour les faucilles (des pièces avec lustre végétal), des pièces avec traces de ternissement, des lames retouchées et non-retouchées, des gratoirs, des racloirs, un couteau, un perçoir, des éclats retouchées et non-retouchées. Ces outilages diverses montrent l'importance octroyée à la taille de pierre.

Deux pointes de flèches rélèvent la chasse et/ou des activités bellicistes.

Les nombreux débris indiquent la taille de pierre dans l'habitat, après avoir préalablement recueillir la matière première: les roches pour débiter. Ils sont de plusieurs types et de plusieurs sources: locales et d'import: silex, jaspe, menilite, quartzite, quartz, argilite, calcaire siliceux, grès siliceuse, obsidienne et chaille.

Liste d'illustrationes:

Fig. 1. 1 - La diffusion de la culture Tiszapolgár et la localisation de l'habitat énéolitique en discution; 2 - Şoimuş 2 - *Lângă sat*.

Fig. 2. La reconstitution d'une faucille avec les composants pris oblique (après Stordeur 1987, 15, fig. 2/4).

Fig. 3. 1-6 - Outils avec des traces de lustre végétal; 7-11 - détails.

Fig. 4. 1-5 - Les composants de faucille avec des traces de lustre végétal, de Cx 274; 6, 7 - des images *in situ*; 8-11 - détails.

Fig. 5. Outils avec des traces de lustre végétal de Cx 274.

Fig. 6. 1-5 - Les composants de faucille avec des traces de lustre végétal, de Cx 467; 6-8 - détails.

Fig. 7. Outil avec des traces de lustre végétal de Cx 467.

Fig. 8. Outils avec des traces de lustre végétal de Cx 251.

Fig. 9. Outils avec des traces de lustre végétal.

Fig. 10. Outils avec des traces de lustre végétal et de ternissement.

Fig. 11. Outils avec des traces de ternissement.

Fig. 12. Outils retouchés.
Fig. 13. Outils représentés par lames et fragments de lames non-retouchés.
Fig. 14. Outils représentés par éclats non-retouchés.
Fig. 15. Gratoirs.
Fig. 16. Racloirs.
Fig. 17. Perçoir.
Fig. 18. Pointes de flèches.
Fig. 19. Débris.
Fig. 20. Débris.

Каменная индустрия на неолитическом поселении Шоймуш 2 – *Лынгэ сат*

Резюме

В данной работе предлагается подробное обсуждение важной, но редко рассматриваемой составляющей хозяйственной деятельности любой доисторической общности, а именно индустрии камня.

Каменные орудия появились на заре человечества. Люди изготавливали из разных каменных пород орудия, которые им были необходимы для выживания.

Даже в период энеолита, когда получила развитие металлургия меди, доисторические человеческие общности не отказались от каменного сырья. Доказательством этого служит материал, содержащий каменные сколы, обнаруженный на энеолитическом поселении Шоймуш 2 – *Лынгэ сат*, принадлежащем к культуре Тисаполгар. Здесь было обнаружено большое количество орудий: вкладыши серпов с растительной полировкой, предметы со следами притупления, ретушированные и неретушированные пластины, резцы (*grattoirs*), скребки (*racloirs*), нож, проколка, ретушированные и неретушированные сколы. Все это указывает на большое значение обработки камня в повседневной деятельности обитателей поселения.

Два наконечника стрел относятся к охотничьей или военной деятельности.

Многочисленные отходы камнеобработки свидетельствуют о том, что ею занимались непосредственно на поселении, после сбора каменного сырья. Использовались различные каменные породы из разных источников, как местные, так и привозные: кремень, яшма, менилит, кварцит, кварц, аргиллит, кремнистый известняк, кремнистый песчаник и обсидиан.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Распространение культуры Тисаполгар и расположение рассматриваемых энеолитических поселений; 2 - Шоймуш 2 - *Лынгэ сат*.
Рис. 2. Реконструкция серпа с вкладышами, закреплёнными наклонно (по Stordeur 1987, 15, fig. 2/4).
Рис. 3. 1 -6 - Орудия со следами растительной полировки; 7- 11 - детали.
Рис. 4. 1-5 - Вкладыши серпа со следами растительной полировки из Сх 274; 6, 7 - изображения *in situ*; 8-11 - детали.
Рис. 5. Орудия со следами растительной полировки из Сх 274.
Рис. 6. 1-5 - Вкладыши серпа со следами растительной полировки из Сх 467; 6-8 - детали.
Рис. 7. Орудие со следами растительной полировки из Сх 467.
Рис. 8. Орудия со следами растительной полировки из Сх 251.
Рис. 9. Орудия со следами растительной полировки.
Рис. 10. Орудия со следами растительной полировки и притупления.
Рис. 11. Орудия со следами притупления.
Рис. 12. Ретушированные орудия.
Рис. 13. Орудия, представленные пластинами и фрагментами неретушированных пластин.
Рис. 14. Орудия, представленные неретушированными сколами.
Рис. 15. Резцы (*grattoirs*).
Рис. 16. Скребки (*racloirs*).
Рис. 17. Проколка.
Рис. 18. Наконечники стрел.
Рис. 19. Отходы камнеобработки.
Рис. 20. Отходы камнеобработки.

28.03.2013

Mihaela-Maria Barbu, Muzeul Civilizaţiei Dacice şi Romane, str. 1 Decembrie, nr. 39, Deva, jud. Hunedoara, România, e-mail: mishu_maria@yahoo.com

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕГАСТРУКТУРЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ У С. НЕБЕЛЕВКА В 2012 ГОДУ

Михаил Видейко, Джон Чапмен, Биссерка Гейдарская, Наталья Бурдо, Эдуард Овчинников, Галина Пашкевич, Наталья Шевченко

В 2012 году украинско-британская экспедиция в рамках научно-исследовательского проекта «The Tripillia Mega-Sites Project (Early urbanism in prehistoric Europe: the case of the Tripillia mega-sites) продолжала исследования крупного трипольского поселения у с. Небелевка. Раскопки в Небелевке в 2012 году состоялись благодаря поддержке Arts and Humanities Research Council (AHRC)[1] , а также National Geographic Society[2]. Были проведены исследования остатков постройки, выделяющейся очень большой площадью 21×60 м, получившей название «мегаструктура». Раскопанный объект отличается от известных до сих пор трипольских построек не только гигантскими размерами, но и необычной планировкой, уникальными конструктивными особенностями и насыщенностью деталями интерьера.

В 2012 году были продолжены исследования на крупном трипольском поселении у с. Небелевка Новоархангельского района Кировоградской области, начатые международной экспедицией 2009 (Чепмен и др. 2010). В работе экспедиции принимали участие с украинской стороны сотрудники Института Археологии НАН Украины, Института ботаники НАН Украины, Национального научно-исследовательского реставрационного центра, исторического факультета Кировоградского государственного педагогического университета им. В. Винниченко (Кировоград), отдела *охраны культурного наследия кировоградской* ОГА. Участниками с британской стороны были представители департаментов археологии и географии Даремского университета, а также Калифорнийского университета (Лос-Анджелес) – институтов археологии и географии.

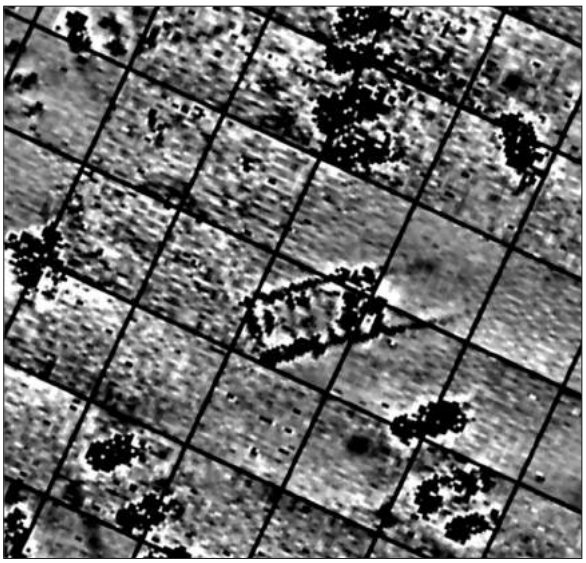
Исследования проводились в рамках научно-исследовательского проекта «Трипольские мега-поселения. Ранняя урбанизация в доисторической Европе: феномен трипольских мега-поселений» («The Tripillia Mega-Sites Project. Early urbanism in prehistoric Europe: the case of the Tripillia mega-sites) и были посвящены изучению остатков выделяющейся своими размерами (около 21×60 м) постройки, получившей условное название «мегаструктура». Мегаструктура была выявлена на поселении Небелевка при проведении магнитной съемки во время исследований 2009 г. (Hale et al. 2010; Чепмен и др. 2010, 459, рис. 1/1).

Поселение трипольской культуры расположено к северу от с. Небелевка. Оно относится к числу крупных поселений, занимает участок плато, с трех сторон ограниченный глубокими балками. С юга по дну одной из них протекает небольшая речка, в которую впадают ручьи из двух других балок, окружающих плато с востока и запада (рис. 1-2). Таким образом, в южной части плато при слиянии балок образовано два мыса, высота которых достигает 20-25 м над уровнем дна долины. Поселение, как это видно на аэрофотоснимке и спутниковых снимках (Видейко 2012, 238, рис. 10/1, 3), располагалось в восточной части плато, примыкая к склонам и частично занимая их с восточной и южной стороны.

Согласно дешифровке аэрофотоснимка, предложенной в свое время К. В. Шишкиным, план поселения имел вид нескольких овалов со структурами в виде улиц (Шишкін, 1985, рис. 3/1). По данным разведки, оно занимало площадь от 250 до 300 га. Южная часть памятника частично находится под сельской застройкой. Магнитная съемка, проведенная в 2012 г., показала, что здесь еще сохранились остатки трипольских построек и другие объекты.

[1] Grant No. AH/I025867: 2012-2016.
[2] Grant No. 2012/211.

1



2

Рис. 1. Небелевка. План участка трипольского поселения, на котором проводились исследования, по данным магнитной съемки: 1 - общий план; 2 - участок с мегаструктурой (объект В5).

Исследования 2012 года проводились на юго-восточном мысу, в его самой высокой точке (в районе отметки 182,9). Примечательно, что этот участок с южной стороны плато, как и, соответственно, все возведенные на нем постройки, хорошо просматривается с расстояния в несколько километров. Так, раскоп с отвалами высотой до 2 м, в котором исследовалась мегаструктура, был достаточно заметен с противоположной стороны речной долины (рис. 2).

Через этот участок поселения проходят два почти параллельных ряда остатков построек, расположенные на удалении в 70-80 м. Однако в самой высокой точке плато внутренний ряд (В) сдвинут на 20 м к центру поселения (рис. 1/2). Именно здесь, в его разрыве, и расположена мегаструктура (В5). Расстояние от нее до остатков соседних (в ряду) построек составляет от 20 до 25 метров. На аналогичном расстоянии находятся остатки построек во внутренней части поселения (рис. 1). По диагонали от северо-восточного угла мегаструктуры расположена постройка вне ряда, ориентированная по короткой оси к центру поселения. Размеры ближайших строений достигают 15-24 м в длину и 6-10 м в ширину, рядом с ними есть аномалии от углубленных объектов (ям). Отдельные аномалии (ямы?) зафиксированы на расстоянии до 10-20 м на «площади» вокруг мегаструктуры.

Методика раскопок мегаструктуры

Выявленная в результате геомагнитной съемки мегаструктура – необычно большая постройка. Она превышает размерами средние жилища в 3-4 раза (Capman, Videiko 2011, fig. 2). На геомагнитном плане (рис.1:2) контуры прямоугольной постройки, ориентированной с небольшим отклонением по линии запад – восток, очерчены темными пятнами, которые соответствуют скоплениям обожженной глины. Общая длина объекта 60 м, ширина 21 м. Западная часть мегаструктуры представлена на плане прямоугольником размерами 38×21 м, соответствующим контурам площадки. Более или менее компактное залегание обожженной глины занимает только около 1/3 площадки с восточной стороны. Обожженная глина на западной части образует четкий контур площадки по северному, восточному и южному краю, а в центре залегает в виде отдельных скоплений. Восточная часть мегаструктуры представлена темным контуром прямоугольной формы длиной 22 м, шириной 21 м. Четко читается южная часть контура, северо-восточный его угол расплывчат. Ширина полос скопления обожженной глины, образующих контур, составляет от 1 до 2 м. Таким образом, плохая сохранность остатков мегаструктуры отчетливо видна на геомагнитном плане (рис. 1/2).

Одной из задач полевого сезона 2012 в Небелевке было соотнесение данных о выявленном геомагнитной съемкой объекте с данными, за-

1

2

Рис. 2. Небелевка. Общий вид на место расположения поселения трипольской культуры:
1 - снимок с воздушного змея (северо-западное направление); 2 - с южной стороны,
с противоположного склона речной долины.

фиксированными в процессе раскопок. Эта задача наряду с плохой сохранностью остатков постройки, залегавших на глубине от 0,25 до 0,8 м, и ее огромными размерами определила особенности методики раскопок.

Раскоп по сетке 2×2 м был разбит в соответствии с параметрами мегаструктуры без учета ориентации по сторонам света. Исследования были начаты с западной части раскопа, в которой залегала площадка. Для контроля над характером культурного слоя в этой части было оставлено три бровки шириной 1 м (рис. 4/1-4). Продольная бровка проходила по центру раскопа, поперечные бровки были оставлены в районе наиболее компактного залегания обожженной глины в восточной части раскопа (рис. 4/2, 3). Бровки имели также техническое значение, так как по ним вывозилась земля из раскопа. Площадь участка раскопа с площадкой составляла около 760 м², общая площадь раскопа 1530 м². После фиксации в стенках бровок разрезов и снятия слоя грунта до уровня залегания обожженной глины бровки были удалены (рис. 3-4). По линии центральной бровки проходил разрез

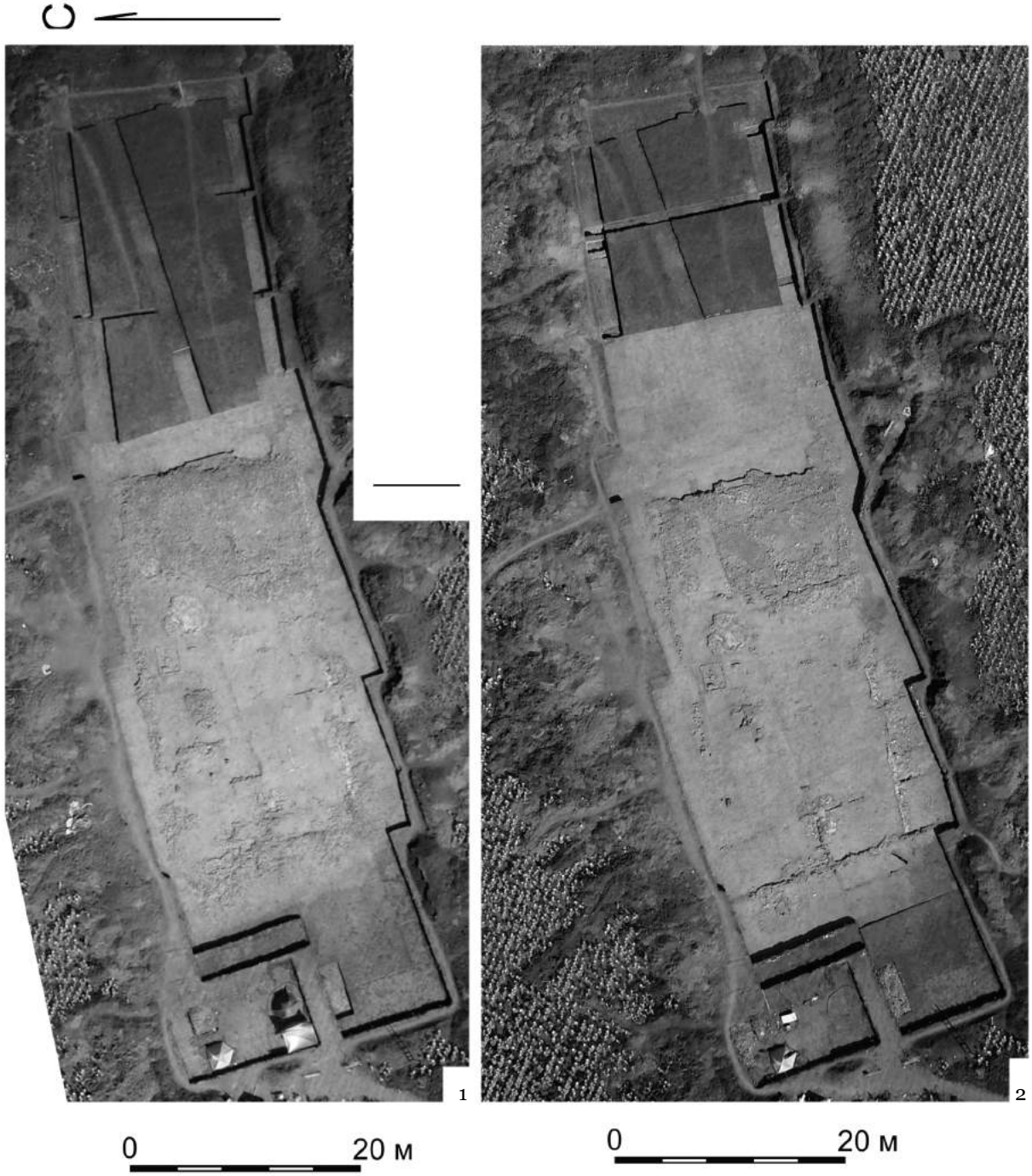


Рис. 3. Небелевка. Мегаструктура, вид с воздушного змея: 1 - после расчистки напластований обмазки; 2 - после снятия верхнего напластования обмазки.

№1 (рис. 3/2). Кроме того, для фиксации условий залегания напластований обожженной глины и находок, составлявших площадку, было намечено шесть поперечных разрезов в западной части раскопа (рис. 3/2; рис. 4/1). В восточной части раскопа, преимущественно свободной от залегания обожженной глины, была установлена автономная система разрезов, полученных с помощью траншей и оставления бровок.

Снятие верхнего слоя грунта до уровня залегания площадки производилось по штыкам с фиксацией координат и глубины залегания предметов каждой находки с помощью электронного тахеометра. Целью расчистки площадки было оконтуривание и оставление

Рис. 4. Небелевка. Исследования мегаструктуры: 1-3 - общий вид процесса раскопок; 4 - раскоп после окончания расчистки напластований обмазки.

in situ возможно большего количества кусков обожженной глины и находок, преимущественно керамики и камней. Остальные находки после фиксации забирались. Фотофиксация и видеосъемка сопровождали процесс расчистки площадки. Черчение плана залегания обмазки в масштабе 1:20 проводилось после расчистки конкретных участков. Находки, включая развалы сосудов, наносились на отдельный план.

Разборка площадки проводилась по секторам, образованным линиями разрезов (рис. 4/2; рис. 6). В начале разборки выяснилось, что площадка состоит из двух напластований обожженной глины с отпечатками дерева преимущественно в верхней части. В связи с этим,

на первоначальном этапе разборки удалялись лишь куски обожженной глины верхнего напластования, исключая линии разрезов, где оставались фрагменты площадки в нетронутом виде. После снятия кусков верхнего напластования обожженной глины с фиксацией на плане отпечатков дерева, сохранившихся на комьях обожженной глины, была произведена расчистка нижнего напластования площадки, вычерчен его план, зафиксированы оставленные *in situ* находки, преимущественно фрагменты сосудов, а также фотосъемка сверху (рис. 4/2).

Сопоставление контуров залегания обожженной глины, полученное в результате расчистки площадки с геомагнитным планом, показало очень высокую степень совпадения данных геомагнитной съемки и раскопок.

После разборки нижнего слоя на всей площади раскопа, кроме разрезов, была проведена горизонтальная зачистка и фиксация деталей интерьера и находок, относящихся к уровню залегания на древней дневной поверхности под напластованиями обожженной глины в пределах постройки. После прокопки с этого уровня на глубину 30 см была проведена фиксация разрезов, а затем их разборка.

Наиболее интересные участки площадки, сохранившие следы конструкций и детали интерьера, а также ямы фиксировались с помощью дополнительных разрезов, фото- и видеосъемки, в том числе процесса разборки (рис. 5-21).

Как уже было упомянуто, характер остатков разных частей постройки, названной мегаструктурой, отличался в пределах западной и восточной частей раскопа. По этой причине ее описание будет выполнено в соответствии с этим делением.

Западная часть

Здесь была зафиксирована трипольская площадка – залегание в виде растрескавшегося пласта обожженной глины, происходящего от обмазки деревянного настила. В результате расчистки выяснилось, что площадка имеет четко оконтуренную залеганием обмазки прямоугольную форму. Однако в пределах этого контура более или менее сплошное залегание обожженной глины зафиксировано только в восточной части площадки, составляя около 1/3 ее общей площади. В этой части площадки также были довольно большие лакуны, свободные от обмазки. Большая же часть площадки представлена компактным залеганием обожженной глины по периметру и отдельными локальными скоплениями кусков обмазки разной площади (рис. 3; 4/4; рис. 5; рис. 6).

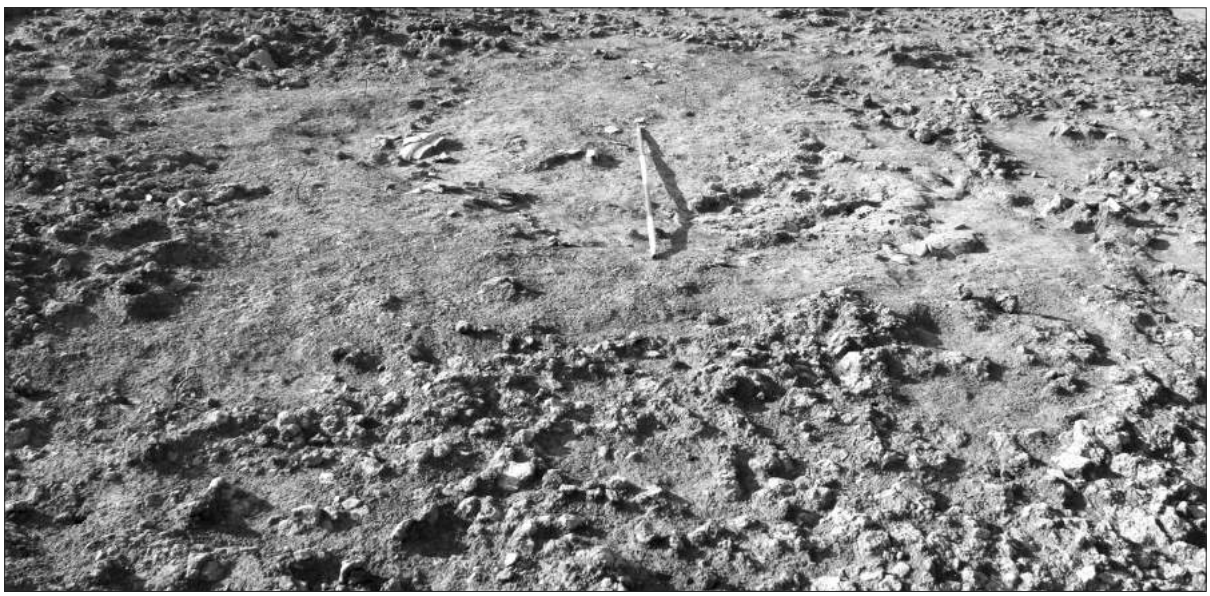
Растрескавшиеся на множество фрагментов напластования обожженной глины представляют собой залегание комьев обмазки с обильной растительной примесью, что обусловило хрупкость и непрочность фрагментов глиняного пласта. Кроме растительной примеси (отходы обмолота с многочисленными отпечатками зерновок и колосков) в комьях глины обнаружены мелкие фрагменты керамики, пережженных костей животных. В одном случае найдена верхняя часть небольшой антропоморфной статуэтки.

Комья обмазки разламывались на несколько частей, а также расслаивались по горизонтали даже при незначительном механическом воздействии, а иногда крошились и рассыпались в мелкую крошку, что усложняло расчистку залегания. Напластования обожженной глины растрескались на множество фрагментов разного размера толщиной от 5 до 25 см, размерами от 5×5 см до 20×30 см (рис. 5/1-3).

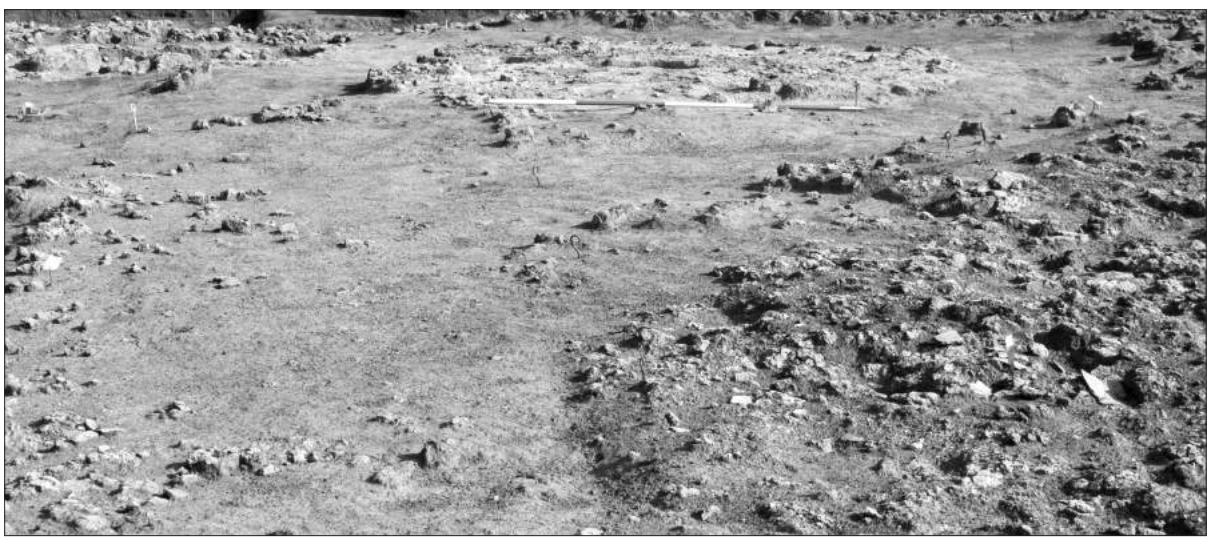
Судя по цвету глины, обжиг разных участков и отдельных кусков обмазки был неравномерный. Причем едва обожженные куски обмазки желтых оттенков и глина, доведенная до состояния шлака, иногда находились в непосредственной близости друг от друга. Выделяются участки площадки, представленные фрагментами глиняного настила с тонким, до 5 мм, выравнивающим слоем подмазки, обожженным до состояния шлака. Такие куски лежали преимущественно выравнивающим слоем вверх, однако встречались и в вертикальном положении, и обращенные подмазанной стороной вниз (рис. 3; рис. 5).

На фрагментах напластования обмазки перекрытия фиксировались отпечатки деревянного настила. В некоторых случаях они были весьма четкими и рельефными, в других читались плохо, часто утрачивались из-за горизонтального расслоения пластов обмазки. В большинстве случаев отпечатки дерева обнаружены на нижней стороне напластования,

1



2



3

Рис. 5. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, напластования обмазки: 1 - в районе вымостки №1; 2 - в районе вымостки №7; 3 - в районе вымостки №2, вид с южной стороны.

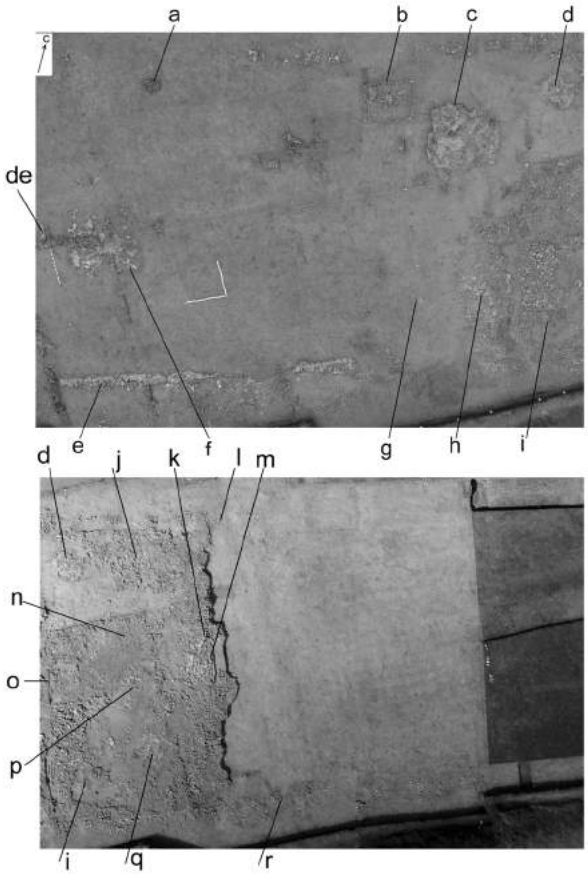


Рис. 6. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа (вид с воздушного змея после разборки верхнего слоя напластования обмазки), схема расположения объектов: a - зернотерка; b - прямоугольная конструкция с зернотеркой; c - вымостка №2; d - вымостка №4; de - порог; e - подиум; f - вымостка №1; g - вымостка №3; h - место скопления кубков и развалов сосудов над ямой в районе вымостки №5; i - вымостка №5; j - вымостка №6; k - остатки арочного оформления входа; l, r - полосы обмазки, продолжение основного напластования; m - порог; n, o, p - пороги; q - вымостка №7.

однако встречались его фрагменты с отпечатками в верхней части. Среди отпечатков выделяются следы конструкций из колотого дерева, прямоугольных и круглых в сечении. Направление отпечатков колотого дерева в большинстве случаев фиксировалось поперек длинной оси постройки либо под углом к ней. Отпечатки бревен диаметром до 15-20 см имели направление как поперек, так и вдоль длинной оси постройки. В нескольких случаях длина отпечатков и разломов на фрагментах глиняного напластования прослежена на протяжении 3,8-4,2 м (рис. 3/2; рис. 6). На некоторых отпечатках бревен в районе стыков деревянных конструкций удалось проследить отпечатки веревки (диаметр 8-9 мм), которой, вероятно, были скреплены между собой деревянные конструкции в процессе строительства. Обнаружены фрагменты глиняного напластования, на которых отпечатки бревен сходились под прямым углом.

В процессе разборки площадки удалось проследить два слоя напластований обмазки деревянных конструкций с их отпечатками. Среди кусков напластований обмазки с примесью половы, а частично под слоями обожженной глины, были выявлены остатки деталей интерьера, большая часть которых была изготовлена из глины без растительных добавок. К таким конструкциям относятся восемь вымосток, семь из которых были сооружены на уровне древней дневной поверхности, а одна выявлена на нижнем напластовании обожженной глины, и подиум, также связанный с нижним напластованием обмазки.

Конструкции на нижнем напластовании обмазки

Вымостка круглой формы, сооруженная на нижнем слое обмазки с отпечатками дерева (рис. 7), расположена в 1 м от северо-западного края площадки. Она растрескалась на небольшие куски толщиной 10-15 см. В центре вымостки в результате ее разрушения образовалась лакуна, в которой встречались только единичные фрагменты конструкции. Рядом с вымосткой обнаружены развалы двух больших сосудов, относящихся к разным технологическим группам (рис. 7/2-3).

На нижнем напластовании обожженной глины в южной части площадки было расположено еще одно сооружение, связанное с интерьером постройки – подиум (рис. 6/e; рис. 8). На некоторых участках подиума зафиксированы комья обмазки с примесью половы и с отпечатками колотого дерева с нижней стороны, связанные с верхним напластованием обожженной глины. На некоторых фрагментах обмазки сохранились следы тонкого выравнивающего слоя (1-2 мм) штукатурки из мелкоструктурной глины без примесей, окрашенной красной охрой. Подиум прослежен вдоль южной длинной стороны мегаструктуры на расстоянии 1,8-2,2 м от ее края. Его ширина 0,4 м, высота – до 0,1 м. Прослежена длина

1

2

3

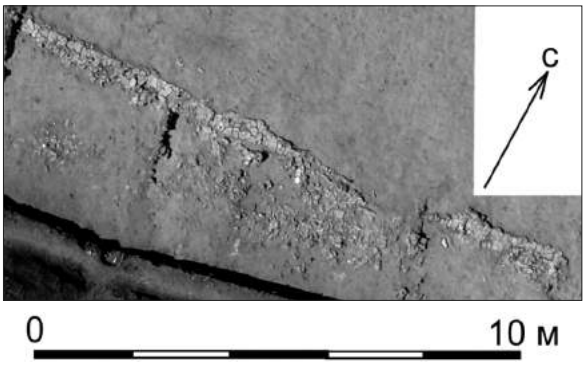
Рис. 7. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа. Округлая вымостка на поверхности напластования обмазки: 1, 2 - вымостка и развалы сосудов после первоначальной расчистки; 3 - вид вымостки после снятия развалов сосудов и фрагментов верхнего напластования обмазки.

подиума (с некоторыми перерывами, вероятно, утраченными в результате разрушения) на протяжении около 18 метров (рис. 8/1). Подиум представлял собой монолитное длинное возвышение с гладкой поверхностью, растрескавшееся на отдельные фрагменты размерами от 10×10 см до 20×20 см. Он был выполнен из глины без примесей, которая наносилась слоями до 5 см в толщину (рис. 8/2-4). В западной части прослежена скругленная закраина, с восточной стороны оформление края не сохранилось. На некоторых участках поверхности подиума сохранились остатки белой краски, нанесенной слоем 0,3-0,6 мм. Вероятно, поверхность подиума была окрашена в белый цвет.

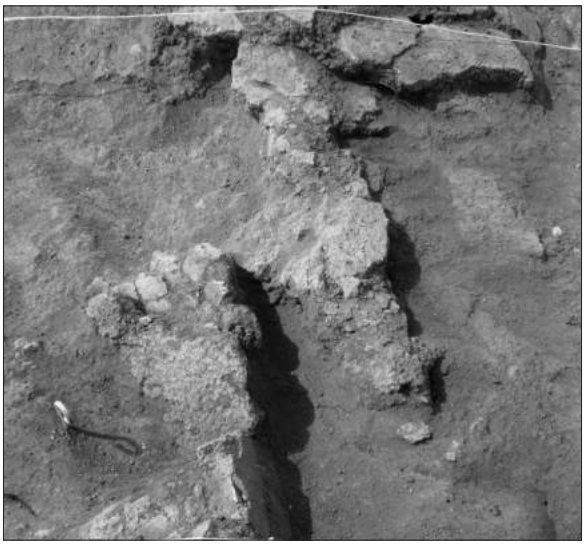
Обжиг подиума неравномерный, цвет в изломе – от красно-желтого до черного. Возможно, с неравномерностью обжига и связана степень его сохранности на различных участках. В южной части сооружения местами сохранились следы соединения подиума со стеной (перегородкой) (рис. 8/5).

Рядом с подиумом были обнаружены другие составляющие интерьера: четыре емкости в виде тарных сосудов – пифосов. Их развалы были расчищены в непосредственной близости от подиума, вдоль его западной части. Вероятно, они могли стоять на подиуме, а при падении сместились к его краю во внутреннюю часть постройки (рис. 9; рис. 10). Пифосы, грушевидной формы, отличались размерами. Диаметр их в средней части составлял от 0,5 до 0,7 м при высоте до 0,8 м. Толщина стенок достигала 2-3 см. Пифосы были изготовлены ленточным способом из глины с обильной примесью половы. Внутренняя и внешняя их поверхности покрыты слоем тонкоструктурной глины и окрашены в красный цвет. С внешней стороны в верхней части пифосы были украшены углубленными линиям из продавленных, полукруглых в сечении, желобков шириной от 0,8 до 1,2 см, образовавших угловые и спиральные композиции (рис. 9/3; рис. 10/3).

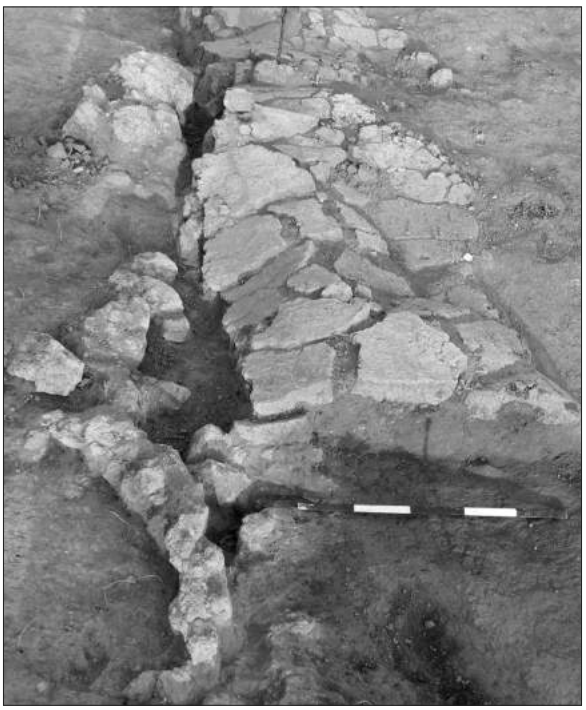
Подобные изделия изображены в интерьере трипольских керамических моделей жилищ из Сушковки и Попудни (Бурдо 2005, 101, рис. 5/1-2). Их находки известны по раскопкам жилищ на поселениях Триполья В II Чаплинка (Овчинников 2010, 306-307), небелевской локально-хронологической группы – Колодистое II (Рижов и др. 2005, 275) и томашевской локально-хронологической группы, например, таких как Тальянки (Круц 2008, 53) и Майданецкое (Шмаглий, Видейко 2001-2002, 69).



1

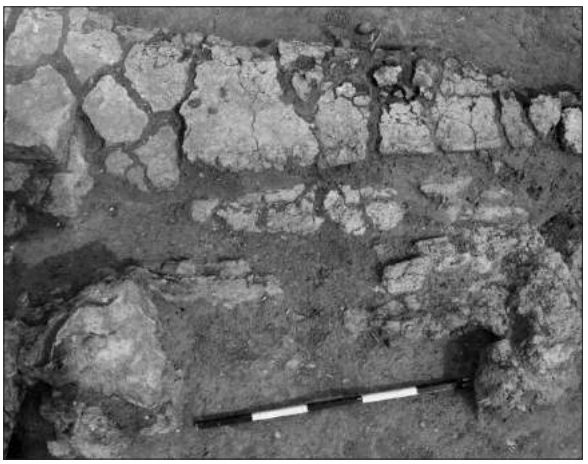


3



4

2



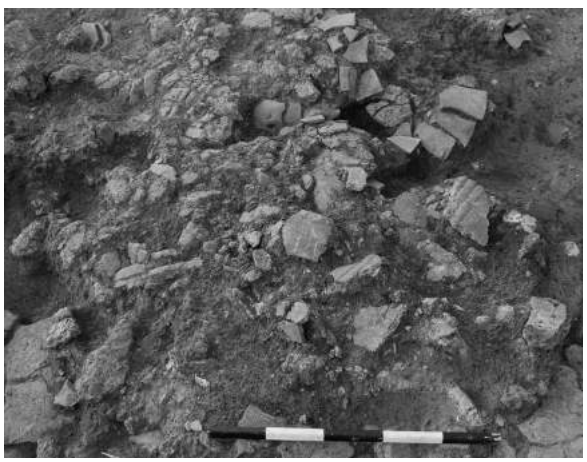
5

Рис. 8. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, подиум: 1, 2 - общий вид; 3, 4 - разрезы; 5 - фрагмент со следами подмазывания края к стене постройки.

У западной стороны подиума среди фрагментов пифосов найдены развалы нескольких разнотипных расписных сосудов: биконических, грушевидного, шлемовидной крышки, усеченно-конических мисок, вероятно, первоначально находившихся рядом с пифосами (рис. 9/3).

1

2



3

Рис. 9. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, остатки пифоса у подиума: 1, 2 - фрагменты пифоса с линейным орнаментом; 3 - остатки пифоса в процессе расчистки.

Обращают на себя внимание находки кальцинированных костей животных, зафиксированные среди скоплений фрагментов пифосов и развалов сосудов, расположенных вдоль подиума. Возможно, часть костей первоначально находилась в одном из сосудов. Кроме того, мелкие фрагменты кальцинированных костей животных были зафиксированы по всей длине подиума.

Такие подиумы известны не только по изображениям на моделях трипольских жилищ, но и хорошо изучены по раскопкам жилищ на памятниках томашовской группы – Майданецком (Шмаглий, Видейко 2001-2002, 88), Тальянках (Круц 2008, 53). Отличие подиума, открытого в мегаструктуре в Небелевке, – значительная длина сооружения, составляющая не менее 18 м, в то время как упомянутые подиумы достигали в длину не более 4-5 м. Наибольшее сходство по протяженности подиум из Небелевки находит в конструкции подиума из комплекса «М» на поселении Майданецкое, где остатки узкого возвышения зафиксированы вдоль периметра помещения размерами около 5×15 м. Отметим, что эта постройка была интерпретирована как общественная, возможно – храм (Шмаглий, Видейко 2001-2002, 88, рис. 57/9).

Кроме вымостки, подиума и пифосов, на нижнем напластовании площадки выявлено пять участков, на которых прослежены остатки особых конструктивных деталей из глины с примесью половы, которые, вероятно, являются оформлением проходов внутри помещений в восточной и западной частях постройки и центрального входа (рис. 6/de, m, n, o; рис. 17-18). Подобные детали оформления проходов на уровне напластования обожженной глины известны по раскопкам в жилище поселения небелевской локально-группы Пищана (Черновол 2012, 63, 65), а также в Тальянках (Круц и др. 2001, 24, рис. 9) и Майданейком (Шмаглий, Видейко 2000-2001, 76), где они интерпретированы исследователями как остатки порогов.

Зафиксированные в мегаструктуре пороги значительно шире упомянутых деталей в жилищах других поселений, длина которых не превышает 0,7-0,9 м. Порог в западной части постройки, прослеженный на протяжении

1

2

3

около 1,5 м, ориентирован по короткой оси площадки, располагался в центральной части помещения на расстоянии 4 м от торцевой части постройки (рис. 6/de; рис. 18).

В восточной части мегаструктуры остатки порога были выявлены непосредственно у края залегания обожженной глины по центру площадки у противоположной торцевой части постройки (рис. 6/m; рис. 17/1). Его ширина составила 1,6 м. Сохранились следы отделки входа штукатуркой из тонкоструктурной глины с последующей окраской поверхности в красный цвет. Судя по фиксации нескольких наслоений облицовочного слоя толщиной 1-2 мм, можно предполагать проведение нескольких последовательных ремонтов. Справа от порога после снятия обмазки верхнего напластования площадки были выявлены детали оформления входа из глины с примесью половы. Судя по форме фрагментов обрамления входа, он имел арочную форму. Данный порог был связан с нижним напластованием обожженной глины, с отпечатками дерева на нижней стороне. Верхняя сторона обмазки имела выравнивающий слой из тонкоструктурной глины, окрашенной красной краской. Таким образом, вход в восточной части мегаструктуры был достаточно широким, а также, вероятно, был декорирован.

Фрагменты обмазки с примесью половы и отпечатками дерева, фиксирующими направление поперек длинной оси постройки либо под

4

Рис. 10. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, пифосы: 1 - развал пифоса после расчистки; 2 - развал пифоса в процессе разборки; 3 - фрагмент пифоса с углубленным орнаментом; 4 - развал небольшого пифоса.

углом в 30-40° к ней, были обнаружены перед порогом. Возможно, они могут быть обмазкой фронтона постройки (рис. 6).

Еще два порога разной степени сохранности были расположены симметрично на расстоянии 1,5 м от центральной оси постройки, на удалении около 4 м от центрального порога в восточной части постройки (рис. 6/n, p). От порога с северной стороны сохранился лишь участок 20×20 см со следами отделки в виде тонкоструктурной штукатурки, окрашенной в красный цвет, и разрозненные фрагменты. Остатки порога с южной стороны были прослежены в длину на 1,5 м, при ширине около 0,3 м. Вероятно, часть остатков конструкции из глины с примесью половы связана с обрамлением дверного проема, в том числе нижней его части, украшенной деталями из глины с примесью половы (рис. 17/2). Судя по многочисленным фрагментам штукатурки с красной краской, сопровождавшим участок с порогом, этот проем был также отделан и окрашен с обеих сторон.

Четвертый порог был обнаружен напротив центрального порога, расположен параллельно ему на расстоянии 10 м. Ширина проема, оформленного порогом, составила около 2,2 м (рис. 6/o). Он располагался вдоль разлома напластования обожженной глины нижнего слоя, вероятно, связанного с разрушением деревянных конструкций перекрытия, которые шли поперек длинной оси постройки.

Конструкции на дневной поверхности

Часть конструкций интерьера располагалась не на напластованиях обмазки, а на древней дневной поверхности в пределах постройки. Это, главным образом, различной формы и размеров вымостки из глины без растительной примеси, которые подверглись обжигу и полностью или частично были перекрыты завалом обожженной глины.

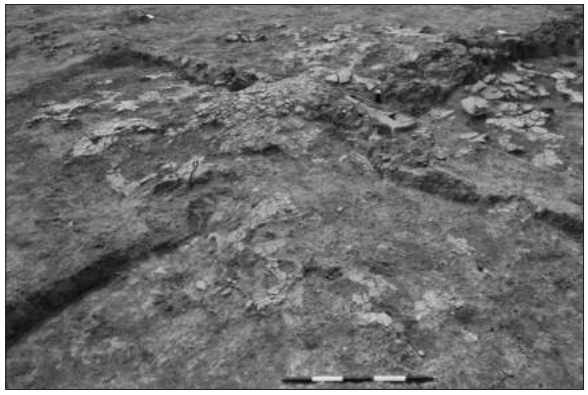
Вымостка F, крестообразная в плане, расположена по центральной оси мегаструктуры в западной части постройки, в 5 м от западного ее края (рис. 6/f; рис. 11/2, 3, 5). Лопасти ориентированы с отклонением в 45 градусов от сторон света. Размеры в поперечнике – 4,3 м. Возвышение образованно послойным нанесением нескольких слоев глины (толщина каждого от 3-4 до 2 см), в центральной части его высота достигала 0,3 м (рис. 11/2-4). Нижний слой вымостки занимал значительно меньшую площадь, чем последующие. Поверхность вымостки тщательно заглажена, на ней обнаружена углубленная орнаментация в виде круга. Вымостка почти полностью была перекрыта комьями обожженной глины, после удаления которых на ней были обнаружены развалы большого горшка и расписной конической миски (рис. 6/2).

По форме вымостка F аналогична крестообразным алтарям из Владимировки (Пассек, 1949, 83-89), однако те выявлены на слое обмазки, и размеры их гораздо меньше – достигают в поперечнике от 1,2 до 2 м (Пассек 1949, 82, рис. 38а; 89).

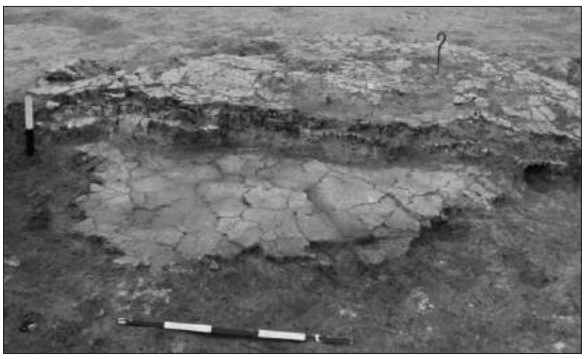
Изображение крестообразных жертвенников характерно для керамических моделей открытого типа из Сушковки (Якубенко 2004, 506), Попудни, Черкасова Сада II (Бурдо 2005, 102, рис. 6/1-2).

Вымостка C находилась в восточной части мегаструктуры в 4 м от северной стороны постройки (рис. 6/c; рис. 12/1, 2, 3; рис. 11/6). Эта самая большая из всех вымостка была, вероятно, округлой в плане и достигала 5 м в диаметре. Она состояла из четырех последовательно нанесенных слоев. Толщина каждого составляла от 3-4 до 2 см. Вымостка располагались слишком близко к поверхности (0,2 м), частично уже в пахотном слое, что привело к значительным разрушениям, особенно с краев. На небольшом участке были выявлены немногочисленные фрагменты с закраиной и с углубленной орнаментацией в виде концентрических окружностей (рис. 12/2). Некоторые из них были смещены пахотой на расстояние от 0,7 до 1 м от центра вымостки. Тут же найдены несколько фрагментов биноклевидного сосуда. Во время расчистки непосредственно на вымостке обнаружены мелкие обломки кальцинированных костей. При послойной разборке вымостки обнаружены немногочисленные мелкие фрагменты керамики и костей. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что вымостка №2 располагалась на высшей точке в пределах постройки, хотя наличие некоторого уклона поверхности

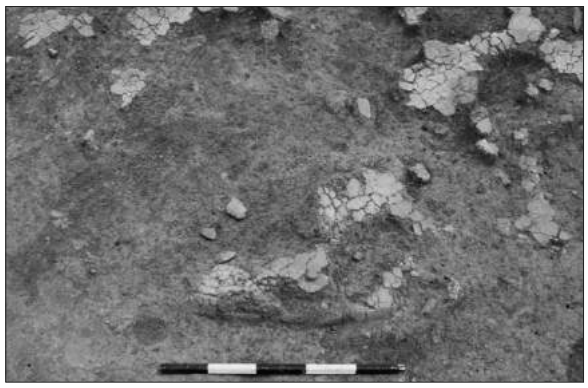
1



2



4



3

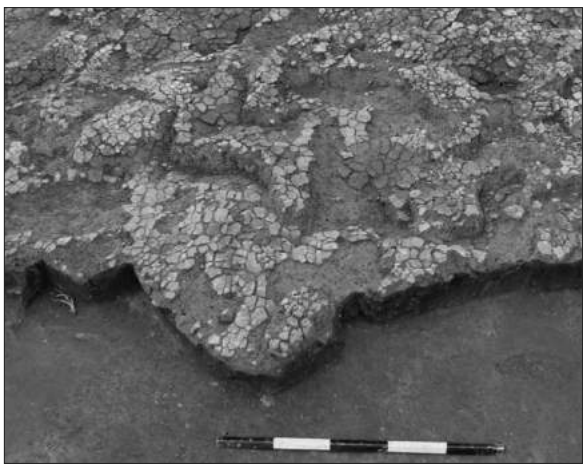
5

6

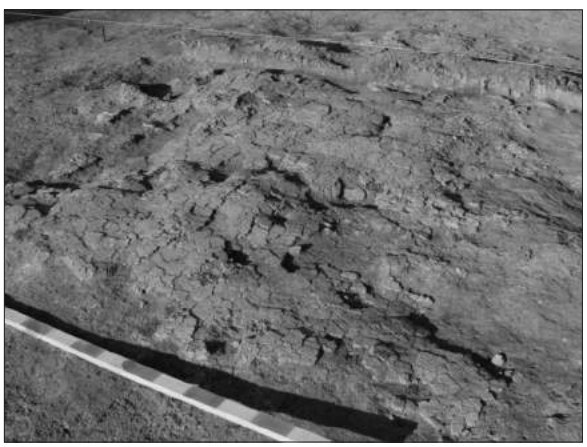
6Рис. 11. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, вымостки на уровне дневной поверхности: 1 - общий вид вымостки №4; 2-3 - вымостка №2 общий вид и фрагмент лопасти с закраинами; 4 - вымостка №4 в разрезе; 5 - разрез вымостки №2.

1

2



3



4

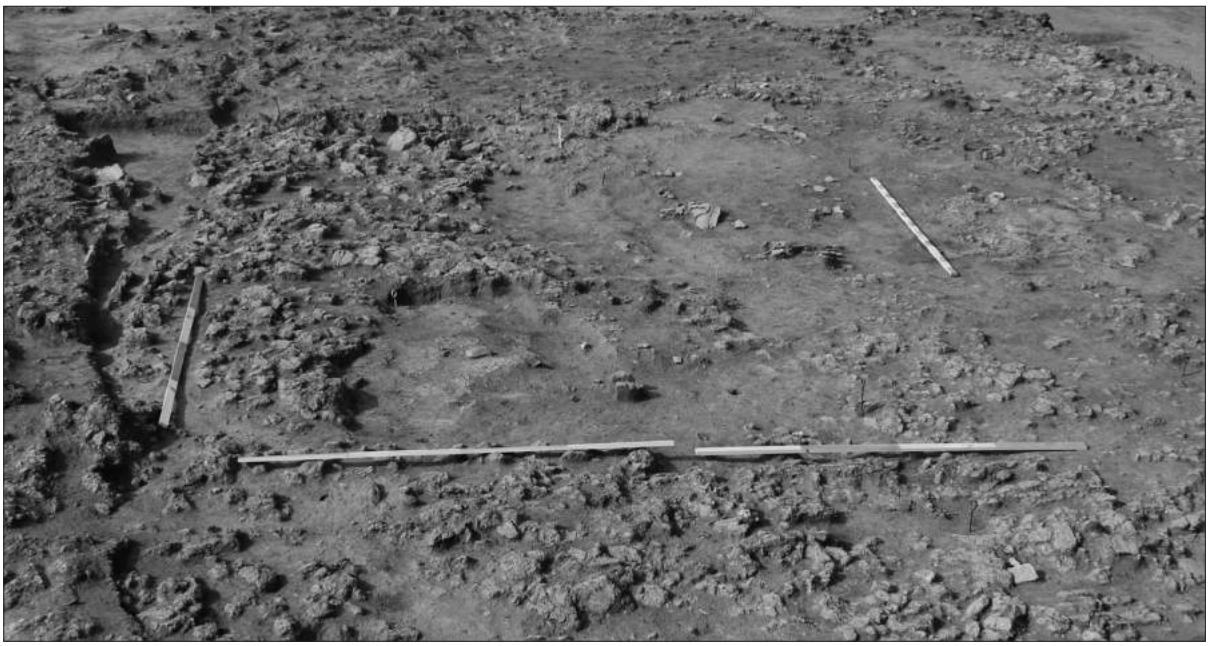
Рис. 12. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, вымостка №2: 1 - общий вид, справа – прямоугольная конструкция с зернотеркой; 2 - фрагмент края вымостки №2 с углубленным орнаментом; 3 - участок вымостки №2; 4 - вид вымостки №2 в процессе разборки.

предполагало некоторое понижение рельефа на месте вымостки. Наблюдения над разрезом вымостки C позволяют предположить, что она была возведена на подсыпке, а также то, что она была несколько раз обновлена путем нанесения нового слоя обмазки поверх старого, причем в одном случае толщина слоя достигала 6 см, и он был обожжен лишь в верхней части (рис. 11/6).

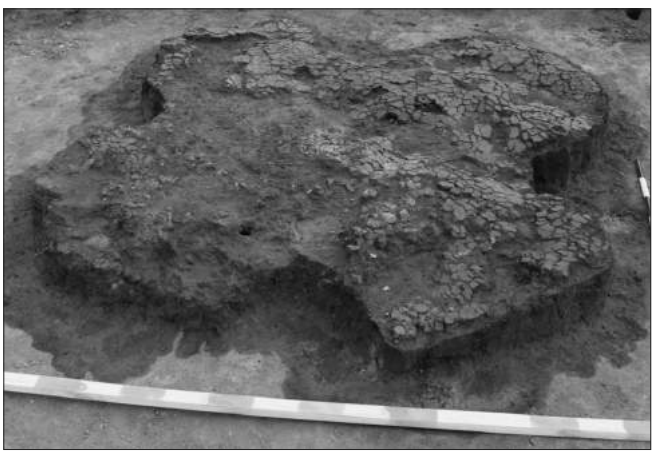
Вымостка G располагалась напротив вымостки C, в 4,5 м от противоположной стороны восточной части постройки (рис. 6/g). Она сильно разрушена – сохранился лишь фрагмент размерами 0,3×0,4 м, состоявший из трех слоев глины толщиной 1-2 см. Прослежены следы декора в виде ленты из углубленных линий. Фрагменты аналогичной вымостки прослежены в одном из жилищ в Майданецком (Шмаглий, Видейко 2000-2001, 68-69).

Вымостка D, предположительно, была круглой в плане, диаметром около 1,5 м, расположена в восточной части постройки у северного края площадки, в 3,5 м к востоку от вымостки №2 (рис. 6/d; рис. 11/1, 4). Она состояла из трех слоев обмазки, толщина каждого в пределах 2-4 см.

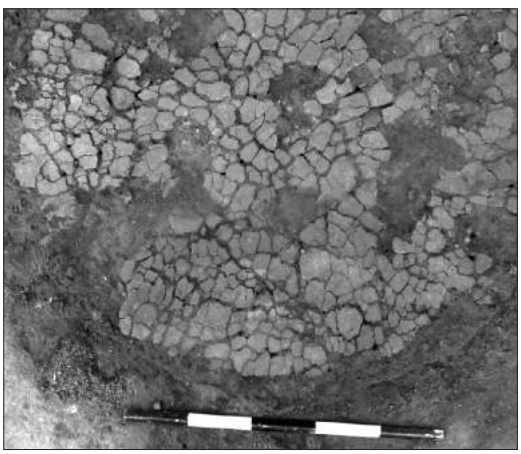
Вымостка I, округлая в плане, расположена с противоположной, южной стороны восточной части постройки, напротив вымостки D (рис.



1



2



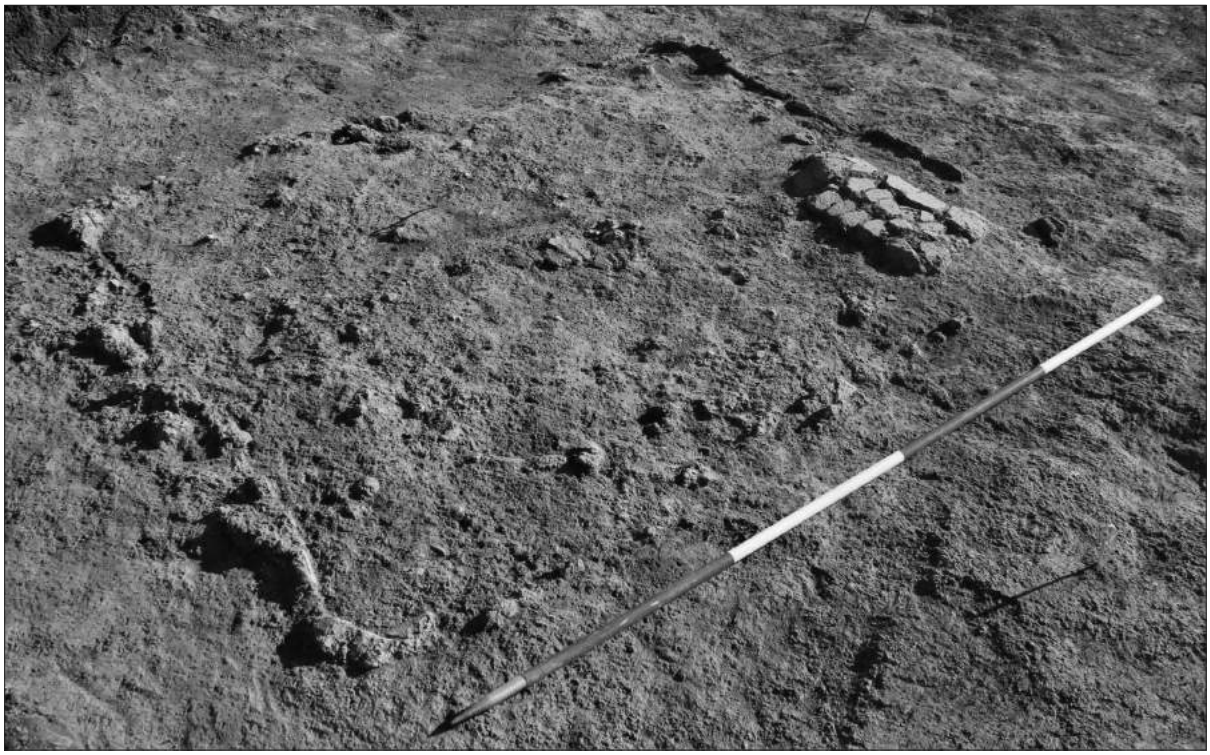
3

Рис. 13. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, вымостка №7: 1 - общий вид после расчистки; 2 - после подготовки к взятию монолитом; 3 - фрагмент с декором из углубленных линий.

6/i). Большая ее часть была обнаружена лишь после снятия перекрывавшего ее завала обмазки с примесью половы в массе и отпечатками дерева в нижней части. Она состояла из трех слоев глины толщиной от 2 до 3-4 см. В процессе разборки нижнего слоя обнаружены вмонтированные в него фрагменты толстостенного сосуда.

Вымостка J расположена в северо-восточной части постройки, рядом с вымосткой D (рис. 6/j). Плохая сохранность, несмотря на то, что она была перекрыта завалом обмазки с отпечатками дерева, не позволяет установить ее форму. На поверхности вымостки прослежены следы углубленного декора в виде ленты из нескольких линий. В центральной части вымостки сохранились 3 слоя глины (цвет от желто-коричневого до черного).

Вымостка Q расположена в юго-восточной части постройки неподалеку от вымостки I (рис. 6/q; рис. 13). Она крестообразная в плане, ее лопасти ориентированы так же, как и у вымостки C. По краю лопастей отмечены следы углубленного декора в виде концентрических окружностей (рис. 13/3). В слое земли у края одной из лопастей вымостки №7 была



1

2

Рис. 14. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, прямоугольная конструкция с зернотеркой: 1 - в начале расчистки; 2 - после полной расчистки.

обнаружена головка от крупной антропоморфной статуэтки. В процессе реставрации вымостки, взятой С. Федоровым (специалистом-реставратором Кировоградского краеведческого музея) монолитом, выяснилось, что помимо углубленного декора она была украшена росписью красной краской, его дополнявшей.

Кроме крестообразных или круглых в плане вымосток, на уровне древней поверхности в пределах постройки у северного ее края, рядом с вымосткой С, обнаружена прямоугольная в плане конструкция с основанием (дном) из слоя глины без растительной примеси, окруженная по периметру невысоким (5-7 см) бортиком из глины с примесью половы тол-

щиной до 4 см (рис. 6/b4; рис. 14-15). Размеры ограждения около 2×2,4 м. По углам на бортике, вероятно, были фигурные выступы, от которых сохранились лишь основания (рис. 15/1, 3). В северо-западном углу вымостки обнаружен растрескавшийся нижний камень крупной зернотерки, а рядом найдены фрагменты донной части сосуда. В центральной части конструкции сохранились аморфные в плане остатки вымостки, состоящей из нескольких слоев глины без примеси (рис. 15/2).

На уровне древней дневной поверхности в пределах постройки удалось проследить участки сохранившейся подмазки пола в виде нанесенного на суглинок слоя глины шоколадного цвета толщиной 3-5 см. На некоторых участках глиняная подмазка пола подверглась обжигу и приобрела желтый, коричневый или черный цвет.

Такая же глина была найдена на дне ямы, обнаруженной в районе вымостки С. Там она залегала на дне в виде сформованных вручную округлых комьев. Яма размерами 3,3×2,7 м, овальная в плане формы, профиль воронковидный, наибольшая глубина до 1,2 м от уровня дневной поверхности. Выявленная в яме глина использовалась для подмазки и выравнивания пола, а также сооружения вымосток и подиума. В период функционирования постройки яма была засыпана, поверхность выровнена.

Еще одна яма обнаружена к западу от вымостки D. Яма овальной в плане формы, размерами 2,8×2,4 м, профиль воронковидный, глубина 0,8 м от дневной поверхности. В верхней части ее заполнения найдены комья обмазки и скопление целых миниатюрных кубков, развалы двух конических расписных мисок, а также крупного расписного сферо-конического сосуда (рис. 21). Всего в данном скоплении керамики, перекрытом комьями обмазки, обнаружено 20 кубков; все они были заполнены землей. Кубки залегали на разных уровнях, общая толщина скопления достигала более 40 см. В одном случае кубок был накрыт стенкой сосуда, и сохранился его отпечаток, выделявшийся на фоне патины (рис. 20/3). Разборка данного завала с послойной фиксацией находок показала, что он образовался при разрушении постройки, причем на этом участ-

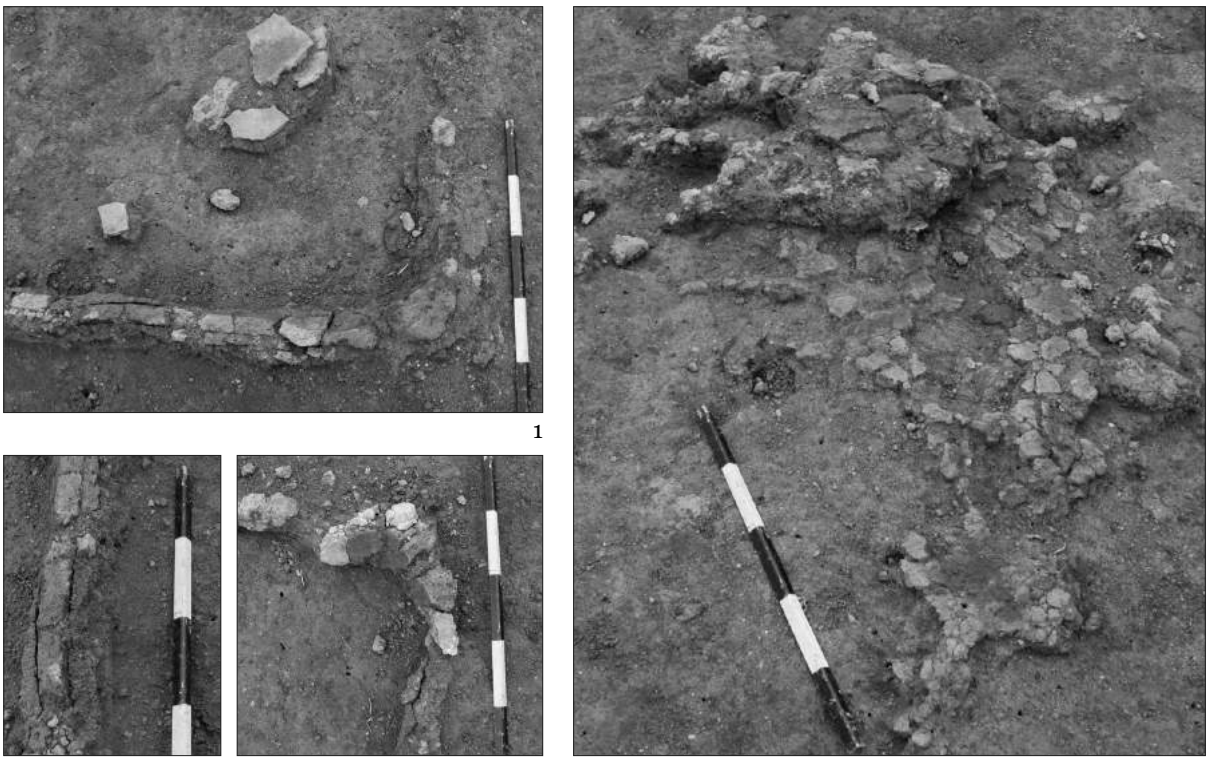
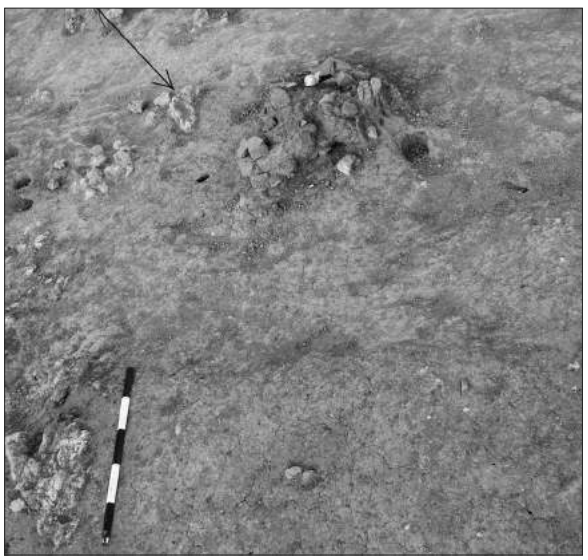


Рис. 15. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, прямоугольная конструкция с зернотеркой: 1 - угловая часть и развал сосуда; 2 - подмазка дна и остатки сооружения в центре; 3 - фрагмент бортика; 4 - угловая часть.

1

2



3

Рис. 16. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, зернотерка и остатки второй (?) прямоугольной конструкции.

1

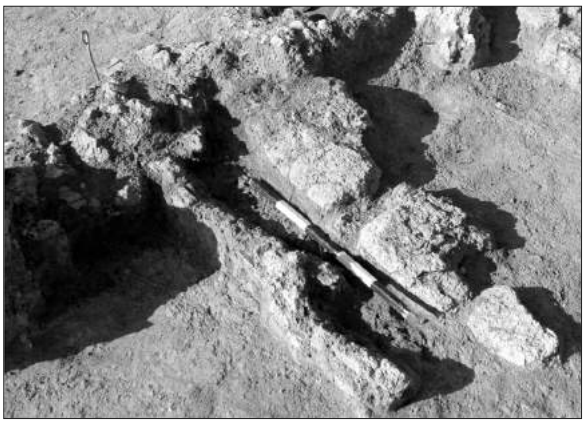
2

Рис. 17. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, остатки порогов: 1 - основной вход с восточной стороны; 2 - вход из коридора в помещение налево.

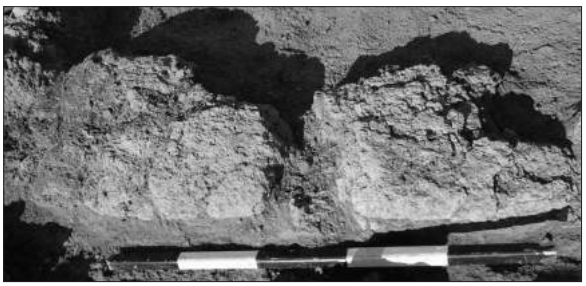
ке остатки глиняных конструкций, вместе с фрагментами керамики, оказались в верхней части ямы, заполненной до определенного уровня суглинком.

Среди комьев обмазки в 4,5 м от восточного порога обнаружена миниатюрная спиралевидная подвеска из желтого металла (рис. 22/1). В том же районе обнаружена подвеска из клыка мелкого хищника (рис. 22/2). Возможно, они были частями одного ожерелья.

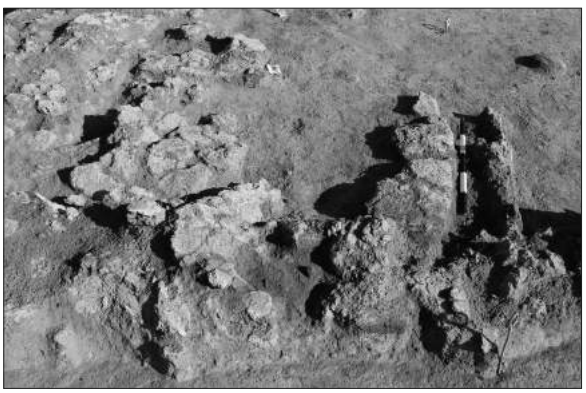
В западной части раскопа в нескольких местах за пределами площадки выявлены участки культурного слоя, насыщенные находками. Такой участок зафиксирован вдоль северного края площадки, напротив вымосток C, D, J. Несколько сотен фрагментов керамики и костей животных залегало в горизонте суглинка толщиной до 0,3 м полосой 2,4 м в ширину до 6 м в длину. Окончательные размеры этого скопления не были установлены, поскольку оно явно выходило здесь за пределы заложенного раскопа. Предположительно о его возможной ширине можно косвенно судить по аналогичному участку напротив западно-



1



2



3

Рис. 18. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, остатки порога с западного края.

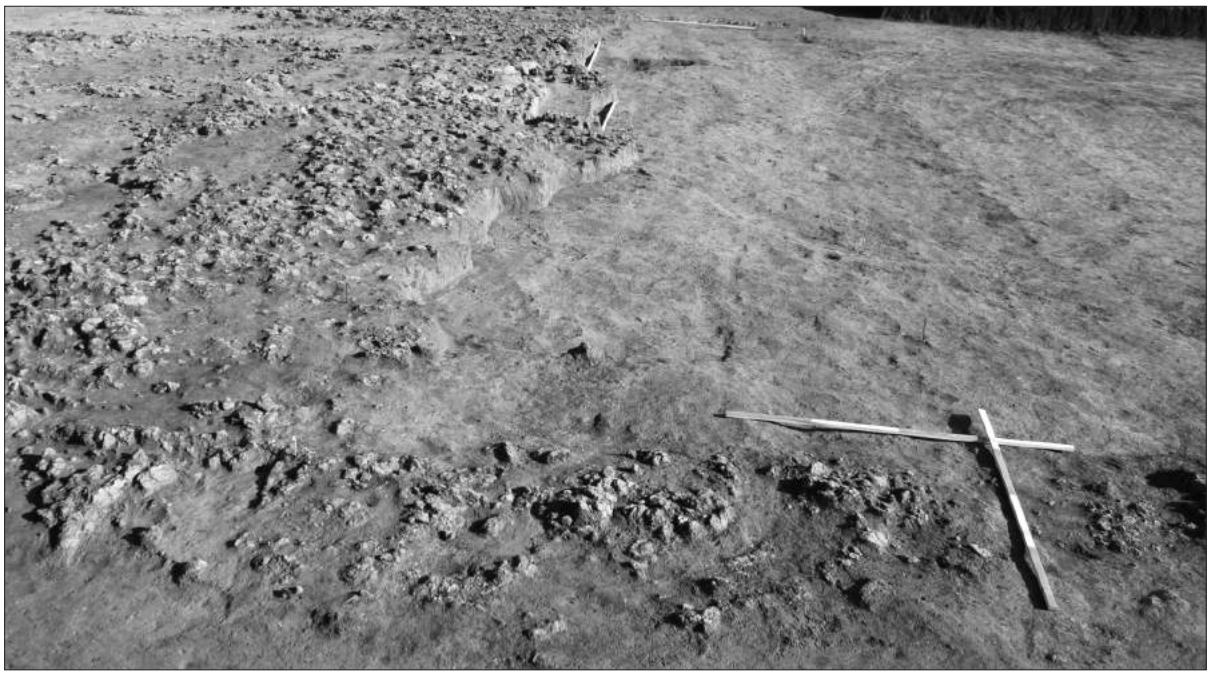
го края площадки, который в плане имел вид овала размерами 16×6-8 м, толщина насыщенного находками слоя составляла 0,2-0,35 м. Еще одно подобное скопление зафиксировано в 5 м к западу от северо-западного угла постройки. Кроме керамики и костей в нем найдено несколько отщепов кремня.

Восточная часть раскопа

В восточной части раскопа площадка отсутствовала (рис. 3). Здесь выявлено скопление комьев обожженной глины, размерами от 3×5 до 5×10-15 см при толщине 3-7 см, аналогичных по характеру тем, из которых состояла площадка (рис. 19). Обмазка залегала двумя узкими полосами шириной от 0,5 до 1,5 м, непосредственно примыкавшими к площадке и как бы продолжавшими контуры постройки. Обмазка с примесью половы, размеры комьев – от 3×5 до 5×10-15 см при толщине 3-7 см (рис. 19/3). Первоначальное предположение геофизиков, что эти аномалии вызваны наличием фундаментных (?) рвов – углублений по контурам постройки – не было подтверждено многочисленными разрезами.

Сохранность участков со скоплением обмазки была различной: лучше всего было состояние завала с южной стороны, где он прослежен в длину более чем на 12 м, хуже – с северной, где он сохранился на длину 7 м. Поскольку обмазка здесь залегает на глубине 0,6-0,8 м от поверхности, она не должна была быть повреждена пахотой. Вероятно, полученная картина соответствует состоянию остатков конструкции после разрушения. На обмазке с нижней стороны зафиксированы немногочисленные отпечатки колотого дерева, фиксирующие направление поперек или под углом к длинной оси постройки. Несколько отпечатков были направлены вдоль длинной оси.

Удалось установить, что эти полосы обмазки являются остатками сооружения, конструктивно связанного с основной постройкой и являвшегося ее продолжением. С учетом данных магнитной съемки, его размеры составляли не менее 20 м в длину и 20 м в ширину. С восточного края раскоп был выведен за пределы аномалий по данным магнитной съемки. Однако установить, была ли данная часть постройки замкнутой, не удалось. В этой части раскопа, на глубине 30-40 см от поверхности, обнаружено несколько фрагментов камней, камень с плоской стороной, единичные кости животных. На площади около 200 м², ограниченной полосами обмазки, в части, примыкавшей к площадке, на глубине 0,4-0,6 м от современной поверхности было зафиксировано 98 единиц находок, преимущественно фрагменты керамики и кости животных. Большая часть этих находок, по-видимому, может быть отнесена к периоду функционирования сооружения.



1

2

3

4

Рис. 19. Небелевка. Исследования мегаструктуры, восточная часть раскопа, полосы обмазки – продолжение основного завала: 1, 2, 4 - общие виды южной полосы; 3 - разрез северной полосы.

1

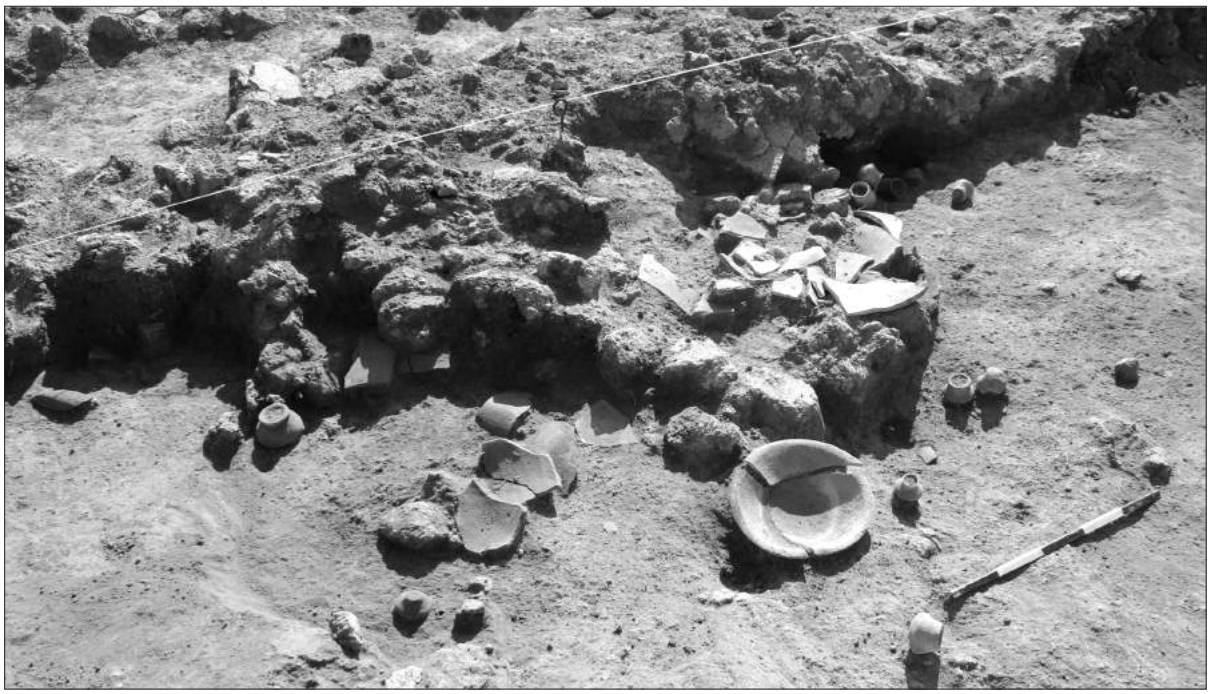
2

3

4

5

Рис. 20. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, керамика среди напластований обмазки.



1

2

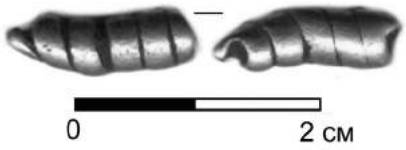
3

Рис. 21. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, скопление развалов сосудов и целых кубков в районе вымостки №5.

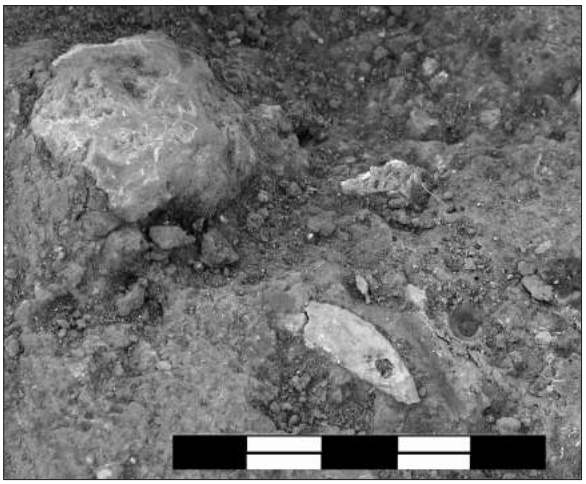
Археометрические исследования

В ходе исследований мегаструктуры (объект В5) и прилегающей к ней территории в 2012 г. было взято значительное число проб грунта для флотации. Ботанические макроостатки были выделены из этих проб в сравнительно небольшом количестве. Следует отметить разрушение некоторых образцов, особенно вследствие обжига. Это обстоятельство значительно усложняло их изучение. Подобное состояние находок позволяет предположить, что в момент пожара в постройте находилось некоторое количество зерна. Определены такие культуры, как пшеница-двузернянка (Triticum dicoccon), пшеница-однозернянка (Triticum monococcum), овес (Hordeum vulgare), чечевица (Lens culinaris), горох (Pisum sativum), вика-эрвилия (Vicia ervilia). На обмазке выявлены отпечатки зерновок и колосков пленчатой пшеницы, ячменя. Подобный набор культурных растений обычен для поселений трипольской культуры в данном регионе.

Во время раскопок также были отобраны 159 образцов строительных материалов и керами-



1



2

Рис. 22. Небелевка. Исследования мегаструктуры, западная часть раскопа, находки: 1 - пронизь из желтого металла; 2 - подвеска из зуба хищного животного.

ческих изделий. В процессе предварительного визуального исследования непосредственно во время раскопок и более детального исследования методами стереоскопической микроскопии в полевой лаборатории образцы строительных материалов были распределены по группам, согласно их функциональному назначению: стеновой материал, отделочный материал, группа кухонной посуды, столовой посуды и тому подобное. При классификации учитывались и физико-химические свойства материалов.

Кроме того, в процессе археологических полевых работ была отобрана группа образцов керамической посуды для исследования характера диагенетических процессов, а именно – образование патины на поверхности керамики с целью выявления причин ее формирования и характера взаимодействия с окружающей средой. Эти исследования направлены на решение некоторых проблем реставрации, консервации и реконструкции трипольских изделий.

Заключение

Таким образом, в результате исследований, проведенных в 2012 г., удалось изучить остатки мегаструктуры (объект B5) на поселении Небелевка, а также частично – окружающую ее территорию. Были полностью подтверждены результаты магнитной съемки, с высокой точностью показавшей контуры и состояние остатков постройки в районе основного завала обожженной глины и примыкающих к нему остатков конструкций.

Постройка B5, ориентированная по линии запад-восток, состояла из двух конструктивно связанных между собой частей. Большая, западная, часть представлена завалом обожженной глины, являющимся архитектурными остатками типичной для трипольской культуры глинобитной постройки каркасно-столбовой конструкции с перекрытиями в виде настилов из дерева и глины с примесью половы. На настилах прослежены такие детали интерьера, как округлая вымостка, подиум и пороги, с ними же связана часть находок развалов сосудов. Найдены остатки пяти порогов, что позволяет предположить деление пространства не менее чем на 4 помещения, самое большое из которых могло быть проходным по длинной оси. На уровне древней дневной поверхности были сооружены еще семь вымосток и огражденное место с зернотеркой.

Одной из особенностей найденных при раскопках постройки B5 некоторых деталей интерьера являются их значительные, по сравнению со стандартными постройками, размеры. Так, размеры ограждения с зернотеркой составляли 2×2,4 м, длина подиума достигает 18 м, крестообразный алтарь-вымостка C имел около 4,4 м в поперечнике, а алтарь-вымостка G – не менее пяти метров. Необычным является также количество вымосток в мегаструктуре – семь (на уровне дневной поверхности), и наличие только одной вымостки на уровне настила, которую можно рассматривать в качестве отопительного сооружения. Таким образом, постройка B5 выделяется среди других строений на поселении Небелевка, а также других трипольских поселений региона, и своими размерами (20×60 м), и особенностями интерьера. Перечисленные выше отличия

позволяют предположить, что мегаструктура была общественной постройкой.

Значение открытия и исследования постройки В5 в Небелевке состоит также в том, что впервые раскопками было подтверждено наличие на крупных трипольских поселениях монументальных сооружений значительных размеров и сложной конструкции.

Необходимо подчеркнуть, что исследования 2012 года в Небелевке достаточно убедительно показали, что современный технический уровень магнитной съемки представляет вполне достоверные результаты, проверка которых раскопками не только дает важные результаты, но и заслуживает продолжения. В частности, на магнитном плане поселения Небелевка выявлено несколько построек размерами около 20×30 м (Hale et al. 2010; Chapman, Videiko 2011, fig. 2).Особенностью некоторых из них является наличие аномалий по периметру, и отдельных – внутри контура. Исследования в Небелевке показали, что первые могут быть остатками обожженных конструкций в виде завала обмазки, вторые – остатками вымосток. Аналогичные сооружения известны по новым магнитным планам в Майданецком (Бурдо и др. 2012, 273, рис. 8; 275, рис. 10). Всего к настоящему времени только в Майданецком и Небелевке выявлено не мене 10 подобных аномалий, которые заслуживают специального археологического изучения в будущем. Их результаты, несомненно, важны для верного понимания сущности трипольских мега-поселений.

Авторы исследований благодарят за поддержку проекта AHRC и National Geographic Society, руководство Даремского университета и Института археологии НАН Украины, Кировоградского государственного университета им. В. Винниченко, а также, за поддержку и сотрудничество, – руководство Кировоградской области, отдел охраны культурного наследия *Кировоградской* облгосадминистрации, местный совет села Небелевка и ее жителей.

Библиография

Бурдо 2005: Н.Б. Бурдо, Керамические модели построек трипольской культуры. В: (Ред. С.М. Санжаров) Матеріали та дослідження з археології Східної України (4) (Луганськ 2005), 93-113.

Корвин-Пиотровский 2003: А.Г. Корвин-Пиотровский, Теоретические проблемі исследований поселений-гигантов. В: (Ред. А. Г. Корвин-Пиотровский) Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції (Київ: Корвин-пресс 2003), 5-7

Круц и др. 2001: В.А. Круц, А.Г. Корвин-Пиотровский, С.Н. Рыжов, Трипольське поселение-гигант Тальянки. Исследования 2001 г. (Киев 2001).

Круц 2008: В.А. Круц, Поселение-гигант Тальянки. В: (Ред. В.Г. Корвин-Пиатровский, Ф. Минотти) Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки (Киев 2008), 49-70.

Овчинников 2010: Е.В. Овчинников, Розкопки на трипільському поселенні у с. Чаплінка. В: (Ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2009 р. (Луцьк 2010), 304-308.

Пассек 1949: Т.С. Пасек, Периодизация трипольских поселений. Материалы и исследования по археологи СССР, 10 (Москва-Ленинград 1949).

Рижов и др. 2005: С.М. Рижов, В.О. Шумова, Д.К. Черновол, Дослідження трипільського поселення Колодисте II у 2004 р. В: (Ред. Н.Г. Гаврилюк) Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. (Київ 2004), 274-276.

Чепмен и др. 2010: Дж. Чепмен, Б. Гейдарська, Р. Вілліс, Н. Сванн, Н.Б. Бурдо, Н.С. Котова, М. Беленко, М.Ю. Відейко, Дослідження на поселенні трипільської культури біля с. Небелівка 2009 р. В: (Ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2009 (Київ-Луцьк, 2010), 458-460.

Черновол 2012: Д.К. Черновол, Інтер'єр будівель нобелівської локальної групи трипільської культури. Археологія 1, 2012, 62-70.

Шишкін 1985: К.В. Шишкін, Планування трипільських поселень за даними аерофотозйомки. Археологія 52, 1985, 72-77.

Шмаглий, Видейко 2001-2002: Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Майданецкое – трипольский протогород. Stratum plus 2, 2001-2002, 44-140.

Якубенко 2004: О.О. Якубенко, Сушківська модель житла. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації (II) (Київ 2004), 506.

Chapman, Videiko 2011: J. Chapman, M. Videiko, The Trypillia culture mega-site near Nebelivka: summer 2009 season. Praehistorica XXIX, Prague, 2011, 79-94.

Hale et al. 2010: D. Hale, J. Chapman, N. Swann, M. Videiko, R.Villis, Early Urbanism in Europe? Geophysical Survey at Nebelivka, Ukraine. In: Recent Work in Archaeological Geophysics. The Geological Society. 15th December 2010. Abstracts (London 2010), 35-36.

Cercetarea mega-structurii din aşezarea culturii Tripol'e de lângă satul Nebelivka în anul 2012

Rezumat

În anul 2012, în cadrul proiectului ştiinţific „The Tripillia Mega-Sites Project" (Early urbanism in prehistoric Europe: the case of the Tripillia mega-sites) expediţia ucraineano-britanică a continuat investigaţiile arheologice la aşezarea-gigant de lângă satul Nebelivka. Cercetările au fost posibile graţie susţinerii din partea Arts and Humanities Research Council (AHRC) (Grant No. AH/I025867: 2012-2016), precum şi National Geographic Society (Grant No. 2012/211). Au fost investigate vestigiile unei construcţii de proporţii deosebit de mari 21×60 m, numită, respectiv, mega-structură. Aceasta se deosebeşte de construcţiile tripoliene cunoscute până acum prin: dimensiunile gigantice, planimetria neobişnuită, particularităţile construcţiei, detaliile de amenajare a interiorului.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Nebilivka. Planul unei porţiuni a aşezării tripoliene, unde au fost întreprinse investigaţii: 1 - plan general; 2 - parcela cu mega-structură (B5).

Fig. 2. Nebilivka. Imagine de ansamblu asupra locului amplasării aşezării tripoliene: 1 - poză efectuată din balon-aerostat (direcţia nord-vest); 2 - dinspre sud, de pe malul opus al râului.

Fig. 3. Nebilivka. Mega-structura, imagine din balon-aerostat: 1 - după curăţarea straturilor de lipitură; 2 - după scoaterea stratului superior de lipitură.

Fig. 4. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii: 1 - imagine de ansamblu a procesului de investigaţii; 2 - şantierul după curăţarea straturilor de lipitură.

Fig. 5. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii. Partea de vest a şantierului, straturile de lipitură: 1 - în regiunea platformei nr. 1; 2 - în regiunea platformei nr. 7; 3 - în regiunea platformei nr. 2, vedere dinspre sud.

Fig. 6. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului (imagine din balon-aerostat după demantelarea stratului superior de lipitură), schema amplasării obiectelor: a - râşniţă; b - construcţie rectangulară cu râşniţă; c - platforma nr. 2; d - platforma nr. 4; de - prag: e - podium; f - platforma nr. 1; g - platforma nr. 3; h - aglomeraţie de cupe şi vase la gura gropii din preajma platformei nr. 5; i - platforma nr. 5; j - platforma nr. 6; k - rămăşiţe ale arcei de la intrare; l, r - fâşii de lipitură; m-p - praguri, q - platforma nr. 7.

Fig. 7. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului. Platformă rotunjită de pe suprafaţa stratului de lipitură: 1, 2 - platforma şi vasele distruse după curăţarea iniţială; 3 - platforma după extragerea fragmentelor de vase şi a stratului superior de lipitură.

Fig. 8. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, podiumul: 1, 2 - imagine de ansamblu; 3, 4 - secţionări; 5 - fragment cu urme de lipitură de la peretele construcţiei.

Fig. 9. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, rămăşiţe de pithos din preajma podiumului: 1, 2 - fragmente de pithos cu ornament liniar; 3 - rămăşiţele pithosului în procesul de curăţare.

Fig. 10. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, pithose: 1 - rămăşiţele pithosului după curăţare; 2 - rămăşiţele pithosului în timpul demantelării; 3 - fragment de pithos cu ornament adâncit; 4 - rămăşiţele unui pithos de dimensiuni mici.

Fig. 11. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, platformele la nivelul actual de călcare: 1 - imagine de ansamblu a platformei nr. 4; 2, 3 - imagine de ansamblu a platformei nr. 2; 4 - platforma nr. 4 în secţiune; 5 - secţiunea platformei nr. 2.

Fig. 12. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, platforma nr. 2: 1 - imagine de ansamblu, la dreapta – construcţia rectangulară cu râşniţă; 2 - fragment de la marginea ornamentată prin adâncire a platformei nr. 2; 3 - porţiune a platformei nr. 2; 4 - imaginea platformei nr. 2 în timpul demantelării.

Fig. 13. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, platforma nr. 2: 1 - imagine de ansamblu după demantelare; 2 - imaginea platformei după conservare; 3 - fragment de platformă cu decor din linii adâncite.

Fig. 14. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, construcţia rectangulară cu râşniţă: 1 - la începutul curăţării; 2 - după curăţare.

Fig. 15. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, construcţia rectangulară cu râşniţă: 1 - partea de la colţ şi rămăşiţele unui vas; 2 - lipitura fundului şi rămăşiţele unei amenajări în centru; 3 - fragment de margine; 4 - partea de la colţ.

Fig. 16. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, râşniţa şi rămăşiţele celei de a doua (?) construcţii rectangulare.

Fig. 17. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, rămăşiţe ale pragurilor: 1 - intrarea principală dinspre est; 2 - intrarea din coridor în încăperea din stânga.

Fig. 18. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, rămăşiţe ale pragului de la marginea de vest.

Fig. 19. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de est a şantierului, fâşii de lipitură: 1, 2, 4 - imagini de ansamblu a fâşiei de sud; 3 - secţiunea fâşiei de nord.

Fig. 20. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, ceramică descoperită printre straturile de lipitură.

Fig. 21. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, aglomeraţii de fragmente de vase şi cupe întregi descoperite în preajma platformei nr. 5.

Fig. 22. Nebilivka. Cercetarea mega-structurii, partea de vest a şantierului, inventar: 1 - piesă din metal galben; 2 - colier din dinţi de animal răpitor.

Investigations of a mega-structure at the Trypillian culture settlement near Nebelivka in 2012

Abstract

In 2012 the British-Ukrainian expedition continued investigations at the Trypillian culture settlement near Nebelivka. The main aim of the field season was exploration of the largest object in the area (about 20×60 m), which was detected in 2012 by magnetic prospection. The investigations were funded by AHRC (Grant No. AH/I025867: 2012-2016) and the National Geographic Society (Grant No. 2012/211). Results of the excavations have confirmed the size of the site and have provided important information on this structure.

List of illustrations:

Fig. 1. Nebelivka. Plan of the site according to the magnetic survey: 1 - general plan; 2 - plot with the mega-structure (object B5).

Fig. 2. Nebelivka. General view on the place of the Trypillian culture settlement: 1 - photo taken by means of a kite (north-west direction); 2 - on the south side, from the opposite slope of the river valley.

Fig. 3. Nebelivka. Mega-structure, as seen from a kite: 1 - after clearing daubing strata; 2 - after the removal of the upper daubing stratum.

Fig. 4. Nebelivka. Exploration of the mega-structure: 1-3 - general view of the excavation process; 4 - after ending of the clearing burnt daubing layer.

Fig. 5. Nebelivka. Mega-structure, the western part, burnt daubing: 1 - near elevation No.1; 2 - near elevation No.7; 3 - near elevation No.2, view from S.

Fig. 6. Nebelivka. Mega-structure, the western part, location of the main constructions: a - milling stone; b - clay bin with milling stone; c - elevation No.2; d - elevation No.4; de - threshold; e - podium; f - elevation No.1; g - elevation No.3; h - place with broken pots and bowls over the pit near elevation №5; i - elevation №5; j - elevation No.6; k - remains of clay arc; l, r - strips of burnt daubing at eastern part; m - threshold; n, o, p - thresholds; q - elevation No.7.

Fig. 7. Nebelivka. Mega-structure, the western part, round elevation: 1-2 - elevation and broken pots; 3 - elevation after removing of pottery.

Fig. 8. Nebelivka. Mega-structure, the western part, podium: 1, 2 - general view; 3, 4 - cross-sections; 5 - part near the wall.

Fig. 9. Nebelivka. Mega-structure, the western part, remains of a pithos near the podium: 1, 2 - fragments with decoration; 3 - remains of pithos and other pottery.

Fig. 10. Nebelivka. Mega-structure, the western part, pithoi: 1 - pieces of pithos after clearing; 2 - wreckage of the pithos in the course of picking; 3 - fragment of a pithos with decoration; 4 - broken small pithos.

Fig. 11. Nebelivka. Mega-structure, the western part, elevations on the ground surface: 1 - elevation №4; 2-3 - elevation No.2, general view and a fragment of the blade with rims; 4 - cross-section of elevation No.4; 5 - cross-section of elevation No.2.

Fig. 12. Nebelivka. Mega-structure, the western part of excavation, elevation No.2: 1 - general view, to the right – clay bin with milling stone; 2 - fragment of an edge of elevation No.2 with in-depth ornament; 3 - part of elevation No.2; 4 - explorations of elevation No.2.

Fig. 13. Nebelivka. Mega-structure, the western part of excavation: elevation №7: 1 - general view after clearing; 2 - after preparations to take as a monolith; 3 - fragment with decorations.

Fig. 14. Nebelivka. Mega-structure, the western part, clay bin: 1 - at the beginning of explorations; 2 - after the cleaning.

Fig. 15. Nebelivka. Mega-structure, the western part of excavation, clay bin with milling stone: 1 - corner and a broken pot inside; 2 - coating of the bottom and the remains of a construction in the center; 3 - fragment of a rim; 4 - corner.

Fig. 16. Nebelivka, Mega-structure, the western part of excavation, milling stone and remains of the second (?) rectangular structure.

Fig. 17. Nebelivka. Mega-structure, the western part of excavation, remains of thresholds: 1 - the main entrance on the east side; 2 - entrance to the left room.

Fig. 18. Nebelivka. Mega-structure, the western part of excavation, remains of the threshold from the western side.

Fig. 19. Nebelivka. Mega-structure, eastern part of excavation, strips of daubing: 1, 2, 4 - general views of the southern strip; 3 - cross-section of the northern strip.

Fig. 20. Nebelivka. Mega-structure, the western part of excavation: pottery among strata of burnt daubing.

Fig. 21. Nebelivka. Mega-structure, the western part of excavation: broken pottery and bowls over the pit near elevation No.5.

Fig. 22. Nebelivka. Mega-structure, the western part of excavation, finds: 1 - part of a necklace made of yellow metal; 2 - pendant made of the tooth of a predatory animal.

30.03.2013

Др. Михаил Видейко, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: wideiko@gmail.com

Проф. Джон Чапмен, Даремский университет, South Road Durham DH1 3LE Great Britain, Дарем, Великобритания, e-mail: j.c.chapman@durham.ac.uk

Др. Биссерка Гейдарская, Даремский университет, South Road Durham DH1 3LE Great Britain, Дарем, Великобритания, e-mail: b_gaydarska@yahoo.co.uk

Др. Наталья Бурдо, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com

Др. Эдуард Овчинников, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: ed.ovchin@gmail.com

Др. Галина Пашкевич, Институт ботаники им. Н. Г. Холодного, Национальная академия наук Украины, ул. Тетещенковская, 2, 01601 Киев, Украина, e-mail: pashkevich11@yandex.ua

Наталья Шевченко, Национальный Научно-исследовательский Реставрационный центр Украины, ул. Терещенковская, 9б, 01004 Киев, Украина, e-mail: natakornet@gmail.com

AŞEZĂRI CUCUTENIENE ÎN SPAŢIUL PRUTO-NISTREAN (ETAPA CUCUTENI A - TRIPOLIE BI). ASPECTE DIN ISTORICUL CERCETĂRILOR

Mariana Vasilache

Cercetarea aşezărilor cucuteniene cunoaşte o istorie de mai bine de un secol. De fiecare dată când se mai descoperea un sit, sau se mai cerceta sistematic o aşezare, accentele se puneau pe complexe şi cultură materială. Cu părere de rău, odată cu înaintarea cercetării arheologice a culturii Cucuteni, tot mai des apar întrebări privitoare la complexitatea aşezărilor, structură internă, algoritmi de dezvoltare a acestora ş.a. Astfel de concluzii pot fi trase fie doar în urma unor cercetări de amploare în cadrul a mai multe aşezări, fie prin cooptarea unor ştiinţe conexe care ne-ar putea oferi, în timp redus şi cu cheltuieli minime, rezolvarea obiectivelor propuse. Acest articol vine doar să facă o trecere în revistă a lucrărilor care au avut loc în cadrul aşezărilor etapei Cucuteni A din spaţiul pruto-nistrean cu menţionarea insuficienţei datelor deţinute la zi pentru realizarea unor concluzii privitoarea la evoluţia siturilor cucuteniene în etapa sus-menţionată.

Primele cercetări într-o aşezare cucuteniană din interfluviul pruto-nistrean au fost întreprinse în 1893 la Şipeniţ, Bucovina.

În Basarabia astfel de cercetări au avut loc la începutul sec. XX în aşezarea de la Petreni şi au fost realizate de către E. von Stern. Analiza minuţioasă a materialelor recoltate a permis cercetătorului să încadreze monumentul în mileniul III a. Chr. În comunicarea ţinută la Congresul al XII-lea de Arheologie de la Ecaterinoslav, din 1905, autorul a comparat materialele de la Petreni cu cele cunoscute în Grecia, Ungaria, România etc. şi a determinat locul acestora în sistemul culturilor cu ceramică pictată din ţările menţionate. Abundenţa ceramicii pictate în complexele descoperite l-a determinat să presupună că la Petreni se afla „un centru industrial de ceramică". O altă problemă abordată de E. von Stern a fost şi cea a atribuirii etnice a purtătorilor culturii cu ceramică pictată din estul şi sud-estul Europei (Sorochin 2002, 24).

Ulterior este cercetată şi staţiunea pluristratificată de la Nezvisko de către L. Kozlovski. În urma cercetărilor din această aşezare au putut fi obţinute informaţii valoroase cu privire la stratigrafia şi cronologia relativă a unor situri din bazinul de mijloc al Nistrului. În perioada anilor 1951, 1953-1954 şi 1956-1957 săpăturile de la Nezvisko sunt reluate de către E.K. Cernyš. Sunt atestate două nivele ale culturii Cucuteni-Tripolie. Cel inferior, unde au fost identificate şi construcţii, a fost atribuit etapei Cucuteni A - Tripolie BI.

În aceeaşi perioadă, în nordul Basarabiei activează C. Ambrojevici, N. Moroşan şi I. Moroşanu. Pe cursul râurilor Nistru şi Prut C. Ambrojevici descoperă mai multe situri, cercetându-l prin săpătură pe cel de la Darabani, în care a identificat două nivele cucuteniene, cel inferior aparţinând etapei Cucuteni A (Sorochin 2002, 25). N. Moroşan şi I. Moroşanu şi-au adus contribuţia la completarea informaţiilor prin identificarea şi localizarea mai multor situri, printre care şi cele cucuteniene de la Polivanov Jar, Naslavcea, Alexăndreni, Edineţ, Corpaci etc. (Sorochin 2002, 25).

A doua perioadă în studierea civilizaţiei Cucuteni-Tripolie cuprinde sfârşitul anilor '40 - mijlocul anilor '60 ai secolului al XX-lea. Perioada respectivă se distinge printr-o intensitate deosebită a cercetărilor. Într-un timp relativ scurt au fost descoperite şi cercetate prin săpături sistematice un număr mare de aşezări cucuteniene situate, cu precădere, în bazinul Nistrului. Numai în regiunea Cernăuţi (Ucraina), între anii 1948-1953, membrii şantierului condus de T.S. Passek au semnalat peste 130 staţiuni cucuteniene din diferite perioade de dezvoltare (Пассек 1961, 20).

În perioada construcţiei centralei de la Dubăsari, în anii 1952-1954, au fost făcute cercetări pe ambele maluri ale Nistrului de la Camenca până la Dubăsari, soldate cu descoperirea unor noi situri cucuteniene (Попова 1970, 8-14).

În afară de Nezvisko, în această perioadă au fost întreprinse săpături sistematice în aşezările etapei Cucuteni A - Tripolie BI de la Polivanov Jar, Jura şi Ruseştii Noi I.

Sfârşitul anilor ’50 şi începutul anilor ’60 ai sec. XX se remarcă prin cercetări periegetice efectuate de N.A. Chetraru, P.P. Bârnea, G.F. Cebotarenco, V.I. Marchevici ş.a. Ultimul descoperă în bazinele Răutului şi Ciornei situri arheologice din diferite perioade istorice, semnalând, în acelaşi timp, şi pe cele din etapa Cucuteni A: Putineşti II, Putineşti III, Ţipordei I, Răduleni I, Vădeni ş.a.

N.A. Chetraru a depistat în bazinul Prutului 46 situri, printre care le menţionează şi pe cele de la Costeşti VI, Costeştii Noi, punctul *Stânca Prutului* ş.a.

Investigaţiile arheologice în aşezările culturii Cucuteni-Tripolie din interfluviul Prut-Nistru, din anii ’40 - mijlocul anilor ’60 ai secolului trecut, au contribuit la lichidarea unor lacune din studiile anterioare. În urma acestor cercetări, schema periodizării propusă de T.S. Passek în 1949 capătă, astfel, un nou conţinut cultural şi se apropie de cea elaborată de H. Schmidt şi este completată, ulterior, de arheologii români.

Ultima perioadă în cercetarea culturii Cucuteni începe la mijlocul anilor ’60 ai secolului XX. În acest timp în investigaţiile arheologice se introduc pe scară largă cercetările interdisciplinare. În studierea civilizaţiei cucuteniene încep a fi folosite metodele aerofotometriei, determinării rezistivităţii solului, cercetări palinologice, arheozoologice şi paleobotanice, geologice, geomagnetice. În această perioadă sunt semnalate pe cale periegetică staţiunile Bolboci I, Cremenciuc I, Bădragii Noi I, Bogdăneşti IX ş.a. (Бейлекчи, Бырня 1969; Sorochin 2002, 28).

În anii 1970 s-au efectuat săpături sistematice în aşezările Cuconeştii Vechi I, Duruitoarea Nouă şi Brânzeni IV.

În ceea ce priveşte teritoriul Republicii Moldova, cercetări aerofotometrice au fost întreprinse în perioada anilor 1970-1980 de către cercetătorul K.V. Šiškin, perioadă în care acesta cercetează aşezarea de la Petreni stabilind, în urma descifrării fotografiilor aeriene, planul aşezării (Маркевич 1981, 18; Бикбаев 2007, 11).

În periodizarea aşezărilor de la est de Prut E.K. Černyš a folosit schema lui Vl. Dumitrescu, prima etapă fiind divizată în patru faze.

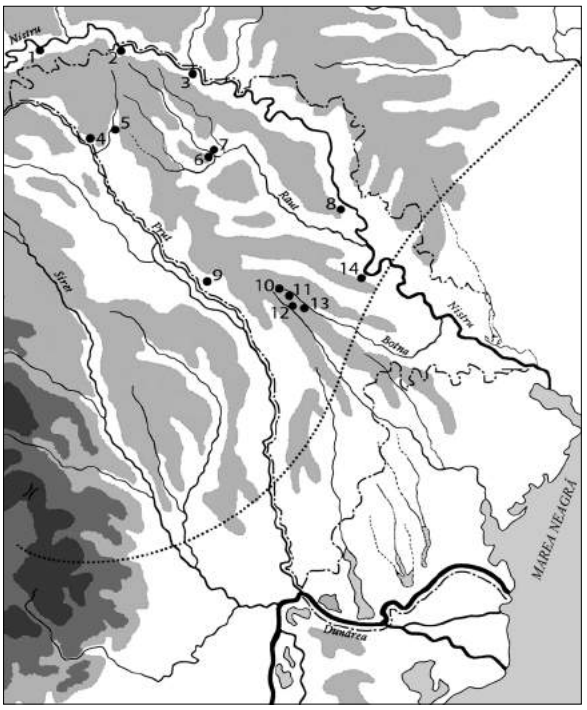


Fig. 1. Harta Aşezărilor etapei Cucuteni A.

Cercetările arheologice din ultimii ani au adus date noi, mai complete, cu privire la aşezările şi fortificaţiile acestei culturi, pe de o parte prin inventarierea şi descoperirea unor noi vestigii, pe de altă parte prin informaţiile cu privire la tipurile de aşezări şi organizarea lor internă.

Din cele 99 aşezări cunoscute în spaţiul Prut-Nistru, parţial au fost cercetate doar 14.

În aşezările etapei Cucuteni A din interfluviul pruto-nistrean săpături mai ample au fost efectuate la Cuconeştii Vechi I, Druţa, Putineşti II, Putineşti III şi Polivanov Jar (fig. 1) (Sorochin 1997, 75).

Aşezarea Polivanov Jar, cu vestigii din mai multe perioade istorice, se află în apropierea satului Molodova, raionul Kelmenęk, reg. Cernăuţi, şi este situată pe un promontoriu de pe malul drept al Nistrului (la înălţimea de peste 100 m de la nivelul apei), protejat din trei părţi de râpe şi o pantă abruptă. Investigaţiile au fost întreprinse de T. Passek în anii 1949-1951. În urma săpăturilor au fost documentate trei nivele ale culturii Cucuteni-Tripolie (etapele Cucuteni A, A-B, B). În nivelul inferior (Polivanov Jar III) au fost sesizate două orizonturi de construcţii, reprezentate de o locuinţă de suprafaţă şi un semibordei. Din acest nivel provine o probă ^{14}C (3490 ±70 a. Chr.). Asupra

materialelor de la Polivanov Jar a revenit în repetate rânduri T.A. Popova (Попова 1970, 8-13).

În anii 1952-1954 S.N. Bibikov cercetează aşezarea de la Jura (Râbniţa). Situl este localizat pe malul râului Nistru, la 35 km de la staţia Râbniţa şi la 1,5 km S-E de localitatea eponimă. Resturile a cinci platforme de lut se aflau sub un strat de depuneri aluvionare de 5-7 m. Dintre acestea au fost cercetate platformele I, III, IV, V cu o suprafaţă totală de 220,45 m² (locuinţa I – 42 m²; locuinţa III – 83,2 m²; locuinţa IV – 64,25 m²; locuinţa V – 31 m²). În urma cercetărilor din această perioadă nu a fost posibilă stabilirea planului aşezării. Locuinţele cercetate erau amplasate într-un singur rând de-a lungul malului râului Nistru (Бибиков 1954; Пассек 1955).

Aşezarea de la Cuconeştii Vechi I (Edineţ) din etapa Cucuteni A_3 se găseşte în punctul *Stânca lui Harascu* şi este situată pe un promontoriu format de malul stâng al Prutului şi al afluentului Racovăţ, la 0,5 km spre est de localitatea eponimă şi a fost descoperită de către fraţii Nicolae şi Ion Moroşanu în anul 1925. Situl a fost cercetat de V.I. Marchevici în anii 1973-1976, fiind degajate patru locuinţe-platforme şi un semibordei, descopertând, astfel, o suprafaţă totală de aproximativ 300 m² (fig. 2). Locuinţele de suprafaţă sunt de formă rectangulară cu următoarele dimensiuni: locuinţa I – 56 m²; locuinţa II – 97,75 m²; locuinţa III – 67,2 m²; locuinţa IV – 40,8 m²; locuinţa semibordei – 5×6 m. În urma cercetărilor a fost stabilită dispunerea acestora în şir (Sorochin 1997, 75; Маркевич 1977).

Aceeaşi modalitate de amplasare a locuinţelor a fost identificată şi la Duruitoarea Nouă I (Râşcani), sit descoperit în anul 1973 de către V.I. Marchevici. Aşezarea se află pe prima terasă a râului Ciugur şi a fost cercetată de E.K. Černyš în anul 1974 (etapa Cucuteni A_4, după Vl. Dumitrescu). În această perioadă au fost descoperite trei locuinţe de suprafaţă cu dimensiunile de 40-88 m². Suprafaţa totală excavată a fost de 210 m². Pe perimetrul unor locuinţe au fost observate urme de pari de la împletitura din nuiele de la pereţi şi amprente de scânduri. După cum a subliniat E.K. Černyš, locuinţele erau aranjate în grupuri. Amplasarea caselor în şiruri este demonstrată şi de staţiunea de la Putineşti III, toate datând din etapa Cucuteni A_4 (Sorochin 1997, 77; Черныш, Маркевич 1976).

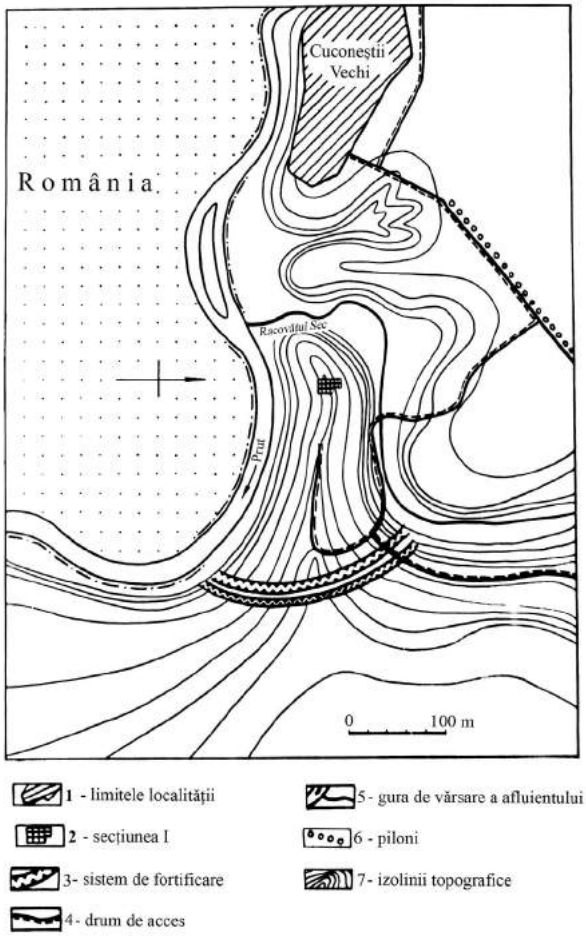


Fig. 2. Cuconeştii Vechi I. Localizarea sitului şi a secţiunii investigate.

Aşezarea Jora de Sus *„Pe şes”* (Orhei) a fost descoperită de către I. Borziac şi I. Manzura în anul 1980. Situl se află la 500 m spre vest de la marginea localităţii eponime, pe un promontoriu format de malul drept al râului Nistru. Un an mai târziu, în 1981, V. Sorochin cercetează prin săpătură aşezarea decopertând două locuinţe de suprafaţă şi două gropi gospodăreşti. Suprafaţa totală cercetată – 200 m² (fig. 3) (Сорокин 1982).

Situl de la Brânzeni IV (Edineţ) a fost descoperit în anul 1970 de către V.I. Marchevici. Aşezarea se află pe un promontoriul în partea de est a localităţii eponime. În anul 1981 în cadrul cercetării sistematice a aşezării Brânzeni IX *„Valea Bucşii”* (fig. 4) a fost descoperită în profilul uni mal surpat o groapă cu diametrul de 2,12 m şi adâncimea de 1,89 m. Materialul provenit din complex, şi anume fragmente ceramice aparţinând a 23 de vase, a permis încadrarea acesteia în etapa Cucuteni A (Маркевич 1982).

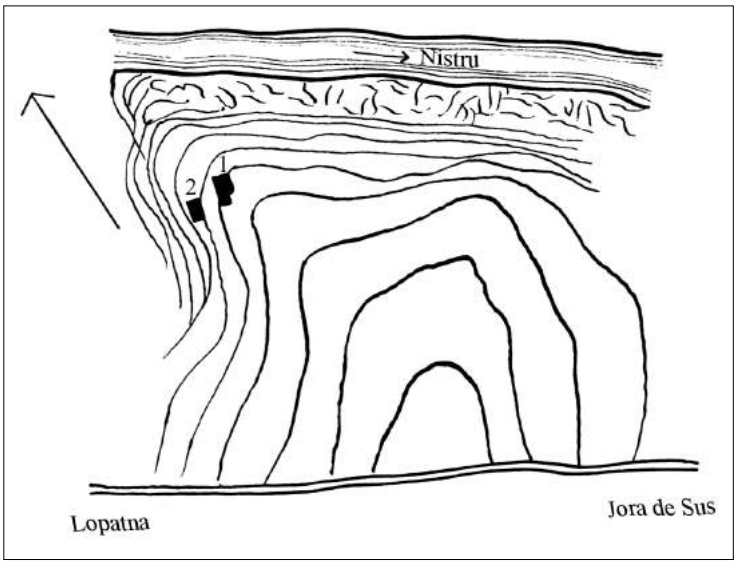


Fig. 3. Jora de Sus. Localizarea sitului şi a secţiunii investigate.

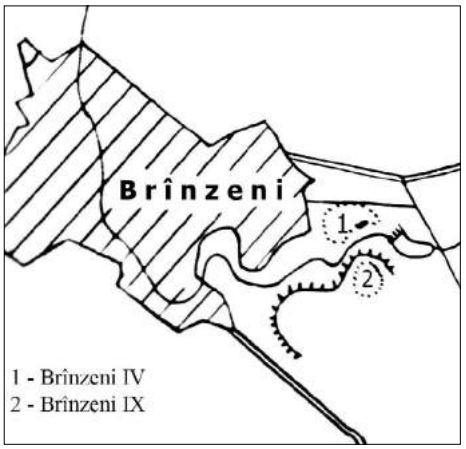


Fig. 4. Brânzeni. Localizarea sitului şi a secţiunii investigate.

Staţiunea de la Druţa I (Râşcani) este situată pe un promontoriu înalt de 80 m, de la confluenţa pâraielor Ciugureţ şi Ciugur, cu o suprafaţă de 2 ha. Aşezarea a fost descoperită în anul 1982. Săpăturile au fost întreprinse de N.V. Ryndina în anii 1983-1984 şi au fost cercetate cinci locuinţe de suprafaţă. Casele sunt de formă rectangulară şi au dimensiunile de 43-112 m². Acestea erau repartizate în grupuri compacte, iar distanţa dintre ele nu depăşea 1,5 m. Se presupune că astfel de grupuri în aşezare erau nu mai puţine de cinci, iar numărul locuitorilor staţiunii era de 100-200 oameni. A fost cercetată o suprafaţă de aproximativ 180 m² (fig. 5). Aşezarea este încadrată de autoarea săpăturilor în etapa Cucuteni A_3 (Sorochin 1997, 76; Маркевич 1983).

Aşezarea pluristratificată Putineşti II a fost descoperită în anul 1955 de către V.I. Marchevici. Aceasta se află la 1 km spre este de biserica din localitatea eponimă pe prima terasă a râului Răut. În anii 1989-1991 în cadrul sitului au loc investigaţii arheologice fiind identificate vestigiile a trei bordeie, dintre care unul, în baza inventarului litic, a fost identificat drept atelier de prelucrare a silexului şi două locuinţe de suprafaţă din etapa Cucuteni A (Sorochin 2002, 30; Сорокин 1990).

Aşezarea Putineşti III (Floreşti) a fost semnalată de V.I. Marchevici, de asemenea, în anul 1955 şi este localizată în punctul *Pe şes*, la 6 km vest de sat, pe malul drept al râului Cubolta. Pe laturile de nord şi de vest aşezarea este protejată de pante abrupte, accesul făcându-se dinspre laturile de sud şi de est (fig. 6). Săpăturile au fost întreprinse în anii 1989-1991 sub conducerea lui Victor Sorochin. Au fost cercetate vestigiile a cinci locuinţe de suprafaţă şi a două semibordeie. Locuinţele de suprafaţă sunt de formă dreptunghiulară şi

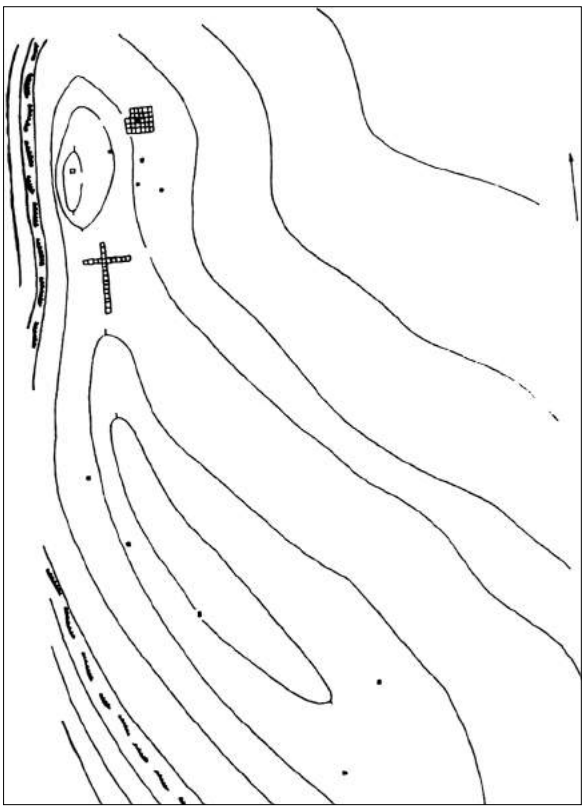


Fig. 5. Druţa I. Localizarea sitului şi a secţiunii investigate.

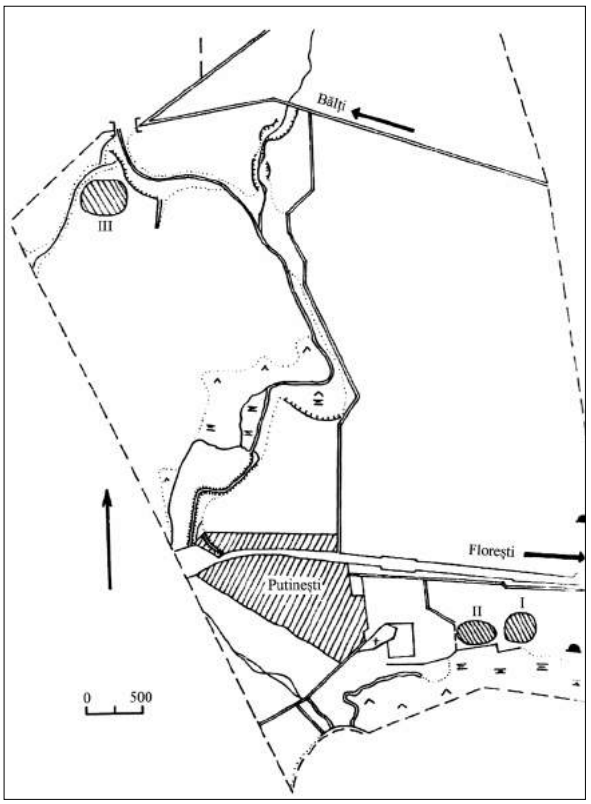


Fig. 6. Putineşti. Localizarea siturilor.

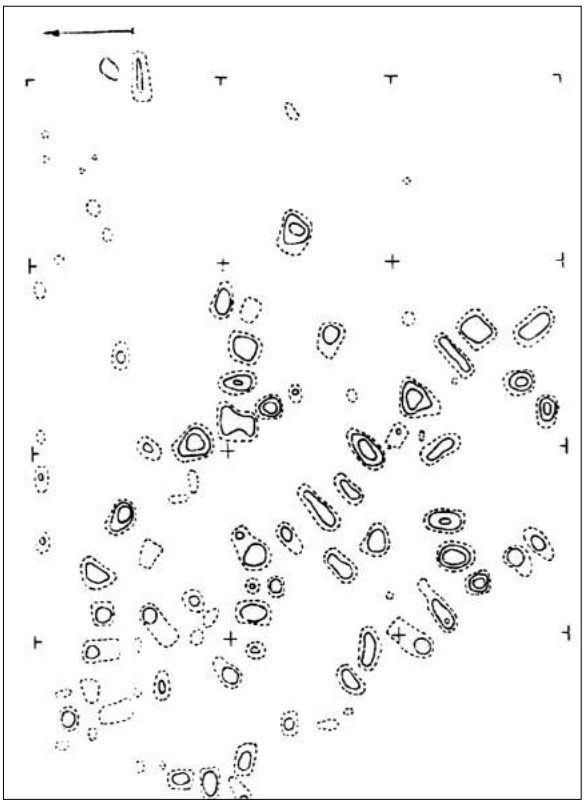


Fig. 7. Putineşti III. Planul organizării locuinţelor.

dimensiunile lor oscilează între 35-97 m². Semibordeiele au formă ovală sau rectangulară, cu colţurile rotunjite. În 1989 staţiunea a fost cercetată de V.P. Dudkin prin metoda determinării rezistivităţii solului. Astfel s-a constatat că satul eneolitic ocupa o suprafaţă de 5 ha şi era format din 95 de construcţii. Locuinţele erau dispuse în trei şiruri paralele. Trebuie să menţionăm faptul că, totodată, locuinţele sunt grupate în jurul unor curţi fără construcţii. În partea de nord a aşezării casele formează un semicerc. Investigaţiile arheologice au confirmat dispunerea construcţiilor în teren (fig. 7) (Sorochin 2002).

Ultima modalitate de organizare a unui sat eneolitic a fost atestată în aşezarea de la Corlăteni (Râşcani), cercetată de V.M. Bicbaiev prin metoda aerofotogrametriei. Staţiunea este situată pe un promontoriu de la confluenţa râurilor Răut şi Copăceanca. Construcţiile sunt dispuse în cerc (Sorochin 1997, 78).

În urma analizei datelor referitoare la morfologia şi tipologia aşezărilor cucuteniene, C.M. Mantu deosebeşte mai multe modalităţi de grupare a acestora în funcţie de diferiţi parametri:

– poziţie (înalte, mijlocii, joase), cu precizarea că mai multe erau situate mai ales pe înălţimi sau locuri dominante ce asigurau o bună vizibilitate în jur, dând posibilitatea unei apărări mai uşoare;
– structură (compacte şi dispersate);
– durată (permanente şi sezoniere);
– întindere (mici până la 1 ha, mari între 2-5 ha şi foarte mari, peste 40 ha);
– ierarhie (principale şi secundare) (Monah, Cucoş 1985, 40-51; Lazarovici, Lazarovici 2007, 160).

Gh. Lazarovici menţionează în una din lucrările sale faptul că aşezările cucuteniene ar fi avut un plan prestabilit în ceea ce priveşte organizarea internă, amplasarea locuinţelor şi principiile de orientare a acestora (Lazarovici, Lazarovici 2007, 171). Dispunerea locuinţelor în şiruri paralele este caracteristică şi pentru aşezarea de la Putineşti III – 95 construcţii dispuse pe trei şiruri paralele (Sorochin 1997, 30).

În staţiunile unde au fost efectuate săpături sau prospecţiuni au fost identificate şi fortificaţii.

Tehnica şi principiile de fortificare a aşezărilor cucuteniene au fost studiate şi în cadrul monumentelor precucuteniene. Totuşi, pentru perioada eneoliticului mijlociu pot fi evidenţiate şi aspecte distincte în ceea ce priveşte sistemul defensiv al siturilor (Florescu 1966; Lazarovici, Lazarovici 2007, 161).

Fortificaţiile multor aşezări constau din val, şanţ şi palisadă. În cadrul unor situri au fost identificate şi sisteme complexe formate din două-trei şanţuri şi palisade (Mantu 1998, 51).

Deşi este acceptată şi ipoteza simplistă conform căreia aşezările puteau fi împrejmuite cu un simplu gard împletit din pari şi nuiele, ale căror urme de cele mai multe ori, neputând fi identificate vizual în cadrul cercetării arheologice. Probabil, pentru unele aşezări cu o importanţă deosebită – centre tribale, puncte de observaţie şi control pentru zonele cu materie primă sau provizii, au fost construite şi sisteme de fortificaţie mai elaborate: şanţ, val şi contraval (Bem 2001, 77-78).

Datorită amplasării unor aşezări în anumite puncte-„cheie" de dominare vizuală a unor zone acestora le-a fost atribuit rolul de protecţie (Bem 2001, 78).

Deşi au fost cercetate mai multe aşezări, sistematic sau prin şurfare acestea au vizat, de cele mai multe ori, studierea unor complexe-platforme şi, parţial, sisteme defensive. De cele mai multe ori interspaţiile dintre platforme sau complexe nu au fost cercetate, astfel nefiind surprinse urme ale căilor de acces *în* şi *din* aşezările fortificate. Concluziile parvenite fiind făcute doar în baza unor supoziţii, de exemplu, „construcţii uşoare, probabil din lemn" (Lazarovici, Lazarovici 2007, 162).

Dat fiind faptul că aşezările etapei Cucuteni A erau amplasate, de obicei, pe boturi de deal sau promontorii care le ofereau protecţie naturală, lucrările de fortificare şi amploarea acestora, dimensiunile şi complexitatea sistemelor obţinute, nu par să fi avut un rol de fortificaţii artificiale care ar fi putut păzi comunitatea în caz de conflicte militare. Mai mult, realizarea unor concluzii privind sistemele de fortificare ale aşezărilor etapei Cucuteni A din spaţiul pruto-nistrean va fi posibilă doar în cazul efectuării unor investigaţii sistematice a acestor obiective.

Între aşezările prevăzute cu un sistem de două şanţuri de apărare, identificate prin săpătură sau în urma studierii fotografiilor aeriene, trebuie amintite cele de la Polivanov Jar, Cuconeştii Vechi şi Sofia III (Пассек 1953; Sorochin 1997; Popovici 2003; Lazarovici, Lazarovici 2007, 167).

În urma trecerii în revistă a aşezărilor investigate pe teritoriul Republicii Moldova, a suprafeţei şi a complexităţii cercetărilor, amploarea investigaţiilor vin să demonstreze că toate informaţiile şi datele pe care le deţinem în acest moment nu ne pot permite realizarea unor concluzii fundamentate în ceea ce priveşte logica amplasării siturilor, rolul locurilor alese pentru construcţie, vizibilitatea între aşezări etc. Datele cu care am operat până acum ne confirmă doar, la nivel micro, încadrarea cultural-cronologică a aşezărilor investigate. Majoritatea lucrărilor care au fost editate drept rezultat al investigaţiilor sus-menţionate au punctat mai ales pe segmentul de cultură materială repartizată pe complexe. În schimb, imperativul cercetării din ultimii ani vizează studierea aşezărilor la nivel macro, integrarea acestora în zone studiate, interrelaţiile dintre situri, o arheologie spaţială mai mult decât orice altceva. Cu părere de rău, doar cercetarea clasică arheologică nu ne mai permite acumularea informaţiilor exhaustive privitoare la o aşezare, în totalitatea ei, sau doar la unele obiective din interiorul/exteriorul acesteia.

Mai mult, dacă ar fi să respectăm ultimele tendinţe în materie de cercetare ştiinţifică, de protecţie şi valorificare a patrimoniului arheologic atunci doar apelarea la cercetarea interdisciplinară ar putea oferi răspunsuri la întrebările care ne preocupă şi ar putea oferi soluţii care, deşi, nefiind elaborate pentru ştiinţa arheologică propriu-zisă, se pliază foarte bine pe problemele cu care aceasta se confruntă.

Bibliografie

Bem 2001: C. Bem, Les fortifications de l'aire Precucuteni et Cucuteni. Entre les axiomes et archétypes. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos XVI-XVII, 2001, 53-98.

Lazarovici, Lazarovici 2007: C.-M. Lazarovici, G. Lazarovici, Arhitectura neoliticului şi epocii cuprului din România, vol. I, II (Piatra Neamţ 2007).

Mantu 1998: C.-M. Mantu, Cultura Cucuteni. Evoluţie, cronologie, legături (Piatra Neamţ 1998).

Monah, Cucoş 1985: D. Monah, Şt. Cucoş, Aşezările culturii Cucuteni din România (Iaşi 1985).

Popovici 2000: D.N. Popovici, Cultura Cucuteni. Faza A. Repertoriul aşezărilor (1) (Piatra Neamţ 2000).

Sorochin 1997: V. Sorochin, Consideraţii referitoare la aşezările fazei Cucuteni A - Tripolie BI din Ucraina şi Republica Moldova. Memoria Antiqvitatis XXI, 1997, 7-85.

Sorochin 2002: V. Sorochin, Aspectul regional cucutenian Drăguşeni-Jura (Piatra-Neamţ 2002).

Бейлекчи, Бырня 1969: В.С. Бейлекчи, П.П. Бырня, Материалы к археологической карте Молдавии (итоги разведочных работ 1959 г.). В сб.: МИАЭ Молдавской ССР, (Кишинев 1969), 263-284.

Бибиков 1954: С.Н. Бибиков, Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 году. В сб.: КСИИМК, вып. 56 (Москва 1954), 104-110.

Бикбаев 2007: В. Бикбаев, «Башни Петрен» (от археологической интерпретации аэрофотоснимков к реконструкции жизни кукутень-трипольских поселений). Tyragetia s.n. 1, vol. I [XVI], 2007, 9-26.

Маркевич 1977: В.И. Маркевич, Отчет Молдавской неолитической экспедиции о работах полевого сезона 1976 г. (Кишинёв 1977). Архив НМИМ, №119.

Маркевич 1981: В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена Северной Молдавии (Кишинев 1981).

Маркевич 1982: В.И. Маркевич, Раскопки на поселении Брынзены IV (яма этапа В I) в 1981 г. (Кишинёв 1982). Архив НМИМ, №188/II.

Маркевич 1983: В.И. Маркевич, Отчет о полевых исследованиях в 1982 г. (Кишинёв 1983). Архив НМИМ, №189.

Пассек 1953: Т.С. Пассек, Периодизация Трипольских поселений (III-II тысячелетие до н.э.) (Москва-Ленинград 1953).

Пассек 1955: Т.С. Пассек, Отчет о работе Молдавской археологической экспедиции Института истории материальной культуры и молдавского филиала АН СССР в зоне затопления Дубоссары ГЭС в 1954 г. (Кишинёв 1955). Архив НМИМ, №373.

Пассек 1961: Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, №84 (Москва 1961).

Попова 1970: Т.А. Попова, Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр. КСИА 123, 1970, 8-14.

Сорокин 1990: В.Я. Сорокин, Отчет о полевых исследованиях Трипольской экспедиции в 1989 г. (Кишинёв 1990). Архив НМИМ, №303.

Сорокин 1982: В.Я. Сорокин, Отчет о полевых исследованиях Оргеевской археологической экспедиции в 1981 г. (Кишинёв 1982). Архив НМИМ, №170.

Черныш, Маркевич 1976: Е.К. Черныш, В.И. Маркевич, Отчет о совместных полевых исследованиях, проведенных в 1975 году Молдавской археологической экспедицией и Молдавской неолитической экспедицией (Кишинёв 1976). Архив НМИМ, №106.

Établissements cucuteniens dans l'espace d'entre Prut et Dniestre (étape Cucuteni A- Tripolie BI). Aspects de l'histoire de la recherche

Résumé

Pour la mésopotamie d'entre Prut et Nistru on connait 99 points encadrées dans la prémiere phase de développement, l'étape Cucuteni A. De ce nombre, seulement 14 ont déjà été étudiés. Les premières investigations dans un établissement cucutenien dans l'interfluve Prut-Dniestr ont été organisée en 1893 à Şipeniţ, Bucovine et ils continuent, avec quelques interruptions, jusqu'à nos jours.

Dans les stations où des fouilles considérables ont été déployés ont été identifiées des fortifications.

Il s'agit des restes d'établissements situées dans des lieus naturellement fortifiées, traces des logements enterées or construites sur la surface.

L'habitat cucutenien de l'étape A du territoire de la Moldavie, sous tous ses aspects, s'intègre parfaitement équilibré dans la complex Ariusd-Cucuteni-Tripolye, apportant une note personnelle et spécifique à cette grande civilisation.

Liste des illustrations:

Fig. 1. Carte d'établissements de l'étape Cucuteni A.

Fig. 2. Cuconeştii Vechi I. L'emplacement du site et les section d'investigation.

Fig. 3. Jora de Sus. L'emplacement du site et les section d'investigation.

Fig. 4. Brânzeni. L'emplacement du site et les section d'investigation.

Fig. 5. Druţa I. L'emplacement du site et les section d'investigation.

Fig. 6. Putineşti. L'emplacement du site.

Fig. 7. Putineşti III. Plan d'organisation des habitations.

Поселения этапа Кукутень А - Триполье BI в Пруто-Днестровском междуречье. Аспекты истории исследования

Резюме

На территории Пруто-Днестровского междуречья было обнаружено 99 поселений, относящихся к первой фазе развития кукутенской культуры – этапу Кукутень А. Из них только 14 были изучены. Раскопки на трипольском поселении Пруто-Днестровского междуречья были проведены впервые в 1893 году в Шипенцах (в 15 км к северо-западу от Черновиц, Буковина) и продолжаются, с некоторыми перерывами, до сегодняшнего дня.

На участках, где были произведены значительные раскопки, были выявлены системы укреплений.

Это остатки населенных пунктов, расположенных в естественно укрепленных местах, следы наземных жилищ или углубленных землянок.

Трипольский хабитат на территории Молдовы во всех его аспектах вписывается в Ариушд-Кукутень-Трипольский комплекс, сохраняя свою специфику и значение в рамках этой великой цивилизации.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта поселений этапа Кукутень А.

Рис. 2. Куконештий Векь I. Расположение поселений и исследованного разреза.

Рис. 3. Жора де Сус. Расположение поселений и исследованного разреза.

Рис. 4. Брынзень. Расположение поселений и исследованного разреза.

Рис. 5. Друца I. Расположение поселений и исследованного разреза.

Рис. 6. Путинешть. Расположение поселений.

Рис. 7. Путинешть III. План расположения жилищ.

20.05.2013

Mariana Vasilache, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, st. 31 August, 121-A, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: marianavasilake@gmail.com

СЛЕДЫ РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НА КРУПНОМ ТРИПОЛЬСКОМ ПОСЕЛЕНИИ МАЙДАНЕЦКОЕ

Наталия Бурдо

Поселение у с. Майданецкое Тальновского района Черкасской области является одним из наиболее хорошо исследованных поселений-гигантов трипольской культуры. Такие мега-поселения площадью от 100 до 300 га были обнаружены преимущественно на территории буго-днепровского междуречья в результате изучения аэрофотоснимков военным топографом К.В. Шишкиным в конце 60-х – начале 70-х годов. Продолжающиеся с тех пор исследования трипольских мега-поселений (Видейко 2013, 70-84) предоставляют множество данных, позволяющих, кроме остальных проблем, рассматривать также вопросы реконструкции некоторых сторон сакральной практики жителей этих поселков, интерпретируемых как протогородские центры (Відейко 2002).

В 80-е годы XX в. ставился вопрос об иерархии святилищ и культовых мест на крупных трипольских поселениях. Предполагалось наличие центрального (общепоселенческого), родовых, большесемейных святилищ. С родовыми и большесемейными святилищами связываются некоторые постройки поселения Майданецкое («Е», «Ж», «П»), в которых выявлены культовые ямы, а также жилища с крестообразными алтарями. Каждое трипольское поселение рассматривалось как грандиозный культовый объект, так как уничтожалось в ритуальном пожаре (Шмаглий, Видейко 1987).

Поселение Майданецкое относится к томашевской локально-хронологической группе Триполья С I. Получены радиоуглеродные даты - Bln 2087: 4890±50 BP и Ki 2012: 4600±80 BP. Исследования на памятнике проводились восемнадцать полевых сезонов (с 1971 по 1991 г.) Трипольской комплексной экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Н.М. Шмаглия. За это время были исследованы частично или полностью 34 постройки, интерпретируемые как жилищно-хозяйственные комплексы (ЖХК), 25 различных ям и углублений. В результате раскопок были получены десятки тысяч фрагментов керамики, сотни развалов сосудов, коллекция зооморфной и антропоморфной пластики (Шмаглий, Видейко 2001-2002, 48-50). В результате геомагнитной съемки, проведенной В.П. Дудкиным, был получен план поселения (рис. 1), позволивший определить его площадь и структуру застройки (Дудкин 1978).

В 2011-20012 гг. исследования в Майданецком были возобновлены. Украинско-германской экспедицией проведена широкомасштабная геомагнитная съемка, в целом подтвердившая планиграфическую структуру поселения, а также показавшая ее большую сложность по сравнению с полученными ранее данными (Бурдо и др. 2012, 265-280).

Раскопанные в разных частях поселения Майданецкое жилища (жилищно-хозяйственные комплексы) обозначались буквами русского

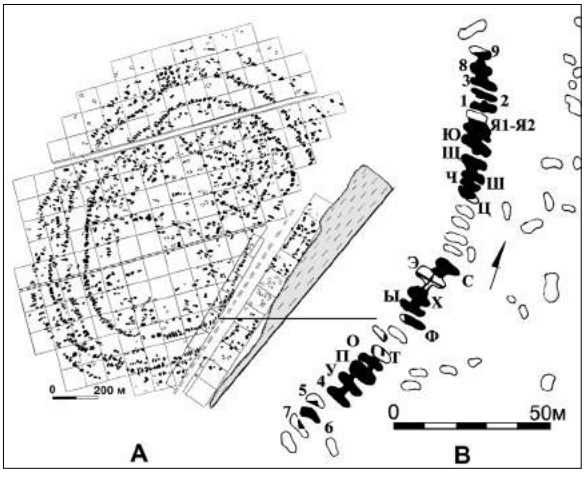
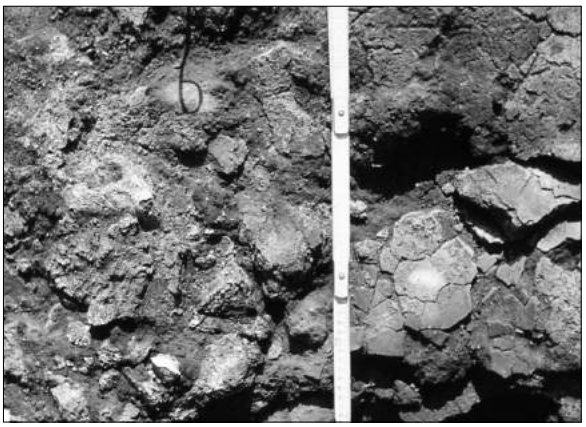
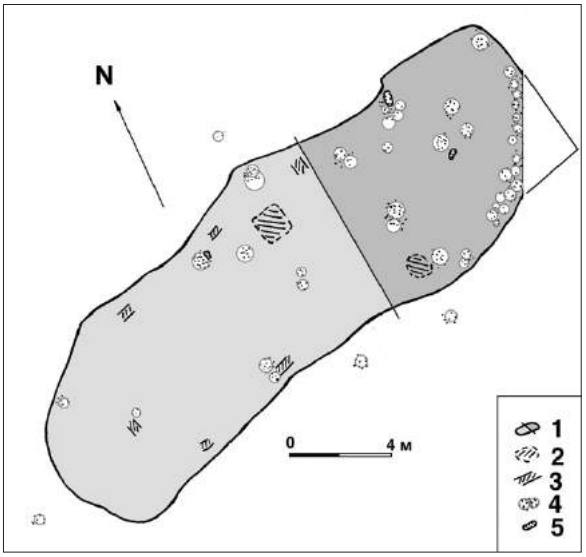


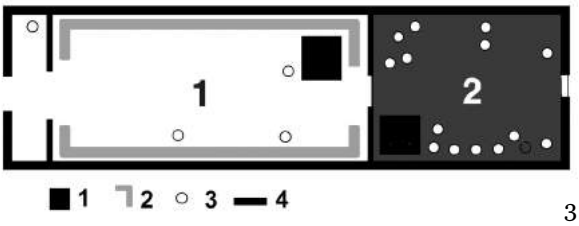
Рис. 1. План мегапоселения Майданецкое:
А - геомагнитная съемка В.П. Дудкина; В - участок плана, на котором производились раскопки построек.



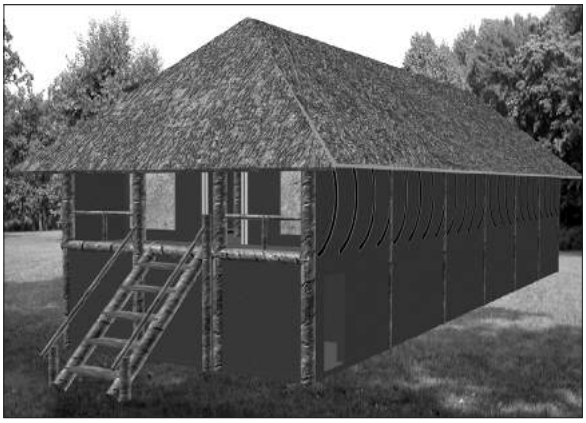
1



2



3



4

Рис. 2. Постройка «М»: 1 - окрашенные участки пола второго этажа; 2 - план постройки на уровне второго этажа (1 - контуры залегания скопления обожженной глины; 2 - возвышения; 3 - остатки конструкции подиума; 4 - развалы сосудов; 5 - зернотерки); 3 - реконструкция планировки второго этажа (1 - возвышения; 2 - подиум; 3 - развалы сосудов; 4 - стены и простенки); 4 - предположительная реконструкция внешнего вида постройки «М».

алфавита и цифрами. Обратимся к наиболее интересным данным, зафиксированным при раскопках объектов, позволяющим судить о ритуальной деятельности жителей этого крупного поселения.

В жилище «Л», расположенном в центральной части поселения, отличавшимся небольшой для здешних построек площадью в 66 м², в одном из помещений нижнего этажа найдены лежащие в ряд оттяжки от стоявшего здесь вертикального ткацкого станка. Рядом находилась антропоморфная статуэтка, несколько раздавленных сосудов, нижний камень зернотерки.

Жилищно-хозяйственный комплекс «Ж», относящийся к центральному овалу застройки поселения, перекрытый курганом бронзового века, состоял из четырех глинобитных построек, построенных близко одна к другой и соединявшихся на уровне верхних этажей переходами. На нижнем этаже зафиксировано размещение вертикальных ткацких станков, раздавленные сосуды, зернотерки. Второй этаж одного из домов был разделен на два помещения, в которых были очажные возвышения. В одном из помещений, кроме того, выявлены такие детали интерьера, как тарные сосуды-пифосы, изготовленные из глины с примесью половы, глиняный алтарь, а также раздавленные сосуды. В другом помещении обнаружены следы двух пифосов, специальное место в виде ограждения из глины, в которое была вмонтирована зернотерка, раздавленные сосуды. В помещениях второго этажа других домов зафиксировано два глиняных возвышения, алтарное возвышение, рядом – раздавленные расписные сосуды.

1

2

Рис. 3. Находки из жилого комплекса «Ж»: 1 - медное тесло; 2 - клад подвесок из зубов оленя в сосуде.

В жилом комплексе «Е», входившем во второй овал застройки Майданецкого, на первом этаже выявлена яма, глиняное возвышение, отдельные раздавленные сосуды. На втором этаже было два помещения с очажными возвышениями и раздавленными сосудами. В одном из помещений найдены оттяжки от вертикального ткацкого станка.

На поселении был исследован участок второго овала застройки, в котором сооружения были расположены одно возле другого и составляли единую структуру. Здесь к наиболее выразительным деталям интерьера относятся обогревательные конструкции в виде глиняных возвышений и подиум в помещениях постройки №4. На уровне верхнего этажа эта постройка была связана с соседним жилищем «У». Соседнее жилище «П» расположено параллельно длинной оси жилища «У». В нем также на втором этаже выявлено глиняное возвышение, на котором находилось два раздавленных сосуда, а также подиум длиной 4 м, шириной 0,4 м, высотой 0,2 м, возведенный, вероятно, вдоль перегородки, разделявшей помещения второго этажа. Рядом выявлены остатки пифоса и раздавленные сосуды. В соседнем помещении были два прямоугольных глиняных возвышения и две группы оттяжек от вертикальных ткацких станков. На первом этаже этого жилого комплекса зафиксированы несколько раздавленных сосудов, расположенных на расстоянии 1 м от края ямы.

Следующим жилым комплексом, расположенным рядом, было жилище «О». На нижнем этаже тут выявлены раздавленные зерновики, миски, камни зернотерок, ограждение из глины с зернотеркой, расположенное рядом с ямой, вырытой в земляном полу. В заполнении ямы в верхнем слое выявлены обожженные глиняные конструкции межэтажного перекрытия, ниже найдены фрагменты керамики со следами копоти, кости животных, обожженные фрагменты зернотерок.

На уровне второго этажа постройка соединялась с соседними домами «П» и «Т», а постройка «Ф» – с жилищем «Ы». В нем в помещении второго этажа зафиксировано два возвышения, рядом с одним из них стоял пифос и находилось глиняное ограждение с зернотеркой. Раздавленные сосуды концентрировались вдоль длинной стены дома. На нижнем этаже выявлено глиняное возвышение и несколько развалов сосудов.

Жилище «Ы» объединялось перемычкой с домом «Х», на втором этаже которого зафиксировано очажное возвышение, подиум, раздавленные сосуды. Рядом с торцевой частью этой постройки найден сосуд с костями крупного рогатого скота.

Жилище «Х» в свою очередь соединялось с соседними жилищами «Э» и «С». На нижнем этаже тут выявлены развалы сосудов и зернотерки. На верхнем этаже – очажное возвыше-

ние, раздавленные сосуды, зернотерки, следы ткацкого станка.

В этом же ряду построек с перерывом в 40 м исследовано жилище «Ц». В нем на первом этаже были найдены развалы сосудов, зернотерки, а на втором – развалы сосудов, зернотерки и очажное возвышение. Перемычка объединяла жилища «Ц» и «Ч». В жилище «Ч» выявлено возвышение на втором этаже, оно соединялось с соседним жилищем «Ш». В нем была исследована овальная в плане яма размерами 5, 16×3,2 м, заполненная в верхней части обломками глиняной забутовки межэтажного перекрытия. Ниже заполнение насыщено пеплом, фрагментами сосудов, костями животных. Дом «Ш» соединялся перемычкой с жилищем «Щ», где выявлен традиционный интерьер: на втором этаже очажное и алтарное возвышения, раздавленные сосуды. На нижнем этаже выявлена группа раздавленных сосудов, а в центре постройки – стопка из мисок и целый сосуд. Кроме того, тут найдены обломки зернотерок, каменный пест, оттяжка ткацкого станка, лощило, миниатюрный сосудик, заполнений мелкими ракушками.

На уровне второго этажа жилище «Щ» соединялось переходами с соседними домами «Ш» и «Ю». В жилище «Ю» обнаружены очажное и алтарное возвышения, обломки пифоса, раздавленные сосуды, 63 оттяжки вертикального ткацкого станка, лежащие в четыре ряда. Оно соединялось на уровне второго этажа с жилищем «Я1».

В жилище «Я1» на втором этаже размещались раздавленные сосуды, очажное возвышение, подиум. На уровне второго этажа жилища «Я1» и «Я2» соединялись коридором вдоль длинных стен сооружений. Перемычка на уровне второго этажа соединяла дома «Я2» и №1.

В жилище № 1 на нижнем этаже зафиксированы возвышения, раздавленные сосуды, а на верхнем – подиум. Жилища №1 и №2 также объединялись перемычкой.

В жилище №2 на втором этаже выявлены глиняные возвышения круглой (алтарное) и прямоугольной (очажное) формы, развал пифоса, раздавленные сосуды, фрагментарные зернотерки. На первом этаже было очажное возвышение.

Жилище №3 расположено параллельно предыдущему на расстоянии 1,5 м. В нем найдены остатки ткацкого станка, конструкция из глины, связанная с растиранием зерна, раздавленные сосуды, яма. На втором этаже зафиксированы алтарное и очажное возвышения.

Небольшого размера возвышение и раздавленные сосуды зафиксированы на первом этаже жилища №6. На втором этаже тут найдено несколько развалов сосудов, подиум и большой площади возвышение ступенчатой формы, вероятно очажное. Перемычка, от которой сохранился завал обожженной глины шириной 1 м, соединяла на уровне верхних этажей жилища №6 и №7.

Раздавленные сосуды, камни зернотерок и абразивов выявлены в помещениях первого этажа домов №8 и №9. На втором этаже этих построек располагались подиумы, алтарные и очажные возвышения.

Всего на описанном нами выше участке второго овала застройки поселения Майданецкое исследованы 25 домов и 15 ям. Описанные стандартные особенности интерьера и распределения инвентаря в жилищах перед их сожжением характерны для всех раскопанных на памятнике жилищно-хозяйственных комплексов. Представляется, что приведенные выше данные отражают один из этапов обряда оставления поселения – подготовку помещений домов к сожжению.

В Майданецком обряд оставления поселения фиксируется, прежде всего, остатками построек в виде скоплений обожженной глины («площадки»), которые группируются в четко организованные поселенческие структуры, установленные геомагнитной съемкой именно потому, что глинобитные дома были сожжены и остатки их конструкций дают магнитную аномалию.

Раскопанные в Майданецком «площадки», образованные завалами обожженной глины, интерпретируются как остатки глиняной забутовки деревянных настилов чердачных или межэтажных перекрытий жилищ. При исследовании строительных остатков среди комьев обожженной глины с отпечатками деревянных конструкций и под напластованиями глиняной обмазки зафиксированы много-

численные находки раздавленных сосудов и других предметов, глиняные детали интерьера, прежде всего в виде всевозможных возвышений, среди которых фиксируются обогревательные конструкции, алтари (рис. 4), подиумы-«лежанки», ограждения с зернотерками – «рабочие места». Такие конструкции располагались в помещениях первого и второго этажей. В некоторых домах обнаружены детали вертикальных ткацких станков, связанные с подиумами такие детали интерьера, как пифосы – вылепленные из глины с примесью половы емкости. Многочисленные раздавленные, а иногда и целые сосуды образовывали скопления, позволяющие утверждать, что керамика была расставлена в доме определенным образом (рис. 5).

Преимущественно с уровнем земляного пола нижнего этажа связаны находки зернотерок. В некоторых помещениях выявлены ямы, чаще всего не до конца заполненные на момент гибели постройки.

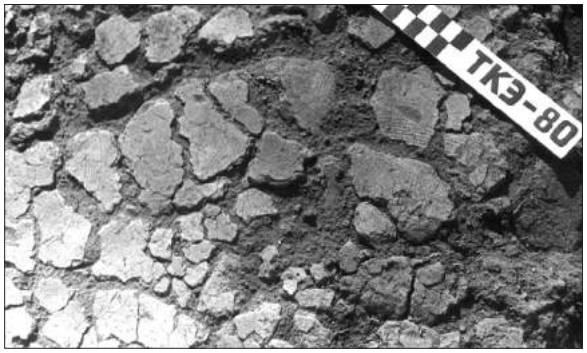


Рис. 4. Жилой комплекс «Ж». Орнаментированные детали алтаря.

Рис. 5. Постройка «П». Сосуды среди конструкций перекрытия.

Все исследованные здесь «площадки» являются остатками прямоугольных глинобитных построек, иногда достигавших внушительных размеров, сгоревших в результате сильных пожаров. В части построек прослеживается разделение их на жилые и хозяйственные помещения. На отдельных участках поселения зафиксировано очень близкое размещение домов в ряду, таким образом, что они буквально соприкасались между собой длинными сторонами и соединялись проходами на уровне верхних этажей. Все исследованные остатки построек, а иногда и найденный в них инвентарь, подверглись сильному обжигу. Зафиксированы участки обмазки, обожженной до состояния шлака, а также термическая деформация сосудов, вплоть до плавления, а также спекание отдельных фрагментов керамики с комьями обмазки. Такие особенности архитектурных остатков указывают на разрушение построек в результате сильнейшего пожара, причем на отдельных участках температура достигала более 1000°.

Близкое расположение построек свидетельствует о том, что все дома на поселении Майданецкое были сожжены одновременно, а значительная насыщенность их инвентарем и его определенное расположение в помещениях указывают на выполнение регламентированных ритуальных действий, связанных с обрядом оставления поселения.

Характер обожженных строительных конструкций трипольской культуры, законсервировавших находившиеся в домах детали интерьера и специальным образом размещенный инвентарь, позволяет предполагать существование в Триполье особенного обряда оставления поселения.

Выявленные в Майданецком сожженные постройки можно рассматривать как свидетельство обряда оставления поселения, который был обусловлен определенным священным периодом и носил цикличный характер. Цикличные ритуалы характерны для архаических обществ. Они связаны с представлениями о том, что созданный богами мир, окружающий людей, со временем портится и потому требует обновления. Для обновления необходимо уничтожение старого мира, которое обеспечивалось определенными ритуалами.

Вероятно, составной частью трипольского общепоселенческого ритуала оставления поселения, как и практически всех других ритуалов, был обряд жертвоприношения. Именно жертвоприношение обеспечивало «исчезновение» старого миропорядка и рождение нового мира. Великим пожертвованием высшим силам выступало каждое конкретное сжигаемое поселение, вместе с его домами, расставленным в них инвентарем и душами предков людей, покидавших свое поселение и предававших его огню.

Первым этапом обряда была подготовка каждого дома к главному акту ритуала – сожжению поселка. В каждом жилище определенным образом размещались различные предметы. Эти вещи и их расстановка в определенном порядке в помещениях имели глубокий символический смысл. Они как бы в концентрированном виде представляли разные аспекты прошедшей и будущей жизни семей и социальных групп, проживавших в этих постройках.

Представляется, что разнообразный хозяйственный инвентарь, который находят при раскопках трипольских площадок (зернотерки, орудия труда, сосуды-хранилища), на заключительном этапе функционирования жилищ имел совсем не хозяйственные функции, а был подчинен магическим законам и выполнял символическую миссию, сходную с символикой погребального инвентаря.

В ходе ритуала в домах на подиумах или просто на полу нижнего и верхнего этажей группами расставлялись сосуды, в том числе и ритуальная керамика или части сосудов. В разных частях помещений размещались зернотерки, шлифовальные камни или их части, реже – инструменты разного назначения, вертикальные ткацкие станки. Это свидетельствует о том, что обряд оставления поселения предусматривал не только аграрные аспекты, но и магические действия, связанные с ремеслами. Обращает внимание также оставление в домах перед сожжением фрагментированных предметов, прежде всего антропоморфных фигурок, а также орудий, которые не были ранее в употреблении.

Таким образом, первый этап ритуала оставления поселения, наполненный глубоким символическим смыслом, превращал постройки в культовый объект, и жилища вместе с душами предков уходили в вечность, имея весь необходимый освященный инвентарь.

Финальной фазой обряда была загрузка построек топливом: соломой, хворостом и т.д. и сжигание одновременно всех жилищ на поселении. Пламя, охватывало тысячи построек, интенсивному высокотемпературному пожару способствовал ветер, наличие в постройках окон и дверных проемов, деревянные конструкции.

Представляется, что продолжительность священного цикла, который обуславливал не-

Рис. 6. Жетоны и миниатюрная мисочка из культовой ямы постройки «Е».

Рис. 7. Антропоморфная и зооморфная пластика мегапоселения Майданецкое: 1-3 - яма в постройке «П»; 4 - ямы построек «П» и «У»; 5 - яма постройки «Е».

обходимость смены места поселения, могла охватывать два-три поколения и составлять приблизительно 50-70 лет.

Предложена модель формирования мега-поселений трипольской культуры (Видейко 2013, 138-139), в соответствии с которой застройка Майданецкого осуществлялась, вероятно, в соответствии с четким планом и поэтапно. В какой-то момент все постройки, выявленные геомагнитной съемкой, сосуществовали, а на завершающем этапе жизни поселения были одновременно уничтожены ритуальным пожаром.

Некоторые данные позволяют предполагать наличие ритуалов, в которых участвовали жители групп жилищ, составляющие не только структурные единицы поселения Майданецкое, но и определенные подразделения социально-сакральной общности.

Об обрядах, связывающих группы домов, свидетельствует анализ заполнения некоторых ям соседних жилищно-хозяйственных комплексов Майданецкого. Так, в земляном полу жилища «П» была выявлена яма №5 диаметром 2,5 м, глубиной от трипольского горизонта до 1,3 м. Верхняя часть ямы была заполнена большими кусками обожженной глины с отпечатками дерева, являющимися остатками глиняной обмазки деревянного перекрытия сожженной постройки, и фрагментами керамики. Начиная с уровня 0,4 м, в заполнении встречались отдельные черепки, кости животных фрагментарные статуэтки (около 40 фрагментов), среди которых выделяется голова реалистической фигурки (рис. 7/4), часть от которой найдена в яме жилища «У», расположенного в том же ряду построек на расстоянии до 8 м (Бурдо 2013, 272-273). Нижняя часть ямы характеризуется золистыми прослойками, содержащими фрагменты керамики, антропоморфных статуэток, отдельные кости животных. Всего из этой ямы происходит 40 экземпляров антропоморфной пластики. В нескольких случаях фрагменты конических мисок со следами копоти и угольками залегали совместно с фрагментами фигурок. Антропоморфные статуэтки из этой ямы были преднамеренно разбиты, некоторые из разрозненных фрагментов впоследствии склеились (рис. 7/1-3).

Конструкция таких ям и характер их заполнения позволяют предполагать их культовый характер. Возможно, они служили для сбрасывания предметов, использовавшихся в жертвоприношениях, в том числе и антропоморфной пластики. Причем найденные в ямах жилищ Майданецкого антропоморфные

фигурки преимущественно фрагментарны (Бурдо 2011). Находка фрагментов от одной статуэтки в ямах соседних жилищ позволяет предполагать «расчленение» статуэток в ходе обряда и захоронение частей одной и той же фигурки в ямах нескольких соседних (а возможно и более удаленных друг от друга) домов, жители которых объединялись не по пространственному или хозяйственному, а по культовому признаку.

Ямы Майданецкого, заполнение которых наряду с фрагментами керамики и костями животных насыщено угольками и пеплом, а также характеризуется присутствием антропоморфной и зооморфной пластики (рис. 7/6), по нашему мнению можно относить к культовым объектам, опираясь на аналогии в античных памятниках.

Ботросы – культовые ямы, в соответствии с религиозной практикой эллинов, заполнялись золой и землей вместе с разнообразными культовыми предметами, вышедшими из употребления или разбитыми специально во время проведения ритуальных действий, сопровождавшихся жертвоприношениями, возлияниями, сакральными трапезами. Кроме фрагментов керамики в ботросы попадали различные вотивные изделия, угли с алтарей, краски, кости животных и рыб, ракушки, водоросли, архитектурные детали, глиняная обмазка, сырцовый кирпич и другой строительный мусор. По мнению А.С. Русяевой, эллинские ботросы имели двойную функцию как «культовые свалки», куда выносили «сакральный мусор», и примитивного типа алтари, возле которых проводились религиозные обряды с жертвоприношениями. Они были символическими хранилищами всего, что так или иначе было связано с массовым отправлением культов отдельных божеств во время ритуальных праздников, соответствующих ритуалов, жертвоприношений и сакральных трапез. Наполненные разновременными материалами сакральные свалки сохраняли в себе память о давно ушедших поколениях и, возможно, отражали связь верующих с предками (Русяева 2005, 160-169, 174).

Возможно, сходный феномен наблюдается у древних земледельцев – трипольцев, которые могли возвращаться для совершения ритуалов на сожженные поселения, в буквальном смысле слова «родные пепелища», превратившиеся в культовые объекты для больших социальных группировок.

Предполагается, что с ритуальной практикой жителей определенных групп построек могут быть связаны некоторые культовые ямы, расположенные в домах или вне помещений (Шмаглий, Видейко 1987, 170).

Яма округлой в плане формы, диаметром 5 м, глубиной 0,7 м от древней дневной поверхности была выявлена во время раскопок в западном углу постройки «Е». Стенки этого углубления пологие, дно неровное. В довольно интенсивном заполнении встречались комья обожженной глины, отдельные угольки. Здесь также были многочисленные находки фрагментов керамики, костей животных, найдены также фрагменты антропоморфных фигурок (рис. 7/5), зооморфные статуэтки (несколько десятков), миниатюрные сосуды, глиняные объемные символы (жетоны) и другие культовые поделки из глины (рис. 6). Наличие необычно большого количества зооморфной пластики (рис. 7/6), выявленное в данной яме, не характерно для других объектов Майданецкого.

Ямы подобного характера могут быть связаны с жертвоприношениями.

Отметим также, что когда Т.М. Ткачук исследовал знаковою систему на сосудах расположенных рядом описанных выше жилищ второго овала застройки поселения (рис. 1/В), то, сравнивая знаки, употреблявшиеся жителями каждой постройки, исследователь пришел к выводу, что наибольшее количество одинаковых знаков – 18 – использовалось в росписи сосудов из жилищ «П»и «Я». Несколько меньшее количество одинаковых знаков выявлено для росписи из жилищ «П» и №1, «Ш» и «Я». По 12 общих знаков зафиксировано для жилищ «П» и «Ю», «П» и №2, «О» и «Я», «Щ» и «Я», «Я» и №1. 11 общих графем выявлено для жилищ «О» и «П», «Щ» и №1.

Таким образом, по мнению Т.М. Ткачука, приведенный анализ показывает, что наиболее тесные связи в этой группе домов прослеживаются для жилища «П», отличающегося большой площадью в 300 м², с жилищами «Я», «Ш», «Щ», «Ю», расположенными на проти-

воположном конце исследованного участка. В то же время, жилище «Я» по употреблению знаков в росписи связывается с жилищами «Ш», «Щ», №1 и отдаленно расположенным жилищем «О», соседним с жилищем «П». Жилища «Ф», «Х», «С», «Ч» насчитывают менее 10 общих знаков с любым из входящих в группу жилищ, что свидетельствует об отсутствии у них связей по использованию знаков с соседними постройками. Для соседних жилищ связи характерны только для рядом стоящих домов «П» и «О», а также «Я» и №1 (Ткачук, Мельник 2005, 126).

Поскольку знаковая система, зафиксированная в расписной орнаментации, рассматривается как священная пиктография, то связи определенных жилищ, выявленные по употреблению одинаковых знаков, могут свидетельствовать об определенной социально-культовой структуре населения Майданецкого.

На геомагнитном плане Майданецкого выделяются очень крупные постройки, которые могли быть святилищами конкретных родовых групп.

Одна из таких построек – площадка «М» (рис. 2/1), относящаяся к первому овалу застройки, была исследована в центральной части поселения в его северо-восточном секторе (рис. 2). Она отличается очень большими размерами. Двухэтажный дом с чердаком имел общую площадь в 168 м². На земляном полу нижнего этажа зафиксирована группа раздавленных сосудов. Второй этаж состоял из двух помещений (рис. 2/2). В одном из них, площадью 63 м², глиняный пол был окрашен в красный цвет. В нем находилось глиняное возвышение, вероятно использовавшееся для разведения огня, и раздавленные расписные сосуды. В другом помещении вдоль стен зафиксировано длинное глиняное возвышение – подиум, очажное возвышение и развалы расписной посуды. Большая площадь постройки и необычный характер интерьера позволили предположить, что она была общественно-культовым центром для группы домов и использовалась в качестве святилища (Шмаглий, Видейко 2000-2001, 57, 67-68).

Больше всего свидетельств относительно культовой практики жителей поселения Майданецкое связано с отдельными жилищами. Поскольку каждое жилище определенным образом готовилось для ритуала сожжения, завершавшего жизнь поселка, не всегда можно судить о культовой практике в конкретных домах на протяжении существования поселения. Однако, то что многочисленные обряды сопровождали жизнь каждой семьи и проводились непосредственно в жилищах, не вызывает сомнения.

В архаических традициях всех культур зафиксирована священность очага (печи). Очажные глиняные возвышения зафиксированы в большинстве исследованных в Майданецком построек. В некоторых домах они сочетались с алтарными возвышениями. Глиняные возвышения чаще всего связаны с помещениями верхних этажей. Вероятно, оба типа возвышений были сосредоточением культовой практики семейных коллективов.

О ритуалах, отправлявшихся в домах, свидетельствуют культовые ямы, зафиксированные в помещениях нижнего этажа некоторых жилищ. Кроме описанных выше ям из жилищ «Е» и «П», яма диаметром 2,5 м, глубиной 1,3 м, воронковидная в профиле, была обнаружена в жилище «У». Яма в верхней части заполнена кусками обожженной обмазки и фрагментами керамики. В нижней части заполнения встречались фрагменты керамики, кости животных, фрагменты статуэток, в том числе фрагмент реалистической головки из ямы в жилище «П». Аналогичная яма выявлена в жилище «Ш», в ней, кроме фрагментов керамики и костей животных, найдены фрагменты антропоморфной пластики. Яма жилища «Я1» имела похожее заполнение, которое в нижней части имело золистый характер.

Некоторые остеологические материалы из Майданецкого, в том числе и происходящие из ям, свидетельствуют о жертвоприношениях животных, осуществлявшихся в домах. Кости мелкого животного (овцы?) обнаружены среди фрагментов разбитого сосуда на дне ямы в жилище №9. Рядом лежал рог тура. Сосуд с костями крупного рогатого скота найден рядом с торцевой частью постройки «Ы». На уровне древней дневной поверхности между жилищами №1 и №2 обнаружена часть скелета овцы, кости сохраняли анатомический порядок. Вероятно, как следы жертвоприношений нужно рассматривать находки костей жи-

вотных из культовых ям, где они сочетаются с находками фрагментов статуэток, угольков и пепла.

Из построек жилого комплекса «Ж» происходят сакральные клады, найденные в помещениях под завалом обожженных строительных остатков.

Клад, состоящий из около 100 подвесок, выполненных из зубов оленя или их костяных имитаций, находился в расписной амфоре, горловина которой была закрыта небольшим расписным кубком (рис. 3/2). Второй клад состоял из таких же подвесок, на которых заметны окислы несохранившихся медных бусин, и медного тесла (рис. 3/1). Этот клад был выявлен в раздавленном биконическом зерновике. Рядом обнаружено скопление расписных сосудов разного типа (Шмаглій, Відейко 1987, 58-71). Можно предположить, что оставление в домах сакральных кладов также связано с обрядом оставления поселения.

Таким образом, анализ накопленных в процессе исследования в Майданецком материалов позволяет установить следы ритуалов трех уровней, вероятно, обусловленных структурой трипольских протогородов, которые рассматриваются как центры вождеств. Ритуалы первого уровня связаны с конкретными постройками – жилищно-хозяйственными комплексами (жилищами). Второй уровень ритуальной активности объединяет группу жилищ (ЖХК) или определенные участки поселения и связан с общественными постройками (комплекс «М»), а третий выступает как общепоселенческий (в том числе обряд оставления поселения).

Библиография

Бурдо 2011: Н.Б. Бурдо, Антропоморфна пластика з трипільського поселення Майданецьке. Археологія 2, 2011, 3-16.

Бурдо и др. 2012: Н.Б.Бурдо, М.Ю. Видейко, В.В. Чабанюк, К. Рассман, Р. Гаусс, Ф. Лютц, Д. Петерс, Широкомасштабная геомагнитная съемка в Майданецком: современные технические решения в изучении трипольских мега-поселений. Stratum 2, 2012, 265-285.

Відейко 2002: М.Ю. Відейко, Трипільські протоміста. Історія досліджень (Київ 2002).

Видейко 2013: М.Ю. Видейко, Комплексное изучение крупных поселений трипольской культуры. V-IV тысячелетия до н.э. (Saarbrücken; Lambert Academic Publishing 2013).

Дудкин 1978: В.П. Дудкин, Геофизическая разведка крупных трипольских поселений. В сб.: Использование методов естественных наук в археологии (Киев 1978), 35-45.

Русяева 2005: А.С. Русяева, Религия понтийских эллинов в античную епоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героїв (Киев 2005).

Ткачук, Мельник 2005: Т.М. Ткачук, Я.Г. Мельник, Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем (мальований посуд) (Вінниця 2005).

Шмаглий, Видейко 1987: Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Святилища и культовые места на крупных трипольских поселениях. В сб.: Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. конф (Москва 1987), 169-171.

Шмаглій, Відейко 1987: М.М. Шмаглій, М.Ю. Відейко. Пізньотрипільське поселення поблизу с. Майданецького на Черкащині. Археологія 60, 1987, 58-71.

Шмаглий, Видейко 2001-2002: Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Майданецкое – трипольский протогород. Stratum 2, 2001-2002, 44-131.

Urme de practică rituală în aşezarea tripoliană gigant de la Maydanetske

Rezumat

Situl de lângă satul Maydanetske, raionul Talnovsky, regiunea Cherkasy prezintă una din cele mai bine studiate aşezări-gigant din arealul culturii Tripol'e. Analiza materialelor acumulate în procesul de cercetare a aşezării Maydanetske permite atestarea ritualurilor de trei nivele, condiţionate de structura proto-oraşelor din acea perioadă. Ritualele de nivelul întâi sunt legate de unele construcţii concrete – complexe de locuire şi gospodăreşti (locuinţe). Ritualele de nivelul doi erau practicate în anumite porţiuni ale aşezării şi sunt puse în legătură cu unele construcţii cu caracter obştesc (complexul „M"), iar cele de nivelul trei cuprindeau întreaga aşezare (inclusiv şi obiceiul de părăsire a aşezărilor).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Planul aşezării-gigant de la Maydanetske: A - prospecţiunea geo-magnetică realizată de V.P. Dudkin; B - planul porţiunii de teren unde au fost investigate construcţiile.

Fig. 2. Construcţia „M": 1 - porţiuni vopsite ale podelei de la etajul doi; 2 - planul construcţiei de la nivelul etajului doi (1 - conturul aglomeraţiei de lut ars; 2 - denivelări; 3 - rămăşiţe de la construcţia podiumului; 4 - vase distruse; 5 - pietre de râşniţă); 3 - reconstituirea planimetriei etajului doi (1 - denivelări; 2 - podium; 3 - vase distruse; 4 - pereţi); 4 - variantă de reconstituire a construcţiei „M".

Fig. 3. Piese descoperite în complexul locativ „Ж": 1 - teslă din cupru; 2 - tezaur de pandantive din dinţi de cerb.

Fig. 4. Complexul locativ „Ж". Detalii ornamentate ale altarului.

Fig. 5. Construcţia „П". Vase din interiorul construcţiei.

Fig. 6. Jetoane şi o strachină miniaturală din groapa de cult a construcţiei „E".

Fig. 7. Figurine antropomorfe şi zoomorfe din aşezarea-gigant Maydanetske: 1-3 - groapa din construcţia „П"; 4 - gropile din construcţiile „П" şi „У"; 5 - groapa din construcţia „E".

Traces of the ritual practice at a large Trypillian culture settlement near Maydanetske

Abstract

A settlement near the village of Maydanetske in the Talnovsky Region of Cherkasy Oblast is one of the most well-studied giant settlements of Trypillian Culture. Analysis of the materials accumulated in the course of research at Maydanetske reveals three levels of rituals, probably due to the structure of the ancient settlements, which are considered as centers of chiefdoms. The rituals of the first level are related to specific buildings-housings and economic systems (dwellings). The second level of the ritual activity brings together a group of dwellings, or certain parts of the settlement and related social structures (like the complex "M"). The third level acts as a whole – settlement (including the rite of its abandonment).

List of illustrations:

Fig. 1. Plan of Maydanetske mega-site: A - after magnetic prospection (V. Dudkin); B - part with excavated remains of dwellings.

Fig. 2. Building "M": 1 - part of the painted floor; 2 - plan of the second floor (1 - contours of remains; 2 - elevations; 3 - remains of podium; 4 - broken pots; 5 - millstone); 3 - reconstruction of the second floor planning (1 - elevations; 2 - podium; 3 - pottery; 4 - walls); 4 - reconstruction of the building "M"

Fig. 3. Finds from building "Ж" and decorated part of altar.

Fig. 4. Group of buildings "Ж": broken pottery under remains of a dwelling.

Fig. 5. Building "П": broken pottery and remains of a ceiling.

Fig. 6. Tokens and miniature dish from the sacred pit at building "E".

Fig. 7. Figurines from Maydanetske: 1-3 - pit under dwelling "П"; 4 - pits from dwellings "П" and "У"; 5 - pit from dwelling "E".

30.03.2013

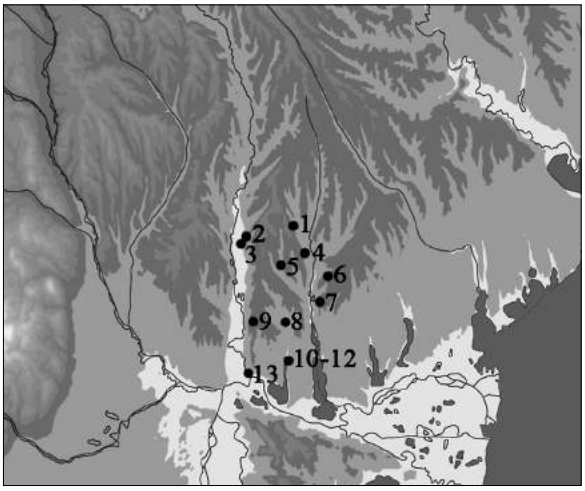
Др. Наталья Бурдо, Институт археологи, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com

O NOUĂ AŞEZARE A CULTURII GUMELNIŢA DE LA CHIOSELIA MARE, RAIONUL CAHUL, REPUBLICA MOLDOVA

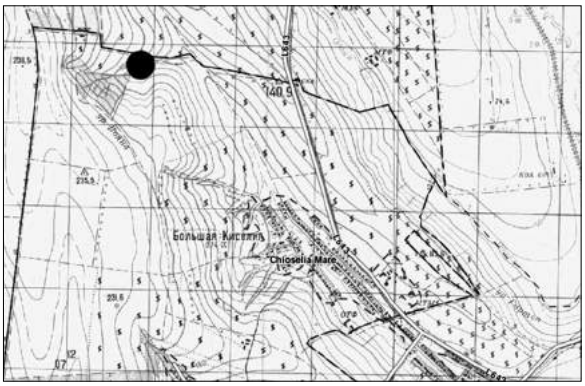
Eugen Mistreanu

În istoriografie aşezările eneolitice timpurii din arealul: nord-estul Munteniei, sud-estul Moldovei, nordul Dobrogei şi sudul Basarabiei, au fost interpretate din punct de vedere taxonomic ca: 1) cultură, 2) variantă locală şi 3) aspect cultural (Sorokin 1994, 72). Articolul de faţă are ca scop doar prezentarea unor materiale arheologice noi, foarte interesante, şi punerea în circuitul ştiinţific a unui nou sit arheologic eneolitic, fără a intra prea mult în problematica interpretării şi încadrării cultural-arheologice a acestui nou sit. De asemenea, ţinând cont de tradiţia arheologică locală, în text vom utiliza termenii de cultura Gumelniţa şi tip cultural Aldeni II (Бейлекчи 1978, 10), împreună cu cel de cultura Bolgrad-Aldeni (Sorokin 1994, 72).

Aşezarea eneolitică aparţinând culturii Gumelniţa (cultura Bolgrad-Aldeni), Chioselia Mare, raionul Cahul a fost descoperită de unul din proprietarii terenului pe care este situat situl, Ion Şendrea, locuitor al s. Chioselia Rusă, raionul Comrat, care a adunat pe parcursul mai multor ani vestigii în propria colecţie. Situl arheologic este situat la 3,5 km nord-vest de biserica din s. Chioselia Mare şi 1,9 km vest de drumul dintre s. Chioselia Mare, raionul Cahul, şi s. Câietu, raionul Cantemir, pe malul stâng al pârâului ce trece în apropiere, acesta fiind şi hotarul de sud al aşezării (fig. 1/b). Aşezarea se poziţionează din punct de vedre fizico-geografic într-o zonă de contact între stepă şi câmpia deluroasă, este situată în imediata apropiere a izvorului pârâului amintit mai sus, pe terasa de jos, pe panta unei văi. Aşezarea ocupă suprafaţa de 100×100 m. Unele porţiuni ale suprafeţei aşezării se ară, altele sunt înţelenite. În urma unei cercetări perieghetice, au fost identificate aproximativ 8-10 locuinţe de suprafaţă, reprezentând fragmente de lut ars, ceramică, pietre şi silex, situate paralel una de alta, pe linia NE-SV. Colecţia de piese arheologice a dlui Şendrea a fost completată cu



a



b

Fig. 1. a - Harta aşezărilor culturii Gumelniţa pe teritoriul Republicii Moldova: 1 - Chioselia Mare; 2, 3 - Cucoara I, II (după Маркевич 1973, 157; Бейлекчи 1978, рис. 1); 4 - Cealâc (după Agulnicov 1993, nr. 108); 5 - Lopăţica; 6 - Taraclia; 7 - Cairaclia; 8 - Vulcăneşti: 9 - Colibaş; 10-12 - Etulia I, V, VI; 13 - Giurgiuleşti (după Маркевич 1973, 157; Бейлекчи 1978, рис. 1); b - amplasarea sitului arheologic Chioselia Mare.

piese descoperite în urma cercetării perieghetice, în toamna anului 2012, a sitului şi cuprinde: unelte de muncă, fragmente ceramice şi un fragment de statuie antropomorfă.

Unelte de muncă

Uneltele de muncă din silex, reprezintă lame, gratuare, seceri. În aşezarea eneolitică au fost găsite 21 piese din silex dintre care 16 reprezintă unelte de muncă – 11 realizate din silex de import (balcanic) de culoare cafenie-maronie, roşcată şi gălbuie, iar cinci – din silex local de culoare cenuşie, negrie-cenuşie.

Silex balcanic:

– Gratuar, culoare cafenie-vişinie, pe o latură se observă lustruire caracteristică utilizării piesei ca component a secerii, lungimea – 35 mm, lăţimea – 22 mm (fig. 4/2);
– Lamă, culoare cafenie-maronie deschisă, cu retuşe mărunte pe partea dorsală şi ventrală, lungimea – 33 mm, lăţimea – 17 mm (fig. 4/3);
– Lamă, culoare cafenie-maronie deschisă, cu retuşe pe ambele laturi, lungime – 27 mm, lăţimea – 10 mm (fig. 4/4);
– Gratuar, fragment, culoarea cafenie, cu retuşe pe laturi şi un capăt, realizat pe o lamă de silex, lungimea – 23 mm, lăţimea – 26 mm (fig. 4/6);
– Gratuar, culoare cafenie, realizat pe aşchie cu retuşe la un capăt şi pe o lamă, lungimea – 31 mm, lăţimea – 23 mm (fig. 4/7);
– Seceră, culoare cafenie, realizat pe o lamă, cu retuşe pe un capăt, pe o latură retuşe mici, pe cealaltă latură retuşe mici şi lustru, lungimea – 85 mm, lăţimea – 32 mm (fig. 4/13);
– Gratuar, culoarea albă, realizat pe lamă, cu retuşe pe două laturi şi un capăt, ars în foc, diametrul lungime – 23 mm, diametrul lăţime – 26 mm (fig. 4/14);
– Gratuar, culoare cafenie deschisă, realizat pe o aşchie cu retuşe pe un capăt, diametrul lungime – 25 mm, diametrul lăţime – 23 mm (fig. 4/16);
– Gratuar, culoare cafenie deschisă, realizat pe o aşchie cu retuşe la un capăt, lungimea – 23 mm, lăţimea – 21 mm (fig. 4/17);
– Gratuar, culoare cafenie, roşiatică, realizat pe aşchie cu retuşe pe un capăt şi o lamă, lungimea – 18 mm, lăţimea – 15 mm (fig. 4/18);
– Gratuar, culoare cafenie-maronie, realizat pe aşchie cu retuşe pe o latură şi ambele capete, lungimea – 20 mm, lăţimea – 19 mm (fig. 4/20).

Silex local:

– Seceră, culoare cenuşie, cu pete fumurii, albe, cu retuşe pe o latură, piesă component a secerii, lungimea – 28 mm, lăţimea – 15 mm (fig. 4/1);
– Gratuar, culoarea albă, cu pete fumurii, uşor transparent, cu retuşe mici la un capăt şi pe ambele laturi, lungimea – 16 mm, lăţimea – 14 mm (fig. 4/5);
– Gratuar, culoare albă, cu pete fumurii, realizat pe aşchie cu retuşe pe trei laturi, lungimea – 36 mm, lăţimea – 23 mm (fig. 4/8);
– Gratuar, culoarea cenuşie-negrie cu pete fumurii albui, cu retuşe pe un capăt şi o latură, cealaltă latură este acoperită cu o crustă de calcar, lungimea – 37 mm, lăţimea – 29 mm (fig. 4/9);
– Gratuar, culoarea albă, realizat pe aşchie, cu retuşe pe un capăt şi o latură, pe altă latură are o crustă de calcar, ars, lungimea – 22 mm, lăţimea – 20 mm (fig. 4/19).

De asemenea au mai fost colectate câteva aşchii (fig. 4/15, 21), fragmente de galeţi de silex (fig. 4/11-12), şi un nucleu (fig. 4/10), toate din silex autohton. Asemenea piese arheologice se mai întâlnesc la Vulcăneşti II (Бейлекчи 1978, рис. 9, 18, 19, 37, 46, 53), Lopăţica (Бейлекчи 1978, рис. 61, 66, 69), Taraclia (Бейлекчи, Агульников, Чирков 1985, рис. 19, 20, 30; Манзура, Сорокин 1990, рис. 3), Cucoara (Бейлекчи 1974, 54-60).

Uneltele de muncă din piatră sunt reprezentate de 21 piese arheologice: topoare (5 piese), tesle (5 piese), percutoare (5 piese), râşniţe-răzuitoare (2 piese), dăltiţe (2 piese), lustruitoare (2 piese).

Topoare:

– Topor, fragment, reprezintă partea activă a toporului, forma convexă în plan, romboidală în secţiune, cu gaură de înmănuşare plasată aproximativ în jumătatea proximală a piesei suprafaţa interioară a orificiului prezintă striaţii, realizat din piatră dură (diabaz), culoarea cenuşie-neagră, suprafaţa şlefuită şi lustruită, o latură a piesei reprezintă urme de uzură modernă, lungimea – 70 mm, lăţimea tăişului/lamei – 28 mm, lăţimea – 33 mm, diametrul găurii de înmănuşare – 18 mm, diametrul – 38 mm (fig. 2/5).
– Topor, fragment, reprezintă partea activă a toporului, forma dreptunghiulară în plan, romboidală (triunghiulară) în secţiune, realizat din piatră dură (diabaz), culoarea cenuşie-negrie, suprafaţa şlefuită şi lustruită, o faţă laterală are urme de uzură moderne, tăişul uşor tocit, lun-

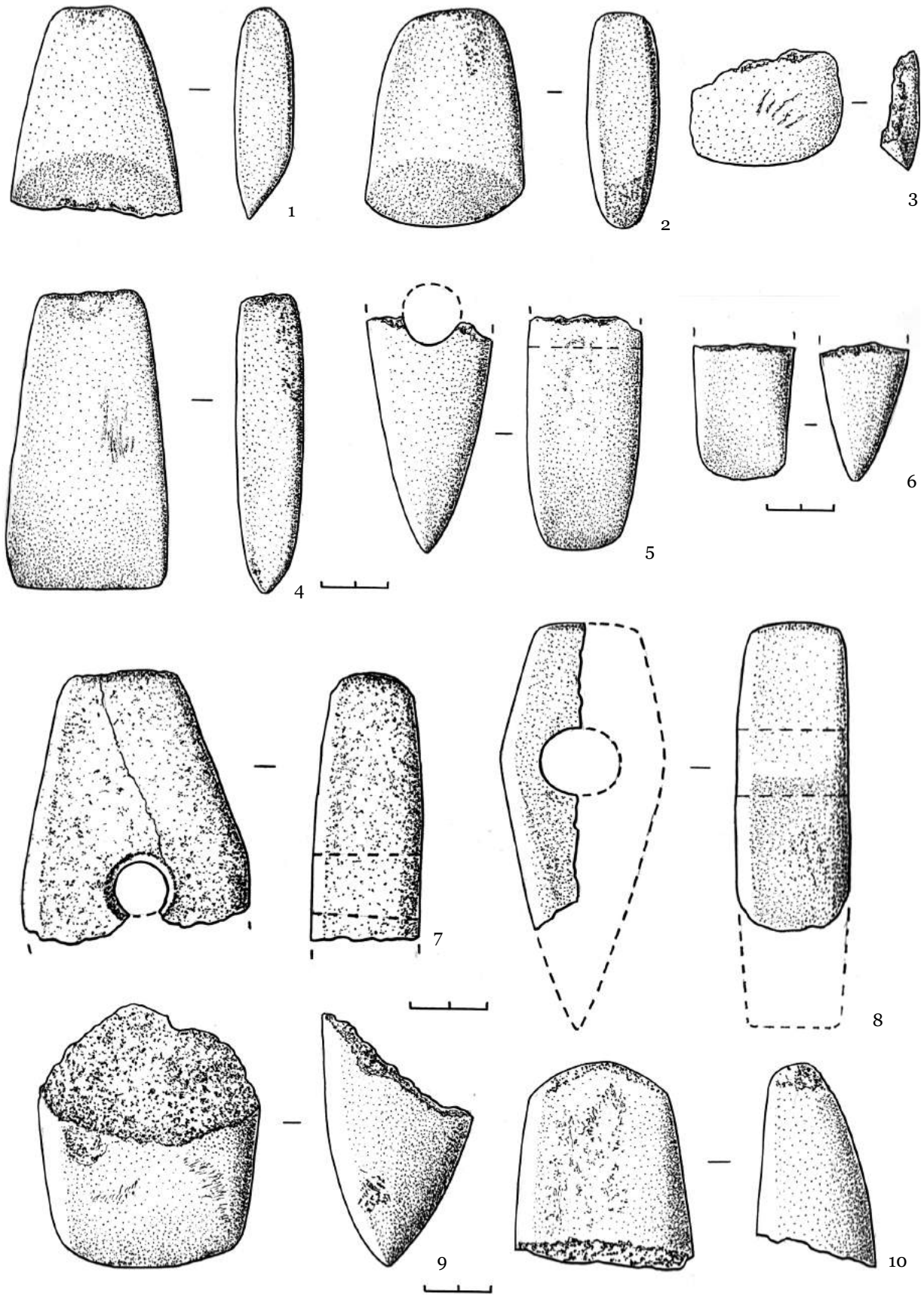


Fig. 2. Chioselia Mare. Unelte de muncă din piatră: 1-4 - tesle; 5-10 - topoare.

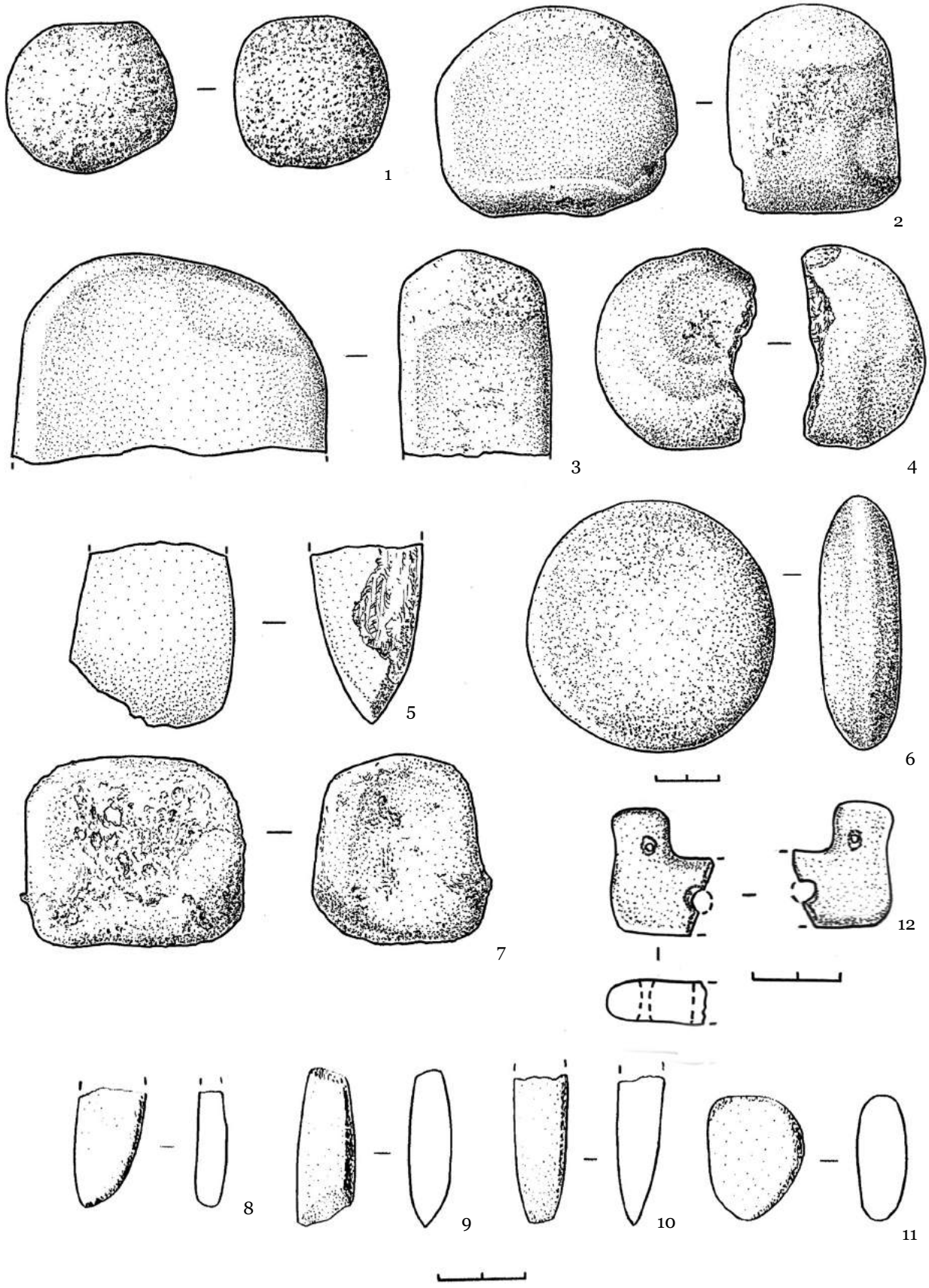


Fig. 3. Chioselia Mare. Unelte de muncă din piatră: 1, 2, 4, 7 - percutoare; 3, 6 - răzuitoare; 5 - teslă; 8-10 - dălțițe/lustruitoare; 12 - fragment de figurină antropomorfă.

gimea – 40 mm, lăţimea tăişului – 25 mm, lăţimea – 30 mm, diametrul – 28 mm (fig. 2/6).

– Topor, fragment, reprezintă partea proximală a toporului, prezintă un talon dreptunghiular, faţetat, cu ceafă cilindrică gaura de înmănuşare este situat în zona de maximă lăţime a piesei, suprafaţa interioară a orificiului prezintă striaţii, orificiul se îngustează spre partea ventrală, faţa ventrală este dreaptă, cea dorsală uşor bombată, realizat din piatră dură (porfirit), culoare cărămizie, suprafaţa şlefuită, faţa dorsală prezintă o mică aşchiere înspre ceafă, piesa este crăpată longitudinal, probabil de la arsură, lungimea – 70 mm, lăţimea – 60 mm, diametrul cefei – 30 mm, diametrul găurii de înmănuşare – 15-20 mm, grosimea – 27 mm (fig. 2/7).
– Topor, fragment, reprezintă o parte longitudinală a unui topor, mai puţin tăişul, are forma dreptunghiulară în plan şi romboidală în secţiune, cu ceafă patrulateră, gaura de înmănuşare este situată în zona de maximă lăţime a piesei, suprafaţa interioară a orificiului prezintă striaţii, realizat din piatră dură (diabaz), culoare cenuşie-negrie, suprafaţa şlefuită şi lustruită are urme de uzură modern, lungimea – 80 mm, lăţimea – 20 mm, diametrul gurii de înmănuşare – 20 mm, lungimea totală a toporului – 105 mm (fig. 2/8).

Piesele de mai sus sunt încadrate în tipul II de topoare (Бейлекчи 1978, 91, рис. 18/5, 8; 54/1-7; 55/4).

– Topor, fragment, reprezintă partea activă a piesei, prezintă o formă trapezoidală în plan şi triunghiulară în secţiune, laturile uşor bombate, tăişul convex, afectat de mici desprinderi, tocit suprafaţa şlefuită, cu urme de uzură modern, realizat din piatră dură (diabaz) culoarea cenuşie-verzuie, lungimea – 80 mm, lăţimea tăişului – 50 mm lăţimea – 67 mm, grosimea – 45 mm (fig. 2/9). Acesta reprezintă singurul exemplar din tipul I de topoare (Бейлекчи 1978, 91, рис. 46/7). Analogii la aceste tipuri de topoare se întâlnesc şi în aşezările gumelniţiene din sud-vestul Ucrainei (Субботин 1975, 12).

Tesle:

– Teslă, forma trapezoidală în plan, dreptunghiulară în secţiune, marginile rotunjite, o faţă mai arcuită realizată din piatră tare (porfirit), culoarea roşiatică, suprafaţa şlefuită, se pot observa urme de lustruire. Marginea lamei este puţin distrusă, lungimea – 63 mm, lăţimea tăişului/lamei – 50 mm, lăţimea bazei/cefei – 25 mm, grosimea – 16 mm (fig. 2/1).
– Teslă, forma trapezoidală în plan, dreptunghiulară în secţiune, marginile rotunjite, o faţă mai arcuită, realizată din piatră tare (diabaz), culoarea cenuşie-verzuie, suprafaţa şlefuită şi lustruită. Lama este tocită de la refolosirea piesei ca percutor sau şlefuitor, lungimea – 65 mm, lăţimea tăişului/lamei – 45 mm, lăţimea bazei – 30 mm, grosimea – 30 mm (fig. 2/2).
– Teslă, fragment, reprezintă partea inferioară a teslei, tăişul/lama despicată din teslă. Forma trapezoidală în plan, dreptunghiulară în secţiune, marginile rotunjite, o latură mai arcuită şi despicată, tăişul uşor convex realizată din piatră tare (diabaz), culoarea cenuşie, suprafaţa şlefuită şi lustruită, pe piesă se observă urme de incizii survenite în urma lucrărilor agricole, lungimea – 34 mm, lăţimea tăişului – 43 mm, lăţimea – 45 mm, grosimea – 1 mm (fig. 2/3).
– Teslă, forma trapezoidală în plan, dreptunghiulară în secţiune, marginile rotunjite o latură mai arcuită, realizată din piatră tare (porfirit), culoarea roşietică, suprafaţa şlefuită şi lustruită, în zona de îmbinare şi pe o latură este uşor deteriorată, survenită mai târziu, baza are urme de lovire care au făcut ca suprafaţa bazei să fie denivelată şi zgrunţuroasă, lungimea – 90 mm, lăţimea tăişului – 45 mm, lăţimea cefei – 30 mm, grosimea – 2 mm (fig. 2/4).
– Teslă, fragment, reprezintă partea inferioară a teslei, tăişul/lama este lipsă parţial. Forma trapezoidală în plan, dreptunghiulară în secţiune, marginile rotunjite, o latură mai arcuită şi despicată, tăişul uşor convex realizată din piatră tare (diabaz), culoarea cenuşie, suprafaţa şlefuită şi lustruită, înălţimea – 46 mm, diametrul lungime – 33 mm, grosimea – 10 mm, lăţimea tăişului – 40 mm (fig. 3/5).

Modele analogice de piese descrise mai sus au fost întâlnite pe larg în siturile gumelniţiene cercetate pe parcursul anilor pe teritoriul Republicii Moldova, Vulcăneşti II (Бейлекчи 1978, рис. 18/6, 7; 38/3-5; 46/8; 55/3), Lopăţica (Бейлекчи 1978, рис. 62/2; 69/5, 10), Taraclia (Манзура, Сорокин 1990, рис. 3/2, 8, 16).

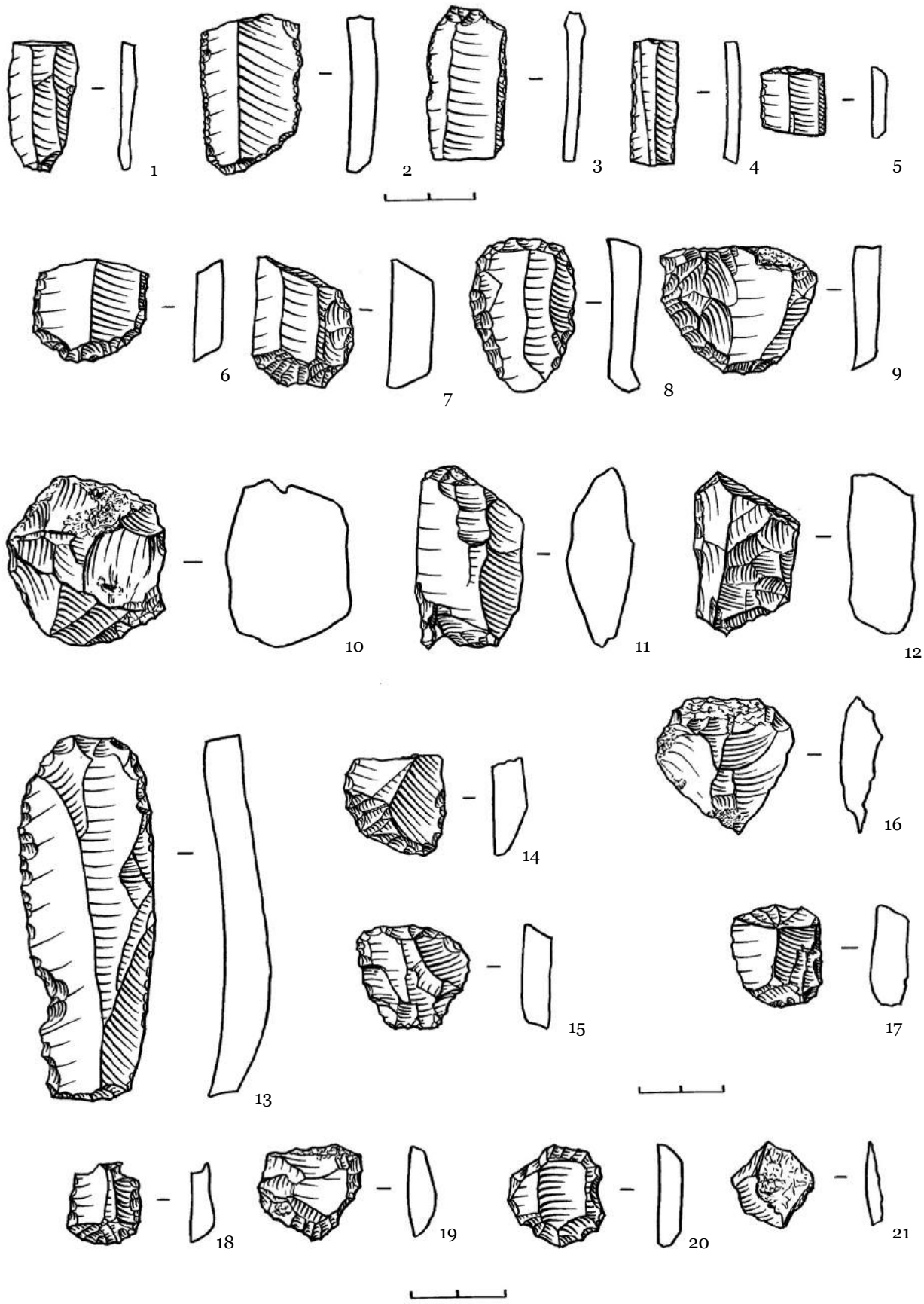


Fig. 4. Chioselia Mare. Unelte de muncă din silex. Silex local: 1 - seceră; 5, 8, 9, 19 - gratuare; 15, 21 - aşchii; 11, 12 - fragmente de galeți; 10 - nucleu. Silex balcanic: 2, 6, 7, 14, 16-18, 20 - gratuare; 3, 4 - lame; 13 - seceră.

Percutoare:

– Percutor, fragment, provine dintr-un topor, are formă trapezoidală în plan şi dreptunghiulară în secţiune, capătul activ arcuit, realizat din piatră dură (diabaz), lungimea – 60 mm, lăţimea părţii active – 40 mm, lăţimea – 54 mm, grosimea – 35 mm (fig. 2/10).
– Percutor, forma circulară, urme de folosire, realizat din şist de culoare albuie, diametrul lungime – 50 mm, diametrul lăţime – 44 mm (fig. 3/1).
– Percutor, forma circulară în plan şi dreptunghiulară în secţiune, marginile rotunjite, partea activă este acoperită cu zgură, de la faptul că piesa a fost arsă la temperaturi mari, realizată din şist culoare cafenie, diametrul lungime – 70 mm, diametrul lăţime – 60 mm (fig. 3/2).
– Percutor, fragment, forma circulară, realizat din şist, culoare brună, diametrul – 60 mm, grosimea – 32 mm (fig. 3/4).
– Percutor, forma circulară în plan şi dreptunghiulară în secţiune, marginile rotunjite, este acoperit în totalitate de zgură de la arsură, realizat din şist, culoare brună, diametrul lungime – 60 mm, diametrul lăţime – 53 mm (fig. 3/7).

Răzuitoare:

– Răzuitor, fragment, reprezintă jumătate de piesă, forma trapezoidală în plan şi dreptunghiulară în secţiune, realizat din şist, culoare roşietică. Dimensiuni: lungimea – 90 mm, lăţimea – 60 mm, grosimea – 41 mm (fig. 3/3).
– Răzuitor, forma rotundă în plan şi circulară în secţiune, aplatizat, realizat din calcar, culoarea galbenă – brună. Dimensiuni: diametrul – 75 mm, grosimea – 25 mm. (fig. 3/6).

Dăltiţe şi lustruitoare:

– Dăltiţă, fragment, triunghiular în plan, dreptunghiular în secţiune, reprezintă partea activă a piesei, este rupt de la mijlocul piesei, pe o suprafaţă se observă o alveolă naturală, probabil folosită de utilizatorul piesei pentru o mai bună prindere a piesei în procesul de lucru, o margine şi capătul ascuţit serveau ca lustruitor, suprafaţa netedă, realizat din piatră de râu, culoare cafenie, lungimea – 27 mm, lăţimea – 15 mm, grosimea – 5 mm (fig. 3/8).
– Dăltiţă, trapezoidal în plan, triunghiular în secţiune, reprezintă un lustruitor provenit dintr-o dăltiţă, tăişul dăltiţei este puţin aşchiat, cât şi o suprafaţă, ca lustruitor s-a folosit „ceafa" piesei, suprafaţa netedă, realizat din piatră de râu, culoare cafenie, lungimea – 36 mm, lăţimea – 11 mm, grosimea – 8 mm. (fig. 3/9).
– Dăltiţă, fragment, forma trapezoidală în plan, triunghiulară în secţiune, reprezintă partea activă a piesei, rupt de la mijlocul piesei, o suprafaţă mai arcuită, vârful ascuţit, suprafaţa netedă, realizat din piatră de râu, culoarea cafenie, lungimea – 33 mm, lăţimea – 13 mm, grosimea – 9 mm (fig. 3/10).
– Lustruitor, forma de „inimă", triunghiulară în plan cu marginile rotunjite, ovală în secţiune, marginile piesei erau utilizate pentru lustruire, lungimea – 28 mm, lăţimea – 20 mm, grosimea – 10 mm (fig. 3/11).

Modele, formele, tipurile de unelte prezentate mai sus, sunt o prezenţă clasică în cadrul culturii Gumelniţa (Păunescu 1970, 85-96; Черныш 1969; Бейлекчи 1978, 88-95; Dragomir 1983; Comşa 1972, 245-262; Манзура, Сорокин 1990, 82-83).

Ceramica

Ceramica din aşezarea eneolitică de la Chioselia Mare, după tehnica de pregătire a pastei, calitate şi ardere se împarte în două categorii principale.

Prima categorie este modelată din pastă grosieră având ca degresant cioburi pisate mărunt, nisip şi uneori calcar sau pleavă şi paie fărâmiţate. Suprafaţa exterioară a vaselor e zgrunţuroasă, pereţii în interior sunt bine neteziţi, iar uneori chiar şi puţin lustruiţi. Din pastă grosieră se poate observa că sunt confecţionate de regulă vasele de dimensiuni mari, în special oale (fig. 5/4-6, 13, 16; 6/5-8; 7/5-11).

A doua categorie de vase e lucrată din pastă fină şi semifină în care drept degresant erau folosite cioburile pisate mărunt, uneori în amestec cu nisip fin sau calcar mărunţit. Majoritatea vaselor au pereţii subţiri. Suprafeţele lor – exterioară şi interioară – sunt, de regulă, bine netezite sau lustruite. Formele sunt diverse: cupe, pahare, boluri, castroane, străchini, oale (fig. 5/1-3, 7, 9-13, 15; 6/1-4, 9-13; 7/1-4).

O analiză a materialului ceramic se impune a fi efectuată cât mai rapid, mai ales că în colecţia personală a dlui Şendrea se află unele fragmente de vase cu decor pictat, incizat, alveolat şi forme interesante, care necesită un studiu mai amplu şi care va permite încadrarea cronologică cât mai

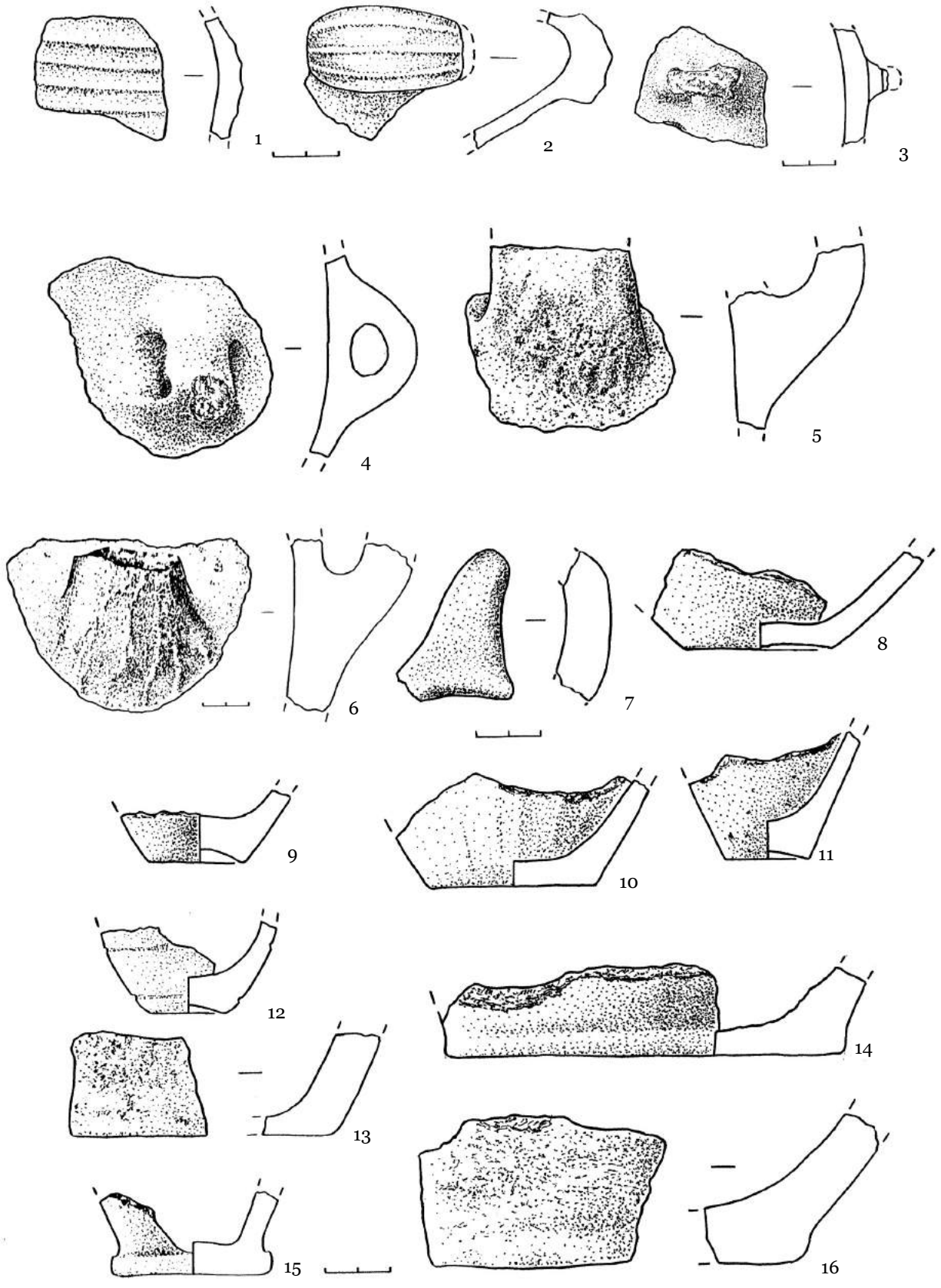


Fig. 5. Fragmente ceramice descoperite la Chioselia Mare: 1 - capac; 3-7 - toarte; 8-16 - funduri de vase.

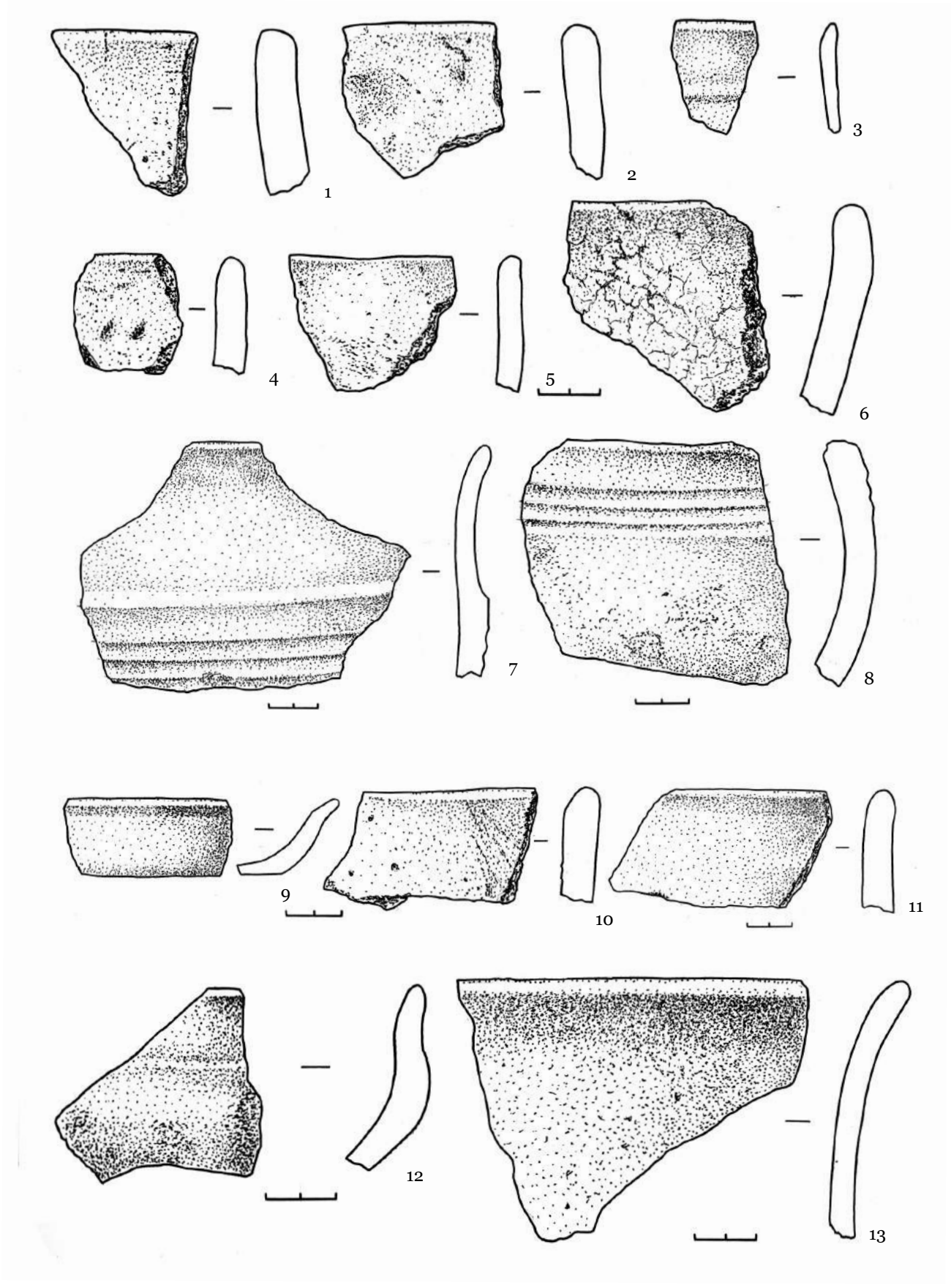


Fig. 6. Fragmente ceramice descoperite la Chioselia Mare: 1-8, 10-14 - buze; 9 - perete.

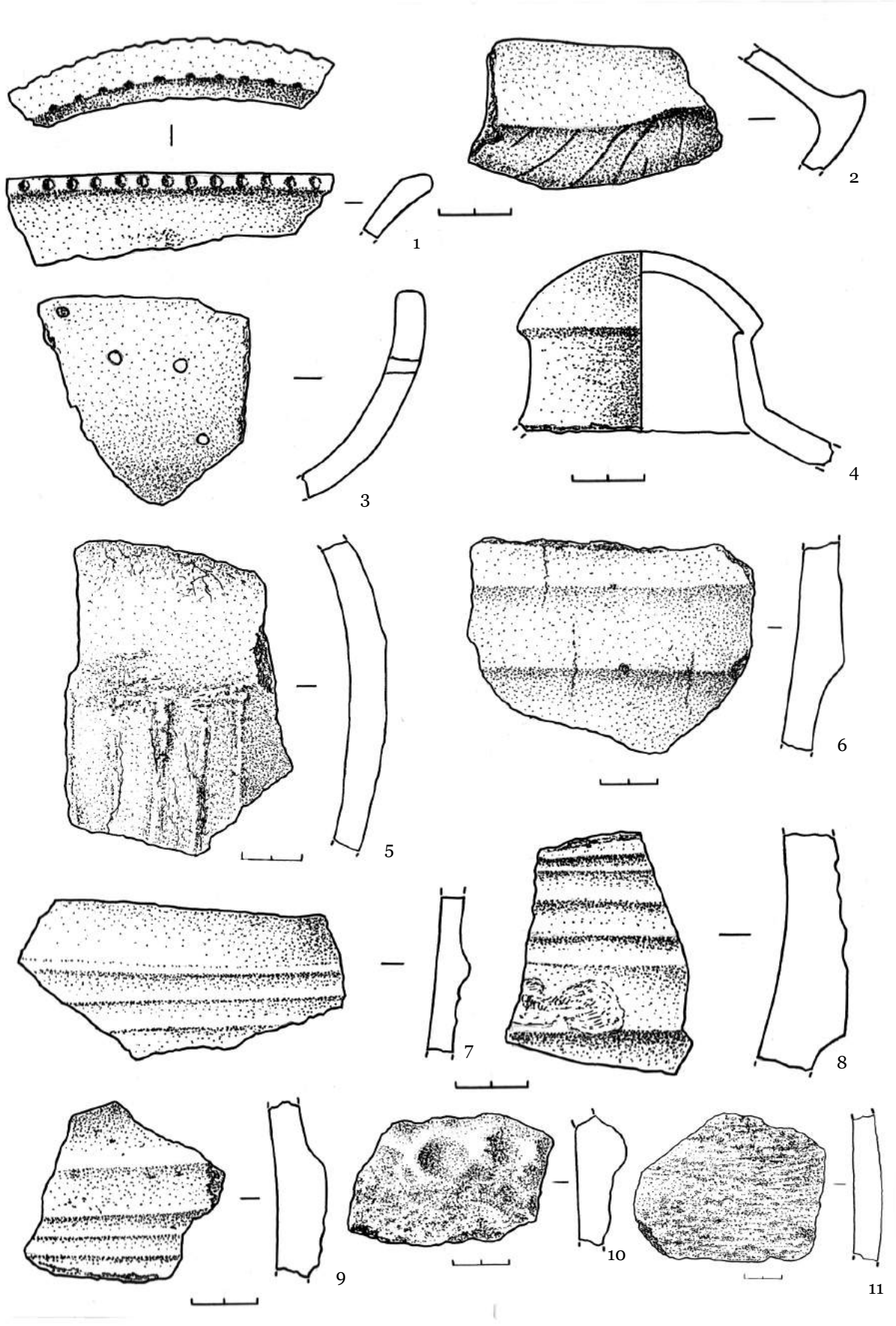


Fig. 7. Fragmente ceramice descoperite la Chioselia Mare: 1, 3- buze; 4 - capac; 5-11 - pereți.

exactă a sitului de la Chioselia Mare. La momentul actual prezintă interes un fragment de capac fără mâner (fig. 7/4), reprezintă partea superioară a capacului, având o formă sferică, de „ciupercă", realizat din pastă fină, culoare cărămizie, suprafaţa exterioară în partea de mijloc a capacului este netezită neglijent, zgrunţuroasă, pe când partea superioară şi inferioară este netedă, lustruită, suprafaţa interioară zgrunţuroasă, neglijent modelată, înălţimea – 55 mm, diametrul minim – 70 mm, diametrul maxim – 90 mm.

De asemenea în urma perieghezei din toamna anului 2012, a fost descoperită un fragment de figurină antropomorfă (fig. 3/12). Aceasta reprezintă membru superior de la statuetele de tip „orantă", neornamentată, cu două orificii, realizată din pastă fină în amestec cu şamotă măruntă, acoperită cu angobă, culoare cenuşie închisă, diametrul lungime – 30 mm, diametrul lăţime – 20 mm, grosimea – 10 mm. Analogii, ca model de statuetă „orantă" întâlnim la Lopăţica (Бейлекчи 1978, рис. 63/5).

Pe lângă piesele eneolitice, în urma cercetării de teren s-au depistat şi două funduri de vas (fig. 5/8, 14), care sunt lucrate la roata olarului, sunt realizate din pastă fină, culoarea cărămizie, roşiatică, care sunt de factură romană. După toate probabilităţile se pare că în preajma aşezării Gumelniţa sau chiar suprapusă se află şi o aşezare din epoca romană, posibil de „tip Etulia" (Фокеев 1987, 16-25), însă la acest subiect vom reveni când vom colecta mai mult material.

Situl arheologic Chioselia Mare devine cel mai nordic sit arheologic gumelniţean, de pe teritoriul Republicii Moldova (fig. 1/a)[1], documentat şi care se află într-o stare de conservare bună, chiar dacă în perioada sovietică suprafaţa acestuia a fost plantată cu viţă-de-vie se pare că nu este foarte afectat. Zona în care este localizat situl reprezintă o ,,pată albă" pe harta arheologică a Republicii Moldova, astfel nu este exclus că mai spre nord spre codrii Tigheciului, vor mai fi descoperite alte situri gumelniţiene.

Bibliografie

Agulnicov 1993: S. Agulnicov, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Taraclia (Chişinău 1993). Arhiva MNIM, nr. inv. 108.

Comşa 1972: E. Comşa, Date despre uneltele de piatră şlefuită din epoca neolitică şi din epoca bronzului de pe teritoriul României (Istoricul problemei, tipuri-funcţionalităţi). SCIV 23/2, 1972, 245-262.

Dragomir 1983: I.T. Dragomir, Eneoliticul din sud-estul României. Aspectul cultural Stoicani-Aldeni (Bucureşti 1983).

Păunescu 1970: Al. Păunescu, Evoluţia uneltelor şi armelor din piatră cioplită descoperite pe teritoriul României (Bucureşti 1970).

Sorochin 1994: V. Sorochin, Culturile eneolitice din Moldova. Thraco-Dacica 15/1-2, 1994, 72-76.

Sorochin 2001: V. Sorochin, Relaţiile între culturile Precucuteni-Tripolie A şi Bolgrad-Aldeni. Tyragetia X, 2001, 81-90.

Бейлекчи 1974: В.С. Бейлекчи, Исследования гумельницкого поселения у села Кокора. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1972 г. (Кишинев 1974), 51-67.

Бейлекчи 1978: В.С. Бейлекчи, Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная (Кишинев 1978).

Бейлекчи, Агульников, Чирков 1985: В.С. Бейлекчи, С.М. Агульников, А.Ю. Чирков, Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1985 г. (Кишинев 1985). Архив НМИМ, №231.

Манзура, Сорокин 1990: И.В. Манзура, В.Я. Сорокин, Гумельницкое поселения у пгт. Тараклия. В сб.: (Отв. ред. В.А. Дергачев) Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 78-93.

Маркевич 1973: В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. АКМ, вып. 2 (Кишинев 1973).

Пассек, Черныш 1964: Т.С. Пассек, Е.К. Черныш, Отчет о работе Молдавской археологической экспедиции в 1963 году (Кишинев 1964). Архив НМИМ.

Субботин 1975: Л.В. Субботин, Болградский локальный вариант энеолитической культуры Гумельница. Автореферат диссертации на соискание научной степени канд. ист. наук (Киев 1975).

Фокеев 1975: М.М. Фокеев, Памятники первых веков нашей эры в Буджакской степи. В сб.: Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. (Киев 1975), 16-25.

[1] În această hartă a siturilor gumelniţiene nu am inclus punctul **Pelinei I** (Маркевич 1973, 157), deoarece acest sit nu a fost identificat pe teren, iar în repertoriu a fost inclus doar în baza unei singure piese arheologice, un topor care s-ar păstra în incita şcolii din sat. De asemenea, punctul **Sărata Răzeşi** (Бейлекчи 1978, рис. 1/52) nu poate fi identificat în alte surse bibliografice, iar în lucrarea amintită nu se face nicio descriere sau o localizare exactă a sitului.

Черныш 1982: Е.К. Черныш, Памятники культуры Болград-Алдени. В: Энеолит СССР (Москва 1982), 253.

Черныш 1969: Е.К. Черныш, Орудия труда культуры Гумельница. В сб.: КСИА, вып. 115 (Москва 1969), 23-28.

A new settlement of the Gumelniţa culture from Chioselia Mare village, Cahul District

Abstract

The article presents a set of objects, which came from a new settlement of the Gumelniţa culture. The archaeological collection consists of working tools, ceramic fragments and an anthropomorphic figurine fragment. Settlement from Chioselia Mare was identified at 3.5 km north-west from the church of Chioselia Mare village and 1,9 km west of the road between Chioselia Mare village, Cahul District and Cîietu village, Cantemir District. According to preliminary investigations, this settlement is the northernmost site of the Gumelniţa culture on the territory of the Republic of Moldova.

List of illustrations:

Fig. 1. a - The map of Gumelniţa culture settlements in the Republic of Moldova: 1 - Chioselia Mare; 2, 3 - Cucoara I, II (by Маркевич 1973, 157; Бейлекчи 1978, рис. 1); 4 - Cealîc (by Agulnicov 1993, nr. 108); 5 - Lopăţica; 6 - Taraclia; 7 - Cairaclia; 8 - Vulcăneşti: 9 - Colibaş; 10-12 - Etulia I, V, VI; 13 - Giurgiuleşti (by Маркевич 1973, 157; Бейлекчи 1978, рис. 1); b - the location of the archaeological site of Chioselia Mare.

Fig. 2. Chioselia Mare. Stone tools: 1-4 - adze; 5-10 - axes.

Fig. 3. Chioselia Mare. Stone tools: 1, 2, 4, 7 - hammer; 3, 6 - scarper; 5 - adze; 8-10 - chisels; 12 - fragment of anthropomorphic figurine.

Fig. 4. Chioselia Mare. Flint tools. Local flint: 1 - sickle; 5, 8, 9, 19 - scrapers; 15, 21 - flakes; 10 - core; 11, 12 - flint pebbles. Balkan flint: 2, 6, 7, 14, 16-18, 20 - scrapers; 3, 4 - blades; 13 - sickle.

Fig. 5. Ceramic fragments discovered at Chioselia Mare: 1 - lid; 3-7 - handles; 8-16 - ceramic bottoms.

Fig. 6. Ceramic fragments discovered at Chioselia Mare: 1-8, 10-14 - lips of pottery; 9 - wall.

Fig. 7. Ceramic fragments discovered at Chioselia Mare: 1, 3 - lips of pottery; 4 - lid; 5-11 - walls.

Новый памятник культуры Гумельница у с. Киоселиа Маре Кагульского района

Резюме

Данная статья вводит в научный оборот серию археологических материалов, собранных на новом поселении культуры Гумельница. Коллекция состоит из орудий труда, фрагментов керамики и фрагмента антропоморфной пластики. Поселение Киоселия Маре обнаружено в 3,5 км к северо-западу от церкви села Киоселия Маре Кагульского района и в 1,9 км к западу от дороги между Киоселия Маре и селом Кыету Кантемирского района. Согласно предварительным исследованиям, данное поселение является самым северным памятником культуры Гумельница на территории Республики Молдова.

Список иллюстраций:

Рис. 1. a - Карта расположения гумельницких поселений на территории Республики Молдова: 1 - Киоселия Маре; 2, 3 - Кукоара I, II (по Маркевич 1973, 157; Бейлекчи 1978, рис. 1); 4 - Чалык (по Agulnicov 1993, №108); 5 - Лопэцика; 6 - Тараклия; 7 - Кайраклия; 8 - Вулканешты; 9 - Колибаш; 10-12 - Этулия II, V, VI; 13 - Джурджулешты (по Маркевич 1973, 157; Бейлекчи 1978, рис. 1); b - место расположения поселения Киоселия Мааре.

Рис. 2. Киоселия Маре. Каменные орудия: 1-4 - тесла; 5-10 - топоры.

Рис. 3. Киоселия Маре. Каменные орудия: 1, 2, 4, 7 - отбойники; 3, 6 - растиральники; 5 - тесло; 8-10 - долотца; 12 - фрагмент антропоморфной статуэтки.

Рис. 4. Киоселия Маре. Кремневые изделия. Местный кремень (прутский): 1 - серп; 5, 8, 9, 19 - скребки; 15, 21 - кремень; 11, 12 - фрагменты гальки из кремня; 10 - нуклеус. Балканский кремень: 2, 6, 7, 14, 16-18, 20 - скребки; 3, 4 - пластины; 13 - серп.

Рис. 5. Фрагменты керамики, найденные в Киоселия Маре: 1 - крышка; 3-7 - ручки; 8-16 - днища

Рис. 6. Фрагменты керамики, найденные в Киоселия Маре: 1-8, 10-14 - венчики; 9 - стенка.

Рис. 7. Фрагменты керамики, найденные в Киоселия Маре: 1, 3 - венчики; 4 - крышка; 5-11 - стенки.

01.06.2013

Eugeniu Mistreanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: eugenmistreanu@gmail.com

КУРГАН ЭНЕОЛИТА-БРОНЗЫ У С. СУВОРОВО ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Николай Руссев
Михаил Фокеев
Игорь Манзура

За последние двадцать лет в археологии Северо-Западного Причерноморья была выработана достаточно устойчивая и детализированная схема культурно-исторического развития в медном и бронзовом веке. В рамках этой схемы были выделены и охарактеризованы основные культурные подразделения, определены их генезис и последовательность, а также направленность внутренних и внешних связей. В связи с этим большой интерес представляют археологические памятники, которые в силу своих стратиграфических особенностей и по характеру материала наглядно иллюстрируют некоторые культурно-хронологические аспекты данной схемы, подтверждая тем самым обоснованность выполненных разработок. К их числу, безусловно, можно отнести курган периода энеолита-ранней бронзы, исследованный в 1995-1997 годах недалеко от с. Суворово Измаильского района Одесской области.

Курган №2 был обнаружен случайно при раскопках военного укрепления нового времени. Он находился в урочище Кале, на оконечности невысокого мыса, служащего водоразделом рек Большой и Малый Катлабух и вытянутого с юга на север (координаты 45° 37’ 01” северной широты и 28° 57’ 16” восточной долготы). Насыпь к началу раскопок не сохранилась. В кургане обнаружены пять погребений, отдельно депонированный сосуд, ров и остатки каменной крепиды или кромлеха (рис. 1/1).

Погребение 1 (ямной культуры) располагалось в юго-восточном секторе кургана, у внутреннего края рва. Контуры могильной ямы не прослежены. Ее глубина от современной поверхности равнялась 0,95 м. Погребение было перекрыто камнями. Один крупный камень лежал на ногах погребенного, другой был выброшен при строительстве редута нового времени. Погребенный лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток. Правая рука была вытянута вдоль тела. Плечевая кость левой руки была отведена немного в сторону, а предплечье, вероятно, смещенное с первоначального положения, залегало поперек тела. Согнутые в коленях ноги распались «ромбом» (рис. 1/2).

Лепной горшок из глины с примесью шамота находился у локтя правой руки. Венчик сосуда резко отогнут. Горло относительно высокое, усечено-коническое. Тулово округлое, с покатыми плечиками. Дно плоское. Внешняя поверхность горловины преднамеренно ошершавлена. Верхняя часть тулова несет следы заглаживания пучком травы или тканью. Высота сосуда 17 см, диаметр венчика 16, диаметр тулова 22 см, диаметр дна 7,5 см (рис. 2/2).

Погребение 2 (ямной культуры) также находилось в юго-восточном секторе кургана. Его юго-западная часть была разрушена при сооружении погребения 1. Сохранилась северо-восточная половина ямы шириной 1,0 м, углубленной на 0,9 м от современной поверхности. Погребенный лежал на спине, возможно, в скорченном положении, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги не сохранились. Возле правого плеча лежал кусочек охры (рис. 1/2).

Лепной горшок из глины с примесью шамота, вытянутых пропорций, находился справа от черепа, ближе к северному углу ямы. Венчик и горловина не сохранились. Тулово яйцевидной формы. Диаметр тулова 10 см (рис. 2/1).

Погребение 3 (позднетрипольского времени) обнаружено в центре кургана или, точнее, площадки, окаймленной рвом, на глубине 0,45 м. Яма прямоугольной формы с закругленными углами (1,25×1,05 м), глубиной 1,15 м от совре-

Tyragetia, s.n., vol. VII [XXII], nr. 1, 2013, 157-162.

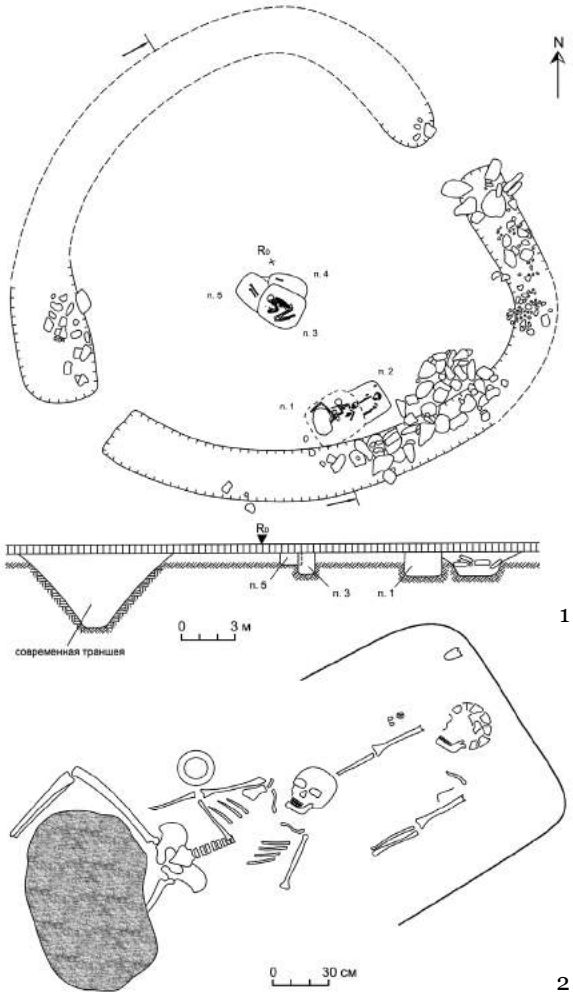


Рис. 1. Курган 2 в ур. Кале: 1 - общий план и центральный стратиграфический профиль кургана 2; 2 - план погребений 1 и 2.

менной поверхности, была ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Погребенный лежал в сильно скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад. Согнутые в локтях руки были уложены кистями перед лицом. Перед лицом погребенного лежал небольшой кусок охры (рис. 2/3).

Семь пастовых (?) бус лежали возле запястья левой руки. Две бусины красно-коричневого, остальные молочно-белого цвета. Бусы изготовлены из трубочки диаметром 0,5 см. Их толщина 0, 1 см (рис. 2/6).

Посоховидная подвеска из кости с отверстием в центре обнаружена рядом с бусами. Длина подвески 4,5 см (рис. 2/5).

Кремневый наконечник стрелы треугольной формы с выемчатым основанием также обнаружен у запястья левой руки. Поверхность изделия с двух сторон обработана плоской струйчатой ретушью. Длина наконечника 1,9 см (рис. 2/4).

Погребение 4 (позднего энеолита) находилось в центре кургана, непосредственно к северу от погребения 3, и частично было им нарушено. Яма овальной формы (1,10×0,6 м), глубиной 0,75 м от современной поверхности была ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Скелет полностью разрушен, вследствие чего его положение определить не удалось. На дне ямы, под обломком кости, прослежен коричневый тлен от растительной подстилки и охра (рис. 2/3).

Погребение 5 (позднего энеолита) также находилось в центре кургана и было нарушено погребениями 3 и 4. Сохранилась северо-западная часть прямоугольной ямы с закругленными углами шириной 0,85 м, ориентированной по линии юго-восток – северо-запад. Глубина ямы 0,70 м от современной поверхности. Скелет почти полностью разрушен. В первоначальном положении сохранились берцовые кости, по которым можно установить, что погребенный лежал, вероятно, в скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток. На дне ямы прослежены коричневый тлен от подстилки и посыпка охрой (рис. 2/3).

Помимо погребений, в центре кургана, на глубине 0,4 м от современной поверхности, был обнаружен сосуд (рис. 2/7). По всей вероятности, он был уложен в неглубокую ямку, очертания которой проследить не удалось. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины. Обжиг высококачественный, поверхность светло-терракотового цвета, на некоторых участках со следами лощения. Тулово биконическое, приземистое, с резко сужающейся ко дну нижней частью. Горло высокое, цилиндрическое, со слегка отогнутым венчиком. На месте наибольшего расширения корпуса имеется, по-видимому, зооморфный пластический налеп. Вся внешняя поверхность сосуда покрыта расписным орнаментом, выполненным темно-коричневой краской. Орнамент расположен в три яруса. Горловина украшена двумя метопами, которые ограничены со всех сторон лентами из тонких и широких линий и отделены от тулова лентой с ромбами, оформ-

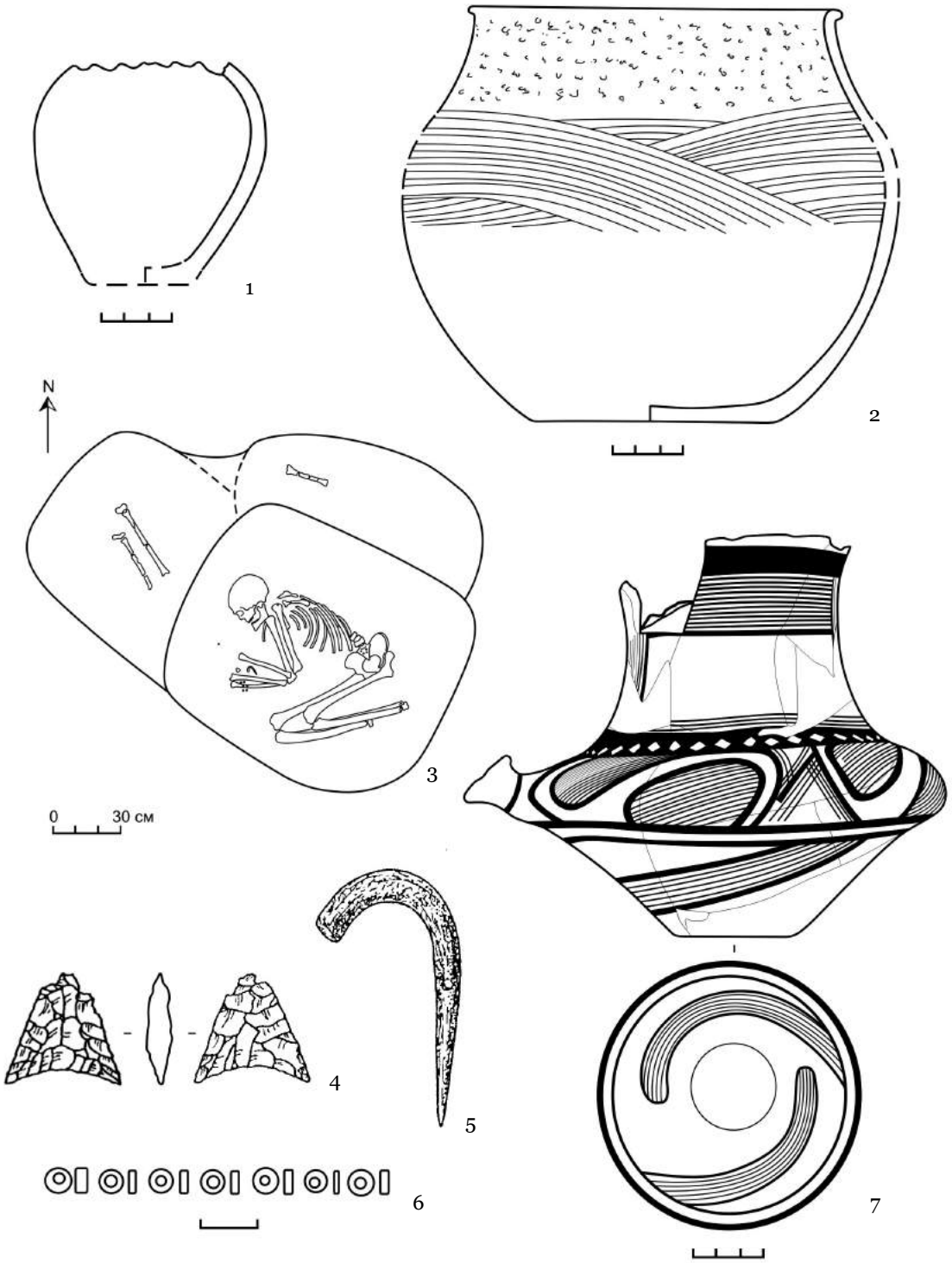


Рис. 2. Курган 2 в ур. Кале: 1 - сосуд из погребения 2; 2 - сосуд из погребения 1; 3 - план погребений 3-5; 4-6 - инвентарь погребения 3; 7 - сосуд из жертвенника.

ленными в негативной манере. Верхняя часть тулова орнаментирована узором в виде одного из вариантов схемы «Tangentenkreisband». На нижнюю часть тулова нанесены две противолежащие тангенты, продольно заштрихованные тонкими линиями. Высота сосуда 16,2 см, диаметр венчика 10,6 см, диаметр тулова 17 см, диаметр дна 5 см.

С основным погребением кургана связаны ров, в свое время окружавший насыпь, и остатки почти полностью разрушенной каменной конструкции, по-видимому, представлявшей

собой кольцевую обкладку-крепиду или кромлех. Ров в плане округлой формы с двумя проходами в северо-восточной и юго-западной части шириной соответственно 1,4 м и 1,1 м (рис. 1/1). Северо-западная часть сооружения уничтожена укреплением нового времени. В разрезе ров имел воронкообразную форму и плоское дно. Заполнение состояло из слабо гумусированного суглинка. В заполнении, особенно в придонной части, встречались фрагменты керамики, изготовленной из глины с примесью толченых раковин, в некоторых случаях украшенных шнуровым орнаментом. Внутренний диаметр рва составлял в среднем около 20 м, ширина 1,0-1,5 м, глубина 1,0 м от современной поверхности.

Крепида в основном состояла из относительно мелких камней, но также встречались более крупные необработанные камни длиной до 70 см. В процессе оплывания насыпи камни сползли в ров. Их концентрация прослеживалась, главным образом, в восточном и юго-восточном секторах рва (рис. 1/1).

В стратиграфическом отношении основным для данного кургана, по всей вероятности, являлось позднеэнеолитическое погребение 5, которое располагалось в центре площадки, окруженной рвом. Позднее в центр кургана, возведенного над основным погребением, было впущено захоронение 4, по-видимому, также относившееся к периоду позднего энеолита. Впоследствии практически на этом же месте было совершено погребение усатовского времени под номером 3, которое в значительной степени разрушило оба предшествовавших могильных комплекса. В период ранней бронзы в юго-восточной поле насыпи были последовательно сооружены погребения ямной культуры 1 и 2, наложившиеся одно на другое. Не исключено, что в рассматриваемом кургане имелись и другие захоронения, о чем сложно однозначно судить ввиду плохой сохранности памятника.

Особенности курганной архитектуры, а также характер погребального обряда и инвентаря позволяет весьма достоверно определить культурно-хронологическую принадлежность большинства открытых комплексов. Самый ранний хронологический горизонт памятника связан с погребением 5, с которым, скорее всего, должны соотноситься ров, крепида и расписной сосуд. Само захоронение оказалось почти полностью разрушенным, что не позволяет полностью реконструировать положение костяка, хотя по сохранившимся берцовым костям можно предположить, что погребенный лежал скорченно на левом боку с ориентировкой в юго-восточном секторе. Такое размещение тела покойного является вполне обычным как для погребений позднего медного века, так и для могильных комплексов позднетрипольского времени. Вместе с тем, другие культурные признаки, связанные с данным погребением, обладают более специфическим характером. Наличие рва с одним или двумя проходами в сочетании с каменными сооружениями присуще серии археологических памятников, которые в Северо-Западном Причерноморье объединяются в особую культурную группу позднего энеолита под названием Хаджидер (Петренко 1989) или же трактуются в качестве одного из локальных подразделений балканской культуры Чернавода I (Manzura 1996). В целом данное культурное подразделение датируется первой половиной IV тыс. до н.э. и синхронизируется, главным образом, с периодом Кукутень B-Триполье C1 в лесостепной зоне.

Наиболее точные параллели погребальному комплексу из ур. Кале можно обнаружить среди таких памятников, как Никольское, курган 11 (Агульников, Сава 2044, 113, рис. 53) и Траповка, курган 10 (Субботин и др. 1995, 67, рис. 17), где также были сооружены рвы с двойными проходами и каменные конструкции. Также достаточно распространенной является такая обрядовая черта, как размещение сосуда под насыпью отдельно от погребения. Этот принцип, к примеру, засвидетельствован в кургане у г. Сарата и в одном из энеолитических курганов в группе Бутор III (Дергачев, Манзура 1991, 55, 61-62, рис. 38/5, 6; 41/7-9). Единственная особенность, которая придает определенное своеобразие рассматриваемым материалам, заключается в не совсем обычной ориентировке погребения. Могильные ямы на такого рода памятниках, как правило, длинной стороной ориентированы по одной оси с проходом во рву, таким образом, чтобы ноги погребенного были направлены в сторону этого прохода. В то же время, в кургане у Новокаменки погребальная камера по длине расположена поперек оси, образованной проходами, что в некоторой степени противоречит общим правилам.

Если архитектурные элементы и черты погребального обряда дают возможность лишь в общих чертах установить культурно-хронологическую принадлежность материалов раннего стратиграфического горизонта кургана 2 в ур. Кале, то обнаруженный здесь расписной сосуд (рис. 2/7) позволяет более точно определить время сооружения этого комплекса. По совокупности морфологических и стилистических признаков он находит наиболее точные соответствия в керамике бадражской группы или ступени культуры Кукутень-Триполье, которая непосредственно предшествует периоду Триполье С2. Аналогичные сосуды присутствуют в керамическом ансамбле таких поселений периода Кукутень В2 или конца Триполья С1, как Старые Бадражи (Маркевич 1981, рис. 40/22), Тыргу Окна-Подей, Кукутень-Четэцуе и Штефэнешть-Стырча (Ткачук 2005, рис. 25/19; 34/4; 36/10). Данная находка в степной зоне не является единственной. К этому же времени и культурному кругу можно, например, отнести расписную миску из кургана 204 у Красногорки (Дергачев, Манзура 1991, 65, рис. 45/1). Учитывая нынешнюю абсолютную датировку культуры Кукутень-Триполье, время сооружения кургана у с. Новокаменка можно отнести ближе к середине IV тыс. до н.э.

Хронологическое положение следующего по времени погребения 4 определяется тем обстоятельством, что оно стратиграфически оказалось «зажатым» между энеолитическим погребением 5 и погребением начала бронзового века 3. Поскольку данное захоронение было полностью разрушенным, его культурная атрибуция осталась невыясненной.

В свою очередь погребение 3 обладает полным набором признаков для его точной культурно-хронологической идентификации. Форма могильной ямы, расположение скелета, характер погребального инвентаря практически полностью соответствуют признакам группы Животиловка-Волчанск, распространенной в период Триполье С2 по степной зоне от бассейна Прута до, по крайней мере, Нижнего Дона (Rassamakin 1999, 92-97). Наиболее устойчивыми обрядовыми признаками этого культурного образования являются нередко вторичное положение в энеолитических курганах, скорченное на левом или правом боку размещение костяков с кистями, уложенными перед лицом, ориентировка как в восточный, так и в западный сектор и др. Особенно показательным является погребальный инвентарь, включающий, в том числе, костяную посоховидную подвеску в сочетании с цилиндрическими бусами (рис. 2/5, 6). Именно этот признак выступает в роли одного из наиболее четких хроноиндикаторов, позволяющих надежно вписать рассматриваемый комплекс в соответствующий культурный контекст. Аналогичные изделия встречаются и в других идентичных по обряду погребениях Северо-Западного Причерноморья, причем, как правило, они связаны с индивидами детского или подросткового возраста, как, например, в Тараклии, курган 10, погребение 2 или в Тирасполе, курган 3, погребение 27 (Дергачев, Манзура 1991, рис. 35/5-7; 50/4, 5). Иногда в захоронениях данного типа содержатся сосуды лесостепной гординештской группы, что определяет их относительную хронологию в рамках позднетрипольской культуры периода С2, а также уточняет их позицию по отношению к памятникам усатовского типа. Учитывая соотношение усатовских древностей с материалами лесостепного Триполья, можно допустить, что погребения животиловской группы соответствуют позднему этапу развития усатовской культуры и в силу этого должны датироваться, по крайней мере, последней четвертью IV тыс. до н.э.

Погребения 1 и 2 из кургана 2 у Новокаменки по целому ряду признаков могут быть отнесены к местному варианту ямной культуры. О такой культурно-хронологической принадлежности свидетельствуют особенности размещения могил в кургане, определенные черты погребального обряда и, конечно же, керамика. Как по технологическим, так и по морфологическим признакам сосуды, обнаруженные в погребениях, находят самый широкий круг аналогий среди одной из наиболее распространенных форм горшков буджакской культуры.

Библиография

Агульников, Сава 2004: С.М. Агульников, Е.Н. Сава, Исследование курганов на левобережье Днестра (Кишинэу 2004).

Дергачев, Манзура 1991: В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Погребальные комплексы позднего Триполья (Кишинев 1991).

Маркевич 1981: В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена Северной Молдавии (Кишинев 1981).

Петренко 1991: В.Г. Петренко, Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье. История и археология Нижнего Подунавья. ТДК (Рении 1991), 18-20.

Субботин и др. 1995: Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский, Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык (Одесса 1995).

Ткачук 2005: Т.М. Ткачук, Локально-хронологические группы культуры Кукутень этапов В1 и В2 в Румынской Молдове. Stratum plus 2, 2005, 204-255.

Manzura 1996: I.V. Manzura, Culturi eneolitice în zona de stepă. Thraco-Dacica 15, 1996, 93-101.

Rassamakin 1999: Yu. Rassamakin, The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC. In: M. Levine, Yu. Rassamakin, A. Kislenko, N. Tatarintseva, Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe (Cambridge 1999), 59-182.

Tumulul din perioada eneolit-bronz de lângă s. Suvorovo, regiunea Odesa

Rezumat

Articolul prezintă materialele dintr-un tumul, cercetat între anii 1995 şi 1997 în apropierea satului Suvorovo, punctul Kale (raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina). Tumulul conţinea cinci morminte, precum şi unele structuri de piatră şi pământ. Cel mai timpuriu mormânt (nr. 5), precum şi, probabil, mormântul nr. 4, pot fi atribuite variantei locale a culturii Cernavoda I, datată cu eneoliticul târziu (prima jumătate a mileniului IV a. Chr.). În legătură cu mormântul nr. 5 pot fi puse un şanţ cu două segmente de acces, resturile unui kromleh şi un vas pictat, depus separat, aparţinând culturii Cucuteni. Mormântul nr. 3, cu un pandantiv de os în formă de toiag, mărgele din pastă şi un vârf de săgeată din silex, ocupă o poziţie mai târzie în secvenţa stratigrafică a tumulului şi poate fi datat cu bronzul timpuriu I, mai exact cu perioada culturii Usatovo (a doua jumătate a mileniului IV a. Chr.). Alte două morminte (nr. 1 şi nr. 2) conţineau vase ceramice, aparţinând culturii Jamnaja din mileniul III a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Tumulul nr. 2 din punctul Kale: 1 - planul general şi martorul stratigrafic central al tumulului; 2 - planul mormintelor nr. 1 şi nr. 2.

Fig. 2. Tumulul nr. 2 din punctul Kale: 1 - vas din mormântul nr. 2; 2 - vas din mormântul nr. 1; 3 - planul mormintelor nr. 3-5; 4-6 - inventarul mormântului nr. 3; 7 - vas din complexul de cult.

Barrow of the Copper and Bronze Ages near the Village of Suvorovo, Odessa County

Abstract

The article considers materials from a barrow excavated in 1995-1997 in the vicinity of the village of Suvorovo in the tract of Kale (Izmail District, Odessa County). Five graves and some stone and earth structures were uncovered in the barrow. The most ancient grave 5 and perhaps also grave 4 are related to the local variant of the Cernavodă I culture which is dated to the Late Copper Age (the first half of the 4th mill. BC). A ditch with two passages, remains of a cromlech and separately deposited painted vessel of the Cucuteni culture have been connected with grave 5. Grave 3 with bone hook-shaped pendant, paste beads and flint arrow head occupies in stratigraphic sequence later position and according to its features can be attributed to the Early Bronze Age I period or Usatovo culture time (the second half of the 4th mill. BC). Two other graves 1 and 2 with clay vessels belong to the Pit-Grave culture of the 3rd mill. BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Barrow no. 2 in the tract of Kale: 1 - general plan and central stratigraphic section of the barrow; 2 - plan of graves 1 and 2.

Fig. 2. Barrow no. 2 in the tract of Kale: 1 - vessel from grave 2; 2 - vessel from grave 1; 3 - plan of graves 3-5; 4-6 - grave goods from grave 3; 7 - scarified vessel from barrow.

15.04.2013

Др. хаб. Николай Руссев, Высшая Антропологическая Школа, ул. Зимбрулуй, 10-А, MD-2024 Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: nrussev@mail.ru

Др. Михаил Фокеев, Одесса, Украина, e-mail: zorenka@ukr.net

Др. Игорь Манзура, Высшая Антропологическая Школа, ул. Зимбрулуй, 10-А, MD-2024 Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: igormanzura@mail.ru

PIESE LITICE DESCOPERITE ÎN AŞEZĂRILE CULTURILOR NOUA-SABATINOVKA DIN SPAŢIUL PRUTO-NISTREAN

Mariana Sîrbu

În aşezările Noua-Sabatinovka piese din piatră au fost descoperite aproape în fiecare din aşezările cercetate sistematic sau parţial. Însă, practic în toate publicaţiile informaţii detaliate despre astfel de piese lipsesc (Смирнова 1972, 21; Балагури 1980, 112; Шарафутдинова 1982, 132; Черняков 1985, 95; Тощев, Черняков 1986, рис. 6/30; Березанская и др. 1994, 29 и сл., рис. 9; Gerškovič 1999, 64, Taf. 35/3, 5-6, 11-13; Тощев 2007, 191). Indiferent de aceasta, stadiul actual de studiu al materialului arheologic litic descoperit în aşezările Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean (inclusiv al celor descoperite în periegheze sau în mod fortuit), necesită o prezentare sistematică. Articolul în cauză este o încercare de a prezenta toate piesele litice cunoscute în prezent în aşezările Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean.

Răzuitoare (fig. 1/1-8). Sunt piese din gresie şi doar în rare cazuri din roci dure – silex, granit sau piatră de râu. În marea lor majoritate, acestea sunt descoperite fragmentar, au forme şi dimensiuni diferite care variază de regulă între 3-6 cm în lăţime şi 5-10 cm în lungime. De obicei, sunt prelucrate doar pe una din laturi, rar fiind descoperite exemplare cu ambele laturi şlefuite. Răzuitoare au fost descoperite în cadrul mai multor aşezări de tip Noua-Sabatinovka, în unele marcându-se o prezenţă abundentă (Сава, Кайзер 2011, 290-292, рис. 85-86). Descoperiri de acest tip sunt cunoscute la Cobâlea (Левицкий 1988, рис. 3/6, 6/3, 18/2, 28/1-2; Демченко, Левицкий 1992, 125), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2004, fig. 15, 63/1, 3-8; 56; 57; Sava, Kaiser 2006, fig. 9-12; 23, 33; Sava, Kaiser 2007, fig. 6/1-3, 5, 6, 8, 9; Сава, Кайзер 2011, 291, 293, рис. 85/1-6, 86/1-7; Sava 2008, fig. 12, 15, 24; Сава, Кайзер 2011, 290-292, рис. 85-86), Petruşeni (Левицкий 1985, рис. 16/8; Sava 1992, fig. 6/1, 2, 4, 6), Caplani (Паша, Агульников, Попович 2009, 126, рис. 2/6), Căuşeni (Левинский 1986, рис. 8/1, 3), Novoselicja[1] (Тощев, Черняков 1986, 128), Stecivka (Крушельницька 2006, 60, рис. 28/7, 8). La vest de Prut răzuitoare au fost descoperite la Truşeşti (Dascălu 2007, 233). Piese analogice sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Srubnaja (Бровендер 2010, рис. 7/4-6), Katakombnaja (Синюк, Матвеев 2007, рис. 56/10, 83/7, 135/5), Mnogovalikovaja şi Belogrudovka (Археология 1985, 454, 503). În literatura de specialitate în multe cazuri acestea sunt prezentate drept râşniţe, ceea ce este puţin probabil, întrucât nu este raţională folosirea pieselor cu asemenea dimensiuni pentru măcinarea cerealelor. Se presupune că acestea puteau fi folosite alături de omoplaţii crestaţi în procesul de curăţare a pieilor (Сава, Кайзер 2011, 292).

Râşniţe (fig. 2/1-4). Unelte din rocă dură de piatră, au în cele mai multe cazuri o formă dreptunghiulară sau trapezoidală în plan şi dreptunghiulară sau concavă în secţiune. Faţetele acestora sunt executate prin cioplire, mai rar prin şlefuire. De cele mai dese ori râşniţele sunt descoperite fragmentar. Fragmente de râşniţă au fost descoperite la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 7/10, 11), Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 118), Cobâlea (Левицкий 1988, рис. 20/4, 23/33), Petruşeni (Sava 1992, fig. 9/1, 2, 5, 6), Novoselicja (Тощев, Черняков 1986, 128). Râşniţe sunt cunoscut şi în arealul culturii Noua de la vest de Prut, la Crasnaleuca (Dascălu 2007, 181; Florescu 1961, 157). Pe teritoriul Ucrainei, la est de Nistru, o astfel de descoperire a fost făcută la Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 35/13). Analogii ale acestora sunt cunoscute şi în cadrul unor culturi anterioare sau parţial sincronice complexului cultural Noua-Sabatinovka, ca, de exemplu, grupa culturală Kamensko-Livenžovsk, culturile Srubnaja (fig. 11/17), Belogrudovka, Belozerka (Археология

[1] În toate cazurile transliterarea denumirilor din limba rusă şi alte limbi slave a fost efectuată conform standartului internaţional *Transliteration slawischer kyrillischer Buchstaben*. DIN 1460.

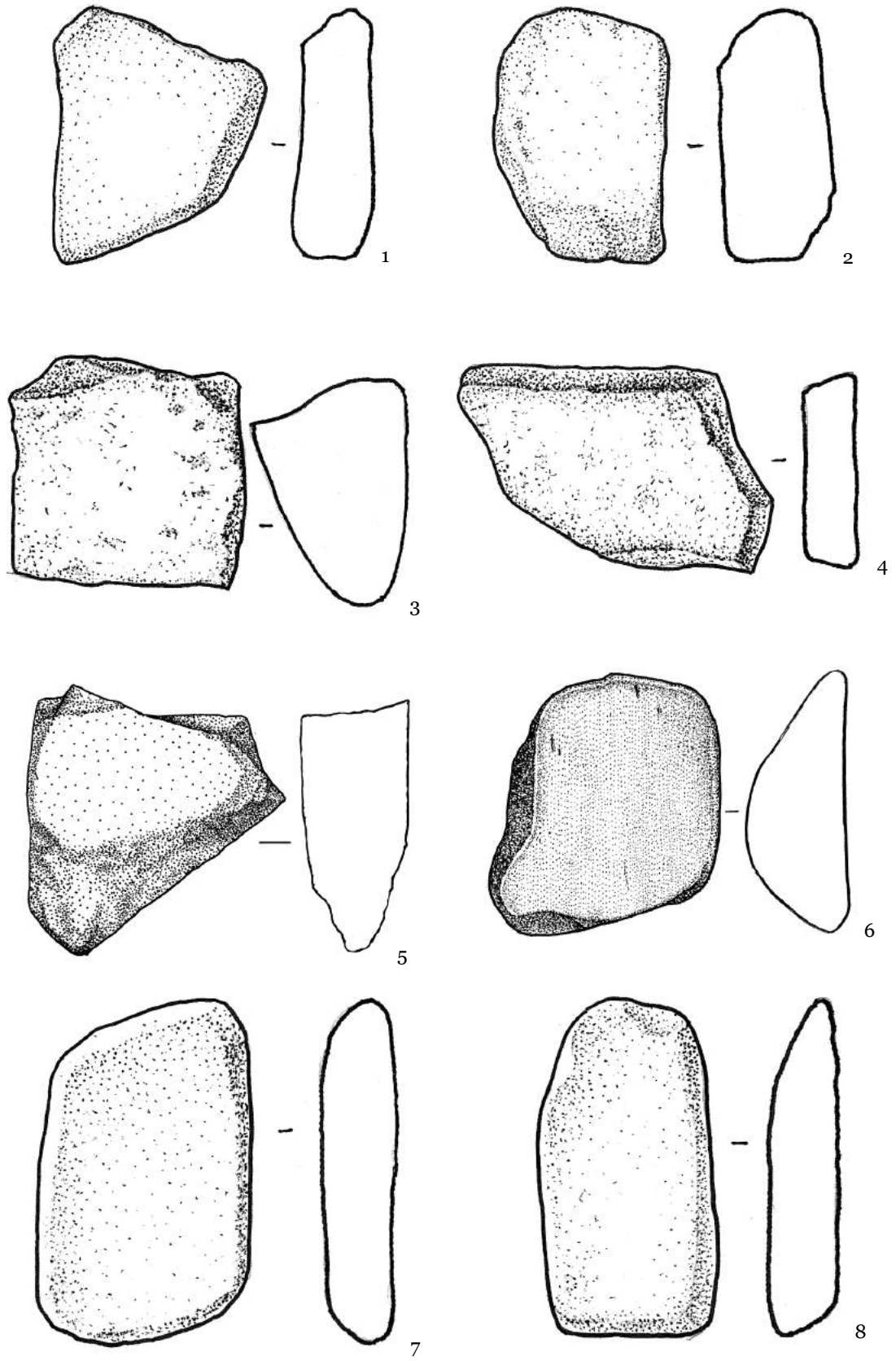


Fig. 1. Răzuitoare din piatră: 1, 2, 7, 8 - Odaia-Miciurin (după Sava, Kaiser 2004, fig. 16/7, 63/2; Sava 2008, fig. 16/7, 24/5); 3, 4 - Căuşeni (după Левинский 1986, рис. 8/1, 3); 5 - Petruşeni (după Sava 1992, fig. 6/1); 6 - Cobâlea (după Левицкий 1988, рис. 28/1).

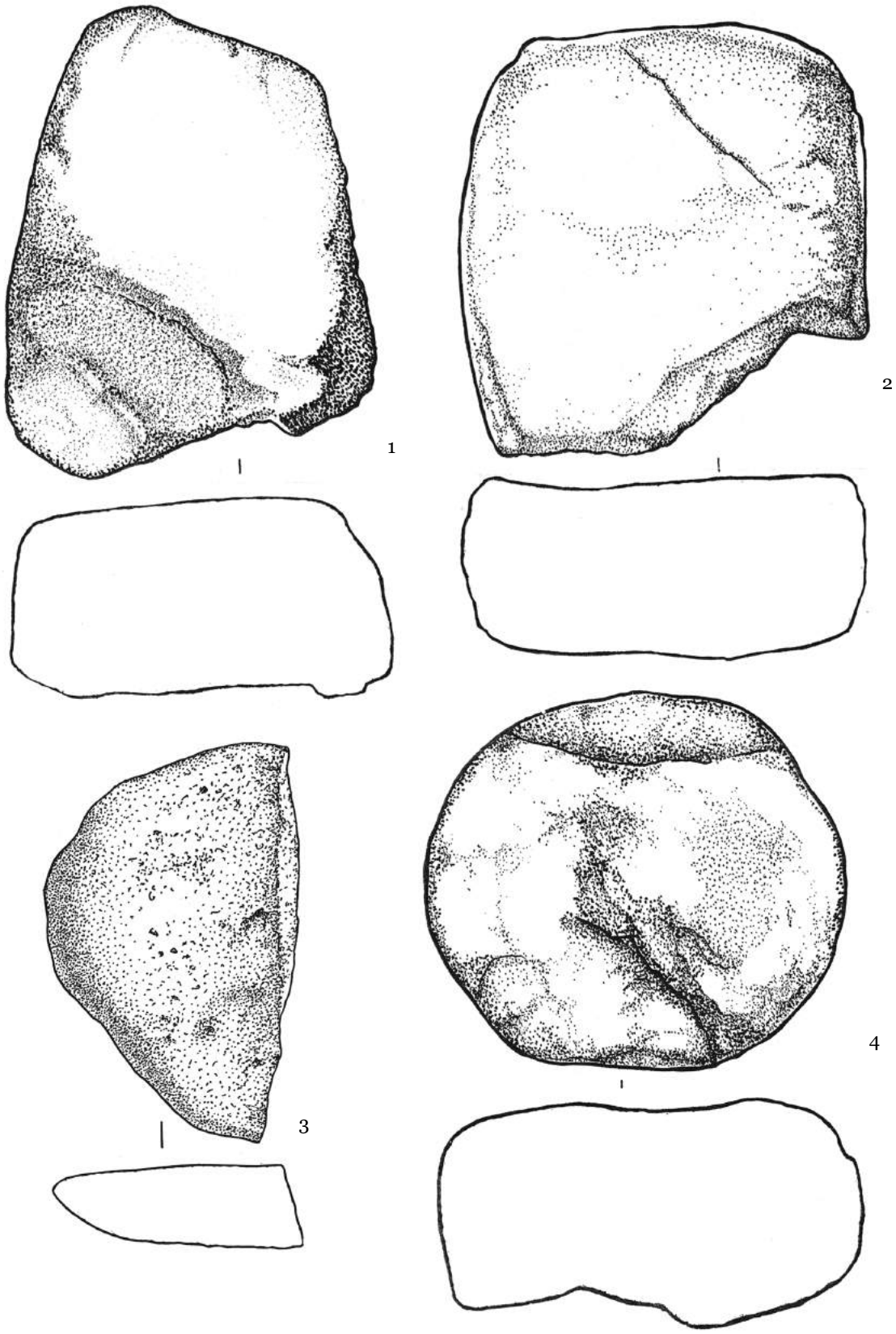


Fig. 2. Râşniţe: 1, 2, 4 - Cobâlea (după Левицкий 1988, рис. 20/4, 23/3, 28/2); 3 - Petruşeni (după Sava 1992, fig. 6/4).

1985, 461, 470, 503, 524, рис. 127/20), Babagag (Jugănaru 2005, 68).

Polizoare (fig. 3/1-4, 6, 7). Unelte prelucrate din gresie, având o formă neregulată şi dimensiuni diferite. De regulă acestea conţin pe una din laturi unul sau câteva şanţuri canelate. În arealul pruto-nistrean polizoare au fost descoperite la Hansca (Postică, Cavruc 1991, fig. 7/8), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2006, fig. 33/6, 60/2; Сава, Кайзер 2011, 296, рис. 88/5-9), Gura Galbenă (Дергачев 1973, 100), Čortovec' (Крушельницька 2006, 40, рис. 17/9). În aşezările Noua de la vest de Prut, piese analogice s-au descoperit la Corlăteni, Gârbovăţ (fig. 10/19), Tăvădărăşti (fig. 10/22) (Florescu 1991, fig. 162/2-5; Dascălu 2007, 177). Piese analogice sunt cunoscute şi în cadrul culturii Komariv (fig. 11/10, 11) (Sava 1994, fig. 3/30, 33). Polizoarele erau folosite probabil la etapa finală a procesului de prelucrare a diferitor piese din os sau bronz (ace, străpungătoare, sule).

Cute (fig. 3/5). Piese lucrate din gresie sau piatră de râu. Au de regulă formă dreptunghiulară în plan şi secţiune, suprafaţa netedă, prelucrată prin şlefuire. Acestea sunt de dimensiuni diferite şi de regulă sunt descoperite în stare fragmentară, doar în cazuri sporadice fiind cunoscute cute păstrate întregi. În spaţiul pruto-nistrean piese de acest tip au fost descoperite la Petruşeni (Sava 1992, fig. 6/5), Stecivka (Крушельницька 2006, рис. 28/9), Ostrivec' (Балагурі 1968, 140). La vest de Prut, o descoperire analogică este cunoscută în aşezarea culturii Coslogeni de la Dorobanţu (fig. 10/14) (Florescu 1991, fig. 158/4). Piese analogice sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Katakombnaja (Синюк, Матвеев 2007, рис. 92/7), Belozerka (fig. 11/8) (Археология 1985, 523, рис. 142/19), Babadag (Jugănaru 2005, 68, fig. 46/20), Gava-Holigrady (fig. 11/9) (Малеев 1976, рис. 2/10). Posibil, cutele erau folosite la ascuţirea lamelor diferitor piese din piatră sau bronz (cuţite, topoare, celturi, seceri).

Discuri din piatră (fig. 4/1-8). Astfel de piese de formă circulară în plan, sunt de regulă prelucrate din gresie. Diametrul acestora variază între 5,0 şi 15,0 cm iar grosimea între 1,0-2,5 cm. Au una sau ambele faţete şlefuite, de cele mai dese ori superficial. Majoritatea sunt prelucrate din gresie de culoare cenuşie-gălbuie sau cenuşie-deschisă. Astfel de piese s-au descoperit la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 7/7-9), Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 118), Cobâlea (Левицкий 1988, рис. 18/2, 29/1; Демченко, Левицкий 1992, 125), Nisporeni (Дергачев 1973, рис. 20/26), Odaia-Miciurin (Sava 2008, fig. 36/9; Сава, Кайзер 2011, 299), Feteşti (Ларина 1986, рис. 6/3), Ostrivec' (Балагурі 1968, 140, рис. 2/43), Novoselicja (Тощев, Черняков 1986, рис. 6/30). În arealul culturii Sabatinovka, de la est de Nistru, piese analogice au fost descoperite la Novokievka (fig. 10/9) (Gerškovič 1999, Taf. 39/7-10), Zabary, Rozanova (Гребенников, Горбенко 2010, 157, 160). Discuri de piatră sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Katakombnaja (Синюк, Матвеев 2007, рис. 137/9, 10) şi Srubnaja (Бровендер 2010, 207, рис. 7/7, 8). Aceste discuri reprezintă o categorie de piese cu utilizare incertă, întrucât nu pot fi atribuite cu certitudine uneia sau altei îndeletniciri din perioada respectivă. Posibil, aveau caracter votiv, fiind folosite alături de rondelele din lut în practicarea unor ritualuri.

Şlefuitoare-lustruitoare (fig. 5/1-9, 11, 12). Piese miniaturale, lucrate din gresie. Au de regulă formă ovală sau semiovală în plan, şi un diametru ce nu depăşeşte 3,5 cm. Au întreaga suprafaţă netedă, în unele cazuri minuţios şlefuită. Această categorie de unealtă a fost descoperită în majoritatea aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka cercetate în arealul pruto-nistrean, printre care pot fi menţionate cele de la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 11/13), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2004, fig. 30/7, 55/4; Sava, Kaiser 2006, fig. 24/5, 60/1; Sava, Kaiser 2007, fig. 5/6; Сава, Кайзер 2011, 295, рис. 87/; Sava 2008, fig. 16/4, 24/3, 5, 36/7), Nisporeni (Дергачев 1973, 91-92), Căuşeni (Левинский 1986, рис. 8/2). La est de Nistru astfel de piese sunt cunoscute în aşezările de tip Sabatinovka de la Zlatopol (fig. 10/6, 7), Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 9/1-16, 35/7-10), Kapulovka, Zmievka (Березанская и др. 1986, 98, рис. 28/3, 5) şi în aşezarea culturii Noua de la Volea (Ситник 1994, рис. 28/1, 3-5). Piese analogice s-au descoperit şi în cadrul culturilor Srubnaja (Бровендер 2010, рис. 7/5), Babadag (Jugănaru 2005, 68, fig. 46/8, 19, 21). În calitate de lustruitoare-şlefuitoare serveau probabil şi aşa-numitele „utjužki", descoperite în aşezările de tip Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 28, рис. 11/13) şi Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, рис. 87/15)[2]. Şlefuitoarele erau posibil folo-

[2] Descoperiri de acest gen au fost făcute în cadrul mai multor aşezări de tip Sabatinovka de la est de Nistru, precum Vološsko'e, Kapulovka, Visšetarasovka, Zmievka. Acestea de regulă sunt lucrate din roci moi de talc rezistente la temperaturi înalte (Березанская и др. 1986, 98) şi foloseau probabil la etapa finală a procesului de turnare a pieselor din bronz.

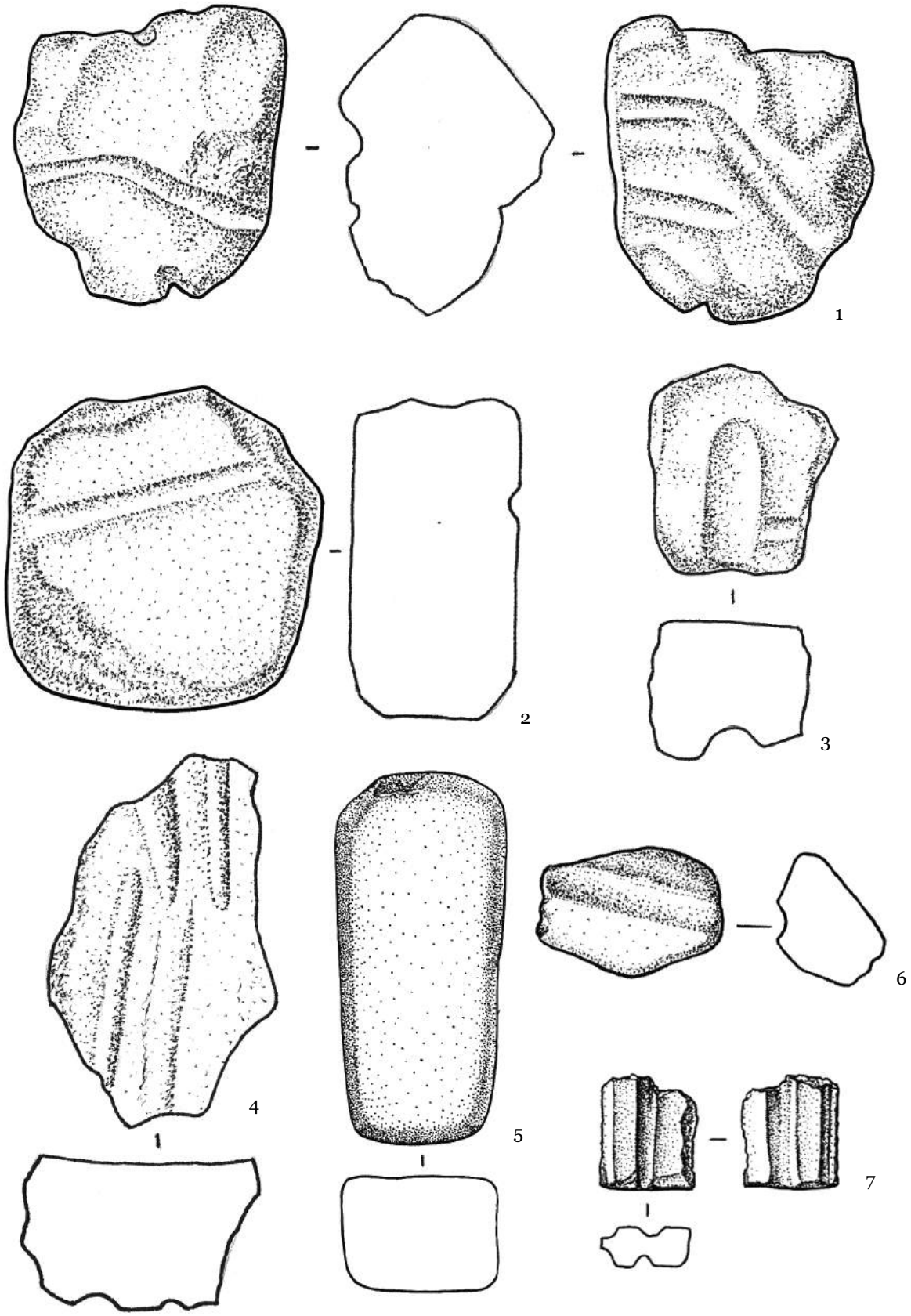


Fig. 3. Polizoare din piatră: 1, 3, 6, 7 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 88/5, 6, 9, 13); 2 - Hansca (după Postică, Cavruc 1991, fig. 7/8); 4 - Čortovec' (după Крушельницька 2006, рис. 17/9). Cute: 5 - Petruşeni (după Sava 1992, fig. 6/5).

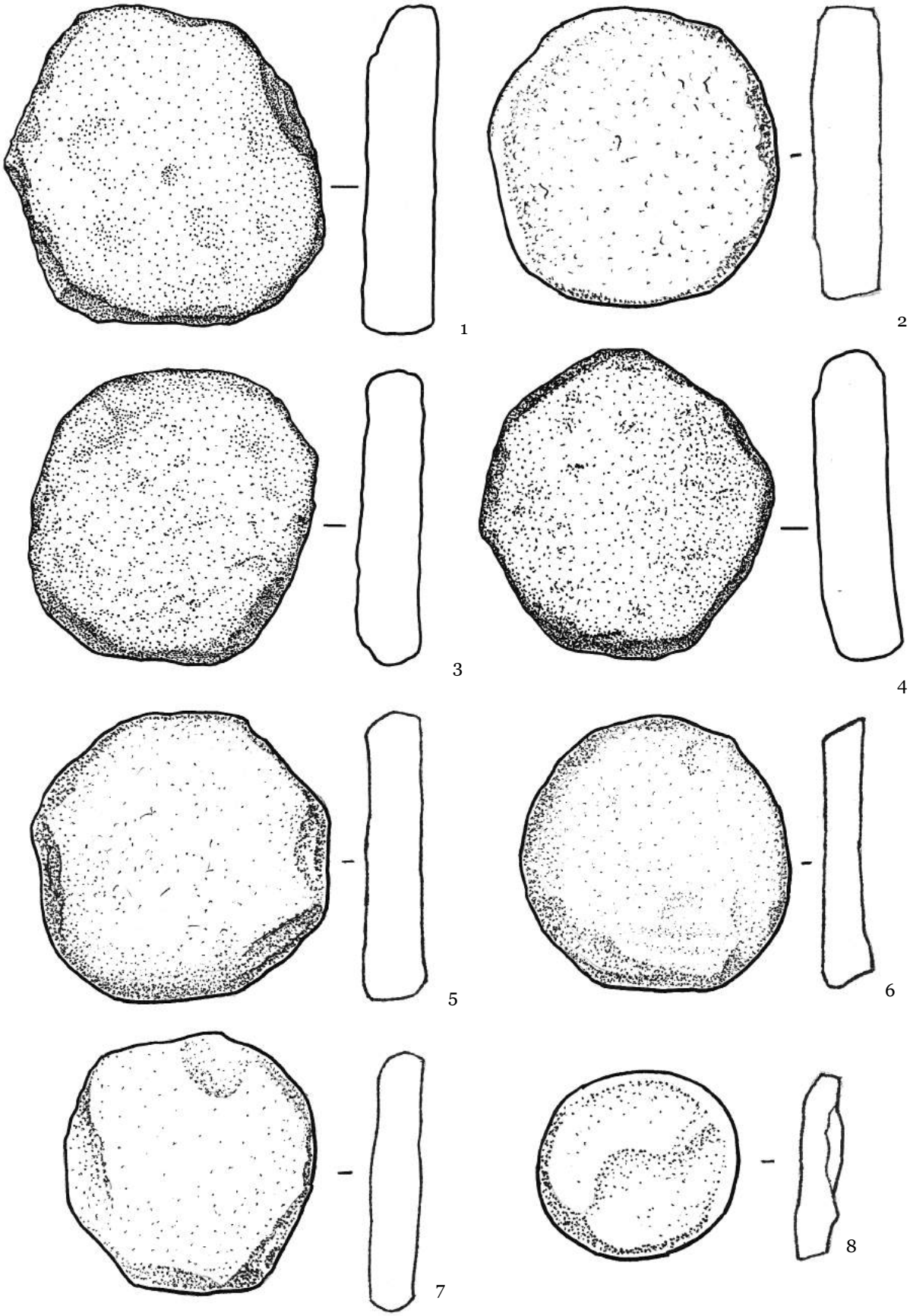


Fig. 4. Discuri de piatră: 1-4 - Slobozia-Şireuţi; 5, 6 - Cuconeşti; 7 - Feteşti (după Ларина 1976, рис. 6/3); 8 - Odaia-Miciurin (după Sava 2008, fig. 36/9).

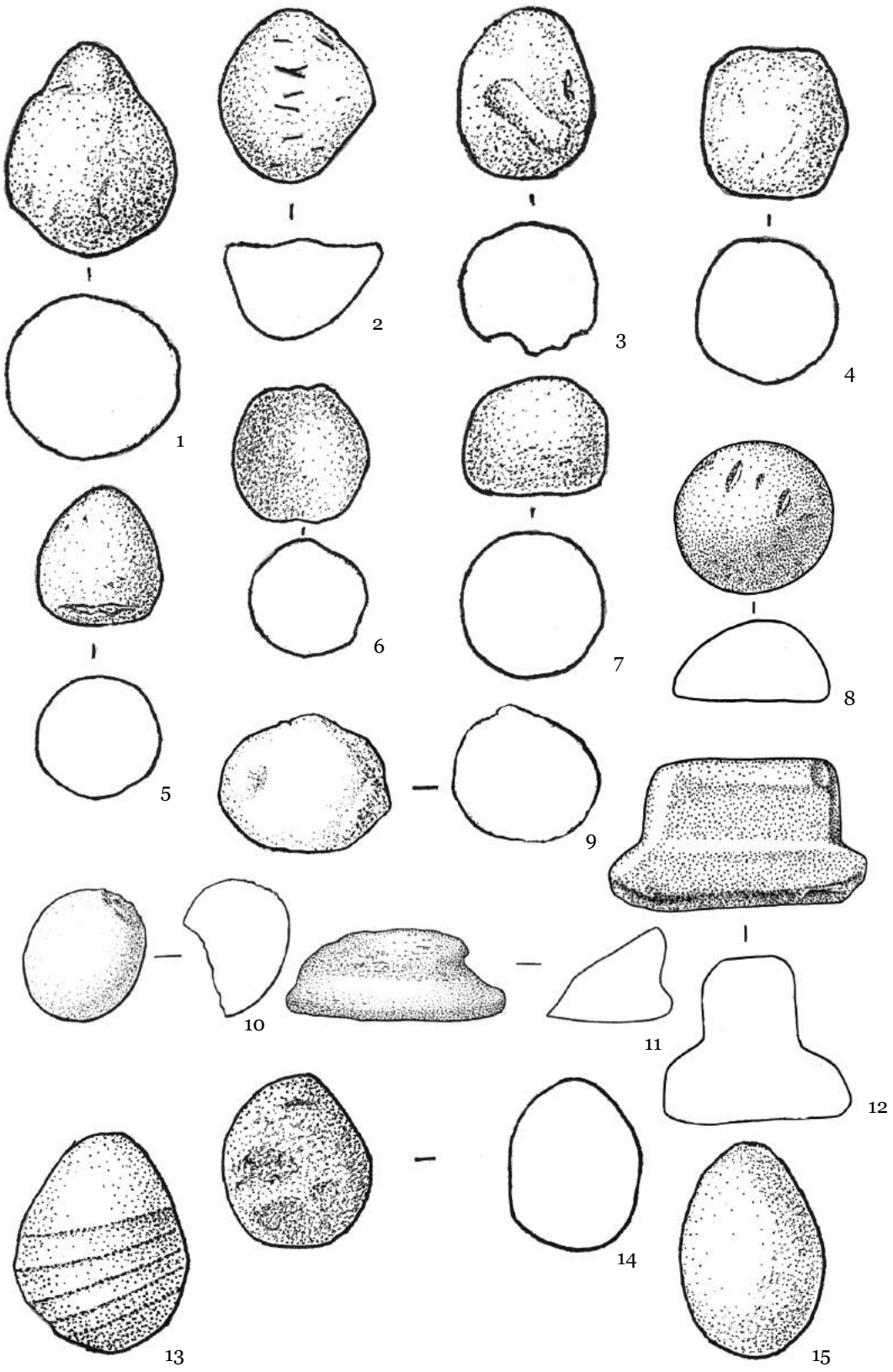


Fig. 5. Şlefuitoare-lustruitoare: 1-5, 7, 10, 11 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 87/3-6, 9, 13); 6 - Nisporeni; 8 - Căuşeni (după Левинский 1986, рис. 8/2); 9 - Cobâlea (după Левицкий 1988, рис. 18/6); 12 - Ghindeşti (după Мелюкова 1958, табл. XXVI/8). Percutoare din piatră: 10, 14 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 87/14, 15); 13 - Ghindeşti (după Мелюкова 1957, табл. XIX/5); 15 - Novoselicja (după Тощев, Черняков 1986, рис. 6/11).

site în procesul de şlefuire sau lustruire a diferitor suprafeţe (ceramică, os, bronz, lemn).

Săpăligi (fig. 6/1). Lucrate din roci dure de piatră, de regulă, din şist, acestea au formă trapezoidală în plan şi triunghiulară uşor arcuită în secţiune. Întreaga suprafaţă este bine şlefuită, până la lustruire. Piese descoperite sporadic în cadrul aşezărilor Noua-Sabatinovka. În spaţiul prutonistrean astfel de descoperire a fost făcută la Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 120, таб. 3/26). La est de Nistru, piese analogice au fost descoperite în aşezările culturii Sabatinovka de la Rozanovka (Гребенников, Горбенко 2010, 157, 160), Novokievka (fig. 10/10) şi Sergeevskij Zaliv (fig. 10/15) (Gerškovič 1999, Taf. 35/4; 45/10). Acestea erau folosite probabil în procesul lucrărilor agricole.

Percutoare (fig. 5/10, 13-15; fig. 9/17-23). De regulă, au o formă cilindrică, conică, ovală sau circulară în plan şi sunt lucrate din gresie sau silex, mai rar din alte roci dure de piatră precum granit sau cuarţ. Cele lucrate din piatră au suprafaţa netedă, în unele cazuri minuţios şlefuită. Spre deosebire de acestea, percutoarele lucrate din silex au suprafaţa zgrunţuroasă, parţial aşchiată. Diametrul acestora variază de obicei între 5,0-6,0 cm. În zona dintre Prut şi Nistru percutoare au fost descoperite la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 11/5), Cobâlea (Левицкий 1988, рис. 3/8, 5/4, 6/7, 17/10, 18/5-7, 23/1, 24/2; Демченко, Левицкий 1992, 125), Petruşeni (fig. 4/6, 7) (Sava 1992, fig. 6/7, 9/4, 7), Bulboaca (Борзяк, Кашуба 1990, 99), Feteşti (Ларина 1986, рис. 4/24, 25; 6/1), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2004, fig. 15/12, 62/9, 13, 43/2, 42/2, 30/7; Sava, Kaiser 2006, fig. 10/2, 36/6, 67/3, 57/1; Sava, Kaiser 2007, fig. 6/11; Сава, Кайзер 2011, 300, рис. 89; Sava 2008, fig. 16/4, 23/3, 43/4), Novoselicja (Тощев, Черняков 1986, 129, рис. 6/9, 11), Čortovec' (fig. 4/11), Stecivka (Крушельницька 2006, рис. 17/6, 23/6), Ostrivec' (Балагурі 1968, 140, рис. 2/40, 41, 44). În arealul culturii Noua de pe teritoriul României astfel de piese sunt cunoscute în aşezările de tip Noua de la Dancu şi Slobozia-Hăneşti (Dascălu 2007, 183, 225). La est de Nistru analogii se cunosc la Volea (Ситник 1994, рис. 24/1, 28/2, 5, 6), Novokievka (fig. 10/8) (Gerškovič 1999, 64-65, Taf. 35/9). Piese asemănătoare după factură sunt întâlnite şi în cadrul culturilor Jamnaja (Иванов и др. 2005, 62, рис. 63/7) şi Srubnaja (Березанская и др. 1971, рис. 118/37-39).

Fusaiole (fig. 11/13). Acestea au formă lenticulară şi sunt prevăzute pe mijloc cu un orificiu de formă conică. Fusaiole prelucrate din piatră au fost descoperite doar în câteva aşezări de pe întreg arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka, la Stecivka (Балагури 1990, 102, рис. 31/7), Samurza, Zarične şi Trichatki (Дергачев 1986, 177). Fusaiole litice sunt cunoscute şi în cadrul culturii Gava-Holigrady (Малеев 1976, 236, рис. 2/11).

Topoare (fig. 6/2-7). Piese executate din roci dure de piatră, gresie sau granit. De regulă, topoarele descoperite în aşezările de tip Noua-Sabatinovka au ceafă de formă cilindrică, profilul longitudinal uşor curbat, tăişul drept, lăţit sau uşor curbat în cazul topoarelor de luptă. Suprafaţa acestor piese se evidenţiază prin şlefuire minuţioasă. Zona orificiului de înmănuşare este îngroşată, asemeni unui manşon, bine delimitat de ceafa toporului şi respectiv de partea lamei. Posibil că, manşonul oferea un plus de rezistenţă zonei mai fragile a piesei. Cu toate acestea, rareori sunt descoperite piese întregi, de regulă fiind cunoscute fragmente rupte în zona orificiului de înmănuşare. Asemenea topoare apar în perioada timpurie a epocii bronzului şi se menţin până la începutul epocii fierului. În spaţiul pruto-nistrean topoare au fost descoperite în aşezările Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 11/4; Дергачев, 1986, 162), Hanska (Дергачев, 1986, 162, рис. 45/29; Каврук 1985, 89, рис. 3/2), Petruşeni (Sava 1992, fig. 9/3; Sava 1994, fig. 5/8), Odaia-Miciurin (Kaiser, Sava 2006, Abb. 29/2; Sava, Kaiser, 2006, fig. 23/9; Сава, Кайзер 2011, 296, рис. 88/1), Ostrivec' (Археология 1985, рис. 131/34), Mahala (Смирнова 1972, рис. 6/11), Pivdenoe (Черняков 1985, 95, рис. 44/9). În urma descoperirilor întâmplătoare sunt cunoscute topoarele de la Glinka (Дергачев 1973, рис. 66, 65/7), Berezki, Nadrečnoe (Черняков 1985, 95, рис. 44/7, 10). În România topoare au fost descoperite în aşezările de tip Noua de la Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 60, fig. 15/5), Valea Lupului, Tăvădărăşti (fig. 10/20, 21), Andrieşeni, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 158/2, 5; 159/1, 4-6; 160/1; Dascălu 2007, 164, 237), Bălteni, Crasnaleuca, Draxini, Holboca, Holm, Podul Iloaiei, Truşeşti (Dascălu 2007, 166, 181, 188, 197, 215, 233). Topoare analogice sunt cunoscute şi în cadrul culturii Coslogeni – aşezarea de la Ulmu (Morintz, Anghelescu, 1970, 391, fig. 21/11). Pe teritoriul Ucrainei, de la est de Nistru, analogii sunt cunos-

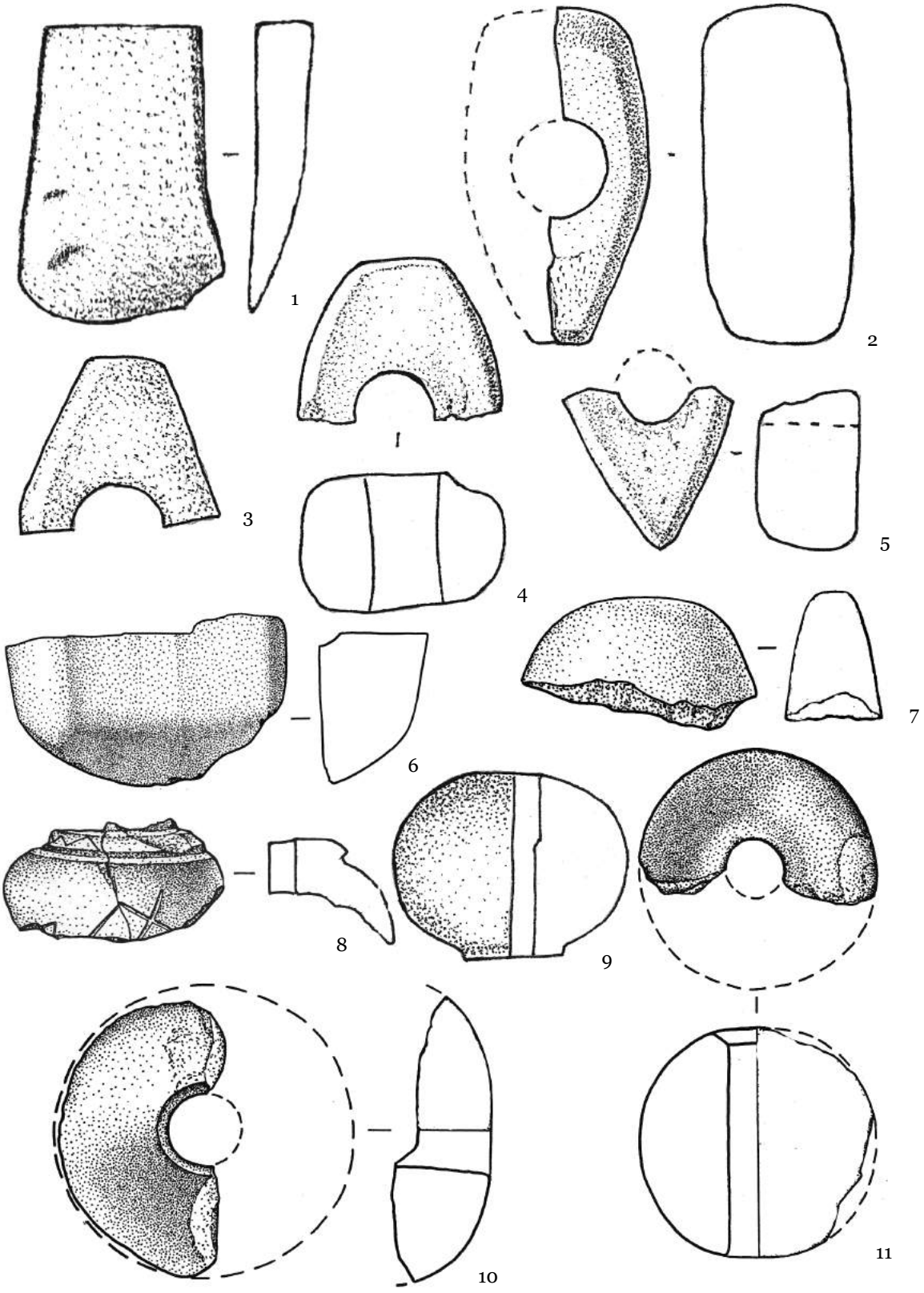


Fig. 6. Săpăligă: 1 - Slobozia-Şireuţi (după după Дергачев 1969, табл. III/26). Topoare din piatră: 2 - Petruşeni (după Sava 1992, fig. 9/3); 3 - Ghindeşti (după Мелюкова 1957, табл. XIX/4); 4 - Mahala (după Смирнова 1972, рис. 6/11); 5 - Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, рис. 88/1); 6 - Slobozia-Şireuţi; 7 - Căuşeni (după Левинский 1986, рис. 7/1). Măciuci din piatră: 8, 10, 11 - Slobozia-Şireuţi; 9 - Ghindeşti (după Мелюкова 1957, табл. XIX/3).

cute la Uškalka, Zlatopol, Sergejevskji Zaliv, Obitočnoe (Gerškovič 1999, 64-65, Taf. 10/6; 12/1, 4; 45/9; 47/10), Volea (Ситник 1994, рис. 26/5, 7), Babino (Добровольский 1957, 42, рис. 2/6, 12) ş.a. Piese asemănătoare după materie şi factură s-au descoperit şi în aşezările culturilor Jamnaja (Иванов и др. 2005, 26, рис. 63/7), Katakombnaja (Иванов и др. 2005, 68, рис. 9/10; Синюк, Матвеев 2007, рис. 65/15, 105/4, 127/4, 128/6, 129/6), Mnogovalikovaja (Археология 1985, 454), Komariv (Дергачев, Савва 1985, 64-82, рис. 1/9), Visockaja, Belogrudovka (Археология 1985, 505, рис. 136/2, 3; Березанская и др. 1994, 39, рис. 12), Babadag (Jugănaru 2005, 68, fig. 46/17).

Măciuci/Sceptre sferice (fig. 6/8-11). Piese de formă sferică, prelucrate de regulă din granit sau gresie prevăzute în unele cazuri cu protuberanţe. Au suprafaţa perfect lustruită prin şlefuire. De regulă, tipul fără protuberanţe au formă sferică uşor aplatizată în plan, cele cu protuberanţe (de regulă, patru) au formă ovală alungită cu capetele aplatizate şi butoane plasate pe mijloc. Sporadic sunt descoperite măciuci prevăzute cu ornament (fig. 6/8). Acestea sunt prevăzute cu canal sferic vertical de înmănuşare. În arealul pruto-nistrean al complexului cultural Noua-Sabatinovka astfel de piese au fost descoperite în aşezările Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 11/3; Дергачев 1986, 162, рис. 45/30), Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 118, таб. III/24; Дергачев 1986, рис. 45/31) şi Pivdenoe (Черняков 1985, 95, рис. 44/15). La est de Nistru, descoperiri de acest gen s-au făcut la Semenovka (Черняков 1985, 95, рис. 44/14), Zlatopol (fig. 10/18) (Gerškovič 1999, Taf. 10/3). Analogii sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Katakombnaja (Синюк, Матвеев 2007, рис. 62/12, 91/1, 119/10), Mnogovalikovaja (Черняков 1985, 95), Belogrudovka (fig. 11/12) (Березанская и др. 1994, 39, рис. 12), Belozerka (Черняков 1985, 95, рис. 44/11-13).

Forme de turnat (fig. 7/1-8). Majoritatea acestora sunt lucrate din şist, calitatea fizico-chimică a căruia se potriveşte tuturor cerinţelor tehnicii de turnare a pieselor de bronz. Tiparele monovalve reprezentau matrice pentru diferite piese simple (ace, sule, dălţi ş.a.) cele bivalvice fiind destinate pieselor mai complicate (seceri, celturi, pumnale ş.a.). Pentru turnarea pieselor de dimensiuni mai mari (ex. spade) se foloseau mai multe tipare (Cristea 2009, 21). De regulă, tiparele au formă dreptunghiulară (doar uneori trapezoidală sau cilindrică) şi sunt de mărimi diferite. În zona pruto-nistreană astfel de piese au fost descoperite ocazional la Horodişte (Дергачев 1986, 162, рис. 46/1), Grinăuţi (Дергачев 1986, 162, рис. 46/2; Бырня, Чеботаренко 1964, 275), Bălăneşti (Sava 2011, 178-187, Abb. 3-8), iar în cadrul aşezărilor, la Căuşeni (Агульников, Левинский 1990, 76), Cobâlea (Левицкий 1988, рис. 27/1; Левицкий 1990, 101-104; Демченко, Левицкий 1992, 125, рис. 3/8; Sava 1994, fig. 5/20), Odaia-Miciurin (Kaiser, Sava 2006, Abb. 29/3; Sava, Kaiser 2007, fig. 23/4; Сава, Кайзер 2011, 296, рис. 88/1, 4, 13; Sava 2008, fig. 36/3, 42/4), Ostrivec' (Археология 1985, 487, рис. 131/31-33, 35, 36; Балагурі 1968, 136 şi urm.), Stecivka (Крушельницька 2006, 60, рис. 28/18), Mahala (Смирнова 1972, рис. 9), Čabans'ke (Черняков 1962, 128-134; Гудкова и др. 1991, 39). În arealul culturii Noua de pe teritoriul României forme de turnat din piatră sunt cunoscute la Gârbovăţ, Nicoleni (fig. 10/17), Holboca (Florescu 1991, fig. 113/1-5; 114/1-3, 5, 6). Pe lângă acestea la vest de Prut au fost descoperite şi forme de turnat lucrate din şamotă la Gârbovăţ, Holboca, Dobric (Florescu 1991, fig. 113/1, 2, 5; 114/1-6). În zona de la est de Nistru tipare de turnat sunt cunoscute la Berislav, Novokievka (Гершкович и др. 1987, рис. 1-7; Gerškovič 1999, Taf. 7/13, 17; 39-44; Археология 1985, 496), Verhnjaja Tarasova (Шарафутдинова 1960, 60), Krasnomajack, Majaki (Черняков 1985, рис. 50-54, 65/15; Uşurelu 2010, 31, Pl. 1/17-19, 24, 26), Malyje Kopani, Kapulovka (Археология 1985, 496). Forme de turnat sunt cunoscute şi în cadrul altor culturi sincrone sau parţial sincrone complexului cultural Noua-Sabatinovka, precum Srubnaja (fig. 11/15), Belogrudovka (fig. 11/14), Belozerca (fig. 11/16) (după Археология 1985, рис. 127/1, 136/5, 142/52), Gava-Holigrady (Малеев 1976, 232-236, рис. 1) ş.a.

Sceptre/pisălog (fig. 8/1-4, 6-10). Piese din granit, marmoră, serpetin şi alte specii rare de piatră. Au forma unei coloane aproximativ conice, de cele mai dese ori cu capătul superior în formă de buton sau ciupercă, prevăzut mai jos, pe corp, cu butoni mai mici, dispuşi simetric. Unele exemplare ating înălţimea de 25 cm, diametrul părţii de jos variază între 4, 0 şi 7,5 cm, capătul în formă de ciupercă în unele cazuri atingând 5,0-6,0 cm (Савва 1987, 63). Sceptrele sunt clasificate

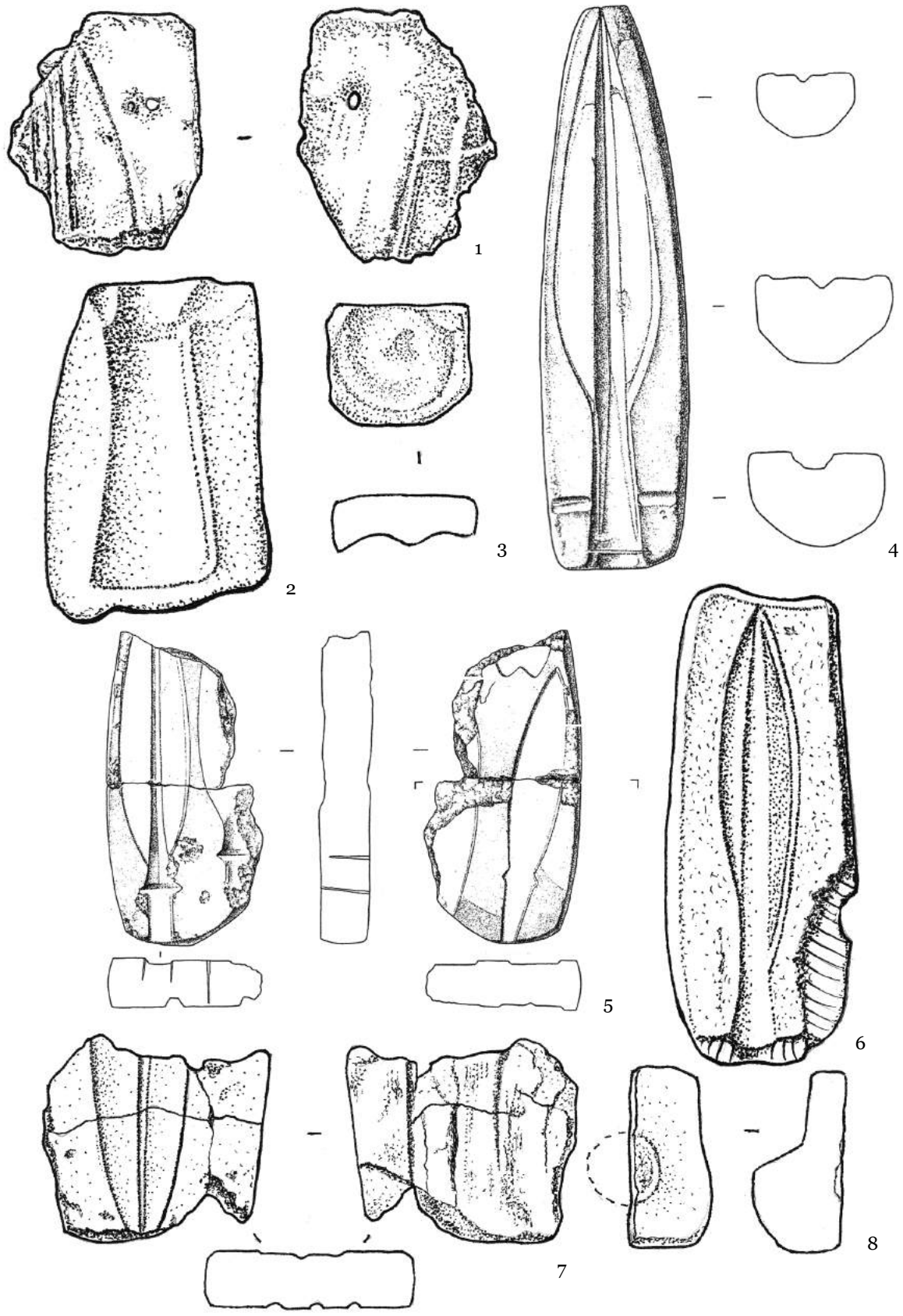


Fig. 7. Forme de turnat din piatră: 1 - Cobâlea (după Левицкий 1988, рис. 27/1); 2, 6 - Ostrivec' (după Археология 1985, рис. 131/32, 36); 3, 8 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 88/2, 4); 4, 5 - Bălăneşti (după Sava 2011, Abb. 5/1, 6/1); 7 - Mahala (după Смирнова 1972, 24, рис. 9/1).

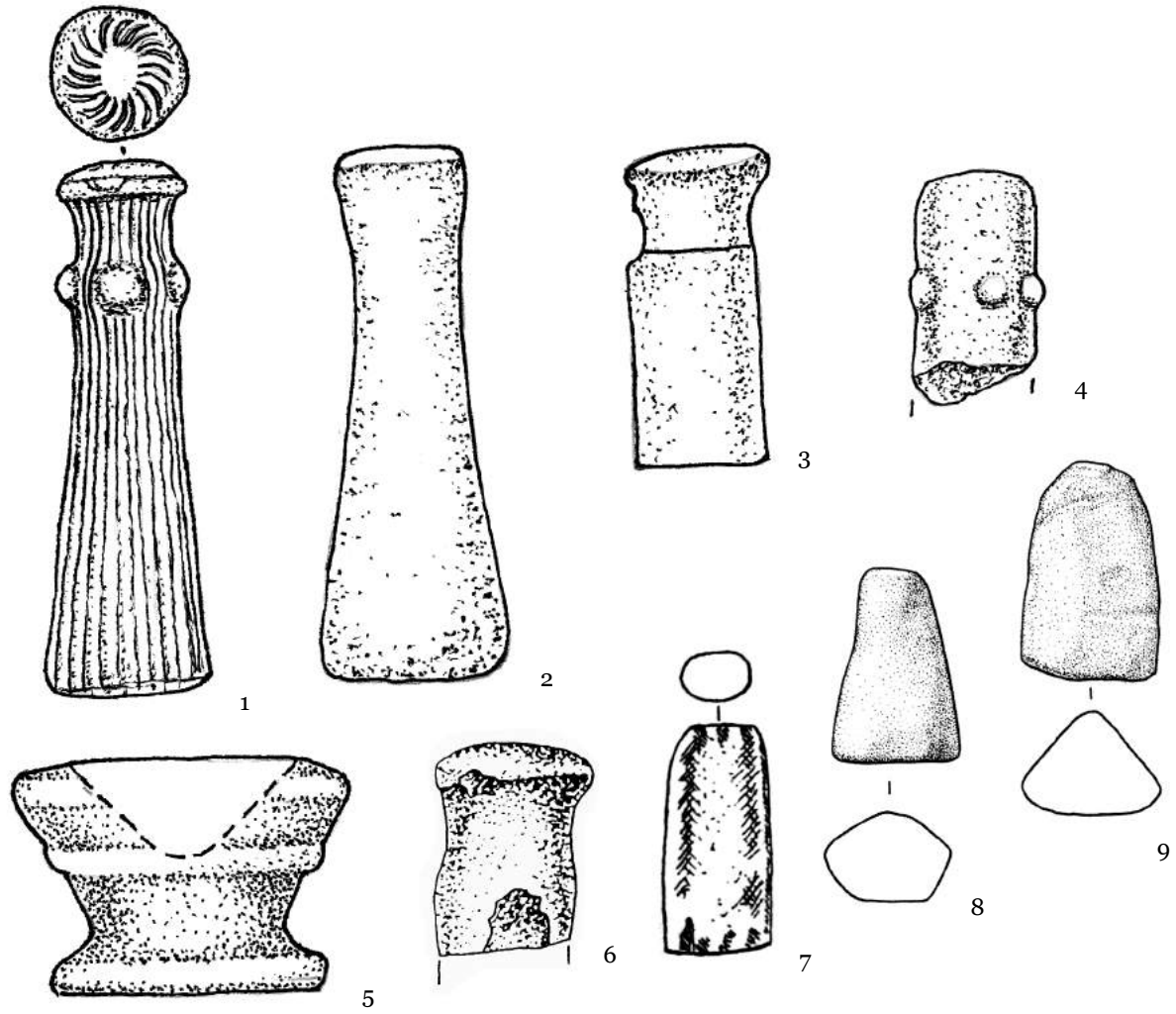


Fig. 8. Sceptre/pisălog: 1, 3, 6 - Chiperceni (după Савва 1987, рис. 2/9, 14, 3/9); 2 - Petreni (după Савва 1987, 64, рис. 2/4); 4 - Ghindeşti (după Мелюкова 1958, табл. XXVI/7); 7 - Stecivka (după Крушельницька 2006, рис. 13/6); 8 – Bahu (după Дергачев 2012, илл. II/35); 9, 10 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 87/11, 12). Piuă din piatră: 5 - Basarabeasca (după Савва 1987, рис. 2/24).

în cinci tipuri (Boroffka, Sava 1998, 19-46, Abb. 1-18):

I tip (variante a-b) – sceptre cu corp conic, cu capăt în formă de ciupercă şi patru protuberanţe simetric plasate pe gât. Uneori acestea sunt decorate suplimentar cu ornamente.

II tip (varianta a-b) – sceptre cu corp conic şi cu prag prevăzut sub capătul în formă de ciupercă.

III tip – sceptre cu corp simplu conic şi capul în formă de ciupercă.

IV tip (varianta a, b, c, d) – sceptre cu corpul conic sau cilindric, cu un capăt (uneori ambele) uşor lărgit, cu şanţ pe întreaga lungime a corpului.

V tip (varianta a, b, c, d) – sceptre cu corpul conic şi capăt în formă de falos.

Aceste tipuri de sceptre sunt răspândite pe un teritoriu larg, de la Carpaţi la vest până în Siberia de vest la est, iar spre sud – până la marginea de vest a văii Indului (Boroffka, Sava 1998, 19-46, Abb. 1-18). Analiza cultural-cronologică şi cartografierea tipurilor de sceptre menţionate mai sus, a demonstrat că tipurile I şi II pot fi considerate forme vestice, tipul III poate fi observat pe întreaga arie de răspândire, tipul IV se limitează în partea de sud a Asiei Centrale iar tipul V poate fi urmărit din nordul Asiei Centrale, până în Siberia (Boroffka, Sava 1998, 49). În cadrul siturilor Noua-Sabatinovka sunt răspândite piesele de tipul I şi II şi foarte rar III, fiind cunoscute preponderent ca descoperiri izolate, sau provenite din depozite de bronzuri (Савва 1987, 68). În zona pruto-nistreană sceptre/pisăloage au fost descoperite oca-

zional la Chiperceni (Савва 1987, 65, рис. 3/9; Дергачев 1986, рис. 46/5, 6, 8; Тощев 1986, 110, рис. 3/6), Petreni (Дергачев 1986, 162, рис. 46/7), Bahu (Дергачев 2012, 154, илл. II/35) şi în cadrul aşezărilor la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 11/12; Савва 1987, рис. 1/29) şi posibil Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 297, рис. 87/11, 12), Stecivka (Крушельницька 2006, рис. 23/6). Analogii ale acestora găsim pe întreg arealul răspândirii culturilor Noua-Sabatinovka. La vest de Prut, avem descoperiri de acest gen la Fiţioneşti, Coţofanca, Voineşti (fig. 10/11), Băieşti-Aldeni, Galaţi, Vladicеasca (Mitrea 1969, fig. 1; Morintz 1978, fig. 62/1, 67/1-4, 6, 7; Şerbănescu, Trohani 1978, fig. 6/1; Черняков 1985, 91-92, рис. 42/13; Савва 1987, рис. 1/2, 1/3, 1/10, 2/3, 2/5, 2/17; Florescu 1991, fig. 158-/6; Schuster 2000, fig. 2/1, 2/4, 3/4, 4/2, 4/3, 4/4; Христов, Илиев 2000, обр. 1/а, 1/б, 1/в, 1/г). În arealul complexului Noua-Sabatinovka de la est de Nistru astfel de piese sunt cunoscute la Čkalovka ((Morintz 1978, fig. 67/9; Черняков 1985, 91-92, рис. 42/15; Савва 1987, рис. 1/1), Novočerkask, Odesa (Савва 1987, рис. 1/6, 14, 24), Sergeevskij Zaliv (fig. 10/12), Zlatopol (fig. 10/13) (Gerskovič 1999, Taf. 16/5; 45/8), Radensk (Черняков 1985, рис. 42/23; Герškovič 1999, Taf. 10/3). La fel sunt cunoscute în cadrul culturilor Belogrudovka (Археология 1985, 454-504), Monteoru (Iremia 2008, 85), Coslogeni (Florescu 1991, 158-/1, 4; Iremia 2008 79-81, fig. 1/1-3; 2), Belozerka (fig. 11/7) (Археология 1985, 523, рис. 142/44; Савва 1987, 67). Sceptre/pisălog de tipul I şi II au fost descoperite şi în nord-estul Bulgariei (Христов, Илиев 2000, обр. 2/а, 2/б, 2/г, 2/д; Дилов 2009, 31-34, рис. 1, 2), de asemenea în sud-estul acesteia, pe Tundža inferioară şi în zona situată la nord de Burgas. Merită a fi menţionat şi exemplarul excepţional de sceptru/pisălog descoperit pe epava de la Ulumburun, pe coasta sudică a Turciei (Iremia 2008, 86-87).

Întâlnite în literatura de specialitate uneori şi sub denumirea de pisăloage, sceptrele sunt considerate a fi unelte folosite în procesul de turnare a pieselor din bronz, dat fiind faptul că în multe cazuri acestea au fost descoperite în depozite împreună cu forme de turnat (Савва 1987, 60). Posibil că, sceptrul de tipul I, prevăzut cu protuberanţe şi uneori cu ornament, era folosit şi în anumite ritualuri (Савва 1987, 60) sau ca elemente de prestigiu în cadrul anumitor comunităţi umane (Iremia 2008, 82).

Piuliţe (fig. 8/5). Sunt lucrate, de regulă, din gresie şi rar din granit, calcar sau alte tipuri de roci dure. Acestea sunt de două tipuri: 1. miniaturale, cu corpul în formă de binoclu, cu o înălţime de 5-7 cm; 2. de dimensiuni mai mari, cu corpul de formă binoclu cu jumătatea inferioară uşor bombată, diametrul gurii, bazei şi înălţimea cărora variază între 8-10 cm (Черняков 1985, 92). Se întâlnesc cu preponderenţă în cadrul aşezărilor de tip Sabatinovka, fiind cunoscute numeric mai mult la est de Nistru. Astfel de piese au fost descoperite ocazional la Petreni (Дергачев 1986, 164, рис. 46/4) şi Basarabeasca (Савва 1987, 68, рис. 2/24; Sava 1994, fig. 5/15). În zona de la est de Nistru piuliţe au fost descoperite la Alexeevka, Dnepropetrovsk (Савва 1987, рис. 2/20, 23), Radensk, Elanec, Ovsjanovka (Березанская и др. 1986, 99, рис. 28/4, 6, 7), Uškalka (fig. 10/16) (Gerškovič 1999, Taf. 15/4). Arealul răspândirii acestora corespunde cu cel al sceptrelor cu capăt în formă de ciupercă, aceasta demonstrând legătura funcţională dintre aceste două piese. Erau folosite probabil în cadrul industriei metalurgice, întrucât adesea sunt prezente în cadrul unor tezaure de bronzuri (Kozorezovo, Usevo Ozero, Mosolovskoe), şi mai ales că, în urma analizelor de laborator, în unele cazuri, în ceaşca lor au fost descoperite urme de minereu (Савва 1987, 68).

Lame de silex (fig. 9/1-10). Majoritatea pieselor reprezintă aşchii de silex de formă dreptunghiulară în plan şi rectangulară alungită în secţiune şi marginile prelucrate prin retuşate. Lungimea acestora variază între 3,0 şi 7,0 cm. Lame de silex au fost descoperite în majoritatea aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka cercetate, printre care pot fi menţionate cele de la Cobâlea (Левицкий 1988, рис. 3/2, 4/7, 16/1, 4, 16/1, 5, 20/1; Демченко, Левицкий 1992, 123, 125), Petruşeni (Левицкий 1985, рис. 16/11-13), Căuşeni (Левинский 1986, рис. 7/3), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2004, fig. 42/1; idem 2011, 301, рис. 90/2-16; Sava 2008, fig. 16/2-3), Mahala (Смирнова 1976, 119, рис. 2/4, 3/7). La vest de Prut, lame de silex au fost descoperite în aşezările de tip Noua de la Gârbovăţ, Cavadineşti (Florescu 1991, fig. 163/1, 7, 164/1, 5) şi de tip Coslogeni la Dorobanţu (fig. 10/5) şi Coslogeni (Florescu 1991, fig. 163/5, 164/2, 3, 7), iar la est de Nistru la Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 33/1, 2, 6, 7). Lamele din silex sunt întâlnite practic în fiecare din aşezările culturilor anterioare şi sincrone complexului cultural Noua-Sabatinovka. Acestea erau folosite în

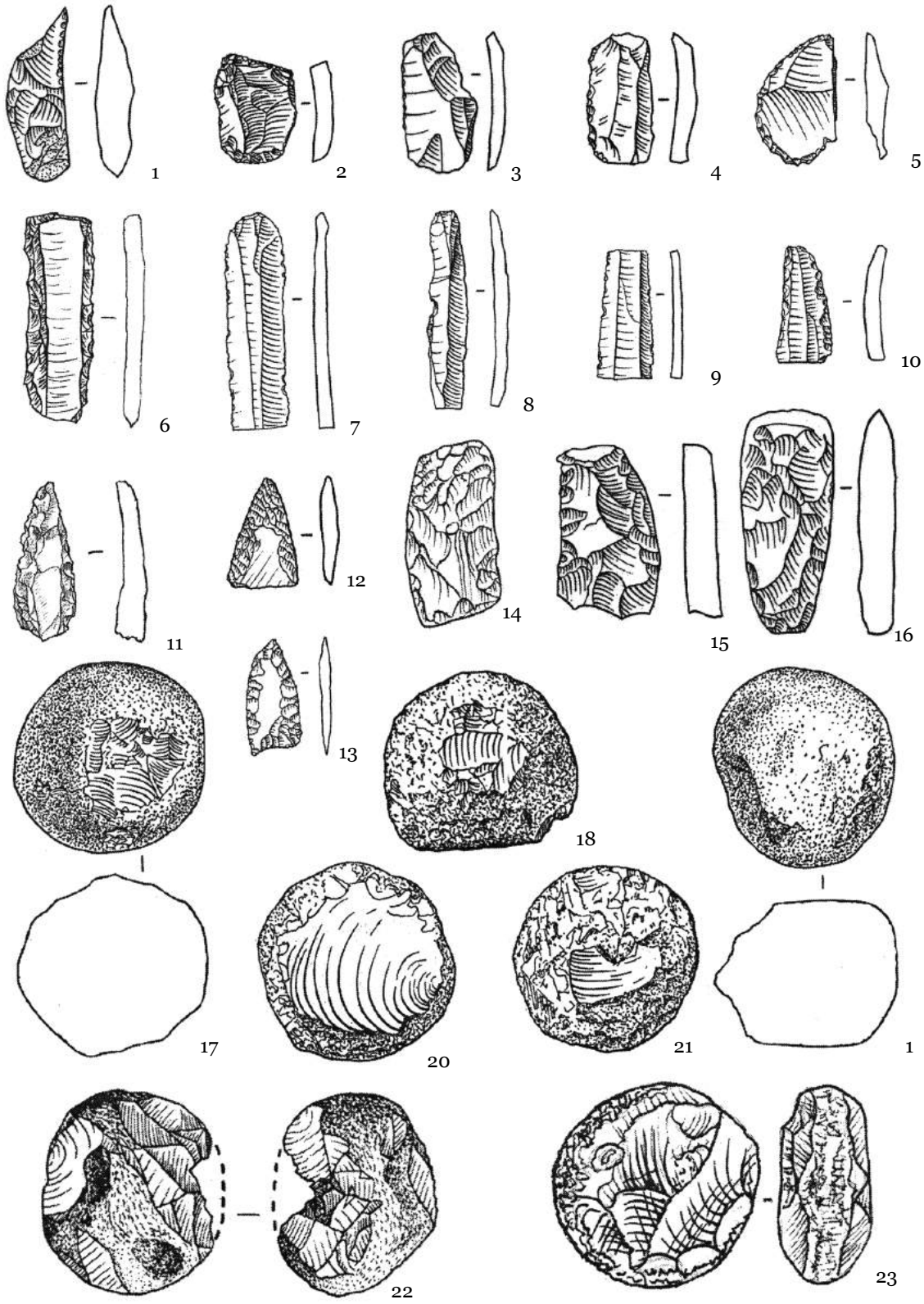


Fig. 9. Lame din silex: 1, 6 - Cobâlea (după Левицкий 1988, рис. 4/7, 16/11); 2 - Slobozia-Şireuţi; 3 - Petruşeni (după Левицкий 1985, рис. 16/12); 4 - Căuşeni (după Левинский 1986, рис. 7/3); 5, 7-10 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 90/2, 4, 7-9). Vârfuri de săgeată din silex: 11, 12 - Cobâlea (după Левицкий 1988, рис. 4/3, 17/1); 13 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 90/1). Cuţite din silex: 8, 10 - Petruşeni (după Левицкий 1985, рис. 15/21, 22); 9 - Slobozia-Şireuţi (după Дергачев 1969, 121, табл. III/28). Percutoare din silex: 17, 19 - Petruşeni (după Sava 1992, fig. 9/4, 7); 18-21 - Slobozia-Şireuţi; 22 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 89/1); 23 - Čortovec' (după Крушельницька 2006, 40, рис. 17/6).

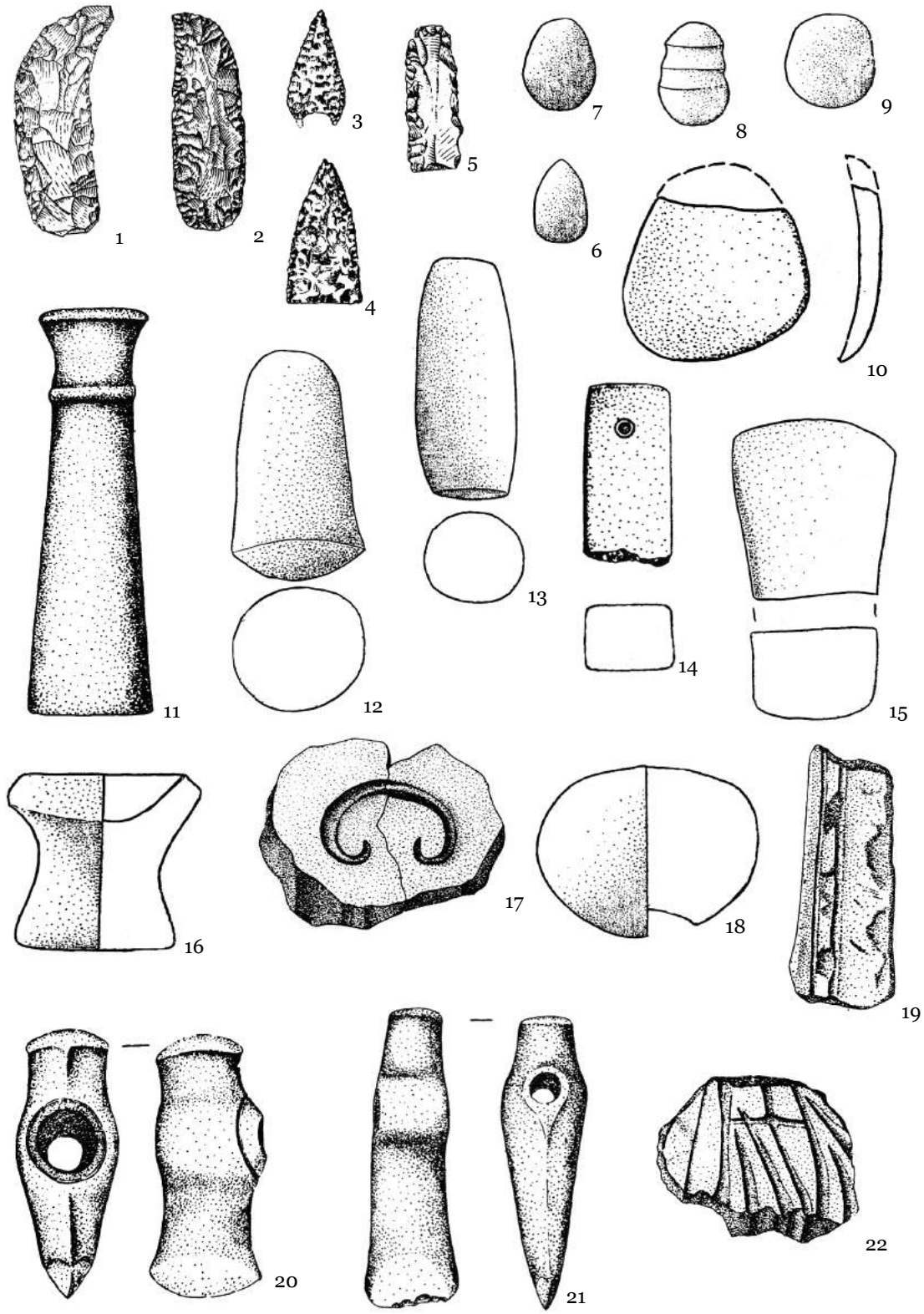


Fig. 10. Unelte din piatră şi din silex descoperite în arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka de pe teritoriul Ucrainei de la est de Nistru şi al României: 1, 2 - cuţite; 3, 4 - vârfuri de săgeată; 5 - lamă de silex; 6, 7 - lustruitoare-şlefuitoare; 8 - percutor; 9 - disc; 10, 15 - săpăligi; 11-13 - sceptre/pisăloage; 14 - cute; 16 - piuă; 17 - formă de turnat; 18 - măciucă; 19, 22 - polizoare; 20, 21 - topoare. 1 - Truşeşti; 2 - Probota; 3, 4, 19 - Gârbovăţ; 5, 14 - Dorobanţu; 6, 7, 13, 18 - Zlatopol; 8-10 - Novokievka; 11 - Voineşti; 12, 15 - Sergeevskij Zaliv; 16 - Uškalka; 17 - Nicoleni; 20-22 - Tăvădărăşti. 1-5, 11, 14, 17, 19-22 (după Florescu 1991, fig. 113/4; 158/5, 6; 159/6; 162/2, 5; 163/3, 8, 10; 164/2, 8); 6-10, 12, 13, 15, 16, 18 (după Gerškovič 1999, Taf. 9/10, 12; 10/2; 35/4, 9, 10; 45/8, 10).

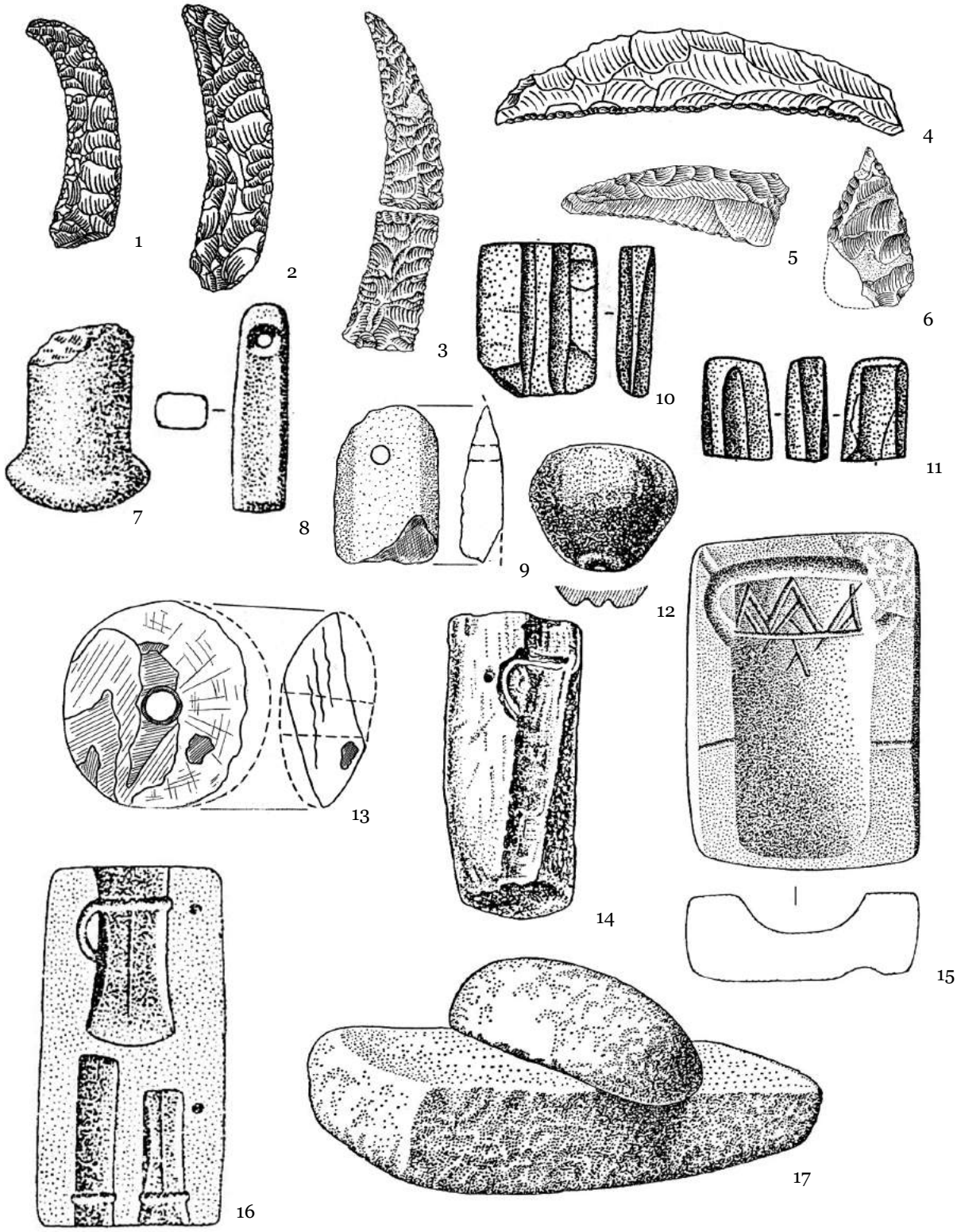


Fig. 11. Unelte din piatră şi din silex descoperite în cadrul altor culturi sincrone sau parţial sincrone complexului cultural Noua-Sabatinovka. Culturile: Komariv (1, 2, 10, 11, 13), Gava-Holigrady (4, 9), Belogrudovka (3, 5, 6, 12, 14), Belozerka (7, 8, 16), Srubnaja (15, 17). 1-5 - cuţite; 6 - vârf de săgeată; 7 - sceptru/pisălog; 8, 9 - cute; 10, 11 - polizoare; 12 - măciucă; 13 - fusaiolă; 14-16 - forme de turnat; 17 - râşniţă. 1, 2, 10, 11 - Coteala; 3 - Kirovo; 4, 9, 13 - Miškovič; 5 - Belogrudovskij Les; 6, 14 - Sobkovka; 7 - Uškalka; 8 - Zapovitne; 12 - Andrusovka; 15 - Pilipčatino; 16 - Zavadovka; 17 - Iličovka. 1, 2, 10, 11 (după Sava 1994, fig. 3/19, 20, 30, 33); 3, 5-8, 12, 14-17 (după Археология 1985, рис. 112/40; 127/1, 20; 136/1, 4, 5, 7; 142/19, 44, 52); 4, 9, 13 (după Малеев 1976, рис. 2/7, 10, 11).

procesul de tăiere şi prelucrare a diferitor materii prime (lemn, os, piele).

Vârfurile de săgeată (fig. 9/11-13). Piese din silex cu o formă triunghiulară uşor alungită în plan şi marginile îngrijit lucrate prin retuş mărunt. Acestea sunt descoperite sporadic în cadrul aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka. În zona pruto-nistreană sunt cunoscute vârfurile de săgeată descoperite în aşezările de la Cobâlea (Левицкий 1988, рис. 4/3; Демченко, Левицкий 1992, 123, 125, рис. 2/8) şi Odaia-Miciurin (Sava 2008, fig. 42/1). Analogii sunt cunoscute pe întreg arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka. În arealul culturii Noua de pe teritoriul României vârfuri de săgeată analogice s-au descoperit la Gârbovăţ (fig. 10/3, 4) (Florescu 1991, fig. 163/3, 4, 6, 10) şi Miorcani (Dascălu 2007, 210), iar la est de Nistru la Sobkovka (Березанская 1982, рис. 22/9) şi Babino (Добровольский 1957, 42, рис. 2/9). Vârfuri de săgeată asemănătoare sunt cunoscute şi în cadrul culturii Belogrudovka (fig. 11/6) (Археология 1985, рис. 136/4).

Cuţitele (*Krummesser)*[3] (fig. 9/14-16) sunt lucrate din piatră dură sau silex. Cele lucrate din piatră au lamă lată sau îngustă, curbată mai mult sau mai puţin şi vârf ascuţit sau rotunjit. Cuţitele lucrate din silex au lama lată, tăişul drept, marginea opusă uşor curbată şi vârful rotunjit. Acest tip de unealtă a fost descoperit în cadrul mai multor aşezări Noua cercetate, reprezintă o piesă tipică, însă probabil preluată din culturile perioadelor anterioare cu precădere Komariv (Florescu 1964, 158). În zona pruto-nistreană sunt cunoscute doar fragmente de cuţite lucrate din silex, descoperite la Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 118), Petruşeni (Левицкий 1985, рис. 15/21, 22), Ostrivec' (Балагурі 1968, рис. 2/37). Analogii lucrate din piatră sunt cunoscute în arealul culturii Noua din România la Cavadineşti, Gârbovăţ, Lichitişeni, Tăvădărăşti, Valea Lupului (Florescu 1991, fig. 160/2, 3-6; 161/1, 4, 5) şi de silex – la Probota (fig. 10/2), Ghireni, Bărboasa, Truşeşti (fig. 10/1) şi Corlăteni (Florescu 1964, 157, fig. 10; Florescu 1991, fig. 163/8, 9; 164/6, 8, 10), Baisa, Belceşti, Crasnaleuca, Cogeasca, Chireni, Miorcani (Dascălu 2007, 165, 167, 181, 191-192, 210). Cuţite analogice sunt întâlnite şi în cadrul altor culturi anterioare sau parţial sincrone complexului cultural Noua-Sabatinovka, precum Komariv (fig. 11/1, 2) (Дергачев, Савва 1985, 64-82, рис. 1/10, 7/11; Sava 1994, fig. 3/30-35;) Visockaja, Belogrudovka (fig. 11/5) (Березанская 1982, 60; Археология 1985, 505, рис. 136/7, 8; Березанская и др. 1994, 39, рис. 11), Belozerka (fig. 11/3) (Археология 1985, 523, рис. 142/39), Gava-Holigrady (fig. 11/4) (Малеев 1976, рис. 2/7, 9). În aşezările culturii Coslogeni astfel de piesă a fost descoperită în aşezarea de la Dorobanţu (Florescu 1991, fig. 161-/3). Probabil că, cuţitele litice se foloseau la decarnarea şi curăţirea pieilor cât şi în calitate de seceră.

Lista este prezentată în ordinea alfabetică a aşezărilor Noua-Sabatinovka de pe teritoriul Republicii Moldova şi Ucraina, în limita râurilor Prut şi Nistru, în care au fost efectuate cercetări arheologice (inclusiv descoperirile întâmplătoare) începând cu mijlocul anilor '50 ai secolului XX şi până la etapa actuală. Catalogul este alcătuit în baza publicaţiilor ştiinţifice, a rapoartelor şi a colecţiilor arheologice din Fondurile MNIM[4].

Catalog

REPUBLICA MOLDOVA

1. Bulboaca, raionul Briceni
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Noua, Poieneşti-Lucaşeuca, Sântana de Mureş-Černjahov. Cercetări arheologice (1985 – 200 m²).
Răzuitoare – 2
Cutie (piatră de râu) – 1
Lame (silex) – 7
Aşchii de silex – 20
Bibliografie: Борзияк 1986, 31-34; Борзияк, Кашуба 1990, 49-107.

2. Calfa, raionul Anenii Noi
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Sabatinovka, getică, Sântana de Mureş-Černjahov, Medievală. Cercetări arheologice (1962 – 930 m²).
Răzuitor (silex) – 1
Bibliografie: Чеботаренко 1963, 2-55.

[3] Această categorie de unelte a apărut încă la începutul epocii bronzului şi s-a menţinut până în perioada târzie a epocii date fără a suporta schimbări esenţiale. Prezenţa lor în cadrul aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka reprezintă continuarea directă a prototipului frecvent anterior (Florescu, Florescu 1990, 60).

[4] Aduc sincere mulţumiri domnului E. Sava pentru ajutorul acordat la elaborarea articolului şi pentru oferirea posibilităţii de a utiliza materialele inedite, inclusiv desenele unor piese din arhiva dumnealui personală.

3. Căuşeni
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Sabatinovka, Sântana de Mureş-Černjahov. Cercetări arheologice (1985 – 260 m²).
Răzuitoare – 2
Pecutoare (silex) – 1
Lustruitoare/Şlefuitoare - 1
Forme de turnat – 1
Lame (silex) – 3
Bibliografie: Левинский 1986, 1-40; Агульников, Левинский 1990, 73-81.

4. Cobâlea[5], raionul Şoldăneşti
Aşezare Noua. Cercetări arheologice (1986 – 200 m²; 1987 – 408 m²).
Răzuitoare – 1
Râşniţe – 4
Discuri – 1
Şlefuitoare/Lustruitoare – 1
Forme de turnat – 1
Vârfuri de săgeată (silex) – 2
Lame (silex) – 12
Bibliografie: Левицкий 1987, 1-23; Демченко, Левицкий 1990, 100-104; Левицкий 1992, 120-132; Levitsckii, Sava 1993, 125-155; Sava 1998, 272.

5. Costeşti, raionul Rîşcani
Aşezare Noua. Cercetări arheologice (1975 – 500 m²).
Percutoare (silex) – 1
Lame (silex) – 1
Bibliografie: Дергачёв 1976, 29-44; Попова 1975, 450-451.

6. Feteşti, raionul Edineţ
Aşezare Noua. Cercetări arheologice (1985 – 144 m²).
Răzuitoare – 2
Pecutoare (silex) – 3
Lame (silex) – 8
Piese din piatră cu utilitate incertă – 3
Bibliografie: Ларина 1986, 2-11; Черняков 1963, 50.

7. Ghindeşti, raionul Floreşti
Aşezare Noua. Cercetări arheologice (1956 – 460 m²; 1957 – 1225 m²).
Răzuitoare – 3
Râşniţe – 1
Pecutoare (silex) – 2
Discuri – 3
Lustruitoare/Şlefuitoare - 1
Topoare (silex) – 1
Măciuci – 1
Sceptre/Pisălog – 1
Lame (silex) – 8
Bibliografie: Мелюкова 1957, 1-25; Мелюкова 1958, 1-28, Мелюкова 1961, 5-34; Дергачев 1973, 8; Sava 1998, 272.

8. Hansca, raionul Ialoveni
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Sabatinovka, getică, medievală timpurie, medievală târzie, moldovenească. Cercetări arheologice (1990 – 1150 m²).
Polizor – 1
Bibliografie: Cavruc, Postică 1990, 2-40.

9. Nisporeni
Aşezare Sabatinovka. Cercetări arheologice (1967).
Discuri de piatră – 1
Şlefuitoare/Lustruitoare – 1
Bibliografie: Дергачёв 1973, 91-92.

10. Odaia-Miciurin, raionul Drochia
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Cucuteni-Tripolie, Noua, antică târzie, medievală. Cercetări arheologice (2003 – 320 m², 2005 – 784 m², 2006 – 494 m², 2007 – 320 m²; 2008 – 288 m²).
Răzuitoare – 264
Pecutoare (silex) – 6
Pecutoare (gresie) – 2
Polizoare – 11
Discuri – 2
Lustruitoare/Şlefuitoare – 12
Forme de turnat – 2
Topoare (silex) – 2
Topoare (gresie) – 2
Sceptre/Pisălog – 2
Vârfuri de săgeată (silex) – 1
Lame (silex) – 14
Bibliografie: Sava, Kaiser 2004, 2-21; Kaiser, Sava 2004, 40-49; Sava, Kaiser 2006, 3-43; Sava, Kaiser 2007, 2-20; Sava 2008, 2-25; Сава, Кайзер 2011, 289-301.

11. Petruşeni, raionul Rîşcani
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Cucuteni-Tripolie, Noua, Sântana de Mureş-Černjahov. Cercetări arheologice (1984 – 576 m²; 1991 – 328 m²).
Răzuitoare – 6

[5] În literatura de specialitate localitatea mai este cunoscută şi sub denumirea de Cobâlnea.

Râşniţe – 2
Percutoare (silex) – 3
Discuri – 1
Cute – 1
Cuţite (silex) – 2
Topoare (silex) – 1
Topoare (gresie) – 1
Lame (silex) – 5
Bibliografie: Левицкий 1985, 13-31; Sava 1992, 1-3; Levitscki, Sava 1993, 125-155; Демченко 1986, 38; Sava 1998, 272.

12. Roşieticii Vechi, raionul Floreşti
Aşezare Noua. Cercetări arheologice (1957 – 72 m²).
Conform raportului de săpătură (Мелюкова 1958, 32), în cadrul acestei aşezări au fost descoperite piese din piatră (răzuitoare şi discuri), însă numărul acestora nu este specificat şi desenele acestor piese lipsesc.
Bibliografie: Мелюкова 1958, 28-34; Мелюкова 1961, 12-13.

13. Sarmuza, raionul Taraclia
Aşezare Sabatinovka. Cercetări arheologice (1982 – 960 m²)
Fusaiole – 1
Bibliografie: Щербакова и др. 1984, 1-10; Дергачёв 1986, 177.

14. Slobozia-Şireuţi[6], raionul Briceni
Aşezare Noua. Cercetări arheologice (1966 – 102 m²).
Râşniţe – 2
Percutoare (silex) – 11
Discuri – 11
Topoare – 1
Măciuci – 2
Săpăligi – 1
Lame (silex) – 6
Bibliografie: Дергачёв 1969, 110-122.

Descoperiri întâmplătoare:

15. Basarabeasca
Piuliţe – 1
Bibliografie: Савва 1987, 62-71, рис. 2/24.

16. Bahu, raionul Călăraşi
Depozit de bronzuri (2012)
Sceptru/Pisălog – 1
Bibliografie: Дергачёв 2012, 154-161, илл. II/35.

17. Bălăneşti, raionul Nisporeni
Descoperire fortuită la sfârşitul anilor ’70 ai secolul XX.
Forme de turnat piese de bronz – 10
Bibliografie: Sava 2011, 178-187.

18. Cărăcuşenii Vechi, raionul Briceni
Aşezare Noua. Periegheză (1958).
Topor – 1
Bibliografie: Дергачев 1973, 66.

19. Chiperceni, raionul Orhei
Sceptre/Pisălog – 3
Bibliografie: Савва 1987, 62-71, рис. 2/9, 14; 3/9.

20. Cuconeştii Vechi, raionul Edineţ
Aşezare Noua. Periegheză (1975).
Discuri – 2
Bibliografie: Roşca, Vâlcu 1993, 18.

21. Grigoreuca, raionul Sîngerei
Aşezare multistratigrafică. Cuturile: Noua, Sântana de Mureş-Černjahov. Periegheză (1957).
Topor-ciocan – 1
Bibliografie: Мелюкова 1958, 1-28.

22. Grinăuţi, raionul Ocniţa
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Noua, Sântana de Mureş-Černjahov. Periegheză (1991).
Formă de turnat – 1
Bibliografie: Gukin 1993, 10; Бырня, Чеботаренко 1964, 275; Дергачев 1969, 88; Дергачев 1973, 68; Дергачев 1975, 48.

23. Gura Galbenei, raionul Cimişlia
Aşezare Sabatinovka. Periegheză (1968).
Polizoare – 1
Percutoare (gresie)– 1
Bibliografie: Дергачёв 1973, 100.

24. Horodişte, raionul Rîşcani
Aşezare Noua. Periegheză (1962).
Forme de turnat– 1
Bibliografie: Бырня, Бейлекчи 1962, 4-5; Дергачев 1963, 88-90; Дергачев 1973, 73, рис. 18/14; Дергачев 1986, 162, рис. 46/1.

25. Petreni, raionul Drochia
Aşezare Noua. Periegheză (1987).
Sceptre/Pislog – 1
Piuliţe – 1
Bibliografie: Савва 1987, 62-71, рис. 2/4.

26. Şipca, raionul Şoldăneşti
Aşezare Noua. (Anii ’50, sec. XX).
Forme de turnat – 1
Bibliografie: Haheu 1993, 18.

[6] În literatura de specialitate mai este cunoscut sub denumirea de Slobodca-Şireuţi.

UCRAINA

27. Čabans'ke/Чабанське (Чебановка III), raionul Belgorod-Dnestrovsk, reg. Odesa
Aşezare Sabatinovka. Perieghează.
Forme de turnat – 1
Bibliografie: Черняков 1964, 128 - 134; Гудкова и др. 1991, 39.

28. Čortovec'/Чортовець (Чертовец), raionul Gorodenka, reg. Ivano-Frankovsk
Aşezare multistratigrfică. Culturile: Noua, Gava-Holigrady. Cercetări arheologice (1986).
Polizoare – 1
Percutor (silex) – 1
Bibliografie: Крушельницка 2006, 33-41.

29. Krasna Kosa/Красна Коса (Красная Коса), raionul Belgorod-Dnestrovsk, reg. Odesa
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Sabatinovka, Sântana de Mureş-Černjahov. Cercetări arheologice (1964 – 40 m²).
Râşniţe – 3
Forme de turnat – 1
Bibliografie: Черняков 1960, 216; Черняков 1966, 227-232; Черняков 1985, 34.

30. Mahala[7]/Магала (Магала), raionul Novoselica, reg. Cernăuţi
Aşezare multistratigrafică. Culturile: Noua, Hallstatt timpuriu şi Hallstatt târziu (grupul Gava-Holigrady). Cercetări arheologice (1955-1962, 1968 – 3960 m²).
Percutoare – 1
Lame (silex) – 2
Bibliografie: Смирнова 1957, 99; Смирнова 1969, 7-34; Смирнова 1970, 106; Мелюкова 1958, 9-10; Археология 1985, 487.

31. Novoselicja/Новоселиця (Новоселица), raionul Tatarbunar, reg. Odesa
Aşezare Sabatinovka. Cercetări arheologice (1975, 1977 – 700 m²).
Percutoare (silex) – 1
Bibliografie: Тощев 1978, 393-394; Тощев, Черняков 1986, 115-138; Березанская и др. 1986, 92.

32. Oselivka/Оселівка (Оселовка), raionul Kel'menci, reg. Cernăuţi
Aşezare Noua. (1948-1951).
Topoare-ciocan – 1
Lame (silex) – 1
Bibliografie: Мелюкова 1958, 9.

33. Ostrivec'/Острівець (Островец), raionul Gorodenka, reg. Ivano-Frankovsk
Aşezare Noua. Cercetări arheologice (1958-1962 – 1837 m²).
Râşniţe – 5
Cute – 1
Percutoare (silex) – 2
Topoare-ciocan – 2
Forme de turnat – 5
Cuţite (silex) – 1
Bibliografie: Балагурі 1964, 3-16; Балагурі 1968, 135-146; Смирнова 1970, 108-109; Археология 1985, 483-487.

34. Stecivka/Стецівка (Стецовка), raionul Snjatin, reg. Ivano-Frankovsk
Aşezare Noua. Cercetări arheologice (1984– 132 m²).
Răzuitoare – 2
Forme de turnat – 1
Cute – 1
Bibliografie: Крушельницка 2006, 41-60.

35. Zarične/Зарічне (Заречное), raionul Tatarbunar, reg. Odesa
Aşezare Sabatinovka. Cercetări arheologice (1977 – 200 m²).
Fusaiole – 1
Conform datelor publicate, în cadrul acestei aşezări au fost descoperite piese din piatră (râşniţe şi răzuitoare), însă numărul acestora nu este specificat şi desenele acestor piese lipsesc.
Bibliografie: Тощев 1978, 394; Тощев, Черняков 1986, 133; Дергачёв 1986, 177.

Descoperiri de suprafaţă:

36. Kalčeva/Калчева (Кальчево III), raionul Bolgrad, reg. Odesa
Aşezare Sabatinovka. Perieghează (1964).
Conform datelor publicate, în cadrul acestei aşezări au fost descoperite piese din piatră (râşniţe şi răzuitoare), însă numărul acestora nu este specificat şi desenele acestor piese lipsesc.
Bibliografie: Субботин 1967, 236; Гудкова и др. 1991, 56.

37. Kam'janka/Кам'янка (Каменка VI), raionul Ismail, reg. Odesa
Aşezare Sabatinovka. Perieghează (1967).

[7] În literatura de specialitate de cele mai dese ori este folosită denumirea veche (românească) a localităţii – Mahala.

Conform datelor publicate, în cadrul acestei aşezări au fost descoperite piese din piatră (râşniţe şi răzuitoare), însă numărul acestora nu este specificat şi desenele acestor piese lipsesc.
Bibliografie: Субботин 1967, 240; Гудкова и др. 1991, 63.

38. Trichatki/Трихатки (Трихатки I), raionul Tatarbunar, reg. Odesa
Aşezare Sabatinovka. Periegheză (1974).
Fusaiole – 1
Bibliografie: Тощев 1976, 157-162; Черняков 1985, 37; Дергачёв 1986, 177.

Bibliografie

Boroffka, Sava 1998: N. Boroffka, E. Sava, Zu den steinernen „Zeptern/Stössel-Zeptern", „Miniatursäulen" und „Phalli" der Bronzezeit Eurasiens. In. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 30 (Berlin 1998), 17-113.

Dascălu 2007: L. Dascălu, Bronzul mijlociu şi târziu în Câmpia Moldovei (Iaşi 2007).

Dragomir 1959: I. Dragomir, Săpăturile arheologice de la Cavadineşti. MCA VI, 1959, 454-467.

Dumitroaia 1992: Gh. Dumitroaia, Materiale şi cercetări arheologice din nord-estul judeţului Neamţ. MemAntiq XVIII, 1992, 63-145.

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. AE, Bd. 7 (Rahden/Westf. 1999).

Florescu 1964: A.C. Florescu, Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua. ArhMold II-III, 1964, 143-216.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos IX, Biblioteca Thracologică I (Călăraşi 1991).

Florescu, Căpitanu 1968: M. Florescu, V. Căpitanu, Câteva observaţii privitoare la sfârşitul epocii bronzului în lumina ultimelor cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie din Bacău. Carpica I, 1968, 35-47.

Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A. Florescu, Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură a Carpaţilor Răsăriteni. ArhMold XIII, 1990, 49-102.

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag, I (Constanţa 2005).

Kaiser, Sava 2004: E. Kaiser, E. Sava, Investigaţii de şantier în aşezarea culturii Noua de la „Odaia". In: Cercetări Arheologice în Republica Moldova (2002-2004) (Chişinău 2004), 40-49.

Kaiser, Sava 2006: E. Kaiser, E. Sava, Die „Aschehügel" der späten Bronzezeit im Nordpontikum Erste Ergebnisse eines Forschungsprojekts in Nordmoldavien (Mit Beiträgen von Michael Hochmuth und Gerwulf Schneider). Eurasia Antiqua 12, 2006, 137-172.

Irimia 2008: M. Irimia, Sceptre de piatră inedite din jud. Constanţa şi unele consideraţii privind legăturile zonei vest-pontice cu spaţiul egeean în bronzul târziu. Pontica 41, 2008, 79-117.

Levitsckii, Sava 1993: O. Levitsckii, E. Sava, Novelles recherches des établissements de culture Noua dans la zone comprise entre la Prout et le Nistru. Cultura şi civilizaţia la Dunărea de Jos IX, 1993, 125-155.

Mitrea 1969: I. Mitrea, Un sceptru din piatră descoperit la Voineşti (jud. Vaslui). Memoria Antiquitatis I, 1969, 311-317.

Morintz 1977: S. Morintz, Câteva consideraţii cu privire la complexul cultural Sabatinovka- Coslogeni-Noua. Peuce VI, 1977, 23-29.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria Tracilor Timpurii. I, Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Morintz, Anghelescu 1970: S. Morintz, N. Anghelescu, O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni. SCIV 21/3, 1970, 373-417.

Sava 1994: E. Sava, Epoca bronzului, perioada mijlocie şi târzie (sec. XVII–XII î.e.n.)., Thraco-Dacica XV, 1994, 141-152.

Sava 2011: E. Sava, Neue Gussformenfunde der späten Bronzezeit aus dem Gebiet zwischen Prut und Dnestr. In: Der Schwarzmeeraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.) (Verlag Marie Leidorf GmbH 2011), 178-187.

Sava, Leviţki 1995: E. Sava, O. Levitki, Aşezarea culturii Noua Petruşeni "La Cigoreanu" (investigaţii de şantier din anul 1991). In: Cercătări arheologice în aria nord-tracă, I (Bucureşti 1995), 157-188.

Smirnova 1993: G. Smirnova, Die Siedlung Mahala IIa und IIb ein Denkmal der Noua I- und II-Kultur. Culture et civilisation au Bas Danube 10, 1993, 57-74.

Schuster 2000: C. Schuster, Notă cu privire la două tipuri de obiecte din piatră şlefuită din epoca bronzului din sudul şi răsăritul României. Anqustia 5, 2000, 85-93.

Şerbănescu, Trohani 1978: D. Şerbănescu, G. Trohani, Cercetări arheologice pe Valea Mostiştei. In: Ilfov – file de istorie (Bucureşti 1978), 17-42.

Uşurelu 2010: E. Uşurelu, Cronologia complexelor ce ţin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spaţiul carpato-dunăreano nord-pontic. Revista arheologică s.n. 1, vol. VI, 2010, 24-71.

Агульников, Левинский 1990: С.М. Агульников, А.Н. Левинский, Исследования на поселении у г. Кэушень. В сб.: Археологические исследования в Молдове в 1985 году (Кишинев 1990), 73-89.

Археология 1985: Археология Украинской ССР. Первобытная археология, том 1 (Киев 1985).

Балагурі 1964: Е.А. Балагурі, Ливарні матриці з поселення пізньої бронзи біля с. Острівець, Івано-Франківської області. В сб.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вып. 5 (Київ 1964), 28-39.

Балагурі 1968: Е.А. Балагурі, Поселення культури Ноа біля с. Острівнць Івано-Франківскоі облості. Археологія XXI, 1968, 135-147.

Балагури 1990: Э. Балагури, Культура Ноа. В сб.: Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (Киев 1990), 99-104.

Березанская и др. 1971: С.С. Березанская, Ю.М. Захарук, О.М. Лесков, Телегин Д.Я., І.Г. Шовкопляс, Археологія Української РСР, том. 1 (Київ 1971).

Березанская 1982: С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).

Березанская и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, П.П. Чередничеко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Березанская и др. 1994: С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко, Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине (Киев 1994).

Борзияк, Кашуба 1990: И.А. Борзияк, М.Т. Кашуба, Исследования на поселении у с. Бульбока. В сб.: Археологические исследования в Молдове в 1985 году (Кишинэу 1990), 49-107.

Бровендер 2010: Ю.М. Бровендер, Поселение Червонэ Озеро 3 донецкого горнометаллургического центра эпохи бронзы. В сб.: Донецкий археологічений збірник 2009-2010, №13/14, (Донецк 2010), 203-211.

Бырня, Чеботаренко 1964: П.П. Бырня, Г.Ф. Чеботаренко, Материалы к археологической карте Молдавии (Итоги разведочных работ 1959 года). В сб.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинев 1964), 273-284.

Гребенников, Горбенко 2010: В.Б. Гребенников, К.В. Горбенко, Поселения грунтовые могильники и клады эпохи бронзы на территории Николаевской области (археологическая карта) (Николаев 2010).

Гудкова и др. 1991: А.В. Гудкова, С.Б. Охотников, Л.В. Субботин, И.Т. Черняков, Археологические памятники Одесской области (Справочник) (Одесса 1991).

Демченко, Левицкий 1992: Т.И. Демченко, О.Г. Левицкий, Исследование зольников культуры Ноуа у ст. Кобыльня. В сб.: Археологические исследования в Молдове в 1986 году (Кишинёв 1992), 120-132.

Дергачёв 1969: В.А. Дергачёв, Поселение бронзового века у с. Слободка Ширеуцы. В сб.: Далёкое прошлое Молдавии (Кишинёв 1969), 110-122.

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 3 (Кишинев 1973).

Дергачев 1986: В.А. Дергачёв, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 2012: В.А. Дергачёв, Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. Revista Arheologică s.n. 1-2, vol. VIII, 2012, 154-161.

Дергачев, Савва 1985: В.А. Дергачёв, Е.Н. Савва, Раскопки комаровских поселений у с. Котяла. В сб.: Археологические исследования в Молдове в 1981 году (Кишинёв 1985), 64-82.

Дилов 2009: Д. Дилов, Каменные песты скипетры бронзовой эпохи в долине реки Бели Лом в Болгарии. В сб.: Старожиності степового Причорномор'я і Криму 2009 рік, том XV (Запорожжя 2009), 31-34.

Добровольский 1957: А.В. Добровольский, Поселения бронзового века Бабино III. В сб.: Краткие сообщения Института археологии, вып. 7 (Киев 1957), 40-45.

Каврук 1985: В.И. Каврук, Новый памятник эпохи поздней бронзы в центральной Молдавии. В сб.: Археологические исследования в Молдове в 1981 году (Кишинев 1985), 83-94.

Крушельницька 2006: Л. Крушельницька, Культура Ноа на землях України (Львів 2006).

Левицкий 1990: О.Г. Левицкий, Литейная форма с поселения культуры Ноуа у ст. Кобыльня. Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 100-104

Левицкий, Савва 1991: О.Г. Левицкий, Е.Н. Савва, Некоторые аспекты развития хозяйственных систем эпохи средней и поздней бронзы в Молдове. В сб.: Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы (Кишинэу 1991), 46-60.

Иванова и др. 2005: С. Иванова, В. Петренко, Н. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).

Малеев 1976: Ю.Н. Малеев, Литейные формы с поселения Мышковичи в Поднестровье. В: Энеолит и бронзовый век Украины (Киев 1976), 232-240.

Мелюкова 1961: А. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавий. В сб.: МИА, 96 (Москва 1961), 4-52.

Сава, Кайзер 2011: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая/Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen (Chişinău 2011).

Синюк, Матвеев 2007: А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев, Среднедонская Катакомбная культура эпохи бронзы (по данных курганных комплексов) (Воронеж 2007).

Смирнова 1969: Г.И Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII - середина VII в. до н. э.). В сб.: Древние фракийцы в северном Причерноморье (Москва 1969), 7-34.

Смирнова 1972: Г.И Смирнова, Новые исследования поселения Магала. В: Археологический сборник, вып. 14 (Ленинград 1972), 12-31.

Тощев 1976: Г.Н. Тощев, Поселение эпохи поздней бронзы — Трихатки I. В сб.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины (Одесса 1976), 157-162.

Тощев 1978: Г.Н. Тощев, Исследования памятников Сабатиновской культуры в Татарбунарском районе Одесской области. В сб.: АО 1977 года (Москва 1978), 393-394.

Тощев, Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники Сабатиновской культуры. В сб.: Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Христов, Илиев 2000: Х. Христов, И. Илиев, Северопонтийски каменни „скиптри-чукалки” от бронзовата епоха в долината на Долна Тунджа. Археология XLI, 1-2, 2000, 27-32.

Черняков 1960: И.Т. Черняков, Археологические разведки 1960 г. в приморской части междуречья Дуная и Днестра. В сб.: КС ОАМ за 1960 г. (Одесса 1961), 9-18.

Черняков 1962: И.Т. Черняков, Некоторые археологические находки из Болградского района, Одесской области. В сб.: Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 4 (Одесса 1962), 138-143.

Черняков 1963: И.Т. Черняков, Археологические разведки 1961 г. в юго-западных районах Одесской обл. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одеского государственного археологического музея за 1961 год (Одесса 1963), 47-60.

Черняков 1964: И.Т. Черняков, Новые находки предметов поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1962 года (Одесса 1964), 128-134.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. (Киев 1985).

Шарафутдинова 1960: Шарафутдинова, Литейные матрицы на поселениях эпохи поздней бронзы в нижнем Поднепровье. В сб.: Краткие сообщения Института археологии, вып. 10 (Киев 1960), 59-64.

Materiale inedite

Cavruc, Postică 1991: V.I. Cavruc, Gh.I. Postică, Rezultatele investigaţiilor arheologice din anul 1990 în aşezările Pansca-Limbari-Căprăria şi Hansca La Matcă (Raport ştiinţific) (Chişinău 1991), 5-69. Arhiva MNIM, nr. inv. 329.

Haheu 1993: V. Haheu, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Rezina, R. Moldova (Chişinău 1993), 26 p. Arhiva MNIM, nr. inv. 33.

Guchin 1993: V. Guchin, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Briceni, R. Moldova (Chişinău 1993), 24 p. Arhiva MNIM, nr. inv. 5.

Postică, Cavruc 1989: Gh. Postică, V. Cavruc, Investigaţiile arheologice a aşezării Petruha din anul 1988 (Raport ştiinţific) (Chişinău 1989), 2-47. Arhiva MNIM, nr. inv. 496.

Roşca, Vâlcu 1993: A. Roşca, V. Vâlcu, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Ştefan-Vodă, R. Moldova (Chişinău 1993), 28 p. Arhiva MNIM, nr. inv. 39.

Sava 1992: E. Sava, Şantierul arheologic Petruşeni “La Cigoreanu” – aşezarea culturii Noua (Raport ştiinţific) (Chişinău 1992), 3-33. Arhiva MNIM, nr. inv. 337.

Sava 2008: E. Sava, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2007 (Raport ştiinţific) (Chişinău 2008), 2-25. Arhiva MNIM, nr. inv. 435.

Sava, Kaiser 2004: E. Sava, E. Kaiser, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2003 (Raport ştiinţific) (Chişinău 2004), 2-21. Arhiva MNIM, nr. inv. 427.

Sava, Kaiser 2006: E. Sava, E. Kaiser, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2005 (Raport ştiinţific) (Chişinău 2006), 3-43. Arhiva MNIM, nr. inv. 481.

Sava, Kaiser 2007: E. Sava, E. Kaiser, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2006 (Raport ştiinţific) (Chişinău 2007), 2-20. Arhiva MNIM, nr. inv. 483.

Борзьяк, Коваленко, Кашуба 1986: И.А. Борзьяк, С.И. Коваленко, М.Т. Кашуба, Отчёт о полевых исследованиях Днестровской археологической экспедиции в 1985 г. (Кишинев 1986), 31-34. Архив НМИМ, №221.

Демченко 1986: Т.И. Демченко, Отчёт о работе Рыбницкой экспедиции у с. Владимировка в 1986 году (Кишинев 1986), 1-8. Архив НМИМ, №244.

Дергачёв 1976: В.А. Дергачёв, Отчёт об археологических исследоваиях Припрутской экспедиции в 1975 году (Кишинев 1976), 3-46. Архив НМИМ, №101.

Ларина 1986: О. Ларина, Отчёт молдавской экспедиции о работе 1985 г. на поселеньях Фетешты I и Фетешты II, с. Фетешты, Единецкий раион (Кишинев 1986), 1-20. Архив НМИМ, №228.

Левинский 1986: А.Н. Левинский, Отчёт о полевых работах черняховского отряда Каушанской новостроечной археологической экспедиции по исследованию многослойного поселения Кэушень-племсовхоз у пгт. Кэушень Кэушенского района в 1985 году (Кишинев 1986), 1-40. Архив НМИМ, №229.

Левицкий 1985: О.Г. Левицкий, Отчёт о полевых исследованиях Фракийской новостроечной археологической экспедиции в 1984 г. (Кишинев 1985), 13-31. Архив НМИМ, №214.

Левицкий 1988: О.Г. Левицки, Раскопки на поселении культуры Ноуа у с. Кобыльня в 1986-1987 г. (Кишинев 1988), 1-23. Архив НМИМ, №255.

Мелюкова 1957: А. Мелюкова, Отчёт о работе отряда скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и Молдавского филиала АН СССР в 1956 г. (Кишинев 1957), 1-25. Архив НМИМ, №380.

Мелюкова 1958: А. Мелюкова, Отчёт о работе отряда скифской археологии ИИМК и М.Ф. АН СССР в 1957 г. (Кишинев 1958), 1-28. Архив НМИМ, №381.

Никулицэ 1979: И.Т. Никулицэ, Отчёт о полевых исследованиях на памятниках бронзового и раннежелезного веков у сёл Данчены и Суручены в 1978 г. (Кишинев 1979), 3-10. Архив НМИМ, №130.

Никулицэ 1981: И.Т. Никулицэ, Отчёт о результатах полевых исследований на археологических памятниках у с. Ханска в 1981 году (Кишинев 1981), 2-19. Архив НМИМ, №166.

Тельнов, Чеботаренко 1982: Н.П. Тельнов, Г.Ф. Чеботаренко, Отчет о раскопках на поселении Ханска (Лимбарь – Кэпрэрие) в 1981 г. (Кишинев 1982), 6-11. Архив НМИМ, №172.

Чеботаренко 1963: Г.Ф Чеботаренко, Городище Калфа. Отчёт о раскопках 1962 г. (Кишинев 1963), 2-55. Архив НМИМ, № 405.

Щербакова и др. 1984: Т.А. Щербакова, И.В. Манзура, Г.Н. Савва, С.И. Агульников, Отчёт о полевых исследованиях Буджакской новостроечной археологической экспедиции в 1982 году (Кишинев,1984), 1-10. Архив НМИМ, №190.

Stone objects found in the settlements of Noua-Sabatinovka cultures in the Prut-Dniester area

Abstract

As a result of archaeological research, which are carried out from 1950s to the present in the Prut-Dniester area, in the settlements, as well as through random findings, it was found about 412 artifacts of stone (scrapers, fragments of mills, discs, polishers, casting moulds, axes, etc.) and 129 ones of flint (hammerstones, knives, arrowheads, blades) relating to the Noua-Sabatinovka type. The article presents the categories of lithic objects and attempts to clarify their attribution.

List of illustrations:

Fig. 1. Stone scrapers: 1, 2, 7, 8 - Odaia-Miciurin (after Sava, Kaiser 2004, fig. 16/7, 63/2; Sava 2008, fig. 16/7, 24/5); 3, 4 - Căuşeni (after Левинский 1986, рис. 8/1, 3); 5 - Petruşeni (after Sava 1992, fig. 6/1); 6 - Cobâlea (after Левицкий 1988, рис. 28/1).

Fig. 2. Grinders: 1, 2, 4 - Cobâlea (after Левицкий 1988, рис. 20/4, 23/3, 28/2); Petruşeni (after Sava 1992, рис. 6/4).

Fig. 3. Stone polishers: 1, 3, 6, 7 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 88/5, 6, 9, 13); 2 - Hansca (after Postică, Cavruc 1991, fig. 7/8); 4 - Čortovec' (after Крушельницька 2006, рис. 17/9). Grindstone: 5 - Petruşeni (After Sava 1992, fig. 6/5).

Fig. 4. Stone disks: 1-4 - Slobozia-Şireuţi; 5, 6 - Cuconeşti; 7 - Feteşti (after Ларина 1976, рис. 6/3); 8 - Odaia-Miciurin (after Sava 2008, fig. 36/9).

Fig. 5. Polishers: 1-5, 7, 10, 11 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 87/3-6, 9, 13); 6 - Nisporeni; 8 - Căuşeni (after Левинский 1986, рис. 8/2); 9 - Cobâlea (after Левицкий 1988, рис. 18/6); 12 - Ghindeşti (after Мелюкова 1958, табл. XXVI/8). Hammerstones: 10, 14 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 87/14, 15); 13 - Ghindeşti (after Мелюкова 1957, табл. XIX/5); 15 - Novoselicja (after Тощев, Черняков 1986, рис. 6/11).

Fig. 6. Hoe: 1 - Slobozia-Şireuţi (after Дергачев 1969, табл. III/26). Stone axes: 2 - Petruşeni (after Sava 1992, fig. 9/3); 3 - Ghindeşti (after Мелюкова 1957, табл. XIX/4); 4 - Mahala (after Смирнова 1972, рис. 6/11); 5 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 88/1); 6 - Slobozia-Şireuţi; 7 - Căuşeni (after Левинский 1986, рис. 7/1). Stone maces: 8, 10, 11 - Slobozia-Şireuţi; 9 - Ghindeşti (after Мелюкова 1957, табл. XIX/3).

Fig. 7. Stone casting moulds: 1 - Cobâlea (after Левицкий 1988, рис. 27/1); 2, 6 - Ostrivec' (after Археология 1985, рис. 131/32, 36); 3, 8 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 88/2, 4); 4, 5 - Bălăneşti (after Sava 2011, Abb. 5/1, 6/1); 7 - Mahala (after Смирнова 1972, 24, рис. 9/1).

Fig. 8. Pestles/scepters: 1, 3, 6 - Chiperceni (after Савва 1987, рис. 2/9, 14, 3/9); 2 - Petreni (after Савва 1987, 64, рис. 2/4); 4 - Ghindeşti (after Мелюкова 1958, табл. XXVI/7); 7 - Stecivka (after Крушельницька 2006, рис. 13/6); 8 – Bahu (after Дергачев 2012, илл. II/35); 9, 10 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 87/11, 12). Stone pounder: 5 - Basarabeasca (after Савва 1987, рис. 2/24).

Fig. 9. Flint blades: 1, 6 - Cobâlea (after Левицкий 1988, рис. 4/7, 16/11); 2 - Slobozia-Şireuţi; 3 - Petruşeni (after Левицкий 1985, рис. 16/12); 4 - Căuşeni (after Левинский 1986, рис. 7/3); 5, 7-10 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 90/2, 4, 7-9). Flint arrowheads: 11, 12 - Cobâlea (after Левицкий 1988, рис. 4/3, 17/1); 13 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 90/1). Flint knives: 8, 10 - Petruşeni (after Левицкий 1985, рис. 15/21, 22); 9 - Slobozia-Şireuţi (after Дергачев 1969, 121, табл. III/28). Flint hammerstones: 17, 19 - Petruşeni (after Sava 1992, fig. 9/4, 7); 18-21 - Slobozia-Şireuţi; 22 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 89/1); 23 - Čortovec' (after Крушельницька 2006, 40, рис. 17/6).

Fig. 10. Stone and flint tools found in the area of the Noua-Sabatinovka cultural complex on the territory of Ukraine to the east of the Dniester and in Romania: 1, 2 - knives; 3, 4 - arrowheads; 5 – flint blade; 6, 7 - polishers; 8 - hammerstone; 9 - disk; 10, 15 - hoes; 11-13 - pestles / scepters; 14 - grindstone; 16 - pounder; 17 - casting mould; 18 - mace; 19, 22 - polishers; 20, 21 - axes. 1 - Truşeşti; 2 - Probota; 3, 4, 19 - Gârbovăţ; 5, 14 - Dorobanţu; 6, 7, 13, 18 - Zlatopol; 8-10 - Novokievka; 11 - Voineşti; 12, 15 - Sergeevskij Zaliv; 16 - Uškalka; 17 - Nicoleni; 20-22 - Tăvădărăşti. 1-5, 11, 14, 17, 19-22 (after Florescu 1991, fig. 113/4; 158/5, 6; 159/6; 162/2, 5; 163/3, 8, 10; 164/2, 8); 6-10, 12, 13, 15, 16, 18 (after Gerškovič 1999, Taf. 9/10, 12; 10/2; 35/4, 9, 10; 45/8, 10).

Fig. 11. Stone and flint tools found in other cultures synchronous or partially synchronous to the Noua-Sabatinovka cultural complex. Cultures: Komarovo (1, 2, 10, 11, 13), Gava-Holigrady (4, 9), Belogrudovka (3, 5, 6, 12, 14), Belozerka (7, 8, 16), Srubna (15, 17). 1-5 - knives; 6 - arrowhead; 7 – pestle / scepter; 8, 9 - grindstones; 10, 11 - polishers; 12 - mace; 13 – spindle whorl; 14-16 – casting moulds; 17 - grinder. 1, 2, 10, 11 - Coteala; 3 - Kirovo; 4, 9, 13 - Miškovič; 5 - Belogrudovskij Les; 6, 14 - Sobkovka; 7 - Uškalka; 8 - Zapovitne; 12 - Andrusovka; 15 - Pilipčatino; 16 - Zavadovka; 17 - Iličovka. 1, 2, 10, 11 (after Sava 1994, fig. 3/19, 20, 30, 33); 3, 5-8, 12, 14-17 (after Археология 1985, рис. 112/40; 127/1, 20; 136/1, 4, 5, 7; 142/19, 44, 52); 4, 9, 13 (after Малеев 1976, рис. 2/7, 10, 11).

Каменные предметы, обнаруженные на поселениях культур Ноуа-Сабатиновка на Пруто-Днестровском пространстве

Резюме

В результате археологических исследований, которые производятся с 50-х гг. XX века по настоящее время на Пруто-Днестровском пространстве, на поселениях, а также благодаря случайным находкам, было обнаружено около 412 предметов из камня (скребки, фрагменты ручных мельниц, диски, лощила, отливочные формы, топоры и т.п.) и 129 из кремня (отбойники, ножи, наконечники стрел, пластинки), относящихся к типу Ноуа-Сабатиновка. В статье представлены категории предметов из камня/кремня и сделана попытка прояснить их атрибуцию.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Каменные скребки: 1, 2, 7, 8 - Одая-Мичурин (по Sava, Kaiser 2004, fig. 16/7, 63/2; Sava 2008, fig. 16/7, 24/5); 3, 4 - Кэушень (по Левинский 1986, рис. 8/1, 3); 5 - Петрушень (по Sava 1992, fig. 6/1); 6 - Кобыля (по Левицкий 1988, рис. 28/1).

Рис. 2. Ручные мельницы: 1, 2, 4 - Кобыля (по Левицкий 1988, рис. 20/4, 23/3, 28/2); Петрушень (по Sava 1992, fig. 6/4).

Рис. 3. Каменные лощила: 1, 3, 6, 7 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 88/5, 6, 9, 13); 2 - Ханска (по Postică, Cavruc 1991, fig. 7/8); 4 - Чертовец (по Крушельницька 2006, рис. 17/9). Точило: 5 - Петрушень (по Sava 1992, fig. 6/5).

Рис. 4. Каменные диски: 1-4 - Слобозия-Ширеуць; 5, 6 - Куконешть; 7 - Фетешть (по Ларина 1976, рис. 6/3); 8 - Одая-Мичурин (по Sava 2008, fig. 36/9).

Рис. 5. Лощила: 1-5, 7, 10, 11 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 87/3-6, 9, 13); 6 - Ниспорень; 8 - Кэушень (по Левинский 1986, рис. 8/2); 9 - Кобылня (по Левицкий 1988, рис. 18/6); 12 - Гиндешть (по Мелюкова 1958, табл. XXVI/8). Каменные отбойники: 10, 14 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 87/14, 15); 13 - Гиндешть (по Мелюкова 1957, табл. XIX/5); 15 - Новоселица (по Тощев, Черняков 1986, рис. 6/11).

Рис. 6. Мотыга: 1 - Слобозия-Ширеуць (по Дергачев 1969, табл. III/26). Каменные топоры: 2 - Петрушень (по Sava 1992, fig. 9/3); 3 - Гиндешть (по Мелюкова 1957, табл. XIX/4); 4 - Махала (по Смирнова 1972, рис. 6/11); 5 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 88/1); 6 - Слобозия-Ширеуць; 7 - Кэушень (по Левинский 1986, рис. 7/1). Каменные дубинки: 8, 10, 11 - Слобозия-Ширеуць; 9 - Гиндешть (по Мелюкова 1957, табл. XIX/3).

Рис. 7. Каменные отливочные формы: 1 - Кобыля (по Левицкий 1988, рис. 27/1); 2, 6 - Островец (по Археология 1985, рис. 131/32, 36); 3, 8 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 88/2, 4); 4, 5 - Бэлэнешть (по Sava 2011, Abb. 5/1, 6/1); 7 - Махала (по Смирнова 1972, 24, рис. 9/1).

Рис. 8. Песты-скипетры: 1, 3, 6 - Киперчень (по Савва 1987, рис. 2/9, 14, 3/9); 2 - Петрень (по Савва 1987, 64, рис. 2/4); 4 - Гиндешть (по Мелюкова 1958, табл. XXVI/7); 7 - Стецовка (по Крушельницька 2006, рис. 13/6); 8 - Баху (по Дергачев 2012, илл. II/35); 9, 10 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 87/11, 12). Каменная ступка: 5 - Басарабяска (по Савва 1987, рис. 2/24).

Рис. 9. Кремневые пластины: 1, 6 - Кобыля (по Левицкий 1988, рис. 4/7, 16/11); 2 - Слобозия-Ширеуць; 3 - Петрушень (по Левицкий 1985, рис. 16/12); 4 - Кэушень (по Левинский 1986, рис. 7/3); 5, 7-10 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 90/2, 4, 7-9). Кремневые наконечники стрел: 11, 12 - Кобыля (по Левицкий 1988, рис. 4/3, 17/1); 13 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 90/1). Кремневые ножи: 8, 10 - Петрушень (по Левицкий 1985, рис. 15/21, 22); 9 - Слобозия-Ширеуць (по Дергачев 1969, 121, табл. III/28). Кремневые отбойники: 17, 19 - Петрушень (по Sava 1992, fig. 9/4, 7); 18-21 - Слобозия-Ширеуць; 22 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 89/1); 23 - Чертовец (по Крушельницька 2006, 40, рис. 17/6).

Рис. 10. Каменные и кремневые орудия, обнаруженные в ареале культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка на территории Украины к востоку от Днестра и в Румынии: 1, 2 - ножи; 3, 4 - наконечники стрел; 5 - кремневая пластина; 6, 7 - лощила; 8 - отбойник; 9 - диск; 10, 15 - мотыги; 11-13 - песты-скипетры; 14 - точило; 16 - ступка; 17 - отливочная форма; 18 - дубинка; 19, 22 - лощила; 20, 21 - топоры. 1 - Трушешть; 2 - Пробота; 3, 4, 19 - Гырбовец; 5, 14 - Доробанцу; 6, 7, 13, 18 - Златополь; 8-10 - Новокиевка; 11 - Войнешть; 12, 15 - Сергеевский залив; 16 - Ушкалка; 17 - Николень; 20-22 - Тэвэдэрешть. 1-5, 11, 14, 17, 19-22 (по Florescu 1991, fig. 113/4; 158/5, 6; 159/6; 162/2, 5; 163/3, 8, 10; 164/2, 8); 6-10, 12, 13, 15, 16, 18 (по Gerškovič 1999, Taf. 9/10, 12; 10/2; 35/4, 9, 10; 45/8, 10).

Рис. 11. Каменные и кремневые орудия, обнаруженные в рамках других культур, синхронных или частично синхронных культурному комплексу Ноуа-Сабатиновка. Культуры: комаровская (1, 2, 10, 11, 13), гаваголиградская (4, 9), белогрудовская (3, 5, 6, 12, 14), белозерская (7, 8, 16), срубная (15, 17). 1-5 - ножи; 6 - наконечники стрел; 7 - пест-скипетр; 8, 9 - ступка; 10, 11 - лощила; 12 - дубинка; 13 - пряслице; 14-16 - отливочные формы; 17 – ручная мельница. 1, 2, 10, 11 - Котяла; 3 - Кирово; 4, 9, 13 - Мишкович; 5 - Белогрудовский лес; 6, 14 - Собковка; 7 - Ушкалка; 8 - Заповитное; 12 - Андрусовка; 15 - Пилипчатино; 16 - Завадовка; 17 - Ильичевка. 1, 2, 10, 11 (по Sava 1994, fig. 3/19, 20, 30, 33); 3, 5-8, 12, 14-17 (по Археология 1985, рис. 112/40; 127/1, 20; 136/1, 4, 5, 7; 142/19, 44, 52); 4, 9, 13 (по Малеев 1976, рис. 2/7, 10, 11).

14.02.2013

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, 121”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

ДВА НОВЫХ КЛАДА И ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ – РАННЕГО ГАЛЬШТАТТА С ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Станислав Церна
Денис Топал

Одной из наиболее частых разновидностей находок предметов материальной культуры племен, заселявших Пруто-Днестровское междуречье в бронзовом и раннем железном веках, являются металлические изделия. Нередко они предстают в виде кладов; причем в большинстве случаев находки таких кладов случайны. В течение последних десяти лет количество обнаруживаемых металлических изделий рассматриваемого периода на территории Республики Молдова существенно возросло, в том числе и «благодаря» резкой активизации деятельности частных коллекционеров. Периодически отдельные бронзовые комплексы и предметы из случайных находок попадают в поле зрения археологов и вводятся в научный оборот (Гончарова 2001-2002; Дергачев 2010; Дергачев 2012; Дергачев 2012а; Uşurelu, Nicic 2003; Sava 2011).

В данной работе мы публикуем два новых клада, а также ряд отдельных находок бронзовых изделий, обнаруженных случайно на территории Пруто-Днестровского междуречья и хранящихся в частных коллекциях (рис. 1). Представляется, что эти находки могут вызвать определенный интерес у специалистов.

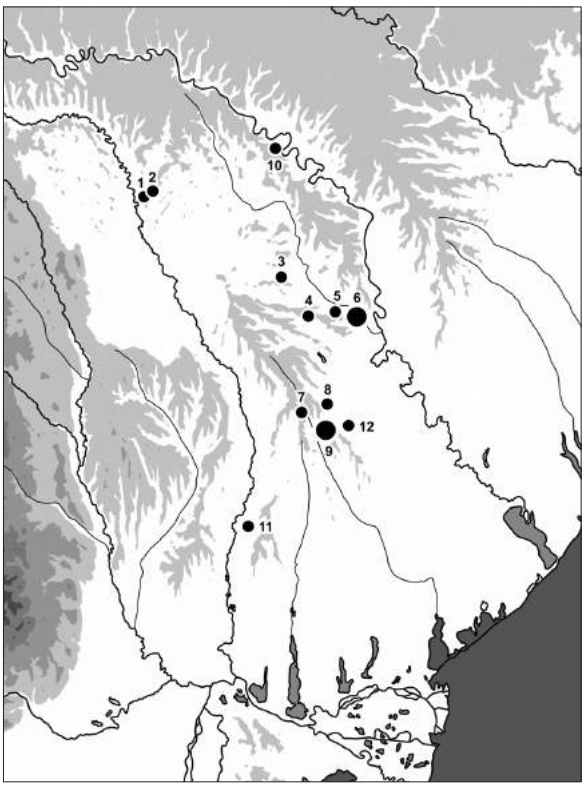


Рис. 1. Местонахождения кладов и случайных находок: 1 - Дэмэшкань; 2 - Шаптебань; 3 - Теленешть; 4 - Лупа-Реча; 5 - Селиште; 6 - Брэнешть; 7 - Хынчешть; 8 - Костешть; 9 - Липовень; 10 - Сорокский район; 11 - Кантемирский район; 12 - Резены.

Единичные находки

Одной из задач данной работы является введение в научный оборот серии единичных находок, обнаруженных на территории Республики Молдова, и попавших в поле зрения авторов за последние несколько лет[1].

1. Безушковый кельт высоких пропорций, обнаруженный неподалеку от г. **Хынчешть** (рис. 2/1), орнаментирован в центральной части нервюрами в форме песочных часов, заключенных в прямоугольник. Высота кельта 13 см, ширина тулова 3 см, ширина лезвия 4,2 см. По бокам тулова присутствует по одному отверстию округлой формы, диаметром в 0,4 см. Ближайшие аналогии происходят из клада Тырнава Микэ и из клада в коллекции Музея Брукенталь в Сибиу (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 377/2, 13). Последний клад Петреску-Дымбовица относит к периоду HaB_2, несмотря на то, что в состав входят вещи, типичные для HaB_1 (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 159).

[1] Основу источников такого рода информации составляют интернет-форумы коллекционеров и приватные сообщения.

2-3. Серпы типа *Хелештень* представлены находкой, сделанной неподалеку от г. **Теленешть** (рис. 2/3), и еще одним экземпляром без точного адреса (рис. 2/2). Максимальная длина теленештского серпа 17,5 см, высота дуги спинки 7 см, ширина лезвия в средней части 2,1 см. Лезвие украшено параллельными нервюрами, на рукояти овальные отверстия 1,4×0,7 см и 1×0,6 см. Длина второго серпа 20 см, высота дуги спинки 8,4 см, ширина лезвия 2 см, на лезвии также заметны глубокие нервюры, на рукояти два отверстия: одно подовальной формы 0,9×0,7 см, другое – неправильной формы, размерами в 1,6×0,9 см. Серпы типа Хелештень относятся к прикарпатской серии и широко представлены на всем протяжении от Восточных Карпат до Поднепровья. Несмотря на отдельное присутствие в сабатиновском ареале, основная их часть приходится на восточный ареал культуры Ноуа (Дергачев, Бочкарев 2002, 252). Хронологическая позиция серпов данного типа определяется в рамках BrD-HaA_1, причем основная масса комплексов Ноуа, содержащих эти предметы, относится к периоду BrD, а большая часть сабатиновских – к позднесабатиновскому времени или HaA_1 (Дергачев, Бочкарев 2002, 253).

4. Наконечник копья с укороченной втулкой и расширением пера в нижней трети был найден у с. **Селиште** Оргеевского района (рис. 2/4). Высота наконечника 20 см, длина пера 16,5 см, максимальная ширина пера 5 см, ширина втулки 3 см, вес 165 г. В верхней части втулки по бокам проделаны отверстия 0,4 см в диаметре. Наконечники таких типов характерны для кладов HaA_2-B_1, однако на территории бывшей Югославии встречаются и в комплексах HaA_1 (Левицкий 1993, 63).

5-7. Одноушковые кельты. Один, найденный между селами **Домашкань** и **Петрушень** Рышканского района (рис. 2/5), другой – в лесу у с. **Резень** Яловенского района (рис. 2/14) и третий, точное место находки которого, к сожалению, неизвестно (рис. 2/6), дополняют внушительную базу источников по восточно-карпатским типам изделий эпохи поздней бронзы. Высота кельта из Домашкань-Петрушень 11,8 см, ширина тулова 4,3 см, ширина лезвия 4,5 см, вес 235 г. Высота кельта из Резен 11,5 см, ширина тулова 4,5 см, ширина лезвия 4,3 см; вероятно, в древности из-за брака литья было недоотлито ушко. Высота третьего кельта без точного адреса – 13 см, ширина тулова 4 см, ширина лезвия 4,5 см, вес 410 г. Для Карпатско-Днестровского региона, кельты типа *Рышешть*, к которым можно с полной уверенностью отнести данные предметы, характерны для комплексов периода BrD, для территории Украины – датируются позднесабатиновским временем или HaA_1 (Дергачев 1997, 24).

8. Черенковый кинжал с листовидным лезвием из **Шаптебань** Рышканского района (рис. 2/7) относится к варианту Бэлень типа Лобойковка, по В.А. Дергачеву (Dergačev 2002, Taf. 104). Общая длина кинжала из Шаптебань 17 см, максимальная ширина лезвия 4,8 см, длина черенка 5 см, ширина 1,1 см. Лезвие в нижней трети было согнуто – вероятно, еще в древности. На территории Днестровско-Прутского междуречья сходный предмет с широким спектром аналогий был обнаружен у с. Глинжень (Uşurelu, Nicic 2003, 167, fig. 2/2). Следует упомянуть схожий кинжал-нож у с. Грушка на Верхнем Днестре (Leskov 1981, Taf. 9, 93). В целом можно отметить высокую концентрацию подобных кинжалов в сабатиновском ареале в нижнем течении Днепра, кроме того, отдельные находки встречаются в ареале Ноуа (Uşurelu, Nicic 2003, 169). А. Лесков относит кинжалы этого типа к позднесабатиновскому времени (Leskov 1981, 82).

9. Безушковый кельт, найденный неподалеку от с. **Лупа-Реча** Страшенского района (рис. 2/8), исходя из его вытянутых пропорций и отсутствия орнамента, можно отнести к типу придунайских кельтов *Касимча* (Дергачев 2011, 114, 117). Высота изделия 9,5 см, ширина тулова 2,5 см, ширина лезвия 3,9 см. По мнению В.А. Дергачева, тип Касимча возникает еще в BrD и развивается на протяжении всего периода HaA_1 (Дергачев 2011, 122), а центром производства, ориентированным преимущественно на восток, были север Добруджи и Мунтения (Дергачев 2011, 127).

10. Безушковый кельт без фасок, точное местонахождение которого на территории Республики Молдова, к сожалению, неизвестно (рис. 2/9), можно, по всей видимости, отнести к редкому типу придунайских кельтов — *Овча*

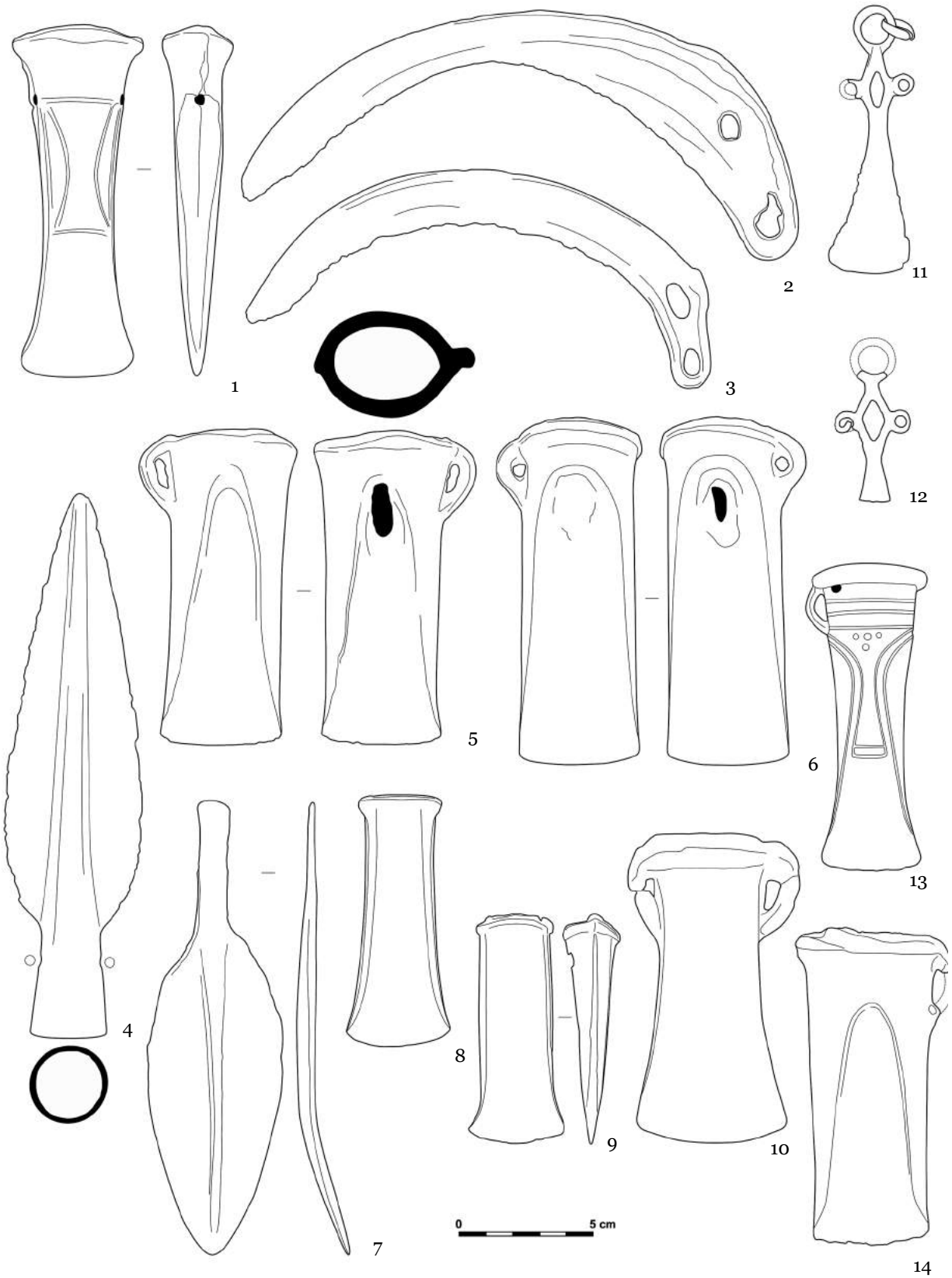


Рис. 2. Случайные находки из Пруто-Днестровского междуречья: 1 - Хынчешть; 2, 6, 9, 11 - Республика Молдова, точное местонахождение неизвестно; 3 - Теленешть; 4 - Селиште; 5 - Дэмэшкань; 7 - Шаптебань; 8 - Лупа-Реча; 10 - Костешть; 12 - Кантемирский район; 13 - Сорокский район; 14 - Резены.

Могила (Дергачев 2011, 143). Высота кельта 8,5 см, ширина тулова 2,6 см, ширина лезвия 3,6 см. С одной стороны кельта виден брак литья, часть втулки и тулова оказалась недолита. Ближайшей аналогией, как территориально, так и морфологически, можно считать кельт из Ботошанского музея (Дергачев 2011, 143, рис. 88/3). Ориентируясь на датировку клада из Овчей Могилы, В.А. Дергачев определяет время бытования данного типа периодом HaB. Скорее всего, финалом раннего Гальштатта можно датировать и данный экземпляр.

11. Двуушковый кельт с массивной втулкой (предположительно, из **Костешть** Яловенского района) (рис. 2/10). Высота кельта 11,5 см, ширина тулова 3,5 см, ширина лезвия 5,5 см, вес 380 г. Данный предмет можно отнести к двуушковым кельтам с ушками под втулкой, типа Завадовки, датирующимся HaB_{1-3} – позднебелозерским временем (Дергачев 1997, 14; Левицкий 2002, 199; Ушурелу 2010, 30).

12-13. Ажурные ромбовидные подвески с крестообразно расположенными кольцами. Одна из них происходит из **Кантемирского района** (рис. 2/12), место нахождения второй (рис. 2/11) неизвестно. Высота сохранившейся части первой – 5 см, второй (сохранилась полностью) – 10 см. Всего в ареале Ноуа-Сабатиновка их известно более 30, причем подавляющее большинство их относится к ареалу Ноуа. Этой категории предметов эпохи поздней бронзы были недавно посвящены две специальные работы (Diaconu 2012; Дергачев 2012а). По мнению В. Диакону, подобные подвески появляются в период BrC_2-D, но продолжают функционировать на протяжении HaA_1 (Diaconu 2012, 31). Что касается происхождения, румынский автор настаивает на западном происхождении ажурных подвесок и связывает их проникновение к востоку от Карпат с традициями горизонта полей погребений, тем самым «отбивая» восточную границу центрально-европейских украшений (Diaconu 2012, 32). На территории Днестровско-Прутского междуречья подобные подвески известны, в основном, благодаря находкам на поселениях, единственное исключение – подвеска из клада времени HaA_1 из Петрушень (Дергачев 2012а, 164, илл. 6/5). Правда, автор публикации настаивает на отнесении подвески из этого клада (исходя из степени изношенности и характера клада) к периоду BrD (Дергачев 2012а, 168).

14. Одноушковый кельт с массивным ободком у втулки обнаружен в **Сорокском районе**, на берегу Днестра (рис. 2/13). Высота кельта 11,5 см, ширина тулова 3,3 см, ширина лезвия 3,7 см. Под ободком присутствует отверстие диаметром около 0,3 см, образовавшееся, вероятно, в результате отливки. Кельт украшен под ободком у втулки тремя параллельными горизонтальными нервюрами, под которыми имеются четыре выпуклых окружности диаметром 0,2-0,3 см, формирующие треугольник, направленный вершиной вниз. Тулово кельта вплоть до самого лезвия орнаментировано четырьмя нисходящими дуговидными нервюрами, образующими симметричный узор. По всей вероятности, данный предмет принадлежит серии раннегальштатских среднедунайских типов со специфической орнаментацией – Дебрецен (Дергачев 1997, 39). Наряду с широким хронологическим диапазоном, одной из ярких особенностей данного типа является сочетание самых различных орнаментальных элементов и мотивов (Левицкий 1993, 56). По этой причине точная аналогия орнаменту нам неизвестна, хотя отдельные элементы, наряду с оригинальной «дебреценовской» формой, встречаются, главным образом, в кладах Трансильвании и Алфёльда (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 184/5; 218/2; 303/5). Классические образцы этих кельтов появляются в Трансильвании еще в HaA_{1-2}, но основной период их бытования приходится на период HaA_2-B_1, а подражания классическим образцам широко распространены и в HaB_{2-3} (Дергачев 1997, 40). Близки к рассматриваемому предмету кельты из Куджир, Спэлнака I, на обломке литейной формы из Тэшад на территории Румынии, а также неопубликованный кельт из коллекции Музея в Айуд, хранящийся под инвентарным номером 4734 (Ciugudean, Luca 1997, fig. 1/6; Petrescu-Dîmboviţa 1978, Taf. 245/26, 201C/3; Wanzek 1989, nr. 56). Как и сорокский кельт, они имеют утолщенный ободок, снабжены симметричными дуговидными нисходящими нервюрами, между которыми располагается различное количество выпуклых окружностей (от 2 до 13). Большинство же подобных изделий происходит с территории современных Венгрии и Словакии, где, судя по всему, и сложился данный тип[2]. Что касается кельта

[2] Авторы выражают признательность Оливеру Дитрих (Берлин) за консультацию и помощь в подборе аналогий данному кельту.

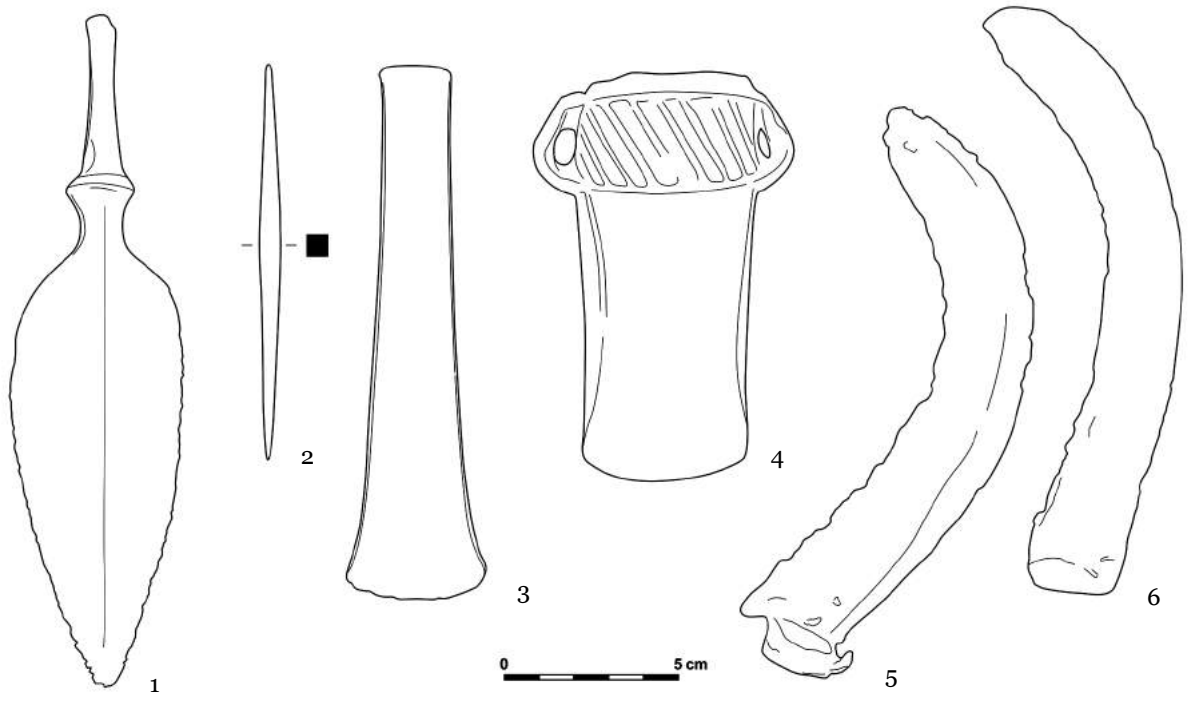


Рис. 3. Клад из с. Липовень.

из Сорокского района, появление подобного предмета в Днестровско-Прутском регионе представляет собой довольно редкое явление и связано с культурами каннелированной керамики (Левицкий 1993, 56-57; Дергачев 1997, 41).

Клад из с. Липовень

Клад бронзовых изделий, по словам находчиков, был обнаружен в лесу к западу от с. Липовень Чимишлийского района. В состав клада входило 6 предметов – кинжал, шило, тесло, кельт и два серпа (рис. 3/1-6). В настоящее время вещи находятся в одной из частных коллекций, а описание стало возможным благодаря качественным фотографиям.

Описание предметов:

1. Кинжал с кольцевым упором (рис. 3/1). Общая длина 19 см, длина клинка 12,5 см, максимальная ширина лезвия (в верхней части) 5 см. Длина черенка рукояти до кольцевого упора 4,5 см, диаметр кольцевого упора 2 см, толщина черенка у кольцевого упора – 1,1 см.

2. Шило, ромбовидное в сечении, уплощенное с двух концов, удлиненно-биконической формы (рис. 3/2). Длина 11,4 см, максимальная ширина (в центральной части) 0,6 см.

3. Плоское тесло-долото высокой трапециевидной формы (рис. 3/3). Длина 15,4 см, ширина в верхней части 2 см, ширина лезвия 4 см.

4. Двуушковый кельт, орнаментированный под ободком пояском из диагональных нервюр (рис. 3/4). Высота 11,5 см, ширина тулова под ушком 5 см, ширина лезвия 4,7 см.

5-6. Два серпа, практически сходных по метрическим параметрам (рис. 3/5, 6). Максимальная длина одного из них 16,5 см, высота дуги спинки 6 см (рис. 3/5), ширина лезвия в средней части 2,6 см. Максимальная длина второго (рис. 3/6) – 17 см, высота дуги спинки 5,2 см, ширина лезвия в средней части 2,1 см.

Типологическая и культурно-хронологическая атрибуция находок:

По составу вещей данный комплекс можно отнести к группе кладов поздней бронзы – раннего гальштатта. Кинжалам с кольцевым упором, или, по терминологии В.И. Клочко, – *«красномаяцкого типа»* (Kločko 1995, 117-128), или «киммерийского типа» (Тереножкин 1961, 107, 133; Гришин 1971, 15; Левицкий 1993, 66; Агульников, Иванова 2010, 152; Дергачев 2011, 222-231) посвящена обширная историография. Однако термин кинжалы «киммерий-

ского типа», который до сих пор в ходу, следует признать не слишком удачным из-за путаницы, которую он вносит в интерпретацию находок, что уже не раз отмечалось (Бруяко 2005, 138-139; Подобед, Усачук, Цимиданов 2009, 3). Исходя из морфологии, кинжал из липовенского клада можно скорее отнести к кинжалам-ножам, отличающимся небольшими размерами (в отличие от кинжалов-мечей красномаяцкого типа). В.А. Дергачев отмечает, что в целом такие кинжалы относительно древнее кинжалов с листовидным пером (т. е. с расширением лезвия в средней части) и характерны для комплексов пред-, ранне- и позднесабатиновского времени (Дергачев 2011, 230-231). Тем не менее, наиболее близкие аналогии происходят из ареала культуры Ноуа (Дергачев 2011, рис. 146), и В.А. Дергачев не исключает, что они могли производиться в рамках Дичевского металлургического очага (Дергачев 2011, 231). Двуушковый кельт, украшенный орнаментальным «пояском-лесенкой», можно отнести к предметам, произведенным в рамках *лобойковско-головуровской* традиции. Этот стилистический прием восходит еще к ранним кельтам сейминско-турбинского ареала (Бочкарев 2010, 65, 81), и в Восточной Европе с заменой сейминско-турбинских орудий лобойковскими существенно трансформируется. В позднесабатиновское время поясковый орнамент практически выходит из употребления (Бочкарев 2010, 136). В восточном Прикарпатье и междуречье Сирета – Среднего Днестра кельты лобойковского типа широко распространяются к началу BrD (Дергачев 2010, 84). Что касается тесла-долота, его также можно отнести к лобойковско-головуровской традиции, к типу Лобойковка-Ульяновка, а хронологически – к сабатиновскому времени (Дергачев 2011, 215-216). Серпы с *неотделенным литником*[3] (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 72) являются одним из наиболее широко распространенных типов металлических изделий поздней бронзы, а исходя из метрических показателей, их можно отнести к «крупным» формам (Черных 1978, 207) или типу *Дичево* (Дергачев, Бочкарев 2002, 261-262). В отличие от серпов малых форм варианта Вырбица, характерных только для кладов HaA_1, «крупные» серпы (максимальной длиной от 16-17 см) свойственны комплексам периода BrD (Дергачев 2010, 184). По совокупности вещей, клад можно было бы отнести к лобойковско-головуровскому очагу, несмотря на придунайское происхождение серпов. Вполне возможно, факт обнаружения серпов типа Дичево в составе липовенского клада может указывать на позднесабатиновское время тезаврации. Вероятная позиция клада с точки зрения относительной хронологии – финал периода BrD.

[3] По терминологии М. Петреску-Дымбовица – «Sicheln mit nicht abgeschlagenem Gusszapfen» (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 72)

Клад из окрестностей села Брэнешть Оргеевского района

Осенью 2012 года в лесу между селами Брэнешть и Требужень Оргеевского района Республики Молдова частным лицом был обнаружен клад металлических изделий. В данный момент клад находится в одной из частных коллекций г. Кишинева.

В состав клада входили девять предметов: шесть наконечников копий, два втульчатых долота и один двуушковый кельт. Все предметы изготовлены из бронзы[4].

Описание предметов:

1. Двуушковый кельт с прямыми, несколько расширяющимися к лезвию фасками и ободком по краю втулки (рис. 4/5, 5/5). Сильно патинизирован. Лезвие отковано, не заточено. В сечении овальный, округленный. На поверхности заметны тонкие длинные и короткие царапины. Отлит в двусторонней форме. Размеры: высота 8,2 см, ширина основания 5,0 см, ширина лезвия 4,2 см, толщина основания 3,9 см, толщина лезвия 0,6 см. Глубина втулки 5,7 см.

2. Наконечник копья листовидный (рис. 4/4, 5/4), с относительно невысокой втулкой и прорезными перьями. На перьях присутствуют достаточно толстые нервюры, проходящие как по центральной оси наконечника, так и вокруг отверстий. Изделие частично окислено и патинизировано, отлито в двусторонней форме. Отверстия на перьях не очищены по-

[4] К сожалению, клад находился весьма ограниченное время в распоряжении авторов, поэтому удалось лишь произвести многочисленные качественные фотографии (по которым впоследствии были сделаны рисунки), замеры и подробное описание предметов. За нехваткой времени взвешивание предметов не проводилось.

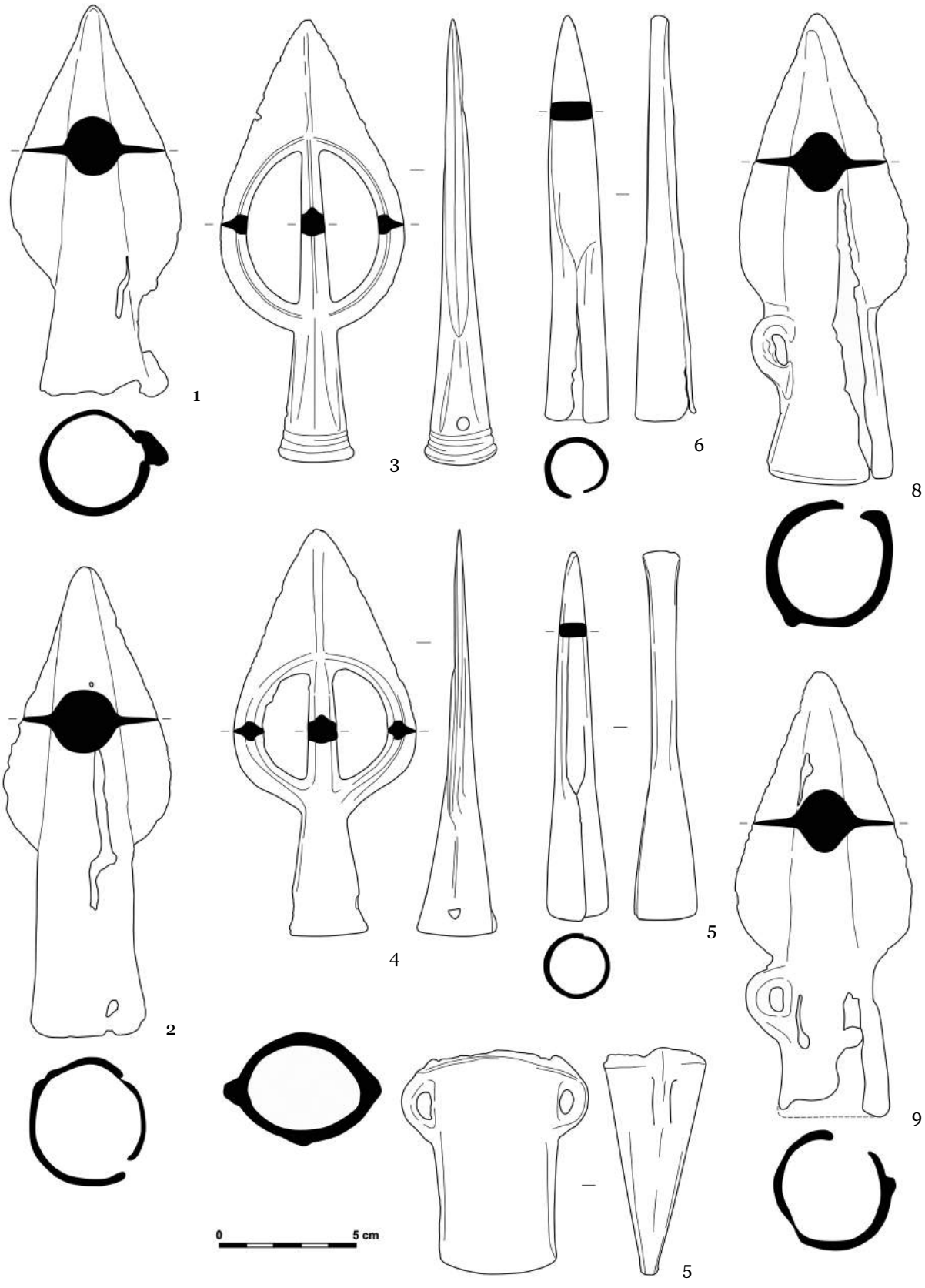


Рис. 4. Клад из окрестностей с. Брэнешть. Зарисовки.

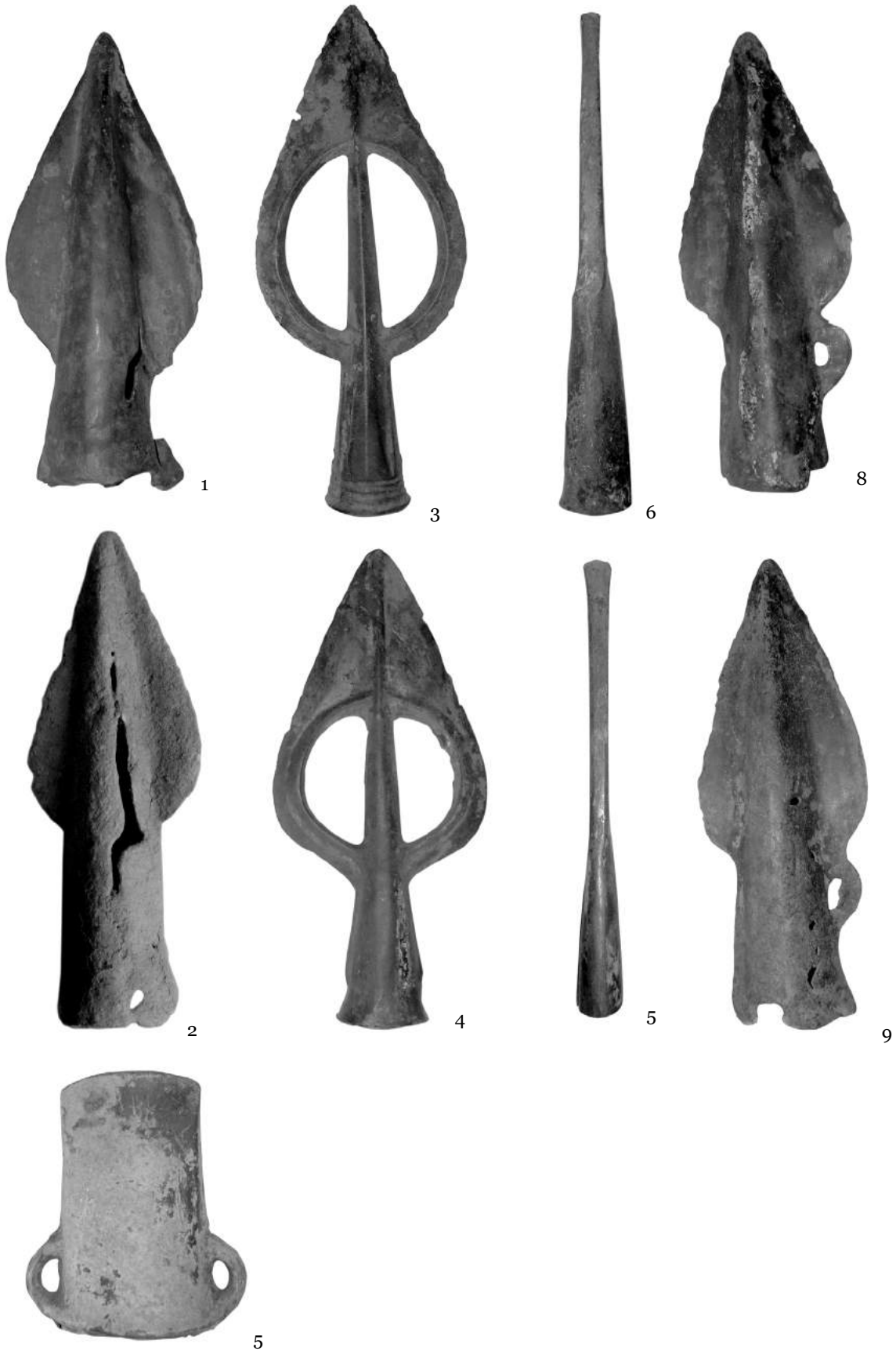


Рис. 5. Клад из окрестностей с. Брэнешть. Фотографии.

сле литья. Лезвие не отточено и корродировано. На основании втулки присутствуют два сквозных симметричных отверстия. Край втулки подкован. Размеры: высота 14,8 см, ширина втулки 2,5 см, максимальная ширина 6,2 см, глубина втулки 4,9 см.

3. Наконечник копья листовидный (рис. 4/3, 5/3), с относительно невысокой втулкой и прорезными перьями. Втулка украшена высокими удлиненными рельефными треугольниками по всей длине и кольцевыми горизонтальными нервюрами у основания. На перьях присутствуют достаточно толстые нервюры, проходящие как по центральной оси наконечника, так и вокруг отверстий. Изделие частично окислено и патинизировано, отлито в двусторонней форме. Лезвие не отточено и корродированно. У основания втулки, выше кольцевых нервюр, присутствуют два сквозных симметричных отверстия. Край втулки подкован. Размеры: высота 16,4 см, ширина втулки 2,7 см, максимальная ширина 6,8 см, глубина втулки 8,9 см.

4. Наконечник копья листовидный (рис. 4/1, 5/1) с относительно невысокой, хорошо выделенной втулкой. Изделие частично окислено и патинизировано, отлито в двусторонней форме. Лезвие не заточено и частично корродированно. Присутствуют следы брака в виде нерегулярных, достаточно крупных отверстий. У основания втулки с одной из сторон остался неочищенный литник. Размеры: высота 14,0 см, ширина втулки 4,0 см, максимальная ширина 6,0 см, глубина втулки 12,4 см.

5. Наконечник копья листовидный (рис. 4/2, 5/2) с относительно невысокой, хорошо выделенной втулкой. Изделие частично окислено и патинизировано, отлито в двусторонней форме. Лезвие не заточено и частично корродированно. Присутствуют следы брака в виде нерегулярных, достаточно крупных отверстий. Размеры: высота 17,2 см, ширина втулки 4,7 см, максимальная ширина 6,1 см, глубина втулки 12,8 см.

6. Наконечник копья листовидный (рис. 4/8, 5/8) с одним боковым ушком и относительно невысокой, хорошо выделенной втулкой. Изделие частично окислено и патинизировано, отлито в двусторонней форме. Лезвие не заточено и частично корродированно. Присутствуют следы брака в виде трещин, нерегулярного, достаточно крупного удлиненного отверстия, а также неочищенных литников на ушке и вокруг него. Размеры: высота 17,2 см, ширина втулки 4,5 см, максимальная ширина 6,2 см, глубина втулки 15,2 см.

7. Наконечник копья листовидный (рис. 4/9, 5/9) с одним боковым ушком и относительно невысокой, хорошо выделенной втулкой. Изделие частично окислено и патинизировано, отлито в двусторонней форме. Лезвие не заточено и частично корродированно. Присутствуют следы брака в виде трещин, нерегулярных, достаточно крупных отверстий, а также неочищенных литников на ушке и вокруг него. Размеры: высота 16,3 см, ширина втулки 4,1 см, максимальная ширина 6,5 см, глубина втулки 14,8 см.

8. Втульчатое долото (рис. 4/6, 5/6) с кованой свернутой втулкой и узкой, слегка расширяющейся кверху рабочей частью. Свернутые края втулки подогнаны друг к другу в верхней части и расходятся книзу. Изделие хорошей сохранности, местами присутствует патина. Размеры: высота 14,9 см, ширина втулки 2,3 см, ширина рабочей части 0,3 см, глубина втулки 8,2 см.

9. Втульчатое долото (рис. 4/7, 5/7) с кованой свернутой втулкой и узкой, расширяющейся кверху рабочей частью. Свернутые края втулки тщательно подогнаны друг к другу и дополнительно подкованы на стыке. Изделие хорошей сохранности, местами присутствует патина. Размеры: высота 13,5 см, ширина втулки 2,2 см, ширина лезвия 1,3 см, глубина втулки 7,7 см.

Типологическая атрибуция и круг аналогий находкам:

Вещи, входящие в состав клада, относятся к различным типам металлических изделий, известных в позднем бронзовом – раннем железном веке на территории восточной и юго-восточной Европы.

Двуушковый кельт относится к типу Лобойковка/Кабаково (или тип II.1, вариант II.1.1 по Е. Ушурелу) (Leskov 1981, 33, Taf. 1/C11, Taf. 2/1, 2; Ушурелу 2010, 24, рис. 1). Типологически сходные предметы происходят как из кладов, так и из единичных находок в Северном Причерноморье (рис. 6). Так, кельты этого типа известны в составе кладов Лобойковка и Ка-

баково на Левобережье Днепра (Leskov 1981). Единичные находки происходят из случайных сборов у с. Репьевка Воронежской области, Россия (Пряхин, Синюк, Матвеев 1981), а также с неизвестного местонахождения где-то на территории бывших Киевской и Подольской губерний (Ушурелу 2010, рис. 1/8). Литейные формы происходят из сабатиновского поселения у хутора Кременчуг Николаевской области, Украина; с сабатиновского поселения у с. Капуловка Днепропетровского района, Украина; также форма для отливки таких изделий известна в собрании Волгоградского музея (Bočkarev, Leskov 1980; Ушурелу 2010, карта 1). Типологически кельты лобойковских типов являются двуушковой разновидностью одноушковых дербеденовских кельтов (Бочкарев 2010, 121; Ушурелу 2010, 58). Это были первые образцы топоров-кельтов, которые получили распространение в степной и лесостепной зонах Восточной Европы (Бочкарев 2010, 122).

Наконечники копий с прорезным пером также находят свои аналогии в северопричерноморской зоне (рис. 6), причем изделия этого типа могут различаться по ряду параметров, как то: форма и размеры пера, прорезей, толщина нервюр, орнаментальные мотивы. В специальной литературе наконечники копий с прорезным пером известны под разными наименованиями – „Lanzenspitzen mit durchbrochenem Blatt“ (Leskov 1981, 46), «наконечники златопольского типа» (Клочко 2006, 194) или, недавно, «наконечники типа Келиберда» (Дергачев 2011, 235). Представлены они в составе кладов Лобойковка у Днепра (Leskov 1981) и Карманово в Прикамье (Дергачев 2011, рис. 149/5). Единичные находки подобных наконечников происходят из окрестностей с. Келеберда Киевской области (Клочко 2006, рис. 88/8), с неизвестного местонахождения в Крыму (Клочко 2006, рис. 88/9), у с. Леополь на Киевщине (Клочко 2006, рис. 87/20), у с. Ласки под Мариуполем (Кривцова-Гракова 1955, рис. 34/32), с поселения «поздней бронзы» у села Гоголев Киевской обл. (Клочко 2006, рис. 88/10), у с. Солдатово Полтавской области (Клочко 2006, рис. 88/13) и из неизвестного местонахождения в окрестностях Мариуполя (Кривцова-Гракова 1955, рис. 34/31). Литейные формы для изготовления наконечников копий с прорезным пером были обнаружены в мастерской литейщика на поселении у с. Златополь Запорожской области (Bočkarev, Leskov 1980, nr. 105) и в окрестностях с. Иванковичи на Киевщине (Bočkarev, Leskov 1980, nr. 118).

Наконечники копий листовидной формы с относительно невысокой, выделенной втулкой, с боковым ушком или без него распространяются в Восточной Европе с периода средней бронзы и доживают до эпохи раннего железа (Румянцев 1974; Клочко 2006; Бочкарев 2010). Мы не будем здесь приводить весь круг аналогий безушковым копьям, который достаточно обширен. Что касается одноушковых наконечников из публикуемого здесь клада, то наибольшее типологическое сходство они обнаруживают с наконечниками, представленными на литейных формах из Головурова Киевской области, а также в виде отдельных находок, у с. Кветунь Брянской области, Россия, или в коллекции Исторического музея в Киеве (Клочко 2006, рис. 88/1-4). Все эти находки В.И. Клочко объединяет в тип Головуров (Клочко 2006: 193).

Наконец, втульчатые долота со свернутой втулкой «типа Лобойково» известны по находкам из эпонимного клада, а также из Сувид Черниговской области (Клочко 2006, рис. 90/5-8). Обращает на себя внимание оформление втулки из кованого свернутого листа, в отличие от цельнолитых втулок, характерных для позднебронзовых долот Северо-Западного Причерноморья (Bălan 2009; Uşurelu 2010a).

Примечательно, что все известные нам аналогии предметам из Брэнештского клада расположены к востоку от Днестра, причем концентрируются они, в основном, в Днепровской зоне, хотя отдельные находки известны и в Крыму, Приазовье или дальше на восток, на территории России. Следовательно, Брэнештский клад является самым западным (и первым на территории Республики Молдова) комплексом, содержащим находки вышеописанных (конкретных) типов.

Культурно-хронологическая атрибуция находок и интерпретация комплекса:

По своим морфологическим, орнаментальным и типологическим признакам Брэнештский комплекс бронзовых вещей находит полное соответствие в номенклатуре предметов, характерных для т.н. «лобойковско-голову-

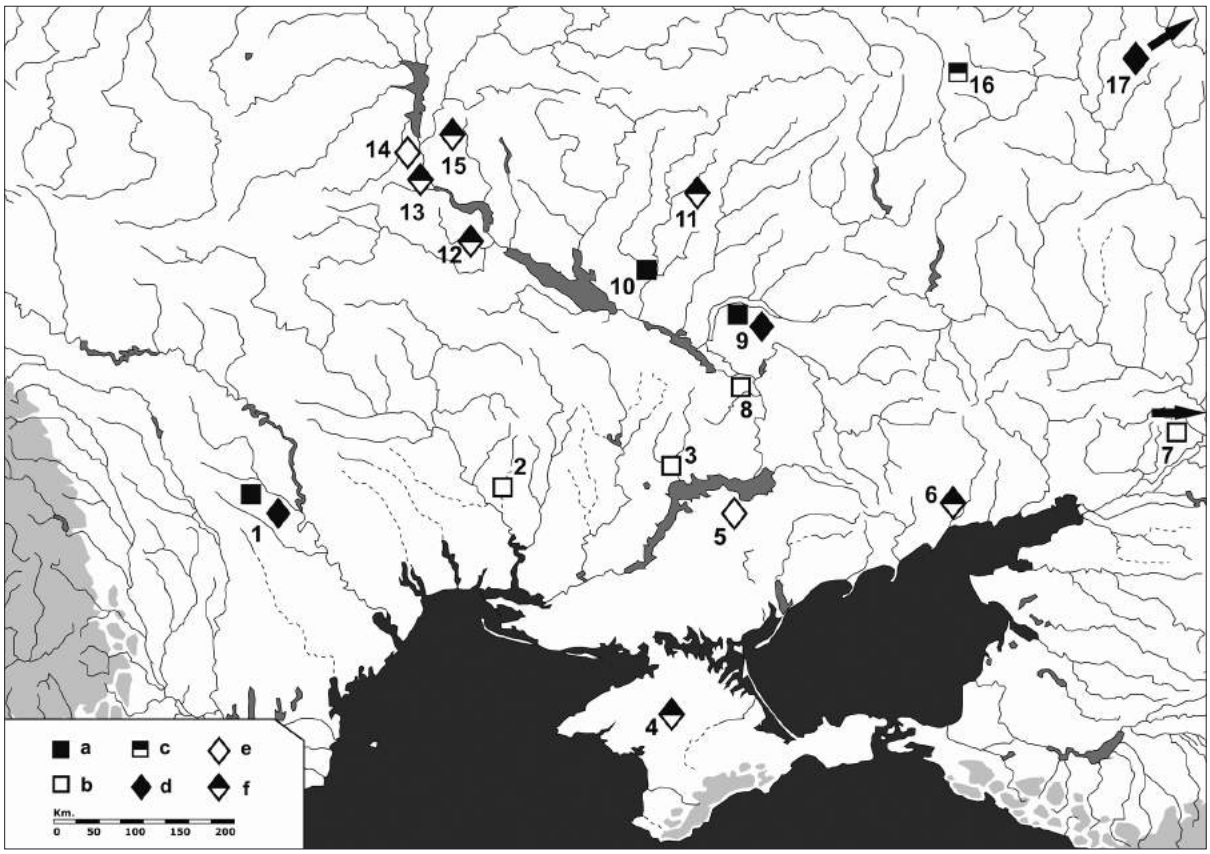


Рис. 6. Распространение аналогий некоторым изделиям из Брэнештского клада в Северном Причерноморье: a-c - кельты (a. находки из кладов, b. находки литейных форм, c. единичные находки); d-f - копья с прорезными перьями (d. находки из кладов, e. находки литейных форм, f. единичные находки). 1 - Брэнешть; 2 - Кременчуг; 3 - Капуловка; 4 - Крым; 5 - Златополь; 6 - Ласки; 7 - Волгоградский музей; 8 - Днепропетровский район; 9 - Лобойковка; 10 - Кабаково; 11 - Солдатово; 12 - Келиберда; 13 - Леополь; 14 - Иваньковичи; 15 - Гоголев; 16 - Репьевка; 17 - Карманово (по: Дергачев 2011; Клочко 2006; Ушурелу 2010; Шарафутдинова 1982; Bočkarev, Leskov 1980; Leskov 1981).

ровского» очага металлообработки, выделенного Е.Н. Черных. Этот очаг являлся частью «дербедено-лобойковской металлообрабатывающей зоны» (Бочкарев 2010, 50), которая сформировалась вследствие воздействия северо-восточного импульса из района Волго-Камья (именно оттуда происходят самые восточные аналогии двуушковому кельту и прорезным копьям из клада). По мнению В.С. Бочкарева, лобойковский очаг теснее всего был связан с раннесабатиновской культурой. И.Н. Шарафутдинова относила лобойковский клад к выделенному ею вовнижскому предсабатиновскому горизонту в Среднем Поднепровье (Шарафутдинова 1982, 142).

Некоторые исследователи относят лобойковско-головуровские древности к срубной культуре (см. обсуждение этих концепций в Ушурелу 2010), в частности к Бережновско-Маёвской срубной культуре (Клочко 2006, 192). Находка клада типично лобойковских вещей на территории Республики Молдова, в западной оконечности сабатиновского ареала (Дергачев 1986), вроде бы предоставляет еще один аргумент в пользу раннесабатиновской датировки предметов лобойковского круга.

С хронологической точки зрения, вещи лобойковско-головуровского круга датируются «около середины II тыс. до н.э.» (Бочкарев 2010, 50) или, по последним построениям, XVI-XV вв. до н.э. (Uşurelu 2010). В системе общеевропейской относительной хронологии это соответствует этапам BzB2-C1 (по Райнеке/Мюллер-Карпе) или MDIII (по Хензелю). Именно этим временем и должен датироваться Брэнештский комплекс.

Теперь обратимся к структуре и интерпретации клада.

Предметы Брэнештского клада обладают рядом примечательных особенностей. Во-первых, за исключением кельта, все остальные типы вещей (три типа копий и один тип долот) парные. Во-вторых, все наконечники копий носят следы технологического брака, поверхность изделий патинизирована и окислена, литники не очищены. В-третьих, похоже, изделия клада не находились в употреблении (возможно, за исключением долот) – кельт не заточен, а низкое качество изготовления наконечников копий делало невозможным их непосредственное использование в качестве оружия.

Следовательно, Брэнештский комплекс не может рассматриваться в качестве комплекта непосредственно утилитарных вещей. В таком случае, каково может быть его значение? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, сделаем краткий экскурс в общую проблематику кладов как категории доисторических археологических находок.

В широком смысле слова клад – это «спрятанные, чаще всего зарытые в землю, вещи, представляющие ценность для владельца» (Голубева 1965). Клад может быть сберегательным или ситуационным, ценностным или бытовым, культовым или реликвийным. К «профанным» можно отнести все те клады, тезаврация которых не предполагала какой-либо обрядовой семантической нагрузки, а производилась по «бытовым» соображениям: сбережение и накапливание собственности (такие клады могли наполняться постепенно, в течение поколений), сырья, стремление спрятать ценные вещи или деньги во время военной угрозы, нападения или в ходе внезапной вынужденной миграции и т.д. Таковыми, например, являются монетные клады, начиная с античности. Принципиально другой категорией кладов предстают комплексы, депонированные под влиянием каких-либо культовых, обрядовых соображений. Именно в таком ракурсе рассматриваются многие из доисторических кладов (Bradley 1988), а в случае бронзового века эта концепция в Европе превалирует (см. Бочкарев 2010, 159 и сл.).

Каковы же основные положения «неутилитарной» интерпретации бронзовых кладов? Сразу же оговоримся, что этот аспект феномена депонирования металлических комплексов разрабатывался, в основном, представителями западноевропейской археологии, поэтому привлекать мы будем, прежде всего, работы зарубежных авторов, которые не занимались специально территорией Северного Причерноморья.

Еще во второй половине XIX века датский археолог Йенс Якоб Ворсо обратил внимание на то, что в Северной Европе многие клады были обнаружены на дне озер, рек и в болотах. Этих находок еще тогда было известно так много, что он (Worsaae 1866, 313-316) резонно усомнился в случайности их археологизации и предположил, что эти предметы бросались в воду намеренно, без надежды их вернуть. Другими словами, это могли быть своеобразные жертвы речным богам, и Ворсо приводит достаточное количество мифологических и этнографических примеров в пользу своего предположения (см. также Hansen 2000).

Со временем эта концепция разрослась и включила практически все категории бронзовых кладов. Так, было замечено, что часто клады располагаются в тех зонах, где не были известны погребения, и наоборот. Также, иногда в пределах одной и той же территории, но на разных этапах, традиции депонирования кладов и совершения захоронений периодически уступали место друг другу. Бронзовые предметы из кладов стали изображаться на петроглифах. Клады, по меткому выражению Свенда Ханзена, становятся «социальной практикой» („soziale Praxis“ – Hansen 2005), причем их вотивное депонирование может отображать их социальную значимость – в качестве общепринятого в определенное время на определенном пространстве набора ценностных вещей, подношений, даров, обменных средств или брачных выкупов.

С другой стороны, перспективным (хотя и трудно осуществимым) также является изучение топологии депонирования кладов, взаимосвязи их местонахождения с ландшафтом, на что в недавней работе указывает швейцарская исследовательница Ариане Баллмер (Ballmer 2010). В качестве примера она приводит т.н. космологический ландшафт западносибирских шаманов – сложную пространственную структуру, микрорайон, включающий «поселения святейших» (куда не имели права заходить рядовые члены общины),

«поселение мертвых», «чистую территорию», болотистую местность с «бассейном» с уложенными костями медведя и др. Для каждой из составных единиц этого топологического микрокосма были характерны свои депонирования. Комплекты определенных предметов, например, могли быть депонированы лишь на «поселениях святейших» – таковыми являются деревянные идолы, деньги, текстиль, в то время как на могильнике («поселение мертвых») депонировались в основном кинжалы и бутылки. В этом контексте возникает – пока, риторический – вопрос: а являются ли единичные находки бронзовых предметов простыми утерянными вещами, или же, как и клады, их следует рассматривать в более сложном контексте (см. также Needham 1988)?

Другой важной составляющей «неутилитарного» подхода к проблеме кладов является изучение их состава. Как пишет С. Ханзен, «в состав кладов не входило «всякое возможное», а лишь определенный набор из спектра бронзовых орудий, предметов вооружения и украшений» (Hansen 2010, 77). По Ханзену, существовали определенные модели, или, иначе говоря, «шаблоны депонирования», каждый из которых был принят, понят и воспроизведен на определенной территории. Эти модели могли отображать различные вещи – от даров, подношений и брачных выкупов (Hansen 2005) до мужских или женских наборов, серий определенных видов орудий и т.д. (Gauthier 2003). В определенных случаях фиксируется «переоснащение» (Überausstattung) кладов и захоронений некоторыми категориями предметов (например, помещение пяти или шести кинжалов в могилу одного-единственного человека), и если в погребальном контексте этот феномен может быть связан с высоким социальным рангом умершего, то в кладах его скорее следует рассматривать как отражение социальных связей и коммуникации (Hansen 2002). Неутилитарными также предстают различные манипуляции с предметами из состава кладов, как то их преднамеренная порча или фрагментация (Rezi 2011).

После этого краткого описания основных вопросов, связанных с неутилитарным назначением металлических кладов бронзового века[5], вернемся к проблеме клада из Брэнешть. Его парная структура, отсутствие следов использования на предметах, технологический брак – все, по нашему мнению, указывает на вотивный характер данной тезаврации. Присутствие конкретных вещей лобойковского типа из его состава так далеко на западе от основного лобойковского очага может рассматриваться в качестве отражения своеобразного жертвенного подношения на новой территории (напомним, что это раннесабатиновское время, когда сабатиновские племена только осваивали Пруто-Днестровское междуречье). Или же это результат коммуникации между различными племенами? В любом случае, депонирование этих вещей в землю, в лесу, вряд ли было обусловлено какими-то утилитарными, профанными соображениями. Возможно, бракованные наконечники копий были преднамеренно так небрежно отлиты и предназначались для депонирования.

Заключение

Структуры как Брэнештского комплекса, так и клада из Липовень (сочетание вещей с диаметрально противоположным назначением) указывают, что крайне интересной исследовательской задачей является структурный анализ металлических кладов Северного Причерноморья в рамках приведенных выше теоретических моделей. В последние несколько десятилетий «первичные» археологические проблемы, связанные с кладами, как то составление фонда источников, хронологический и типологический анализ, разрабатываются очень интенсивно, и многие проблемы уже удалось решить благодаря деятельности таких исследователей, как В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, А.М. Лесков, В.И. Клочко, Е.Н. Черных, Е. Ушурелу, М. Петреску-Дымбовица и др. Накоплен огромный массив данных, число известных кладов исчисляется сотнями. Мы убеждены, что настало время задавать новые вопросы по этим материалам[6]. Как бы там ни было, этой, безусловно, перспективной теме следует еще найти своего исследователя.

[5] Заинтересованных в более близком ознакомлении с вариантами интерпретации кладов Европы отсылаем к указанным работам, с последующей библиографией.

[6] Подобный анализ уже давал интересные результаты для материалов из этой части Европы, но относящихся к другим историческим периодам – энеолиту (Манзура 2005) или латенскому времени (Спыну 2011).

Библиография

Бочкарев 2010: В.С. Бочкарев, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010).

Бруяко 2005: И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе X-V вв. до Р. Х. (Кишинев 2005).

Голубева 1965: Л.А. Голубева, Клад. В: (Гл. ред. Е.М. Жуков) Советская историческая энциклопедия. Том 7: Каракеев-Кошакер (Москва 1965), 394-395.

Гончарова 2001-2002: Ю.В. Гончарова, Два новых клада бронзового века из частных коллекций г. Кишинева. Stratum Plus 2, 2001-2002, 582-586.

Гришин 1971: Ю.С. Гришин, Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. САИ. Вып. В3-12 (Москва 1971).

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 1997: В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего Гальштатта Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона (Кишинев 1997).

Дергачев 2010: В.А. Дергачев, Новые металлические предметы поздней бронзы - раннего гальштатта с территории Молдовы. Revista Arheologică s.n. VI/2, 2010, 120-129.

Дергачев 2011: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 2 (Кишинев 2011).

Дергачев 2012: В.А. Дергачев, Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. Revista Arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 154-160.

Дергачев 2012а: В.А. Дергачев, Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы - раннего гальштатта на территории Республики Молдова. Revista Arheologică VIII/1-2, 2012, 161-181.

Дергачев, Бочкарев 2002: В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Клочко 2006: В.І. Клочко, Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х.) (Київ 2006).

Кривцова-Гракова 1955: О. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА №46 (Москва 1955).

Левицкий 1993: О.Г. Левицкий, Бронзовые изделия раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона. Revista Arheologică 1, 1993, 54-75.

Левицкий 2002: О.Г. Левицкий, Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге миров. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару) Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002), 180-205.

Манзура 2005: И.В. Манзура, Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации. Stratum Plus 2, 2005, 63-85.

Подобед, Усачук, Цимиданов 2009: В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналоги. Древности Сибири и Центральной Азии 1-2, 2009, 3-16.

Пряхин, Синюк, Матвеев 1981: А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев, Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Подонье. СА 3, 1981, 281-285.

Румянцев 1974: А.Н. Румянцев, Некоторые вопросы развития наконечников копий эпохи бронзы в Северном Причерноморье. СА 1, 1974, 12-23.

Спыну 2011: Д. Спыну, Ювелирное искусство в Дакии на рубеже эр (I в. до н.э. - I в. н.э.). Stratum Plus 4, 2011, 211-224.

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).

Ушурелу 2010: Е. Ушурелу, Генезис и эволюция двуушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. Revista Arheologică s.n. V/1, 2010, 22-67.

Черных 1978: Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Ballmer 2010: A. Ballmer, Zur Topologie des bronzezeitlichen Deponierens. Von der Handlungstheorie zur Raumanalyse. Prähistorische Zeitschrift 85, 2010, 120-131.

Bălan 2009: G. Bălan, Cronologia şi tipologia dălţilor de bronz cu toc de înmănuşare din România. Apulum 46, 2009, 1-40.

Bočkarev, Leskov 1980: V. Bočkarev, A. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XIX/1 (München 1980).

Bradley 1988: R. Bradley, Hoarding, recycling and the consumption of prehistoric metalwork: technological change in Western Europe. World Archaeology 20, 2, 1988, 249-260.

Ciugudean, Luca 1997: H. Ciugudean, S.A. Luca, Noi descoperiri de obiecte din cupru şi bronz în judeţele Alba şi Sibiu. Apulum 34, 1997, 49-54.

Diaconu 2012: V. Diaconu, Discuţii privitoare la unele pandantive specifice bronzului târziu din nord-vestul şi nordul Mării Negre. Peuce S.N. X, 2012, 21-38.

Gauthier 2003: E. Gauthier, Étude de la variabilité de la composition des dépôts de bronzes en France Orientale, aux Xe et IXe siècles avant notre ère. Revue Archéologique de l'Est 52, 2003, 19-44.

Hansen 2000: S. Hansen, Gewässerfunde im bronzezeitlichen Europa. Ein Panorama. Das Altertum 46, 2000, 31-62.

Hansen 2002: S. Hansen, „Überausstattungen" in Gräbern und Horten der Frühbronzezeit. In: (Hrsg. J. Müller) Vom Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Muster sozialen Wandels? Tagung Bamberg 14.-16. Juni 2001. UPA 90 (Bonn 2002), 151-173.

Hansen 2005: S. Hansen, Über bronzezeitliche Horte in Ungarn – Horte als soziale Praxis. In: (Hrsg. B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan) Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet. UPA 121 (Bonn 2005), 211-230.

Hansen 2010: S. Hansen, Der Hort von Nebra: seine Ausstattung. In: (Hrsg. H. Meller, F. Bertemes), Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Internationales Symposium in Halle (Saale) 16.-21. Februar 2005 (Halle 2010), 77-90.

Kločko 1995: V. Kločko, Zur Bronzezeitlichen Bewaffnung in der Ukraine. Die Metallwaffen des 17. - 10. Jhs. v Chr. Eurasia Antiqua 1, 1995, 81-163.

Leskov 1981: A. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen). PBF XX/5 (München 1981).

Needham 1988: S. Needham, Selective Deposition in the British Early Bronze Age. World Archaeology 20/2, 1988, 229-248.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România. Biblioteca de arheologie XXX (Bucureşti 1977).

Petrescu-Dîmboviţa 1978: M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sicheln in Rumänien. PBF XVIII, 1 (München 1978).

Rezi 2011: B. Rezi, Voluntary Destruction and Fragmentation in Late Bronze Age Hoards from Central Transylvania. In: (Eds. S. Berecki, R. Németh, B. Rezi) Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş, 8-10 October 2010 (Târgu Mureş 2011), 303-334.

Sava 2011: E. Sava, Neue Gussformenfunde der späten Bronzezeit aus dem Gebiet zwischen Prut und Dnestr. In: (Hrsg. E. Sava, B. Govedarica, B. Hänsel) Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000 – 500 v. Chr.). Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chişinău/Moldavien (4. - 8. Oktober 2010). PAS 27 (Rahden/Westf. 2011), 178-187.

Uşurelu, Nicic 2003: E. Uşurelu, A. Nicic, Noi piese metalice din perioada bronzului târziu descoperite pe teritoriul Republicii Moldova. In: (Red. E. Sava) Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 164-170.

Uşurelu 2010: E. Uşurelu, Cronologia complexelor ce ţin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spaţiul Carpato-Dunăreano-Nord-Pontic. Revista Arheologică s.n. VI/1, 2010, 24-70.

Uşurelu 2010a: E. Uşurelu, Apariţia şi evoluţia dălţilor cu toc de înmănuşare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. Revista Arheologică s.n. VI/2, 2010, 5-23.

Wanzek 1989: B. Wanzek, Die Gussmodel für Tüllenbeile im südöstlichen Europa. UPA 2 (Bonn 1989).

Worsaae 1866: J.J.A. Worsaae, Om nogle Mosefund fra Broncealderen. Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie IV, 1866, 313-326.

Două noi depozite şi unele descoperiri izolate de piese metalice din epoca bronzului - Halstatt-ului timpuriu de pe teritoriul Republicii Moldova

Rezumat

Articolul introduce în circuitul ştiinţific două noi depozite şi descoperiri izolate de bronzuri de pe teritoriul interfluviului pruto-nistrean. Piesele respective pot fi datate cu bronzul târziu - începutul halstattului şi sunt legate de culturile Sabatinovka, Noua, precum şi de grupurile halstattiene timpurii. De un interes deosebit este tezaurul din

Brăneşti, care conţine unele tipuri de piese, care nu au fost cunoscute până acum pe spaţiile de la vest de Nistru. De asemenea, remarcabilă este structura depozitelor vizate, care poate indica un posibil caracter votiv al depunerii acestora.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Localizarea descoperirilor de tezaure şi piese izolate: 1 - Dămăşcani; 2 - Şaptebani; 3 - Teleneşti; 4 - Lupa-Recea; 5 - Seliţe; 6 - Brăneşti; 7 - Hînceşti; 8 - Costeşti; 9 - Lipoveni; 10 - raionul Soroca; 11 - raionul Cantemir; 12 - Rezeni.

Fig. 2. Descoperiri izolate din interfluviul pruto-nistrean: 1 - Hânceşti; 2, 6, 9, 11 - Republica Moldova, locul exact al descoperiri incert; 3 - Teleneşti; 4 - Seliţe; 5 - Dămăşcani; 7 - Şaptebani; 8 - Lupa-Recea; 10 - Costeşti; 12 - raionul Cantemir; 13 - raionul Soroca; 14 - Rezeni.

Fig. 3. Tezaurul de la Lipoveni.

Fig. 4. Tezaurul de la Brăneşti. Desenele pieselor.

Fig. 5. Tezaurul de la Brăneşti. Fotografii.

Fig. 6. Distribuţia analogiilor pentru unele piese din tezaurul de la Brăneşti în spaţiul nord-pontic: a-c - celturi (a. tezaure, b. forme pentru turnat, c. descoperiri izolate); d-f - lănci de tipul Keliberda (d. tezaure, e. forme pentru turnat, f. descoperiri izolate). 1 - Brăneşti; 2 - Kremenciug; 3 - Kapulovka; 4 - Crimeea; 5 - Zlatopol; 6 - Laski; 7 - muzeul Volgograd; 8 - regiunea Dnepropetrovsk; 9 - Loboikovka; 10 - Kabakovo; 11 - Soldatovo; 12 - Keliberda; 13 - Leopol; 14 - Ivankovici; 15 - Gogolev; 16 - Repievka; 17 - Karmanovo (după: Дергачев 2011; Клочко 2006; Ушурелу 2010; Шарафутдинова 1982; Bočkarev, Leskov 1980; Leskov 1981).

Two new hoards and several solitary finds of metal items of the Bronze Age - Early Hallstatt periods in the territory of Republic of Moldova

Abstract

The article publishes two new hoards and several solitary finds of bronze items from the Prut-Dniester interfluve. These finds can be dated the late Bronze Age and Early Hallstatt periods and relate to the Sabatinovka and Noua cultures, as well as to different early Hallstatt groups. Of special interest is the hoard from Brăneşti containing some types of items which until now were not known on the territories to the west from the Dniester. Also, remarkable is the structure of these two hoards, which may indicate a votive character of their deposition.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the hoards and solitary finds: 1 - Dămăşcani; 2 - Şaptebani; 3 - Teleneşti; 4 - Lupa-Recea; 5 - Seliţe; 6 - Brăneşti; 7 - Hînceşti; 8 - Costeşti; 9 - Lipoveni; 10 - Soroca district; 11 - Cantemir district; 12 - Rezeni.

Fig. 2. Solitary finds from the Prut-Dniester interfluve: 1 - Hânceşti; 2, 6, 9, 11 - Republic of Moldova, exact location unknown; 3 - Teleneşti; 4 - Seliţe; 5 - Dămăşcani; 7 - Şaptebani; 8 - Lupa-Recea; 10 - Costeşti; 12 - Cantemir district; 13 - Soroca district; 14 - Rezeni.

Fig. 3. Hoard from Lipoveni.

Fig. 4. The hoard from Brăneşti. Drawings.

Fig. 5. The hoard from Brăneşti. Photographs.

Fig. 6. Distribution of analogies for some items from the Brăneşti hoard in the Northern Pontic area: a-c - socketed axes (a. hoards, b. casting moulds, c. solitary finds); d-f - spears of Keliberda type (d. hoards, e. casting moulds, f. solitary finds). 1 - Brăneşti; 2 - Kremenchug; 3 - Kapulovka; 4 - Crimea; 5 - Zlatopol'; 6 - Laski; 7 - Volgograd museum; 8 - Dnepropetrovsk region; 9 - Loboikovka; 10 - Kabakovo; 11 - Soldatovo; 12 - Keliberda; 13 - Leopol'; 14 - Ivan'kovichi; 15 - Gogolev; 16 - Rep'evka; 17 - Karmanovo (after: Дергачев 2011; Клочко 2006; Ушурелу 2010; Шарафутдинова 1982; Bočkarev, Leskov 1980; Leskov 1981).

19.03.2013

Станислав Церна, Университет «Высшая Антропологическая Школа», ул. Зимбрулуй, 10A, MD-2024 Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: ternastas@mail.ru

Денис Топал, Университет «Высшая Антропологическая Школа», ул. Зимбрулуй, 10A, MD-2024 Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: denis.topal@gmail.com

DEPOZITUL DIN PERIOADA TARDIVĂ A EPOCII BRONZULUI DESCOPERIT ÎN ÎMPREJURIMILE COMUNEI ANTONEŞTI, RAIONUL CANTEMIR, REPUBLICA MOLDOVA

Mariana Sîrbu

În vara anului 2011 S.P. Bahov, locuitor al satului Antoneşti, raionul Cantemir (fig. 1), a prezentat specialiştilor din sectorul arheologic a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei mai multe piese din bronz, cu propunerea achiziţionării acestora de către muzeu[1]. Conform informaţiei oferite de către S.P. Bahov, piesele au fost găsite de acesta în anul 1997, pe când avea vârsta de 10 ani, la nord-est de satul Antoneşti, pe marginea unei râpe situate lângă cimitirul satului. După spusele descoperitorului, piesele au ieşit la iveală în urma surpării solului. Tot el afirmă, că la momentul descoperirii erau mai multe piese, care au fost împărţite între colegii de joacă. Ca urmare a verificării locului descoperirii de către specialişti, s-au observat urme de surpări succesive ale malurilor râpei în care a fost descoperit depozitul (fig. 2). Depozitul numără 36 de piese din bronz: unelte (două întregi şi 11 fragmentare), arme (două întregi şi cinci fragmentare) şi podoabe (10 întregi şi şase fragmentare). Piesele vor fi prezentate în formă de catalog după următoarele categorii: seceri; daltă; pumnale; podoabe.

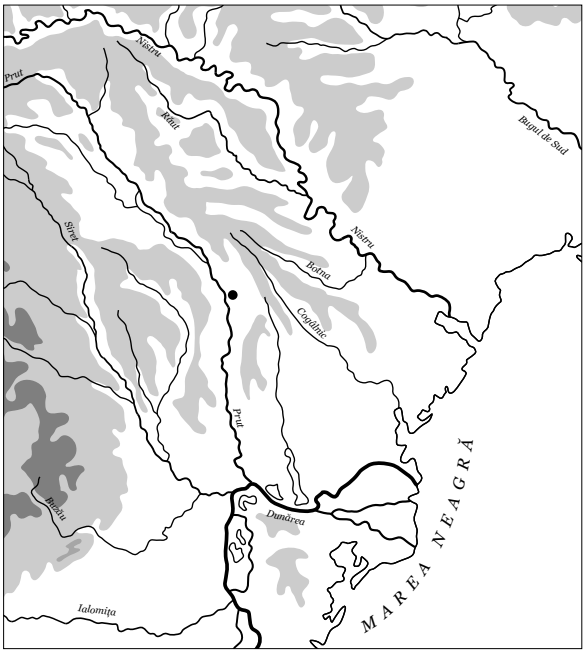


Fig. 1. Depozitul de la Antoneşti. Localizarea geografică.

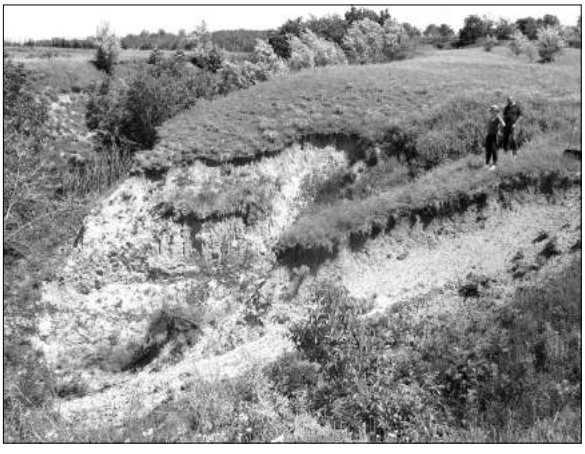


Fig. 2. Depozitul de la Antoneşti. Locul descoperirii.

Seceri (1-12)

Depozitul conţine şapte seceri prevăzute cu două orificii pe mâner (tip „Heleşteni"), cu corpul arcuit şi marginea opusă tăişului întărită printr-o nervură reliefată. Acestea au fost turnate în forme monovalve închise.

1. Seceră păstrată integral, cu corpul mediu arcuit şi marginea opusă tăişului, prevăzută cu nervură în relief (fig. 3/24, 4/1). O a doua nervură începe de la orificiul din capătul mânerului până la al doilea orificiu după care merge continuu median până aproape de vârful secerii. Lama este forjată şi ascuţită, cu urme de utilizare. Lungimea maximă a coardei – 17,3 cm; lungimea mânerului – 4, 3 cm; lungimea lamei – 13, 0 cm; lăţimea lamei – 2,7 cm.

2. Fragment de seceră cu corpul mediu arcuit şi marginea opusă tăişului, prevăzută cu nervură în relief (fig. 3/29, 4/6). O a doua nervură începe de la orificiul din capătul mânerului şi continuă median spre vârf (care lipseşte). Lama este forjată, ascuţită

[1] Mulţumesc colegului Eugen Mistreanu pentru informaţia oferită şi ajutorul acordat la pregătirea acestui articol.

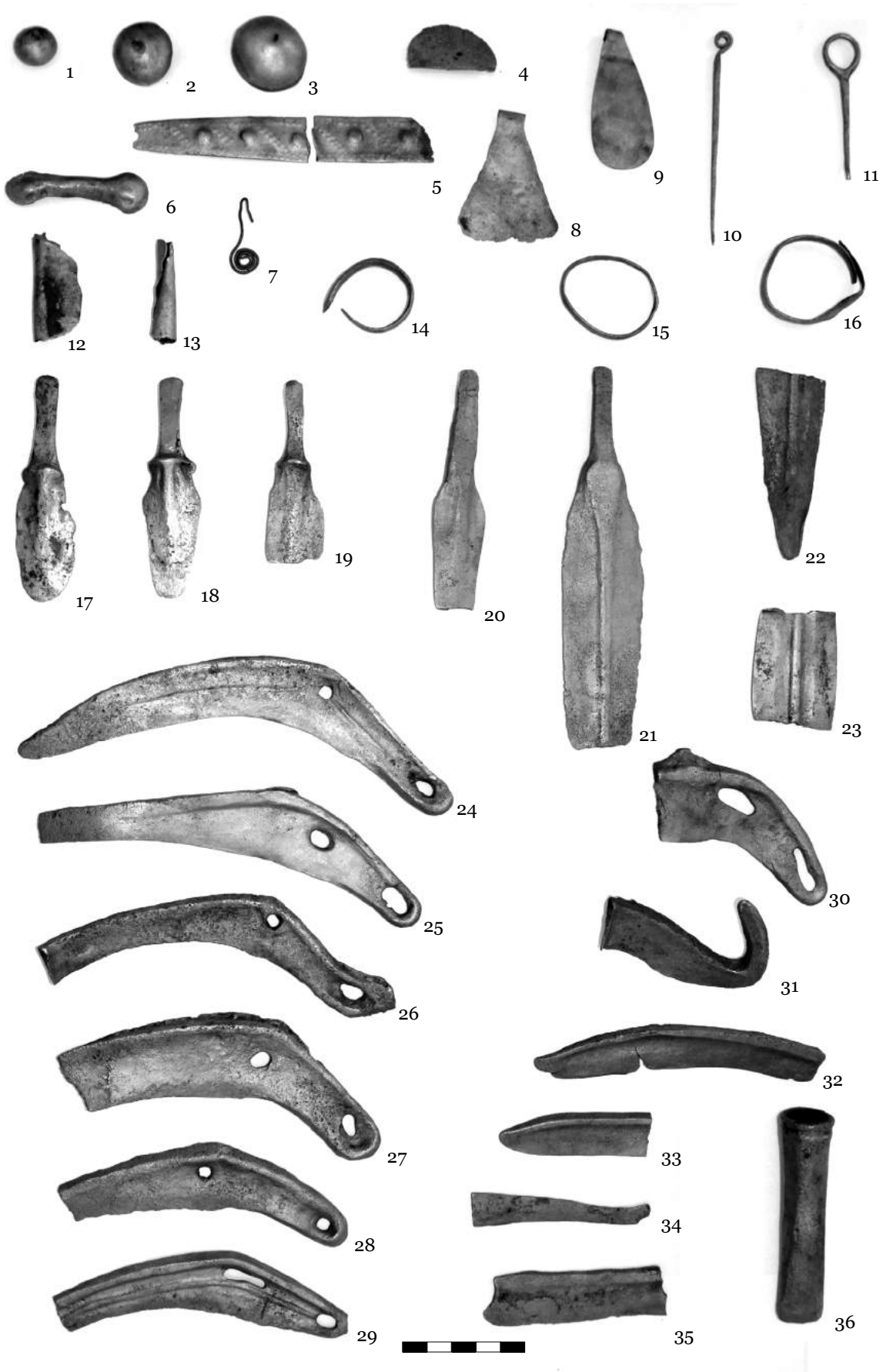


Fig. 3. Depozitul de la Antoneşti. 1-36 - bronz.

şi prezintă urme de utilizare. Lungimea maximă a coardei – 11,8 cm; lungimea mânerului – 3,5 cm; lungimea lamei – 8,0 cm; lăţimea lamei – 2,0 cm.

3. Fragment de seceră (fig. 3/25, 4/2). Marginea superioară este prevăzută pe punctul maxim al arcului cu o mică protuberanţă rezultată în urma procesului de turnare. Muchia de jos a mânerului este reliefată până la lamă. Lama este forjată, ascuţită şi prezintă urme de utilizare. Are vârful lipsă. Lungimea maximă a coardei – 15,5 cm; lungimea mânerului – 4,0 cm; lungimea lamei – 11,5 cm; lăţimea lamei – 2,7 cm.

4. Fragment de seceră cu muchia superioară şi o porţiune din cea inferioară, până la lamă, consolidată printr-o nervură reliefată (fig. 3/28, 4/7). Marginea superioară este prevăzută pe punctul maxim al arcului cu o mică protuberanţă rezultată în urma procesului de turnare. Secerii îi lipseşte vârful. Lama este forjată, ascuţită şi prezintă urme de utilizare. Lungimea maximă a coardei – 11,5 cm; lungimea mânerului – 4,5 cm; lungimea lamei – 7,0 cm; lăţimea lamei – 2,7 cm.

5. Fragment de seceră cu muchia superioară şi o porţiune din cea inferioară, până la lamă, consolidată printr-o nervură reliefată (fig. 3/27, 4/5). Marginea superioară este prevăzută pe punctul maxim al arcului cu o mică protuberanţă rezultată în urma procesului de turnare. Secerii îi lipseşte o porţiune din lamă şi vârful. Lama este forjată, ascuţită şi prezintă urme de utilizare. Lungimea maximă a coardei – 13,2 cm; lungimea lamei – 8,0 cm; lăţimea lamei – 3,4 cm; lungimea mânerului – 5,2 cm.

6. Fragment de seceră cu marginea superioară şi o porţiune din cea inferioară, consolidată printr-o nervură reliefată (fig. 3/3, 4/3). Are vârful lipsă. Pe punctul maxim al arcului este prevăzută cu o mică protuberanţă rezultată în urma procesului de turnare. Lama are marginea îndoită, probabil în timpul ruperii, este forjată şi prezintă urme de utilizare. Capătul mânerului este deformat şi uşor alungit (aşa-numita variantă Čut). O seceră identică a fost descoperită la Pužajkovo (Черняков 1985, 116, рис. 59/18). Forme de turnat cu negativul acestui tip de seceră sunt cunoscute la Čut, Voznesenka, Dneprostroj (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 8/61, 62, 68-70). Lungimea maximă a coardei – 14,0 cm; lungimea mânerului – 5,5 cm; lungimea lamei – 8,5 cm; lăţimea lamei – 2,2 cm.

7. Fragment de seceră (fig. 3/30, 4/4). Reprezintă mânerul cu o porţiune mică din lamă. Are marginea superioară şi o porţiune din cea inferioară, consolidată printr-o nervură reliefată. Pe punctul maxim al arcului este prevăzută cu o protuberanţă rezultată în urma procesului de turnare. Găurile de pe mâner sunt masive, de formă ovoidală. Porţiunea de lamă păstrată este forjată şi prezintă urme de utilizare. Lungimea maximă a coardei – 9,2 cm; lungimea mânerului – 7,0 cm; lungimea lamei – 2,2 cm; lăţimea lamei – 3,2 cm.

Secerile cu două orificii pe mâner sunt caracteristice culturii Noua (Дергачев, Бочкарев 2002, 237; Дергачев 2012, 157) şi reprezintă unul din cele mai răspândite tipuri de seceri descoperite în spaţiul în spaţiul carpato-nistrean. După părerea lui V. Dergacev, formele de turnat cu negativul acestui tip de seceră descoperite în depozitul de la Dneprovo-Kamenka (Гершкович 2009, 581, рис. 3/1,2) permit presupunerea că acest tip de seceri erau turnate în atelierele culturii Sabatinovka din zona Niprului Inferior, fiind însă de cele mai dese ori realizate în arealul culturii Noua (Дергачев 2012, 157). Seceri de tip „Heleşteni" au fost descoperite la Lozova (Дергачев 1972, 67, рис. 2/1-4; Дергачев 1986, 168, рис. 48/16, Дергачев 1997, рис. 6I/1; Dergacev 2002, Taf. 32/3-6; Черных 1976, 216, табл. XII/8, XIII/1, 9, 10; Черняков 1985, 120, рис. 62/25-28), Alexăndreni (Шарафутдішнова 1971, 32, рис. 4/9-12; Дергачев 1973, 11; Дергачев 1986, рис. 48/17), Bahu (Дергачев 2012, 155, илл. II/9, 10), Codreanca (Дергачев 2012а, 162, илл. III/3), Chişinău, Caplani, Dancu, Vărvărăuca, Medveja, Hansca (Дергачев 1975, 32, рис. 2/4, 5, 9/7; Dergacev 2002, Taf. 21/B1-2, 4, 22/A3, 31/B6, 7, 39/3-6, 41/B, 45/J), Ingul (Шарафутдінова 1971, 32, рис. 4/9-11; Morintz 1978, 185, fig. 109/11, 12; Черных 1976, табл. XII/1-7, 12, 13, XIV/2, 4, 6-10, 13-16, XV/1-6, 8-14; Черняков 1985, 121, рис. 63/17; Березанская и др. 1994, 120, рис. 35/27), Bečilovo, Novotrajany (Черных 1976, 216, табл. XII/11; Суботін, Черняков 1982, 16, рис. 2/7,15; Черняков 1985, рис. 60/7, 61/20, 32-25; Дергачев 1986, 181, рис. 52/5, 6), Pujaykovo (Черняков 1964, 131, рис. 3), Avraamovka (Шарафутдинова 1982, рис. 43/6; Дергачев 1997, рис. 6I/5), Savrani (Черняков 1985, 116, рис. 59/21), Dodeşti (Florescu 1991, 278, fig. 106/9), Bălţaţi (Dascălu 2007, 394, pl. 60/25), Tomeşti (Petrescu-Dâmboviţa 1977, 77, pl. 86/7; Morintz 1978, 182, fig. 104/10), Ciorani, Ghermăneşti, Heleşteni, Râşeşti, Ruginoasa (Петреску-Дымбовица 1960, 158, рис. 6/7; Pe-

trescu-Dâmboviţa 1964, fig. 3/8; Petrescu-Dâmboviţa 1977, 74-77, pl. 78/18, 81/6-8, 82/5, 6, 10, 11, 85/6, 85/14; Дергачев 1997, рис. 6I/1, 3).

8. Fragment de seceră cu cârlig pe mâner (fig. 3/31, 4/8). Reprezintă o mică porţiune de lamă cu mânerul finisat în formă de cârlig. Are muchia întărită printr-o nervură reliefată. Curbura dintre lamă şi mâner este accentuată, lama forjată până aproape de cârlig, cu urme de utilizare. Capătul lamei este uşor îndoit în urma ruperii. Lungimea maximă – 7,1 cm; lăţimea lamei – 2,2 cm; înălţimea cârligului – 4,0 cm.

Secerile cu cârlig sunt caracteristice cu precădere zonei de est a Europei (Ciugudean, Luca, Georgescu 2006, 35) în cele mai dese cazuri fiind atribuite culturii Noua. Sunt descoperite în mare parte în spaţiul dintre Prut şi Siret cât şi Transilvania (Petrescu-Dâmboviţa 1978, 57 şi urm.; Дергачев 2012, 157). M. Petrescu-Dâmboviţa împarte secerile cu cârlig în zece tipuri (Petrescu-Dâmboviţa 1978, 57 şi urm.). E. Černych include acest tip de seceră din spaţiul nord-pontic în tipurile 24 şi 25, iar de pe teritoriul Bulgariei în tipul 10 (Черных 1976, 96-97; Черных 1978, 215). V. Dergacev împarte secerile cu cârlig în trei variante: Ghermăneşti, Ruginoasa şi Ilişeni. Seceri cu cârlig la mâner au fost descoperite la Lozova (Дергачев 1972, 67, рис. 48/21; Dergacev 2002, Taf. 32/7-8, 33/10; Черных 1976, табл. XXIV/2-4; Черняков 1985, 120, рис. 62/21-24), Dancu (Dergacev 1991, 43, fig. 3/17-19, Дергачев 1997, рис. 6II/7; Dergacev 2002, Taf. 22/6-9), Bahu (Дергачев 2012, 155, илл. II/11, 12), Cojuşna (Дергачев 1982, 132, рис. 2/8; Дергачев 1986, 168, рис. 48/22; Dergacev 2002, Taf. 40/F), Grozeşti (Дергачев 1982, 132, рис. 11), Şendreni (Levitki 2003, 347, fig. 11/2), Ingul (Шарафутдінова 1971, 32, рис. 4/1, 6; Черных 1976, табл. XXI/1-5, 11-13, XXII/4-8, XXV/1-8; Morintz 1978, 182, fig. 109/13, 14; Черняков 1985, 121, рис. 63/22-24; Березанская и др. 1994, 120, рис. 35/26; Levitki 2003, 339, fig. 3/8), Bečilovo, Novotrajany (Черных 1976, табл. XXII/2, 9, 10, XXIV/1; Суботін, Черняков 1982, 16, рис. 2/1-4; Черняков 1985, 117, рис. 60/6, 61/14-16; Дергачев 1986, 181, рис. 52/7, 10), Juravlinsk (Черняков 1985, 116, рис. 59/8, 14), Avraamovka (Черных 1976, табл. XXIII/5-9, XXII/4-8, XXIV/5-7; Шарафутдинова 1982, рис. 43/1-5, 8-10; Дергачев 1997, рис. 6I/5), Tomeşti, Drajna (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 86/9-11, 87/1-7, 89/7-10, 90/1-9; Petrescu-Dîmboviţa et al. 1995, 68; Morintz 1978, 175, fig. 96/6,7, 104/5-8), Ghermăneşti (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 75, pl. 81/9-16, 82/7-14; Дергачев 1997, рис. 6II/1), Ilişeni (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 119, pl. 279/9-19, 280/1-7; Dascălu 2007, 399, pl. 65/11-32), Ruginoasa (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 77, pl. 85/12, 13, 15; Levitki 1994, fig. 50/6-11, 51/1-3), Dipşa (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 92, pl. 139/8-10; Ciugudean, Luca, Georgescu 2006, 71, pl. III/1-5, IV/1-4), Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 89, fig. 16/4, 5), Ţigăneşti (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 77, pl. 88/1-3; Florescu 1991, 282, fig. 110/2,5), Budeşti (Soroceanu, 1995, 24, Abb. 4/2-4), Pâhneşti (Soroceanu 1995, 26, Abb. 6/1; Soroceanu 2005, 426, Abb. 5/a), Gioseni (Vulpe, Căpitanu 1995, 244, Abb. 3/6, 8, 9), Broscăuţi (Petrescu-Dîmboviţa 1964, 259, fig. 6/10; Dascălu 2007, 397, pl. 63/49), Valea Largă (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 72, pl. 71/6,9,10,12), Bârlad, Dărmăneşti, Trestiana, Poieneşti (Dergacev 2002, Taf. 72/A453, 73/A456-459), Băleni (Dragomir 1967, fig. 1/1, 2), Terghigiol, Sântana Nouă (Aricescu 1970, fig. 9/7, 12/2, 3, 5, 6), Bozia Nouă (Dinu, Coman 1964, 472, fig. 1/2-4).

Fragmente de seceră de tip incert

9, 10. Fragmente de seceră reprezentate de două porţiuni de lamă cu vârf. Ambele au marginea superioară consolidată printr-o nervură reliefată. Tăişul lamei este forjat, ascuţit şi prezintă urme de utilizare. Vârfurile sunt rotunjite, uşor ridicate. Unul (fig. 3/32, 4/10) are lungimea maximă de 12,1 cm şi lăţimea lamei de 1,8 cm. Celălalt (fig. 3/33, 4/11) are lungimea maximă de 6,2 cm, iar lăţimea lamei de 1,8 cm.

11. Fragment de seceră (fig. 3/35, 4/12). Reprezintă o porţiune din lamă cu marginea superioară întărită cu o nervură reliefată. Prezintă urme de utilizare. Lungimea maximă – 7,1 cm; lăţimea lamei – 2,2 cm.

12. Fragment de lamă de formă triunghiular-alungită în secţiune, cu suprafaţa forjată şi tăişul ascuţit (fig. 3/34, 4/13). Probabil, acesta reprezintă un fragment de seceră refolosit în calitate de cuţit. Lungimea maximă – 7,1 cm; lăţimea lamei – 2,2 cm.

Daltă (13)

13. Daltă cu toc de înmănuşare longitudinal (fig. 3/36, 4/9). Lama este faţetată, muchia are formă arcoidală în partea superioară iar marginile laterale sunt curbate. Marginea tocului de înmănuşare este

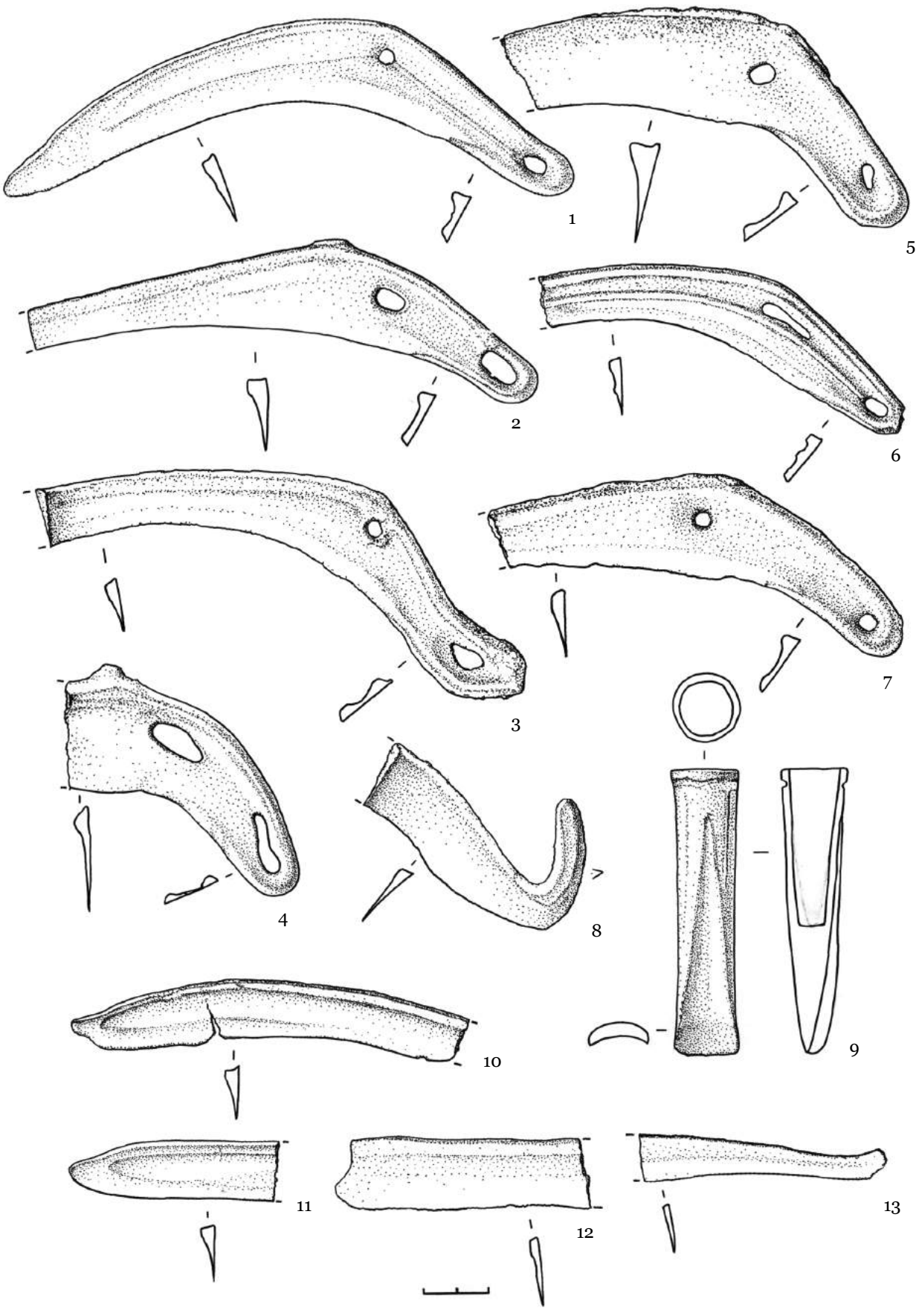


Fig. 4. Depozitul de la Antoneşti. Unelte: 1-13 - bronz.

prevăzută cu bordură. Corpul este zvelt, alungit, îngustat uşor spre vârf. Partea dorsală este prevăzută cu un şanţ canelat de formă triunghiular-alungită, care începe la 1,5 cm mai jos de marginea tocului de înmănuşare. Lama piesei prezintă urme de utilizare. Piesa a fost turnată integral, în tipar bivalv. Înălţimea – 8,6 cm; lăţimea corpului sub tubul de înmănuşare – 1,9 cm; lăţimea lamei – 1,9 cm.

Dălţile cu toc de înmănuşare prevăzut cu brâu reliefat pe margine sunt cunoscute în spaţiul zona carpato-nistreană a culturii Noua (Petrescu-Dâmboviţa 1977; Florescu 1971; Дергачев 2011) însă cele mai multe exemplare au fost descoperite pe cursul râurilor Nipru şi Bug (Дергачев 2011, 219). În baza datelor metrice dălţile cu toc de înmănuşare prevăzut cu brâu reliefat pe margine se împart în II grupe: 1) cu înălţimea de la 12,0 la 14,5 cm; 2) cu înălţimea de la 7,5 cm la 10,6 cm (Дергачев 2011, 221). Dălţi asemănătoare celei de la Antoneşti sunt cunoscute în urma descoperirilor făcute la Bahu (Дергачев 2012, 155, илл. II/19, 20), Socoleni (Черняков 1985, 127, рис. 66/24; Dergacev 2002, Taf. 47/B4), Mahala (Археология 1985, рис. 131/8), Trehizbennoe (Leskov 1981, Taf. 4/A2; Березанская и др. 1994, 122, рис. 36/26; Uşurelu 2010, 11, fig. 2/20; Дергачев 2011, 217, рис. 136/20), Sadovoe, Sukuluk, Lugovskaja (Uşurelu 2010, 11, fig. 2/10-12, 16), Starosel'e (Дергачев 2011, 217, рис. 136/29), Krasnomajack (Черняков 1965, 118, рис. 14/8), Malye Kopani (Шарафутдинова 1982, рис. 59/10), Râşeşti (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 76, pl. 85/5; Morintz 1978, 189, fig. 106/5, Дергачев 2011, 217, рис. 136/12), Ghermăneşti (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 75, pl. 81/5; Дергачев 2011, 217, рис. 136/11), Pâhneşti, Sărata-Monteoru (Дергачев 2011, 217, рис. 136/14, 15), Ruginoasa (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 85/10; Leviţki 1994, 227, fig. 50/3; Bălan 2009, 21, pl. V/45), Gârbou, Dumeşti, Şpălnaca, Cetea (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 48/1, 142/4, 195/18, 303/8). Forme de turnat cu negativul acestui tip de daltă au fost descoperite la Dnepropetrovsk, Malye Kopani, Majaki (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 3/36, 4/39d, 7/51a).

Pumnale (14-20)

Pumnale-cuţit pendiculate, cu lama foliformă alungită

14. Fragment de pumnal cu lama foliformă alungită, peduncul dreptunghiular în secţiune cu capătul aplatizat şi uşor arcuit (fig. 3/21, 5/1). Lama este prevăzută cu nervură mediană care se lărgeşte treptat spre peduncul, finisându-se în formă de picătură aplatizată. Piesa are vârful lipsă. Marginile lamei sunt forjate, ascuţite şi uşor zimţate din cauza utilizării. Piesa a fost turnată în tipar bivalv. Lungimea maximă – 15,7 cm; lungimea lamei – 11,9 cm; lungimea pedunculului – 3,8 cm; lăţimea lamei – 3,4 cm; lăţimea pedunculului – 0,7 cm.

15. Fragment de pumnal-cuţit pendiculat, cu lama foliformă alungită, peduncul dreptunghiular în secţiune cu şi uşor arcuit (fig. 3/20, 5/2). Lama este prevăzută cu nervură mediană puternic reliefată în zona de trecere spre peduncul. Are vârful lipsă. Marginile lamei sunt forjate şi ascuţite. Piesa a fost turnată în tipar bivalv. Lungimea maximă – 9,6 cm; lungimea lamei – 5,0 cm; lăţimea lamei – 2,2 cm; lungimea pedunculului – 4,6 cm; lăţimea pedunculului – 0,9 cm.

Pumnale asemănătoare celor două descrise mai sus au fost descoperite la Dancu (Dergacev 1991, 40, fig. 1/8; Dergacev 2002, Taf. 30/68), Etulia (Dergacev 2002, Taf. 53/A), Pribuž'e (Kločko 1995, 127, Abb. 31/1), Novogrigorievka (Черняков 1985, 114, рис. 57/13), Sandraki (Leviţki 2003, fig. 65/21), Băleni (Dragomir 1967, fig. 81/1,4), Dereivka (Шарафутдинова 1982, рис. 37/5).

Pumnale-cuţit pendiculate cu lamă foliformă prevăzute cu bordură în partea de sus a lamei

16, 17. Pumnale/cuţit pendiculat, cu lama foliformă prevăzută cu nervură mediană (fig. 3/17, 18, 5/4, 5). Pedunculul are formă dreptunghiulară în plan, capătul aplatizat şi uşor arcuit. Lama este delimitată de limba mânerului printr-un brâu îngust reliefat. Vârful pumnalului este rotunjit, marginile lamei forjate, cu urme de utilizare. Piesele au fost turnate în tipar bivalv. Una are dimensiunile: lungimea maximă – 8,9 cm; lungimea lamei – 5,0 cm; lăţimea lamei – 2,8 cm; lungimea pedunculului – 3,9 cm; lăţimea pedunculului – 0,9 cm. Cealaltă are lungimea maximă de 8,7 cm; lungimea lamei – 5,2 cm; lăţimea lamei – 2,3 cm; lungimea pedunculului – 3,5 cm; lăţimea pedunculului – 0,8 cm.

18. Fragment de pumnal-cuţit pendiculat cu lama foliformă (fig. 3/19, 5/3). Are vârful lipsă. Lama este netedă, prevăzută cu nervură mediană care se bifurcă pe una din laturi formând un triunghi sub brâul îngust reliefat care delimitează limba mânerului de lamă. Marginile lamei sunt forjate, ascuţite şi prezintă urme de utilizare. Piesa a fost turnată în tipar bivalv. Lungimea maximă – 7,3

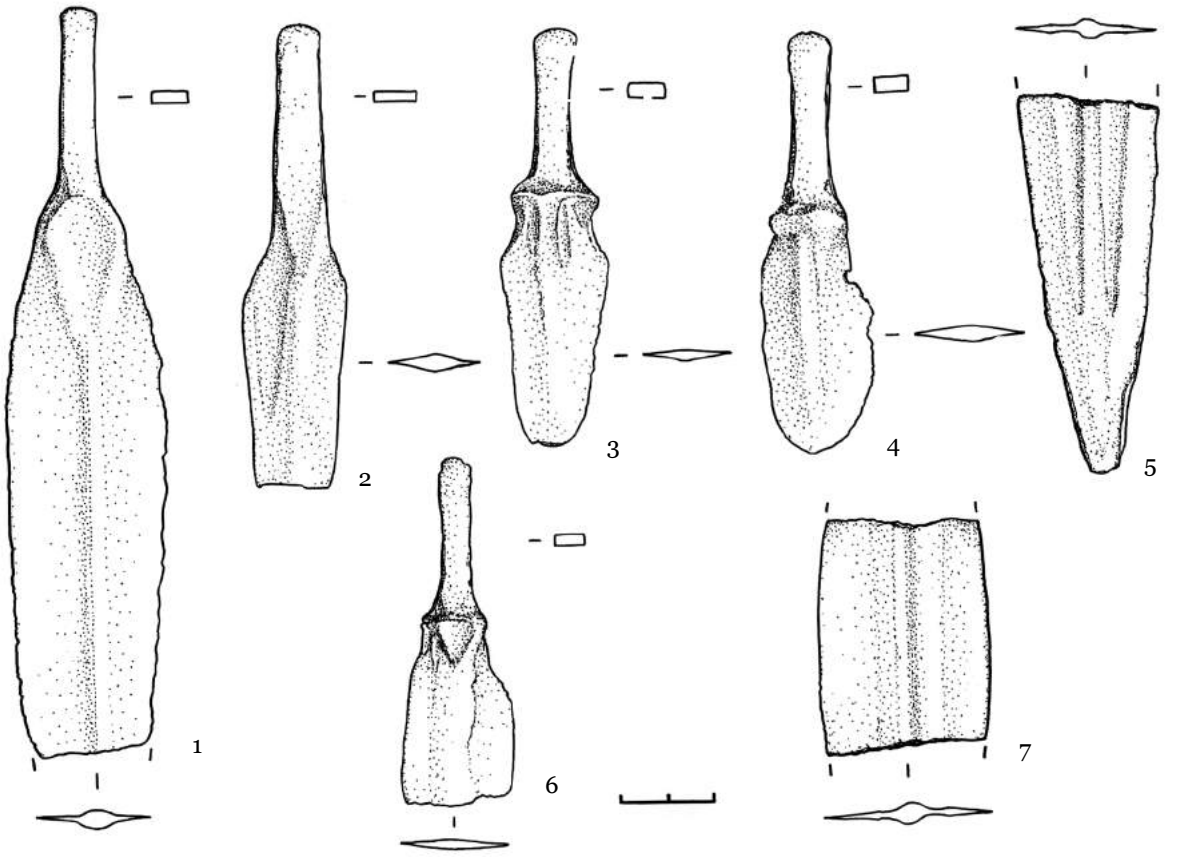


Fig. 5. Depozitul de la Antoneşti. Arme: 1-7 - bronz.

cm; lungimea lamei – 4,1 cm; lăţimea lamei – 2,3 cm; lungimea pedunculului – 3,2 cm; lăţimea pedunculului – 0,6 cm.

19. Fragment de pumnal. Reprezintă o porţiune din lamă şi vârful (fig. 3/22, 5/6). Are formă triunghiulară în plan, vârful rotunjit şi lama prevăzută cu nervură mediană. Marginile lamei sunt forjate şi prezintă urme de utilizare. Piesa a fost turnată în tipar bivalv. Lungimea – 7,9 cm; lăţimea – 3,0 cm.

20. Fragment de lamă de pumnal, de formă dreptunghiulară în plan, prevăzută cu nervură mediană (fig. 3/23, 5/7). Are un capăt uşor îndoit în urma ruperii. Marginile lamei sunt forjate şi prezintă urme de utilizare. Piesa a fost turnată în tipar bivalv. Lungimea – 4,9 cm; lăţimea – 3,6 cm.

Pumnalele-cuţit reprezintă cel mai răspândit tip de armă din perioada târzie a epocii bronzului din zona sud-est europeană. Această formă de pumnal, reprezentată de diferite tipuri şi variante este pe larg cunoscută de la Carpaţii Răsăriteni până la Uralul de Sud şi Siberia cu o concentraţie evidenţiată în cadrul arealului cultural Noua-Sabatinovka şi Belozerka (Дергачев 2002, 125 и сл.; Дергачев 2011, 230). Merită menţionat faptul că pumnalele cu brâu slab sau puternic reliefat în partea de sus a lamei sunt relativ mai timpurii decât pumnalele cu lamă foliformă (Дергачев 2011, 231). Pumnale-cuţit asemănătoare au fost descoperite la Goian (Дергачев 1975, рис. 9/18; Черняков 1985, 114, рис. 57/3; Kločko 1995, 120, Abb. 25/3; Дергачев 1986, 168, рис. 48/14; Dergacev 2002, Taf. 43/B; Дергачев 2011, 231, рис. 146/7), Glinjeni (Uşurelu, Nicic 2003, 167, fig. 2/2), Berezki (Kločko 1995, 120, Abb. 25/2, Dergacev 2002, Taf. 40/A), Corjova (Dergacev 2002, Taf. 50/B), Mahala (Смирнова 1969, 17, рис. 7I/29; Leskov 1981, Taf. 9/87), Suhaja Balka (Черняков 1985, 114, рис. 57/9), Chmel'na, Kabakovo, Lobojkovo (Leskov 1981, Taf. 3/38, 39; Kločko 1995, 118, Abb. 24/2,3,6), Pujaikovo (Черняков 1964, 129, рис. 1), Dobrjanka (Leskov 1981, Taf. 4/D1,3), Borovoe, Klepikovo, Berdsk (Подобед, Усачук, Цимиданов 2009, рис. 3/2, 3, 6), Soloneck (Шарафутдинова 1982, рис. 52/13), Čut (Popa 1999, 29, fig. 1), Ulmi-Liteni (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 88/17; Florescu 1991, 273, fig. 101/8; Dascălu 2007, 402, pl. 68/9), Băleni (Dragomir 1967, fig. 8/3; Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 73/20-24; Leskov 1981,

Taf. 9/85), Duda (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 80/15), Rogojeni (Черняков 1985, 114, рис. 57/4; Florescu 1991, 283, fig. 111/11), Copăceana (Дергачев 2011, 231, рис. 146/4), Truşeşti (Dascălu 2007, 397, pl. 63/365), Crucişoara, Răcătău, Lăţeşti (Dergacev 2002, Taf. 70/A423, 424, 426).

Podoabe (21-37)

Aplici de formă semisferică în plan (aşa-numitul tip „calotiform), prevăzute pe partea interioară cu cârlig de suspensie, turnate în forme bivalve

21. Aplică (fig. 3/3, 6/7) de formă semisferică în plan, prevăzută pe partea interioară cu un cârlig lucrat dintr-o tijă subţire de bronz, dreptunghiulară în secţiune. Diametrul – 3,1 cm; înălţimea – 1,7 cm; grosimea cârligului – 0,3 cm; grosimea pereţilor – 0,2 cm.

22. Aplică (fig. 3/2, 6/8) de formă semisferică în plan, prevăzută pe partea interioară cu un cârlig lucrat dintr-o tijă subţire de bronz, dreptunghiulară în secţiune. Diametrul – 2,5 cm; înălţimea – 0,6 cm; grosimea cârligului – 0,4 cm; grosimea pereţilor – 0,1 cm.

23. Aplică de formă semisferică în plan, prevăzută cu două orificii pe centru, prin care trece o tijă subţire de formă dreptunghiulară în secţiune cu capetele unite pe partea interioară (fig. 3/1, 6/6). Fără analogii. Diametrul – 1,7 cm; înălţimea – 0,7 cm; grosimea cârligului – 0,2 cm; grosimea pereţilor – circa 0,2 cm.

Acest tip de aplici este descoperit de cele mai multe ori în cadrul depozitelor de bronzuri, cu preponderenţă în zona bazinului carpatic (Ciugudean, Luca, Georgescu 2006, 42). Exemplare identice sau asemănătoare acestui tip de aplici au mai fost descoperite la Dancu (Dergacev 1991, 43, fig. 3/12), Bahu (Дергачев 2012, илл. II/1), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 243, рис. 72/25), Cobâlea, Ghindeşti (Dergacev 2002, Taf. 44/F3, 45/C9), Ostrovec (Балагурі 1968, 139, рис. 2/19), Soloneck (Шарафутдинова 1982, рис. 52/7), Ulmi-Liteni (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 77, pl. 88/17; Florescu 1991, 273, fig. 101/3; Dascălu 2007, 402, pl. 68/3), Băleni (Dragomir 1967, fig. 9/4,7-9; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 73, pl. 74/17, 18), Pecica II, Ungureni II (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 176/3-8, 274/9-12), Pădureni (Aricescu 1970, 47, fig. 26/1, 2, 27/2, 4), Dridu (Enăchiuc 1995, 301, Abb. 14/48-52, 58).

23. Aplică lucrată din placă subţire de bronz cu capetele dilatate (unul din ele deteriorat), uşor bombate, de formă semisferică în plan, prevăzute pe partea interioară cu cârlige lucrate din tijă dreptunghiulare în secţiune (fig. 3/6, 6/5). Ambele cârlige sunt rupte. Porţiunea dintre capetele semisferice este mai îngustă şi are marginile uşor îndoite în interior. Lungimea maximă – 5,6 cm; lăţimea – 1,6 cm; grosimea plăcii – 0,1 cm. Fără analogii.

24. Fragment de nasture de formă discoidală în plan, prevăzut în partea interioară cu o urechiuşă cu orificiu de formă sferică (fig. 3/4, 6/9). Este lucrat prin forjare dintr-o placă subţire de bronz. Jumătate din piesă a fost ruptă ulterior momentului descoperirii. Piesa a fost turnată în tipar bivalv. Diametrul – 3,6 cm; grosimea pereţilor – circa 0,2 cm. Nasturi asemănători sunt cunoscuţi la Arpăşel (Kacsó 1995, 123, Abb. 3/18,19), Tătărani (Soroceanu 1995, 25, Abb. 5/4), Dridu (Enăchiuc 1995, Abb. 6/1-15, Abb. 8/21), Bocşa, Rus Şpălnaca II, Uioara de Sus, Tăuteu, Zagon, Târgul Secuiesc II (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 120/13, 182/12, 211/62, 41/6, 331/4,5, 338/2, 356/12), Băleni (Dragomir 1967, fig. 9/6).

Brăţări, lucrate din bare ovoidale în secţiune, treptat subţiate spre capete. Pe una din piese sunt observate urme de decor. Toate barele au fost turnate în tipare bivalve.

25. Brăţară de formă ovală neregulată în plan (în urma îndoirii încă din vechime), lucrată dintr-o bară de bronz ovală în secţiune, îngustată progresiv spre capete (fig. 3/16, 6/14). Are capetele suprapuse, (unul fiind tăiat drept şi altul ascuţit). Lungimea maximă a tijei în stare întinsă – 13,5 cm; lăţimea – 0,6 cm.

26. Brăţară de formă ovală în plan, lucrată din bară de bronz ovală în secţiune, cu capetele îngustate şi petrecute (fig. 3/15, 6/15). Lungimea maximă a tijei în stare întinsă – 12,8 cm; lăţimea – 0,4 cm.

Brăţări asemănătoare au mai fost descoperite la Dancu (Dergacev 2002, Taf. 31/A), Răscăieţii Noi, Roşieticii Vechi (Dergacev 2002, Taf. 19/R, 46/E), Turbino I (Черных, Кузьминых 1989, 133, рис. 73/7-16), Guruslău, Ghermăneşti, Dumbrava (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 48/8-12, 82/1,2, 141/13), Pădureni (Aricescu 1970, 48, fig. 24/1-12), Valea-Lupului (Soroceanu 1995, 24, Abb. 5/4).

27. Fragment de brăţară lucrată din bară de bronz ovală în secţiune, îngustată treptat spre unul din capete (celălalt capăt fiind rupt în vechime) (fig. 3/14, 6/16). Pe suprafaţa exterioară sunt obser-

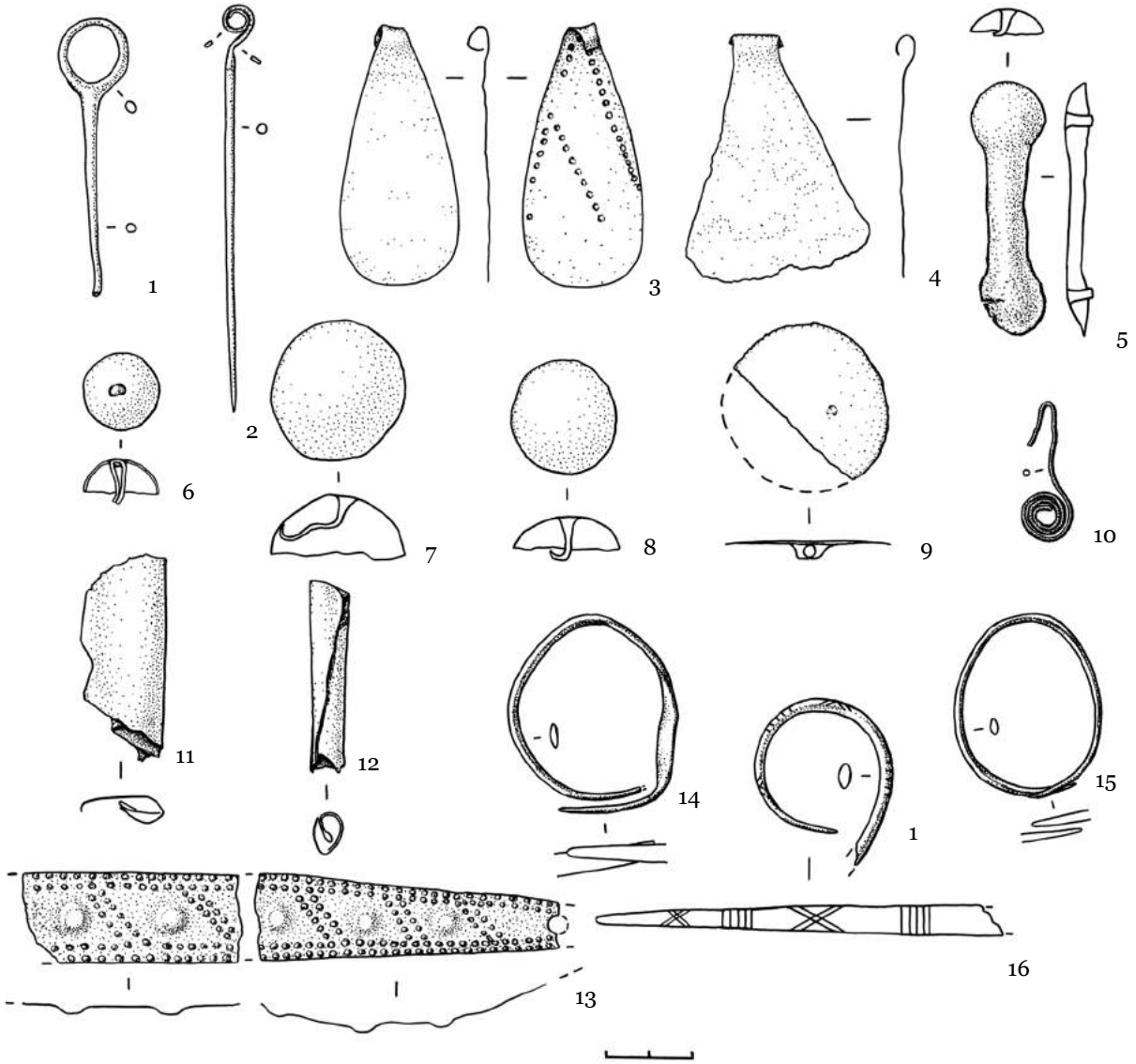


Fig. 6. Depozitul de la Antoneşti. Podoabe: 1-16 - bronz.

vate urme ale unui ornament care constă din motive incizate în formă de „X" despărţite de benzi de linii paralele. Lungimea maximă a tijei în stare întinsă – 9,7 cm; lăţimea – 0,7 cm.

Acest tip de brăţară, cu decor la fel sau asemănător din aspect stilistic al ornamentului, este destul de des întâlnit în cadrul complexelor din perioada târzie a epocii bronzului şi a hallstattului timpuriu de pe teritoriul României. Astfel de descoperiri sunt cunoscute la Băleni (Dragomir 1967, fig. 3/4, 7, 4/7, 8, 5/3, 4, 6, 8; Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 75/11, 13, 76/1-12, 77/1,2), Domăneşti, Galoşpetreu, Sacoţi (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 45/7, 46/9, 146/16, 282/4-6), Zagon (Vulpe 1970, Taf. 63/B3).

28. Două fragmente de la un posibil colier, lucrat din placă subţire de bronz (fig. 3/5, 6/13). Marginea de legătură între acestea două este deteriorată. Privită într-un tot întreg, piesa are formă dreptunghiulară în plan, îngustată treptat spre unul din capete, prevăzut cu un orificiu păstrat parţial în urma rupturii. Are suprafaţa exterioară ornamentată cu linii paralele punctate ciocănite orizontal pe ambele margini şi perechi din linii punctate ciocănite oblic vertical, prevăzute între ele cu o proeminenţă de formă semisferică în plan. Lungimea maximă – 11,9 cm; lăţimea – 2,0 cm; grosimea – 0,1 cm.

Piese asemănătoare au fost descoperite în depozitul de bronzuri de la Dridu (Enăchiuc 1995, 298, Abb. 3/4, 5).

Plăci răsucite în formă de tub. Reprezintă probabil un atribut de colier sau pandantiv

29. Placă subţire de bronz, răsucită în formă de tub (fig. 3/13, 6/12). Lungimea maximă – 4,1 cm; lăţimea – 1,0 cm; grosimea plăcii – 0,1 cm.

30. Placă subţire de bronz, de formă ovoidală în plan, răsucită de la un capăt spre mijloc în formă de tub (fig. 3/13, 6/11). Placa nu este răsucită până la capătul opus. Lungimea maximă – 4,0 cm; lăţimea – 1,8 cm; grosimea plăcii – 0,1 cm.

Piese analogice au mai fost descoperite la Budurjeli (Ванчугов 1990, 88, рис. 37/6-8), Sirokoe (Leviţki 2003, 383, fig. 47/11), Poarta Albă, Caran Sebeş (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 18/11, 12, 126/19-22), Dridu (Enăchiuc 1995, 309, Abb. 14/31-33). În cadrul depozitelor mai sunt cunoscute piese asemănătoare după factură, de formă conică în plan şi de regulă prevăzute cu ornament realizat prin ciocănire (Enăchiuc 1995, Abb. 12/28, 35, 42, 49, 13/2-20).

Pandantive lucrate din placă de bronz, unul din ele prevăzut cu decor prin ciocănire

31. Pandantiv de formă trapezoidală, lucrat din placă de bronz (fig. 3/8, 6/4). Capătul îngust are marginea îndoită în interior. Capătul mai lat are marginea zimţată în urma procesului de corodare. Suprafaţa piesei este forjată cu urme de ştergere abrazivă ulterioară momentului descoperirii. Lungimea maximă – 5,5 cm; lăţimea – 4,1 cm; grosimea plăcii – 0,1 cm.

Unica analogie a acestui pandantiv este cunoscută la Soloneck (Шарафутдинова 1982, рис. 52/8).

32. Pandantiv în formă de picătură, lucrat din placă de bronz (fig. 3/9, 6/3). Are marginea capătului mai îngust răsucită în interior. Capătul mai lat are marginea arcuită şi prezintă urme de forjare. Pe partea interioară piesa ornamentată cu două linii punctate, care încep de la capătul de suspensie şi continuă până aproape de capătul opus al piesei. Pe una din margini linia este întreruptă şi continuă bifurcat formând un unghi. Decorul este realizat prin ciocănire însă nu este reliefat pe partea exterioară. Lungimea maximă – 5,8 cm; lăţimea – 2,6 cm; grosimea plăcii – 0,1 cm. Fără analogii.

33. Piesă cu utilitate incertă (fig. 3/7, 6/10). Aceasta reprezintă o sârmă subţire de bronz de formă circulară în secţiune cu unul din capete răsucit în cercuri concentrice. Celălalt capăt este îndoit sub formă de cârlig. Posibil reprezintă un atribut de colier sau pandantiv. Lungimea maximă în stare întinsă– circa 7,5 cm; diametrul capătului răsucit – 1,1 cm; grosimea sârmei – 0,2 cm.

Analogii ale acestui tip de piesă sunt cunoscute la Ghindeşti (Мелюкова 1958, таб. XXIX/12), Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 121, таб. III/18, Дергачев 1975, 25, рис. 10/2; Dergacev 2002, Taf. 46/H2), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 243, рис. 72/27), Valea-Rusului (Leviţki 1994, 232, fig. 55/9, 10; Dergacev 2002, Taf. 48/10, 11), Ostrovec (Балагурі 1968, 139, рис. 3/22), Ticvaniul Mare (Hansen 1994, 276, Abb. 176/3), Tăvădăreşti (Florescu, Capitanu 1968, 41, fig. 674; Florescu 1991, 276, fig. 104/4), Doh (Bejenariu 2005, 73, Taf. VII/5), Desa (Soroceanu 2005, pl. 2/20) Băleni, Bocşa, Guşteriţa, Pecica II, Poşaga de Sus, Suseni, Şpălnaca (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 74/12, 120/17, 18, 160/40, 176/10, 179/21, 191/16-18, 210/21).

34. Ac cu cap inelat cu vârful rupt (fig. 3/11, 6/1). Piciorul acului este de formă circulară în secţiune şi se îngustează treptat spre vârf. Capătul inelat are formă ovală în plan şi ovoidală în secţiune. Piesa a fost turnată în tipar bivalv. Lungimea maximă – 6,2 cm; diametrul inelului – 1,6 cm.

Ace cu cap au mai fost descoperite la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 30, рис. 12/2; Дергачев 1975, рис. 10/18, Дергачев 1986, 163, рис. 45/4, Dergacev 2002, Taf. 45/8), Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 121, таб. III/17, Дергачев 1975, рис. 10/3; Дергачев 1986, 163, рис. 45/3, Dergacev 2002, Taf. 46/H1; Бочкарев 2010, 172, рис. 1/3), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 243, рис. 72/2), Dancu (Dergacev 1991, 43, fig. 3/1-3, Dergacev 2002, Taf. 30/70-72; Бочкарев 2010, 172, рис. 1/7-9), Mahala (Бочкарев 2010, 172, рис. 1/1), Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 44/3), Andrusovka, Belogrudovskji Les (Leviţki 2003, 401, fig. 65/9,10), Otradnoe (Бочкарев 2010, 172, рис. 1/4), Jabokruki (Березанская и др. 1994, 125, рис. 37/12; Бочкарев 2010, 172, рис. 1/5), Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 99, fig. 32/18), Truşeşti (Florescu 1964, 186, fig. 23/6; Dascălu 2007, 396, pl. 62/366a.2; Бочкарев 2010, 172, рис. 1/2), Băleni (Dragomir 1967, fig. 6/8), Gârbovăţ (Florescu 1991, 280, fig. 108/14; Бочкарев 2010, 172, рис. 1/6; Б6/5), Copălău (Dascălu 2007, 396, pl. 62/408).

35. Ac cu cap răsucit (de tip Rollenkopf) (fig. 3/10, 6/2). Are piciorul de formă circulară în secţiune, îngustat treptat spre vârf. Vârful este ascuţit, de formă conică. Capătul opus este aplatizat, dreptunghiular în plan şi răsucit în formă de spirală. Lungimea maximă – 9,2 cm; diametrul capătului răsucit – 0,8 cm.

Ace cu cap răsucit au fost descoperite la Ghindeşti (Мелюкова 1960, 136, рис. 4/1-2, Мелюкова

1961, 30, рис. 12/5, 7; Дергачев 1975, рис. 10/20, 22; Дергачев 1986, 163, рис. 45/7, 8), Gura-Galbenei (Дергачев 1975, рис. 10/4, Дергачев 1986, 17, рис. 51/3), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 243, рис. 3, 4), Ostrovec (Балагурі 1968, 139, рис. 3/9-12), Berislav (Geršković 1999, Taf. 7/15, 16), Širokoe (Levițki 2003, 383, fig. 47/31), Truşeşti (Петреску-Дымбовица 1960, 155, рис. 4/9, 10; Petrescu-Dîmboviţa 1964, 261, fig. 7/17, 19; Florescu 1964, 186, fig. 23/7, 17; Florescu 1991, 272, fig. 100/7,8; Dascălu 2007, 395, pl. 61/366a. 1, 366a.2), Valea-Lupului (Petrescu-Dîmboviţa 1964, 261, fig. 7/18; Florescu 1964, 186, fig. 23/13; Dascălu 2007, 395, pl. 61/377a.1), Gârbovăţ (Florescu 1991, 280, fig. 108/16), Poiana-Dulceşti (Florescu 1991, 274, fig. 102/3; Бочкарев 2010, рис. 6Б/2), Corlăteni (Florescu 1991, 271, fig. 99/1; Dascălu 2007, 395, pl. 61/83.2), Crasna (Bejinariu 2005, 70, Taf. IV/11), Hlipiceni (Dascălu 2007, 395, pl. 61/239.1), Băleni (Dragomir 1967, fig. 6/2), Crasnaleuca (Dascălu 2007, 395, pl. 61/94.2, 94.3), Uioara de Sus, Sacoţi (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 268/28,29, 281/18), Mihăileşteni (Ioniţă, Şovan 1995, Abb. 1/1).

Indiferent de motivele care au constituit baza procesului de depunere, toate depozitele au un numitor comun, şi anume: adunarea şi tezaurizarea unor obiecte de metal, ceea ce ne vorbeşte despre anumite valori măsurabile, acceptate de toţi datorită concepţiilor din perioada respectivă (Hänsel 2005, 296). Prin componenţa sa, depozitul descoperit în satul Antoneşti corespunde altor descoperiri de bronzuri din spaţiul cuprins între Carpaţi şi Nistru, datate cu Br.D - înc. HaA1. Secerile de tip Heleşteni, aplicele calotiforme, pumnalele cu bordură pe limba mânerului, acul de tip Rollenkopf, acul cu cap inelat atribuie depozitul de la Antoneşti comunităţilor culturii Noua. Depozitul reprezintă un complex cu material adunat într-un interval îndelungat de timp, colectat pe parcursul perioadei BrD şi posibil depozitat la începutul HaA1. Importanţa spectrului compoziţional al depozitului de la Antoneşti este remarcată prin prezenţa unor piese unicate, fără analogii la momentul de faţă. Este vorba de pandantivul în formă de picătură (fig. 3/9, 6/3), aplica cu capete semisferice (fig. 3/1, 6/6) şi aplica calotiformă prevăzută cu două orificii pe centru (fig. 3/6, 6/5). Dar, ţinând cont de faptul ca marea majoritate a pieselor din depozit sunt datate cu perioada tardivă a epocii bronzului, piesele menţionate mai sus pot fi la rândul lor atribuite aceleaşi perioade.

Bibliografie

Aldea, Ciugudean 1995: I. Aldea, H. Ciugudean, Der dritte hallstattzeitliche Depotfund von Vinţu de Jos, Kr. Alba, Siebenbürgen. In: Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 10, Bronzefunde aus Rumänien, nr. 2-5 (Berlin 1995), 213-225.

Aricescu 1970: A. Aricescu, Depozite de unelte, arme şi podoabe de bronz din Dobrogea. Pontica III, 1970, 25-76.

Balan 2009: G. Balan, Cronologia şi tipologia dălţilor de bronz cu toc de înmănuşare din România. Apulum XLVI, 2009, 1-40.

Bejinariu 2005: I. Bejinariu, Beiträge zur Kenntnis der Bronzemetallurgie im Nordwesten Rumäniens (unter Berücksichtigung des Oberlaufes von Crasna und Bacău). In: Bronzefunde aus Rumänien II. Descoperiri de bronzuri din România (Cluj-Napoca 2005), 47-75.

Bočkarev, Leskov 1980: V.S. Bočkarev, A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. Prähistorische Bronzefunde. Abteilung XIX, Band 1 (München 1980).

Ciugudean, Luca, Georgescu 2006: H. Ciugudean, S.A. Luca, A. Georgescu, Depozitul de bronzuri de la Dipşa (Sibiu 2006).

Dascălu 2007: L. Dascălu, Bronzul mijlociu şi târziu în Câmpia Moldovei (Iaşi 2007).

Dergacev 1991: V. Dergacev, Depozitul de bronzuri din satul Dancu-raionul Hânceşti (R. Moldova). Thraco-Dacica XII/1-2, 1991, 39-55.

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen. Metallfunde aus Moldavien (Stuttgart 2002).

Dinu, Coman 1964: M. Dinu, G. Coman, Depozitul de obiecte de bronz de la Bozia Nouă. ArhMold II-III, 1964, 471-475.

Dragomir 1967: I.T. Dragomir, Un nou depozit de obiecte de bronz descoperit la Băleni în sudul Moldovei. Danubius I, 1967, 89-105.

Enăchiuc 1995: V. Enăchiuc, Der Bronzefund von Dridu, Kr. Ialomiţa. In: Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 10, Bronzefunde aus Rumänien, nr. 2-5 (Berlin 1995), 279-311.

Florescu 1964: A.C. Florescu, Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua. ArhMold 2-3, 1964, 143-216.

Florescu, Căpitanu 1968: M. Florescu, V. Căpitanu, Câteva observaţii privitoare la sfârşitul epocii bronzului în lumina ultimelor cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie din Bacău. Carpica I, 1968, 35-47.

Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A. Florescu, Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură a Carpaţilor Răsăriteni. ArhMold XIII, 1990, 49-102.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos IX (Călăraşi 1991).

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. AE, Bd. 7 (Rahden/Westf. 1999).

Kacsó 1995: C. Kacsó, Der Hortfund von Arpăşel. Kr. Bihor. In: Prähistorische archäologie in Südosteuropa. Bronzefunde aus Rumänien, Band 10 (Berlin 1995), 81-130.

Kločko 1995: V. Kločko, Zur bronzezeitlichen Bewaffung in der Ukraine. Die Metallwaffen des 17-10 Jrs. v. Chr. Eurasia Antiqua I, 1995, 81-163.

Ioniţă, Şovan 1995: I. Ioniţă, O. Şovan, Bronzene Einzelfunde aus der Moldau und Siebenbürgen. In: Prähistorische archäologie in Südosteuropa. Bronzefunde aus Rumänien, Band 10 (Berlin 1995), 255-259.

Hansen 1994: S. Hansen, Studien zu den Metalldeponierrungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken, Teil 1 (Bonn 1994).

Hänsel 2005: A. Hänsel, Un depozit de bronzuri din ţinutul Sucevei. In: Bronzefunde aus Rumänien II. Descoperiri de bronzuri din România (Cluj-Napoca 2005), 285-301.

Leskov 1981: A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen). Prähistorische Bronzefunde, Abteilung XX, Band 5 (München 1981).

Leviţki 1994: O. Leviţki, Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi (Bucureşti 1994).

Leviţki 2003: O. Leviţki, Lumea tracică şi masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (sec. XII-X î.e.n.) (Bucureşti 2003).

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii, I. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Petrescu-Dîmboviţa 1964: M. Petrescu-Dîmboviţa, Date noi relativ la descoperirile de obiecte din bronz de la sfârşitul epocii bronzului şi începutul Hallstattului din Moldova. ArhMol II-III, 1964, 251-273.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Petrescu-Dîmboviţa et al. 1995: V. Petrescu-Dîmboviţa, E. Zaharia, N. Boroffka, C. Stoica, M. Rotea, Comori ale epocii bronzului din România (Bucureşti 1995).

Popa 1999: C.I. Popa, Un pumnal de tip răsăritean de la Cut (jud. Alba). Carpica XXVIII, 1999, 17-30.

Soroceanu 1995: T. Soroceanu, Die Fundumstände bronzezeitlicher Deponierungen – Ein Beitrag zur Hortdeutung beiderseits der Karpaten. In: Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 10, Bronzefunde aus Rumänien, nr. 2-5 (Berlin 1995), 15-81.

Soroceanu 2005: T. Soroceanu, Zu den Fundumständen der europäischen Metallgefäße bis in das 8 Jh. v. Chr.. Ein Beitrag zu deren religionsgeschtlichen Deutung. In: Bronzefunde aus Rumänien II. Descoperiri de bronzuri din România (Cluj-Napoca 2005), 387-429.

Uşurelu, Nicic 2003: E. Uşurelu, A. Nicic, Noi piese metalice din perioada bronzului târziu descoperite pe teritoriul Republicii Moldova. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 164-170.

Uşurelu 2010: E. Uşurelu, Apariţia şi evoluţia dălţilor cu toc de înmănuşare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. Revista arheologică VI/2, 2010, 5-24.

Vulpe 1970: A. Vulpe, Die Äxte und Baile in Rumänien II. Prähistorische Bronzefunde, Abteilung IX, Band 5 (München 1970).

Vulpe, Căpitanu 1995: A. Vulpe, V. Căpitanu, Der Hortfund von Gioseni, Kr. Bacău in der Moldau. In: Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 10, Bronzefunde aus Rumänien, nr. 2-5 (Berlin 1995), 337-245.

Археология 1985: Археология Украинской ССР. Первобытная археология, том 1 (Киев 1985).

Балагурі 1968: Е.А. Балагурі, Поселення культури Ноа біля с. Острівнць Івано-Франківскоі облості. Археологія XXI, 1968, 135-147.

Березанская и др. 1994: С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко, Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине (Киев 1994).

Бочкарев 2010: В.С. Бочкарев, Культурогенез и древнее металлопроизводство восточной Европы (Санкт-Петербург 2010).

Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Заподном Причернаморье (Киев 1990).

Гершкович 2009: Я.П. Гершкович, Днепрокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. Stratum plus 2, 2009, 578-582.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у с. Слободка-Ширеуць. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Дергачев 1972: В.А. Дергачев, Клад конца бронзового века из Молдавии. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1968-1969 гг. (Кишинев 1972), 65-88.

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 3 (Кишинев 1973).

Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).

Дергачев 1982: В.А. Дергачев, Новые находки металлических предметов эпохи поздней бронзы на территории Молдавии. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1977-1978 гг. (Кишинев 1982), 129-137.

Дергачев 1986: В.А. Дергачёв, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 1997: В. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего Гальштата карпато-данубио-нордпонтийского региона (Кишинев 1997).

Дергачев 2010: В. Дергачев, Новые металлические предметы поздней бронзы-раннего гальштата с территории Молдовы. Revista arheologică VI/2, 2010, 121-129.

Дергачев 2011: В. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, вып. 2 (Кишинев 2011).

Дергачев 2012: В. Дергачев, Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. Revista arheologică VIII/1-2, 2012, 154-160.

Дергачев 2012а: В. Дергачев, Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы-раннего гальштата на территории Республики Молдова. Revista arheologică VIII/1-2, 2012, 161-181.

Дергачев Бочкарев 2002: В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Мелюкова 1958: А. Мелюкова, Отчёт о работе отряда скифской археологии ИИМК и М.Ф. АН СССР в 1957 г. (Кишинев 1958). Архив НМИМ, №381.

Мелюкова 1960: А.И. Мелюкова, Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. В сб.: Материалы и исследования по Археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 129-149.

Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавий. В сб.: МИА, вып. 96 (Москва 1961), 4-52.

Петреску-Дымбовица 1960: М. Петреску-Дымбовица, К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. В сб.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 151-170.

Подобед, Усачук, Цимиданов 2009: В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии. В сб.: Древности Сибири и Центральной Азии, №1-2 (13-14) (Горно-Алтайск 2009), 3-16.

Сава, Кайзер 2011: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая/Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) Die Siedlung mit „Aschehügeln" beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen (Chişinău 2011).

Смирнова 1969: Г.И Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII - середина VII в. до н. э.). В сб.: Древние фракийцы в северном Причерноморье (Москва 1969), 7-34.

Суботін, Черняков 1982: Л.В. Суботін, І.Т. Черняков, Новотроянівский скарб та питання обміну металлом за доби пизної бронзы. Археологія 39, 1982, 15-23.

Шарафутдінова 1971: І.Н. Шарафутдінова, Бронзові серпи Північно-Західного Причерномор'я (кінець ІІ-початок І тисячоліття до н.е.). Археологія 1, 1971, 26-43.

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Черных 1976: Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).

Черных 1978: Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

Черных, Кузьминых 1989: Е.Черных, С.Кузьминых, Древняя металлургия северной Евразии (Москва 1989).

Черняков 1964: И.Т. Черняков, Новые находки предметов поздней бронзы в северо-западном Причерноморье. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного археологического музея за 1962 года (Одесса 1964), 128-134.

Черняков 1965: И.Т. Черняков, Красномаяцкий клад литейщика. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного археологического музея за 1963 года (Одесса 1965), 87-124.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

The hoard of the late Bronze Age from the village of Antoneşti (the Cantemir District, Republic of Moldova)

Abstract

In the summer of 2011 S.P. Bakhov, a resident of the Antoneşti village (Cantemir District), proposed to the specialists of the archaeological sector of the National Museum of Archaeology and History of Moldova several objects of bronze for the acquisition by the museum. According to information provided by S.P. Bakhov, the objects were found on the edge of a ravine situated near the village cemetery. By the discoverer, the objects emerged as a result of collapse of the soil. When checking the place of discovery, experts observed traces of the gradual collapses of the ravine banks. The hoard consists of 36 bronze objects: tools (2 whole and 11 fragmentary), arms (2 whole and 5 fragmentary) and ornaments (10 whole and 6 fragmentary).

By its composition the hoard found at the village of Antoneşti in Cantemir District corresponds to other findings of bronze objects in the Carpathian-Dniester space dated between Br.D – early Ha A1. Sickles of Heleşteni type, calotiform plaques, shapes of daggers' handles and needles attribute the Antoneşti hoard to the Noua culture.

The hoard represents a complex material collected during a long period of time, accumulated during BrD and buried, possibly, in the early Ha A1. The importance of the Antoneşti hoard's composite spectrum is in the presence of unique items that have no analogues for the moment.

List of illustrations:

Fig. 1. Antoneşti hoard. Geographical location.

Fig. 2. Antoneşti hoard. Place of discovery.

Fig. 3. Antoneşti hoard: 1-36 - bronze.

Fig. 4. Antoneşti hoard. Tools: 1-13 - bronze.

Fig. 5. Antoneşti hoard. Arms: 1-7 - bronze.

Fig. 6. Antoneşti hoard. Ornaments: 1-16 - bronze.

Клад периода поздней бронзы из села Антонешть Кантемирского района Республики Молдова

Резюме

Летом 2011 г. С.П. Бахов, житель села Антонешть Кантемирского района, представил специалистам археологического сектора Национального музея археологии и истории Молдовы несколько бронзовых предметов, предложив закупить их для музея. Согласно информации, предоставленной С.П. Баховым, предметы были найдены на краю оврага, недалеко от сельского кладбища. По словам нашедшего клад, предметы обнаружились в результате обрушения грунта. При проверке места находки специалистами были выявлены следы постепенного обрушения стен оврага. Клад состоит из 36 бронзовых предметов: орудия труда (2 целых и 11 фрагментарных), предметы оружия (2 целых и 5 фрагментарных) и украшения (10 целых и 6 фрагментарных).

По своему составу клад, найденный в селе Антонешть Кантемирского района, соответствует другим находкам бронзовых предметов в Карпато-Днестровском пространстве, датированных периодом Br.D – началом Ha A1. Серпы типа Хелештень, формы накладок, кинжалов и игл позволяют отнести антонештский клад к культуре Ноуа.

Клад представляет собой комплекс материалов, собранных в течение длительного периода времени, накопленных в период BrD и захороненных, возможно, в начале периода Ha A1. Важность композиционного спектра антонештского клада заключается в наличии уникальных предметов, не имеющих аналогов на данный момент.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Антонештский клад. Географическая локализация.

Рис. 2. Антонештский клад. Место находки.

Рис. 3. Антонештский клад: 1-36 - бронза.

Рис. 4. Антонештский клад. Орудия труда: 1-13 - бронза.

Рис. 5. Антонештский клад. Оружье: 1-7 - бронза.

Рис. 6. Антонештский клад. Украшения: 1-16 - бронза.

01.06.2013

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, 121"A", MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

INVESTIGAŢIILE ARHEOLOGICE LA SITUL SAHARNA MARE (2009-2012) (II)

Ion Niculiţă
Aurel Zanoci
Mihail Băţ
Sergiu Matveev

Orizontul traco-getic[1]

În secolele VIII/VII-III a. Chr. pe interfluviul Saharna Mare a funcţionat o aşezare apărată cu un sistem defensiv complex, edificat după rigorile inginereşti ale timpului. În acelaşi timp, cetatea a servit drept loc permanent de trai pentru comunităţile traco-getice, fapt demonstrat de multiplele construcţii, gropi menajere şi de varietatea materialului arheologic, descoperit în incintă.

Sistemul defensiv, atribuit orizontului traco-getic, a fost cercetat în campaniile 2003-2005, fiind amplu elucidat în mai multe publicaţii (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007, 27-62; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 87-102; Niculiţă et al. 2010, 359-371). Ca urmare a investigaţiilor arheologice s-a stabilit că aşezarea traco-getică a cunoscut două faze de fortificare. În prima fază sistemul defensiv prezenta o palisadă, amplasată în partea de vest a interfluviului, care îl întretăia de la o margine la alta. De la această construcţie defensivă s-a păstrat un şanţ, care are în secţiune formă trapezoidală cu lăţimea la gură de 1,2-1,8 m, iar la fund – de 0,20-0,36 m, adâncimea fiind de circa 1 m. Şanţul, după toate probabilităţile, constituia „fundamentul”/locaşul în care au fost fixate bârnele palisadei (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 87, fig. 50-51, foto 11; Niculiţă et al. 2010, 363-364, fig. 7).

În faza următoare cetatea a fost apărată cu un sistem defensiv complex, care consta dintr-un „zid”, cu o lungime de cca 385 m, ce întretăia interfluviul, în partea de vest, de la o margine la alta. Ca urmare a cercetărilor arheologice s-a stabilit că „zidul” a avut o lăţime de cca 5,6 m şi a fost construit dintr-o carcasă de lemn cu emplecton din pământ, nisip, pietriş şi bucăţi de piatră. Pentru protejarea părţii exterioare a

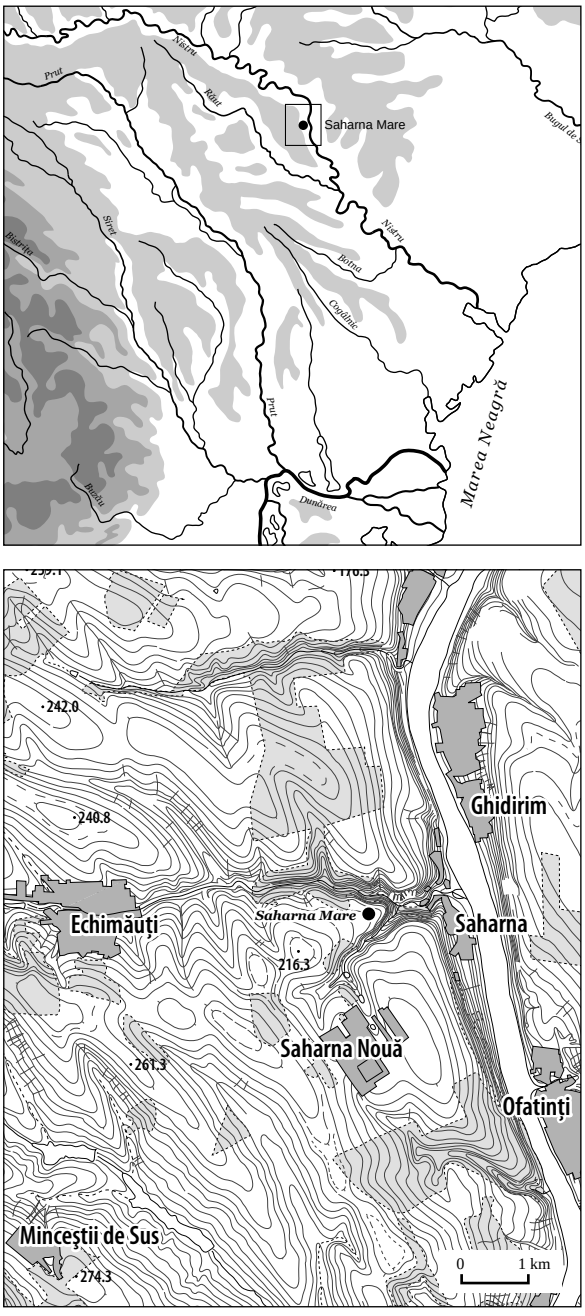


Fig. 1. Amplasarea geografică şi topografică a sitului Saharna Mare.

[1] Pentru descrierea generală a sitului Saharna Mare, precum şi pentru rezultatele descoperirilor din orizontul hallstattian a se vedea Niculiţă et al. 2012, 111-167.

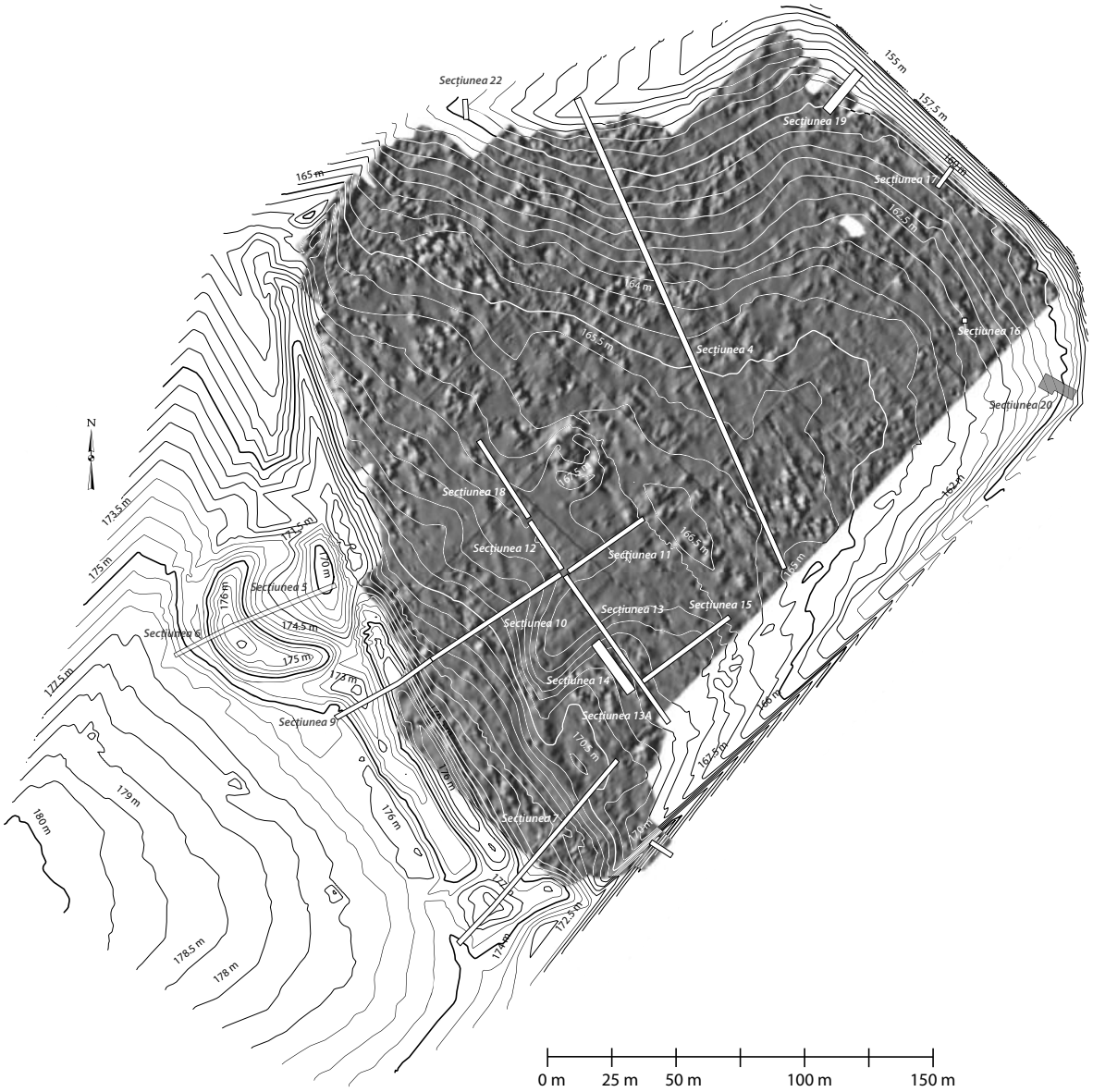


Fig. 2. Saharna Mare. Planul topografic şi harta magnetometrică.

carcasei de lemn de eventuale incendieri, care puteau surveni din partea atacanţilor, ea a fost placată cu o „carapace" din lut şi/sau lespezi de piatră de calcar.

Spre vest, în partea exterioară, paralel „zidului" a fost săpat un şanţ, lăţimea căruia în partea de sus era de circa 15 m, iar în cea inferioară – de 6 m. Adâncimea şanţului de la nivelul antic de călcare nu depăşea 3,2 m. „Zidul" şi şanţul aveau în plan forma arcuită spre exterior (vest). Apărarea cetăţii a fost amplificată prin intermediul a trei bastioane amplasate în faţa liniei defensive, în partea centrală şi la flancuri. La edificarea bastioanelor a fost utilizată aceeaşi tehnică de construcţie ca şi la „zidul" de incintă – carcasă de lemn cu emplecton. Ele, la fel, au fost „întărite" cu şanţuri adiacente (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007, 27-62; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 89-99, pl. 5-7, foto 13-26; Niculiţă et al. 2010, 365-371, fig. 8-11).

Noi elemente de fortificaţie

Ca urmare a analizei ortofotoplanurilor şi a rezultatelor prospecţiunilor geo-magnetice[2], întreprinse în anul 2010, a fost descoperită o nouă

[2] Prospecţiunile au fost întreprinse de colaboratorii platformei „Arheoinvest" de la Universitatea „Al.I. Cuza", Iaşi (Niculiţă et al. 2011a; Niculiţă et al. 2012a; Niculiţă et al. 2012b). Fapt pentru care le exprimăm sincere mulţumiri şi pe această cale.

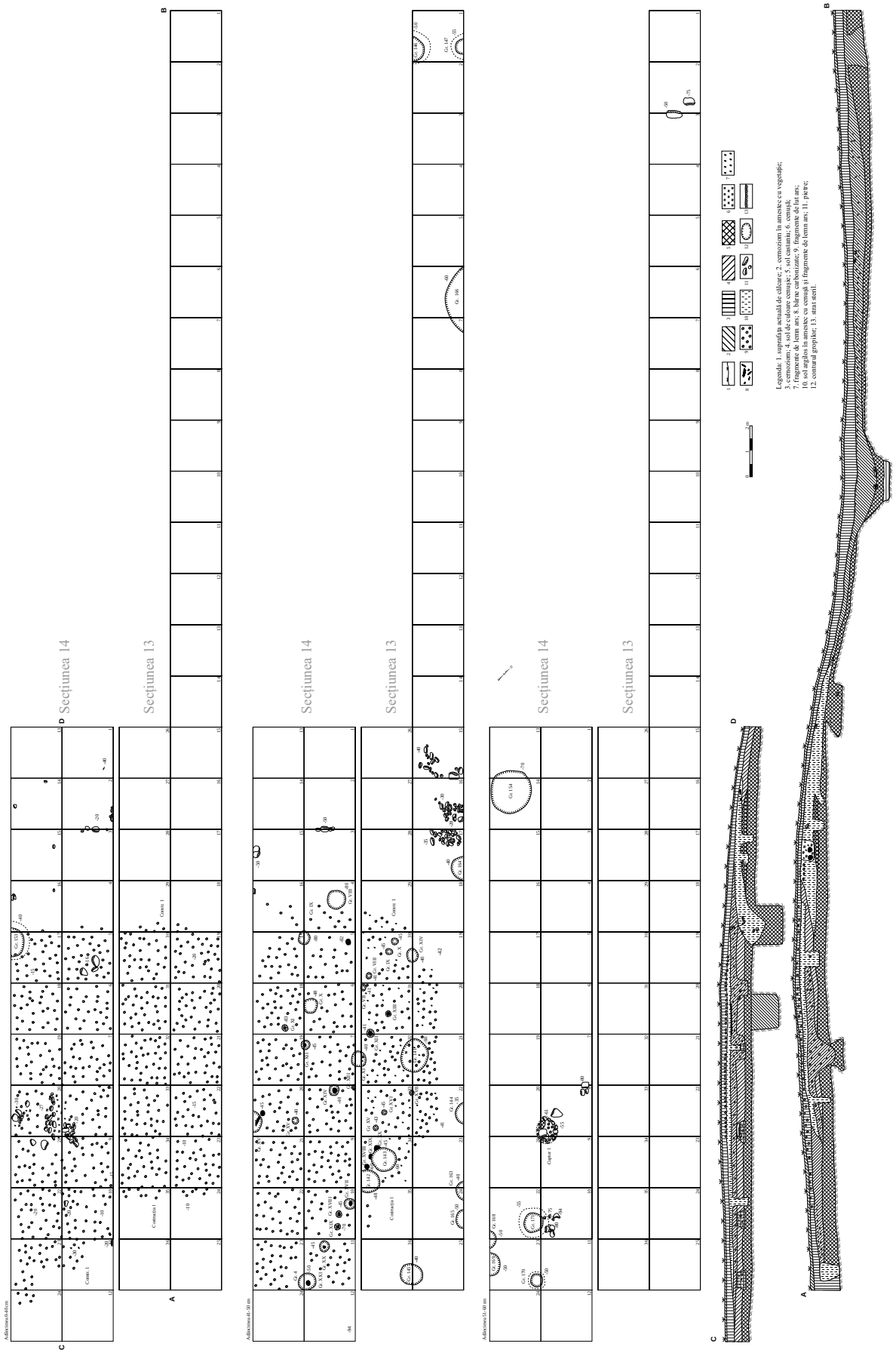

Secţiunea 14
Secţiunea 13
Secţiunea 14
Secţiunea 13
Secţiunea 14
Secţiunea 13
Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie;
3. cernoziom; 4. sol de culoare cenuşie; 5. sol castaniu; 6. cenuşă;
7. fărâmeţuri de lemn; 8. lut ars; 9. lut ars în amestec cu fărâmeţuri de lemn;
10. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars; 11. pietre;
12. conturul gropilor; 13. strat steril.

Fig. 3. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunilor 13/2009 şi 14/2010.

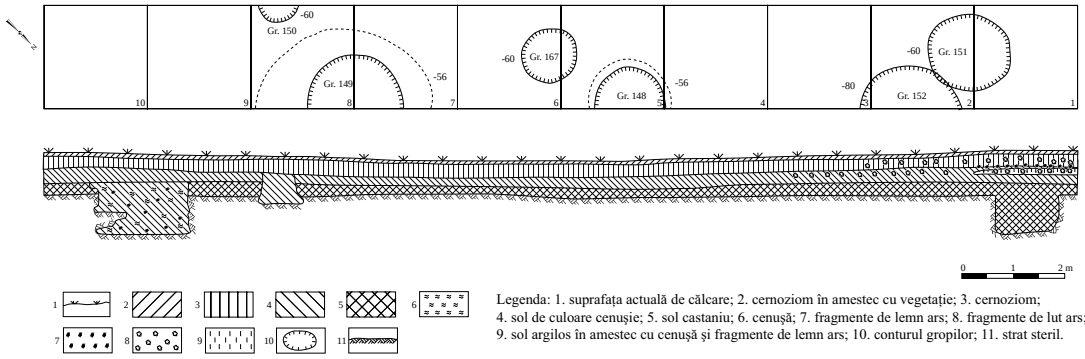

Gr. 150
Gr. 149
Gr. 167
Gr. 148
Gr. 151
Gr. 152
-60
-56
-80
0 1 2 m
Legenda: 1. suprafața actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetație; 3. cernoziom;
4. sol de culoare cenușie; 5. sol castaniu; 6. cenușă; 7. fragmente de lemn ars; 8. fragmente de lut ars;
9. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars; 10. conturul gropilor; 11. strat steril.

Fig. 4. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 13A/2010.

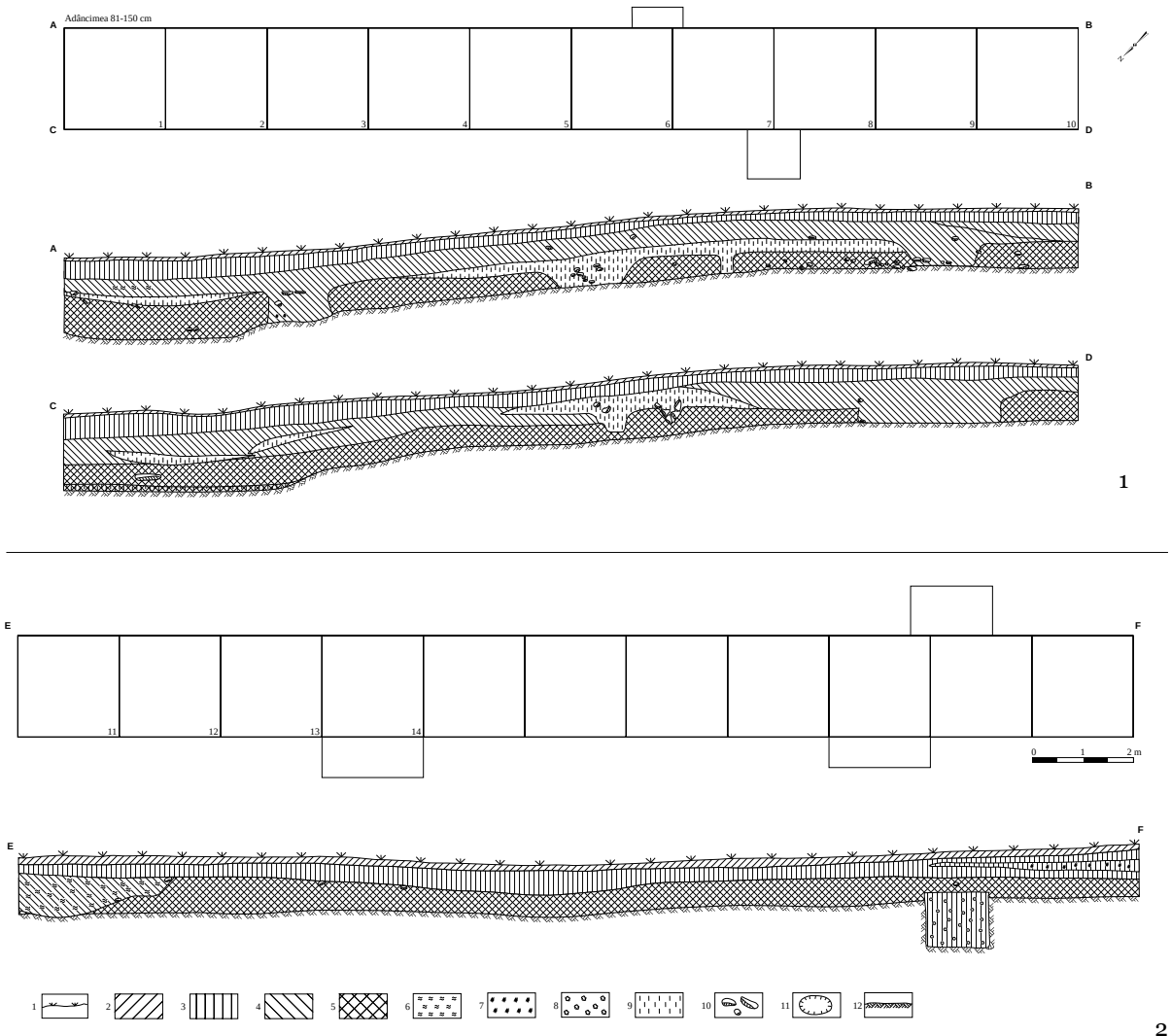

Adâncimea 81-150 cm
A
B
C
D
E
F
0 1 2 m
Legenda: 1. suprafața actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetație; 3. cernoziom; 4. sol de culoare cenușie; 5. sol castaniu; 6. cenușă;
7. fragmente de lemn ars; 8. fragmente de lut ars; 9. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars; 10. pietre; 11. conturul gropilor; 12. strat steril.

Fig. 5. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 15/2010-2011.

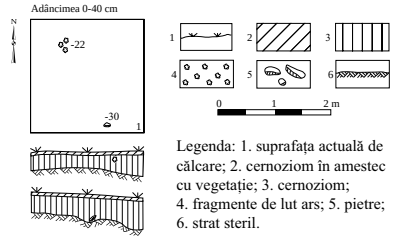

Adâncimea 0-40 cm
-22
-30
0 1 2 m
Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom; 4. fragmente de lut ars; 5. pietre; 6. strat steril.

Fig. 6. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 16/2010.

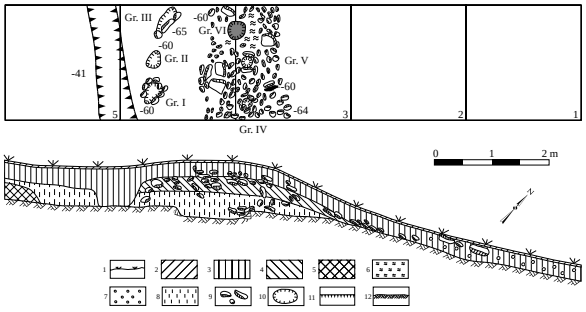

Gr. III
Gr. II
Gr. I
Gr. V
Gr. IV
0 1 2 m
Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom; 4. sol de culoare cenuşie; 5. sol castaniu; 6. cenuşă; 7. pietriş; 8. sol argilos; 9. pietre; 10. conturul gropilor; 11. limita şanţului; 12. strat steril.

Fig. 7. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 17/2011.

linie defensivă, care a fost urmărită pe o distanţă de 650 m, pe laturile de nord, est şi sud a interfluviului de la Saharna Mare. Capetele ei se uneau cu „zidul" de pe latura de vest, formând un sistem defensiv integral, ce înconjura cetatea de jur-împrejur, închizând astfel o suprafaţă de cca 6 ha (fig. 24). Linia defensivă, descoperită recent, se prezintă sub forma unui „val", abia vizibil la suprafaţa actuală a solului, care avea lăţimea de cca 3 m la bază şi înălţimea de cca 0,3-0,4 m. Pe traseul de est acest „val" se ondulează, formând opt bastioane, grupate câte patru la flancurile de nord şi de sud (fig. 13).

Bastionul nr. 1[3] este amplasat la flancul de nord, în locul unde „valul" coteşte spre sud. Acesta are formă semi-rotundă cu diametrul de 7 m.

Bastionul nr. 2 este situat la o distanţă de 5 m sud de bastionul nr. 1. El are, la fel, forma semi-rotundă cu diametrul de 11 m.

Bastionul nr. 3 este amplasat la sud de cel precedent la o depărtare de 6 m, având forma semi-rotundă cu diametrul de 11 m.

[3] Spre deosebire de bastioanele de pe latura de vest, care sunt cunoscute ca bastioanele de sud, central şi de nord, acestea au fost numerotate cu cifre arabe de la 1 la 8, enumerarea fiind efectuată de la nord spre sud.

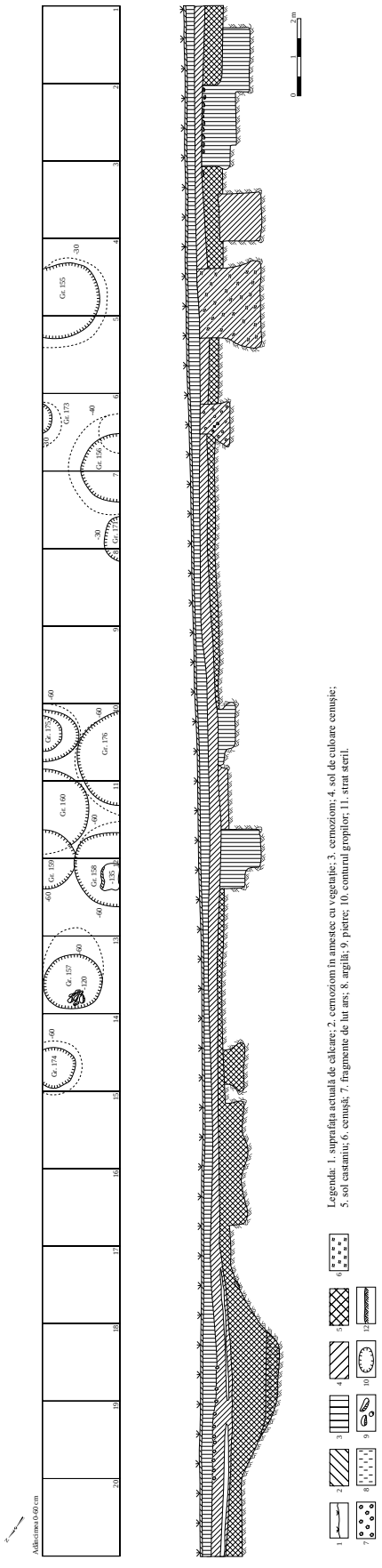
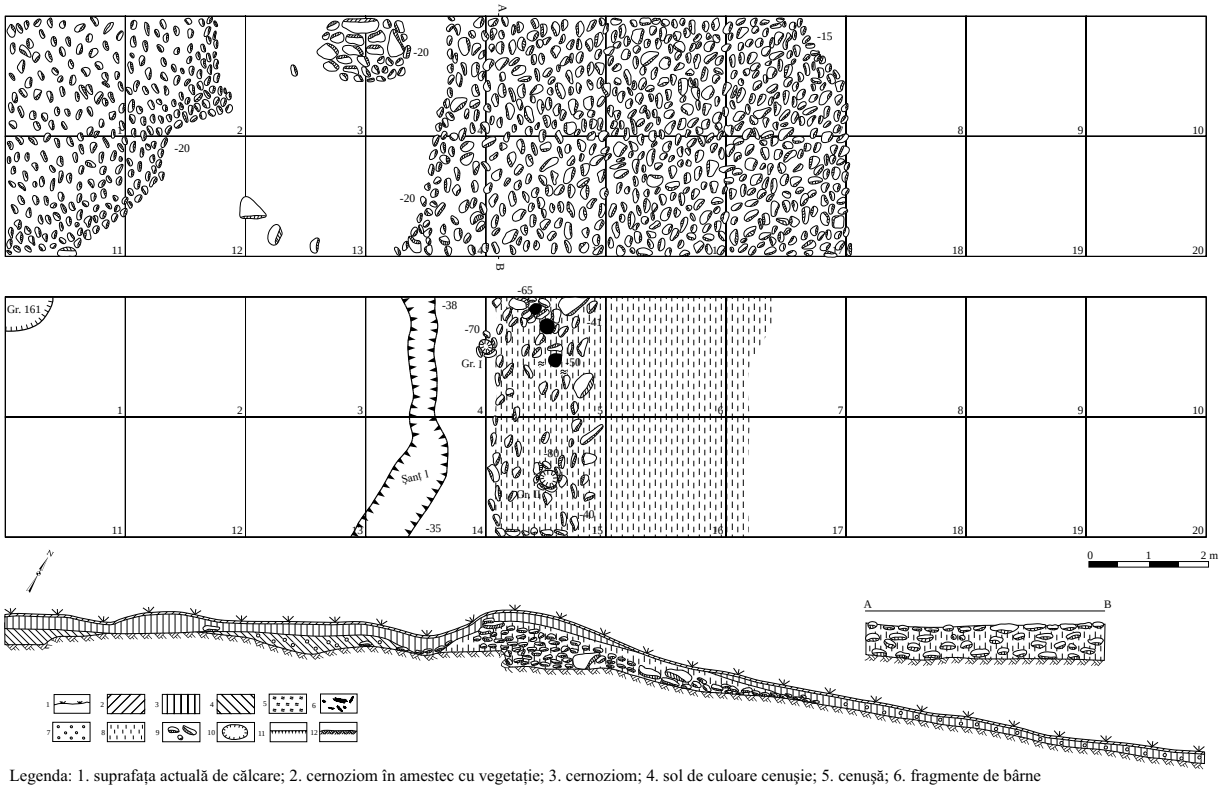

Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom; 4. sol de culoare cenuşie; 5. sol castaniu; 6. cenuşă; 7. fragmente de lut ars; 8. argilă; 9. pietre; 10. conturul gropilor; 11. strat steril.

Fig. 8. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 18/2012.



Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom; 4. sol de culoare cenuşie; 5. cenuşă; 6. fragmente de bârne carbonizate ; 7. pietriş; 8. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars; 9. pietre; 10. conturul gropilor; 11. limita şanţului; 12. strat steril.

Fig. 9. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 19/2012.

Bastionul nr. 4 se află la distanţa de 6 m sud faţă de cel precedent şi are forma semi-rotundă cu diametrul de 11 m.

Bastionul nr. 5 a fost edificat la sud de bastionul nr. 4 la o depărtare de 34 m, fiind de asemenea semi-rotund cu diametrul de 12 m.

Bastionul nr. 6 este amplasat la sud de cel precedent, la o distanţă de 6 m şi are formă semi-rotundă cu diametrul de 11 m.

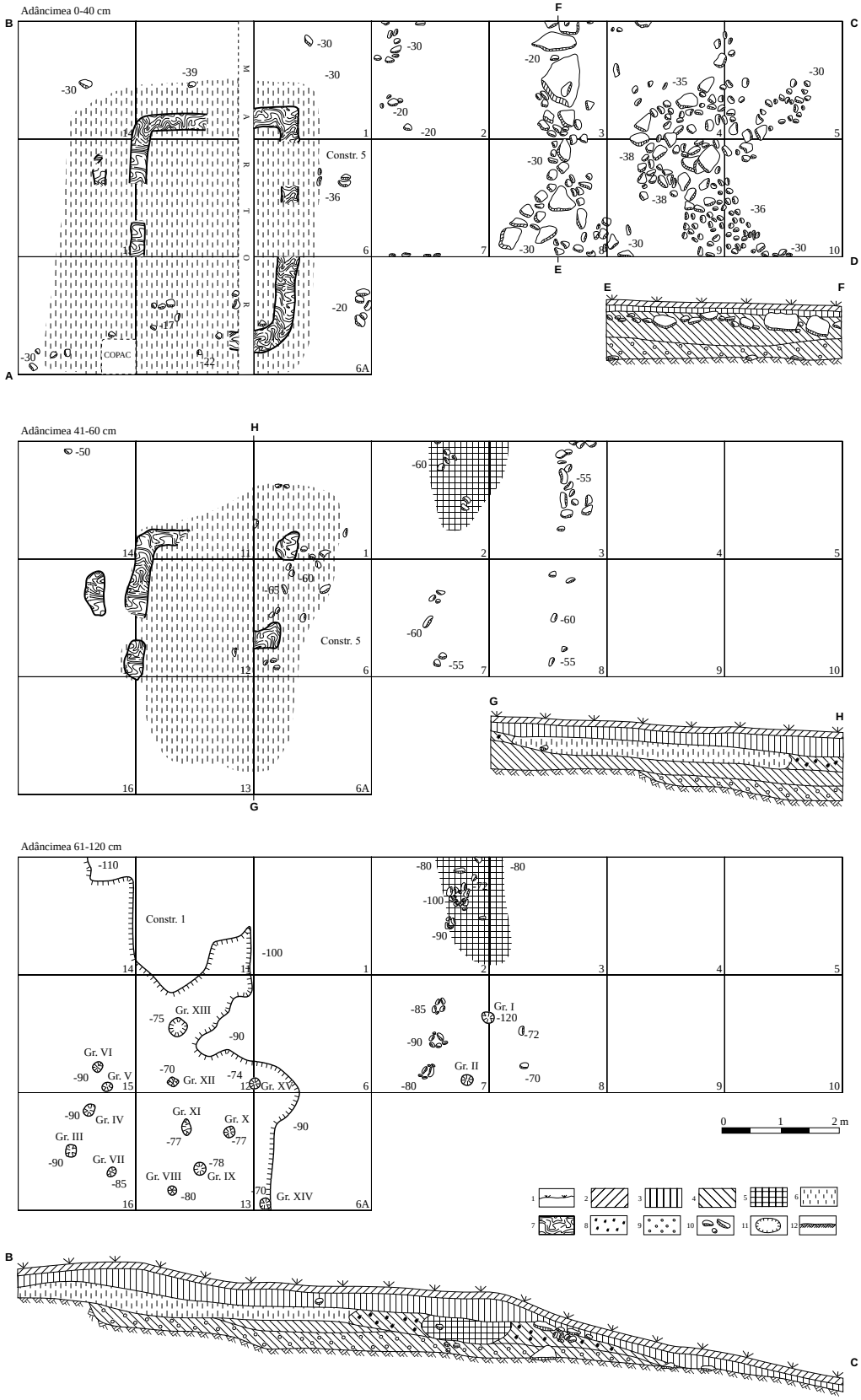
Bastionul nr. 7 este situat la o depărtare de 6 m sud faţă de bastionul nr. 6. Acesta, după formă şi dimensiuni, este similar celui precedent.

Bastionul nr. 8 a fost edificat la o distanţă de 6 m faţă de cel precedent, la flancul de sud al cetăţii, în locul unde „valul" coteşte spre vest. El este de formă semi-rotundă, fiind, ca şi cel de pe flancul de nord, de proporţii mai reduse decât cele din front – 9 m în diametru.

Astfel, după cum reiese din amplasarea bastioanelor, acestea au avut menirea să apere atât flancurile, cât şi partea frontală a fortificaţiei.

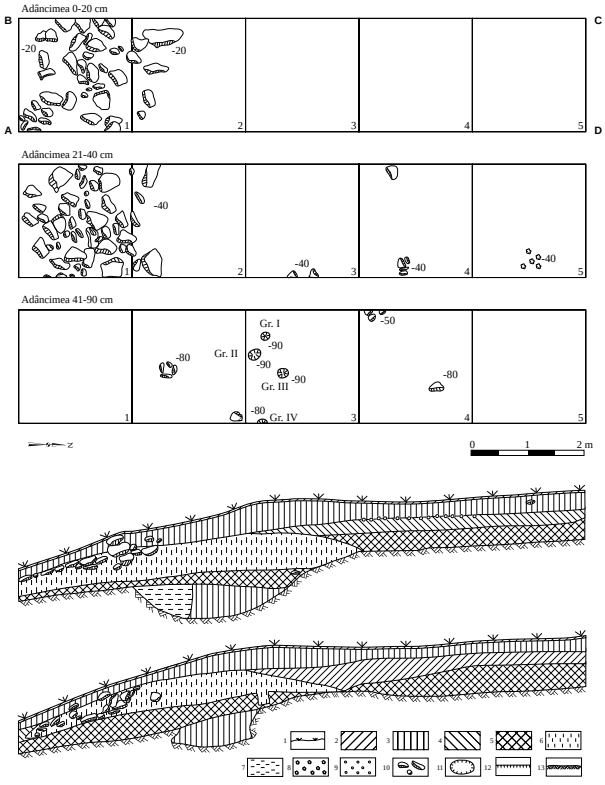
Pentru a clarifica structura elementelor defensive, descoperite recent, şi a stabili perioada edificării lor au fost trasate cinci secţiuni. Prin intermediul lor a fost cercetat bastionul nr. 2 (*Secţiunea 19/2012*), precum şi „valul" de pe laturile de est (*Secţiunea 17/2011*), de sud (*Secţiunea 20/2012*, *Secţiunea 21/2012*) şi de nord (*Secţiunea 22/2012*).

Investigaţiile arheologice la bastionul nr. 2 au fost realizate prin intermediul unei secţiuni (*19/2012*) cu lăţimea de 4 m, care întretăia perpendicular linia defensivă (fig. 9). Ruinele construcţiei au fost depistate la adâncimea de 0,3 m de la nivelul actual de călcare şi prezintă două straturi. Primul are grosimea de cca 0,2 m şi este compus din sol cenuşiu, cenuşă şi o cantitate considerabilă de pietre, cu dimensiunile cuprinse între 0,05×0,08×0,10 m şi 0,20×0,30×0,60 m, ocupând compact suprafaţa secţiunii pe o lungime de cca 7 m. Cel de-al doilea, cu grosimea de cca 0,3-0,5 m, este constituit din sol ars până la roşu, cenuşă, fragmente de bârne carbonizate şi pietre de dimensiuni medii (0,20×0,30×0,50 m) şi se răspândesc compact pe suprafaţa secţiunii, pe o lungime de cca 4 m (fig. 14/1, 4). La baza acestui strat au fost descoperite trei bucăţi de bârne carbonizate, în poziţie verticală, şi două gropi de la pari, care formau două şiruri, amplasate la dis-



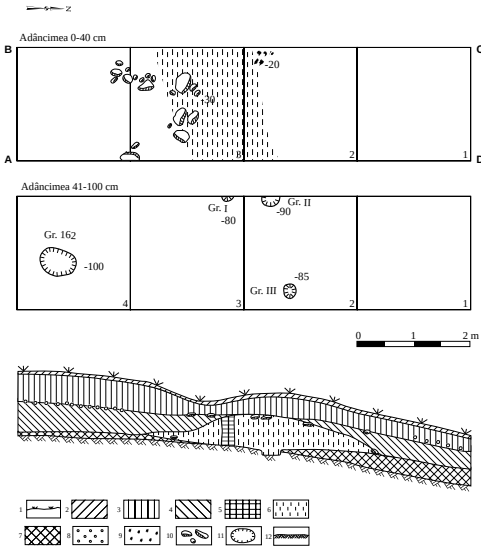
Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom; 4. sol de culoare cenuşie; 5. sol ars: 6. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lut ars; 7. dărâmătura/lipitra construcţiei; 8. fragmente de lemn ars; 9. pietriş; 10. pietre; 11. conturul gropilor; 12. strat steril.

Fig. 10. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 20/2012.



Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom; 4. sol de culoare cenuşie; 5. cenuşă; 6. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars; 7. argilă; 8. fragmente de lut ars; 9. pietriş; 10. pietre;

Fig. 11. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 21/2012.



Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. cernoziom în amestec cu vegetaţie; 3. cernoziom; 4. sol de culoare cenuşie; 5. sol ars; 6. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars; 7. sol castaniu; 8. pietriş; 9. fragmente de lemn carbonizat; 10. pietre; 11. conturul gropilor; 12. strat steril.

Fig. 12. Saharna Mare. Planul şi profilul secţiunii 22/2012.

tanţa de cca 1 m (fig. 9; 14/2). Bârnele s-au păstrat pe un diametru de 0,2-0,3 m şi se aflau la distanţa de 0,2-0,4 m una faţă de alta. Gropile aveau forma cilindrică cu diametrul de cca 0,20-0,25 m şi adâncimea de 0,15 m. Pe conturul gropilor au fost descoperite lespezi de piatră, care aveau menirea să consolideze parii îngropaţi în ele (fig. 14/3).

Ca urmare a investigaţiilor arheologice în dărâmătura „zidului" bastionului au fost descoperite două fusaiole (cat. nr. IV.15, 16; fig. 15/7, 8), o unealtă din os pentru modelarea ceramicii (cat. nr. II.6; fig. 15/5), 108 fragmente de ceramică traco-getică (fig. 16/1-9), un fragment de vas lucrat la roata olarului (fig. 16/10) şi trei fragmente de amfore greceşti.

Situaţia arheologică, urmărită în secţiunea ce a întretăiat bastionul, demonstrează că acesta reprezenta un „zid", cu lăţimea de cca 1,4 m[4], de formă semicirculară în plan, cu diametrul de cca 11 m, care a fost edificat dintr-o carcasă din lemn, ce consta din două paramente, umplută cu pământ şi o cantitate considerabilă de piatră[5] (fig. 23).

La distanţa de 0,8 m, în spatele „zidului" bastionului a fost atestat un şanţ, care repeta conturul construcţiei defensive şi avea lăţimea de 0,5-0,8 m, iar adâncimea de 0,25 m (fig.9).

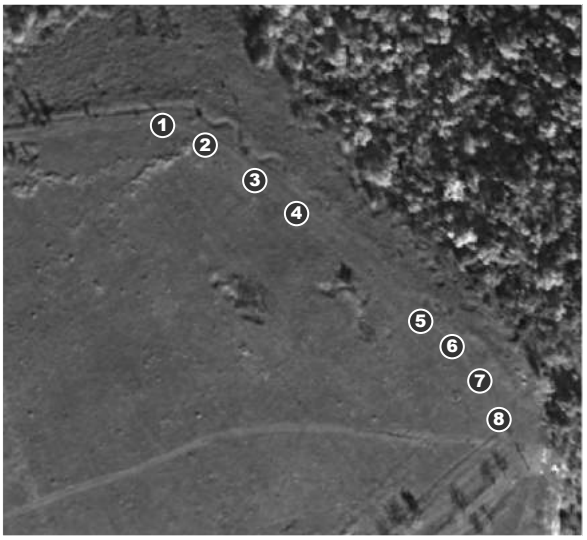
În incinta bastionului a fost descoperită o aglomeraţie de pietre şi lut ars (fig. 9) care, probabil, reprezintă ruinele unei construcţii din spatele „zidului", menită să protejeze apărătorii sau avea funcţie de adăpost/depozit pentru muniţii şi produse.

Ca urmare a degajării acestei dărâmături au fost descoperite cinci fusaiole (cat. nr. IV.17-21; fig. 15/9-13), un vârf de săgeată din bronz (cat. nr. I.10; fig. 15/2), un fragment de fibulă (cat. nr. I.21; fig. 15/4), o spatulă (cat. nr. II.7; fig. 15/14), un creuzet? (cat. nr. IV.44; fig. 15/6), un cui din fier (cat. nr. I.3; fig. 15/3), un piron din bronz (cat. nr. I.5; fig. 15/1), un fragment de corn de căprior cu urme de prelucrare (cat. nr. II.8; fig. 15/15) şi un divers material ceramic traco-getic (fig. 17).

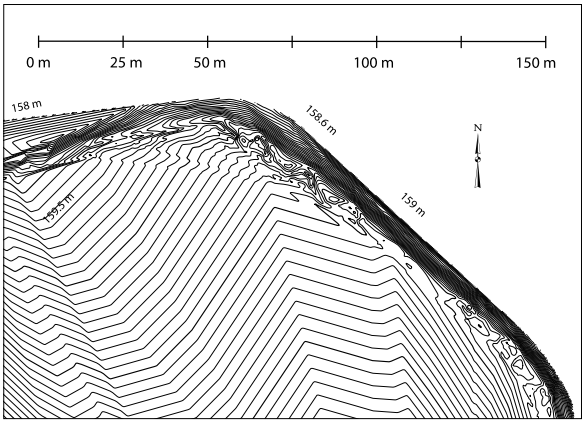
Vestigiile „zidului" de pe latura de est au fost cercetate prin intermediul *Secţiunii 17/2011* (fig. 7) pe o porţiune cu lăţimea de 2 m. Ele au apărut la adâncimea de 0,3 m de la nivelul actual de călca-

[4] La distanţa dintre paramente de 1 m se mai adăugă şi grosimea medie a bârnelor de 0,15-0,20 m.
[5] De pe porţiunea investigată (4 m lăţime) a fost acumulat un volum de 7,2 m³ de piatră.

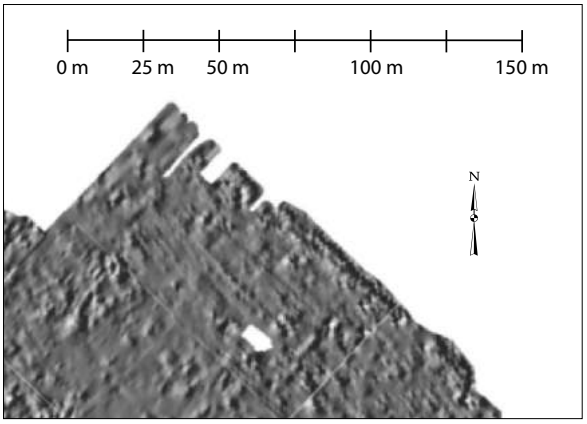
1



2



3



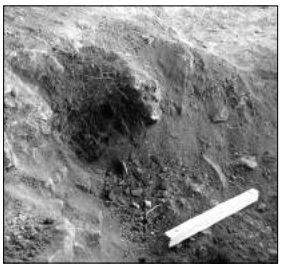
4

5

6

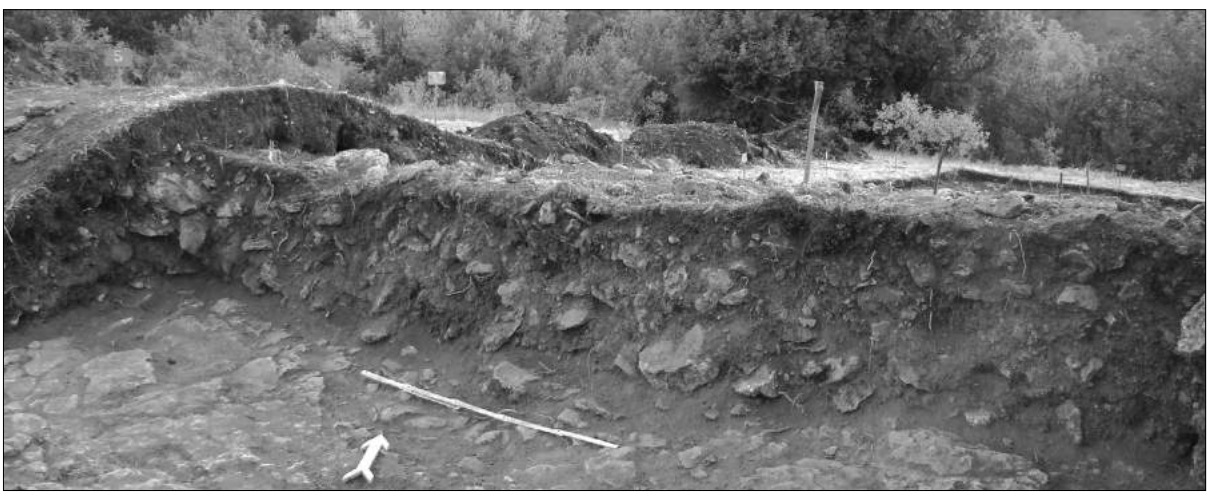
Fig. 13. Saharna Mare. Linia defensivă de pe latura de nord-est a interfluviului: 1 - ortofotoplan; 2 - localizarea bastioanelor; 3 - harta topografică; 4 - harta magnetometrică; 5 - vedere dinspre sud a bastioanelor nr. 2 şi nr. 3; 6 - vedere dinspre vest a bastionului nr. 2.

1



2

3



4

5

Fig. 14. Saharna Mare. Bastionul nr. 2: 1 - urme de arsură din dărâmătura bastionului; 2 - bârnă carbonizată; 3 - groapă de la par din structura bastionului; 4 - secţiune prin structura „zidului”; 5 - profilul secţiunii nr. 19.

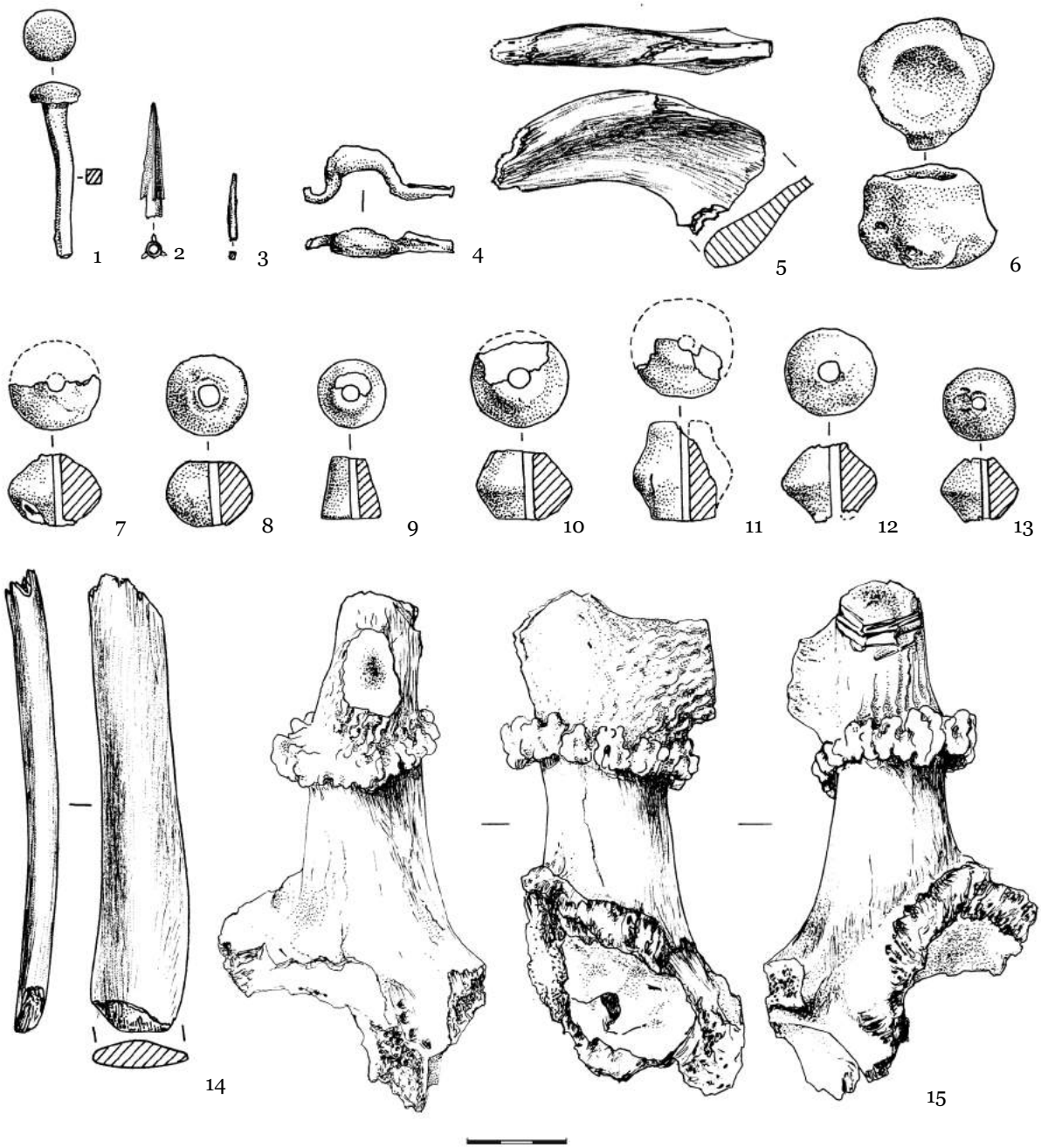


Fig. 15. Saharna Mare. Piese descoperite în dărâmătura „zidului" şi în incinta bastionului nr. 2 (1, 3 - bronz; 2, 4 - fier; 7-13 - lut; 4, 14 - os; 15 - corn).

re şi se prezintă sub forma unei dărâmături (fig. 18/1, 2) cu grosimea de 0,3-0,4 m, constituită din sol cenuşos în amestec cu pietriş, piatră, cenuşă şi fragmente de lemn carbonizat (fig. 7). Pietrele, cu dimensiuni cuprinse între 0,05×0,08×0,10 m şi 0,20×0,30×0,80 m au apărut la adâncimea de 0,34-0,4 m şi formau o aglomeraţie compactă[6]. După degajarea stratului de dărâmătură, la adâncimea de circa 0,6-0,65 m de la nivelul actual de călcare, s-au conturat şase gropi de la pari (fig. 18/3). Gropile erau aranjate în două şiruri a câte trei gropi, orientate nord-sud cu o deviere spre vest de 16°. Distanţa dintre şiruri era de 1,1-1,3 m, iar între gropi – de 0,3-0,6 m. Gropile aveau forma cilindrică cu diametrul cuprins între 0,2 şi 0,5 m, iar adâncimea – de 0,2-0,4 m. Pe conturul unor gropi s-au păstrat *in situ* lespezi de piatră, utilizate pentru întărirea parilor (fig. 18/4).

Ca urmare a investigaţiilor arheologice în dărâmătura „zidului" au fost descoperite: o cute din

[6] Ca urmare a excavării acestei aglomeraţii a fost recuperat cu un volum de 1,3 m³ de piatră.

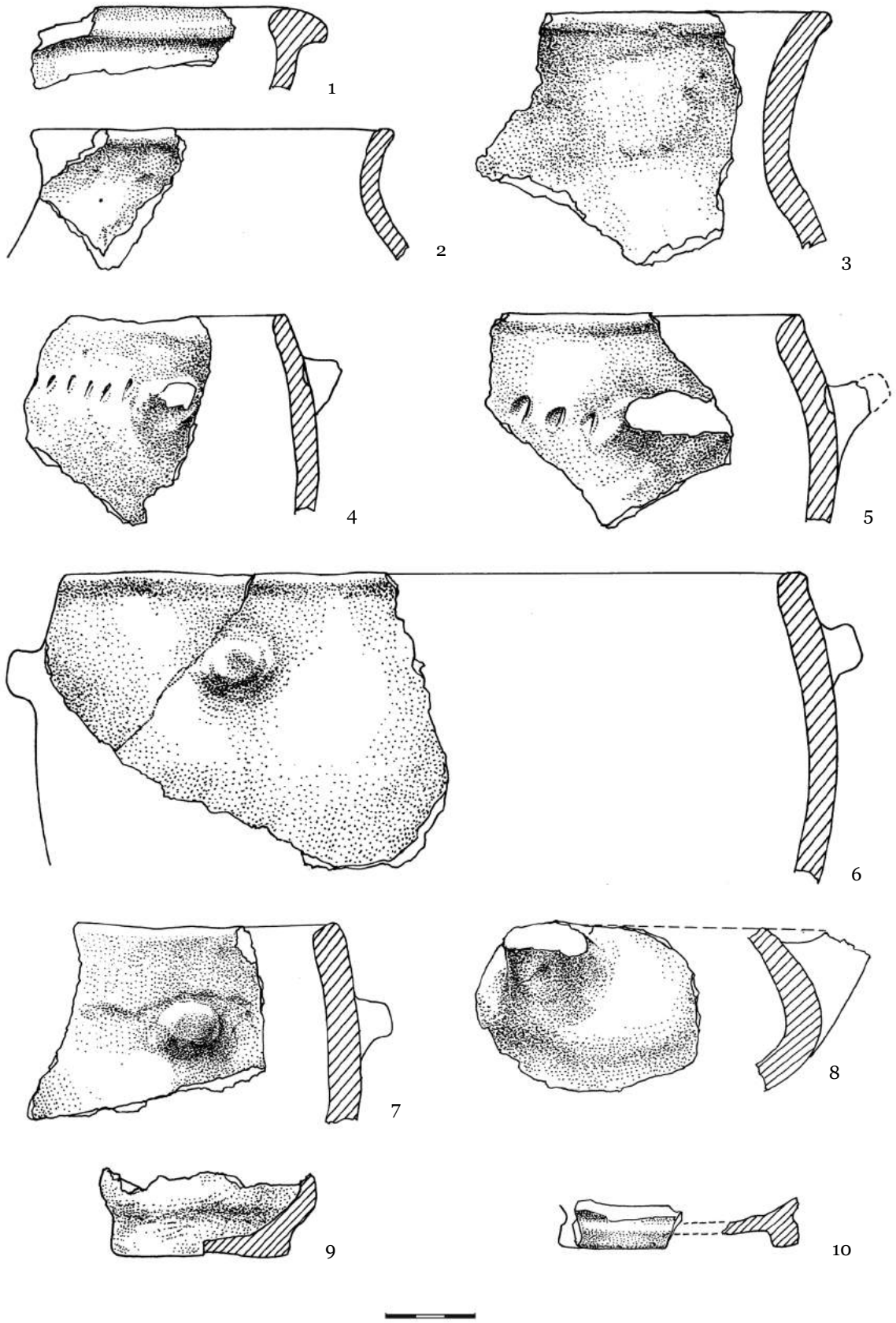


Fig. 16. Saharna Mare. Ceramică descoperită în dărâmătura „zidului” bastionului nr. 2.

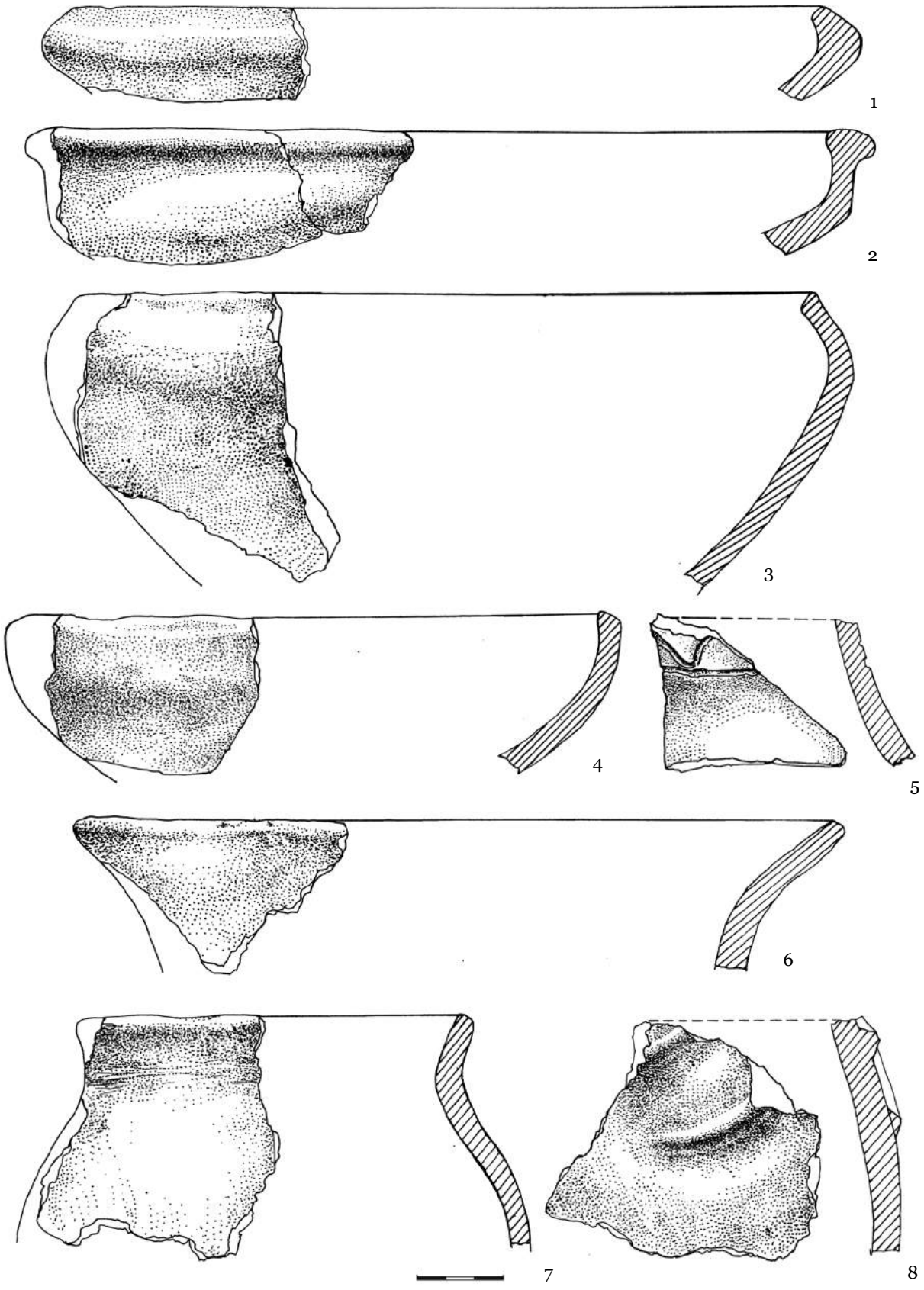
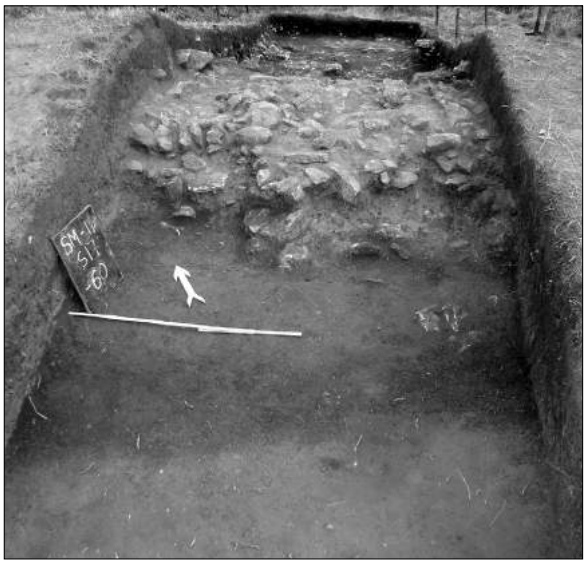


Fig. 17. Saharna Mare. Ceramică descoperită în incinta bastionului nr. 2.

1



2

3

4

5

Fig. 18. Saharna Mare. Vestigiile „zidului” de pe latura de est a cetăţii: 1 - pietre din emplecton; 2 - emplectonul din piatră şi conturul şanţului din spatele zidului; 3, 4 - gropi de par din structura „zidului”; 5 - profilul secţiunii nr. 17.

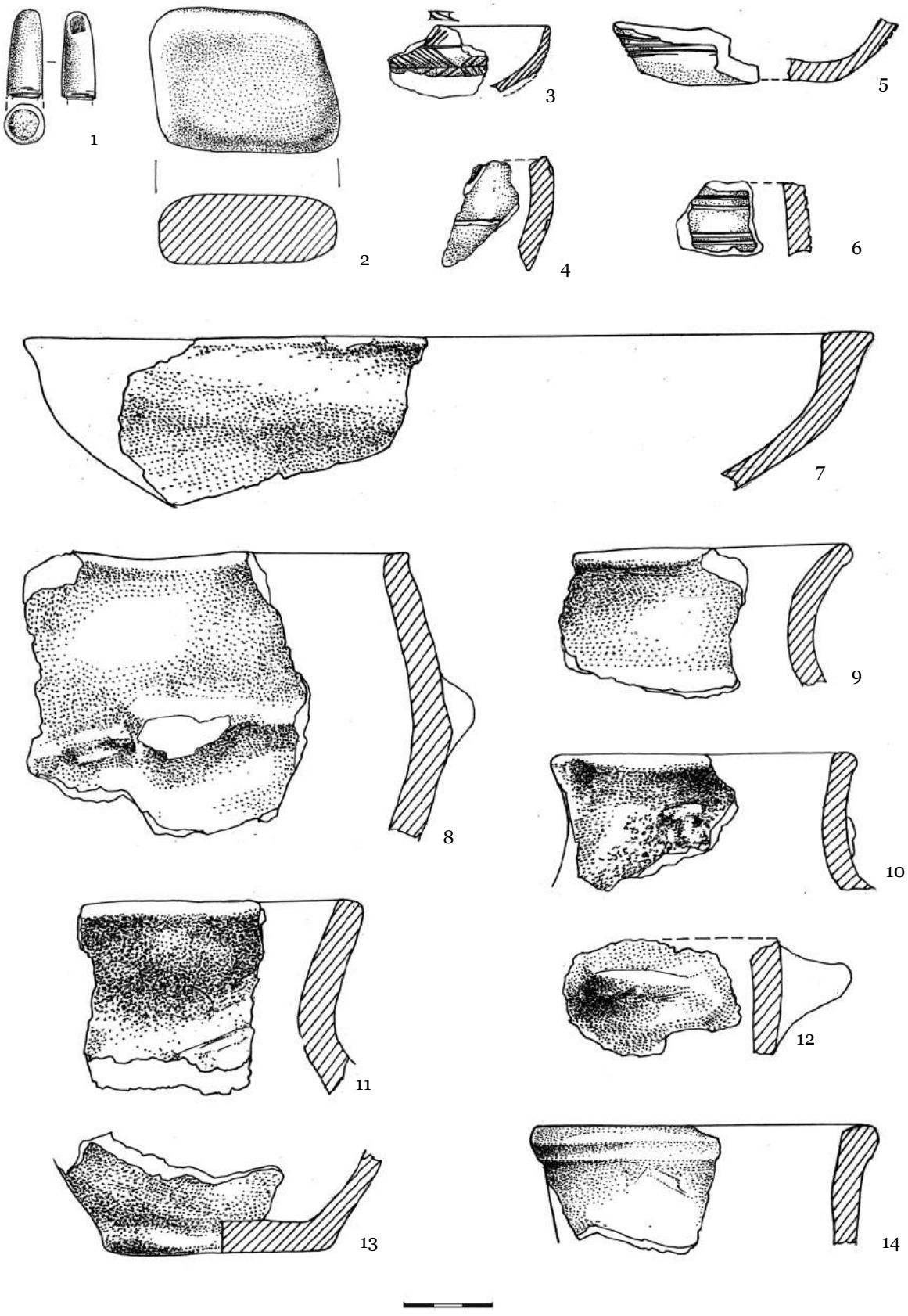


Fig. 19. Saharna Mare. Material din emplectonul „zidului" defensiv (secțiunea 17).

piatră de râu (cat. nr. III.7; fig. 19/2), o piesă din os (cat. nr. II.5; fig. 19/1) şi 132 fragmente de ceramică. Ceramica recuperată este reprezentată de 130 fragmente de la recipiente modelate cu mâna şi două fragmente de amfore greceşti. Categoria ceramicii lucrate cu mâna conţinea atât fragmente de la vase hallstattiene timpurii, deşi în cantităţi reduse (fig. 19/3-6), cât şi de la recipiente traco-getice (fig. 19/7-13). Dintre fragmentele de vase greceşti interes prezintă o buză de amforă de Thasos (fig. 19/14), care se încadrează în sec. IV a. Chr.

La o distanţă de 1 m faţă de „zid", înspre interiorul cetăţii a fost săpat un şanţ cu lăţimea de 0,5-0,6 m şi adâncimea de 0,20-0,25 m (fig. 7).

După cum a fost deja menţionat, un şanţ similar a fost descoperit şi în spatele „zidului" bastionului nr. 2. Acesta, de asemenea, poate fi urmărit la suprafaţa terenului pe întreaga latură de est, şi repeta configuraţia bastioanelor.

Plecând de la poziţia lui faţă de „zid", precum şi de la dimensiunile modeste ale şanţului se poate presupune că el a avut funcţia de drenare a apelor care se scurgeau de pe suprafaţa cetăţii şi care puteau, eventual, afecta „zidul".

„Zidul" de pe latura de sud a fost cercetat prin intermediul *Secţiunilor 20/2012* şi *21/2012*.

Secţiunea 20/2012 (fig. 10), cu lăţimea de 4 m, a fost trasată la marginea de sud-est a interfluviului şi întretăia perpendicular sistemul defensiv. Ca urmare a investigaţiilor arheologice s-a stabilit că vestigiile „zidului" reprezintă o dărâmătură compusă din pietre, a căror dimensiuni variau de la 5×5×5 cm până la 40×40×70 cm, cenuşă şi sol ars până la roşu (fig. 20). În cadrul ei, la adâncimea de 0,2 m până la 0,6 m, se evidenţiază o aglomeraţie de pietre de dimensiuni mari (30×40×65 cm; 40×40×70 cm), amplasată transversal secţiunii pe o lăţime ce varia între 0,9 şi 2 m. La nord de aglomeraţie, la adâncimea de 0,6 m a fost identificat un strat de cenuşă şi sol ars până la roşu, cu grosimea de circa 0,36 m, rezultat, probabil, de la arderea construcţiei de lemn. La limita dinspre nord a solului ars se evidenţiau cinci grupuri a câte 3-6 pietre de dimensiuni mici (fig. 21), care formau conturul unor pari cu diametrul de până la 0,15 m. Grupurile de pietre se aflau la o distanţă de circa 0,38 m unul faţă de altul şi erau amplasate pe o linie pe axa est – vest. Paralel cu această linie, la distanţa de cca 0,7-0,8 m spre sud au fost descoperite două gropi cu diametrul de cca 0,2 m şi adâncimea de 0,2 m, amplasate şi acestea pe o linie, orientată est – vest. Distanţa dintre gropi era de cca 0,9 m.

Secţiunea 21/2012 (fig. 11), cu lăţimea de 2 m, a fost trasată la extrema vestică a „valului" de pe latura de sud. Aici, ca şi în secţiunile anterioare, vestigiile „zidului" au apărut la adâncimea de 0,2-0,3 m şi reprezentau o dărâmătură cu grosimea de 0,7-0,6 m, compusă din sol argilo-nisipos în amestec cu pietre, cenuşă şi fragmente de lemn carbonizat. După degajarea stratului de dărâmătură la adâncimea de 0,9 cm de la suprafaţa actuală de călcare au fost conturate patru gropi de la pari săpate în stratul de sol castaniu (fig. 11). Gropile cu diametrul de 0,2-0,3 m şi adâncimea de 0,3-0,4 m erau aranjate într-o linie orientată est – vest la o distanţă de 0,3-0,5 m una faţă de alta. La distanţa de 1,2 m spre sud de şirul de gropi a fost descoperită o amenajare din patru pietre care, probabil, reprezintă locaşul unui par ce făcea parte din cel de-al doilea parament al „zidului" (fig. 11).

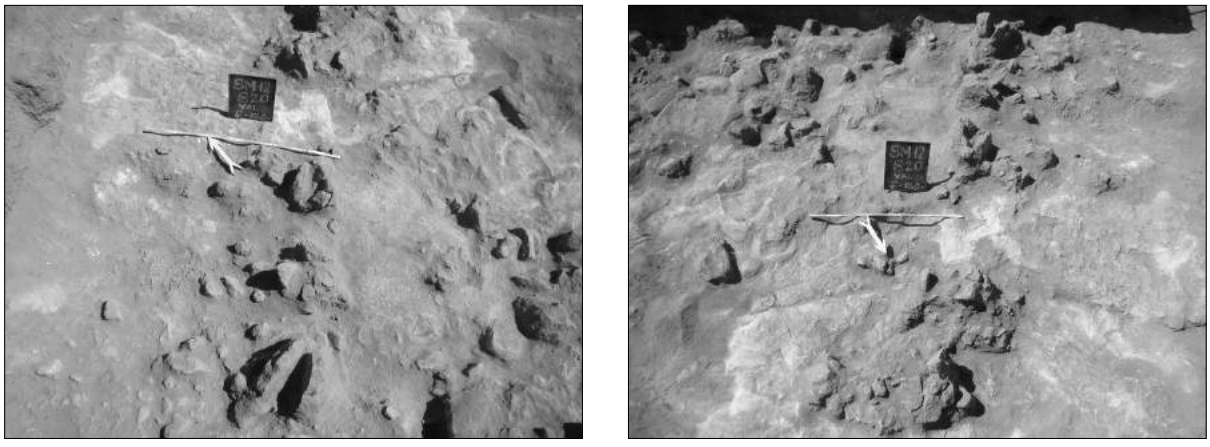
Din dărâmătura „zidului", atât la extrema estică, cât şi la acea vestică, au fost recuperate peste 135 fragmente de ceramică de origine traco-getică (fig. 22/2-9) şi şase fragmente de amfore greceşti (fig. 22/10).

Vestigiile „zidului" de pe latura de nord au fost cercetate prin intermediul *secţiunii 22/*2012, pe o porţiune cu lăţimea de 2 m (fig. 12). Ele au fost atestate la adâncimea de 0,2-0,3 m şi se prezintă sub forma unei dărâmături cu grosimea de 0,5-0,7 m, compusă din sol cenuşos în amestec cu pietriş, cenuşă, fragmente de lemn carbonizat şi pietre cu dimensiuni cuprinse între 0,02×0,04×0,10 m şi 0,20×0,30×0,60 m (fig. 12).

După degajarea stratului de dărâmătură, la adâncimea de circa 0,8-0,9 m de la nivelul actual de călcare, au fost conturate trei gropi de la pari (fig. 12) cu diametrul de 0,2-0,3 m şi adâncimea de cca 0,2 m. Gropile au fost aranjate în două şiruri, amplasate la distanţa de 0,6-0,7 m unul faţă de altul. În acestea au fost, probabil, fixate bârnele ce constituiau paramentele „zidului".

Printre ruinele „zidului" au fost descoperite o fusaiolă (cat. nr. IV.31; fig. 22/13), o cute (cat. nr. III.10; fig. 22/12), un vârf de săgeată din os (cat. nr. II.10; fig. 22/14) şi 42 fragmente de ceramică, dintre care 40 modelate cu mâna şi două – la roata olarului (fig. 22/11).

Fig. 20. Saharna Mare. Ruinele „zidului”din partea de sud a cetăţii (secţiunea 20).



1 2

Fig. 21. Saharna Mare. Amenajări din pietre de la baza „zidului” (secţiunea 20).

Ţinând cont de situaţia stratigrafică, rămăşiţele de la construcţii, precum şi din prezenţa gropilor de la pari, atestate în toate secţiunile prin ale căror intermediu a fost cercetat sistemul defensiv de pe laturile de nord, est şi sud, poate fi reconstituită modalitatea de edificare a „zidului”. Astfel, de la nivelul antic de călcare, reprezentat de stratul de sol argilo-nisipos, la o distanţă ce varia de la 0,7 la 1,3 m, au fost săpate două şiruri de gropi de formă cilindrică cu diametrul de circa 0,2-0,5 m şi adâncimea de până la 0,4 m. În gropi au fost fixate bârne în poziţie verticală, care formau două paramente aproximativ paralele. Între ele a fost depus pământ şi o cantitate impunătoare de pietre de diferite dimensiuni. Astfel, fiind edificat un veritabil „zid” cu lăţimea de cca 1,1-1,6 m[7] (fig. 23), care apăra situl din partea de nord, est şi sud (fig. 24).

[7] La distanţa dintre paramente de 0,7-1,3 m se mai adăugă şi grosimea medie a bârnelor de 0,15-0,20 m.

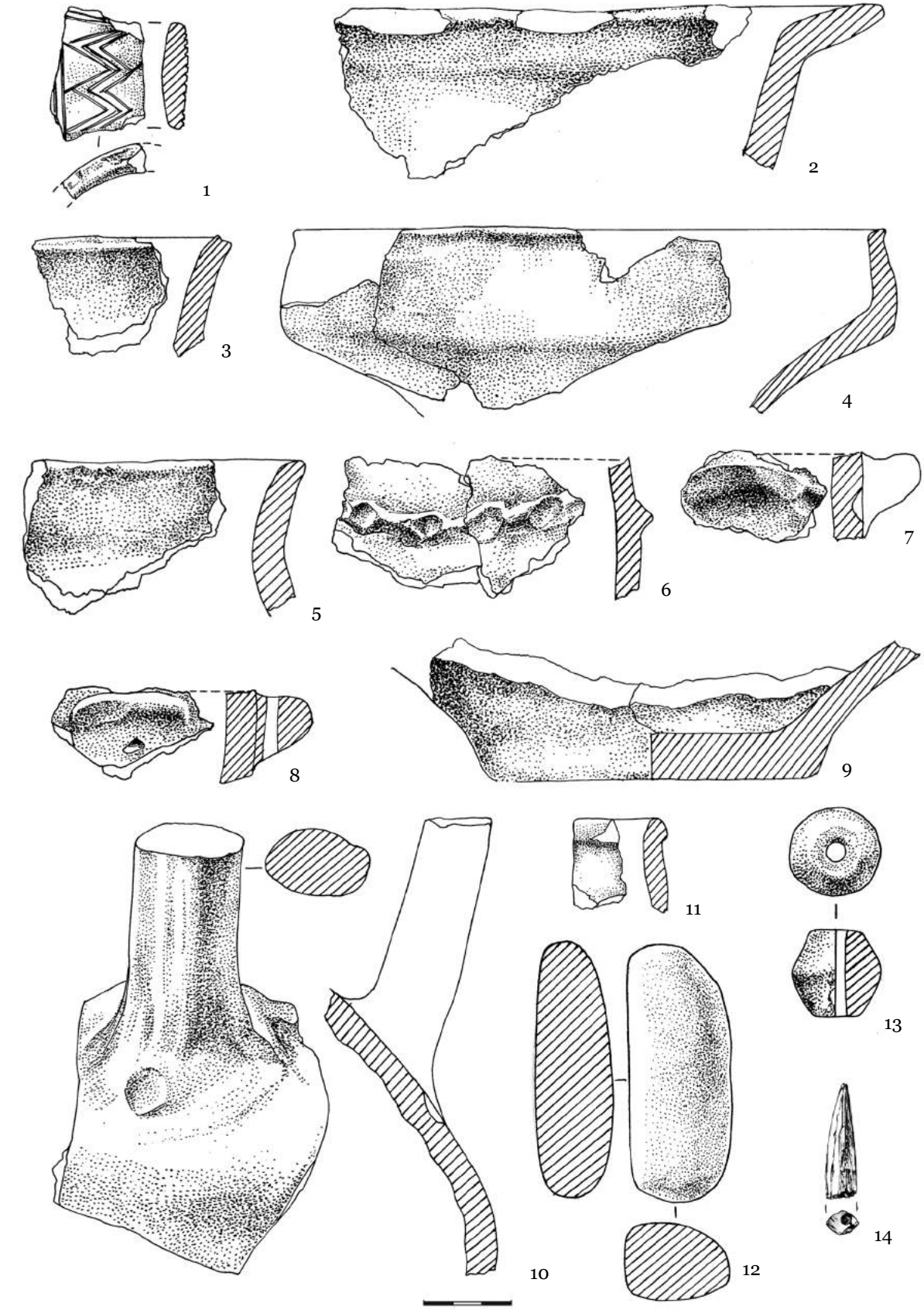


Fig. 22. Saharna Mare. Material din emplectonul „zidului” defensiv (secţiunile 21 şi 22.).

Descoperirea fragmentelor de ceramică traco-getică şi de amfore greceşti atât la baza „zidului" (Rhodos), cât şi în emplectonul lui (Thasos), plasează funcţionarea acestei linii defensive, în acelaşi timp cu „zidul", şanţul şi bastioanele de pe latura de vest a interfluviului – secolele IV-III a. Chr.

„Ziduri" similare, ca tehnică şi ca dimensiuni, au fost utilizate în această perioadă şi la alte fortificaţii traco-getice, cum ar fi: Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 31, 32, fig. 14, 19-22, foto 3), Măşcăuţi „Dealul cel Mare" (Zanoci 2004, 46, fig. 4-8) etc.

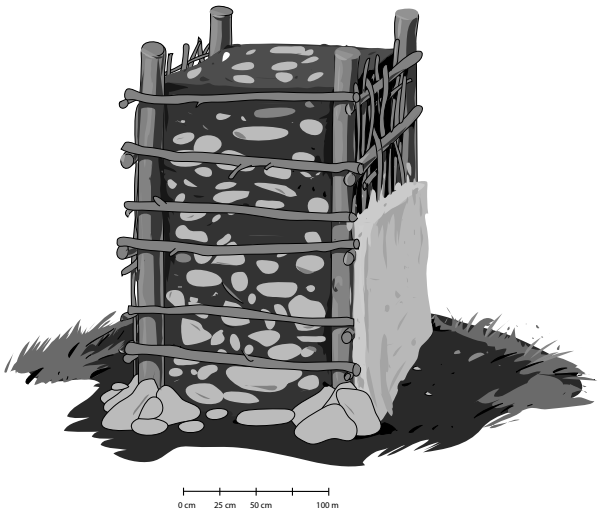


Fig. 23. Saharna Mare. Variantă de reconstituire a „zidului" traco-getic.

Fig. 24. Saharna Mare. Conturul liniei defensive din sec. V/IV-III a. Chr.

Complexe

Ca urmare a investigaţiilor arheologice, efectuate în anii 2009-2012 pe interfluviul Saharna Mare, orizontului de locuire traco-getic pot fi atribuite: două construcţii de suprafaţă şi 36 gropi menajere.

Construcţii

Construcţia nr. 4[8] *(1/13/2009-14/2010)*[9] (fig. 25) a fost descoperită în *secţiunile 13/2009 şi 14/2010*, la adâncimea de 0,1 m de la nivelul actual de călcare. Rămăşiţele ei ocupau o suprafaţă de cca 96 m^2 şi prezentau câteva straturi succesive. Cel superior, cu grosimea de circa 0,15 m, era compus din cernoziom amestecat în abundenţă cu fragmente de lut ars, unele purtând amprente de nuiele şi pari (fig. 26). Următorul strat, cu grosimea, la fel, de 0,15 m, era compus din sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lut ars, iar al treilea, cu grosimea de circa 0,2 m, consta din sol ce avea în compoziţie cenuşă şi fragmente de lemn carbonizat.

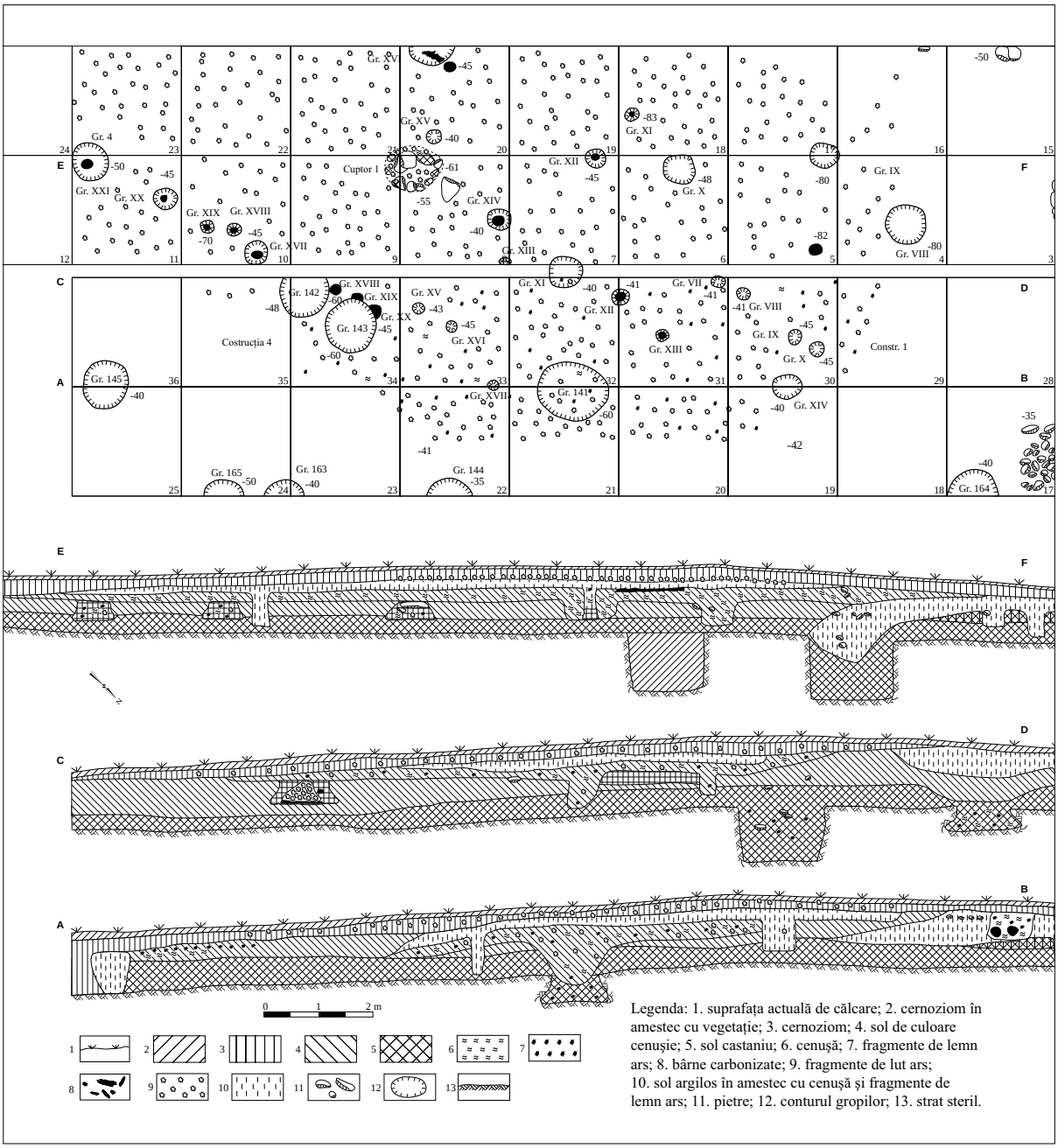
După degajarea ruinelor construcţiei, la adâncimea de 0,5-0,6 m au fost atestate 28 gropi, aranjate în patru şiruri paralele orientate nord-sud. Primul şir era compus din 11 gropi, amplasate la distanţa de 0,4-1,0 m una faţă de alta. Şirul doi se afla la distanţa de 2,6 m faţă de primul şi era constituit din şapte gropi, plasate la distanţa de 0,7-2,0 m una de la alta. Şirul trei era amplasat la distanţa de 1,7 m faţă de-al doilea şi era compus din şase gropi aflate la o depărtare de 0,4-1,2 m una faţă de alta. Şirul patru se afla la distanţa de 2,6 m şi era compus din trei gropi, plasate la 1,4-1,7 m una de alta. Gropile aveau formă cilindrică cu diametrul de 0,2-0,5 m şi adâncimea cuprinsă între 0,2 şi 0,5 m (fig. 25/2-4).

După cum reiese din amplasarea gropilor, dar şi din configuraţia dărâmăturii putem presupune că construcţia a avut forma patrulateră în plan, orientată cu latura lungă pe direcţia nord-sud, având dimensiunile de aproximativ 6,8×13,0 m.

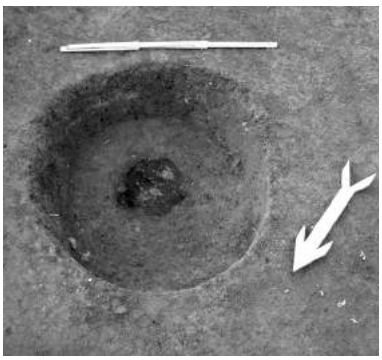
În interiorul construcţiei au fost surprinse ruinele unui cuptor şi o groapă menajeră.

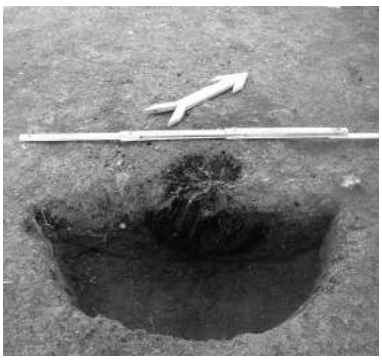
[8] Numerotarea complexelor se face în continuarea celor deja publicate (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 69-150; Niculiţă et al. 2012, 126-144).

[9] Cifrele din paranteze indică numerotarea complexelor conform rapoartelor de săpătură.



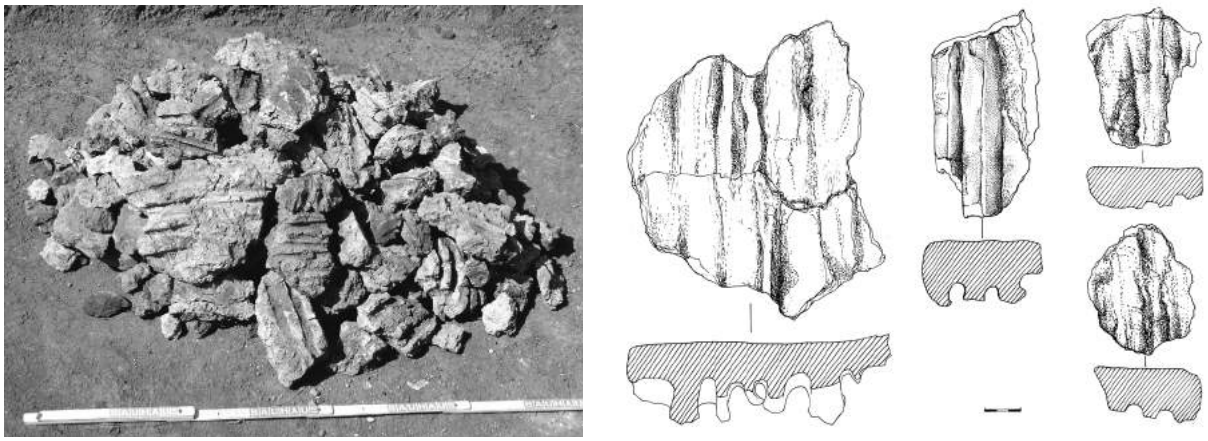
1





2 3 4

Fig. 25. Saharna Mare. Construcția nr. 4. 1 - planul şi profilul; 2-4 - resturi de pari carbonizaţi *in situ*.



1 2

Fig. 26. Saharna Mare. Construcţia nr. 4. Fragmente de lut ars cu amprente de nuiele din dărâmătură.

Cuptorul (fig. 27) a fost descoperit în partea centrală a locuinţei, la adâncimea de 0,55 m. Ruinele lui aveau formă circulară în plan cu diametrul de 1 m. Vatra cuptorului, cu grosimea de 0,1 m, a fost amenajată pe un strat de sol castaniu. Pe marginea cuptorului s-au păstrat bucăţi de lut ars de la boltă.

Groapa nr. 141 (7/13/2009) (fig. 32/1) a fost surprinsă la adâncimea de 0,6 m, în colţul de nord-est al construcţiei şi a fost săpată de la nivelul podelei acesteia. Ea avea formă tronconică cu fundul albiat. Diametrul gropii era de 1,2×1,0 m, iar adâncimea – de 0,6 m. Umplutura consta din sol castaniu în amestec cu cenuşă, fragmente de lemn carbonizat şi fragmente de lut ars. Din emplecton au fost recuperate 15 fragmente de ceramică (fig. 32/8-10) traco-getică.

În interiorul locuinţei, la nivelul podelei, au fost descoperite: un toporaş din piatră de marnă (cat. nr. III.1; fig. 28/6), o cute din piatră de gresie (cat. nr. III.2; fig. 28/5), trei fusaiole (cat. nr. IV.1, 2, 6; fig. 28/1-3), o rondelă (cat. nr. IV.25; fig. 28/4) şi 210 fragmente de ceramică.

Recipientele ceramice au fost modelate cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea variază de cărămiziu la cenuşiu. Acestea sunt reprezentate, în fond, de fragmente de la străchini şi oale, decorate cu alveole, cu brâie sau cu proeminenţe aplatizate (fig. 28/7-14).

În baza fragmentelor cu profil întregibil a fost posibilă reconstituirea grafică a trei vase: a unei străchini şi a două oale.

Strachina (fig. 28/7) avea forma bitronconică cu buza arcuită în interior. Diametrul gurii străchinii era de circa 20 cm, iar al trunchiului – 22,7 cm.

Una din oale (fig. 29/1) avea marginea arcuită în exterior, gâtul scund (aproape că lipseşte), trunchiul bombat şi fundul uşor profilat. Înălţimea

1 2 3

Fig. 27. Saharna Mare. Cuptorul din interiorul construcţiei nr. 4.

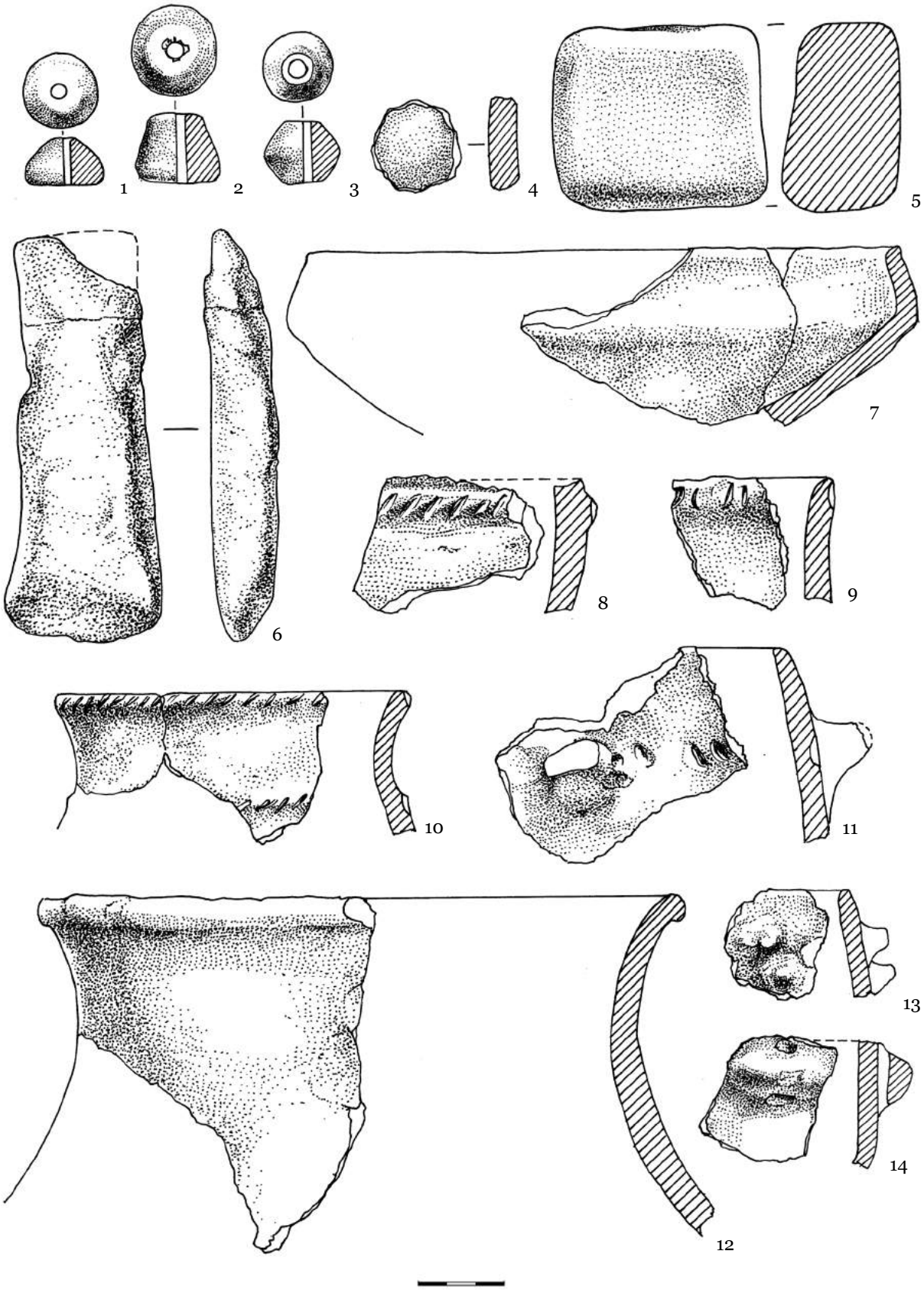


Fig. 28. Saharna Mare. Inventarul construcţiei nr. 4.

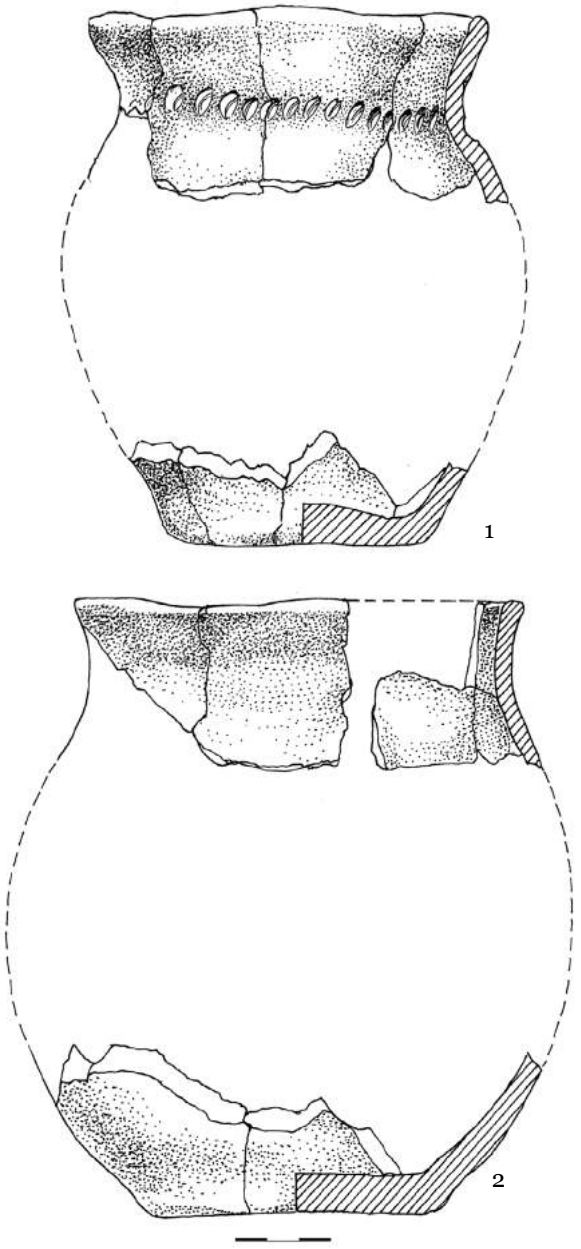


Fig. 29. Saharna Mare. Construcţia nr. 4. Oale din inventarul construcţiei.

vasului era de circa 18,5 cm, diametrul gurii – de 13,7 cm, diametrul gâtului – de 11,8 cm, diametrul trunchiului – 15,9 cm, diametrul fundului – de 9 cm. Pe gât recipientul a fost ornamentat cu un şir de alveole.

Cea de-a doua oală (fig. 29/2) avea marginea uşor arcuită în exterior, gâtul scund, trunchiul bombat şi fundul uşor profilat. Înălţimea vasului era de circa 21 cm, diametrul gurii – de 15,5 cm, diametrul gâtului – de 14,5 cm, diametrul trunchiului – de 19,5 cm, diametrul fundului – de 10 cm.

Atât strachina, cât şi oalele după morfologie, forme şi decor pot fi atribuite sortimentului de vase traco-getice. La aceeaşi categorie sunt atribuite şi restul fragmentelor ceramice recuperate din construcţie.

Construcţia nr. 5 *(1/20/2012)* a fost descoperită în *secţiunea 20/2012*, la cca 1,50-1,80 m nord de „zidul" de apărare, la adâncimea de 0,35 m de la nivelul actual de călcare (fig. 10). Ruinele ei se prezintă sub forma unui strat de sol cenuşos, ce conţinea o mare cantitate de fragmente de lut ars în amestec cu pietre. Dărâmătura avea o formă rectangulară în plan cu dimensiunile de 4,2×4,9 m (fig. 30/1). Ca urmare a investigaţiilor, în partea centrală a acestei aglomeraţii, a fost identificat, parţial, conturul pereţilor. Aceştia formau un patrulater cu colţurile rotunjite cu dimensiunile de 2,9×4,1 m. Grosimea pereţilor era de 0,36-0,4 m şi s-au păstrat până cca 0,2 m înălţime. După excavarea solului cenuşos în stratul steril au fost identificate 13 gropi (fig. 30/2) de formă cilindrică cu diametrele de cca 0,18-0,20 m şi adâncimea de 0,12-

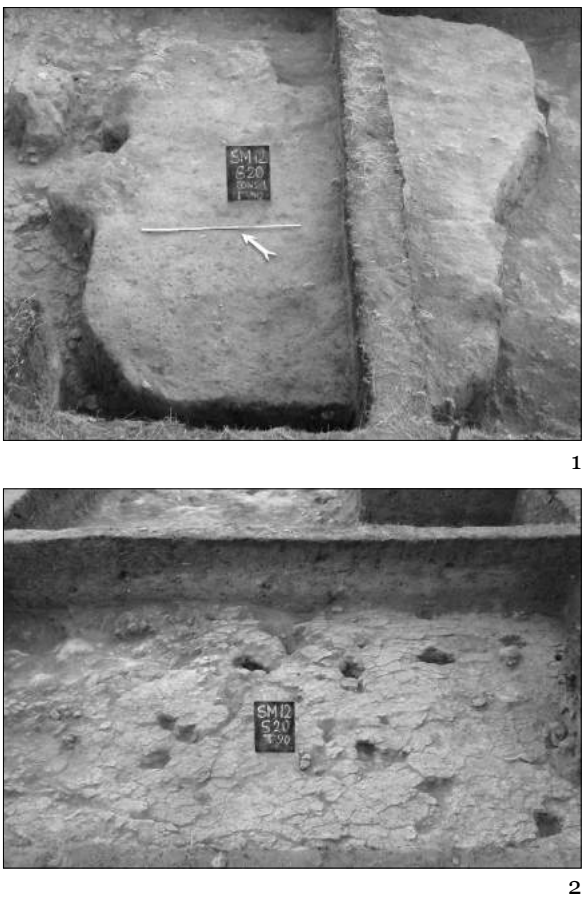


Fig. 30. Saharna Mare. Construcţia nr. 5: 1 - ruinele construcţiei; 2 - conturul gropilor de par de la nivelul stratului steril.

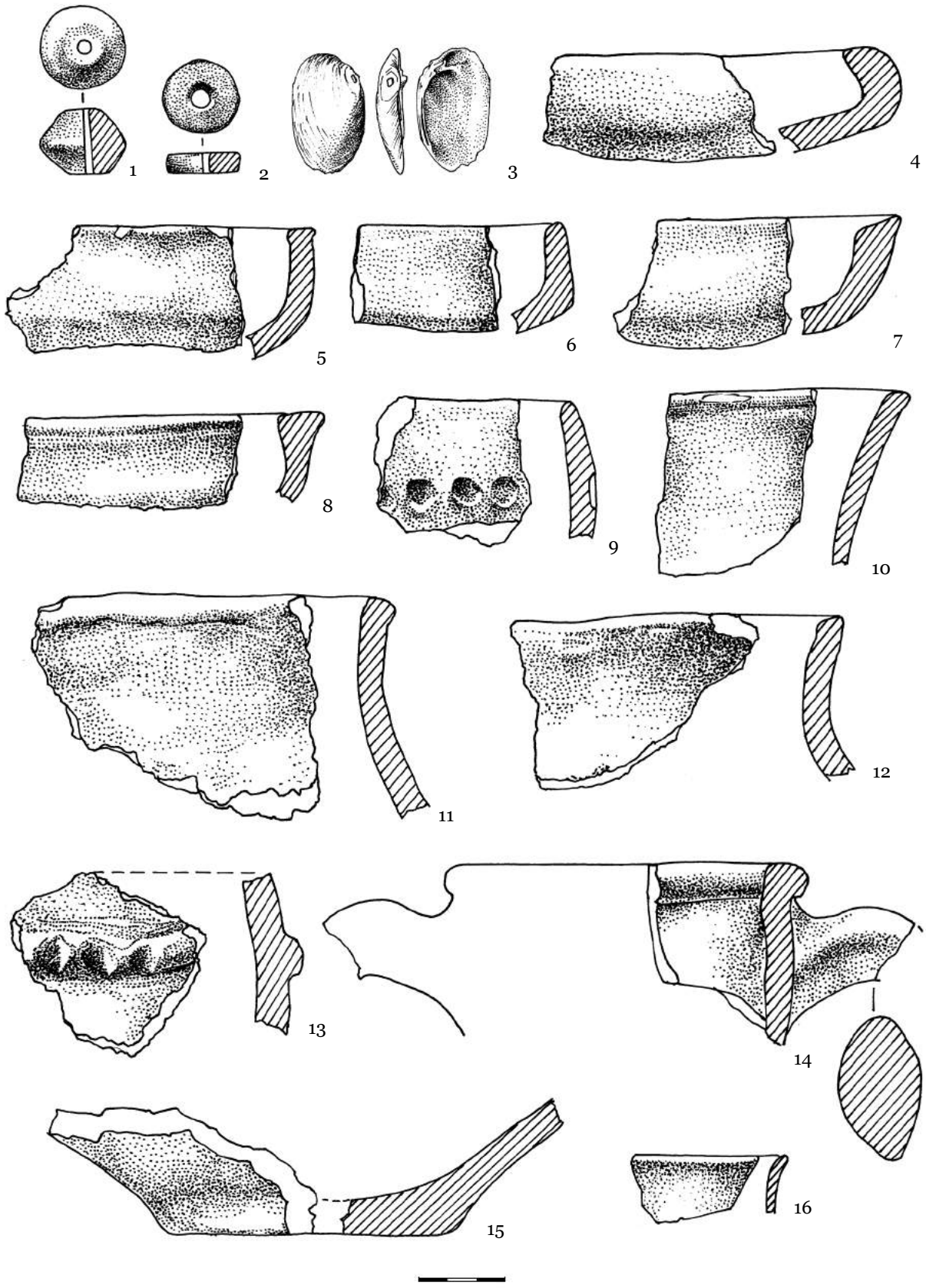


Fig. 31. Saharna Mare. Inventarul construcţiei nr. 5.

0,16 m. Majoritatea gropilor erau amplasate pe un perimetru relativ rectangular cu lăţimea de cca 2,9 m.

În umplutura acestei construcţii au fost descoperite: o fusaiolă (cat. nr. IV.29; fig. 31/1), o rondelă (cat. nr. IV.42; fig. 31/2), un pandantiv din scoică de râu (cat. nr. VI.1; fig. 31/3) şi 373 fragmente de vase, dintre care 364 modelate cu mâna şi nouă lucrate la roata olarului.

Categoria *ceramicii confecţionate cu mâna*, este reprezentată de nouă fragmente de străchini (fig. 31/4-8), 354 fragmente de la oale (fig. 31/9-13, 15) şi unul de la o ceaşcă (fig. 31/6).

Vasele enumerate, după morfologie, ardere, culoare şi decor pot fi atribuite sortimentului de ceramică traco-getică.

Ceramica lucrată la roata olarului este reprezentată de nouă fragmente de amforă grecească, printre care se evidenţiază un fragment de buză (fig. 31/14).

Gropi

Groapa nr. 142 (8/13/2009) (fig. 32/2) a fost atestată în secţiunea 13, sub peretele de est al construcţiei nr. 4, la adâncimea de 0,6 m[10]. Ea avea forma de clopot cu diametrul gurii de 0,9 m, iar al fundului – de 1,2 m şi adâncimea de 0,44 m. Groapa a fost umplută cu sol argilos în amestec cu fragmente de lemn ars, precum şi cu număr considerabil de fragmente de lut ars cu amprente de nuiele. Lutul ars formează o lentilă compactă, plasată în partea de mijloc a gropii (fig. 32/2).

Inventar: 24 fragmente de ceramică modelată cu mâna. Dintre ele se evidenţiază fragmentul unui vas fără gât, cu buza evazată (fig. 31/11), două fragmente de la vase în formă de borcan (fig. 32/12, 13), precum şi fragmente de vase ornamentate cu brâu alveolar (fig. 32/14, 15), toate datate cu sec. IV-III a. Chr.

Groapa nr. 143 (9/13/2009) (fig. 32/3) a fost descoperită în secţiunea 13, sub peretele de est al construcţiei nr. 4, la adâncimea de 0,6 m şi avea forma cilindrică cu diametrul de 1,12 m şi adâncimea de 0,48 m. Partea inferioară a gropii era umplută cu sol castaniu în amestec cu cenuşă (grosimea stratului de 0,33 m), iar cea superioară – cu sol ars.

Inventar: trei fragmente de ceramică modelată cu mâna – două de la vase în formă de borcan cu decor în relief (fig. 32/16, 18), altul de la o strachină cu partea de sus verticală (fig. 32/17) –, caracteristice sortimentului ceramic din sec. IV-III a. Chr.

Groapa nr. 144 (1/13/2009) a fost sesizată în secţiunea 13, la adâncimea de 0,35 m (fig. 32/4). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii. Având în vedere porţiunea investigată, se poate constata că groapa a avut formă cilindrică cu diametrul de 0,84 m şi adâncimea de 0,6 m. Emplectonul ei consta din sol argilos în amestec cu fragmente de lut ars şi bucăţi mărunte de lemn carbonizat.

Inventar: cinci fragmente neînsemnate de ceramică lucrată cu mâna şi 13 fragmente de oase de animale.

Groapa nr. 145 (3/13/2009) a fost surprinsă în secţiunea 13, la adâncimea de 0,4 m (fig. 32/5). Ea avea forma tronconică cu diametrul gurii de 0,8 m, iar al fundului de – 0,44 m şi adâncimea de 0,64 m. Emplectonul gropii consta din sol argilos în amestec cu fragmente de lut ars şi bucăţi mărunte de lemn carbonizat.

Inventar: şase fragmente nesemnificative de ceramică traco-getică şi 16 fragmente de oase de animale.

Groapa nr. 146 (5/13/2009) a fost descoperită în secţiunea 13, la adâncimea de 0,5 m (fig. 32/6). Complexul a fost investigat parţial, o parte a lui continuând în afara secţiunii. Însă, conform profilului, s-a putut stabili că groapa a avut formă de clopot cu diametrul gurii de 1 m, iar al fundului – de 1,28 m, adâncimea fiind de 0,8 m.

Inventar: 13 fragmente de ceramică traco-getică şi 15 fragmente de oase. Dintre fragmentele ceramice se evidenţiază două de la vase în formă de borcan (fig. 32/19, 21) şi unul de la o strachină de formă tronconică (fig. 32/20).

Groapa nr. 147 (6/13/2009) a fost atestată în secţiunea 13, la adâncimea de 0,55 m (fig. 32/7). Ea, de asemenea, nu a fost cercetată complet, o parte a ei rămânând în afara secţiunii. După cum reiese din partea investigată, ea a avut formă de clopot cu diametrul gurii de 0,6 m, al fundului – de 1 m şi adâncimea – de 1,2 m. Umplutura gropii consta din două straturi: stratul inferior, cu grosimea de 0,76 m, compus din sol de culoare castanie

[10] Aici şi în continuare se indică adâncimea de la nivelul actual de călcare.

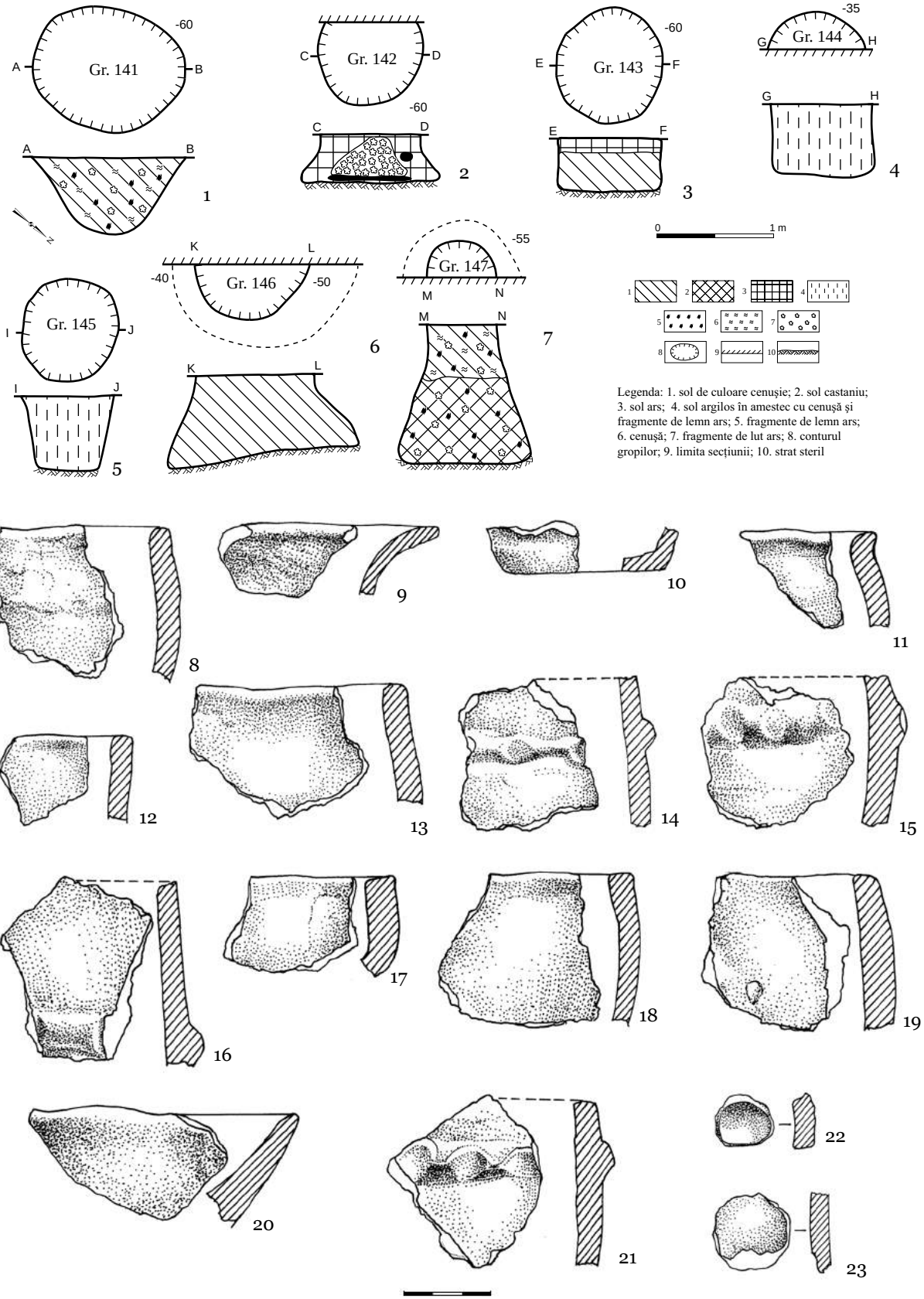

Gr. 141
Gr. 142
Gr. 143
Gr. 144
Gr. 145
Gr. 146
Gr. 147
Legenda: 1. sol de culoare cenuşie; 2. sol castaniu; 3. sol ars; 4. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars; 5. fragmente de lemn ars; 6. cenuşă; 7. fragmente de lut ars; 8. conturul gropilor; 9. limita secţiunii; 10. strat steril

Fig. 32. Saharna Mare. 1 - Planul şi profilul gropii nr. 141; 2 - planul şi profilul gropii nr. 142; 3 - planul şi profilul gropii nr. 143; 4 - planul şi profilul gropii nr. 144; 5 - planul şi profilul gropii nr. 145; 6 - planul şi profilul gropii nr. 146; 7 - planul şi profilul gropii nr. 147; 8-10 - inventarul gropii nr. 141; 11-15 - inventarul gropii nr. 142; 16-18 - inventarul gropii nr. 143; 19-21 - inventarul gropii nr. 146; 22, 23 - inventarul gropii nr. 147.

în amestec cu fragmente de lut ars şi de lemn carbonizat; stratul superior, cu grosimea de 0,44 m – sol de culoare cenuşie în amestec cu cenuşă, fragmente de lut ars şi bucăţele de lemn carbonizat.

Inventar: două rondele (cat. nr. IV.37, 38; fig. 32/22, 23) şi şase fragmente nesemnificative de ceramică traco-getică.

Groapa nr. 148 (1/13A/2010) a fost sesizată în secţiunea 13A, la adâncimea de 0,56 m (fig. 33/1). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii. Având în vedere porţiunea investigată, se poate constata că groapa a avut formă de clopot cu diametrul gurii de 1,4 m, diametrul fundului – de 1,6 m şi adâncimea de 0,9 m. Emplectonul ei consta din sol castaniu în amestec cu fragmente de lut ars şi bucăţi mărunte de lemn carbonizat.

Inventar: 88 fragmente de ceramică traco-getică, lucrată cu mâna (fig. 33/2-6), trei fragmente de lut ars, 27 de pietre de dimensiuni neconsiderabile şi 18 fragmente de oase de animale. Dintre fragmentele ceramice se evidenţiază:

– fragmente cu profil aproape întregibil de la patru vase în formă de sac, dintre care trei ornamentate cu decor în formă de brâu alveolar, întrerupt de două suporturi aplatizate amplasate în partea de sus a trunchiului (fig. 33/3);
– fragmente de la vase în formă de clopot cu diametrul maxim al trunchiului în partea de sus, ornamentate cu suporturi segmentoidale (fig. 33/5, 6).

Ambele tipuri de vase se încadrează în sortimentul ceramic caracteristic sec. IV-III a. Chr.

Groapa nr. 149 (2/13A/2010) a fost surprinsă în secţiunea 13A, la adâncimea de 0,56 m (fig. 34). Ea a avut formă de clopot cu diametrul gurii de 1,9 m, diametrul fundului de 3,4 m şi adâncimea de 1,6 m. În peretele de est a gropii au fost săpate două nişe orizontale. Prima se afla la adâncimea de 0,4 m de la gura gropii şi avea adâncimea de 0,2 m

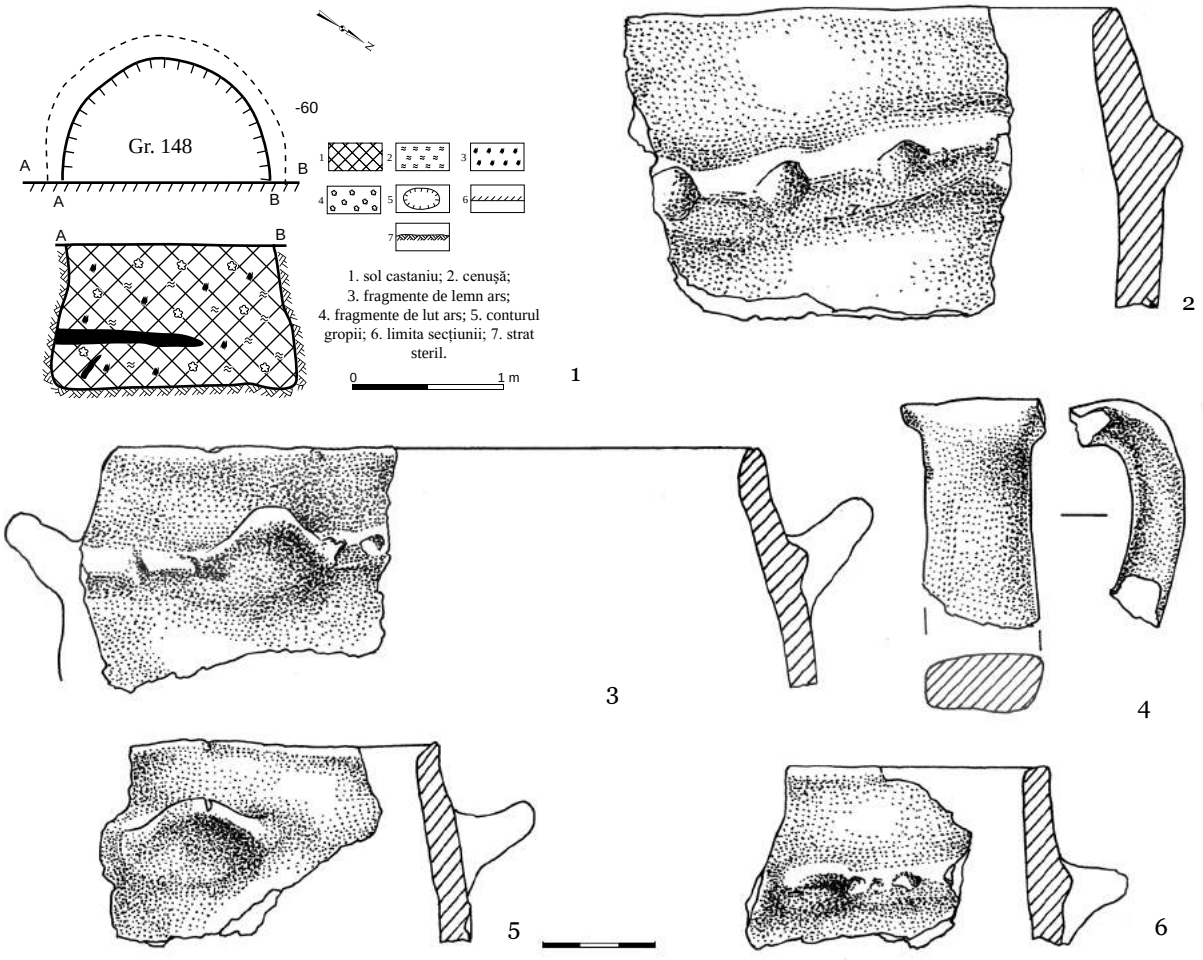


Fig. 33. Saharna Mare. Groapa nr. 148: 1 - planul şi profilul; 2-6 - inventarul gropii.

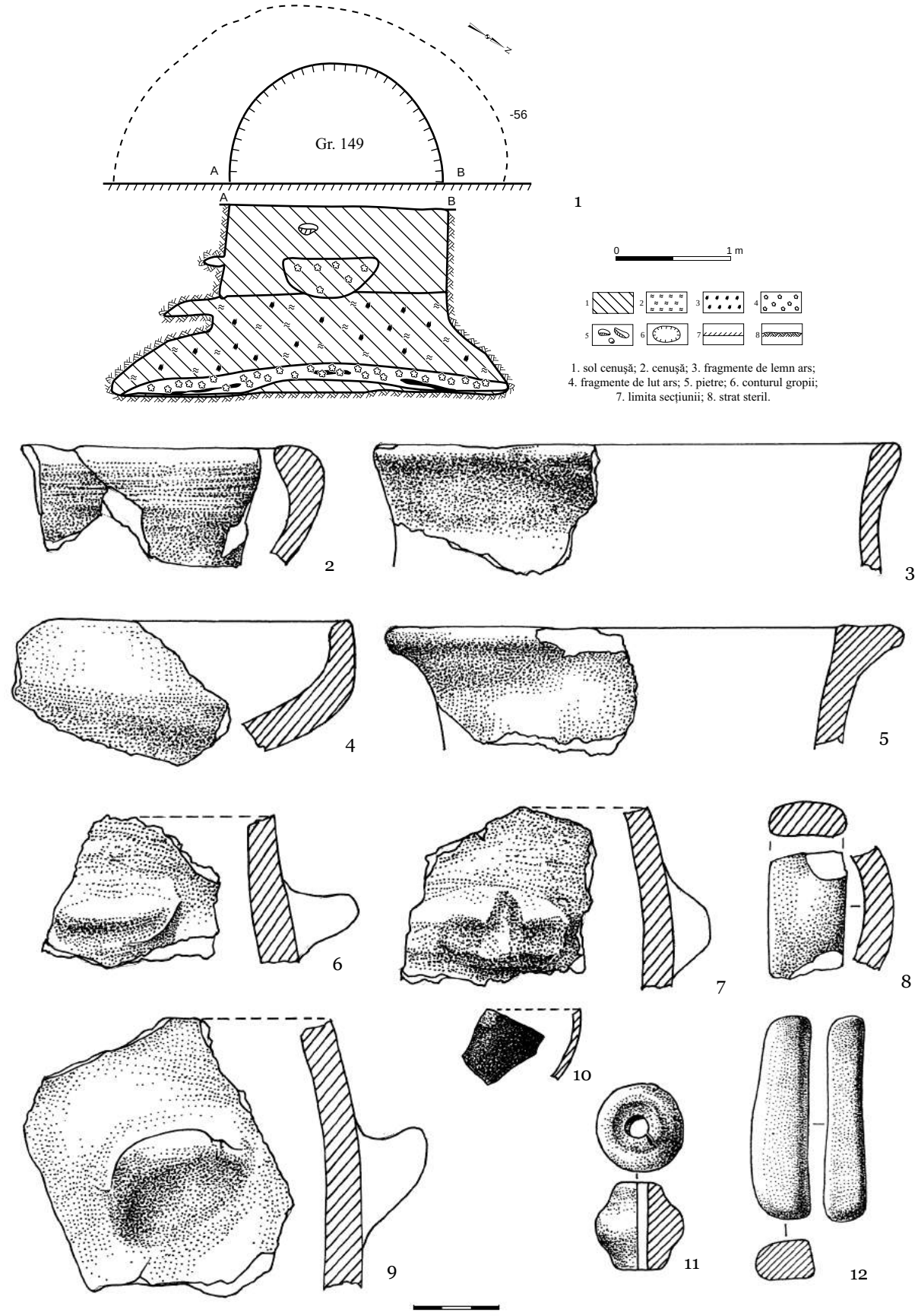


Fig. 34. Saharna Mare. Groapa nr. 149: 1 - planul şi profilul; 2-12 - inventarul gropii.

şi o deschidere de circa 0,15 m. Cea de a doua a fost săpată la adâncimea de 0,8 m de la gura gropii şi avea lungimea de 0,4 m şi înălţimea de 0,2 m. Umplutura ei consta din sol cenuşiu în amestec cu fragmente de lemn carbonizat şi de lut ars.

Inventar: o cute (cat. nr. III.4; fig. 34/12), o fusaiolă (cat. nr. IV.6; fig. 34/11), 147 fragmente de ceramică traco-getică lucrată cu mâna (fig. 34/2-9), un fragment de vas cu firnis negru (grecesc) (fig. 34/10), 126 pietre de dimensiuni neconsiderabile şi 184 fragmente de oase de animale. Din sortimentul ceramic traco-getic se evidenţiază fragmente de la:

– vase cu gâtul cilindric cu buza îngroşată (fig. 34/3) sau evazată (fig. 34/5);
– vase în formă de clopot, decorate pe linia diametrului maxim cu suporturi segmentoidale (fig. 34/6, 7, 9);
– străchini cu partea de sus rotunjită şi aplecată în interior (fig. 34/2), formă caracteristică pentru recipientele din sec. VII-VI a. Chr.

Groapa nr. 150 (6/13A/2010) a fost descoperită în secţiunea 13, la adâncimea de 0,6 m (fig. 35/1). Ea avea formă cilindrică cu diametrul de 0,8 m şi adâncimea de 0,2 m. Emplectonul gropii consta din sol castaniu în amestec cu fragmente de lemn ars.

Inventar: nouă fragmente de ceramică lucrată cu mâna de la vase în formă de sac (fig. 36/2), de la recipiente cu gâtul în formă de pâlnie (fig. 36/1), de la străchini (fig. 36/3) etc., precum şi opt fragmente de oase de animale.

Groapa nr. 151 (7/13A/2010) a fost atestată în secţiunea 13A, la adâncimea de 0,6 m (fig. 35/2). Ea a avut formă de clopot cu diametrul gurii de 1,4 m, diametrul fundului – de 1,8 m şi adâncimea de 1,6 m. Emplectonul gropii consta din sol cenuşiu în amestec cu fragmente de lemn ars şi cenuşă.

Inventar: străpungătoare din os (cat. nr. II.1; fig. 36/4), 47 fragmente de ceramică traco-getică lucrată cu mâna (fig. 36/5-8), cinci fragmente de amfore greceşti (fig. 36/9), 22 fragmente de lut ars, 14 de pietre de dimensiuni neconsiderabile şi 56 fragmente de oase de animale. Din sortimentul de recipiente traco-getice se remarcă:

– vase în formă de sac cu decor în relief în formă de brâu cu alveole (fig. 36/5, 6) sau cu suporturi segmentoidale ridicate în sus şi alveole (fig. 36/8);
– vase cu gâtul cilindric şi buza răsfrântă în exterior (fig. 36/7).

Aceste vase ceramice după particularităţile lor se încadrează în sec. V-III a. Chr.

Groapa nr. 152 (8/13A/2010) a fost sesizată în secţiunea 13A, la adâncimea de 0,8 m (fig. 35/2). Ea nu a fost cercetată complet, deoarece a fost in-

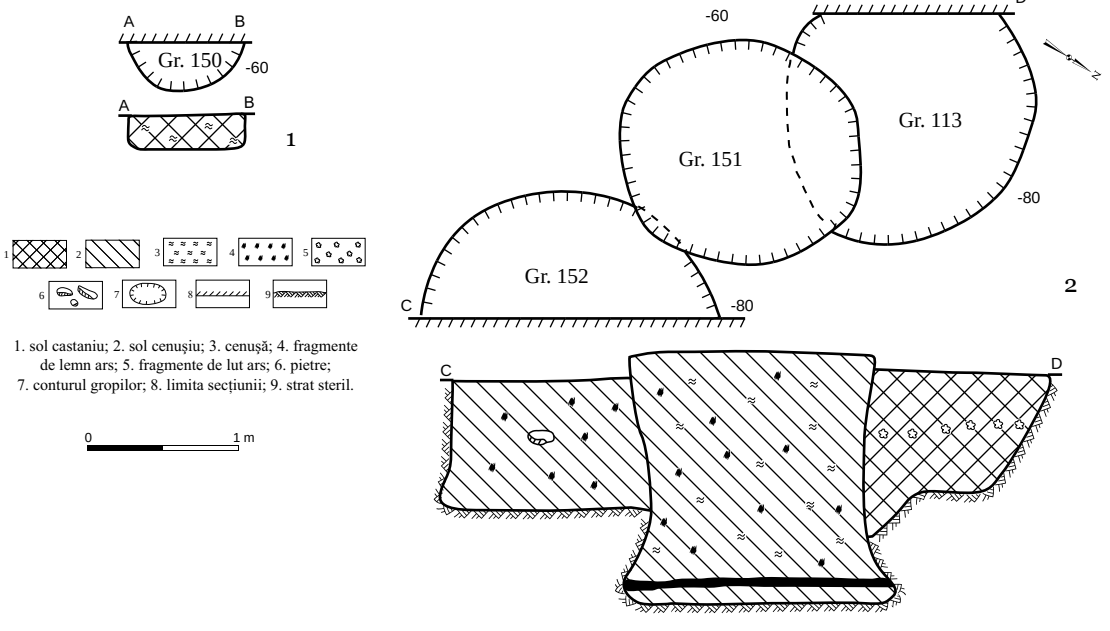


Fig. 35. Saharna Mare. 1 - Planul şi profilul gropii nr. 150; 2 - planul şi profilul gropilor nr. 113, nr. 151 şi nr. 152.

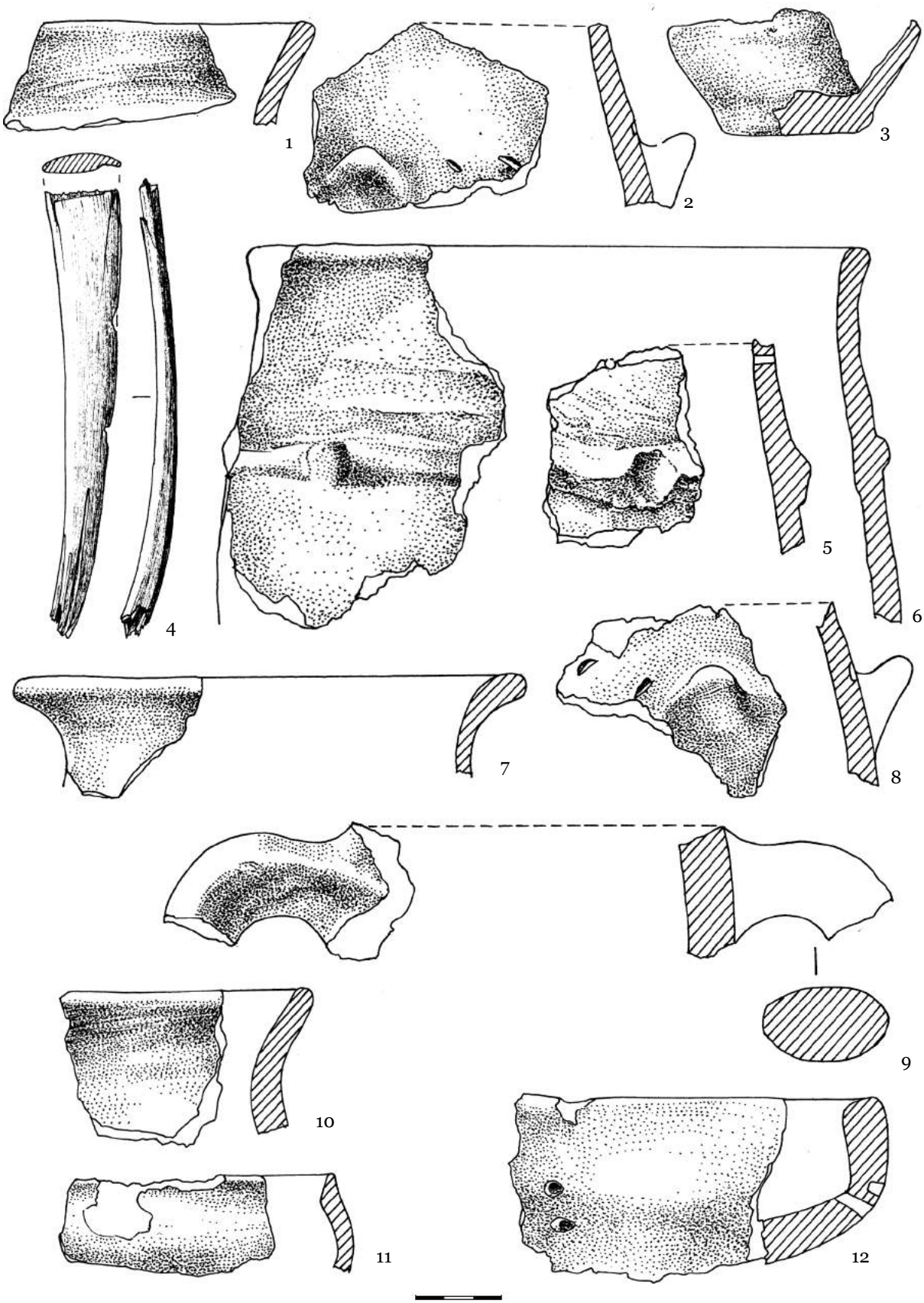


Fig. 36. Saharna Mare. 1-3 - Inventarul gropii nr. 150; 4-9 - inventarul gropii nr. 151; 10-12 - inventarul gropii nr. 152.

tersectată de groapa 7/13A/2010. După cum reiese din partea investigată, groapa a avut formă de clopot cu diametrul gurii de 1 m şi adâncimea de 0,9 m. Emplectonul ei consta din sol cenuşiu în amestec cu fragmente de lemn ars şi pietre.

Inventar: 47 fragmente de ceramică traco-getică (fig. 36/10-12), 12 pietre de dimensiuni neconsiderabile şi 122 oase de animale. Dintre fragmentele descoperite în groapă se remarcă cele de la vase cu gâtul arcuit şi buza înclinată în exterior (fig. 36/10), precum şi de la o strecurătoare în formă de strachină (fig. 36/12), frecvent întâlnite la monumentele din sec. IV-III a. Chr.

Groapa nr. 153 (1/14/2010) a fost surprinsă în secţiunea 14, la adâncimea de 0,4 m (fig. 37/1). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii. Având în vedere porţiunea investigată, se poate constata că groapa avea forma tronconică cu diametrul gurii de 0,96 m, iar al fundului de – 1,3 m şi adâncimea de 1,6 m. Emplectonul gropii consta din patru lentile depuse succesiv. Prima lentilă compusă din sol cenuşiu avea grosimea de 0,25-0,40 m, a doua – argilă – de 0,1 m, a treia cu grosimea de 0,4 m – sol cenuşiu în amestec cu cenuşă şi bucăţi mărunte de lemn carbonizat, a patra (0,6 m) – sol castaniu în amestec cu moloz.

Inventar: patru fragmente de ceramică traco-getică (fig. 38/1) şi 26 fragmente de oase de animale.

Groapa nr. 154 (6/14/2010) a fost descoperită în secţiunea 14, la adâncimea de 0,7 m (fig. 37/2). Ea a avut forma de clopot cu diametrul gurii de 1,7 m, cel al fundului de 1,85 m şi adâncimea de 0,45 m. Emplectonul ei consta din sol castaniu în amestec cu fragmente de lemn carbonizat.

Inventar: 85 fragmente de ceramică traco-getică şi 12 fragmente de oase de animale. Ceramica este reprezentată de recipiente grafic întregibile, cum ar fi:

– vase cu gâtul cilindric, buza înclinată în exterior şi trunchiul globular (fig. 38/3). Exemplare similare au fost descoperite la siturile Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 34, fig. 18/5, 6). Cartal-Orlovka (Vančugov et al. 1999, 187, fig. 24/4), Potârca (Niculiţă, Matveev, Potângă 1999, 330, fig. 12/1), toate datate în sec. IV-III a. Chr.;
– vase cu profil S-oidal (fig. 38/4). Astfel de recipiente sunt caracteristice monumentelor din sec. IV-III a. Chr. – Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 206, fig. 80/2, 5), Potârca (Niculiţă, Matveev, Potângă 1999, 330, fig. 12/2), Orbeasca de Sus (Moscalu 1983, 401, pl. IX/2) etc.;
– vase în formă de clopot cu ornament ce consta din brâu cu alveole (fig. 38/9);
– străchini tronconice cu buza îngroşată în interior şi exterior (fig. 38/7), sau numai în exterior (fig. 38/5), cunoscute şi la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 217, fig. 91/4-6), Cartal-Orlovka (Vančugov et al. 1999, 213, fig. 50/8) etc.;
– străchini tronconice cu partea de sus rotunjită şi buza înclinată în interior (fig. 38/2). Acest tip este caracteristic mai mult pentru sec. VI-V a. Chr. şi este documentat, mai ales, la Alexandria Vii (a. 550-450 a. Chr.) (Moscalu 1983, 389, pl. LXXVII/10, LXXIX/15);

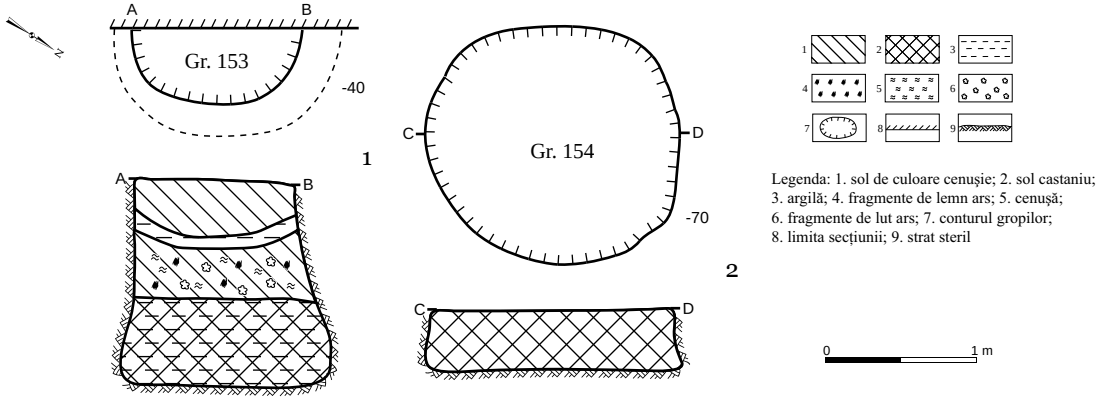


Fig. 37. Saharna Mare. 1 - Planul şi profilul gropii nr. 153; 2 - planul şi profilul gropii nr. 154.

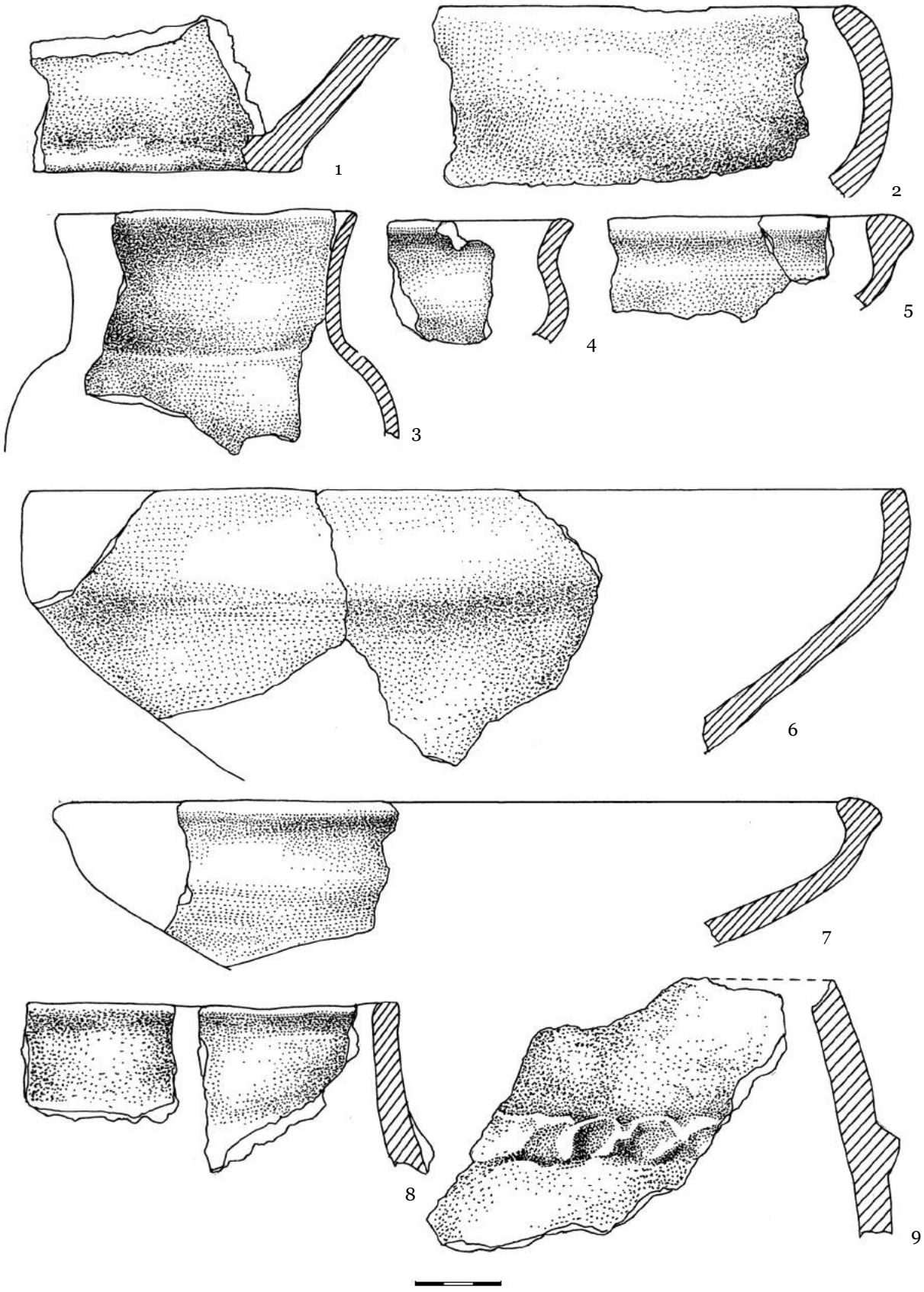


Fig. 38. Saharna Mare. 1 - Inventarul gropii nr. 153; 2-9 - inventarul gropii nr. 154.

– străchini tronconice cu partea de sus verticală (fig. 38/6), larg răspândite la aşezările şi necropolele din sec. IV-III a. Chr. – Hansca, Cotnari, Cernica (Moscalu 1983, 385, pl. LIV), Poiana (Teodor 1999, 220, fig. 34/3), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 219, fig. 93/3, 5, 9).

Judecând după inventarul acestei gropi putem presupune că ea a fost utilizată în sec. V-IV a. Chr.

Groapa nr. 155 (2/18/2011) a fost atestată în secţiunea 18, la adâncimea de 0,3 m (fig. 39/1). Complexul a fost investigat doar pe jumătate, restul rămânând în afara secţiunii. Groapa a avut forma de clopot cu diametrul gurii de 2 m, cel al fundului de 2,2 m şi adâncimea de 1,6 m. Umplutura gropii reprezintă sol de culoare cenuşie.

Inventar: un vârf de săgeată din bronz (cat. nr. I.9; fig. 39/3), un fragment de aplică din bronz (cat. nr. I.27; fig. 39/2), 168 fragmente de ceramică modelată cu mâna şi două fragmente de pereţi de la o amforă grecească. Dintre recipientele lucrate cu mâna se evidenţiază: vase cu gâtul cilindric, puţin arcuit şi cu buza evazată (fig. 39/4, 6, 7, 9); vase cu profilul S-oidal (fig. 39/13), vase în formă de clopot (fig. 39/15), borcan (fig. 39/10) sau sac (fig. 39/12, 14). În baza fragmentelor recuperate groapa poate fi datată cu sec. IV-III a. Chr.

Groapa nr. 156 (4/18/2011) a fost sesizată în secţiunea 18, la adâncimea de 0,5 m (fig. 40/1). Ea a fost investigată doar pe jumătate, restul rămânând în afara secţiunii. Groapa a avut forma de clopot cu diametrul gurii de 1,8 m, cel al fundului de 2,8 m şi adâncimea de 1,4 m. În partea de sud, pe fundul gropii a fost săpată o treaptă, astfel groapa adâncindu-se până la 2,08 m. Emplectonul ei consta din sol argilos-cenuşos, iar în partea de sus fiind atestată o lentilă din sol argilos cu grosimea de 0,6 m.

Inventar: 149 fragmente de recipiente traco-getice (fig. 41/1-5), un fragment (fig. 41/6) de la un vas de lux decorat cu caneluri verticale şi acoperit cu firnis negru, două fragmente de amforă grecească, 104 pietre de dimensiuni neconsiderabile şi 102 fragmente de oase de animale. Din sortimentul ceramicii traco-getice se remarca fragmente de la vase cu gâtul cilindric, cu buza evazată (fig. 41/4, 5) şi de la străchini cu partea de sus rotunjită (fig. 41/1, 2), caracteristice pentru sec. VI.V a. Chr.

Groapa nr. 157 (5/18/2011) a fost surprinsă în secţiunea 18, la adâncimea de 0,6 m (fig. 40/2). Ea era de formă cilindrică, cu diametrul de 1,6 m, iar adâncimea de 1 m. La adâncimea de 0,2 de la gura gropii până la 0,7 m, în peretele de sud al gropii a fost săpată o nişă, astfel încât diametrul gropii se lărgeşte până la 2,4 m. Emplectonul reprezintă sol castaniu în amestec cu pietre.

Inventar: 38 fragmente de ceramică traco-getică (fig. 41/7-9), dintre care două de la un vas cu gâtul cilindric, un fragment de amforă grecească (fig. 41/10), 10 pietre şi 25 fragmente de oase de animale.

Groapa nr. 158 (7/18/2011) a fost descoperită în secţiunea 18, la adâncimea de 0,6 m (fig. 40/3). Ea era de formă cilindrică, cu diametrul de 2 m şi adâncimea de 1 m. La adâncimea de 0,6 de la gura gropii diametrul fundului se lărgeşte până la 2,45 m. Emplectonul reprezintă sol cenuşiu în amestec cu pietre şi fragmente de lemn ars. La adâncimea de 0,75 de la gura gropii în peretele de sud a careului a fost descoperită o piatră cu dimensiunile de 10×40×70 cm.

Inventar: 52 fragmente de ceramică traco-getică (fig. 41/11-17), 25 de bucăţi de piatră şi 39 fragmente de oase de animale. Dintre fragmentele ceramice se remarcă cele de la străchini tronconice cu buza îngroşată şi invazată (fig. 41/12) sau buza înclinată în interior şi ornamentate cu suporturi segmentoidale (fig. 41/11), datate în sec. VI-V a. Chr.

Groapa nr. 159 (8/18/2011) a fost atestată în secţiunea 18, la adâncimea de 0,6 m (fig. 42/1). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii. Groapa are o formă circulară în plan cu diametrul de 1,5 m, iar adâncimea ei variază de la 0,6 la 1 m. Umplutura gropii reprezintă sol de culoare cenuşie.

Inventar: un picior de amforă grecească (fig. 43/1). Acesta poate fi atribuit recipientelor de Chersones, datate cu al treilea sfert al sec. IV – mijlocul sec. III a. Chr. (Mateevici 2007, 91, fig. 26/5).

Groapa nr. 160 (9/18/2011) a fost sesizată în secţiunea 18, la adâncimea de 0,6 m (fig. 42/1). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii, iar alta fiind intersectată de *groapa 159*. Groapa era de formă cilindrică, cu diametrul de 2,2 m, iar adâncimea de 0,3 m. Emplectonul reprezintă sol de culoare castanie.

Inventar: 17 fragmente de ceramică traco-getică (fig. 43/2) şi 62 fragmente de oase de animale.

Groapa nr. 161 (1/19/2012) a fost descoperită în secţiunea 19, la adâncimea de 0,4 m (fig. 42/2).

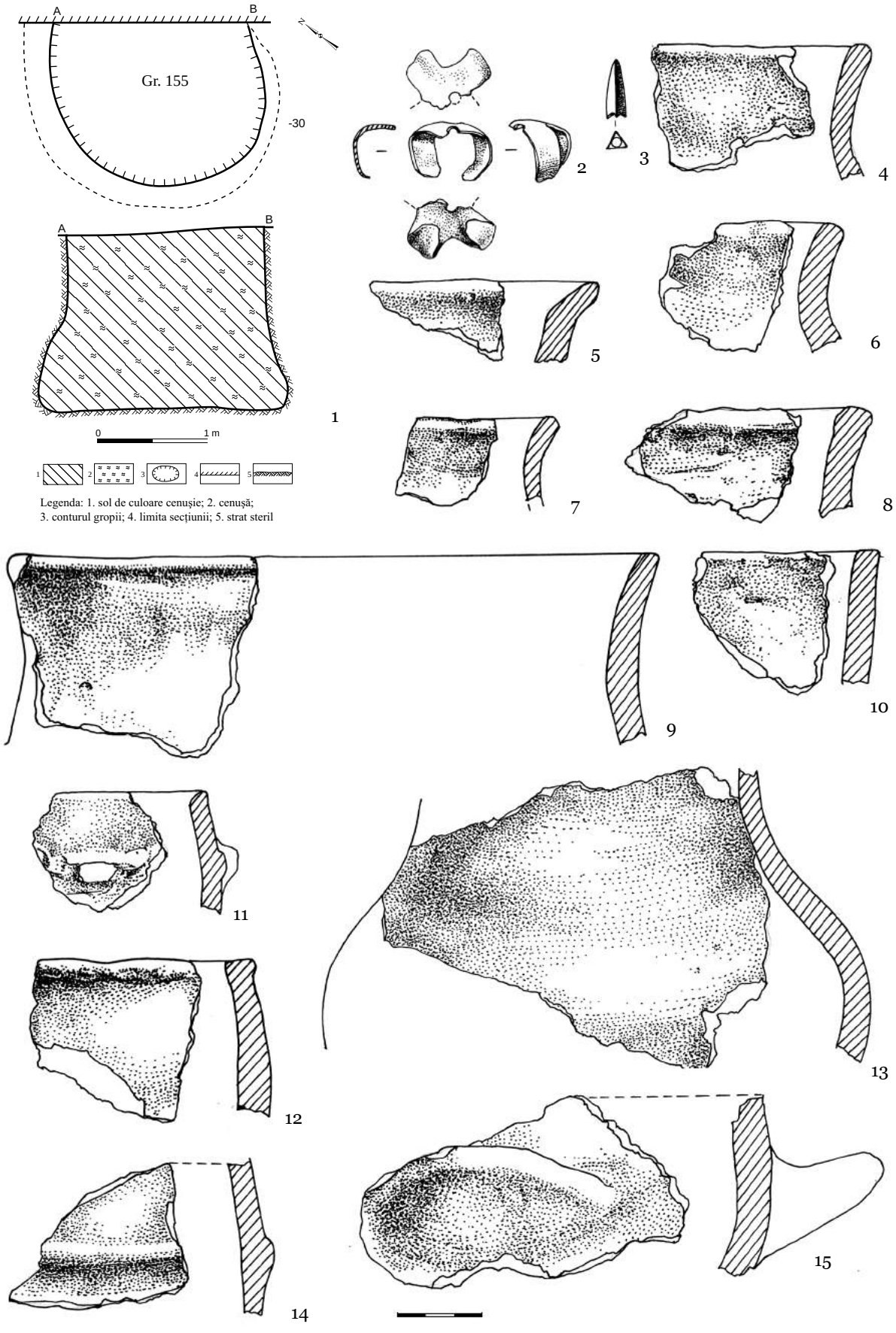


Fig. 39. Saharna Mare. Groapa nr. 155: 1 - planul şi profilul gropii; 2-15 - inventarul gropii.

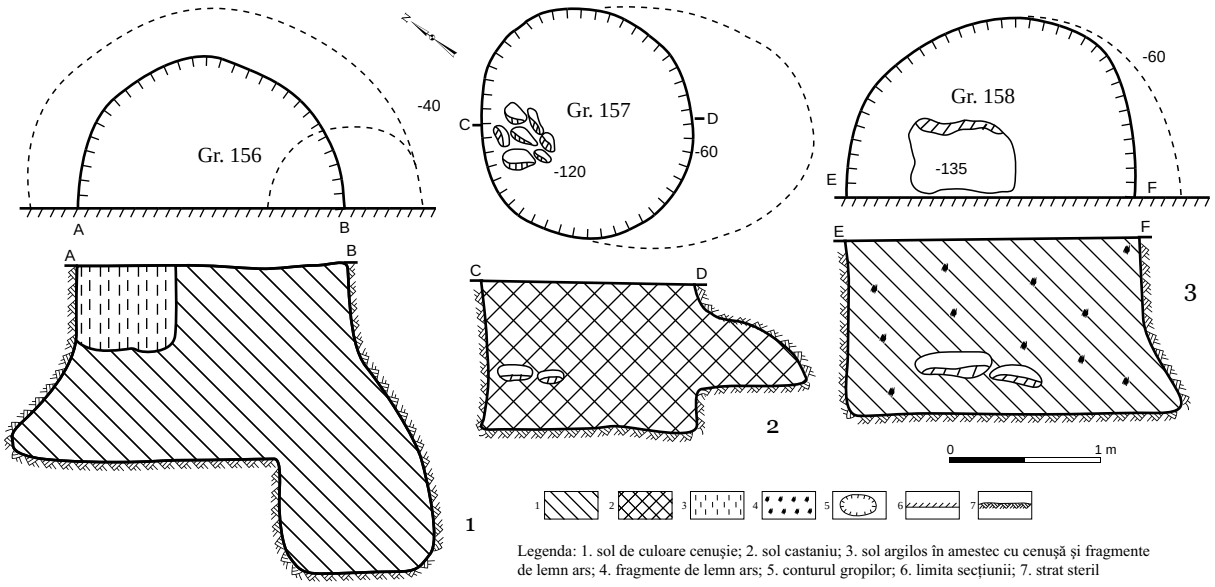


Fig. 40. Saharna Mare. 1 - Planul şi profilul gropii nr. 156; 2 - planul şi profilul gropii nr. 157; 3 - planul şi profilul gropii nr. 158.

Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii. Având în vedere porţiunea investigată, se poate constata că groapa avea formă cilindrică cu diametrul de 1,3 m şi adâncimea de 0,4 m. Emplectonul gropii consta din cernoziom în amestec cu pietriş.

Inventar: 12 fragmente de ceramică traco-getică, în special de la vase cu gâtul cilindric şi buza evazată (fig. 43/6) şi de la străchini cu trunchiul tronconic, uşor rotunjit şi buza evazată, teşită în interior (fig. 43/3, 4). Astfel de străchini sunt cunoscute şi la Grădiştea-Călăraşi (Moscalu 1983, 385, pl. LII/5), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 220, fig. 94/2) etc. şi sunt datate cu sec. IV-III a. Chr.

Groapa nr. 162 (1/22/2012) a fost atestată în secţiunea 22, la adâncimea de 1 m (fig. 42/3). Ea a avut în plan o formă oval alungită cu diametrele de 0,7×0,45 m şi adâncimea de 0,6 m. Emplectonul gropii reprezintă sol de culoare cenuşie în amestec cu pietriş.

Inventar: 22 fragmente de ceramică traco-getică, un fragment de amforă grecească (fig. 43/7) şi opt pietre de silex sumar fasonate.

La fel, la adâncimea de 0,4-0,6 m de la nivelul actual de călcare au fost atestate nouă gropi lipsite de inventar crono-indicator. Însă, având în vedere faptul că nivelul de sol de până la adâncimea de 0,6 m corespunde stratului cultural traco-getic, gropile fără inventar pot fi atribuite de asemenea acestui nivel.

Groapa nr. 163 (2/13/2009) a fost surprinsă în secţiunea 13, la adâncimea de 0,4 m (fig. 44/1). Ea a fost cercetată parţial, o parte a gropii aflându-se în afara secţiunii. Însă, având în vedere porţiunea investigată, se pare că groapa a avut formă cilindrică cu diametrul de 0,7 m şi adâncimea de 0,6 m. Umplutura ei consta din sol cenuşiu în amestec cu fragmente de lemn carbonizat şi de lut ars.

Groapa nr. 164 (4/13/2009) a fost descoperită în secţiunea 13, la adâncimea de 0,4 m (fig. 44/2). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii. Pornind de la porţiunea investigată, se poate constata că groapa a avut formă de clopot cu diametrul gurii de 0,95 m, iar al fundului de 1,3 m şi adâncimea de 0,85 m. Emplectonul ei consta din sol de culoare cenuşie.

Groapa nr. 165 (10/13/2009) a fost atestată în secţiunea 13, la adâncimea de 0,5 m (fig. 44/3). Ea a fost cercetată doar pe jumătate, cealaltă parte rămânând în afara secţiunii. Însă, s-a putut constata ca groapa a avut forma cilindrică cu diametrul de 0,76 m şi adâncimea de 0,5 m. Emplectonul ei consta din sol de culoare cenuşie în amestec cu fragmente de lut ars şi de lemn carbonizat.

Groapa nr. 166 (11/13/2009) a fost surprinsă în secţiunea 13, la adâncimea de 0,6 m (fig. 44/4). Ea a fost cercetată parţial, o parte rămânând în afara secţiunii. S-a stabilit că groapa a avut formă cilindrică cu diametrul de 2,6 m şi adâncimea de 0,4 m. Umplutura ei consta din sol de culoare castanie.

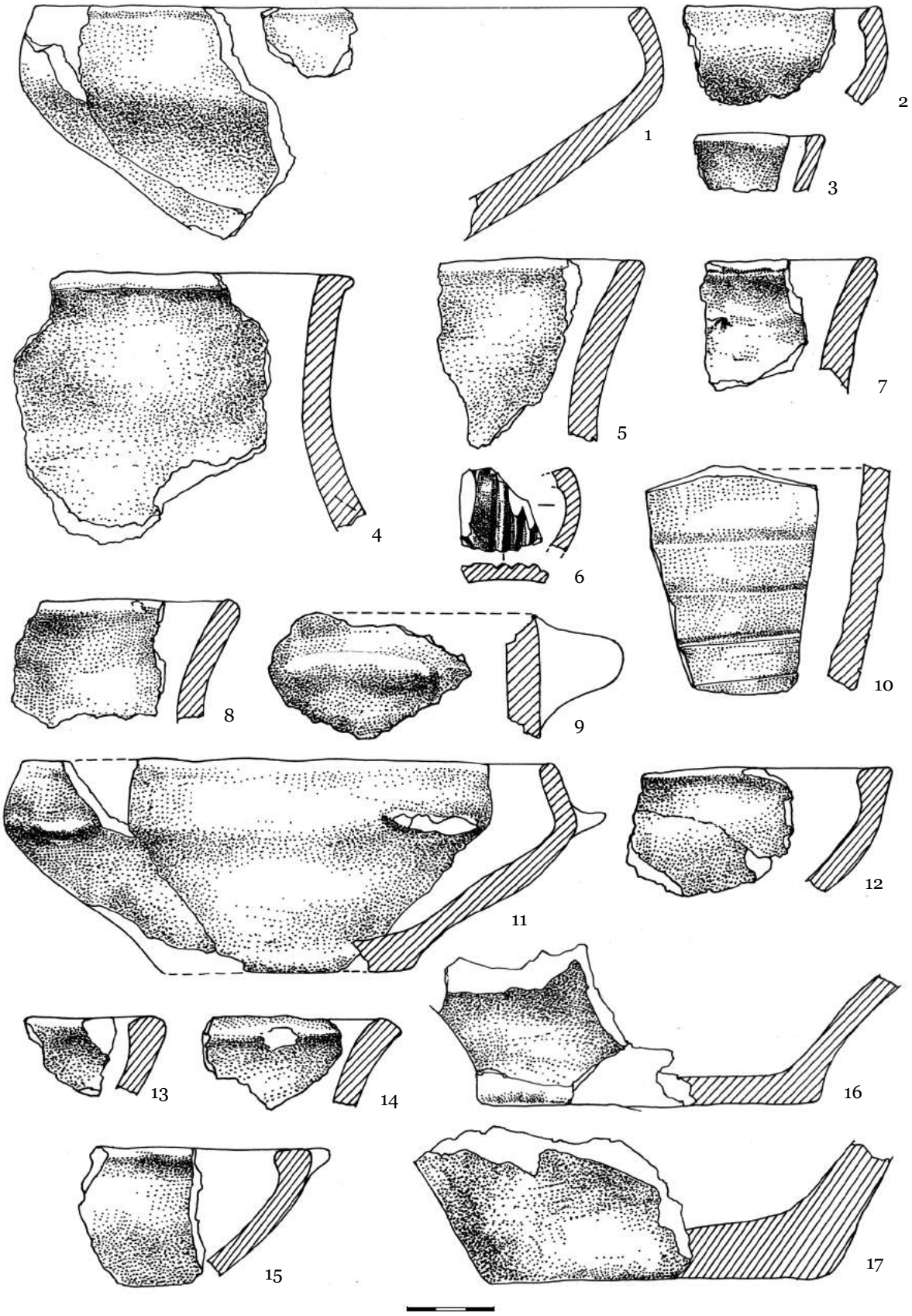


Fig. 41. Saharna Mare. 1-6 - Inventarul gropii nr. 156; 7-10 - inventarul gropii nr. 157; 11-17 - inventarul gropii nr. 158.

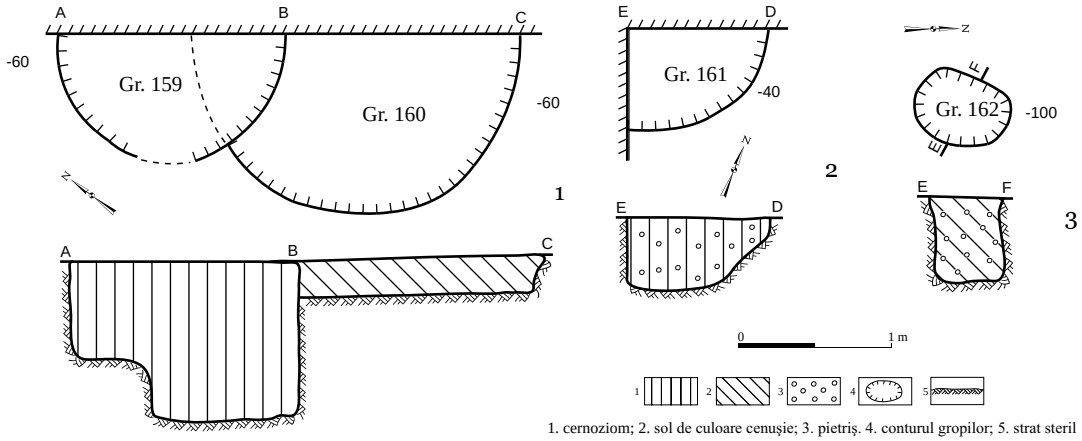


Fig. 42. Saharna Mare. 1 - Planul şi profilul gropilor nr. 159 şi 160; 2 - planul şi profilul gropii nr. 161; 3 - planul şi profilul gropii nr. 162.

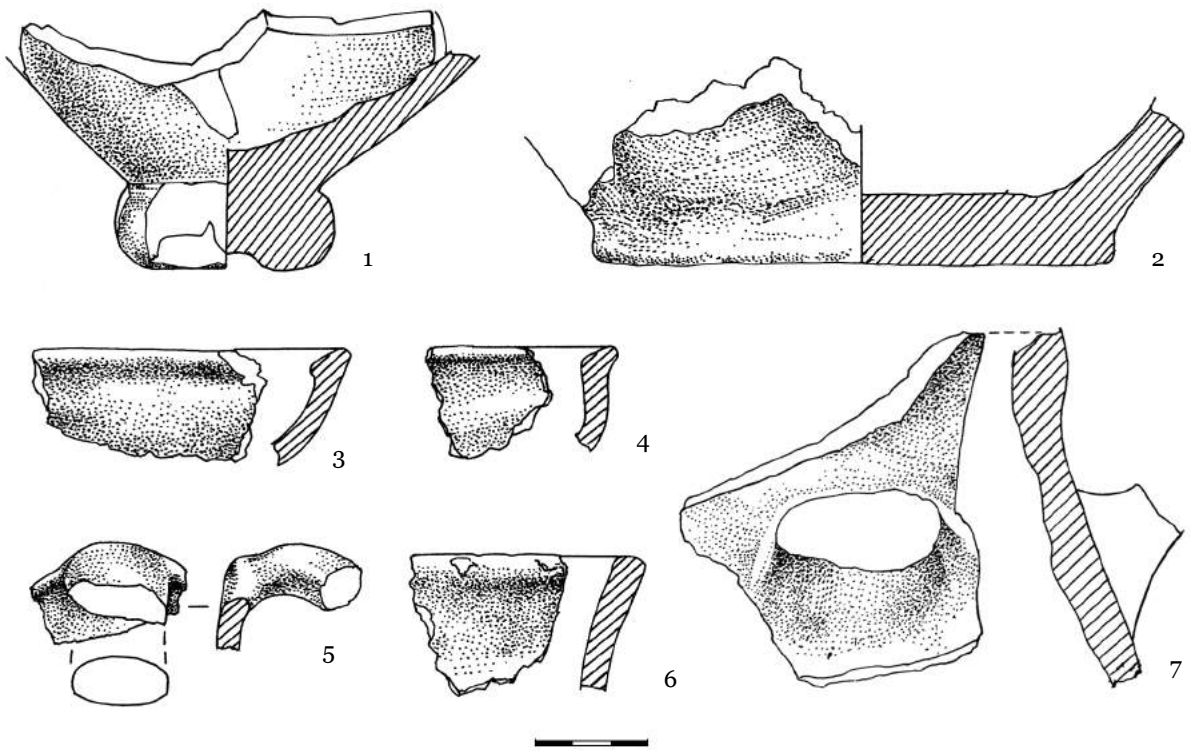


Fig. 43. Saharna Mare. 1 - Inventarul gropii nr. 159; 2 - inventarul gropii nr. 160; 3-6 - inventarul gropii nr. 161; 7 - inventarul gropii nr. 162.

Groapa nr. 167 (3/13A/2010) a fost descoperită în secţiunea 13A, la adâncimea de 0,6 m (fig. 44/5). Ea avea formă cilindrică cu diametrul de 1,1 m şi adâncimea de 0,4 m. Emplectonul gropii consta din sol castaniu.

Groapa nr. 168 (2/14/2010) a fost sesizată în secţiunea 14, la adâncimea de 0,5 m (fig. 44/6). Complexul a fost investigat parţial, o parte a lui continuând în afara secţiunii. Însă, conform profilului, s-a putut stabili că groapa avea formă quasi-cilindrică cu diametrul 0,75-0,80 m şi adâncimea de 0,6 m. Groapa a fost umplută cu sol de culoare cenuşie.

Inventar: 24 fragmente de oase de animale.

Groapa nr. 169 (3/14/2010) (fig. 44/7) a fost surprinsă în secţiunea 14, la adâncimea de 0,50

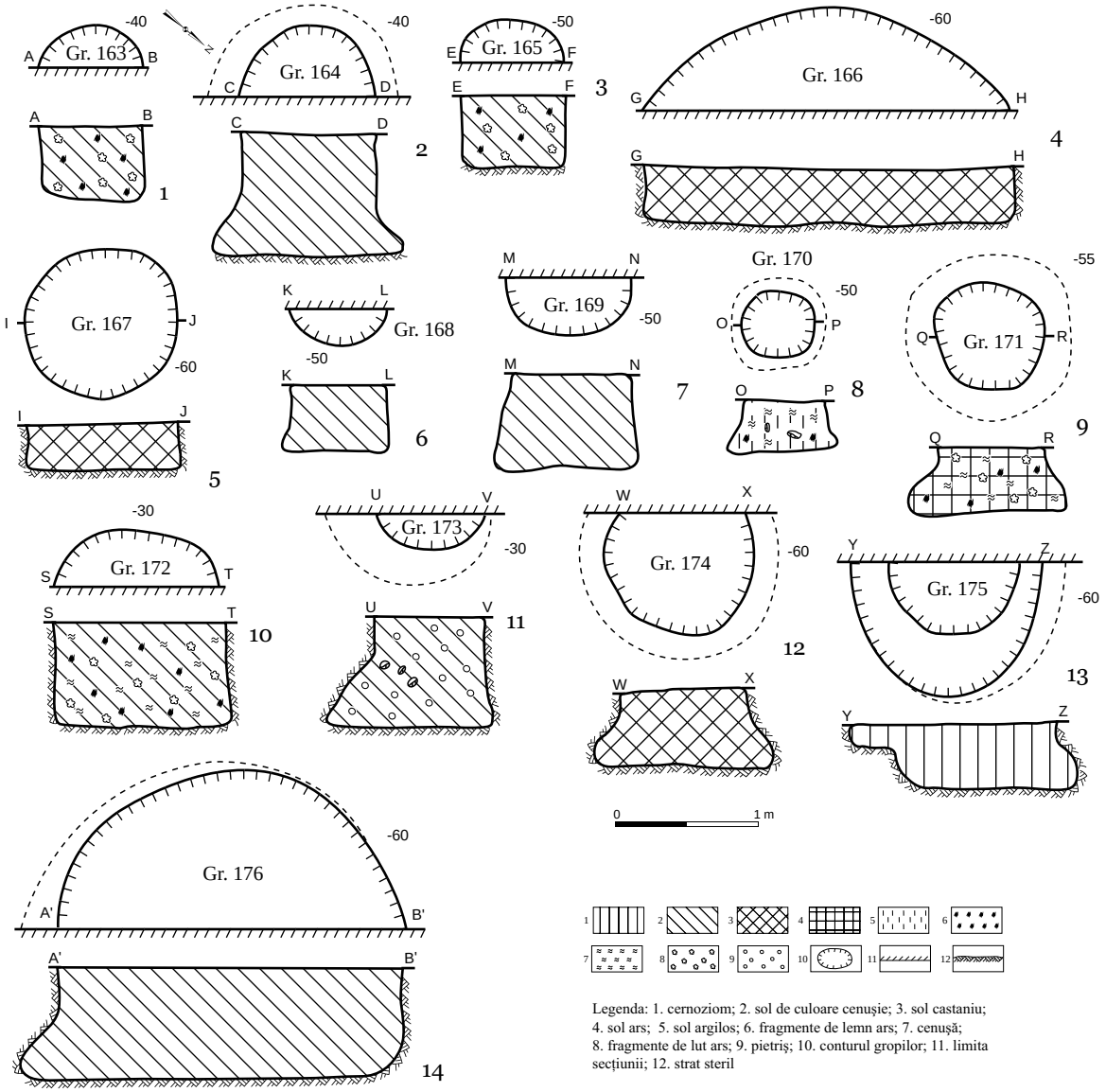

Gr. 163
Gr. 164
Gr. 165
Gr. 166
Gr. 167
Gr. 168
Gr. 169
Gr. 170
Gr. 171
Gr. 172
Gr. 173
Gr. 174
Gr. 175
Gr. 176
0 1 m
Legenda: 1. cernoziom; 2. sol de culoare cenuşie; 3. sol castaniu; 4. sol ars; 5. sol argilos; 6. fragmente de lemn ars; 7. cenuşă; 8. fragmente de lut ars; 9. pietriş; 10. conturul gropilor; 11. limita secţiunii; 12. strat steril

Fig. 44. Saharna Mare. Planul şi profilul gropilor fără material crono-indicator, atribuite orizontului traco-getic.

m. Ea, de asemenea, nu a fost cercetată complet, o parte a ei rămânând în afara secţiunii. După cum reiese din partea investigată, groapa avea formă de clopot cu diametrul gurii de 0,85 m, iar al fundului de – 1,1 m şi adâncimea de 0,9 m. Umplutura gropii consta din sol de culoare cenuşie.

Inventar: 44 oase de animale şi 33 fragmente de lut ars.

Groapa nr. 170 (4/14/2009) a fost descoperită în secţiunea 14, la adâncimea de 0,5 m (fig. 44/8). Ea a avut forma de clopot cu diametrul gurii de 0,6 m, cel al fundului de 0,8 m şi adâncimea de 0,45 m. Emplectonul ei consta din sol argilos în amestec cu cenuşă, pietre şi fragmente de lemn carbonizat.

Groapa nr. 171 (5/14/2009) (fig. 44/9) a fost sesizată în secţiunea 13, la adâncimea de 0,55 m. Ea a avut forma de clopot cu diametrul gurii de 0,5 m, cel al fundului de 0,75 m şi adâncimea de 0,4 m. Emplectonul ei consta din sol ars în amestec cu cenuşă, fragmente de lut ars şi fragmente de lemn carbonizat.

Groapa nr. 172 (1/18/2011) a fost atestată în secţiunea 18, la adâncimea de 0,3 m (fig. 44/10). Complexul a fost investigat doar pe jumătate, restul rămânând în afara secţiunii. S-a stabilit că groapa era de formă cilindrică, cu diametrul de 1,15 m şi adâncimea de 0,74 m. Emplectonul reprezintă sol cenuşiu în amestec cu cenuşă, fragmente de lut ars şi fragmente de lemn carbonizat.

Groapa nr. 173 (3/18/2011) a fost sesizată în secţiunea 18, la adâncimea de 0,3 m (fig. 44/11). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii. Ţinând cont de porţiunea investigată, se poate constata că groapa avea forma de clopot cu diametrul gurii de 0,8 m, al fundului de – 1,2 m şi adâncimea de 0,8 m. Umplutura gropii reprezintă sol de culoare cenuşie în amestec cu pietriş.

Groapa nr. 174 (6/18/2011) a fost surprinsă în secţiunea 18, la adâncimea de 0,6 m (fig. 44/12). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia rămânând în afara secţiunii. Având în vedere porţiunea investigată, se poate constata că groapa avea forma de clopot cu diametrul gurii de 1 m, al fundului de – 1,4 m şi adâncimea de 0,6 m. Emplectonul constă din sol de culoare castanie.

Groapa nr. 175 (10/18/2011) a fost descoperită în secţiunea 18, la adâncimea de 0,6 m (fig. 44/13). Ea a fost cercetată parţial, o parte a acesteia continuând în afara secţiunii. Groapa avea formă circulară în plan cu diametrul de 1,5 m, iar adâncimea ei variază de la 0,2 la 0,6 m. Umplutura gropii reprezintă sol e de culoare cenuşie.

Groapa nr. 176 (11/18/2011) a fost atestată în secţiunea 18, la adâncimea de 0,6 m (fig. 44/14). Groapa era de formă cilindrică, cu diametrul de 2,4 m şi adâncimea de 0,8 m. La adâncimea de 0,4 m de la gura gropii diametrul fundului se lărgeşte până la 2,6 m. Emplectonul reprezintă sol cenuşiu.

Ca urmare a analizei materialelor arheologice din gropile descrise mai sus se poate stabili că o parte din ele au fost utilizate în perioada de la finele sec. VIII - sec. VII a. Chr., altele – în sec. VI-V/IV a. Chr., iar altele – în sec. IV-III a. Chr. Această situaţie arheologică este un argument destul de serios pentru demonstrarea perpetuării siturilor pe interfluviul de la Saharna Mare.

Inventar

Atât în complexe, cât şi în stratul cultural a fost descoperit un bogat şi variat inventar arheologic, reprezentat de unelte de muncă, arme, piese de podoabă şi ceramică, confecţionate din diverse materii prime: fier, bronz, os, piatră şi lut.

Unelte

Uneltele din fier sunt reprezentate de o străpungătoare (cat. nr. I.2; fig. 45/2) şi o lamă de cuţit (cat. nr. I.1; fig. 45/1).

Străpungătoarea a fost confecţionată dintr-o bară rectangulară în secţiune şi avea unul din capete ascuţit. La Saharna Mare o astfel de piesă este cunoscută şi din cercetările efectuate de G.D. Smirnov (Arnăut 2003, 113). Străpungătoare similare au fost descoperite la Curteni (Iconomu 1981-1982, 129, 149, fig. 6/9, fig. 19/5), Brad (Ursachi 1995, 130, pl. 14/14, 18) etc.

Lama de cuţit avea muchia arcuită şi era înzestrată cu peduncul de înmănuşare. Piese similare au fost atestate la Saharna Mare, în campaniile anterioare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 125, fig. 145/1-3), Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 44, fig. 29/4, 5), Hansca (Рикман, Никулицэ 1985, 120, рис. 115), Lozna (Teodor 1999, 208, fig. 22/3) etc.

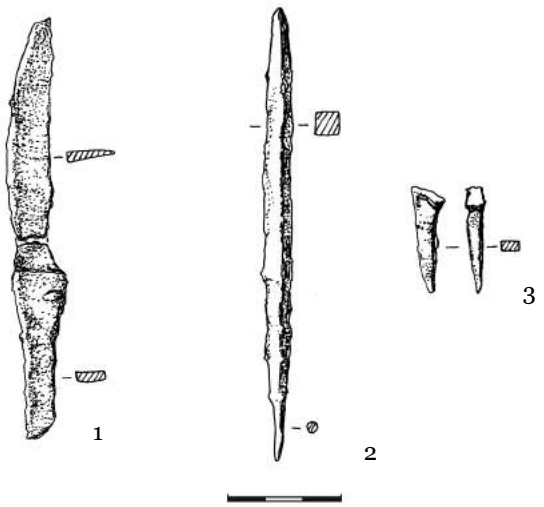


Fig. 45. Saharna Mare. Unelte din fier din stratul cultural.

Ustensilele din os şi corn sunt cunoscute după patru străpungătoare (cat. nr. II.1-4; fig. 36/4; 46/1-3), două unelte pentru modelarea ceramicii (spatule) (cat. nr. II.6, 7; fig.) şi două bucăţi de corn de căprior, cu urme de prelucrare (probabil semifabricatele unor ustensile) (cat. nr. II.8, 9; fig. 15/15; 46/5). *Străpungătoarele* au fost confecţionate prin aşchierea şi şlefuirea oaselor de animale. Acestea aveau forma plată sau rotundă în secţiune, cu unul din vârfuri ascuţit. Lungimea exemplarelor descoperite la Saharna Mare este cuprinsă între 9 şi 15 cm. Străpungătoarele din os au o răspândire largă în siturile traco-getice, fiind descoperite la Alcedar (Haheu 1998, 127, fig. 4/21), Stolniceni (Sîrbu, Arnăut 1995, 392, fig. 4/2), Cucorăni (Teodor 1999, 210, fig. 24/9, 10), Brad (Ursachi 1995, 136, pl. 20) etc.

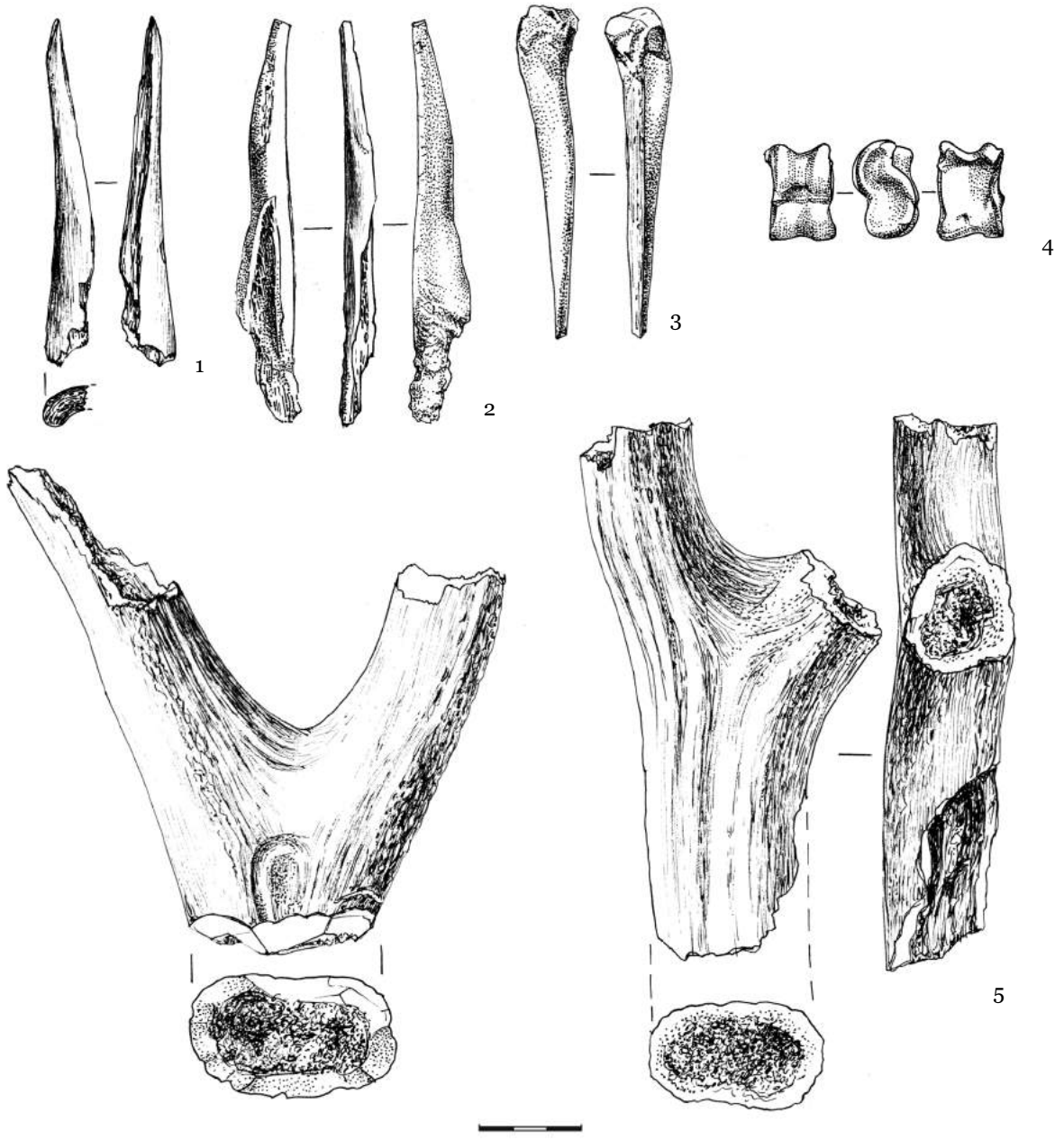


Fig. 46. Saharna Mare. Piese din os (1-4) şi corn (5) din stratul cultural.

Spatulele sunt confecţionate din coaste de animale, prin prelucrarea părţilor laterale. Astfel de unelte sunt frecvent întâlnite în aşezările tracogetice din sec. VI-III a. Chr.

Uneltele din piatră sunt reprezentate de un toporaş (cat. nr. III.1; fig. 28/6), nouă cute (cat. nr. III.2-10; fig. 19/2; 22/10; 28/5; 34/12; 47/1, 2, 4, 7, 10), două pietre de râşniţă (cat. nr. III.11, 12; fig. 47/5, 6) şi trei percutoare (cat. nr. III.13-15; fig. 47/3, 9, 11).

Toporaşul (fig. 28/6) provine din construcţia nr. 4. El a fost confecţionat din piatră de marnă şi avea forma trapezoidală în plan. Un toporaş similar a fost descoperit într-un depozit de arme şi piese de podoabă de la Poiana, care este încadrat în sec. IV-III a. Chr. (Vulpe, Teodor 2003, 51, fig. 81/6).

Cutele au fost descoperite atât în complexe (fig. 19/2; 22/10; 28/5; 34/12), cât şi în stratul cultural (fig. 47/1, 2, 4, 7, 10). Ele au fost confecţionate din pietre de gresie sau de râu şi au, de regulă,

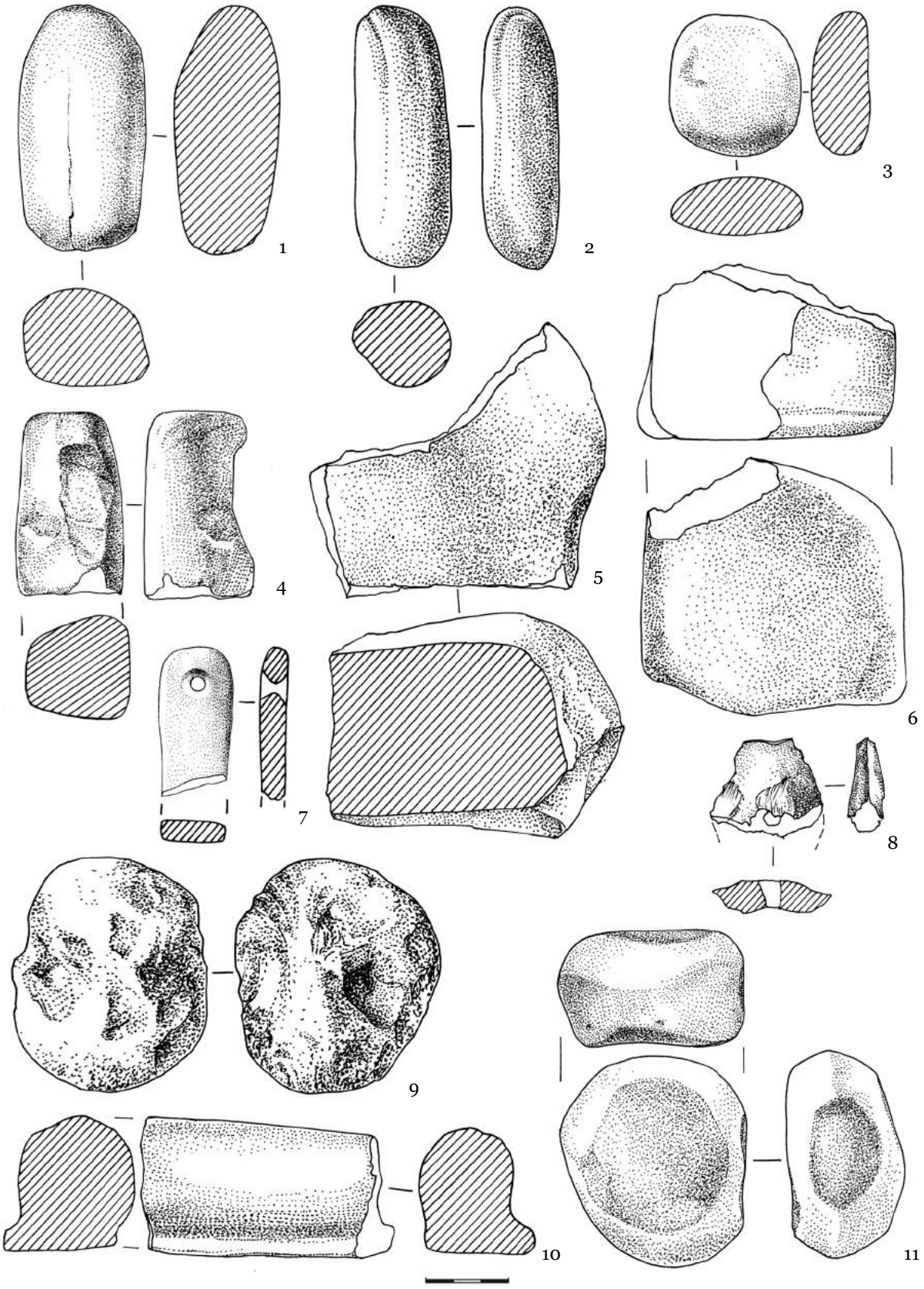


Fig. 47. Saharna Mare. Unelte din piatră din stratul cultural.

formă quasi-poligonală în plan. Lungimea lor variază de la 6,0 cm la 9,4 cm, lăţimea – de la 2,4 cm la 5,5 cm, iar grosimea – de la 0,7 cm la 3,6 cm. Cute similare au fost descoperite la Saharna Mare şi în campaniile anterioare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 126, fig. 149). Piesele de acest tip sunt frecvent întâlnite în siturile traco-getice de la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 64/6, 7, 9, 10), Alcedar (Haheu 1998, 126, fig. 3/1, 2, 8), Hârtopul Mare (Cebotarenco 1997, pl. 4/1-4), Brad (Ursachi 1995, 134, pl. 229) etc.

Râşniţele de mână au fost descoperite în stratul cultural şi sunt documentate prin două pietre de râşniţe plate (fig. 47/5, 6) şi trei percutoare (fig. 47/3, 9, 11), confecţionate din piatră de gresie. Pietrele de râşniţă aveau formă quasi-poligonală în plan, iar percutoarele erau quasi-elipsoidale. Toate piesele poartă urme de utilizare intensă. Uneltele de acest tip sunt bine documentate la Saharna Mare, fiind atestate şi în campaniile anterioare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 126, fig. 150/1-3). De asemenea, astfel de râşniţe sunt întâlnite şi în alte aşezări traco-getice, cum ar fi: Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 65), Măşcăuţi „Dealul cel Mare" (Zanoci 2004, fig. 14/1, 2), Satu Nou "Valea lui Voicu" (Irimia, Conovici 1989, 148, fig. 30/1) etc.

Ustensilele din lut au fost descoperite atât în complexe, cât şi în stratul cultural, fiind documentate prin 33 fusaiole, nouă rondele, un fragment de lingură pentru turnat metal şi două creuzete (?).

Fusaiolele au fost lucrate din pastă de lut cu impurităţi de şamotă. Ele au fost arse neuniform, având culoarea ce variază de la cărămiziu/brun la cenuşiu. Fusaiolele după formă, indiferent de dimensiunile lor absolute, pot fi grupate în patru tipuri:

Tipul I – fusaiole de formă bitronconică – 20 exemplare (cat. nr. IV.2, 6-8, 12-19, 21, 23; fig. 15/7-8, 10-13; 22/13; 28/3; 34/11; 48/1-7, 9-11). De regulă înălţimea lor este cuprinsă între 1,9 şi 3,4 cm, diametrul maxim variază între 2,3 şi 3,9 cm, diametrul bazelor este de 0,7-2,0 cm, iar diametrul orificiului – de 0,5 şi 1,1 cm.

Tipul II – fusaiole de formă tronconică – şapte piese (cat. nr. IV.1, 3, 9, 11, 20, 22, 28; fig. 15/9; 28/1, 2; 48/8, 17-19). Înălţimea lor variază între 1,5 şi 2,2 cm, diametrul bazei mici fiind cuprins între 0,9 şi 2,1 cm, al celei mari – între 2,5 şi 4,1 cm, iar al orificiului – între 0,5 şi 0,9 cm.

Tipul III – fusaiole de formă sferică – cinci exemplare (cat. nr. IV.4, 10, 24-26; fig. 48/12-16). Acestea au diametrul cuprins între 2,0 şi 2,3 cm, iar diametrul orificiului – între 0,4 şi 0,7 cm.

Tipul IV – fusaiole de formă cilindrică – un exemplar (cat. nr. IV.5; fig. 48/20).

Fusaiole de aceste tipuri au fost descoperite la Saharna Mare şi în campaniile anterioare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 126-127, fig. 152-156). Această categorie de piese este pe larg răspândită la siturile traco-getice din sec. VII/VI-III a. Chr. (Arnăut 2003, 115-116; Teodor 1999, 74, fig. 50; Zanoci 1998, 81, fig. 77, 78).

Rondelele, de asemenea, au fost atestate în complexe, precum şi în stratul cultural. Ele au fost confecţionate din pereţii unor vase modelate cu mâna (cat. nr. IV.34, 35, 37, 38, 40-42; fig. 28/4; 31/2; 32/22, 23; 48/23-25) sau din pereţi de amfore greceşti (cat. nr. IV.36, 39; fig. 48/22, 26). Rondele au forma cilindrică cu înălţimea de 0,6-0,9 cm şi diametrul de 2,5-4,5 cm. Astfel de piese sunt cunoscute şi alte situri traco-getice, printre care la Alcedar (Haheu 1998, fig. 5/15, 16), Curteni (Iconomu 1981-1982, fig. 17/11), Brad (Ursachi 1995, 140, pl. 241/4-15) etc.

Lingura pentru turnat metal (cat. nr. IV.34; fig. 48/21) a fost confecţionată din lut cu degresanţi de şamotă măruntă, având arderea neuniformă şi incompletă. Culoarea ei variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Atât piesa în întregime, cât şi cavitatea ei aveau forma ovală în plan. Două linguri similare au fost atestate la Saharna Mare în anul 2002 (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 127, fig. 157/2, 3). Astfel de piese sunt larg răspândite atât cronologic, cât şi în spaţiu. Acestea sunt cunoscute în epoca bronzului, în arealul culturii Costişa – la aşezarea Botoşana (Teodor 1979-1980, 46, fig. 6/1, 2). În prima epocă a fierului ele sunt atestate în cultura Babadag – la aşezarea Garvăn „Mlăjitul Florilor" (Jugănaru 2005, 75-79, 141, fig. 47/8), în cultura Gava – aşezarea Grăniceşti (László 1994, 64, 233, fig. 13/1). În secolele VI/V-III a. Chr. piese similare sunt cunoscute la aşezarea Stânceşti (Florescu, Florescu 2005, fig. 103), în necropola plană de la Hansca-Lutărie (Никулицэ 1987, рис. 28/9, 10) etc.

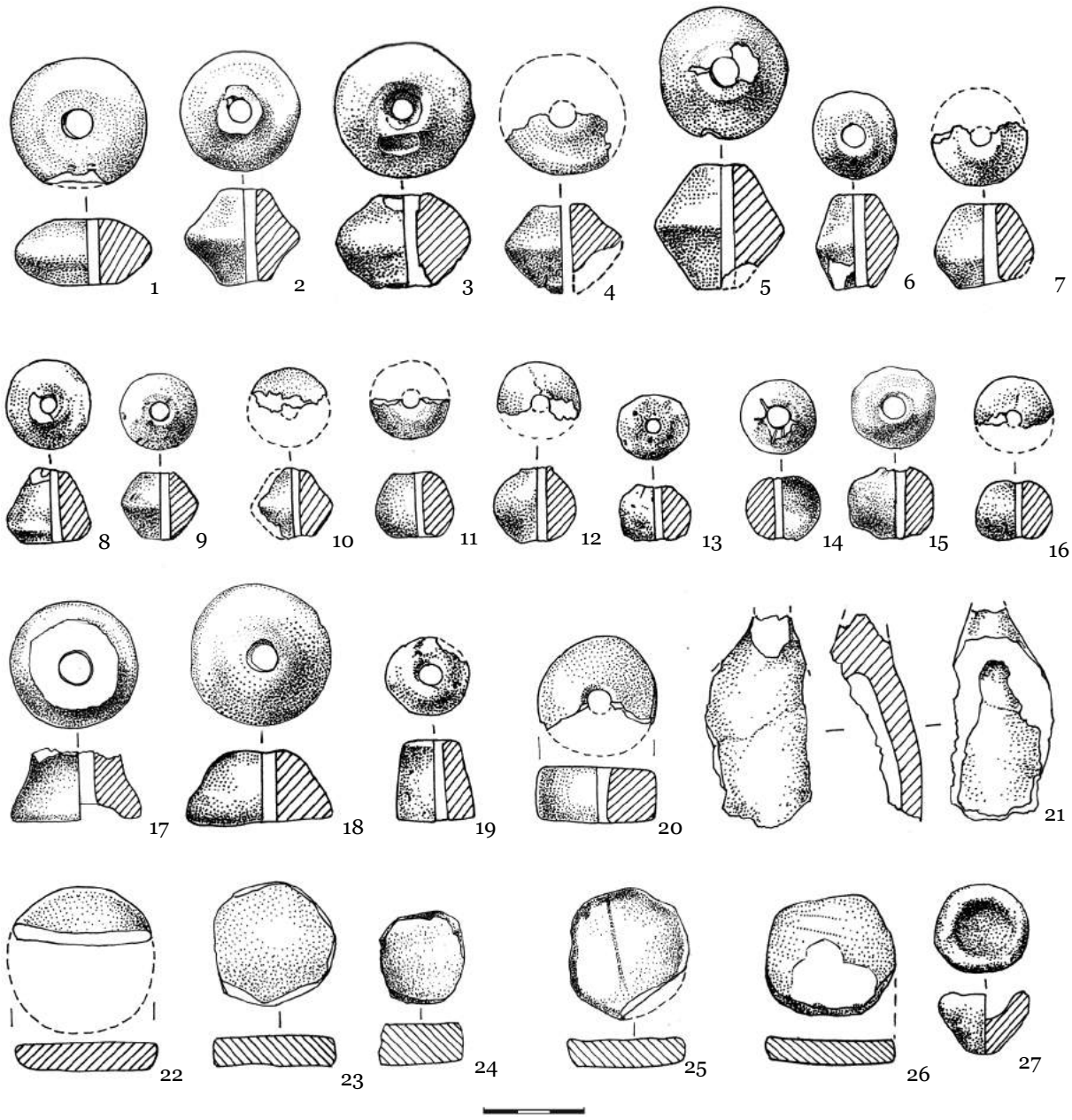


Fig. 48. Saharna Mare. Ustensile din lut din stratul cultural.

Arme

Armele descoperite la cetatea Saharna Mare sunt reprezentate de un vârf de lance, un manşon de lance şi trei vârfuri de săgeată.

Vârful de lance (cat. nr. I.7; fig. 49/1) a fost confecţionat din fier şi avea vârful scurt, cu profil romboidal în secţiune, iar manşonul lung de formă tronconică. Astfel de arme mai sunt cunoscute la Buneşti (Bazarciuc 1983, 255, fig. 4/7), Botoşana (Teodor 1999, 253, fig. 67/7) etc. *Manşonul de lance* (cat. nr. I.6; fig. 49/2), de asemenea, a fost confecţionat din fier şi, după toate particularităţile sale, făcea parte de la o piesă de tipul celei descrise mai sus. Un manşon similar a fost atestat şi în aşezarea de la Buneşti (Teodor 1999, 255, fig. 69/9).

Vârfurile de săgeată (cat. nr. I.8-10; fig. 15/2; 39/3; 49/3) au fost confecţionate din bronz şi sunt de tipul „cu trei muchii" şi dulie de înmănuşare interioară. Un vârf de săgeată similar a fost descoperit anterior la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 128, fig. 147/13). Acest tip de armă este destul de frecvent întâlnit atât în aşezările, cât şi în necropolele traco-getice din sec. IV-III a. Chr. (Arnăut 2003, 119-121).

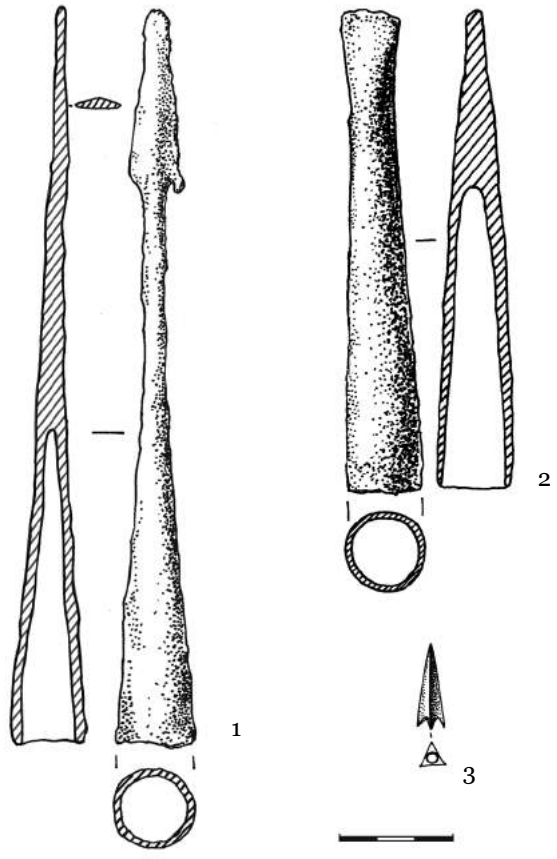


Fig. 49. Saharna Mare. Arme din metal (1-2 - fier; 3 - bronz).

Piese de podoabă

Categoria pieselor de podoabă este documentată prin trei brăţări, două verigi, patru inele de buclă, un inel, două fibule, trei detalii de la fibule, două aplici, 15 mărgele şi două pandantive.

În majoritatea cazurilor, ele au fost atestate în stratul de cultură şi, mai rar, în complexe. Interes prezintă piesele descoperite în contextul unui „tezaur", compus din două brăţări – una din cupru (cat. nr. I.14; fig. 50/4) şi una din argint (cat. nr. I.15; fig. 50/5), trei inele de buclă (cat. nr. I.16-18; fig. 51/1-3), o aplică (cat. nr. I.26; fig. 51/10), 15 mărgele întregi (cat. nr. V.1-15; fig. 52) şi 12 fragmentare. Toate piesele au apărut la adâncimea de 16-20 cm şi erau „împrăştiate" pe o suprafaţă restrânsă de circa 1 m^2.

Brăţările după formă sunt de două tipuri: cu capetele prinse şi spiralice. Primul tip este reprezentat de o piesă confecţionată din cupru (cat. nr. I.14; fig. 50/4)[11], ornamentată cu o nodozitate în locul sudurii, incizii pe marginea interioară şi cu decor în relief pe marginea exterioară. O brăţară similară, din argint, este cunoscută în mormântul nr. 1, al tumulului (14) scitic de la Ljubereck, datat cu a doua jumătate a sec. IV - începutul sec. III a. Chr. (Петренко 1978, 55, таб. 44/13). Aceste brăţări sunt considerate a fi de schemă La Tène şi sunt încadrate în a doua jumătate a sec. IV - sec. III a. Chr. (Петренко 1978, 55; Нефедова 1992, 25-28).

Brăţările spiralice sunt prezente printr-un exemplar confecţionat din argint (cat. nr. I.15; fig. 50/5) şi prin altul – din fier (cat. nr. I.13; fig. 50/3).

Piesa de argint are patru spirale, capetele ei aplatizate fiind ornamentate prin incizie. Cea mai apropiată analogie pentru ea poate fi găsită în tezaurul de la Mateuţi (Нудельман, Рикман 1956, 129-131, рис. 1; Никулицэ 1977, 103-104, рис. IX, X; Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000, 75-76, pl. XLVII), aflat la o distanţă de circa 12 km. Aceste brăţări se deosebesc, însă, prin numărul de spirale (cea de la Mateuţi are doar trei spirale) şi prin lipsa punctelor imprimate pe exemplarul de la Saharna Mare. Piese asemănătoare, însă confecţionate din bronz, se întâlnesc şi în aşezarea Poiana (Teodor, Nicu, Ţau 1999, 27, fig. 1/1, 3, 5, fig. 2/1, 3, 5). Brăţări plurispiralice din bronz sau argint au fost atestate şi la Buneşti. Acestea, însă, au capetele terminate cu protome stilizate, în formă de cap de şarpe sau alte animale (Bazarciuc 1981, 565-567, fig. 4/1, 2; Bazarciuc 1983, 263-264, fig. 22/1, 2; Bazarciuc 1987, 37, fig. 5/3, 4). Piese similare (din bronz) sunt cunoscute în necropolele de la Ismail (Андрух, Чернов 1990, 156, рис. 2/12), Enisala (Simion 1971, 92, fig. 19/e) de la Dunărea de Jos, precum şi la alte monumente din sec. IV-III a. Chr.

Brăţara din fier (fig. 50/3) avea două spirale şi a fost confecţionată dintr-o sârmă rotundă în secţiune. La un capăt s-a păstrat o protomă de formă tronconică. Brăţările executate din sârmă sau din bară de fier se întâlnesc mai rar în sec. VI-III a. Chr. De regulă, ele sunt monospiralice – Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 69/2), Cotu-Copălău (Şovan, Ignat 2005, 48, pl. 11/3), Brad (Ursachi 1995, 238, pl. 207/6, 10, 15) etc., mai puţin fiind cunoscute cele plurispiralice (Saharna Mare). Brăţările de fier, însă vor căpăta o răspândire mult mai largă în perioada dacică (Ursachi 1995, 237-238).

[11] O eventuală analiză chimică a acestui metal ne va permite sa stabilim mai adecvat componenţa lui.

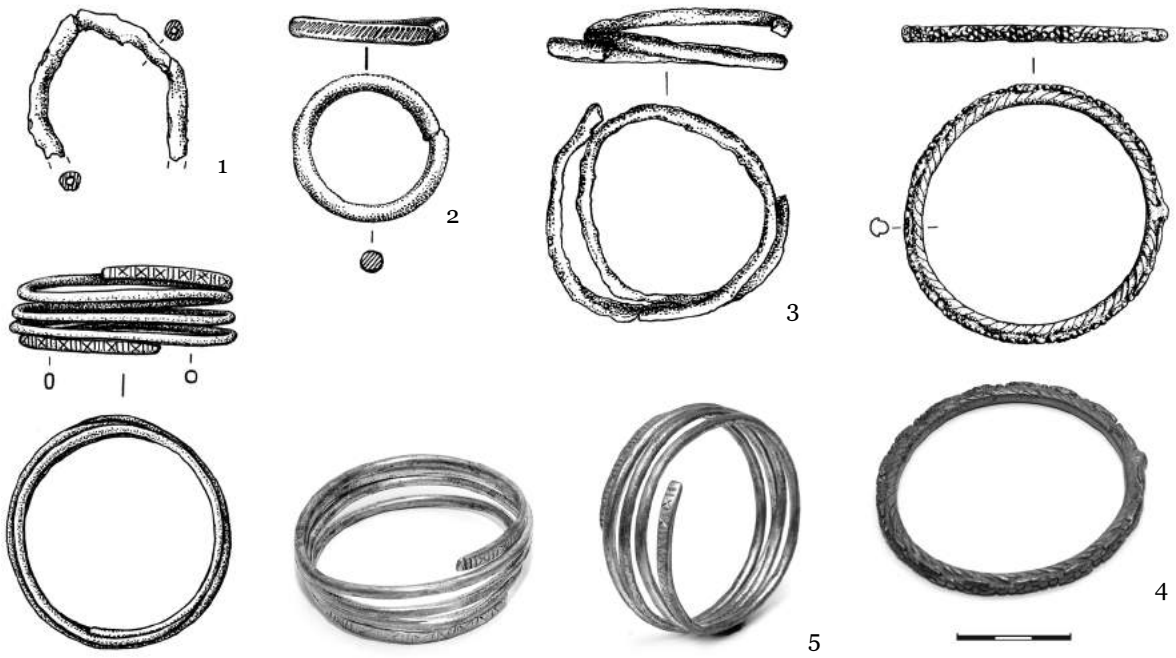


Fig. 50. Saharna Mare. 1, 2 - Verigi; 3-5 - brăţări (1-3 - fier; 4 - cupru; 5 - argint).

Verigile (cat. nr. I.11, 12; fig. 50/1, 2) au fost executate din sârmă de fier, rotundă în secţiune. Ele au formă circulară cu diametrul de cca 4 cm. Una din piese (fig. 50/2) a fost ornamentată pe marginea exterioară cu un şir de incizii.

Inelele de buclă (cat. nr. I.16-19; fig. 51/1-4) descoperite la Saharna Mare au diametrul de 4,0-4,9 cm şi au fost confecţionate din sârmă de argint cu diametrul de 0,20-0,28 cm. Capetele sunt libere şi se termină cu proeminenţe conice. Piese de acest tip au fost descoperite şi în tezaurul de la Mateuţi (Нудельман, Рикман 1956, 129-131, рис. 1), însă acestea sunt mai mici în diametru (3,7 cm), iar sârma din care au fost ele confecţionate este mai groasă (0,4 cm). Sunt asemănătoare ca formă şi piesele de argint descoperite la Buneşti (Bazarciuc 1981, 565, fig. 3), însă şi aici diametrul lor este mai mic (1,8-2,4 cm). Mai aproape ca dimensiuni sunt piesele descoperite în cadrul grupului Ciumbrud (sec. VI-V a. Chr.), unde au fost descoperite circa 70 exemplare, dintre care doar patru sunt confecţionate din metale preţioase, restul – din bronz (Vasiliev 1972, 22-27, pl. VI/2, VII/6; Vasiliev 1980, 98).

Inelul (cat. nr. I.20; fig. 51/5) a fost confecţionat din bronz şi avea capetele libere, unul dintre care se termină într-o protomă triunghiulară, asemănătoare unui cap de şarpe, ornamentată cu linii incizate, oblice.

Fibulele (cat. nr. I.21-25; fig. 15/4; 51/6-9) sunt reprezentate de două piese întregibile şi trei fragmente/părţi componente – ac, picioruşe. Acestea pot fi atribuite fibulelor de tip Duchov/Dux. Asemenea piese, deşi nu se găsesc frecvent la monumentele din spaţiul balacano-carpato-pontic, totuşi nu prezintă o raritate. Numai la siturile Saharna Mică şi Saharna Mare au fost descoperite până la momentul de faţă şapte piese întregibile sau fragmentare. În jurul datării acestui tip de fibule s-au purtat mai multe discuţii. Unii le datau cu sec. III a. Chr. (Никулицэ 1977, 22. рис. 1), alţii cu sec. IV a. Chr., ori prima jumătate a sec. III a. Chr. (Щукин 1994, 70, рис. 16, 113). Actualmente, însă, se consideră că perioada utilizării lor corespunde sec. IV-III a. Chr. (Teodor 1999, 106, 250, fig. 64/13; Arnăut 2003, 129-132).

Aplicele sunt reprezentate de o piesă de formă concavă (cat. nr. I.26; fig. 51/10), confecţionată din argint şi una cruciformă (cat. nr. I.27; fig. 39/2), lucrată din foiţă de bronz. Acestea făceau parte, probabil, de la piese vestimentare mai complexe.

Mărgelele descoperite la Saharna Mare au fost confecţionate din chihlimbar (cat. nr. V.1-15; fig.

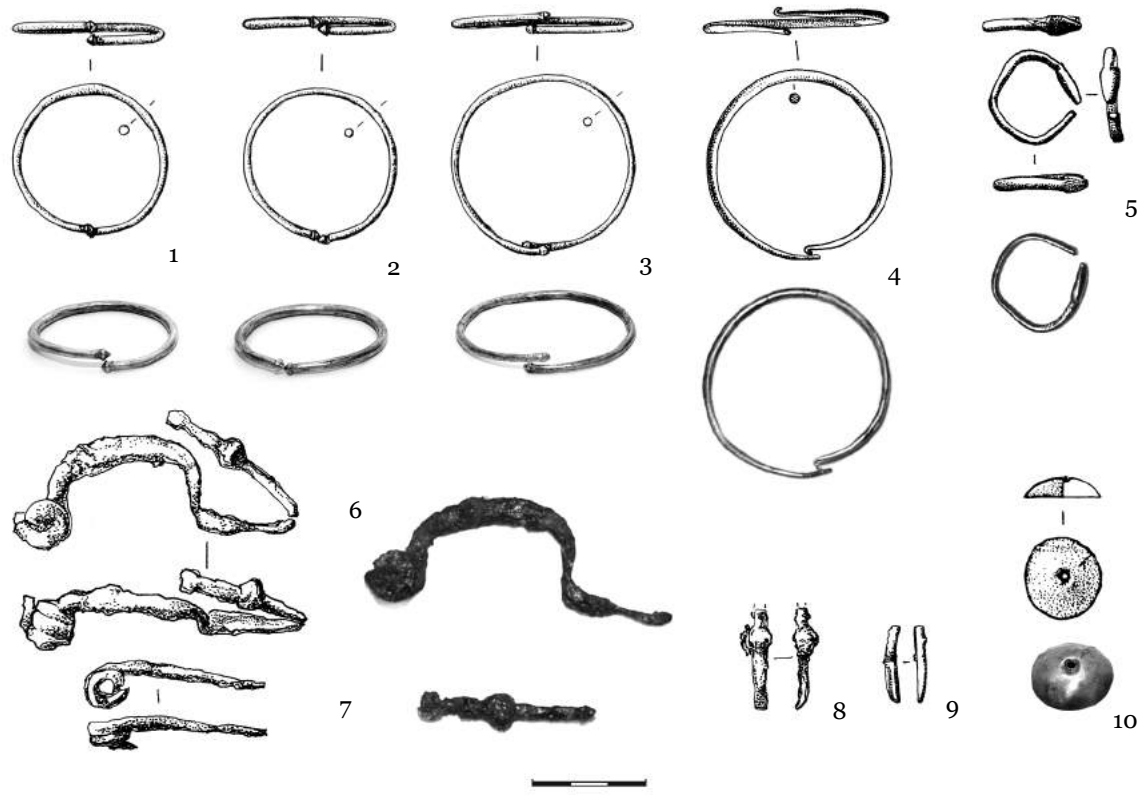


Fig. 51. Saharna Mare. 1-5 - Obiecte de podoabă; 6-10 - piese vestimentare (1-4, 10 - argint; 5 - bronz; 6-9 - fier).

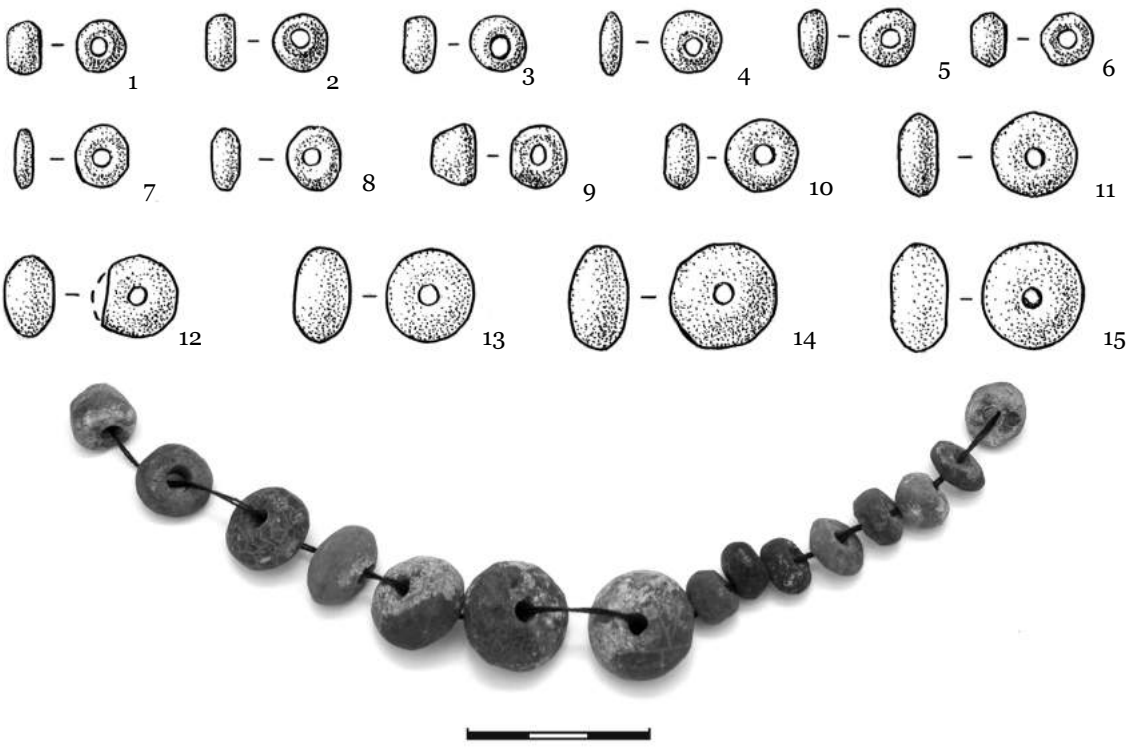


Fig. 52. Saharna Mare. Mărgele din chihlimbar.

52). Ele au forma elipsoidală, dimensiunile lor variind de la 0,8 la 1,7 cm în diametru şi de la 0,3 la 1 cm – ca înălţime (grosime). Astfel de mărgele sunt cunoscute după piesele din tezaurul nr. 2 de la Buneşti (71 piese), datat în sec. IV-III a. Chr. (Bazarciuc 1987, 37-39, fig. 6/4). Mărgele de chihlimbar, numai că de alte forme, au fost sesizate în mormintele de tip Ciumbrud din Transilvania – Sfântu Gheorghe (Székely 1960, 374, fig. 3/3), Blaj (Vasiliev 1972, 22, pl. 5/6), Ozd (Vasiliev 1980, 101-102) etc., încadrate în sec. VI-V a. Chr. Ele se întâlnesc şi în necropolele scitice din sec. VI-III a. Chr. (Петренко 1967, 34).

Pandativele sunt reprezentate de o piesă (cat. nr. III.16; fig. 47/8) confecţionată din piatră de silex şi una – din scoică de râu (cat. nr. VI.1; fig. 31/3).

Ceramică

În stratul cultural din secţiunile cercetate a fost sesizat un număr considerabil de fragmente de la vase din ceramică, modelate cu mâna, sau confecţionate la roata olarului. Ambele categorii după tehnologia de confecţionare, ardere şi decor sunt completamente similare recipientelor descoperite la acest sit prin cercetările anterioare şi se încadrează în linii majore în sec. VII-III a. Chr. (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 130-140, fig. 119-144).

Categoria vaselor modelate cu mâna este reprezentată prin fragmente, sau recipiente grafic întregibile de diverse tipuri: vase/oale, străchini, ceşti, vase miniaturale etc. În cadrul acestei categorii se evidenţiază:

– Vase cu profilul S-oidal, gâtul arcuit, buza răsfrântă în exterior şi trunchiul globular (fig. 55/1, 5, 9-11; 56/1; 57/3, 6-8). Unele recipiente sunt ornamentate în zona joncţiunii gâtului cu trunchiul cu un şirag de alveole (fig. 57/8). Acest tip de vase este caracteristic sortimentului ceramic de la monumentele din sec. VII-III a. Chr.: Cartal-Orlovka (Sîrbu, Niculiţă, Vanciugov 2000, 80, fig. 2/4, 5), Cilic-Dere, Orbeasca de Sus (Moscalu 1983, 381, pl. V/2) etc.

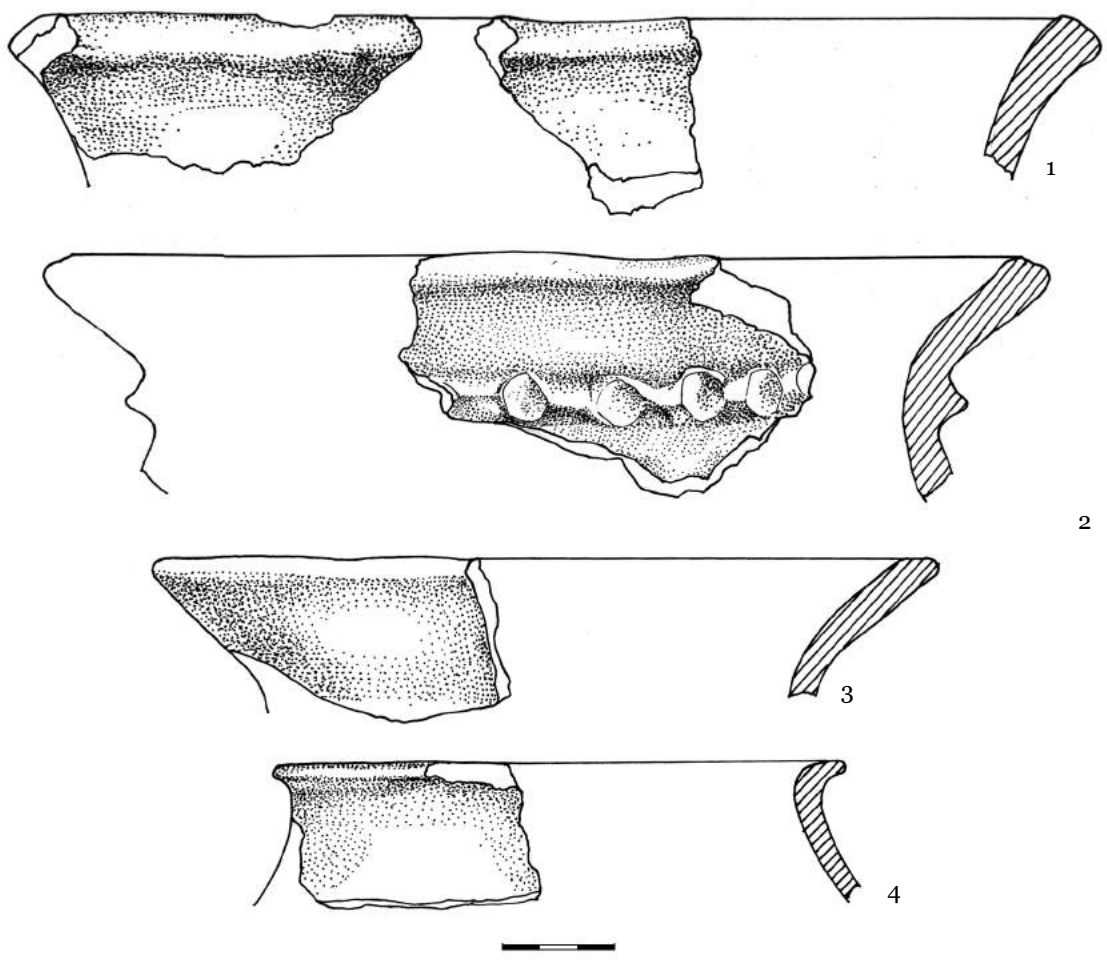


Fig. 53. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

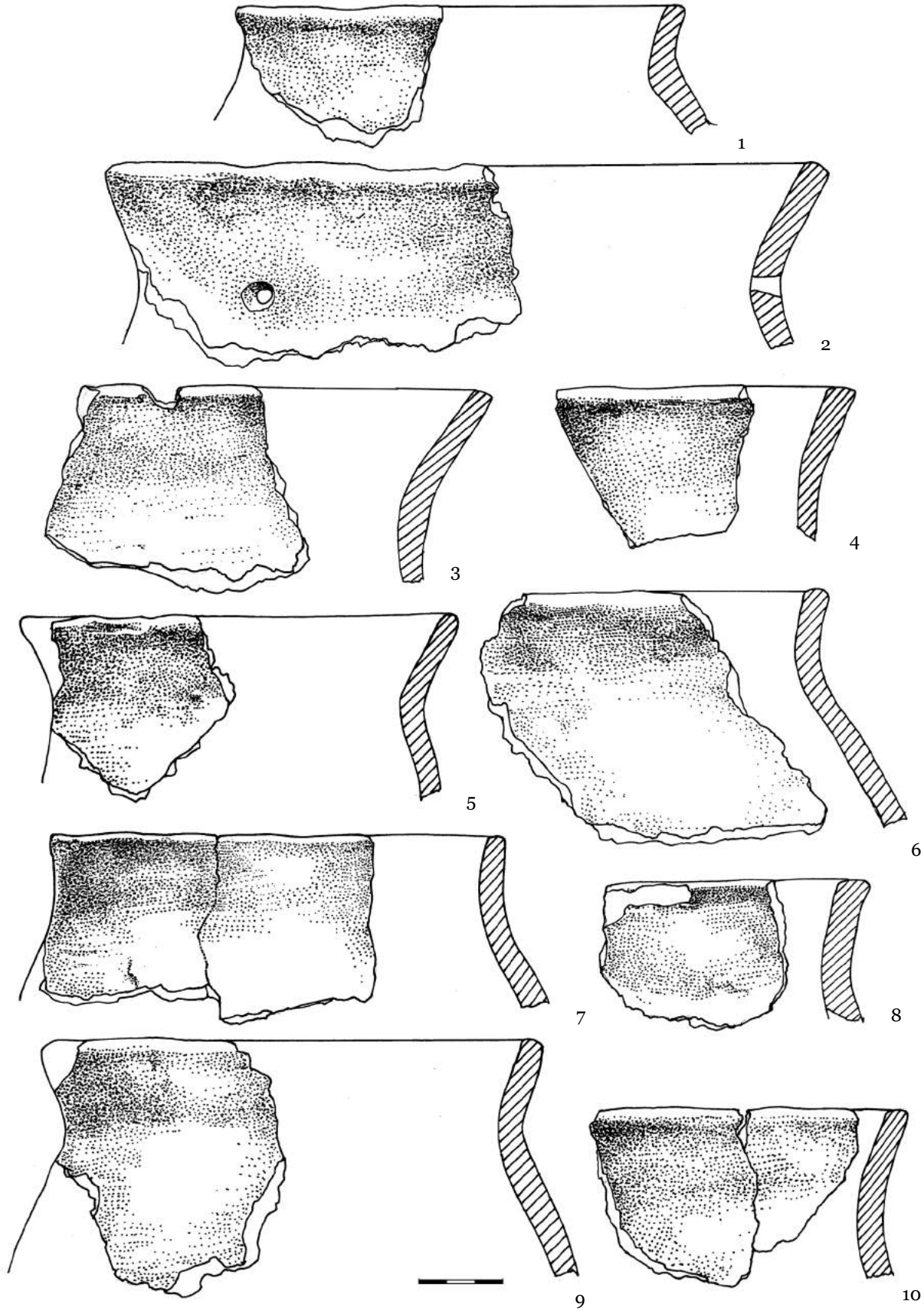


Fig. 54. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

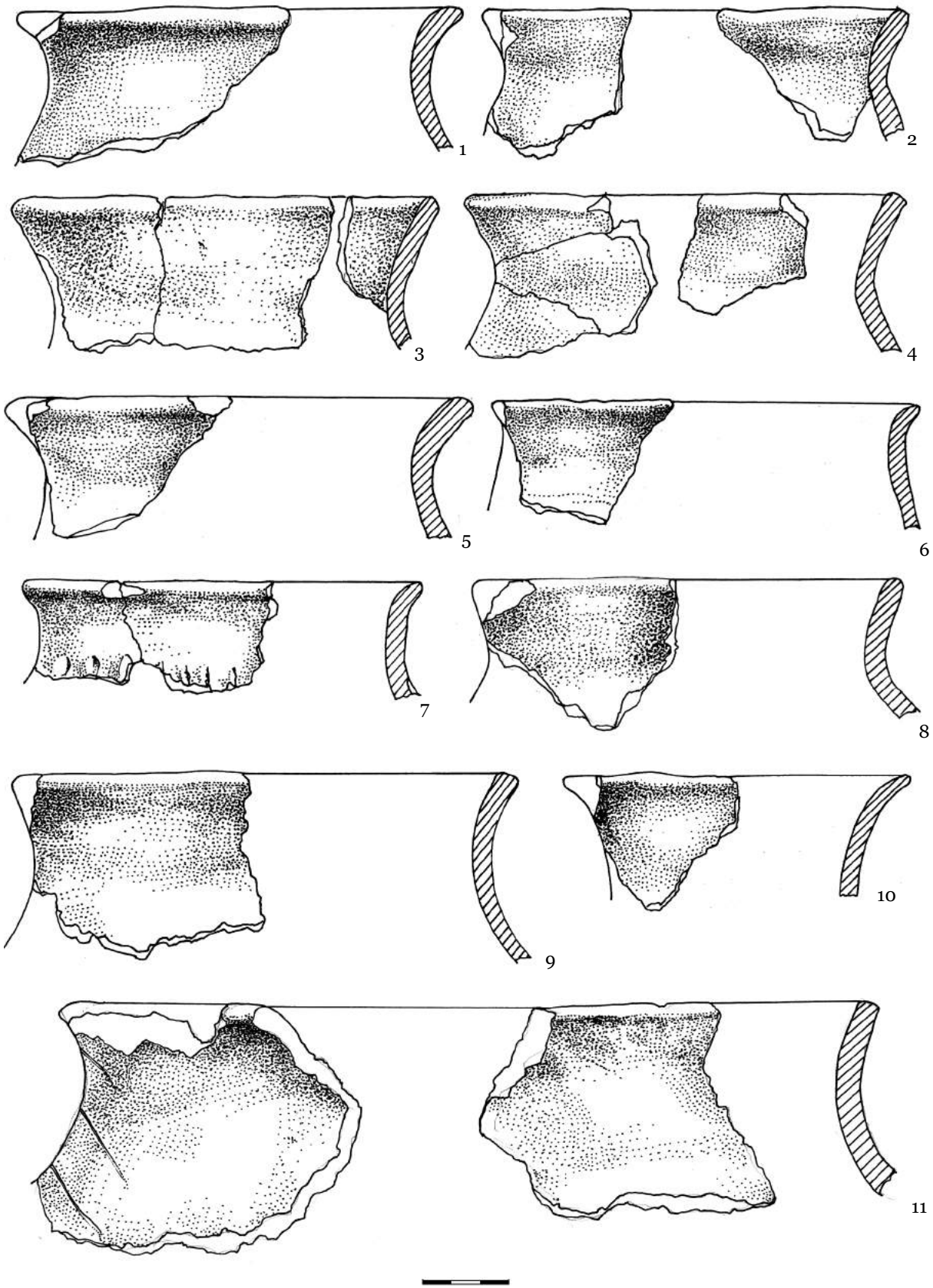


Fig. 55. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

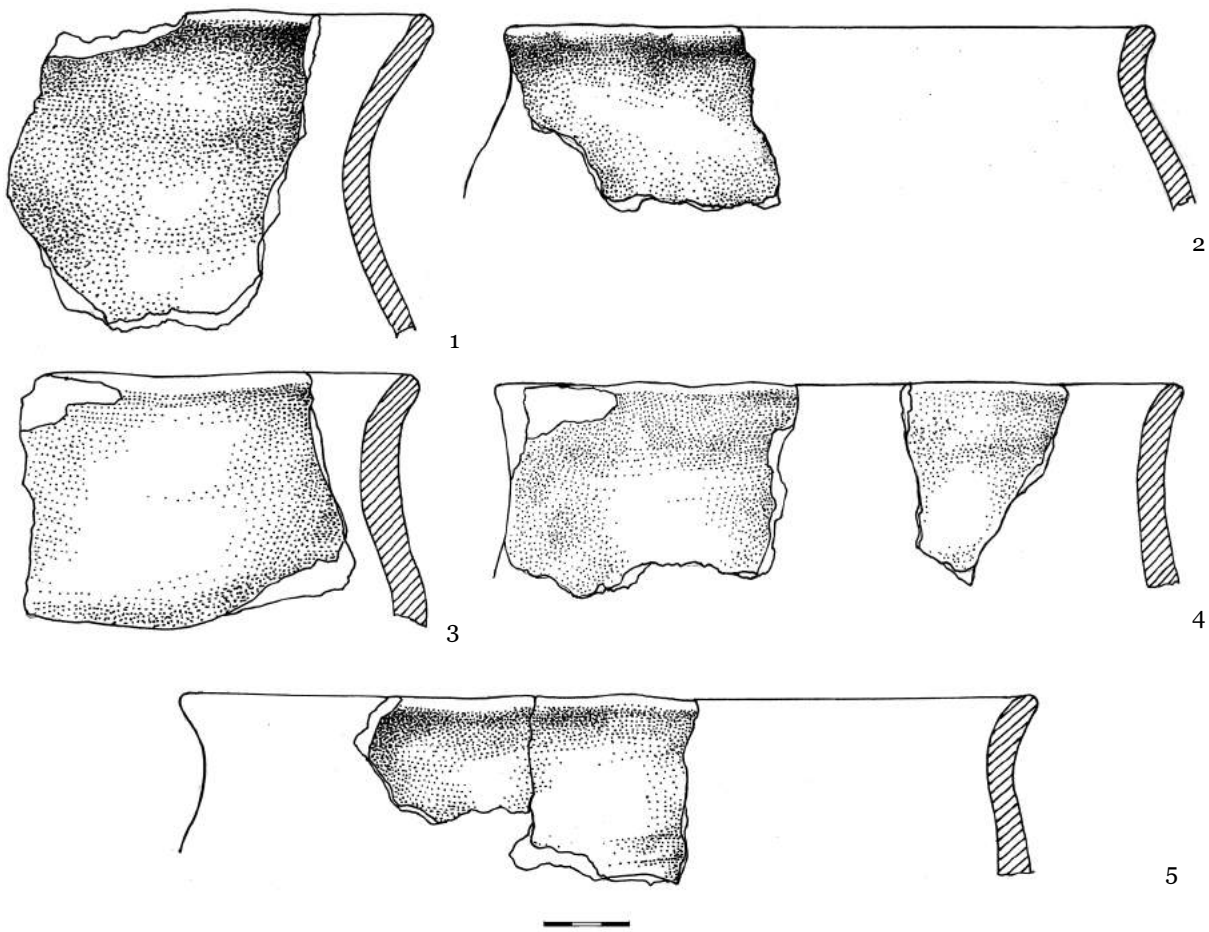


Fig. 56. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

– Vase cu gâtul înclinat în exterior şi trunchiul globular (fig. 57/2, 3, 5, 9; 55/3, 4; 57/4). Exemplare de acest tip sunt frecvent întâlnite la monumentele de la Butuceni, Răcătău (Moscalu 1983, 403, pl. XI/2), Enisala (Simion 1971, 86, fig. 16/d).
– Vase cu gâtul cilindric, buza verticală şi trunchiul globular (fig. 54/1, 6, 7, 10; 57/2). Fragmente ale acestor recipiente sunt frecvent întâlnite atât la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 339, fig. 121/3, 122/1-3), cât şi în cadrul altor situri.
– Vase fără gât cu buza arcuită în exterior ce trece lent în umărul trunchiului globular (fig. 53/4). Aceste recipiente sunt mai rar întâlnite la monumentele din sec. IV-III a. Chr., fiind cunoscute prin descoperirile de la aşezarea Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 212, fig. 86/4), necropola Enisala (Simion 2003, 307, fig. 7/9) etc.
– Vase fără gât în formă de clopot cu diametrul maxim în sfertul al treilea al trunchiului (fig. 58/1, 2, 7; 59/1, 3, 4). De regulă, vasele acestui tip sunt ornamentate pe linia diametrului maxim cu decor în relief în formă de brâu alveolar, sau cu câte un şirag de alveole întrerupt de două ori patru suporturi segmentoidale (fig. 58/1, 7; 59/3). Unele piese sunt ornamentate numai cu câte un şir de alveole (fig. 59/4), iar altele sunt lipsite de decor (fig. 59/1). Vasele în formă de clopot sunt cele mai răspândite, începând cu sec. V a. Chr. şi până la finele sec. III a. Chr., fiind atestate în: Moldova (Pârjolteni, Dănceni, Slobozia, Poiana), Dobrogea (Cernavoda, Ravana), Muntenia (Cernica, Tigveni), Transilvania (Cluj-Mănăştur) etc. (Никулицэ 1987, 45, рис. 2).
– Vase fără gat în formă de clopot cu diametrul maxim în partea de mijloc al trunchiului, care este marcat cu câte două suporturi segmentoidale, amplasate simetric (fig. 61/1, 2). Ele, la fel, sunt întâlnite la majoritatea monumentelor din sec. IV-III a. Chr.
– Vase fără gât cu trunchiul ondulat în formă de sac (fig. 59/2). Unele recipiente au decor în formă de suporturi segmentoidale (fig. 61/4) sau în formă de cilindru amplasat în partea de sus

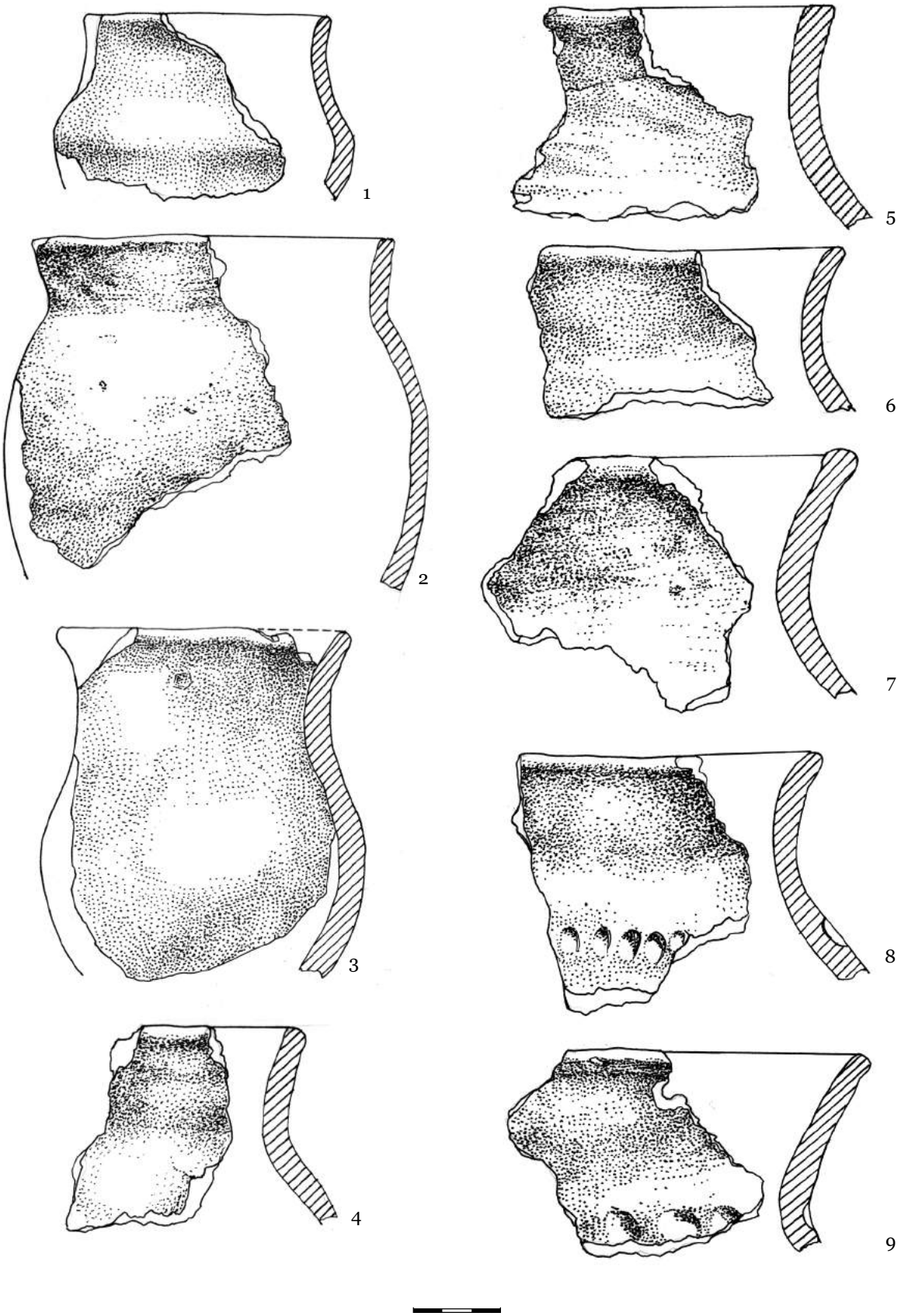


Fig. 57. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

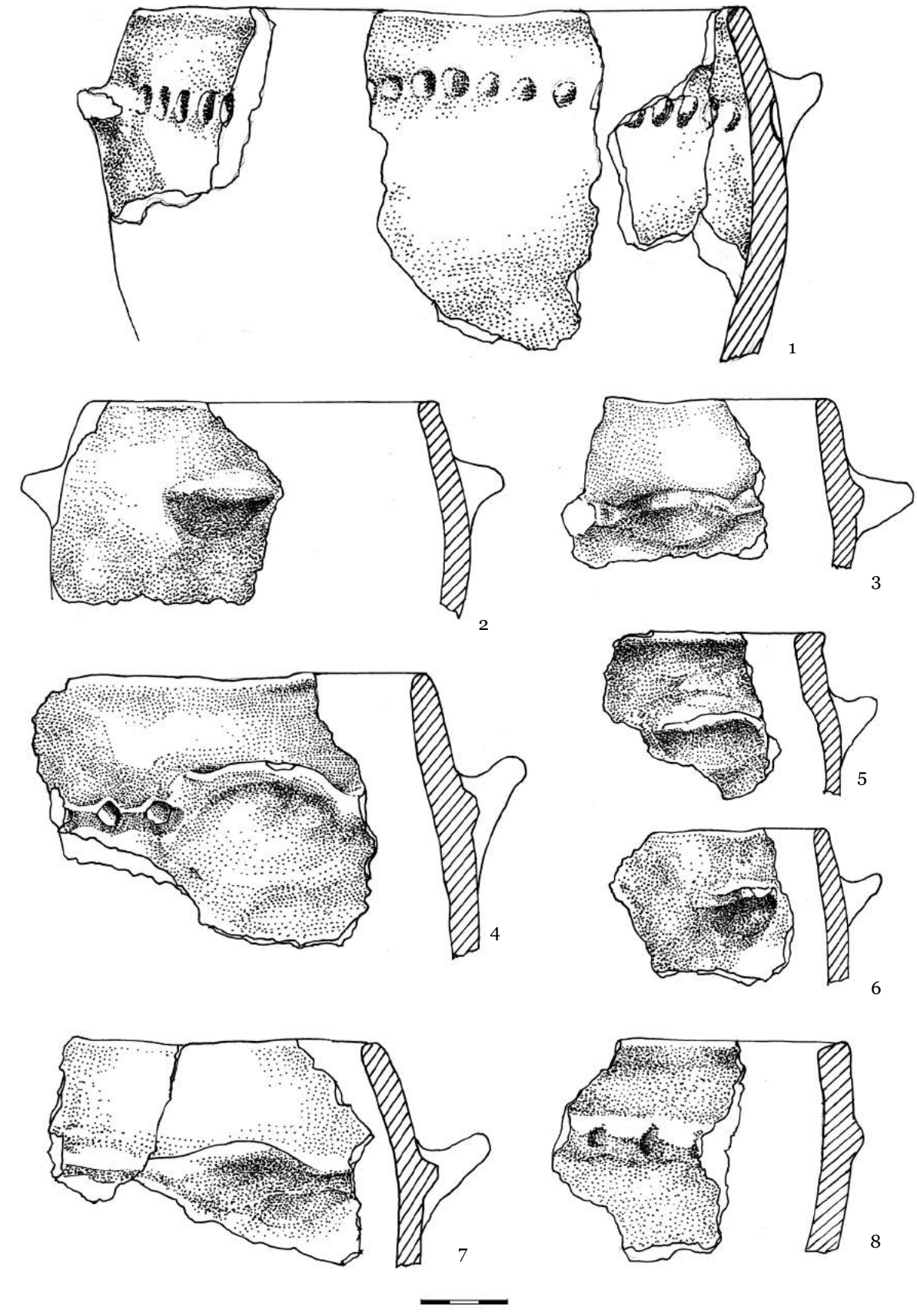


Fig. 58. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

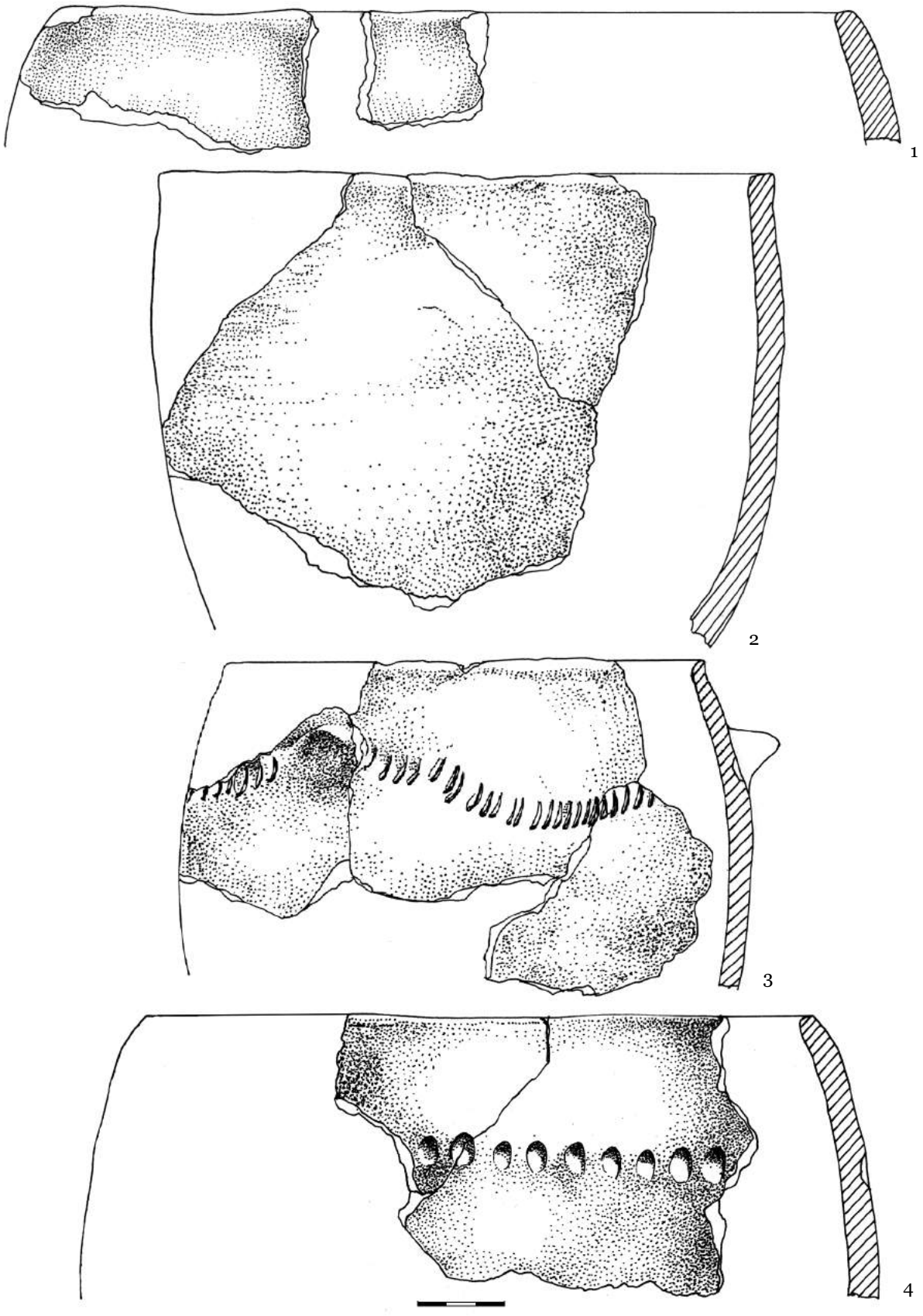


Fig. 59. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

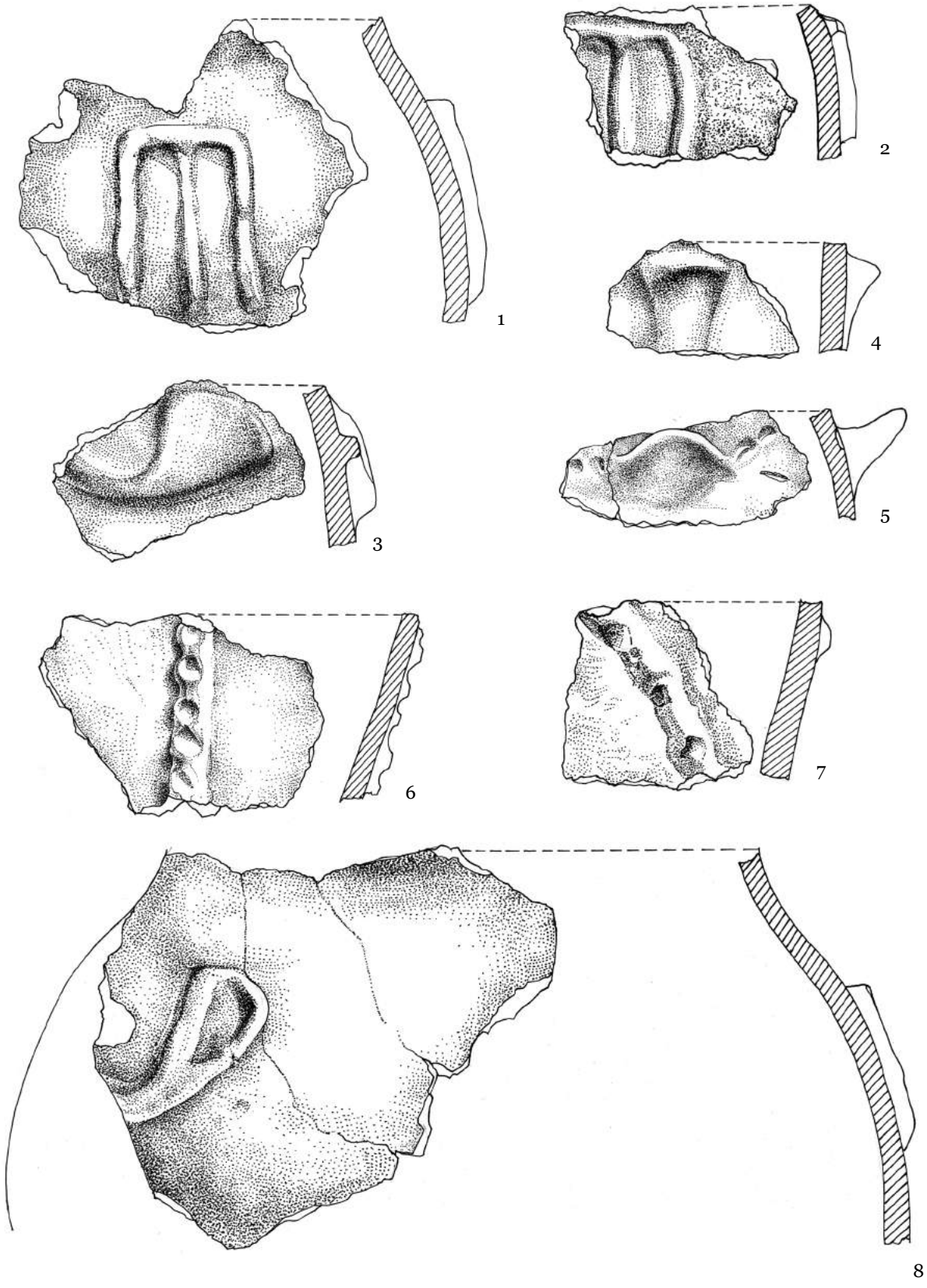


Fig. 60. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

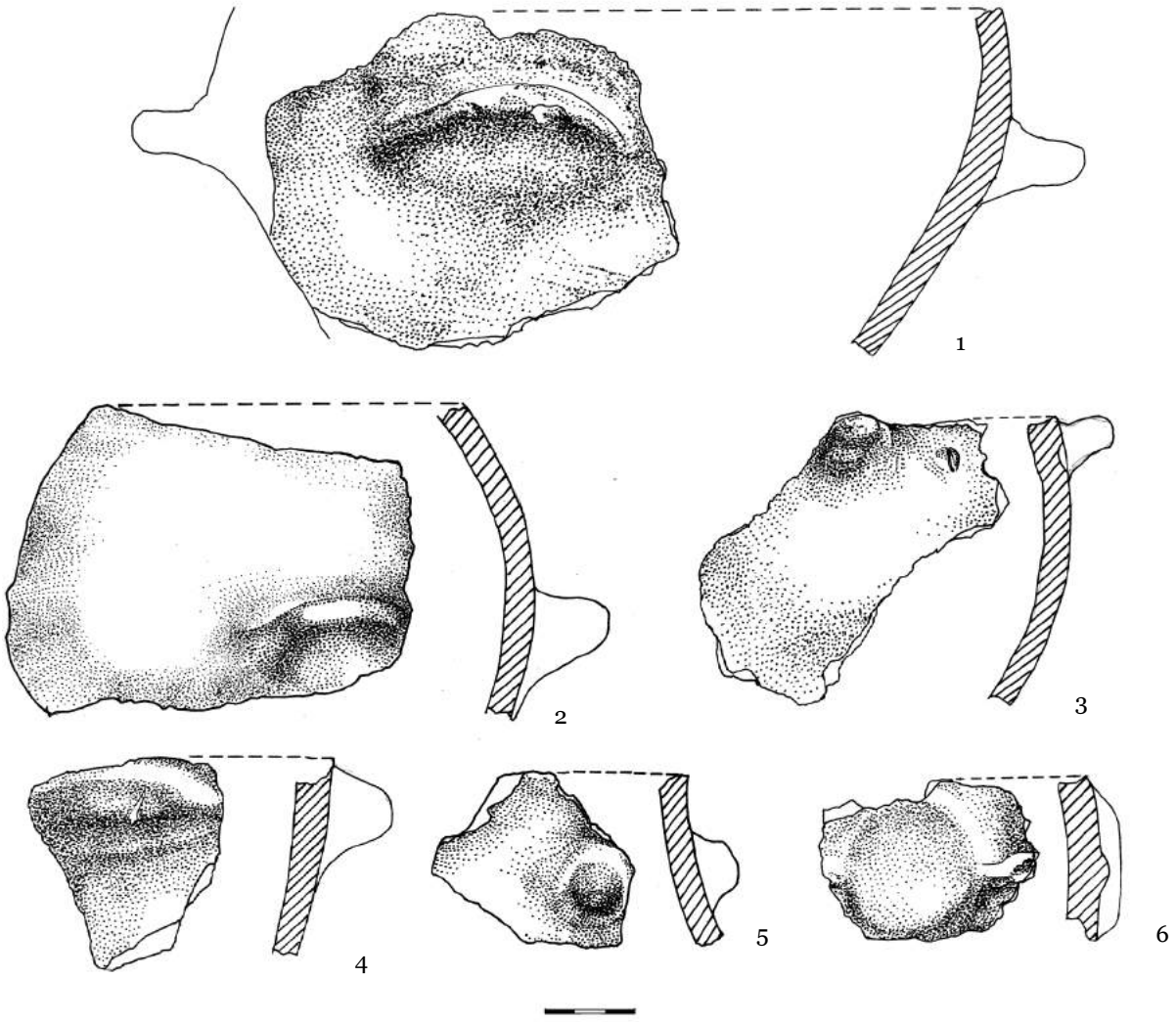


Fig. 61. Saharna Mare. Fragmente de oale din stratul cultural.

al trunchiului (fig. 61/5, 6). Vasele de acest tip sunt cunoscute după descoperirile de la Hansca (Никулицэ 1969, 136, таб. 1/4), Poiana (Vulpe, Teodor 2003, 622, fig. 143/3, 4), Murighiol (Moscalu 1983, 409) etc.

– Vase-chiup, ornamentate cu decor în relief în formă de riton (fig. 60/3, 4, 8), trident (fig. 60/1, 2) sau brâu alveolar amplasat vertical pe suprafaţa vasului (fig. 60/6). Recipiente cu astfel de ornament au fost descoperite la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 208-210, fig. 82-84), Ţifu (Moscalu 1983, 382, pl. XII/3).
– Străchini cu trunchiul tronconic rotunjit, buza bine pronunţată, fundul plat neevidenţiat (fig. 67/4). Un exemplar similar a fost descoperit anterior la Saharna Mare în groapa nr. 62, care a fost încadrată în sec. VIII-VII a. Chr. (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 121, fig. 118/5).
– Străchini cu trunchiul tronconic, partea de sus puţin pronunţată, cu buza teşită în exterior. Pe linia diametrului maxim al trunchiului sunt amplasate simetric suporturi segmentoidale, îndreptate în sus (fig. 67/1, 2). Astfel de străchini sunt cunoscute la situl Saharna Mare prin cercetările anterioare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 256, fig. 38/3). Exemplare similare au fost descoperite şi la alte monumente, cum ar fi: Glinjeni (Гольцева, Кашуба 1995, таб. LXXXIV/3, LXXXV/3, 5). Cronologic aceste forme de străchini se încadrează în sec. VII-VI/V a. Chr. (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 45).
– Străchini tronconice cu partea de sus înaltă, înclinată în interior şi buza teşită (fig. 64/1, 2). Unele recipiente au partea de sus verticală (fig. 64/6), sau înclinată în interior (fig. 64/3,

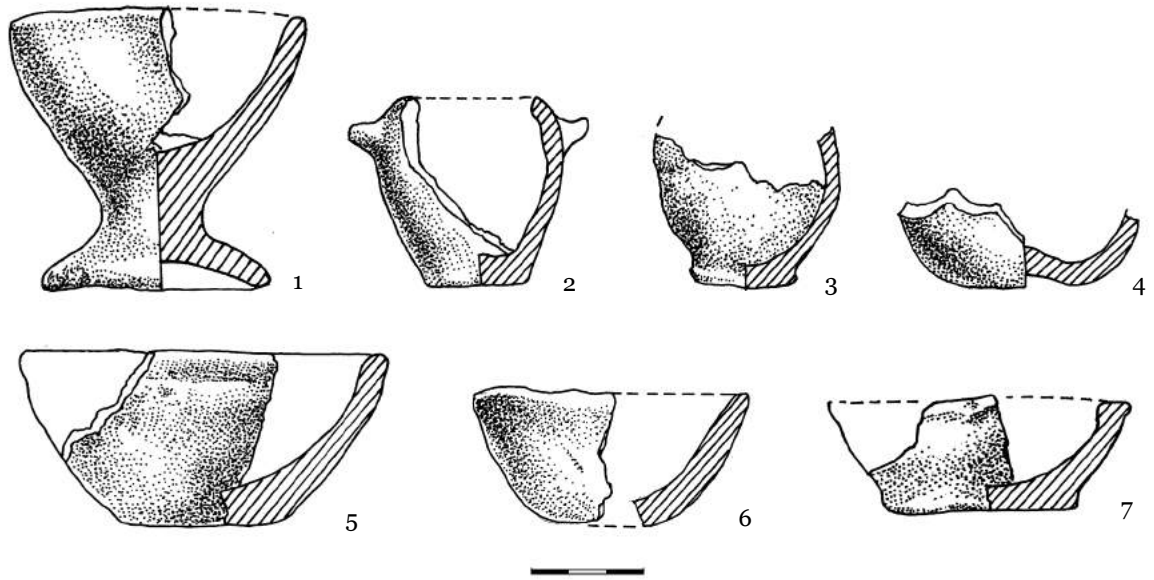


Fig. 62. Saharna Mare. Fragmente de vase din stratul cultural.

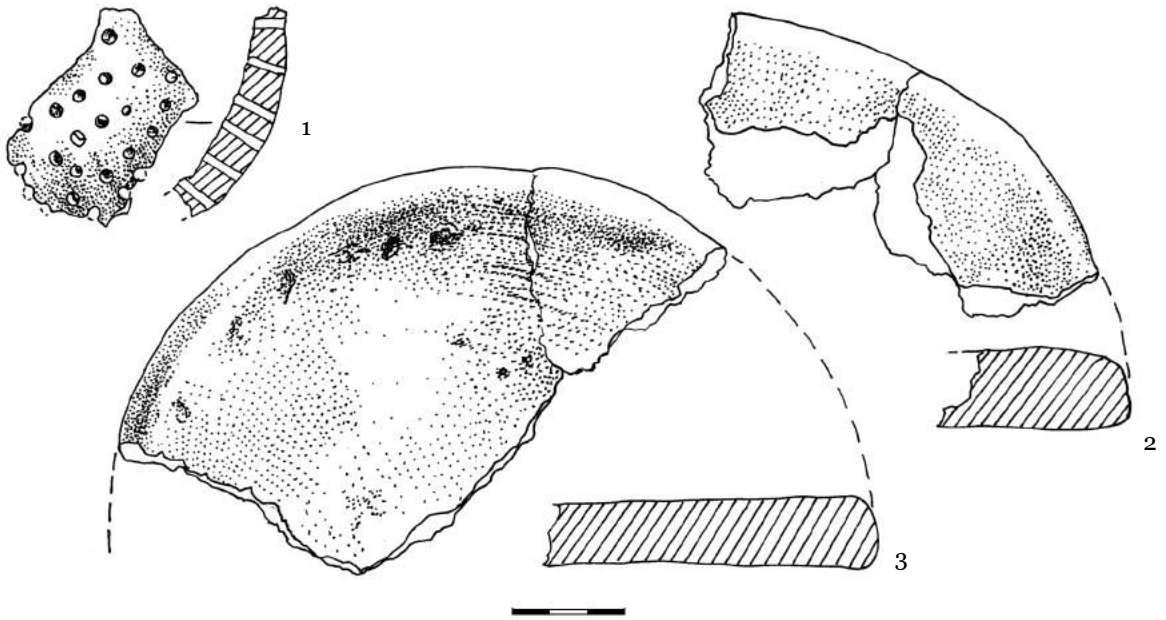


Fig. 63. Saharna Mare. Fragmente de ceramică din stratul cultural.

4). De regulă, aceste exemplare cronologic se încadrează în setul de ceramică din sec. VII-VI/V a. Chr. (Гольцева, Кашуба 1995, таб. LXXXV/3).

– Străchini tronconice cu buza înaltă înclinată (fig. 65/1, 2) sau răsfrântă în interior (fig. 66/4-6). Exemplare similare au fost descoperite la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 219, fig. 93/7), Alexandria Vii (Moscalu 1983, 385, pl. LIII) etc. şi sunt încadrate în sec. VI-V a. Chr.

– Străchini cu trunchiul sferoidal (fig. 65/4; 66/10). Aceste recipiente sunt cunoscute după descoperirile de la diferite monumente, însă într-un număr relativ restrâns. Cronologic străchinile cu trunchiul sferoidal sunt atestate în sec. VI-V a. Chr. (Moscalu 1983, 385, pl. LIII), deşi nu lipsesc şi la monumentele din sec. IV-III a. Chr., cunoscute după recipientele din primul nivel dacic de la Solotvino-Cetăţuie (Vasiliev et al. 2002, 53-56, 203, fig. 61/1, 2), sau de pe acropola cetăţii de la Brad, nivelul I,

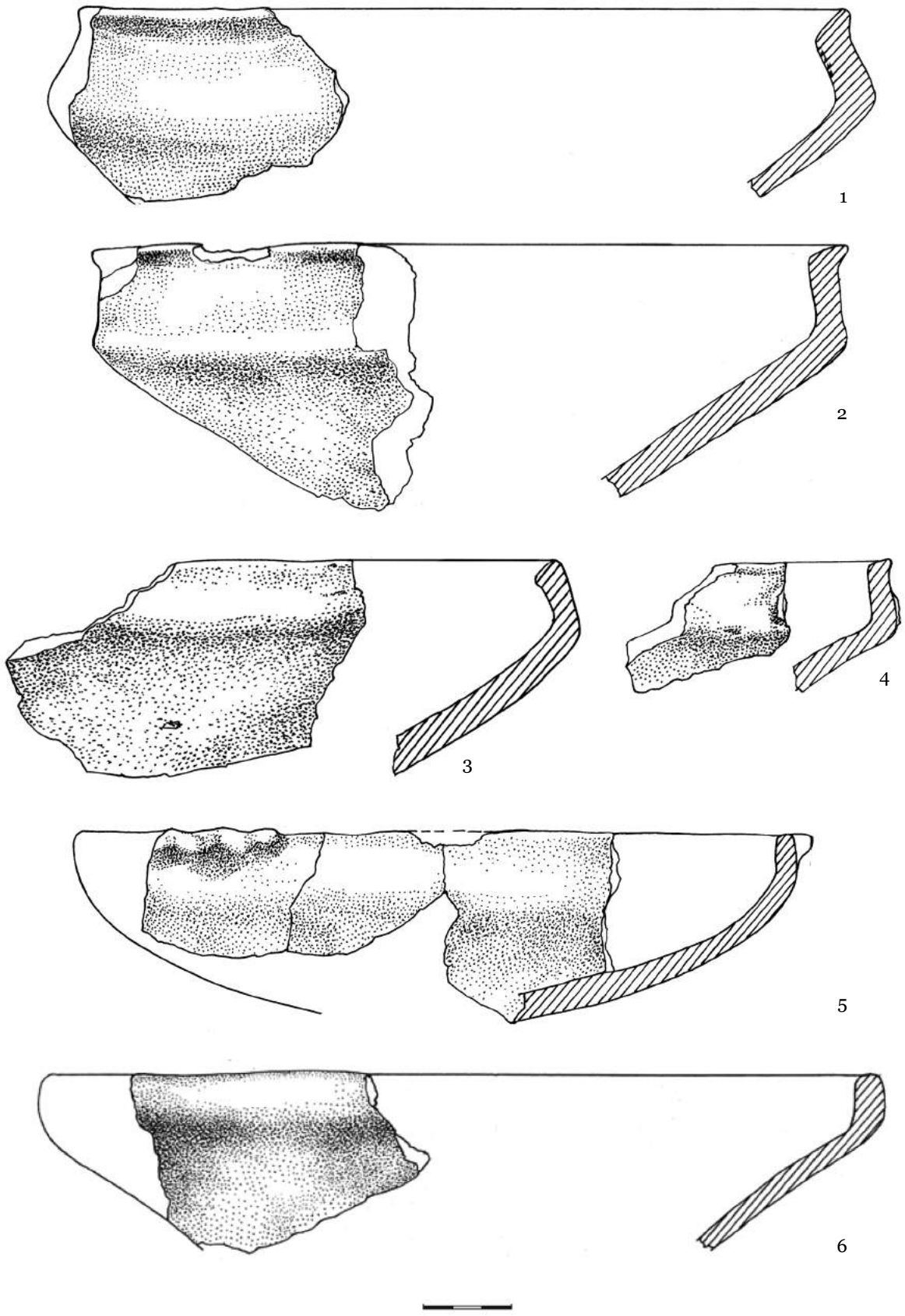


Fig. 64. Saharna Mare. Fragmente de străchini din stratul cultural.

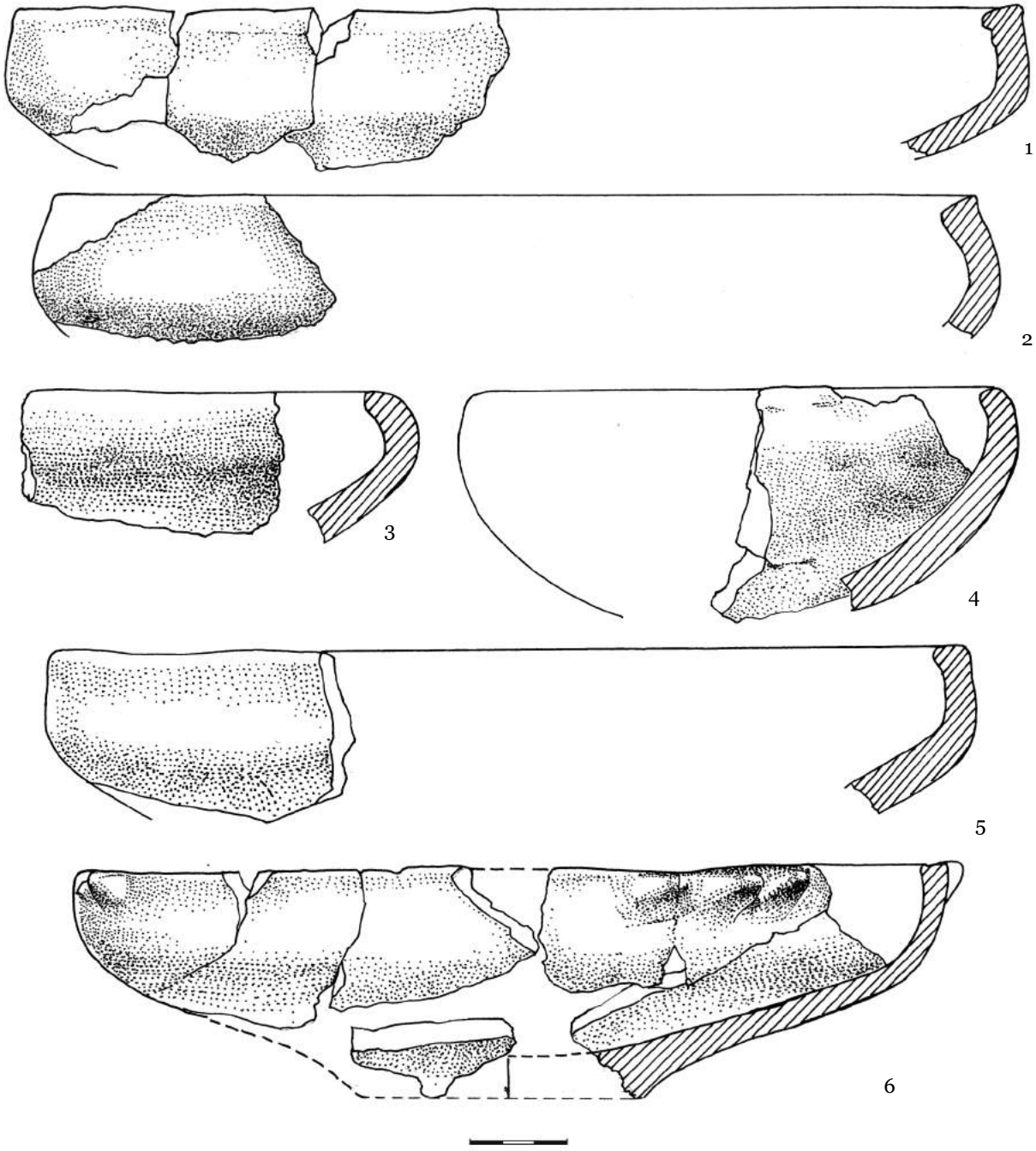


Fig. 65. Saharna Mare. Fragmente de străchini din stratul cultural.

datat în aceeaşi perioadă (Ursachi 1995, 427, pl. 60/17; 272).

– Străchini cu partea de sus verticală, buza puţin îngroşată sau subţiată şi umărul bine pronunţat (fig. 66/1, 2).

În setul de fragmente de ceramică au fost descoperite mai multe vase miniaturale, grafic întregibile. Dintre ele se evidenţiază:

– Fructiere, prezentate printr-un fragment cu profilul întregibil (fig. 62/1). Fructiera avea înălţimea de 4 cm, din care înălţimea picioruşului constituia 2 cm. Diametrul gurii nu depăşea 4 cm, iar al tălpii – 3 cm. O fructieră similară a fost descoperită în aşezarea din sec. IV-III de la Hansca (Никулицэ, Рафалович 1974, 86, рис. 2/6).

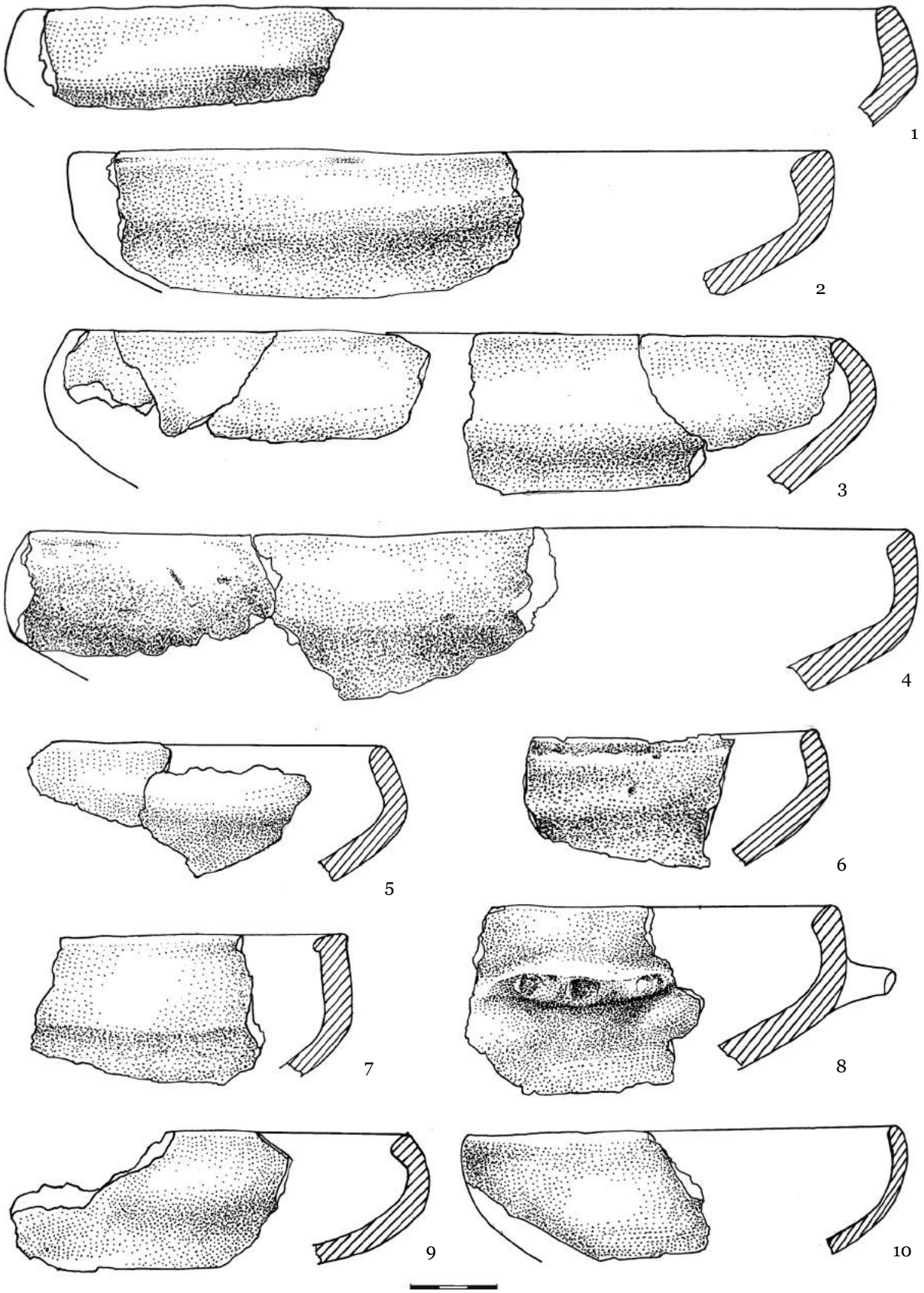


Fig. 66. Saharna Mare. Fragmente de străchini din stratul cultural.

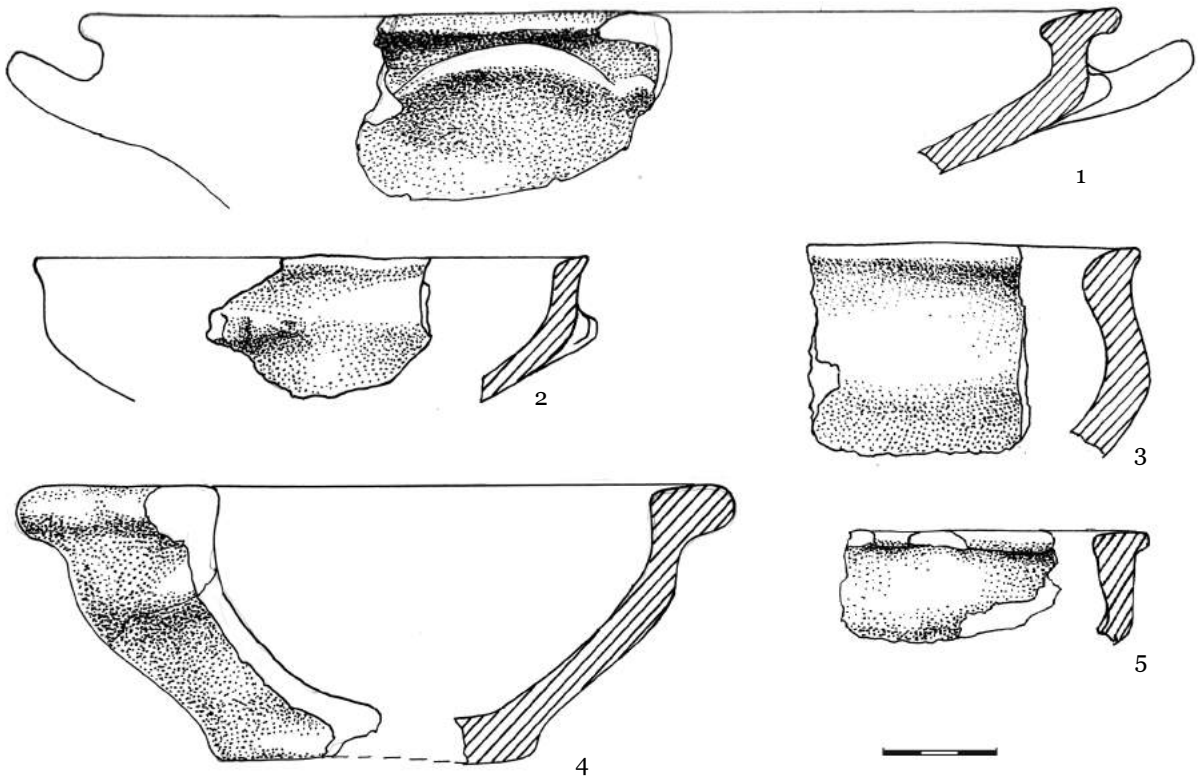


Fig. 67. Saharna Mare. Fragmente de străchini din stratul cultural.

– Văscioare fără gât în formă de clopot cu diametrul maxim în partea de sus a trunchiului, pe a cărui linie sunt amplasate două suporturi aplatizate. Înălţimea piesei este de 2,5 cm, diametrul maxim al trunchiului – 2,5 cm, diametrul gurii – 2 cm, iar diametrul fundului – de 1,5 cm (fig. 62/2).
– Vase în formă de sac cu pereţii puţin rotunjiţi şi fundul profilat (fig. 62/3).
– Cupe mici cu fundul în formă de „umbo" (fig. 62/4).
– Străchini tronconice cu pereţii rotunjiţi. Acestea aveau înălţimea cuprinsă între 1,5 şi 2,5 cm, diametrul gurii – 3,5-5,0 cm, diametrul fundului – 1,5-2,5 cm (fig. 62/5, 6).
– Străchini tronconice cu buza retezată orizontal (fig. 62/7).

Toate piesele miniaturale după particularităţile morfologice, dar şi după formă repetă vasele de proporţii mai mari, răspândite în sec. VII-III a. Chr. şi sunt prezente la majoritatea monumentelor din această perioadă.

Ceramica confecţionată la roata olarului este reprezentată cu preponderenţă de fragmente de la diverse tipuri de vase importate din mai multe centre din Grecia continentală şi insulară. În pofida faptului că fragmentele vaselor de import prezintă un lot destul de modest, totuşi pot fi distinse două tipuri: ceramică de lux şi amfore.

Ceramica de lux este cunoscută după:

– Fragmente de vase cu firnis negru, confecţionate din pastă fină cu ingrediente mărunte de nisip. Arderea lor este completă şi uniformă. Pereţii subţiri ai vaselor erau acoperiţi în partea de jos cu lac/firnis negru (fig. 68/1). Alte

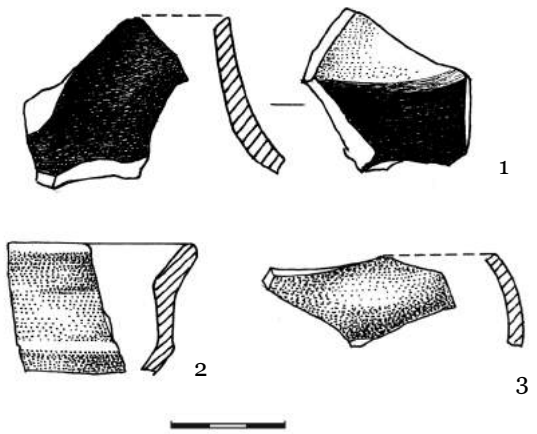


Fig. 68. Saharna Mare. Fragmente de ceramică de lux: 1 - ceramică cu firnis negru; 2, 3 - ceramică cenuşie.

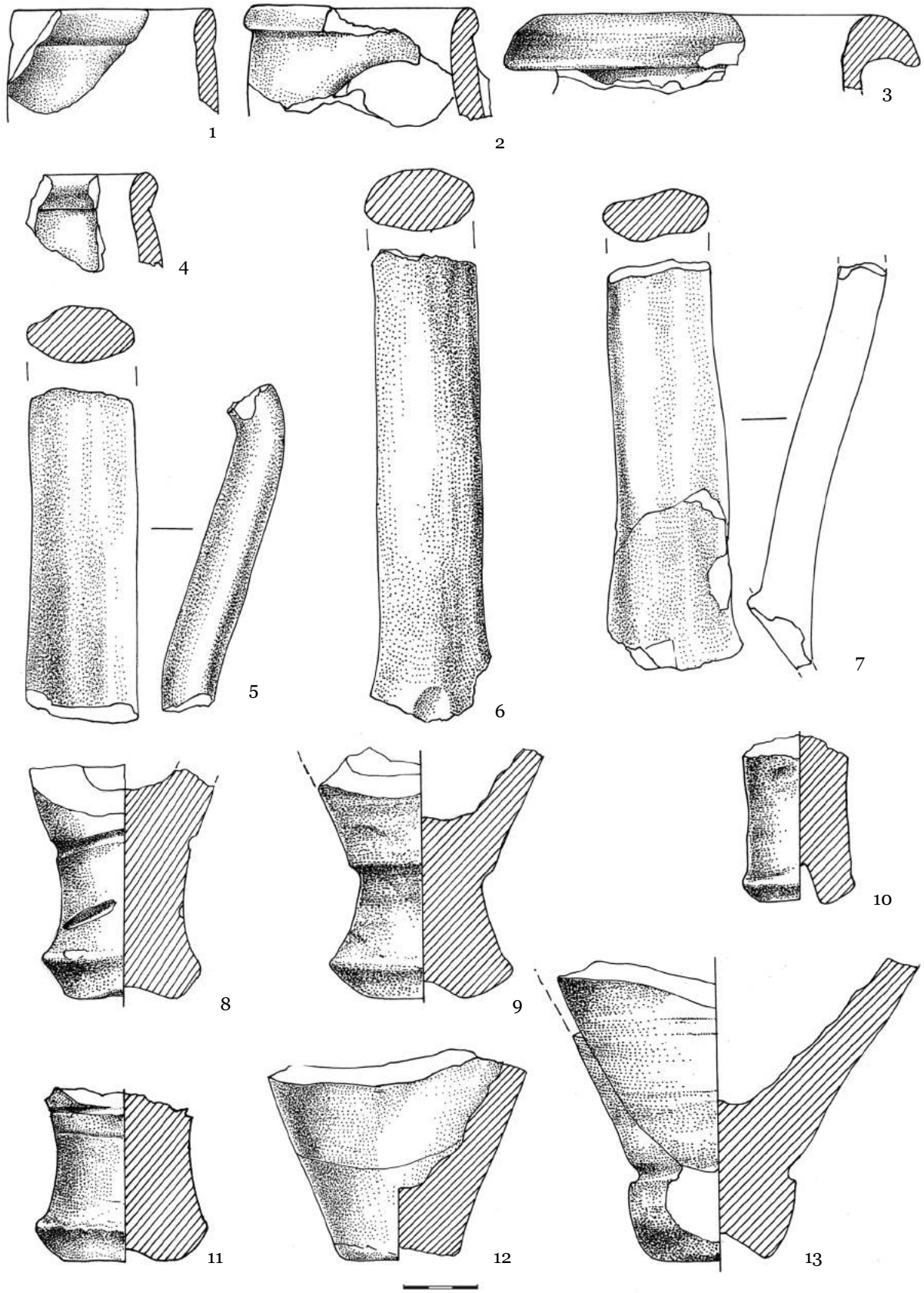


Fig. 69. Saharna Mare. Fragmente de amfore.

recipiente puteau fi vopsite în aşa mod încât pe fonul deschis sunt desluşite figuri antropomorfe sau meandre ca la exemplarele descoperite la Cartal-Orlovka (Vančugov et al. 1999, 204, fig. 41/4-9). Pereţii unor vase erau decorate cu caneluri ce repetă razele solare, asemănător pieselor atestate la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 246, fig. 120/1-9).

– Cupe de culoare cenuşie, confecţionate după aceeaşi tehnologie, numai că în loc de firnis negru este utilizat cel de nuanţă gri (fig. 68/2, 3). Exemplare similare sunt întâlnite la siturile din această perioadă de la Novo-Nekrasovka (Vančugov et al. 1999a, 133, fig. 8/10), Potârca (Niculiţă, Matveev, Potângă 1999, 304, fig. 24/2), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 121/1-12) etc.

Dintre fragmentele de amfore cele mai reprezentative sunt picioarele, fiindcă spre deosebire de fragmentele de buze, toarte şi pereţi ele indică numărul concret de recipiente descoperite la Saharna Mare. Astfel, în anii 2009-2012, au fost atestate:

– Picior cilindric în formă de „păhar" cu partea de jos bine pronunţată şi cu cavitate convexă în talpă (fig. 69/8). De regulă, aceste picioruşe sunt atribuite amforelor de Chersones (Mateevici 2007, fig. 6/4, 6).
– Picior, relativ scurt, ce se lărgeşte spre talpă şi cu cavitate în ea (fig. 69/9). Astfel de picioruşe se întâlnesc la amforele confecţionate în centrele din Heracleea (Mateevici 2007, 235, fig. 17/7).
– Picior în formă de cilindru cu cavitate conică adâncă în talpă (fig. 69/10), caracteristic, la fel, pentru amforele de Heracleea (Mateevici 2007, 235, fig. 17/5).
– Picior scund cu laturile arcuite, talpă bine pronunţată cu cavitate convexă (fig. 69/11), ce aparţine recipientelor de Thasos, cunoscute în nordul Pontului Euxin încă din sec. V a. Chr. (Зеест 1960, 142, табл. VI/16б), dar larg răspândite în spaţiul nord-vest pontic, mai ales, în sec. IV-III a. Chr. (Mateevici 2007, 65-72).
– Picioare de formă conică cu talpa inelară cu cavitate conică (fig. 69/12, 13), atribuite amforelor de Rhodos, care circulă în această regiune de la mijlocul sec. III până la începutul sec. II a. Chr. (Mateevici 2007, 99-102).

Deopotrivă cu picioarele de amfore au mai fost descoperite fragmente de buze (fig. 69/5-7), dintre care unul atribuit recipientelor de tip Ust'-Labinsk (Зеест 1960, 152, табл. XVI/35б), fragmente de toarte (fig. 69/5-7) şi numeroase fragmente de pereţi.

Concluzii

În urma studierii vestigiilor arheologice din perioada de la finele sec. VIII - sec. III a. Chr., descoperite în ultimii ani la Saharna Mare, au devenit posibile următoarele constatări:

– Situl a fost apărat cu un sistem defensiv complex, edificat după rigorile inginereşti ale timpului. Acesta consta dintr-un „zid" ce înconjura situl de jur-împrejur, amplificat pe latura de vest, prin care se făcea legătura cu lumea înconjurătoare, cu un şanţ de apărare şi trei bastioane, iar pe cea de est, dinspre Nistru – cu alte opt bastioane, amplasate la flancuri.
– Edificarea elementelor defensive pe laturile de nord, est şi sud, care actualmente sunt aproape inaccesibile, conduce la ideea că malurile interfluviului în mil. I a. Chr. erau mult mai line şi prin urmare destul de accesibile.
– Prezenţa complexelor închise cu materiale cronoindicatoare din diferite perioade demonstrează, fără echivoc, că în secolele VIII/VII-III a. Chr. interfluviul a fost locuit permanent.
– Descoperirea obiectelor confecţionate din metal, os, piatră, lut etc. constituie o dovadă incontestabilă ce demonstrează nivelul relativ înalt de dezvoltare economică a comunităţilor de pe acest sit.
– Răspândirea materialelor de import greceşti – amfore, ceramică de lux, podoabe – prezintă un argument ce indică existenţa relaţiilor comerciale cu coloniile greceşti de pe litoralul de nord-vest al Pontului Euxin.
– Amplasarea strategic importantă, suprafaţa impunătoare (6 ha), sistemul defensiv aproape invulnerabil, presupun că situl de pe interfluviul Saharna Mare a jucat un important rol administrativ, economic şi militar.

Catalog

I. Piese din metal[12]

I.1. *Lamă de cuţit,* fragment (fig. 45/1). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,50 m. Confecţionată din fier. Forma – cu muchia arcuită. H=6,2 cm, L=1,0 cm, Gr=0,2-0,1 cm. Peduncul de înmănuşare. L=4,5 cm. Inedit.

I.2. *Străpungătoare* (fig. 45/2). Secţiunea 18/2011, adâncimea 0,6 m. Confecţionată din fier. Forma – rectangulară în secţiune (0,6×0,6 cm) cu vârful ascuţit. H=12 cm, $D_{vârf}$=0,3 cm. Inedit.

I.3. *Cui/nit*? (fig. 15/3). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,4 m. Confecţionat din bară de fier de formă patrulateră. Este ascuţit la un capăt. H=1,9 cm, Gr=0,2 cm. Inedit.

I.4. *Cui* (fig. 45/3). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,38 m. Confecţionat din fier. Forma – triunghiulară în plan, rectangulară în secţiune. H=2,9 cm, L_{max}=0,9 cm, Gr=0,4 cm. Inedit.

I.5. *Piron* (fig. 15/1). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,4 m. Confecţionat dintr-o bară de bronz pătrată în secţiune cu L=0,4 cm. Capul este lăţit în forma literei „T". Floarea are o formă circulară cu D=1,5 m. Are vârful rupt. H=5,1 cm. Inedit.

I.6. *Manşon de lance* (fig. 49/2). Secţiunea 13A/2010, adâncimea 0,6 m. Confecţionat din fier. Forma – tronconică. H=12,5 cm, D_b=1,0 cm, D_b=1,9 cm. Inedit.

I.7. *Vârf de lance* (fig. 49/1). Secţiunea 15/2011, adâncimea 0,58 m. Confecţionat din fier. Forma – romboidală în secţiune cu două aripioare. H=4,5 cm, L=1,5 cm, Gr=0,4. Forma manşonului – tronconică. H=15 cm, D_b=2,0 cm. Inedit.

I.8. *Vârf de săgeată* (fig. 49/3). Secţiunea 18/2011, adâncimea 0,6 m. Confecţionat din bronz. Tipul – „cu trei muchii". H = 2,2 cm. Dulie interioară de înmănuşare cu H=1,7 cm şi D=0,3 cm. Inedit.

I.9. *Vârf de săgeată* (fig. 39/3). Secţiunea 18/2011, groapa 155 (2/18/2011). Confecţionat din bronz. Tipul – „cu trei muchii". H = 2,0 cm. Dulie interioară de înmănuşare cu H=1,5 cm şi D=0,4 cm. Inedit.

I.10. *Vârf de săgeată* (fig. 15/2). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,38 m. Confecţionat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare". H=3,6 cm, D=0,5 cm. Inedit.

I.11. *Verigă*, fragment (fig. 50/1). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,4 m. Confecţionată dintr-o bară de fier, rotundă în secţiune cu D=0,5 cm. Forma – semicerc. D=4,5 cm. Inedit.

I.12. *Verigă* (fig. 50/2) Secţiunea 15/2011, adâncimea 0,23 m. Confecţionat dintr-o sârmă de fier, rotundă în secţiune cu D=0,45 cm. Forma – circulară. D=4,0 cm. Partea exterioară a verigei este ornamentată cu un şir de incizii oblice. Inedit.

I.13. *Brăţară* (fig. 50/3). Secţiunea 14/2010, adâncimea 0,26 m. Confecţionată dintr-o sârmă din fier cu D=0,3 cm. Forma – spiralică. D=5,2 cm. Niculiţă et al. 2011, 194, fig. 2/3. (MNIM: FB - 28649-29, Arh. 19508)[13].

I.14. *Brăţară* (fig. 50/4). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată dintr-o bară de cupru cu D=0,5 cm. Forma – circulară. D=6,8 cm, G=27,97 gr. Ornamentată – nodozitate în locul sudurii, incizii pe marginea interioară şi decor în relief, ce repetă solzii unei piei de şarpe, pe marginea exterioară. Niculiţă et al. 2011, 193-194, fig. 2/1. (MNIM: FB - 28649-36, Arh. 19515).

I.15. *Brăţară* (fig. 50/5). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată dintr-o sârmă de argint (proba 800) cu D=0,3 cm. Forma – rotundă în plan, spiralică. D=5,9 cm, G=49,9 gr. Capetele brăţării au fost aplatizate pe o lungime de 3,7 cm şi sunt ornamentate prin incizie cu grupuri a câte 2-3 linii paralele, care alternează cu linii încrucişate. Niculiţă et al. 2011, 194, fig. 2/2. (MNIM: FB - 28649-37, Arh. 19516).

I.16. *Inel de buclă* (fig. 51/1). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,16 m. Confecţionat dintr-o sârmă de argint (proba 916) cu D=0,28 cm, care se subţiază la capete până la D=0,2 cm. Forma – rotundă în plan, cu capetele libere. D=4,0 cm, G=7,53 gr. Capetele piesei sunt înzestrate cu protome de formă conică cu D=0,32 cm şi H=0,2 cm. Niculiţă et al. 2011, 195-196, fig. 3/1. (MNIM: FB - 28649-34, Arh. 19513).

I.17. *Inel de buclă* (fig. 51/1). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,16 m. Confecţionat dintr-o sârmă de argint (proba 916) cu D=0,22 cm, care se subţiază la capete până la D=0,18 cm. Forma – rotundă în plan, cu capetele libere. D=4,1 cm, G=7,42 gr. Capetele piesei sunt înzestrate cu protome de formă conică cu D=0,32 cm şi H=0,2 cm. Niculiţă et al. 2011, 195-196, fig. 3/2. (MNIM: FB - 28649-33, Arh. 19512).

I.18. *Inel de buclă* (fig. 51/3). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,16 m. Confecţionat dintr-o sârmă de argint (proba 875) cu D=0,2 cm, care se subţiază la

[12] În catalog au fost utilizate următoarele abrevieri: H – lungimea/înălţimea; L – lăţimea; G – greutatea; Gr – grosimea; D_{max} – diametrul maxim; D_b – diametrul bazei (bazelor); D_{orf} – diametrul orificiului.

[13] Aici şi în continuare – numărul de inventar acordat de Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei (MNIM), unde au fost depozitate piesele (FB – fondul de bază, Arh. – arheologie).

capete până la D=0,17 cm. Forma – rotundă în plan, cu capetele libere, suprapuse. D=4,9 cm, G=6,83 gr. Capetele piesei sunt înzestrate cu protome de formă conică cu D=0,32 cm şi H=0,2 cm. Niculiţă et al. 2011, 195-196, fig. 3/3. (MNIM: FB - 28649-38, Arh. 19517).

I.19. *Inel de buclă* (fig. 51/4). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,49 m. Confecţionat dintr-o sârmă de argint cu D=0,25 cm, care se subţiază la capete până la D=0,17 cm. Forma – rotundă în plan, cu capetele libere, îndoite. D=4,6 cm, G=4,9 gr. Inedit.

I.20. *Inel* (fig. 51/5). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,38 m. Confecţionat din bronz. Forma – quasi-rotundă în plan, ovală în secţiune, cu capetele libere. Unul dintre capete se termină într-o protomă triunghiulară, asemănătoare unui cap de şarpe, ornamentată cu şapte linii incizate, oblice. D=2,3 cm, Gr=0,3×0,2 cm. Dimensiunile protomei: H=1,0 cm, L_b=0,5 cm, Gr=0,2 cm, G=2,4 gr. Inedit.

I.21. *Fibulă,* fragment (fig. 15/4). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,4 m. Confecţionată din fier. Stare de oxidare avansată. H=4,5 cm.

I.22. *Fibulă,* fragmente (fig. 51/6). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,28 m. Confecţionată din fier forjat. Forma – corpul arcuit, îngroşat, resortul cu trei spire, piciorul întors spre spate, cu buton sferic la mijloc şi capătul aplatizat, acul lipseşte. H_{fib}=7,3 cm, H_{corp}=4,0 cm Gr_{corp}=0,4-0,6 cm, D_{spri}=0,25 cm. Portagrafa: H=2,5 cm, L_{baz}=0,7 cm. Piciorul: H=4,2 cm, D=0,3 cm, D_{but}=0,7 cm. Inedit.

I.23. *Sârmă* (fragment de portagrafă de la fibulă?) (fig. 51/9). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,52 m. Confecţionată din bronz. Forma – bară cu o cavitate. H=2 cm, D=0,3 cm. Inedit.

I.24. *Ac de fibulă* (fig. 51/7). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,43 m. Confecţionat din fier. Forma – bară cu un capăt terminat în spirală dublă. H=4,7 cm, D_{bar}=0,25 cm, D_{spir}=1,0 cm. Inedit.

I.25. *Picior de fibulă,* fragment (fig. 51/8). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,58 m. Confecţionat din fier. Forma – bară cu buton sferic şi capătul aplatizat. H=2,5 cm, D_{bar}=0,3 cm, D_{but}=0,7 cm. Inedit.

I.26. *Aplică* (?) (fig. 51/10). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,17 m. Confecţionată dintr-o foiţă de argint (proba 925). Forma – concavă. D=2,1 cm, H=0,5 cm, D_{orf}=0,15 cm, G=0,77 gr. Niculiţă et al. 2011, 197, fig. 4/1. (MNIM: FB - 28649-35, Arh. 19514).

I.27. *Aplică* (?), fragment (fig. 39/2). Secţiunea 18/2011, groapa nr. 155. Confecţionată dintr-o placă din bronz cu Gr=0,10-0,15 cm. Forma – cruciformă, concavă. D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

II. Piese din os şi corn

II.1. *Străpungătoare* (fig. 36/4). Secţiunea 13A/2010, groapa nr. 151. Confecţionată din os. Forma – plată. H=15 cm, $Gr_{vârf}$=0,1 cm. Inedit.

II.2. *Străpungătoare* (fig. 46/2). Secţiunea 15/2010, adâncimea 0,38 m. Confecţionată din os. Forma în secţiune – rotundă, vârful ascuţit. H=9,0 cm, D_{min}=0,5 cm. Inedit.

II.3. *Străpungătoare* (fig. 46/1). Secţiunea 18/2011, adâncimea 0,6 m. Confecţionată din os. Forma în secţiune – rotundă, vârful ascuţit. H=10,4 cm, D_{min}=0,4 cm. Inedit.

II.4. *Străpungătoare* (fig. 46/3). Secţiunea 21/2012, adâncimea 0,56 m. Confecţionată din os. Forma în secţiune – triunghiulară, vârful ascuţit. H=10,7 cm. Inedit.

II.5. *Piesă cu predestinaţie incertă* (fig. 19/1). Secţiunea 17/2011, emplectonul „zidului" de apărare. Confecţionată din os. Forma – tronconică. H=3,0 cm, D_b=1,3 cm, D_b=0,7 cm. Inedit.

II.6. *Unealtă pentru modelarea ceramicii* (fig. 15/14). Secţiunea 19/2012, emplectonul „zidului" de apărare. Confecţionată din os. H=8,1 cm, L=3 cm, Gr=0,2-1,1 cm. Inedit.

II.7. *Unealtă pentru modelarea ceramicii* (spatulă) (fig. 11/14). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,48 m. Confecţionată din coastă de animal. H=13 cm, L=2,5-3 cm, Gr=0,2-0,5 cm. Pe părţile laterale se observă urme de prelucrare. Inedit.

II.8. *Corn de căprior* (deşeu). Ax. (fig. 15/15). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,35 m. Detaşat de la baza craniului prin fracturare. Un ax a fost detaşat prin secţionare, iar cel de-al doilea prin cioplire perpendiculară. H=16 cm. Inedit.

II.9. *Corn de cerb (deşeu)*. Ax. (fig. 46/5). Secţiunea 21/2012, adâncimea 1,5 m. Detaşat de la baza craniului prin cioplire oblică. Se observă pe extremităţi urme de cioplire oblică şi fracturare. H=30,5 cm. Inedit.

II.10. *Vârf de săgeată* (fig. 22/14). Secţiunea 22/2012, emplectonul „zidului" de apărare. Confecţionată din os. Forma – piramidală. H=4,4 cm, baza=1,1×1 cm. Bucşă de înmănuşare, H=0,7 cm, D=0,3 cm.

II.11. *Astragal* (fig. 46/4). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,35 m. Confecţionat din vertebră. H=2,7 cm, L=1,6 cm, Gr=1,4 cm. Inedit.

III. Piese din piatră

III.1. *Toporaş* (fig. 28/6). Secţiunea 14/2010, construcţia nr. 4. Confecţionat din piatră de marnă.

Forma – trapezoidală în plan. H=14,5 cm, L_b=4,0 cm, L_b=5,5 cm, Gr=2,2 cm. Inedit.

III.2. *Cute* (fig. 28/5). Secţiunea 13/2009, construcţia nr. 4. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-paralelipipedică. H=6,5 cm, L=5,5 cm, Gr=3,4 cm. Inedit.

III.3. *Cute* (fig. 47/10). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,5 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – tronconică. H=8,5 cm, D_b=3,0 cm, D_b=4,0 cm. Inedit.

III.4. *Cute* (fig. 34/12). Secţiunea 13A/2010, groapa nr. 149. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-paralelipipedică. H=6,9 cm, L=1,9 cm, Gr=1,1 cm. Inedit.

III.5. *Cute* (fig. 47/2). Secţiunea 14/2010, adâncimea 0,4 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – cilindrică. H=9,4 cm, D=3,5×2,5 cm. Inedit.

III.6. *Cute*, fragment (fig. 47/7). Secţiunea 15/2011, adâncimea 0,57 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-paralelipipedică. L=2,4 cm, Gr=0,7 cm, D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

III.7. *Cute* (fig. 19/2). Secţiunea 17/2011, emplectonul „zidului" de apărare. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-paralelipipedică. H=6,0 cm, L=4,8 cm, Gr=2,2 cm. Inedit.

III.8. *Cute* (fig. 47/1). Secţiunea 18/2011, adâncimea 0,3 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H=9,0 cm, L=4,6 cm, Gr=3,6 cm. Inedit.

III.9. *Cute* (fig. 47/4). Secţiunea 21/2012, adâncimea 0,37 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – poligonală. H=8 cm, H=4,5 cm, Gr=4,1 cm. Inedit.

III.10. *Cute* (fig. 22/10). Secţiunea 22/2012, emplectonul „zidului" de apărare. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – poligonală. H=8,5 cm, H=3,8 cm, Gr=2,5 cm. Inedit.

III.11. *Piatră de râşniţă*, fragment (fig. 47/5). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,55 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – poligonală în plan. Gr=5,5-7,0 cm. Inedit.

III.12. *Piatră de râşniţă* (fig. 47/5). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,58 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – patrulateră cu colţurile rotunjite. Una din laturi poartă urme de utilizare intensă. H=9 cm, L=9 cm, Gr=6,0 cm. Inedit.

III.13. *Percutor* (fig. 47/11). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,6 m. Confecţionat din piatră de gresie. Forma – elipsoidală. Trei laturi poartă urme de utilizare intensă. H=7,5 cm, L=6 cm, Gr=4,0 cm. Inedit.

III.14. *Percutor* (fig. 47/9). Secţiunea 14/2010, adâncimea 0,4 m. Confecţionat din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H=7,0 cm, L=8,0 cm, Gr=6,5 cm. Inedit.

III.15. *Percutor* (fig. 47/3). Secţiunea 18/2010, adâncimea 0,53 m. Confecţionat din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H=5,3 cm, L=4,7 cm, Gr=2,1 cm. La suprafaţa piesei au fost atestate urme de utilizare. Inedit.

III.16. *Pandativ* (fig. 47/8). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,4 m. Confecţionat din piatră de silex. Forma – trapezoidală în plan. L_{baz}=4,0 cm, L_{baz}=3,2 cm, H=3,0 cm, Gr=1 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV. Piese din lut

IV.1. *Fusaiolă* (fig. 28/2). Secţiunea 13/2009, construcţia nr. 4. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cărămiziu. Forma – tronconică. H=2,0 cm, D_b=2,7 cm, D_b=1,8 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.2. *Fusaiolă* (fig. 28/3). Secţiunea 13/2009, construcţia nr. 4. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cărămiziu. Forma – bitronconică. H=2,0 cm, D_{max}=2,3 cm, D_b=1,2 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.3. *Fusaiolă* (fig. 28/1). Secţiunea 14/2010, construcţia nr. 4. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă şi calcar pisat, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la brun. Forma – tronconică. H=1,5 cm, D_b=0,9 cm, D_b=2,5 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.4. *Fusaiolă* (fig. 48/14). Secţiunea 13/2009, adâncimea de 0,35 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cărămiziu. Forma – sferică cu bazele tăiate. H=1,9 cm, D=2,3 cm, D_b=1,5 cm, D_b=1,2 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.5. *Fusaiolă*, fragment (fig. 48/20). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,58 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cenuşiu. Forma – cilindrică. H=1,6 cm, D=3,5 cm, D_{orf}=0,8 cm. Inedit.

IV.6. *Fusaiolă* (fig. 34/11). Secţiunea 13A/2010, groapa nr. 149. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu la negru. Forma – bitronconică. H=3,0 cm, D_{baz}=1,6 cm, D_{max}=3 cm, D_{orf}=0,8 cm. Inedit.

IV.7. *Fusaiolă* (fig. 48/3). Secţiunea 15/2010, adâncimea 0,55 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cărămiziu. Forma – bitronconică. H=2,6 cm, D_b=2,0 cm, D_{max}=3,9 cm, D_{orf}=1,1 cm. Inedit.

IV.8. *Fusaiolă* (fig. 48/2). Secţiunea 15/2010, adâncimea 0,58 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=3,0 cm, D_b=1,4 cm, D_{max}=3,2 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.9. *Fusaiolă*, fragment (fig. 48/17). Secţiunea 15/2010, adâncimea 0,62 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu. Forma – tronconică cu umbo la bază. H=2,1 cm, D_b=3,7 cm, D_{umbo}=2,8 cm, H_{umbo}=0,5 cm, D_{orf}=0,9 cm. Inedit.

IV.10. *Fusaiolă* (fig. 48/15). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,34 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – sferică neregulată. D=2,0 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.11. *Fusaiolă* (fig. 48/18). Secţiunea 15/2011, adâncimea 0,25 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-închis la negru. Forma – tronconică. H=2,0 cm, D_b=4,1 cm, D_b=2,1 cm, D_{orf}=0,8 cm. Inedit.

IV.12. *Fusaiolă* (fig. 48/5). Secţiunea 15/2011, adâncimea 0,59 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=3,4 cm, D_b=1,6 cm, D_b=1,7 cm, D_{max}=3,9 cm, D_{orf}=0,9 cm. Inedit.

IV.13. *Fusaiolă* (fig. 48/1). Secţiunea 18/2011, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă şi pietriş mărunţit, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cenuşiu. Forma – bitronconică. H=2,0 cm, D_b=1,8 cm, D_b=1,6 cm, D_{max}=3,8 cm, D_{orf}=0,9 cm. Inedit.

IV.14. *Fusaiolă*, fragment (fig. 48/10). Secţiunea 18/2011, adâncimea 0,4 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă şi pietriş mărunţit, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-închis la brun. Forma – bitronconică. H=2,1 cm, D_b=0,7 cm, D_b=0,7 cm, D_{max}=2,4 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.15. *Fusaiolă* (fig. 15/8). Secţiunea 19/2012, emplectonul „zidului" de apărare. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu. Forma – bitronconică. H=1,9 cm, D_b =1,5 cm, D_b =1 cm, D_{orf} =0,6-0,7 cm, D_{max}=2,5 cm. Inedit.

IV.16. *Fusaiolă* (fig. 15/7). Secţiunea 19/2012, emplectonul „zidului" de apărare. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu-deschis. Forma – bitronconică. H=2,3 cm, D_b=0,7 cm, D_{orf}=0,5 cm, D_{max}=2,9 cm. Inedit.

IV.17. *Fusaiolă* (fig. 15/13). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,1 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu. Forma – bitronconică. H=2,0 cm, D_b=0,9 cm, D_{orf}=0,5 cm, D_{max}= 2,4 cm. Inedit.

IV.18. *Fusaiolă* (fig. 15/12). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,1 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=2,3 cm, D_b=1,1 cm, D_{orf}=0,6 cm, D_{max}=2,7 cm. Inedit.

IV.19. *Fusaiolă* (fig. 15/10). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,18 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=2,1 cm, D_b=1,4 cm, D_{orf}=0,7 cm, D_{max}=2,9 cm. Inedit.

IV.20. *Fusaiolă* (fig. 15/9). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,38 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu deschis. Forma – tronconică. H=1,7 cm, D_b=1,9 cm, D_b=0,9 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.21. *Fusaiolă* (fig. 15/11). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,47 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu-deschis. Forma – bitronconică. H=2,9 cm, D_b=1,9 cm, D_{orf}=0,4 cm, D_{max}=2,8 cm. Inedit.

IV.22. *Fusaiolă* (fig. 48/19). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,24 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – tronconică. H=2,2 cm, D_b=2,2 cm, D_b= 1,7 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.23. *Fusaiolă* (fig. 48/6). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,30 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=2,6 cm, D_b=1,9 cm, D_{max}=2,5 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.24. *Fusaiolă,* fragment (fig. 48/12). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,32 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu. Forma – sferică. D=2,3 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.25. *Fusaiolă* (fig. 48/13). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,35 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu. Forma – sferică aplatizată. H=1,7 cm, D=2,1 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.26. *Fusaiolă,* fragment (fig. 48/16). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,39 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cafeniu. Forma – sferică aplatizată. H=1,7, D=2,1 cm, D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

IV.27. *Fusaiolă,* fragment (fig. 48/7). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,40 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cărămiziu. Forma – bitronconică. H=2,8 cm, D_b=1,8 cm, D_{max}=2,9 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.28. *Fusaiolă* (fig. 48/8). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,48 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cărămiziu. Forma – tronconică. H=1,9 cm, D_b=1,3 cm, D_b=1,9 cm, D_{max}=2,6 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.29. *Fusaiolă* (fig. 31/1). Secţiunea 20/2012, construcţia nr. 5. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu. Forma – bitronconică. H=2,1 cm, D_b=1,5 şi 1,6 cm, D_{max}=2,8 cm D_{orf}=0,55 cm. Inedit.

IV.30. *Fusaiolă,* fragment (fig. 48/11). Secţiunea 22/2012, adâncimea 0,15 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=2,2 cm, D_b=1,7 cm, D_{orf}=0,5 cm, D_{max}=3 cm. Inedit.

IV.31. *Fusaiolă* (fig. 22/13). Secţiunea 22/2012, emplectonul „zidului" de apărare. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=3 cm, D_b=2,9 cm, D_{orf}=0,7 cm, D_{max}=3,1 cm. Inedit.

IV.32. *Fusaiolă,* fragment (fig. 48/4). Secţiunea 22/2012, adâncimea 0,4 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu-deschis. Forma – bitronconică. H=3 cm, D_b=1,9 cm, D_{max}=3,5 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.33. *Fusaiolă* (fig. 48/9). Secţiunea 22/2012, adâncimea 0,4 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea – cafeniu-deschis. Forma – bitronconică. H=2,4 cm, D_b=1,1 cm, D_{max}=2,7 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.34. *Rondelă* (fig. 28/4). Secţiunea 13/2009, construcţia nr. 4. Confecţionată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu la negru. Forma – cilindrică. H=0,9 cm, D_{max}=2,7 cm. Inedit.

IV.35. *Rondelă* (fig. 48/23). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,6 m. Confecţionată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de nisip, arderea – uniformă şi completă, culoarea – cărămizie. Forma – cilindrică. H=0,9 cm, D_{max}=3,5 cm. Inedit.

IV.36. *Rondelă,* fragment (fig. 48/22). Secţiunea 13/2009, adâncimea 0,6 m. Confecţionată din peretele unei amfore, lucrate din pastă de lut cu degresanţi de piroxină. Arderea – completă şi uniformă, culoarea – cărămizie. Forma – cilindrică. H=0,9 cm, D_{max}=4,5 cm. Inedit.

IV.37. *Rondelă* (fig. 32/22). Secţiunea 13/2009, groapa nr. 147. Confecţionată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – cilindrică. H=0,6 cm, D_{max}=1,8 cm. Inedit.

IV.38. *Rondelă* (fig. 32/23). Secţiunea 13/2009, groapa nr. 147. Confecţionată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu la negru. Forma – cilindrică. H=0,6 cm, D_{max}=2,6 cm. Inedit.

IV.39. *Rondelă* (fig. 48/26). Secţiunea 13A/2010, adâncimea 0,6 m. Confecţionată din peretele unei amfore, lucrate din pastă de lut cu degresanţi de nisip şi mică. Arderea – completă şi uniformă, culoarea – cărămizie. Forma – cilindrică. H=0,7 cm, D_{max}=3,2 cm. Inedit.

IV.40. *Rondelă* (fig. 48/25). Secţiunea 15/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – cilindrică. H=0,8 cm, D_{max}=3,6 cm. Inedit.

IV.41. *Rondelă* (fig. 48/24). Secţiunea 15/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cenuşiu. Forma – cilindrică. H=0,9 cm, D_{max}=2,5 cm. Inedit.

IV.42. *Rondelă* (fig. 31/2). Secţiunea 20/2012, construcţia nr. 5. Confecţionată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu la cărămiziu. Forma – cilindrică. H=0,7 cm, D=2,5 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.43. *Lingură de turnat,* fragment (fig. 48/21). Secţiunea 18/2011, adâncimea 0,58 m. Confecţionată din pastă de lut cu impurităţi de şamotă măruntă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma în plan – ovală cu D=6,3×3,0 cm. Forma cavităţii – ovală în plan cu D=4,6×2,4 cm şi Ad=0,7 cm. Inedit.

IV.44. *Vas miniatural/creuzet*? (fig. 15/6). Secţiunea 19/2012, incinta bastionului nr. 2, adâncimea 0,26 m. Confecţionat din pastă de lut în amestec cu şamotă şi calcar pisat, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu. Forma – cilindrică cu H=3 cm, D=4 cm. Are o cavitate de formă ovală în plan cu D=2,5×2,0 cm şi Ad=0,5 cm. La bază este prevăzut cu un suport format din trei picioruşe de formă circulară cu D=1,5-1,8 cm. Inedit.

IV.45. *Vas miniatural/creuzet*? (fig. 48/27). Secţiunea 20/2012, adâncimea 0,3 m. Confecţionat din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu. Forma – tronconică cu H=1,8 cm, D_b=2,7 şi 1,0 cm. Are o cavitate de formă rotundă în plan cu D=1,5 cm şi Ad=0,7 cm. Inedit.

V. Piese din chihlimbar

V.1. *Mărgică* (fig. 52/1). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=0,8 cm, H=0,5 cm, D_{orf}=0,2 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/2.

V.2. *Mărgică* (fig. 52/2). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=0,9 cm, H=0,5 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/3.

V.3. *Mărgică* (fig. 52/3). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=0,9 cm, H=0,5 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/4.

V.4. *Mărgică* (fig. 52/4). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=1,0 cm, H=0,3 cm, D_{orf}=0,2 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/5.

V.5. *Mărgică* (fig. 52/5). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=0,9 cm, H=0,5 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/6.

V.6. *Mărgică* (fig. 52/6). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=0,9 cm, H=0,6 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/7.

V.7. *Mărgică* (fig. 52/7). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=0,9 cm, H=0,3 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/8.

V.8. *Mărgică* (fig. 52/8). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=0,9 cm, H=0,5 cm, D_{orf}=0,2 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/9.

V.9. *Mărgică* (fig. 52/9). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=1,0 cm, H=0,7 cm, D_{orf}=0,2 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/10.

V.10. *Mărgică* (fig. 52/10). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=1,2 cm, H=0,6 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/11.

V.11. *Mărgică* (fig. 52/11). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=1,4 cm, H=0,6 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/12.

V.12. *Mărgică* (fig. 52/12). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=1,3 cm, H=0,8 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/13.

V.13. *Mărgică* (fig. 52/13). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=1,5 cm, H=0,9 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/14.

V.14. *Mărgică* (fig. 52/14). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=1,7 cm, H=1,0 cm, D_{orf}=0,3 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/15.

V.15. *Mărgică* (fig. 52/15). Secţiunea 16/2010, adâncimea 0,2 m. Confecţionată din chihlimbar. Forma – elipsoidală. D=1,7 cm, H=0,9 cm, D_{orf}=0,2 cm. Niculiţă et al. 2011, fig. 4/16.

VI. Piese din scoică

VI.1. *Pandantiv* (fig. 31/3). Secţiunea 20/2012, construcţia nr. 5. Confecţionat din scoică de râu. Forma – ovală. D=2,4×4,0 cm, D_{orf}=0,2 cm. Inedit.

Bibliografie

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Bazarciuc 1981: V.V. Bazarciuc, Tezaurul geto-dacic de la Buneşti, jud. Vaslui. SCIVA 32, 4, 1981, 563-570.

Bazarciuc 1983: V.V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Buneşti, jud. Vaslui. SCIVA 34, 3, 1983, 249-273.

Bazarciuc 1987: V.V. Bazarciuc, Noi descoperiri în cetatea geto-dacică de la Buneşti (jud. Vaslui), SCIVA 38, 1, 1987, 33-39.

Cebotarenco 1997: Gh.T. Cebotarenco, Cetatea hallstattiană târzie de al Hârtopul Mare. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 211-220.

Florescu, Florescu 2005: A. Florescu, M. Florescu, Cetăţile traco-getice din secolele VI-III a. Chr. de la Stânceşti (jud. Botoşani) (Târgovişte 2005).

Haheu 1998: V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar – La Cordon din raionul Şoldăneşti. Revista Arheologică 2, 1998, 111-135.

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag, I (Constanţa 2005).

Iconomu 1981-1982: C. Iconomu, Cercetările arheologice de la Curteni-Dealul Viei şi Dealul Pietrărie (jud. Vaslui). Cercetări Istorice XII-XIII, 1981-1982, 127-192.

Irimia, Conovici 1989: M. Irimia, N. Conovici, Aşezarea getică fortificată de la Satu Nou – „Valea lui Voicu" (com. Oltina, jud. Constanţa). Thraco-Dacica X, 1989, 115-154.

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti 2000).

László 1994: A. László, Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi (Bucureşti 1994).

Mateevici 2007: N. Mateevici, Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Moscalu 1983: Em. Moscalu, Ceramica traco-getică (Bucureşti 1983).

Niculiţă et al. 2010: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, M. Băţ, Evoluţia sistemului defensiv al siturilor din zona Saharna în mileniul I a. Chr. In: (Ed. I. Cândea) Tracii şi vecinii lor în antichitate. Studia in honorem Valerii Sîrbu (Brăila 2010), 359-393.

Niculiţă et al. 2011: I. Niculiţă, A. Zanoci, S. Matveev, M. Băţ, Piese de port, podoabă şi de toaletă din aşezarea traco-getică Saharna Mare. In: (Eds. Măgureanu, D., Măndescu, D., Matei, S.) Archaeology: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeş at tis 70th anniversary (Piteşti 2011), 193-204.

Niculiţă et al. 2011a: I. Niculiţă, V. Cotiugă, A. Zanoci, A. Asăndulesei, Gh. Romanescu, F.-A.Tencariu, B. Venedict, Şt. Caliniuc, R. Balaur, C. Nicu, Magnetometric prospections in the Thraco-Getae fortress from Saharna Mare, Rezina district, Republic of Moldova. In: First Arheoinvest Congress. Interdisciplinary Research in Archeology (June 10th-11th, 2011, Iaşi, Romania). Programme and Abstracts (Iaşi 2011), 30-31.

Niculiţă et al. 2012: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2011) (I). Tyragetia s.n. 1, VI [XXI], 2012, 111-167.

Niculiţă et al. 2012a: I. Niculiţă, V. Cotiugă, A. Zanoci, M. Băţ, A. Asăndulesei, The defensive system from Saharna Mare in the light of the spatial, archaeomagnetic, and archaeological excavation data. Second Arheoinvest Congress. Interdisciplinary Research in Archeology (June 7th-9th, 2012, Iaşi, Romania). Programme and Abstracts (Iaşi 2012), 28-31.

Niculiţă et al. 2012b: I. Niculiţă, V. Cotiugă, A. Zanoci, A. Asăndulesei, M. Băţ, Gh. Romanescu, F.-A. Tencariu, R. Balaur, C. Nicu, Şt. Caliniuc, Magnetometric prospections in the thraco-getae fortress from Saharna Mare, Rezina district, Republic of Moldova. In: (Eds. V. Cotiugă, Şt. Caliniuc) Interdisciplinarity Research in Archaeology. Proceedings of the First Arheoinvest Congress, 10-11 June 2011, Iaşi, Romania. BAR International Series 2433, 2012, 87-92.

Niculiţă, Matveev, Potângă 1999: I. Niculiţă, S. Matveev, Ed. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. In: CAANT, III (Bucureşti 1999), 279-343.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Sistemul defensiv al cetăţii din epoca fierului – Saharna Mare. Tyragetia, s.n. 1, vol. I [XVI], 2007, 27-62.

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Simion 1971: G. Simion, Despre cultura geto-dacă din nordul Dobrogei, în lumina descoperirilor de la Enisala. Peuce II, 1971, 63-129.

Simion 2003: G. Simion, Geto-dacii din nordul Dobrogei, în descoperirile de la Enisala. In: G. Simion, Culturi antice în zona gurilor Dunării (Cluj-Napoca 2003), 259-314.

Sîrbu, Arnăut 1995: V. Sîrbu, T. Arnăut, Incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hânceşti, Rep. Moldova. In: CAANT, I (Bucureşti 1995), 378-400.

Sîrbu, Niculiţă, Vanciugov 2000: V. Sîrbu, I. Niculiţă, V. Vanciugov, Les Thraces au sud du Budgeac au Ier millénaire av. J.-C. In: Istro-Pontica (Tulcea 2000), 73-92.

Székely 1960: Z. Székely, Mormântul scitic de la Sf. Gheorghe. SCIV 11, 2, 1960, 373-371.

Şovan, Ignat 2005: O.L. Şovan, M. Ignat, Aşezarea getică fortificată de la Cotu-Copălău, jud. Botoşani (Târgovişte 2005).

Teodor 1979-1980: S. Teodor, Vestigii sporadice din epoca bronzului şi a fierului la Botoşana (jud. Suceava). Anuarul Muzeului judeţean Suceava, VI-VIII, Suceava, 1979-1980, 45-60.

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î. Hr. Consideraţii generale şi repertoriu arheologic (Bucureşti 1999).

Teodor, Nicu, Ţau 1999: S. Teodor, M. Nicu, S. Ţau, Aşezarea geto-dacică de la Poiana (jud. Galaţi). Obiecte de port şi podoabă (II). Oglinzi, ace, obiecte din os. ArhMold XX, 1999, 27-88.

Ursachi 1995: V. Ursachi, Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (Bucureşti 1995).

Vančugov et al. 1999: V. Vančugov, V. Sîrbu, I. Niculiţă, V. Bârcă, Cercetările arheologice de salvare de la Orlovka-Cartal (Ucraina) – campania 1998. In: CAANT, III (Bucureşti 1999), 135-221.

Vančugov et al. 1999a: V. Vančugov, I. Niculiţă, V. Sîrbu, V. Cojocaru, Rezultatele perieghezelor arheologice în stepele Bugeacului din anul 1997. In: CAANT, III (Bucureşti 1999), 117-133.

Vasiliev 1972: V. Vasiliev, Necropola scitică de la Blaj. Legăturile inventarului şi ritului funerar cu necropolele scitice de la nordul Mării Negre. Apulum 10, 1972, 19-64.

Vasiliev 1980: V. Vasiliev, Sciţii agatîrşi pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).

Vasiliev et al. 2002: V. Vasiliev, A. Rustoiu, E. Balaguri, C. Cosma, Solotvino-Cetate (Ucraina Transcarpatică). Aşezările din epoca bronzului, a doua epocă a fierului şi din evul mediu timpuriu (Cluj-Napoca 2002).

Vulpe, Teodor 2003: R. Vulpe, S. Teodor, Piroboridava. Aşezarea geto-dacică de la Poiana (Bucureşti 2003).

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VII-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măscăuţi „Dealul cel Mare". In: Thracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chişinău 2004), 45-81.

Андрух, Чернов 1990: С.И. Андрух, С.И. Чернов, Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья. СА 2, 1990, 149-163.

Гольцева, Кашуба 1995: Н. Гольцева, М. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).

Зеест 1960: И.Б. Зеест, Керамическая тара Боспора (Москва 1960).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель (Москва-Саратов 2003).

Нефедова 1992: Е.С. Нефедова, К вопросу о браслетах «латенского стиля». В сб.: Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени (Санкт-Петербург 1992), 21-34.

Никулицэ 1969: И.Т. Никулицэ, Исследования гетского могильника Лутерия у с. Ханска. В сб.: Далёкое прошлое Молдавии (Кишинёв 1969), 134-145.

Никулицэ 1977: И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).

Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).

Никулицэ, Рафалович 1974: И.Т. Никулицэ, И.А. Рафалович, Жилища гетов и ранних славян у с. Ханска. В сб.: АИМ в 1973 (Кишинев 1974), 79-92.

Нудельман, Рикман 1956: А.А. Нудельман, Е.А. Рикман, Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. В сб.: Известия Молдавского Филиала АН СССР, №4 (31) (Кишинев 1956), 129-131.

Петренко 1967: В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Приднепровья. Свод археологических источников, вып. Д1-4 (Москва 1967).

Петренко 1978: В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. Свод археологических источников, вып. Д4-5 (Москва 1978).

Рикман, Никулицэ 1985: Э.А. Рикман, И.Т. Никулицэ, Гетское поселение Ханска. В сб.: АИМ в 1981 г. (Кишинев 1985), 118-124.

Щукин 1994: М. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. - I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт-Петербург 1994).

Archaeological research on the site of Saharna Mare (2009-2012) (II)

Abstract

This article presents information on the findings relating to the Thraco-Getian period, which have been identified as a result of archaeological excavations in 2009-2012 on the site of Saharna Mare.

In examining orthophotomaps and the results and geomagnetic prospecting there was discovered a new defensive line traced over 650 m to the north, east and south sides of the cape. Its ends are connected to the "wall" on the west side, thus forming an integral defensive system surrounding the fortress on all sides and having an area of approximately 6 hectares. This recently discovered defensive line represents a "rampart" barely visible on the current surface of the soil, having at the base a width of 3 m and a height of about 0.3-0.4 m. Toward the east this "rampart" meanders, forming eight bastions grouped in four on the northern and southern flanks.

As a result of archaeological investigation it was found that the identified "rampart" is the remains of a defensive wall built of two rows of wooden poles dug vertically into the mainland. The space between rows was filled with stones and earth, thus forming a fortification of about 1.1-1.6 m width.

In the settlement there were also examined two above-ground structures, 36 household pits and fairly rich and varied inventory attributable to the 8th/7th - 3rd centuries BC.

Judging by its strategic location, powerful defensive structures, and by the findings found in the area of the site, it can be assumed that the fortified settlement of Saharna Mare was an important economic, political, administrative and military center of the Middle Dniester region.

List of illustrations:

Fig. 1. Geographical and topographical location of the Saharna Mare site.

Fig. 2. Saharna Mare. Topographic plan and magnetometric map.

Fig. 3. Saharna Mare. Plan and profile of the excavations 13/2009 and 14/2010.

Fig. 4. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 13A/2010.

Fig. 5. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 15/2010-2011.

Fig. 6. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 16/2010.

Fig. 7. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 17/2011.

Fig. 8. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 18/2012.

Fig. 9. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 19/2012.

Fig. 10. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 20/2012.

Fig. 11. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 21/2012.

Fig. 12. Saharna Mare. Plan and profile of the excavation 22/2012.

Fig. 13. Saharna Mare. Defensive line on the northeast side of the cape: 1 - orthophotomap; 2 - location of the bastions; 3 - topographic map; 4 - magnetometric map; 5 - view from the south to the bastions no. 2 and no. 3; 6 - view from the west to the bastion no. 2.

Fig. 14. Saharna Mare. Bastion no. 2: 1 - traces of burning in the ruins of the bastion; 2 - charred beam; 3 - Pit of a pole from the structure of the bastion; 4 - section through the structure of a „wall"; 5 - profile of the excavation no. 19.

Fig. 15. Saharna Mare. Objects found in the ruins of a defensive „wall" and within the bastion no. 2 (1, 3 - bronze; 2, 4 - iron; 7-13 - clay; 11, 14 - bone; 15 - horn)

Fig. 16. Saharna Mare. Pottery found in the ruins of a defensive „wall" of the bastion no. 2.

Fig. 17. Saharna Mare. Pottery found within the bastion no. 2.

Fig. 18. Saharna Mare. Remains of a defensive „wall" in the eastern side of the fortress: 1 - stones from filling; 2 - stone filling and an contour of the ditch behind the wall; 3, 4 - pole-pits from the construction of defensive „wall"; 5 - profile of the excavation no. 17.

Fig. 19. Saharna Mare. Material found in the ruins of a defensive „wall" (excavation 17).

Fig. 20. Saharna Mare. Remains of a defensive „wall" in the southern side of the fortress (excavation 20).

Fig. 21. Saharna Mare. Stone structures at the base of a defensive „wall" (excavation 20).

Fig. 22. Saharna Mare. Material from the filling of a defensive „wall" (excavations 21 and 22).

Fig. 23. Saharna Mare. Variant of reconstruction of a Thraco-Getae defensive „wall".

Fig. 24. Saharna Mare. Contour of the defensive line of the 5th/4th - 3rd centuries BC.

Fig. 25. Saharna Mare. Structure no. 4: 1 - plan and profile; 2-4 - remnants of charred poles *in situ*.

Fig. 26. Saharna Mare. Structure no. 4. Fragments of fired clay with prints of twigs from the debris .

Fig. 27. Saharna Mare. Oven from the structure no. 4.

Fig. 28. Saharna Mare. Findings from the structure no. 4.

Fig. 29. Saharna Mare. Structure no. 4. Pottery.

Fig. 30. Saharna Mare. Structure no. 5: 1 - ruins of the structure; 2 - contour of the pole-pits at the base of structure.

Fig. 31. Saharna Mare. Findings from the structure no. 5.
Fig. 32. Saharna Mare. 1 - Plan and profile of the pit no. 141; 2 - plan and profile of the pit no. 142; 3 - plan and profile of the pit no. 143; 4 - plan and profile of the pit no. 144; 5 - plan and profile of the pit no. 145; 6 - plan and profile of the pit no. 146; 7 - plan and profile of the pit no. 147; 8-10 - findings from the pit no. 141; 11-15 - findings from the pit no. 142; 16-18 - findings from the pit no. 143; 19-21 - findings from the pit no. 146; 22, 23 - findings from the pit no. 147.
Fig. 33. Saharna Mare. Pit no. 148: 1 - plan and profile; 2-6 - findings from the pit.
Fig. 34. Saharna Mare. Pit no. 149: 1 - plan and profile; 2-12 - findings from the pit.
Fig. 35. Saharna Mare. 1 - Plan and profile of the pit no. 150; 2 - plan and profile of the pits no. 113, no. 151, and no. 152.
Fig. 36. Saharna Mare. 1-3 - Findings from the pit no. 150; 4-9 - findings from the pit no. 151; 10-12 - findings from the pit no. 152.
Fig. 37. Saharna Mare. 1 - Plan and profile of the pit no. 153; 2 - plan and profile of the pit no. 154.
Fig. 38. Saharna Mare. 1 - Findings from the pit no. 153; 2-9 - findings from the pit no. 154.
Fig. 39. Saharna Mare. Pit no. 155: 1 - plan and profile of the pit; 2-15 - findings from the pit.
Fig. 40. Saharna Mare. 1 - Plan and profile of the pit no. 156; 2 - plan and profile of the pit no. 157; 3 - plan and profile of the pit no. 158.
Fig. 41. Saharna Mare. 1-6 - Findings from the pit no. 156; 7-10 - findings from the pit no. 157; 11-17 - findings from the pit no. 158.
Fig. 42. Saharna Mare. 1 - Plan and profile of the pits no. 159 and no. 160; 2 - plan and profile of the pit no. 161; 3 - plan and profile of the pit no. 162.
Fig. 43. Saharna Mare. 1 - Findings from the pit no. 159; 2 - findings from the pit no. 160; 3-6 - findings from the pit no. 161; 7 - findings from the pit no. 162.
Fig. 44. Saharna Mare. Plan and profile of the pits without chronological indicators, attributed to the Thraco-Getae horizon.
Fig. 45. Saharna Mare. Iron tools from the cultural layer.
Fig. 46. Saharna Mare. Items of bone (1-4) and horn (5) from the cultural layer.
Fig. 47. Saharna Mare. Stone tools from the cultural layer.
Fig. 48. Saharna Mare. Clay utensils from the cultural layer.
Fig. 49. Saharna Mare. Weapon of metal (1, 2 - iron; 3 - bronze).
Fig. 50. Saharna Mare. Bracelets (1-3 - iron; 4 - copper; 5 - silver).
Fig. 51. Saharna Mare. 1-5 - Ornaments; 6-10 - clothing items (1-4, 10 - silver; 5 - bronze; 6-9 - iron).
Fig. 52. Saharna Mare. Amber beads.
Fig. 53. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 54. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 55. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 56. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 57. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 58. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 59. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 60. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 61. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 62. Saharna Mare. Fragments of vessels from the cultural layer.
Fig. 63. Saharna Mare. Fragments of pots from the cultural layer.
Fig. 64. Saharna Mare. Fragments of bowls from the cultural layer.
Fig. 65. Saharna Mare. Fragments of bowls from the cultural layer.
Fig. 66. Saharna Mare. Fragments of bowls from the cultural layer.
Fig. 67. Saharna Mare. Fragments of bowls from the cultural layer.
Fig. 68. Saharna Mare. Fragments of fine ware: 1 - black-glazed wares; 2, 3 - grey wares.
Fig. 69. Saharna Mare. Fragments of amphorae.

Археологические исследования на памятнике Сахарна Маре (2009-2012) (II)

Резюме

В данной статье представлена информация о находках, относящихся к фрако-гетскому периоду, которые были выявлены в результате археологических раскопок в 2009-2012 годах на городище Сахарна Маре.

В ходе изучения ортофотопланов и результатов геомагнитных разведок была обнаружена новая оборонительная линия, прослеживаемая на протяжении 650 м с северной, восточной и южной сторон мыса. Ее концы соединяются со «стеной» с западной стороны, образуя единую оборонительную систему, окружающую крепость со всех сторон и имеющую площадь около 6 га. Эта недавно обнаруженная оборонительная линия представляет собой «вал», едва заметный на уровне дневной поверхности, имеющий у основания ширину 3 м и высоту около 0,3 – 0,4 м. По направлению к востоку этот «вал» извивается, образуя 8 бастионов, сгруппированных по четыре на северном и южном флангах.

В результате археологических изысканий было установлено, что выявленный «вал» представляет собой остатки оборонительной стены, построенной из двух рядов деревянных столбов, вкопанных вертикально в материк. Пространство между рядами было забутовано камнями и землей, образуя, таким образом, оборонительное сооружение шириной около 1,1-1,6 м.

На территории городища были также исследованы две наземных сооружения, 36 хозяйственных ям и достаточно богатый и разнообразный инвентарь, относящийся к VIII/VII-III вв. до н.э.

Судя по стратегическому месторасположению, мощности оборонительных сооружений, а также по находкам, обнаруженным на территории памятника, можно предположить, что городище Сахарна Маре являлось важным экономическим, политико-административным и военным центром в регионе Среднего Днестра.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Географическое и топографическое расположение памятника Сахарна Маре.

Рис. 2. Сахарна Маре. Топографический план и магнитометрическая карта.

Рис. 3. Сахарна Маре. План и профиль раскопов 13/2009 и 14/2010.

Рис. 4. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 13А/2010.

Рис. 5. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 15/2010-2011.

Рис. 6. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 16/2010.

Рис. 7. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 17/2011.

Рис. 8. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 18/2012.

Рис. 9. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 19/2012.

Рис. 10. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 20/2012.

Рис. 11. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 21/2012.

Рис. 12. Сахарна Маре. План и профиль раскопа 22/2012.

Рис. 13. Сахарна Маре. Оборонительная линия на северо-восточном краю мыса: 1 - ортофотоплан; 2 - расположение бастионов; 3 - топографическая карта; 4 - магнитометрическая карта; 5 - вид с юга на бастионы №2 и №3; 6 - вид с запада на бастион №2.

Рис. 14. Сахарна Маре. Бастион №2: 1 - следы прожига в развалинах бастиона; 2 - карбонизированное бревно; 3 - столбовая яма из конструкции бастиона; 4 - разрез оборонительной «стены»; 5 - профиль раскопа 19/2012.

Рис. 15. Сахарна Маре. Предметы, обнаруженные среди развалин оборонительной «стены» и в периметре бастиона №2 (1, 3 - бронза; 2, 4 - железо; 7-13 - глина; 4, 14 - кость; 15 - рог).

Рис. 16. Сахарна Маре. Керамика, обнаруженная среди развалин оборонительной «стены» бастиона №2.

Рис. 17. Сахарна Маре. Керамика, обнаруженная в периметре бастиона №2.

Рис. 18. Сахарна Маре. Остатки оборонительной «стены» на восточном краю мыса: 1 - камни из заполнения; 2 - каменное заполнение и контур рва; 3, 4 - столбовые ямы из конструкции оборонительной «стены»; 5 - профиль раскопа 17/2011.

Рис. 19. Сахарна Маре. Материал, обнаруженный среди развалин оборонительной «стены» (раскоп 17/2011).

Рис. 20. Сахарна Маре. Остатки оборонительной «стены» на южном краю мыса (раскоп 20/2012).

Рис. 21. Сахарна Маре. Каменные сооружения у основания оборонительной «стены» (раскоп 20/2012).

Рис. 22. Сахарна Маре. Материал, обнаруженный среди развалин оборонительной «стены» (раскопы 21/2012 и 22/2012).

Рис. 23. Сахарна Маре. Вариант реконструкции фрако-гетской оборонительной «стены».

Рис. 24. Сахарна Маре. Контур оборонительной линии V/IV-III вв. до н.э.

Рис. 25. Сахарна Маре. Сооружение №4: 1 - план и профиль; 2-4 - остатки карбонизированных столбов *in situ*.

Рис. 26. Сахарна Маре. Сооружение №4. Фрагменты обожженной глины с отпечатками прутьев из развалин сооружения.

Рис. 27. Сахарна Маре. Остатки печи из сооружения №4.

Рис. 28. Сахарна Маре. Инвентарь сооружения №4.

Рис. 29. Сахарна Маре. Сооружение №4. Керамика.

Рис. 30. Сахарна Маре. Сооружение №5: 1 - развалины; 2 - контур столбовых ям у основания сооружения.

Рис. 31. Сахарна Маре. Инвентарь сооружения №5.

Рис. 32. Сахарна Маре. 1 - План и профиль ямы №141; 2 - план и профиль ямы №142; 3 - план и профиль ямы №143; 4 - план и профиль ямы №144; 5 - план и профиль ямы №145; 6 - план и профиль ямы №146; 7 - план и профиль ямы №147; 8-10 - инвентарь ямы №141; 11-15 - инвентарь ямы №142; 16-18 - инвентарь ямы №143; 19-21 - инвентарь ямы №146; 22, 23 - инвентарь ямы №147.

Рис. 33. Сахарна Маре. Яма №148: 1 - план и профиль; 2-6 - инвентарь ямы.

Рис. 34. Сахарна Маре. Яма №149: 1 - план и профиль; 2-12 - инвентарь ямы.

Рис. 35. Сахарна Маре. 1 - План и профиль ямы №150; 2 - план и профиль ям №113, №151 и №152.

Рис. 36. Сахарна Маре. 1-3 - Инвентарь ямы №150; 4-9 - инвентарь ямы №151; 10-12 - инвентарь ямы №152.

Рис. 37. Сахарна Маре. 1 - План и профиль ямы №; 2 - план и профиль ямы №154.

Рис. 38. Сахарна Маре. 1 - Инвентарь ямы №153; 2-9 - инвентарь ямы №154.

Рис. 39. Сахарна Маре. Яма №155: 1 - план и профиль; 2-15 - инвентарь ямы.

Рис. 40. Сахарна Маре. 1 - План и профиль ямы №156; 2 - план и профиль ямы №157; 3 - план и профиль ямы №158.

Рис. 41. Сахарна Маре. 1-6 - Инвентарь ямы №156; 7-10 - инвентарь ямы №157; 11-17 - инвентарь ямы №158.

Рис. 42. Сахарна Маре. 1 - План и профиль ям №159 и №160; 2 - план и профиль ямы №161; 3 - план и профиль ямы №162.

Рис. 43. Сахарна Маре. 1 - Инвентарь ямы №; 2 - инвентарь ямы №160; 3-6 - инвентарь ямы №161; 7 - инвентарь ямы №162.

Рис. 44. Сахарна Маре. Планы и профили ям без хроноиндикаторов, отнесенные к фрако-гетскому горизонту.

Рис. 45. Сахарна Маре. Железные орудия из культурного слоя.

Рис. 46. Сахарна Маре. Предметы из кости (1-4) и рога (5) из культурного слоя.

Рис. 47. Сахарна Маре. Каменные орудия из культурного слоя.

Рис. 48. Сахарна Маре. Предметы из глины из культурного слоя.

Рис. 49. Сахарна Маре. Оружие из металла (1, 2 - железо; 3 - бронза).

Рис. 50. Сахарна Маре. Браслеты (1-3 - железо; 4 - медь; 5 - серебро).

Рис. 51. Сахарна Маре. Украшения (1-4, 10 - серебро; 5 - бронза; 6-9 - железо).

Рис. 52. Сахарна Маре. Янтарные бусы.

Рис. 53. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 54. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 55. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 56. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 57. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 58. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 59. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 60. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 61. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 62. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 63. Сахарна Маре. Фрагменты керамики из культурного слоя.

Рис. 64. Сахарна Маре. Фрагменты мисок из культурного слоя.

Рис. 65. Сахарна Маре. Фрагменты мисок из культурного слоя.

Рис. 66. Сахарна Маре. Фрагменты мисок из культурного слоя.

Рис. 67. Сахарна Маре. Фрагменты мисок из культурного слоя.

Рис. 68. Сахарна Маре. Фрагменты парадной посуды: 1 - чернолаковая; 2, 3 - сероглиняная керамика.

Рис. 69. Сахарна Маре. Фрагменты амфор.

01.08.2013

Dr. hab. Ion Niculiţă, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: azanoci@gmail.com

Mihail Băţ, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: mb_usm@yahoo.com

Dr. Sergiu Matveev, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sssmatveev@yahoo.com

AMFORĂ DE CHIOS DE LA DUBĂSARI
(o nouă achiziţie a MNIM)

Natalia Mateevici

Începutul importului organizat de mărfuri greceşti transportate în amfore în regiunile nord-vest pontice este considerat sec. VI a. Chr. Unele apariţii sporadice ale amforelor greceşti, în special ale celor de Chios, în regiunea pontică, sunt semnalate şi în a doua jumătate a sec. VII (Лейпунская 1987, 88). Sec. VII-VI a. Chr. reprezintă perioada când Chiosul, laolaltă cu Miletul, Samosul, Corinthul, Klazomene şi Lesbosul, a fost printre primele centre greceşti, care pentru necesităţile comerţului său vinicol, a început producerea amforelor destinate acestuia (Gras 1987, 42).

Amforele chiote au fost evidenţiate din multitudinea ambalajului amforistic încă în prima treime a sec. XX de către doi cercetători: V. Grace (Grace 1934, 303) şi B.N. Grakov (Граков 1935, 179).

Studierea difuzării şi răspândirii amforelor în prima perioadă de pătrundere a importului grecesc în mediu barbar al regiunii de nord-vest a Mării Negre a demonstrat că, laolaltă cu amforele de Chios, în regiunea dată îşi au răspândire ambalajele de Lesbos, Samos, Klazomene, Mende (Mateevici 2007, 21-24). Şi totuşi, amforele chiote sunt cele mai răspândite recipientele amforistice din perioada timpurie a relaţiilor dintre barbari şi negustori greci. Pe parcursul a câteva secole difuzarea vinurilor chiote în regiunea nord-vest pontică, s-a efectuat în vase de diferite forme şi mărimi, fiecare perioadă impregnând anumite particularităţi morfologice caracteristice perioadei respective.

Cele mai timpurii recipiente amforistice ale Chiosului, descoperite în hinterlandul est-carpatic sunt cele cu gâtul umflat (Mateevici 2007, 61, 258, harta 2), care aparţine tipului III, conform clasificării lui Monachov (Монахов 2003, 24). Amforele de tipul III cu „gâtul umflat" sunt divizate de Monachov în trei variante: III-A, III-B, III-C (ultima fiind împărţită încă în două serii). Încadrarea cronologică a fiecărei este:

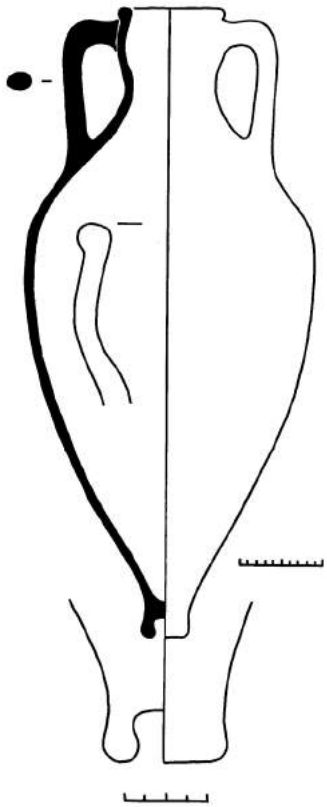
- III-A – al treilea sfert al sec. VI - al patrulea sfert al sec. IV a. Chr.
- III-B – prima jumătate - mijlocul sec. V a. Chr.
- III-C-1 – mijlocul - al treilea sfert al sec. V a. Chr.
- III-C-2 – al treilea - al patrulea sfert al sec. V a. Chr.

Amfore şi fragmente ale amforelor timpurii de Chios au fost descoperite în 15 puncte din mediul barbar al spaţiului de nord-vest al Mări Negre (Mateevici 2007, harta 2). Cele mai timpurii sunt piesele care aparţin tipului III-B: amfora reîntregită de la Stânceşti (Florescu, Raţă 1969, 12), amfora întreagă din necropola Adjigol, tum. 1G (Ebert 1913, 12-13), fragmentul de buză de la Brădiceşti (Iconomu 2002, 61, fig. 12/2), fragmentul de gât de la Hârtopul Mare (Cebotarenco 1997, 219), fragmente de gâturi şi picioruşe din aşezările Novonekrasovka II (Сапожников, Бруяко, Кожокару 1999, 93-94) şi Ciobruciu (Щербакова 1997, 169) etc. Vasele acestui tip erau de mai multe capacităţi, începând cu cele mai mici (fracţionare) de 4 choi chioţi (11,2 l) şi până la amfore de volum standard, cu capacitatea de 8 choi chioţi (22,4 l).

În anul 2012 MNIM a achiziţionat o amforă, care cu siguranţa provine dintr-un mormânt scitic de pe malul stâng al Nistrului, din regiunea fostei uzine mecanice din oraşul Dubăsari. Piesa reprezintă o amforă chiotă cu gâtul umflat, de tipul III-B, încadrată în anii '80-'70 ai sec. V a. Chr. (Монахов 2003, табл. 5/1-6). Vasul s-a păstrat întreg graţie faptului că a fost depus într-un mormânt scitic[1]. Regiunea din preajma oraşului Dubăsari nu o dată a fost menţionată de arheologi drept loc de descoperire a mai multor tumuli scitici, în care au fost atestate atât fragmente, cât şi amfore întregi sau întregibile greceşti (Кетрару, Серова 1987, 107-131; Кетрару, Серова 1992, 141-170; Chetraru, Mateevici 1997, 109-115; Агульников, Субботин 1997, 182-186; Chetraru, Serova 2001).

[1] Informaţie furnizată de persoana care a găsit vasul în anii '70 ai sec XX.

Tyragetia, s.n., vol. VII [XXII], nr. 1, 2013, 293-295.



Vasul are următoarele dimensiuni: H – 70 cm, H° – 67 cm, H¹ – 15,6 cm, D – 34 cm, D¹ – 13×14,6 cm, D° – 6,1 cm (vezi semnificaţia semnelor la Mateevici 2007, 33). Astfel de dimensiuni corespund unui vas de talie mare, care este egală cu 8 choi chioţi (22,4 l). Vasul, este confecţionat din pastă de culoare maronie deschisă, de o calitate buna, având ca degresanţi nisip mărunt şi mici particule albii, calcaroase. Trunchiul ovoidal finisează în partea de jos cu un picioruş slab profilat, cu o cavitate adâncă, cu adâncimea de 2,5 cm. În partea superioară trunchiul trece lin în umerii teşiţi, la mijlocul lăţimii cărora sunt fixate două toarte verticale, elipsoidale în secţiune, care în partea superioară se fixează sub valţul buzei evazate. Amfora are multiple analogii în spaţiul pontic: Olbia, gr. 421, Muzeul de Arheologie din Odesa, Muzeul din Azov etc. (Монахов 2003, табл. 5/1-6). Importanţa acestui vas pentru patrimoniul arheologic este extrem de semnificativă, în primul rând, locul descoperirii, reprezintă încă un „punct” suplimentar în tabloul de răspândire a amforelor greceşti, în general şi celor timpurii, în special, în cel de-al doilea rând, este la moment unicul vas chiot timpuriu, de tipul III-B, găsit întreg, pe teritoriul Republicii Moldova. Mai există încă un vas întreg, care, la fel, aparţine tipului cu gâtul umflat al amforelor chiote (Агульников, Субботин 1997, 186, рис. 11/1), dar care este atribuit unei variante mai târzii – III-C, datată cu cea de-a doua jumătate - ultimul sfert al sec. V a. Chr. (Mateevici 2007, 62).

Fiind o piesă reprezentativă, amfora chiotă găsită în oraşul Dubăsari, va putea ilustra în expoziţia de bază a Muzeului, laolaltă cu alte recipiente amforistice, evoluţia şi dezvoltarea relaţiilor comerciale ale localnicilor din regiunea de nord-vest a Mării Negre cu lumea greacă antică.

Bibliografie

Cebotarenco 1997: Gh. Cebotarenco, Cetatea hallstattiană târzie de la Hârtopul Mare. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 211-220.

Chetraru, Mateevici 1997: N.A. Chetraru, N. Mateevici, Cercetările tumulului nr. 45 din raionul Dubăsari. Tyragetia IV-V, 1997, 109-115.

Chetraru, Serova 2001: N.A. Chetraru, N.L. Serova, Necropola aristocraţiei scitice de la Dubăsari (sec. V-IV a. Chr.) (Chişinău 2011).

Ebert 1913: M. Ebert, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin, gouv. Cherson (Sud-Russland). Praistorische Zeintschrift V, 1913, 1-80.

Florescu, Raţă 1969: M. Florescu, S. Raţă, Complexul de cetăţi traco-getice (sec. VI-III î.e.n.) de la Stânceşti-Botoşani. Suceava. Studii şi materiale 1, 1969, 9-20.

Grace 1934: V. Grace, Stamped Amphora Handles Found in 1931-1932. Hesperia 3, 1934, 197-300.

Gras 1987: M. Gras, Amphores commerciales et histoire archaïque. In: Dialoghi di Archeologia, vol. 5 (Milano-Roma 1987), 41-50.

Iconomu 2002: C. Iconomu, Noi descoperiri arheologice în aşezarea din epoca fierului de la Brădiceşti, Iaşi (II). ArhMold XXII, 2002, 49-66.

Mateevici 2007: N. Mateevici, Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Агульников, Субботин 1997: С.М. Агульников, А.В. Субботин, Скифский курган V в. в Днестровском побережье. В сб.: Никоний и античный мир Северного Причерноморья (Одесса 1997), 182-186.

Кетрару, Серова 1987: Н.А. Кетрару, Н.Л. Серова, Скифские курганные в Дубоссарском районе. В сб.: Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху (Кишинев 1987), 107-131.

Кетрару, Серова 1992: Н.А. Кетрару, Н.Л. Серова, Исследования курганов в Дубоссарском районе. В сб: АИМ в 1986 (Кишинев 1992) 141-170.

Лейпунская 1987: Н.А. Лейпунская, Амфоры. В сб.: Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время (Киев 1987), 87-102.

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель (Саратов 2003).

Сапожников, Бруяко, Кожокару 1992: И.В. Сапожников, И.В. Бруяко В.М. Кожокару, Новые данные о поселении Ново-Некрасовка II. В сб.: Краткие сообщения одесского Археологического общества (Одесса 1992), 92-95.

Щербакова 1997: Т.А. Щербакова, Позднеархаический горизонт поселения Чобручи. В сб.: Никоний и античный мир Северного Причерноморья (Одесса 1997), 167-170.

Amphora from Chios found in Dubăsari (new object in the collections of NMHM)

Abstract

The article presents information on a Greek amphora of Chios production, which was randomly found in the former mechanical plant in Dubăsari. This amphora recently entered the museum's collection. It belongs to the early Chios amphorae with swollen neck of so-called type III B, which according to the classification of Monakhov are dated back to the first half of the 5th century BC. This amphora is of a certain interest, because it is currently the only whole specimen of that type in the territory of the Republic of Moldova, and it also provides additional information to create a complete picture of the development of trade between the Greek poleis and local communities in the region.

Хиосская амфора из Дубэсарь (из новых поступлений в фонды НМИМ)

Резюме

В статье представлена информация о поступлении в музей новой греческой амфоры хиосского производства, которая была найдена случайно на территории бывшего механического завода в г. Дубэсарь. Амфора относится к ранним пухлогорлым хиосским сосудам так называемого III-B варианта, датируемого по классификации Монахова первой половиной V в. до Р.Х. Эта амфора представляет определенный интерес, т.к. является на данный момент единственным целым экземпляром этого типа на территории Республики Молдова, а также дает дополнительную информацию для создания полной картины развития торговли между греческими полисами-производителями и местным населением данного региона.

11.03.2013

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, st. 31 August, 121-A, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: amforaelada@yahoo.com

ГЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕСТРА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАКИЙСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Николай Тельнов
Виталий Синика

В 1958 г. в с. Ташлык Григориопольского района на левобережье Нижнего Днестра была обнаружена гетская урна, использовавшаяся для кремации.

В 2007 г. сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко узнали об этой находке, хранящейся в Тираспольском объединённом музее. Изучение документации позволило установить, что сосуд был передан в музей[1] в том же 1958 г., о чём в Книге поступлений под №203 была сделана следующая запись: «Гетский сосуд (IV-III вв. до н.э.), погребальная урна, найден в каменном карьере с. Ташлык в мае 1958 г.». Спустя более чем 35 лет, 27 января 1994 г. Е.О. Антипенко была заполнена Карточка научного описания, в которой содержатся следующие сведения: «Лепной сосуд с округлым туловом, невысоким отогнутым наружу венчиком и плоским дном. В нижней части сосуда имеются 4 налепных ручки-упора, в верхней части также имеются 4 ручки-упора, отличающиеся несколько меньшими размерами. Сосуд изготовлен из теста (глина) с примесью мелкого шамота и мелко нарезанной травы, керамика в изломе светло-коричневая. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, имеются незначительные следы лощения». Никаких других документов, в которых бы упоминалась данная находка, найти не удалось.

Осмотр самого сосуда показал, что, во-первых, он находится в прекрасном состоянии, а во-вторых, заполнен на две трети человеческими костями со следами частичной кремации, среди которых находились фрагменты двух железных предметов – лезвия ножа и втулки наконечника копья (?). Ниже приводится описание урны и находок из неё[2].

1. Лепная урна (рис. 1/3) с шаровидным туловом, невысоким горлом со слегка отогнутым наружу венчиком и плоским дном. В верхней части тулова находятся четыре симметричных выступа усеченно-конической формы – по два друг напротив друга; в нижней – четыре симметричных, трапециевидных в плане и сечении, упора – также по два друг напротив друга. Оси расположения верхних выступов и нижних упоров находятся под углом в 45°. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета. Высота сосуда – 30 см, диаметр венчика – 14,2 см, толщина венчика – до 0,8 см, максимальный диаметр тулова – 26 см, диаметр дна – 11,5 см, диаметр горловины – 10 см. Размеры выступов: нижний диаметр – 1,9 см, верхний диаметр – 0,8-1 см, высота – 1 см; размеры упоров – 3,5×2,0 см.

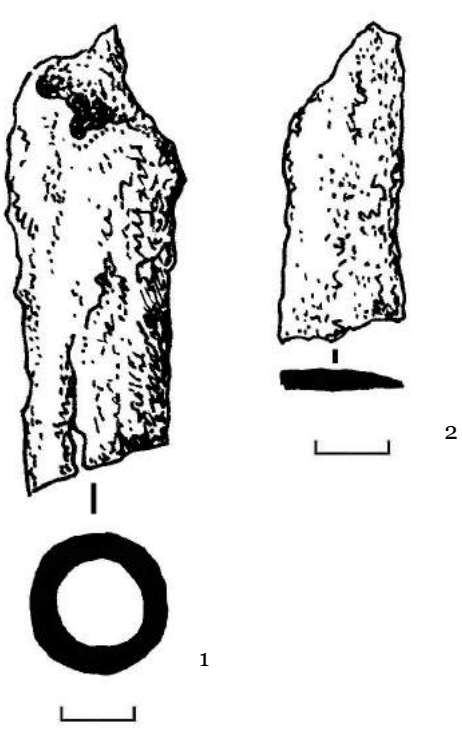
2. Фрагмент цилиндрической втулки железного наконечника копья (?) или фрагмент железного цилиндрического втока копья (?) (рис. 1/1) сохранился на длину 6,25 см. Внешний диаметр сечения предмета – ок. 1,9 см, внутренний – ок. 1,1 см; таким образом, толщина железного листа, из которого была свёрнута втулка или вток, составляет не более 0,4 см.

3. Фрагмент лезвия железного ножа (рис. 1/2) с горбатой спинкой и прямым лезвием. Сохранившаяся длина 4,3 см, ширина 1,7 см.

Анализ комплекса находок, хранящихся в Тираспольском объединённом музее, однозначно свидетельствует, что в 1958 г. у с. Ташлык Григориопольского района на левобережье

[1] В то время он носил название Тираспольского краеведческого музея.

[2] Рисунки урны и предметов из неё выполнены сотрудником научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко Г.М. Зыковым.



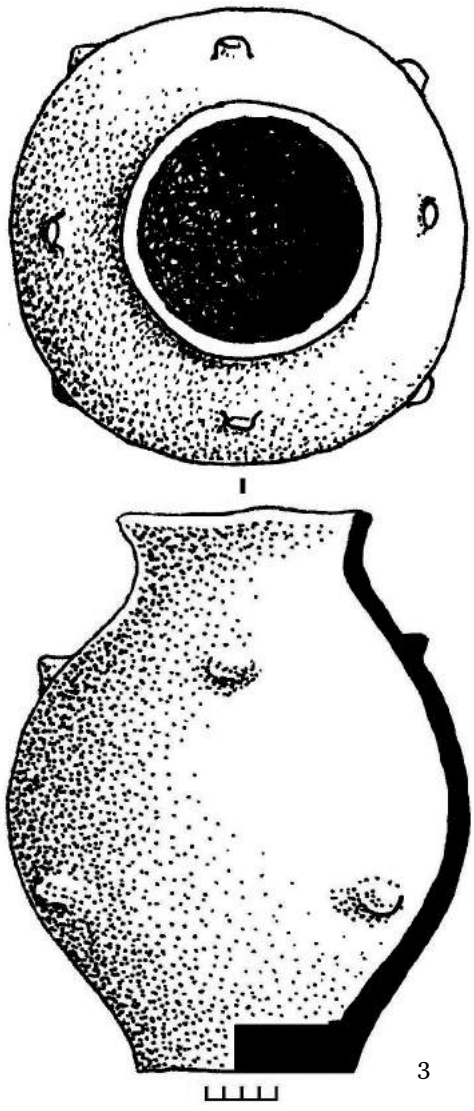


Рис. 1. Гетское погребение из с. Ташлык на левобережье Нижнего Днестра: 1 - фрагмент втулки наконечника копья (?) или втока копья (?); 2 - фрагмент лезвия ножа; 3 - урна.

Нижнего Днестра был обнаружен ещё один погребальный памятник, оставленный гетскими племенами. Захоронение в урне частично кремированных костей человека вместе с погребальным инвентарём не оставляет в этом никаких сомнений. Также очевидно, что это захоронение принадлежало воину, вне зависимости от того, принадлежала ли втулка железному наконечнику копья или являлась фрагментом втока копья.

Ввиду крайне малой информативности железных изделий, для определения даты совершения гетского погребения из с. Ташлык пригоден только сам сосуд, использованный для захоронения. Географически ближайшими аналогиями урне из с. Ташлык являются сосуды из городища Бутучены (рис. 2/1) IV-III вв. до н.э. (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 49, fig. 80/5; Măndescu 2010, cat. 92, pl. 41B/22) и Потырка (рис. 2/2) IV-II вв. до н.э. (Măndescu 2010, cat. 512, pl. 219A/11) в лесостепной Молдавии. Известны подобные урны и на гетских поселениях Мунтении и Запрутской Молдовы. На одном из них – Орбяска де Сус (рис. 3/2) – такая урна была обнаружена в слое, датированном 425-300 гг. до н.э. (Moscalu 1983, pl. IX/1; Măndescu 2010, cat. 464, pl. 201/2). На другом – поселении Пояна (рис. 3/3) – аналогичный сосуд происходит из слоя IV в. до н.э. (Moscalu 1983, 32, pl. VII/2). Известна аналогия сосуду из с. Ташлык и в гетском могильнике Зимнича (рис. 3/1), который в целом датируется IV-I вв. до н.э. (Alexandrescu 1980, 33, fig. 20/3; Măndescu 2010, cat. 698, pl. 362/1). Однако дата погребения 49, в котором была обнаружена аналогичная урна, на основании фрагмента бронзовой фибулы этого некрополя может быть уточнена до второй половины IV - первой половины III в. до н.э. Все указанные сосуды имеют аналогичную профилировку (раздутое тулово в средней части, достаточно хорошо выделенную горловину с венчиком, диаметр которого не превышает максимальный диаметр тулова), а также сим-

метрично расположенные упоры в нижней части и выступы – в верхней.

Не исключено, что самой близкой аналогией урне из Ташлыка, с географической и хронологической точек зрения, является один из сосудов, обнаруженных у с. Спея Григориопольского района на левобережье Нижнего Днестра (рис. 2/3) и датированных IV-III вв. до н.э. (Хахеу 1992, 124-125, рис. 1). Его нижняя часть снабжена такими же упорами, как и урна из с. Ташлык, однако отсутствие верхней части у урны из с. Спея не позволяет делать безапелляционные выводы о сходстве ташлыкской и спейской находок.

Анализ аналогий показывает, что сосуды, подобные найденному у с. Ташлык Григориопольского района на левобережье Днестра, датируются на различных гетских памятниках в основном в пределах IV в. до н.э. Этим же временем мы определяем дату совершения гетского погребения в урне у с. Ташлык.

Особый интерес вызывает тот факт, что погребение у с. Ташлык является одним из немногих гетских погребальных памятников, обнаруженных и исследованных не только на левобережье Днестра, но и в Прутско-Днестровском междуречье.

В междуречье Прута и Днестра известно значительное количество гетских поселений[3] и 120 гетских захоронений, однако их подавляющее большинство (110) сосредоточено на двух могильниках лесостепной зоны – 42 на Данченском (Лапушнян 1979, 50-60, рис. 13, 14; Левинский 2009, 163-167, рис. 1; Левинский 2010, 75-78, рис. 5) и 68 на могильнике Ханска-Лутэрия (Никулицэ 1969, 134-145; Никулицэ 1972, 105-121; Никулицэ 1973, 30; Никулицэ 1987, 117-118, рис. 39; Левинский 2009, 167-171, рис. 2; Левинский 2010, 78-83, рис. 6). Ещё одно гетское погребение в лесостепной зоне было исследовано у с. Пыржолтены (Лапушнян и др. 1974, 68-69; Лапушнян 1979, 18-20; Левинский 2009, 171-173, рис. 3; 2010, 83-85, рис. 7). В степной зоне Прутско-Днестровского междуречья были обнаружены восемь гетских погребений: два – между сёлами Тудорово и Паланка Штефан-Водского района на правобережье Нижнего Днестра (Мелюкова 1958, 96; Сергеев 1960, 264-265, рис. 6, 7; Левинский 2009, 173-174; Левинский 2010, 85-86), шесть – у с. Джурджулешты Кагульского района на левом берегу р. Прут (Arnăut 1999; Arnăut 2003, cat. 201b). Совершенно особое место в этом списке занимает гетское погребение в кургане 7 могильника Дербент на Нижнем Дунае (Редина 2000, 250).

В левобережном Поднестровье в настоящее время известны всего шесть гетских захоронений. Только одно из них обнаружено в лесостепной зоне – погребение в урне в урочище Млыны у с. Рашков Каменского района (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 68; Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, 119; Arnăut 2003, 252; Коваленко и др. 2006, 71). Остальные пять происходят из степного левобережного Поднестровья и располагаются с севера на юг следующим образом: одно погребение у с. Ташлык Григориопольского района; два захоронения у с. Спея Григориопольского района (Хахеу 1992, 124-125, рис. 1; Левинский 2009, 173-174; Левинский 2010, 85-86); два погребения у с. Чобручи (Ястребов 1894, 87).

Гетское присутствие на левобережье Нижнего Днестра также фиксируется и рядом поселений. Так, гетские городища известны в Каменском районе у с. Рашков (Златковская, Полевой 1969, 37, рис. 1; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 41; Свод 1987, 405-406; Хынку 1987, 24-26; Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, 119; Arnăut 2003, 252; Коваленко и др. 2006, 78-80; Заноч 2012, 74, 76, рис. 1) и у с. Катериновка (Златковская, Полевой 1969, 37, рис. 1; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 41; Свод 1987, 388; Хынку 1987, 26-27; Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, 119; Arnăut 2003, 197; Коваленко и др. 2006, 40; Заноч 2012, 74, рис. 1). В Рыбницком районе гетское городище исследовалось у с. Выхватинцы (Мелюкова 1954, 65-67, рис. 31; Мелюкова 1955, 64-67, рис. 14, 15; Мелюкова 1958, 91; Златковская, Полевой 1969, 46, рис. 1; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 45; Хынку 1987, 60-61; Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, 127; Arnăut 2003, 240; Коваленко и др. 2008, 56). Ещё одно гетское городище известно в Рыбницком районе у с. Строенцы (Коваленко и др. 2008, 84-85). В Григориопольском районе два гетских поселения были обнаружены у с. Спея (Сорокин 1983, 5-11; Arnăut 2003, 263).

[3] А.Н. Левинский приводит следующие данные: 50 городищ и 130 селищ (Левинский 2010, 25-30; там же см. литературу).

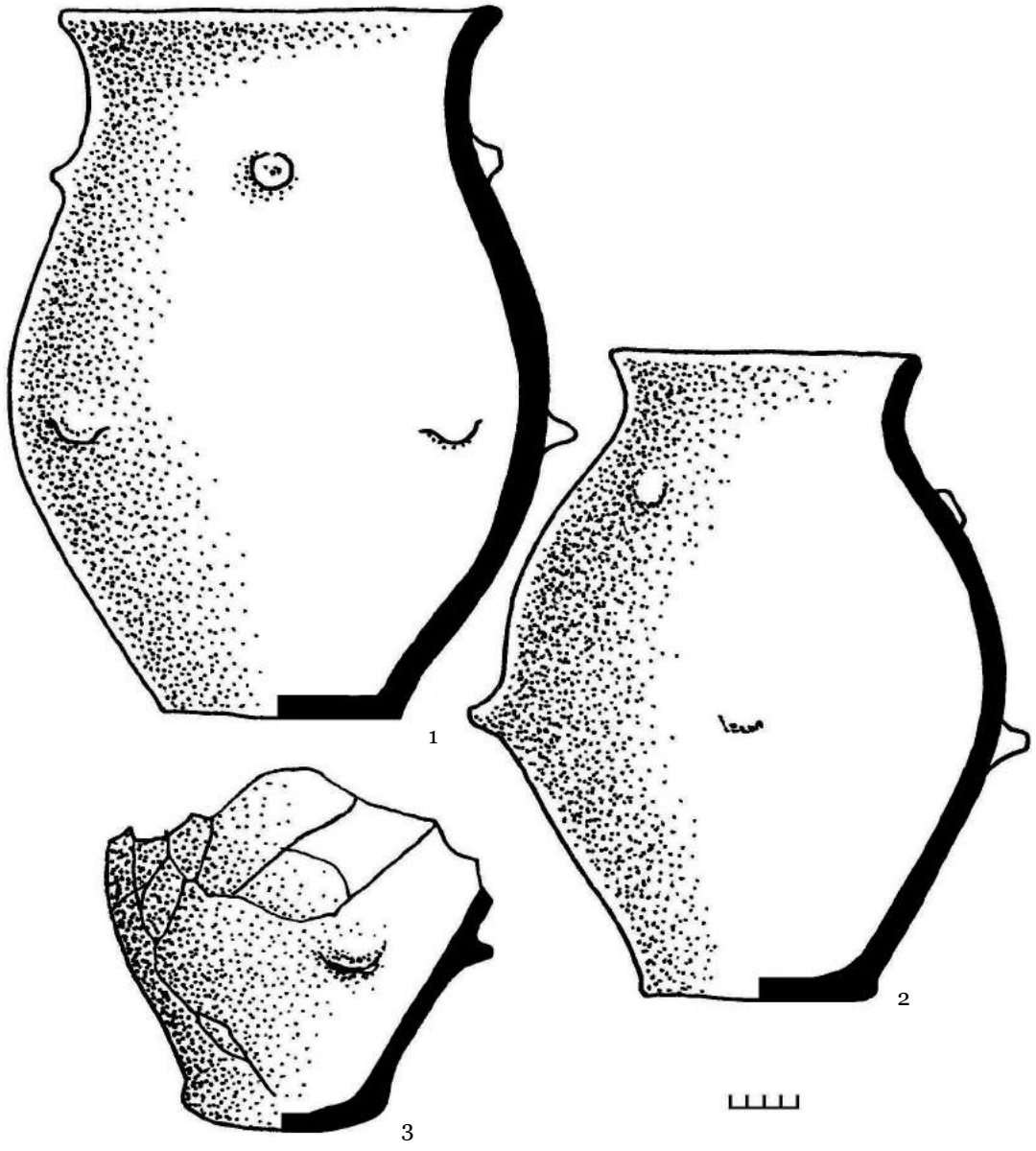


Рис. 2. Аналогии урне из с. Ташлык: 1 - Бутучены (по Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002); 2 - Потырка (по Măndescu 2010); 3 - Спея (по Хахеу 1992).

*****

«Открытие» нового гетского комплекса на левобережье Нижнего Днестра не только дополняет картину фракийского присутствия на левобережье Нижнего Днестра, но и позволяет вновь обратиться к некоторым проблемам, которые напрямую касаются гетских погребальных памятников и погребального обряда.

Первая из этих «проблем» касается якобы «одиночных» гетских захоронений, известных как в Прутско-Днестровском междуречье, так и на левобережье Днестра. В частности, А.Н. Левинский неоднократно подчёркивал «одиночность» захоронения между сс. Тудорово и Паланка в степном правобережном Поднестровье (Левинский 2009, 173-174; Левинский 2010, 85-86). При этом почему-то не учитывается факт, что в указанном пункте были обнаружены две урны, представляющие собой соответственно два гетских захоронения по обряду трупосожжения. О двух урнах пишет Г.П. Сергеев, который свою публикацию этих находок снабдил иллюстрациями (Сергеев 1960, 264-265, рис. 6, 7). Также А.Н. Левинский считает одиночным гетское по-

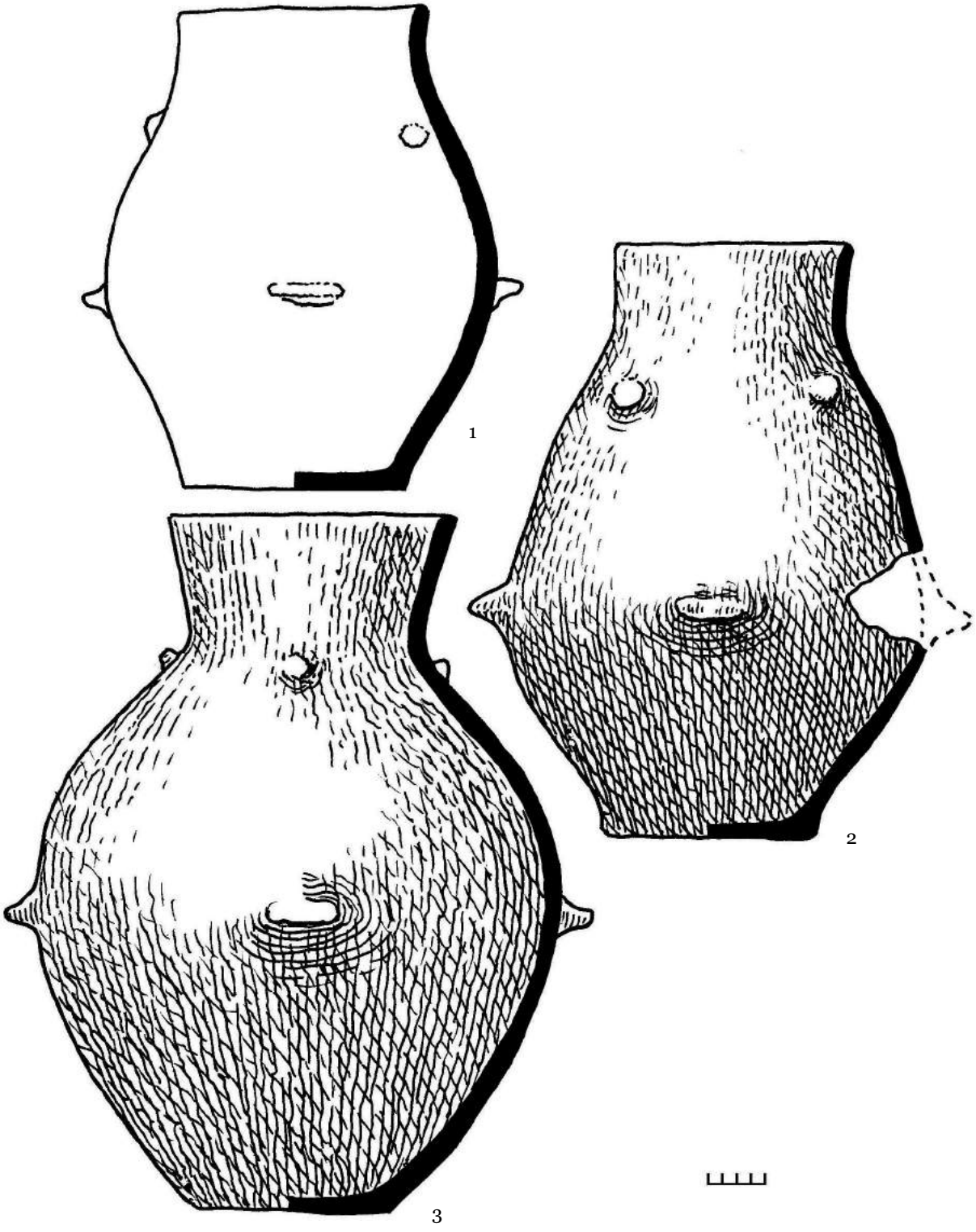


Рис. 3. Аналогии урне из с. Ташлык: 1 - Зимнича (по Alexandrescu 1980); 2 - Орбяска де Сус (по Moscalu 1983); 3 - Пояна (по Moscalu 1983).

гребение у с. Спея Григориопольского района на левобережье Нижнего Днестра (Левинский 2009, 173-174; Левинский 2010, 85-86), несмотря на то, что В.П. Хахеу описывает два сосуда, которые «представлены урнами, в одной из которых обнаружены кальцинированные человеческие кости» (Хахеу 1992, 125, рис. 1/4, 5). Характеристика этих погребений завершается заключением: «Таким образом, оба указанных комплекса, наверняка, одиночные

и не связаны с каким бы то ни было поселением» (Левинский 2009, 174; Левинский 2010, 85).

Утверждение об отсутствии связи гетских погребальных памятников с синхронными гетскими поселениями, тем более расположенными в непосредственной близости, по меньшей мере вызывает удивление и является очередной «проблемой», на которую, по нашему мнению, необходимо также обратить внимание.

Начнём с погребений, обнаруженных между сс. Тудорово и Паланка. Ещё в 1959 г. в разделе «Хроника» журнала «Советская археология» (№2) было упомянуто о раскопках под руководством А.И. Мелюковой городища у с. Тудорово (тогда Олонештского района МССР) с культурным слоем IV-III вв. до н.э. (Лисицына 1959, 284). На это же городище указывает Г.П. Сергеев при публикации гетских урн и находок из них в 1960 г. (Сергеев 1960, 262, прим. 1). Это же городище приводится в своде памятников восточно-карпатского региона V-III вв. до н.э., вместе с указанием на ещё одно гетское поселение в районе того же села Тудорово (Arnăut 2003, 271, cat. 486a, 486b). Однако А.Н. Левинским ни в одной из его работ даже не упоминается ни одно из этих поселений возле с. Тудорово на правобережье Нижнего Днестра. Остаётся только предполагать, что эти памятники либо были ему неизвестны, либо были сознательно «забыты». При этом их связь с гетским могильником нам представляется очевидной, даже несмотря на то, что местонахождение могильника до настоящего времени точно не локализовано.

В случае с погребениями, обнаруженными у с. Спея Григориопольского района на левобережье Нижнего Днестра, А.Н. Левинский упоминает о поселении Спея-Гишково, однако тот факт, что указанный памятник находится в 3 км ниже по течению не позволил автору связать оба эти археологических комплекса, тем более что, судя по материалам, «среди которых и фрагмент хиосской амфоры третьей четверти VI в. до н.э., оно относится к греко-варварским древностям» (Левинский 2009, 174; Левинский 2010, 85). Любопытно при этом, что автор при определении даты фрагмента хиосской амфоры ссылается на свою же работу 2007 г. При этом он совершенно забывает (или не знает?) о том, что в районе с. Спея в настоящее время известны два гетских поселения. Одно из них, размерами 250×150 м, располагается в 1 км к юго-востоку от села; было открыто и раскопано на площади 144 м² В.Я. Сорокиным в 1982 г. Помимо остатков углублённого сооружения с очагом были обнаружены производственный инвентарь и более сотни фрагментов гетской лепной керамики (Сорокин 1983, 5-11). Другое поселение, размерами 300×200 м, было открыто В.П. Хахеу в 1982 г. в 0,4 км к востоку от села (Arnăut 2003, 263, cat. 444a-c)[4]. Заметим, что в данной ситуации, несмотря на тот факт, что поселения и погребения расположены на определённом удалении друг от друга, их связь представляется очевидной.

Примерами наличия связи между гетскими поселениями и погребальными памятниками являются несколько комплексов, которые вообще не упоминаются А.Н. Левинским – у сс. Рашков и Чобручи в левобережном Поднестровье и на могильнике Дербент на Нижнем Дунае.

Гетское погребение в урне у с. Рашков Каменского района на левобережье Нижнего Днестра было открыто в 1962 г. Н.А. Кетрару у северной окраины села в урочище Млыны (Коваленко и др. 2006, 71). Возле этого же урочища в 1958 г. Н.А. Кетрару было обнаружено гетское городище IV в. до н.э. (Коваленко и др. 2006, 70-71). Анализ расположения обоих этих памятников (Коваленко и др. 2006, карта VII/2, 3) не оставляет никаких сомнений в том, что погребение было совершено жителями близлежащего гетского городища. Здесь хотелось бы особо подчеркнуть (во избежание недоразумений в будущем), что в районе с. Рашков имеются два поселения раннего железного века (культура Сахарна-Солончены), одно из которых расположено, так же как и гетское городище и гетское погребение, в урочище Млыны на левом берегу р. Валя-Адынкэ (Коваленко и др. 2006, 78-80, карта VIII/12),

[4] В каталоге к монографии Т. Арнэута данное поселение описывается как три разных памятника (Arnăut 2003, 263, cat. 444a-c), однако в ходе разведок сотрудников научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко было установлено, что эти «три разных поселения» являются на самом деле участками одного поселения.

другое – также в урочище Млыны, но на правом берегу р. Валя-Адынкэ (Коваленко и др. 2006, 80-81, карта VIII/13; Левинский, Романчук 2006, 328-329, рис. 1).

Возле с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра гетские погребения были обнаружены ещё в XIX в. В 1894 г. В. Ястребов сообщал, что «в 1 версте к юв. от села[5] найдены 2 кувшина с ушками и с мелкими костями внутри и некоторая другая посуда» (Ястребов 1894, 87). Это сообщение, судя по которому можно только предполагать наличие гетских урн, предназначенных для погребений остатков трупосожжений, можно было бы игнорировать, если бы в настоящее время не были известны расположенные в непосредственной близости многослойное поселение Чобручи (Фидельский 2012) и погребения позднегальштатского (или раннегетского?) времени в урнах возле г. Слободзея (Фидельский 2009).

Даже гетское захоронение, совершённое по обряду кремации на могильнике Дербент на Нижнем Дунае, нельзя признать не связанным с поселенческими памятниками. Уникальность гетского трупосожжения, совершенного на стороне с последующим помещением праха погребённого в «урну», в качестве которой была использована амфора[6], заключается только в том, что оно было обнаружено во внутренней части рва скифского кургана. Этот погребальный комплекс, насколько нам известно, упоминается только единожды в работе Е.Ф. Рединой и привязывается к «торжищу» у с. Орловка, которое расположено в непосредственной близости от скифских могильников (Редина 2000, 250). Городище Картал, расположенное у с. Орловка Ренийского района Одесской области Украины, представляло собой «весьма крупный центр гетов», существовавший на протяжении IV в. до н.э. и первой трети III в. до н.э. (Бруяко, Ванчугов, Савельев 2012, 333). Также в непосредственной близости к могильнику Дербент располагается другое городище – Новосельское-II, присутствие гетов на котором фиксируется и для более позднего времени, по крайней мере, до середины II в. до н.э. (Бруяко, Ярошевич 2001, 62-68; Бруяко, Ванчугов, Савельев 2012).

[5] К юго-востоку от с. Слободзея.

[6] Что нередко отмечалось на гетских могильниках Румынии.

Таким образом, среди «не связанных с поселениями» гетских захоронений остаётся комплекс у с. Пыржолтены в Прутско-Днестровском междуречье и погребение у с. Ташлык на левобережье Днестра.

Относительно захоронения у с. Пыржолтены А.Н. Левинский отмечает, что оно было расположено на северо-западной окраине села, в то время как ближайшее поселение к нему находится в «3 км к востоку – юго-востоку от его окраины, а это слишком уж далеко. Кроме того, других погребений при строительных работах там не обнаружено, так что нам ничего не остаётся, как считать это погребение одиночным» (Левинский 2009, 171; Левинский 2010, 83)[7]. По этому поводу заметим, что, во-первых, ближайшее из известных в настоящее время поселений к пыржолтенскому погребению расположено в 2 км к северу – северо-востоку от него – на северной окраине с. Городиште Каларашского района (Telnov, Belotcaci 2005, 268, fig. 1/1). Во-вторых, и это более важно, если и не было обнаружено у с. Пыржолтены других гетских погребальных комплексов, то это не означает, что их там не было, нет или не могло бы быть. При этом связь этого захоронения с поселенческим комплексом[8] представляется нам, как и во всех предыдущих случаях – Рашков, Спея, Чобручи, Тудорово и Дербент, – очевидной.

Однако наиболее «восхитительной» является историческая интерпретация комплекса у с. Пыржолтены. Приведём её полностью: «Что касается происхождения комплекса, то его можно связать с событиями, повлекшими за собой появление гетов в лесной зоне Восточно-Карпатского региона, – походом Дария против скифов (514 или 512 год). Захороненный на высоком склоне долины, скорее всего, был предводителем одной из групп гетов, которая скрылась от преследования скифов в лесах верховьев реки Бык и его притока Рэкэтэу. Будучи раненым, он скончался в пути, и его похоронили по обычаю, как воина, на высоком склоне долины»[9] (Левинский 2009, 173;

[7] Цитата по: (Левинский 2009, 171).

[8] Вне зависимости был ли этот комплекс тем самым поселением, которое открыл В.С. Бейлекчи (Arnăut 2003, 245, cat. 352) и которое упоминается А.Н. Левинским, или другим поселением – ещё не обнаруженным или уже уничтоженным современной сельской застройкой.

[9] Цитата по: (Левинский 2010, 85).

Левинский 2010, 85, 89). Оставляя за пределами нашего внимания публицистический стиль изложения, используемый автором повсеместно, обратим внимание на «глубину» обозначенных положений. Без сколь-нибудь серьёзного хронологического анализа погребение у с. Пыржолтены датируется концом VI в. до н.э., по-видимому, просто потому, что этому времени соответствует одно из немногих достоверно известных исторических событий, связанных со скифами и гетами в Северном Причерноморье. Дальнейшая «сказочная» интерпретация комплекса у с. Пыржолтены, вероятно, потребовала у автора объявить его одиночным и не связанным с поселением.

Следуя подобной логике мы должны считать гетское погребение в урне у с. Ташлык одиночным, связанным с походом Зопириона в Северное Причерноморье, просто потому, что мы продатировали этот погребальный комплекс на левобережье Нижнего Днестра IV в. до н.э., и особенно с учётом того, что возле с. Ташлык не известны ни гетские поселения, ни другие гетские захоронения[10].

По нашему мнению, применительно к находке из с. Ташлык более уместно констатировать простой факт, что в настоящее время гетские поселения и могильники в этой микрозоне не выявлены, что совершенно не исключает их существования. Об этом, в частности, хотя и косвенно, могут свидетельствовать гетские памятники левобережья Днестра у с. Рашков к северу от с. Ташлык (в лесостепной зоне), а также у с. Спея и у с. Чобручи к югу от Ташлыка (в степной зоне).

Ещё одной проблемой, которая в очередной раз требует рассмотрения в связи с находкой гетского захоронения в урне у с. Ташлык, является использование кремации в гетском погребальном обряде. Причиной обращения к данному вопросу в очередной раз стали работы А.Н. Левинского, в которых уже неоднократно высказывалось утверждение, что «геты лесостепи Молдовы, и, судя по всему, геты вообще, практиковали обряд сожжения. Это связано с их традициями и верованиями. Эти традиции были устойчивыми на протяжении времени, и в пространстве. По этому обряду хоронили умерших и вне дома, вдали от родных мест. Что касается трупоположений, которые присутствуют на некоторых могильниках, в том случае, когда могильники однослойные, то по этому обряду могли хоронить только чужаковиноверцев или членов общины, недостойных быть захороненными согласно традиции и обряду. Присутствие этой последней категории комплексов в составе могильников, однако, ни в коем случае не означает, что геты практиковали биритуализм» (Левинский 2009, 174; Левинский 2010, 86)[11].

Для того чтобы сделать подобное заключение исследователь провёл анализ погребальных комплексов, сосредоточенных на двух могильниках – Данченском и Ханска-Лутэрия. Используя различные «манипуляции», он пришёл к выводу, что могильник Данчены «на самом деле включает в себя два разновременных и разноэтничных памятника – раннескифский и гетский»[12]. К раннескифскому времени он отнёс все погребения, совершённые по обряду трупоположения (15), и датировал их в пределах всего VI в до н.э., отдавая предпочтение его первой половине. Остальные 27 захоронений, совершённых по обряду трупосожжения, он считает гетскими и датирует самым началом IV в. до н.э., считая образование этого гетского могильника следствием «налётов скифских отрядов на их близлежащие посёлки»[13] (Levinschi 2008; Левинский 2009, 163-167, рис. 1; Левинский 2010, 75-78, 98, рис. 5).

При помощи тех же самых «манипуляций» происходит «анализ» захоронений могильника Ханска-Лутэрия. Восемь погребений этого могильника, совершённые по обряду ингумации, трактуются весьма оригинально: «При условии, что большая часть этой категории комплексов синхронна сожжениям, способом ингумирования были захоронены чужаки-иноверцы, или вообще колдуны или другие члены общины, недостойные предстать в мир иной по установленной традиции. В пользу такого вывода свидетельствует, как мы уже отмечали, их окраинное расположение на территории могильника, неустойчивое поло-

[10] Отметим также, что погребения могильника у с. Джурджулешты в левобережном Нижнем Попрутье (о которых также не упоминает А.Н. Левинский в своих работах) в настоящее время не могут быть связаны с каким бы то ни было поселением, однако вероятность существования последнего вряд ли может быть поставлена под сомнение.

[11] Цитата по: (Левинский 2009, 174).
[12] Цитата по: (Левинский 2010, 78).
[13] Цитата по: (Левинский 2010, 98).

жение усопшего и различная ориентировка костяков. Ко всему этому, мы не исключаем, что некоторые комплексы могут относиться и к древностям первых веков нашей эры»[14]. Остальные 60 погребений, совершённых по обряду кремации, отнесены к гетской культуре. При этом вопрос о времени функционирования могильника Ханска-Лутэрия вообще не рассматривается (Левинский 2009, 167-171, рис. 2; Левинский 2010, 78-83, рис. 6).

Краткий обзор основных «аргументов», изложенных А.Н. Левинским, позволяет сделать два вывода.

Во-первых, более чем заметно стремление «связать» определённые гетские погребальные комплексы с немногими достоверно известными историческими событиями, имевшими место в Северном Причерноморье (погребение у с. Пыржолтены со скифо-персидской войной), или с «какими-то непонятными» событиями, касающимися скифо-фракийских взаимоотношений (появление «раннескифского могильника Данчены» со «скифскими походами» в лесостепь в VI в. до н.э., а также появление «гетского могильника Данчены» со «скифскими налётами» на гетские поселения в начале IV в. до н.э.).

Во-вторых, А.Н. Левинским «умело» используется тот факт, что большая часть погребений могильников Данчены и Ханска-Лутэрия опубликована суммарно, что не позволяет проверить, с одной стороны, аргументацию авторов этих публикаций (В.Л. Лэпушняна и И.Т. Никулицэ), а с другой – те самые «манипуляции» их оппонента А.Н. Левинского, который подвергает сомнению эту самую аргументацию относительно хронологии и этнокультурной атрибуции комплексов.

Оставляя за пределами нашего внимания вопрос о хронологии могильников Данчены и Ханска-Лутэрия[15], обратимся к данным, полученным при исследовании гетских могильников на территории Румынии. А результаты их изучения однозначно свидетельствуют, что гетами наряду с кремацией, которая, безусловно, доминирует как способ захоронения, нередко использовалась и ингумация.

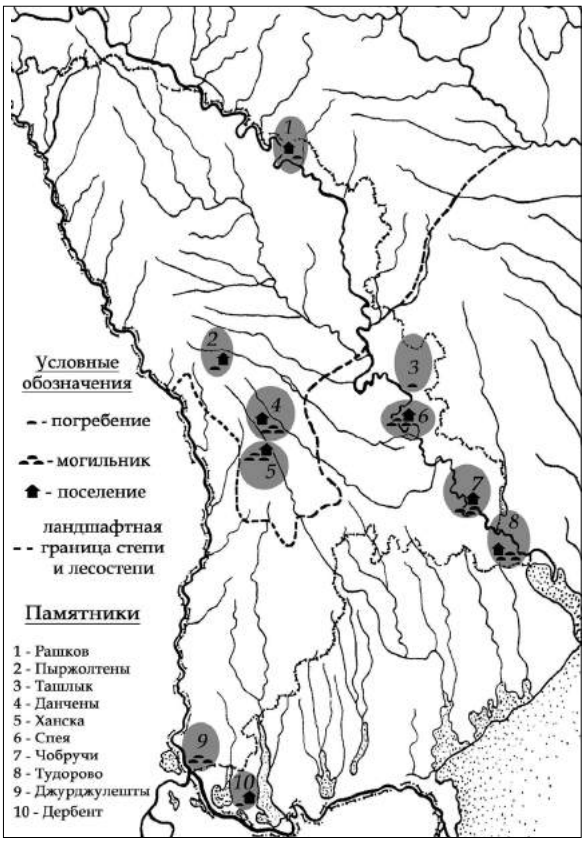


Рис. 4. Карта-схема гетских погребальных памятников Прутско-Днестровского междуречья и левобережного Поднестровья.

На грунтовом могильнике Истрия-«Бент» все 104 исследованных погребения оказались трупоположениями (Măndescu 2010, cat. 316). Аналогичная ситуация отмечена и на грунтовом могильнике Исакча (27 погребений) (Simion 2003). Суммарный анализ курганных и бескурганных гетских захоронений у Мангалии показывает преобладание ингумаций (30) над кремациями (8) (Bărlădeanu-Zavatin 1980; Irimia 1983; Irimia 1984). Из 361 погребения могильника Стелника немногим более половины (185) представляли собой трупосожжения, а остальные (176) – трупоположения (Măndescu 2010, cat. 600). Значительное преобладание кремаций отмечено на следующих могильниках: Енисала – 410 погребений = 386 кремаций + 24 ингумации (Simion 1971; Simion 1976; Simion 1977, 2004); Зимнича – 161 захоронение = 157 кремаций + 4 ингумации (Alexandrescu 1980); Муригиол (I, II) – 60 погребений = 58 кремаций + 2 ингумации (Бужор 1958; Bujor 1955; 1956; 1957; 1959; 1960); Буджак (I, II, III) – 121 захоронение = 120 кре-

[14] Цитата по: (Левинский 2010, 81).

[15] Просто потому, что без полной публикации материалов могильников она не имеет никакого смысла.

маций + 1 ингумация (Irimia 1968; 1969; 1979; 1980; 1985; 1992).

Приведённые данные убедительно свидетельствуют, что утверждение о том, что геты лесостепи Молдовы «и, судя по всему, геты вообще» практиковали только обряд сожжения, не соответствует действительности. Таким образом, ингумация как способ захоронения, по нашему мнению, не может использоваться в качестве аргумента для обоснования не гетской принадлежности части захоронений могильника Данчены. По этой же причине погребения могильника Ханска-Лутэрия, совершённые по обряду трупоположения, нельзя считать принадлежащими «чужакам-иноверцам или вообще колдунам». Также нельзя считать аргументами в пользу не гетской (= скифской, или вообще непонятно какой) принадлежности ингумаций на могильниках Данчены и Ханска-Лутэрия вид погребального сооружения (ямы или подбои), позы (вытянуто на спине) и ориентировки (практически по всем сторонам света) погребённых, а также сопровождающий инвентарь (наконечники стрел и др.) только на том основании, что они в большей или меньшей степени характерны для скифского населения Северо-Западного и, шире, Северного Причерноморья.

Не подлежит сомнению, что только полный анализ всей совокупности имеющихся данных (как о погребальном обряде, так и о сопровождающем инвентаре) позволяет не допускать столь «вольных» трактовок материала, которые в результате приводят к столь «серьёзным» заключениям.

Однако в настоящее время точка зрения относительно существования на могильнике Данчены двух разновременных и разноэтничных могильников (скифского и гетского) уже нашла сторонников. В частности, Л.В. Носова в своей недавней работе пишет: «Пошаговый анализ материалов из раскопок Данчен приводит кишинёвского исследователя к интересному и, представляется, убедительному выводу: памятник раннего железного века, воспринимавшийся как нечто единое, состоит из двух разновременных и разноэтничных, «севших» один на другой – раннегетский на скифский – могильников» (Носова 2012, 180).

Очевидно, что Л.В. Носова безо всякого критического подхода к тем самым «ловким манипуляциям» «кишинёвского исследователя» принимает на веру практически все утверждения последнего, за исключением, пожалуй, датировки первой половиной VI в. до н.э. некоторых погребений могильника Данчены (№№ 43, 73, 139 и 180), которая «кажется заниженной» (Носова 2012, 180-181, прим. 49).

Также очевидно, что использование массива «псевдоскифских» погребений могильника Данчены значительно расширяет тот самый хронологический и культурный горизонт, к которому Л.В. Носова относит скифские захоронения у с. Суручены в Молдавской лесостепи, а также погребения Г 2, К 3 и К 4 (последние два с оговоркой «возможно») Маякского могильника на левобережье Нижнего Днестра. Далее следует «предположение» о том, что комплексы у сс. Суручены, Данчены и Маяки «оставлены номадами первой (первых?) «новой» волны, обитавшими во второй половине/конце VI - первой трети V вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье и контролировавшими регион», а также о том, что они «примерно синхронны приольвийским курганам, и не исключено, что нижнеднестровская группа была лишь частью более крупного объединения, «охранявшего» греческие полисы Северного Причерноморья» (Носова 2012, 182-183).

Остаётся только догадываться, с какой целью скифы, обитавшие в степях Нижнего Поднестровья в конце VI - первой трети V в. до н.э., проникают в лесостепь, где оставляют свой могильник у с. Данчены, возле которого спустя два столетия появляется гетское городище и на котором с этого момента геты начинают совершать захоронения по обряду кремации. Также не понятно, какое более крупное объединение скифов и каким образом «охраняло», по выражению Л.В. Носовой, греческие полисы Северного Причерноморья.

В заключении приходится констатировать, что ошибочные утверждения, тем более высказанные неоднократно (Levinschi 2008; Левинский 2009; Левинский 2010), никем не оспоренные и не оспариваемые, со временем «по умолчанию» приобретают видимость непреложных истин. Такие «истины» в дальнейшем становятся отправной точкой тех или иных научных построений, фундамента которых просто не существует (Носова 2012, 180-183).

Библиография

Бужор 1958: Е. Бужор, О гето-дакийской культуре в Муригиоле. Dacia N.S. II, 1958, 125-141.

Бруяко, Ванчугов, Савельев 2012: И.В. Бруяко, В.П. Ванчугов, О.К. Савельев, Слои эллинистического времени на городище Новосельское-II. МАСП. 12, 2012, 294-335.

Бруяко, Ярошевич 2001: И.В. Бруяко, Ю.И. Ярошевич, Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае (Одесса 2001).

Заноч 2012: А. Заноч, Фрако-гетские поселения Среднего Поднестровья в контексте восточно-карпатских земель. В сб.: Древности северного Причерноморья. Материалы международной конференции, Тирасполь, 16-19 октября 2012 г. (Тирасполь 2012), 73-80.

Златковская, Полевой 1969: Т.Д. Златковская, Л.Л. Полевой, Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: (Отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 35-60.

Коваленко и др. 2006: С.И. Коваленко, В.С. Синика, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, С.А. Фидельский, И.А. Четвериков, Т.А. Щербакова, Свод археологических памятников Каменского района Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь 2006).

Коваленко и др. 2008: С.И. Коваленко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.А. Фидельский, Свод археологических памятников Рыбницкого района Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь 2008).

Лапушнян 1979: В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X - начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинёв 1979).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ, вып. 4 (Кишинёв 1974).

Левинский 2009: А.Н. Левинский, К вопросу о погребальном обряде и обрядности у гетов Днестровско-Прутского междуречья (VI-IV вв. до н.э.). Stratum plus 3, 2005-2009, 162-175.

Левинский 2010: А.Н. Левинский, История гетов в Лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI - вторая половина IV вв. до н.э.). Stratum plus 3, 2010, 15-127.

Левинский, Романчук 2006: А. Левинский, А. Романчук, Памятник культуры Сахарна-Солончень на левобережье Днестра. Revista arheologică S.N. II/1-2, 328-333.

Лисицына 1959: Н.К. Лисицына, Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1958 г. СА 2, 1959, 282-292.

Мелюкова 1954: А.И. Мелюкова, Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК 56, 1954, 59-68.

Мелюкова 1955: А.И. Мелюкова, Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952-1953 гг. ИМФ АН СССР 5 (25), 1955, 51-70.

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. В сб.: (Отв. ред. К.Ф. Смирнов). Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. МИА №64 (Москва 1958), 5-102.

Никулицэ 1969: И.Т. Никулицэ, Исследования гетского могильника Лутэрия у с. Ханска. В сб.: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далёкое прошлое Молдавии (Кишинёв 1969), 134-145.

Никулицэ 1972: И.Т. Никулицэ, Исследование гетского могильника Ханска-Лутэрия. В сб.: (Отв. ред. И.А. Рафалович) АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинёв 1972), 105-121.

Никулицэ 1973: И.Т. Никулицэ, Погребальный обряд гетов в IV-III вв. до н.э. СА 2, 1973, 27-44.

Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинёв 1987).

Носова 2012: Л.В. Носова, «Греческое» и «варварское» в Северо-Западном Причерноморье в «переходный» период (в связи с исследованием погребений конца VI - первой половины V вв. до н.э. у с. Маяки). МАСП 12, 2012, 150-192.

Редина 2000: Е.Ф. Редина, Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В сб.: (Відп. ред. О.В. Сминтина, О.А. Пригарін). Археологія та етнологія Східної Європи: матеріалі та дослідження (Одесса 2000), 243-252.

Свод 1987: Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона. Макет. (Кишинёв 1987).

Сергеев 1960: Г.П. Сергеев, Скифский кинжал из Олонештского района, Молдавской ССР. ЗОАО I (34), 1960, 262-265.

Сорокин 1983: В.Я. Сорокин, Отчёт об археологических исследованиях энеолитического отряда Дубоссарской новостроечной экспедиции в 1982 г. Архив НМАИМ, №186. (Кишинёв 1983).

Фидельский 2009: С.А. Фидельский, Погребение железного века у г. Слободзея в Нижнем Поднестровье в контексте северо-фракийских памятников. Tyragetia s.n. III [XVIII], 1, 2009, 235-246.

Фидельский 2012: С.А. Фидельский, Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III-II вв. до н.э. Древности северного Причерноморья. В: Материалы международной конференции, Тирасполь, 16-19 октября 2012 г. (Тирасполь 2012), 16-20.

Хынку 1987: И.Г. Хынку, Древнейшие памятники родного края (городища северной Молдавии) (Кишинёв 1987).

Ястребов 1894: В. Ястребов, Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. ЗООИД XVII, 1894, 63-176 [I].

Alexandrescu 1980: A.D. Alexandrescu, La nécropole gète de Zimnicea. Dacia. N.S. XXIV, 1980, 19-126.

Arnăut 1999: T. Arnăut, Necropola getică de la Giurgiuleşti. In: Studia in honorem Ion Niculiţă (Chişinău 1999), 135-145.

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Bărlădeanu-Zavatin 1980: E. Bărlădeanu-Zavatin, Noi descoperiri în necropolele callatiene. Partea I. Necropolele de epocă greacă şi elenistică. Pontica 13, 1980, 216-240.

Bujor 1955: E. Bujor, Săpăturile de salvare de la Murighiol. SCIV 3-4, 1955, 571-580.

Bujor 1956: E. Bujor, Contribuţie la cunoaşterea populaţiei geto-dace din nord-estul Dobrogei. SCIV 3-4, 1956, 243-252.

Bujor 1957: E. Bujor, Săpăturile de salvare de la Murighiol. MCA III, 1957, 247-254.

Bujor 1959: E. Bujor, Şantierul arheologic Murighiol. MCA V, 1959, 373-378.

Bujor 1960: E. Bujor, Şantierul arheologic Murighiol. MCA VI, 1960, 325-330.

Irimia 1968: M. Irimia, Cimitirele de incineraţie geto-dacice de la Bugeac-Ostrov. Pontice 1, 1968, 193-234.

Irimia 1969: M. Irimia, Noi cercetări în cimitirul II geto-dacic de la Bugeac. Pontica 2, 1969, 23-42.

Irimia 1979: M. Irimia, Descoperiri noi în cimitirul getic de la Bugeac, comuna Ostrov (1972, 1977-1978). Pontica 12, 1979, 55-76.

Irimia 1980: M. Irimia, Cercetări în necropola getică de la Bugeac, com. Ostrov, jud. Constanţa. MCA XVI, 1979, 219-224.

Irimia 1983: M. Irimia, Date noi privind necropolele din Dobrogea în a doua epoca a fierului. Pontica 16, 1983, 69-148.

Irimia 1984: M. Irimia, Morminte plane şi tumulare din zona litorală a Dobrogei (sec IV-II î.e.n.) şi problema apartenenţei lor etnice. Thraco-Dacica V, 1984, 64-83.

Irimia 1985: M. Irimia, Date noi privind necropolele getice de la Bugeac, com. Ostrov, jud. Constanţa. Thraco-Dacica VI, 1985, 75-85.

Irimia 1992: M. Irimia, Descoperiri noi în necropola getică de la Bugeac, jud. Constanţa. MCA XVII, 1992, 161-172.

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti 2000).

Levinschi 2008: A. Levinschi, Consideraţii asupra necropolei getice de la Dănceni. Tyragetia s.n. II [XVII], 1, 2008, 233-238.

Măndescu 2010: D. Măndescu 2010, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a. Chr.) între Carpaţi, Nistru şi Balcani (Brăila 2010).

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Simion 1971: G. Simion, Despre cultura geto-dacă din nordul Dobrogei în lumina descoperirilor de la Enisala. Peuce II, 1971, 63-129.

Simion 1976: G. Simion, Les Gétes de la Dobroudja septentrionale du VIe au Ier siecle av n. e. Thraco-Dacica I, 1976, 143-163.

Simion 1977: G. Simion, Necropolele getice de la Enisala şi Teliţa. Peuce VI, 1977, 49-72.

Simion 2003: G. Simion, O necropolă din sec. VI-V a. Chr. de la Isaccea. Peuce S.N. 1, 2003, 113-128.

Simion 2004: G. Simion, Des enterrements d'epique d'Herodote dans la nécropole getique d'Enisala Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chişinău 2004), 13-28.

Telnov, Belotcaci 2005: N. Telnov, A. Belotcaci, Aşezarea fortificată de la Horodişte, raionul Călăraşi. Revista arheologică S.N. I/1, 2005, 268-278.

O înmormântare getică descoperită în stânga Nistrului şi unele probleme ale ritului funerar la traci

Rezumat

În articol este publicată o înmormântare getică descoperită în preajma satului Taşlâc, pe malul stâng al Nistrului Inferior. Este efectuată încadrarea cronologică a înmormântării, fiind stabilit locul ei printre descoperirile analogice atât din spaţiul pruto-nistrean, cât şi cele de pe malul stâng al Nistrului. În contextul descoperirii complexului funerar de lângă satul Taşlâc sunt tratate şi unele probleme ale ritului funerar la traci: prezenţa aşa-numitelor înmormântări singulare, corelarea înmormântărilor cu aşezările, utilizarea diferitor ritualuri de înmormântare (inhumaţie şi incineraţie) etc.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Înmormântarea getică de la Taşlâc: 1 - fragment de bucşă (?) sau de călcâi (?) de suliţă; 2 - fragment de lamă de cuţit; 3 - urna funerară.

Fig. 2. Analogii pentru urna de la Taşlâc: 1 - Butuceni (după Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002); 2 - Potârca (după Măndescu 2010); 3 - Speia (după Xaxey 1992).

Fig. 3. Analogii pentru urna de la Taşlâc: 1 - Zimnicea (după Alexandrescu 1980); 2 - Orbeasca de Sus (după Moscalu 1983); 3 - Poiana (după Moscalu 1983).

Fig. 4. Harta-schemă a monumentelor funerare din spaţiul pruto-nistrean şi de pe malul stâng al Nistrului.

The Getae burial on the left bank of the Dniester and some problems of the Thracian burial practice

Abstract

This article publishes the Getae burial near the village of Tashlyk on the left bank of the Lower Dniester. The authors determine its chronological position, as well as its place among similar antiquities of the Prut-Dniester interfluve and the area on the left bank of the Dniester.

In connection with the appearance of the «new» Getae burial complex near the village of Tashlyk, the article discusses some problems concerned Getae burial sites and funeral practice: the existence of the so-called «single» Getae graves, connection of the Getae burials with the settlements, the use of various ways of burial (inhumation and cremation).

List of illustrations:

Fig. 1. Getae burial in the village of Tashlyk on the left bank of the Lower Dniester: 1 - fragment of a spearhead socket (?) of a spear-butt (?); 2 - fragment of a knife blade; 3 - urn.

Fig. 2. Analogies for the urn from the Tashlyk village: 1 - Butuceni (after Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002); 2 – Potârca (after Măndescu 2010); *3* - Speia (after Xaxey 1992).

Рис. 3. Analogies for the urn from the Tashlyk village: 1 - Zimnicea (after Alexandrescu 1980); 2 - Orbeasca de Sus (after Moscalu 1983); 3 - Poiana (after Moscalu 1983).

Рис. 4. Schematic map of the Getae burial sites in the Prut-Dniester interfluve and on the left bank of the Dniester.

30.12.2012

Др. Николай Тельнов, Центр археологии Института культурного наследия Академии Наук Республики Молдова, бд. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинев, Республика Молдова, e-mail: telnovnikolai@mail.ru

Др. Виталий Синика, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, e-mail: sinica80@mail.ru

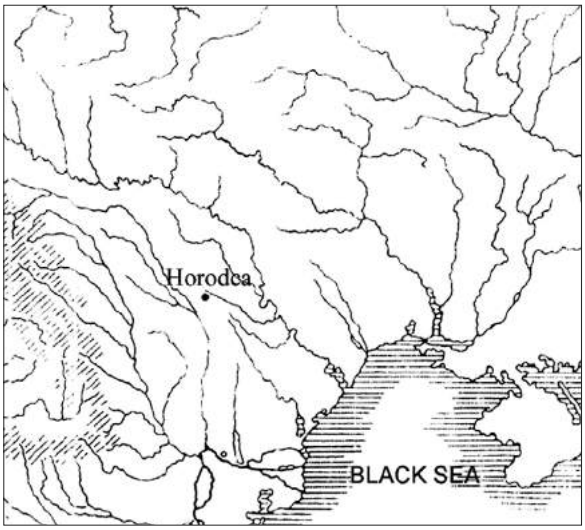
ETAPELE DE EDIFICARE ALE FORTIFICAȚIEI DE LA HORODCA MICĂ

Octavian Munteanu

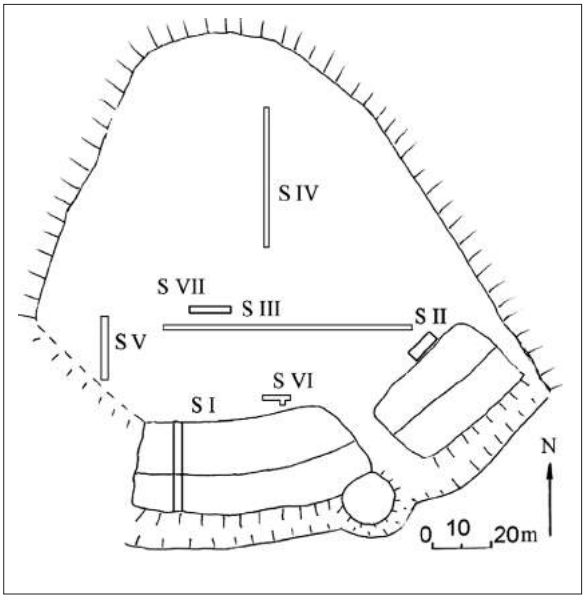
Cercetările fortificaţiei de la Horodca, realizate în ultimii ani, se înscriu într-un şir de acţiuni dedicate investigaţiilor de teren în fortificaţiile getice întreprinse relativ recent în spaţiul dintre Prut şi Nistru (Haheu 2008; Levinschi 2003; Levinschi 2004; Levinschi 2007; Munteanu et al. 2009; Munteanu 2004a; Munteanu 2004b, Munteanu 2007; Munteanu, Iarmulschi 2007; Musteaţă 2004; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008; Niculiţă, Zanoci 2004; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007; Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002). În majoritatea studiilor realizate pe marginea cercetărilor din cetăţuile getice o atenţie accentuată a fost acordată sistemului defensiv. Situl de la Horodca nu este o excepţie, mai ales în contextul conservării foarte bune a liniei defensive. Observaţiile din perioada campaniilor arheologice şi reflecţiile ulterioare neau determinat să fim foarte prudenţi în aprecierile pe marginea componentelor defensive. Încă din perioada cercetărilor de teren, în special din momentele îndelungatelor analize ale complexului tablou stratigrafic, am admis existenţa mai multor etape de fortificare consecutivă a promontoriului numit de localnici „La Hultan", care este cunoscut în bibliografia de specialitate cu numele de Horodca Mică (Пассек 1949; Златковская, Полевой 1969; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 57-68; Hâncu 1993; Munteanu, Iarmulschi 2007; Munteanu et al. 2009; Munteanu et al. 2010; Munteanu, Perju 2010). Vom prezenta, în rândurile de mai jos, o înşiruire a raţionamentelor care au contribuit la formarea unei astfel de viziuni, dar şi cu argumentele ce pot fi invocate întru susţinerea acestei aserţiuni. Situaţia se cere a fi explicată, în primul rând, prin prisma perceperii vizuale a sitului, care, la momentul actual, ne apare sub forma unui promontoriu barat doar de o singură linie vizibilă de fortificare, constituită din val şi şanţ adiacent de proporţii impunătoare, escarpă şi bastion (fig. 1). Valul a fost ridicat în partea de sud şi sudest a promontoriului şi reprezintă două segmente întrerupte, amplasate sub unghi de circa 160 de grade, care din exterior capătă o formă suficient de rotunjită, per ansamblu având un caracter semicircular. Lungimea segmentului fortificat în partea de sud este de 65 m din interior şi 75 m din exterior. Diferenţa se explică prin curbarea sistemului defensiv. Lungimea segmentului sud-estic este de 45 de m atât în exterior, cât şi în interior. Proporţionalitatea lungimilor se datorează caracterului rectiliniu pe care o are această porţiune de fortificaţie. Lăţimea valului este relativ omogenă pe întreg segmentul de vest şi reprezintă 32-33 m, lărgindu-se uşor în partea de joncţiune cu „bastionul" – 35 m. Segmentul de sud-est este puţin mai îngust. Lăţimea lui variază între 25 m (în partea estică) şi 30 m. Şi aici diferenţa de lungime se datorează arcuirii segmentului defensiv. Înălţimea valului variază între 5,0 şi 6,5 m (din vârful valului până la nivelul de călcare din incintă). Şanţul adiacent, în mare parte, are lăţimea de 12-13 m. Pe anumite porţiuni, însă, ea creşte, iar pe alta – se micşorează. Astfel, în partea vestică a bastionului, în apropiere de acesta, şanţul se îngustează până la 10 m, iar în partea opusă a bastionului – din contra, se lărgeşte până la 15 m. Adâncimea şanţului la momentul actual, în raport cu nivelul de călcare din extra-muros, este de circa 4 m.

Pentru a întregi tabloul oferit de observaţiile vizuale, echipa de cercetare de la Universitatea Pedagogică din Chişinău a iniţiat cercetările de teren, în primul rând fiind supuse cercetării valul şi şanţul adiacent. Pentru aceasta, în partea de sud-vest a promontoriului, a fost trasată o secţiune orientată nord-sud care era perpendiculară pe linia valului şi a şanţului adiacent, acoperindu-le în întregime (fig. 1/2; 2). Secţiunea avea lăţimea de 3 m şi lungimea de 45 m. Aşa cum menţionasem mai sus, observaţiile de teren ne-au sugerat existenţa mai multor etape de fortificare a aceluiaşi spaţiu. Or, din punctul nostru de vedere, ceea ce astăzi se prezintă sub forma unui singur val precedat de şanţ adiacent, reprezintă doar dărâmăturile unei ultime faze ale sistemului defensiv, suprapunând urmele etapelor anterioare de fortificare. În

Tyragetia, s.n., vol. VII [XXII], nr. 1, 2013, 311-328.



1



2

Fig. 1. Horodca Mică. 1 - Localizarea sitului de la Horodca; 2 - schiţă topografică cu amplasarea secţiunilor trasate în anii 2006-2011.

acest sens, am venit deja cu primele argumente, prezentând ceea ce am desemnat ca primă etapă de fortificare a promontoriului (Munteanu et al. 2010, 520-531). Pentru a ne argumenta în continuare punctul de vedere, ne propunem, mai întâi, să prezentăm un tablou al observaţiilor obiective înregistrate pe teren, iar în al doilea rând, în baza acestor observaţii, să oferim o explicaţie a viziunii pe care ne-am format-o, inclusiv privind modalităţile de edificare a sistemului defensiv în fiecare dintre fazele identificate, a tehnicilor şi materialelor utilizate în construcţie şi raţionamente privind reperele cronologice.

Observaţii de teren

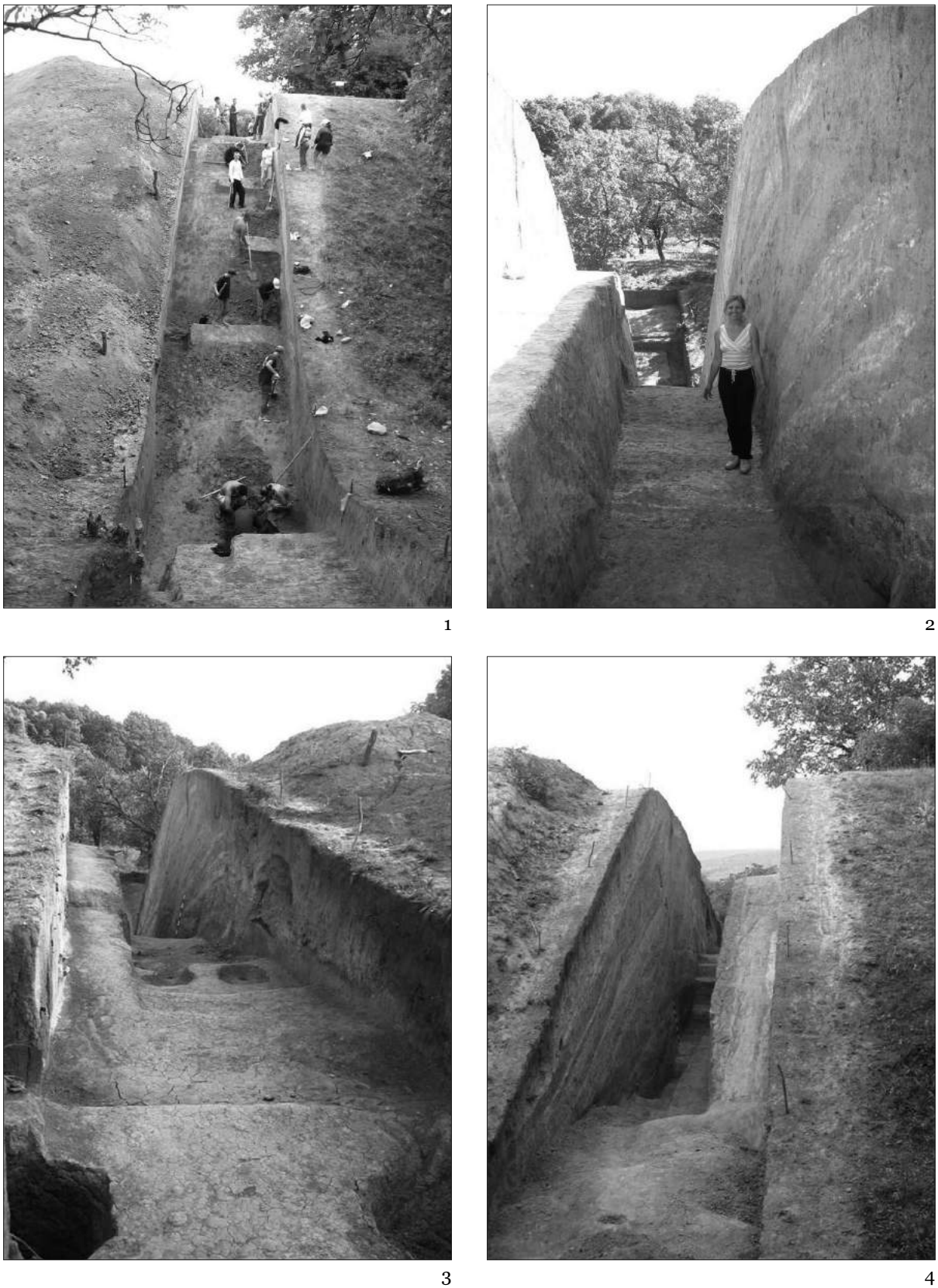
În primul rând, constatăm posibilitatea delimitării vizuale a patru grupuri de straturi în tabloul stratigrafic al secţiunii. Fiecare dintre aceste grupuri este constituit din mai multe lentile (mai mult sau mai puţin unitare), care deosebesc grupurile între ele atât prin structura solului, cât şi prin caracteristicile lor cromatice, iar, în unele cazuri, şi prin orientare (fig. 3; 4; 5). Delimitarea acestor grupuri de straturi ne-a determinat să examinăm cu atenţie maximă modul în care ele se leagă de şanţul adiacent valului, aşa cum se vede el la momentul actual.

În al doilea rând, după examinarea minuţioasă a tabloului stratigrafic, am constatat că, în limita spaţiului acoperit de sistemul defensiv, pot fi delimitate mai multe şanţuri (în unele cazuri bine conturate, în alte cazuri existând doar indici ale existenţei acestora), astfel încât şanţul vizibil la suprafaţa actuală nu este unicul, aşa cum pare la prima vedere (fig. 5/1).

În al treilea rând, am observat că diferitele grupuri de straturi despre care vorbisem mai sus, se racordează perfect la diferite şanţuri sau urme ale acestora (fig. 5: delimitarea grupurilor de straturi este marcată printr-o linie nuanţată). În acest sens, grupul nordic de lentile delimitat în tabloul stratigrafic, în mod absolut incontestabil, are legătură doar cu şanţul nr. 1, descoperit în carourile A6-A7 şi care a fost prezentat deja într-o publicaţie anterioară (Munteanu et al. 2010), iar celelalte au conexiune cu celelalte trei şanţuri.

În al patrulea rând, vorbind despre acelaşi grup nordic de lentile, atragem atenţia la faptul că el suprapune doar amenajările pe care le-am calificat ca urme ale palisadei complexe ce constituie prima fază de fortificare, prelungindu-se peste şanţul săpat în apropierea acestor amenajări, fără să se extindă dincolo de limitele acestuia (fig. 5).

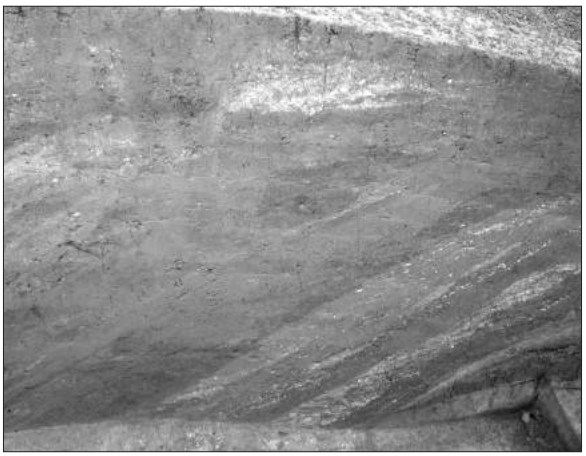
În al cincilea rând, au fost sesizate vestigiile unui cuptor, amenajarea căruia s-a realizat în straturile superioare ale grupului nordic de lentile, care am văzut că are legătură doar cu cel mai nordic şanţ (prima fază de fortificare, fig. 6). Pentru a explica prezenţa acestui complex la respectivul nivel, este necesar să anticipăm analiza dispunerii straturilor ce formează componenta stratigrafică în limita sistemului defensiv şi să constatăm că grupul nordic de lentile (aşa cum se prezenta în momentul cercetării) reprezintă o configuraţie



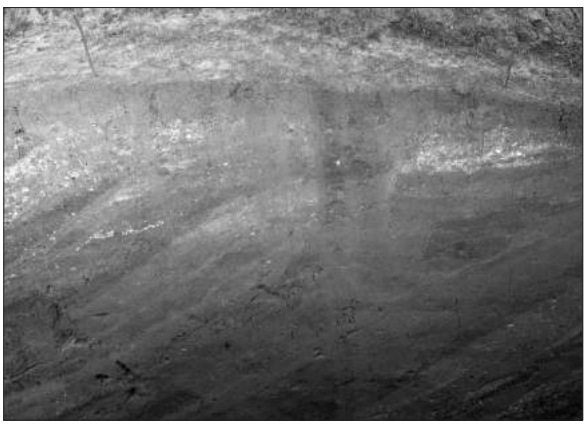
1 2

3 4

Fig. 2. Horodca Mică. Secţiunea nr. I: 1-4 - imagini din perioada investigaţiilor sistemului defensiv.



1



2

Fig. 3. Horodca Mică. Secţiunea nr. I. Vedere asupra profilului de vest cu delimitarea diverselor faze de construcţie.

care s-a constituit după ce construcţia amenajată în cele patru rânduri de gropi s-a deteriorat şi se prăbuşise în direcţia şanţului (Munteanu et al. 2010). Faptul că peste aceste lentile, inclusiv şi peste cuptor, s-au depus, ulterior, alte straturi de sol, care au legături cu alte şanţuri depistate, vine să fie încă un argument în favoarea delimitării unor construcţii de sine stătătoare, constituite din elementele pe care le-am prezentat mai sus.

Astfel, fiind delimitate urmele palisadei complexe şi ale şanţului pe care l-am calificat ca fiind din faza incipientă a edificării sistemului defensiv de la Horodca Mică şi pe care l-am prezentat într-o publicaţie anterioară (Munteanu et al. 2010), se conturaseră mai multe întrebări, dintre care una este definitorie pentru a înţelege cum s-a produs fortificarea promontoriului din preajma izvoarelor Botnei: câte etape de edificare a cunoscut promontoriul? La fel de importante sunt, însă, şi răspunsurile la întrebările când au fost realizate aceste acţiuni şi cum s-au produs ele? În căutarea răspunsurilor la aceste întrebări, vom împărtăşi cu cititorii raţionamentele la care am ajuns în urma analizei descoperirilor de la Horodca Mică.

Prima fază, după cum menţionasem, a fost deja pusă în circuitul larg, iar etapa ei finală se desprinde fără mari eforturi graţie şanţului care este vizibil actualmente. Să urmărim în continuare „misterele" pe care le ascundea sub mantaua sa acel val „unic" vizibil astăzi până la investigaţiile echipei de la UPS „Ion Creangă", pornind de la formularea ipotezelor de lucru pentru fiecare caz în parte. Conform primei ipoteze de lucru, în a doua fază de fortificare a promontoriului, apărătorii au recurs la realizarea unui proiect similar etapei incipiente. Or, este vorba, din punctul nostru de vedere, de ridicarea unei palisade complexe

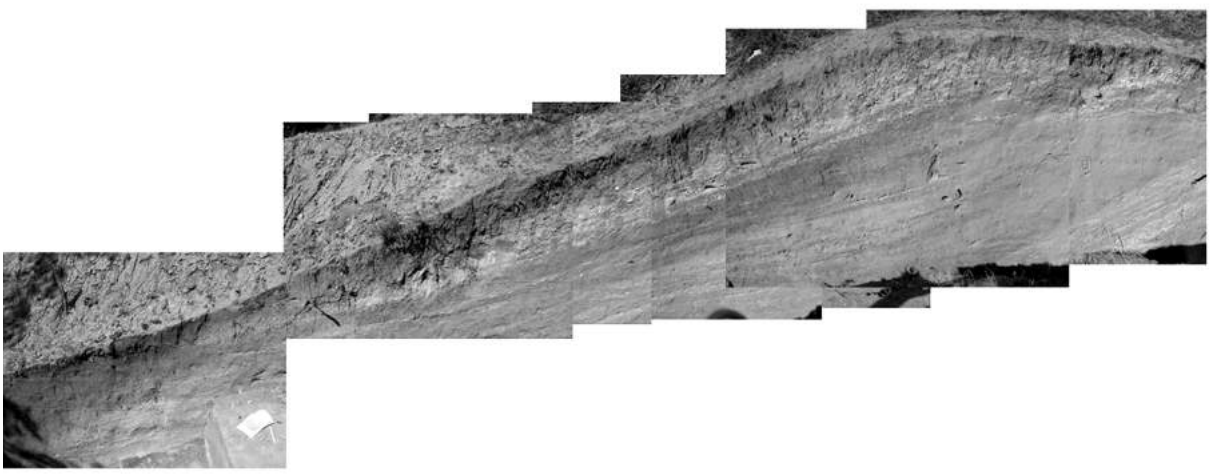


Fig. 4. Horodca Mică. Secţiunea nr. I. Profil de vest.

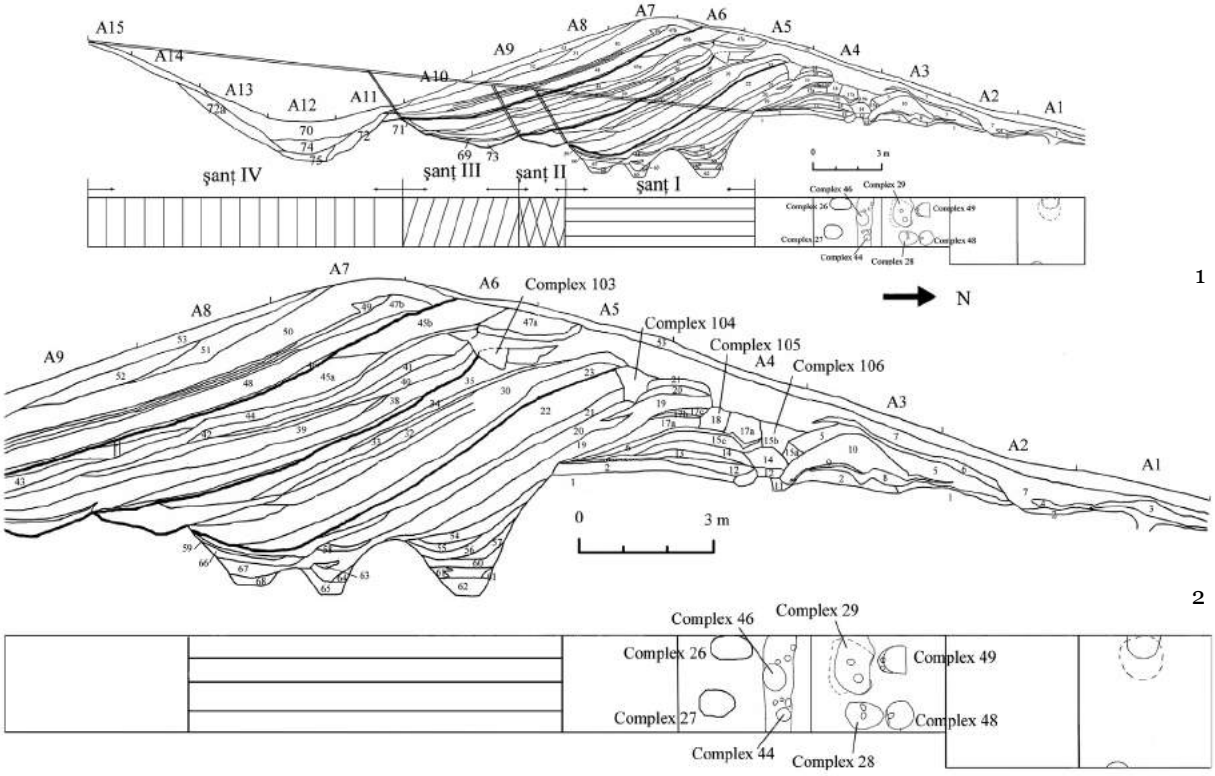


Fig. 5. Horodca Mică. Secţiunea nr. I: 1 - plan şi profil de vest în carourile A1-A15; 2 - plan şi profil de vest în carourile A1-A9 (prin linie dublă sunt marcate delimitările imaginare).

Fig. 6. Horodca Mică. Secţiunea nr. I. Vestigiile cuptorului amenajat în straturile superioare ale grupului de lentile ce formează resturile prăbuşite ale construcţiei din prima fază de edificare.

precedate de şanţ adiacent peste ruinele din faza I-a. Să urmărim raţionamentele ce vin în favoarea acestei aserţiuni.

Linia defensivă din faza a II-a

- *Şanţul din faza II-a. Observaţii stratigrafice*. Delimitarea şanţului din faza a II-a este rezultatul analizei stratigrafice, aşa cum a fost şi în cazul celorlalte construcţii defensive. Temei pentru evidenţierea acestei etape de construcţie defensivă l-au servit următoarele observaţii (fig. 7);
- Demarcarea unei adânciri la nivelul rocii care făcea joncţiune cu linia exterioară de conturare a şanţului din faza I-a. De menţionat că doar până în acel punct puteau fi urmărite lentilele ce formau primul grup de straturi, pe care le-am calificat ca provenind din distrugerea primei faze de construcţie;
- Umplerea acestei adânciri cu un alt grup de straturi de sol ce reprezentau un tot întreg din punctul de vedere al structurii, culorii şi orientării;
- Grupul de straturi ce umpleau adâncirea respectivă se deosebea atât de grupurile de straturi inferioare aflate mai la nord (umplutura şanţului din faza I-a), cât şi de grupurile de straturi superioare ce se aflau mai la sud şi care constituiau umplutura unui alt şanţ – şanţul din faza III-a. Delimitarea ni se pare foarte clară din punctul de vedere al structurii, culorii şi orientării;

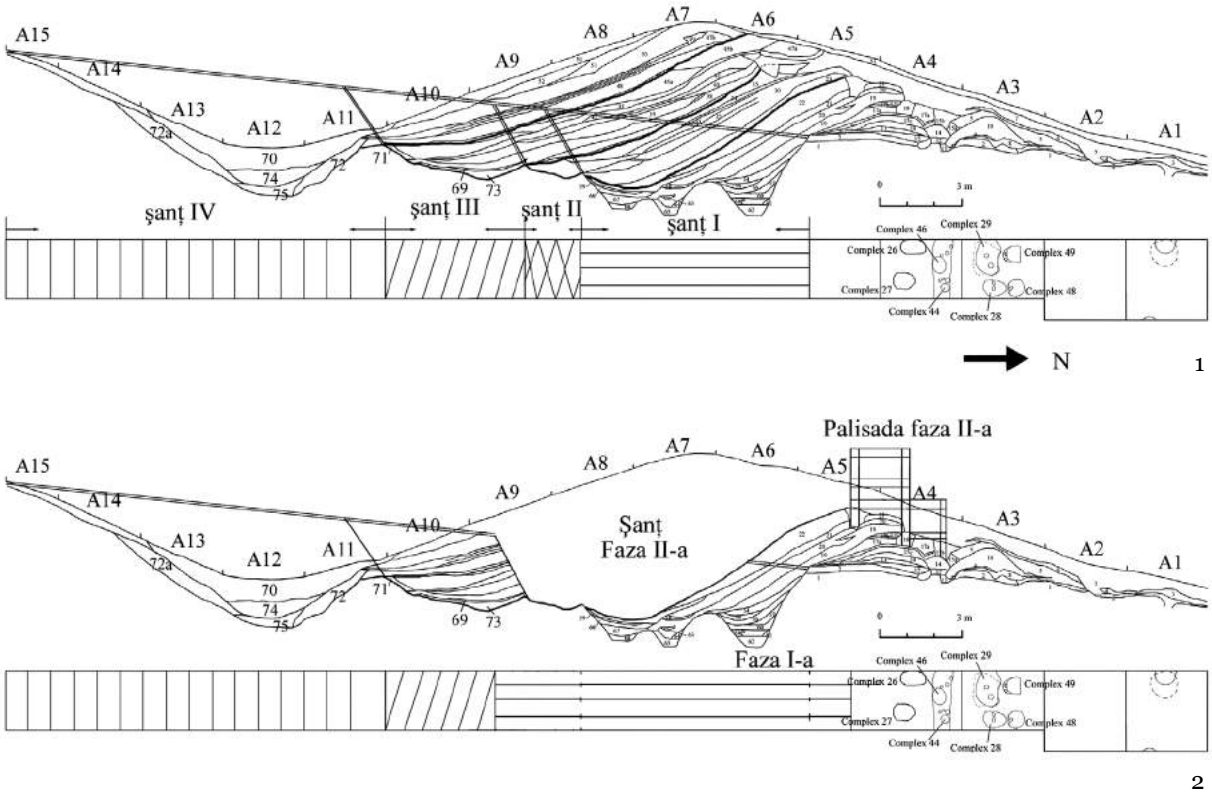


Fig. 7. Horodca Mică. Secţiunea nr. I: 1 - plan şi profil cu indicaţia delimitărilor imaginare ale nivelului antic de călcare şi ale şanţurilor din diverse faze de edificare ale fortificaţiei (linia dublă); 2 - plan şi profil cu reconstrucţia schematică a fortificaţiei din faza a II-a.

- Grupul de straturi ce umplea şanţul din faza a II-a era suprapus direct de o lentilă constituită din sol în amestec cu mult cărbune de lemn, care poate fi pus în legătură cu incendierea unei construcţii ulterioare ce a fost edificată în spaţiul respectiv după distrugerea fazei a doua şi scurgerea solului de umplutură a construcţiei în şanţ, suprapunând-o nemijlocit;
- Sesizarea unor amenajări realizate în partea superioară a straturilor constituite după prăbuşirea construcţiei din faza I-a (carourile A4-A5), pe care, anticipând analiza tabloului, le interpretăm ca bază pentru construcţia din faza a II-a;
- Delimitarea spaţiului de formare a lentilelor de sol care constituie umplutura şanţului nr. II în segmentul de teren care corespunde cu amenajările ce reprezentau construcţia din faza a II-a.

Interpretarea situaţiei constatate şi concluzii preliminare. Pornind de la aceste observaţii, considerăm că, după prăbuşirea construcţiei defensive din faza I-a, s-a constituit o configuraţie de teren optimală pentru ajustarea unei noi construcţii de fortificare în acelaşi spaţiu. Mai mult, considerăm că e vorba chiar de condiţii mai prielnice decât în faza I-a. Este vorba de formarea unei movile compacte de sol, rezultată din distrugerea palisadei complexe din faza mai veche (în carourile A4-A5), precedată de şanţul care a fost astupat parţial de scurgerea solului din umplutura palisadei (admitem că tasarea solului din acest spaţiu s-a produs şi sub impactul factorilor naturali în perioada care a durat de la distrugere şi până la edificarea noii construcţii. În acest sens, descoperirea cuptorului realizat în straturile de scurgere a emplectonului din palisada primei faze, este foarte sugestivă pentru a desemna un anumit interval de timp, a cărui durată, la momentul actual, nu o putem aprecia din datele pe care le avem la dispoziţie). De remarcat că şanţul a fost astupat preponderent în partea dinspre incintă, partea exterioară fiind acoperită cu un strat de maximum 0,8 m, rămânând a fi bine conturat în raport cu vârful movilei constituită după distrugerea palisadei din prima fază (fig. 7). Astfel, nivelul superior al construcţiei din faza I-a care se prăbuşise, se afla cu 2,1 m mai sus în raport cu nivelul antic de călcare şi forma o diferenţă de nivel în raport cu şanţul astupat de 3,6 m. De remarcat, că în faza I-a, diferenţa de nivel între punctul maxim adâncit al

şanţului şi suprafaţa antică de călcare era de circa 3 m. Astfel, situaţia constituită după prăbuşirea construcţiei din faza I-a reprezenta condiţii mai prielnice de fortificare a aceluiaşi spaţiu decât erau ele până la ridicarea primei linii defensive. Din aceste considerente, se face explicabil faptul că, într-o nouă fază de fortificare, nu a fost curăţat şanţul vechi. Considerăm că, în situaţia constituită, logica acţiunii pragmatice impunea să se recurgă doar la extinderea şanţului spre exterior fără a-l adânci suplimentar, realizându-se două obiective concomitent: pe de o parte, se lărgea şanţul sporind eficacitatea barierei defensive, iar pe de alta – se obţinea solul necesar pentru umplutura unei noi palisade complexe ce urma să fie ridicată peste ruinele celei vechi.

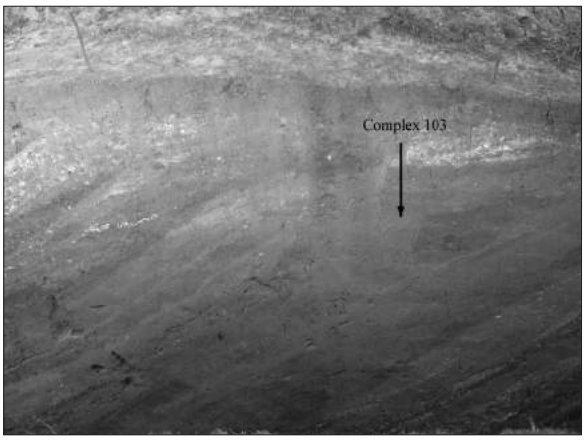
Altfel fiind spus, considerăm, că într-o a doua fază de fortificare a promontoriului, s-a procedat exact ca şi în prima: s-a săpat un şanţ (de fapt, s-a extins prin lărgire cel vechi), în spatele căruia s-a ridicat o palisadă complexă (chiar pe culmea valului constituit după prăbuşirea construcţiei din faza I-a), umplută cu pământul excavat din şanţ. Din punct de vedere dimensional, partea superioară a noului şanţ edificat poate fi reconstituită doar aproximativ din cauza că şi această linie defensivă a fost distrusă în timp, iar după ea a urmat construcţia alteia, practic după acelaşi calapod pe care l-am descris mai sus (vom reveni la argumentarea acestei afirmaţii mai jos). Respectiv, linia ce demarca dinspre exterior limitele şanţului din faza a II-a a fost înghiţită odată cu fortificarea din faza a III-a şi poate fi dedusă doar în baza unei prelungiri imaginare a peretelui exterior păstrat la nivelul de jos (fig. 7). Urmărind această logică, ajungem la concluzia că şanţul din faza I-a, parţial astupat, a fost extins la bază cu 2,2 m spre exterior, respectiv, cu aceeaşi distanţă şi în aceeaşi direcţie (relativ proporţional şi sub acelaşi unghi) s-a extins peretele exterior al noului şanţ realizat. Admitem, în baza unui unghi rezonabil de circa 60 de grade al peretelui distrus şi al pantei de înclinare a terenului, că deschiderea exterioară a şanţului din faza a II-a trebuie plasată la distanţa de circa 12,8 m de la nivelul superior al movilei ce s-a constituit după distrugerea construcţiei din faza I-a. În situaţia creată, berma utilizată în cazul primei faze de edificare a sistemului defensiv nu-şi mai găsea locul, iar delimitarea şanţului propriu-zis dinspre incintă, considerăm că trebuie fixată în raport cu construcţia palisadei. Astfel, se crea o barieră solidă, a cărei lăţime ajungea până la 4,6 m în partea inferioară şi până la 12,8 m la deschidere. Adâncimea şanţului în raport cu nivelul de călcare din extra-muros era de circa 2,8 m, iar în raport cu nivelul de călcare din incintă (nivel de la care pornea construcţia palisadei complexe) – 3,6 m.

Construcţia defensivă din faza a II-a (fig. 5; 7; 8; 9)

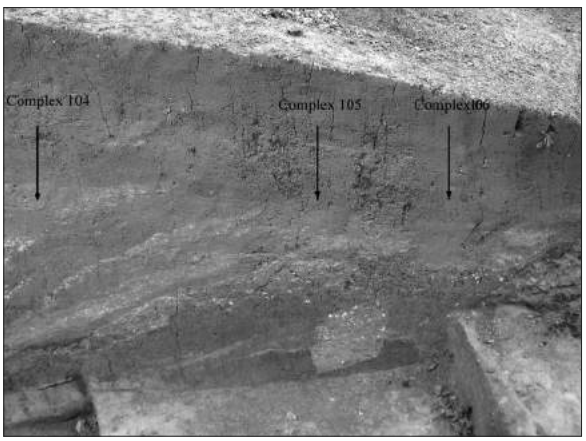
Observaţii stratigrafice. Şi de data aceasta, existenţa unei construcţii lemnoase într-o faza nouă de edificare a sistemului defensiv, a fost delimitată în baza analizei stratigrafice: pornind de la umplutura şanţului şi urmărind direcţia din care s-au scurs straturile de umplutură ale acestuia. În urma acestei analize, a fost stabilit că dărâmăturile construcţiei defensive erau delimitate de straturile nr. 35 şi nr. 23, urmărite, în linii mari, în carourile A5-A8. Grosimea grupului de straturi varia de la 1,3 la 1,7 m. Delimitarea acestui grup de straturi era foarte clară atât din punctul de vedere al structurii şi culorii, cât şi al orientării. Mai mult, respectivul grup de straturi pornea din spaţiul în care au fost amenajate trei complexe, toate în solul ce reprezintă scursura emplectonului din faza I-a. Toate complexele au fost identificate şi analizate doar în baza stratigrafiei, în procesul de investigaţie nedelimitându-se în plan. Este vorba de trei gropi (apreciere convenţională, căci poate fi vorba şi de şanţuri, având în vedere replicile asemănătoare din profilul de est al secţiunii), pe care le considerăm amenajări pentru ridicarea unei palisade complexe.

Groapa nr. 104 (fig. 5; 8) a fost descoperită în caroul A5 la adâncimea de 1 m de la nivelul actual de călcare, în partea superioară a grupului de lentile ce constituia umplutura şanţului din faza I-a. Limita de nord a gropii/şanţului se afla la distanţa de 0,2 m de la limita nordică a caroului A5. Secţiunea gropii era aproximativ tronconică. Deschiderea gropii avea circa 1,3 m, adâncindu-se, de la nivelul de amenajare, cu circa 0,7 m. În partea inferioară groapa avea lăţimea de circa 0,4 m. Umplutura este reprezentată de sol brun-gălbui amestecat.

Groapa nr. 105 (fig. 5; 8) a fost descoperită în caroul A4 la adâncimea de 1 m de la nivelul actual de călcare şi, ca în cazul gropii nr. 104 – în partea superioară a grupului de lentile ce constituia umplutura şanţului din faza I-a. Limita de sud a gropii/şanţului se afla la distanţa de 1,2 m de la limita nordică a gropii nr. 104. Secţiunea gropii se prezintă sub forma unui patrulater neregulat. Latura superioară, care ar reprezenta deschiderea gropii avea circa 0,6 m, iar cea inferioară – 0,56



1



2

Fig. 8. Horodca Mică. Secţiunea nr. I: 1 - vedere asupra profilului de vest în caroul A5 cu delimitarea complexului nr. 103; 2 - vedere asupra profilului de vest în caroul A4 cu delimitarea complexelor nr. 104, 105, 106.

1

2

Fig. 9. Horodca Mică. Secţiunea nr. I: 1 - delimitarea lentilelor de sol dintre faza I-a de distrugere a fortificaţiei şi faza II-a; 2 - şanţul din faza I-a în proces de investigare.

m. Complexul se adâncea cu circa 0,5 m de la nivelul de amenajare. Umplutura este reprezentată de sol lutos amestecat, bine tasat.

Groapa nr. 106 (fig. 5; 8) a fost descoperită în caroul A4 la adâncimea de 1,0-1,1 m de la nivelul actual de călcare. Limita de sud a gropii/şanţului se afla la distanţa de 0,5 m de la limita nordică a complexului nr. 105. Secţiunea gropii era aproximativ tronconică Deschiderea gropii avea circa 1,1 m, iar partea inferioară – 0,5 m. Complexul se adâncea cu circa 0,5 m de la nivelul de amenajare. Umplutura este reprezentată de sol lutos amestecat, bine tasat.

Interpretări şi concluzii preliminare (fig. 7). Având în vedere cele prezentate mai sus, considerăm că gropile descrise reprezintă urmele construcţiei din faza a doua de edificare a sistemului defensiv. Locuitorii microzonei au folosit cu maximă eficienţă configuraţia oportună de teren ce s-a creat după distrugerea primei faze de fortificare, astfel încât, în partea superioară a movilei ce reprezenta stratul de demolare, fuseseră amenajate trei rânduri de gropi pentru parii ce reprezentau carcasa unei palisade complexe. Lungimea totală a celor trei rânduri de gropi era de 4,4 m (de la o extremă la alta) or, 3,4 m de la centrele complexelor extreme. Cu regret, descoperirile nu ne-au oferit şi alte date privind modalitatea de ridicare a palisadei, la această fază având doar posibilitatea admiterii unui sau altui scenariu prin analogie cu alte cazuri similare. De regulă, în cazul edificării palisadelor complexe prin ridicarea unor rânduri paralele de pari (indiferent de numărul lor), aceştia erau prinşi între ei cu alţi pari care erau amplasaţi transversal şi legaţi între ei cu nuiele. În spaţiile dintre pari se aşeza, tasându-se pământul excavat din şanţ, formând astfel acel „zid” din lemn şi pământ foarte specific epocii fierului atât pentru spaţiul carpato-danu-

biano-pontic, cât şi pentru mai multe regiuni ale Europei. Făcând bilanţul celor expuse, constatăm conturarea unui tablou asemănător cu cel ce caracterizează fortificaţia din prima fază, lungimea totală a sistemului defensiv totalizând 17,2 m. Totodată, pot fi delimitate şi unele situaţii particulare, dintre care mai semnificative sunt lipsa bermei şi numărul mai redus de rânduri de pari în palisada complexă (doar trei în acest caz).

Linia defensivă din faza a III-a

Conform ipotezei de lucru, în a treia fază de fortificare a promontoriului, apărătorii au recurs la realizarea unui proiect similar etapelor precedente. Or, este vorba, din punctul nostru de vedere, de ridicarea unei palisade precedate de şanţ adiacent, urmând să prezentăm argumentele şi în favoarea acestei ipoteze.

Şanţul din faza a III-a (fig. 5). *Observaţii stratigrafice*. Delimitarea şanţului din faza a III-a, este rezultatul analizei stratigrafice, aşa cum a fost şi în cazul celorlalte faze ale construcţiei defensive. Drept argumentare pentru evidenţierea acestei etape de fortificare l-au servit următoarele observaţii:

- Demarcarea unei adâncituri la nivelul rocii care a fost surprinsă în spaţiul din imediata apropiere a şanţului din faza a II-a. De observat că această adâncitură pornea exact din punctul în care se finisa grupul de lentile care reprezentau scurgerea emplectonului în şanţul din faza a II-a. Şi mai e un aspect care nu trebuie scăpat din vedere: adâncitura a fost realizată în locul unde ar fi trebuit să treacă limita de sud a şanţului din faza a II-a (dacă nu s-ar fi intervenit în această amenajare);
- Umplerea acestei adâncituri cu un grup de straturi de sol ce reprezentau un tot întreg din punctul de vedere al structurii, culorii şi orientării;
- Grupul de straturi ce umpleau adâncitura respectivă se deosebea atât de grupurile de straturi inferioare aflate mai la nord (umplutura şanţului din faza II-a), cât şi de grupurile de straturi superioare ce se aflau mai la sud (umplutura şanţului din faza IV-a);
- Sesizarea unei amenajări realizate în ruinele constituite după prăbuşirea construcţiei din faza II-a (caroul A6), pe care o interpretăm ca parte componentă a construcţiei din faza a III-a, în care, noi nu am surprins alte elemente;
- Formarea lentilelor de sol care constituie umplutura şanţului nr. III tocmai din spaţiul respectivei amenajări.

Interpretări şi concluzii preliminare. Pornind de la aceste observaţii, considerăm că, după prăbuşirea construcţiei defensive din faza II-a, s-a constituit, ca şi în etapele precedente, o configuraţie de teren optimală pentru ajustarea unei noi construcţii de fortificare în acelaşi spaţiu, aşa cum s-a întâmplat şi după distrugerea primei şi celei de a doua faze. Este vorba, în primul rând, de ridicarea nivelului de călcare în regiunea construcţiei defensive ca rezultat al distrugerii palisadei complexe din faza a II-a în carourile A5-A6, iar, în al doilea rând, de menţinerea şanţului adiacent care a fost doar parţial astupat de scurgerea solului din umplutura palisadei. De remarcat că, şi de data aceasta, şanţul a fost astupat preponderent în partea dinspre incintă, partea exterioară fiind acoperită cu un strat de maximum 0,6-0,7 m, rămânând a fi destul de bine conturat în raport cu marginea movilei constituită după distrugerea palisadei din faza a II-a. Astfel, ceea ce a rămas după prăbuşirea construcţiei din faza II-a, se ridica cu 1,3 m în raport cu nivelul de călcare de la care fusese ridicată construcţia fazei a II-a şi forma o diferenţă de nivel în raport cu şanţul astupat de 3,6-3,7 m. De remarcat, că în faza I-a, diferenţa între nivelul inferior al şanţului şi suprafaţa antică de călcare era maximum 3 m, iar în a II-a – de 3,6 m. Astfel, situaţia constituită după prăbuşirea construcţiei din faza a II-a, reprezenta condiţii de fortificare a aceluiaşi spaţiu mai prielnice decât erau ele până la ridicarea primei linii defensive şi aproape identice cu cele din faza a II-a. Admitem că tocmai din aceste considerente nu a fost curăţat şanţul vechi nici de această dată, dar s-a recurs la extinderea lui mai departe, spre sud, fără să se adâncească suplimentar, realizându-se două obiective concomitent, aşa cum s-a procedat şi anterior: pe de o parte se lărgea şanţul sporind eficacitatea barierei defensive, iar pe de alta – se obţinea solul necesar pentru umplutura unei noi palisade complexe ridicată peste ruinele celei vechi.

Dimensiunile noului şanţ edificat pot fi reconstituite doar aproximativ din cauza că şi această linie defensivă a fost distrusă de intervenţiile ulterioare în sol, odată cu edificarea altei linii defensive. Respectiv, peretele ce demarca dinspre exterior limitele şanţului a fost lichidat odată cu ridicarea fazei a IV-a şi poate fi dedus doar în baza unei prelungiri imaginare ale părţii lui păstrate la nivelul de jos. Admitem, în baza unui unghi de 60-65 de grade al peretelui distrus şi a liniei imaginare a pantei de înclinare a terenului, că des-

chiderea sudică a şanţului din faza a III-a trebuie plasat la distanţa de circa 5,4 m de la deschiderea şanţului din perioada precedentă, or la 15,2 m de la marginea dărâmăturii din faza a II-a. Având în vedere lipsa bermei în această fază de edificare a fortificaţiei, considerăm că şanţul trebuie să fie privit ca în cel din faza precedentă, direct de la construcţia palisadei şi până la marginea lui extra-muros, respectiv totalizând 15,2 m la deschidere. Adâncimea maximă a şanţului în raport cu nivelul de călcare din extra-muros a fost fixată la circa 3,3 m, iar dinspre interior – la 4,1 m.

Construcţia defensivă din faza a III-a (fig. 5; 10, 8/1). Existenţa acesteia a fost stabilită, în primul rând, în baza analizei stratigrafice, accentul fiind pus pe urmărirea direcţiei din care s-au scurs straturile de umplutură ale şanţului. În urma acestei analize, s-a constatat că resturile construcţiei defensive demolate erau delimitate de straturile nr. 45 şi nr. 36, urmărite, în linii mari în carourile A6-A10. Grosimea grupului de straturi varia de la 1,6 m la 1,9 m. Mai mult, respectivul grup de straturi pornea din spaţiul în care a fost surprinsă amenajarea unui complex în solul ce reprezentă scursura emplectonului din faza II-a. Este adevărat, complexul a fost identificat şi analizat doar în baza stratigrafiei, în procesul de investigaţie nedelimitându-se în plan. Admitem că este vorba de o groapă de par care reprezenta o parte componentă de construcţie a sistemului defensiv.

Groapa nr. 103 (fig. 5/2; 8/1). A fost descoperit în caroul A6 la adâncimea de 1 m de la nivelul actual de călcare. Limita de nord a gropii se afla la distanţa de 0,7 m de la limita nordică a caroului A6. Secţiunea gropii este tronconică, având deschiderea de 0,86 m. Complexul se adâncea cu circa 0,4 m de la nivelul de amenajare. Umplutura este reprezentată de sol lutos amestecat, bine tasat.

Acest complex a fost unicul, dintre cele descoperite, care ar putea fi pus în legătură cu construcţia liniei defensive din faza a III-a, lăsând suficiente incertitudini în reconstituirea tabloului iniţial. Totodată, făcând bilanţul preliminar al celor expuse, admitem conturarea unui tablou asemănător cu cel ce caracterizează fortificaţia din faza a II-a: construcţie din lemn precedată de şanţ, fără bermă, cu şanţ impunător, amenajat în funcţie de configuraţia terenului stabilită după distrugerea construcţiei anterioare, cu lungimea totală a sistemului defensiv de 15,8 m, apropiată de lungimea sistemelor defensive din fazele anterioare. Cu toate acestea, în limitele datelor disponibile, nu avem indici clari care ar sugera prezenţa în această fază a unei palisade complexe, aşa cum s-a stabilit în cazurile precedente. În această situaţie pot fi admise mai multe ipoteze de lucru. Astfel, este foarte posibil să admitem ipoteza unei construcţii mai modeste la acea etapă, deşi cantitatea de sol care s-a scurs după distrugerea fortificaţiei este mult prea mare pentru o altfel de construcţie decât palisada complexă. Nu este de exclus nici posibilitatea de reutilizare a unor complexe din perioada anterioară, amplasate în această porţiune a sistemului defensiv. În acest sens, groapa nr. 104, pe care am interpretat-o ca limita exterioară a construcţiei din faza a II-a, este poziţionată în aşa mod, încât reutilizarea ei într-o perioadă ulterioară nu ar fi exclusă din calcul. Mai mult, lăsând loc fanteziei, s-ar putea admite şi o coincidenţă, acelaşi loc fiind posibil să fi fost amenajat de două ori în etape diferite. În acelaşi timp, având în vedere că tabloul stratigrafic este foarte complicat, obţinut în condiţii extrem de dificile de cercetare, admitem şi strecurarea anumitor lacune în colectarea datelor de teren (de ordin obiectiv sau subiectiv), ceea ce ne face să fim şi mai rezervaţi în aprecierile finale pentru această fază de edificare a sistemului defensiv, admiţând că viitoarele cercetări ar putea veni cu completări la înregistrările de teren, capabile să corecteze şi să întregească viziunea noastră.

Linia defensivă din faza a IV-a

Una dintre puţinele situaţii certe, care poate fi delimitată astăzi cu ochiul liber şi chiar şi de către un nespecialist, este şanţul imens din faţa „unicului val" vizibil care se prezintă ca un tot întreg ce barează accesul în promontoriul „La Hultan". Că acest „unic val" reprezintă urmele mai multor faze de construcţii şi amenajări, am explicat în rândurile de mai sus, urmând, în continuare, să prezentăm şanţul şi construcţia fortificaţiei din faza a IV-a.

Şanţul fortificaţiei din faza a IV-a de edificare a sistemului defensiv (fig. 11; 13)

Observaţii stratigrafice şi de teren. Dinspre exterior, şanţul se delimita vizual chiar de la suprafaţa actuală de călcare, deschiderea lui fiind fixată în caroul A15. Considerăm, că linia exterioară a şanţului din această fază, a rezultat, ca şi în cazul fazelor precedente, din extinderea spre sud a şanţului din faza a III-a, după ce în acesta s-a scurs emplectonul construcţiei distruse. După distrugerea fortificaţiei din faza a III-a, diferenţa de nivel din-

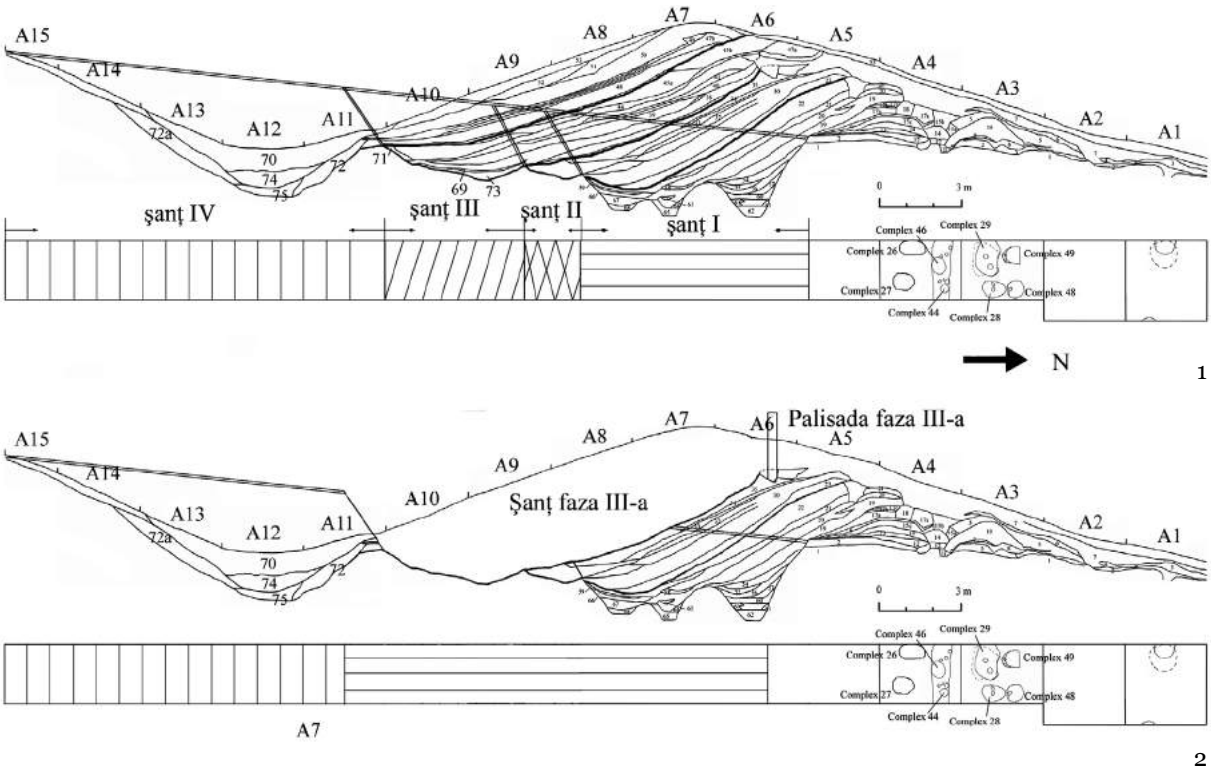


Fig. 10. Horodca Mică. Secţiunea nr. I: 1 - plan şi profil cu indicaţia delimitărilor imaginare ale nivelului antic de călcare şi ale şanţurilor din diverse faze de edificare ale fortificaţiei (linia dublă); 2 - plan şi profil cu reconstrucţia schematică a fortificaţiei din faza a III-a.

tre cel mai înalt punct aflat pe movila constituită din emplectonul scurs al palisadei şi cel mai jos punct din şanţul astupat, era de 4,17 m. Diferenţa de nivel dintre punctul de la deschiderea exterioară a şanţului din cea de a treia fază (care poate fi urmărit doar imaginar, fig. 10) în raport cu nivelul şanţului astupat din aceeaşi perioadă era de 2,1 m. În aceste condiţii, planul noii construcţii a fost unul extrem de ambiţios şi, urmărind observaţiile înregistrate, am constatat o extindere spre extra-muros a şanţului din faza a III-a, la nivelul superior, cu circa 12,3 m, iar adâncirea acestuia a depăşit cu 0,6 m nivelul şanţului din etapa precedentă. Considerăm, că limita dinspre incintă a şanţului din faza a IV-a, trebuie văzută, ca şi cazul din fazele II şi III, în cel mai înalt punct al movilei constituită din scurgerea emplectonului din construcţia fazei a III-a (caroul A6). Şi de data aceasta planul construcţiei nu mai prevedea prezenţa bermei, situaţie similară cu celelalte faze de construcţie ce au urmat după distrugerea primei. Considerăm că eliminarea acestui element de construcţie era determinat de noile condiţii în care au fost puşi edificatorii fortificaţiei în legătură cu scurgerea succesivă a emplectonului din fiecare fază de construcţie. Dincolo de raţionamentele logice, spre această concluzie ne aduc descoperirile unor urme de pari de la construcţia palisadei complexe, situată în vârful acestei movile. Respectiv, şi în cadrul acestei faze, vom delimita şanţul prin peretele palisadei şi amenajarea realizată pentru extinderea şanţului din faza a III-a. Astfel, la deschidere, şanţul avea lăţimea impunătoare de peste 26 m (fig. 11). Adâncimea maximă a fost înregistrată în caroul A12 şi era de 1,74 m de la nivelul actual de călcare, respectiv de 5,4 m în raport cu nivelul antic de călcare în extra-muros şi 6 m în raport cu nivelul de la care s-au amenajat parii palisadei. Astfel, diferenţa dintre nivelul de călcare din extra-muros şi nivelul de călcare de la care s-a construit palisada din faza a IV-a, era de 0,6 m în favoarea spaţiului extra-mural, ceea ce, probabil, a şi determinat compensarea situaţiei mai puţin strategice prin proporţiile sporite ale liniei defensive. Umplutura şanţului era constituită din câteva straturi succesive rezultate atât din scurgerea solului din construcţia defensivă, cât şi din colmatarea acestuia de-a lungul timpului.

Construcţia defensivă din faza a IV-a (fig. 11; 12)

Construcţia defensivă din ultima fază poate fi reconstruită, ca şi în celelalte cazuri, prin metoda deductivă, punând la bază analiza stratigrafică a secţiunii. Punctul de pornire al căutărilor l-am

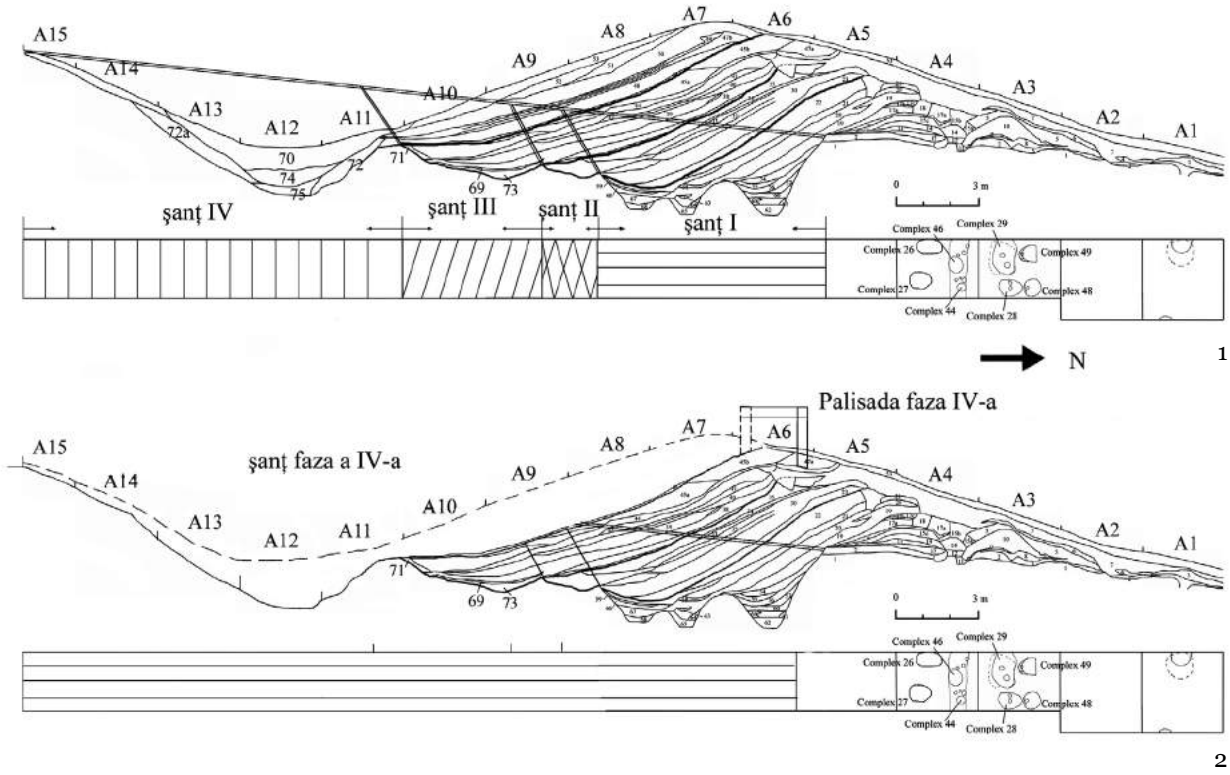


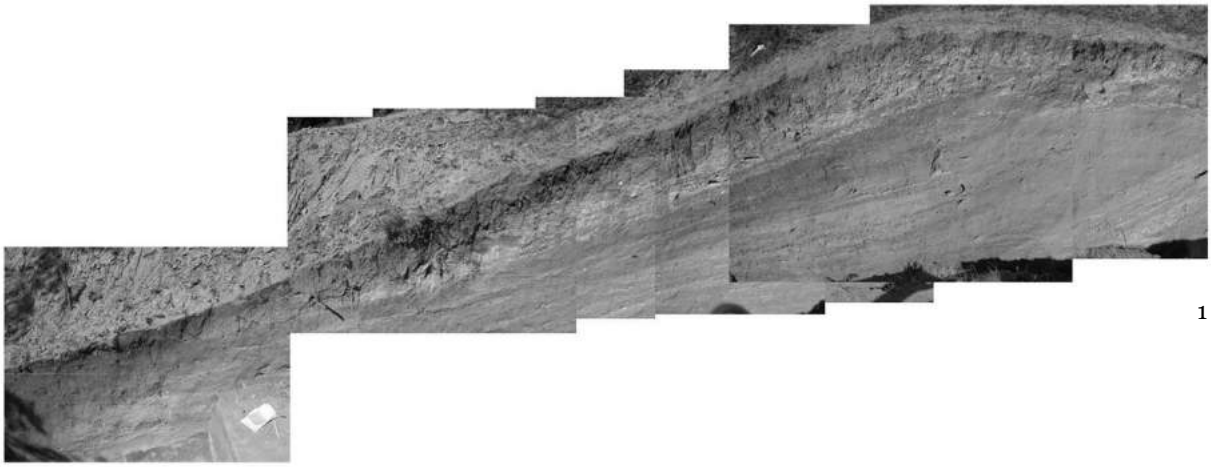
Fig. 11. Horodca Mică. Secţiunea nr. I: 1 - plan şi profil cu indicaţia delimitărilor imaginare ale nivelului antic de călcare şi ale şanţurilor din diverse faze de edificare ale fortificaţiei (linia dublă); 2 - plan şi profil cu reconstrucţia schematică a fortificaţiei din faza a IV-a.

văzut în analiza straturilor de umplutură ale şanţului din ultima fază, pe care l-am şi descris în rândurile de mai sus. Urmărind direcţia din care s-au scurs straturile, am delimitat clar întreg segmentul format din respectivul set de lentile, stabilind că ceea ce sunt rămăşiţele construcţiei defensive erau delimitate de straturile nr. 46 şi 53, urmărite, în linii mari, începând de la limita nordică a caroului A7 (coama valului) şi până în caroul A12 unde era localizat nivelul inferior al şanţului. Straturile respective se aflau la suprafaţă, grosimea lor, luate la un loc, variind, în mediu, de la 1,8 la 2 m.

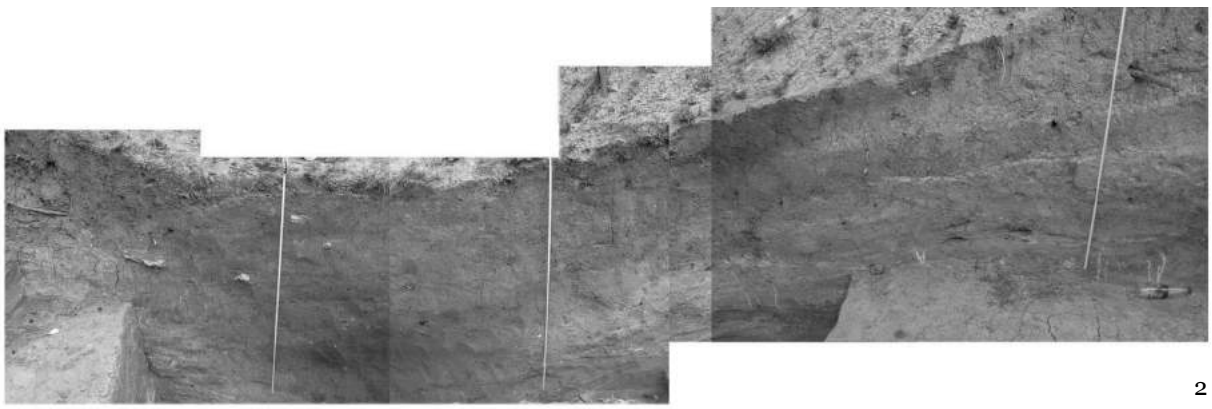
De mai luat în seamă, că în vârful valului, aşa cum se prezintă el astăzi, au fost descoperite câteva complexe care pot fi puse în legătură cu construcţia defensivă propriu-zisă. Este vorba de două rânduri de gropi descoperite în caroul A6, dintre care unul a fost clar delimitat, iar al doilea – doar presupus (urme de cărbune de lemn şi sol ars, fig. 13/1). Un rând se afla în partea de nord a caroului, al doilea fiind în partea de sud. Distanţa dintre cele două rânduri era de 2,3 m. Rândul aflat în partea nordică a caroului a fost clar delimitat în baza a trei gropi descoperite, având umplutura constituită din cărbune de lemn şi pământ ars.

Groapa nr. 1 (groapă de par, fig. 13/4) a fost descoperită în caroul A6, la adâncimea de 0,1 m. Complexul se afla pe linia unei aglomeraţii de sol ars format din lut roşu (fig. 13/4.) – aglomeraţia nr. 1. Se prezenta sub forma unei pete de sol întunecat în asociere cu cărbune de lemn. Pata avea formă circulară în plan, cu diametrul de 0,1 m. Gropiţa cobora până la adâncimea de 0,3 m de la nivelul actual de călcare, totalizând 0,2 m adâncime pentru complex. Secţiunea gropii era tronconică, iar umplutura era constituită din cărbune de lemn în asociere cu lut ars până la roşu. Vestigii arheologice în complex nu au fost descoperite.

Groapa nr. 8 (groapă de par, fig. 13/3, 5) a fost descoperită în caroul A6, la adâncimea de 0,15 m. În momentul descoperirii se prezenta sub forma unei pete de pământ ars, în două cu cărbune de lemn care avea formă circulară în plan. Se afla pe linia concentraţiei de lut ars ce străbătea caroul A6 de la vest la est, la o distanţă de 0, 5 m de complexul nr. 1. Dimensiunile gropii de la vest la est erau de 0,34 m, iar de la nord la sud – de 0,24 m. Până la adâncimea de 0,47 m, pereţii gropii erau verticali, după care căpătau direcţie oblică ce îngusta complexul, oferindu-i forma tronconică în secţiune. Adâncimea maximă a gropii era de 0,59 m.



1



2

3

4

Fig. 12. Horodca Mică. Secţiunea nr. I. Vederi asupra şanţului nr. IV.

Groapa nr. 8a (groapă de par, fig. 13/6) a fost descoperită în caroul A6, pe linia concentraţiei de lut ars ce străbătea caroul A6 de la vest la est, la o distanţă de 1 m spre est de complexul nr. 8, la adâncimea de 0,15 m. Groapa avea forma circulară în plan, uşor alungită pe axa est-vest, cu dimensiunile de 0,26×0,32 m. În secţiune, forma gropii era aproape tronconică şi se adâncea până la 0,32 m de la nivelul descoperirii.

Având în vedere dispunerea acestor gropi, dar şi indicii indirecţi pentru intuirea unui al doilea rând de pari, pe lângă cantitatea de sol care s-a scurs în şanţ după distrugerea fortificaţiei, putem admite construcţia unei palisade formate din două rânduri de pari care se aflau la distanţa de 2,3 m unul de altul, fără să avem indici certi cu privire la unul dintre rândurile respective. Spaţiul dintre aceste rânduri de pari ar fi putut fi umplut cu pământul excavat din şanţ, formând un tradiţional „zid ” de lemn şi pământ, exact ca în cazurile fazelor precedente.

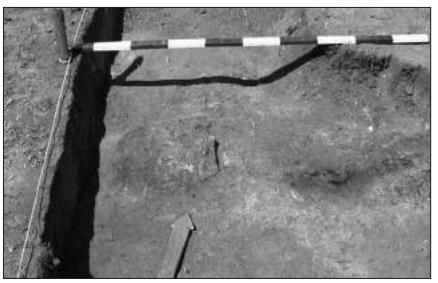
Concluzii

În urma cercetărilor de teren şi a analizei preventive, constatăm că promontoriul denumit Horodca Mică a fost fortificat de patru ori succesiv, de fiecare dată sistemul defensiv fiind distrus. Prima distrugere se pare că a fost cea mai serioasă, incendiul fiind unul extrem de violent. Amenajarea unor complexe în solul rezultat din distrugerea primei faze, indică spre existenţa unei perioade de locuire în acelaşi spaţiu, dar deja fără ca acesta să fie fortificat. Fortificarea ulterioară a spaţiului s-a realizat prin modalităţi asemănătoare, având la bază principiul edificării unei palisade complexe, spaţiul interior fiind umplut cu solul excavat din şanţul adiacent construcţiei. Cele mai apropiate analogii în timp le au construcţiile similare din perioada hallstattiană, cum ar fi cazurile de la Teleac (Vasiliev 1995, 36; Vasiliev, Ciugudean 1991), Bozna (Vasiliev 1993), Preuteşti (Popovici, Ursulescu 1982, 23). Pentru perioada getică, situaţia devenise una aproape generalizantă, fiind cunoscute în jur de 100 de fortificaţii doar în spaţiul est-carpatic (Arnăut 2003, 15). Structura lemnoasă în construcţia sistemelor defensive a fost atestată în foarte multe situri cercetate şi acceptată de mai mulţi cercetători ca fiind admisibilă şi pentru cazurile în care nu s-au păstrat urme certe. E suficient să amintim aici doar câteva dintre cazurile mai cunoscute: Rudi-La Şanţuri (Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981, 122); Ofatinţi (Мелюкова 1954,

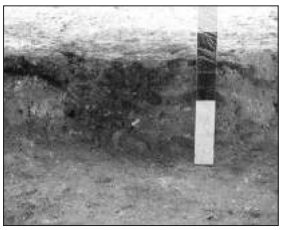
1

2

3



4



5

6

Fig. 13. Horodca Mică. Secţiunea nr. I: 1, 2 - vedere asupra gropilor ce constituiau rândurile de pari; 4 - groapa nr. 1; 3, 5 - groapa nr. 8; 6 - groapa nr. 8a.

65); Curătura (Златковская, Полевой 1969, 37); Arsura, primul val (Teodor 1973, 53); Stânceşti (Florescu, Raţă 1969, 15); Beştepe (Simion 1977,33); Bâzdâna-Cetate, faza I-a (Tătulea 1984, 95); Mateuţi (Златковская 1965, 222). De regulă, în cazul edificării palisadelor complexe prin ridicarea unor rânduri paralele de pari (indiferent de numărul lor), aceştia erau prinşi între ei cu alţi pari care erau amplasaţi transversal şi legaţi între ei cu nuiele. În spaţiile dintre pari se aşeza, tasându-se, pământul excavat din şanţ, formând astfel acel „zid" din lemn şi pământ foarte specific epocii fierului atât pentru spaţiul carpato-dunubiano-pontic, cât şi pentru mai multe regiuni ale Europei. Astfel, existenţa unei palisade complexe, constituită din câteva rânduri de pari îngropaţi în sol, legaţi între ei prin intermediul altor structuri lemnoase, reprezenta o tradiţie mai veche. Dintre experienţele cunoscute, pot fi delimitate mai multe variante de edificare a sistemului defensiv: patru rânduri de gropi pentru pari au fost consemnaţi în cazul fortificării promontoriului la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 89-90); trei rânduri de gropi – la Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 26-27); două rânduri de gropi (cea mai răspândită variantă) – la Saharna-La Şanţ (Zanoci, Moldovan 2004, 130; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 152); Butuceni, a treia linie defensivă; Mateuţi (Златковская 1965, 220-222); Rudi-La Şanţuri (Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981, 122); Măşcăuţi „Dealul cel Mare" (Zanoci 2004, 46).

Pentru încadrarea cronologică a primei etape de fortificare a promontoriului de la Horodca Mică, de altfel ca şi pentru celelalte etape, la momentul actial nu avem date directe. În umplutura şanţului nu prea au fost descoperite materiale, iar la fundul acestuia – chiar nimic. Totodată, ar exista un şir de indici indirecţi care, la această fază de cercetare, ar putea să ofere anumite repere cronologice. Astfel, în straturile ce constituie resturile primei faze ale sistemului defensiv, au fost descoperite vestigii arheologice, printre care ceramica este predominantă. Din totalul de fragmente descoperite, doar 0,6% sunt fragmente medievale (descoperite în straturile superioare), 4% – incerte, restul fiind de factură getică şi importuri greceşti. O astfel de situaţie ne oferă posibilitatea să admitem raportarea sistemului defensiv la cultura getică, datată tradiţional cu secolele V-III a. Chr. Printre obiectele individuale descoperite în straturile ce constituie urmele fortificaţiei nu ar fi de remarcat decât rondelele, care sunt lucrate fie din vase getice de factură grosieră, fie din amfore greceşti. Ca şi în cazul precedent, avem acelaşi indicator general, de ordin cultural.

O situaţie ceva mai clară o oferă descoperirea a două gropi menajere în incinta fortificaţiei, în apropiere de sistemul defensiv. Ambele gropi au fost amenajate de la nivelul antic de călcare, de la care a fost ridicată construcţia defensivă, iar vestigiile descoperite în ele se atribuie în exclusivitate culturii getice, venind să dea pondere raţionamentelor expuse mai sus. Observaţiile stratigrafice ne-au convins că, după distrugerea sistemului defensiv din faza I-a, viaţa a continuat în spaţiul promontoriului, vestigiile arheologice raportând această vieţuire tot la cultura getică. Este vorba de un cuptor care a fost amenajat chiar în straturile de distrugere ale primei faze ale fortificaţiei (în preajma căruia au fost descoperite două fragmente de ceramică de factură getică) şi o locuinţă adâncită în sol, care a fost săpată tot în straturile ce constituie scursura emplectonului spre incintă şi în ale cărui umplutură s-au descoperit vestigii care în exclusivitate se raportează la cultura getică. Dincolo de observaţiile din perimetrul fortificaţiei, şi cercetările din incintă au permis, într-o primă etapă, să delimităm existenţa a cel puţin două faze în evoluţia vieţii umane de pe promontoriu. Pe baza vestigiilor (atât a complexelor, cât şi a descoperirilor izolate din strat), atât prima fază, cât şi a doua, se raportează la perioada culturii getice. La observaţiile de mai sus, este important de adăugat, că, pe promontoriu în general, până la acest moment, vestigiile descoperite care s-ar raporta la alte orizonturi decât cel getic sunt relativ puţine.

Bibliografie

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Florescu, Raţă 1969: A. Florescu, S. Raţă, Complexul de cetăţi traco-getice (sec. VI-III î. e. n.) de la Stânceşti-Botoşani. Suceava. Studii şi Materiale I, 1969, 9-20.

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice la est de Carpaţi (Chişinău 2008).

Levinschi 2003: A. Levinschi, Limita cronologică superioară a fortificaţiilor getice din microzona Saharna – Rezina. In: (red. E. Sava) Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 261-284

Levinschi 2004: A. Levinschi, Fortificaţia getică Saharna „La Revechin" (cercetările din anul 2000-2002). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003), vol. I (Chişinău 2004), 64-80

Levinschi 2007: A. Levinschi, Date preliminare privind începutul de locuire a geţilor pe locul aşezării fortificate Saharna Mare. Tyragetia s.n. 1, vol. I (XVI), 2007, 275-278.

Munteanu 2004a: O. Munteanu, Les elements du système defensif de Cosăuţi. In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ) Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology (sept. 2004, Chişinău-Vadul lui Vodă), II (Chişinău 2004), 82-104.

Munteanu 2004b: O. Munteanu, Getae fortification of Cosauti, District Soroca. In: Daco-geţii: 80 de ani de cercetări arheologice sistematice la cetăţile dacice din munţii Orăştiei (Cluj-Napoca 2004), 219-233.

Munteanu 2007: O. Munteanu, Noi linii defensive cercetate în microzona fortificaţiei Cosăuţi. Revista Arheologica s.n. III/1-2, 2007, 295-310.

Munteanu, Iarmulschi 2007: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Preliminarii privind fortificaţia de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. 1, I (XVI), 2007, 279-286.

Munteanu et al. 2009: O. Munteanu, V. Iarmulschi, V. Perju, L. Ermurachi, Fortificaţia getică de la Horodca Mică: complexele din incintă cercetate în anii 2006-2007. In: Păstrarea patrimoniului cultural în ţările europene (materialele conferinţei internaţionale, Chişinău, 25-26 septembrie 2008) (Chişinău 2009), 61-80.

Munteanu et al. 2010: O. Munteanu, V. Iarmulschi, V. Perju, L. Ermurachi, Prima fază de edificare a fortificaţiei de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. 1, vol. IV (XIX), 2010, 179-198.

Munteanu, Perju 2010: O. Munteanu, V. Perju, Fortificaţia de la Horodca Mică: rezultatele primilor ani de cercetare. In: Probleme ale ştiinţelor socio-umane şi modernizării învăţământului, vol. II (Chişinău 2010), 520-531.

Musteaţă 2004: S. Musteaţă, Unele consideraţii preliminare privind rezultatele cercetărilor arheologice din cadrul cetăţii getice Măşcăuţi-Cetate. In: Thracians and Circumpontic World. IX-th International Congress of Thracology (sept. 2004, Chişinău-Vadul lui Vodă). Summaries (Chişinău 2004), 88-90.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu. Siturile din zona Saharna (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, 2004: I. Niculiţă, A. Zanoci, Sistemul defensiv la traco-geţii din regiunea Nistrului Mijlociu. In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ) Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology (sept. 2004, Chişinău-Vadul lui Vodă), II (Chişinău 2004), 104-129.

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Sistemul defensiv al cetăţii din prima epocă a fierului – Saharna Mare. Tyragetia s.n. 1, vol. I (XVI), 2007, 27-62.

Popovici, Ursulescu 1982: D. Popovici, N. Ursulescu, Şantierul arheologice Preuteşti „Cetate" jud. Suceava. In: Cercetări arheologice, vol. V (Bucureşti 1982), 23-27.

Simion 1977: G. Simion, Cetatea geto-dacică de la Beştepe. Peuce VI, 1977, 31-47.

Tătulea 1984: C.M. Tătulea, Aşezarea geto-dacică fortificată de la Bâzdâna-Cetate, jud. Dolj. Consideraţii preliminare. Thraco-Dacica V/1-2, 1984, 92-110.

Teodor 1973: S. Teodor, Cetatea traco-getică de la Arsura, jud. Vaslui (1964). MCA X, 1973, 53-60.

Vasiliev 1993: V. Vasiliev, Aşezarea fortificată din prima epocă a fierului de la Bozna (jud. Sălaj). Ephemeris Napocenisis III, 1993, 43-67.

Vasiliev 1995: V. Vasiliev, Fortification de refuges et établissements fortifiés du premier âge du fer en Transylvanie (Bucharest 1995).

Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: V. Vasiliev, I. Aldea, N. Ciugudean, Civilizaţia dacică timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuţii arheologice: aşezarea fortificată de la Teleac (Cluj-Napoca 1991).

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măşcăţuţi „Dealul cel Mare". In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ) Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology (sept. 2004, Chişinău-Vadul lui Vodă), II (Chişinău 2004), 45-81.

Zanoci, Moldovan 2004: A. Zanoci, V. Moldovan, Getic citadel Saharna –„La Şanţ". In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ) Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology (sept. 2004, Chişinău-Vadul lui Vodă), II (Chişinău 2004), 130-138.

Златковская 1965: Т. Златковская, Городище Матеуцы. В сб.: Новое в советской археологии (Москва 1965), 220-225.

Златковская, Полевой 1969: Т.Д. Златковская, Л.Л. Полевой, Городища Пруто-Днестровского междуречья IV-III вв до н.э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 35-53.

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ, вып. 4 (Кишинев 1974).

Мелюкова 1954: А.И. Мелюкова, Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии в 1952 г. В сб.: КСИИМК, вып. 56 (Москва 1954), 59-68.

Пассек 1949: Т. Пассек, Археологические разведки в Молдавии. В сб.: КСИИМК, вып. 26 (Москва 1949), 57-68.

Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981: М.А. Романовская, Ф.В. Шелов-Коведяев, А.Н. Щеглов, Городище Рудь – Метоний Птоломея?. ВДИ 4, 1981, 121-138.

Les etapes d'édification de la fortification de Horodca Mică

Résume

La fortification Horodca Mică est située dans la zone centrale de l'espace pruto-dniesterien, aux environs des sources de la rivière Botna, et elle est devenue objet des recherches systématiques depuis 2006. Plusieurs des résultats obtenus depuis cette date on été publiés entre temps. On compte parmi ceux-ci une étude concernant les éléments défensifs de la forteresse, où l'on a mis en avant l'hypothèse d'une fortification par étapes, du promontoire, alternées avec des destructions périodiques. Au départ, on avait plus insisté sur la première phase d'édification du système défensif, en décrivant ses éléments constitutifs, les techniques utilisées dans le processus d'édification, mais aussi l'évolution de la fortification même, jusqu'au dévastateur incendie qui a écroulé la construction défensive.

Dans cet article on a repris le débat portant sur le système défensif. L'hypothèse sur laquelle on se fonde admet l'existence de trois autres phases de refortification du même espace, suite à la première destruction. Pour l'argumentaire de ce point de vue on s'est proposé de présenter dans un premier temps, le tableau des observations objectives, enregistrées sur le terrain, et dans un deuxième temps, partant de ces observations, offrir une explication de la vision que nous avons construit. Cette analyse porte y compris sur les modalités d'édification du système défensif dans chacune des phases identifiées, sur les techniques et matériaux utilisés, ainsi que des raisonnements concernant les repères chronologiques.

On est donc d'avis que dans ces phases ultérieures de fortification du promontoire, a été procédé de la même manière que dans la première : un fossé a été creusé (en réalité c'est l'ancien qui a été étendu en largeur), derrière a été montée une palissade complexe, en bois (sur le sommet même de la vague constituée suite à l'écroulement de la construction de la phase précédente), remplie avec de la terre excavée du fossé. Dans la situation crée, la berme utilisée dans la première phase d'édification du système défensif, n'y trouvait plus sa place. Ainsi, on estime que la délimitation du fossé proprement-dit, depuis l'intérieur, doit être fixée par rapport à la palissade. De cette manière, des barrières solides ont pu être créées, qui, dû à leurs dimensions impressionnantes, ont protégé à plusieurs reprises la population de ces espaces, dans les siècles V à III a. Chr.

Liste des figures:

Fig. 1. Horodca Mica. 1 - Localisation du site Horodca; 2 - schéma topographique avec l'emplacement des section stracés entre 2006-2011.

Fig. 2. Horodca Mică. Section nr. I: 1-4 - images de la période de recherche du système défensif.

Fig. 3. Horodca Mică. Section nr. I. Vue sur le profil de l'ouest avec la délimitation des diverses phases de construction.

Fig. 4. Horodca Mică. Section nr. I. Profil de l'ouest.

Fig. 5. Horodca Mică. Section nr. I: 1 - plan et profil de l'ouest dans les carreaux A1-A15; 2 - plan et profil de l'ouest dans les carreaux A1-A9 (la double ligne marque les délimitations imaginaires).

Fig. 6. Horodca Mică. Section nr. I. Vestiges du fourneau aménagé dans les couches supérieures du groupe de lentilles qui forme les restes écroulés de la construction de la 1ère phase d'édification.

Fig. 7. Horodca Mică. Section nr. I: 1 - plan et profil avec l'indication des délimitations imaginaires du niveau antique de marche et des fossés dans les diverses phases d'édification de la fortification (la ligne double); 2 - plan et profil avec la reconstruction.

Fig. 8. Horodca Mică. Section nr. I: 1 - vue sur le profil de l'ouest dans le carreau A5 avec la délimitation du complexe 103; 2 - vue sur le profil de l'ouest dans le carreau A4 avec la délimitation des complexes 104, 105 et 106.

Fig. 9. Horodca Mică. Section nr. I: 1 - la délimitation des lentilles de sol entre la 1ère et la 2ème phase d'écroulement de la fortification; 2 - vues sur le fossé nr. I.

Fig. 10. Horodca Mică. Section nr. I: 1 - plan et profil avec l'indication des délimitations imaginaires du niveau antique de marche, et des fossés dans les diverses phases d'édification de la fortification (la ligne double); 2 - plan et profil avec la reconstruction schématique de la fortification de la 3ème phase

Fig. 11. Horodca Mică. Section nr. I: 1 - plan et profil avec l'indication des délimitations imaginaires du niveau antique de marche et des fossés dans les diverses phases d'édification de la fortification (la ligne double); 2 - plan et profil avec la reconstruction schématique de la fortification de la 4ème phase.

Fig. 12. Horodca Mică. Section nr. I. Vues sur le fossé nr. 4.

Fig. 13. Horodca Mică. Section nr. I: 1, 2 - vue sur les fosses qui constituait les rangées de poteaux; 4 - fosse nr. 1; 3, 5 - fosse nr. 8; 6 - fosse nr. 8a.

Этапы возведения укрепленного сооружения на городище Хородка Микэ

Резюме

Городище Хородка Микэ находится в центральной части Пруто-Днестровского междуречья, неподалеку от истоков реки Ботна. Его систематическое изучение началось в 2006 году. С тех пор был опубликован целый ряд результатов исследований. Среди них хотелось бы отметить исследование элементов оборонительного сооружения, где была выдвинута гипотеза о существовании нескольких этапов их строительства. Была исследована первая фаза возведения оборонительного укрепления, дано описание его составных элементов, а также представлена эволюция укрепления до его разрушения в результате крупного пожара.

В данной статье мы возвращаемся к дискуссии об этом оборонительном сооружении. Выдвинутая нами гипотеза подразумевала существование еще трех фаз в развитии укрепления после разрушения первой оборонительной линии. Для того чтобы аргументировать нашу точку зрения мы попытались в первую очередь очертить картину объективных данных, зарегистрированных во время раскопок. На основе этих наблюдений мы постараемся объяснить, на каком основании сформировалось наше мнение, а также прояснить, какие техники использовались для возведения оборонительного сооружения на каждом из этапов его существования и каковы могут быть предположения о хронологических рамках.

Мы считаем, что в последующих фазах укрепления мыса были использованы те же приемы, что и на первом этапе: был выкопан ров (вернее, расширен старый) и возведена деревянно-земляная постройка (с использованием грунта из выкопанного рва) на самом высоком месте вала, образовавшегося после разрушения конструкции предшествующей фазы. В создавшейся ситуации существование бермы теряло смысл, а сам ров разграничивался непосредственно деревянной конструкцией. Так были созданы солидные препятствия, которые надежно защищали население, проживающее в этих регионах на протяжении веков до р. Хр.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Хородка Микэ. 1 - Расположение памятника Хородка Микэ; 2 - топографическая схема с расположением раскопанных площадей в 2006-2011 г.

Рис. 2. Хородка Микэ. Раскоп №1. Вид на вал в процессе исследования.

Рис. 3. Хородка Микэ. Раскоп №1. Западный профиль с отображением разных фаз возведения фортификаций.

Рис. 4. Хородка Микэ. Раскоп №1. Западный профиль фортификации.

Рис. 5. Хородка Микэ. Раскоп №1: 1 - план и западный профиль раскопа, проведенного через фортификационное сооружение в квадратах A1-A15; 2 - план и западный профиль раскопа, проведенного через фортификационное сооружение в квадратах A1-A9.

Рис. 6. Хородка Микэ. Раскоп №1. Остатки печи, обнаруженной в верхних слоях разрушившейся оборонительной конструкции I фазы.

Рис. 7. Хородка Микэ. Раскоп №1: 1 - план и профиль раскопа, проведенного через фортификационное сооружение, с указанием условной разделительной черты античной дневной поверхности и рвов в различных фазах возведения укрепления (двойная линия); 2 - план и профиль раскопа с указанием схематичной реконструкции второй фазы укрепления.

Рис. 8. Хородка Микэ. Раскоп №1: 1 - обзор западного профиля в квадрате A5 с выделением комплекса №103; 2 - обзор западного профиля в квадрате A4 с выделением комплексов №№104, 105, 106.

Рис. 9. Хородка Микэ. Раскоп №1: 1 - пласты, разделяющие первую и вторую фазы разрушения укрепления; 2 - ров I фазы в процессе изучения.

Рис. 10. Хородка Микэ. Раскоп №1: 1 - план и профиль раскопа, проведенного через фортификационное сооружение, с указанием условной разделительной черты античной дневной поверхности и рвов в различных фазах возведения укрепления (двойная линия); 2 - план и профиль раскопа с указанием схематичной реконструкции третьей фазы укрепления.

Рис. 11. Хородка Микэ. Раскоп №1: 1 - план и профиль раскопа, проведенного через фортификационное сооружение, с указанием условной разделительной черты античной дневной поверхности и рвов в различных фазах возведения укрепления (двойная линия); 2 - план и профиль раскопа с указанием схематичной реконструкции четвертой фазы укрепления

Рис. 12. Хородка Микэ. Раскоп №1. Обзор рва четвертой фазы укрепления.

Рис. 13. Хородка Микэ. Раскоп №1: 1, 2 - обзор вала, в котором были обнаружены комплексы №№ 1, 8, 8a; 4 - комплексы №№1; 3, 5 - комплекс №8; 6 - комплекс №8a в процессе исследования.

24.05.2013

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă nr. 1, MD-2069 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

ÎNMORMÂNTAREA GETICĂ PRIN INCINERAȚIE DIN AŞEZAREA MEDIEVALĂ POIANA I

Alexandru Levinschi
Ivan Vlasenco

Aşezarea moldovenească medievală Poiana I a fost documentată pe teren în anul 1950, pe parcursul lucrărilor de prospectare, efectuate de Expediţia arheologică slavo-nistreană, condusă de Gh.B. Fiodorov. Situl se află la cam 600 m spre est de s. Poiana, raionul Rezina (fig. 1/1), pe prima şi a doua terasă a Nistrului, extinzându-se până aproape de oglinda apei, pe o suprafaţă de 570×250 m în lungul râului (Полевой, Бырня 1974, 81-82). Trei ani mai târziu în perimetrul aşezării, prin intermediul a două secţiuni, a fost dezvelită o suprafaţă de 150 m² (fig. 2). A fost stabilit că aşezarea are un singur nivel de locuire – cel moldovenesc din sec. XVI-XVII, nivelul de habitat fiind nu mai adânc de 0,4 m. În 1956, sub conducerea lui P. Bîrnea, în aşezare au fost efectuate cercetări de amploare, fiind dezvelită o suprafaţă de circa 4000 m², în care au fost studiate cinci locuinţe moldoveneşti şi un şir de complexe de perioadă (Бырня 1969, 111).

Printre materialele din aşezarea moldovenească medievală Poiana I, păstrate în patrimoniul MNIM, figurează şi câteva piese, care nu aparţin perioadei medievale, fiind nominalizate ca mormântul 1. Este vorba de fragmentele unui profil de strachină (2/3 din vas), ale unei căni (1/3 din vas) şi o căniţă întreagă, toate lucrate cu mâna. Mai este vorba şi de două mărgele din pastă sticloasă, de două măsele de copil şi de câteva mici fragmente de oase umane (?) calcinate. Consultând raportul asupra săpăturilor arheologice în aşezarea Poiana, efectuate în 1956 (Бырня 1957), la paginile 43-44 am găsit descrierea acestui complex.

Mormântul nr. 1 (scitic)

În partea de mijloc a suprafeţei excavate, în secţiunea XIII, caroul 77, la adâncimea 22 cm de la nivelul actual al solului, în stratul gălbui de argilă nisipoasă a fost descoperit un mormânt prin incineraţie. Conturul gropii funerare nu a fost surprins. Însuşi mormântul ocupă o suprafaţă de 33×20 cm.

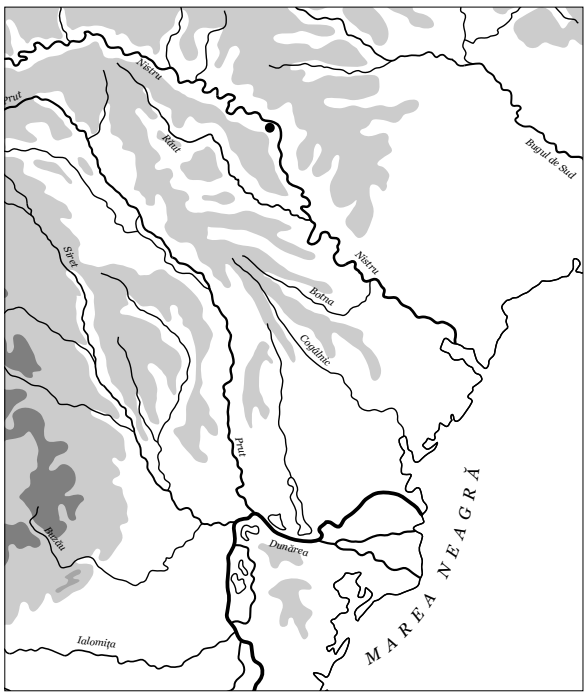


Fig. 1. Amplasarea sitului Poiana I.

1. *În strachina (nr. 17), ce servea drept urnă funerară, sunt găsite oase umane calcinate şi 3 mărgele. Strachina este fragmentată, joasă şi largă, cu marginea dreaptă îngroşată şi cu 4 mânere pe buză; fundul plat; pasta bine frământată în amestec cu nisip măşcat* (de fapt, şamotă bine mărunţită)*, ardere neuniformă, grosimea pereţilor – 0,8-0,9 cm. Strachina este de culoare neagră, lustruită în interior şi exterior. Este lucrată cu mâna.*

Piesa a rămas în fragmente, din care au fost întregite trei mari blocuri fără conexiune între ele, dar care au dat posibilitate să reconstruim grafic acest vas. Este vorba de o strachină de formă tronconică, cu buza aproape verticală, îngroşată spre interior şi exterior şi marginea cu aplatizare oblică spre interior. Sub margine au fost aplicate unul-două, sau patru mânere ori suporturi orna-

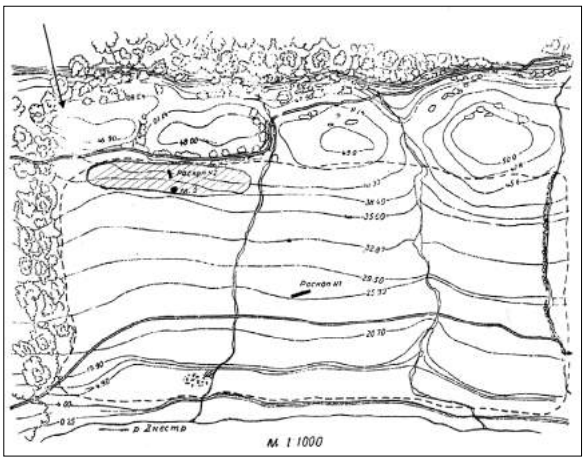


Fig. 2. Planul aşezării medievale Poiana I (după Бырня 1969) cu zona cercetată în 1956 şi locul descoperirii mormântului getic (M. 1).

mentale (pe o lungime de 2/3 din buză resturile acestui detaliu s-au păstrat doar pe un bloc). Arderea este secundară, cu pete mai deschise. Înălţimea străchinii este de 9 cm, diametrul la gură 27 cm, diametrul la fund 8,5 cm (fig. 3/5).

2. *La 5 cm spre sud de strachină stătea în poziţie înclinată un ulcioraş cu toartă (nr. 18) şi buză înaltă uşor evazată. Culoarea – negru-cafenie* (de fapt, cenuşie, cu pete mai deschise, ce denotă prezenţa arderii secundare). *Pasta este în amestec cu şamotă, arderea neuniformă. Suprafaţa aspră. Este lucrat manual. Dimensiunile ulcioraşului: înălţimea – 7,2 cm, diametrul la gât – 4,3 cm, diametrul corpului – 6,5 cm, diametrul fundului – 3,7 cm. Distanţa dintre punctele limită ale prinderii torţii – 4 cm. Grosimea pereţilor – 0,2-0,3 cm* (fig. 3/3).

În raport nu este amintit nimic despre puţinele fragmente ale încă unui vas, care făcea parte din acest complex. Ele s-au păstrat în colecţie împreună cu fragmentele străchinii şi cu ulcioruşul, poartă un cifru identic cu celelalte, este scris de aceeaşi mână şi figurează ca *mormântul 1*. Din aceste fragmente este întregit profilul complet al unei căni, păstrate doar pe 1/3.

Vasul nr. 3 este o cană cu toarta uşor supraînălţată, buza înclinată spre exterior, corpul puternic bombat şi aplatizat, fundul plat. Judecând după fragmentul de buză cu resturile torţii frânte, toarta era trasă în panglică din buză şi supraînălţată, fiind prinsă în partea de jos, mai sigur, la nivelul diametrului maxim al corpului. Vasul este lucrat cu mâna, din pastă bine frământată în amestec cu şamotă măruntă, grosimea pereţilor – 0,5-0,7 cm. Suprafaţa este cu resturi de lustruire. Arderea este neuniformă, secundară, culoarea este cenuşie cu pete mai deschise. Înălţimea căniі – 15 cm, diametrul la gură – 12 cm, diametrul maxim al corpului – 17 cm, diametrul la fund – 8,0-8,5 cm (fig. 3/4).

3. *Mărgică de formă inelară din pastă sticloasă (nr. 20) de culoare azurie. Diametrul piesei – 1,1 cm, diametrul orificiului – 0,5 cm, grosimea – 0,4 cm* (fig. 3/1).

4. *Mărgică de formă inelară din pastă sticloasă (nr. 22) de culoare albastră „cu ochi" de culoare albă. Diametrul piesei – 1,1 cm, grosimea – 0,7 cm, diametrul orificiului – 0,5 cm* (fig. 3/2).

5. *Mărgică cilindrică din bronz lucrată prin forjare (nr. 19), confecţionată din placă rectangulară* (s-a deteriorat). *Lungimea – 1 cm, diametrul – 0,5 cm.*

Mormântul, judecând după obiecte şi tehnica confecţionării lor, se atribuie perioadei scitice (probabil, sec. VII-VI î.e.n.).

Generalizând informaţia culeasă din raportul de săpături arheologice şi completând-o cu analiza materialelor păstrate în colecţiile MNIM, nu încape nicio îndoială că în perimetrul cercetat al aşezării medievale moldoveneşti Poiana I a fost dezvelită şi *o înmormântare prin incineraţie*, care, judecând după cele două măsele păstrate, este de copil.

Autorul cercetărilor categoriseşte acest mormânt ca incineraţie în urnă, drept urnă servind fragmentele de strachină, printre care au fost descoperite puţinele oase calcinate. Formal, pare să fie aşa, cu toate că, în mod normal, strachina serveşte drept capac pentru urna propriu-zisă. Exemplu clasic în acest sens poate servi necropola getică Canlia, jud. Constanţa, cercetată de E. Moscalu la sud de Dunăre, în care majoritatea urnelor au strachina în calitate de capac (Boroffka, Trohani 2003, 151-195), ca să nu trecem cu vederea mica necropolă getică de la Giurgiuleşti, din preajma Dunării de Jos, în care patru complexe din şase sunt urne acoperite cu străchini (Arnăut 1999, 136-139). Acelaşi lucru, dar în procent redus, poate fi semnalat şi printre complexele necropolei getice Hansca „Lutărie" (Никулицэ 1969, 135-137), la periferia sudică a arealului locuit de geţii din silvostepa Nistru-Prut. Aşa stând lucrurile, în

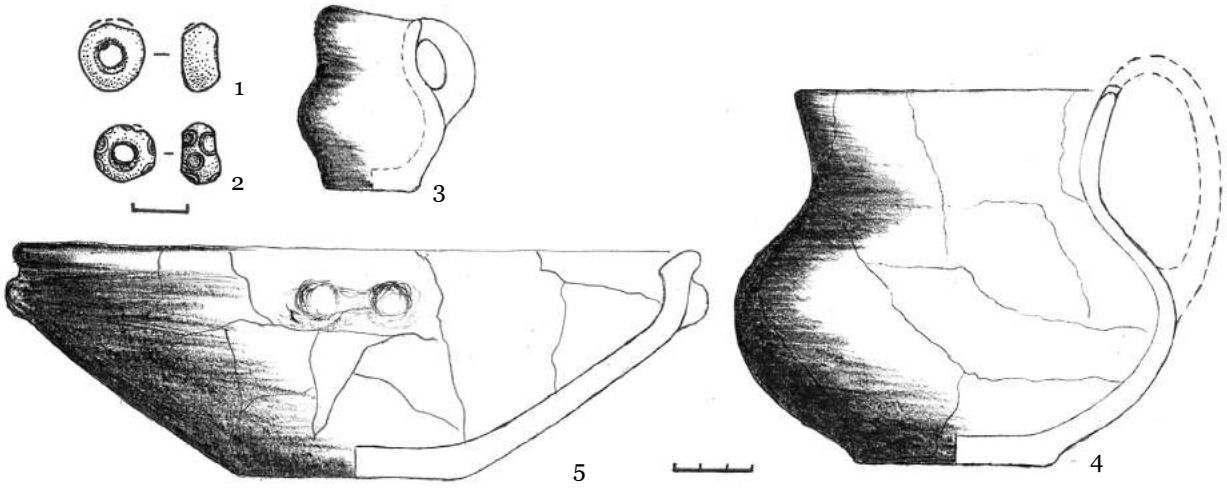


Fig. 3. Inventarul funerar al mormântului getic.

cazul complexului din aşezarea Poiana I, în care oasele calcinate au fost descoperite împreună cu fragmentele unei străchini şi ale unei căni, ambele păstrate incomplet, putem vorbi sigur doar de *o înmormântare în care rămăşiţele incinerate ale defunctului şi ale vaselor ceramice cu hrana şi băutura sacrificată pe rug au fost depuse în groapă*. Astfel de morminte sunt frecvente printre complexele necropolei getice Hansca „Lutărie", cum este cazul mormintelor 19, 23, 25 ş.a. (Никулицэ 1969, 135-137), ca şi printre mormintele necropolei getice Dănceni (Levinschi 2008, 237), printre incineraţiile căreia sunt şi complexe, în care, printre oasele calcinate, apar şi fragmente de ceramică (Лапушнян 1976, 9-22; Лапушнян 1977, 16-27). Rămâne de presupus că în cazul complexului de la Poiana obiceiurile de înmormântare încă nu au ajuns să fie strict reglementate (canonizate), cum constatăm pentru amintitele necropole getice de la Canlia şi Giurgiuleşti din zona Dunării de Jos.

Am analizat complexul de la Poiana în contextul vestigiilor getice deoarece, indiferent de faptul că autorul săpăturilor l-a atribuit ca „scitic", pentru ceramica descoperită în el, ca şi pentru ritul funerar, analogiile provin din siturile getice cunoscute în zona împădurită a silvostepei dintre Nistru şi Prut.

În cazul străchinii din mormântul descoperit, luând în consideraţie prezenţa mânerelor-suporturi sub margine, este vorba de castroane varianta X/d din tipologia ceramicii traco-getice, elaborate de E. Moscalu, acelaşi profil, dar lipsit de mânere, având şi străchinile variantei XI/c (Moscalu 1983, 71 şi 74). Cele mai apropiate analogii pentru această piesă găsim printre materialele din aşezările getice din această zonă, cum ar fi: Alcedar „La Cordon" (Haheu 1998, fig. 11/1), Saharna „La Revechin" (Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999, fig. 12/5, 7, 12), Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 26/13; 38/5) şi Saharna Mare (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. LI/2 şi LII/6; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 131/5), ca să nu extindem căutările asupra întregului areal. Conform observaţiilor efectuate pe parcursul cercetărilor în incinta fortificată Saharna „La Revechin", străchinile sau castroanele de formă tronconică, cu marginea dreaptă sau înclinată spre exterior, sunt mai frecvente în complexele timpurii ale aşezării – groapa nr. 5 şi complexul adâncit (marcat ca locuinţă) de uz gospodăresc nr. 3 (Levinschi 2001, 104). Acest din urmă complex precede în timp complexul adâncit nr. 6, în care a fost descoperit şi un fragment de lekană grecească cu firnis negru şi figuri roşii, produsă în atelierele greceşti între anii 500-480 î.e.n. (Levinschi 2005, 66). Luând în vedere acest fapt, nu este exclus că anume în limite cronologice dintre sfârşitul sec. VI - prima jumătate a sec. V î.e.n., castroanele cu profil de acest fel să se fi aflat în uz. Cel puţin, după cum ne demonstrează cercetările din situl Saharna „La Revechin", în complexele ce sunt datate în limitele sec. IV î.e.n., străchinile şi castroanele variantelor corespunzătoare au tendinţă spre formă bitronconică, adică marginea, în majoritatea cazurilor, este înclinată spre interior.

Căniţa de mici dimensiuni sau ulcioraşul cu toartă, cum a fost nominalizată de către autorul descoperirii, este un vas de tip XVII/a, conform tipolo-

giei lui E. Moscalu (1983, 80-81), specific pentru acest exemplar fiind faptul că mânerul este prins de buză, fără să fie supraînălţat. Probabil, acesta este un specific al căniţelor de mici dimensiuni, căci piesa similară întregită din aşezarea getică Alcedar „La Cordon" (Haheu 1998, fig. 12/1) are aceleaşi particularităţi.

Cealaltă cană din complex, întregită grafic, de asemenea, este un vas de tip XVII/a, dar de dimensiuni destul de mari. Căni similare ca formă şi dimensiuni, în cadrul vestigiilor getice din zonă, găsim printre formele ceramice ale incintei fortificate Saharna „La Revechin", în cadrul locuinţei alipite peretelui intern al zidului din sectorul de sud (Levinschi, Covalenco 2002, fig. 26/7-8). Cu toate că aceste vase, din urmă, provin din cadrul unui complex, pentru moment este destul de dificil să ne pronunţăm şi asupra unui context cronologic din care provine piesa. Este vorba de faptul că podeaua din sol bătătorit din perimetrul locuinţei a fost „crescută" de câteva ori, dovadă servind cele câteva vetre de foc surprinse într-un spaţiu limitat la adâncimi diferite şi, pentru moment, nu putem stabili o interlegătură între piesele descoperite şi nivelul corespunzător de „reparaţie" al podelei.

Mărgelele circulare „cu ochi" sunt caracteristice unor perioade istorice mai largi, începând cu hallstattul târziu şi până în epoca romană târzie, în cazul lor fiind vorba de o producţie grecească sau pontică. Cele mai apropiate analogii pentru piesa din mormântul de la Poiana le găsim printre materialele aşezării getice Alcedar „La Cordon" (Haheu 1998, 116, pl. 4/1), un exemplar de dimensiuni mai mari apărând şi în incinta getică fortificată Saharna „La Revechin" (Levinschi, Covalenco 2002, 19, fig. 4/8). Pentru piesele de la Alcedar autorul cercetărilor dă o încadrare cronologică în limitele sec. V î.e.n. (Haheu 1998, 121), iar cea de la Saharna apare într-un context plasat în limitele sfertului trei al sec. IV î.e.n.

Identică prin formă şi culoare este şi cealaltă mărgică din mormântul de la Poiana, unica excepţie fiind lipsa „ochilor". Şi o piesă de acest fel figurează printre materialele aşezării getice Alcedar „La Cordon" (Haheu 1998, 116, pl. 4/16), pentru care avem aceeaşi încadrare cronologică în limitele sec. V î.e.n.

Aşa stând lucrurile, suntem dispuşi să propunem pentru mormântul de la Poiana o încadrare cronologică în limitele sec. V î.e.n., poate chiar în prima lui jumătate, şi să-l punem în legătură cu un nivel de locuire getică din această zonă.

Că este vorba de o necropolă sau de un complex izolat – este mai dificil de stabilit, căci în raportul de săpătură nu găsim nici o informaţie în acest sens. Nu avem şi nici schema de amplasare al secţiunilor trasate în perimetrul cercetat al aşezării. Un singur indiciu poate fi legat de locuinţa moldovenească medievală nr. 1 care, conform raportului de săpături, a fost dezvelită la 85 m SE de prima râpă, ce intersectează aşezarea, cam pe centrul suprafeţei cercetate, în limitele secţiunilor III-IV şi XIV, carourile (3×3 m) 11-13, 23, 86-87 (Бырня 1957, 15). Nu este exclus, că secţiunea XIII o precede pe următoarea la limita de N-NE a suprafeţei cercetate şi astfel mormântul 1 (fig. 2) ar putea să semnaleze periferia de S-SV a unei necropole. Aceasta, la rândul său, ar presupune şi existenţa, în preajma acestui complex, sau a necropolei, a unei aşezări sincrone, lucru pe care nu putem să-l ştim, dat fiind că nu au fost efectuate cercetări în restul spaţiului ocupat de aşezarea moldovenească. Indiferent, însă, de faptul că condiţiile de relief, în care a fost descoperit mormântul de la Poiana, nu sunt caracteristice pentru majoritatea absolută a siturilor getice, totuşi, prezenţa unei mici aşezări getice în preajmă, pe terasa a doua a Nistrului, la baza malului înalt şi abrupt al fluviului, nu este exclusă. Un nivel de locuire cu ceramică lucrată cu mâna, posibil, de factură getică, este amintit în cadrul şirului de situri medievale documentate de Gh.B. Fiodorov în 1950 spre V-NV de s. Poiana, pe prima terasă a Nistrului (Федоров, Чеботаренко 1974, 56). Dar un exemplu sigur în acest sens este descoperirea unui nivel getic de locuire în aşezarea moldovenească medievală Tarasova (Зверев, Топал 2012, 231-242), aflată la doar câţiva kilometri spre est, în josul apei, tot pe a doua terasă a Nistrului, la baza malului înalt şi abrupt (Бурян и др. 2009, 200). Nivelul de locuire getică din aşezarea Tarasova a fost datat de autorii studiului în limitele celei de a doua jumătăţi a sec. V î.e.n., în baza piesei de harnaşament de bronz în formă de cap de pasăre răpitoare (Зверев, Топал 2012, 239-240), descoperită în umplutura construcţiei adâncite cercetate în perimetrul aşezării. Fără a pune în discuţie datarea propusă pentru piesa de harnaşament de la Tarasova, vom atrage atenţia asupra faptului, menţionat şi în materialul publicat, că în procesul de cercetări nu a fost găsit niciun fragment de ambalaj ceramic grecesc (Зверев, Топал 2012, 239). Conform studiului recent apărut asu-

pra amforelor greceşti în aşezările getice din silvostepa Nistru-Prut, constatăm că lipsa oricăror importuri greceşti în acest areal cuprinde perioada de timp dintre sfârşitul sec. VI şi mijlocul sec. V î.e.n. (Левинский 2012, 268-270). În aceste limite cronologice se înscrie şi piesa de harnaşament din tumulul 9 de lângă Nicolscoe (Агульников, Сава 2004, 223), adusă drept analogie pentru datarea piesei de la Tarasova. Mai atragem atenţia şi asupra faptului că străchinile din setul ceramic al acestei aşezări sunt de formă tronconică, cu marginea verticală sau înclinată spre exterior (Зверев, Топал 2012, рис. 7/1-5), ca şi la vasul similar din complexul funerar de la Poiana, discutat mai sus, fapt ce îndreptăţeşte o datare mai timpurie a nivelului getic de locuire din aşezarea Tarasova.

Astfel, lipsa prezenţei unui nivel consistent de habitat getic în perimetrul aşezării medievale moldoveneşti Poiana I şi datarea în limitele primei jumătăţi a sec. V î.e.n. a complexul funerar descoperit acolo, cât şi lipsa ambalajelor ceramice greceşti printre materialele nivelului getic de locuire din aşezarea medievală moldovenească Tarasova, ce a stimulat încadrarea ei în limitele sfârşitului sec. VI - prima jumătate a sec. V î.e.n., ar pleda în favoarea presupunerii că locuirea în condiţii de relief nespecifice majorităţii siturilor getice a fost temporară. Probabil, este vorba de perioada timpurie de aşezare a geţilor în regiune, după care, spaţiul limitat, oferit de terasele înguste ale Nistrului, cât şi accesul lejer dinspre râu, au impus strămutarea geţilor pe suprafeţele de pe malul înalt şi abrupt al Nistrului. Situaţia este în multe privinţe similară celei constatate în această zonă de P.P. Bîrnea în cazul aşezărilor medievale moldoveneşti din sec. XVI-XVII (Бырня 1969, 104).

Bibliografie

Arnăut 1999: T. Arnăut, Necropola getică de la Giurgiuleşti. In: Studia in honorem Ion Niculiţă (Chişinău 1999), 135-145.

Boroffka, Trohani 2003: R. Boroffka, G. Trohani, Necropola getică de la Canlia, com. Lipniţa, jud. Constanţa. Cercetări arheologice XII, 2003, 139-198.

Haheu 1998: V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar - La Cordon din raionul Şoldăneşti. Revista arheologică 2, 1998, 111-135.

Kašuba, Haheu, Levitki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Levitki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti 2000).

Levinschi 2001: Al. Levinschi, Date preliminare privind datarea complexelor fortificaţiei getice "Saharna – La Revechin". Tyragetia X, 2001, 103-112.

Levinschi 2005: Al. Levinschi, Consideraţii asupra începuturilor de locuire a geţilor în silvostepa Moldovei (sec. VI î.e.n.). Tyragetia XIV, 2005, 63-70.

Levinschi 2008: Al. Levinschi, Consideraţii asupra necropolei getice de la Dănceni. Tyragetia, s.n. II [XVII], nr. 1, 2008, 233-238.

Levinschi, Covalenco 2002: Al. Levinschi, S. Covalenco, Raport ştiinţific privind rezultatele investigaţiilor arheologice în fortificaţia getică "Saharna – La Revechin", campania 2001 (Chişinău 2002).

Levinschi, Şcipachin, Dulea 1999: Al. Levinschi, O. Şcipachin, Gh. Dulea, Rezervaţia istorico-naturală „Saharna" – primele investigaţii. Tyragetia VIII, 1999, 51-68.

Moscalu 1983: E. Moscalu, Ceramica traco-getică (Bucureşti 1983).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Агульников, Сава 2004: С. Агульников, Е. Сава, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинэу 2004).

Бурян и др. 2009: А.Н. Бурян, Л.В. Дергачева, Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов, Первые археологические исследования на поселении Тарасова (Молдова). Stratum 5, 2009, 199-215.

Бырня 1957: П.П. Бырня, Отчет о раскопках Поянского селища. В: Г.Б. Фёдоров, Отчет о полевых работах Пруто-Днестровской археолого-этнографической экспедиции за 1956 г. (Москва 1957). Архив НМИМ, №379/II.

Бырня 1969: П.П. Бырня, Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. (Кишинев 1969).

Зверев, Топал 2012: Е.Ю. Зверев, Д.А. Топал, Гетский горизонт многослойного поселения у с. Тарасова (Резинский район, Республика Молдова). Stratum 3, 2012, 231-242.

Лапушнян 1976: В.Л. Лапушнян, Отчет о полевых исследованиях фракийского могильника V - нач. IV вв. до н.э. у села Данчены в 1975 году. В: И.А. Рафалович, Отчет о полевых исследованиях Данченской раннесредневековой археологической экспедиции за 1975 год (Кишинев 1976), 9-22. Архив НМИМ, №103.

Лапушнян 1977: В.Л. Лапушнян, Отчет о полевых исследованиях фракийского могильника V – нач. IV вв. до н.э. у села Данчены в 1976 году. В: И.А. Рафалович, Отчет о полевых работах раннесредневековой археологической экспедиции в 1976 г. (Кишинев 1977), 16-27. Архив НМАИМ, №114.

Левинский 2012: А.Н. Левинский, Греческие амфоры на гетских памятниках лесостепи Днестровско-Прутского междуречья – центры и ритмы поступления. Stratum 3, 2012, 245-274.

Никулицэ 1969: И.Т. Никулицэ, Исследования гетского могильника Лутэрия у с. Ханска. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 134-145.

Полевой, Бырня 1974: Л.Л. Полевой, П.П. Бырня, Средневековые памятники XIV-XVII вв. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 7 (Кишинев 1974).

Федоров, Чеботаренко 1974: Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, Памятники древних славян (VI – XIII вв). Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 6 (Кишинев 1974).

The Getae burial with cremation at the medieval settlement of Poiana I

Abstract

During the excavations in the Moldavian medieval settlement of Poiana I in the Middle Dniester area there was also found a burial with cremation attributed by P. Birnea to the Scythian time. Materials from this complex found in the collections of NMHM allowed us to refer it to the Getae culture and date it the first half of the 5th century BC. Clarification of the location of the burial suggests that perhaps it is a peripheral complex of a small burial ground. The settlement, whose inhabitants have made this burial, most likely is located nearby, on the second terrace of the Dniester bank, in the same conditions of relief like the Getae settlement of Tarasova lying in vicinity.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the site of Poiana I.

Fig. 2. Plan of the medieval settlement of Poiana I (after Birnea 1969) with indication of the territory explored in 1956 and the place of discovery of Getae burial (M. 1).

Fig. 3. Inventory of the Getae burial.

Гетское погребение с сожжением на средневековом поселении Пояна I

Резюме

В процессе раскопок на молдавском средневековом поселении Пояна I на Среднем Днестре было обнаружено также одно погребение с сожжением, отнесенное П.П. Бырней к скифскому времени. Найденные в фондах НМИМ материалы из этого комплекса позволили отнести его к культуре гетов и датировать первой половиной V века до н.э. Уточнение местонахождения погребения позволило предположить, что, возможно, оно является периферийным комплексом небольшого могильника. Поселение, обитатели которого совершили это захоронение, скорее всего, расположено неподалеку, на второй террасе берега Днестра, в таких же условиях рельефа, как и находящееся поблизости гетское поселение Тарасова.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение памятника Пояна I.

Рис. 2. План средневекового поселения Пояна I (по Бырня 1969) с указанием территории исследованной в 1956 г. и места обнаружения гетского погребения (М. 1).

Рис. 3. Инвентарь гетского погребения.

12.03.2013

Alexandru Levinschi, Muzeul Ştiinţei, AŞM, bd. Ştefan cel Mare şi Sfânt, 1, MD-2001 Chişinău, Republica Moldova
Ivan Vlasenco, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldov

TEXTILES FROM SCYTHIAN BURIAL COMPLEXES

Elena Fialko
Yurii Boltryk

In the early Iron Age epoch the Northern Pontic steppes were inhabited by various nomadic tribes - Cimmerians, Scythians and Sarmatians. The Scythians left the most prominent trace in the history and material culture. More than 3 thousand Scythian kurhans were excavated in the steppes of North Pontic Area. Large amount of artifacts were found in the investigated tombs. Among them there were weapons, tools, household items (including mirrors), jewelry and sets of clothes. Many of these articles were in leather or made of cloth covers. But unfortunately the leather and textiles items were preserved just in exceptional cases.

The fullest representation about the cloth used by the Scythians can be given by a costume. Some information about the Scythian costume is given by the works of art of Greek masters. First of all, these are the toreutics works: ceremonial metal bowls, decorations of goryta, jewelry, sewn plates etc.

Among the most informative images are: a neck-ring from Kul-Oba kurhan (fig. 1/3), a comb (fig. 1/1) and a bowl from the Solokha kurhan, a bowl from the kurhans Gaymanova Mogyla, Kul-Oba (fig. 1/2) and Chastye Kurhany; an amphora from Chertomlyk; pectoral from Tolstoya Mogyla; gold plaques from the kurhans Kul-Oba, Solokha, Berdyansk and others (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986). On these objects we can see various details of the costume. Often, they appear so realistic that we can suppose what the nature of the materials and cut of clothes of Scythian warriors were. We can assert that there were two styles of trousers - tight-fitting shape and wide trousers. Moreover, the wide trousers, according to the soft folds, were made from a quite thin fabric. Scythian caftans are double-breasted. Their front flaps are made in the form of a triangle (or a gore) (fig. 1/1). Often on the border of the outerwear we can see the fur trimming. The clothes are bind with a narrow belt. Footwear corresponds to the low boots made of soft leather, tied with long tight straps. On various items all these details are usually repeated. Therefore, such images can be considered as a reliable ethnographic source.

As we can see, the costume of a male warrior is depicted on these things. Occasionally there are some items with the images of Amazons. Among them we can mention a sword sheath from the kurhan Chertomlyk and a kalathos from Bolshaia Bliznitsa kurhan (fig. 2/1) (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986), Greek painted vases (fig. 2/2). But as correctly notified the Greek maters, the costume of Scythian Amazon did not differ from

1 2 3

Fig. 1. A male warrior's costume in the toreutics works.

1

2

3

4

Fig. 2. Images of women in the works of art.

the costume of a man. The images of women are extremely rare. They are presented on a plate from the kurhan Karagodeuashkh (fig. 2/3), gold plates from the kurhans Chertomlyk (fig. 2/4) and Nosaki (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986). Typically, this is the image of the goddess. At the same time everyday clothes of the Scythian women were ignored by the ancient artists.

Ancient Greek authors left really scanty information about fabrics, which were used by the Scythians. For example, Herodotus, who described the events of the 5th century BC, in his "ICTORIAI" reported that in the country of the Scythians there was cannabis (Herodotus IV, 74). In the territory of modern Ukraine this culture appeared apparently due to advancements of the nomads. Strabo in "ΓΕΩΓΡΑΦΙΚΑ" wrote about the widespread use of flax in the Mediterranean. According to him, in the territories of Thrace and Colchis they grew the flax and weaved the cloth from it (Strabo XI, 2:17).

In Scythian burials the remains of textiles are extremely rare. These are usually small pieces of tissue, fragments of joints or imprint on metal articles (for example, on the bronze mirrors or on the iron arrowheads). The study of these materials is difficult because of a bad preservation of organic materials in the conditions of the steppe region.

The remains of the different fabrics are fixed in a series of burials (Gleba, Krupa 2012, 405-407). **The pieces of linen cloth** were found in: kurhan n. 22, tomb 2 near the village Volnaya Ukraina (Kherson region), kurhan n. 12 at Nosaki village, kurhan Chertomlyk (Dnipropetrovsk region) (Rolle, Murzin, Alekseev 1991, 208, №134).

The tissues made from plants and a woolen one remained in a kurhan Vishnevaia Mogyla (Zaporizhia region) (Прилипко, Болтрик 1991, 26-30) and kurhan Blyznets-2 (Dnipropetrovsk region) (fig. 3/1) (Ромашко, Скорый 2009, рис. 68, 92; Крупа 2009, 151-152; Krupa 2012).

Fragments of woolen fabrics were found in kurhan n. 26 near Kholodnyi Yar (Cherkasy region). The textile with linen weave remained there with the embroidery and blue, red and yellow paint traces extant on it (Петренко 1967, 29). Several scraps of various sizes were founded in kurhan Chertomlyk. One fragment with a coarser weave has an edge bent in the form of a joint (Rolle, Murzin, Alekseev 1991, №120, 127, 135).

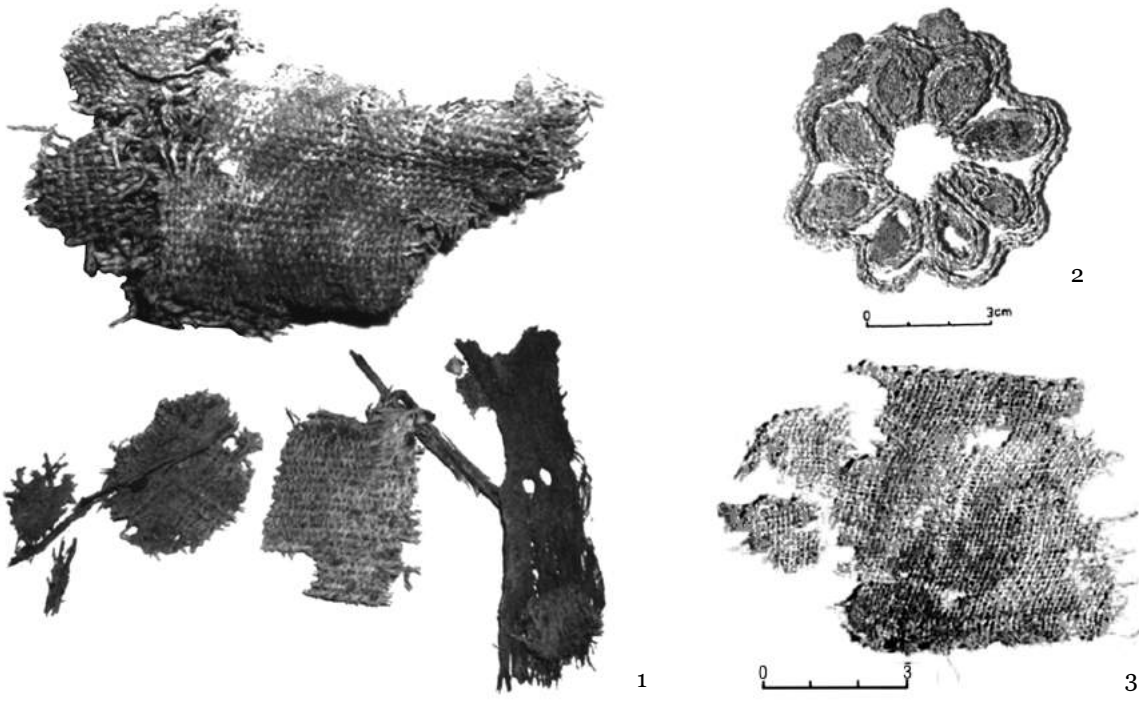


Fig. 3. The remains of the different fabrics from scythian burials: 1 - kurhan Blyznets-2; 2, 3 - Ryzhanovskyi kurhan.

Satin fabrics are also known. For example, in the women's grave of the kurhan Tolstaya Mogyla (Dnipropetrovsk region). The clothes of a Scythian woman were sewn from satin, made by the following scheme: seven threads of the warp are over the thread of the weft, and one is under it (eight-thread structure) (Мозолевський 1979, 206, рис. 136). There is no information about the composition of raw materials in this case.

Several scraps of different fabrics were preserved in the male grave in **Ryzhanovskyi kurhan** (Cherkasy region) (Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj 1996). Four types of fabrics were identified. Mainly there were gray or brown fragments made from rather thick threads. Embroidery and a hemmed edge were preserved on some of them.

1. One fragment of textile was woven from wool threads and embellished with embroidery. Background, on which was made a pattern is almost lost. The pattern is made in the form of a rosette with eight petals. The contours of this rosette are also underlined with embroidery (fig. 3/2). The embroidery is made with thick threads of plant origin (probably hemp) in chain stitch technique.

2. A scrap of strip of a fabric (size 9×6 cm) of plant origin fibers. The threads of different thickness, plain weave, slightly twisted (density: 8×8 threads) (fig. 3/3). The short stitches of seam are clearly visible on both sides; this seam is called "over the edge". This seam can play also a decorative role. On the surface of the strip the stains of dark brown color were preserved. Probably these are the traces of painting.

3. A few more pieces represent the woolen cloth of a complex structure. We can see a twill texture. We can also see a pattern on the certain pieces of fabric; it is made in tapestry technique. These fabrics are known among the findings in the Northern Black Sea Greek necropolis (Бабенко, Бредис, Клочко 1999).

4. Some more small patches of woolen fabric of linen structure conserved very badly.

Review of materials from Scythian kurhans allows suggests that for flax, hemp and wool were used for the fabrication of the tissue. The fabric of linen and twill structure was produced with these materials. Apparently the thick felt was also produced. Silk fabrics were also used (Клочко, Васіна 2004, 34).

As we can see there are just the tiny scraps of fabric and sets of decorative plates as only representation of clothes in the graves of Scythians. Most often these are the gold appliqués of a costume.

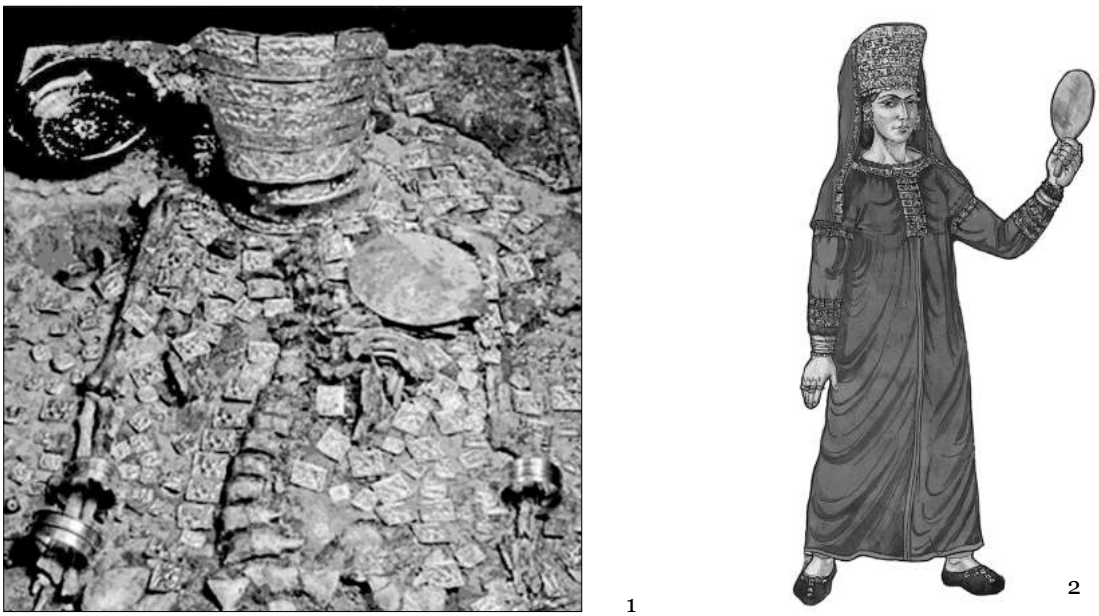


Fig. 4. Kurhan Tolstaya Mogyla: 1 - golden appliqués of a costume; 2 - the reconstruction of ceremonial dress (by L. Klochko).

If we compare these elements with the images on the works of art, we can try to recreate the costume or some of its elements. The headdresses – the caps and shawls were decorated with the gold plaques. There were also sleeves, the front upper part and flaps of the outerwear, footwear (as in kurhan Tolstaya Mogyla) (fig. 4/1). Golden appliqués on the clothes of the nomads appeared in the 5th century BC. In the 4th century BC this method of costume decoration became popular throughout the Scythia. The costume was completed by the jewelry - necklaces, earrings, bracelets and rings. Naturally such trimming is typical only for a costume of the representative of social elite of the Scythian society. The costume of ordinary Scythian girl was much more modest. Due to the metallic applications it was possible to reconstruct ceremonial dress of the Scythians from Tolstaya Mogyla (fig. 4/2) and other burial complexes.

An interesting finding was discovered in the vault n. 620 of the **necropolis Ust`-Alma** (near the village Peschanoe, South-West Crimea) (fig. 5/1). It dates to the middle - the third quarter of the 1st century BC. Due to the preservation of several details of clothes here, Tatiana Krupa reconstructs a whole costume of a woman. Such details were preserved in this tomb: **1)** the remnants of the headdress (wood, tissue and gold foil); **2)** the re-

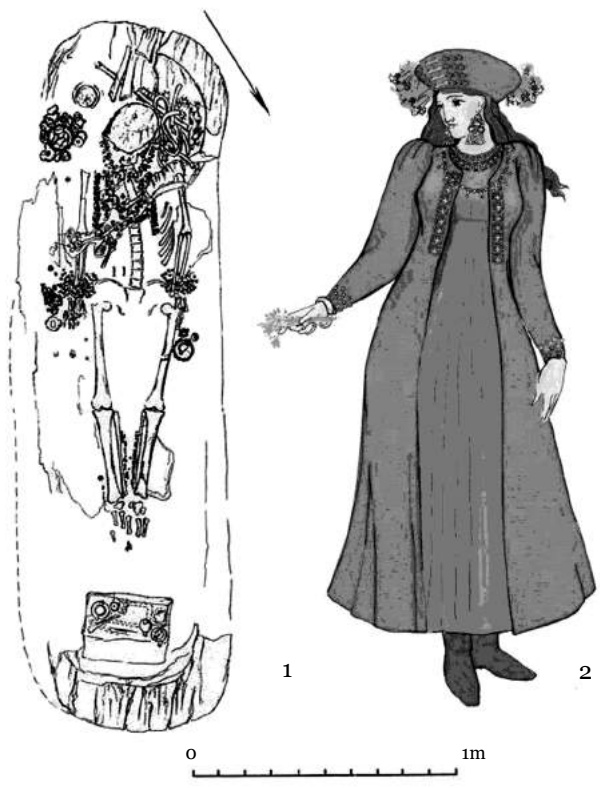


Fig. 5. The vault n. 620 of the necropolis Ust`-Alma: 1 the plan of the grave (fragment); 2 the reconstruction of costume complex (by T. Krupa).

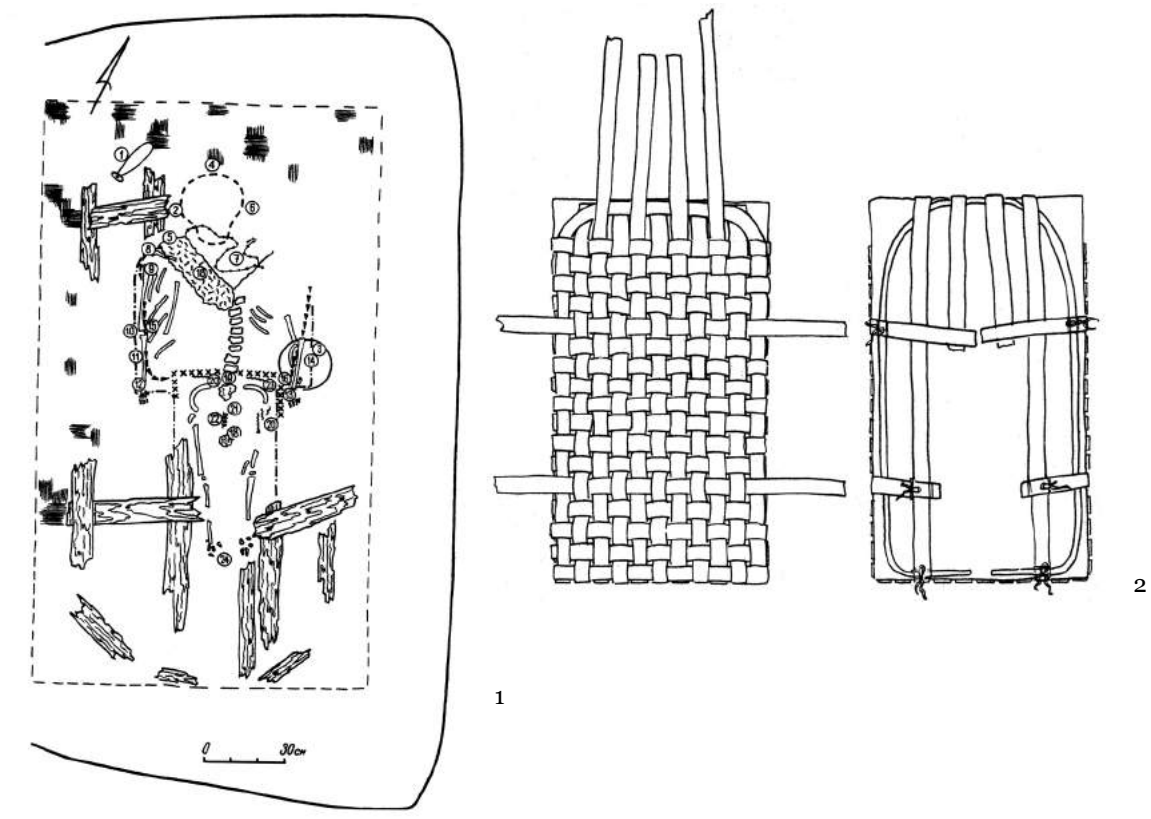


Fig. 6. Kurhan Vyshneva Mogila: 1 - the plan of the grave (fragment); 2 - a kind of sarcophagus with a curved wooden frame (by Ya. Prilipko and Yu. Boltryk).

mains of two dresses (woolen cloth of two types and the golden applications); **3)** the remains of footwear (red leather and glass beads). Furthermore, the costume was completed with the jewelry: gold earrings, a necklace and bracelets of beads, a ring and a fibula (Крупа 2007, 162-163).

Woman's clothes consisted of: the lower dress (red – brown wool with a blue stripe), decorated with gold plaques; and outer dress looked like a robe (red wool from Asia Minor), decorated in the center and on the edge of the sleeves with sewn patches. The location of the applications on both dresses proves that this costume was originally modeled as a single set. In addition the ensemble includes high boots of soft red-brown leather and a headdress like kalathos (fig. 5/2). It is clear that in this case we see the full dress of a representative of the Scythian aristocracy. Textile (fine-fleece wool) for clothing was apparently imported.

Funerary complex of the 4th century BC discovered in the **kurhan Vishneva Mogyla** (Zaporozhye region, Ukraine) (fig. 6/1) is extremely important. Burial of the Scythian girl remained undisturbed in the ground crypt. The unique preservation of textile and leather remains allowed reconstructing the entire multicomponent costume of the Scythian girl.

A girl aged eight to ten was lying on her back (head to the west) in a kind of sarcophagus with a curved wooden frame. The bottom of the so-called sarcophagus was made of laths and covered with leather piece. It was secured by leather straps (fig. 6/2). On top, there were layer of grass, piece of linen and thick pile mat. Examination of textiles and other organic materials, particularly their details (seams, edges, strings and other things) preserved in the tomb, allowed to restore the entire costume. The latter consisted of six types of clothing: undershirt, hip, shoulder, shoes, hat and removable jewelry. Different parts of the clothes were made of different materials – white linen, orange satin, reddish-brown wool, black cloth, fur and red leather (Прилипко, Болтрик 1991).

Set components were as follows:

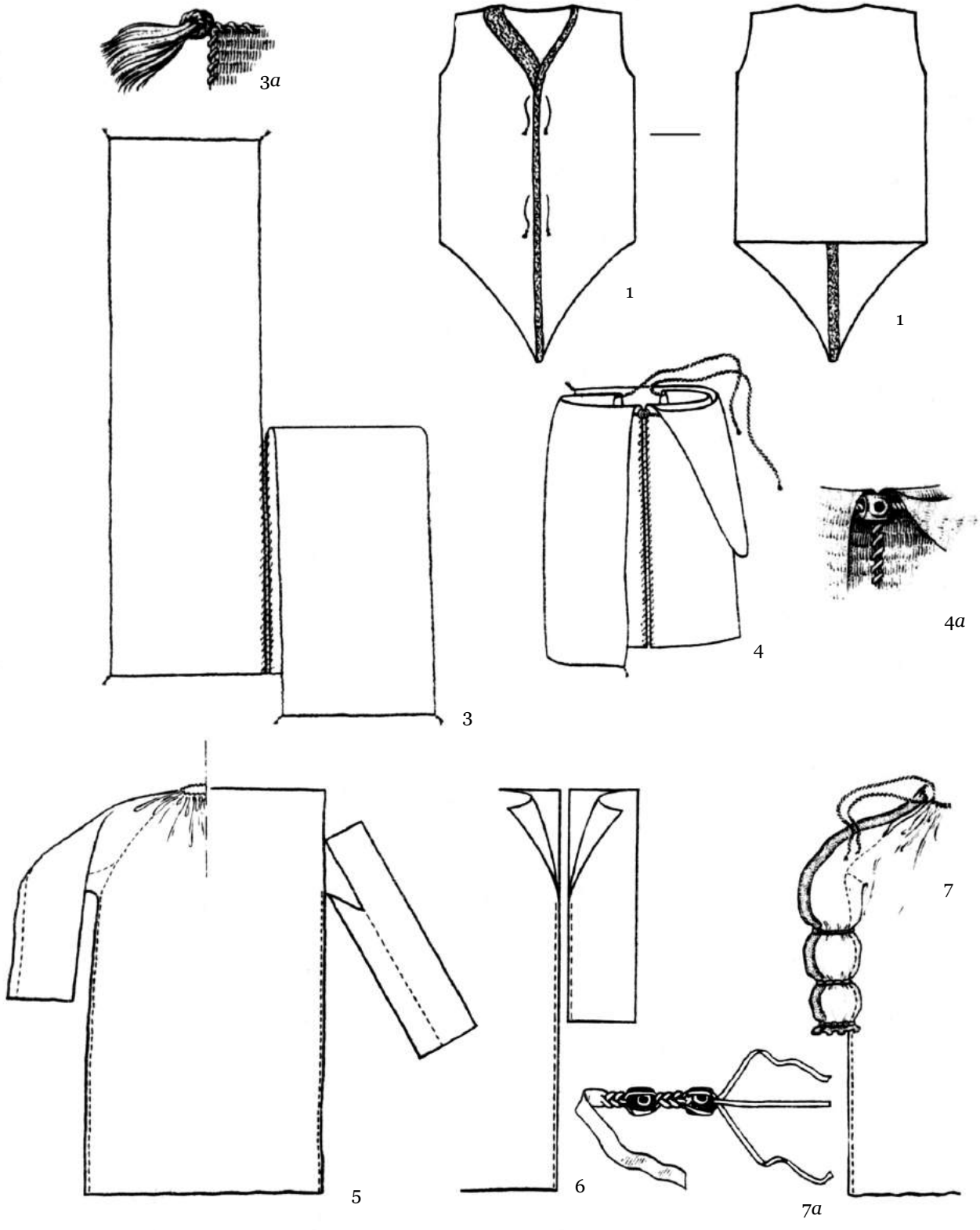


Fig. 7. Kurhan Vyshneva Mogila. Details of Scythian girl's costume set: 1, 2 sleeveless jacket; 3, 4 - wrapper skirt; 5-7 - long shirt (by Ya. Prilipko).

1) Long white linen shirt with long one-piece sleeves (fig. 7/5-7). Along the sleeve face, there were appliqués (2 cm wide bright orange satin stripe in the center and two narrow (1 cm wide) scarlet strips on the sides). Either of the sleeves being added by three leather straps with beads.

2) Wrapper skirt (fig. 7/3-4) consists of two reddish-brown wool sheets, sewn to the mid-length, with tassels on the corners. Folded fabric is wrapped around the hips and tied behind with woven belt with eyed bead.

3) Sleeveless jacket of black cloth with long wedge-shaped front laps (fig. 7/1-2). It is likely that it had a tunic cut (seamless). The right lapel was decorated with wide edging (possibly wool).

4) On her feet the girl had stockings of thin soft fabric. Scrim puttees (?) were wrapped over them.

5) Shoes were made of a single piece of red leather with stitched toes and backs (fig. 8).

6) Headpiece was a leather strap with dark blue eyed bead and temporal pendants.

7) Colorful glass beads complemented the costume (fig. 9).

Well, this is a single paleo-costume complex in the Northern Black Sea region. That is why now it became the reference of early nomads' female costume of this region. It is notable that some elements of the above Scythian costume are similar to those of the Ukrainian national one (Одаренко 1992; Болтрик 2007).

Review of remnants from the Scythian burial complexes testifies that the people of Scythia were able to treat various types of raw materials

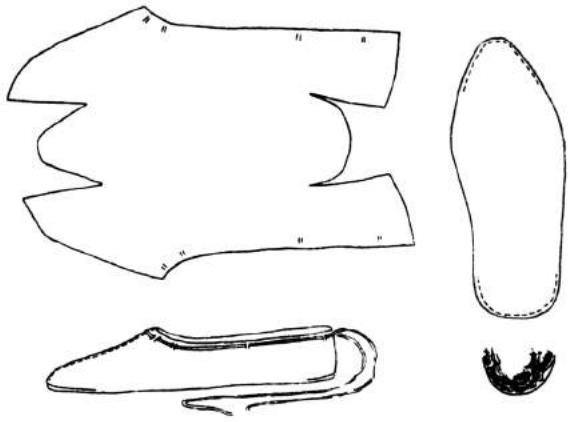


Fig. 8. Kurhan Vyshneva Mogila. The reconstruction of shoes (by Ya. Prilipko).

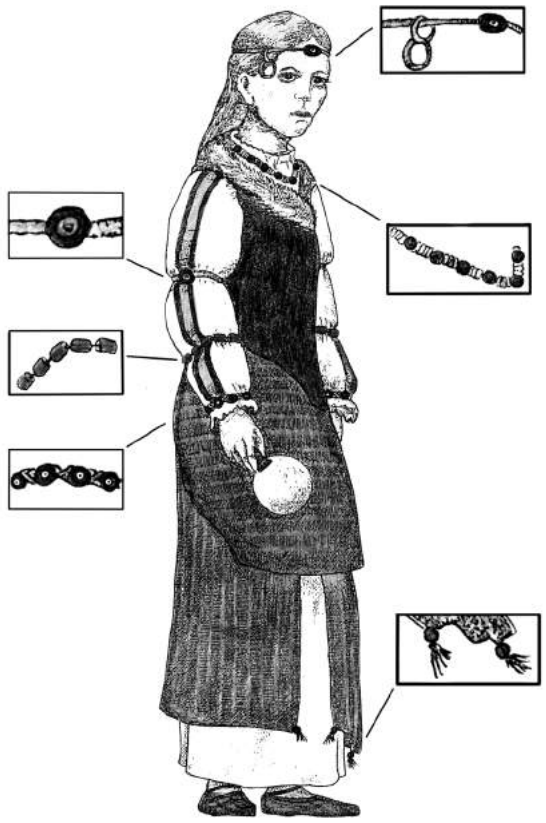


Fig. 9. Costume set of Scythian girl from Kurhan Vyshneva Mogila. The reconstruction (by Ya. Prilipko and Yu. Boltryk).

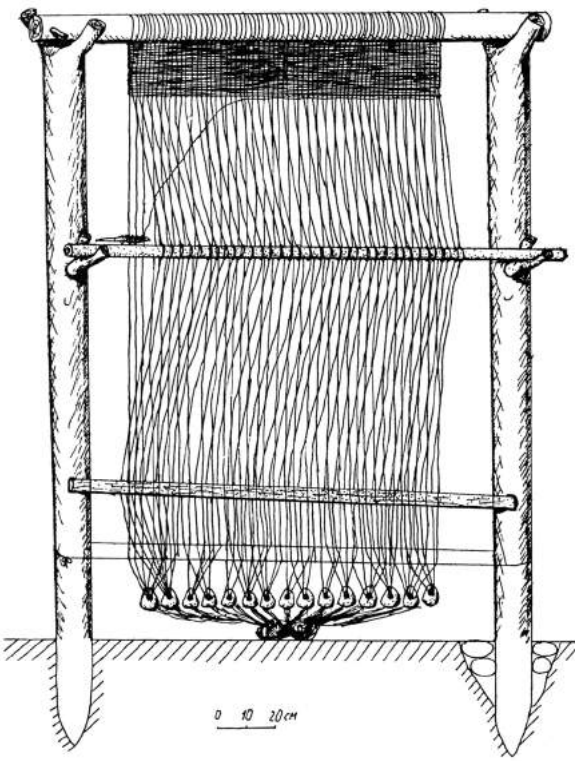


Fig. 10. Vertical loom from Belskoye settlement. The reconstruction (by A. Scherban).

– plant origin and wool. They used (and probably produced) different types of textiles – linen, twill and patterned weave. We can not say with certainty what type of weaving loom they used. It is well known that in Greece and Greek states of the North Pontic Area vertical looms were employed while in the Near East and Egypt horizontal ones (Гайдукевич 1952, 403-497; Лукас 1956, 237; Ruffle 1977, 169). Ethnographic data suggest that the nomads preferred horizontal looms easy to disassemble (Бабенко, Бредис, Клочко 1999). In the region of the Left-Bank Forest-Steppe of Ukraine in the 7th - early 6th century they were supposed to use horizontal looms. Since the end of the 6th until early 3rd century B.C., vertical looms were employed within this area. Remains of loom for manufacturing fabrics 1 m wide (fig. 10) were found at the Belskoye settlement. It is not improbable that for some time these two types of looms coexisted (Щербань 2007, 150-156, figs. 71-72). It is quite possible Scythians also tnial dress.

Bibliography

Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj 1996: J. Chochorowski, V. Grigor'ev, S. Skoryj, Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryżanówce na Ukrainie (Les fouilles du Grand Kourgane à Ryzhanivka en Ukraine) MSROA, 16, 1996, 119-127.

Gleba, Krupa 2012: M. Gleba, T. Krupa, Ukraine. In: (Ed. M. Gleba, U. Mannering), Textiles & Textile Production in Europe: From Prehistory to AD 400 (Oxford 2012), 399-420.

Krupa 2012: T. Krupa, Transit of the Indian cotton from Tsar Barrow "Bliznetz-2" (end of 5 century B.C.): Near East or Central Asia? Мирас 1, 2012, 39-47.

Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: B. Piotrovsky, L. Galanina, N. Grach, Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd century B.C. (Leningrad 1986).

Rolle, Murzin, Alekseev 1998: R. Rolle, V. Murzin, A. Alekseev, Königskurgan Certomlyk: ein skythischer Grabhügeldes 4. vorchristlichen Jahrhunderts (Mainz 1998).

Ruffle 1977: J. Ruffle, The Eguptians. An Introduction to Eguptian Archaeology (New York 1977).

Jacobson 1995: E. Jacobson, The Art of the Scythians: The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World (New York 1995).

Бабенко, Бредис, Клочко 1999: Т.Н. Бабенко, Н.Ю. Бредис, Л.С. Клочко, Фрагменты ткани из мужского захоронения в Большом Рыжановском кургане. Materialy i sprawozdania Rzeszowskiego ocerodka archeologicznego, 20, 1999, 317-320.

Болтрик 2007: К.Ю. Болтрик, Костюм давнього населення України (археолого-етнографічні паралелі). В сб.: (Ред. С.А. Скорий) Ранній залізний вік Євразії:до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна (Київ-Чигирин 2007), 32-34.

Бредис 2001: Н.Ю. Бредис, Исследование скифского текстиля (нач. III в. до н.э.) из Большого Рыжановского кургана. Восточноевропейский археологический журнал 4 (11), 2001, 15-18.

Гайдукевич 1952: В.Ф. Гайдукевич, К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. Материалы и исследования по археологии СССР, 25, 1952, 395-414.

Геродот: История в девяти книгах. Перевод Г.А. Стратановского (Ленинград 1972).

Клочко, Васіна 2004: Л.С. Клочко, З.О. Васіна, Жіночі костюми скіфського часу в Лісостеповому Лівобережжі. В сб.: (Ред. С.А. Скорий) Від Кіммерії до Сарматії. 60 років Відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ (Київ 2004), 33-36.

Крупа 2007: Т.Н. Крупа, Исследование археологического текстиля из раскопок позднескифского Усть-Альминского могильника. В сб.: (Ред. Ю. Зайцев, В. Мордвинцева), Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской (Симферополь 2007), 157-172.

Крупа 2009: Т.Н. Крупа, Исследование археологической органики из скифского кургана Близнец-2. В: В.А. Ромашко, С.А. Скорый, Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепропетровском Правобережном Надпорожье (Дніпропетровськ 2009), 151-156.

Лукас 1956: А. Лукас, Материалы и ремесленные производства Древнего Египта (Москва 1956).

Мозолевський 1979: Б.М. Мозолевський, Товста Могила (Киев 1979).

Одаренко 1992: П. Одаренко, До історії дослідження українського народного одягу. Український народний одяг (Торонто-Філадельфія 1992).

Петренко 1967: В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. САИ. Вып. Д1-4 (Москва 1967).

Прилипко, Болтрик 1991: Я.П. Прилипко, Ю.В. Болтрик, Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишневой Могилы. В сб.: (Ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян), Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 18-33.

Ромашко, Скорый 2009: В.А. Ромашко, С.А. Скорый, Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепропетровском Правобережном Надпорожье (Дніпропетровськ 2009).

Страбон: География в 17 книгах. Перевод и комментарии Г.А. Стратановского (Москва 1964).

Шрамко 1973: Б.А. Шрамко, Восточное укрепление Бельского городища. В сб.: (Ред. А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 82-112.

Щербань 2007: А.Л. Щербань, Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України 7 - початку 3 століття до н.е. (за глиняними виробами) (Київ 2007).

Pânza din complexele funerare scitice

Rezumat

În stepele din nordul Mării Negre au fost cercetaţi peste trei mii de tumuli scitici, din care provine un număr considerabil de artefacte. Însă, hainele din piele şi pânză se întâlnesc foarte rar. Informaţii mai ample despre îmbrăcămintea sciţilor oferă piesele de toreutică, confecţionate de meşterii greci, – cupele de metal, plăcile ce serveau pentru împodobirea tolbelor, aplicele etc. Pe ele pot fi urmărite unele detalii ale costumului. În unele cazuri, imaginile de pe aceste piese sunt atât de detaliate, încât se poate presupune ce material a fost utilizat şi care a fost croirea îmbrăcămintei. De regulă, pe obiectele de toreutică este redat costumul militarilor bărbaţi sau al amazoanelor, îmbrăcămintea obişnuită a femeilor rămânând, practic, necunoscută.

În această ordine de idei destul de important este complexul funerar din sec. IV a. Chr., descoperit în tumulul de la Višnevaja Mogila (reg. Zaporožie, Ucraina). Aici, într-un cavou din pământ, s-a păstrat intact mormântul unei fete scite. Starea excepţională de conservare a rămăşiţelor de pânză şi piele a permis reconstituirea întregului set de îmbrăcăminte a defunctei. Setul era alcătuit din şase tipuri de îmbrăcăminte: de corp; de acoperire a coapselor, a umerilor; de învelire a tălpilor; acoperăminte de cap şi podoabe detaşabile. Diferite elemente ale îmbrăcămintei sunt făcute din diferite materiale: ţesătură din pânză albă, pânză portocalie din atlaz, lână de culoare roşie-cafenie, postav negru, blană, piele roşie.

Este unicul complex paleocostumologic din nordul Mării Negre, considerat în prezent drept etalon al costumului purtat de femeile nomazilor timpurii din această regiune.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Reprezentarea costumului unui militar scit pe obiecte de toreutică.

Fig. 2. Reprezentarea femeii pe piese de toreutică: 1, 2 - amazoane; 3, 4 - divinităţi.

Fig. 3. Bucăţi de diferite pânze din înmormântările scitice: 1 - tumulul Bliznec-2; 2, 3 - tumulul Ryžanovka.

Fig. 4. Tumulul Tolstaja Mogila: 1 - aplici din aur, descoperite în camera funerară; 2 - reconstituirea costumului (după L. Klochko).

Fig. 5. Cavoul nr. 620, necropola Ust'-Alma: 1 - planul camerei funerare (fragment); 2 - reconstituirea costumului (după T. Krupa).

Fig. 6. Tumulul Višnevaja Mogila: 1 - planul camerei funerare (fragment); 2 - reconstituirea sicriului (după Ya. Prilipko şi Yu. Boltryk).

Fig. 7. Tumulul Višnevaja Mogila. Detalii ale costumului fetei scite: 1-2 - bluză; 3-4 - fustă; 5-7 - cămaşă de corp (după Ya. Prilipko).

Fig. 8. Tumulul Višnevaja Mogila. Croirea şi reconstituirea încălţămintei din piele (după Ya. Prilipko).

Fig. 9. Tumulul Višnevaja Mogila. Reconstituirea costumului (după Ya. Prilipko şi Yu. Boltryk).

Fig. 10. Reconstituirea războiului de ţesut vertical, descoperit în cetatea de la Bel'sk (după A. Scherban).

Текстиль из погребальных комплексов скифов

Резюме

В степях Северного Причерноморья раскопано более 3 тысяч скифских курганов. В исследованных погребениях обнаружено большое количество артефактов, однако изделия из кожи и текстиля сохраняются в единичных случаях. О костюме скифов некоторое представление дают произведения греческих мастеров. Прежде всего, это произведения торевтики – парадные металлические чаши, украшения горитов, нашивные бляшки и др. На них видны различные детали костюма. Иногда они настолько детализированы, что можно предположить материал и крой одежды. Однако, как правило, на этих предметах изображен ко-

стюм мужчин-воинов или амазонок. Повседневный костюм скифских женщин оставался без внимания мастеров.

В этой связи чрезвычайно важен погребальный комплекс 4 в. до н.э., открытый в кургане Вишневая Могила (Запорожская обл., Украина). В грунтовом склепе не потревоженным сохранилось захоронение девочки-скифянки. Уникальная сохранность текстильных и кожаных остатков позволила реконструировать весь многокомпонентный костюм скифянки. Он состоял из шести родов одежды: нательной, набедренной, плечевой, настопной, головного убора и съемных украшений. Различные части одежды сделаны из разных материалов, это: белая полотняная ткань, оранжевая атласная ткань, красновато-коричневая шерсть, черное сукно, мех, красная кожа.

Это единственный в Северном Причерноморье палеокостюмологический комплекс, являющийся в настоящее время эталонным примером женского костюма ранних номадов этого региона.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Костюм скифского мужчины-воина на произведениях торевтики.

Рис. 2. Изображения женщин на произведениях искусства: 1, 2 - амазонки; 3, 4 - божества.

Рис. 3. Фрагменты различных тканей из скифских могил: 1 - курган Близнец-2; 2, 3 - Рыжановский курган.

Рис. 4. Курган Толстая Могила: 1 - золотые аппликации костюма на полу камеры; 2 - реконструкция парадного костюма (по Л. Клочко).

Рис. 5. Склеп №620 из Усть-Альминского некрополя: 1 - план погребальной камеры (фрагмент); 2 - реконструкция костюмного ансамбля (по Т. Крупе).

Рис. 6. Курган Вишневая Могила: 1 - план погребальной камеры (фрагмент); 2 - реконструкция плетеного гробовища (по Я. Прилипко и Ю. Болтрику).

Рис. 7. Курган Вишневая Могила. Детали костюма скифской девочки: 1-2 - безрукавка; 3, 4 - юбка-обгортка; 5-7 - нательная рубаха (по Я. Прилипко).

Рис. 8. Курган Вишневая Могила. Выкройка и реконструкция кожаных башмачков (по Я. Прилипко).

Рис. 9. Реконструкция костюмного ансамбля девочки из Вишневой Могилы (по Я. Прилипко и Ю. Болтрику).

Рис. 10. Реконструкция вертикального ткацкого станка из раскопок Бельского городища (по А. Щербаню).

28.11.2012

Dr. Elena Fialko, Institute of Archaeology, National Academy of Science of Ukraine, Pr. Geroew Stalingrada, 12, 04210 Kyiv, Ukraine, e-mail: ofialka@ukr.net

Dr. Yurii Boltryk, Institute of Archaeology, National Academy of Science of Ukraine, Pr. Geroew Stalingrada, 12, 04210 Kyiv, Ukraine, e-mail: boltryk@ukr.net

НОВЫЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДРЕВНИМ ВАЛАМ БУДЖАКА[1]

Игорь Сапожников

В предыдущем выпуске «Материалов по археологии Северного Причерноморья» была опубликована статья «Древние валы Бессарабии, или Буджака: из истории картографирования в XVIII-XIX вв.» (Сапожников 2011). С того момента прошло совсем немного времени, но автору стали известны новые данные, которые довольно существенно пополняют наши знания по картографии древних оборонительных сооружений региона. Их публикации и анализу посвящена эта статья, состоящая из трех разделов.

Нижнеднестровский (Змеевый) вал

Сначала речь пойдет о наиболее юго-восточной, если можно так сказать, *приморской* части этого объекта (здесь и далее курсив мой - *И.С.*). Впервые о ней упомянул А.Ф. Вельтман, который допускал, что она может быть продолжением Нижнего Траянова вала: «Далее скажу вам, что видны очень малые остатки сего вала при впадении Днестровского лимана в Черное море; направление его там по самому берегу и продолжается не более 8 или 10 верст, начинаясь почти против селения *Акимбет*. От сего места следов Троянова вала нет до самого Аккермана, а от оного по дороге в Бендеры на 5-й или 6-й версте начинается он снова…» (Вельтман 1821, 246-247). Через 25 лет, возможно, на основе именно этих слов, А.А. Скальковский утверждал, что продолжение Нижнего Траянова вала «только мелкими частицами выказывается близ Аккермана, на песках, соседственных Днестровскому лиману» (Скальковский 1846, 178).

Хотя никаких иных, тем более картографических, подтверждений сказанному в моем распоряжении не было, на основании общей топографии Нижнеднестровского вала было сделано заключение, что «логично было бы сооружение *вала* или *иных укреплений* к юго-востоку от Тиры (Белгорода) до берега Черного моря (Сапожников 2011, 224).

Позднее детальное изучение письменных источников позволило найти еще один факт существования этого объекта. Так, в описании 1827 года делянки «колонии швейцарских поселенцев Шаба» (общей площадью около 9730 дес.), которая «простирается от выгонной черты города Аккермана по правому берегу Днестровского лимана до устья онаго в море, то есть, до гирла Цареградского, далее по заливу Черного моря до урочища Акимбет», был упомянут участок «неудобной земли» площадью 24 дес. 1400 кв. сажень, занятый «*змеевым валом*» (Статистическое описание 1899, 220-221). Правда, на приложенной к «Статистическому описанию Бессарабии» карте обозначение этого сооружения отсутствует (рис. 1).

Летом 2012 года меня познакомили с одесским краеведом и коллекционером И.Я. Дзинкой, который поделился со мной рядом электронных копий имеющихся у него топографических карт. Среди них совершенно неожиданно для себя я увидел оригинал рукописной цветной «Специальной карты северо-западной части Черного моря и реки Днепра, протекающего в пределах Новороссийского края», составленной и нарисованной *А.П. Чирковым* в 1864 г. (рис. 2). Эта карта упомянута в «Каталоге карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей» и др. изданиях (Бертье-Делагард 1888, 11, №99; Юргевич 1889, 62). Что касается биографии ее

[1] Выражаю искреннюю признательность краеведу и коллекционеру И.Я. Дзинке, который любезно предоставил мне копию рукописной «Специальной карты северо-западной части Черного моря и реки Днепра…», выполненной А.П. Чирковым, а также А.Н. Дзиговскому и А.А. Колобышко за информацию и ценные советы.

автора, то она постепенно восстанавливается разными авторами[2].

Данный картографический раритет размерами 760×552 мм (729×526 мм внутри рамок) безусловно заслуживает специальной публикации. Здесь будет достаточно сказать о том, что он выполнен в масштабе 5 верст в дюйме (М 1 : 210 000) на основе восьми листов трехверстовой «Военно-топографической карты западной части Российской империи» (XXIX-10-11, XXX-9, 10, 11 и XXXI-9, 10, 11), губернский «херсонский» набор которой был опубликован в 1855, а «бессарабский» – в 1856 гг. «Личный вклад» А.П. Чиркова в эту карту заключается в нанесении на нее нескольких древних городищ (Ольвии и др.), ряда курганов и их названий, а также еще одного археологического объекта, о котором и идет речь.

Искомый нами земляной вал отмечен на протяжении около 5,5-5,8 км, лежащим примерно по линии С-СВ–Ю-ЮЗ вдоль края коренного берега Будакского (Шабалатского) лимана от юго-восточной окраины современного села Беленькое до района у северо-восточной окраины с. Прибрежное, где в наше время параллельно друг другу проходят шоссейная

Рис. 1. Земельные участки сел Шаба и Шабалат на карте Бессарабии 1828 г.

и железная дороги Одесса – Белгород-Днестровский. Еще одним ориентиром объекту являлся так называемый Аккембетский курган (Попова Могила) высотой до 7,0 м[3], от которого вал располагался примерно в 150 м к В-ЮВ. Обратим внимание читателей и на то, что на этой карте А.П. Чиркова у северной оконечности вала хорошо видно изображение какого-то земляного укрепления круглой или шестиугольной в плане формы (рис. 3).

Следует отметить, что наличие данного участка вала примерно в то же время, а точнее в 1866 году, подтвердил О.Струве со ссылкой на пристава Шаболатского посада К.Б. фон Брантена: «около [села] Кимбет [Акимбет] на *Траяновом вале* нередко находили разные древние монеты, и старик еврей Мошка, в русском посаде, показал мне найденную на поле медную монету царя Птолемея. Он требовал за нее 10 р.» (Струве 1867 608-609).

Итак, вновь обретенная карта со всей очевидностью подтвердила не только данные А.Ф. Вельтмана, но и достоверность сведений, со-

[2] Авксентий Павлович Чирков родился в 1810 г. и воспитывался в Херсонском сиротском отделении, из которого был принят на службу топографом 28.02.1827. В 1829-1830 гг. производил съемки и рекогносцировки в действующей армии в Турции, Молдавии и Валахии, а в 1831 г. командирован в училище топографов в Санкт-Петербурге, по сдаче экзаменов в котором 01.04.1838 был произведен в прапорщики. С 1853 г. – при 1-м отделении Департамента Генерального штаба; в 1851-1857 гг. – преподаватель русской и всеобщей географии в школе топографов. За особые заслуги его фамилия была выбита на медали «В память 50-летия Корпуса военных топографов». Уволен со службы 12.11.1857 с присвоением звания подполковника (Исторический очерк 1872, 25; Сергеев, Долгов 2001, 334). Вернувшись в Херсон, работал преподавателем математики, топографии и других предметов в училищах города. В 1863-1864 гг. стал действительным членом Херсонского губернского статистического комитета и Одесского общества истории и древностей и до 1870-х годов опубликовал ряд статей и заметок в их изданиях (Чорна 2006). Особую известность А.П. Чирков получил как автор серии карт и планов городищ и урочищ Северного Причерноморья, а также рисунков древностей, выполненных по заказу Одесского общества истории и древностей (Сапожников 2000). В 1872 г. он передал в музей общества предметы, собранные и купленные им в ходе поездок по Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниям: каменные орудия, молоты и наконечники стрел, 350 бронзовых стрел, два запорожских копья, чугунные ядра и картечь, два золотых кольца, медные нательные кресты, сотни древнегреческих, римских, византийских и других монет (Отчёт 1873, 11, 15). Дата смерти и место погребения А.П. Чиркова пока неизвестны.

[3] Курган в поисках могил киммерийских царей был раскопан в 1997 г. И.Т. Черняковым (2004, 11-13), но его отвалы до сих пор полностью не спланированы.

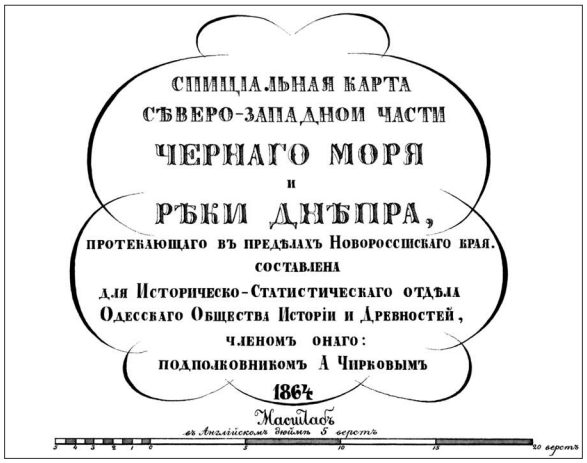


Рис. 2. Фрагмент «Специальной карты» А.П. Чиркова 1864 г.

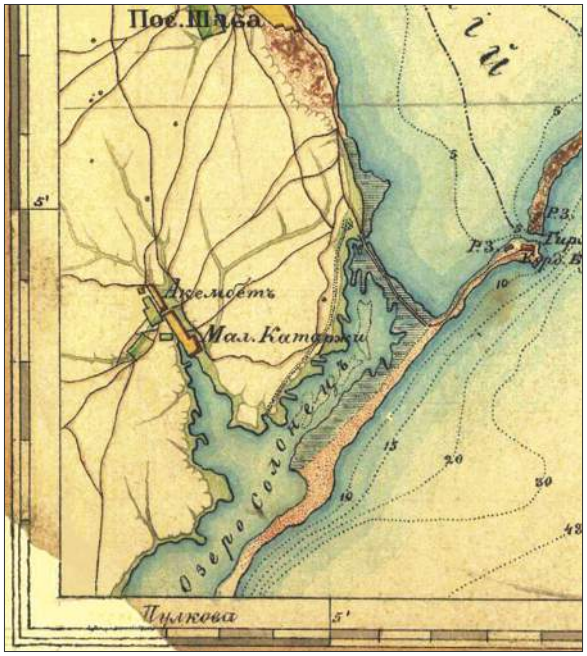


Рис. 3. Часть Нижнеднестровского (Змеевого) вала на «Специальной карте» А.П. Чиркова 1864 г.

держащихся в «Статистическом описании Бессарабии». В связи с этим нами был проведен анализ характеристик всех земельных дач, по которым мог проходить Нижнеднестровский вал с учетом того, что на сегодня картографическими материалами обеспечен его следующий маршрут (с СЗ на ЮВ): от Олонешт до Паланки (отдельными участками) и от Паланки до Малоги (сплошным отрезком) (Сапожников 2011, 221-222, рис. 9-12).

1. Талмазы – «под земляным валом» – 2 дес. 2200 кв. сажен;
2. Чобручи – «под земляным валом» – 10 дес. 2000 кв. сажен;
3. Раскаецы и Пуркары – валов нет.
4. Олонешты – «под Змеевым валом» – 4 дес. 1400 кв. сажен;
5. Коркмазы – «под земляным валом и шанцами по лугу Днестра» – 13 дес. 1800 кв. сажен;
6. Тудорова – «под земляным валом» – 8 дес. 800 кв. сажен;
7. Ганкишло (Удобное) и Паланка – «под Трояновым валом» – 8 дес. 800 кв. сажен;
8. Гура-Роша (Казацкое) – «под земляным валом» – 9 дес. 1800 кв. сажен;
9. Участок №26 К. Булгакова с ур. Сеймены – «под Змеевым валом» – 8 дес. 800 кв. сажен;
10. Участок **D** (урочища Сария и Молога) – «под Змеевым валом» – 10 дес. 250 кв. сажен;
11. Крепость и город Аккерман – «под земляным валом» – 18 дес. 1800 кв. сажен;
12. Участок **E** жены подполковника Арсеньева «при заливе Черного моря в урочище Шаболат» (район современных сел Сергеевка и западной части Беленького) – «под Змеевым валом» – 3 дес. 800 кв. сажен (Статистическое описание 1899, 116-282).

Как видим, данные по большинству названных дач совпадают отмеченной ранее картиной, за исключением позиций 1-2, 11 и 12.

На дачах Талмаз и Чобручей, вероятнее всего, в 1820-х годах были зафиксированы два фрагмента Нижнеднестровского вала, однако представить их маршрут на сегодня сложно (рис. 4).

Наличие продолжения того же вала на даче Аккермана не стало для меня неожиданностью, так как автор в предыдущей статье уже приводил описание барона Кампенгаусена, который около 1789 г. видел его следы «от Паланки до Аккермана» (Campenhausen 1808, 61; Сапожников 2011, 221). Напомню и уже цитированное нами замечание А.Ф. Вельтмана о том, что от района Акембета следов вала нет не только до Аккермана, но и до 5-6-й версты дороги на Бендеры. Хотя на приведенном нами фрагменте карты 1828 года этот вал не обозначен, но, по-видимому, речь может идти о его участке в районе с. Каменный Мост (Турлаки) (рис. 5). Если сравнить площади и протяженность участков двух земляных валов на дачах

Рис. 4. Земельные участки сел Талмазы и Чобручи на карте Бессарабии 1828 г.

с. Шабо и г. Аккермана, то можно вычислить, что длина последнего могла составлять в 1827 г. приблизительно 4,0-4,5 км.

Наибольшее удивление вызывает наличие вала на так называемом «Участке Е». Поскольку на смежных ему с юго-запада дачах (№55 владельческом и №52 казенном незанятом) никаких валов нет, можно предположить, что он был насыпан на высоком коренном берегу Будакского (Шабалатского) лимана и обращен к морю (рис. 1).

И наконец, ради справедливости отметим, что позиция 3 может оказаться не такой уж однозначно негативной. Так, в самом начале XX в. А.А. Кочубинский сообщил, что фрагмент Змеевого вала ему показывали у с. Пуркары на винограднике Н.Я. Германсона, устроенном якобы на старом турецком кладбище, а несколько местных виноделов утверждали, что и в их садах также видны следы того же вала, называемого ими «Трояновым» (Кочубинский 1901, 103-104, 109).

Вал у Измаила

В анализируемом нами «Статистическом описании Бессарабии» при характеристике владельческих и государственных земельных участков еще много раз упоминаются отрезки Верхнего и Нижнего Траяновых валов, что также может стать предметом специального исследованния. Но там только один раз говорится про вал, о существовании которого умалчивают все другие известные на сегодня источники. Так, в описании двух дач (под буквами **О** и **О**), состоящих в собственности Измаильского Николаевского старообрядческого монастыря, говорится: «Оные отведены в 1812 году по назначению главнокомандующего (Дунайской армии) адмирала (П.В.) Чичагова, один из них определяется левым берегом озера Кривого, рекою Дунаем и участком под литерою **Р**, принадлежащим к слободе Некрасовке, ограничиваясь от онаго *земляным валом*, идущим от озера Кривого к Дунаю. Другой участок лежит по левую сторону озера Кривого при заливах Дунайских в смежности с помянутым участком под литерою **Р**». Далее сообщается, что под самим монастырем находится 1 дес. 1100 кв. сажень земли; под виноградными и фруктовыми садами – 70 дес. 400 кв. сажен; под пахотной и сенокосной степью – 176 дес. 500 кв. сажен; под дорогами – 4 дес. 900 кв. сажен, а всего – 252 дес. 500 кв. сажен (Статистическое описание 1899, 380-381).

Прежде чем перейти к поиску места нахождения этого вала, скажем, что история переселения некрасовцев из-за Дуная и судьба Измаильского Николаевского старообрядческого монастыря, упраздненого уже в мае 1829 года за «подозрения в отношениях с турками и укрывательстве беглецов из-за Дуная и прочем», в общих чертах хорошо известны

Рис. 5. Земельный участок г. Аккермана на карте Бессарабии 1828 г.

(Скальковский 1844; Сапожников 1998, 21-26; и др.). Гораздо менее популярен рассказ о том, что в 1810 году делегация некрасовцев, прося у генерал-майора С.А. Тучкова покровительства и содействия в получении места для устройства монастыря или скита, обосновывала свою просьбу тем, что таковой с настоятелем и 60 монахами уже существовал на том самом месте, но был разорен до основания «за подозрение на них в шпионстве» в ходе войны 1768-1774 годов (Известие 1815, 43-45).

Если взглянуть на изображение этого района на карте 1828 года из «Статистического описания Бессарабии», то на мысу, образованном левым коренным берегом Дуная и правым берегом озера Кривого действительно есть прямая линия. Она находится в самой узкой части этого вытянутого мыса, ориентирована по линии З-ЮЗ–В-СВ и выглядит как какая-то межа. Что касается старообрядческого монастыря, то он находился на самой стрелке того же мыса, почти на берегу Дуная. Заметим также, что на этой карте «слобода Некрасовка» обозначена, но не подписана (рис. 6).

В нашем распоряжении есть немало фактов, в том числе картографических, о том, что в 1812-1870-х годах эта балка, озеро, мыс и даже расположенный позже на месте скита кордон пограничной стражи носили названия «Монастырских».

Из доступных мне карт данного региона топографическая ситуация района Монастырского мыса лучше всего представлена на карте дельты Дуная Европейской Дунайской комиссии 1887 г. (масштаб – 1 морская миля в дюйме; рис. 7) и на немецкой карте из серии

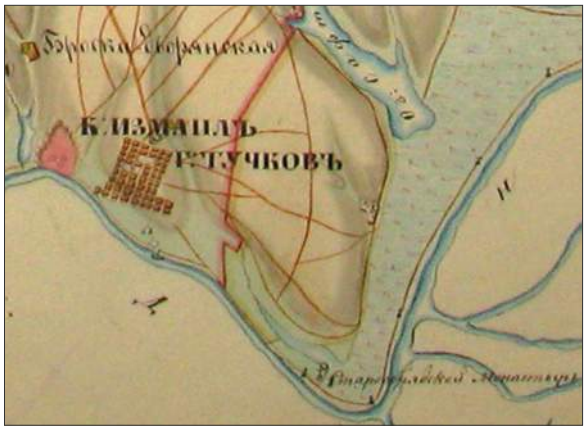


Рис. 6. Земельный участок с. Некрасовка на карте Бессарабии 1828 г.

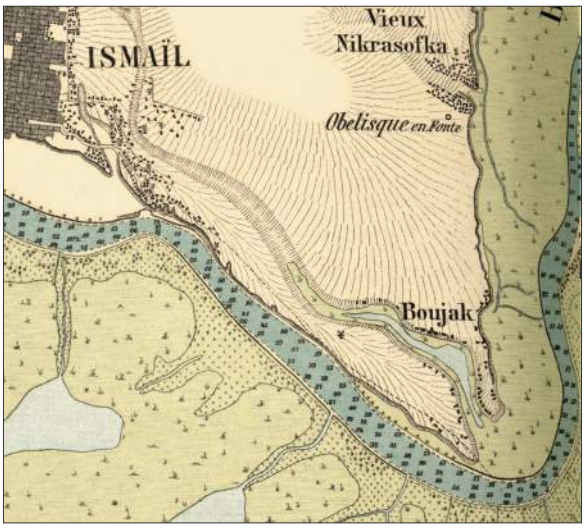


Рис. 7. Район Монастырского мыса на карте дельты Дуная Европейской дунайской комиссии 1887 г.

«Russland – Bessarabien» (М 1 : 25 000; лист 5754 «Necrasovca Veche» 1941 г.; рис. 8). Обратим внимание на то, что на обоих приведенных фрагментах интересующее нас урочище имеет название «Буджак» – то есть угол или треугольник. Сам мыс от места своего сужения имеет ориентацию почти строго по линии СЗ–ЮВ, длину до 3,1-3,2 км, наибольшую ширину до 0,75 км, высоту по гребню от 9 до 11 м и обрывистый берег со стороны Килийского гирла Дуная (рис. 8). В настоящее время он ограничен с северо-запада территорией бывшего Измаильского консервного завода, а на всей стрелке мыса расположен комплекс сооружений Измаильского целлюлозно-картонного комбината. К счастью, центральная и северо-западная части мыса пока в основном доступны для поисковых работ и стационарных раскопок.

Подчеркнем, что данная местность привлекает внимание археологов со времен строительства обоих названных заводов в 1950-1960-х гг. Более того, по данным Управления объектов культурного наследия Одесской областной государственной администрации, именно здесь расположено поселение Копаная Балка IV-III вв. до н.э., взятое под государственную охрану решением Одесского облисполкома (№241 от 21.06.1988) как памятник археологии местного значения. Парадокс заключается в том, что в наиболее «свежей» и полной сводке по археологии Измаила поселение с таким названием не упоминается (Паламарчук 2007), а в более

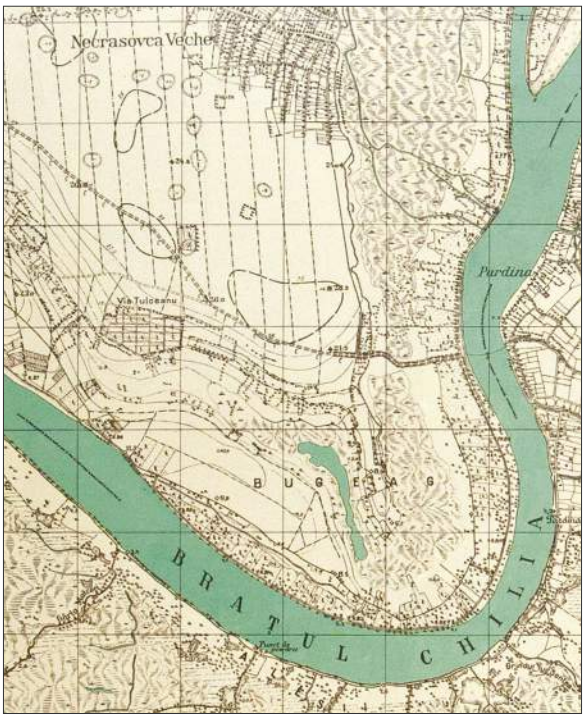


Рис. 8. Район Монастырского мыса на немецкой карте 1941 г.

раннем справочнике отмечено «поселение на территории консервного комбината» в районе балки Копаной (Гудкова и др. 1991, 62), которая впадает в оз. Кривое.

По данным В.К. Чигирина, в середине 1950-х годов при строительстве томатного цеха консервного завода, в 100 м от обрывистого берега Дуная были найдены два скифских могильника (?) с греческой, скифской и гетской керамикой, бусами и пр., но им описаны только три лепных сосуда (Чигирин 1965, 26, 28). В октябре 2010 автор провел археологические исследования (с зачистками и шурфовкой) части территории бывшего предприятия в 1,2-1,4 км к СЗ от предполагаемого места расположения вала, которые не дали позитивных результатов (Сапожников 2010).

В том же районе, уже на левом берегу озера Кривое известны два поселения эпохи поздней бронзы и первых веков н.э. Котовское I и II, расположенные к В и ЮВ от с. Дунайское (бывшее Котовское) (Гудкова и др. 1991, 62). Примерно там же, но ближе к Дунаю, напротив целлюлозного завода С.В. Паламарчук в 1995 г. нашла местонахождение обломков древнегреческих амфор V-IV вв. до н.э., в том числе и ручек с клеймами (Паламарчук 2007, 115).

Что касается основной и интересующей нас части Монастырского мыса, то здесь в 1961 г., в ходе строительства целлюлозного завода экскаватором разрушили «склад амфор и пифосов», в 1963 г. Неподалеку, на винограднике совхоза им. М.И. Калинина, у железной дороги был выявлен зольник, «сильно насыщенный битой керамикой (в основном амфор и пифосов), перемешанной с фрагментами керамики гетского типа», а у излучины Дуная на большой площади в значительном количестве встречались фрагменты «греческой керамики V-III вв. до н.э., иногда и целые амфоры» (Чигирин 1965, 28). Помимо этого, по личному сообщению измаильского краеведа А.А. Колобышко, за последние 15 лет на указанном участке были найдены: несколько медных монет Сиракуз (V в. до н.э.), до 20 серебряных монет Истрии (IV в. до н.э.), серебряный денарий (середина II в. н.э.), мелкие золотые бляшки без орнамента, бронзовые наконечники стрел и колокольчик.

Как видим, этот очень удобный с точки зрения организации фортификации мыс был обитаем в античное, эллинистическое и римское время, но датировать вал, который к тому же археологически пока не выявлен, наверное, было бы преждевременно.

Другие оборонительные сооружения

В этом разделе мы затронем тему картографирования земляных оборонительных сооружений Буджака, относящихся к средневековью и даже к Новому времени, тем более что некоторые из них уже исследовались путем проведения археологических раскопок.

Одним из последних является так называемый военный лагерь Кале, расположенный в устьях рек Большой и Малый Катлабух и исследованный Буджакской экспедицией ИА НАНУ в середине 1990-х гг. Время существования объекта датируется по монетам концом XVIII - началом XIX вв. Его укрепления представляют собой земляной вал квадратной в плане формы размерами 120×120 м с внешним рвом и четырьмя бастионами для пушек на каждой из сторон (Гудкова и др. 1999, 37, рис. 1-2). На найденной мною немецкой карте из серии «Russland – Bessarabien» (М 1 : 25 000; лист 5757 «Şishirlichitai» 1941 г.) остатки лагеря привязаны более точно и имеют не-

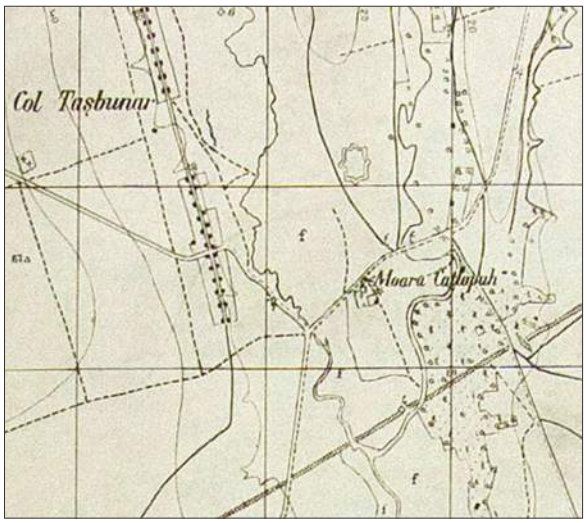


Рис. 9. Село Ташбунар и часть Нижнего Траянова вала на немецкой карте 1941 г.

сколько иную планиграфию, не квадратной, а вытянутой прямоугольной формы (рис. 9).

Вторым объектом является укрепление, которое находилось на мысу, образованном правыми берегами озер Ялпуг и Кугурлуй, примерно в 300-350 м к западу от с.Новосельское (Сатул-Ноу). Факт его существования мы можем обосновать несколькими топографическими картами. Первая из них точно не атрибутирована и датирована приблизительно 1860-ми гг. На ней можно увидеть довольно крупное, шестиугольное в плане укрепление и ведущую к нему с СЗ дорогу (рис. 10). На следующем документе из серии «Карта части Балканского полуострова, обнимающая весь театр войны 1877-1878 гг.» (М 1 : 126 000; лист I-10) обозначено уже «Бывш.(шее) укр.(епление)» (рис. 11).

Рис. 10. Укрепление у с. Новосельское на карте дельты Дуная 1860-х гг.

Рис. 11. Укрепление у с. Новосельское на «Карте части Балканского полуострова, обнимающей весь театр войны 1877-1878 гг.».

Заметим, что ничего подобного нет на листе XXXIII-7 уже упомянутого бессарабского издания «трехверстовки», дополненного около 1853-54 гг. и опубликованного в 1856 г. Однако этот объект под названием «redoubt» уже присутствует на карте «Delta of the Danube surveyed by captain T. Spratt», снятой сразу же после утраты Российской империей дельты Дуная в 1856-1857 гг. Исходя из этого, можно очень осторожно предположить, что строительство этого укрепления российской армии, скорее всего, следует связывать с Крымской войной и датировать 1853-1856 гг. Думается, что его остатки следует искать сейчас к северу от шоссейной дороги Измаил – Рени в районе автозаправочной станции, с учетом того, что грунт из этого объекта с большой долей вероятности был использован при возведении дамбы через оз. Ялпуг в начале 1960-х годов.

Выводы

Главный вывод, который можно сделать на основе сказанного выше, заключается в том, что действительно «нельзя объять необъятного», то есть поиски карт и планов с изображениями древних валов региона следует продолжить.

Как мы могли убедиться, наиболее существенно пополнились наши знания относительно Нижнеднестровского (Змеевого) вала. В связи с получением новых неопровержимых фактов его продолжения непосредственно до берега Черного моря, а также о возможном присутствии далее к северо-западу, а точнее

до сел Чобручи и Талмазы, подтверждается мысль о том, что мы имеем дело с мощным и достаточно протяженным оборонительным сооружением, возведенным по одному цельному инженерному плану и явно связанным с Верхним Траяновым валом (Сапожников 2011, 224 и др.). Как видим, он прикрывал все основные переправы через Днестр от Кицкан до Днестровского лимана, а также препятствовал прорыву вражеских войск по бугазским песчаным пересыпям между Черным морем и Днестровским лиманом.

Факт существования недатированного пока вала на Монастырском мысу в первую очередь предполагает проведение детальных поисковых работ в этой местности. Пока же, соглашаясь с концепцией о постепенном (как минимум, трехэтапном) возведении Нижнего Траянова вала с запада на восток (Сапожников 2011, 218-219, 224-225 и др.), предположу, что его зодчие точно так же поэтапно должны были бы строить на северном берегу Килийского гирла тыловые укрепрайоны, призванные прикрывать дунайские переправы в случае отступления. В таком случае западному отрезку вала вполне соответствуют городища Картал и Новосельское, среднему – укрепления в окрестностях Измаила, а восточному – какие-то неизвестные пока пункты в районе Килии и, возможно, Кислиц.

Говоря о втором (среднем) участке Нижнего Траяна от р. Ялпуг до устья р. Катлабух, пока можно четко подтверждать наличие римского поселения или укрепления в юго-западном углу Измаильской крепости, точнее – на левом берегу залива в устье балки Броская[4] (Паламарчук 2007, 117; Сапожников 2009, 259; и др.), и очень осторожно предположить наличие таковых на мысу, которому следует вернуть старое название Монастырский.

Библиография

Бертье-Делагард 1888: А.Л. Бертье-Делагард, Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей (Одесса 1888).

Вельтман 1821: А.Ф. Вельтман, Критика (на первую часть статьи П.П. Свиньина «Воспоминания в степях бессарабских»). Отечественные записки, часть 6, №12, 1821, 239-251.

Вельтман 1828: А.Ф. Вельтман, Начертание древней истории Бессарабии с присовокуплением исторических выписок и карты (Москва 1828).

Гудкова и др. 1991: А.В. Гудкова, С.Б. Охотников, Л.В. Субботин, И.Т. Черняков, Археологические памятники Одесской области: справочник (Одесса 1991).

Гудкова и др. 1999: А.В. Гудкова, К. Рандсборг, Н.Д. Руссев, М.М. Фокеев, Археологические исследования Буджакской экспедиции в микрорайоне села Суворово. В сб.: Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области, вып. I (Одесса 1999), 34-43, 73-74.

Известие 1815: Известие о построении города Тучкова. Сын отечества, кн. XLVII, 1815, 21-52.

Исторический 1872: Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов 1822-1872 (Санкт Петербург 1872).

Кочубинский 1901: А.А. Кочубинский, Тира (Тирас) – Белгород – Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 года. ЗООИД, т. XXIII, 1901, 79-198.

Отчёт 1873: Отчёт Императорского Одесского Общества истории и древностей: с 14 ноября 1871 по 14 ноября 1872 года (Одесса 1873).

Паламарчук 2007: С.В. Паламарчук, Древние и средневековые поселения на территории Измаила и его окрестностей. В сб.: Суворовские чтения, вып. 4-5 (Измаил 2007), 114-119.

Сапожников 1998: І.В. Сапожников, Матеріали з історичної географії та етнографії дельти Дунаю (Іллічівськ 1998).

Сапожников 2000: И.В. Сапожников, Картографические материалы по археологии, истории и географии низовий Буга и Днепра: работы А.П. Чиркова 1863-1866 годов. В сб.: Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження (Миколаїв 2000), 259-265.

[4] По данным А.А. Колобышко, за 10-15 последних лет в этом районе находили денарий Фаустины Младшей II в. н.э., около 30 бронзовых фоллисов второй-третьей четверти IV в. н.э. (в основном времени Константина I), а также монеты Византии VI и XI вв.

Сапожников 2009: И.В. Сапожников, Здание мечети пророка Муххамеда в Измаиле: новые факты и интерпретации. МАСП, вып. 9, 2009, 243-368.

Сапожников 2010: И.В. Сапожников, Итоговое заключение об археологических исследованиях на участке, расположенном по адресу Измаил, ул. Нахимова, 269 (Одесса 2010).

Сапожников 2011: И.В. Сапожников, Древние валы Бессарабии или Буджака: из истории картографирования в XVIII-XIX вв. МАСП, вып. 12, 2011, 206-236.

Сергеев, Долгов 2001: С.В. Сергеев, Е.И. Долгов, Военные топографы русской армии (Москва 2001).

Скальковский 1844: А.А. Скальковский, Некрасовцы, живущие в Бессарабии. ЖМВД, №10, 1844, 61-82.

Скальковский 1846: А.А. Скальковский, Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области. ЖМВД, №13, 1846, 167-198, 407-444.

Статистическое описание 1899: Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской сьемке Бессарабии, производившей по Высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828 год (Аккерман: Издание Аккерманского земства 1899).

Струве 1867: О. Струве, Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей в летнее время 1866 года. ЗООИД, т. VI, 1867, 605-6111.

Черняков 2004: І.Т. Черняков, Аккембецький курган. В: Енциклопедія Трипільської цивілізації, т. 2 (Київ 2004), 5.

Чигирин 1965: В.К. Чигирин, Материалы по археологической карте левобережья Нижнего Подунавья (Килийский и Измаильский районы Одесской обл.). Дипломная работа студента VI курса заочного отделения исторического факультета Одесского государственного университета им. И.И.Мечникова (Одесса 1965). Рукопись в фондах Измаильского исторического музея А.В. Суворова. № КП-31088.

Чорна 2006: К. Чорна, Біля витоків Херсонського краєзнавства – члени Одеського товариства історії старожитностей. **Константы №12, 2006, 78-83.**

http://www.mycity.kherson.ua/journal/konstanty12/kraeznav.html

Юргевич 1889: В.Н. Юргевич, Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей. 1839-1889 (Одесса 1889).

Campenhausen 1808: P.B. Campenhausen, Travels through Several Provinces of the Russian Empire: with an Historical Account of the Zaporog Cossacks and of Bessarabia, Moldavia, Wallachia and the Crimea (London 1808).

Noi materiale cartografice despre valurile antice din Bugeac

Rezumat

Articolul este rezervat noilor materiale despre cartografierea valurilor de apărare antice din sudul Basarabiei (Bugeac). Sunt introduse în circuitul ştiinţific: o hartă topografică din anul 1864, necunoscută anterior, pe care este indicată partea din preajma Mării Negre a valului Nistrului Inferior (Şerpilor), precum şi alte materiale care vin să concretizeze topografia acestor monumente.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Pământurile satelor Šaba şi Šabalat pe o hartă a Basarabiei din anul 1828.

Fig. 2. Fragment al „Hărţii speciale” a lui A.P. Čirkov din anul 1864.

Fig. 3. O parte a valului Nistrului Inferior (Şerpilor) pe „Harta specială” a lui A.P. Čirkov din anul 1864.

Fig. 4. Pământurile satelor Talmaza şi Ciobruci pe o hartă a Basarabiei din anul 1828.

Fig. 5. Pământurile oraşului Akkerman pe o hartă a Basarabiei din anul 1828.

Fig. 6. Pământurile satului Nekrasovka pe o hartă a Basarabiei din anul 1828.

Fig. 7. Regiunea Capului Mănăstirii pe harta Comisiei Europene a Dunării din anul 1887.

Fig. 8. Regiunea Capului Mănăstirii pe o hartă germană din anul 1941.

Fig. 9. Satul Taşbunar şi o parte a Valului lui Traian de Jos pe o hartă germană din anul 1941.

Fig. 10. Fortificaţia de lângă satul Novosel’skoe (Satu Nou) pe o hartă a deltei Dunării din anii ’60 ai sec. XIX.

Fig. 11. Fortificaţia de lângă satul Novosel’skoe (Satu Nou) pe „Harta unei părţi a peninsulei Balcanice”, ce cuprinde întregul teatru al războiului din 1877-1878.

New cartographic materials on the ancient ramparts of Budzhak

Abstract

The article presents new materials on the cartography of the ancient defensive valla of Southern Bessarabia, or Budzhak. In the scientific use there is introduced the previously unknown topographical map of 1864, which marked the coastal part of the Lower Dniester (Serpent's) Wall, as well as other data that clarify the topography of these sites.

List of illustrations:

Fig. 1. Land plots of the Şaba and Şabalat villages on the map of Bessarabia of 1828.

Fig. 2. Fragment of A.P. Chirkov's „Special Map", 1864.

Fig. 3. Part of the Lower Dniester (Serpent's) Wall on A.P. Chirkov's „Special Map", 1864.

Fig. 4. Land plots of the Talmaza and Cioburciu villages on the map of Bessarabia of 1828.

Fig. 5. Land plot of Akkerman on the map of Bessarabia of 1828.

Fig. 6. Land plot of the Nekrasovka vilage on the map of Bessarabia of 1828.

Fig. 7. Area of the Monastyrsky Cape on the map of the Danube Delta of the European Danube Commission, 1887.

Fig. 8. Area of the Monastyrsky Cape on the German map of 1941.

Fig 9. Tashbunar village and a part of the Lower Trajan's Wall on the German map of 1941.

Fig. 10. Fortification near the Novosel'skoye village on the map of the Danube Delta, 1860s.

Fig. 11. Fortification near the Novosel'skoye village on "The map of the Balkan Peninsula covering the entire theatre of war of 1877-1878".

08.12.2012

Др. хаб. Игорь Сапожников, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: igors@gcn.ua

РИМСКИЕ МОНЕТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Кирилл Мызгин

Распространение римских монет на территории Восточной Европы связано, главным образом, с существованием здесь черняховской культуры. Согласно имеющимся в научной литературе данным, в её ареале (не учитывая территории группы Сынтана де Муреш) зарегистрировано не менее 26 тысяч римских монет. Из них около 23 тысяч находилось в составе 183 кладов и около 3 тысяч представлено единичными находками (Мизгін 2010а, 10). Даже учитывая огромный ареал культуры, это количество выглядит довольно внушительным. Для сравнения, общее число находок римских монет в ареале пшеворской культуры составляет около 20 тысяч монет, из которых единичными находками являются около 1600 экземпляров (Ciołek 2008, 158, tab. 1); на территории вельбаркской культуры общее количество известных науке монет составляет около 12 тысяч, в том числе не менее 578 единичных находок (Ciołek 2008, 158, tab. 3). Однако, несмотря на такое обилие (хотя и меньшее разнообразие, чем в других областях европейского Барбарикума) нумизматических находок в ареале черняховской культуры, исследователями они традиционно рассматривались в общем контексте (Брайчевський 1959; Кропоткин 1961; Небієрідзе 1984; Магомедов 2001, 110-111; Пивоваров 1999). Что касается исследований 1950-1960-х годов, это вполне оправдывается ограниченностью источниковой базы и несовершенством методики работы с ней. Подобный же подход в современных исследованиях объясняется скорее историографической традицией. Рассмотрение монет в рамках конкретных регионов если и имело место, то особого распространения не получило. В первую очередь это относится к территории Молдовы (Федоров 1960; Рикман 1971; Нудельман 1976; Нудельман 1982; Ciobanu 1997; Popa, Ciobanu 2003) и некоторым областям Поднестровья (Строцень 2008) и Северо-Западного Причерноморья (Столярик 1989).

На уровне современных разработок становится очевидным тот факт, что как неоднородна сама черняховская культура в разных частях ее ареала, так и распространение римских монет на её территории также имеет свои особенности в различных регионах. В определенной степени это уже показано в ряде работ автора настоящей статьи (Мызгин 2008а; Мызгин 2008б; Мызгин 2009; Мизгін 2010а; Мизгін 2010б; Мызгин 2011). Нами была также сделана попытка выделения особенностей распространения римских монет в различных частях черняховского ареала (Мизгін 2010а, 10), но дальнейшего развития она не получила. Одним из регионов, имеющим подобные особенности (не только в нумизматическом, но и в археологическом плане), является область Днепровского лесостепного Левобережья (Курская, Белгородская области Российской Федерации и Харьковская, Полтавская, Сумская и восточная (левобережная) часть Киевской области Украины). Характеристике римских монет, обнаруженных на его территории, и посвящена настоящая публикация.

Систематическое изучение античных монет в регионе началось в первые годы XX в. и было связано с проведением в Харькове XII Археологического съезда (Данилевич 1905; Багалей 1905). С середины XX столетия выходят публикации новых монет в регионе (Зайцев 1964), местные нумизматические материалы входят в большие своды находок римских монет на территории Восточной Европы (Брайчевський 1950; Брайчевський 1959; Кропоткин 1951; Кропоткин 1954; Кропоткин 1961; Кропоткин 1966). В течение последних лет, наряду с общим увеличением количества нумизматических находок римского времени (связанным с применением металлодетекторов), увеличи-

лось и количество их публикаций (Любичев 1999; Бейдин, Григорьянц 2002-2003; Гейко, Шалобудов 2002-2003; Бейдин, Григорьянц, Любичев 2006; Мизгін 2008; Мызгин 2009; Радюш 2008, и др.). В последнее время находки античных монет на территории между Днепром и Северским Донцом специально исследовались К.В. Мызгиным (Мызгин 2008а; Мызгин 2008б).

Состояние источниковой базы не позволяет судить о более-менее точном количестве римских монет, обнаруженных в регионе. В наиболее полном объеме нам доступна информация о монетных находках с территории Харьковской и Курской областей: в их число входят как опубликованные, так и не опубликованные данные. Информация о находках с территорий Белгородской, Полтавской, Сумской и восточной части Киевской областей происходит, за редким исключением, только из опубликованных много ранее источников. На сегодняшний день мы располагаем информацией о 208 пунктах находок римских монет, обнаруженных на территории Днепровского лесостепного Левобережья (рис. 1). Они делятся на две категории: единичные находки (включая находки с территорий памятников, в комплексах или без контекста, а также монеты с отверстиями) и клады. Их общее количество составляет не менее 8150 экз. (не менее 390 единичных находок и не менее 7760 монет в кладах)[1]. В общей массе находок с территории черняховской культуры это составляет около 30%, или около 17% от количества пунктов находок на территории культуры. Наибольшее количество пунктов находок приходится на Харьковскую и Полтавскую области, далее следует Курская и Сумская области, наименьшее количество имеют Белгородская и восточная часть Киевской области (табл. 1). Однако эта статистика отражает не столько действительную картину распространения монет, сколько состояние исследованности и публикации римских монет в каждом из этих регионов. Далеко не все находки также обеспечены полной информацией о контекстах и обстоятельствах их обнаружения, а описание некоторых вообще вызывает сомнения в достоверности. Так, три римские монеты были якобы обнаружены «среди костей в кургане», возле села Талалаевка Сумской области (Кропоткин 1961, 92, №1314); в той же области, якобы, в курганах или около них, возле сел Кунашевка и Куриловка в разное время обнаруживались горшки с греческими, римскими монетами и золотыми вещами (Кропоткин 1961, 91, №1293, 1294); антониниан Викторина был обнаружен в желудке дрофы, убитой возле с. Глобино Полтавской области (Бочков 1955, 84-85), но где и как он попал в желудок птицы – не известно; и т.д.

Таблица 1

Соотношение количества пунктов находок римских монет в разных регионах Днепровского лесостепного Левобережья

Область	Пункты находок		ВСЕГО	
	Ед. находки	Клады	Пунктов	%
Белгородская	5	1	**6**	**2,8**
Курская	27	7	**34**	**16,3**
Харьковская	69	2	**71**	**34,2**
Полтавская	51	12	**63**	**30,3**
Сумская	19	6	**25**	**12,1**
восток Киевской	9	0	**9**	**4,3**
ВСЕГО	**180**	**28**	**208**	**100**

Теперь перейдем непосредственно к характеристике единичных находок и кладов римских монет на территории Днепровского лесостепного Левобережья.

Единичные находки (табл. 2). К наиболее ранним эмиссиям монет, обнаруженных на территории региона, относятся две достоверные находки республиканских денариев (0,5%): Луция Цезия в Старом Мерчике Харьковской области (Любичев 1999, 89) и Квинта Минуция Терма в Лубнах Полтавской области (Кропоткин 1961, 72, №793). Обе монеты были отчеканены в I в. до н.э. Проблеме попадания республиканских монет на территорию Восточной Европы вообще посвящено наше отдельное исследование (Мызгин 2012). На наш

[1] Здесь и далее в основу статистических подсчетов положены данные из каталогов монет В.В. Кропоткина (Кропоткин 1961, 37-111; Кропоткин 1966; Кропоткин 2000) и М.Ю. Брайчевского (Брайчевський 1959, 118-205), а также новые публикации монет, не вошедшие в эти каталоги, включая находки до 2012 года.

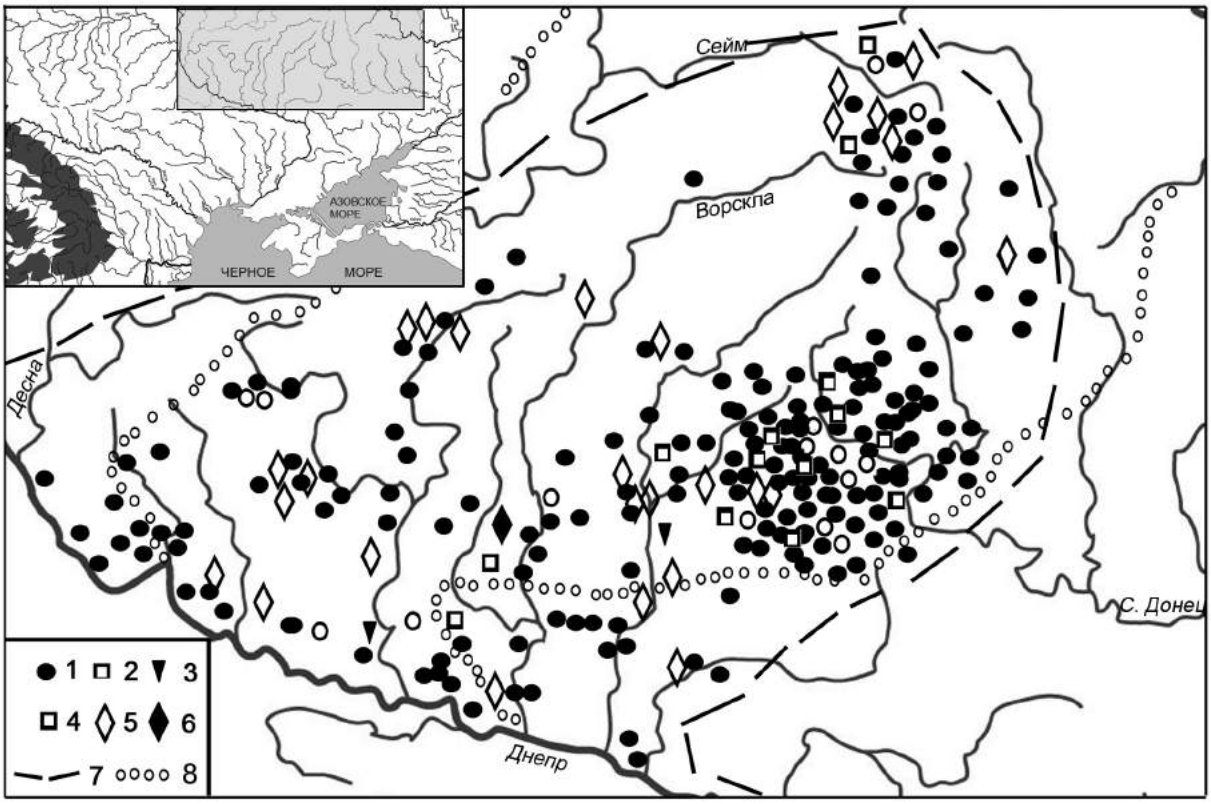


Рис. 1. Карта распространения находок римских монет на территории Днепровского лесостепного Левобережья: 1 - единичные находки монет I-II вв.; 2 - единичные находки монет III в.; 3 - единичные находки монет IV в.; 4 - единичные находки монет первой половины V в.; 5 - клады римских монет I-II вв.; 6 - клад из с. Рублевка конца IV - начала V вв.; 7 - границы черняховской культуры в регионе; 8 - граница степи и лесостепи в регионе.

взгляд, существовало два возможных пути попадания таких монет в местную варварскую среду. Один связан в проникновением республиканских денариев во время или вскоре после их непосредственного обращения на территории Империи: то есть в последние веке до нашей эры или в самом начале нашей эры (Мызгин 2012, 20). Вместе с тем, мы не исключаем возможности попадания этих монет вместе с германским населением, которое могло принести их из Центральной Европы во второй четверти I тысячелетия н.э. (Мызгин 2012, 23-24). Что касается «левобережных» находок, то они как раз свидетельствуют в пользу второй гипотезы, тем более, что, судя по публикации денария из Старого Мерчика, он был обнаружен на поверхности черняховского поселения (Любичев 1999, 89). В любом случае, подтвердить или опровергнуть наши предположения могут только новые находки монет республиканского периода, особенно имеющие четкий археологический контекст.

Таблица 2

Распределение единичных находок римских монет по периодам

Период	Шт.	%
Республика	**2**	**0,5**
Август-Нерва	**22**	**5,7**
Траян-Септимий Север	**271**	**69,4**
Каракалла-Диоклетиан	**16**	**4,2**
Констанций I-Феодосий I	**16**	**4,2**
Аркадий-Марциан	**4**	**1**
Подражания?	**2**	**0,5**
Неопределено	**57**	**14,5**
ВСЕГО	**390**	**100**

К наиболее ранней группе единичных находок монет императорского периода относятся эмиссии периода от Августа до Нервы (27 г. до н.э. - 98 г. н.э.). Они составляют 5,7% находок от общего числа – не менее 22 монет. При этом увеличение их количества происходит к концу этого периода, то есть приходится на монеты

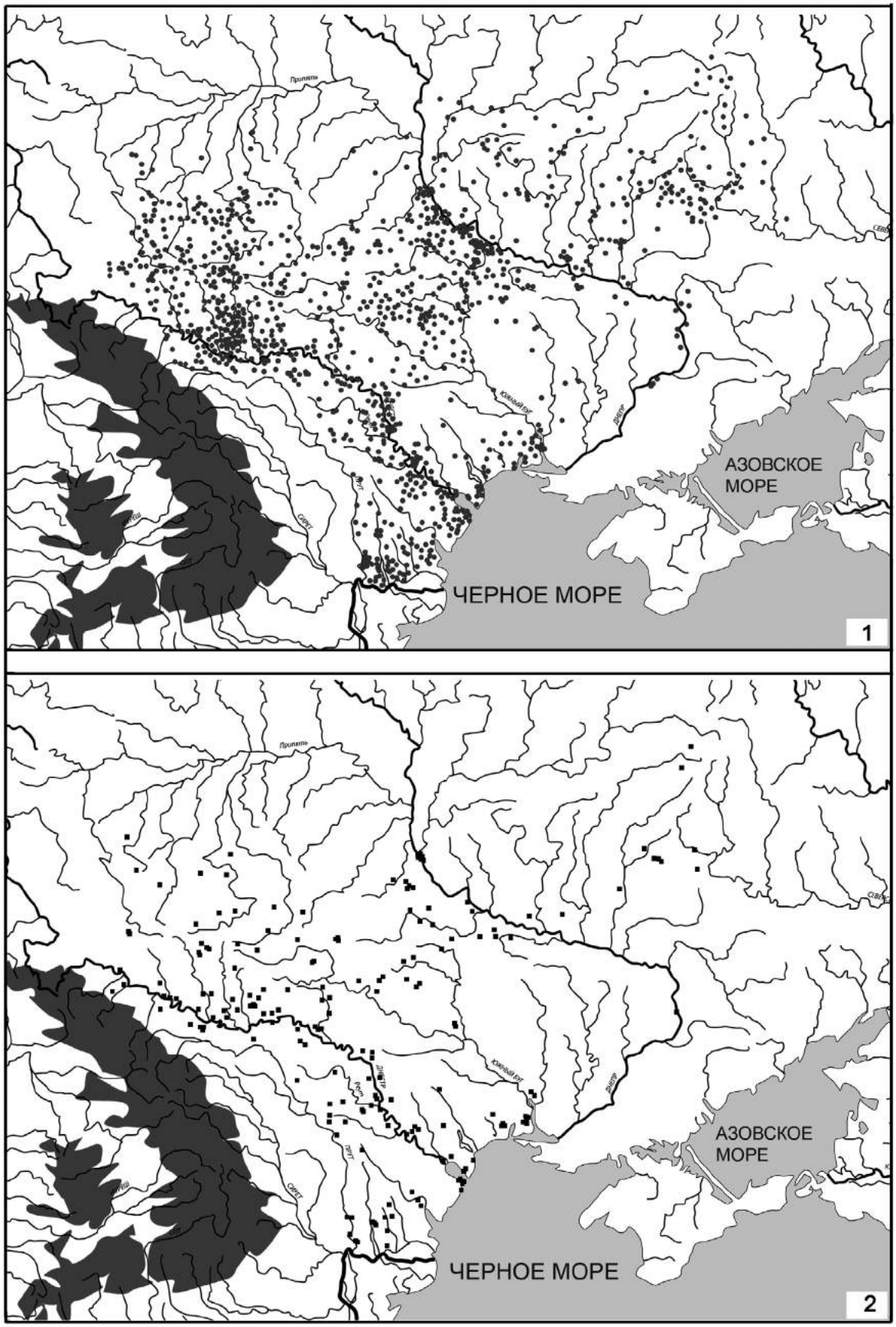


Рис. 2. Карта распространения единичных находок монет I-II (1) и III вв. (2) в ареале черняховской культуры.

последней четверти I в. (Веспасиан – Нерва). Однако наибольшее число монетных находок приходится на следующий период: между правлениями Траяна и Септимия Севера (98-211 гг.). Увеличение числа монет происходит на эмиссиях Траяна и Адриана (не менее 41 монеты), достигает своего пика на монетах Антонина Пия, Марка Аврелия и их супруг (не менее 164 монет), постепенно снижается на монетах Коммода (не менее 38 монет) и окончательно падает на эмиссиях Септимия Севера, его супруги Юлии Домны и соправителе Дидии Юлиане (не менее 11 монет). В общем количестве к находкам этого времени относится не менее 271 монеты, или 69,4% от общего количества единичных находок римских монет в регионе. Преобладание монет I-II вв. чеканки является характерным явлением для всей черняховской культуры (рис. 1/1), как и их количественное распределение по правителям (Кропоткин 1961, рис. 25; 27).

Более скромно представлен следующий период: от Каракаллы до Диоклетиана (211-305 гг.). Здесь мы имеем не менее 16 находок, что составляет 4,2%. При этом, незначительный рост числа монет приходится на эмиссии Гордиана III. Большое количество экземпляров монет этого периода относится к так называемой автономной чеканке. Г.В. Бейдин, картографировавший все известные в литературе, а также новые находки провинциально-римских монет на территории Украины, обратил внимание, что на территории Днепровского лесостепного Левобережья подавляющее большинство подобных находок было отчеканено в городах Малой Азии (Трапезунд, Синоп, Эфес, Гераклея, Никомедия и др.), тогда как монеты, обнаруженные к западу от Днепра, выпущены, в основном, монетными дворами Балканских провинций (Никиполь на Истре, Маркианополь, Виминакий, и др.) (Бейдин 2012, 150-151, рис. 1). Исследователь объяснил этот факт расселением на территории Днепровского Левобережья, прежде всего, участников «морского» этапа Готских войн 50-60-х гг. III в. (походов на Малую Азию), тогда как западнее Днепра, по мнению исследователя, расселились участники походов на Балканские провинции Рима (Бейдин 2012, 151-153). Действительно, монеты автономной чеканки имели очень ограниченный ареал обращения, в основном в пределах городов, их выпускавших, и поэтому нахождение таких монет на территории Барбарикума достаточно точно фиксирует пребывание в этих провинциальных городах и областях варваров (Bursche 1984, 239). Как и в случае с республиканскими монетами, справедливость выводов Г.В. Бейдина могут показать только дальнейшие находки монет автономной чеканки на территории черняховской культуры.

В любом случае, проникновение в регион римских монет этих двух групп связано с приходом сюда носителей черняховской культуры. Согласно современным представлениям, возникновение её памятников восточнее Днепра произошло довольно поздно, относительно времени начала формирования – не ранее 30-40-х гг. IV ст. (Любичев 2008, 268). То есть культура в регионе появилась уже в сложившемся виде, и, следовательно, монеты проникали на территорию Днепровского Левобережья не постепенно, накапливаясь в течение нескольких десятилетий или столетий (как это происходило, например, в Центральной или Северной Европе), а в короткий промежуток времени – расселяясь в регионе, черняховское население уже имело при себе большое количество римских монет, в основном, денариев I-II вв. Такая особенность в распространении монет существенно отличает область Днепровского лесостепного Левобережья от других регионов черняховской культуры, где проблема их появления связана с генезисом культуры вообще.

Однако в плане исторических и экономических реконструкций гораздо больший интерес представляют римские монеты, дата чеканки которых синхронна черняховским памятникам региона, то есть выпущенные в период между IV – первой половиной V вв.

Количество известных находок монет IV в. (между правлениями Констанция I и Феодосия I) составляет 16 монет, то есть 4,2%. При этом, больше всего монет было отчеканено в период между Константином I – Констанцием II[2].

[2] Здесь необходимо отметить, что такое количество монет известно, в основном, за счет находок, происходящих из Курской области, однако все они находятся в частных коллекциях (Радюш 2008, 142-143) и их достоверность нуждается в дополнительной проверке.

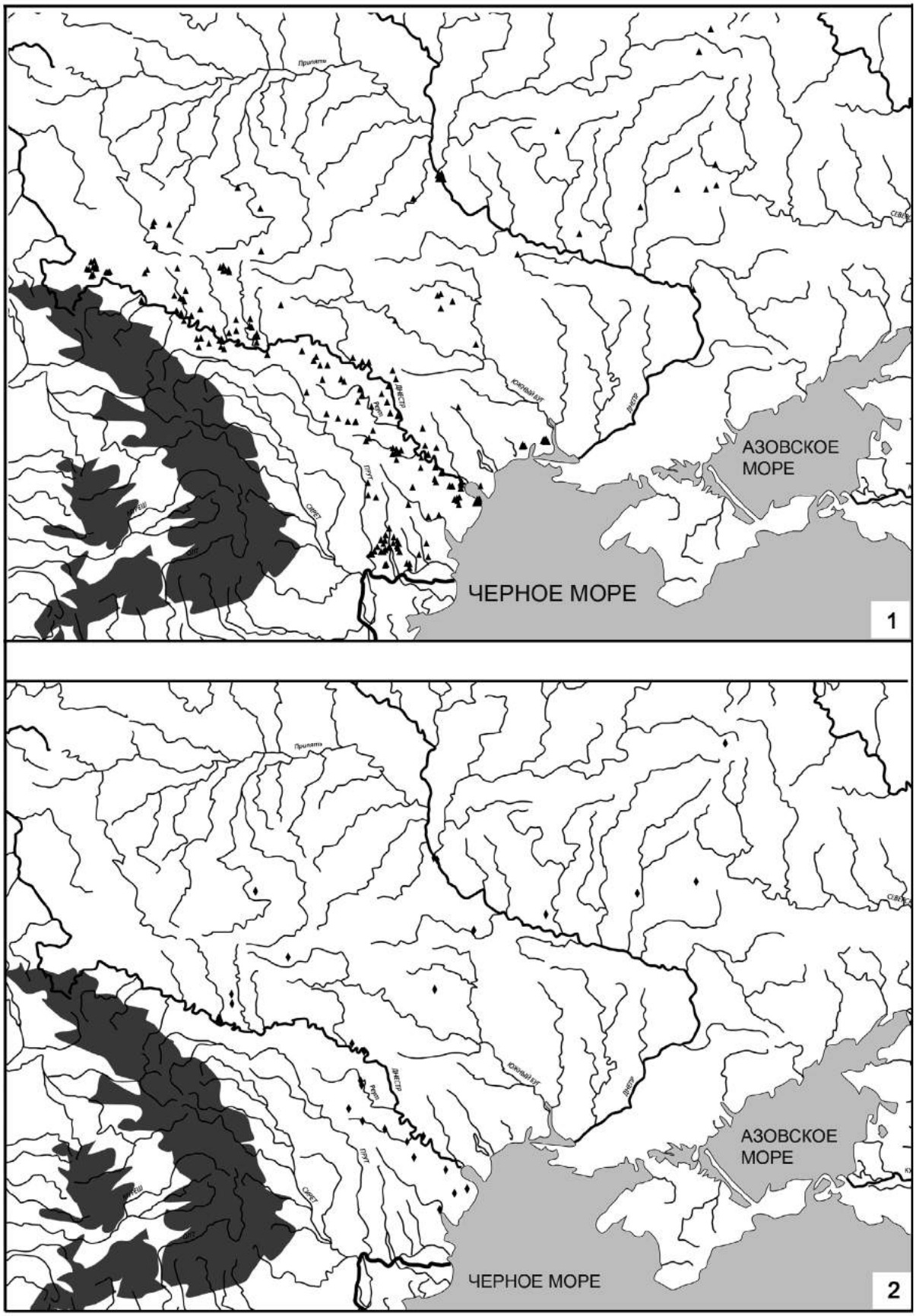


Рис. 3. Карта распространения единичных находок монет IV (1) и первой половины V вв. (2) в ареале черняховской культуры.

Во всём ареале черняховской культуры наибольшее количество монет IV в. известно в бассейне Днестра и западнее него, при этом их количество увеличивается пропорционально приближению к Лимесу (рис. 3/1). По всей видимости, широкое распространение здесь таких монет отражает необходимость их употребления местным населением, прежде всего, для ведения торговли с близлежащими римскими провинциями. Возможно, это породило другое явление в экономической жизни варварского населения этих областей – возникновение денежного обращения, что может косвенно доказываться наличием наряду с серебряными номиналами бронзовых и медных монет (Мизгін 2010а, 13). Вместе с тем, это также объясняет и малый процент находок монет IV в. на территории Днепровского Левобережья: в условиях значительной удаленности нашего региона от Лимеса и отсутствия зависимости от торговли с римскими провинциями не возникало ни возможности поступления монет IV в., ни потребности в их употреблении. По всей видимости, местное население довольствовалось обменной торговлей, при которой денарии ранних чеканок могли исполнять роль товара-посредника – нечто среднее между натуральным обменом и денежным обращением (Кропоткин 1961, 35; Мызгин 2008а, 75). Собственно, такая схема в среде германских племен известна давно, и о ней писал еще Тацит в своем труде «О происхождении германцев и местоположении Германии»: «… ближайшие к нам [то есть, к римлянам – К.М.] знают цену золоту и серебру из-за применения их в торговле и разбираются в некоторых наших монетах, отдавая иным из них предпочтение; что касается обитателей внутренних областей, то, живя в простоте и на старый лад, они ограничиваются меновою торговлей» [Tac., Ger. 5]. Находки монет IV в. в регионе стоит рассматривать не как результат экономических связей местного населения непосредственно с Империей, а, скорее, как внутренний импорт, как свидетельство межплеменных связей, какой бы характер они не носили (экономический или политический). В этом отношении особый интерес вызывает находка силиквы Констанция II в с. Болваново Курской области (Радюш 2008, 142, №4). Силиквы являются наиболее характерной находкой для территории западнее Днестра, в остальных же регионах они практически не встречаются. М.Б. Щукин даже высказал интересное предположение, что силикву как полновесную серебряную монету Империя специально чеканила для расплаты с варварами-федератами (Щукин 1999, 95; Щукин 2005, 202). Находка же подобной монеты так далеко от области ее наибольшего распространения вполне может указывать на направления именно внутренних экономических связей. Хотя, следует признать, основываясь только на одной находке монеты делать подобные заключения утвердительно было бы слишком поспешно.

Наконец, монеты последнего периода – выпущенные между правлениями Аркадия и Марциана (395-461 гг.) – составляют только 1% от общего количества находок (не менее 4 монет) и относятся к эмиссиям Аркадия и Феодосия II. Находки монет этого времени (как и клада золотых солидов из Рублевки – см. ниже), по всей видимости, относятся к финалу черняховской культуры в регионе. М.М. Казанский (Казанский 1997) и И.О. Гавритухин (Гавритухин 2005) связывают распространение этих монет с существованием на территории Днепровского Левобережья на ступенях D1-D2 постчерняховских варварских королевств эпохи Великого переселения народов. В любом случае, решение этого вопроса затрудняется недостаточным количеством как контекстных нумизматических, так и археологических данных.

Из общей массы единичных находок время чеканки не менее чем 57 монет остается нам не известным (14,5%).

Среди всех находок монет, обнаруженных на территории региона, наибольшую важность, безусловно, имеют те, которые обладают конкретным археологическим контекстом. К настоящему моменту нам достоверно известно о не менее чем 40 поселениях черняховской культуры региона, на территории которых были найдены римские монеты. Наибольшее количество монет обнаружено в культурном слое и на поверхности поселений Войтенки (64 монеты), Хрущовая Никитовка (25 монет), Огульцы (11 монет), Бараново (8 монет) Харьковской области и Дмитровка (5 монет) Полтавской области. Стоит отметить особенную концентрацию находок римских монет на

поселениях именно в области днепро-донецкого водораздела (Харьковская область), что, однако, является прямым отражением хорошего состояния исследованности монет в этом микрорегионе.

Известен только один случай находки монеты в условно-закрытом комплексе: из заполнения постройки 5 поселения Головино 1 происходит медный тетрассарий второй четверти III в. якобы провинциальной чеканки г. Тира (определение монеты нуждается в дополнительной проверке) (Обломский 2001-2002, 32).

В регионе есть также находки римских монет, связанные с могильниками. Так, в культурном слое могильника Войтенки на глубине 0,5 м был обнаружен серебряный денарий Марка Аврелия (Бейдин, Григорьянц, Любичев 2006, 135, №45). В заполнении погребения 130 черняховского могильника Компанийцы Полтавской области был обнаружен серебряный денарий Коммода с отверстием (Некрасова 2006, 86). Наконец, в 1902 г., якобы возле городища «Синайки», вблизи г. Рыльска Курской области были обнаружены погребения в виде урн с пеплом и монеты Коммода (Радюш 2008, 143), однако эта находка в силу отсутствия полноты информации нами отнесена к малодостоверным.

Особую категорию находок составляют монеты с отверстиями – не менее 13 экземпляров. В большинстве случаев они относятся ко II в. и являются субэратными. Обстоятельному анализу монет-подвесок, обнаруженных в ареале черняховской культуры, посвящена наша отдельная публикация (Мызгин 2010).

Не большое количество имеют в регионе и находки «варварских» подражаний римским монетам (Мызгин 2009, 96, рис. 1, Каталог). Это также подтверждается новейшими сведениями о подобных находках (Анохин 2012, 146).

Клады составляют значительно меньшую категорию по количеству пунктов находок монет (13,5 %), однако количество самих монет, содержащихся в них, несравнимо выше единичных находок (больше приблизительно в 25 раз). Тем не менее, полноценной работе с этим важным видом нумизматических источников мешает состояние его изученности: из 28 кладов, известных к регионе, только 7 обладает полной или относительно полной информацией о составах и обстоятельствах находок. В остальном в нашем распоряжении есть только указание места находки и приблизительное количество монет в кладе, в лучшем случае с указанием императоров, чьи монеты содержались в комплексе (Старые Валки, Харьковская обл.; Нехвороща, Полтавская обл.). Некоторые клады известны не в полном составе (Трухановка, Полтавской обл.; Жигайловка, Сумская обл.; Старый Хутор, Белгородская обл.). Из кладов, имеющих полные или относительно полные составы (табл. 3), большинство обнаружено в Полтавской области (4 клада). В общей массе кладов, обнаруженных в черняховском ареале, клады Днепровского Левобережья составляют около 30% (рис. 4). Для такой большой территории, на наш взгляд, это относительно небольшой показатель, однако, видимо, он отражает определенную ситуацию, ведь в отличии от единичных находок монет, количество находок кладов никак не зависит от уровня исследованности территории, потому что практически все клады были обнаружены случайно, без специального поиска. Возможно, такое соотношение кладов показывает относительно стабильную политическую обстановку в регионе, а несколько большее их число в Курской области объясняется близостью этой территории к северо-восточным границам черняховской культуры. Однако у нас нет абсолютно никаких гарантий того, что клады зарывались только в момент опасности, поскольку в ченяховской культуре, на наш взгляд, они играли также роль депозитариев, и их выпадение не обязательно могло быть связано с насильственной смертью владельца (Мызгин 2008а, 75-76).

В хронологическом отношении шесть кладов содержало монеты чеканки I-II вв., из которых большинство принадлежало монетам, отчеканенным в период между Траяном и Септимием Севером. При этом 5 кладов имеет младшими монетами денарии Септимия Севера либо его супруги Юлии Домны и один клад оканчивается денарием Коммода. Совершенно особняком стоит клад, обнаруженный в 1891 г. возле с. Рублевка (Полтавская область). В состав этого клада входил 201 золотой солид конца IV - начала V вв. (Кропоткин

Таблица 3

Хронологическое распределение монет в кладах, имеющих полный или относительно полный состав

Император	Клады						
	Севенки, Курская обл.	**Прямицыно, Курская обл.**	**Чутово, Полтавская обл.**	**Крячковка, Полтавская обл.**	**Лукишино, Полтавская обл.**	**Рублевка, Полтавская обл.**	**Рогинцы, Сумская обл.**
Нерон					14		
Гальба					1		
Виттелий			2		12		
Веспасиан	1	1	1		132		
Тит		1			46		
Домициан		1			49		
Нерва					12		
Траян	8	12	7	2	139		3
Адриан	20	21	13	2	218		8
Сабина	1	1	2		16		1
Элий Вер	1				2		
Антонин Пий	40	58	37	14	74		22
Фаустина Ст.	18	24	6	3	106		7
Марк Аврелий	45	68	32	3	39		26
Фаустина Мл.		22	8	1	44		13
Луций Вер	15	12	3		8		4
Луцилла	3	8			5		2
Криспина	1	2	1		1		1
Коммод	23	39	17	7	19		24
Пертинакс		1					
Клодий Альбин		1					
Юлия Домна		1			1		
Септимий Север	2	2	5				1
Валентиниан II						1	
Аркадий						1	
Гонорий						8	
Феодосий II						175	
Евдокия						1	
Валентиниан III						13	
Пульхерия						2	
«Варварское» подражание		1					
Неизвестно/ неопределенно	22		1		15		~ 40
ВСЕГО	**200**	**276**	**135**	**32**	**953**	**201**	**> 150**

1961, 72, №813) В количественном отношении большинство кладов, имеющих полную информацию, содержало от 100 до 300 монет (5 кладов). К малым кладам относится комплекс из с. Крячковка, содержавший 32 монеты (Головко 2006, 35-40). Клад из с. Лукищина являлся большим и состоял из 953 денариев (Глущенко 1989, 19). Имеется также малодостоверная информация о кладе с общим количеством монет более двух тысяч – из Остапово Полтавской области (Кропоткин 1961, 72, №803).

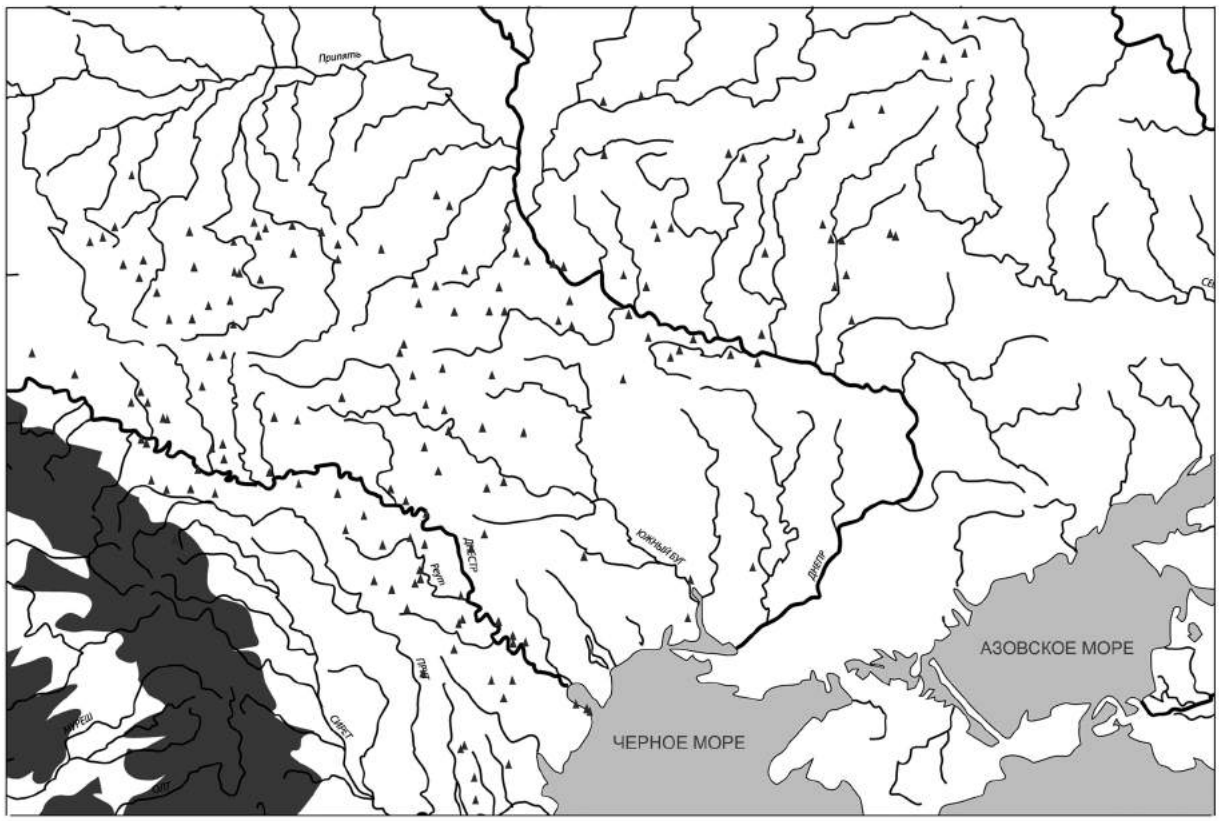


Рис. 4. Карта распространения кладов римских монет в ареале черняховской культуры.

Из номиналов, представленных среди находок римских монет региона (табл. 4), наибольшее количество принадлежит денариям: среди единичных находок они составляют 77,9%. Кроме того, денарии входят в состав практически всех кладов, за исключением клада из с. Рублевка. Среди находок монет II в. отдельной группой выделяются субэратные монеты (5,3% среди единичных находок). Единичными экземплярами представлены также другие номиналы римской монетной системы разных периодов: сестерции, антонинианы, бронза и медь II-IV вв., силиква: все вместе они составляют 5,3% среди единичных находок.

Таким образом, анализ находок римских монет на территории Днепровского Левобережья позволяет выделить ряд особенностей в их распространении, а именно: наличие большого количества монет III в. автономной чеканки городов Малой Азии; небольшое количество монет чеканки IV - первой половины V вв.; относительно небольшое количество кладов римских монет в сравнении с другими областями черняховского ареала; и, наконец,

Таблица 4

Распределение единичных находок римских монет по номиналам

Номинал	Шт.	%
Денарий	**304**	**77,9**
Субэрат	**21**	**5,3**
Сестерций	**3**	**0,8**
Бронза/медь II в.	**1**	**0,25**
Антониниан	**3**	**0,8**
Бронза/медь III в.	**1**	**0,25**
Силиква	**1**	**0,25**
Бронза/медь IV в.	**9**	**2,4**
Солид	**3**	**0,8**
«Варварское» подражание	**2**	**0,5**
Неизвестно	**42**	**10,75**
ВСЕГО	**390**	**100**

наличие клада и единичных находок монет конца IV - начала V вв., или ступени D1, связанных с финальным этапом черняховской культуры. При этом в регионе в целом сохраняются общие для всей территории черняховской культуры элементы распространения римских монет, то есть преобладание денари-

ев I-II вв. чеканки как среди единичных находок, так и среди монет кладов.

Как уже было сказано выше, исследование нумизматических находок римского времени на юге Восточной Европы помимо Днепровского лесостепного Левобережья позволило нам определить особенности в распространении римских монет в других областях черняховской культуры (Мизгін 2010а, 10). Наибольшим количеством таких особенностей обладает регион Днестровско-Прутского междуречья: здесь характерно, наряду с денариями I-II вв. и монетами III в., наличие большого количества монет разных номиналов, выпущенных в IV - начале V вв., в том числе силиквы. На наш взгляд, причина возникновения таких особенностей в распространении римских монет в этих двух регионах, находящихся в противоположных частях ареала черняховской культуры, кроется в их географическом положении. Во-первых, это наличие таких естественных природных преград, как большие реки: Днестр и Днепр соответственно. Они являлись весьма большим сдерживающим фактором: в случае с Днестровско-Прутским междуречьем – в распространении монет IV в., а в случае с Днепровским Левобережьем – в активном поступлении позднеримских монет с территории Империи. Во-вторых, решающую роль играла степень удаленности этих территорий от границ Римской империи. Регион Днепровского Левобережья более других был удален от Лимеса, и это, в свою очередь, до минимума сокращало как возможность постоянного притока современных местному населению монет, так и вообще необходимость в их поступлении. В то же время, варвары, живущее западнее Днестра, находились в более тесных экономических контактах с римскими провинциями, в результате чего у них возникала потребность в употреблении актуальных для Империи монет. Это ускоряло возможность возникновения собственно денежного обращения в западной части черняховской культуры и значительно тормозило – в восточной.

В заключение хотелось бы отметить, что современный уровень накопления информации о находках римских монет в Восточной Европе и способов их обработки вызывает необходимость отхода от традиционных методов их рассмотрения – в общем контексте. На наш взгляд, следующим шагом в изучении римских монет на территории восточноевропейского Барбарикума должен стать переход к их сугубо региональным исследованиям и публикациям, то есть к детализации и конкретизации имеющейся информации. В свою очередь, это сделает возможным межрегиональное сравнение нумизматического материала. К слову сказать, подобный метод уже достаточно широко применяется в исследованиях находок римских монет в других частях европейского Барбарикума, что приносит свои весьма ощутимые результаты (Ciołek 2008; Kemmers 2008; Berger 2008; Reece 2008; и др.).

Библиография

Анохин 2012: О.В. Анохин, «Варварские» подражания римским монетам на территории Украины и Молдовы. В сб.: (Под ред. В.И. Кузищина) Причерноморье. История, политика, культура, VIII (III), серия А: Античность и средневековье (Севастополь 2012), 141-151.

Багалей 1905: Д.И. Багалей, Археологическая карта Харьковской губернии. В сб.: (Под ред. Е.К. Редина). Труды XII Археологического съезда, том I (Москва 1905), 1-94.

Бейдин 2012: Г.В. Бейдин, Римские провинциальные монеты на территории Украины в ареале черняховской культуры. Древности 11, 2012, 147-159.

Бейдин, Григорьянц 2002-2003: Г.В. Бейдин, М.Н. Григорьянц, Находки боспорских монет на памятниках черняховской культуры Харьковской области. Археологічний літопис Лівобережної України 2(2002)-1(2003), 2003, 190-193.

Бейдин, Григорьянц, Любичев 2006: Г.В. Бейдин, М.Н. Григорьянц, М.В. Любичев, Находки монет римского времени на территории Харьковской области. В сб.: (Отв. ред. А.Н. Зинухов) Древности римского времени на Слобожанщине (Харьков 2006), 110-143.

Бочков 1955: Д.А. Бочков, Интересный случай находки древнеримской монеты. КСИА АН УССР, 1955, 84-85.

Брайчевський 1950: М.Ю. Брайчевський, Знахідки римських монет на території УРСР. Археологія III, 1950, 93-101.

Брайчевський 1959: М.Ю. Брайчевський, Римська монета та території України (Київ 1959).

Гавритухин 2005: И.О. Гавритухин, Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры. Труды ГИМ 145, 2005, 23-36.

Гейко, Шалобудов 2002-2003: А.В. Гейко, В.М. Шалобудов, Знахідка римського сестерція у Нижньому Поворсклі. Археологічний літопис Лівобережної України 2(2002)-1(2003), 2003, 193.

Глущенко 1989: В.П. Глущенко, Клад римских денариев из с. Лукищина. Нумизматика и эпиграфика XV, 1989, 19-52.

Головко 2006: І.В. Головко, Римська монета на території Пирятинського району на Полтавщині. У зб.: (Відп. ред. О.Б. Супруненко) Охорона та дослідження пам'яток археології (Полтава 2006), 35-40.

Данилевич 1905: В.Е. Данилевич, Карта монетных кладов и находок единичных монет в Харьковской губернии. Труды XII Археологического съезда, том I (Москва 1905), 374-410.

Зайцев 1964: Б.П. Зайцев, Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла. МИА 116, 1964, 44-52.

Казанский 1997: М.М. Казанский, Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные. Stratum plus ПАВ (Кишинев - Санкт-Петербург 1997), 23-38.

Кропоткин 1951: В.В. Кропоткин, Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ 4, 1951, 241-281.

Кропоткин 1954: В.В. Кропоткин, Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ 3, 1954, 152-180.

Кропоткин 1961: В.В. Кропоткин, Клады римских монет на территории СССР. САИ, Г4-4 (Москва 1961).

Кропоткин 1966: В.В. Кропоткин, Новые находки римских монет в СССР (дополнение к «Своду археологических источников», вып. Г4-4). Нумизматика и эпиграфика VI, 1966, 74-102.

Кропоткин 2000: В.В. Кропоткин, Дополнение к списку находок римских монет. Stratum plus 6, 2000, 20-117.

Любичев 1999: М.В. Любичев, Знахідка римської республіканської монети на Харківщині. Археологічний літопис Лівобережної України 1, 1999, 89.

Любичев 2008: М.В. Любичев, Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследований археологического комплекса Войтенки). В сб.: (Отв. ред. А.Н. Наумов) Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (Тула 2008), 257-290.

Магомедов 2001: Б.В. Магомедов, Черняховская культура. Проблема этноса (Lublin 2001).

Мызгин 2009: К.В. Мызгин, «Варварские» подражания римским монетам на территории черняховской культуры, Древности 8, 2009, 90-106.

Мызгин 2010: К.В. Мызгин, Подвески из римских монет в ареале черняховской культуры восточнее р. Прут. В сб.: (Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин) Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 2 (Тула 2010), 95-114.

Мызгин 2011: К.В. Мызгин, Находки римских монет провинциальной малоазийской чеканки II-III вв. на территории черняховской культуры. Древнее Причерноморье IX, 2011, 321-238.

Мызгин 2012: К.В. Мызгин, Находки римских республиканских монет на юге Восточной Европы. Stratum plus 4, 2012, 17-30.

Мизгін 2008: К.В. Мизгін, Кілька нових знахідок римських монет на території Харківської області. Вісник Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди 29-30, 2008, 32-36.

Мизгін 2010а: К.В. Мизгін, Античні монети на пам'ятках черняхівської культури. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеню кандидата історичних наук (Київ 2010).

Мизгін 2010б: К. Мизгін, До питання про джерела потраплянь римських монет до населення черняхівської культури. Археологічні студії 4, 2010, 58-66.

Небієрідзе 1984: Г.О. Небієрідзе, Про поширення римських монет у Східній Європі. Археологія 48, 1984, 10-16.

Некрасова 2006: А.Н. Некрасова, Памятники черняховской культуры днепровского левобережья. В сб.: (Сост. М.Е. Левада) Готы и Рим (Киев 2006), 87-200.

Нудельман 1976: А.А. Нудельман, Топография кладов и находок единичных монет. Археологическая карта Молдавской ССР, 8 (Кишинев 1976).

Нудельман 1982: А.А. Нудельман, Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная. В сб.: (Ред. В.Л. Янин) Нумизматика античного Причерноморья (Киев 1982), 125-133.

Обломский 2001-2002: А.М. Обломский, Новый черняховский памятник на территории России. Stratum plus 5, 2001-2002, 27-52.

Пивоваров 1999: С. Пивоваров, Римські монети в старожитностях черняхівської культури. У зб.: (Ред. Г.К. Кожоляк) Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології: Збірник наукових праць, том 2 (Чернівці 1999), 15-35.

Радюш 2008: О.А. Радюш, Находки монет римского времени с территории Курской области. В сб.: (Ред. Г.Ю. Стародубцев) Славяно-русские древности Днепровского Левобережья (Курск 2008), 140-145.

Рикман 1971: Э.А. Рикман, Денежное обращение у племен Днестровско-Прутского междуречья в первых веках нашей эры. Нумизматика и эпиграфика IX, 1971, 89-95.

Столярик 1989: Е.С. Столярик, Римская монета в Северо-Западном Причерноморье. В сб.: (Ред. С.Н. Бибиков, С.Д. Крыжицкий, Ю.И. Козуб) Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья (Киев 1989), 45-52.

Строцень 2008: Б.С. Строцень, Черняхівська культура Західного Поділля (Тернопіль 2008).

Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Римские и ранневизантийские монеты на территории Молдавской ССР. In.: (Redactor responsabil M. Macrea) Omagiu lui Constantin Daicoviciu cu prilejulîmplinirii a 60 de ani (Bucureşti 1960), 179-191.

Щукин 1999: М.Б. Щукин, Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция Хлора, или что такое черняховская культура. Stratum plus 4, 1999, 66-101.

Щукин 2005: М.Б. Щукин, Готский путь (Санкт-Петербург 2005).

Berger 2008: F. Berger, Die römischen Fundmünzen in Niedersachsen und Westfalen. Kontext und Funktionen. In: (Ed. A. Bursche, R. Ciołek, R. Wolters) Roman coins outside the Empire. Ways and Phases, Contexts and Functions (Warsaw 2008), 105-111.

Bursche 1984: A. Bursche, Emisje autonomiczne Mezji i Tracji oraz ich rozpowszechnienie w Europie Środkowo-Wschodniej. In: (Red. S. Parnicki-Pudełko et al.) Balcanica Posnaniensia, Acta et Studia, I, Mezja - Tracja - Bałkany (Poznań 1984), 235-44.

Ciobanu 1997: L. Ciobanu, Descoperiri monetare romane în spaţiul pruto-nistrean. In: (Red. V. Dergaciov) Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 234-247.

Ciołek 2008: R. Ciołek, Ein Beitrag zur Funktion römischer Münzen in der Wielbark und in der Przeworsk-Kultur. In: (Ed. A. Bursche, R. Ciołek, R. Wolters) Roman coins outside the Empire. Ways and Phases, Contexts and Functions (Warsaw 2008), 157-170.

Kemmers 2008: F. Kemmers, Interaction or indifference? The Roman coin finds from the Lower Rhine delta. In: (Ed. A. Bursche, R. Ciołek, R. Wolters) Roman coins outside the Empire. Ways and Phases, Contexts and Functions (Warsaw 2008), 93-104.

Popa, Ciobanu 2003: A. Popa, L. Ciobanu, Moneda romană în Basarabia. Ghid metodic (Chişinău 2003).

Reece 2008: R. Reece, Roman silver goes abroad. In: (Ed. A. Bursche, R. Ciołek, R. Wolters) Roman coins outside the Empire. Ways and Phases, Contexts and Functions (Warsaw 2008), 59-74.

Perioadele şi particularităţile de pătrundere a monedelor romane în zona de silvostepă din stânga Niprului

Rezumat

Cum cultura Černjahov a fost eterogenă în diferitele ei zone de răspândire, la fel de neomogene au fost şi particularităţile de răspândire a monedelor romane în arealul acestei culturi. Articolul este dedicat studierii acestor particularităţi în zona de silvostepă din stânga Niprului. Cercetarea sistematică a monedelor antice descoperite acolo a început în primii ani ai secolului XX, dar s-a intensificat în ultimii ani. Până în prezent sunt cunoscute 208 puncte de unde provin în jurul a 850 exemplare (cca 390 de monede izolate şi nu mai puţin de 7760 de monede provenite din tezaure). Cele mai multe monede le constituie piesele din sec. I-II. Majoritatea descoperirilor monetare din sec. III le reprezintă emisiunile anonime bătute în oraşele din Asia Mică. Monedele din secolele IV - prima jumătate a secolului V sunt rare pentru regiune.

O altă zonă care a înregistrat anumite particularităţi privind răspândirea monedelor romane este regiunea dintre Prut şi Nistru. Particularităţile respective au fost determinate atât de factorul geografic (prezenţa unor mari fluvii), cât şi situarea lor la mare distanţă de Imperiul Roman.

Cercetarea ulterioară a monedelor romane pe teritoriul de răspândire a culturii Černjahov se va baza atât pe studierea particularităţilor locale, cât şi prin prisma comparării cu alte regiuni.

Lista figurilor:

Fig. 1. Harta răspândirii monedelor romane pe teritoriul de silvostepă din stânga Niprului: 1 - descoperiri izolate, sec. I-II; 2 - descoperii izolate sec. III; 3 - descoperiri izolate, sec. IV ; 4 - descoperiri izolate din prima jumătate

a sec. V; 5 - tezaure cu monede romane, sec. I-II; 6 - tezaurul din s. Rubliovka, sfârşitul sec. IV - înc. sec. V; 7 - graniţa culturii Černjahov; 8 - graniţa dintre stepă şi silvostepă.

Fig. 2. Harta răspândirii monedelor izolate din sec. I-II (1) şi III (2) în arealul culturii Černjahov.

Fig. 3. Harta răspândirii monedelor izolate din sec. IV (1) şi prima jumătate a sec. V (2) în arealul culturii Černjahov.

Fig. 4. Harta răspândirii tezaurelor cu monede romane în arealul culturii Černjahov.

Tab. 1. Corelarea cantităţii punctelor de descoperire a monedelor romane în diferite regiuni de silvostepă din stânga Niprului.

Tab. 2. Răspândirea descoperirilor izolate pe perioade.

Tab. 3. Distribuţia cronologică a monedelor în tezaurele cunoscute integral sau relativ integral.

Tab. 4. Distribuţia descoperirilor monedelor romane izolate pe nominaluri.

Roman coins in the forest-steppe on left bank of the Dnieper: general characteristics, distribution and major problems in the study

Abstract

The spread of Roman coins in the territory of the Chernyakhov culture is different in different regions. The article is devoted to the study of this issue in the forest-steppe of the left bank of the Dnieper. Systematic study of ancient coins began here in the early 20th century, but has been intensified in the last years. Currently, there is known not less than about 208 of find spots of Roman coins with a total of not less than 8150 copies (at least 390 single finds and at least 7760 coins in the hoards). The largest group consists of coins of the 1st - 2nd centuries AD coinage. Most numismatic finds of the 3rd century AD are presented by coins of Asia Minor coinage. Finds of coins of the 4th - first half of 5th centuries AD are uncommon for the region.

List of illustrations:

Fig. 1. Distribution map of finds of Roman coins in the forest-steppe of the left bank of the Dnieper: 1 - single finds of coins of 1st - 2nd centuries AD; 2 - single finds of coins of 3rd century AD; 3 - single finds of coins of 4th century AD; 4 - single finds of coins in the first half of 5th century AD; 5 - hoards of Roman coins of 1st - 2nd centuries AD; 6 - hoard from Rublevka of 4th - early 5th centuries AD; 7 - border of Chernyakhov culture in the region; 8 - boundary of the steppe and forest-steppe in the region.

Fig. 2. Distribution map of single finds of coins of 1st - 2nd (1) and 3rd centuries AD (2) in the area of Chernyakhov culture.

Fig. 3. Distribution map of single finds of coins of 4th century AD (1) and the first half of the 5th century AD (2) in the area of Chernyakhov culture.

Fig. 4. Distribution map of hoards of Roman coins in the area of Chernyakhov culture.

Table 1. The ratio of the number of find spots of Roman coins in different forest-steppe regions of the left bank of the Dnieper.

Table 2. Distribution of single finds of Roman coins by periods.

Table 3. Chronological distribution of coin hoards, with complete or relatively complete composition.

Table 4. The distribution of single finds of Roman coins at face value.

10.01.2013

Др. Кирилл Мызгин, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, пл. Свободы, 4, 61022 Харьков, Украина, e-mail: myzgin@mail.ru

THE HEPHTHALITE NUMISMATICS

Aydogdy Kurbanov

1. Introduction

Central Asia and neighbouring countries have a very old and rich history. A poorly-studied and intricate period of this region is the early medieval period (4th - 6th centuries AD). During this time, "The Great movement of peoples", the migration of nomadic peoples (Huns) from Asia to Europe, took place. In South and Central Asia, great empires existed, including Sasanian Iran, Gupta and some small states. Across Central Asia, mysterious new peoples appeared: the Hephthalites, the Kidarites and the Chionites, among others. Their origins are still debated. Some scholars suppose that they were part of a Hun confederation, while others suppose they had different origins.

Generally, the early research on the Hephthalites was based only on written sources. They were mentioned for the first time in AD 361 at the siege of Edessa (modern Urfa in south-eastern Turkey) (Altheim 1960-II, 258)[1].

The Hephthalites are mentioned in the sources under different names, depending on one or another issue of their name in different languages:

- Armenian – *Hephthal, Hep't'al, Tetal* but Armenian sources also identify them with the *Kushans*.
- Greek – *Εφθαλιται* (Hephthalites), *Αβδελαι* (Abdel/Avdel), or *White Huns*.
- Syriac – *Ephthalita, Tedal*.
- Middle Persian – *Hephtal* and *Hephtel*; the Zoroastrian source "Bundahišn" calls them - *Hēvtāls*.
- Indian – *Hūna*.
- Bactrian – *ηβοδαλο (ebodalo)*.
- In Chinese sources the Hephthalites appear as *Ye-da, Ye-dien, Idi, Ye-ta-i-lito*.
- Arabic – *Haital, Hetal, Heithal, Haiethal, Heyâthelites*. In Arabic sources the Hephthalites, though they are mentioned as *Haitals*, are sometimes also refered to as *Turks*.

In the 4th - 6th centuries AD the territory of Central Asia included at least four major political entities, among them Kushans, Chionites, Kidarites, and Hephthalites. Discussions about the origins of these peoples still continue. Ideas vary from the Hephthalites considered as part of the Hun confederation to different other origins. It is also uncertain whether the Hephthalites, the Kidarites and the Chionites had a common or different origins – that is, are they three branches of the same ethnic group or are they culturally, linguistically, and genetically distinct from one another?

The Hephthalites are well represented in their coins. In fact the numismatic evidence can be considered as the most important source on their history, or rather the most clearly ethnically identifiable source.

2. General numismatic information

Controlling the Silk Road in its Central Asian part, the Hephthalites took part in world trade, with Iran, Byzantium, India and China. Either as during the previous period, the go-betweens in trade between China and Byzantium were mainly Sogdians in the Hephthalite Empire; but the role of the intermediator to this trade was also pretended to by Sasanian Iran. In that period the Sogdians continued the colonization of Semirechye and Eastern Turkestan which had begun under the Kushans. According to the reports from Byzantine, Syrian and Chinese sources, the main trade goods between China and Byzantium were silk, glass, spices, jewels and paints.

The Hephthalites had several types of the coins (Массон 1974, 154). There were three types of inscriptions on their coins: Bactrian used in the territory of Bactria, Pehlevi in the territory of

[1] Other researchers give another date - AD 384 (Гумилев 1959, 129; Ртвеладзе 1999, 271).

the Kabul valley and Brahmi on coins minted in northern Pakistan (Mitchiner 1975, 157).

The Bactrian inscriptions in script were often added to the coins, either by the Hephthalites for trade with Iran or by the Sasanians for tribute. The Hephthalites especially in Central Asia adopted the Sasanian style on their silver coins, e.g. crown and fire altars.

Also a number of areas that were part of the Hephthalite Empire continued to mint their own coins, so there are no unified coins. Thus, since the end of 5th century until the second half of 7th century AD drachmas of Peroz were widely spread. But it is unknown whether they were minted here or came from other areas (Ртвеладзе 2002, 21).

In Chaganian, the Termez-imitation coinage of Sasanian kings Peroz and Khusrow I Anushirvan. In Sogd the Chinese type circulated – a round coin with a square hole in the center.

The Sogdian silver imitation coins of Warahran V are of certain interest: profile of the shahinshah with toothed crown and facing a fire altar in the centre, on the edge of which figure the guards of the sacred fire, while on the altar there is also the head of a deity. The main difference is the inscription. On Sogdian coins the Pehlevi inscriptions with the name of the shahinshah was changed to local Sogdian. These coins were given the name "coins of Bukhar-Khudats" and were produced in Bukhara during the second quarter of the 5th century AD up to the 7th century AD. In this territory copper coins with a scene on one of the parts of a Bactrian (two-humped) camel, being the zoomorphic transformation of the Zoroastrian god of the war, Veretragna, were also wide-spread.

In the mintage of the coins from western Sogd and Chach there are many parallels: tamgha, traces of head deforming of the ruler, crescent in front. All are adopted in these areas as composite parts in the state of the Hephthalites (Мусакаева 1994, 46-47). The symbols of moon and sun on the coins of the Hephthalites in the opinion of Solovyov indicated that the kings wish to show he was supported by the gods Mithra and Anahita (Соловьев 1997, 160).

Sometimes, in Sogd, Chach and Chaganian coins were produced after Byzantine type with images of the king and queen. In the second half of the 7th century in Kobadian coins in circulation were made of copper and had a Hephthalite italic text. This type has been conditionally named "Munchak", after the site Munchak-tepe (Соловьев 1997, 69).

In general, the differences in the composition of the monetary mass indicate the political separateness of holdings during the reign of the Hephthalites and after them (Ртвеладзе 1983, 75).

In the studying the Hephthalite coinage the following specialists are of outstanding importance: A. Cunningham, V. Smith, H. Junker and M. Alram. A very great role in early medieval Central Asian numismatics is taken by R. Göbl. In 1967 he published the multivolume work *"Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien"* which is still basic and where he reconstructed the typological sequences of the coins determining four groups of nomads – Kidarites, Alchons, Hephthalites and Nezaks. In contradistinction to the European Huns he created the term "Iranian Huns", based on the fact that the Huns in Central Asia adopted the language and cultural habits of the Iranian world, especially in coinage. This system does not include the Chionites because of the lack of numismatic evidence, despite the fact that there is written evidence for their existence from the 4th century AD. Here we would like to show the main points of R. Göbl's classification[2].

3. R. Göbl's classification of "Iranian Huns" coinage

Following Göbl's classification, based primarily on coins, there were four different migrations of the "Iranian Huns": the Kidarites, the Alchons, the Nezak (*Nspk*) kings, and the Hephthalites. Göbl has shown that Ghirshman's readings of the coin inscriptions, on which all the preceding arguments were based, to be incorrect. He has interpreted this word as Bactrian *alxono* and identified it with the Alchons who migrated into Iran at the end of the 4th century AD and invaded India in the middle of 5th century AD (Göbl 1967-I, 56-57, 70-72, 218-219; Göbl 1967-II, 59- 66, 149, 165, 237).

He also corrected the reading *HΠTLA HIONO* to *XIITILO OXONO*, referring to the Alchon ruler

[2] It must be mentioned that after the copper scroll inscription in Schøyen collection (see Melzer 2007, 251-314), which give us a new view to the early medieval history of this region. The classification of Göbl, should be revised in some aspects.

Khingila (ca. 430-490) (Göbl 1967-I, 72) and thus eliminated the grounds for linking the Hephthalites with the Chionites, besides showing that there is no numismatic evidence for the latter.

As Alram notes, studying of the coinage of the "Iranian Huns" has some particular problems: "The relative chronological sequence of the individual coin types within the four coinage groups is established in its broad outlines, but the absolute chronology is far from settled. The same is true of the mints. Although many interrelated ensembles bearing the mark of a common mint can be discerned as being connected, too many links are missing in the chain to give a clear picture. The place names attributed to the mints are to be understood as hypothetical; thus a region or province is cited more often than a specific town... Finally, the legends written in Middle Persian, Bactrian, or Indian are problematic, as their reading and philological interpretations remain controversial" (Alram 2004, 571).

Kidarites: The first wave of the "Iranian Huns", according to Göbl's reconstruction, were the Kidarites (in Göbl – emission, further Em. 11-18). They began minting coins following the late Kushan, the Kushano-Sasanian, and the Sasanian examples in the Kapisa-Kabul area and in Gandhara during ca. 385 - ca. 440 (Göbl 1967-I, 24). The Kidarites came into the legacy of the Kushano-Sasanian governors and used their mints. In the area of Kapisa (present-day Begram) and Kabul they struck gold scyphate dinars after the Kushano-Sasanian models. The obverse represents the king sacrificing at an altar accompanied by the Bactrian legend *bago kidoro oazorko košano šao* "Lord Kidāra, great king of the Kushans". The reverse depicts Shiva in front of his bull Nandi. Finding of the hoard from Tepe-i Marenjan (near Kabul) gives us more information about the Kidarites and their coinage. This hoard contains eleven scyphate dinars of Kidara as well as a number of Sasanian drachms, the latest were of Shapur III (383-388). Due to the hoard it is supposed the beginning of the Kidarite rule was in the AD 380's (Alram 2004, 572).

The Kidarites in their coins minted in Gandhara, imitated Sasanian type of drachms. Kidara assumed a new crown copied from his Sasanian adversary Yazdegerd II (438-457), with five crenels surmounted by a half-moon. Some coins have legend in Brahmi *kidāra kusāna sāhi* "Kidāra king of the Kushans" (Grenet 2002, 207). The Kidarites used only elements of Sasanian crowns on their coins and there are no typological links between them and those of the Alchon Huns (Vondrovec 2008, 33).

The Kidarite golden dinars have the late Kushan type with enthroned deity Ardokhsho on the reverse and are localized in Punjab. It is supposed that the name "Kidāra" was originally a personal name and later became as dynastic. The coin legends describe Kidara not as a Kushan but as the ruler over the Kushans (Göbl 1967-II, 52-55; Alram 2004, 572).

The Kidarite rule in Gandhara probably ended before AD 450 according to numismatic data, although the last Kidarite embassy to China was sent after AD 477. Grenet has argued the reading of the Bactrian legends on the golden scyphate dinars from the hoard of Tepe-i Marenjan, and he has interpreted the first part of the legend as *bago kioooooo* "Lord Kay Wahram" rather than as "Lord Kidara". Thus he attributes the coins to Kay Wahram, one of the last Kushano-Sasanian rulers (Grenet 2002, 206-207).

The Kidarite presence in Sogd is indicated by the existence of seven rare silver coins minted in Samarqand, which continue the portrait/standing archer design of earlier coins from this region, but carry the name Kidara (*κγδτ*) on the reverse (Zeimal 1996, 120, 129).

In general, coin series of Kidara (following Chattopadhyay) can be divided into three groups:

1. Gold coins of Kushan type with an inscription in Brahmi;
2. Silver coins of Sasanian type with an inscription in Brahmi and sometimes in the Pehlevi;
3. Copper coins of Kushan and Sasanian type with an inscription in Brahmi (Chattopadhyay 1967, 115).

Other researchers note the Kidarites after c. AD 370 supplanted the Kushano-Sasanians in Bactria, Kabul, Gandhara and last Kushan in Punjab, they started to mint:

1. gold coins of the Kushano-Sasanian style with names *Kidara* and *Warahran* (last Kushano-Sasanian ruler);
2. silver coins of Sasanian style with names *Peroz, Kidara* and *Warahran*;

3. copper Bactrian style coins with name *Warahran* (Errington, Curtis 2007, 86).

J. Cribb writes: "When Kidara is named on the coins he is given the same title as the Kushano-Sasanian kings Kushanshah. This could be understood in three ways: Kidara was a direct successor of the Kushano-Sasanians, he was not Sasanian but borrowed the title they used, or he was a Kushan and had the right to adopt it. There is nothing implicit in the form of inscription on the coins or in the coins themselves to confirm or even point to any of these explanations. The only possible hint at their origin lies in the apparent earlier appearance of the names of these rulers on their coins of the Punjab series" (Cribb 1990, 181).

Alchons: The second wave of "Iranian Huns", following Göbl, was that of the so-called "Alkhon", Em. 33-176 (Göbl 1967-I, 54-125) and 177-193 (unknown but could be related to the Alchons) (Göbl 1967-I, 126-132). Their name is almost exclusively known from inscriptions on coins, which Göbl interprets as *alxono* (Göbl 1967-I, 56-57, 70-72, 218-219; Göbl 1967-II, 59-66)[3], and in which the component *-xon* represents a Hun name. The Alchons pushed out the Kidarites and finally occupied the whole of north-western India. They represented the group of Huns who were called "Hūnas" in the Indian sources. In the anonymous coin group (Em. 33-39), the first personal name appearing on the Alchon coins is Khingila (Em. 40-89, 91-107, 112, 117-118), then Toramana (Em. 90, 108-111, 113-116, 119-133, 146, 146A), Mihirakula (Em. 134-137, 152-165), Em. 139-145 is unclear either related to Mihirakula or his successors and Narana /Narendra (Em. 138, 147-151, 171-176). Their coinage forms a group of more than 150 different types which are related to one another primarily in terms of typological criteria (Göbl 1967-II, 58, 70). But this model Khingila-Toramana-Mihirakula contradicts the copper scroll inscription in the Schøyen collection (Vondrovec 2008, 27).

The earliest type coins of Khingila (according to Göbl ruled in AD 430/440-ca. 490) are related to the anonymous issues Em. 40-43. Em. 44, 66 and 66A are bilingual: the Bactrian *alchonno* and Brahmi *Khingila*. Em. 81 is the latest type bearing Khingila's name and was issued at the end of the 5th century, although Göbl supposed that Em. 82-89, 91-107, 112, 117-118 were related to this king. The legends are in Bactrian, Indian (Brahmi), or in both languages and mention various titles and sometimes also the name of the king (in Brahmi *Khigi, Khigila,* or *Khingila*). There is an influence, which belongs to the Indian religious tradtion, but at the same time the Sasanian fire altar remains on the reverse (Göbl 1967-II, 59-66). Alram notes that coins of king Khingila provide the first prototypes for the coins in the Kabul hoard. During Khingila's reign, the king began to wear a crown which, at first, consisted of a simple crescent placed above the forehead (Alram 1999-2000, 131-132).

The coins with the name of Khingila in Brahmi geographically should be placed in eastern Afghanistan or present north-western Pakistan and temporally they should fit generally into the Hephthalite period of the 6th century AD, probably towards the end rather than the beginning (Frye 1986, 515).

After Göbl Khingila was succeeded by Toramana (490 - ca. 515), called in Brahmi: *Tora*, *Toramāna*. Under his leadership the Alchons in c. AD 500 got Malwa (Central India). Coins with name of Toramana were found in large quantities in Malwa, in Punjab and in Kashmir (Melzer 2006, 260).

Then was Mihirakula (ca. 515-542), called in Brahmi *Jayatu Mihirakula*[4] or *Shri Mihirakula*. An increasing deterioration of the silver content of the drachms is observed in the coins issued during his reign. After his death, about AD 542, some of the Alchons moved back westwards into the Kapisa-Kabul-Gazni area and clashed there with the Nezak kings (Alram 2004, 571-573).

Toramana and Mihirakula mainly minted silver and copper coins. The silver coins of Toramana

[3] Although H. Humbach (1966-I, 29) suggested *alxonno* and G. Davary (1982, 46, 154) – *alxanno* where alxanno is similar to *rājālakhāna* and Lalliya Sāhi, founder of the Hindu Sāhi dynasty; Alram writes: "It is not clear whether the Bactrian *alxanno* is a personal name that was subsequently used as a dynasty name, or whether it is the name of a tribe or a title. However, certainty exists, that the name Alchon links a whole range of coins. To these can be related to further issues which do not attest the name but show typological criteria attributed to the Alchon group. However, by no means can it be ruled out that Alchons are to be understood as a clan of the Hephthalites": Alram 2004, 572; According to Vaissière (2005, 16) the reading of some coins should be *alchanno*, and linked with the Indian legend *rājālakhāna* (rājā alakhāna).

[4] The title (in Brahmi) *jayatu* which had Mihirakula and one of his successors Narendra on coins can be explained as *let him be victorious*: Errington, Curtis 2007, 97.

are known in three versions, those of Mihirakula coins in two (Shankar 1998, 190-191).

On the obverse of Mihirakula's silver coins we see the king's head and on the reverse the legend "*Jayatu Mihirakula*" or "*Mihirakula*" in Brahmi (Banerji 1962, 60). With regard to the copper coins, they were of two types. Mihirakula's coins bear the following inscription "*Shri Mihirakula*" or "*Jayatu Mihirakula*". On the reverse there is usually the image of the bull Nandi, a symbol of the god Shiva, which shows a commitment of Mihirakula to Shivaism (Stein 1905, 83). The large copper coins of Mihirakula show the king riding on a horse with the legend Mihirakula in Indian characters, and on the reverse the goddess Lakshmi. This is an imitation of the Gupta horse rider type of coins. A few coins of Toramana were restruck by Mihirakula (Banerji 1962, 60).

The three groups of copper coins of Mihirakula are:

1. Small coins which were found in Eastern Punjab and in Rajputana have a Sasanian type. On the obverse we see the king's head with the legend in Indian characters "*Shri Mihirakula*"; on the reverse a humped bull with the Indian legend "*Jayatu Vrisha*";
2. The middle-sized coppe coins are copies of Kushan types. The king standing with a spear in left hand and with the right hand held downwards over a small altar. The legend in Brahmi reads "*Shri Mihirakula*"; on the reverse the goddess Lakshmi is seated with cornucopiae;
3. The large copper coins present the Raja on horseback with the legend in Brahmi "*Mihirakula*"; on the reverse we find the goddess Lakshmi (Cunningham 1893, 2)[5].

During the excavations in Buddhist monastery at Hadda (Jelalabad) was found along with drachma of Kidara, 16 Alchon drachmas, among them 2 coins are imitation of Shapur II's drachmas (Errington, Curtis 2007, 93).

In the Buddhist monasteries of Taxila (Bhamala, Lalchak and Dharmarajika) was found in total 32 silver coins, issues of Khingila and Javukha (Marshall 1960, 176-180; Errington, Curtis 2007, 98, 133).

Small hoard of 16 Alchon coins, earlist type with crescent behind the head, was found during excavation at monastery in Shahji-ki Dheri at Peshawar in 1911 (Errington, Curtis 2007, 99).

Among the coins from Shahji-ki Dheri a good specimen of the very rare silver coinage of the Mihirakula should be noted. The legend in Brahmi reads "*Jayatu Mihirakula*". There are specimens of a silver coin exhibiting the bust of a king in front of which is the sun-standard. Over it in Brahmi "*Jayatu*", and the name of the king which has been read as *Balasara*, *Bagamsara*, or *Baysara*, which appears to be a new name (Whitehead 1913, 481-482).

After Mihirakula, only known name from coins is Narana/Narendra, in Brahmi *Na, Nara, Narana* or *Narendra* (ca. 570/80 - 600 (?)). The leader of the Alchons, assumed the bull's-head crown of the Nezaks on his own drachms minted in Gandhara. Further evidence for the Alchons' remigration from India is offered by overstrikes between Alchons and Nezaks, found in a hoard near Kabul, dateable to the second half of the 6th century AD. This is supported by the further typological development of the Nezak coinage from the Kabul-Gazni area, which unexpectedly shows elements of the Indian Alchon coinage (Göbl 1967-II, 70-71).

Alram also supports the theory of Göbl that after the defeat of Mihirakula in India (AD 528) the group of Alchons re-emigrated from Gandhara, westward across the Khyber Pass, to the Kapisa-Kabul area where they clashed with the local Nezak kings. This can also be demonstrated by Nezak coinage which was parallel to the Indian Alchon coinage and assigned to Afghanistan south of the Hindukush. The conflict between Alchon and Nezak is also visible in the coinage of the Alchon king Narana/Narendra, who wears a bull's-head crown on some of his Gandharan issues. He was the victorious leader of the Alchon forces who fought against the Nezak in the Kapisa-Kabul re-

[5] Harmatta (1984, 187) writes: "The type of coins minted by Toramāna, Pravarasena, Narendrātitya and Gokarna exactly reproduce the gold coins of Kidara, which again follow the type of coins struck by the Late Kushana kings of north-western India. The Hephthalite kings of Kaśmīr had maintained even the legend "Kidara" on the reverse of their coins. This fact can only be explained by the assumption that the Hephthalite dynasty of Kaśmīr was the immediate successor of the Kidarite Hun kings who ruled there. As it is proved by the legend of their coins, the Hephthalite kings of Kaśmīr wanted to be regarded as the legitimate descendants and heirs of Kidara and this claim is only comprehensible if Kidara also ruled over Kaśmīr".

gion and he issued Em.150 of the Kabul hoard (Alram 1999-2000, 131-134; Alram 2002, 25; Alram 2004, 572-573; Alram 2006, 5)[6].

This ruler was Pravarasena II, probabvly the son of Toramana, who ruled for about 60 years in the opinion of other researches. He minted coins with legends in Brahmi reading "*Shri Pravarasena*" on the averse and "*Kidara*" on the reverse (Smith 1907, 93-95; Dani et al. 1996, 169, 176). Different data indicates that he was Khingila or Narendraditya, not Pravarasena II, and perhaps this was his Indian title or the translation of his name from the Hephthalite language (Cunningham 1967, 26). Bivar supposes that Narana can be identifyed with Narendraditya (Bivar 2005, 320-321)[7].

Based on numismatic materials, Alram suggests that in the last decade of the 4th century AD the Alchons crossed the western passes of the Hindukush to the Kapisa-Kabul area, and pushed the Kidarites from there. Mint of the first coins has started in the area around Kapisa and Kabul during the last decade of the 4th century (c. AD 390). During the first phase of their coinage the Alchons used the original dies of Shapur II. They re-engraved a Bactrian word *alxanno* instead of the original Pehlevi legend, on these obverse dies. In the second phase a tamga was added in front of the bust, in the third phase of the coinage a crescent appeared behind the crown. The fourth phase of the Alchon coinage has the same two symbols (tamgha and crescent) noted above, but for the first time, the obverse bears the typical bust of a king, which is placed on top of a floral motif. In front of the bust is the same legend in Bactrian and behind the bust, the name *Khingila*, written in Brahmi letters. This is the first bilingual coin type, and the use of Brahmi demonstrates that this type was probably struck in Gandhara. This is supported by the hoard of sixteen drachms of these early types, which was found in Gandhara at Shahji-ki Dheri (Alram 1996, 520-524; Alram 1999-2000, 131)[8].

A recently discovered copper scroll shows that Javukha was a real royal person. In the Göbl's classification Em. 49-51 and 82 have this name but are attributed to Khingila because he supposed that Javukha was title of this king. Em. 117 and 118 have the Bactrian legend *ζαβοχο* (Zaboho) on the obverse together with a horseman, probably a king. Davary suggested that coins with the Bactrian legend *Zaboxo* are the same name as the Brahmi *Javukha* (Davary 1982, 296). According to Vondrovec, in the light of typological and and numismatic evidence, these rulers had close economic contact with the Guptas, probably in Gandhara, because their coins (coins of Javukha and coins with the name Zaboho) show great influence from the Gupta coins (Vondrovec 2008, 28).

The copper scroll inscription suggests that Mehama was one of the Alchon kings in Bactria[9]. To the coins of Mehama in Brahmi are related Em. 71, 73, and 74, and the unpublished Em. 316. A Bactrian version of his name *μηαμοι* (*meiano*) is attested in Bactrian documents and in some seals from the collection of Aman ur Rahman. Em. 62 and 63 display *μηο,* although mostly not clearly legible, probably a short version of his name (Vondrovec 2008, 29).

All coins of Khingila and Javukha were discovered south of the Hindukush, in the area between Sadiqadad (near Begram) and Taxila. There are no any Alchon coin finds north of the Hindukush was reported. But the copper scroll inscription shows that their influence also extended to north (Talaqan). Vondrovec supposes that the Hephthalites possibly belonged to the same tribe (Vondrovec 2008, 30). A branch of the Alchon Huns remained in Bactria and thus must have come under the control of the Hephthalites, either after their first major victory over the Sasanians in AD 474 or after the death of the Peroz in AD 484. This is a major amplification of the theory that the Alchons moved south into Gandhara, whence they were driven out in the late 6th century into the Kabul region, where they mixed their coin types with those of the Nezak kings (Vondrovec 2008, 32).

[6] Vondrovec (2003, 160) thinks that the mint of the Nezak Shah, which produced Em. 198, was captured by the Alchons, who immediately started minting their own coins.

[7] In general, Bivar does not agree with Göbl's classification. Following Bivar Mihirakula was succeeded by Alkhana (or Lakhana) with *biruda* (title of honour) Udayaditya, and then he was followed by Khingila with *biruda* Narendraditya, the last ruler being a person (his name is unknown) who had *biruda* Purvaditya. Bivar suggests that it would be correct to separate the coinage of Narendraditya from that attributed to Khingila, or to ascribe to Khingila coins with the legend *Sahi Purvvaditya*, and place them before Mihirakula at the beginning, rather than towards the end of the series: Bivar 2005, 321.

[8] Verardi and Paparatti (2004, 101) suppose that the clashes between Nezak (Buddihist) and Alchon (Hinduist) were on religious grounds.

[9] The area of Talaqan was part of lands where ruled Mehama with title "mahāşāhi": Melzer 2006, 262.

After the copper scroll inscription we can say about simultaneous reigning of Khingila, Toramana, Javukha and Mehama in different region and there was some kind of co-existence between them.

Nezaks: A third group of coins of the "Iranian Huns" can be attributed to the so-called Nezak (Nspk) kings (Em. 198-254, 256-271), who settled in Afghanistan south of the Hindukush in the Gazni and Kabul area from ca. 460 onwards.

According to Göbl this group consists: Nspk from Kabul (Em. 198-199), Nspk from Gazni (Em. 217-222), Şāhi Tigin (Em. 200-216A, 236-246, 252-254, 256-259, 265-271), Phromo Kēsoro (Em. 247-251) to this he adds also Zābulit – viceroy of Şāhi Tigin in Khorasan (Em. 260-264) and Alchons returned from India (Em. 225-235) (Göbl 1967-I, 25).

The Nezak kings minted drachms that are completely unmistakable and follow the Sasanian examples. Like all the other "Iranian Huns," they became acquainted with money first through Sasanian currency, which they received as payment for military service rendered for Persia; they minted it themselves only when these payments stopped (Alram 2004, 573).

The important characteristic of the Nezak coinage is the bull's-head crown of the kings, which is unmistakably encountered throughout the series. Coins have the Pehlevi legend *nycky MLK*' "Nezak Shah". On the obverse was placed the Sasanian fire altar with attendants, over whose heads are two small wheels or sun rosettes, a feature which is a typical element of the Nezak coinage.

Legend had formerly been interpreted as *Napki* (*npky*) and which was re-interpreted by Göbl as *Nspk* was the third wave (after AD 450). The correct reading, which was accepted by Göbl, is *Nezak*, which probably represents the title of a ruler (Schottky 2004, 576).

According to Göbl Nezak coinage is divided by style and typological details into two groups. Group I started to mint at the middle of the 5th century with a characteristic feature of the obverse - the bull's head crown. The legend is written in Pehlevi and was read as *nycky MLK*. The floral motif under the bust has a close parallel among Alchon issues. On the reverse is the Sasanian fire-altar flanked by two standing figures, each of whom holds a long scepter. Above each figure, there is a small rosette or sun wheel, which is also a characteristic feature of this Nezak coinage (Göbl 1967-II, 72-73).

Group II appears during the later phase of Group I. The two groups are distinguished by stylistic variations, letter forms in their obverse legends and the sun wheels on the reverses of Group II are much larger than in Group I. Probably coins were minted in two different mints: group I in Ghazni and group II in Kabul, as indicated by many single coins purchased in the Kabul bazaar and the Gardez hoard, which appeared on the Kabul market in 1962 and contains only Nezak coins from Group II, when Nezak took it from the Alchon shortly after the death of Toramana in AD 515. The purity of the drachms changed and finally become a pure copper. This phase of inflation runs partly parallel to that of the Indian Alchon coinage of Mihirakula (Göbl 1967-II, 71-89; Alram 1999-2000, 132-133).

The Nezak kings, according to Alram, were presumably local rulers of Kapisa-Kabul-Zabul region, as also proposed by Kuwayama, and not Huns as Göbl thought (Alram 1999-2000, 134-135). Vondrovec thinks that the identification of the Nezak Shahs is still unclear concerning their material culture or their absolute chronology. They are only known from their coins and Chinese stating that they established their hegemony in the area of Ghazni and Kabul-Kapisa in the second part of 5th century AD. The Alchons took Gandhara from their control in the middle of the 5th century AD (Vondrovec 2008, 276).

Hephthalites: The fourth group of coins of the "Iranian Huns" is that of the *proper* or *genuine* Hephthalites (Em. 282-289). According to the coins it is supposed that they did not cross the Hindukush southwards, but kept their main seats in eastern Khorasan. Although Göbl believed that there is no evidence that Bamiyan could mint the Hephthalite coins, it is noted that two coins represented in the catalogue related to the "Iranian Huns" have been found here (Baker, Allchin 1991, 11).

In general, the Hephthalite coinage is placed between AD 476/77, when Peroz was captured and received freedom for a ransom of 30 mule-loads with silver drachmas and AD 563/565 when they were defeated.

The episode of Peroz's ransom was confirmed by numerous finds of drachmas of this king in northern Tokharistan, where the coins and their

later imitations took precedence over all other Sasanian issues (Zeimal 1994, 253). The multiple discoveries of Hephthalite low-grade drachmas in the 5th century AD in ruins of settlements in Transoxiana speak of the broad circulation in this territory. On the averse these monetary units there is depicted the head of a king with crown (similar to the Sasanian headdress), while on the reverse we finds an altar of fire and two protecting guards (Неразик 1963, 422-423). In Tokharistan the Peroz silver drachms circulated with countermarks in Bactrian and with tamghas identifying the local rulers (Cribb 2007, 370). Thereafter, the third coin type of Peroz determined the monetary system of the Hephthalites in Tokharistan, and they eventually minted imitations of it (Göbl 1967-I, 24-26; Göbl 1967-II, 89).

One of the largest imitation groups attributed to the Hephthalites in Göbl's work is Em. 287. On the obverse an imitation of the bust of Peroz is shown with his third crown, on which, over the crown cap, there are outspread wings, perhaps symbolizing the *vārəγna*, the bird of Verethragna (Middle Persian Bahrām), the Iranian god of victory. In front of the bust are written the Bactrian letters *ēb*. Outside the circle four big dots are engraved on the dies. The reverse imitates the third type of Peroz's coinage with the characteristic monogram M-P (*MLK' Peroz* - "King Peroz") in the left field. In the right field the name of the mint *baxlo* "Balkh" is written in Bactrian letters, which confirms that the place of issue was north of the Hindukush. The letters *ēb* were interpreted by Humbach as an abbreviation of *ēbodalo* "Hephthalite" (Humbach 1996, 209-212) and they have since been read on another new Hephthalite issue (287A) that shows the bust of a Hunnish prince holding a drinking cup in his right hand. This type of the Hephthalite coins has a close analogy with the image on "Stroganov" silver bowl from State Hermitage museum in Russia (Alram 2002a, 149-153; Alram 2004, 573).

Several Hephthalite coins were found in Central Asian sites:

1. In Kara-tepe, silver coin with Hephthalite stamp, which has an over-strike, showing an heart with trefoil (Вайнберг, Раевская 1982, 66-67).
2. In Khairabad-tepe, imitation of Peroz's coin dates to the second half of the 5th or the beginning of the 6th centuries AD (Альбаум 1960, 45-46).
3. In excavations of a settlement located on the road Termez-Angor, not far from the Angor a further similar coin was discovered (Альбаум 1960, 57).
4. A silver coin, also Peroz imitation, dated to the end of the 5th or the beginning of the 6th centuries AD, was found in Dalverzin-tepe (Пугаченкова, Ртвеладзе 1978, 22-23).
5. In Budrach, situated in 10 km to north from Dalverzin-tepe, two coins were found which are imitations of Peroz's coins (Göbl's Em. 287) (Ртвеладзе 1987b, 120-121)[10].

The Hephthalite imitations of Peroz's coins carrying the mint *baxlo* can be distinguished into two groups:

1. The larger group carries the Bactrian letters *ēb* or *ēbo* (for *ēbodalo*, "Hephtal") on the obverse and the king's head in front;
2. This group, instead of the Bactrian legend, shows a crescent in the right field above the diadem ribbon and a star in the left field.

A characteristic feature of both types is four big dots outside the ridged border. A minor typological variation only occurs in group one where between crown cap and crescent either a simple dot is engraved, as is case on the Sasanian prototype, or a triplet (three little dots arranged in a triangle) is depicted (Alram, Lo Muzio 2006, 134). Lerner notes that on some coins of the Hephthalites a lion's head was used on the crowns (Lerner 2009, 222).

According to Kabanov many copper coins found during excavations of Shor-tepe (3 km south from Karshi) can relate to the Hephthalite governor of Nakhsheb. The coins show the head of the governor on the front side, without crown, turned left, beardless, with a long straight nose, while on the reverse a man is killing a lion with a sword. On avers, in front of the person's face, there is an Aramaic legend. The picture of a ruler with elongated head is similar to the images on the Hephthalite coins minted in India. The coins are dated between AD 480 and 563/567 during the time when the Hephthalites set up their own authority and became rulers of Nakhsheb. The fact that the governor is depicted without crown was explained by Kabanov in the sense that they did

[10] Ртвеладзе 1987b, 120-121; He notes that among the coins imitating Peroz's coins with countermarks there are samples with Bactrian inscription – *αλχονοχδηο*: Ртвеладзе 1987a, 144; Ртвеладзе 1987b, 122.

not belong to the dynasty of the supreme rulers of the Hephthalite state (Кабанов 1961, 137-144)[11].

Around the middle of the 6th century AD the first western Turks appear as a new power to the north and the east of the Hephthalites in Khorasan. The Sasanian king Khusrow I Anushirvan (531-579) made an alliance with them against the Hephthalites, and in about AD 563/65 they defeated the latter and divided their kingdom among themselves. Even in this late phase, which continued up to the middle of the 8th century AD, the issuing of drachms according to Sasanian models continued. Above all, the vast quantity of coins minted by Khusrow II Parviz (591-628) was imitated with additional local elements. The legends are often in three languages: Middle Persian, Bactrian, and Indian. From the 6th century AD on, diverse countermarks are used in the Central Asian monetary system, on both locally issued and foreign (Sasanian and Arab-Sasanian) drachms. These were intended to restrict circulation within specific political domains (Alram 2004, 573).

According to Rtveladze, in coins minted in Chaganian there are drachmas of Peroz with over coinage of Bactrian or Sogdian legends – *χδηο* and *χωβ* which show a title of ruler and the Bactrian inscription on imitation of the drachmas of Peroz over coinage, which are read as "*Hono*", "*Hionso*" and "*Alkhon*" (Ртвеладзе 1983, 75).

Images of the ruler's head, facing to the left, are placed in the ancient period only on coins of the dynasty Urkod (Girkod) (1st century BC - 3rd century AD), and then on coins of Kesh (3rd – 6th centuries AD) and the Hephthalite coins of India, mainly the Hephthalite exemples of Sasanian coins of the 5th - 6th centuries AD (Ртвеладзе 2006, 17).

Rtveladze supposes that the Hephthalites terminated the local dynasty in Chach at the end of the 5th century, replacing it with their own, and here produced copper coins with their tamgha (Ртвеладзе 2006, 114).

In the National History Museum in Tashkent there are two copper coins (similar to 5 coins in the collection of the State Hermitage in St. Petersburg), depicting a ruler on the front side and horses on the back. These coins in the opinion of Rtveladze, found in the region of Bukhara, perhaps belonged to the Hephthalite king Gatfar (Ртвеладзе 2004, 106-109). However, according to M. Fedorov the assignment of these coins to Gatfar is due to a wrong reading of the inscriptions by Rtveladze. These coins, according to his own reading, bear the name Kavad, not Gatfar (Fedorov 2005, 196-197).

Ilyasov, based on an analysis of the tamgha of the ruler of Pendzhikent, Gamaukyan (or Hamaukyan), on coins of the second half of the 7th century AD, notes that he was most likely of Chionite-Hephthalite origin (Ilyasov 2003, 141-143; Ильясов 2004a, 54-59).

4. Goboziko / Tobazin(i/o) coins

In the opinion of Vainberg the Sasanian Empire, allied with the Chionite nomads who lived near the eastern borders of the Empire, conducted a military campaign against the Kushans in the late 70's of 4th century AD. However, in the late 80's, the situation changed and the Chionites, together with the Kidarites, launched a war against the Sasanians and drove them from the former Kushan lands. As a result, in the south of the Hindukush, the kingdom of Kidara appeared. The Chionites moved into the area of Kabul and later northern India. This group of tribes was part of the Chionites, creating an independent principality in the territory of Tokharistan and beginning to mint coins bearing the inscription *Goboziko* (end of the 4th - first half of the 5th century)[12]. At the same time, in eastern Tokharistan and Badakhshan, the Hephthalite state formed. Later, in the 40s of the 5th century, the mint of the Kidarites and the Chionites (Goboziko) in Tokharistan broke down as a result of the conquest of the territory by Yazdegerd II (Вайнберг 1972, 136-138).

Ghirshman reads the legend as "Shaho Zabula" (Ghirshman 1948, 34-35). Humbach proposes two readings of this name: Gobozini and Gobozoko, presuming that the latter should be more correct (Хумбах 1975, 61-62). According to Alram a new reading of this name should be T/Gobazin(i/o) (Alram 2008, 259), while Rtveladze reads the legend as Gobozona/Goboz(a) and translates it as *ruler of Gobzon*. He supposes that Goboz was the territory between southern Sogd and the Amudarya (Ртвеладзе 1999, 109).

[11] M. Masson opposes this theory. He thinks that these coins do not belong to the Hephthalites, because they have no stylistic similarities. These coins were minted by Parthian rulers from the Arsakid dyynasty who survived in different regions of Central Asia after the collapse of their empire in AD 224/226. One of them could establish his power in the Kashkadarya region and minted this type of coins in the 3rd - 4th century AD: Массон 1977, 135-137.

[12] According to Göbl's classification this type of coins belongs to Em. 32: Göbl, 1967-I, 53-54; Göbl, 1967-II, 56; Göbl 1967-III, Pl. 14.

Bibliographie

Alram 1996: M. Alram, Alchon und Nēzak zur Geschichte der iranischen Hunnen in Mittelasien. In: La Persia e L'Asia centrale da Alessandro al X secolo (Roma 1996), 517-552.

Alram 1999-2000: M. Alram, A hoard of copper drachms from the Kāpiśa-Kabul region. Silk Road art and archaeology 6, 1999-2000, 129-150.

Alram 2002: M. Alram, A pair of molds for making cast imitations of a Hunnic drachm. Journal of the Society for Ancient Numismatics XXI, 2002, 24-25.

Alram 2002: M. Alram, A Rare Hunnish Coin Type. Silk Road art and archaeology 8, 2002, 149-153.

Alram 2004: M. Alram, Hunnic coinage. In: (Ed. E. Yarshater) Encyclopaedia Iranica XII. 6 (New York 2004), 570-575.

Alram 2006: M. Alram, A pair of moulds for making cast imitations of a Hunnic drachm. Serie Orientale Roma C, 2006, 3-6.

Alram 2008: M. Alram, Ein Schatzfund Hephthalitischer Drachmen aus Baktrien. Numismatische Zeitschrift 116/117, 2008, 253-268.

Alram, Lo Muzio 2006: M. Alram, C. Lo Muzio, A new coin type of the Khalaj? Journal of Inner Asian Art and Archaeology 1, 2006, 133-139.

Altheim 1960: F. Altheim, Geschichte der Hunnen II (Berlin 1960).

Baker, Allchin 1991: P.H.B. Baker, F.R. Allchin, Shahr-i Zohak and the History of the Bamiyan Valley Afghanistan (Oxford 1991).

Banerji 1962: A. Banerji, Hūnas in Mewar. Journal of the Asiatic Society IV, 2, 1962, 57-62.

Bivar 2005: A.H.D. Bivar, The jewel of Khingila: a memento of the great Buddha of Bamiyan. In: (Eds. O. Bopearachchi, M-F. Boussac) Afghanistan, ancien carrefour entre l'est et l'ouest (Turnhout 2005), 319-329.

Chattopadhyay 1967: B. Chattopadhyay, The Age of the Kushānas – A Numismatic study (Calcutta 1967).

Cribb 1990: J. Cribb, Numismatic evidence for Kushano-Sasanian chronology. Studia Iranica 19, 2, 1990, 151-193.

Cribb 2007: J. Cribb, Money as a marker of cultural continuity and change in Central Asia. In: (Eds. J. Cribb, G. Herrmann) After Alexander Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy 133 (Oxford 2007), 333-375.

Cunningham 1893: A. Cunningham, Later Indo-Scythians. Ephthalites or White Huns. In: (Eds. J. Evans, B. Head, H. Grueber) The Numismatic chronicle, and the Journal of the Numismatic society XIII (London 1893) 243-293.

Cunningham 1967: A. Cunningham, Coins of medieval India (Delhi 1967).

Dani, Litvinsky, Zamir Safi 1996: A.H. Dani, B. A. Litvinsky, M.H. Zamir Safi, Eastern Kushans, Kidarites in Gandhara and Kashmir, and Later Hephthalites. In: (Ed. B.A. Litvinsky) History of civilizations of Central Asia. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750 III, 1996, 163-183.

Davary 1982: G. D. Davary, Baktrish: ein Wörterbuch (Heidelberg 1982).

Errington, Curtis 2007: E. Errington, V.S. Curtis, From Persepolis to the Punjab. Exploring ancient Iran, Afghanistan and Pakistan (London 2007).

Fedorov 2005: M. Fedorov, On Some Articles in the Resent Issues (Nos. V, VI, VII) of the Нумизматика Центральной Азии (Numismatics of Central Asia). Central Asiatic journal 49, 2005, 175-203.

Frye 1986: R.N. Frye, The Hephthalite coinage of Afghanistan. In: (Ed. I.A. Carradice) Proceedings of the 10th international congress of numismatics (London 1986), 511-516.

Ghirshman 1948: R. Ghirshman, Les Chionites-Hephtalites. Mémoires de la Délégation Archéologique française en Afghanistan XIII (Cairo 1948).

Göbl 1967: R. Göbl, Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien I-IV (Wiesbaden 1967).

Grenet 2002: F. Grenet, Regional interaction in Central Asia and Northwest India in the Kidarite and Hephthalite periods. In: (Ed. N. Sims-Williams) Indo-Iranian languages and peoples. Proceedings of the British Academy 116, 2002, 203-224.

Harmatta 1984: J. Harmatta, Kidara and the Kidarite huns in Kaśmīr. In: (Ed. J. Harmatta) From Hecataeus to Al-Huwārizmī. Studies in the sources on the history of Pre-Islamic Central Asia. Collection of the sources for the history of Pre-Islamic Central Asia I. III (Budapest 1984), 185-189.

Humbach 1966: H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler I (Wiesbaden 1966).

Humbach 1996: H. Humbach, The Peroz Hephthalite coins. In: Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978-1989 гг. (Москва 1996), 209-212.

Ilyasov 2003: J.Ya. Ilyasov, On a number of Central Asian Tamghas. Silk Road art and archaeology 9, 2003, 131-157.

Lerner 2009: J. Lerner, Animal Headdresses on the Sealings of the Bactrian Documents. In: Exegisti monumenta. Festschrift in Honour of Nicholas Sims-Williams (Wiesbaden 2009), 215-226.

Marshall 1960: J. Marshall, A Guide to Taxila (Cambridge 1960).

Melzer 2006: G. Melzer, A copper scroll inscription from the time of the Alchon Huns. In: (Ed. J. Braarvig) Manuscripts in Schøyen Collection III (Oslo 2006), 251-314.

Mitchiner 1975: M. Mitchiner, Some Late Kushano-Sasanian and Early Hephthalite Silver Coins. East and West 25. 1-2, 1975, 157-165.

Shankar 1998: G. Shankar, Ancient Indian Numismatics (Jodhpur 1998).

Schottky 2004: M. Schottky, Huns. In: (Ed. E. Yarshater) Encyclopaedia Iranica XII. 6 (New York 2004), 575-577.

Smith 1907: V.A. Smith, White Hun (Ephthalite) coins from the Panjab. The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1907, 91-97.

Stein 1905: M.A. Stein, White Huns and Kindred Tribes in the History of the Indian North-West Frontier.The Indian Antiquary XXIV, 1905, 73-87.

Vaissière 2005: É. de la Vaissière, Huns et Xiongnu. Central Asiatic Journal 49, 2005, 3-26.

Verardi, Paparatti 2004: G. Verardi, E. Paparatti, Buddhist caves of Jāghūrī and Qarabāgh-e Ghaznī, Afghanistan (Rome 2004).

Vondrovec 2003: K. Vondrovec, Coins from Gharwal (Afghanistan). Bulletin of the Asia Institute 17, 2003, 159-175.

Vondrovec 2008: K. Vondrovec, Obole in der Münzprägung der Iranischen Hunnen. Numismatische Zeitschrift 116/117, 2008, 269-300.

Vondrovec 2008: K. Vondrovec, Numismatic Evidence of the Alchon Huns reconsidered. Beitrage zur Ur-und Frühgeschichte Mitteleuropas 50, 2008, 25-56.

Whitehead 1913: R.B. Whitehead, A find of Ephthalie or White Hun coins. Journal and Proceedings, Asiatic society of Bengal IX. 11, 1913, 481-483.

Zeimal 1994: E.V. Zeimal, The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries A.D.). Bulletin of the Asia Institute 8, 1994, 245-267.

Zeimal 1996: E.V. Zeimal, The Kidarite kingdom in Central Asia. In: (Ed. B. A. Litvinsky) History of civilizations of Central Asia. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750 III, 1996, 119-133.

Альбаум 1960: Л.И. Альбаум, Балалык-тепе (Ташкент 1960).

Вайнберг 1972: Б.И. Вайнберг, Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. (в связи запустением Кара-тепе). В сб.: (Отв. ред. Б. Я. Ставиский) Буддийские культовый центр Кара-тепе в старом Термезе (Москва 1972), 129-154.

Вайнберг, Раевская 1982: Б.И. Вайнберг, Т.А. Раевская, Нумизматические заметки. В сб.: (Отв. ред. Б.Я. Ставиский) Буддийские памятники Кара-тепе в старом Термезе (Москва 1982), 64-71.

Гумилев 1959: Л.Н. Гумилев, Эфталиты и их соседи в IV веке. Вестник древней истории 1, 1959, 129-140.

Ильясов 2004: Дж.Я. Ильясов, Об этнической принадлежности правителей Пенджикента. Нумизматика Центральной Азии VII, 2004, 54-61.

Кабанов 1961: С.К. Кабанов, Нахшебские монеты V-VI вв. Вестник древней истории 1, 1961, 137-144.

Массон 1974: М.Е. Массон, Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224-651 гг.) на территории советских республик Средней Азии. В сб.: (Отв. ред. М.Е. Массон) Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции XV (Ашхабад 1974), 140-154.

Массон 1977: М.Е. Массон, Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи. В сб.: (Отв. ред. М. М. Кобылина) История и культура античного мира (Москва 1977), 131-138.

Мусакаева 1994: А.А. Мусакаева, О монетах западного Согда и Чача IV-VIII вв. In: Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Тезисы докладов конференции, посвященной 60-летию профессора Ю.Ф. Бурякова (Самарканд 1994), 46-47.

Неразик 1963: Е.Е. Неразик, Предки таджикского народа в IV-V вв. н.э. В сб.: (Отв. ред. Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский) История таджикского народа 1 (Москва 1963), 401-430.

Пугаченкова, Ртвеладзе 1978: Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе, Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана (Ташкент 1978).

Ртвеладзе 1983: Э.В. Ртвеладзе, К истории Южного Узбекистана в эфталитское время. In: Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (Москва 1983), 74-76.

Ртвеладзе 1987: Э.В. Ртвеладзе, Древние монеты Средней Азии (Ташкент 1987).

Ртвеладзе 1987: Э.В. Ртвеладзе, Денежное обращение в северо-западном Тохаристане в раннем средневековье. In: Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность и раннее средневековье (Ташкент 1987), 120-130.

Ртвеладзе 1999: Э.В. Ртвеладзе, Великий Шелковый путь: Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье (Ташкент 1999).

Ртвеладзе 2002: Э.В. Ртвеладзе, Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана I (Ташкент 2002).

Ртвеладзе 2004: Э.В. Ртвеладзе, Монеты Катфара / Гатфара – предводителя эфталитов. Нумизматика Центральной Азии VII, 2004, 106-109.

Ртвеладзе 2006: Э.В. Ртвеладзе, История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.) (Ташкент 2006).

Соловьев 1997: В.С. Соловьев, Северный Тохаристан в раннем средневековье (Елец 1997).

Хумбах 1975: Х. Хумбах, К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе. В сб.: (Отв. ред. Б. Я. Ставиский) Новые находки на Кара-тепе в старом Термезе (Москва 1975), 61-69.

Materiale numismatice referitoare la eftaliţi

Rezumat

Autorul publică materiale numismatice referitoare la eftaliţi, popor nomad care a locuit pe teritoriul Asiei Centrale şi în regiunile învecinate în sec. IV-VI a. Chr. Acest popor a reuşit în perioada sec. V-VI a. Chr. să cucerească şi să-şi extindă dominaţia pe un teritoriu destul de vast. În perioada de vârf a puterii, hotarul statului eftaliţilor s-a întins în direcţia est-vest: de la Hotan (Turkestanul Oriental) până la frontiera cu Iranul, iar pe axa nord-sud: de la stepele actualului Kazahstan până în nord-vestul Indiei, cuprinzând astfel o mare parte a Asiei Centrale, Afganistan, Pakistan, o parte a Indiei şi a Chinei (mai multe oaze din Turkestanul Oriental).

Perioada secolelor IV-VI în istoria Asiei Centrale este încă slab cercetată. Aceasta se explică prin faptul că izvoarele scrise din acea perioadă sunt extrem de sărace şi fragmentare. Confruntarea lor nu oferă posibilitatea reconstituirii unui tablou complet referitor la istoria regiunii. Şi materialele arheologice sunt foarte limitate, iar datarea acestora poartă un caracter aproximativ şi neclar. Într-o anumită privinţă, descoperirile numismatice permit lămurirea unor aspecte istorice ale zonei, îndeosebi ale celor legate de circulaţia monetară.

Doar coroborarea tuturor izvoarelor menţionate ar permite reconstituirea unei imagini mai mult sau mai puţin complete privind viaţa politică şi social-economică a statului eftaliţilor.

Нумизматические материалы по эфталитам

Резюме

В данной статье исследуются нумизматические материалы, относящиеся к эфталитам, которые проживали на территории Центральной Азии и сопредельных территориях в IV-VI вв. н.э. Именно этот народ сумел в V-VI вв.н.э. установить свое господство на довольно обширной территории. В пик своего могущества границы эфталитского государства простирались с востока на запад: от Хотана (Восточный Туркестан) до границ Ирана, и с севера на юг: от степей нынешнего Казахстана до северо-западной Индии, то есть на большей части территорий Центральной Азии, Афганистана, Пакистана, части Индии и Китая (ряд оазисов Восточного Туркестана).

Период IV-VI вв. н.э. в истории Центральной Азии наиболее слабо изучен. Это объясняется тем, что данные письменных источников, относящихся к этому времени, очень скудны и носят отрывочный характер. Сопоставление их не дает нам полной картины. Археологические материалы также очень ограничены, а датировка их часто носит приблизительный и неточный характер. Нумизматические находки в какой-то мере раскрывают некоторые неизвестные моменты истории, особенно в том, что касается денежного обращения. Но, несмотря на вышесказанное, совокупность имеющихся фактов позволяет в большей или меньшей степени воссоздать картину политической и социально-экономической жизни этого региона.

10.04.2013

Dr. Aydogdy Kurbanov, German Archaeological institute, Eurasian department, Gerda Henkel research fellow, Im Dol 2-6, Haus II, 14195 Berlin, Germany, e-mail: aydogdydk@yahoo.com

НЕИЗДАННЫЕ И РЕДКИЕ ПУЛЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ С ГОРОДИЩА НИЖНИЙ ДЖУЛАТ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

Владимир Ситник
Валентин Лебедев

Городище Н. Джулат расположено на правом берегу р. Терек у г. Майский в Кабардино-Балкарии (Россия). Город на его месте был основан монголами и занимал видное положение на Северном Кавказе. В нём была укреплённая цитадель, кирпичная мечеть с минаретом, металлургическое производство (Чеченов 1969, 60). Золотоордынское название города неизвестно, но не исключено, что он назывался Джулат (Егоров 1985, 121). Во время археологических раскопок 1962-1967 гг. на городище было найдено 8 джучидских монет времени Токтамыша (Виноградов, Деппуева 1990, 42).

Одним из авторов в 2011-1012 гг. у жителей п. Майский было собрано некоторое количество джучидских монет и около 2000 фотографий и компьютерных изображений золотоордынских пулов, найденных ими во время сельскохозяйственных полевых работ в районе городища. Весь монетный комплекс находится сейчас на стадии подробного изучения, а с некоторыми неизданными и редкими пулами Н. Джулатского комплекса было решено ознакомить нумизматическую общественность уже сейчас.

Обращение медных монет в новом городе началось при Узбеке его сарайскими пулами 721, 726 и 737 гг., хотя таких монет в комплексе чуть более 1%. При Джанибеке интенсивность обращения пулов возросла до 5,5% за счёт чекана Сарая ал-Джадид. Пулов столичных выпусков 760-х гг. в комплексе очень мало, тем не менее, обращение пулов продолжает расти до 20%, но теперь опираясь уже на пулы Джанибека II без указания места выпуска, относимые к чекану Маджара. Любопытно, что маджарских пулов Абдаллаха массового чекана 764-766 гг. в комплексе всего около 10 экземпляров.

В 770-х/1370-х гг. интенсивность медного обращения в Джулате заметно снизилась, при этом вновь изменилась география монетных дворов, чьи пулы стали сюда поступать – это только что открытые монетные дворы Хаджи-Тархана, ал-Джадид, Орды и Орды ал-Джадид. С приходом к власти Токтамыша обращение пулов стало быстро возрождаться, и в последнее десятилетие XIV в. достигло максимума. В это время в обращении принимали участие пулы практически всех монетных дворов, на которых чеканились медные монеты.

Проследить динамику обращения пулов в Джулате в XV в. и определить, когда оно закончилось, не представляется возможным, так как все пулы этого времени в собранном комплексе анонимные и редко датированные. Преобладает в это время чекан Хаджи-Тархана, младшие пулы, на которых указан год выпуска, датированы (8)18 /1415 г.

Комплекс богат на неизданные и редкие типы, часть которых сейчас будет рассмотрена.

1. Джани(бек) II, без монетного двора , 1 экз. не издан. Рис. 1/1.
Л.с. В квадратной рамке с искажениями: *Султан / справедливый / Джани (бек ?)/ 7 ….*
О.с. В 6-лучевой звезде тамгаобразный знак «рыбка» вправо.
Пулы с тамгаобразным знаком «рыбка» до сих пор были известны с изображением на л.с. верблюда-бактриана или геометрического орнамента (Лебедев, Клоков 2004b, 77, №25, 26; Лебедев, Павленко 2008, 434, №118/11-119/12). Эти пулы анонимны, не датированы и условно относились ко времени Токтамыша. В Джулатском комплексе нашёлся именной пул Джанибека II с такой тамгой, а также его вариант с зеркально отчеканенной легендой и грубое подражание ему:
2. То же, но легенда л.с. в зеркальном исполнении, 3 экз. (Лебедев, Клоков 2004a, 51, №55). Рис. 1/2.

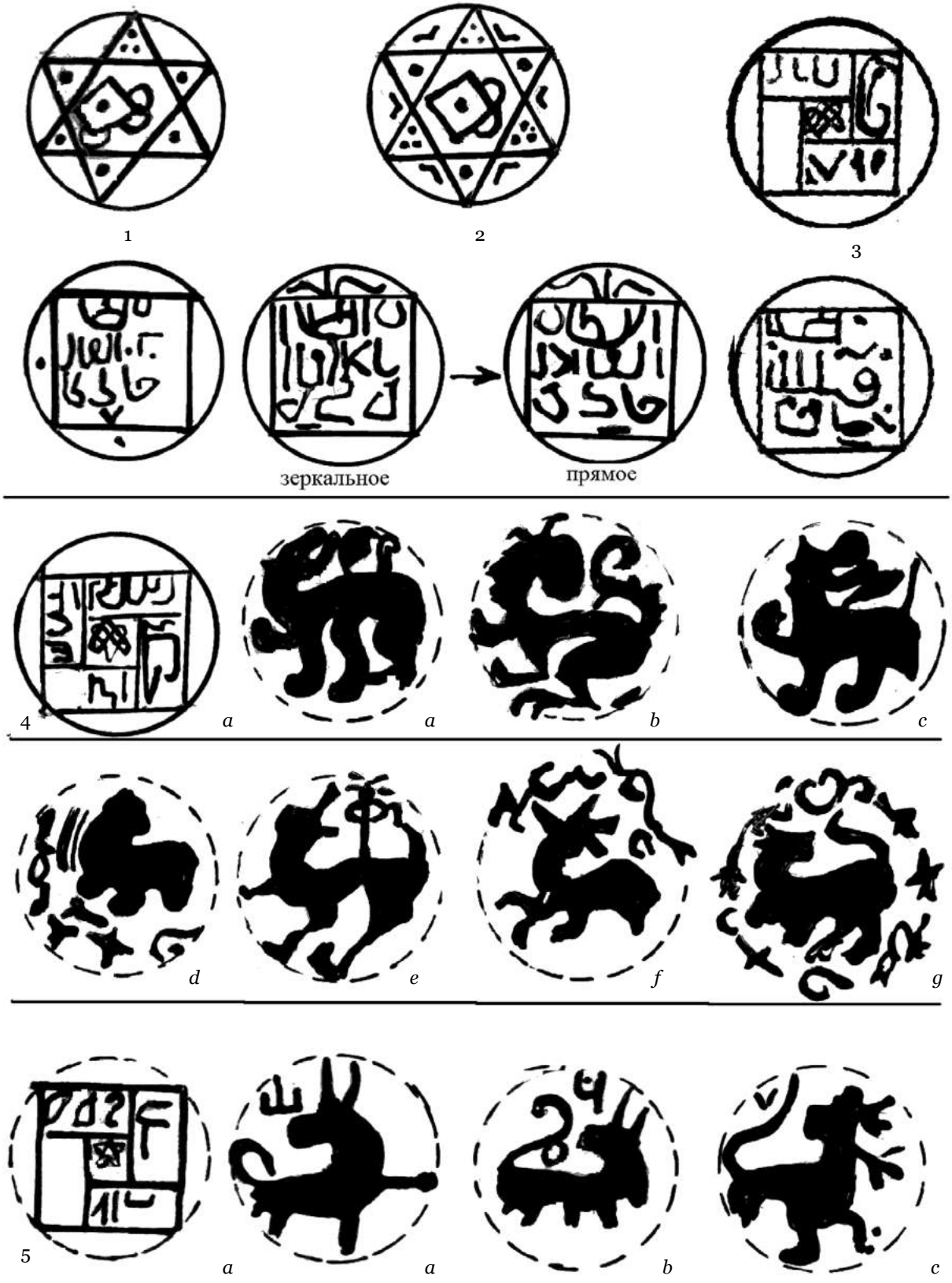


Рис. 1. Реконструкции именных пулов Джанибека II: 1, 2 - с тамгой «рыбка»; 3 - без тамги; 4, 5 - со зверем на реверсе.

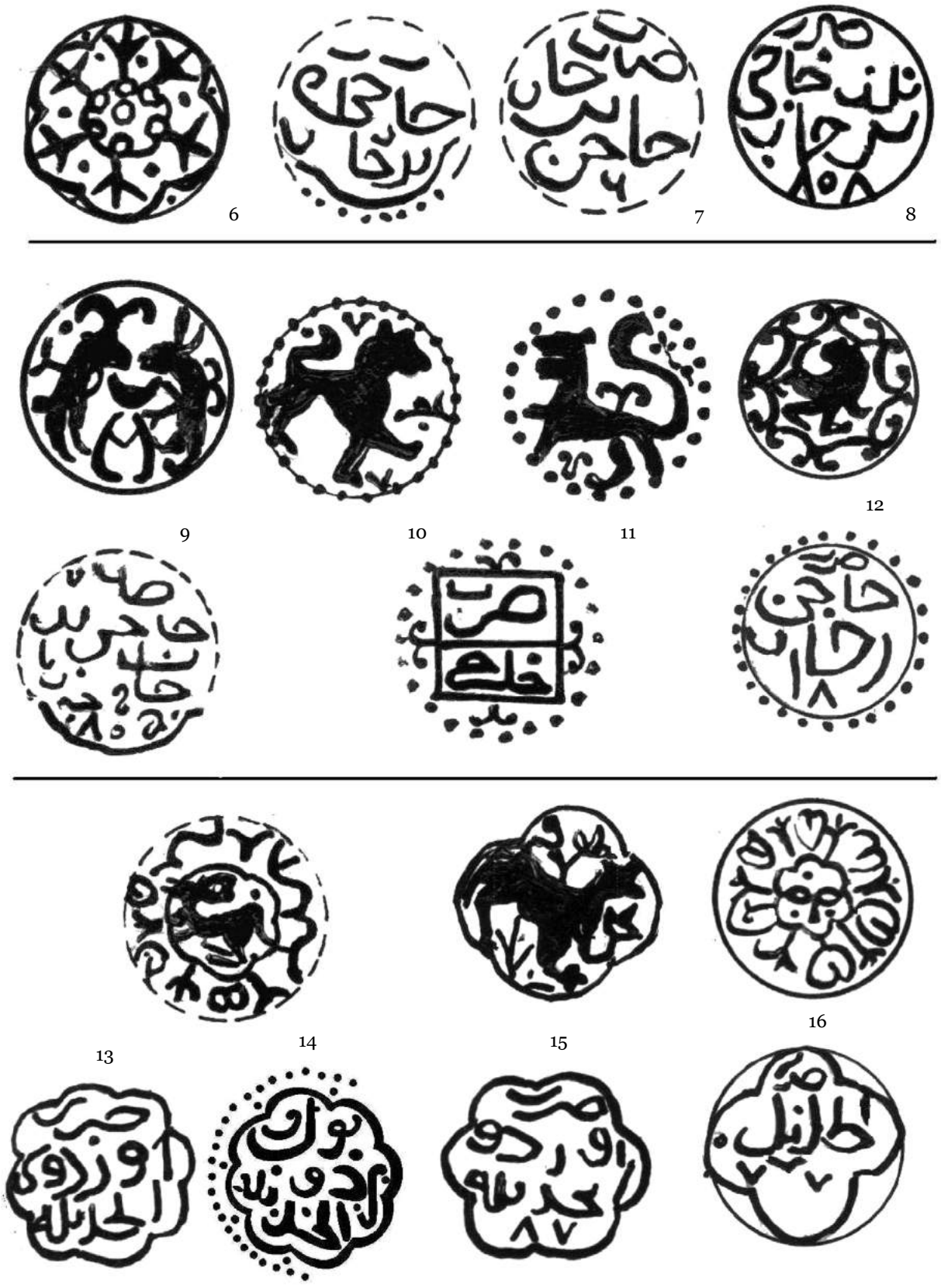


Рис. 2. Реконструкции анонимных пулов: 6-12 - пулы Хаджи-Тархана; 13-15 - пулы Орды ал-Джадид; 18 - пул эмира Ибрагима.

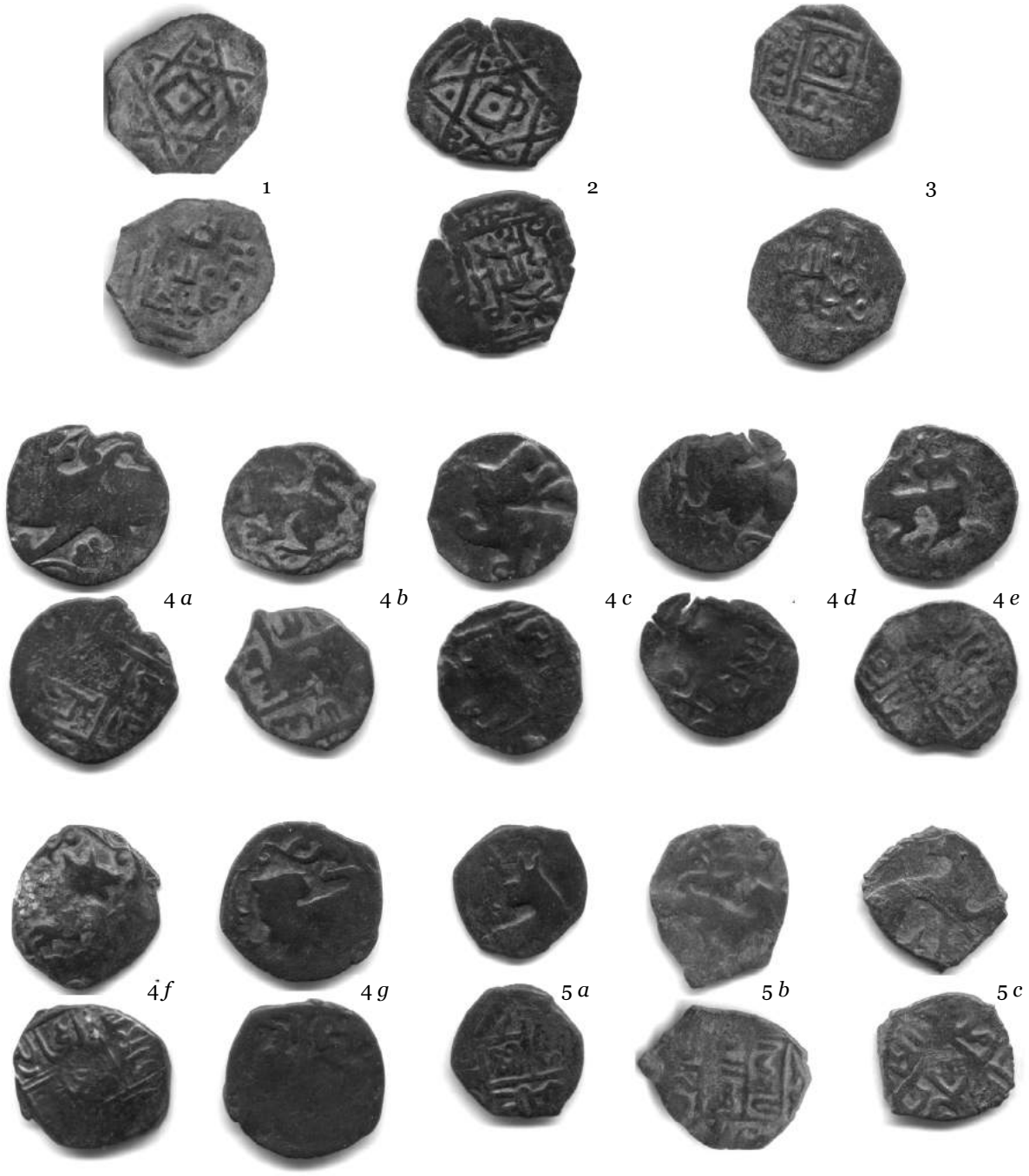


Рис. 3. Фотографии именных пулов Джанибека II: 1, 2 - с тамгой «рыбка»; 3 - без тамги; 4, 5 - со зверем на реверсе.

3. (Джанибек II) без монетного двора и даты. Подражание (Скисов 2010, 108, рис. 1А, Б). Рис. 1/3.

Л.с. В 4 прямоугольниках, расположенных в виде свастики, искажённые титулы и имя хана, в центре сложная виньетка.

О.с. Искажённое копирование о.с. пула №1.

Наиболее массовым типом пулов Джанибека II являются его именные выпуски с изображением хищного зверя с повёрнутой назад головой на о.с. В маджарском комплексе было выявлено 12 вариантов со зверем влево и 10 вариантов – вправо. В Джулатском комплексе наряду с большинством таких пулов прежних типов встретился ряд новых вариантов и разновидностей. Имя хана во всех случаях полностью искажено и вся легенда всегда видна частично, поэтому на рис.1 приведены один рисунок л.с. и несколько рисунков о.с.

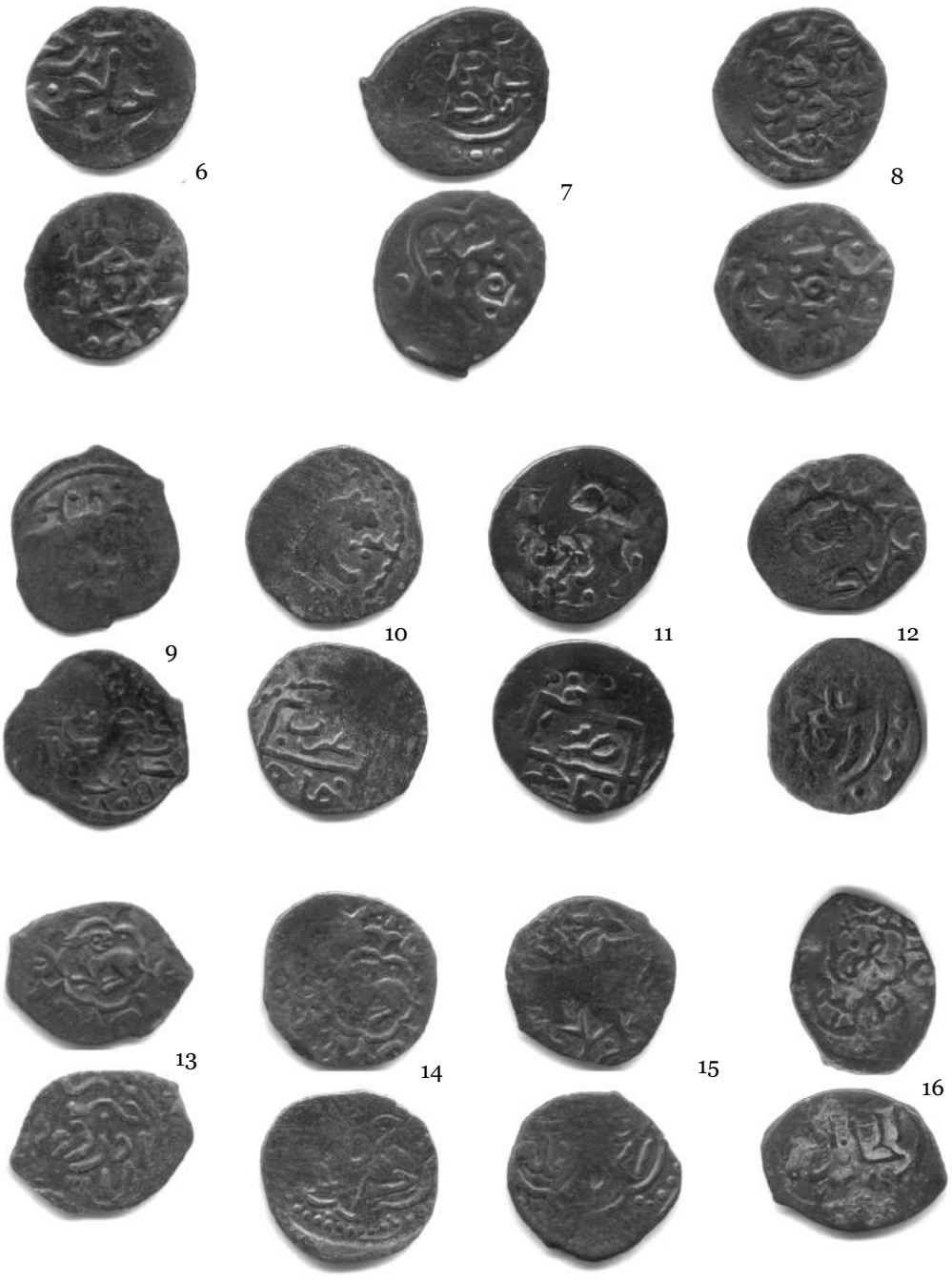


Рис. 4. Фотографии анонимных пулов: 6-12 - пулы Хаджи-Тархана; 13-15 - пулы Орды ал-Джадид; 18 - пул эмира Ибрагима.

4-a÷f. То же, но на л.с. в центре разные виньетки, на о.с. зверь влево с обращённой назад головой. Изображения всех 7 зверей другие, чем 12 опубликованных из Маджарских находок (Лебедев, Павленко 2008, №№ 7в. 7г-1 - г-11). Рис. 1/4-a÷f.

5-a÷c. То же, но зверь вправо. Изображения всех 3 зверей другие, чем 10 опубликованных из Маджарских находок (Лебедев, Павленко 2008, №№ 7а1-а9, 7б). Рис. 5-a÷c.

Чекан XV в. в Джулатском комплексе в основном представляли пулы Хаджи-Тархана, часть которых оказались редкими или неизданными.

6. Анонимный пул с цветочной розеткой. Хаджи-Тархан, не датирован. Известен уже несколько лет (zeno №39650), но не издан.

Л.с. 6-лепестковая цветочная розетка. Рис. 2/6.
О.с. Легенда в 3 строки: *(Чекан) / Хаджи / тар хана.*

7. То же, но с цифрой 6 внизу о.с., не издан. Рис. 2/7.

8. То же, но 808 г. (Гончаров 1997, 179, №6). Рис. 2/8.
Следующий тип пула Хаджи-Тархана с оригинальным сюжетом «Животные у кормушки» в публикациях атрибутируется неоднозначно. Впервые он выявлен С.А. Яниной в монетном комплексе Булгара в одном экземпляре, на котором место выпуска она прочла как *Чекан ал-Джадид* … (Янина 1954, 451, №137). Почти полвека спустя разными авторами публикуются 6 экземпляров таких монет, происходящих из Нижнего Поволжья, на которых место выпуска уверенно читалось как *Хаджи Тархан* (Гончаров 1997, 183, №65-68; Клоков, Лебедев 2000, 102). В крупном Маджарском комплексе нашлось 2 экземпляра таких пулов, оба с искажённой легендой, в которой угадывалось исходное содержание: *Чекан Хаджи Тархана* (Лебедев, Павленко 2008, 433, №97/2а-1.2). Тем не менее, в своём итоговом «Каталоге золотоордынских монет» Г.А. Фёдоров-Давыдов принял точку зрения С.А. Яниной – *Чекан Сарая ал-Джадид* (Фёдоров-Давыдов 2003, 208 №368). Следует отметить, что в крупных монетных комплексах Селитреного и Царевского городищ, на которых найдено больше всего типов пулов чекана Сарая ал-Джадид, пул «Животные у кормушки» ни разу не был найден (Янина 1970, 194-221; Клоков, Лебедев 2002, 73-165; Клоков, Лебедев 2008, 437-504). В монетном комплексе из Н. Джулата 48 экземпляров таких пулов. На всех монетах место чекана – *Хаджи Тархан,* хотя легенды нередко в разной степени искажены. Некоторые из них датированы, на рис.2.9 приведён пул 805 г.

9. То же, Козёл и баран у кормушки. Хаджи Тархан 805 г., не издан. Рис. 2/9.
Л.с. В круге – баран (слева) и козёл (справа) у кормушки.
О.с. В поле на 4 строках: *Чекан / Хаджи тар / хан (..?..)/ 805.*
Два следующих пула иллюстрируют сокращённое название монетного двора – *Хаджи.*

10. Анонимный пул, зверь влево, Хаджи, не датирован. В публикациях не найден. Рис. 2/10.
Л.с. В бусоподобном ободке хищный зверь вправо.
О.с. В точечном круге квадрат, разделённый пополам. В верхней половине: *Чекан.* В нижней: *Хаджи.*

11. То же, но зверь влево. Не издан.
Завершает выборочную подборку пулов Хаджи-Тархана самая младшая датированная монета всего комплекса из Н. Джулата – пул 818/1415 г.

12. Анонимный пул, Хаджи-Тархан (8)18 г., не издан.
Л.с. В сложном 6-дужном картуше – зверь вправо с повёрнутой назад головой.
О.с. В точечном и линейном кругах в 4 строки: *Чекан / Хаджи / (Та)рхан / …18.*
Два следующих пула имеют одинаковые л.с. и дизайн о.с., но несколько отличающиеся легенды.

13. Анонимный пул, Орда ал-Джадид, не датирован, не издан. Рис. 2/13.
Л.с. В центре в 6-дужной рамке – животное влево с повёрнутой назад головой, снаружи по кругу хаотический набор украшений.
О.с. В точечном круге рамка из 8 дуг. В поле в 3 строки: ديدجلا / ىدروا / برض = *Чекан Орды ал-Джадид.*

14. То же, но монетный двор не прочтён, даты нет, не издан. Рис. 2/14.
Л.с. = л.с. №13.
О.с. В точечном круге рамка из 8 дуг, в поле в 3 строки: ديدجلا / ەنودر /قلوپ = *Пулук / ..?.. / ал-Джадид.*
Начертание слова *пул* арабским письмом как قلوپ = *Пулук* уже встречалось ранее на булгарском пуле (Френ 1932, 209, №54), но какое название помещено перед эпитетом *ал-Джадид* = *Новый*, сказать затрудняемся[1].

15. Анонимный пул, Орда ал-Джадид 87 (=807 ? г.). Не издан. Рис. 2/15.
Л.с. В рамке из 4 дуг – животное вправо с растительным орнаментом.
О.с. В рамке из 6 дуг в 4 строки: *Чекан / Орды / ал-Джадид / 87.*

[1] В зависимости от диакритических точек, опускаемых в монетных легендах, прочтений слова может быть несколько, ни одно из которых не соответствует известным городам Золотой Орды.

Последний пул данного доклада интересен тем, что его л.с. стыкуется уже с третьей существенно отличающейся о.с.

16. Анонимный пул, ал-Джадид, 7(7?)7 г.х., не издан. Рис. 2/16.
Л.с. В сложном многофигурном картуше в рамке из 6 дуг – знак в виде пенсне.
О.с. В круге рамка из 4 дуг в 3 строки: *Чекан / ал-Джадид / 7 (7) 7.*
При публикации первого типа пула с такой л.с. (названной *личина*) на о.с. было помещено: *Чекан Орды ал-Джадид* (Лебедев, Клоков 2002, 107, №12). Второй тип пула с таким знаком в 6-дужной рамке был именным пулом Токтамыша, а в сегментах картуша со знаком помещено утверждение, что это «*Тамга эмира Ибрагима*» (Гончаров 2007 82, №9-10). Публикуемый нами пул указывает второй монетный двор ал-Джадид, которым владел неведомый историкам эмир Ибрагим, а также одну из дат его правления – 777 г.

Библиография

Виноградов, Деппуева 1990: В.Б. Виноградов, А.Б. Деппуева, Старинные монеты – свидетели прошлого (Нальчик 1990).

Егоров 1985: В.Л. Егоров, Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. (Москва 1985).

Гончаров 1997: Е.Ю. Гончаров, Медные монеты XIV в. города Хаджи-Тархан. В сб.: Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины, вып. 5 (Москва 1997), 177-188.

Гончаров 2007: Е.Ю. Гончаров, Заметка об «очковидной» тамге. В сб.: (Отв. ред. К.К. Хромов) Восточная нумизматика в Украине. Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII-XV вв. (Киев 2007), 80-84.

Клоков, Лебедев 2000: В.Б. Клоков, В.П. Лебедев, Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен. В сб.: Древности Поволжья и других регионов, III (Москва 2000), 56-147.

Клоков, Лебедев 2002: В.Б. Клоков, В.П. Лебедев, Монетный комплекс с Селитренного городища. В сб.: Древности Поволжья и других регионов, IV (Москва 2002), 73-165.

Клоков, Лебедев 2010: В.Б. Клоков, В.П. Лебедев, Монетный комплекс с Царёвского городища. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья, 8 (Донецк 2010), 437-504.

Лебедев, Клоков 2004a: В.П. Лебедев, В.Б. Клоков, Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. В сб.: Древности Поволжья и других регионов, V (Москва 2004), 23-75.

Лебедев, Клоков 2004b: В.П. Лебедев, В.Б. Клоков, Денежное обращение небольшой золотоордынской крепости в дельте Итиля (Чёртово городище). Татарская археология 1-2 (12-13), 2004, 73-85.

Лебедев, Павленко 2008: В.П. Лебедев, В.М. Павленко, Монетное обращение золотоордынского города Маджар. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья, 6 (Донецк 2008), 415-486.

Скисов 2010: С.Ю. Скисов, Пулы маджарской чеканки на Селитренном городище. В сб.: Астраханские краеведческие чтения, II (Астрахань 2010), 105-108.

Фёдоров-Давыдов 2003: Г.А. Фёдоров-Давыдов, Денежное дело Золотой Орды (Москва 2003).

Френ 1832: Х.М. Френ, Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды (Санкт Петербург 1832).

Чеченов 1969: И.М. Чеченов, Древности Кабардино-Балкарии (Нальчик 1969).

Янина 1954: С.А. Янина, Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. МИА 42, 1954, 424-457.

Янина 1970: С.А. Янина, Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царёвском городище в 1959-1962 гг. В сб.: (Отв. ред. А.П. Смирнов) Поволжье в средние века (Москва 1970), 194-222.

Emisiuni inedite sau rare de puluri ale Hoardei de Aur din situl Nižnij Džulat (Caucazul de Nord)

Rezumat

Aşezarea Nižnij Džulat este situată pe malul râului Terek, în apropiere de oraşul Majskij, Republica Kabardino-Balkară. Locuitorii acestui oraş au găsit în timpul lucrărilor agricole o mare cantitate de monede din perioada Hoardei de Aur. Autorii au intrat în posesia imaginilor electronice ale pieselor descoperite în perioada anilor 2010-2012 şi în articolul de faţă prezintă rezultatele obţinute în cercetarea monedelor de cupru provenite de la Nižnij Džulat.

În baza emisiunilor datate s-a stabilit, că intervalul cronologic de batere a pulurilor cuprinde o perioadă de 100 ani, situată între anii 1420-1520. În primele patru decenii ale acestei perioade, piaţa locală a fost asigurată de emisiunile de cupru produse de capitale, iar pe la 1360 – cu puluri de la Canibek II, bătute la Madjar. Circulaţia cea mai intensă a pulurilor a avut loc în ultimul deceniu al secolului al XIV-lea, când în zonă au pătruns emisiuni ale tuturor centrelor monetare ale epocii. În finalul perioadei anunţate, la începutul secolului al XV-lea, predomină emisiunile atelierelor Orda al-cedid şi Haci-Tarhan.

Printre monedele aflate în discuţie se află mai multe tipuri şi variante de puluri inedite, 16 dintre care sunt descrise în articol. Emisiunile de cupru ale lui Canibek II sunt reprezentate de două tipuri inedite, precum şi de 10 variante necunoscute. Sunt discutate şi şapte tipuri de puluri bătuţi la Haci Tarhan, printre care şi unul nepublicat de tip *Animale lângă treucă,* din anul 805 AH. Atelierul Orda al-cedid este reprezentat în complexul studiat de două tipuri de monede cu simbolistică animalieră.

Ultima monedă analizată este un pul inedit purtând cunoscuta tamga „ochelari", a unui neidentificat emir Ibrahim din anul 777 AH.

Lista figurilor:

Fig. 1. Reconstrucţia grafică a pulurilor lui Canibek II: 1, 2 - cu tamgaua «peştişor»; 3 - fără tamga; 4, 5 - cu imaginea unui animal pe revers.

Fig. 2 . Reconstrucţia grafică a pulurilor anonime: 6-12 - puluri bătute la Haci Tarhan; 13-15 - puluri bătute la Orda al-cedid; 18 - pul emis de emirul Ibrahim.

Fig. 3. Puluri emise de Canibek II (foto): 1, 2 - cu tamgaua «peştişor» 3 - fără tamga; 4, 5 - cu imaginea unui animal pe revers.

Fig. 4. Puluri anonime (foto): 6-12 - puluri bătute la Haci Tarhan; 13-15 - puluri bătute la Orda al-cedid; 18 - pul emis de emirul Ibrahim.

Unpublished and rare coins of the Golden Horde from the site of Nizhny Dzhulat (North Caucasus)

Abstract

The ancient settlement of Nizhny Dzhulat is located on the right bank of the Terek River near the town of Maysky in Kabardino-Balkaria. A large amount of the Golden Horde coins was found there by locals during agricultural work. The authors obtained electronic images of coins found in 2010-2012. In this paper they summarize the results of the study of copper coins from the Nizhny Dzhulat complex.

Based on the dated coins, the chronology of copper coins covers 100-year period from 1420s to 1520s. In the complex there are many rare and unpublished types and variants for coins, 16 of which are described in the article. Copper coinage of Djanibek II presents two new types and ten new variants. There were considered seven types of Haji-Tarkhan coins, including the unreleased dated type of "Animals at the trough" of 805 AH. Horde minted al-Jadid's coins are presented here with two types of animalistic symbolism and with a review of the unreleased coin with tamga "glasses" of Emir Ibrahim al-Jadid's coinage of 777 AH.

List of illustrations:

Fig. 1. Reconstruction of registered copper coins of Djanibek II: 1, 2 - tamga "Fish"; 3 - without tamga; 4, 5 - with an animal on the reverse.

Fig. 2. Reconstruction of anonymous copper coins: 6-12 - Haji-Tarkhan copper coins; 13-15 - Horde minted al-Jadid's copper coins; 18 - copper coin of Emir Ibrahim.

Fig.3 . Photos of registered copper coins of Djanibek II: 1, 2 - tamga "Fish"; 3 - without tamga; 4, 5 - with an animal on the reverse.

Fig. 4. Photos of anonymous copper coins: 6-12 - Haji-Tarkhan copper coins; 13-15 - Horde minted al-Jadid's copper coins; 18 - copper coin of Emir Ibrahim.

15.01.2013

Владимир Ситник, а/я 2319, 344038 Ростов на Дону, Россия, e-mail: may16100@rambler.ru

Др. Валентин Лебедев, ул. Грибоедова, 21 606000 Дзержинск, Россия, e-mail: vpleb@mail.ru

THE MILITARY CAMP OF CHARLES XII AT VARNIȚA NEAR THE BENDER FORTRESS

Alexandru Levinschi
Eugen Sava

Moldovan historians and archaeologists have always had a great interest in the study of the short but rich period of time when the Swedish King Charles XII, after his defeat to the Russian Army in 1709, searching for protection under the Sultan came to the Bender Fortress, then the territory of the Ottoman Empire. Brief archaeological surveys carried out inside the fortress during the 1970s - 90s by expeditions of the Academy of Sciences of Moldova and the National Museum of History of Moldova (NMHM) were limited to small areas due to the presence of the military and funding constraints (Полевой, Бырня 1974, 84; Гольцева 1990). It is known from historical sources and archival documents that after his short stay inside the Bender Fortress, Charles XII built his residence, Karlopolis, at the outskirts of the village of Varniţa on the right bank of the Dniester River (fig. 1). The ruins of this last camp of the king were still visible in the 19th century, when topographers made maps of it (Букарский 1992). One of these drawings from the holding of the Museum of History of Moldova was composed in 1840 on an order from the Odessa Society of History of Antiquities[1]. It marks the site of the first camp of Charles XII in the fortress and also shows his last camp near Varniţa (fig. 2, 3).

In the early 1990s, an expedition of the Museum went to Varniţa for questioning the locals. According to the elder villagers, the assumed area of the camp of the Swedish king was still evident in the 1920s, and the remains of some structures were clearly visible on the surface. For this reason, the Romanian administration of Bessarabia, on a request from the Swedish government, erected there, a commemorative stone obelisk. During the Soviet era the village greatly expanded, absorbing and removing all traces of the former

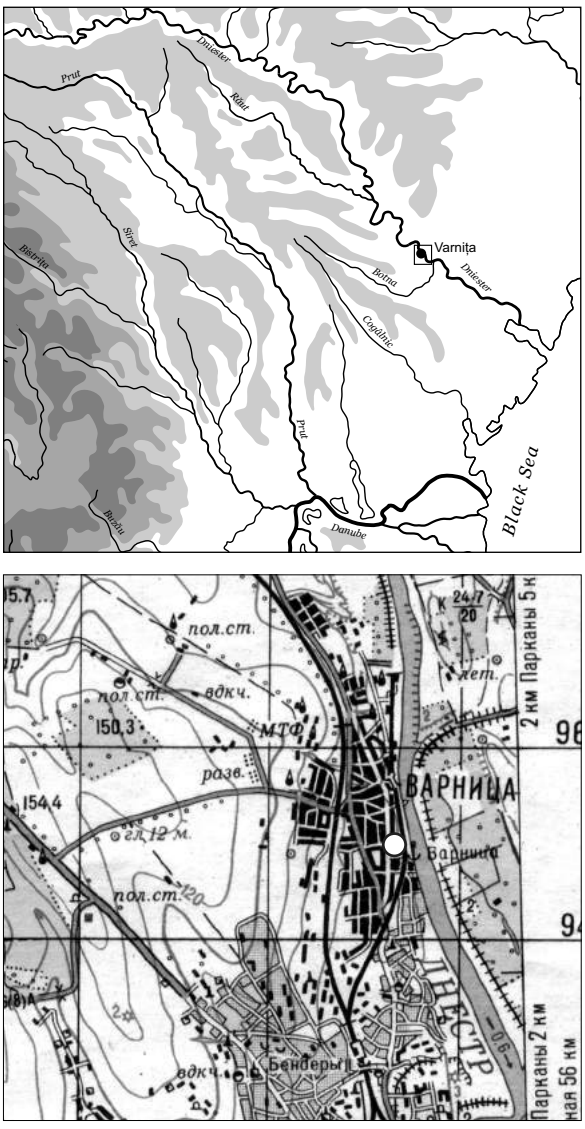


Fig. 1. Topographic map of Varniţa with indication of location of "The Camp of Charles XII".

structures. The site of the obelisk became private property (foto 1). In 1992, this land was acquired by the National Museum of History of Moldova, with the prospect of establishing a commemorative museum "The House of Charles XII".

[1] NMHM, FB-6720.

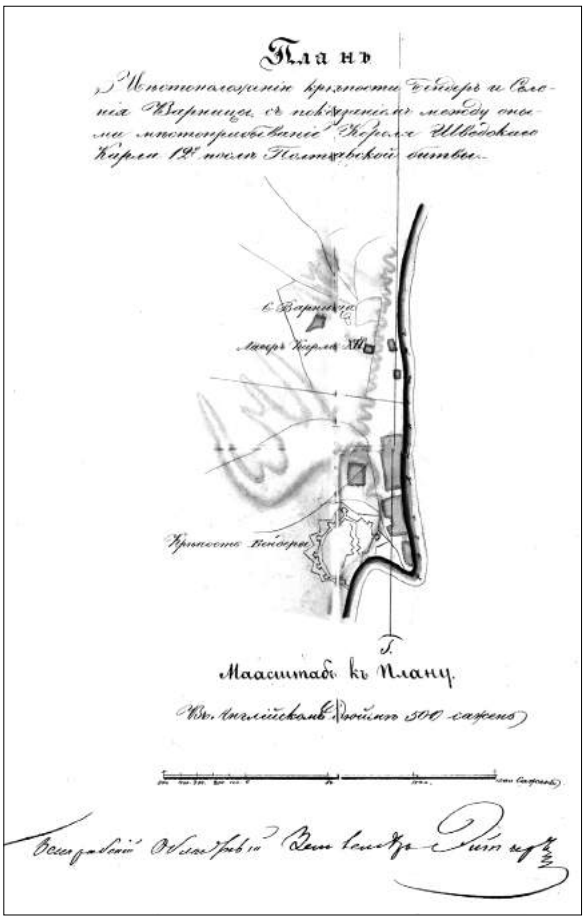


Fig. 2. Situation of "The Camp of Charles XII" and the Bender Fortress (according to the map compiled by Eitger, NMHM, FB-6790).

In 1993, an archaeological expedition of the Museum (led by Al. Levinschi) conducted a survey at Varniţa, choosing the spot on the high right shore of the Dniester River, where supposedly Charles XII and the Swedish forces broke their last camp (Chetraru 1994). The expedition had the goal of looking for cultural remains consistent with the beginning of the 18th century, verifying the reliability of the preserved historical evidence, and validating information received from locals.

The study of the area in the vicinity of the obelisk allowed us to establish certain connections with facts mentioned in historical sources. The stone altar of the old church that Charles XII attended was preserved 200 m to the north from the obelisk, and 150 m further, along the river's stream had preserved a ravine, over which, according to the sources, the king ordered to build a bridge for the convenient walk to the church.

The freshly plowed land on the territory acquired by the museum revealed a spot of the ashen ground in its north-eastern sector. All over the rest of the area, debris of limestone and small pieces of lime mortar were found. Also found on the surface were four hammered iron nails that differed in length and thickness, ranging from 5 cm to 21,5 cm. A former owner of the land collected, over the years, about 50 iron cannon balls (foto 2). All but three of them were melted down. These three cannon balls were brought to the museum, and they are now kept in the collection[2].

After this brief visual inspection, administration of the Museum decided to conduct limited excavations, in order to check the presence of cultural layer and understand its depth directly. According to the map of the camp of Charles XII from the NMHM, the stone house of the king and his chancellery were oriented by the long side along the shore of the river, to NNW-SSE (fig. 4). For this reason, the perpendicular trench seemed the best choice for finding the remains of structures. An area in the north-eastern sector of the museum territory, parallel to the north side of the obelisk and in 2,1 m from it was chosen for excavations. An additional cross-section had been planned for investigation of the ashen-burnt spot of the ground noted during the visual observation; two areas intercrossed under the right angle (fig. 4). Thus, the investigated area equaled to 56 m².

In the process of excavating the following stratigraphy was observed:

Layer 1. Up to 0,25 m – the plowed black earth with extensive inclusions of small debris of limestone and small pieces of lime mortar.

Layer 2. Up to 0,5 m – uncultivated layer dated to the beginning of the 18th century. It also contained extensive inclusions of small debris of limestone and small pieces of lime mortar, as well as sherds of vessels, fragments of glass bottles and thin windowpane; at the base of the layer were the remains of stone foundations of walls from the long structure and structures adjoin to it. In the middle part of the excavated area the ground was heavily burnt. Excavations were limited by the uncovering, cleaning, and fixing the structures without their disassembling; all finds were collected, and the remains of complexes were covered with ground.

[2] NMHM, FB-29175/4-8.

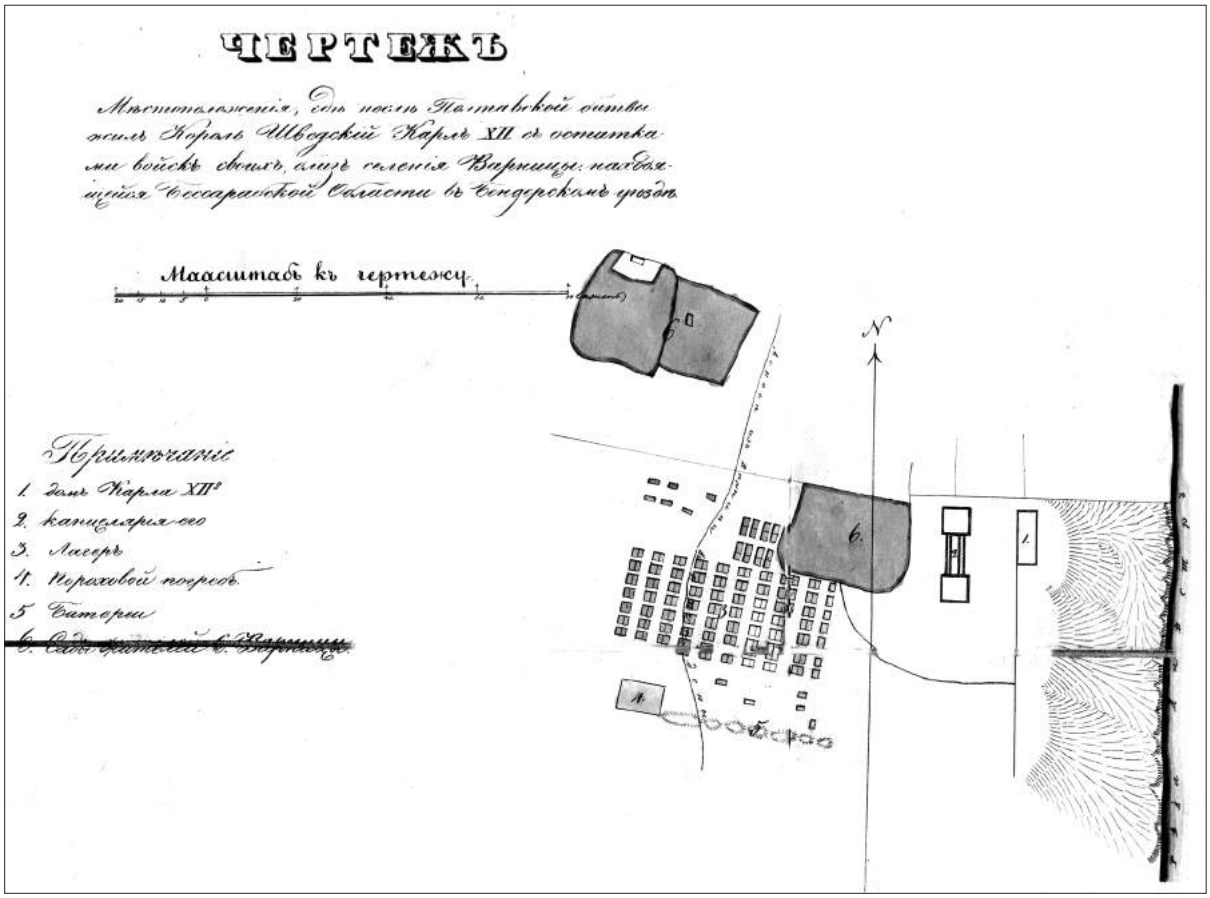


Fig. 3. Plan of "The Camp of Charles XII" (according to the map compiled by Eitger, NMHM, FB-6790).

At the end of the works it was learned that the obelisk was erected inside of remains of one of the stone buildings shown on the map. To the time of excavations the clear light stripes of the limestone preserved from the walls; these stripes were filled with separate limestone fragments of various sizes and numerous small pieces. As a result, it is possible to give a partial characteristic of the structure.

The building with the stone foundation was oriented in the N-S direction, with a small degree away to the W. Its width was 10 m, and its length over 10 m. The thickness of the outer walls was 1-1,15 m, and the remains of one of the prolonged walls were found within the outer walls; the thickness of this wall of 0,8 m and it divided the space into two almost equally wide rooms that were joint with an "isle". The well-tamped ground served as the floor; the foundation of wall was dipped in to 0,2 m beneath the level of this floor. Near the western wall of the excavated pit, on its inner side, there was a great pile of ashes, and the

Foto 1. Varniţa. Commemorative obelisk erected at the location of "The Camp of Charles XII".

remains of two lengthwise charted beams of 0,16 m and 0,18 m from the broken floor of the upper room. While being on fire, the wooden construction left on the floor a burned area ca 1,4 m. At this spot, large fragments of two gray clay bowls were found. Within 2 m of the burnt spot and in the fill of the soil about 200 large fragments of the thin windowpane (foto 3), a few fragments of

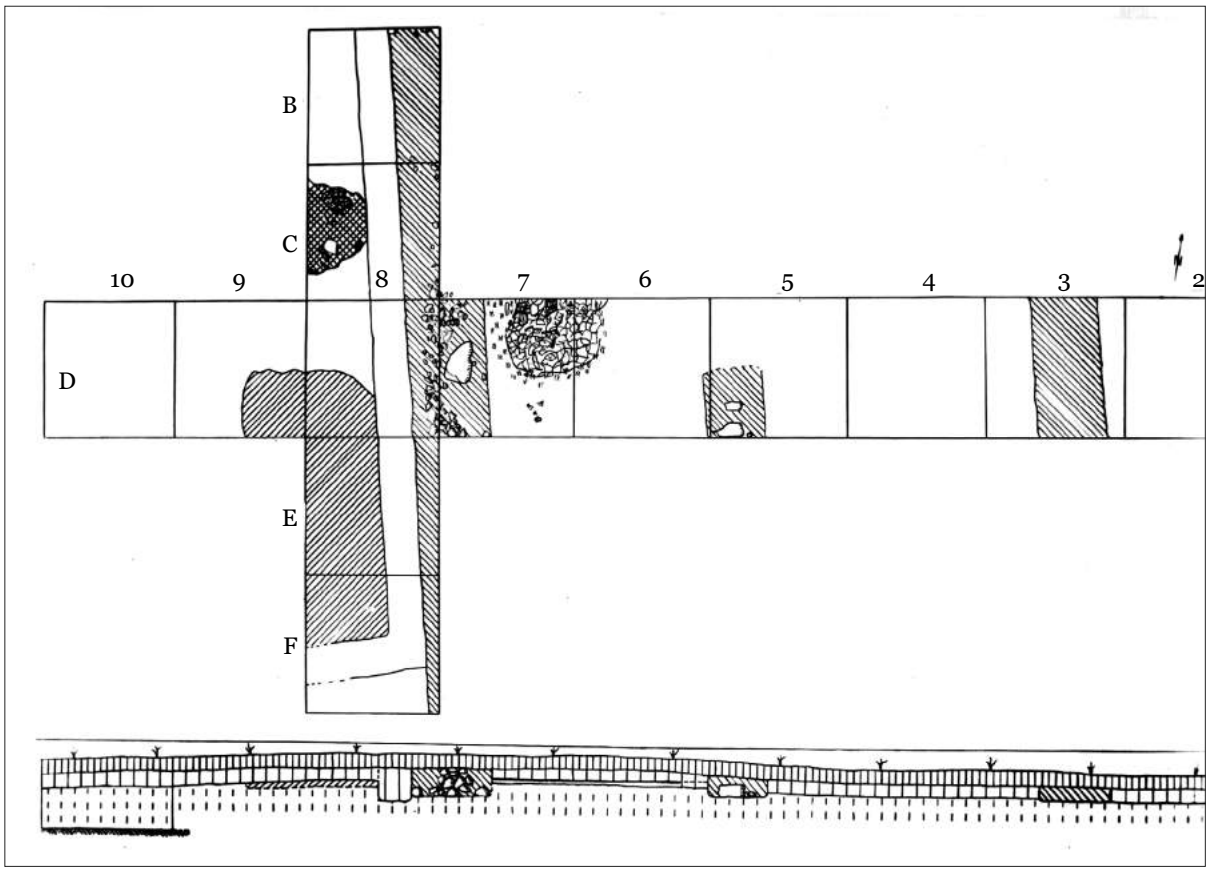


Fig. 4. Varniţa. Plan and sectionof archaeological excavations conducted on the territory of "The Camp of Charles XII".

Foto 2. Varniţa. Cannon balls.

glass bottles (foto 4), and fragments of various ware, including the red grazed plate (foto 5), were excavated. Also a part of a pise structure with the wooden carcass was unearthed here; the charred remains of this carcass left the cluster of the burnt soil up to 0,2 m thick. Within the excavated area, the projected part of the structure had 0,9 m length and over 1,3 m width; its eastern edge was partially cut by the trench dug after the structure was made, which ran alongside the outer foundation of the wall. Pieces of charred wood of various lengths and thickness had filled the burnt soil. Besides those, the following objects were found: a flat arenaceous stone, measured 0,25×0,18×0,13 m – on the top part, in its south half; a greatly corroded iron candlestick – in the middle part; a

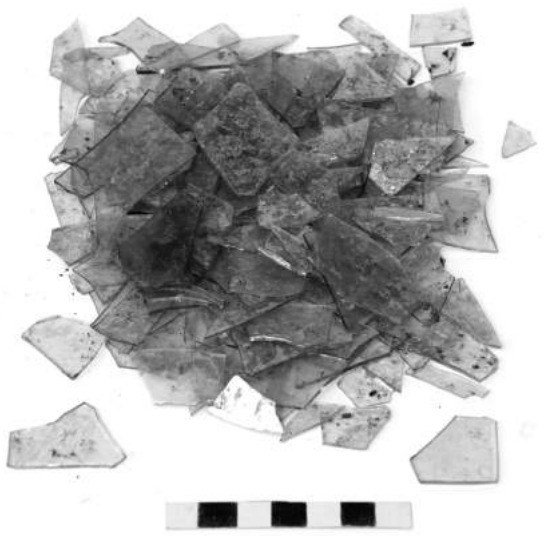


Foto 3. Varniţa. The windowpane.

Foto 4. Varniţa. Fragments of glass vessels.

Foto 5. Varniţa. A fragment of the decorated vessel.

broken gray clay vessel, apparently burnt in a fire, – in the northern part of the area of the spot.

A large part of the horizontal rectangular platform paved with small river pebbles has been traced in 1,5 m to the south from the pise structure, also on the outer side of the western wall.

The eastern and southern parts of the platform were cut off by the same tranche run alongside of the outer foundation of the wall that turned to the west under the right angle. This platform has a size of 4×2 m, with 1,1 m of the pebble layer, and oriented north-south alongside the wall with its long side.

The trench dug adjacent to the western well had run almost over the whole length of the unearthed area reaching more than 9 m. It makes a right angle to the west at its southern end. The width of the trench was 0,5 m and its depth – 0,3 m from the level it was noticed or 0,1 m below the foundation of the wall. The contour of the trench was distinguished by a darker shade of the black earth; the soil was mellow and filled with fragments of limestone. It is very possible that the trench was dug in the 1920s, when the remains of the walls were surveyed and measured before the installation of the obelisk.

The cultural layer and complexes of the late medieval times revealed the following artifacts: 45 ceramic fragments and four broken vessels, which it was possible to assemble to full shape[3] (foto 6); 189 fragments of windowpane; fragments of the glass vessels; separate clay and iron objects.

All ceramic vessels from this level are made on the potter's wheel. They can be divided roughly into four groups.

Group I – gray, tempered with sand, reduction firing. Large bowls with slipped inner and outer surfaces, and cooking pots of medium size are represented by 13 fragments and three full shapes.

Group II – 16 fragments of red clay vessels from the ware of similar shapes, tempered with sand, oxidative firing.

Group III – glazed red ware without visible temper, oxidative firing; it is coated with white engobe covered with glaze in green (11 fragments) and brown (3 fragments) shades. Most of the sherds belonged to the bowls. Also is it possible to add a plate on the high ring foot to this group, with the engobed inner surface covered with stripes of brown and yellow glaze "streaming down" to the bottom. The outer surface does not have a gob but is covered with green graze which has effect of brown shade against the red background of the plate.

Group IV – glazed white ware tempered with sand, of oxidative firing. This group includes 2 fragments of a jar both surfaces of which are covered with green-turqouise glaze Pottery of the first of technological groups shows a traditional, local method of pottery making. But ware of the third and especially the forth groups was made in technological traditions unknown to the lo-

[3] NMHM, FB-29175/1-3.

Foto 6. Varniţa. Pottery.

cal masters. The shape of the described plate reminds certain Oriental exemplars, though it is too early for the certain conclusions. Sites with similar assemblage of pottery have been insufficiently studied, and scholars date them very broadly, as broad ranging as the 17th - 19th centuries. However, future excavations on the territory of the former camp of Charles XII could help archaeologists with the creation of a typological schema for potter of the late medieval sites of the region.

The windowpane was made by casting small square or rectangular pieces; this conclusion was made based on an analysis of over 20 fragments with preserved edges. The thickness of the pieces was 0,1-0,15 cm. Out of the entire set of preserved pieces, 170 of them were transparent with light greenish shade, and 19, also transparent, with greenish-yellow shade.

The glass vessels are represented by the concave bottom of the bottle that was square in shape (4×4 cm) and was made out of transparent dark green glass, and by 9 fragments of the bottom part of a vessel of similar shape with a flat bottom. The vessel was made out of transparent colorless glass; and the thickness of fragments varied from 0,3 to 0,5 cm.

At the base of this cultural layer, by the outer side of the western wall of the structure, was found a mouthpiece from a red-clay pipe. Along the remains of walls were lying three hammered iron nails; they had the rectangular cross-section of 0,6×0,4 - 0,9×0,6 cm and their length reached 4,8-6,5 cm. In close proximity to the north-western section of the gravel area was also discovered a fragment of the iron horseshoe of 3,4 cm width, 0,5 cm thickness, and 6,5 cm of the preserved length.

The excavations have confirmed that the unearthed remains of structures dated to the early 18th century are in agreement with the place where historical sources locate the military camp of the Swedish king.

That history brought Charles XII to the shores of the Dniester River is well known: after the defeat of the Swedish Army in the Battle of Poltava by the Russian forces of Peter the Great in June of 1709, the wounded king was taken from the battlefield and, accompanied by his surviving escort, Swedish soldiers, Cossacks, and Wallahs served in the Swedish Army, retreated through the steppes to the Ottoman lands. Sultan Ahmed I, being an enemy of Russia, offered Charles XII refuge near the fortress of Bendery (Tighina). After a short stay in a temporary tent camp, Charles XII ordered to relocate the camp in close proximity to the fortress and built the stone houses, barracks, kitchens, and storages. At this camp, the Swedish king spent several years, planning a new war against Russia. The presence of Charles XII under protection of the Sultan hurt the Russian-Turkish relationship, and in February 1713, after three days, Charles XII was captured by the Janissaries. This attack, known in history as the "Kalabalik," left the place abandoned and eventually turned to ruin. By the middle of the 19th century, the territory was occupied by orchards and gardens (Букарский 1992, 186-187).

Now the National Museum of History of Moldova is developing a project with the goal to excavate and restore the last military camp of the Swedish king, in order to create the historical and architectural complex that will constitute the fully-operational branch of the Museum.

It should start with archaeological and geomagnetic explorations of the whole area that now belongs to the museum, as well as the adjunct territories that include areas on the high terrace of the Dniester River. The textual and cartographic sources provide information on the approximate location of the military camp of Charles XII will serve as a starting point in mapping the area of the camp. In addition to the mentioned situation plan of the camp's structures dated to 1840 wich indicates the house of Charles XII, which, based on a witness' account, was based upon the king's own drawing, other archival sources should be analyzed. Artistic drawings of the camp made by contemporary travelers who visited the king and where landscape and structures are shown realistically present another source of information that are need to be studied. One of the main objectives of the project is to determine among the ruins the house of Charles XII, where he received European diplomats and high-ranking members of the Ottoman court, and from where, in 1713, he began his dramatic return to Sweden.

Charles XII's presence near Bender had a great impact on the Ottoman Empire, Russia, and a dozen European countries, and the place of the camp of Charles XII has to be restored and preserved for the future generations. As the Great Russian poet A. S. Pushkin, who visited the ruins of the camp in 1828 once said, "Respect for the past is the quality that distinguishes enlightened man from the savage".

Bibliography

Chetraru 1994: N.A. Chetraru, Raport asupra rezultatelor cercetării de teren pe teritoriul şi în împrejurimile presupusei localizări a taberei lui Carol XII (1713), din s. Varniţa (Bender), efectuate în 1993 (Chişinău 1994). Arhiva MNIM, inv. 469.

Букарский 1992: В.Б. Букарский, План лагеря Карла XII из фондов Национального музея истории Молдовы. Anuarul I, 1992, 183-188.

Гольцева 1990: Н.В. Гольцева, Отчет об археологических исследований южного участка рва Бендерской крепости в 1990 г. (Кишинев 1990). Архив НМИМ, инв. №316.

Полевой, Бырня 1974: Л.Л. Полевой, П.П. Бырня, Средневековые памятники XIV-XVII вв. Археологическая карта Молдавской ССР. Выпуск 7 (Кишинев 1974).

Tabăra militară a lui Carol al XII-lea în satul Varniţa de lângă cetatea Bender

Rezumat

În anii '90 ai secolului trecut cercetătorii Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei au efectuat cercetări de suprafaţă pe teritoriul satului Varniţa unde, conform izvoarelor scrise şi actelor topografice, a fost dislocată ultima tabără a regelui suedez Carol al XII-lea. În urma investigaţiilor muzeul a procurat o parte din teritoriu pe care a fost fondată filiala muzeului „Tabăra militară a lui Carol al XII-lea". În 1993, în apropierea monumentului, care la rugămintea Suediei, în anii '20 ai secolului trecut a fost instalat de Guvernul României, a fost trasată o suprafaţă în care, ca rezultat al săpăturilor arheologice, s-au descoperit urmele unei construcţii de piatră şi piese din sec. XVIII. În prezent Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei elaborează un proiect de cercetări arheologice şi multidisciplinare cu scopul de a efectua restaurarea şi muzeificarea taberei lui Carol al XII-lea.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Planul topografic al s. Varniţa cu indicarea locului „Taberei regelui Carol al XII-lea".

Fig. 2. Amplasarea „Taberei regelui Carol al XII-lea" faţă de cetatea Bender (după planul lui Eitger, 1840. MNIM, FB-7690).

Fig. 3. Planul „Taberei regelui Carol al XII-lea" (după planul lui Eitger, 1840. MNIM, FB-7690).

Fig. 4. Varniţa. Planul secţiunii arheologice trasate pe locul „Taberei regelui Carol al XII-lea".

Foto 1. Varniţa. Monumentul memorial, ridicat pe locul „Taberei regelui Carol al XII-lea".

Foto 2. Varniţa. Ghiulele.

Foto 3. Varniţa. Fragmente de sticlă de la geamuri

Foto 4. Varniţa. Fragmente de vase de sticlă.

Foto 5. Varniţa. Fragmente de vas орнаментат.

Foto 6. Varniţa. Vase din lut.

Военный лагерь Карла XII в селе Варница возле Бендерской крепости

Резюме

В 1990-е годы сотрудники Национального музея истории Молдовы провели обследование территории у села Варница, где, согласно письменным и картографичеким данным, был последний лагерь шведского короля Карла XII. По результатам обследования музей приобрел часть территории, на которой создано отделение музея «Военный лагерь Карла XII». В 1993 г. в районе памятного обелиска, установленного в 1920-е годы правительством Румынии по просьбе шведской стороны, был заложен разведовательный шурф, который выявил остатки каменного строения и артефакты начала XVIII в. В настоящее время Национальный музей истории Молдовы работает над проектом полномасшабных раскопок территории бывшего лагеря Карла XII, с целью его восстановления и последующей музеефикации.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Топографический план с. Варница с указанием места расположения «Лагеря Карла XII».

Рис. 2. Расположение «Лагеря Карла XII» по отношению к крепости Бендеры (по плану Эйтгера, 1840 г. НМИМ, ОФ-6790).

Рис. 3. План «Лагеря Карла XII» (по плану Эйтгера, 1840 г. НМИМ, ОФ-6790).

Рис. 4. Варница. План и разрез раскопка на территории «Лагеря Карла XII».

Фото 1. Варница. Мемориальный памятник, установленный на месте «Лагеря Карла XII».

Фото 2. Варница. Ядра.

Фото 3. Варница. Оконное стекло.

Фото 4. Варница. Фрагменты стеклянных сосудов.

Фото 5. Варница. Фрагменты орнаментированного сосуда.

Фото 6. Варница. Керамика.

01.08.2013

Alexandru Levinschi, the Museum of Science, the Moldova Academy of Sciences, Ştefan cel Mare bd., 1, MD-2001 Chişinău, Republic of Moldova

Dr. hab. Eugen Sava, the National Museum of History of Moldova, 31 August 1989 St., 121A, MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: sava_md@yahoo.com

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (VII)

Ana Boldureanu

Continuăm şi în acest volum să prezentăm descoperirile monetare de care am luat cunoştinţă în jumătatea a doua a anului 2012 şi în prima parte a anului 2013.

Cea mai timpurie monedă înregistrată în această perioadă de timp este o emisiune grecească de tip „Larissa", provenită de la Talmaza, raionul Ştefan Vodă. Piesa reprezintă a doua emisiune de acest fel descoperită pe teritoriul Moldovei, anterior fiind atestată o piesă similară la Copceac, raionul Ştefan Vodă (Boldureanu 2008, 355, nr. 1).

Prezentăm 65 de monede din metal comun intrate recent în colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Nu se cunoaşte locul descoperirii lor, dar provin de pe teritoriul Republicii. Lotul conţine o piesă din bronz emisă de Pantikapaion la începutul sec. III a. Chr., toate celelalte datează din perioada romană imperială. Dintre acestea se disting două grupuri omogene de monede. Primul grup, alcătuit din 10 exemplare, datează din perioada secolelor I-III, iar cel de-al doilea, constituind 52 de monede, aparţin epocii Imperiului târziu, eşalonate din anii 312-313 până în perioada 395-402. Această structură ar indica potenţial două depozite monetare, cel dintâi poate fragmentar care, potrivit hărţii descoperirilor monetare ar proveni cel mai probabil din zona de sud a Republicii, din puncte apropiate *limes*-ului roman (Isvoranu 2012, 16-17).

Am inclus în Cronică un tezaur alcătuit din monede romane târzii din cupru, descoperit în primăvara anului 2013 între localităţile Calfa şi Varniţa. Piesele recuperate au fost scanate şi vor fi publicate ulterior.

Recent a fost făcut un bilanţ provizoriu al monedelor bulgăreşti descoperite în regiunea dintre Nistru şi Prut, fiind înregistrate 32 monede de cupru emise de domnitorii bulgari, inclusiv imitaţii ale acestora, precum şi imitaţii bulgăreşti (probabil) ale monedelor din statele vecine. Acestea au fost găsite la Costeşti şi Hansca, raionul Ialoveni, şi la Orlovka, raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina (Crivenco, Ovčarov 2012, 23-26).

Pentru perioada medievală am înregistrat puncte noi de descoperiri monetare, cum ar fi satul Balinţi, raionul Soroca, Marinici, raionul Călăraşi, Soloneţ, raionul Soroca etc.

I. Monede greceşti

Talmaza, raionul Ştefan Vodă. Din această localitate provine o monedă geto-dacică de tip „Larissa", descoperită în condiţii necunoscute.
Av. Cap uman cu înfăţişare feminină, cu bucle şi plete, ochi şi buze proeminente.
Rv. Călăreţ la trap pe stânga. În dreapta călăreţului o cunună cu opt globule slab imprimată, sub cal o ramură de brad.
↗ 10,98 g; 0,8 mm (Preda 1973, 134, seria c, pl. 29, nr. 9);
Informaţie: Ana Boldureanu.

II. Monede romane

Calfa, raionul Anenii Noi. În pădurea Hârbovăţ, între localitatea Calfa şi Varniţa, în primăvara anului 2013 a fost descoperit un tezaur monetar, alcătuit din monede romane din perioada secolelor III-IV. Din componenţa acestui lot au fost recuperate 103 exemplare. Piesele au fost scanate şi parţial cântărite.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Cosăuţi, raionul Soroca. În pădurea localităţii Cosăuţi, au fost descoperite, în primăvara anului 2013, câteva monede romane. Zece exemplare dintre acestea au fost propuse muzeului spre achiziţie. Piesele n-au fost achiziţionate şi au fost

restituite posesorului. Cu permisiunea acestuia piesele au fost însă înregistrate şi fotografiate.

IMPERIUL ROMAN, *denari*
M. Aurelius (161-180)
AR ↑ 2,61 g; 17×19,8 mm;

AR↓ 2,78 g; 17,8 mm;

AE↓ 2,60 g; 18,1 mm;

AE↘ 2,36 g; 16,1 mm;

Commodus (180-192)
AR ↓ 2,45 g; 16,5×17 mm;

AR ↑ 2,99 g; 17,4×16,9 mm;

AR ↓ 2,75 g; 16,5 mm;

AE ↑ 2,84 g; 16,8×18 mm;

Lucius Verus (161-169)
↘ 2, 79 g; 17×18,6 mm;

Antoninus Pius (138-161)
AR ↓ 3,11 g; 17,8×17 mm;

Informaţie: Ana Boldureanu.

Republica Moldova, passim. Recent, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei a intrat în posesia unui lot de monede transmis de la Vistieria de Stat a Republicii Moldova. Nu se cunoaşte locul de descoperire a pieselor, dar se presupune proveniența lor de pe teritoriul Republicii Moldova.
Pantikapaion, înc. sec. III a. Chr. (1 ex.)
Imperiul Roman, Marcianopolis (Commodus) – 1 ex., Nicopolis ad Istrum (Septimius Severus) – 1 ex., Regatul Bosporan – 1 ex., neprecizat – 1 ex.
Piese imperiale: as, Claudius I – 1 ex.; *antoniniени*, Gallienus (3 ex.), Claudius II şi Aurelian.
Imperiul Roman târziu (52 ex.), datate din anii 312-313 până în perioada 395-402.
Neprecizate – 4 ex.
Isvoranu 2012, 16-17.

Sipoteni, raionul Călăraşi. La 23 februarie 2013 ne-a fost adusă pentru determinare o monedă romană de cupru.

IMPERIUL ROMAN
Constantius II (337-371)
AE ↑ 3,95 g, 19,3 mm;

Informaţie: Ana Boldureanu.

III. Monede medievale

Balinţi, raionul Soroca. De pe teritoriul localităţii provin mai multe monede medievale. Piesele au fost donate Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei de către colecţionarul Grigore Păun din oraşul Soroca.

HOARDA DE AUR
Contramarcă, patru cercuri în pătrat.
1. AR 0,66; 15,5 mm.
Cu rozetă neclară
2. AE ← 1,68g; 15,7 mm.

UNGARIA
Mathias Corvin (1458-1490), *denar*
3. AR ↑ 0,42 g; 15,2 mm.
4. AR → 0,41; 15,6 mm.
Wladislaw II (1490-1516), *denar*
5. AR ↗ 0,31; 13,1 mm.

IMPERIUL ROMANO-GERMAN

Ungaria

Maximilian (1564-1576), *denar,* K-B
1564
6. AR ↑ 0,28 g; 15,3 mm.
1572
7. AR ↙ 0,20 g; 13,2 mm (fragment).
Rudolf (1576-1608), *denar*, 1591.
8. AR → 0,35 g; 13,7 mm.
Rudolf (1576-1608), *denar*, 1584.
9. AR ↘ 0,44 g; 15 mm.

IMPERIUL OTOMAN
Selim I 918-926 AH / 1512-1520, *aspru*, grupa III (1518-1520);
Konya; Srećković 2000, II, 146, nr. 10. AR ↗ 0,36 g; 10 mm;

PROTOTIP Bayezid II
11. ↗ 0,68 g; 10,9 mm.
12. → 0,82 g; 9,0×10,6 mm.
13. 0,49 g; 11,1 mm.
14. → 0,66 g; 9,5×10,1 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu, Ion Tentiuc.

Bădiceni, raionul Soroca. Ca şi provenită de pe teritoriul localităţii, ne-a fost adusă spre determinare o monedă spaniolă din secolul XVI.
SPANIA, Philippus II (1556-1598), *4 reali*
AE ↘ 8,39 g; 30 mm;

Informaţie: Ana Boldureanu.

Călăraşi, raion. În primăvara anului 2013 pe teritoriul raionului Călăraşi a fost descoperit un tezaur monetar alcătuit din imitaţii după schillingi din secolul XVII. Nu cunoaştem care a fost numărul pieselor din tezaur. Muzeului i-au fost donate 25 de exemplare din respectivul depozit.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Costeşti, raionul Ialoveni
1. Mihail Şişman (1323-1324) – 1 ex. Argint, tip I;
2. Ioan Alexandru (1331-1371) – 2 ex. argint, datate 1355-1356; 25 ex. cupru: tipul II – 2 ex., tipul IV – 1 ex., tipul V – 11 ex., tipul VI – 1 ex., tipul XI – 1 ex., tipul XII – 4 ex., tipul XIV – 2 ex., tipul XVI – 1 ex., tipul XVIII – 2 ex.;
3. Emisiuni anonime din timpul lui Ioan Alexandru – 5 ex. (tip I şi IV);
4. Mihail Asen (1332/33-1352/55) – 1 ex.;
5. Ioan Sraţimir (1356-1396) – 1 ex.;
6. Imitaţii ale monedelor bulgăreşti – 8 ex.;
7. Imitaţii bulgăreşti ale monedelor altor state – 3 ex.;
8. Imitaţie din cupru a monedei bizantine a lui Isaac Anghel şi două imitaţii de argint ale monedelor sârbeşti ale lui Ştefan Uroş IV.
Duşan – 1 ex.
9. Probabil bulgăreşti sau imitaţii ale acestora – 8 ex.
Crivenco, Ovčarov 2012, 23-26.

Hansca, raionul Ialoveni – 1 ex.
AE, Ioan Alexandru, tipul XII?
Crivenco, Ovčarov 2012, 24.

Lăpuşna, raionul Hânceşti. Din localitate provine o monedă otomană descoperită în anul 2012 şi adusă la muzeu pentru identificare.

IMPERIUL OTOMAN
Yüzlük
Selim III (1789-1807), Islâmbol
AR ↑ 31,06 g; 44 mm; Pere 1968, 705;
Informaţie: Ana Boldureanu.

Marinici, raionul Călăraşi. Din împrejurimile localităţii provin mai multe monede poloneze descoperite întâmplător, conform spuselor posesorului.

POLONIA
Lituania, Sigismund II August (1548-1572), *groşi:* 1561 (1 ex.), 1549 (1 ex.), an neprec. (1 ex.)
Coroana, Sigismund III (1587-1632), *3 groşi:* 1593 (1 ex.); 1594 (1 ex.).
Informaţie: Ana Boldureanu.

Orlovka, raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Ştefan Uroş IV Duşan (1331-1355), 3 ex. (cu contramărci circulare, atribuite de Vladimir Ovčarov lui Dobrotiţa – ţar bulgar din a doua jumătate a secolului al XIV-lea).
Crivenco, Ovčarov 2012, 24.

Sipoteni, raionul Călăraşi. Ca şi descoperite în această localitate, ne-au fost aduse spre determinare cinci monede poloneze din secolul XVI.

POLONIA
Coroana
Sigismund III (1587-1632), *3 groşi*
1598
1. AR → 1,89 g; 19,9 mm.
159?
2. AR → 2,03 g; 20,7 mm.
Lituania
Sigismund August (1547-1572), *½ groş*
3. AR ↖ 1,05 g; 19,8 mm.
Riga
Stephan Bathory (1576-1586), *3 groşi,* 1586
4. AR → 1,8 g; 21,5 mm.
Sigismund III (1587-1632), *3 groşi*, 1590.
5. AR → 2,44 g; 22 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu, Adelaida Chiroşca.

Soloneţ, raionul Soroca. Locuitoarea Olga Guzic din localitatea Soloneţ, săpând în propria gradină, a găsit 5 monede ruseşti de diferite dimensiuni. La muzeu a adus spre determinare 1 ex.
RUSIA, *denga,* 1747
AE ↑ 0,70 g; 25 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Soroca, raion, *passim*. Din împrejurimile localităţii Balinţi provin mai multe emisiuni monetare, prezentate la muzeu pentru studiu de către domnul Grigore Păun din oraşul Soroca.

EMISIUNE TĂTARO-GENOVEZA
Contramarca
1. AR 0,60 g; 14 mm.

MOLDOVA
Emitent neprecizat, *½ groş*, anepigraf
2. AE ← 0,32 g; 12,9 mm.
3. Bi → 0,28 g; 13,1 mm.
Bogdan III (1504-1517), *groş*
4. Bi ← 1,18 g; 19,2 mm; MBR, tip I.

POLONIA
Gdansk, Ştefan Bathory (1575-1586), *gros*, 1579.
5. AR ↓ 1,21 g; 22,7 mm.
Lituania
Sigismund I (1501-1548),*½ gros*, 1510
6. AR ↖ 1,01 g; 20 mm.
Sigismund III (1587-1632), *solidus*, 1614
7. AR ↑ 0,64 g; 12,2 mm.

IMPERIUL ROMANO-GERMAN
Silesia-Legnitz-Brieg, Johan Christian şi Georg Rudolph, 3 kreuzer, Reichenstein, 1614.
8. AR ↖ 1,29 g; 20,2 mm.

IMPERIUL OTOMAN
Emitent neprecizat, *para*, sec. XVIII
9. AR 0,29 g; 16 mm.
Ahmed III (115-1143 AH / 1703-1730); *para,* Kostantiniye
10. AR 0,59 g; 14,8 mm.
Pere 1968, 523.
Informaţie: Ana Boldureanu, Ion Tentiuc.
Tighina, raion. La 22 martie 2013 ne-a fost adusă spre determinare o monedă rusească medievală.

RUSIA
Mihail Feodorovici (1613-1645), Moscova, *copeica*
AR ↘ 0,43 g; 12,8×9,2 mm;
Informaţie: Ana Boldureanu.

Talmaza, raionul Ştefan Vodă. Pe teritoriul localităţii a fost descoperită întâmplător o monedă poloneză.

POLONIA, Ştephan Bathory, 1586, Riga, *3 groşi*, perforată
↗ 1,83 g; 21,4 mm;

Trebujeni, raionul Orhei (*Orheiul Vechi)*. Au fost înregistrate de pe teritoriul localităţii mai multe descoperiri monetare din perioada medievală.
1. Imitaţie prototip *aspru* Bayezid II
AE 0,58 g; 11 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

2. Au fost identificate 16 monede descoperite în cadrul săpăturilor arheologice din anii 2010-2011. Piesele reprezintă emisiuni ale Hoardei de Aur (8 ex.), două dintre care fiind bătute în atelierul Şehr al cedid; două monede moldoveneşti de la Alexandru cel Bun şi Ştefan cel Mare, o monedă poloneză de la Sigimund al III-lea, o imitaţie după un *schilling* de la Christina; un *aspru* otoman neprecizat şi o emisiune neprecizată.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Speia, Anenii Noi.
POLONIA
1. Coroana, Sigismund III (1587-1632), *solidus,* 1627
AR ↓ 0,50 g; 16,4 mm.
2. Coroana, Sigismund August (1547-1572), *groş*, 1564
AR ↙ 0,94 g; 18,7 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu, Valentin Dumitru.

Zguriţa, raionul Ocniţa. Pe teritoriul şi în preajma localităţii au fost înregistrate câteva monede medievale. Acestea reprezintă emisiuni ale Imperiului Otoman, Moldovei şi Poloniei.

IMPERIUL OTOMAN
Abdülhamid I (1774-1789/1187-1203 AH*, kuruş*, Kostantiniye
Pere 1968, 675.

MOLDOVA
Eustratie Dabija (19 septembrie 1661 - 11 septembrie 1665), *solidus*

MBR, 93, tip 821-822, ref. MV 1a 0001.

RUSIA-MOLDOVA-VALAHIA
Sadagura
2 para - 3 kopeiki, 1773.

POLONIA
Ioan Cazimir (1648-1660), *solidus*, 1666.
Informaţie: Ana Boldureanu.

IV. Monede moderne

Bălţi, oraş. În primăvara anului 2012, în apropiere de oraşul Bălţi, în zona numită „La vile", în timpul lucrării lotului, un locuitor a găsit o monedă de cupru.
RUSIA, *denga*, 1731
AE 7,84 g; 25,3 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Chiţcani, raionul Teleneşti. Un locuitor a găsit în grădina de lângă casa o monedă rusească.

RUSIA
2 copeici, 1816; sigla EM; Rv.
↑ 10 g; 30 mm.

Dubăsari, raion. În vara anului 2011, în timpul lucrărilor agricole, a fost găsită o monedă rusească de cupru.
RUSIA, *denga,* 1731
AE 7,84 g; 25,3 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Hârtopul Mic, raionul Criuleni. Cetăţeanul Andrei Mălai din localitatea menţionată a găsit în podul casei o monedă rusească de cupru.

RUSIA
5 copeici, 1767.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Lunga, raionul Dubăsari. Pe teritoriul comunei în vara anului 2011 a fost găsită o monedă rusească din sec. XIX.
Rusia, *1 copeică*, 1818, EM.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Speia, Anenii Noi. De pe teritoriul localităţii provin mi multe monede ruseşti din perioada secolului XIX. Piesele se păstrează la muzeul local.

RUSIA, *½ copeici* Nicolai II, 1911, Sankt Petersburg
1. AE ↑ 1,44 g; 16,2 mm.
Rusia, *1 kopeika serebrom (de argint)*, 1849
2. AE 10,57 g; 27,5 mm.
Japonia, *1 sen*, 1977
3. AE ↘ 6,48 g; 28 mm.
Rusia, Nicolai I, *1 kopeika serebro*m *(de argint)*, 1849, E.M.

4. AE ↑10,10 g; 29 mm.
Rusia, *2 copeici*, 1873, E.M.
5. AE ↑ 5,76 g; 24 mm.
Rusia, *2 copeici*, 1873, E.M.
6. AE ↑ 2,72 g; 22 mm.
Rusia, *2 copeici*, 1841
7. AE 6,98 g; 27 mm.
Rusia, *3 copeici*, 1916
8. AE ↑ 9,34 g; 27 mm.
Rusia, *5 copeici*, 1879, С.П.Б.
9. AE ↑15,19 g; 32,3 mm.
Rusia, *5 copeici*, 1871, E.M.
10. AE ↑14,84 g; 32,5 mm.
Rusia, *2 copeici*, 1813, E.M.
11. AE ↑ 11,95 g, 30 mm.
Rusia, 2 copeici, 1813, E.M.
12. AE ↑ 13,60 g, 30 mm.
URSS, *15 copeici,* 1924
13. AE ↑ 2,4 g, 20 mm.
Rusia, *3 copeici*, 1873, E.M.
14. AE ↑ 8,60 g, 28,1 mm.
Rusia, *5 copeici*, 1758
15. AE ↑ 50,59 g, 41,3 mm.
România. Medalia Premiul I şcolar
16. AE 11,43 g; 31,2 mm.
Rusia, *5 copeici*, 1860, E.M.
17. AE ↑ 24,53 g, 37 mm.
România, *2 lei*, 1941
18. AE ↓ 2,98 g; 20 mm.
Rusia, *denejk*a, 1854, E.M.
19. AE ↑ 2,33 g; 18 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu, Valentin Dumitru.

Stolniceni, raionul Hânceşti. Un locuitor din Stolniceni, la 4 decembrie 2012, a adus la muzeu pentru identificare două monede găsite săpând în grădină.

RUSIA-MOLDOVA-VALAHIA
Sadagura
2 para - 3 copeici, 1773
AE ↑ 14,88 g; 35 mm.
RUSIA
2 copeici, 1818
AE ↑ 13,60 g; 29,9 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Truşeni, municipiul Chişinău. Cetăţeanul Iulian Isac a descoperit întâmplător, după ploaie, în pădurea de la Truşeni, o monedă rusească de cupru din secolul XIX.
RUSIA
2 copeici, 1840, sigla E.M.
AE ↑ 22,10 g; 32,1 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu, Silviu Andrieş-Tabac.

Bibliografie

Boldureanu 2008: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (II). Tyragetia s.n. 1, vol. II [XVII], 2008, 353-360.

Crivenco, Ovčarov 2012: A. Crivenco, Vladimir Ovčarov, Monede medievale bulgăreşti descoperite pe teritoriul dintre Prut şi Nistru / Болгарские монеты из находок в Прутско-Днестровском междуречье. In: Al XIII-lea Simpozion de Numismatică. Programul şi rezumatele comunicărilor, 5-9 septembrie 2012 (Chişinău 2012), 23-26.

Isvoranu 2012: Th. Isvoranu, Monede antice descoperite pe teritoriul Republicii Moldova. In: Al XIII-lea Simpozion de Numismatică. Programul şi rezumatele comunicărilor, 5-9 septembrie 2012 (Chişinău 2012), 16-17.

MBR: G. Buzdugan, O. Luchian, C. Oprescu, Monede şi bancnote româneşti (Bucureşti 1977).

Pere 1968: N. Pere, Osmanlılarda madenî paralar (Coins of Ottoman Empire) (Istanbul 1968).

Preda 1973: C. Preda, Monedele geto-dacilor (Bucureşti 1973).

Preda 1998: C. Preda, Istoria monedei în Dacia preromană (Bucureşti 1998).

Srećković 2000: S. Srećković, Akches. Mehmed II Fathih – Selim I Yavuz 848-926 H., II (Beograd 2000).

Chronicle of monetary findings (VII)

Abstract

The author continues to record monetary findings on the territory of the Republic of Moldova. The current edition introduces the coins acquired in the second half of 2012 and the first half of 2013.

The earliest of these is a Greek issue of „Larissa" found in the village of Talmaza, Ştefan Vodă District. This is the second coin of this kind discovered on the territory of Moldova. There are presented three hoards of the Roman era, one of them with the place of discovery.

There are given the new places of discovery of coins belonging to the medieval period: the villages of Balinţi (Soroca District), Marinici (Călăraşi District), and Soloneţ (Soroca District).

Хроника монетных находок (VII)

Резюме

Автор продолжает отмечать монетные находки на территории Республики Молдова. Данная работа посвящена монетам, обнаруженным во второй половине 2012 - первой половине 2013 года.

Самой ранней среди них является греческая монета типа «Ларисса», найденная в селе Талмаза района Штефан Водэ. Это вторая монета такого рода, обнаруженная на территории Молдовы. Представлены три клада римской эпохи, один из них с указанием места обнаружения.

Указаны новые места находок монет средневекового периода: села Балинць Сорокского района, Маринич Кэлэрашского района и Солонец Сорокского района.

17.06.2013

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

COMMENT ON "THE EARLIEST HORSE HARNESSING AND MILKING"[1]

Pavel Kosintsev
Pavel Kuznetsov[2]

The study of animal domestication is one of the most complicated issues, and a solution to it lies through the application of a wide range of methods from different disciplines. Such an approach was used by a team of scholars who published an article on the study of the remains of horses from the Botai settlement in Kazakhstan. The authors state that the features analysed indicate the presence of domestic horses at the Botai settlement in the second half of the 4th millennium B.C.E. The conclusion was based on the proportions of metacarpal bones discovered there in 2005-2006 (fig. 1).

However, there is another set of data on the dimensions and proportions of metacarpal bones excavated at the Botai. It was received during the excavations of the settlement in the seasons of 1980-1992, and made available in several publications (Ахинжанов, Макарова, Нурумов 1992; Косинцев 2002, 48-50; Кузьмина 1997).

The series of proportions of the metacarpal bones provided in these publications correspond to each other but differ from new, 2005-2005 series. It should be stressed that these parameters coincide with the proportions of bones from other contemporary sites located in Kazakhstan, such as, for example, the Kozhai settlement and the Kumkeshu settlement. A separate comparison of dimensions and proportions of horse bones was made between those found at Botai and Sintashta sites (Косинцев 2002, 48-50). The Sintashta population of 2000 BCE already had domestic horses and had harnessed horses to chariots. The comparison of bones shows that horses from Botai and Kozhai featured larger and more massive metacarpal and metatarsal bones than horses from Sintashta. The comparison of the proportions of the bones of domestic horses from Mongolia, the Sintashta settlement, and the Kent settlement with bones from the Kozhai settlement, the Kunkeshu settlement, and the Kuznetsk site of the Late Pleistocene reveals an important difference (fig. 1). As indicated by the parameters, horse bones found during the Botai excavations of 1980-1992 belong to wild horses (tab. 1, 2). In our opinion, the inconsistency between the data for 1980-1992 and 2005-2006 excavations at the same Botai settlement should be explained by technical error made during the analysis of the latter, and there is no evidence that horses at the Botai were harnessed.

In their article "The Earliest Horse Harnessing and Milking" the authors discuss different types of bitting. According to their conclusions, some Botai horses were harnessed with bits. In their opinion, the proof is one excavated premolar P_2s: this premolar has traces typical of bitting damage; traces resembling bitting damage were also found on five diastemas. The authors assume that such traces are left due to the effect of bits. However, the enamel of mammals is very hard. In order for an instrument to leave traces it should be hard like the enamel to which it is applied. A macroscopic method is based on the results of the diastema and P_2s study of modern horses; iron bits are used for harnessing these horses (Brown, Anthony 1998, 331). Thus, well-marked bitting damage is seen on the diastema and P_2 s of many modern harnessed horses. Diastemas and P_2 s belonging to the Iron Age, where metal bits were used, were taken to support this method of comparison (Bendrey 2007).

However, this methodology will not work if bits were made of other materials, softer than metal, such as leather or hair. Until now, only one small copper sheet was found on the Botai settlement.

[1] Published by Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe and Richard P. Evershed in *Science* 323, 6 March, 2009, 1332-1335.

[2] We thank the RGNF, № 12-11-63002a/B; Program of UD RAS, project № 12-M-456-2024.

There is also no evidence of metal-working at the settlement, and metal bits for horses were not in use at that time. The first cheek-pieces appeared at the beginning of the 2nd millennium BCE, and bone or antler mouthpieces had been used for their making. Before this period, bridles were made of leather or hair. Thereby, if there had been a domestic horse at the Botai, the bits for it would have been made of organic materials. Organic material cannot leave well-marked traces on teeth or bones. We studied 41 lower jaws with teeth of horses from kurgans of the Late Bronze Age, including some found in burials with chariots and cheek-pieces. We also studied 27 diastemas and 36 P_2 s from the Late Bronze Age settlements. None of the bones or teeth had traces resembling bitting damage (Bendrey 2007). For the first time such traces appear on the lower jaws (N=32) of the adult horses from burials of the Early Iron Age in the Altai region, when metal bits were already in use. But these traces can rarely be seen: approximately on 9% of diastemas and on 3% of P_2 s. The number of similar traces is much higher at the Botai settlement: 33% of diastemas and 7% of P_2 s. Since metal bits were not introduced at that time, the noted high frequency of traces cannot be explained by their use. Hereby, the presence of the described features on the diastema and P_2 s from Botai should have another explanation. It is possible that these are the results of an abnormal bite or some mechanical damage. The examples of it provide the materials from the Eneolithic/ the Bronze Age sites: animal fangs and teeth featuring traces of mechanical damage. These teeth were used for necklaces, and the Botai tooth could have been used for this purpose as well.

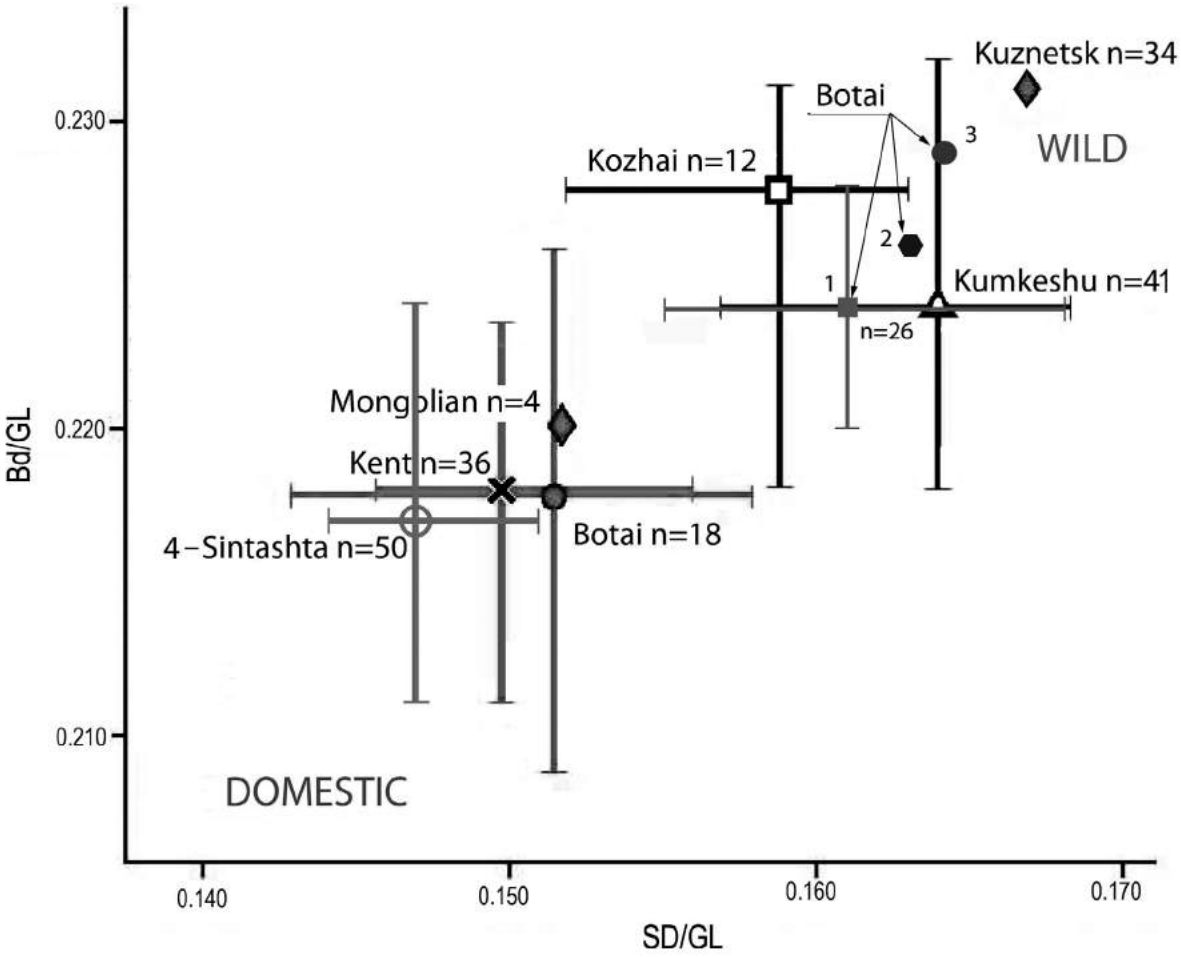


Fig. 1. Scatter plot for ratios of measurements Bd/GL and SD/GL on horse metacarpals from different ancient and modern populations. The Botai horses plot in association with other ancient and modern domestic populations. Botai: 0 - selection from 2005-2006 excavations; 1 - selection from 1990-1991 excavations (Kosintsev, non published); 2 - selection from 1987-1988 excavations (Кузьмина 1997, n=33); 3 - selection from 1980-1986 excavations (Ахинжанов, Макарова, Нурумов 1992, n=38); 4 - Sintashta (Косинцев 2002). Bars indicate ± interquartile ranges (not available for the Botai excavations of 1980-1988, the Kuznetsk site, or Mongolian population).

Besides the bones, Outram and his colleagues studied fatty acids on cooking vessels, also found at Botai. As a point of reference, they took the contemporary data on the equine milk fat and equine adipose fat of horses for the territory of Kazakhstan. Analytical results of ratio δD $C_{18:0}$ to δD $C_{16:0}$ the authors received from the study of the remains on the sherds they interpret as proof for equine milk being kept in the vessels. The difference between the values of δD fatty acids level of modern data and the ancient level, which is higher, the authors explain, citing palynological studies, by climate iridisation. However, the referenced works do not contain such data (Kremenetski, Tarasov, Cherkinsky 1997, 132; Tarasov, Jolly, Kaplan 1997, 286-287). Therefore, reasons other than climatic ones should be sought to explain the differences in the δD level of archaeological fats.

An analysis of two groups of δD values made of fatty acids on archaeological ceramic demonstrated the significant difference in regression coefficients. This fact allows us to conclude that these two groups characterize the diversity of fatty acids.

The differences between these two selections are greater than between fatty acids of equine milk fat and equine adipose fat. Thus, it is unlikely that the group of values at the top of scatter plots illustrated in Fig. 2B can be interpreted as milk fat of an archaeological equine. This demonstrates the much higher values of δD level in archaeological fats.

Thereby, neither bone characteristics, nor traces on teeth or residue on sherds from the Botai settlement given by A. Outram and his colleagues in the reviewed article can be used as evidence for the existence of domestic horse in the territory of Kazakhstan during the Eneolitic/Bronze Age period.

The culture of the Botai was traditional, with deep roots in the local hunters' culture of the Late Stone Age. There are no other known domestic animals at the Botai settlement except dogs. All animal bones found at other settlements of this culture belong only to wild breeds. Thus, we suppose that the archaeological culture of Botai was left by humans who were hunting wild horses. Simultaneously, in the West, in the Eastern European steppes, the population of the Early Bronze Age possessed herds consisting of hoofed animals. It was only at the turn of the 3rd-2nd millennium BCE when the evolution of the Western model of cattle-breeding, and its spread to the East led to the appearance there of chariots pulled by horses known from the finds in the Ural tombs.

Table 1

Horse metacarpal bone indexes (Mc III) for Botai settlement, according to different authors

Indexes	Outram et al. 2009	Ахинжанов, Макарова, Нурумов 1992 (excavations of 1980 г.)	Ахинжанов, Макарова, Нурумов 1992 (excavations 1983 – 1986 гг.)	Кузьмина 1997	Косинцев 2002	Kosintsev, Plasteeva, Vasil'ev 2013
	n = 18	n = 38	n = 431	n = 33	n = 33	n = 24
SD/GL	ca 15,1[1]	16,4	16,1	16,3	16,3	15,9
Bd/GL	ca 21,8[1]	22,9	22,4	22,6	-	22,3[2]

[1] - index values defined after: Outram et al. 2009, fig. 1
[2] - index values calculated by median Bd & GL values

Table 2

Horse metacarpal bone indexes (Mc III). The settlements synchronous to Botai settlement, according to different authors

Indexes	Kozhai 1			Kumkeshu	
	Outram et al. 2009	Гайдученко 1998	Kosintsev, Plasteeva, Vasil'ev 2013	Outram et al. 2009	Kosintsev, Plasteeva, Vasil'ev 2013
	n = 12	n = 22	n = 6	n = 41	n = 16
SD/GL	ca 15,9[1]	16,3	16,1	ca 16,4[1]	16,6
Bd/GL	ca 22,8[1]	-	23,1[2]	ca 22,4[1]	22,5[2]

[1] – index values defined after: Outram et al. 2009, fig. 1
[2] – index values calculated by median Bd & GL values

Bibliography

Bendrey 2007: R. Bendrey, New methods for the identification of evidence for bitting on horse remains from archaeological sites. Journal of Archaeological Science 34, 2007, 1036-1050.

Benecke 2001: N. Benecke, Der Mensch und seine Haustiere: die Geschichte einer jahrtausendealten Beziehung (Köln: Parkland-Verlag 2001).

Brown, Anthony 1998: D. Brown, D. Anthony, Bit Wear, Horseback Riding and the Botai Site in Kazakstan. Journal of Archaeological Science 25, 1998, 331-347.

Kosintsev, Plasteeva, Vasil'ev 2013: P.A. Kosintsev, N.A. Plasteeva, S.K. Vasil'ev, Western Siberian Wild Horses (Equus (Equus) s.l.) in Holocene. Зоологический журнал V, 92 (№9), 1107-1116.

Kremenetski, Tarasov, Cherkinsky 1997: C.V. Kremenetski, P.E. Tarasov, A.E. Cherkinsky, The Latest Pleistocene in Southwestern Siberia and Kazakhstan. Quaternary International 41-42, 1997, 125-134.

Outram et al. 2009: A.K. Outram, N.A. Stear, R. Bendrey, S. Olsen, Al. Kasparov, V. Zaibert, N. Thorpe, R.P. Evershed, The Earliest Horse Harnessing and Milking. Science 323, 6 March, 2009, 1332-1335.

Tarasov, Jolly, Kaplan 1997: P.E. Tarasov, D. Jolly, O. Kaplan, A continuous Late Glacial and Holocene record of vegetation changes in Kazakhstan. Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology 136, 1997, 281-292.

Ахинжанов, Макарова, Нурумов 1992: С.М. Ахинжанов, Л.А. Макарова, Т.Н. Нурумов, К истории скотоводства и охоты в Казахстане (Алма-Ата 1992).

Гайдученко 1998: Л.Л. Гайдученко, Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай 1. В: С.С. Калиева, Поселение Кожай 1 (Алматы 1998), 234-252.

Косинцев 2002: П.А. Косинцев, Лошади Ботая и Синташты: сравнительная морфометрическая характеристика. В сб.: Этнические взаимодействия на Южном Урале (Челябинск 2002), 48-50.

Косинцев 2003: П.А. Косинцев, Становление производящего хозяйства в Южном Зауралье. В: Горизонты антропологии (Москва 2003), 495-498.

Кузьмина 1997: И.Е. Кузьмина, Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности (Санкт-Петербург: Зоологический Институт РАН 1997).

Comentarii la articolul "The Earliest Horse Harnessing and Milking" (Folosirea străveche a calului şi mulsul)

Rezumat

Alan K. Outram, împreună cu colegii, consideră că în Kazahstanul de Nord, în aşezarea Botai, a existat un centru de domesticire a cailor. Noi, însă, suntem de părerea că aici nu au existat cai domesticiţi, iar locuitorii aşezării Botai, în perioada eneoliticului târziu se îndeletniceau cu vânătoarea cailor sălbatici – a tarpanilor. Parametrii oaselor de cai de la Botai se deosebesc radical de parametrii cailor domestici din perioada următoare – epoca bronzului. Iar urmele de pe dinţii şi diastemele cailor de la Botai nu sunt urme de zăbale, deoarece astfel de piese apar în această regiune abia în prima epocă a fierului.

Комментарий к статье "The Earliest Horse Harnessing and Milking" (Древнейшее использование лошади и доение)

Резюме

Алан К. Оутром вместе с коллегами считают, что в Северном Казахстане, на поселении Ботай, был самостоятельный центр доместикации лошади. В противоположность этому, мы полагаем, что здесь не было домашних лошадей, а жители поселения Ботай в эпоху позднего энеолита охотились на диких лошадей – тарпанов. Параметры костей лошадей Ботая резко отличаются от параметров домашних лошадей следующей исторической эпохи – бронзового века. Следы на зубах и диастемах лошадей не являются следами от удил, т.к. такие удила здесь появились лишь в раннем железном веке.

19.07.2013

Pavel Kosintsev, Institute of Plant and Animal Ecology, the Ural Branch of RAS, 8 March st., 202, Ekaterinburg, Russia

Pavel Kuznetsov, Archaeological Museum of the Volga-region PGSGA, Leninskaja st., 123, Samara, Russia, e-mail: pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com

REFLECŢII ASUPRA UNOR AFIRMAŢII PRIVIND RĂSPÂNDIREA AMFORELOR GRECEŞTI ÎN MEDIUL GETIC

Natalia Mateevici

Pe parcursul mai multor ani, investigând subiectul importurilor greceşti în mediul barbar din nord-vestul pontic, mă confruntam cu problema determinată de lipsa specialiştilor în acest domeniu în Republica Moldova. Ori de câte ori era nevoie să-mi verific traiectoria investigaţiilor, eram pusă în situaţia de a apela la consultaţiile marilor specialişti din afara ţării, atât privind morfologia amforelor propriu-zise (în special S.Iu. Monachov, S.Iu. Vnukov), cât şi lucrările cercetătorilor specializaţi în epigrafie amforistică (Y. Garlan, M. Debidour, N. Jefremov, V.I. Kats, N. Badoud, G. Finkielsztejn etc.). Mare mi-a fost mirarea, aflând, că în R. Moldova a mai apărut încă un „amforolog" – A. Levinschi. Luând ca bază monografia subsemnatei *Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr.,* Chişinău, 2007, dânsul a încercat să revadă nu numai perioadele de pătrundere a amforelor greceşti în această regiune şi evoluţia relaţiilor greco-barbare (în special relaţiile cu geţii), dar s-a şi aventurat în re-datări, noi atribuiri ale diverselor amfore unor sau altor tipuri amforistice (a se vedea: *Греческие амфоры на гетских памятниках лесостепи Днестровско-Прутского междуречья – центры и ритмы поступления*, publicată în revista Stratum-plus, nr. 3, 2012, p. 245-274). Lucru salutabil, la prima vedere, dacă nu ar fi fost făcut de un nespecialist în amforă grecească. Având ca teză de pornire „prezenţa geţilor în aceste teritorii doar până în al treilea sfert al sec. IV a. Chr.", autorul a încercat să ofere propria „analiză" a răspândirii amforelor greceşti în mediul getic.

E regretabil, că autorul nu foloseşte în studiul său materialele provenite din cetăţile getice din interfluviul Prut-Siret şi analizează doar artefactele din mediul getic din arealul Prut-Nistru, divizând totodată importul amforistic grecesc din aceeaşi perioadă adus în mediul scitic şi cel getic.

De la început, acelaşi autor încearcă să facă o analiză fiecărei grupe de amfore greceşti, conducându-se după caracteristicile ambalajului fiecărui centru producător.

Vom încerca şi noi să urmărim această cale anevoioasă şi să ţinem pasul cu autorul publicaţiei menţionate, oprindu-ne la fiecare pasaj, care ne-a trezit multiple întrebări, urmând acelaşi traseu, propus de A. Levinschi, adică analiza ambalajului amforistic în funcţie de centrele de producere.

Chiar din start autorul menţionează, precum că un fragment de picioruş de amforă samiană nu este amintit în publicaţia privind materialul amforistic de la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002) şi apare doar în monografia subsemnatei din 2007. Doresc să menţionez, în acest context, că nu este primul caz, când în timpul cercetărilor o piesă sau alta poate fi trecută, neintenţionat, cu vederea. Contează în cele din urmă faptul că piesa a fost totuşi găsită şi plasată în circuitul ştiinţific. Menţionând amforele de **Samos** descoperite în habitatul getic, se afirmă, că toate fragmentele amforistice, descoperite aparţin doar vaselor timpurii, care datează din al treilea sfert - sfârşitul sec. VI a. Chr., mai mult ca atât, chiar se specifică, că toate fragmentele aparţin unui singur tip de amforă samiană – tip I-B (p. 244), perioada de circulaţie a căruia este într-adevăr cea indicată, doar că (posibil în neştiinţă de cauză), Levinschi nu acorda atenţia cuvenită caracteristicilor morfologice ale acestor fragmente şi anume, că atât forma, cât şi lăţimea picioruşelor de amforă (care reprezintă un bun indicator cronologic), aparţin unui alt tip amforistic – tipului II, a cărui datare revine sfârşitului sec. VI - începutului sec V a. Chr.

Amforele de **Chios**, la fel sunt supuse unei analize, pe care autorul o consideră detaliată, menţionând din start, după părerea noastră – greşit, că cele două fragmente de buze de amfore timpurii cu gâtul umflat, de la Butuceni, aparţin unui singur vas (p. 245), ceea ce nici pe departe nu corespunde realităţii, întrucât sunt doua fragmente

a două vase, care aparţin aceluiaşi tip de amforă chiotă cu gâtul umflat, iar A. Levinschi, la o mai atentă studiere a desenelor, ar fi observat cu uşurinţă unele mici particularităţi morfologice, care ne-au permis să afirmăm că sunt fragmente de la două vase diferite, care aparţin aceluiaşi tip de amforă chiotă cu gâtul umflat. Aceeaşi „neatenţie" el o dovedeşte şi în raport cu o altă piesă de amforă timpurie, de la Hârtopul Mare, pe care dânsul o atribuie tipului III-C, datând-o cu al treilea - al patrulea sfert al sec. V a. Chr. (p. 245). Din punctul nostru de vedere (şi nu numai), respectivul artefact aparţine tipului III-B, care este datat cu prima jumătate - mijlocul sec. V a. Chr. Atragem atenţia colegului nostru că principala caracteristică a amforelor chiote cu gâtul umflat de tipul III-C este aplatizarea gâtului umflat şi un brâu incizat, care conturează partea de jos a umflăturii, ceea ce lipseşte cu desăvârşire la exemplarul de la Hârtopul Mare. Trăgând o mică concluzie privind amforele chiote timpurii, autorul menţionează că aceste amfore, atât cele de tipul III-B, III-C, cât şi cele de tipul IV (cu gâtul cilindric) circulă în mediul getic în perioada încadrată între cea de a doua jumătate şi cel de-al treilea sfert al sec. V a. Chr. (p. 246), neluând în consideraţie că începutul perioadei de circulaţie a amforelor de tipul III-B (prezenţa cărora este „recunoscută" şi de A. Levinschi), revine începutului anilor '80 ai sec. V a. Chr. (Монахов 2003, 17).

Vorbind de amforele de Chios de stil nou, cu picioruş în formă de manşon, colegul nostru încearcă să atribuie variantei V-A (datate cu sfârşitul sec. V a. Chr.) toate fragmentele de amfore de stil nou, descoperite la Saharna-La Revechin, Butuceni, Potârca, chiar dacă printre aceste fragmente sunt, fără niciun dubiu, şi vase ale variantei V-B (p. 247). Rămâne pentru noi neînţeles motivul intenţiei lui A. Levinschi de a oferi (fără nicio dovadă) o *nouă datare* (subl. N.M.) amforelor variantei V-B, care este datată de Monachov cu primul sfert - al treilea sfert al sec. IV a. Chr. (Монахов 2003, 24). Cu toate că autorul vrea să ne convingă că se conduce după datările elaborate de S.Iu. Monachov, în realitate el insistă asupra unei alte datări a amforelor acestei variante: mijlocul - al treilea sfert al sec. IV a. Chr., astfel cititorul mai puţin avizat devenind martor la o adevărată falsificare (care, după cum vom încerca să demonstrăm, nu este nici prima, nici ultima în respectiva publicaţie).

Continuând şirul descrierii altor tipuri de amfore chiote, sunt menţionate două fragmente (gât şi fragment de picioruş) care aparţin unei amfore, descoperite la mica fortificaţie getică Saharna-La Revechin, pe care autorul le atribuie unei variante târzii, plasate între varianta V-B şi V-C. Luând ca bază culoarea pastei şi forma piciorului (puternic fragmentat), sunt făcute încercări, de a atribui acestui vas unei producţii de Chios. Autorul îşi argumentează poziţia prin afirmaţia precum că „modul de fixare a toartelor la amfora dată, este cel care corespunde tipului V-C", adică, când toartele se fixau la o distanţa semnificativă de buza vasului (sic!), iar forma neobişnuită a piciorului, cu o *cavitate adâncă în talpă* (subl. N.M.) şi este această „punte de legătură" între cele două variante (p. 248). Am fi dorit să prezentăm unele explicaţii şi precizări atât lui A. Levinschi, cât şi cititorului: în amforologia contemporană evoluţia amforelor chiote „de stil nou" este văzută ca un proces care ducea, în ceea ce priveşte forma piciorului, spre ştergerea treptată a liniei de evidenţiere a manşonului, unele exemplare de tipul V-C chiar având forma piciorului asemănătoare unui con, iar mica cavitate în talpă la vasele acestui tip, dispărea definitiv. În cazul nostru, fragmentul de picioruş, pe baza căruia A. Levinschi încearcă să elaboreze un nou tip amforistic, de altfel ca şi fragmentul de gât, nu se apropie prin nici un indiciu (sic!) de caracteristicile unei amfore chiote nici de stil nou, nici de vreun alt „stil". Mai mult, parametrii pe care îi avem la dispoziţie ne determină să considerăm că fragmentele date (pe care subsemnata le-a văzut pe viu, de altfel, ca şi toate piesele analizate în monografia din 2007) aparţin unei amfore greceşti produse într-un centru mediteranean, dar, pentru moment, încă necunoscut (lucru absolut normal în amforologia contemporană, când încă multe piese amforistice mai deţin calificativul „producţie a unui centru necunoscut").

Trecând la analiza amforelor de **Mende**, acelaşi autor, fără a vedea pe viu piesa propriu-zisă, afirmă că fragmentul buzei unei amfore de Mende de la Saharna, este desenat incorect, punând la îndoială profesionalismul celor doua desenatoare – I. Midari şi M. Stepovaia, care au lucrat la partea grafică a lucrărilor subsemnatei.

Nedorinţa lui A. Levinschi de a folosi în „studiul" sau materialele provenite din cetăţile getice din interfluviul Prut-Siret conduce la unele supoziţii

nefondate şi eronate, precum că pătrunderea importului mendiot în mediul getic al acestui spaţiu are loc doar o „singura dată" - la începutul sec. IV a. Chr. (p. 249). Această concluzie este trasă de autorul studiului în discuţie, pe baza tipului II-B „porticello" al amforelor de Mende, pe care Monachov le datează între primul sfert – *şi mijlocul* (subl. N.M.) sec. IV a. Chr. (sic!) (Монахов 2003, 92, 95). În realitate, materiale din unele cetăţi getice şi din complexe funerare scitice dovedesc prezenţa vinului mendiot în aceste regiuni şi în cea de a doua jumătate a sec. IV a. Chr.

Vorbind de amforele de **Cnidos**, A. Levinschi afirmă la adresa subsemnatei, precum că în publicaţia din 1999, toate fragmentele de amfore cu gâtul umflat au fost atribuite aşa-numitului tip Solocha I şi Usti-Labinsk, iar in monografia din 2007, unele dintre ele sunt atribuite Cnidosului (p. 249). Nu văd aici nicio discordanţă, întrucât astfel de „răsturnări de situaţii" în arheologie şi în amforologie, în special, sunt un lucru deseori întâlnit. Dorim să subliniem în acest context, că studiul amforelor evoluează, că apar noi informaţii, în urma studiilor izvoarelor scrise, dar şi cercetărilor de teren, care aduc multiple noutăţi şi chiar identificarea unor noi centre (care anterior erau clasate la categoria „necunoscute" etc.). Mult timp amforele cu buza în formă de ciupercă erau considerate ca aparţinând tipului Solocha I sau Usti-Labinsk, actualmente, însă, au fost elaborate criterii clare, conform cărora *unele forme* (subl. N.M.) ale acestor amfore sunt atribuite pe bună dreptate şi argumentat Cnidosului. Mai mult ca atât, s-a dovedit, că unele forme de astfel de buze aparţin şi Samosului şi Rhodosului etc. Folosirea de către A. Levinschi a frazelor rupte din context este deseori întâlnită în studiul în discuţie, nu numai în cazul cu amforele de Cnidos, ci, precum se va vedea în continuare, şi în alte cazuri. Bunăoară, autorul afirmă că amforele cnidiene de tipul II-B-1, (prezenţa cărora este acceptată de el la Saharna Mare), *„sunt răspândite începând din al treilea sfert al sec. IV a. Chr."* (subl. N.M.) (p. 251), făcând, ca şi alte ori, referinţe la lucrarea lui Monachov din 2003. Citind, însă, atent fragmentul folosit din lucrarea lui Monachov, la pagina indicată, găsim continuarea citatului *„.... şi la începutul sec. III a. Chr."* (subl. N.M.) (Монахов 2003, 107).

A câta oară A. Levinschi atribuie, neargumentat, unele piese, fără a fi văzute de el pe viu, altor centre decât celor indicate de subsemnată. Piciorușul de Cnidos de la Saharna Mare, are multiple analogii, şi care şi după pastă, şi după criteriile morfologice aparţine Cnidosului, iar autorul A. Levinschi îl atribuie Samosului (tipul III-A) (sic!), pentru că acest tip se datează cu a doua jumătate a sec. IV a. Chr., datare spre care sunt „trase" toate celelalte amfore greceşti analizate în studiul în discuţie.

Trecând la amforele de **Thasos** autorul, din nou, încearcă să facă atribuiri la anumite centre producătoare, pe care le cunoaşte doar din publicaţii (p. 251). Astfel, amintim fragmentul de buză de amforă de la Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut, 2008, 46, fig. 39/9), pe care subsemnata l-a văzut şi l-a analizat, şi care mi-a trezit bănuieli, privind originea lui thasiană, iar A. Levinschi susţine că piesa dată este fragmentul unei amfore de Thasos. Fără îndoială fragmentul respectiv a aparţinut unei amfore produse într-un centru mediteraneean, dar nicidecum nu poate fi un fragment de amforă thasiană, care are un lut specific, inconfundabil, chiar şi la prima vedere, iar prezenţa în componenţa pastei a particulelor de mică, nu este nici de departe un argument pentru atribuirea acelui fragment doar Thasosului, care nici la aspectul lutului, nici prin forma buzei, nu corespunde vreunui tip de amforă thasiană (de luat în seamă că mica este întâlnită în pasta mai multor centre greceşti din regiunea egeeană şi mediteraneană). Trezeşte nedumerire neînţelegerea, de către autor, că în acelaşi sit pot fi descoperite atât fragmente de amfore aparţinând unui tip al producătorilor thasieni, cât şi exemplare ale unor recipiente ştampilate care fac parte din alte tipuri de amfore aparţinând unui si aceluiaşi centru, în cazul dat Thasosului (sic!).

Este important de reţinut că materialul ceramic de la Butuceni, analizat de subsemnata şi de alţi cercetători, nu provine din complexe „închise", iar după cum se cunoaşte, de cele mai multe ori, piesele ceramice descoperite în spaţii de habitat, sunt fragmentare. Astfel, deseori alături de material amforistic profilat, apar la Butuceni (şi nu numai) ştampile amforistice, care au o datare ce diferă de datările celorlalte piese. Totuşi, dincolo de aceste „nedumeriri", materialul epigrafic amforistic, este bine datat, existând multiple cataloage, dedicate anumitor centre producătoare, iar în studiul acestui domeniu al amforologiei greceşti,

sunt implicaţi cei mai de vază savanţi europeni, de părerea cărora este bine să se ţină cont.

Observăm, că ştampilele thasiene, care se datează cu ultimul sfert al sec. IV a. Chr, nu stârnesc „nemulţumirea" lui A. Levinschi, însă cu totul o altă atitudine o manifestă autorul faţă de exemplarele ale căror datare trece pragul dintre sec. IV - în sec. III a. Chr. Acestea din urmă ştampile thasiene de la Saharna Mare, Butuceni, Horodca Mare, Potârca au diverse analogii, iar datările lor cu primul şi al doilea sfert al sec. III a. Chr. vin să demoleze cadrele cronologice, asupra cărora insistă autorul (Avram 1996, nr. 382, 438, 439; Bon 1957, nr. 804, nr. 1573; Sîrbu, Oprea, Rădulescu 1997, fig. 16/2; etc.)

Ajungând la amforele de **Heracleea Pontică** (p. 254), ne ciocnim din nou cu aceeaşi tendinţă de a elimina importurile greceşti de sec. III a. Chr. din habitatul getic. Nu stăruim asupra morfologiei amforelor propriu-zise, care, ca şi recipientele thasiene sunt descoperite în cantităţi mari în siturile getice, ne oprim doar la piesele de epigrafie amforistică. Drept, exemplu oferim încercarea lui Levinschi de a redata ştampila heracleotă de producător de la Saharna-La Revechin, păstrată întreagă pe gâtul unei amfore, pe care, suficient de clar, este gravat numele producătorului Ἡρακλέιδας (Mateevici 2007, 154, nr. 176). Levinschi afirmă că numele acestui producător este întâlnit atât în perioada de debut a ştampilării heracleote, cât şi în perioada finală a ştampilării amforistice în acest polis sud-pontic (p. 255), atribuind ştampila de la Saharna-La Revechin, producătorului timpuriu, datat cu începutul sec. IV a. Chr. Numele acestui producător apare, într-adevăr, pe ştampile din perioada timpurie, dar în cu totul altă formă de redare, transcriere, pe care A. Levinschi nu are de unde să o cunoască, iar redarea retrogradă a numelui şi forma însăşi a ştampilei (într-un rând), este specifică anume producătorului care a activat în perioada finală a ştampilări la Hercaleea, datate cu sfârşitului sec. IV - primului sfert al sec. III a. Chr. De data aceasta autorul studiului în discuţie nu apelează la datările lui Monachov şi nici referinţele la catalogul acestuia nu-l mai interesează, astfel încât, poziţia ocupată nu poate fi calificată decât drept una tendenţioasă, având în vedere că în lucrarea dată figurează o ştampilă analogică. Mai mult ca atât, pentru ambele ştampile (atât cea publicată de Monachov, cât şi cea de la Saharna-La Revechin) a fost folosită aceeaşi matrice (subl. N.M.) (sic!). Ştampila publicată la Monachov este aplicată pe o amforă întreagă, care aparţine tipului II-A-2, datarea căruia se încadrează între sfârşitul sec. IV şi începutul sec. III a. Chr. Şi din nou, suntem obligaţi să constatăm că, în cazul când datările propuse de alţi cercetători nu corespund „teoriei sale", A. Levinschi începe „jonglarea" cu datări, încercând să inducă în eroare cititorul (p. 255).

Vorbind de mediul getic şi importurile heracleote acelaşi autor încearcă să treacă cu vederea şi alte piese de epigrafie amforistică, printre care ştampile de producători heracleoţi Ἔτυμος, Ἄψογος, Φι(...), care aparţin aceleiaşi grupe finale de ştampile a producătorilor heracleoţi, care au activat atât la sfârşitul sec. IV, cât şi la începutul sec. III a. Chr. (Кац 2007, 430). Nu putem fi de acord cu afirmaţiile autorului dat, că amforele heracleote pătrund în mediul getic de abia pe la mijlocul sec. IV a. Chr., fiind trecute cu vederea amforele (printre care şi piese de epigrafie amforistică) de la aşezarea Veseloe III, care datează cu anii '70-'60 ai sec. IV a. Chr., fragmentele de picioruşe şi buze de la Butuceni, Cartal-Orlovka, de la Cotnari (interfluviul Prut-Siret), care prezintă material din al doilea sfert al sec. IV a. Chr. Nu insistăm asupra părerii că pătrunderea amforei heracleote în mediul barbar getic începe cu debutul sec. IV a. Chr., dar nici să negăm cu vehemenţă acest fapt, precum o face A. Levinschi, nu putem, întrucât, este puţin probabil, ca în aceeaşi perioadă cronologică sciţii să folosească pe larg vinul haracleot, deja de la începutul sec. IV a. Chr., iar geţii, cu care aceştia se învecinau direct, să cunoască acest produs doar de la mijlocul aceluiaşi secol.

E inexplicabil pentru noi motivul, care l-a făcut pe autorul studiului să renunţe la amforele de **Chersones**, clasificând laolaltă toate piesele considerate de noi chersonesiene, drept o producţie necunoscută – aşa-numitele amfore „pseudo-chersonesiene". Bănuim, că motivul ar fi putut şi fi faptul că A. Levinschi nu avea la îndemână publicaţiile mai vechi ale lui S.Iu. Monachov, din anii '80 ai secolului trecut, dedicate în exclusivitate amforelor de Chersones (Монахов 1980; Монахов 1989). Se prea poate, că autorul a avut la îndemână doar ultimele publicaţii ale renumitului amforolog din Rusia, privind nouă reatribuire a *unor* (subl. N.M.) amfore, considerate iniţial, de Monachov însuşi, chersonesiene, dar şi faptul că în volumul acestuia din 2003, la care, pe par-

cursul întregului său studiu, face referinţă autorul studiului în discuţie, amforele de Chersones lipsesc, au dus la afirmaţiile nefondate de mai sus.

Pare bizară afirmaţia lui A. Levinschi, precum că fragmentele şi amforele de Chersones sau, cel puţin considerate de noi ca aparţinând acestui centru, descoperite la Butuceni şi Saharna Mare, conţin însemnate cantităţi de... mică (?!) (p. 256). Dorim să aducem unele explicaţii colegului, că amforele de Chersones nu conţin ...mică. În componenţa pastei chersonesiene putem vedea drept degresanţi particule albii calcaroase, uneori particule negrii sau maronii, dar niciodată (!!!!) ...mică. În studiul în discuţie se fac deseori referinţe la monografia cercetătoarei sovietice I. Zeest *„Керамическая тара Боспора”*, şi totodată se trece cu vederea componenţa pastei chersonesiene, pe care o prezintă detaliat autoarea (Зеест 1960, 98). Nu ştim de unde a văzut A. Levinschi la amforele menţionate mai sus mica, având la dispoziţia sa doar ilustraţiile din publicaţiile menţionate? Totuşi îl îndemnăm pe autor să viziteze depozitele MNIM, în care sunt câteva amfore întregibile de Chersones, de la Butuceni, precum şi multiple fragmente din tumulii scitici etc. publicare de subsemnata, pentru a se convinge, că în pasta acestor vase mica lipseşte. Şi de data aceasta avem de a face cu o crasă falsificare, prezentată de distinsul coleg drept adevăr în ultima instanţă! Ca şi în cazul cu ştampilele de Thasos şi Hercaleea, acelaşi autor pune şi de data aceasta la îndoială *clasificarea cronologică a ştampilelor de Chersones* (elaborată de recunoscutul savant V.I. Kats, subl. N.M), care este în ultimul timp atacată, ce-i drept, şi de unii cercetători de renume, dar care, pentru moment, rămâne încă „în picioare” (Полин, Дараган 2008, 159),

Implicându-se în analiza amforelor de **Sinope** (p. 259) A. Levinschi afirmă, că fragmentele de amfore sinopeene de la Alcedar-La Cordon şi Butuceni aparţin unui alt tip amforistic, decât cel indicat de subsemnata în monografia sa. Această afirmaţie nu are nicio bază ştiinţifică, întrucât fragmentele de la Butuceni, Saharna etc. aparţin mai multor variante ale tipurilor I şi II, datarea cărora se plasează între mijlocul sec. IV - până la începutul sec. III, iar unele ştampile descoperite în mediul getic, dau peste cap toate dorinţele şi tendinţele ale lui Levinschi de a elimina secolele III- II din istoria geţilor. Anume ştampilele amforistice ale Sinopei trezesc cea mai mare „indignare” a lui Levinschi, pentru că, dacă în cazul fragmentelor profilate de amfore dânsul poate veni cu opiniile sale, pentru care găseşte „certe” analogii *neapărat* diferite de tipurile oferite de subsemnata (fără să intre în detalii de morfologie, componenţa pastei etc.), atunci când vine vorba de ştampile, argumentele sale nu suportă nicio critică. Se scot din context câteva ştampile de Sinope de la Butuceni, datarea cărora revine sfârşitului sec. III - începutului sec. II a. Chr. Sunt luate doar câteva ştampile, drept exemplu servind şi cea aparţinând magistratului Ἰκέσιος 1, care este datată de cercetătorii specializaţi în epigrafia amforistică a Sinopei cu sfârşitul sec. IV - începutul sec. III a. Chr (Y. Garlan, V.I. Katz, N. Conovici etc). Însă opiniile acestor remarcabili şi recunoscuţi cercetători, cu renume mondial, sunt puse la îndoială de către A. Levinschi, luându-se drept reper cronologic clasificarea elaborată de N. Fedoseev (Fedoseev 1999, 13-51), criticată de către toţi cercetătorii şi neacceptată de majoritatea epigrafiştilor-amforologi. Conform clasificări cronologice a lui Fedoseev, activitatea magistratului Ἰκέσιος 1, revine anului 317 a. Chr., datare care corespunde perfect tabloului istoric elaborat de Levinschi, conform căruia activitatea geţilor se finalizează spre sfârşitul sec. IV a. Chr., nelăsând nici cea mai mică „ferestruică” pentru existenţa lor în sec. III a. Chr. În continuare autorul, folosind din nou clasificarea ştampilelor sinopeene a lui Fedoseev, vine cu o datare „nouă” a ştampilei magistratului Μικριας 3 Πυθοκρίτου, pe care, neavând cunoştinţe privind epigrafia grecească, o scrie greşit. Numele propriu ce aparţine magistratului, este redat în varianta „Μικρίουτου”, care, de fapt, ar fi trebuit să fie scris separat Μικρίου του, căci „του” este articolul care se traduce în romană ca „al lui”. Atât numele magistratului, cât şi patronimicul, care urmează în aceste cazuri sunt redate la genitiv.

În studiul în discuţie nu s-a făcut o analiză nici a altor ştampile sinopeene, nici a celei de la Butuceni, a magistratului Αἰσχίνης 4, datată cu 280-260 a. Chr. şi nici a unei alte ştampile de la Saharna Mare cu numele magistratului Φήμιος 1, datat cu sf. sec. IV - începutul sec. III a. Chr. etc. Încrederea în sine, ajunge la A. Levinschi la cote maxime, când dânsul scrie pasaje, în care este pusă la îndoială corectitudinea datării pieselor de epigrafie amforstică nu numai de către subsemnata, ci şi de ceilalţi specialişti în epigrafie amforistică, care şi-au dedicat activitatea profesională de zeci de ani cercetării şi studierii ştampilelor amforis-

tice ale diverselor centre greceşti : *„... se prea poate, că este vorba de elaborarea incorectă a principiilor de datare a materialului epigrafic, bazat, cu precădere, pe logica dezvoltării tipologice a ştampilelor de magistrat, cu toate că nu este exclusă nici implicarea altor factori*" (sic!) (subl. N.M.). E regretabil, că A. Levinschi, implicându-se de studiul unei teme atât de complicate şi diverse, nu a vrut (sau poate nu a avut de unde) să citească lucrările apărute în ultimii ani privind evoluţia ştampilării amforistice la diverse centre producătoare greceşti, ci a luat ca bază doar o singură lucrare a unui cercetător extrem de controversat şi criticat.

Vorbind de amforele de Cos, pentru care se încearcă găsirea unor analogii în lucrările altor cercetători (p. 262-263), se fac din nou referinţe la monografia lui Zeest şi la afirmaţiile ei, cum că există asemănări între pasta amforei de Cos cu cea a Rhodosului. Însă autorul, luând ca model amforele fracţionare de Rhodos (p. 260), care se întâlnesc extrem de rar în mediul barbar (doar un singur exemplar provine din necropola Hlinoaia, Slobozia), încearcă să găsească tangenţe între toarta bifidă a amforelor de Cos şi cea a micilor amfore (fracţionare) de Rhodos (sic!). Mai mult ca atât, se încearcă analizarea izvoarelor scrise, căutându-se suport pentru datarea pătrunderii amforelor de Cos în regiunea nord-vest pontică, fiind amintit renumitul discurs al lui Demosthene contra lui Lakrithos, conform căruia în Pont erau aduse, la acel moment, amfore de Peparethos, Mende, Cos. Se ştie că difuzarea amforelor de Peparethos în nord-vestul pontic încetează spre cel de al treilea sfert al sec. IV a. Chr., deci, înseamnă că, (îşi continuă gândul autorul) şi „amforele de Cos, pătrund în acest spaţiu aproximativ în aceeaşi perioadă, *dacă chiar nu mai devreme"* (subl. N.M.) (p. 262). Dorim să subliniem, că cuvântul folosit de Demosthene „pont", nu înseamnă neapărat nord sau nord-vestul pontic. Nu negăm, pătrunderea amforelor de Cos în regiunea nord-vest pontică spre sfârşitul celui de al treilea sfert şi începutul celui de al patrulea sfert al sec. IV a. Chr., când, se prea poate, în nordul Pontului Euxin, se finaliza pătrunderea amforelor de Peparethos, iar celor de Cos doar începea. Actualmente, cele mai timpurii apariţii ale amforelor de Cos în partea nord-pontică sunt atestate în ultimul sfert al sec. IV a. Chr., în necropola din Gorgipia (Монахов 1999, 444-446). Totuşi, întorcându-ne la amforele de Cos, observăm că nu se face deosebirea dintre amforele de Cos şi cele cunoscute cu termenul de „pseudocos" (p. 260) care după cum a demonstrat cercetătorul S.I. Vnukov, nu au nicio tangenţă cu producţia cosiană (Внуков, 2003, Внуков 2006). Menţionând că una din caracteristicile amforei de Cos este toarta bifidă, A. Levinschi indică totodată, că astfel de toarte sunt întâlnite şi la amforele altor centre producătoare, ca, de exemplu, la amforele milesiene arhaice, la unele exemplare rhodeene etc. Toate amforele de Rhodos cu toarte bicilindrice (de altfel întâlnite extrem de rar) aparţin categoriei de vase **fracţionare** (subl. N.M.). Nu înţelegem de se insistă atât de mult pe vasele fracţionare de Rhodos, care au capacitate foarte mică (între 1 şi 0,5 hoes atici), iar fragmentele de toarte de amfore bifide, prezentate de subsemnata în monografia sa, aparţin doar vaselor de standard deplin?

După ce A. Levinschi „trece în revistă" siturile la care au fost descoperite fragmente de amfore cu toarte bifide, el alege doar două piese – de la Saharna-La Revechin şi Potârca, pe baza cărora începe să-şi construiască teoria sa, privind cadrul cronologic al circulaţiei amforelor de Cos. Se menţionează că forma umflată a gâtului la amforele cosiene este caracteristică atât pentru exemplare timpurii, cât şi pentru cele mai târzii. Este un enunţ adevărat, doar că autorul dat nu face nicio deosebire între unele particularităţi morfologice ale acestor „gâturi umflate", printre care şi lungimea acestora, care este o trăsătură distinctivă, şi care este şi un reper cronologic pentru amforele de Cos. Şi dacă la exemplarul de la Potârca se vede bine acel gât umflat (Mateevici 2007, 254, fig. 36/5), care are o formă alungită (subl. N.M.), apoi fragmentul de la Saharna-La Revechin nu prezintă caracteristici de gât umflat asemănător celui anterior, iar forma buzei fragmentului de la Saharna-La Revechin denotă apartenenţa sa la o amforă, care poate fi datată cel mai devreme cu sfârşitul sec. IV - primul sfert al sec. III a. Chr. Astfel de vase apar în complexul nr. 52 de la Elizavetovskoe (Монахов 1999, 495, таб. 210/4, 7), la Pietroiu (Muşeţeanu, Conovici; Anastasiu 1978, 181), fiind datate cu mijlocul sec. III a. Chr. (Монахов 1999, 536, таб. 225/1, 2). Piesa de la Potârca are o datare, care nu este acceptată de A. Levinschi, dar acceptată de subsemnata (şi nu numai) – a doua jumătate a sec. III - începutul sec. II a. Chr. (Туровский и др. 2001, 43). Fără a pă-

trunde în esenţă privind deosebirile morfologice ale acestor amfore (mai degrabă, ale celor două fragmente amforistice), în studiul luat de noi în discuţie, observăm că aceste exemplare sunt grupate într-o singură categorie şi, bineînţeles, este oferită aceeaşi datare, luând din nou ca reper cronologic discursul lui Demosthene (despre care am amintit în rândurile de mai sus). Se prea poate că primele amfore cosiene au pătruns iniţial în regiunile sud-pontice, ca puţin mai târziu să apară şi pe litoralul nordic şi nord-vestic.

Continuând analiza aceloraşi amfore cosiene, autorul încearcă să pună la îndoială apartenenţa amforelor prezentate de noi drept ambalaj aparţinând Cosului, presupunându-se apartenenţa lor Rhodosului, luând drept sprijin enunţul lui I. Zeest privind asemănările dintre pasta de Rhodos şi cea de Cos. Iată cum prezintă acest enunţ Levinschi: „*... încă Zeest a menţionat, că lutul amforelor de Cos este asemănător celui de Rhodos*" (p. 263). În cazul dat, scoaterea din context a acestor rânduri distorsionează sensul variantei originale. În realitate, I. Zeest, menţionând asemănarea dintre pasta amforelor acestor doua centre, continuă astfel: „*... dar* (pasta amforelor de Cos, N.M.) *se deosebeşte prin nuanţe mai roze (uneori roşiatice) şi prezenţa în ea a multiplelor incluziuni de mică* (sic!) (sublinierea N.M.). Aceste particularităţi ale amforelor cosiene au fost menţionate şi de subsemnată (Mateevici 2007, 48). În cazul dat avem de a face cu o vădită şi intenţionată falsificare!

Ajungând la amforele de **Rhodos**, urmărind scopul pe care şi l-a propus iniţial, de a exclude relaţiile geţilor cu grecii în sec. III a. Chr., A. Levinschi încearcă să ne convingă, că amfora timpurie de Rhodos de la Butuceni reprezintă cea mai timpurie variantă a acestui ambalaj amforistic (p. 265), care aparţine tipului I-A (*kirenija*), datarea căruia cuprinde sfârşitul sec. IV a. Chr. - începutul sec. III a. Chr. Începând discuţia privind amfora de Rhodos de la Butuceni se menţionează asemănarea ei cu tipul amforistic 1-C, totodată, acelaşi autor subliniază în continuare, că trăsătura distinctivă a amforei de la Butuceni – picioruşul cu muchia profilată şi cavitate în talpă, nu se întâlneşte la amforele tipului 1-C (!). Verificând totuşi încă o dată piesa de la Butuceni, ne convingem că şi forma corpului şi în special cea a picioruşului, atât muchia evidenţiată în partea superioară a acestuia, cât şi aceeaşi cavitate mică în talpă (Mateevici 2007, 253, fig. 35/1) corespunde anume tipului I-C după Monachov (Монахов 2003, 310, таб. 80/1). Datarea acestui exemplar revine celui de la doilea sfert - mijlocului sec. III a. Chr.

Încercând să se descurce în cronologia ştampilelor amforelor rhodeene, Levinschi operează cu cronologia elaborată, încă 80 de ani în urmă, de Grakov şi V. Grace, care presupuneau pe atunci că debutul ştampilării la Rhodos revine anului 331 a. Chr. Elaborarea noii clasificări a amforelor de Rhodos, de către G. Finkielsztejn, de la sfârşitul anilor '90 ai sec XX şi acceptată de majoritatea covârşitoare a epigrafiştilor amforologi, nu este acceptată de către A. Levinschi (sic!). Faptul că amforele din perioada iniţială a ştampilării la Rhodos nu ajung în mediul getic, poate avea şi alte explicaţii, nu doar cele expuse de autor, una dintre care ar putea fi că, în această perioadă, debuşeul local era încă ocupat de marfa altor centre deja cunoscute şi consacrate în mediul barbar – Thasosul, Hercaleea, Sinope. Amforele de Thasos sunt cunoscute în nord-vestul pontic până la mijlocul sec. III a. Chr., iar cele de Heracleea – până în prima treime a sec. III a. Chr. În confirmarea cestor supoziţii vine şi studiul de ultimă oră (aflat încă în proces de lucru), care este efectuat de subsemnata în colaborare cu T.L. Samojlova, privind studiul ştampilelor amforistice de la Tyras. Printre cele aproape 400 de ştampile amforistice de Rhodos, supuse analizei, au fost depistate la momentul actual doar două ştampile în forma de „button". Acest tip de ştampilă era aplicată pe toartele amforelor modelate în atelierul lui Ἱεροτέλης şi care erau folosite de magistraţii grupelor Ib şi Ic, datarea acestor grupe incluzând perioada cuprinsă între anii 270-235 a. Chr. La fel, o ştampilă în formă de „button" a fost depistată şi în aşezarea autohtonă Ciobruciu, care a fost datată de noi cu sfârşitul sec. IV - mijlocul sec. III a. Chr. (subsemnata necunoscând la acel moment noile publicaţi ale lui Finkielsztejn (Finkielsztejn 2001). Mai târziu toate ştampilele rhodeene au fost republicate de subsemnata şi adaptate noii cronologii (Mateevici 2009, 267-276). Despre perioada de pătrundere a amforelor de Rhodos în această regiune ne mai vorbeşte şi faptul că doar 10% din ştampilele rhodeene de la Tyras (prin care, cu siguranţă, veneau importurile rhodeene în mediul barbar al acestei regiuni) se încadrează în cea de a II-a grupă cronologică 234-199 a. Chr.).

A câta oară, încearcă A. Levinschi să convingă cititorul de neprofesionalismul subsemnatei, invocând faptul că într-o lucrare (Mateevici 1999) unele piese (este vorba de buze în formă de ciupercă) au fost atribuite iniţial tipului Usti-Labinsk, iar in publicaţiile ulterioare, subsemnata le atribuie – producţiei de Cnidos, iar una dintre ele – chiar unei amfore de Rhodos. Recunosc, că în 1999, subsemnata făcea primele încercări de a studia şi publica amforele greceşti, iar cunoştinţele pe care le aveam la acel moment corespundeau teoriilor vehiculate pe atunci în literatura de specialitate. Fragmentul de buză, menţionat ironic de Levinschi „cu dublă cetăţenie", reprezintă un fragment de buză de amforă de Rhodos şi actualmente nu trezeşte pentru noi mari emoţii, pentru că, încă 20 de ani în urmă, majoritatea amforologilor atribuiau buzele de amfore în formă de ciupercă fie tipului Solocha I, fie tipului Usti-Labinsk. Am menţionat mai sus, că amforologia este un organism în dezvoltare, şi pe parcursul timpului, noile cercetări şi studii în domeniul dat oferă noi informaţii privind apartenenţa la unele sau alte centre, uneori şi o nouă re-datare. Astfel, dacă încă 40-30 de ani în urmă, unii cercetători de vază presupuneau, că amforele cu ştampile in formă de roată (de exemplu) sunt o producţie a oraşelor Amfipolis, Olbia, Thasos etc., actualmente s-a dovedit apartenenţa incontestabilă a acestor ştampile unor vase produse la Akanth (Амперер, Гарлан 1992, 19; Garlan 2006, 263-291); un al exemplu ar fi, că unele tipuri de vase considerate tip Solocha II, astăzi sunt atribuite, fără nicio îndoială, Peparethosului. Şirul acestor „schimbări" poate fi continuat, dar lucrarea de faţă nu are acest scop. Nu putem fi de acord cu afirmaţia lui A. Levinschi, cum ca amforele de tip Solocha I sunt atribuite în exclusivitate Cnidosului (p. 267). În timp ce lumea ştiinţifică se zbate în căutarea acelui centru grecesc, necunoscut încă, care producea amfore de tip Solocha I, autorul nostru vine deja cu rezolvarea acestei probleme – Cnidos! Am mai menţionat, că unele fragmente de amfore, considerate altădată de tip Solocha I, aparţin într-adevăr Cnidosului, dar acest fapt nu înseamnă, că toata marfa de acest tip trebuie să aparţină acestui centru!

Revenind la analiza pe are o face autorul amforelor de Rhodos, în special privind tipul de amfore 1-D varianta „pietroiu", autorul face din nou referinţa la lucrarea lui Monachov, menţionând că acesta indică că amfore de tip I-D sunt *„analogice"* din punct de vedere morfologic celor de tipul I-C, pe când la Monachov, la pagina indicată (Монахов 2003, 117) e scris „ *...morfologia amforelor de tip „pietroiu"* (1-D, N.M.*) repetă, în linii generale,* (subl. N.M) proporţiile variantei „mirmekiu" (1-C, N.M.). Totuşi sensul cuvântului „analogic" are o cu totul altă conotaţie. Este inexplicabilă şi alogică încercarea lui A. Levinschi de a susţine că amforele de tipul 1-D care, (cum consideră Monachov, erau confecţionate în atelierele de pe litoral), conţineau în pasta lor mică, ca şi amfora de Cnidos. Amintim colegului, că mica nu se conţinea în lutul din care se confecţionau amforele, ci se adăuga în lut, ca şi alte ingrediente – calcar, scoici pisate, cuarţite etc., care serveau, pentru degresarea lutului propriu-zis, asigurându-i duritate vasului în procesul de ardere. Indiferent pe care pământ se confecţionau amforele la Rhodos, pe cel insular sau cel de pe ţărm, calitatea lutului şi tehnologia de confecţionare a pastei, rămâneau aceleaşi, întrucât componenţa pastei, laolaltă cu forma vaselor, rămâneau caracteristici de bază (subl. N.M.) ale unui sau altul centru producător.

Nu putem înţelege, de ce din studiul amforelor greceşti din mediul getic, A. Levinschi exclude amforele de Lesbos: fragmentul unei buze de amfora din lut cenuşiu de la cetatea Butuceni (sec. V a. Chr.), fragmentul unui gât de amforă cu buză de la Ciobruciu (sfârşitul sec. VI - începutul sec. V a. Chr.), fragment de picioruş de la Stolniceni (sec. V a. Chr.), nemaivorbind de siturile getice din dreapta Prutului, care sunt o mărturie grăitoare a prezenţei acestui polis grecesc în procesul relaţiilor comerciale greco-barbare.

Spre sfârşitul studiului său autorul menţionat ajunge la concluzii „bazate" atât pe afirmaţiile făcute de el, dar şi pe un tabel al importurilor amforistice, întocmit de el. Se încearcă a face o comparaţie procentuală a principalelor centre producătoare greceşti, amforele şi fragmentele de amfore ale cărora au fost descoperite în habitatul getic, insistând pe opinia cum că apogeul acestor relaţii (dintre greci şi geţi) revine mijlocului – celui de la treilea sfert al sec. IV a. Chr. (?), astfel sec. III fiind exclus totalmente din tabloul relaţiilor greco-getice, ceea ce şi urmărea autorul de la bun început (!). Scoaterea din această lista a amforelor răspândite şi în perioada sec. III-II a. Chr. ale Heracleei Pontice, Sinopei, Chersonesului, Cosu-

lui, Rhodosului etc., conduce la unele concluzii absolut eronate. Astfel, se „proclamă" dominaţia Heracleei Pontice, afirmând că amfora heracleotă este prezentată dominant prin amfore *fracţionare* (subl. N.M.) de la 4-5 litri la 10 litri (p. 272). Nu ştim de unde apare această statistică, dar îi amintim colegului Levinschi, că volumul mediu al unei amfore greceşti heracleote de capacitate deplină era, în sec. IV a. Chr., de 7-9 litri. Niciun centru grecesc, care îşi exporta mărfurile lichide in regiunea pontică, nu se folosea doar de amfore fracţionare, (care reprezintă o anumită capacitate din volumul standard). Statisticile arată, că amforele fracţionare, confecţionarea cărora se practica în multe centre greceşti, prezentau un procent mult mai mic, comparativ cu amforele de capacitatea deplină. Alt ceva poate a vrut sa menţioneze autorul, şi anume că spre sfârşitul sec. IV a. Chr. se atestă în producerea heracleotă de amfore o tendinţă de micşorare a capacităţii vaselor, adică se micşorează standardul deplin, a cărui capacitate este între 6 şi 4 litri (Монахов 2003, 144).

Conform aceloraşi deducţii, expuse de A. Levinschi, locul doi în comerţul dintre greci şi geţi îl ocupă ….Sinope (sic!)! Autorul menţionează, în acest context, că vasele sinopeene fiind de capacitate mai mare (în medie, 13-17 litri), chiar şi fiind descoperite în mai puţine situri, oricum se situează comod pe acel loc „2". Şi doar pe locul patru (!) autorul menţionat, plasează renumitul centru producător din nordul Mării Egee –Thasosul. Făcând analiza statistică a fragmentelor thasiene, acelaşi autor foloseşte doar ilustraţii din monografia subsemnatei, neluând în consideraţie că toate fragmentele de amfore descoperite pe teritoriul dintre Prut şi Nistru nu pot fi ilustrate, o parte dintre ele, puternic fragmentate, neexpresive, nu îşi pot avea locul într-un spaţiul restrâns, precum este o publicaţie. Iar subsemnata, a ajuns la concluziile pe care le-a prezentat în studiul său monografic, studiind toate colecţiile şi piesele pe viu. Mai mult ca atât, făcând „statistica" sa, A. Levinschi nu a ţinut cont de ştampilele amforistice, care la fel, ca si amforele întregi, dar şi fragmente amforistice, atestă prezenţa anumitor centre producătoare greceşti în mediul getic. Dacă e să vorbim de statistică, atunci Levinschi nu menţionează ştampilele **thasiene** de la Etulia (2 un.), Veseloe III (à propos, aşezare getică, despre existenţa căreia A. Levinschi nu are habar), Hansca (2 un.), Butuceni (5 un.), microzona Saharna (3 un.), Potârca, Horodca Mare. Au rămas scoase din circuit şi din „statistica" enunţată mai sus şi ştampilele **hercaleote** de la Veseloe III, Hansca (2 un.), Potârca, Butuceni (2 un.), Stolniceni (2 un.), microzona Saharna (2 un.). Nu au fost luate la evidenţă nici piesele de epigrafie amforistică ale **Sinopei** – Butuceni (4 un.), microzona Saharna (2 un.), Calfa, Hansca. Din explicaţiile pe care le-am prezentat mai sus, referitor la amforele de Chersones, reiese şi neglijarea totală a fragmentelor de ştampile **chersonesine,** în special ale celor de la Butuceni, care reprezintă atât ştampile de producători, cât şi de magistraţi, în special cele patru ştampile ale magistratului Πολὐστρατος, fapt care atestă şi achiziţii în partide mai mari ale amforelor.

În cele din urmă am fi vrut să aducem şi unele observaţii ce ţin de etica profesională ştiinţifică, pe care trebuie să o urmeze orice cercetător, fie el începător, fie deja consacrat. A. Levinschi a folosit multiple ilustraţii pentru a-şi justifica opiniile sale, din care doar 10% aparţin autorului. Nu ştiu care au fost principiile de care s-a ghidat destinsul coleg, dar numai ilustraţiile folosite din monografia lui S.Iu. Monachov din 2003 au fost citate, restul desenelor grafice au fost plasate în text, fără a fi menţionată proveniența lor. Amintesc, în acest context, lucrările colegilor I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci (2002), I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut (2008); V. Haheu (1998), printre acestea se număra şi câteva publicaţii de ale subsemnatei (1999, 2007).

Acestea fiind spuse, doresc să menţionez, că subsemnata nu se consideră pe de departe un cercetător intangibil. Nu sunt inhibată în cronologie şi datări, mai cu seamă că amforologia (ca, de fapt, şi arheologia în general) este o ştiinţă într-o dezvoltare continuă, completându-se cu noi informaţii, periodizări, atribuiri etc. Nu doar implicările lui Levinschi în studiul amforelor greceşti deranjează subsemnata (care se ocupă de această temă de circa 20 de ani şi care a lucrat pe viu cu toate piesele arheologice, pe care le-a publicat, spre deosebire de A. Levinschi care, ca şi în alte cazuri, a lucrat doar cu ilustraţiile din publicaţii, excepţie fiind doar cele câteva piese de la mica cetăţuie getică Saharna-La Revechin, pe care el încearcă să o prezinte ca un habitat „etalon" al civilizaţiei getice), dar în măsura şi mai mare mă uimeşte atitudinea acestui cercetător faţă de unii savanţi de notorietate privind civilizaţia getică (I. Nicu-

liţă, S. Teodor, A. Zanoci, V. Haheu, regretatul T. Arnăut), lucrările cărora sunt recunoscute în Europa şi care au dedicat zeci de ani studierii acestei teme.

Materialul amforologic este, alături de cel numismatic, cel mai bun indicator cronologic privind dezvoltarea relaţiilor dintre reprezentanţii civilizaţiei greceşti şi cea barbară din spaţiul nord-vest pontic, parte componentă a căreia erau şi geţii. Această clasificare cronologică, oferită de amforele greceşti, indiferent de voinţa cuiva sau de unele idei preconcepute, atestă dezvoltarea legăturilor economice dintre greci şi geţi (care în antichitate populau un spaţiu mult mai vast decât cel situat între Prut şi Nistru), care au existat din sec. VI - până chiar la începutul sec. II a. Chr.

Şi acum, reflectând asupra celor citite, dar şi asupra celor scrise în rândurile de mai sus, îmi pun doar o singură întrebarea: ce ar fi „studiat" colegul A. Levinschi, dacă subsemnata nu publica în 2007, după 12 ani de cercetare, studiul monografic *Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr.*?

Bibliografie

Avram 1996: A. Avram, Les timbres amphoriques. Thasos. HISTRIA, VIII (1) (Bucarest-Paris 1996).

Bon, Bon 1957: A.-M. Bon, A. Bon, Les timbres amphoriques de Thasos (Paris 1957).

Demostene. ΠΡΟΣΛΑΚΡΙΤΟΝ. In: Izvoare privind istoria României (Bucureşti 1964), 935, 35 (15); XXXV, 10, 31, 34.

Fedoseev 1999: N.F. Fedoseev, Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Production et commerce des amphores anciènnes en Mer Noire (Aix-en-Provence 1999), 13-51.

Finkielsztejn 2001: G. Finkielsztejn, Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 a 108 av. J-C. Premier Bilan. In: BAR. International serie, 990 (Oxford 2001).

Garlan 2006: Y. Garlan, Interprétation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos. BCH 130, 1, 2006, 263-291.

Haheu 1998: V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar-La Cordon din raionul Şoldăneşti. Revista arheologică 2, 1998, 111-135.

Mateevici 1999: N. Mateevici, Contribuţii la cercetarea şi studierea materialului ceramic grecesc de la cetatea getică de la Butuceni. In: (red. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) Studia în honorem I. Niculiţă (Chişinău 1999), 177-195.

Mateevici 2007: N. Mateevici, Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Mateevici 2009: N. Mateevici, Unele modificări privind datarea ştampilelor amforistice ale Rhodosului descoperite în mediul barbar al spaţiului nord-vest pontic. Tyragetia s.n. 1, vol. III [XVIII], 2009, 267-276.

Muşeţeanu, Conovici; Anastasiu 1978: C. Museteanu, N. Conovici, A. Anastasiu, Contribution au problème de l'importation des amphores greques dans le sud-est de la Muntenie. Dacia 22, 1978, 173-199.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie Arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Sîrbu, Oprea, Rădulescu 1997: V. Sărbu, V. Oprea, Fl. Rădulescu, Aşezarea getică din zona Gîldău-Pietroiu, judeţul Călăraşi. Istros VIII, 1997, 209-236.

Внуков 2003: С.Ю. Внуков, Причерноморские амфоры I в. до н.э. - II в. н.э. (морфология) (Москва 2003).

Внуков 2006: С.Ю. Внуков, Причерноморские амфоры I в. до н.э. - II в. н.э. Часть II (петрография, хронология, проблемы торговли) (Санкт-Петербург 2006).

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Левинский 2012: А.Н. Левинский, Греческие амфоры на гетских памятниках лесостепи Днестровско-Прутского междуречья – центры и ритмы поступления. Stratum-plus 3, 2012, 245-274.

Монахов 1980: С.Ю. Монахов, Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса. ВДИ 4, 1980, 161-179.

Монахов 1989: С.Ю. Монахов, Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. Опыт системного анализа (Саратов 1989).

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары (Саратов 1999).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология, каталог-определитель (Москва-Саратов 2003).

Полин, Дараган 2008: С. Полин, М. Дараган, Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь (сезон 2006г.). Revista Arheologică s.n. IV/2, 2008, 146-163.

Туровский и др. 2001: Е.И. Туровский, М.И. Николаенко, В.Н. Горячук, И.В. Ладюков, Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель (Киев 2001).

About some assertions on the spread of Greek amphorae in the Getae world

Abstract

The article is devoted to a critical analysis of the article by A. Levinschi "Греческие амфоры на гетских памятниках лесостепи Днестровско-Прутского междуречья – центры и ритмы поступления (Greek amphorae on Getae sites in the forest-steppe area between the rivers of Dniester and Prut – centers and rhythms of delivery)" published in the journal "Stratum plus" № 3 for 2013. The author of this work, not being a specialist in ancient times and Greek amphorae in particular, using for his own scientific research our monograph "Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Greek Amphorae in the Barbarian World of the Northwestern Coast of Pontus Euxinus in the 6th - Early 2nd Centuries BC)" (Chişinău 2007), decided to revise the dating of Greek imports in the barbarian world of Getae, trying to convince us, the professionals, and perhaps himself, that the spread of Greek imports (including amphorae) in the Getae environment refers only to the time interval limited by the 6th – late 4th centuries BC. The effort to prove this timing has become for A. Levinschi "a matter of his scientific life", and he persistently tries to bring his scientific research under this framework. In this article we have tried to comment page by page those arguments that we consider not only wrong, but obviously biased, and which are explained, apparently, not only by ignorance of the specifics of Greek amphorae and their epigraphy and by insufficient knowledge of the professional literature, but also by the fact that the author of the paper under review has analyzed not the material itself but only its illustrations.

О некоторых утверждениях относительно распространения греческих амфор в гетской среде

Резюме

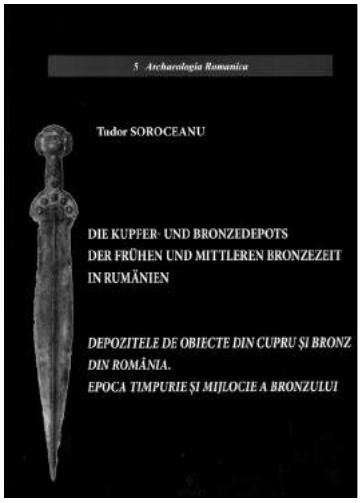
Статья посвящена критическому анализу статьи А. Левинского «Греческие амфоры на гетских памятниках лесостепи Днестровско-Прутского междуречья – центры и ритмы поступления», опубликованной в журнале «Стратум plus» №3 за 2013 год. Автор этой работы, не являясь специалистом в античном времени и греческой амфорологии в частности, используя для своих научных изысканий нашу монографию «Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Греческие амфоры в варварской среде северо-западного побережья Понта Эвксинского в VI - начале II вв. до н.э.)» (Chişinău 2007), решил пересмотреть датировку греческого импорта в варварской среде древних гетов, стараясь изо всех сил убедить и нас, специалистов, и, видимо, себя самого, что распространение греческого импорта (в частности амфор) в гетской среде относится лишь к промежутку времени, ограниченному VI - концом IV вв. до Р.Х. Попытка обосновать эти хронологические рамки давно стала для А. Левинского «делом всей его научной жизни», и под них он все настойчивей старается подвести все свои исследования. В данной статье мы постарались постранично прокомментировать те тезисы, которые считаем не только ошибочными, но и заведомо тенденциозными, и которые объясняются, по-видимому, не только незнанием специфики греческих амфор и амфорной эпиграфики и недостаточным владением специальной литературой, но и тем, что автор рассматриваемой работы проводил сравнения и анализ не самого материала, а лишь его иллюстраций.

02.05.2013

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, st. 31 August, 121-A, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: amforaelada@yahoo.com

Tudor Soroceanu, DIE KUPFER- UND BRONZEDEPOTS DER FRÜHEN UND MITTLEREN BRONZEZEIT IN RUMÄNIEN/ DEPOZITELE DE OBIECTE DIN CUPRU ŞI BRONZ DIN ROMÂNIA. EPOCA TIMPURIE ŞI MIJLOCIE A BRONZULUI.

5 Archaeologia Romanica (Hrsg. R. Harhoiu, S. Hansen, C. Gaiu), (Cluj-Napoca-Bistriţa: Ed. Accent), 2012, 292 pagini, 72 planşe, ISBN 978-606-561-064-4



Deja de câteva decenii, monopolul monografic în istoriografia românească asupra numeroaselor descoperiri de depozite de obiecte de bronz (inclusiv cele din cupru) din epoca bronzului şi începutul primei epoci a fierului, a fost menţinut de către M. Petrescu-Dâmboviţa, graţie cunoscutei lucrări „Depozitele de bronzuri din România", apărută la Editura Academiei Române din Bucureşti în anul 1977.

Este clar, că de atunci şi până în prezent numărul descoperirilor a sporit semnificativ, aşa în cât o nouă abordare monografică a devenit o chestiune de timp şi efort „titanic", ţinând cont de volumul materialului arheologic, complexitatea analizei, dar şi de calitatea publicării depozitelor de obiecte de bronz din România în literatura de specialitate.

În sfârşit, un produs al unui asemenea „efort major" este pus la dispoziţia celor interesaţi de studierea descoperirilor de depozite de obiecte de cupru şi bronz, prin sârguinţa monografică elaborată de către dr. Tudor Soroceanu – Die Kupfer- und Bronzedepots der frühen und mittleren Bronzezeit in Rumänien / Depozitele de obiecte din cupru şi bronz din România. Epoca timpurie şi mijlocie a bronzului – deşi, până la momentul actual s-a scris doar cu referire la obiectele din perioada timpurie şi mijlocie a epocii bronzului din România.

Lucrarea are la bază o structură simplă, dar bine organizată, concepută să reflecte în complexitate descoperirile de depozite cu obiecte din cupru şi bronz din România din epoca mai sus menţionată.

Primul compartiment al lucrării îl constituie – Vorwort der Herausgeber / Prefaţa editorilor.

Al doilea compartiment – Einleitung / Introducere, unde se subliniază că „lucrarea prezintă o bază documentară cât de posibil meticulos întocmită", pe care autorul a verificat-o şi completat-o, devenind astfel „un instrument de lucru relativ închegat şi verificat", conţinând cât mai multe amănunte legate de fiecare descoperire.

Prin urmare, în volumul de faţă, cititorul va descoperi în primul rând un impunător catalog al depozitelor de obiecte de cupru şi bronz – Katalog der Depotfunde / Catalogul depozitelor, organizat după criteriul geografic, după principalele provincii istorice ale României (Transilvania, Moldova, Muntenia (Muntenia, Oltenia, Dobrogea), urmat de compartimentele: Literatur / Bibliografie, Anhang / Anexă, Ortsverzeichnis / Indice de localităţi şi Tafeln 1-72 / Planşe 1-72.

Scheletul de bază al lucrării – Catalogul depozitelor, se prezintă în maniera unei scrieri arheologice captivante, relatând pe alocuri şi file din „istoria tristă" a unor depozite de obiecte de cupru sau bronz, analizate în contextul unei schiţe istoriografice abundente în detalii interesante, la care puţini cercetători s-au referit vreo dată. Îmbogăţirea catalogului cu decupaje din registrele de inventar al epocii, remarcă nu doar importanţa şi impactul unor depozite asupra cercetării arheologice, ci reflectă şi file latente din istoricul şi soarta celor mai celebre descoperi din cupru sau bronz din România de la momentul atestării şi până în prezent.

În pofida taxonomiei sale ştiinţifice, Catalogul „se citeşte" dintr-o răsuflare, lăsând doar un sentiment de admiraţie faţă de munca autorului, care a „îmbibat" cu o critică constructivă un impunător volum de material arheologic. În aşa mod „Catalogul depozitelor" elaborat de către autor prezintă cu succes un model metodologic, atât sub aspect tehnic cât şi conceptual al unui „catalog arheologic" clasic, putând fi preluat în orice domeniu al arheologiei române.

„Filtrarea", îmbunătăţirea şi întregirea substanţială a informaţiei de către autor porneşte de la „epicentrul greşelilor, lipsurilor şi neconcordanţelor" generate de lucrarea lui M. Petrescu-Dâmboviţa din 1977.

Este semnificativ în acest context conceptul de alcătuire a Fig. 1 (Harta depozitelor cuprinse în catalog), bazat pe armonizarea stadiului actual al cercetărilor cu controversata lucrare a academicianului M. Petrescu-Dâmboviţa, cu cartarea depozitelor înregistrate sau neluate în consideraţie în anul 1977.

Cum denotă şi titlul lucrării „Die Kupfer- und Bronzedepots der frühen und mittleren Bronzezeit in Rumänien/ Depozitele de obiecte din cupru şi bronz din România. Epoca timpurie şi mijlocie a bronzului" – lucrarea se impune ca fiind bilingvă, cu text de bază german, secundat de varianta română. Traducerea în română, însă, pe alocuri, omite mai multe amănunte în favoarea versiunii germane (ce-i drept, cu indicarea acestui fapt în varianta română, făcându-se referire la varianta germană), aşa încât, celor mai puţin familiarizaţi cu mediul lingvistic german le va fi probabil mai greu să asimileze luxul detaliilor şi amănuntelor din catalogul descoperirilor în versiunea română.

Datorită asocierii la fiecare compartiment al catalogului cu numărul sau lipsa planşelor, este comodă utilizarea catalogului simultan cu ilustraţiile, realizate la o înaltă calitate din punctul de vedere al desenului tehnic şi fotografierii. Uneori însă (p. 34, 72, 157) nu este indicat dacă descoperirile în discuţie ilustrează sau nu planşele ilustrative.

Ideea generală a lucrării urmăreşte o analiză exhaustivă a tuturor descoperirilor, prin prisma istoriografică, şi mai ales prin verificarea, estimarea şi corectarea erorilor legate de publicarea depozitelor cu obiecte de cupru şi bronz din perioada timpurie şi mijlocie a epocii bronzului în literatura de specialitate. Numeroasele referinţe bibliografice indicate la fiecare depozit sau descoperire, evocate în structura catalogului, transformă lucrarea într-un instrument de lucru bine documentat şi verificat cu o acoperire bibliografică impresionantă.

Sperăm, că în viitor, autorul îşi va extinde cercetarea şi asupra perioadelor bronzului tardiv şi începutul primei epoci a fierului, în vederea elaborării unui studiu de sinteză la fel de exhaustiv privind depozitele de obiecte de bronz din România, atât de necesar actualmente.

01.07.2013

Dr. Andrei Nicic, Universitatea de Stat din Moldova, str. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: nicicandrei@gmail.com

Liviu Marta,
THE LATE BRONZE AGE SETTLEMENTS OF PETEA - CSENGERSIMA.

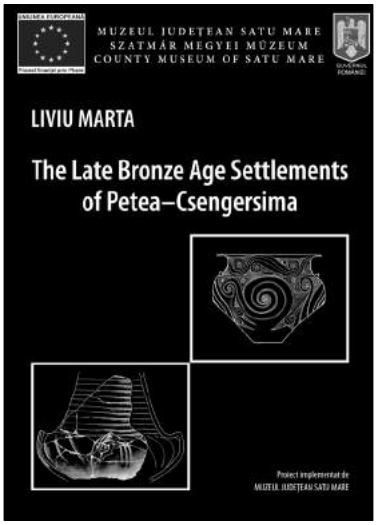
Satu Mare: Editura Muzeului Sătmărean, 2009, 239 pagini, 29 figuri, 8 planşe tipologice, 66 planşe, ISBN 978-973-1843-31-5

În anul 2009 la Editura Muzeului Sătmărean a ieşit de sub tipar volumul domnului Liviu Marta „**The Late Bronze Age Settlements of Petea - Csengersima"**, traducere Adriana Costin. Proiect implementat de Muzeul Judeţean Satu Mare.

Lucrarea este compusă din: *Note de autor, 6 capitole, Abrevieri, Abrevieri bibliografice, Bibliografia, Rezumat în limba română, Rezumat în limba maghiară, Figuri, Planşe tipologice* şi *Planşe*. Capitolele I, II, V şi VI nu conţin paragrafe, capitolele III şi IV fiind împărţite în câte şapte paragrafe fiecare.

În cadrul *Notelor de autor,* Liviu Marta face o caracteristică generală a cercetărilor arheologice ale sitului care a servit drept material pentru studiul dat. Autorul începe cu prezentarea perioadei de săpătură, localizarea sitului, nivelele de locuire (situl fiind unul pluristratificat), încheie cu referinţe la bursele şi programele prin intermediul cărora a fost posibilă implementarea acestui proiect şi aduce mulţumiri colegilor care au făcut parte din echipa de cercetare, mentorilor care i-au acordat sprijin de specialitate şi altor persoane care au fost implicate direct în apariţia acestui volum.

În capitolul I *„Mediul natural"* autorul vorbeşte despre localizarea sitului, în lunca râului Someş, făcând trimiteri la specificul zonei, care de-a lungul timpului a suportat un şir de modificări naturale. Aşezarea de la Petea - Csengersima este situată în apropierea râului Someş, lângă pârâul Erge. Un element important în modificarea esenţială a situaţiei mediului natural l-au jucat drenajele din zonă, care au avut drept scop protejarea zonei de inundaţii şi mlăştiniş. Cu toate acestea, în cadrul sitului au avut loc un şir de inundaţii care s-au soldat cu înnămoliri ale complexelor fie cu prundiş fie cu straturi de lut lipicios, ceea ce impun anumite piedici în cercetarea siturilor din zonă. Totuşi, autorul susţine că, anterior acest factor nu era privit ca un impediment, ci dimpotrivă, oamenii se stabileau de-a lungul râului Someş şi al afluenţilor lui, din perspectiva că aceste inundaţii frecvente erau favorabile pentru agricultură. De asemenea, prezenţa apei, care favorizează creşterea plantelor a condus la dezvoltarea rapidă a vităritului, fapt demonstrat şi de analizele paleozoologice. În final, Liviu Marta susţine ideea că tocmai factorul climateric şi mediul natural au condus la creşterea demografică, la sporirea numărului de aşezări în zonă şi mai ales la posibilitatea de a se apăra în condiţiile de conflicte intertribale.


MUZEUL JUDEȚEAN SATU MARE
SZATMÁR MEGYEI MÚZEUM
COUNTY MUSEUM OF SATU MARE
LIVIU MARTA
The Late Bronze Age Settlements of Petea–Csengersima

În capitolul II *„Săpăturile"* autorul vorbeşte în linii generale despre: metoda de săpătură, care prevedea împărţirea terenului în sectoare, secţiuni şi tranşee, fiecare fiind numerotat; tehnica de săpătura manuală îmbinată cu cea mecanizată; metodica de fixare şi colectare a vestigiilor arheologice. De asemenea, autorul face o prezentare generală a tuturor problemelor cu care s-au confruntat de-a lungul săpăturii. Dat fiind faptul că situl este amplasat pe teritoriul a două state (Ungaria şi România), acesta face trimitere la imposibilitatea de a efectua cercetări împreună cu partea maghiară. Tot aici sunt redate un şir de lucrări tehnice efectuate în cadrul amenajării postului vamal, care au dus la impedimente în procesul de cercetare integrală a zonei. Cu toate acestea, autorul susţine că, indiferent de spaţiul mic cercetat pe teritoriul românesc şi vestigiile arheologice descoperite într-un număr nu prea mare, tabloul

care a fost restabilit este unul destul de integru şi important în realizarea studiilor de specialitate.

Capitolul III *„Locuirea în cadrul Culturii Arheologice Suciu de Sus”* este divizat în şapte paragrafe în care autorul prezintă detaliat date referitoare la sit, complexe şi lotul întreg de vestigii arheologice descoperite prin săpătură. În paragraful 1, care este rezervat pentru „*Aşezare*” sunt expuse date referitoare la suprafaţa aşezării, care poate fi estimată la 11-12 ha. Totodată autorul menţionează că din zona de 7,8 ha, suprafaţa cuprinsă între secţiunile şi sectoarele sitului în aproximativ 5,34 ha (dintre care 4,41 pe malul de sud, iar 0,93 pe malul de nord al pârâului Erge) au fost identificate situri ce ţin de cultura Suciu de Sus. În baza acestor date, autorul ajunge la concluzia că nu există o continuitate de locuire între Suciu de Sus şi Lăpuş II - Gava I, cu atât mai mult cu cât analiza materialului arheologic demonstrează existenţa unei pauze între cele două nivele de locuire.

Paragraful 2 „*Complexe arheologice*” este unul vast şi prezintă informaţia referitoare la complexele care conţin ceramică specifică culturii Suciu de Sus. În funcţie de tipul complexelor autorul a realizat o împărţire internă a paragrafului:

- Locuinţele, în cadrul sitului Petea - Csengersima au fost descoperite două platforme de chirpici şi trei locuinţe adâncite, fiind redate tipologic în baza formelor şi a dimensiunilor medii. Foarte minuţios este analizată tehnica de construcţie, precum şi materialele utilizate, aici făcându-se referinţă la bârne şi pari de la suprastructură, care s-au păstrat prin urme de gropi, dar şi la fragmentele de lut cu urme de nuiele de la pereţii construcţiei. Tot aici a fost descrisă structura lutului folosit la lipirea pereţilor, care păstrează amprente de pleavă sau frunze de arbori.

- Vetrele sunt expuse conform a două tipuri de descoperiri: fragmente izolate de crustă de vetre; gropi cu multiple fragmente de vatră bulversată. Nu a fost surprins niciun complex *in situ*.

- Gropile sunt reprezentate în linii generale prin: gropi menajere, gropi de pari, gropi de provizii, gropi de extracţie a lutului ş.a. Aici autorul a făcut şi o tipologie a complexelor în baza formei, astfel încât remarcă: gropile în formă de stog de fân, de formă neclară, de formă cilindrică, de formă iregulară sau amorfă şi gropile de pari. Pe lângă tipologia propusă, autorul mai face trimiteri şi la utilitatea acestor complexe.

Paragraful 3 „*Elemente de organizare a spaţiului în aşezare*”, este unul destul de succint în care autorul încearcă să demonstreze faptul că la marginea aşezării există aşa-numita „zonă sacră”, care era utilizată pentru depuneri cu caracter ritual.

Paragraful 4 „*Ceramica*” reprezintă un studiu amplu a celei mai vaste categorii de vestigii. Autorul pune accent pe cercetarea integrală a ceramicii, dat fiind faptul că până la etapa de faţă acest tip de vestigii a fost supus doar unor abordări generale, limitate la enumerarea formelor ceramice, a tehnicilor decorative şi a metodelor ornamentale. Analiza acestor criterii în ansamblu cât şi prezenţa analogiilor în cadrul altor situri, a permis trasarea unor concluzii referitoare la metodele şi tehnicile de modelare dar şi la funcţionalitatea fiecărei categorii ceramice în parte. Paragraful, la rândul său, este împărţit în câteva compartimente:

- Considerente tehnologice unde autorul vorbeşte despre împărţirea convenţională a ceramicii în două categorii: *fină* şi *grosieră*. Ceramica grosieră (23,8%) de regulă conţine în pastă pietriş, nisip de granulaţie mare şi cioburi pisate. Este reprezentată prin vase de dimensiuni mari, cu suprafaţa poroasă, slab netezită şi arsă neuniform. Ceramica fină (30,9%) este modelată din pastă bine lucrată, compactă, în amestec cu nisip fin şi pietriş de granulaţie mică, cu suprafaţa bine netezită şi ardere uniformă. Este reprezentată prin vase de dimensiuni medii şi mici. Autorul este de părerea că între aceste două categorii, pe care le consideră „clasice”, se cere introducerea unei a treia – *semifină* (45,3%), în care să fie introduse vasele care nu pot fi atribuite nici uneia din categoriile deja existente.

- Forme de vase, autorul realizează o împărţire tipologică graduală în forme generale, tipuri, subtipuri şi variante. În acest mod, din aşezarea Petea - Csengersima au fost încadrate tipologic 783 forme de vase, pe care autorul le introduce într-un tabel statistic general. Cele mai frecvente forme de vase sunt *oalele* (237), *ceştile* (210), *străchinile* (126), *amforele* (93) şi *vasele pentru prepararea bucatelor* (90). Mult mai puţin frecvente sunt *vasele de provizii* (11), *tăvile* (7), *strecurătoarele* (3), *capacele* (2), *protectoarele de jar* (2), şi *lingurile* (2). Toate aceste categorii de

vase au fost supuse individual unui studiu amplu începând de la formă, dimensiuni, decor, stilistică, analogii, care au şi servit drept criterii de bază pentru realizarea tipologiei şi surprinderea transformărilor de care au avut parte pe parcursul evoluţiei culturii Suciu de Sus.

- **Decorul** ceramicii este reprezentat în special prin *incizie-excizie*: linii incizate orizontale; linii incizate verticale sau oblice; linii dispuse în zigzag, linii arcuite; cecuri şi spirale. Tot aici autorul menţionează şi alte tehnici: ornament în relief, butoane, brâie, caneluri, ornamente realizate prin împungere, prin ştanţare, prin scobire şi cu măturicea. Analiza acestui criteriu nu a fost făcută doar pentru a depista particularităţile specifice fazelor Culturii Suciu de Sus, dar şi pentru a urmări fiecare motiv în mediile culturale învecinate. Mai mult ca atât, pentru a structura analiza decorului, autorul a împărţit motivele ornamentale în *grupe*, punând la bază tehnica de realizare şi temele ornamentale principale.

Paragraful 5 „*Obiecte de metal, lut şi piatră*" reprezintă mai mult un catalog, în care autorul trece în revistă obiectele descoperite cu o descriere detaliată. Categoria pieselor din metal este prezentată de ace cu disc şi protuberanţe şi un inel de buclă. Obiectele de lut descoperite într-un număr destul de mare prezintă: greutăţi de lut, linguri de lut, rotiţe de car miniatural şi reprezentări de păsări. Categoria vestigiilor din piatră este reprezentată doar prin două topoare.

Paragraful 6 „*Activităţi desfăşurate în aşezare*" este dedicat descrierii vieţii de zi cu zi, îndeletnicirilor, ocupaţiilor, ritului şi practicilor funerare a purtătorilor culturii Suciu de Sus. În primul rând, autorul menţionează *cultivarea cerealelor*, certificată prin prezenţa pietrelor de râşniţă dar şi a paielor din lutul utilizat pentru case. În al doilea rând, *creşterea animalelor*, fapt demonstrat prin descoperirea unui număr foarte mare de oase. În al treilea rând, *activitatea metalurgică*, sugerată de lingurile de turnat. Urmează activitatea *comercială sau de schimb*, ilustrată prin prezenţa materialelor care lipsesc în câmpie, cum ar fi piatra de gresie. Şi, nu în ultimul rând, *activităţile rituale* demonstrate prin depuneri ale diferitor obiecte fie în morminte, fie în afara lor. Tot aici autorul sugerează caracterul religios-funerar sau profan al acestor practici.

Paragraful 7 „*Perioada de evoluţie şi Cronologia Culturii arheologice Suciu de Sus*" reprezintă un studiu al tuturor pieselor arheologice, care oferă posibilitatea datării şi încadrării cronologice a sitului. Autorul începe prin expunerea celui mai important element în datarea locuirii Suciu de Sus, şi anume cu acele de bronz cu disc şi protuberanţe care au o strânsă legătură cronologică cu etapa BzD. O altă problemă abordată ţine de intervalul de timp în care a existat şi a funcţionat aşezarea de la Petea – Csengersima. Pentru elucidarea acestei probleme autorul a apelat la rezultatele analizelor ceramicii şi la corelarea lor cu ceramica din cadrul altor situri (de exemplu, Culciu Mare). Astfel, acesta a demonstrat că, practic, fiecare din formele ceramice şi elementele de decor sunt prezente în ambele situri deopotrivă. Acest fapt relevă apartenenţa aşezării la perioada BzD. Totodată autorul face comparaţie cu ceramica altor situri mai timpurii (de exemplu, Culciu Mic şi Boineşti), concluzionând o diferenţă majoră, o discontinuitate şi un decalaj cronologic între aceste situri. Din punctul de vedere al cronologiei relative autorul susţine ideea că aşezarea de la Petea - Csengersima poate fi încadrată cel mai timpuriu într-o perioadă târzie a etapei BzC şi cel mai tardiv în BrD. De asemenea, în cadrul acestui paragraf autorul îşi expune opinia referitor la probabilitatea funcţionării aşezării timp de câteva decenii (aproximativ două generaţii), făcând trimitere la existenţa unor deosebiri zonale surprinse în cadrul ceramicii. Tot aici, datorită numărului mic de complexe pe o suprafaţă destul de mare, autorul înclină spre lipsa unei locuiri intense.

Capitolul IV „*Orizontul de locuire Lăpuş II - Gáva I*" este structurat identic capitolului III, fiind divizat în şapte paragrafe în care autorul prezintă detaliat date referitoare la sit, complexe şi lotul întreg de vestigii arheologice descoperite prin săpătură. În paragraful 1, care este rezervat pentru „*Aşezare*" autorul vorbeşte despre dimensiunile aşezării Lăpuş II - Gáva I care a fost identificată pe o suprafaţă de 1,5 ha, dar care poate fi estimată la minim 3,00-3,75 ha. Dat fiind faptul că acest orizont cultural se suprapune parţial nivelului de locuire Suciu de Sus, respectiv, are o apropiere cronologică cu acesta, raportul dintre cele două orizonturi capătă o importanţă deosebită. În aşezarea de la Petea - Csengersima, complexele arheologice specifice orizontului de locuire Lăpuş II - Gáva I se află în partea estică a sitului, la nord-est de pârâul Erge, spaţiu în care numărul complexelor Suciu de Sus scade treptat.

În paragraful 2 „*Complexe arheologice*" autorul face referinţă la cele 53 de complexe cu ceramică Lăpuş II - Gáva I, pe care le analizează diferit în funcţie de tipul complexului:

- locuinţele sunt reprezentate tipologic prin cinci locuinţe de suprafaţă (redate prin platforme de chirpic) şi una adâncită. Amprentele păstrate în lut arată că la construcţia locuinţelor erau utilizaţi stâlpi, pari şi nuiele, iar lutul avea în compoziţie paie şi alte resturi vegetale.

- **vetrele** sunt reprezentate prin mai multe exemplare descoperit fie izolat, fie în gropi în amestec cu cenuşă şi alte vestigii, printre care doar una păstrată integral (de formă ovală), descoperită în zona unei mici platforme de chirpic ce provine probabil de la o locuinţă.

- **gropile** sunt relevate în funcţie de tipul lor: în formă de amforă, de clopot, cilindrice şi gropi mici. Autorul descrie tipologic gropile, totodată depistând (după caz) legătura cu alte complexe şi, nu în ultimul rând, identificând funcţionalitatea lor.

Paragraful 3 „*Elemente de organizare a spaţiului în aşezare*" reprezintă un mic studiu referitor la concentrarea locuinţelor într-o anumită zonă şi la amplasarea gropilor rituale la marginea aşezării şi în afara ei.

În paragraful 4 „*Ceramica*" autorul relatează descoperirea unei cantităţi mai mici de ceramică Lăpuş II - Gáva I în comparaţie cu cea specifică locuirii Suciu de Sus. Însă admite identificarea unui nou orizont de locuire în Câmpia Sătmăreană, ce a evoluat în perioada târzie a bronzului, între finalul culturii Suciu de Sus şi cultura Gáva (cu caracteristici specifice fazei a II-a). Analiza lotului ceramic specific locuirii Lăpuş II - Gáva I a avut la bază atât compararea cu ceramica din mediile culturale învecinate, cât şi surprinderea eventualelor legături cu ceramica de tip Suciu de Sus. Analiza statistică a fost efectuată în exclusivitate în baza ceramicii descoperite în complexele atribuite Lăpuş II - Gáva I, din considerentul existenţei unor locuiri din perioadele apropiate cronologic, a căror ceramică reprezintă unele elemente comune.

- considerente tehnologice, autorul face trimitere la împărţirea convenţională în trei categorii: *fină*, lucrată din pastă bine mestecată, cu degresanţi cu granulaţie foarte mică, şi care reprezintă de regulă vase de dimensiuni medii şi mici, utilizate la servirea mesei; *grosieră,* lucrată din pastă în amestec cu degresanţi de granulaţie mare, ardere neuniformă şi, de regulă, reprezentând vase de dimensiuni mari; *semifină*, modelată din pastă cu degresanţi de granulaţie medie sau chiar mică, pereţii netezi şi ardere neuniformă.

- formele de vase sunt prezentate printr-o împărţire graduală în: tipuri, subtipuri şi variante. În baza formei şi a decorului autorul identifică 375 de vase, care ulterior au fost introduse într-un tabel statistic. Cele mai frecvente forme ceramice identificate sunt: *străchinile/castroanele* (91), *ceştile* (57), *amforele* (46) şi *oalele* (31). O frecvenţă mai mică au *vasele de provizii* (5), *strecurătoarele* (3), *capacele* (3), *tăvile* (1) şi *protectoarele de jar* (1). Fiecare formă de vas a fost analizată în parte şi apoi integrată într-un anumit tip, subtip şi variantă.

- decorul ceramicii a fost analizat şi ulterior structurat pornind de la tehnica de realizare, motivele ornamentale fiind împărţite în grupe. Decorul este reprezentat prin butoni, sau grupe de butoni; decor aplicat, brâie; protuberanţe; impresiuni; striuri; caneluri lineare; caneluri circulare şi spiralate; decor incizat-excizat. Toate acestea au fost analizate minuţios, astfel încât sunt prezentate până la cel mai mic detaliu de formă, dimensiune şi amplasare.

Paragraful 5 „*Obiecte de metal, lut şi piatră*" este dedicat vestigiilor arheologice descoperite. Autorul începe prin prezentarea inventarului din metal, reprezentat de două cuţite de bronz (unul de tip Baierdorf şi altul de tip Rigsee) şi două ace de bronz (unul cu capul în formă de pecete şi altul prevăzut cu umflătură pe gât). Apoi urmează descrierea obiectelor modelate din lut, care sunt reprezentate doar prin greutăţi. Autorul încheie paragraful prin descrierea pieselor lucrate din piatră, care sunt reprezentate de râşniţe. Merită menţionat că pe lângă descrierea sumară a pieselor, autorul atribuie piesele (în special, cele de bronz) unor perioade cronologice.

Paragraful 6 „*Activităţi desfăşurate în aşezare*" relevă informaţii generale referitoare la activităţile de zi cu zi al purtătorilor culturii Lăpuş II - Gáva I din cadrul aşezării Petea - Csengersima. Autorul începe cu *cultivarea cerealelor*, care poate fi dedusă în baza plevei utilizate ca degresant în lutul folosit la construcţia locuinţelor cât şi la modelarea ceramicii. Un alt argument ar fi

prezenţa gropilor de provizii şi a râşniţelor. *Creşterea vitelor* poate fi demonstrată prin descoperirea oaselor de animale (bovine, porcine şi cai). Unul din cele mai practicate meşteşuguri este *ţesutul*, certificat în baza unui număr impunător de greutăţi de lut. Mai problematică rămâne atestarea *metalurgiei*, din considerentul lipsei formelor de turnat, astfel încât autorul nu poate afirma nicio poziţie referitoare la proveniența lor. Totuşi, pentru perioada Ha A1 practicarea metalurgiei este certă şi documentată printr-un număr foarte mare de forme de turnat. Un lucru este sigur, metalul pentru fabricarea pieselor este de import. Tot în cadrul acestui paragraf autorul încearcă să demonstreze existenţa unor relaţii interculturale, care uneori puteau avea chiar tentă comercială, prin analiza „obiectelor străine", a căilor de pătrundere dar şi aportul lor în dezvoltarea culturii materiale locale. Şi, nu în ultimul rând, este redată activitatea ritual-religioasă, marcată prin prezenţa a două gropi cu depuneri, care în parte şi totodată în ansamblu relevă unele date rituale specifice dar şi coraportate la un areal mai mare.

Paragraful 7 „*Perioada de evoluţie şi Cronologia Culturii arheologice Lăpuş II - Gáva I*" este unul vast şi de importanţă majoră. În baza materialelor existente, autorul face o încercare de a încadra cronologic nivelului de locuire Lăpuş II - Gáva I. Mai întâi de toate se pune accentul pe ceramică, studiul tipurilor, subtipurilor şi al motivelor ornamentale având drept scop principal analiza comparativă cu ceramica grupurilor culturale din perioada târzie a bronzului. Astfel s-au depistat similitudini cu vasele prezente în Lăpuş II şi Gáva I. Totodată s-au reliefat şi unele elemente din cultura Suciu de Sus, dar mai ales transmiterea unor elemente în Gáva II. Din cadrul pieselor de bronz, doar un cuţit de tip Baierdorf are relevanţă cronologică, datându-se în BzD şi HaA1, astfel autorul considerând posibilă datarea aşezării cu faza Ha A1. Totuşi, autorul susţine că începutul aşezării şi legătura ei cu nivelul de locuire Suciu de Sus nu au putut fi surprinse foarte clar, cu atât mai mult cu cât complexele arheologice, unde apare ceramica ambelor locuiri, nu poate reprezenta un argument forte pentru susţinerea ideii utilizării simultane a celor două stiluri ceramice. Totodată posibilitatea suprapunerii cronologice nu este exclusă. Deşi autorul nu poate afirma cu exactitate, totuşi el susţine ideea de a fixa începutul aşezării Lăpuş II - Gáva I în perioada târzie a etapei BzD şi a etape HaA1. De asemenea este complicată fixarea exactă a sfârşitul aşezării, care cu siguranţă este încadrată în etapa HaA, dat fiind faptul că nu a fost posibilă depistarea fazei concrete. În urma celor expuse, autorul concretizează că nivelul de locuire Lăpuş II - Gáva I, reprezintă un orizont cultural nou în Câmpia Sătmăreană, care îşi are începutul după sfârşitul culturii Suciu de Sus şi se încheie înainte de perioada de expansiune a culturii Gáva.

În capitolul V „*Concluzii. Contribuţiile cercetărilor de la Petea-Csengersima la cunoaşterea epocii Bronzului Târzii* "reprezintă rezulatele întregului studiu cu un lot mare de concluzii şi idei noi, propuse pentru circuitul ştiinţific. Capitolul propriu-zis nu este divizat în paragrafe, dar are o structură internă. Autorul începe cu orizontul de locuire Suciu de Sus, făcând o scurtă caracteristică a perioadei în care a funcţionat aşezarea. După aceasta urmează analiza materialelor arheologice, prin comparare cu alte situri din alte zone, şi constatarea unor diferenţe pe care autorul le defineşte ca „particularităţi regionale". Totodată, sunt făcute un şir de constatări cu privire la evoluţia din fazele timpurii ale culturii (faza Suciu de Sus I, faza Suciu Ia şi faza Suciu IIb) prin intermediul analizei şi depistării analogiilor, a elementelor comune, cât şi a continuităţii sau a influenţei tradiţiilor.

Ulterior autorul continuă cu un scurt istoric al genezei orizontului Lăpuş II - Gáva I, care coincide cu începutul utilizării ceramicii „negre-roşii"; perioada cronologică, care în pofida faptului că nu a putut fi fixată concret, totuşi este plasată undeva la finele etapei BzD sau pe parcursul etapei HaA1. În baza analizei materialului ceramic, autorul constată că „noul" orizont cultural este exprimat printr-un set de forme ceramice şi ornamente care sunt diferite faţă de cele din mediile culturale învecinate. În linii generale, au fost trasate concluzii, care pe parcursul textului au fost elucidate separat, sau în contextul problemelor generale ale epocii. La finele capitolului autorul prezentă un tabel care relevă corelaţia dintre culturile arheologice ale Bronzului Mijlociu şi cel Tardiv în regiunea Tisei Superioare.

Capitolul VI „*Anexe*" cuprinde două compartimente, unul dintre care este dedicat descrierii complexelor arheologice şi altul celei arhezoologi-

ce a materialului faunistic. Primul, a fost realizat în colaborare cu Katalin Almássy şi cuprinde descrierea detaliată a fiecărui complex, cu atribuire cronologică şi statistica ceramicii (sub formă de tabel), cu indicarea formelor, compoziţiei pastei şi tipurilor de ornament. Al doilea, a fost realizat de către Elisabeta Berendi şi reprezintă descrierea materialului faunistic pentru ambele orizonturi culturale din cadrul sitului Petea-Csengersima. Studiul prezintă un şir de tabele (care conţin date statistice referitoare la tipurile de animale), un şir de diagrame, câteva poze şi literatura de specialitate.

Publicaţia este susţinută de o bogată şi variată listă bibliografică, şi aici mă refer şi ţin să atrag atenţia asupra diversităţii lucrărilor la care s-a făcut trimitere. Autorul a utilizat publicaţii care au ieşit de sub tipar timp de aproximativ şapte decenii, în peste opt limbi.

Studiul mai este însoţit de un vast material grafic şi ilustrativ, care reprezintă în cele mai mici amănunte complexitatea şi varietatea complexelor şi a vestigiilor arheologice din cadrul sitului supus studiului. Şi aici pot fi menţionate: hărţi, figuri (desene ale complexelor îmbinate cu poze din săpătură), planşe tipologice şi planşe.

Lucrarea se evidenţiază prin calitatea înaltă a materialului grafic şi ilustrativ cât şi prin varietatea formelor de redare.

În concluzie, ţinem să remarcăm că lucrarea **„The Late Bronze Age Settlements of Petea - Csengersima”,** care a servit drept obiect de cercetare pentru studiul de faţă, reprezintă un volum vast de informaţii importante pentru elucidarea unor probleme legate în mare parte de perioada tardivă a epocii Bronzului, cu unele incursiuni în perioada hallstattiană timpurie. Elementele importante folosite de către autor, precum: descrierea detaliată a materialului arheologic, încadrarea cronologică, teritorială, utilizarea analizei comparative, tipologizarea şi, nu în ultimul rând, corelarea şi coraportarea sitului cu altele mai timpurii, sincrone sau în unele cazuri, mai târzii oferă studiului o structură complexă. În opinia noastră, lucrarea de faţă reprezintă un studiu exhaustiv, redat într-o manieră ştiinţifică, dar accesibilă, ce poate servi drept exemplu în ceea ce priveşte modul de cercetare a unei microzone arheologice.

01.07.2013

Livia Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, nr. 121 A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: livermur@yahoo.com

Lista abrevierilor

ActaMM	Acta Moldavie Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
AIIA Iaşi	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol", Iaşi
AISC	Anuarul Institutului de Studii Clasice Cluj , Sibiu
AJA	American Journal of Archaeology, Boston
AMIT	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Berlin
ArchÉrt	Archaeologiai Értesítő, Budapest
L'Anthropologie	L'Anthropologie, Paris
Apulum	Acta Musei Apulensis. Arheologie, Istorie, Etnografie
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
Athenaeum	Athenaeum. Studi Periodici di Litteratura e Storia dell'Antichità
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassiensis, Iaşi.
BerRGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Institutes, Frankfurt am Main
BMA	Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, Piatra-Neamţ
BPS	Baltic-Ponties Studies, Poznan
Britannia	Britannia. A Journal of Romano-British and Kindred Studies
BSNR	Buletinul Societăţii Numismatice Române, Bucureşti
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CAANT	Cercetări arheologice în aria nord-tracă. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
CCA	Cronica cercetărilor arheologice
CCDJ	Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, Călăraşi
Chiron	Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts, München
Codrul Cosminului	Codrul Cosminului, Universitatea „Ştefan cel Mare" Suceava
Current Anthropology	Current Anthropology. Boston University, Boston
Dacia N.S.	Dacia. Nouvelle Série: Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, Bucureşti
Eurasia Antiqua	Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens, Berlin
Hierasus	Hierasus. Acta Moldaviae Septentrionalis, Botoşani
Hyperboreus	Hyperboreus. Bibliotheca Classica Petropolitana, St. Petersburg
Historia	Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte, Wiesbaden
Ialomiţa	Ialomiţa (Studii şi comunicări). Muzeul Judeţean Ialomiţa, Slobozia
ISM	Inscripţiile din Scythia Minor, Bucureşti
Istros	Istros, Buletinul Muzeului Brăilei, Brăila
KözlKolozsvár	Közlemények az Erdély Nemzeti Múzeum, Érem- és Régiségtárából, Kolozsvár. Cluj-Napoca
LGPN	A Lexicon of Greek Personal Names, Oxford

LIMC	Lexicon iconographicum mythologiae classicae, Zürich
MCA	Materiale şi cercetări arheologice, Bucureşti
Memoria Antiqvitatis	Memoria Antiqvitatis. Acta Musei Petrodavensis, Piatra Neamţ
MitteArchIst	Mitteilungen des Archäologischen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Budapest.
Mousaios	Mousaios. Muzeul Judeţean Buzău, Buzău
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pontica	Pontica. Studii şi materiale de istorie, arheologie şi muzeografie, Constanţa
Prehistoire Europeenne	Prehistoire Europeenne. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, Liège
Przeglad archeologiczny	Przeglad archeologiczny, Poznan
PZ	Prähistorische Zeitschrift, Berlin
Quaternaire	Quaternaire, Paris
RE	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău
Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica. Universitatea „A.I. Cuza", Iaşi
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
SCN	Studii şi Cercetări de Numismatică, Bucureşti
Slovenska Archeologia	Slovenska Archeologia, Bratislava
Stratum plus	Stratum plus. Şcoala Antropologică Superioară, St.-Peterburg-Chişinău-Odessa
Thetis	Thetis. Mannheimer Beiträge zur Klassischen Archäologie und Geschichte Griechenlands und Zyperns, Mannheim
Thracia	Thracia, Sofia
Thraco-Dacica	Thraco-Dacica. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
UPA	Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bonn
Zargidava	Zargidava, Bacău
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik
Археология	Археология, София
Археологія	Археологія, Кїив
Археологические вести	Археологические вести, Москва
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АКМ	Археологическая карта Молдавской ССР, Кишинев

АО	Археологические Открытия, Москва
АСГЭ	Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт Петербург
БКПЧП	Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода, Москва
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ЗООИД	Записки Одесского общества изучения древностей, Одесса
Карпатика	Карпатика. Институт Карпатоведения, Ужгород
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения Института Истории Материальной Культуры, Москва-Ленинград
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Археологического Музея, Одесса
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭ МССР	Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР, Кишинев
РА	Российская Археология, Москва
СА	Советская Археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
ССПК	Старожитності Степового Причономор'я і Криму, Запоріжжя
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revistă prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere, (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se va prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 decembrie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 December

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате A4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG- не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 декабря

BONS OFFICES
Casa Editorial Poligrafică

Casa editorial-poligrafică „Bons Offices”
mun. Chişinău, mun. Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
tel/fax.: 500-894; tel.: 500-895, 500-578
e-mail: ion@bons.md